

Срединное царство, том 1 (из 2).
Обзор географии, правительства,
литературы, общественной жизни,
искусства и истории Китайской
империи и ее жителей

С. Уэллс Уильямс

The Project Gutenberg eBook of The Middle Kingdom, Volume 1 (of 2)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях лицензии Project Gutenberg License, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Среднее королевство, том 1 (из 2)

Автор: С. Уэллс Уильямс

Дата выхода: 8 сентября 2018 [eBook #57868]

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Генри Флауэром и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, любезно предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ СРЕДНЕЕ КОРОЛЕВСТВО, ТОМ 1 (ИЗ 2) ***

Электронный текст подготовлен Генри Флауэром и командой онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. См. <https://archive.org/details/middlekingdomsu01will>

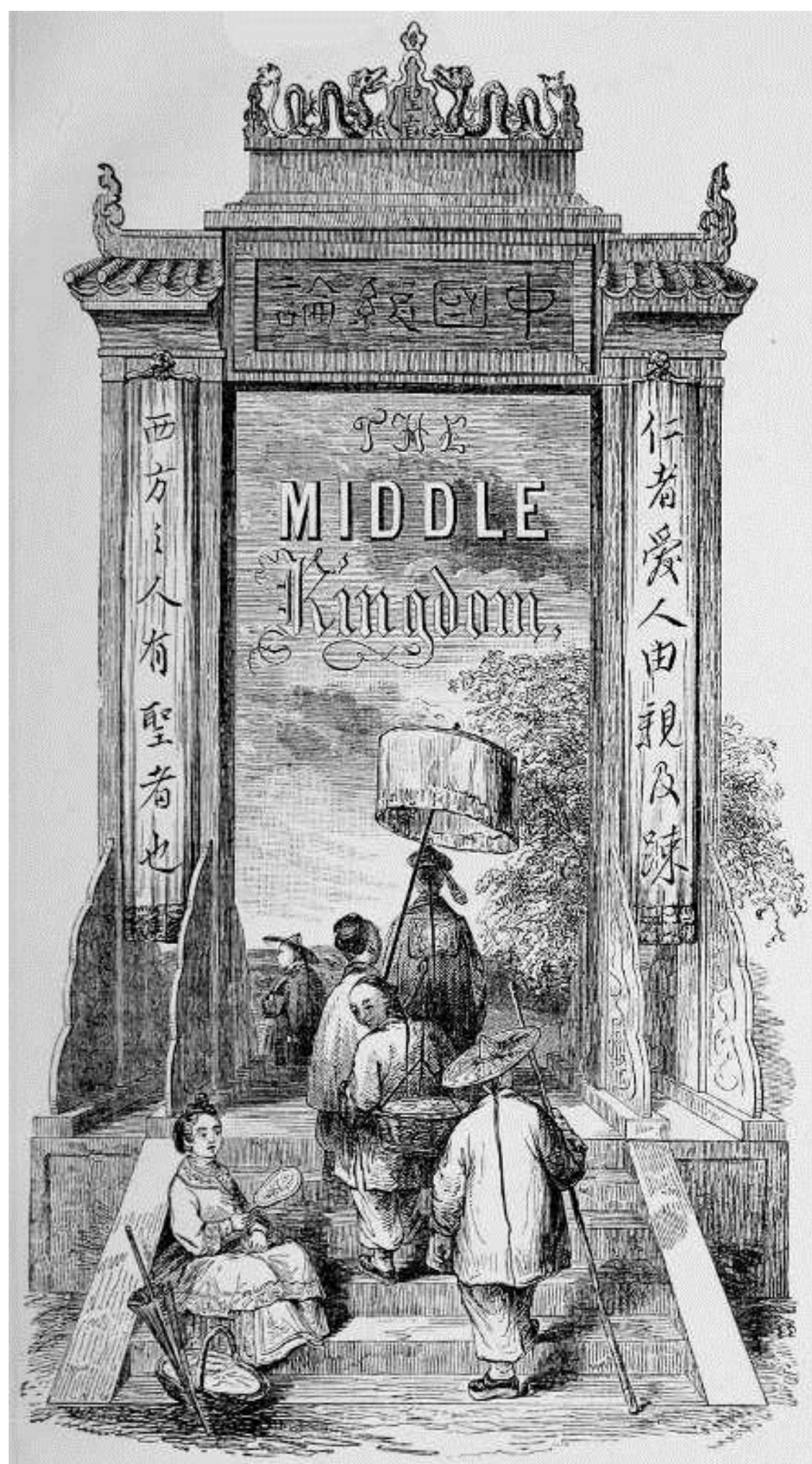
Примечание транскриптора

Изображения с синими рамками - это ссылки на версии иллюстраций в более высоком разрешении. Наведите курсор на изображение и щелкните, чтобы увидеть его в более высоком разрешении.

Некоторые символы могут не отображаться в этой html-версии (*например*, пустые квадраты). В этом случае читателю следует обратиться к оригинальным изображениям страниц, указанным выше.

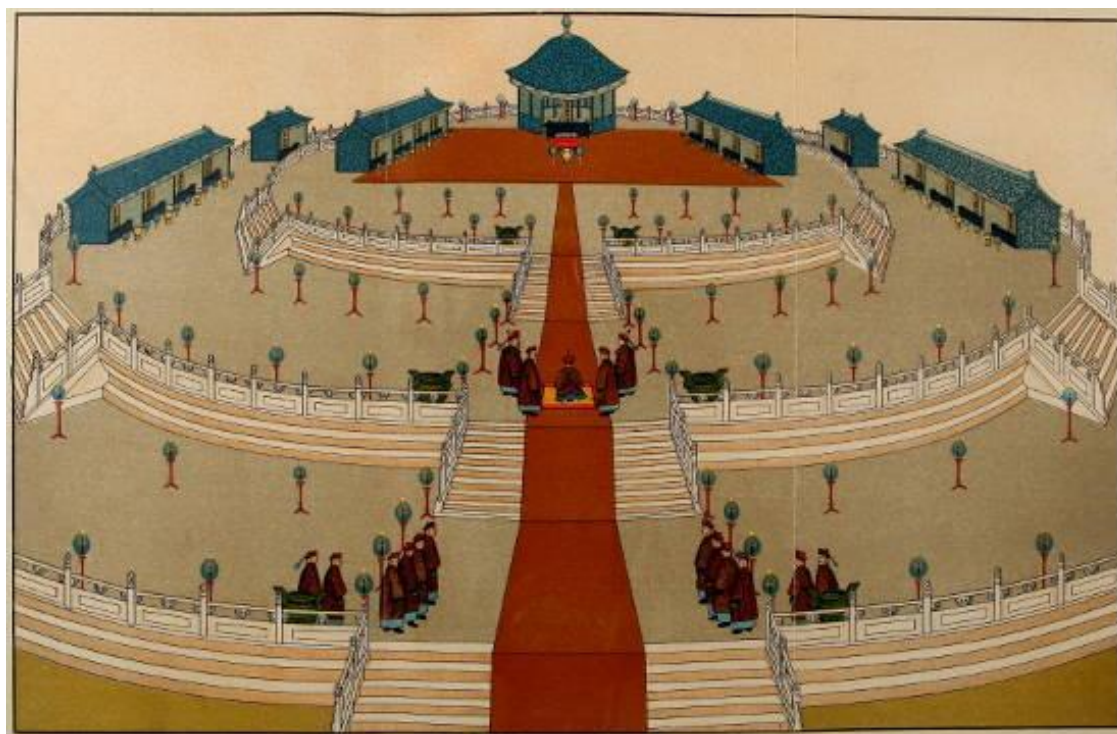
Большие таблицы были переформатированы для размещения на меньших экранах.

Заголовки страниц форматируются как боковые сноски.

На рисунке изображен император Хиенфунг в сопровождении своих главных министров, стоящий на коленях перед святилищем Хванг-Тиен Шангти. Хотя ни один иностранец не был свидетелем этой церемонии, несколько слов об этом туземном изображении прояснят основные объекты поклонения.

На тройном алтаре, или Тьен Тан (том I., стр. 76), центральная временная святыня посвящена Хванг-Тьен Шангти, или "Императорскому Небесному Правителю над головой". Справа от императора, ближе к главному павильону, находятся таблички, посвященные его предкам, Тьенмингу, Шунчи, Юнчингу и Киакингу; соответствующий дом напротив аналогичным образом посвящен Тьенцунгу, Канги, Кьенлунгу и Тауквангу. Небольшие здания позади и под ними - это Таминг чи вэй, "Алтарь солнца" или "Великий светильник" (справа), и Йе-минг чи вэй, "Алтарь ночного светила". В последнем строении справа от поклоняющегося находятся таблички, посвященные Чау-тиен Синг, или "Всем звездам"; Урх-ших пат Сусинг, или "Двадцати восьми созвездиям в эклиптике"; Пех-тан Синг, или Урса Майор; и Мух, Кин, Шуй, Фо и Ту, или пяти элементам - "Дереву, металлу, воде, огню и земле". Напротив этого здания слева находятся святилища Сиуех-шз', Юй-шз', Фунг-шз' и Люй-шз', управляющих снегом, дождем, ветром и громом.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПОКЛОНЕНИЕ ШАНГТИ НА АЛТАРЕ НЕБА В ПЕКИНЕ.

С КИТАЙСКОЙ КАРТИНЫ

Среднее королевство

ОБЗОР ГЕОГРАФИИ, ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЛИТЕРАТУРЫ, ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ИСКУССТВА
И ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ

С. УЭЛЛС УИЛЬЯМС, Л.Д.

ПРОФЕССОР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ЙЕЛЬСКОМ КОЛЛЕДЖЕ; АВТОР
ТОНИЧЕСКОГО И СЛОГОВОГО СЛОВАРЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

ПЕРЕСМОТРЕННОЕ ИЗДАНИЕ, С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ И НОВОЙ КАРТОЙ ИМПЕРИИ

Том I.

НЬЮ-ЙОРК
СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА
1900

Copyright, 1882, by CHARLES SCRIBNER'S SONS

Типография и переплетная компания Трой
201-213 Восточная Двенадцатая улица
НЬЮ-ЙОРК

ГИДЕОНУ НЬЮ, младшему, из КАНТОНА, КИТАЙ,
ТЕСТИМОНИАЛ УВАЖЕНИЯ И ДРУЖБЫ АВТОРА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

За тридцать пять лет, прошедших с момента выхода первого издания этой работы, в политическом и интеллектуальном развитии Китая был достигнут, вероятно, больший прогресс, чем за все предыдущие столетия его истории. Хотя ни общественные устои, ни принципы правления не изменились настолько, чтобы потребовать полного переписывания этих страниц, тем не менее в настоящих томах рассказывается о реформированной и во многих отношениях современной нации. При новом режиме центральная администрация радикально повысила свой авторитет среди провинциальных правителей и более чем когда-либо в прежние годы сумела сохранить контроль над их притязаниями. Кроме того, империя установила свои внешние отношения на хорошо понятной основе с помощью

аккредитованных посланников; это скоро повлияет на массу народа благодаря более широким возможностям торговли, присутствию путешественников, распространению образования и другим средствам, которые пробуждают народ от летаргии. Уже сейчас мощно действуют влияния, которые постепенно изменяют облик общества.

В книгу были внесены изменения и дополнения, необходимые для описания страны в ее новом свете. В постоянном стремлении сохранить удобный размер, каждое сомнительное или лишнее предложение было удалено, а включенные новые материалы увеличили объем настоящего издания примерно на одну треть. Расположение глав осталось прежним. В первых четырех, посвященных географии, собрано столько точных сведений о недавних исследователях или жителях, сколько позволяют пропорции этого раздела.

Внепровинциальные районы описаны на основе исследований русских, английских и индийских путешественников последних двадцати лет. По большей части это пустая, гористая территория, которая никогда не сможет прокормить большое население. При составлении карты империи картограф Джейкоб Уэллс старался использовать самые достоверные карты. Сопоставив и уменьшив до масштаба съемки и маршрутные карты надежных путешественников по колониям, он создал во всех отношениях настолько точную карту Центральной Азии, насколько это возможно на сегодняшний день. Восемнадцать провинций в основном те же, что и на моей прежней карте.

Глава, посвященная переписи населения, по большей части остается без изменений, поскольку до тех пор, пока не будет проведена методичная проверка империи, важные вопросы, касающиеся ее населения, должны быть отложены. Стоит заметить, что со времени первой публикации этой главы для населения Китая были приняты в целом оценки, приведенные в ней, или гораздо большие цифры. Иностранные студенты, изучающие естественную историю Китая, своими исследованиями в каждом отделе предоставили материал для более обширных и точных описаний по этому предмету, чем можно было собрать два десятилетия назад. Поэтому шестая глава была почти полностью переписана и включает в себя настолько полное изложение этой обширной области, насколько это позволяет место или терпимо для широкого читателя. Специалист, однако, быстро поймет, что этот беглый взгляд служит скорее для того, чтобы показать, насколько обширна и несовершенна эта тема, чем для описания всего, что известно.

Та часть первого тома, которая посвящена законам и их применению, не допускает более чем нескольких незначительных изменений. Как бы ни была хороша теория юриспруденции, народу приходится многое терпеть от несправедливости своих правителей, но еще больше - от собственных пороков. Пекинская газета" теперь регулярно переводится в шанхайских газетах, и в ней дается ценнейший обзор администрации.

Главы, посвященные языкам и литературе, значительно улучшены. Переводы и учебники, которые недавно были подготовлены стараниями иностранных ученых, можно перечислить лишь частично, хотя здесь, как и везде в работе, ссылки в подстрочных примечаниях призваны направить заинтересованного студента к библиографии по предмету и предоставить ему материалы для исчерпывающего исследования. Отечественная литература обширна, и все ее разделы внесли определенный вклад в формирование резюме, которое содержится в этом разделе, отдавая предпочтение конфуцианской классике. В четырех последующих главах рассказывается об искусстве, промышленности, быте и науке китайцев, причем обзор должен быть очень быстрым, поскольку эти особенности китайской жизни уже хорошо известны иностранцам. Однако в стремлении передать их социальные и экономические особенности не было упущено ничего оригинального или своеобразного. Эмиграция многих тысяч жителей Квантуна в течение

последних тридцати лет сделала эту провинцию представителем других среди иностранных народов; можно добавить, что ее жители по своей предприимчивости, бережливости и морским привычкам вполне могут стать типами целого.

История и хронология стали более полными благодаря добавлению нескольких фактов и таблиц; [1], но область исследований в этом направлении еще почти не определена, и лишь немногие определенные даты были установлены до эпохи Конфуция. Весь континент Азии должен быть тщательно исследован с точки зрения его географии, древностей и литературы, чтобы пролить свет на восточную часть. История Китая представляет собой интересную тему для ученого, который посвятит свою жизнь ее выяснению из массы отечественной литературы.

Две главы, посвященные религиям и тому, что было сделано за последние полвека для развития христианских миссий, несколько расширены и доведены до настоящего времени. Изучение китайских религиозных верований современными учеными позволило им провести сравнение с другими системами азиатских народов, а также более определенно обсудить местные верования.

Глава о торговле Китая имеет значение, соизмеримое с ее растущим объемом. В течение последних десяти лет торговля опиумом подвергалась нападкам в ее моральном и коммерческом отношении между Китаем, Индией и Англией. Есть основания надеяться, что британское правительство освободится от всякой связи с ней, что станет триумфом справедливости и христианства. В оставшейся части II тома описываются события во взаимодействии Китая с внешним миром, включая краткий рассказ о восстании Тай-пина, которое в значительной степени было вызвано иностранными идеями. Насколько мне известно, до сих пор не было подготовлено связного или удовлетворительного повествования о событиях, которые заставили одну из величайших наций мира занять подобающее ей положение. Краткое изложение одного из самых необычных событий современности должно быть небезынтересным для всех.

Работа по сгущению огромного количества достоверной информации о Китае в этих двух томах была сопряжена со значительным трудом. Я убежден, что будущие авторы, следуя примеру Рихтхофена, Юла, Легге и других, будут ограничиваться лишь отдельными или близкими темами, а не пытаться составить такой всеобъемлющий синопсис, как представленный здесь. На сайте количество иллюстраций в этом издании увеличено почти вдвое, причем добавленные иллюстрации подобраны с особым вниманием к предмету. Я пользовался всеми источниками информации, которыми мог располагать, должное признание которых дано в сносках, а обширные ссылки - в указателе.

Переработка этой книги была медленным, но постоянным занятием в течение нескольких лет. Когда, наконец, я закончил работу над пересмотренной копией и принял меры по ее публикации, в марте 1882 года мое здоровье пошатнулось, и в результате частичного паралича я стал неспособен к дальнейшему труду. Мой сын, Фредерик Уэллс Уильямс, который уже просматривал копию, теперь полностью взял на себя ответственность за публикацию. Я был уверен, что он справится с обязанностями редактора, так как уже имел общее представление о Китае и книгах, которые являются лучшим авторитетом. Работа была проделана хорошо, особенно три последние главы были улучшены благодаря его тщательному пересмотру и особому изучению недавней политической истории Китая. Указатель - его работа, и на протяжении всей книги я обязан его тщательному контролю, особенно в главах, посвященных географии и литературе. К началу этого года я настолько поправился, что смог руководить печатанием и просматривать гранки второго тома.

Мои переживания за сорок три года жизни в Китае совпали с изменениями, которые постепенно привели к открытию страны. Среди наиболее важных из них можно назвать прекращение деятельности Ост-Индской компании в 1834 году, войну с Англией в 1841-42 годах, ликвидацию монополии купцов из Хонга, открытие пяти портов для торговли, неприятное нападение на город Кантон, которое произошло в результате действий Лорча Арроу, операции в окрестностях Пекина, учреждение иностранных легаций в этом городе и, наконец, в 1873 году мирное урегулирование *Котоу*, которое сделало возможным приближение иностранных министров к присутствию императора. Те, кто прослеживает руку Божью в истории, увидят в столь быстрых и великих переменах в империи предвестие исполнения Его замыслов; ведь пока происходили эти политические события, Библия распространялась, а проповеднические и просветительские труды миссионеров тихо и без особого противодействия совершали свою благодатную работу среди народа.

По прибытии в Кантон в 1833 году я вместе с двумя другими американцами был официально доложен хонскому купцу Кингкуа как *фан-квай*, или "иностранные дьяволы", которые пришли жить под его опекой. В 1874 году, будучи секретарем американского посольства в Пекине, я сопровождал достопочтенного Б. П. Эвери в присутствии императора Тунчи, когда министр Соединенных Штатов вручал ему верительные грамоты на условиях полного равенства с "Сыном Неба". Имея два таких опыта в течение жизни и помня об огромном интеллектуальном и моральном развитии, которое необходимо, чтобы привести независимое правительство из положения принуждения одного из них в положение уступки другому, не странно, что я уверен в великом будущем для сыновей Хана; но прогресс чистого христианства будет единственным адекватным средством, чтобы спасти конфликтующие элементы, вовлеченные в такой рост, от уничтожения друг друга. Что бы ни ждало их впереди, можно с уверенностью сказать, что страна прошла период пассивности. Для Китая больше не существует покоя праздности и уединения, когда в своей непомерной гордыне она смотрела на народы, как на звезды, до которых ей нет никакого дела.

В этом пересмотре я преследовал ту же цель, что и в предисловии к первому изданию, - избавить китайский народ и цивилизацию от того особого и неопределенного впечатления насмешки, которое так часто производили на них иностранные авторы. Я постарался показать лучшие черты их национального характера, а также то, что до этого времени у них не было возможности узнать многие вещи, с которыми они теперь быстро знакомятся. Скоро пройдет то время, когда жителей Цветочной страны можно будет с полным основанием причислить к нецивилизованным народам. Стимулом, который в течение всех моих ранних и более поздних лет постоянно присутствует в моем сознании, является надежда на то, что дело миссии может быть продвинуто. В успехе этого дела кроется спасение Китая как народа, как в моральном, так и в политическом аспектах. Этот успех требует, чтобы справедливые служители шли в ногу с нуждами народа. Они будут готовы сами взяться за работу и присоединиться к многообразным операциям иностранных цивилизаций. Вскоре будут введены железные дороги, телеграф и мануфактуры, а за ними должно последовать все, что может способствовать просвещению миллионов китайцев во всех сферах религиозной, политической и домашней жизни.

Сошествие Святого Духа обещано в последние времена, и подготовительная работа к этому сошествию совершается в гораздо большем соотношении, чем когда-либо прежде, и с большими возможностями для ее окончательного завершения. Обетование этого Духа исполнит пророчество Исаии, произнесенное еще до эпохи Конфуция, и Божий народ придет из земли Синима и присоединится к гимну хвалы вместе со всеми племенами под солнцем.

S. W. W.

Нью-Хейвен, июль, 1883.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I.

ГЛАВА I.

СТРАНИЦА

Общие разделы и особенности империи,

1-48

Необычайный интерес к изучению Китая, 1; название *Китай*, вероятно, представляет собой искажение от *Цинь*, 2; другие азиатские названия страны, 3; древние и современные туземные обозначения, 5; размеры империи, 6; три ее великих подразделения: *Восемнадцать провинций*, *Маньчжурия* и *колонии*, 7; Собственно Китай, его названия и пределы, 8; Четыре большие горные цепи, 10; Тянь-шань, там же; Квэнлун, 11; Системы Хин-ань и Гималаи, 13; "Синийская система" гор Пампелли, 14; Пустыня Гоби и Ша-мох, 15; Ее характер и различные названия, 17; Реки Китая: Желтая река, 18; Янцзы, 20; Чу или Жемчужная река, 22; Озера Китая, 23; Границы собственно Китая, 25; Характер его побережья, 26; Великая равнина, 27; Великая Китайская стена, ее ход, 29; Ее устройство и вид, 30; Большой канал, 31; Его история и современное состояние, 36; Малые каналы, 37; Общественные дороги, описание де Гинье, там же.; Общие аспекты ландшафта, 40; Физические характеристики китайцев, 41; Женщины, 42; Аборигены: Мяоцзы, Лоло, Ли-мус и другие, 43; Маньчжуры и монголы, 44; Достижения и пределы китайской цивилизации, 46.

ГЛАВА II.

Географическое описание восточных провинций,

49-

141

Ограниченные знания о зарубежных странах, 49; Топографии Китая, многочисленные и подробные, 50; Климат восемнадцати провинций, 50; О Пекине и Великой равнине, 51; О городах южного побережья, 53; Контраст в выпадении дождей между китайским и американским побережьями, 55; Тифоны, 56; Топографическое деление на *Фу*, *Тунг*, *Чау* и *Хуен*, 58; Положение и границы провинции Чили, 60; Таблица восемнадцати провинций, их подразделений и управления, 61; Положение, размеры и история Пекина, 62; Его стены и подразделения, 64; Запретный город (*Цзи Кун Чинг*) и императорская резиденция, 67; Императорский город (*Хван Цзин*) и его общественные здания, 70; так называемый "город татар", 72; храмы Неба и земледелия, 76; окрестности Пекина, 79; Тяньцин и Пэй-хо, 85; Долон-нор или Лама-мяо, 87; водотоки и продукция провинции, 88; Провинция Шаньтун, 89; Тайшань, "Великая гора", 90; Города, продукция и население Шаньтуна, 92; Шаньси, его природные особенности и ресурсы, 94; Тайюэнь, столица, 96; Дороги и горные проходы Шаньси, 97; Положение и аспект провинции Хонань, там же.; Кайфун, ее столица, 99; Провинция Киангсу, там же. 100; плодородие и обилие водных путей, 101 101; столица Нанкин, или Киангнинг, ; фарфоровая башня Нанкина, 102; Сучау, "Париж Китая", 103; Чинкианг и Золотой остров, 105; Шанхай, 106; провинция Нганхуэй, 109; Нганкин, Уху и Хвуичау, 110; провинция Киангси, 111; Наньчан, его столица, и река Кан, 112; фарфоровые заводы в Кингтехе в Яучау, 113; провинция

Чехкиан, ее реки, 114; Хангчау, столица, 115; Нинпо, 120; Чинхай и архипелаг Чусан, 123; Чапу, Канфу и "ворота Китая", 127; провинция Фухкиен, там же.; Река Минь, 128; Фухчау, 130; Амой и его окрестности, 134; Чинчеу (Цюенчау), древний Цайтон, 136; Положение, жители и продукция Формозы, 137; Пескадорские острова, 141.

ГЛАВА III.

Географическое описание западных провинций,

142-
184

Провинция Хупэ, 142; три города - Вучан, Ханьян и Ханькоу, 143; пейзажи на Янцзыцзяне, 145; провинция Хунань, ее реки и столица, 146; провинция Шэньси, 148; город Си-нгань, 150; Топография и климат провинции Кансук, 152; Провинция Сцзюэнь и ее четыре потока, 154; Чингту-фу и долина Мин, 156; Провинция Квантун, 158; Положение Кантона, или Кванчау, 160; Его население, стены, общий вид, 161; Улицы и две пагоды, 163; Храм долголетия и дом Хомам Джосс, 164; Другие святыни и Экзаменационный зал, 166; Иностранные фабрики, или "Тринадцать Хонгов", 167; Достопримечательности в пригородах Кантона, 169; Вэмпоя и Макао, 170; Колония Гонконг, 171; Достопримечательности Квантуна, 173; Остров Хайнань, 175; Провинция Кванси, 176; Провинция Квейчау, 178; Мяоцзы, 179; Провинция Юньнань, 180; Ее топография и местные племена, 183; Ее минеральные богатства, 184.

ГЛАВА IV.

Географическое описание Маньчжурии, Монголии, Илли и Тибета,

185-
257

Иностранные и китайские представления о земле Тартарии, 185; Таблица колоний, их подразделений и правительств, 186; Протяженность Маньчжурии, 187; Ее горные хребты, 188; Амур и его притоки, Ингода, Аргунь, Усури и Сонгари, 189; Природные ресурсы Маньчжурии, 191; Провинция Шингкинг, там же; Ее столица Мукден и другие города, ; Климат Маньчжурии, 195; Провинция Кирик, 196; Провинция Ци-ци-хар, ; Управление государством в Маньчжурии, 198; Природные ресурсы Маньчжурии, ; Провинция Шинкин, там же.; Ее столица Мукден и другие города, 192; Климат Маньчжурии, 195; Провинция Кирик, 196; Провинция Ци-ци-хар, 198; Управление государством в Маньчжурии, 199; Пространство Монголии, 200; Ее климат и деления, 201; Внутренняя Монголия, 202; Внешняя Монголия, 204; Урга, ее столица, там же.; Цивилизация и торговля монголов, 206; Кяхта и Маймайский чин, 207; Провинция Кобдо, 208; Провинция Коко-нор, или Цин-хай, 209; Ее топография и продукция, 211; Города между Великой стеной и Или, 213; Положение и топография Или, 215; Тянь-шань Пех-лу, или Северный округ, 218; Кульджа, его столица, 219; Тянь-шань Нань-лу, или Южный округ, 221; Бассейн Тарима, там же.; Города Южного округа, 224; Кашгар, город и правительство, 227; Яркенд, 229; Округ Хотен, 230; Управление правительством в Или, 231; История и завоевание страны, 233; Тибет, его границы и названия, 237; Топография провинции, 239; Климат и производство, 241; Як и дикие животные, там же; Разделы: Передний и Внутренний Тибет, 244; Х'ласса, столица, 245; визит Мэннинга к Далай-ламе, 246; Шигатсе, столица Внутреннего Тибета, 247; *Ом мани падми хум*, 249; нравы и обычаи в Тибете, 251; язык, 252; история, 254; правительство, 255.

ГЛАВА V.

Население и статистика,

258-
295

Интерес и трудности этого предмета, 258; Исследование переписей населения,

проведенное Ма Тван-линем, 260; Таблицы различных переписей, 263; Эти оценки рассмотрены подробно, 265; Четыре из них надежны, 269; Доказательства в их пользу, 270; Сравнительная плотность населения Европы и Китая, 272; Соотношение пахотных и непродуктивных земель, 274; Источники и виды продовольствия в Китае, 276; Тенденция к увеличению населения, 277; Препятствия к эмиграции, 278; Забота правительства о народе, 280; Плотность населения вблизи Кантона, там же.; Способ проведения переписи при хане Хубилае, 281; Нынешний способ, 282; Причины признания китайской переписи, 285; Два возражения против ее принятия, 286; Неудовлетворительная статистика доходов в Китае, 289; Доходы провинции Квантун, 290; Сметы Медхерста, Де Гинье и других, 291; Основные статьи расходов, 292; Оплата военных и гражданских чиновников, 293; Земельный налог, 294.

ГЛАВА VI.

Естественная история Китая,

296-
379

Иностранные ученые и исследователи в Китае, 296; Интересные геологические особенности, 297; Лёссовая формация Северного Китая, там же; Ее удивительная польза и плодородие, 300; Теория барона Рихтгофена о ее происхождении, 303; Полезные ископаемые собственно Китая: Уголь, 304; Строительные камни, соли, нефрит и т.д., 307; Драгоценные металлы и их добыча, 310; Животные империи, 313; Обезьяны, 314; Различные плотоядные животные, 317; Крупный рогатый скот, овцы, олени и т.д., 320; Лошади, свиньи, верблюды и т.д., 323; Мелкие животные и грызуны, 326; Китообразные в китайских водах, 329; Хищные птицы, 331; Воробьиные, певчие птицы, пичуги и т. д., 332; Голуби и тетерева, 335; Разновидности фазанов, 336; Павлины и утки, 338; Вольер в Кантоне, 340; Четыре сказочных животных: *Ки-лин*, 342; *Фун-хван*, или птицеед, 343; *Лунг*, или дракон, и *Квей*, или черепаха, 344; Аллигаторы и змеи, 345; Ихтиология Китая, 347; Золотые рыбки и способы их разведения, 348; Панцирные рыбы южного побережья, 350; Насекомые: Шелкопряды и жуки, 352; Восковой червь: Туземные представления о насекомых, 353; Студенты-ботаники в Китае, 355; Флора Гонконга, хвойные, травы, 356; Бамбук, 358; Разновидности пальм, лилий, клубней и т.д., 360; Леса и древесина, 362; Ревень, китайский "финик" и "олива", 364; Плодовые деревья, 366; Цветущие и декоративные растения, 367; *Пун-цао*, или китайская трава, 370; Ее медицина и ботаника, 371; Ее зоология, 374; Ее наблюдения над лошастью, 375; Состояние естественных наук в Китае, 377.

ГЛАВА VII.

Законы Китая и план его управления,

380-
447

Теория китайского правительства патриархальная, 380; Принципы наблюдения и взаимной ответственности, 383; Уголовный кодекс Китая, 384; Предисловие императора Шуньчи, 385; Его общие, гражданские и фискальные отделы, 386; Ритуальные, военные и уголовные законы, 389; Кодекс выгодно отличается от других азиатских законов, 391; Недостатки китайского кодекса, 392; Общий обзор китайского правительства, 393; 1, Император, его должность и титулы, там же.; Прокламация Хунву, первого маньчжурского императора, 395; Особенности имен императоров, 397; *Квох хао*, или национальные, и *Мяо хао*, или родовые имена, 398; Стил ь инаугурационной прокламации императора, 399; Программа коронационных церемоний, 401; Достоинство и святость личности императора, 402; Контроль над правом наследования, 403; Императорский клан и титулованная знать, 405; 2, Двор,

его внутреннее устройство, 407; императорский гарем, 408; положение вдовствующей императрицы, 409; охрана и эскорт дворца, 410; 3, классы общества в Китае, 411; восемь привилегированных классов, 413; девять почетных "пуговиц", или рангов, 414; 4, центральное управление, 415; *Нуй Кох*, или Кабинет министров, 416; *Киунь-ки Чу*, или Генеральный совет, 418; *Кинг Пао*, или *Пекинский вестник*, 420; Шесть коллегий (а) по гражданским делам - Ли Пу, 421; (б) по доходам - Ху Пу, 422; (в) по обрядам - Ли Пу, 423; (г) по войне - Пин Пу, 424; (е), о наказаниях - Хинг Пу, 426; (ф), о работах - Кунг Пу, 427; Колониальное управление, 428; Цензура, 430; откровенность и честность некоторых цензоров, 431; Передаточные и судебные суды, 433; *Ханьлин Юэнь*, или Императорская академия, 434; Малые столичные суды и колледжи, 435; 5, Провинциальные правительства, 437; Генерал-губернаторы (*цунтух*) и губернаторы (*футай*), 438; Подчиненные провинциальные власти, 441; Литературный, Налоговый и Соляной департаменты, 443; Табличное резюме провинциальных магистратов, 444; Военное и морское управление, 445; Специальные посланники, или комиссары, 446.

ГЛАВА VIII.

Управление законами,

448-
518

6, Исполнение законов, контроль над честолюбивыми чиновниками, 448; Трехгодичный каталог и его использование, 449; Характер и положение китайских чиновников, 451; *Красная книга*, или статус чиновников, 452; Типы китайских высших офицеров: Герцог Хо, 452; Карьера комиссара Сунга, 454; Общественная жизнь комиссаров Линь и Киин, 457; Популярность честных офицеров, проводы губернатора Чу, 462; Признания чиновников и прошения о наказании, 464; Императорская ответственность за общественные бедствия, 466; Моление императора Таукванга о дожде, 467; Им перские указы, их издание и фразеология, 469; Контраст между теорией и практикой китайского законодательства, 473; Вымогательства, практикуемые чиновниками всех рангов, 474; Зло плохо оплачиваемой полиции, 478; Страх и эгоизм народа, 480; Степень распространения клановых систем среди них, 482; Деревенские старейшины и клановая вражда, 483; Дакоиты и воры по всей стране, 486; Народные ассоциации - характер их манифестов, 488; Тайные общества, Триада, или Секта водяной лилии, 493; Мемориал о зле плохого управления, 494; Усилия властей по борьбе с разбойничеством, 497; Трудности в сборе налогов, 498; Характер судопроизводства в судах, 500; Учреждения высших магистратов, 503; Ведение уголовного процесса, 504; пытки, применяемые для получения признаний, 507; Пять видов наказаний, 508; Способы казни преступников, 512; Государственные тюрьмы, их жалкое состояние, 514; Влияние общественного мнения в борьбе с угнетением, 517.

ГЛАВА IX.

Образование и литературные экзамены,

519-
577

Стимулирование литературных занятий в Китае, 520; Основание нынешней системы конкуренции, 521; Предписания, контролирующие раннее образование, 522; Устройство и учебный план школ для мальчиков, 524; Шесть используемых учебников: 1, "Триметрическая классика", 527; 2, "Век фамилий" и 3, "Классика тысячи символов", 530; 4, "Оды для детей", 533; 5, "*Король Хяо*", или "Каноны филиального долга", 536; 6, "*Сыао хиох*", или "Наставник для несовершеннолетних", 540; средние школы и колледжи, 542; доля читателей в Китае, 544; частные школы и высшее образование, 545; система экзаменов на ученые степени и государственные должности, 546;

предварительные испытания, 547; экзамен на первую степень, *Сиу-цай*; 549: Для второй степени, *Ку-цзинь*, 550; Пример конкурсного сочинения, 554; Окончательные награды, присуждаемые в Пекине, 558; Подобная система применяется в армии, 560; Работа и результаты системы экзаменов, 562; Ее злоупотребления и коррупция, 566; Социальные различия и влияние, которыми пользуются выпускники, 570; Женское образование в Китае, 572; Авторы и школьные учебники, используемые, 574.

ГЛАВА X.

Структура китайского языка,

578-
625

Влияние китайского языка на литературу, 578; Рассказы туземцев о происхождении их иероглифов, 580; Рост и развитие языка, 581; Иероглифы, разделенные на шесть классов, 583; Развитие из иероглифики, 584; Фонетические и описательные свойства иероглифа, 587; Расположение иероглифов в лексиконах, 589; Классификация по радикалам, 591; Масса иероглифов в языке, 593; Шесть стилей письменных иероглифов, 597; Их элементарные штрихи, 598; Чернила, бумага и печать, 599; Производство и цена книг, 601; Родные и иностранные подвижные типы, 603; Фонетический характер китайского языка, 605; Способ различения слов схожего звучания, 609; *Шин*, или тоны языка, 610; Количество звуков или слов в китайском языке, 611; местные диалекты и патуа, 612; придворный или мандаринский диалект, 613; другие диалекты и вариации в произношении, 614; грамматика языка, 617; ее недостатки и упущения, 621; советы по ее изучению, 623; голубиный английский, 624.

ГЛАВА XI.

Классическая литература Китая,

626-
673

Императорский каталог как указатель китайской литературы, 626; Пять классиков: I. *Царь И*, или "Книга перемен", 627; II. *Король Шу*, или "Книга записей", 633; III. *Король Ши*, или "Книга од", 636; IV. *Ли Ку*, или "Книга обрядов", и другие ритуалы, 643; V. *Чунь Цю*, или "Записи весны и осени", 647; Четыре книги: 1, "Великое учение", 652; 2, "Справедливая среда", 653; 3, "*Лунь юй*", или "Аналекты" Конфуция, 656; жизнь Конфуция, 658; характер конфуцианской системы этики, 663; 4, сочинения Менция, 666; его жизнь и личный характер его учения, 667; словарь императора Канхи, 672.

ГЛАВА XII.

Вежливая литература китайцев,

674-
723

Характер китайской орнаментальной литературы, 674; Работы по истории Китая, 675; Исторические романы, 677; "Антикварные исследования" Ма Тван-линя, 681; Философские работы: Чу Хи о *Primum Mobile*, 683; Военные, юридические и сельскохозяйственные сочинения, 686; *Синг Ю*, или "Священные заповеди" Канхи, 687; Труды по искусству, науке и энциклопедии, 692; Характер и примеры китайской художественной литературы, 693; Поэзия: История Ли Тай-пе, 696; Современные песни и стихотворения, 704; Драматическая литература, бурлеты, 714; Фарс, 715; Недостатки и пределы китайской литературы, 719; Сборник китайских пословиц, 720.

ГЛАВА XIII.

Архитектура, одежда и диета китайцев,

724-
781

Представления иностранцев о китайских обычаях, 724; Архитектура китайцев, 726;

Строительные материалы и частные дома, 728; Их общественные и декоративные сооружения, 730; Устройство загородных домов и садов, 731; Китайские города: магазины и улицы, 736; Храмы, клубы и таверны, 739; Уличные сцены в Кантоне и Пекине, 740; Пагоды, их происхождение и строительство, 744; Способы передвижения, 747; Различные виды лодок, 749; Жизнь на воде в Китае, 750; *Лодки-шлюпки* и джонки, 752; Мосты, декоративные и практические, 754; Почетные порталы, или *пай-лау*, 757; Строительство крепостей и батарей, 758; Постоянство моды в китайском платье, 759; Укладка волос, Очередь, 761; Императорские и официальные костюмы, 763; Платье китайских женщин, 764; Сжатые ноги: происхождение и результаты моды, 766; Туалетные обычаи мужчин и женщин, 770; Пища китайцев, в основном растительная, 772; Виды и приготовление их мяса, 776; Способ высиживания и выращивания утиных яиц, 778; Огромное потребление рыбы, 779; Искусство приготовления пищи в Китае, 781.

ГЛАВА XIV.

Социальная жизнь китайцев,

782-
836

Особенности и профессии в китайском обществе, 782; Социальные отношения между полами, 784; Обычаи обручения и брака, 785; Законы, регулирующие браки, 792; Общее состояние женщин в Китае, 794; Личные имена китайцев, 797; Знакомые и церемониальные сношения: *Котоу*, 800; Формы и этикет посещения, 802; Китайский банкет, 807; Воздержание китайцев, 808; Праздники; Отсутствие субботы в Китае, 809; Обычаи и церемонии в день Нового года, 811; Праздник драконьих лодок и праздник фонарей, 816; Блеск и популярность процессий в Китае, 819; Игровые дома и театральные представления, 820; Развлечения и спорт: Азартные игры, шахматы, 825; Противоречия в китайском и западном обиходе, 831; Сила и слабость китайского характера, 833; Их лживость и обман, 834.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ В ПЕРВОМ ТОМЕ.

СТРАНИЦА

Поклонение императору в Храме Неба,

Фронтиспис

Титульный лист с изображением почетного портала, или *PAI-LAU*. (Два иероглифа *Shing chí* в верхней части указывают на то, что сооружение было возведено по императорскому приказу. На панели на перемычке четыре иероглифа "*Чунг Квох Цун-лун*", "*Общий рассказ о Срединном царстве*", выражают на китайском языке название этой работы. Справа надпись гласит: *Jin ché ngai jin yu tsin kih so*, "Тот, кто благосклонен, любит близких, а затем отдаленных"; другая сторона содержит выражение, приписываемое Конфуцию: "*Sí fang chí jin yu shing ché yé*", "У людей Запада есть свои мудрецы") - Сравните с р. 757.

Дорога, проложенная в лесах,

38

Ворота Ань-тин, Пекинская стена,

к лицу 63

План Пекина,

66

Портал Конфуцианского храма в Пекине,

74

Памятник, или топик, ламы, Хванг-Шзи, Пекин,	<i>лицом к лицу</i> 79
Вид на лессовые горы в Шанси,	97
Храм богини Ма Цу-пу, Нинпо,	<i>лицом к лицу</i> 123
Ущелье Лукан, река Янцзы. (Из Блэкистона.),	<i>столкнуться с</i> 146
Вид на улицу в Кантоне,	<i>к лицу</i> 168
Типы Мяотса,	179
Одомашненный як,	242
Фасад жилища в лессовых скалах, Ling-shí hien,	301
Угольное ущелье на реке Янцзы. (Из Блэкистона.),	<i>лицом к лицу</i> 306
ФИ-ФИ И ХАЙ-ТУХ. (С китайского разреза.),	316
Китайская свинья,	324
Способ перевозки свиней,	325
KÍ-LIN, или Единорог,	342
ФУНГ-ХВАНГ, или Феникс,	343
Различные стили официальных кепок,	414
Способ перевозки высших офицеров в седане,	503
Заклученный, приговоренный судом к каторге,	<i>встретиться</i> <i>лицом к лицу с</i> 504
Режим экспозиции в Sangue,	509
Публичная порка вора на улице,	511
Интерьер KUNG YUEN, или "Экзаменационного зала", Пекин,	<i>сталкиваться</i> 551
Китайские иероглифы и их современные эквиваленты,	584
Шесть стилей китайских иероглифов,	596
Поклонение Конфуцию и его ученикам,	665
Схема китайской конструкции крыши,	726
PIH-YUNG KUNG, или "Классический зал", Пекин,	<i>лицом к лицу</i> 730
Тачка, используемая для передвижения,	747
Мост в саду Вань-шао-шань, недалеко от Пекина,	754
Мост, демонстрирующий способ крепления арки,	756
Парикмахерское заведение,	760
Трюки с очередью,	762
Шествие дам к храму предков,	<i>сталкиваться</i> 765
Внешний вид костей стопы при сжатию,	767
Ноги китайских дам,	768
Форма женской туфельки,	769
Мальчики играют в азартные игры со сверчками,	826
Китайская шахматная доска,	827

ПРИМЕЧАНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО СИСТЕМЫ ПРОИЗНОШЕНИЯ, ПРИНЯТОЙ В ДАННОЙ РАБОТЕ.

В нем значения гласных следующие:

- 1. *a* как выделенные курсивом буквы в словах *father, far* (никогда как *a* в *hat*); например, *chang, hang* - звучит почти так же, как если бы писалось *chahng, hahng*, а не плоско, как в английских словах *sang, bang, man* и т.д.
- 2. *ä* как краткий *u* в *but* или как любой из выделенных курсивом гласных в *American, summer, mother*; немецкий *ö* приближается к этому звуку, а Wade пишет его *ê*; например, *păn, tăng*, произносится как *pun, tongue*.
- 3. *e* как в мужчинах, мертвых, сказанных; как *teh, shen, yen*.
- 4. *é*, французское *é*, как в *they, neigh, pray*; как *ché, yé*, произносится *chay, yay*.
- 5. *i* как в *pin, finish*; как *sing, lin, Chihlí*.
- 6. *í* как в машине, верить, чувствовать, *я*; как *lí, Kíshen, Kanghí*.
- 7. *o* как в *long, lawn*; *never* как *no, crow*; *as to, soh, po*.
- 8. *u* как в словах *rule, too, fool*; как *Turk, Belur, ku, sung*; произносится *Toork, Beloor, koo, soong*. Этот звук слышен менее полно в *fuh, tsun* и некоторых других словах; этот и следующий звуки можно считать эквивалентными двум звукам *u*, встречающимся в немецком языке.
- 9. *ü* почти как в *l'une* (франц.), или *union, rheum*; как *hü, tsü*.
- 10. *ai* как в *приделе, высоком* или более длинном, чем *i*, в *сосне*; как *Шанхай, Хайнань*. Сочетание *ei* более стройное, чем *ai*, хотя разница незначительна; например, *Kwei chau*.
- 11. *au* и *ao* как в словах *round, our, how*; как *Fuhchau, Macao, Taukwang*.
- 12. *éu* как в разговорной фразе *say 'em*; например, *chéung*. Этот дифтонг слышен в кантонском диалекте.
- 13. *ia* как в *yard*; например, *hia, kiang*; не должно звучать так, как если бы писалось *high-a, kigh-ang*, а как *heä, keäng*.
- 14. *iau* образуется путем соединения № 5 и 11; *hiau* - *Ляотунг*.
- 15. *ie* как в *sierra* (исп.), *Rienzi*; например, *hien, kien*.
- 16. *iu* как в *rew, pure*, удлинённый до дифтонга; *kiu, siun*.
- 17. *iue* образуется путем добавления короткого *e* к предыдущему; *kiuen, hiuen*.
- 18. *ui* как в *Луизиане, самоубийство*; например, *sui, chui*.

Согласные звучат в целом так, как они звучат в английском алфавите. *Ch*, как в церкви; *hw*, как в *when*; *j* мягкий, как *s* в *pleasure*; *kw*, как в *awkward*; *ng*, как инициал, как в *пении*, опустив первые две буквы; *sz'* и *tsz'* должны звучать полностью с одним дыханием, но ни один из английских гласных в них не слышен; звук останавливается на *z*; доктор Моррисон написал эти звуки *tsze* и *sze*, а сэр Томас Уэйд, чья система справедливо считается наиболее широко используемой, превратил их в *ssü* и *tzü*. *Hs* последнего, образованный путем опускания

первого гласного *шипящего*, автор пишет просто как *h*. *Urh*, или *'rh*, произносится как три последние буквы *мурлыканья*.

Все они, кроме № 12, звучат на придворном диалекте, который в настоящее время стал наиболее распространенным способом написания названий мест и лиц в Китае. Хотя иностранные авторы использовали разные буквы, все они намеревались писать один и тот же звук; таким образом, *chan*, *shan* и *xan* - это лишь различные способы написания 門; *a tsse*, *tsze*, *tsz'*, *ǝh*, *tzǔ* и *tzu* - 字. Однако это не относится к таким названиям, как *Макао*, *Гонконг*, *Амои*, *Уампоа* и другим, расположенным вдоль побережья, которые звучат в соответствии с местным патуа, а не с придворным произношением - *Ма-нгау*, *Хуангкуанг*, *Хуамун*, *Хвангпу* и т. д. Многие расхождения, встречающиеся в работах путешественников и писателей, объясняются тем, что каждый склонен следовать своей фантазии при транслитерации иностранных имен; единообразие в этом вопросе почти недостижимо. Даже в так называемом придворном диалекте существует большое разнообразие среди образованных китайцев, что объясняется традиционным способом заучивания звуков иероглифов. В этой работе и на карте звуки написаны единообразно в соответствии с произношением, приведенным в словаре Моррисона, но не в соответствии с его орфографией. Почти каждый автор, пишущий о китайском языке, кажется, склонен предложить новую систему, и в результате возникает большая путаница в написании одного и того же имени; например, *eull*, *olr*, *ul*, *ulh*, *lh*, *urh*, *'rh*, *í*, *e*, *lur*, *nge*, *ngí*, *je*, *jí* - это разные способы написания звуков, обозначающих один иероглиф. На фоне этих расхождений как между самими китайцами, так и теми, кто пытается уловить их произношение, практически невозможно прийти к единому способу написания названий мест. В этой работе был принят тот, который кажется наиболее удобным для произношения. Возможно, это можно считать несущественным, пока место известно, но для человека, живущего за границей и не знакомого с языком, такое расхождение является источником большой путаницы. Например, он не может решить, относятся ли *Тунг-нгань*, *Тунгон-хиен*, *Танг-ун* и *Тунгао* к одному и тому же месту или нет.

При написании китайских имен собственных авторы сильно различаются по стилю их расположения; так, встречаются *Фухчауфу*, *Фух-чау-фу*, *Фух-чау-фу*, *Фух-чау-фу* и т. д. Аналогия здесь мало чем поможет, так как *Нью-Йорк*, *Филадельфия* и *Кембридж* отличаются друг от друга по принципу написания: первое, будучи действительно образовано из прилагательного и существительного, в данном случае не соединяется с последним, как это происходит в *Ньюпорте*, *Ньютауне* и т. д.; второе похоже на общее название китайских городов, и хотя сейчас оно пишется как одно слово, оно было бы написано как два, если бы название переводилось как "Братская любовь"; но третье, *Кембридж*, несмотря на свое происхождение, никогда не пишется как два слова, и многие китайские названия подобны этому по происхождению. Таким образом, применяя эти правила, достаточно правильно, к китайским местам, они были написаны здесь как односложные слова: *Suchau*, *Peking*, *Hongkong*; дефис был вставлен в некоторых местах только для того, чтобы избежать неправильного произношения, как *Hiau-í*, *Sí-ngan*, и т.д. Вряд ли можно предположить, что эта система изменит названия, которые обычно пишутся иначе, да и вообще, что она будет соблюдаться с абсолютной последовательностью на следующих страницах; но принцип расположения, пожалуй, самый простой из всех возможных. Дополнения *fu*, *chau*, *ting* и *hien*, будучи классифицирующими терминами, должны составлять отдельное слово. В заключение можно сказать, что эта система может быть реализована лишь приблизительно в отношении имен собственных в колониях и за пределами империи.

ГЛАВА I. ОБЩИЕ ДЕЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИИ.

Владения правящей династии Китая - та часть азиатского континента, которую географы обычно называют Китайской империей, - представляют собой одну из самых обширных территорий, когда-либо находившихся под властью одной державы в любую эпоху и в любой части света. Включая в себя все разнообразие почв и климата, орошаемые крупными реками, которые служат не только для орошения и осушения, но, благодаря своим размерам и течению притоков, предоставляют необычные возможности для сообщения, она производит в своих собственных границах все необходимое для комфорта, поддержки и удовольствия своих обитателей, которые очень мало зависят от помощи других стран и народов для удовлетворения своих потребностей. Его цивилизация развивалась в соответствии с его собственными институтами; его правительство было создано без знания или ссылки на правительство какого-либо другого королевства; его литература ничего не заимствовала из гения или исследований ученых других стран; его язык уникален по своим символам, структуре и древности; его жители отличаются своей промышленностью, миролюбием, численностью и особыми привычками. Изучение такого народа и такой обширной страны не может не быть поучительным и увлекательным, а при правильном подходе приведет к еще большему убеждению в необходимости наставлений и санкций Библии для высочайшего развития каждого народа в его личных, социальных и политических отношениях в этом мире, а также для индивидуального счастья в другом. Следует также надеяться, что в настоящее время в истории мира гораздо больше, чем раньше, тех, кто желает узнать состояние и нужды других людей не только для собственного развлечения и поздравлений по поводу своих превосходных знаний и преимуществ, но и для того, чтобы способствовать благополучию своих собратьев и щедро делиться теми дарами, которыми они сами обладают. Те, кто желает этого, найдут, что немногие семьи человечества более достойны их величайших усилий, чем те, которые входят в пределы Китайской империи; и ни одна из них не нуждается в большей степени в очищающих, облагораживающих и вдохновляющих принципах нашей святой религии для развития и внедрения своих собственных теорий социального улучшения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЯ КИТАЙ.

Происхождение названия "*Китай*" еще не до конца выяснено. Сами люди теперь не называют так свою страну, и нет веских доказательств того, что они когда-либо применяли это название ко всей земле. Появление в Законах Ману и в Махабхарате названия *Китай*, применяемого к стране или народу, с которым индусы общались в двенадцатом веке до нашей эры и который, вероятно, был китайцами, отбрасывает происхождение далеко назад в самые отдаленные времена, где вероятность должна занять место доказательства. Наиболее достоверная версия приписывает его происхождение роду Цинь, вождь которого около 250 года до н. э. получил полную власть над всеми другими феодальными княжествами в стране, а его подвиги прославили его в Индии, Персии и других азиатских государствах. Однако его септа уже давно была известна в китайской истории, а до этого завоевания получила широкую известность не только в Китае, но и в других странах. Королевство находилось на северо-западе империи, недалеко от Желтой реки, и, по словам Висделоу, исследовавшего этот вопрос, семья прославилась своей знатностью и могуществом. "Ее основателем был Тайе, сын императора Чуэнь-ху. Он просуществовал в большом великолепии более тысячи

лет и уступал только царскому достоинству. Фейц, принц из этой семьи, был начальником жеребца императора Хиао в 909 году до н.э., и в знак благосклонности его величество передал ему суверенитет города Цинчау в *mesne tenure*, с титулом короля-подданного. Через сто двадцать два года после этого, в 770 году до н. э., Сянкуан, *мелкий король* Цинчау (своей храбростью отомстивший за оскорбления, нанесенные императору Пину татарами, которые убили его отца Ю), был провозглашен королем в полном владении, без ограничений и исключений. Тот же монарх, покинув Си-нгань (столицу своей империи, тогда называвшуюся Хао-кинг) и перенеся свою резиденцию в Лохьян, смог сделать Сянкуана хозяином большой провинции Шэньси, которая составляла собственно царство императора. Таким образом, царь Цинь стал очень могущественным, но, хотя его судьба изменилась, он не изменил своего титула, навсегда сохранив титул города Циньчау, который был основой его возвышения. Царство Цинь вскоре стало знаменитым, и, будучи местом первого прибытия по суше людей из западных стран, кажется вероятным, что те, кто не видел больше Китая, кроме царства Цинь, распространили это название на все остальное, и называли всю империю Цинь или Чин".[2]

Этот отрывок относится к периоду задолго до свержения дома Чау князьями Цинь; положение этого последнего княжества, примыкающего к пустыне и удерживающего проходы, ведущие из долины Тарима через пустыню на восток в Китай, делает предположение ученого иезуита весьма вероятным. Владение старой императорской столицей укрепило бы эту идею в сознании торговцев, приезжавших в Китай с Запада; а когда одна и та же семья получила верховную власть над всей империей, а ее глава прославился своими завоеваниями и строительством Великой стены, имя Цинь еще больше распространилось и стало считаться названием страны. Малайцы и аравийцы, чьи суда были найдены между Аденом и Кантоном, знали ее как Китай и, вероятно, ввели это название в Европе до 1500 года. Индусы сократили его до *Ма-чин*, от *Маха-чина*, то есть "Великий Китай"; а первое из этих названий иногда путают с *Манджи*, термином, используемым для обозначения племен в Юньнани. Таким образом, оказывается, что эти и другие народы Азии знали страну и ее жителей не иначе, как *Цзинь*, *Чин*, *Син*, *Синæ* или *Тзинистæ*. Персидское название *Катай* и его русская форма *Китай* - современного происхождения; оно изменено от *Ки-тах*, расы, правившей северным Китаем в десятом веке, и совершенно неизвестно народу, который оно обозначает. Латинское слово *Seres* происходит от китайского слова *sz'* (шелк) и, несомненно, впервые вошло в употребление для обозначения этого народа во времена династии Хань.

РАЗЛИЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ.

У китайцев много названий для обозначения себя и земли, которую они населяют. Одно из самых древних - *Тянь Хиа*, что означает "Под небом" и обозначает весь мир; другое, почти такое же древнее, - *Шз' Хай*, то есть "все в пределах четырех морей", а третье - *Чунг Квох*, или "Срединное царство". Оно датируется периодом правления династии Чау, около 1150 г. до н. э., когда императорская семья так назвала свое особое государство в Хонане, потому что оно было окружено всеми остальными. Это название сохранялось по мере роста империи и укрепило веру в то, что она действительно находится в центре земли; *Chung Kwoh jin*, или "люди Срединного царства", обозначает китайцев. Все эти названия указывают на тщеславие и невежество народа в отношении своего географического положения и своего ранга среди наций; они были не одиноки в этой слабости, так как египтяне, греки и римляне имели термины для своих владений, которые намекали на их собственные представления о своем превосходстве; в то же время, площадь ни одной из этих монархий, в их самых широких пределах, не равнялась территории Китая. Семья Цинь также установила обычай,

сохранившийся с тех пор, называть страну именем царствующей династии; но, хотя краткий срок правления этого дома (сорок четыре года) был недостаточно долгим, чтобы придать ему большую значимость в народе, последующие династии, благодаря своим талантам и доблести, давали свои собственные, постоянные названия народу и стране. Термины *Хань-цзинь* и *Хань-цзинь* (*то есть* люди Хань или сыновья Хань) теперь используются народом для обозначения самих себя: последний также означает "храбрый человек". *Тан-цзинь*, или "люди Тан", так же часто можно услышать в южных провинциях, где фраза *Тан-шань*, или "холмы Тан", обозначает всю страну. Буддисты Индии называли эту землю *Чин-тан*, или "Рассвет", и это название использовалось в китайских трудах этой секты.

Нынешняя династия называет империю *Та Цин Квох*, или "Великое чистое царство"; но сам народ отказался от соответствующего термина *Цин-цзинь*, или "Люди Цин". Империю также иногда называют *Цин Чау*, *то есть* "земля Чистой Династии", по метонимии семьи, которая ею правит. Термин, который сейчас часто можно услышать в западных странах - "Поднебесная империя" - происходит от *Tien Chau*, *то есть* "Небесная династия", что означает царство, которым правит династия, назначенная Небом; но термин "*Небожители*" для жителей этого царства полностью иностранного производства, и их язык с трудом мог бы выразить такое отчество. Словосочетание *Lí Min*, или "Черноволосая раса", является общепринятым; выражения *Hwa Yen*, "Цветочный язык", и *Chung Hwa Kwoh*, "Среднее Цветочное Королевство", также часто используются для обозначения письменного языка страны, поскольку китайцы считают себя одними из самых отточенных и цивилизованных наций - таков смысл слова *hwa* в этих выражениях. Выражение *Nui Tí*, или "Внутренняя земля", часто используется, чтобы отличить ее от стран за ее пределами, которые считаются пустынными и варварскими регионами земли. *Хва Хиа* (Славная Хиа) - древний термин для обозначения Китая, династия Хиа была первой в этом ряду; *Тунг Ту*, или "Земля Востока", - название, используемое только в магометанских писаниях.

Нынешняя правящая династия расширила пределы империи намного больше, чем они были при князьях Мин, и почти до их размеров в правление Хубилая, 1290 г. н.э. В 1840 году ее границы были четко определены и простирались от Сагальена I. на северо-востоке, в широтах 48° 10' северной широты и долготах 144° 50' восточной долготы, до Сагальена II. 144° 50' в.д., до Хайнаня I. в Китайском море, на юге, в широтах 18° 10' с.ш., и на запад до Белур-тага, в долготу. 74° восточной долготы, охватывая сплошную территорию, которая после тщательной оценки Маккалоха оценивается в 5 300 000 квадратных миль. Самая длинная линия, которую можно провести в этом обширном регионе, от юго-западной части Или, граничащей с Кокандом, на северо-восток до Охотского моря, составляет 3 350 миль; наибольшая ширина - 2 100 миль, от Внешнего Хингана или Становых гор до полуострова Люйчау в Квантуне: первая измеряет 71 градус долготы, а последняя - более 34 широты.

С этого года процесс дезинтеграции продолжается, и за уступкой Гонконга англичанам последовали еще большие разделы с Россией, которые в общей сложности уменьшили ее более чем на полмиллиона квадратных миль на северо-востоке и западе. Ее пределы на западных границах до сих пор не определены. Наибольшая ширина - от Албазина на Амуре, почти на юг до Хайнаня, 2 150 миль; а самая длинная линия, которую можно провести, проходит от Сартоха в Тибете, на северо-восток до слияния реки Усури с Амуром.

Форма империи приближается к прямоугольнику. С востока и юго-востока она ограничена различными рукавами и участками Тихого океана, начиная от границы Кореи, и называемыми на европейских картах Ляутунским и Печельским заливами, Желтым морем, Формозским каналом, Китайским морем и Тонкинским заливом. Кочин и Бирма граничат с провинциями Квантун, Кванси и Юньнань на юго-западе, но большая часть региона вблизи

этой границы населена полунезависимыми племенами Лаоса, какиенами, сингфо и другими. Южные хребты Гималаев отделяют Ассам, Бутан, Сикким, Нипал и другие штаты Индии от Тибета, западная граница которого ограничена номинально зависимой страной Ладак, а если ее исключить, то горами Кара-Корум. Королевства или государства Кашемир, Бадакшан, Коканд и Киргизская степь находятся на западных границах Малого Тибета, Ладака и Или, вплоть до российской границы; высокий хребет Белур-таг или Цун-лин отделяет эти страны от китайской территории в этом районе. Россия граничит с Китаем от Киргизской степи вдоль Алтайской цепи и хребта Кентех до слияния Аргуни и Амура, откуда последняя река и ее приток Усури образуют разделительную линию до границы Кореи, что составляет 5 300 миль. Окружность всей империи составляет 14 000 миль, или значительно больше половины окружности земного шара. Следует помнить, что эти измерения носят самый грубый характер. Протяженность береговой линии от устья реки Ялух в Корею до Аннам в Кочинчине составляет не более 4 400 миль. Эта огромная страна занимает около трети континента и почти десятую часть пригодной для жизни части земного шара, а после России является самой большой империей, существовавшей на земле.

Возможно, для лучшего понимания площади Китайской империи будет полезно сравнить ее с некоторыми другими странами. Наибольшая длина России составляет около 6 500 миль, средняя ширина - около 1 500, а площадь - 8 369 144^[3] квадратных миль, или одна седьмая часть суши на земном шаре. Соединенные Штаты Америки простираются примерно на 3000 миль от Монтерея на Тихом океане в северо-восточном направлении до Мэна и примерно на 1700 миль от Лесного озера до Флориды. Площадь этой территории в настоящее время оценивается в 2 936 166 квадратных миль, а протяженность береговой линии составляет 5120 миль. Площадь Британской империи не превышает 7 647 000 квадратных миль, но границы некоторых колоний в Индостане и Южной Африке точно не установлены; площадь двух колоний - Австралии и Новой Зеландии - почти равна площади всех остальных владений британской короны.

ОБЩИЕ ОТДЕЛЫ.

Сами китайцы делят империю на три основные части, скорее по разным формам правления в каждой из них, чем по географическому признаку.

I. *Восемнадцать провинций*, включая, с незначительными дополнениями, страну, завоеванную маньчжурами в 1664 году.

II. *Маньчжурия*, или страна маньчжуров, лежащая к северу от Ляотунского залива до Амура и к западу от реки Усури.

III. *Колониальные владения*, включая Монголию, Илли (включающий Сунгарию и Восточный Туркестан), Коко-нор и Тибет.

Только первая из этих частей - та, которой другие народы дали название Китай, и единственная часть, которая полностью заселена китайцами. Она расположена на восточном склоне высокогорья Центральной Азии, в юго-восточном углу континента, и по красоте пейзажей, плодородию почвы, солёности климата, величественным и судоходным рекам, а также разнообразию и изобилию продуктов может сравниться с любой частью земного шара. Туземное название этой части, в отличие от остальных, - *Shih-pah Sǎng* или "Восемнадцать провинций", но сами жители обычно обозначают только эту часть термином *Chung Kwoh*. Площадь Восемнадцати Провинций оценивается МакКаллохом в 1 348 870 квадратных миль, но если включить всю площадь провинций Кансух и Чихли, то эта цифра окажется недостаточно большой; обычное вычисление - 1 297 999 квадратных миль; Мальте

Брун считает, что она составляет 1 482 091 квадратную милю; но все размеры Восемнадцати Провинций, как их определяют китайцы, не могут быть намного меньше 2 000 000 квадратных миль, избыток приходится на расширение двух провинций, упомянутых выше. Следовательно, эта часть составляет более двух пятых площади всей империи.

Старые границы, однако, более естественны и, будучи более известными, могут быть сохранены. Они придают провинциям почти квадратную форму: длина с севера на юг составляет 1 474 мили, а ширина - 1 355 миль; но диагональная линия от северо-восточного угла до Юньнани равна 1 669 милям, а от Амоя до северо-западной части Кансуха - 1 557 милям. Таким образом, площадь Китая в семь раз превышает площадь Франции и в пятнадцать раз - Великобритании; он почти вдвое меньше всей Европы, которая составляет 3 650 000 квадратных миль. Однако ее площадь ближе к площади всех штатов Американского Союза, лежащих к востоку от реки Миссисипи, с добавлением Техаса, Арканзаса, Миссури и Айовы; их площадь составляет 1 355 309 квадратных миль. Расположение двух стран у западных границ великих океанов - еще одна точка сходства, которая предполагает значительное сходство климата; кроме того, существует еще одно сходство между размерами провинций в Китае и в новых Штатах.

ГОРНЫЕ ЦЕПИ.

Прежде чем перейти к определению трех великих бассейнов, на которые можно разделить Китай, следует рассказать о горных хребтах, расположенных внутри страны, вблизи или вдоль ее границ. Последние сами по себе образуют почти целую стену, охватывающую и определяющую старую империю; основными исключениями являются западные границы Юньнани, граница между Или и Киргизской степью, а также трансамурская область.

В северо-восточном углу бассейна Амура над его устьем, около 56° северной широты, начинаются первые вершины Алтайского хребта, который на протяжении своего длинного пути в 2 000 миль имеет несколько названий; этот хребет образует северную границу столовой земли Центральной Азии. В восточной части хребет называется у русских Становым, у китайцев - *Вай Хун-ань*; первое название применяется до слияния Сонгари с Амуром, за которым, к северо-западу до озера Байкал, русские называют его Даурскими горами. Расстояние от озера до океана составляет около 600 миль, и все они находятся в пределах России. За озером Байкал, на запад, цепь называется Алтаем, *то есть* Золотыми горами, а иногда *Кун-шаном*, имеющим сходное значение. Вблизи верховьев реки Селенги хребет разделяется на две почти параллельные системы, идущие с востока на запад. Южная, лежащая в основном на территории Монголии, называется Тангну и поднимается гораздо выше, чем северный отрог. Горы Тангну продолжают под этим названием на китайских картах в юго-западном направлении, но эта цепь правильно соединяется с Тянь-шанем, или Небесными горами, в провинции Кобдо, и продолжается до тех пор, пока снова не соединится с Алтаем на западе, недалеко от стыка Киргизской степи с Китаем и Россией. Длина всей цепи не превышает 2 500 миль, и, за исключением окрестностей реки Тшулышман, она, насколько известно, не поднимается до снеговой линии, за исключением отдельных вершин. Предполагается, что средняя высота гор составляет около 7000 футов; большая их часть лежит между 47° и 52° северной широты, в значительной степени покрыта лесами и пригодна для возделывания.

Следующая цепь - Белур-таг, Тарташ-линг, по-китайски *Цун-линг*, Луковые горы, или, лучше сказать, Голубые горы, названные так из-за своего далекого оттенка.^[4] Эта цепь лежит на юго-западе Сон гари, отделяя эту территорию от Бадакшана; она начинается около 50° северной широты, почти под прямым углом с Тянь-шанем, и тянется на юг, поднимаясь на

большую высоту, хотя о ней мало что известно. Его можно рассматривать как связующее звено между Тянь-шанем и Квэнлуном; вернее, и его, и последний можно считать исходящими из горного узла, отделенного от Гиндукуша, в юго-западной части Туркестана под названием Пуштихур; Белур-таг берет начало с его северной стороны, а Квэнлун выходит с его восточной стороны и тянется через середину столовой земли до Коко-нора, где распадается на две ветви. Этот горный узел лежит между 36° и 37° северной широты и 70° и 74° восточной долготы. Гималайский хребет идет от него на юго-восток, вдоль южной границы Тибета, пока не обрывается у верховьев Янцзы, Салуина и других рек между Тибетом, Бирмой и Юньнанем, таким образом почти завершая внутреннюю границу империи. Небольшой отрог от реки Юнь-лин на западе Юньнани, в стране сингфонов и на границах Ассамы, также можно считать частью пограничной линии. *Чанг-пех-шань* лежит между верховьями рек Ялух и Тумэнь, вдоль корейской границы, образуя отрог нижнего хребта гор Сихота или *Си-хи-те*, к востоку от Усури.

ХРЕБТЫ ТЯНЬ-ШАНЬ И КВАНЬЛУН.

В пределах империи находятся четыре большие цепи, некоторые из вершин которых поднимаются на огромную высоту, но хребты обычно опускаются ниже линии снега. Первая - Тянь-шань, или Небесные горы, которые монголы называют Тенгкири, а иногда ошибочно - Алакскими горами. Эта цепь начинается на северной оконечности Белур-тага в 40° северной широты, или, правильнее сказать, заходит с запада, и простирается с запада на восток между 76° и 90° восточной долготы, и в целом вдоль 22° северной широты, разделяя Илли на Северный и Южный контуры. Его западная часть называется Муз-таг; Муз-дабан, примерно на долготе 79° в.д., между Кульджа и Аксу, где проходит дорога с севера на юг, ведущая через высокий ледник над снеговой линией. К востоку от него находится масса вершин, одних из самых высоких в Центральной Азии, называемых Богдо-ула; а на восточном конце, около Ур умци, по мере того как он спускается к пустыне, видны следы вулканического действия в сольфатарах и пространствах, покрытых пеплом, но действующих вулканов в настоящее время не известно. Сомнительный вулкан Пи-шань, расположенный между ледником и Богдо-ула, - единственный, о котором сообщается в континентальном Китае. Тянь-шань резко заканчивается в своей восточной точке, где хребет встречается с пустыней, недалеко от меридиана Баркуль в Кансухе, хотя Гумбольдт считает холмы в Монголии продолжением хребта на восток, вплоть до Нуй-Хин-ань. Пространство между Алтаем и Тянь-шанем сильно нарушено горными отрогами, которые можно рассматривать как связующие звенья их обоих, хотя никакой регулярной цепи не существует. Западное продолжение Тянь-шаня, под именем Муз-тага, простирается от высокого перевала только до соединения с Белур-тагом, за которым, вне пределов Китайской империи, оно продолжается почти на запад, к югу от реки Сихон в сторону Кодженда, под именами Ак-тага и Асфера-тага; эта часть покрыта вечным снегом.

Почти параллельно Тянь-шаню на части его течения расположена горная цепь Нань-шань, Квэнлун или Кулкун, которую китайские географы называют *Тянь-чу* или "Небесный столп". Квэнлун берет начало от узла Пуштихур на 36° северной широты и тянется в восточном направлении почти по той же параллели через всю широту столовой земли, отделяя Тибет от пустыни Гоби на части своего пути. Примерно на середине своего протяжения, недалеко от дл. 90° в. д., он разделяется на несколько хребтов, понижающихся к юго-востоку через Коко-нор и Сцюен, под названиями Баян-кара, Бурхан-будда, Шуга и Тангла, - каждый более или менее параллельный в своем общем юго-восточном направлении, пока они не сольются с Юнь-линг (*т. е.* Другая группа изгибается к северу, за истоками Желтой реки, и под названиями Алтын-таг, Нан-шань, Ин-шань и Ала-шань проходит через Кансух и Шенси,

чтобы соединиться с Нуй-Хин-ань, недалеко от большой излучины Желтой реки. Часть страны между крайними точками этих двух хребтов менее возвышенна, но равнин здесь нет, хотя части к северу от Кансуха, где проходит Великая стена, изрезаны и неплодородны. Большая территория между бассейнами рек Тарим и Яру-Цангбу, включая хребет Квэнлун, в основном занята пустыней Гоби и в настоящее время является одной из самых малоизученных частей земного шара. Минеральные сокровища Кванлуна, вероятно, велики, судя по множеству драгоценных камней, приписываемых ему; этот пустынный регион - любимая арена чудовищ, фей, джиннов и других существ китайских легенд, а также Олимп, где буддийские и даосские божества держат свою мистическую власть, слышатся странные голоса и совершаются чудеса.^[5]

От верховьев Желтой реки четыре хребта идут на юго-восток и сходятся у границ Бирмы и Юньнани, на территории около ста миль в ширину. Хребет Юнь-лин составляет западную границу Сцзюня и, проходя на юго-восток в Юньнань, затем поворачивает на восток, под названиями Нань-лин, Мэй-лин, Ву-шань и другими местными терминами, проходит через Квейчау, Хунань, и разделяет Квантун и Фухкиен от Киангси и Чехкианг, изгибается на северо-восток, пока не достигнет моря напротив Чусана. Один или два отрога отходят на север от этого хребта через Хунань и Кянги, вплоть до Янцзы, но все они имеют умеренную высоту, покрыты лесами и пригодны для возделывания. Спуск с гор Сиуэх-лин или Баян-кара, а также западной части Юнь-лин к Тихому океану очень постепенный. Китайцы приводят список из пятидесяти вершин, расположенных в провинциях, которые покрыты снегом полностью или частично в течение года, и описывают ледники на некоторых из них.

Другой менее обширный хребет ответвляется почти на восток от гор Баян-кара в Коко-норе и образует умеренно высокий горный хребет между Желтой рекой и Янцзы-киангом до дл. 112° в.д., на западных границах Нганхуи; на европейских картах этот хребет называется Ко-цин-шань и Пех-лин (*т.е.* Северные горы). Эти две цепи, Юнь-лин с продолжением Мэй-лин и Пех-лин с их многочисленными смещениями, делают всю западную часть Китая очень неровной.

ХИНГАН И ХРЕБТЫ ГИМАЛАИ.

На востоке Монголии, начинаясь у излучины Желтой реки, или, скорее, являясь продолжением хребта Шанси, находится хребет Нуй-Хин-ань-линг или Сиалкой, называемый также Сойорти, который тянется на северо-восток по западной стороне бассейна Амура, пока не достигнет Вай-Хин-ань, в 56° северной широты. Стороны хребта в сторону пустыни почти голые, но восточные склоны хорошо покрыты лесом и плодородны. На границе Кореи на запад отходит отрог через Сингкинг, который маньчжуры называют Колмин-шаньгуин-алин, а китайцы - Чанг-пех-шань (*т.е.* Длинные Белые горы). Между Сиалкой и Сихотой находятся два небольших хребта, определяющих бассейн реки Нонни на востоке и западе. О высоте этих цепей известно немного, кроме того, что они невысоки по сравнению с великими западными хребтами и находятся под снеговой линией.

Четвертая система гор - Гималаи, которые ограничивают Тибет с юга, а хребет Квэнлун и Бурхан Будда - с севера. Через нее с запада на восток проходит небольшой хребет, соединенный с Гималаями высокой столовой землей, которая окружает озера Манаса-рова и Раван-храд, и возле которой или в которой находятся истоки Инда, Ганга и Яру-цангбу. Этот хребет называется Ганг-дис-ри и Занг, а также Кайласа на карте доктора Бьюкенена, и его восточная часть отделена от Юн-линга узкой долиной Янцзы, которая здесь течет с севера на юг. Страна к северу от Ганг-дис-ри разделена на две части отрогом, который тянется в

северо-западном направлении до Квэнлуна,[6] называемого горами Кара-Корум. На западной стороне этого хребта находится Ладак, по которому протекает один из крупнейших рукавов Инда, и который, хотя и включен в состав императорских владений на китайских картах, давно уже не входит в сферу императорского внимания. Поэтому горы Кара-Корум можно рассматривать как часть границы империи; китайские географы считают их продолжением Цун-Линга.

СИНИАНСКАЯ СИСТЕМА ПАМПЕЛЛИ.

Этот поспешный очерк горных цепей в Китае и его окрестностях необходимо проиллюстрировать набросками Пампелли их общего хода и высоты в том, что он удачно называет *Синийской системой*, применяемой "к той обширной системе поднятий с северо-востока на юго-запад, которая прослеживается почти через всю Восточную Азию и которой эта часть континента обязана своими наиболее характерными особенностями". Он развил эту систему в "Исследованиях в Китае, Монголии и Японии", изданных Смитсоновским институтом в 1866 году. Горы Китая во многом соответствуют Аппалачской системе в Америке, и ее революция, вероятно, закончилась вскоре после отложения китайских угольных пластов. Г-н Пампелли описывает основные антиклинальные оси возвышенностей в самом Китае, начиная с Барьерного хребта, проходящего через северную часть Чихли и Шанси, где он направляется на запад-юго-запад, пересекая Желтую реку у Пао-те, и далее на юго-запад через Шанси и Кансук, совпадая с водоразделом между изгибами этой реки, которая пересекает его через огромное ущелье.

Следующая ось на восток начинается у Тушихских ворот и идет на юго-запад к перевалу Нанкау, оба они находятся в Великой стене, затем через Шанси к локтю Желтой реки и далее к Западному Сцзюню, образуя водораздел в излучине Янцзы. В районах между этими двумя осями находятся залежи угля. Центральная ось сменяет эту в Шаньси, пересекая Янцзы у Нчанга и проходя на юго-запад через Квейчау к Наньлину; на северо-востоке она проходит через Хонань и затихает по мере продвижения к Желтой реке, пока в Шаньтуне и Мече Регента не поднимается все выше и выше, протягиваясь к Чан-пе-шань в Маньчжурии и к хребту между реками Сонгари и Усури. Между двумя последними хребтами находятся крупные месторождения угля, железа и соли в провинциях, а по обе стороны от центральной оси расположены огромные впадины и бассейны, такие как долина Янцзы в Юньнани, Великая равнина в Нганхуэй и Чихли, залив Печеле, бассейны рек Ляо и Сонгари.

Береговая ось возвышенности обозначена хребтами гранитных гор между Киангси и Киангсу на севере и Чехкиангом и Фухкиеном на юге, простирающимися на юго-запад через Квантун в Юньлин, на северо-восток в Чусанский архипелаг, затем через Корею и горы Сихот к востоку от реки Усури. Пятую ось возвышенности обозначает гранитный хребет, простирающийся от Гонконга на северо-восток до Вэньчау и на юго-запад до острова Хайнань.

Эти антиклинальные оси пересекают три хребта, входящие в Китай с запада таким образом, что оказываются весьма полезными для его структуры. Северный, по-видимому, является продолжением гор Баян-кара в юго-восточном направлении в Кансук и к югу от реки Вэй в Хонань, под названием Хиун-шань или "Медвежьих горы". Центральная часть отходит от нее, проходя через северную часть Хупэ. Южная часть, по-видимому, является продолжением Гималаев в Юньнань и Кванси, образуя водораздел между бассейнами рек Янцзы и Жемчужной.

ПУСТЫНЯ ГОБИ.

Между Тянь-шанем и хребтом Кванлун на юго-западе и до Сиалкой на северо-востоке, в косом направлении, лежит великая пустыня Гоби или Ша-мох, оба слова означают *безводную равнину или песчаные плавни*.^[7] Вся длина этой пустыни составляет более 1800 миль, а если расширить ее пределы до Белур-тага и Сиалкоя, западной и восточной оконечности, то она достигнет 2200 миль; средняя ширина составляет от 350 до 400 миль, подвергаясь, однако, большим колебаниям. Площадь горных хребтов, определяющих его, составляет более миллиона квадратных миль, и лишь немногие из протекающих по нему ручьев попадают в океан. Вся эта территория не является бесплодной пустыней, хотя ни одна ее часть не может претендовать на более чем сравнительное плодородие; и большая высота большинства участков, похоже, является не только причиной бесплодия, но и природой почвы. Некоторые районы превратились в пустыню из-за уничтожения жителей.

Западная часть Гоби, лежащая к востоку от Цунг-Линга и к северу от Кванлуна, между 76° и 94° восточной долготы и 36° и 41° северной широты, имеет около 1000 миль в длину и от 300 до 400 в ширину. 76° и 94° восточной долготы и 36° и 41° северной широты, составляет около 1000 миль в длину и от 300 до 400 в ширину. Вдоль южной стороны Тянь-шаня простирается полоса пахотных земель шириной от 50 до 80 миль, где выращивают зерно, пастбища, хлопок и другие культуры и где расположены почти все магометанские города и крепости *Нань-лу*. Тарим и его рукава текут на восток в Лоб-нор, через лучшую часть этого района, от 76° до 89° восточной долготы; по берегам реки Хотен проходит дорога из Яркенда в этот город, а оттуда в Х'лассу. Здесь пустыня сравнительно узкая. Эту часть китайцы называют *Хань-хай*, или "Море Миражей", а иногда и пустыней Лоб-нор. Остальная часть этого региона представляет собой почти безпризорные пустоши, а к северу от Коко-нора принимает самый ужасающий вид: она покрыта ослепительными камнями и становится невыносимо жаркой из-за отражения солнечных лучей от них и многочисленных подвижных гор песка. Зимой климат также не бывает более мягким и терпимым. "Ледяные ветры Сибири, почти постоянно безоблачное небо, голая солончаковая почва и большая высота над морем делают Гоби, или пустыню Монголии, одной из самых холодных стран во всей Азии".^[8]

Песчаные холмы - *кузупчи*, как их называют монголы, - появляются к северу от Ала-шаня и вдоль Желтой реки, и когда ветер приводит их в движение, они постепенно перемещаются перед ней и представляют большую опасность для путешественников, которые пытаются пересечь их. Один китайский автор говорит: "Здесь нет ни воды, ни травы, ни человека, ни дыма; если нет дыма, то нет абсолютно ничего". Границы настоящей пустыни определить нелегко, поскольку у основания горных хребтов обычно встречаются ручьи и растительность.

Вблизи меридиана Хами, долгота которого составляет 94° в.д., пустыня сужается примерно до 150 миль. 94° восточной долготы, пустыня сужается примерно до 150 миль. Через эту узкую часть проходит дорога из Киаю-кван в Хами, и путешественники находят воду в разных местах на своем пути. Она делит Гоби на две части - пустыню Лоб-нор и Великую Гоби: первая находится на высоте около 4 500 футов, а вторая, или восточная, не выше 4 000 футов. Границы Кансуха теперь простираются через этот участок до подножия Тянь-шаня.

Восточная часть, или Великая Гоби, простирается от восточного склона Тянь-шаня, на долготе от 94° до 120° восточной долготы и около 40° северной широты, до Внутреннего Хингана. 94-120° восточной долготы и около 40° северной широты, вплоть до Внутреннего Хингана. Его ширина между Алтаем и хребтом Иньшань колеблется от 500 до 700 миль. Через середину этого района простирается депрессивная долина, правильно называемая Ша-мох,

от 150 до 200 миль в поперечнике, самая низкая впадина которой находится на высоте от 2 600 до 2 000 футов над уровнем моря. Песок почти покрывает поверхность этой долины, в целом ровной, но иногда поднимающейся на невысокие холмы. Дорога из Урги в Калган, пересекающая это урочище, в определенное время года поливается и покрыта травой. Ее протяженность составляет 660 миль, и на пути следования установлено сорок семь постов. На этой дороге в изобилии водятся вороны, жаворонки и тетерева, первый из которых является настоящим вредителем из-за своих воровских привычек. Растительность скудная и чахлая, что делает ее безразличным пастбищем, а вода в небольших ручьях и озерах солоноватая и не пригодная для питья. К северу и югу от Ша-мох поверхность гравийная, а иногда и скалистая, растительность более энергичная, и во многих местах она служит хорошим пастбищем для стад калкаских племен. В тех частях, которые граничат с провинцией Чихли или входят в нее, среди сахаров окупаются сельскохозяйственные труды, выращиваются просо, овес и ячмень, хотя и не в больших количествах. Деревья встречаются у водотоков, но не образуют лесов. Этот регион называется *Цау-ти*, или Пастбище, и здесь содержатся большие стада овец и крупного рогатого скота. Он простирается более или менее на север в сторону Сибири. Эцина - самая крупная внутренняя река в этой части Гоби, но на ее северо-восточных границах есть несколько крупных притоков Амура. К югу от Силалкойского хребта пустынные земли простираются почти до Чанг-пех-шаня, примерно в пяти градусах за этими горами. Общие черты этого участка земной поверхности не столь ужасны, как Сахара, но более ужасны, чем степи Сибири или пампасы Буэнос-Айреса. Пампелли считает, что вся Гоби была частью великого океана, который в сравнительно недавние геологические времена простирался на юг до Каспийского и Черного морей, между Уральскими и Внутренними Хинганскими горами, и был осушен в результате потрясения, следы и последствия которого можно обнаружить во многих частях. "Мне кажется, - добавляет он, - что древняя физическая география этого региона и последствия его возвышенности представляют собой одно из самых важных полей для исследований". Несомненно, вскоре она будет изучена более полно. Барон Рихтгофен описывает Центральную Азию как неглубокую впадину длиной 1800 миль и шириной около 400 миль, дно которой находится на высоте около 1800 футов над уровнем океана; древняя береговая линия протянулась между хребтами Кванлун и Тянь-шань на западе, высотой от 5000 до 10 000 футов, и постепенно понижается до 3600 футов на восточном берегу. Это *Хань-хай*, к востоку - *Ша-мох*, а за пределами обеих этих пустынь находятся периферийные области, где воды текут к океану, неся с собой ил, выветрившийся с гор. Внутри береговой линии ничто не достигает океанов, и эти результаты деградации смываются или сдуваются в долины, и страна утопает в собственной пыли.^[9]

Реки Китая - это его слава, и ни одна страна не может сравниться с ним по естественным возможностям внутреннего судоходства. Сам народ считает ту часть географии, которая связана с его реками, самой интересной и уделяет ей наибольшее внимание. Четыре крупнейшие реки империи - Желтая, Янцзы, Амур и Тарим; Яру-Цангбу также протекает более чем на тысячу миль в ее пределах.

ЖЕЛТАЯ РЕКА.

Хван-хо, или "Желтая река", берет начало на равнине Одонтала, называемой по-китайски *Синг-су-хай*, или "Звездное море", из-за многочисленных источников или озер, расположенных между горами Шуга и Баян-кара, на широте $35\frac{1}{3}^{\circ}$ и долготы около 96° восточной долготы. 96° восточной долготы, и не в ста милях от Янцзы. Китайцы верят, что Желтая река течет под землей от Лоб-нора до Синг-су-хай. В этом районе находятся два озера - Дзаринг и Олинг, которые являются ее фонтанами; после выхода из них ее русло

очень извилисто. Сначала она поворачивает на юг на 30 миль, затем на восток на 160, потом почти на запад на 120, петляя по ущельям Квэнлуна; затем река течет на северо-восток и восток до Ланчау в Кансухе, пройдя около 700 миль по своей извилистой линии. От Ланчау она поворачивает на север вдоль Великой стены на протяжении 430 миль, пока не отклоняется на восток у реки Нншань, на краю плато, и включает в себя страну Ортоусских монголов в пределах этого большого изгиба. Отрог Пех-линга заставляет его двигаться на юг, примерно на долготу. 110° в.д., между Шанси и Шенси, на протяжении примерно 500 миль, пока не вступит на Великую равнину, пройдя 1 130 миль от Ланчау. Через эту лессовую область она становится окрашенной почвой, которая придает ей цвет и название. У северного изгиба она разделяется на несколько небольших озер и рукавов, и на этом отрезке своего пути, на протяжении более 500 миль, не принимает ни одного сколько-нибудь значительного потока, хотя, спускаясь с плато, она все еще остается столь стремительной, что требует большой осторожности при пересечении ее на лодках. В юго-западном углу Шанси эта река встречает свой самый крупный приток - Вэй, который впадает с запада на протяжении 400 миль и более доступен для судоходства, чем любой другой из притоков. Площадь всего бассейна меньше, чем площадь Янцзы, и может быть оценена примерно в 475 000 квадратных миль; хотя исток этого потока находится всего в 1290 милях по прямой линии от его устья, многочисленные извилины удлиняют его течение почти вдвое.

Большая разница в уровне зимой и летом всегда делала эту реку практически бесполезной, разве что в качестве стока; а в результате длительного отложения ила вдоль ее нижнего течения устье в конце концов совсем засорилось. Этот замечательный результат был ускорен, несомненно, благодаря дамбам, построенным вдоль берегов к востоку от Кайфунга, что заставило паводки заполнить русло и отбросило воды на 500 миль назад к Хонан-фу. Здесь земля низкая, и впадающие воды постепенно прокладывали себе путь через болота и ручьи в реку Вэй на северном берегу, и таким образом находили северо-восточное русло в канал и реку Та-цин, пока не достигали залива Печеле. Небольшая часть этих потоков, возможно, уходила юг в верховья реки Хвай, а затем в озеро Хун-цих; но это озеро, как и его великий питатель, сократилось, и все его воды впадают в Янцзы. История Желтой реки служит убедительным аргументом против обвалования берегов реки для сдерживания ее наводнений. Сейчас она вернулась в русло, которое занимала около четырнадцати веков назад.^[10]

ЯНГЦЗ' КИАНГ.

Гораздо более спокойной и полезной является ее соперница - Янгцз кианг, называемая также просто *Кианг* или *Та кианг*, "Река" или "Великая река". На западных картах ее часто ошибочно называют Кьянг Ку, что означает просто "устье реки". Истоки Кианга находятся в горах Тангла и хребте Квэнлун, а на местных картах они обозначены тремя потоками, стекающими с южной стороны Баян-кара. Это частично подтвердил полковник Прежевальский. В январе 1873 года он достиг Муруй-усу (извилистой реки) в широтах 35°, долготах. 94°, у ее слияния с Напчитаем, северным из трех рукавов, и обнаружил, что ширина ее в это время года составляет 750 футов. Весной русло реки заполняется на милю в ширину. Далее она течет на юго-восток, принимая три других потока, каждый из которых можно считать ее верховьями. Все их русла находятся на высоте более десяти тысяч футов над уровнем моря, но хребты вблизи них лежат под снегом. Нет достоверных сведений о его течении от этого соединения до впадения в Ялунг-кианг в Сз'чуэне, что составляет почти 1300 миль; но китайские карты указывают на юго-восточное направление через ущелья Юн-линга, пока он не вырвется из гор на 26° северной широты, где поворачивает на северо-восток. На протяжении большей части этого расстояния она носит название По-лай-цз'. Река

Ялунг берет начало недалеко от Желтой реки и течет параллельно Киангу в долине на востоке, проплывая до их слияния более 600 миль. По обоим этим потокам сплавляют огромные плоты с древесиной для продажи в городах на востоке, но больших лодок на них не видно до того, как они покинут горы. Город Батанг в Сз'чуэне, по дороге из Х'лассы, - первое крупное поселение на реке. Главный ствол называется Кин-ша-кианг (т. е. Река золотого песка), пока не впадает в Ялунг в южной части Сз'чуэна, который китайцы считают главным потоком из двух. После слияния объединенная река называется Та кианг до Вучанга, в Хупе, за которым люди знают ее также как Чанг кианг, или "Длинная река". Они не часто называют ее Янцз', что правильно применять только к участку от Нанкина до моря, который лежал в пределах старой области Янгчау. Это название было ошибочно написано по-китайски, а затем переведено как "Сын океана". Французы часто называют ее *Fleuve Bleu*, но у китайцев такого названия нет. От Вучана она течет в восточном направлении, принимая различные притоки по обоим берегам, пока не впадает в остров Цунмин двумя устьями в 32° северной широты, более чем в 1850 милях от устья по прямой линии, но протекая почти 3000 миль по всем своим изгибам.[11]

Один из самых крупных и полезных его притоков в нижнем течении - Кан-кианг в Киангси, который впадает в озеро Поян и продолжает поперечное сообщение с севера на юг, соединяясь с Большим каналом. В озеро Тунгтинг впадают реки Сян и Юэнь, которые дренируют северные стороны Нань-лина в Хунани; а к западу от них протекает Кунгтан или У, который впадает с избытком вод из Квейчау. Эти реки находятся на юге; Хань в Хупе, а также Киалинг, Мин и Лох в Сцуюэне - главные притоки на севере, способствующие дренажу к югу от Пех-линга. Большой канал впадает напротив Чинкианга, и оттуда глубокий канал, способный нести на своем лоне самые большие военные корабли, выходит в Тихий океан. Ни одна из двух рек не может быть более непохожей по своим общим характеристикам, чем эти два могучих потока. В то время как Желтая река непостоянна, Янцзы в нижнем течении однородна и глубока, и доступна для плотов из Батанга, расположенного на западе Сцуюэня, и для лодок из-за Тунчуэня в Юньнани, более чем в 1700 милях от ее устья. Его огромное тело и глубина дают достаточно места для океанских пароходов на расстоянии 200 миль, вплоть до Нанкина, где в некоторых местах дна не найти и на двадцать саженей, а берега не настолько низкие, чтобы часто страдать от приливов, даже когда паводок превышает тридцать футов. В Пингшане над Зюхау в Сцуюэне, в 1550 милях от устья, Блэкистон считает, что река находится на 1500 футов выше приливной воды, что дает среднее падение 12 дюймов на географическую милю; наклон увеличивается до 19 дюймов в некоторых частях, и именно эта сила выносит ил этого потока в море, но которой нет в Желтой реке. Падение Янцзы почти вдвое больше, чем у Нила и Амазонки, и вдвое меньше, чем у Миссисипи. Количество сбрасываемой воды оценивается в 500 000 кубических футов в секунду в Нчанге, примерно в 700 милях вверх по течению, и можно с полным основанием заключить, что в Цунгминге во время паводка она сбрасывает миллион кубических футов в секунду. Барроу подсчитал, что в 1798 году расход воды в Желтой реке составлял 11 616 кубических футов в секунду при скорости течения семь миль в час. Ни одна река в мире не превосходит Янцз по расположению вспомогательных потоков, которые делают весь бассейн доступным вплоть до Ялунга. Когда вокруг ущелий и порогов между Нчангом и Квеем прорыт судоходный канал, пароходы могут преодолевать почти две тысячи миль. Площадь бассейна реки оценивается в 548 000 квадратных миль, а из-за ее центрального течения и количества провинций, через которые она проходит, ее называют "опоясывающей Китай"; по своим размерам, многолетним и обильным запасам воды, а также доступности для судоходства она стоит в одном ряду с великими реками мира.[12]

Кроме этих двух примечательных рек, в океан впадает множество других вдоль побережья от Хайнаня до Амура, три из которых осушают большие территории и обеспечивают доступ ко многим густонаселенным городам и районам. Третий бассейн - это бассейн к югу от Нань-линга до океана; он дренируется главным образом Чу-киангом, и его форма гораздо менее регулярна, чем у Желтой реки и Янцзы. Чу-кианг, или Жемчужная река, как и большинство рек Китая, имеет множество названий на протяжении своего течения и состоит из трех основных рукавов, называемых соответственно восточной, северной и западной реками, в зависимости от квартала, откуда они берут начало. Последняя, безусловно, самая большая, и все из них судоходны на большей части своей длины. Они сливаются вместе в Кантоне и осушают территорию площадью не менее 130 000 квадратных миль, то есть всю страну к востоку от гор Юньлин и к югу от гор Наньлин. Реки Юньнани в большинстве своем впадают в Салуин, Сайгон, Мейкон и другие реки Кочинчина. Минь, протекающая у Фухчау, Цих, на которой лежит Нинпо, Цыентанг, ведущий к Хангчау, и Пэй-хо, или Белая река, впадающая в залив Печеле, являются наиболее значительными среди этих малых стоков в провинции; а Ляу-хо и Яхлух-кианг, впадающие в залив Ляотунг, - единственные две, заслуживающие упоминания в Южной Маньчжурии. Разница между количеством устьев рек, пересекающих китайское побережье и побережье Соединенных Штатов, очень разительна, что объясняется различным направлением горных цепей во внутренних районах страны.

ОЗЕРА КИТАЯ.

Озера Китая сравнительно немногочисленны и невелики; все сколько-нибудь значительные озера в провинциях находятся в пределах равнины и связаны с двумя великими реками. Самое большое - Тунгтинг в Хунани, около 220 миль в окружности, через которое текут воды рек Сян и Юэнь, наполняя его русла и ложа в зависимости от сезона; сейчас это заиленное дно бывшего внутреннего моря Хупе, лежащего по обе стороны Янцзы, через которое бесчисленные озера, ручьи и каналы образуют судоходную сеть между этой рекой и Хань. Озеро принимает ил по мере того, как притоки текут через него, и сбрасывает себя в глубокий выход у Йохчау; эта впадина в целом имеет около 200 миль в длину и 80 в ширину. Примерно в 320 милях к востоку находится озеро Поян в Киангси, которое также сбрасывает излишки вод Кана в Янцзы. Оно имеет почти 90 миль в длину и около 20 в ширину, заключая в своем лоне множество красивых и густонаселенных островков. Пейзажи вокруг этого озера очень живописны, а его торговля и рыболовство важнее, чем у Тунгтинга. По мере приближения к океану Янцзы принимает воды нескольких других озер, самые крупные из которых - Та-ху, или "Великое озеро", близ Сухау, и Цау-ху, лежащее на северном берегу, между Нганкингом и Нанкином; оба эти озера соединяются с рекой судоходными протоками, а первое связано с океаном более чем одним каналом.

Единственное значительное озеро, связанное с Желтой рекой, - Хунцих в Киангсу, расположенное у слияния этой реки с Большим каналом, в который впадают стоки реки Хвай; оно более примечательно флотилией лодок на нем, чем пейзажами в окрестностях. Большая часть страны между устьями этих двух рек настолько заболочена и полна озер, что можно предположить, что все это когда-то было огромным устьем, где соединялись их воды, или что их отложения заполнили огромное озеро, которое когда-то занимало этот участок, оставив лишь ряд меньших по площади. Кроме этих озер, есть небольшие озера в Чили и Шантунге; также *Тянь*, *Сиен* и *Тали*, умеренной протяженности, в Юньнани; все они поддерживают водное население за счет рыбы, выловленной из их вод.

Самое большое озеро в Маньчжурии - Хинкай-нор в Киринае, недалеко от истока Усури; два озера Хурун и Пуэр, или Пир, в бассейне реки Нонни, дали название Хурун-пиру, западному округу Цицихара; но о размерах и продуктивности этих водных пространств мало что известно.

В регионах, лежащих к северу и югу от Гоби, находится множество соленых озер, ни одно из которых по отдельности не сравнится с Аральским морем, но в совокупности они занимают гораздо большую площадь, и большинство из них принимает воды ручьев, которые дренируют их собственные изолированные бассейны. Особенности этих малоизвестных районов, особенно впадин по обе стороны Тянь-шаня, таковы, что делают их одним из самых интересных полей для географических и геологических исследований в мире. Самым крупным в Туркестане является Лоб-нор, представляющий собой огромное болото, заросшее высоким тростником, длиной 75 миль и шириной 15 миль.^[13] Бостанг-нор, которое, как говорят, соединяется с этим озером, на китайских картах обозначено примерно в 30 милях к северу от него. К северу от Тянь-шаня озера больше и многочисленнее; наиболее важны Дзайсанг, Кисиль-баш и Иссик-куль. Все эти озера соленые.

Весь регион Коко-нор - это страна озер. Олинг и Дзаринг являются истоками Желтой реки, а *Цинхай*, или Лазурное море, более известное как Коко-нор, дает название провинции. К северу от Х'лассы лежит Тенгкири-нор в Тибете - самый большой водный массив в пределах империи. В его окрестностях расположено множество небольших озер, простирающихся на север до Коко-нора. Палти, или Яморок, имеет форму кольца, в центре которого находится остров, занимающий почти всю поверхность. Во Внутреннем Тибете много озер по обе стороны хребта Ганг-дис-ри; Йик и Паха, близ Гоби, - самые крупные, но их всего два из длинного ряда к югу от хребта Квэнлун.

ГРАНИЦЫ ПРОВИНЦИЙ.

Восемнадцать провинций граничат на северо-востоке с колонией Шингкинг, от которой их отделяет линия бывшего частотола, отмечавшего границу от города Шан-хай-кван до реки Хван-хо. Следуя вдоль этого потока до его истоков в Ин-шане, граница затем пересекает эти горы и идет на запад и юго-запад, через территории бродячих монгольских племен, пока не упирается в Желтую реку у поселения Хокиух в Шэньси. К западу от нее Великая стена разделяет провинции Шенси и Кансух с монгольскими пустынями вплоть до перевала Киаю, за которым лежит пустыня Гоби, называемая *Пех-хай* (Северное море) и *Хах-хай* (Черное море). На востоке находятся залив Печеле и Желтое море, или *Хванг-хай*, также называемое *Тунг-хай* (Восточное море), до самого юга, до Формозского канала. Этот канал и Китайское море лежат на юго-востоке и юге, вплоть до залива Тонгкинг и границ Аннама. Кванси и Юньнань граничат с Аннамом и Сиамом с южной стороны, а Бирма отмечает западную границу, но почти весь юго-запад и запад за пределами Юньнани и Сцзюэня занят небольшими племенами нецивилизованных людей, над которыми ни китайцы, ни бирманцы не имеют реального контроля. Коко-нор ограничивает Сзчуэн и Кансух с западной и юго-западной сторон.

ХАРАКТЕР ПОБЕРЕЖЬЯ.

Побережье Китая от Хайнаня до устья Янцзы окаймлено множеством островов и скалистых островков; от этой точки на север до Ляотунга берега низкие, и, за исключением Шантунга, берег опасен из-за мелей.

К югу от Пэй-хо, вплоть до Шантунского мыса, берег более пологий, его высота увеличивается после прохождения островов Мяутау, хотя ни с одной стороны мыса нет заметных возвышенностей; мыс Макартни на восточном конце представляет собой заметный обрыв, если подходить к нему с моря. От этого мыса до устья реки Тсиентанг, близ Чапу, расстояние около 400 миль, побережье низкое, особенно между устьями рек Янгцз и Йеллоу, и имеет лишь несколько хороших гаваней. Зыбучие пески в районе этих рек и залива Хангчау делают навигацию опасной для местных джонок. От Китто-Пойнт, близ Нинпо, до Хунконга берега становятся более пологими, а среди островов встречаются многочисленные небольшие заливы и бухты, дающие безопасное убежище для судов. В этой части берега выглядят крайне непривлекательно: в основном это череда желтоватых скал и голых мысов, не дающих никаких надежд на то, что за ними находится высококультурная страна. Этот мрачный вид вызван дождями, смывающими с поверхности разложившуюся почву; скала - гранит - находится в состоянии частичного и постепенного распада, и рыхлая почва легко сносится в промежутки. Другой причиной безлесья является практика ежегодного скашивания грубой травы на топливо, а после сбора урожая - поджигания стерни, чтобы удобрить землю на следующий год; огонь и тонкость почвы препятствуют росту деревьев и кустарников на холмах.

Устье Жемчужной реки от Бокка-Тигра до Больших Ладронов, расстояние 70 миль, и от Гонконга на запад до острова Тунгу, около 100 миль, перемежается островами. Предполагается, что пролив, отделяющий Хайнань от полуострова Люйчау, является местом, которое арабские путешественники в девятом веке называли Вратами Китая, но этот канал, вероятно, находился рядом с архипелагом Чусан. Эта группа плодородных островов рассматривается как обрывистое окончание континентальной горной цепи, проходящей через Чехкиан.

Остров Формоза, или Тайвань, соединяет Японские и Левшевы острова с Лусонией. Между Формозой и побережьем находятся Пескадорские или Панхуские острова, группа которых гораздо меньше по площади и количеству, чем Чусанские острова. У китайцев есть маршруты всех мест, мысов, островов и т. д. вдоль всего побережья, но они не дают большой информации о названиях мест.^[14]

Первыми объектами, которые привлекают внимание при рассмотрении общей картины Китая, являются Великая равнина на северо-востоке и три продольных бассейна, на которые страна разделена горными цепями, идущими с востока на запад.^[15] Три великие реки, которые дренируют эти бассейны, текут через них очень нерегулярно, но с помощью их главных стволов и притоков легко поддерживать водное сообщение не только с запада на восток вдоль великих русел, но и через всю страну. Эти естественные возможности для внутреннего судоходства были значительно улучшены людьми, но в большинстве случаев они все еще ожидают введения пара, чтобы помочь им обуздать быстрое течение некоторых из своих рек и наладить более частое сообщение между отдаленными местами.

Вся поверхность Китая может быть удобно разделена на горную и холмистую страну и Великую равнину. Горная страна занимает более половины всей территории, лежащей к западу от меридиана 112° или 114° (почти Кантонского), вплоть до границ Тибета. Холмистая часть находится к югу от Янцзы-кианга и к востоку от этого меридиана, включая провинции Фукиен, Киангси, Квантун, а также части Хунаня и Хупе. Великая равнина лежит на северо-востоке и составляет самую богатую часть империи.

Эта равнина простирается на 700 миль от Великой стены и Барьерного хребта к северу от Пекина до впадения озера Поян в Янцзы в Киангси, 30° северной широты. Последняя река считается ее южной границей вплоть до Нганкинга в Нганхуи (), откуда до моря она образуется линией, проведенной почти на восток через Хангчау. Западная граница может быть обозначена линией, проведенной от Кингчау в Хупе (широта 30° 36'), почти на север до Хвайкинга на Желтой реке, а затем на север до Великой стены, в 50 милях к северо-западу от Пекина. Ширина варьируется. К северу от широты 35°, где он частично простирается до Желтого моря, а частично граничит с западной частью Шантунга, далее через Медвежьи горы и Шаньси, его длина составляет от 150 до 250 миль; если принять среднее значение в 200 миль, то площадь этой части составляет 70 000 квадратных миль. Между 34° и 35° равнина расширяется и в параллели с Желтой рекой имеет ширину около 300 миль с востока на запад; далее к югу, вдоль течения Янцзы, она достигает почти 400 миль вглубь. Если оценить среднюю ширину этой части в 400 миль, то она составляет 140 000 квадратных миль, что вместе с северной частью дает площадь около 210 000 квадратных миль - поверхность, в семь раз превышающую площадь Ломбардии, и примерно такую же площадь, как равнина Бенгалии, по которой протекает Ганг. Северная часть Чили до края плато представляет собой в основном отложения желтого лёсса и аллювия на дне рек; та часть, что лежит у побережья в Киангсу, низкая и болотистая, покрыта озерами и пересекается водотоками. Эта часть чрезвычайно плодородна и дает большое количество шелка, чая, хлопка, зерна и табака. Наиболее интересной особенностью этой равнины является огромное население, которое, согласно переписи 1812 года, составляет не менее 177 миллионов человек, если включить все число жителей шести провинций, полностью или частично входящих в нее; что делает ее самой густонаселенной из всех частей света такого же размера и составляет почти две трети всего населения Европы.[\[16\]](#)

ВЕЛИКАЯ СЕНА.

По количеству затраченного на них человеческого труда общественные сооружения Китая, вероятно, не имеют себе равных ни в одной стране и ни у одного народа; природный облик страны был существенно изменен благодаря им, и было замечено, что Великая стена - единственное искусственное сооружение, которое привлекло бы внимание при поспешном осмотре поверхности земного шара. Но их польза или наука, проявленная при их строительстве, намного уступает их масштабам. Великая стена, называемая *Ван-ли Чанг Чинг* (т.е. Стена Мириад Миль), была построена Цинь Чи-Хвангти, чтобы защитить свои владения от вторжения северных племен. Некоторые ее части уже существовали, и он разработал план их соединения и расширения вдоль всей северной границы для ее защиты. Строительство было завершено в 204 году до н. э. и продолжалось десять лет, семь из которых были закончены после смерти императора. Эта гигантская работа была, вероятно, в основном народной и до сих пор остается главным свидетельством энергии, промышленности и настойчивости ее строителей, а также их неразумности и расточительности. Ее строительство, вероятно, обошлось дешевле, чем обычные суммы, которые европейские государства тратят на свои постоянные армии. Она начинается в Шаньхай Вэй или Шаньхай Кван (широта 40°, долгота 119° 50'), прибрежном городе, имеющем определенное значение на границе между Чили и Шинкингом, и являющемся местом значительной торговли. Лорд Джослин описывает стену, наблюдая за ней с кораблей, как "вздымающуюся над обрывами и увенчивающую скалистые холмы страны, которые на этом побережье имеют самый пустынный вид".

Она проходит вдоль берега несколько миль и заканчивается на берегу у длинного рифа. От этого места она течет на запад, немного севернее, вдоль старых границ провинции Чихли,

затем в Шанси, пока не впадает в Желтую реку в широте $39\frac{1}{2}^{\circ}$ и долготе $111\frac{1}{2}^{\circ}$. $111\frac{1}{2}^{\circ}$. Эта часть лучше всего построена, и в ней находятся самые важные ворота, где размещены гарнизоны и торговые лавки. В провинции Чихли есть две стены, охватывающие значительную часть бассейна Санган-хо к западу от Пекина; внутренняя стена была построена императором династии Мин. От места впадения в Желтую реку, близ Пау-те, она образует северную границу Шэньси, пока снова не коснется этого потока на широте 37° , охватывая страну Ортоусских монголов. От этой точки она направляется на северо-запад вдоль северной границы Кансуха и заканчивается у Киаю-квана, через который проходит дорога, ведущая в Хами.

Недалеко от восточной оконечности Стены в провинции Чихли, в северо-восточном направлении, когда-то находился деревянный острог или частокол, образующий границу между Ляотунгом и Кирином, который часто принимали за продолжение Великой стены, изображая его на картах. Он был возведен маньчжурами, но уже давно обветшал и не используется.

Вся длина Великой стены между ее оконечностями составляет $22\frac{1}{2}$ градуса широты, или 1 255 миль по прямой линии; но ее повороты и удвоения увеличивают ее до 1 500 миль. Почти на той же широте она протянулась бы от Филадельфии до Топики или от Португалии до Неаполя. Конструкция этого гигантского сооружения в некоторой степени соответствует природе страны, которую оно пересекает, а материал был взят или изготовлен на месте, где он использовался. В западной части своего маршрута она представляет собой в некоторых местах просто глинобитную или гравийную стену, а в других - земляную, обложенную кирпичом.

Восточная часть, как правило, состоит из земли и гальки, облицованных крупным кирпичом, весом от 40 до 60 фунтов каждый, опирающимся на каменную подпорку. Толщина всего сооружения составляет около 25 футов у основания и 15 футов на вершине, а высота колеблется от 15 до 30 футов; верхняя часть защищена кирпичом и имеет небольшой парапет, тонкость которого считается доказательством того, что во время его возведения пушки были неизвестны. Через разные промежутки расположены кирпичные башни, некоторые из них высотой более 40 футов, но они не пристроены к стене. Это самостоятельные сооружения, обычно около 40 футов квадратных в основании, уменьшающиеся до 30 на вершине; в некоторых местах башни двухэтажные.

Впечатление, которое остается в голове иностранца при виде этого памятника человеческому труду и неоплачиваемым затратам, - это уважение к народу, который смог каким-то образом построить его. Стоя на вершине *Ку-лех-Кау* (Старые Северные Ворота), можно увидеть облачные башни, которые тянутся по склонам в едином строю на восток и на запад, пока, уменьшенные милями и милями небесной перспективы, они не превращаются в маленькие кучки, но стоят торжественной неподвижностью там, где они были расположены двадцать веков назад, как будто обреченные ждать марша времени, пока их строители не вернутся. Можно проследить, как разрушающаяся дамба у их ног, петляя, перепрыгивая через ущелья, дефиле и кручи, то утопая в пропастях, то вздымаясь по скалам и склонам, в самом изобилии мощи и бесчинства, исчезает тонкой, теневой линией у горизонта. Увидев однажды, Великую Китайскую стену невозможно забыть.

В настоящее время это удивительное сооружение является просто географической границей, и, кроме ворот, ничего не делается для поддержания ее в порядке. За Желтой рекой и до ее западной оконечности Великая стена, по словам Гербильона, в основном представляет собой насыпь из земли или гравия высотой около пятнадцати футов, лишь

изредка с кирпичными башнями или каменными воротами. В Калгане часть стены сложена из порфира и других камней, наваленных в пирамидальной форме между кирпичными башнями, которые трудно пересечь, но достаточно легко снести. В Ку-пех-кау этот вал выглядит более внушительно; вся протяженность главной и поперечной стен, видимых с одной из башен, составляет более двадцати миль. В одном месте она проходит над пиком высотой 5 225 футов, где она настолько крута, что заставляет удивляться как труду, затраченному на ее возведение на таком утесе, так и глупости предположения, что она может быть полезна в качестве защиты. Стена наиболее посещается у Нан-кау (Южных ворот), на перевале Ку-юн, замечательной термопилы длиной в пятнадцать миль, которая ведет с равнины Пекина на первую террасу над ней, и в свое время охранялась еще пятью стенами и воротами, ныне все в руинах. От этого места стена тянется через Шанси и была построена в более поздний период.

БОЛЬШОЙ КАНАЛ.

Другой великой государственной работой является Большой канал, или *Ча-хо* (т.е. река шлюзов), называемый также *Юн-хо* или "Транзитная река", предприятие, которое отражает гораздо большее доверие к монархам, придумавшим и осуществившим его, чем Великая стена, а если учесть время, в которое он был прорыт, и характер принцев, которые его планировали, то в истории любой страны можно назвать мало работ, более восхитительных и полезных. Когда он был в порядке, до того, как приток Желтой реки прекратился, с помощью его соединения с ее питателями существовало непрерывное водное сообщение через всю страну от Пекина до Кантона, а товары и пассажиры проходили из столицы почти во все крупные города в бассейнах двух великих рек. По замыслу Хубилая, канал должен был протянуться от его собственной столицы до Хангчау, бывшей столицы династии Сун, и его нельзя описать лучше, чем языком Марко Поло: "Вы должны понять, что император приказал провести водное сообщение от этого города [Ква-чау] до Камбалука в виде широкого и глубокого канала, прорытого между ручьем и ручьем, между озером и озером, образуя как бы большую реку, по которой могут ходить большие суда".^[17] Северная часть представляет собой канал длиной четырнадцать миль от Тунг-чау до Пекина, который, проходя под городскими стенами, заканчивает свой путь длиной около 600 миль у дворцовой стены, рядом с британским легатом; здесь он называется *Ю-хо*, или "Императорская река", но все суда теперь разгружаются у восточных ворот. Сокращенный отчет о наблюдениях Дэвиса^[18] даст хорошее представление о ее устройстве и внешнем виде.

"Рано утром 23 сентября мы вошли в канал через два каменных пирса и между очень высокими берегами. Насыпи земли в непосредственной близости, очевидно, предназначались для проведения ремонтных работ, которые, судя по следам затопления по обе стороны, могли быть нередкими. Канал соединяется с Ю-хо, которую мы только что покинули, на ее восточном берегу, когда эта река течет к Пэй-хо. Одной из наиболее поразительных особенностей канала является сравнительная чистота его вод по сравнению с водами двух рек, по которым мы до сих пор путешествовали; это обстоятельство вполне объяснимо выпадением осадка, вызванным большей неподвижностью его содержимого. В этом месте канал, очевидно, проходил по руслу естественной реки, о чем можно судить по его извилистому течению, а также по неровности и искусственному виду его берегов. Каменные опоры и шлюзы служат для регулирования ее вод, которые в настоящее время в избытке и вытекают из нее. По мере нашего продвижения по каналу каменные шлюзы или ворота встречались в количестве трех-четырех штук в день, иногда чаще, в зависимости от неровностей на поверхности страны, что делало их необходимыми.....

"По мере нашего продвижения канал в некоторых местах становился все более узким, а его берега имели более искусственный вид, чем там, где мы впервые вошли в него, - иногда они были довольно высокими; но все же извилистое русло позволяло сделать вывод, что пока канал представляет собой по большей части лишь естественную реку, измененную и регулируемую шлюзами и насыпями. Расстояние между каменными опорами некоторых шлюзов было настолько узким, что по нему могли пройти только самые большие лодки. Приспособление для задержания течения воды через них было очень простым: крепкие доски с веревками, прикрепленными к каждому концу, спускали друг на друга через пазы в каменных опорах. У шлюзов всегда находилось несколько солдат и рабочих, а опасность для лодок уменьшалась тем, что по бокам висели мотки веревки, чтобы перебить силу ударов. Неторопливость нашего продвижения, которое в течение последней недели составляло в среднем всего двадцать миль в день, давала нам достаточно свободного времени для наблюдения за страной.....

"Теперь мы начали продвигаться по каналу лучше, чем до сих пор. Поток, хотя и шел против нас, не был сильным, за исключением шлюзов, где он был ограничен. После полудня мы остановились в Кай-хо-чине (*т. е. в реке-открывашке*), названной так, вероятно, потому, что канал был начат неподалеку отсюда. 28-го числа мы прибыли к впадению Юнь-хо, где поток повернул в нашу пользу и потек на юг, являясь самой высокой точкой канала и местом, заслуживающим внимания. Юнь-хо впадает в канал с восточной стороны почти под прямым углом, и часть его вод течет на север, а часть - на юг, а мощная каменная облицовка на западном берегу выдерживает силу притока. В этом месте находится храм Короля Дракона, или гения водной стихии, который, как предполагается, держит канал в своем особом ведении. Это предприятие по строительству канала в этой реке, по-видимому, было делом рук Сунг Ли, который жил при Хунгву, первом императоре династии Мин, около 1375 года. В его время часть канала в Шаньтуне стала настолько непроходимой, что больше всего стали использовать каботажный проход по морю. Это было как раз то, что канал должен был предотвратить; поэтому Сун принял план старика по имени Пиин, чтобы сконцентрировать воды Юнь-хо и соседних потоков и спустить их на канал, как это происходит в настоящее время. История гласит, что для реализации этого плана Сун нанял 300 000 человек, и работа была завершена за семь месяцев. По обеим сторонам от нас, почти вровень с каналом, тянулись обширные болота с неглубоким покровом воды, засаженные нелумбиями; их изредка разделяли узкие берега, по которым шли следопыты, а ширина канала иногда не превышала двадцати пяти ярдов. Когда мы достигли той части, которая огибает озеро Ту-шань, левый берег оказался полностью затопленным, а канал спутался с озером. Все в пределах видимости было болотом, холодом и запустением - фактически, огромным внутренним морем, так как многие большие лодки в отдалении были разбиты. На следующий день болота скрыли от глаз несколько приличных деревьев на высоких берегах, которые от постоянного накопления воды приобрели в некоторых местах вид холмов.

"Часть нашего пути первого октября пролегла вдоль канала, где берега, особенно справа, были тщательно и основательно облицованы камнем; эта мера предосторожности, казалось, подразумевала большую, чем обычно, опасность затопления. На самом деле озера или, скорее, наводнения, казалось, простирались в настоящее время почти до подножия гор, которые лежали на расстоянии слева от нас. Мы приближались к той части Китая, которая подвержена катастрофическим разливам Желтой реки, вечному источнику расточительных расходов для правительства, опасностей и бедствий для народа; она вполне заслуживает названия "Китайская печаль". Мы наблюдали за тем, как усердно ведется ремонт берегов под надзором соответствующего должностного лица. Для этой цели они используют естественную почву в сочетании с толстыми стеблями гигантского проса".

Канал достигает Желтой реки примерно в 70 милях от ее устья; но прежде чем покинуть озера в южной части Шантунга, он шел почти параллельно этому потоку на протяжении более ста миль, а на протяжении значительной части этого расстояния - между ним и Новой Соленой рекой. Трудно понять, как по естественным причинам столь мощная река, какой ее описывают историки обоих британских посольств менее ста лет назад, должна была так полностью засориться. Оказалось, что разница в уровне возле Кайфуна настолько мала, что ила там было достаточно, чтобы повернуть течение в реку Вэй и другие места. Когда проходило посольство Амхерста, лодки направились прямо по течению и менее чем за час переправились на противоположный берег, удаленный примерно на три четверти мили. Они дрейфовали около двух миль вниз, а затем медленно понеслись против течения к месту входа в канал. Это отверстие представляло собой шлюз почти в сто ярдов в поперечнике, и через него воды устремлялись в реку, как через мельничную мельницу; берега были построены из земли, укреплены стеблями сорго и крепко связаны шнуром. Сэр Джон Дэвис с инстинктом коммерсанта замечает, отдавая должное упорству и промышленности, преодолевшим эти препятствия, что если бы науке Брюнеля было позволено работать на Желтой реке и Большом канале, "китайцы могли бы получить благо, которое с лихвой компенсировало бы все то зло, которое мы причинили им своим опиумом и пушками". Лодки были протасканы через шлюз и подняты вверх по нему вплотную к берегу с помощью канатов, соединенных с большими лебедками, установленными на берегу, которые благополучно, хотя и медленно, вывели их на спокойную воду.

Расстояние между реками Желтой и Янцзы составляет около девяноста миль, и канал здесь проходит по возвышенному земляному полотну, скрепленному каменными подпорными стенками, которые в некоторых местах возвышаются над окружающей местностью не менее чем на двадцать футов. Ширина этого водного полотна составляет около двухсот футов, а скорость течения - почти три мили в час. К югу от Хван-хо у дамб, ниже их уровня, расположено несколько крупных городов, безопасность которых полностью зависит от бережного отношения к берегам канала. Так, Хвай-нгань и Пауинг лежат под ними и рядом с ними, причем в таком положении, что невольно содрогаясь при мысли о разрушениях, которые произойдут, если они дадут трещину. От этих городов уровень понижается до Янцзы, а в Янчау канал проходит гораздо ниже домов, расположенных по его сторонам. Он также соединяется с каждым ручьем или озером, воды которого можно в него влить. Есть два или три входа в Янцзы, где канал достигает северного берега, но Чинкианг, на южном берегу, считается главной защитой и постом переправы. Канал выходит из реки к востоку от этого города, идет на юго-восток до Сухау, а затем на юг по восточной стороне озера Тай, с которым он сообщается, до Хангчау в Чехкианге. Эта часть, безусловно, самая интересная и живописная из всей линии, благодаря богатым и густонаселенным городам, плодородию и высокой культивации берегов, а также оживленному виду, создаваемому множеством лодок. Хотя Кублай и заслужил эту полезную работу, в некоторых частях своего русла она существовала задолго до него. Промежуток между двумя великими реками был открыт во времена династии Хань и отремонтирован мудрым основателем династии Суй (600 г. н.э.). Князья династии Тан поддерживали ее в открытом состоянии, а когда императоры династии Сун жили в Хангчау, они превратили ее расширение до Чинкианга в великую магистраль, которой она является и по сей день. Путь от Пекина до Желтой реки был открыт монголами около 1289 года, при этом они просто соединили реки и озера друг с другом в том виде, в котором они существуют сейчас. Императоры Мин и Цин сделали все возможное, чтобы сохранить его открытым на всем протяжении, а в последнее время была предпринята попытка вновь открыть проход от озера Хунцих на север по старому руслу, чтобы лодки могли добраться до Тяньцина из Квачау. Вся длина канала составляет около 650 миль, что в два

раза больше, чем у канала Эри, но по ширине и глубине он различается больше, чем любой другой важный канал Америки или Европы.

Как произведение искусства, по сравнению с каналами, существующими сейчас в западных странах, Транзитная река не занимает высокого места; но даже на сегодняшний день в Азии нет ни одного подобного сооружения, которое могло бы сравниться с ней, и в мире не было ни одного равного ей, когда она впервые была введена в эксплуатацию. На всем своем протяжении она проходит через аллювиальные почвы, и основной труд был затрачен на строительство насыпей, а не на рытье глубокого русла. За уровень вершины, вероятно, было принято место слияния Юнь-хо, примерно 36° северной широты. От этой точки на север траншея была прорыта до Линцина, чтобы соединиться с Юй-хоу, а насыпи возведены от того же места на юг до Желтой реки, в целом это линия протяженностью двести миль. В некоторых местах русло урезано на тридцать, сорок и даже семьдесят футов, но существенных препятствий не встретилось. Шлюзы, поддерживающие необходимый уровень, имеют грубую конструкцию, а толстые доски, скользящие в пазах, выдолбленных в каменных контрфорсах, служат единственными шлюзами. Тем не менее, все намеченные цели достигнуты, а простота средств, конечно, не умаляет достоинств и исполнения плана.^[19]

КАНАЛЫ.

В империи есть и другие каналы низкого качества. Кьенлун построил сточную плотину для отвода избыточных вод Желтой реки длиной около ста миль, прорубив канал от Нфунгхиен в Хонане до одного из главных притоков озера Хунцих. Он также служил дренажом для болотистых земель в этой части, и, вероятно, недавно служил для отвода паводков из главного потока в озеро. В окрестностях Кантона и Сухау есть много каналов, прорезанных через равнины, которые служат как для орошения, так и для навигации, но они не заслуживают названия каналов. Подобные сооружения более или менее часто встречаются во всех частях провинций, особенно на равнине и низменном побережье.

Дорога, проложенная в лесах.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОРОГИ.

Общественные дороги в стране, столь хорошо обеспеченной судоходными потоками, имеют второстепенное значение, но этими средствами передвижения не пренебрегают. "Я проехал около 600 лиг по суше в Китае, - отмечает де Гинь, - и нашел много хороших дорог, большинство из них широкие и засажены деревьями. Обычно они не вымощены, и поэтому в дождливую погоду по ним либо течет вода, либо они покрыты грязью, а в сухую погоду настолько пыльные, что путешественники вынуждены носить очки, чтобы защитить глаза". В Квантуне транспортное сообщение почти полностью осуществляется по воде, единственные дороги проходят через судоходные пути. Перевал через Мэй-лин вымощен или засыпан камнями; в Ких-нгане, в Киангси, дороги вымощены и находятся в хорошем состоянии, но за Янцзом, в Нганхуи, они почти непригодны, но становятся лучше по мере продвижения на север, и во многих местах по обеим сторонам растут деревья. За Хванхо они стали шире, и мы видели толпы путешественников, телеги, мулов и лошадей. В Шантунге и Чили они, как правило, широкие, тенистые и очень пыльные. Это, несомненно, неприятно, но по этим местам мы шли спокойно, в то время как в деревнях и городах нас страшно трясло на тротуарах. Я надеюсь, ради тех, кто придет после меня, что китайцы не будут прокладывать свои дороги раньше, чем улучшат свои повозки. Некоторые магистрали, ведущие в Пекин, вымощены толстыми каменными плитами. Одна из особенностей дорог, проходящих через северные провинции, которая привлекает внимание, - это большое количество дорог, проходящих ниже уровня страны. Это вызвано тем, что ветер проносится вдоль них и переносит поля пыль, поднятую повозками. Как только лужи, оставленные дождями, высыхают настолько, чтобы по ним могли проехать телеги, земля превращается в порошок; когда ветры проносятся через проход и очищают его, этот процесс за несколько лет прорезает дефиле в суглинке глубиной не менее пятнадцати футов, которое препятствует движению по узкой колее, мешая телегам, когда они встречаются. При необходимости берега защищаются укрепительными стенами или дерном. Берега возле Хангчау и большая дорога, ведущая из Чехкианга в Киангси, находятся в хорошем состоянии. В целом, однако, как и в большинстве случаев в Китае, дороги плохо ремонтируются, и большие ямы часто остаются незаделанными, что представляет большую опасность для тех, кто путешествует ночью".[20]

Для облегчения транзита товаров и людей через горные хребты во многих частях империи были прорублены горные проходы. Большая дорога, ведущая из Пекина на юго-запад через Шанси и Шенси, а затем в Сцюань, проходит через Пех-лин и долину реки Хвай по горной дороге, "которая по трудностям, которые она представляет, и по искусству и труду, с которыми они были преодолены, не уступает дороге через Симплон".[21] В одном месте этого маршрута, называемом Ли-най, в скале был прорублен проход, а по обеим сторонам горы от ее основания до вершины вырублены ступени. Проход через вершину достаточно широк для одного седока, поэтому стражники сидят в маленьких домиках, установленных на столбах над проходом. В древности эта дорога была путем в метрополию, и эти огромные раскопки время от времени проводились разными монархами. Перевал через Мей-лин в Нань-нгане - более поздняя работа, как и большинство других дорог через этот хребет в Фукиене и Квантуне.

ОБЩИЙ АСПЕКТ И РАСОВЫЕ ТИПЫ.

Общий облик страны, пожалуй, так же сильно изменен трудом человека в Китае, как и в Англии, но внешний вид ландшафта в двух королевствах не похож. При наличии воды на

рисовых полях текут ручьи, и при таком способе возделывания на полях растет мало деревьев или не растет вообще. Такие поля разделены приподнятыми берегами, которые служат для прохода через болотистую местность и помогают удерживать воду, когда она попадает на растущий урожай. Границы других полей обозначаются камнями или другими ориентирами, а полное отсутствие стен, заборов или живых изгородей делает возделанную равнину похожей на огромный сад.

Во всех городах царит величайшее однообразие. Все города, расположенные выше сз' или тауншипа, окружены стеной, а пригороды нередко превосходят по размерам свои окраины. Улицы в крупных городах к югу от Хвангхо вымощены, а канализационные трубы проходят под поперечными плитами. То, что не попадает в них, обычно оказывается на улице, поскольку эти стоки легко засоряются. Ширина проезжей части обычно не превышает десяти футов, но из-за низких домов по обеим сторонам они меньше похожи на переулки, чем в западных городах. Деревни имеют приятный вид на расстоянии, обычно они окружены деревьями, между которыми красиво смотрятся выбеленные дома; но, войдя в них, человек разочаровывается их неровностью, грязью и в целом обветшалым видом. Сады и лучшие дома в основном закрыты от посторонних глаз стенами, а при храмах живут бездельники, нищие и дети, в том числе свиньи и собаки.

Элегантность или орнамент, упорядоченность и грандиозность дизайна, чистота или комфорт, как эти термины применяются в Европе, почти не встречаются в китайских домах, городах или садах. Для храмов и монастырей, которые являются не только местом обитания священников, но и служат трактирами, театрами и другими объектами, выбираются выгодные или удобные места. Террасовое земледелие иногда делает склоны холмов красивыми в высшей степени, но не часто придает пейзажу отличительные черты. Высокие одинокие пагоды, обширные храмы, затененные деревьями в долине, памятные *пай-лау*, лодки, движущиеся во всех направлениях по узким речушкам или широким потокам, - вот некоторые из своеобразных элементов китайского пейзажа. На окраинах городов не встретишь внушительных особняков с красивыми приусадебными участками, потому что люди собираются в хутора и деревни для взаимопомощи и безопасности. Ни сужающиеся шпили сельских церквей, ни башни, колонны, купола или шпили в городах, обозначающие общественные здания, не возвышаются над низким уровнем крыш, покрытых темной черепицей. С вершин холмов в Китае не видно ни лугов, ни пастбищ, ни стад и отар, ни карет, ни железнодорожных вагонов, спешащих по его ландшафтам. Пароходы только начали курсировать по некоторым из его рек, нарушая своим свистом и колесами дремотную тишину прошлых веков и медленное продвижение громоздких джонок - другие изменения еще впереди.

Состояние и особенности различных семейств людей, населяющих эту великую империю, делают ее изучение гораздо более интересным, чем все, что касается ее физической географии или общественных работ. Китайцы составляют ведущую семью, но нельзя упускать из виду мяоцзы, ли-му, какиены и других аборигенов южных провинций, маньчжуров, монголов и различные татарские племена, тибетцев и некоторые дикие расы на Киране и Формозе. Сыны Хань - действительно замечательная раса, независимо от того, следует ли принимать во внимание их древность, численность, правительство или литературу, и по этим показателям они заслуживают изучения и уважения каждого разумного представителя человечества; в то время как их неустанная промышленность, их общее миролюбие и хорошее настроение, а также их достижения в домашнем порядке и механических искусствах заслуживают внимания каждого, кто видит в этих чертах характера

залог их будущего положения среди великой семьи цивилизованных народов, когда они однажды достигнут этого.

По своим физическим характеристикам китайцы находятся между легким и подвижным индусом и мускулистым, мясистым европейцем. Они хорошо сложены и симметричны; их цвет кожи - брюнетистый или болезненно-белый, скорее приближающийся к желтоватому, чем к цветочному оттенку, но этот желтый оттенок был сильно преувеличен; на юге они смуглые, но не черные, никогда не становясь такими темными, как португальцы, чьи пятые или шестые предки жили вблизи Тежу. Оттенки цвета лица сильно различаются в зависимости от широты и степени подверженности погоде, особенно у женщин. Волосы на голове длинные, черные, грубые и блестящие; борода всегда черная, тонкая и неполная; усы скудные или отсутствуют; на теле очень мало волос. Глаза неизменно черные и, по-видимому, косые, благодаря незначительной степени открытия внутренних углов век, внутренние кантики более острые, чем у западных рас, и не позволяют видеть всю радужку; эта особенность глаз отличает восточные расы Азии от всех других семейств человека. Существует заметная разница между чертами смешанной расы, живущей к югу от Мей-Линга, и жителями Великой равнины, Шанси и далее на запад; последние отличаются более тонкой внешностью. Волосы и глаза всегда черные, европеец с голубыми глазами и светлыми волосами кажется им странным; одна из причин, по которой жители Кантона называют иностранцев *фан квей*, или "иностранными дьяволами", заключается в том, что у них запавшие голубые глаза и рыжие волосы, как у демонов.

Скулы высокие, а очертания лица удивительно круглые. Нос довольно маленький, сильно вдавленный, почти вровень с лицом у корня и широкий на кончике; в этом отношении, однако, есть значительные различия, но аквильных носов не встречается. Губы толще, чем у европейцев, но не приближаются к губам негров. Руки маленькие, а нижние конечности лучше пропорциональны, чем у других азиатов. Рост тех, кто живет к северу от Янцзы, примерно такой же, как у европейцев. Тысяча мужчин, взятых на улицах Кантона, вряд ли сравнятся по росту и весу с тем же числом в Риме или Новом Орлеане, тогда как, собравшись в Пекине, они, возможно, превзойдут их; однако их мускульная сила, вероятно, будет меньше в любом из китайских городов, чем в Европе или Америке.

По размеру женщины меньше европейских; и в глазах тех, кто привык к европейскому стилю красоты, китайские женщины мало чем обладают: широкая верхняя часть лица, низкий нос и линейные глаза - все это совершенно противоположно красоте. Тем не менее, китайское лицо не лишено красоты, и когда оно оживлено хорошим настроением и выразительным взглядом, а также освещено сиянием молодости и здоровья, его черты теряют свою отталкивающую привлекательность. Они также не увядают так быстро и выглядят такими уродливыми и увядшими в старости, как утверждают некоторые путешественники, а в отношении рождения детей и сохранения бодрости больше похожи на европейцев, чем на индусов или персов.

АБОРИГЕННЫЕ ПЛЕМЕНА.

В горных районах Юньнани, Кванси и Квейчау проживает множество кланов мяоцз, или "детей земли", как можно перевести эти слова. Необычно, что кто-то из этих людей так долго сохранял свою независимость, когда столь значительная их часть частично подчинилась китайскому правлению. Тех, кто не хочет этого делать, называют *сэнг мяоцз'*, то есть дикими или "непокоренными", а остальных - *шух* или "покоренными". У них так много физических отличий, что можно сделать вывод о том, что они являются более древней расой, чем окружающие их китайцы и аборигены Южного Китая. Они меньше по размеру и росту, у

них более короткие шеи, а черты лица несколько более угловатые. Они делятся на множество племен и были описаны китайскими путешественниками, которые проиллюстрировали их привычки картинами и зарисовками, по которым можно составить представление об их состоянии. Доктор Бриджмен перевел такой рассказ, написанный китайским путешественником, в котором он описывает нравы восьмидесяти двух кланов, особенно обычаи, связанные с богослужением и браком, показывая, как мало они научились у своих правителей или улучшились по сравнению с дикарским состоянием. Изучение их языков показывает, что языки собственно миаотсз имеют сильное сходство с сиамскими и аннамскими, а языки, известные как *лоло*, обнаруживают явное сходство с бирманскими. Первые из них упоминаются в китайской истории на протяжении 4 000 лет; вторые - около 250 г. н. э., когда народ шань попал под китайское влияние в Юньнани и стал объектом воинственной экспедиции. Представители той же расы до сих пор живут на Верхнем Иравади и в Ассаме в качестве шанов и хамти, а также в бассейнах рек Мейнам и Мей-лунг, все они сродни тибетцам и бирманцам. В совокупности они представляют собой интересный реликт древних народов этой земли, и дальнейшие исследования, несомненно, позволят узнать кое-что об их истории и происхождении.^[22]

В центре Хайнаня *живет* аборигенная раса - *ли-му*, судя по тому, что об их языке известно немного, это смещение от мяоцзы. Уроженцы Формозы, похоже, имеют больше родства со своими соседями на Лусоне и южнее, чем с китайцами.

МАНЬЧЖУРЫ И МОНГОЛЫ.

Монгольская и маньчжурская расы считаются выходцами из одного и того же рода, но за века разделения при различных обстоятельствах они сильно изменились. Монголы, по сути, являются кочевой расой, в то время как маньчжуры - земледельческий или охотничий народ, в зависимости от того, в какой части страны они живут. Маньчжуры имеют более светлый цвет лица и несколько крупнее китайцев, у них такое же строение век, но больше бороды, а их лица свидетельствуют о более высоких интеллектуальных способностях. В них, кажется, есть и монгольский, и китайский характер, они обладают большей решительностью и крупностью планов, чем последние, при этом в них много грубости и надменности, присущих первым. У них светлый, если не сказать пестрый, цвет лица, прямые носы, а в некоторых случаях - каштановые волосы и густые бороды. Они более близки к китайцам, а когда правили северными провинциями во времена династии Кин, слились с ними. Их можно считать самой импровизированной расой в Центральной Азии, если не на континенте; а мастерство, с которым они управляли Китайской империей и переняли цивилизацию, более высокую, чем их собственная, обещает еще большие успехи, когда они познакомятся с цивилизацией христианских стран.

Под термином "монголы" или "моголы" скрывается множество племен, населяющих степи Центральной Азии. Они простираются от границ Хиргисской степи и Коканда на восток до Сялско-Кокандских гор, и именно к этой расе применимо название *татары* или *татары*. В настоящее время это слово не известно в народе, разве что в качестве позорного эпитета у китайцев, которые обычно пишут его двумя иероглифами-tah-tsz'-, означающими "отброшенный народ". Клапрот относит к *татарам* монголов, калмуков, калкасов, элчутов и бурятов, а киргизы, узбеки, казаки и турки имеют курдское и *туркоманское* происхождение.

Монгольские племена в целом представляют собой крепкую, приземистую, смуглую, плохо поддающуюся расу мужчин, с высокими и широкими плечами, короткими, широкими носами, острыми и выдающимися подбородками, длинными зубами, расположенными далеко друг от друга, глазами черными, эллиптическими и неустойчивыми, толстыми, короткими шеями, конечностями костлявыми и нервными, мускулистыми бедрами, но короткими ногами, с ростом почти или совсем равным европейскому. У них есть письменность, но их литература ограничена и в основном религиозная. Все племена говорят на одном и том же языке, с небольшими вариациями и лишь с незначительной примесью иностранных слов. Большинство рассказов об их происхождении, войнах и привычках были написаны иностранцами, жившими или путешествовавшими среди них; но сами они, как замечает Маккалох, знают об этом так же мало, как крысы или сурки о своем происхождении. И все же не так-то просто найти типичного монгола среди пестрой массы национальностей в их городах. Толпа в таком городе, как Яркенд, демонстрирует все разновидности человеческой расы. Исхудалый, почти безбородый маньчжур с впалыми глазами, высокими скулами и выступающими щеками контрастирует с гладким лицом, желтыми мизинцами, косыми глазами, плоскими щеками и округлыми щеками китайцев. Бородатый, бледный Тоорк, угловатый, румяный Киргиз, грубый, жесткий Дунганин, толстогубый, квадратнолицый Элевт - все они плохо сочетаются с высоким, красивым Кашмерийцем, смуглым Бадакши, крепким, умным Узбеком. Судьба огромных племен этой расы, спустившихся со столовых земель Центральной Азии и захвативших в разные эпохи равнины Индии, Китая, Сирии, Египта и Восточной Европы, а также взлет и падение гигантской империи, которую они сами воздвигли при Чингизе в XI-XII веках, - одни из самых примечательных эпизодов мировой истории. Они всегда сохраняли один и тот же характер в своих родных диких местах, их завоевания были скорее истреблением, чем покорением, их история - это летопись постоянных распрей между кланами.

Последняя из пяти рас - тибетцы, которые по своим физическим характеристикам напоминают монголов и индусов. Они невысокого роста, приземистые, широкоплечие, с угловатыми лицами, широкими, высокими скулами, маленькими черными глазами и скудной бородой. Они обладают мягким нравом, более сильным религиозным чувством, чем китайцы, и никогда не покидали своих горных районов ни в эмиграции, ни в завоеваниях. Их цивилизация полностью соответствует сиамской и бирманской, а жизнь и имущество у них в большей безопасности, чем у их беспокойных соседей в Бутане, Лахоре или Кабуле.

ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ.

Из этого краткого обзора видно, что полный отчет о географии, правительстве, нравах, литературе и цивилизации столь большой части света и ее обитателей требует совместных трудов многих наблюдателей, каждый из которых хорошо знаком с языками и институтами народа, который они описывают. Поэтому никто не будет искать в настоящем труде более чем краткое изложение этих вопросов, достаточно краткое, однако, чтобы читатель мог составить справедливое мнение об этом народе. Именно *промышленность* китайцев обеспечила им высокое место среди народов Земли. Не только местная растительность была вытеснена везде, где культура могла бы вознаградить труд, но и возвышенные холмы были обработаны и террасированы почти до самых вершин, на них были построены города, а вдоль их вершин возведены обширные цепи стен. Они практикуют все промышленные искусства, цель которых - накормить, одеть, обуть или украсить человечество, и содержат самое большое население, когда-либо объединенное под одной системой правления. Десять веков назад они были самой цивилизованной нацией на земле, и недоверие, проявленное в Европе пятьсот лет назад к рассказам Марко Поло об их состоянии, является

аналогом тех чувств, которые сейчас выражают китайцы, когда слышат о силе и величии западных наций.

Изолированная естественными границами от других народов, их цивилизация, развивавшаяся под особым влиянием, должна скорее сравниваться с европейской, чем судить о ней. Народ, от которого произошли некоторые из наиболее выдающихся изобретений современной Европы (такие как компас, фарфор, порох и книгопечатание), и который был известен и практиковался многими столетиями ранее; который, вероятно, насчитывает более трехсот миллионов человек, объединенных в одну систему манер, письма и управления; чьи города и столицы соперничают по численности с величайшими метрополиями любой эпохи; кто покрыл городами и улицами не только землю, но и воды - такой народ должен занимать видное место в истории человечества, и изучение его характера и состояния должно быть полезным для каждого доброжелателя его расы.

Писатели слишком часто упускают из виду влияние Библии на современную цивилизацию; но когда приходится сравнивать европейскую и азиатскую цивилизации, этот элемент заставляет обратить на себя внимание как на главную причину превосходства первой. Не цивилизация роскоши или литературы, искусств или священнослужителей, не дух войны, не страсть к деньгам, не выставки в торговле и применение машин делают нацию постоянно великой и процветающей. "Христианство - это итог всей цивилизации, - говорит Ченевикс, - оно содержит все аргументы, которые можно привести в его поддержку, и все предписания, объясняющие его природу". Прежние системы религии соответствовали роскоши, но только эта, похоже, была задумана для области цивилизации. Она процветала в Европе, а в Азии пришла в упадок, и самые цивилизованные народы - самые чисто христианские". Христианство - это, по сути, религия народа, и когда оно облекается в форму и превращается в священство, его жизненная сила исчезает; это одна из причин его упадка в Азии. Достижения китайцев в искусстве жизни, возможно, настолько велики, насколько они могут быть без этой пружины действия, без каких-либо других мотивов к промышленности, послушанию и морали, кроме велений или требований настоящей жизни.

Изучение мира и его различных рас в разные эпохи приводит к выводу, что у Бога есть некий план формирования национального характера, и что один народ демонстрирует развитие одной черты, в то время как другая раса делает акцент на другой и подчиняет себе первую. Так, египтяне были в высшей степени жреческой расой, посвятившей себя науке и оккультным наукам; греки развивали воображение, преуспевая в изобразительном искусстве; римляне были воинственны и являлись воплощением силы и закона; Вавилоняне и персы величественны, как золотая голова в видении Даниила; арабы хищны, переменчивы и изобретательны; турки тверды, фанатичны и бесстрастны; индусы созерцательны, религиозны и метафизичны; китайцы трудолюбивы, миролюбивы, литературны, атеистичны и самодостаточны.^[23] Одна и та же религия и постоянное общение между европейскими народами ассимилировало их больше, чем могли бы стать эти другие расы; но каждый знает национальные особенности испанцев, итальянцев, французов, англичан и т. д., и как они сохраняются, несмотря на побуждения к подражанию и слиянию. Сравнение национальных характеров и цивилизаций с целью выявления такого плана - предмет, достойный глубокого изучения любого ученого, который позволит по-новому взглянуть на человеческую расу. Считается, что китайцы достигли более высокого положения в общей безопасности жизни и имущества, в искусстве домашней жизни и комфорта среди массы людей, а также более высокой степени общего литературного интеллекта, чем любая другая языческая или магометанская нация, которая когда-либо существовала - или даже чем некоторые, называющие себя сейчас христианскими, как Абиссиния. Однако они, вероятно, сделали

все, что могли, и достигли той высоты, на которую способны без Евангелия; и его введение с сопутствующими влияниями в течение долгого времени изменит их политическую и социальную систему. Возникновение и развитие этой революции среди столь могущественной массы человеческих существ составит одну из самых интересных частей истории мира в течение девятнадцатого века и решит проблему, возможно ли возвысить расу без промежуточных шагов дезорганизации и реконструкции.

ГЛАВА II. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЙ.

Провинции Собственного Китая политически разделены научным образом, но в регионах за их пределами это деление значительно изменено. Маньчжурия считается принадлежащей царствующей семье, подобно тому как Ганновер когда-то принадлежал королям Англии, а ее немногочисленное население управляется простой военной организацией, высшие чиновники назначаются самим его величеством. Ханам монголов в Монголии и Или, магометанским бегам в Туркестане и ламам в Тибете помогают править китайские резиденты и генералы, которые направляют и поддерживают правительство.

География иностранных государств не изучалась китайцами, и так мало образованных людей путешествовали даже по островам Индийского архипелага или королевствам Сиам, Корея или Бирма, что у народа не было возможности познакомиться со странами, лежащими на его границах, а тем более с более отдаленными, чьи названия даже им почти неизвестны. Существует несколько отечественных работ по зарубежной географии, среди которых можно выделить четыре. "1. Исследования Востока и Запада", 6 томов, 8vo. Написано около двух веков назад; первый том содержит несколько грубых карт, призванных показать положение и форму иностранных государств. 2. Известия о морях, 1 том. Его автор, Ян Пин-нань, получил свои сведения от одного горожанина, который, потерпев крушение в море, был подобран иностранным кораблем и путешествовал за границей в течение четырнадцати лет; по возвращении в Китай он ослеп и был нанят в качестве переводчика в Макао. 3. Notices of Things heard and seen in Foreign Countries, 2 vols. 12mo; написано около века назад, содержит, помимо прочего, карту всего китайского побережья. 4. Меморандумы иностранных племен, 4 тома 8vo, изданные в правление Кьенлунга". [24] Более методичным является труд Ли Цин-лая под названием "Таблички, иллюстрирующие небеса", представляющий собой астрономический и географический труд, большая часть содержания которого была получена от европейцев, проживавших в стране. Но даже если бы у китайцев были лучшие трактаты на эти темы, информация, содержащаяся в них, была бы малополезной, пока ее не преподавали бы в их школах. Высшие должностные лица в правительстве начали понимать важность лучшего знакомства с общей географией. Комиссар Линь в 1841 году опубликовал частичный перевод "Географической циклопедии" Мюррея в 20 томах; губернатор Сеу Ки-ю в 1850 году издал сборник географических сведений с картами, и многие другие, более точные и обширные, существуют в настоящее время.

Как бы ни были скудны их географические труды о чужих странах, те, что описывают топографию собственной страны, вряд ли могут сравниться с ними по количеству и детальности на любом языке: каждый важный район и город в империи, а также каждый департамент и провинция имеют свою собственную местную географию. Можно сказать, что топографические и статистические работы составляют, после этических, самую ценную

часть китайской литературы. Нетрудно было бы собрать библиотеку из 10 000 томов одних только таких трактатов; топография города Сухау и провинции Чехкианг насчитывает по 40 томов, а "Квантун Тунг Чи", "Историко-статистический отчет о Квантуне", - 182 тома. Ни одна из этих работ, однако, не может быть переведена полностью, так как в них содержится большое количество легендарных и неважных сведений; но они содержат много данных, которые не должны быть упущены тем, кто берется писать географию Китая.

КЛИМАТ ПРОВИНЦИЙ.

Климат восемнадцати провинций представлен в метеорологических таблицах достаточно хорошо, чтобы убедиться в его общей благоприятности. Чума не часто посещает эту землю, и, как в Южной Индии, она не заливается дождями во время одного муссона и не изнывает от засухи во время другого. Средняя температура по всей империи ниже, чем в любой другой стране на той же широте, а побережье подвержено тем же крайностям, что и Атлантические штаты в Америке. Изотермическая линия средней за год температуры в 70° F., проходящая к югу от Кантона, проходит мимо Каира и Нового Орлеана, на восемь градусов севернее; линия средней температуры в 60° F. проходит от Шанхая к Марселю, Роли, Сент-Луису и к северу от Сан-Франциско; а линия средней температуры в 50° F. проходит около Пекина, далее к Вене, Дублину, Филадельфии и Пьюджет-Саунду, на широте 52°. Эти различные линии показывают, что если в Шанхае и Пекине температура схожа с Роли и Филадельфией, расположенными почти на своих параллелях, то Кантон - самое холодное место на земном шаре в своей широте и единственное место в тропиках, где снег выпадает вблизи морского берега. Один из результатов этой проекции умеренного пояса на тропический виден в большей энергичности и размерах людей трех южных провинций по сравнению с любыми расами на той же параллели в других местах; и производство не является строго тропическим. Изотермические линии для года, приведенные выше, не столь неравномерны, как для зимы. Линия 60° F. проходит по югу Формозы и Гонконга, до Каира и Сент-Огастина, что составляет девять градусов; но зимняя линия 40° F. проходит от Шанхая до Константинополя, Милана, Дублина и Роли, заканчиваясь в Пьюджетс-Саунд, что составляет двадцать градусов. Третья линия 32° для зимы проходит через Шантунг в Северный Тибет и Черное море, Норвегию, Нью-Йорк и Ситку - диапазон двадцать пять градусов.

Пекин (широта 39° 55' с. ш.) представляет собой среднюю характеристику климата этой части равнины. Крайние значения колеблются от 104° до нуля по Цельсию, но среднегодовая температура составляет 52,3° по Цельсию, что на 9° ниже, чем в Неаполе; средняя температура зимой на 12° ниже нуля, что примерно на 18° ниже, чем в Париже (широта 48° 50'), и на 15° ниже, чем в Копенгагене. Количество осадков редко достигает шестнадцати дюймов в год, большая часть выпадает в июле и августе; небольшой снег, который сходит, остается на земле всего два или три дня и скорее сдувается, чем тает; никто не ассоциирует белое с зимой, но о снеге искренне молятся как об очистителе воздуха от дифтерии и лихорадки. Ветры с плато заставляют барометр и термометр падать, но небо остается ясным. Весной, когда жара усиливается, ветры поднимают над страной пыль и песок; некоторые из этих песчаных бурь доходят даже до Шанхая, унося с собой миллионы тонн почвы с прежнего места. Засушливость региона, очевидно, усилилась за последнее столетие, и постоянные засухи уничтожают деревья, которые своим отсутствием усиливают иссушение, происходящее сейчас. Морозы закрывают реки на три месяца, а лед стоит дешево. После того как в августе полностью поспевает второй урожай, осень становится мягкой и до 10 декабря спокойной и благодатной.[\[25\]](#)

Климат на равнине в целом хороший, но вблизи рек и болот вдоль Большого канала преобладают агу и кишечные расстройства. Один из жителей говорит о температуре в

Нанкине и его окрестностях: "Эта обширная равнина - лишь наполовину осушенное болото, влажность здесь чрезмерна, что порождает множество странных болезней, все они серьезны и нередко смертельны. Климат поражает как выходцев из других провинций, так и европейцев. Я не знал ни одного из последних, кто бы не болел в течение шести месяцев или года после приезда. Каждый, кто приезжает сюда, должен готовиться к терции или к квоте. У меня самого, после двухмесячного страдания от злокачественной лихорадки, было десять приступов болезни, которую китайцы называют *леском*, потому что кожа покрыта маленькими черноватыми прыщиками, похожими на пылинки. Она быстро и бурно развивается и так быстро разлагает кровь, что через несколько минут она застаивается и сворачивается в венах. Лучшее средство, которое есть у людей, - это обкалывание наименее мясистых частей тела медным кашеваром. Первый приступ, который я испытал, привел к бесчувствию всех моих конечностей в течение двух минут, и я ожидал, что умру, прежде чем смогу получить крайнее отлучение. После того как я немного оправился, наступила сильная вялость". [26] Муссоны являются важным элементом приморского климата вплоть до 31° северной широты. Сухой и влажный сезоны соответствуют северо-восточному и юго-западному муссонам, смягчая летний зной своими охлаждающими ливнями и делая зимы бодрящими и здоровыми. Выше Формозского канала они менее регулярны летом, чем зимой.

КЛИМАТ ПРИБРЕЖНЫХ ГОРОДОВ.

Жители Шанхая страдают от резких перемен в осенние и весенние месяцы, распространены легочные и ревматические заболевания. Максимальная жара достигает 100° F., а минимальная - 24°, но лед встречается редко, и снег долго не лежит на земле. Средняя температура летом составляет от 80° до 93° днем и от 60° до 75° ночью; зимой столбик термометра колеблется от 45° до 60° днем и от 36° до 45° ночью.

Из-за холмов экстремальные температуры в Нинпо гораздо выше, чем в Шанхае. В течение двенадцати месяцев столбик термометра колеблется от 24° до 107°, а изменения на 20° в течение двух часов не являются редкостью, что делает его самой нездоровой станцией на побережье. В этом месте жаркий и холодный сезон длится по три месяца. При северо-восточных ветрах холод становится очень пронзительным, и приходится разжигать костры, но туземцы довольствуются дополнительной одеждой. Большие кирпичные кровати (*канг*), распространенные в Чихли, встречаются нечасто. В водоемах образуется лед, который собирают для сохранения рыбы. Снег выпадает часто, но лежит недолго. Иногда он покрывает холмы в Чехкианге на несколько недель на глубину до шести дюймов. Фухчау и Кантон лежат у подножия холмов, в сотне миль от морского побережья, и их климат отличается большей экстремальностью, чем климат Амоя и Гонконга. Мороз и лед - обычное явление для каждой зимы в этих городах, поэтому в домах приятно разжигать огонь. В Фухау температура колеблется от 38° до 95°, в среднем 56° в декабре и 82° в августе. Вдоль всего этого побережья лето очень приятное благодаря освежающим муссонам. Климат Амоя восхитителен, но его изолированное положение делает проживание несколько менее приятным, чем на главном побережье. Здесь термометр колеблется от 40° до 96° в течение года, без таких быстрых изменений, как в Нинпо. Жара держится дольше, хотя и смягчается бризами с моря.

Метеорология Кантона и его окрестностей была тщательно изучена; в целом климат Кантона, и особенно Макао, можно считать более благоприятным, чем в большинстве других мест, расположенных между тропиками. Термометр в Кантоне в июле и августе показывает в среднем от 80° до 88°, а в январе и феврале - от 50° до 60°. Самая высокая температура, зафиксированная в 1831 году, составила 94° в июле, а самая низкая - 29° в январе. В мелких

судах иногда образуется лед толщиной в линию или две, но он не используется. В феврале 1835 года здесь выпал снег глубиной почти два дюйма, который пролежал на земле три часа. Никогда не видевшие такого снега, жители едва ли знали, как его правильно называть: некоторые называли его *падающим хлопком*, и каждый старался сохранить немного для лихорадки. Еще одно подобное падение произошло зимой 1861 года. Туманы - обычное явление в феврале и марте, и жара иногда делает их очень неприятными, приходится поддерживать небольшой огонь, чтобы просушить дом. Большая часть дождей выпадает в мае и июне, но нет ничего похожего на сезон дождей в Калькутте и Манилле в июле, августе и сентябре. Регулярный муссон приходит с юго-запада, и частые ливни ослабляют жару. В последующие месяцы начинаются северные ветры, но с октября по январь температура приятная, небо ясное, а воздух бодрящий. Немногие крупные города более здоровы, чем Кантон; здесь нет эпидемий и малярии, несмотря на то, что большая часть города построена на сваях.

Из-за близости к морю климат Макао и Гонконга не так сильно отличается от кантонского. Немногие города в Азии более благотворны, чем Макао, хотя отмечается, что немногие из местных жителей достигают преклонного возраста. Максимальная температура воздуха составляет 90°, а средняя летняя жара - 84°. Минимум - 50°, а средняя зимняя погода - 68°, при этом солнце светит почти непрерывно. Туманы здесь бывают нечасто, но на реке они преобладают, причем в Уампоа они часты. Северо-восточные шторма обычны весной и осенью и имеют заметную периодичность в три дня. В течение зимы растительность не меняется, деревья перестают расти, а трава становится коричневатой; но под воздействием теплой влаги в марте пейзаж вскоре заметно меняется, и ярко-зеленые листья быстро сменяются старыми. В ранние времена Гонконг был известен своей нелюдимостью по другим причинам, нежели климат, а когда он стал хорошо построенным и хорошо дренированным городом, его нелюдимость исчезла. Дождей здесь выпадает больше, чем в Макао, из-за притяжения высоких вершин. В дождливую погоду стены домов становятся сырыми, а если они недавно оштукатурены, то капает влага.

Китайцы считают провинции Квантун, Кванси и Юньнань самыми нездоровыми из восемнадцати, и по этой причине используют их в качестве мест ссылки для преступников из северо-восточных районов. Центральные районы страны, по некоторым данным, являются наиболее благоприятными, они не так подвержены резким изменениям, как побережье, и не так холодны, как западные и северные районы. Сз'чуен и Квейчау холоднее, чем Фухкиен и Чехкианг, из-за гор на их границах.

ДОЖДЬ НА КИТАЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ ПОБЕРЕЖЬЯХ.

Заметный контраст между китайским и американским побережьями в отношении дождей, несомненно, в значительной степени объясняется наличием на первом из них островов от Формозы до Сагалиена, высокие горы которых задерживают облака при их продвижении вглубь континента. *Куро-сиво*, находясь за их пределами, допускает гораздо большую массу холодной воды между ним и берегом на китайском, чем на атлантическом побережье, и делает его более холодным из двух почти на восемь градусов широты, если рассматривать только изотермические линии. Эта масса холодной воды, обладающая меньшим испарением, лишает приморские провинции дождей, уменьшая их количество по мере продвижения на север вдоль окраины равнины, пока не будет достигнут Чанг-пех-шань. Дожди, которые выпадают в западных провинциях и на склонах гор Баян-кара, приходят с Индийского океана во время юго-западного муссона, выпадают в меньших количествах по мере того, как облака перемещаются на северо-восток через бассейны рек Янцзы и Желтой. В западной части Кансуха влажность покрывает горы большей растительностью, чем дальше

на восток, к океану. Снег выпадает уже в июне, а заморозки случаются в каждом месяце года. Огромная высота западной части Китая вблизи Тибета, отсутствие водных просторов, подобных великим озерам, и безлюдность гор к северу от Мей-Линга во многом объясняют эту разницу между Соединенными Штатами и Китаем; но для точных выводов необходимы более обширные данные.

Количество осадков в Кантоне составляет 70 дюймов в год, что является средним показателем за шестнадцать лет наблюдений. В один из этих годов было зарегистрировано девяносто дюймов. Почти половина всего количества осадков выпадает в мае, июне и сентябре. Среднее значение в Шанхае за четыре года составило 36 дюймов. В долине реки Янцзы наблюдений не зафиксировано. У края плато среднее количество осадков составляет 16 дюймов в провинции Чили, а в Шанси и Шантунге, где влага притягивается горами, и того больше. Более трех четвертей осадков выпадает в течение десяти недель, заканчивающихся 31 августа. Снег редко лежит на поверхности земли более двух недель.

ТАЙФУНЫ.

Повышенная температура на южном побережье в июне и июле, наряду с другими причинами, вызывает сильные штормы вдоль морского побережья, называемые *тифонами* - слово, происходящее от китайского *ta-fung*, или "большой ветер". Эти разрушительные торнадо возникают от Хайнаня до Чусана в период с июля по октябрь, постепенно продвигаясь на север по мере продвижения сезона и уменьшаясь в ярости в более высоких широтах. Ежегодно они наносят огромный ущерб местному и иностранному судоходству в китайских водах: более половины парусных судов, погибших на этом побережье, пострадали от них. К счастью, их ярость чаще всего проходит на море, но когда они случаются на суше, потери людей ужасают. В августе 1862 года и 21 сентября 1874 года число погибших во время двух таких штормов в Кантоне, Гонконге и их окрестностях превысило 30 000 человек. В последнем случае американский пароход "Аляска" водоизмещением 3 500 тонн был снят с якоря и спокойно сел в пятифуттовую воду недалеко от берега, откуда спустя несколько месяцев благополучно всплыл.

Тифоны исчерпывают свою силу в пределах узкой трассы, которая, в тех случаях, которые были зарегистрированы, не имеет единого направления, кроме как с юга на север, под большим или меньшим углом, вдоль побережья. Основными явлениями, указывающими на их приближение, являются направление ветра, который начинает дуть мягкими зефирами с севера, не ослабляя, однако, жары и не нарушая удушающего спокойствия, и падение барометра. Обычно он начинает падать за несколько часов до начала шторма, а о разрежении воздуха свидетельствует набегающая на берег сильная волна, хотя море остается непоколебимым. Ветер усиливается, отклоняясь к северо-востоку, и с этой точки на юго-восток дует с наибольшей силой в порывах. Самый сильный дождь идет ближе к концу шторма, когда стекло начинает подниматься. Барометр нередко опускается ниже 28 дюймов. Капитан Крузенштерн в 1804 году рассказывает о своем удивлении, когда увидел, что ртуть опускается за пределы видимости.

Китайцы возвели на Хайнане храмы Матери тайфунов, богине, которую они молят о защите от этих ураганов. Они рассказывают, что "за несколько дней до того, как начинается тайфун, через определенные промежутки времени слышится легкий шум, кружащийся вокруг и затем останавливающийся, иногда стремительный, иногда медленный. Это и есть "тифозная заварушка". Затем огненные облака собираются в плотные массы, гром звучит глубоко и тяжело. Появляются радуги, то образуя непрерывную кривую, то разделяясь, и концы лука

погружаются в море. Море издает ревущие звуки и вскипает от яростных всплесков; рыхлые скалы бьются друг о друга, и оторванные водоросли покрывают воду; стоит густая, мутная атмосфера; водоплавающие птицы летают в испуге; деревья и листья склоняются к югу - начался тифон. Если к этому добавляется сильный дождь и страшный прибой, сила бури вырывается на свободу, и дома взлетают на холмы, а корабли и лодки уносятся на сушу; лошади и скот переворачиваются на пятки, деревья вырываются с корнем, а море бурлит на двадцать или тридцать футов, затопляя поля и уничтожая растительность. Это называется *tieh kü*, или *железный вихрь*".[27] Те удивительные порывы, которые ежегодно возникают в Атлантических Штатах и называются *торнадо*, определяемые как локальные бури, затрагивающие участок поверхности длиной в несколько миль, неизвестны в Китае. Здоровый климат Китая во многом повлиял на цивилизацию его жителей. Ни одна подобная территория в мире не превосходит его по общей благоприятности.

ФУ, ТИНГ, ЧАУ И ХИЕН.

Китайцы - единственный народ, который с помощью термина, добавляемого к названию места, попытался обозначить его относительный ранг. Три слова, используемые для этой цели, а именно *фу*, *чау* и *хиен*, были переведены как "первый", "второй" и "третий" ранг; но такая градация не совсем верна, поскольку эти термины относятся не только к городу или поселку, но и к тем частям страны, столицей которых он является. Природа этих и других терминов, а также подразумеваемое ими деление объясняются таким образом:

"Восемнадцать провинций делятся на *фу*, *тинг*, *чау* и *хиен*. *Фу* - это большая часть или департамент провинции, находящийся под общим управлением одного гражданского чиновника, непосредственно подчиненного главам провинциального правительства. *Тинг* - это часть провинции, меньшая, чем *фу*, и либо подобная ему, управляемая чиновником, непосредственно подчиненным главе провинциального правительства, либо составляющая подчиненную часть *фу*. В первом случае он называется *chih-lí*, то есть под "прямым управлением" провинциального правительства; во втором случае он просто называется *ting*. *Чау* - это подразделение, похожее на *тинг*, и, как и он, либо независимое от любого другого подразделения, либо входящее в состав *фу*. Разница между ними заключается в том, что управление *тингом* больше похоже на управление *фу*, чем на управление *чау*: управление *чау* менее дорогостоящее. *Тинги* и *чау*, относящиеся к классу, к которому относится термин *чи-ли*, могут называться, как и *фу*, *департаментами* или *префектурами*, а термин *чи-ли* может быть передан словом *независимый*. Подчиненные *районы тин* и *чау* могут называться *округами*. *Хиен*, который также является *районом*, - это небольшое подразделение или подчиненная часть департамента, как *фу*, так и независимого *чау* или *тинга*.

"В каждом *фу*, *тинг*е, *чау* и *хиене* есть по крайней мере один обнесенный стеной город, местонахождение его правительства, которое носит то же название, что и департамент или округ, к которому оно относится. Так, Сяншань - главный город округа Сяншань-хиен, а Шаукинг - департамента Шаукинг-фу. Европейские писатели называли главные города *фу* или департаментов городами первого порядка; города *чау* - городами второго порядка; города *хиен* - городами третьего порядка. Отдел, называемый *тин*, встречается редко и не учитывается, что не признается в Китае. Следует заметить, что главный город *фу* всегда является также главным городом округа *хиен*; иногда, когда он имеет значительные размеры и значение, он и страна вокруг него разделяются на два округа *хиен*, оба из которых имеют резиденцию своего правительства в одних и тех же стенах; но это не относится к отделам *тин* и *чау*. Округа не всегда делятся на части; бывают случаи, когда на целый округ приходится всего один важный город. Но так как часто встречаются большие и даже обнесенные стенами города, не входящие в число главных или окружных городов и,

следовательно, не являющиеся местом расположения регулярной магистратуры *чау* или *хиен*, подразделение округа поэтому часто становится необходимым; и для лучшего управления такими городами и окружающими их городами назначаются магистраты, которые являются вторичными по отношению к магистратам департаментов или округов, в которые они входят. Так, Фушань - очень большой торговый город или март, называемый *чин*, расположенный в округе Наньхай департамента Кванчау, примерно в двенадцати милях от Кантона. Поэтому у начальника департамента есть помощник, проживающий там, и город частично находится под его управлением, а частично - под управлением магистрата Наньхая, в чей округ он входит, но который проживает в Кантоне. В провинциях есть несколько таких городов, например, Кингтех в Кианси, Сянтан в Хунани и т.д.; они не обнесены стенами. Макао представляет собой еще один пример: будучи местом, имеющим определенное значение, как по своим размерам, так и по проживанию иностранцев, над ним поставлен помощник магистрата Хианшань, а также он находится под контролем помощника главного магистрата *фу*. Из этих помощников магистрата два *чина* являются второстепенными по отношению к главному магистрату *фу*, два - по отношению к магистрату *чау* и два - по отношению к магистрату *хиен*. Места, находящиеся под управлением этих помощников магистрата, называются разными именами, чаще всего *чин* и *со*, а иногда также *чай* и *вэй*. Эти названия, по-видимому, не связаны с какой-либо конкретной формой муниципального управления, существующей в них; но *чау* и *вэй* часто являются военными постами; иногда место является, в отношении его гражданского управления, главным городом *фу*, в то время как в отношении его военного положения оно называется *вэй*. Есть и другие города, еще менее значительные; они находятся под управлением низших магистратов, которые называются *сиун киен*: часть страны, находящаяся под управлением такого магистрата, называется *сз'*, что лучше всего отражает термин волость или коммуна. Город Уампоа и окружающая его местность образуют один из таких районов, называемый *Kiautang sz'*, относящийся к округу Пванью в департаменте Кванчау.

"В горных районах Кванси, Юньнань, Квейчау, Сцюзнь и в некоторых других местах есть районы, называемые *ту сз'*. Среди них существуют те же различия *фу*, *чау* и *хиен*, а также второстепенное деление *sz'*. Магистраты этих департаментов и округов передаются по наследству, являясь единственными наследственными местными чиновниками, признаваемыми верховным правительством.

"Существует более крупное деление, чем все вышеперечисленные, но поскольку оно преобладает не повсеместно, то не было упомянуто в первую очередь. Оно называется "*тау*", т. е. курс или контур, и включает в себя два или более департамента провинции, будь то *фу*, или независимый *тинг*, или *чау*. Эти округа находятся под управлением должностных лиц, называемых *тау-тай* или интендантами округа, которые часто сочетают с политическими и судебными полномочиями военную власть и различные обязанности, связанные с территорией или доходами". [28]

Восемнадцать провинций получили свои нынешние границы и деление во времена правления Кьенлуна; о том, насколько мало продвинулись за рубежом в изучении географии Китая, свидетельствует тот факт, что, хотя эти деления были установлены сто лет назад, старые обозначения, существовавшие время исследования в 1710 году, все еще встречаются во многих современных европейских географических картах. Следующая таблица показывает их нынешнее деление и управление. Три столбца под заголовком "*Департаменты*" содержат *фу*, *цили тинг* и *цили чау*, все из которых являются префектурами; три столбца под заголовком "*Районы*" содержат *тинг*, *чау* и *хиен*.

ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ДЕЛЕНИЕ СОБСТВЕННО КИТАЯ.

ПРОВИНЦИИ.	ПЛОЩАДЬ В ЭНГЕЛЬСКИХ КВ. МЛС.	ДЕПАРТАМЕНТЫ.			РАЙОНЫ.			КАПИТАЛ.	ПРАВИТЕЛЬСТВО.
		Фу	Тинг	Чау	Тинг	Чау	Хиен		
Северные провинции.									
Чихли	58,949	11	..	6	3	17	124	Паутинг фу.	Правит генерал-губернатор или цунгтух.
Шантунг	65,104	10	..	2	..	9	96	Циньань фу.	Каждой из них отдельно управлял вице-губернатор или фуюэн.
Shansi	55,268	9	..	10	3	6	85	Тайюэнь фу.	
Хонан	65,104	9	..	4	..	6	97	Кайфун фу.	
Восточные провинции.									
Киангсу	92,961	8	1	3	2	3	62	Киангнинг фу.	Каждый из них подчинялся одному генерал-губернатору, называемому Лян Кян цунгтух.
Нганхвуи		8	..	5	..	4	50	Нганкинг фу.	
Киангси	72,176	13	..	1	2	1	75	Наньчан фу.	
Чехкианг	39,150	11	..	..	1	1	76	Хангчау фу.	Каждый из них подчинялся генерал-лейтенанту, подчиненному генерал-губернатору, называемому Мин Чех цунгтух.
Фухкиен	53,480	10	..	2	3	..	62	Фухчау фу.	
Центральные провинции.									
Нирен	144,770	10	..	1	..	7	60	Вучан Фу.	Каждый из них подчинялся генерал-лейтенанту, подчиненному генерал-губернатору, который
Хунань		9	3	4	..	3	64	Чанша.	

									назывался <i>Лян Ху цунтух</i> .
Южные провинции.									
Квантун	79,456	9	2	4	3	7	79	Кванчау-фу, или Кантон.	Два вице-губернатора, подчиненные генерал-губернатору, назывались <i>Лян Кван цунтух</i> .
Кванси	78,250	11	..	1	3	16	47	Квейлин Фу.	
Юньнань	107,969	14	3	4	5	27	39	Юньнаньск ий фу.	Два вице-губернатора, подчиненные генерал-губернатору, называемому <i>Юн Квей цунтух</i> .
Квейчау	64,554	12	3	1	5	13	34	Квайян фу.	
Западные провинции.									
Шенси	154,008	7	..	5	5	5	73	Síngan fu.	Под началом генерал-губернатора, называемого <i>Шен Кан цунгтух</i> , и одного вице-губернатора над Шенси.
Кансух		9	..	6	7	7	51	Ланчау фу.	
Ш'чуэнь	166,800	12	6	8	9	11	111	Чингту фу.	Управляется генерал-губернатором.

Провинция Чихли - самая важная из всех. На иностранных картах ее иногда пишут Pechele (т.е. Северная Чихли) - название, которое раньше давали ей, чтобы отличить от Kiangnan, или *Nan-chihlí*, в которой когда-то находилась резиденция правительства. Это название скорее описательное, чем техническое, и означает "Прямое правление", обозначая, что из этой провинции исходит верховная власть, управляющая империей; поэтому любая провинция, в которой должен находиться император и двор, будет называться *Чихли*, а ее главный город - *Кинг*, "столица", или *Кинг-ту*, или *Кинг-шз*, "двор столицы". Поверхность этой провинции, лежащей к югу от Великой стены, ровная, за исключением нескольких гряд холмов на западе и севере, в то время как восточные части и те, что к югу от Персидского залива, относятся к самым плоским участкам Великой равнины.

На северо-востоке она граничит с Ляотунгом, где на небольшом расстоянии проходит граница Великой стены; на востоке - с заливом Печеле; на юго-востоке и юге - с Шантунгом; на юго-западе - с Хонаном; на западе - с Шанси; на севере - с Внутренней Монголией, где

границей служит река Ляу. Обширная область за стеной, занятая в основном сахарскими монголами, теперь включена в юрисдикцию и находится под управлением офицеров, проживающих у одних из гарнизонных ворот Великой стены; площадь этой части составляет около половины площади всей провинции. Главное управление провинции, Шуньтянь, будучи большим и важным, поскольку содержит метрополию, разделено на четыре лу или округа, каждый из которых находится под управлением субпрефекта, подчиненного префекту, живущему в Пекине.

Пекин[29] (то есть Северная столица) расположен на песчаной равнине, примерно в двенадцати милях к юго-западу от реки Пэй-хо и более чем в ста милях к западо-северо-западу от ее устья, на широте $39^{\circ} 54' 36''$ с. ш. и долготе $116^{\circ} 27'$ в. д., то есть почти на параллели Самарканда и Филадельфии. $116^{\circ} 27'$ в.д., или почти на параллели Самарканда, Неаполя и Филадельфии. Этот город заслуживает внимания по многим параметрам. Его древняя история как столицы *Йен Квох* ("Страны ласточек") в феодальные времена и его позднее положение как метрополии империи на протяжении многих веков придают ему историческое значение; а его императорские здания, широкие проспекты с внушительными воротами и башнями, его регулярное расположение, протяженность, многолюдность, разнообразие костюмов и снаряжения делают его для путешественника самым интересным и уникальным городом в Азии. Сейчас он разрушен и беден, но остатки его бывшего величия при процветающем правлении Кьенлунга свидетельствуют о справедливости сравнений, сделанных католическими писателями с западными городами сто восемьдесят лет назад. Вся окружность стен и пригородов оценивается Гиацинтом в двадцать пять миль, а площадь - в двадцать семь квадратных миль, но более точные измерения только стен дают сорок одну *ли*, или 14,25 мили (или 23,55 километра) для маньчжурского города, включая поперечную стену, и двадцать восемь *ли*, или десять миль, для китайского города на юге; не считая поперечной стены, окружность измеряется почти двадцать одной милей. Пригороды возле тринадцати внешних ворот в целом составляют небольшую долю от общей площади; их площадь - почти двадцать шесть квадратных миль. Те жители, которые имели наилучшие возможности, оценивают все население в миллион или немного меньше; нет никаких переписей, чтобы подтвердить эту цифру, и нельзя сказать, какова пропорция маньчжуров, монголов и китайцев, кроме того, что последние превосходят всех остальных. Дю Хальде считал, что их около трех миллионов, а Клапрот - один миллион триста тысяч; и, вероятно, каждый из них был прав в определенный период, так как их число уменьшилось с бедностью правительства.

ВОРОТА АНЬ-ТИН, ПЕКИНСКАЯ СЕНА.

ПОЛОЖЕНИЕ И ИСТОРИЯ ПЕКИНА.

Китайцы считают Пекин одним из своих древних городов, но столицей всей империи он стал только после того, как Кублай основал здесь свой двор в 1264 году. Императоры династии Мин, сменившие монголов, держали свой двор в Нанкине, пока Юнглох не перенес резиденцию правительства в Пекин в 1411 году, где она с тех пор и остается. При монголах город назывался *Хан-балиг* (т.е. город хана), в летописях тех времен он был заменен на Камбалу; на китайских картах он обычно называется *Кинг-шз'*.

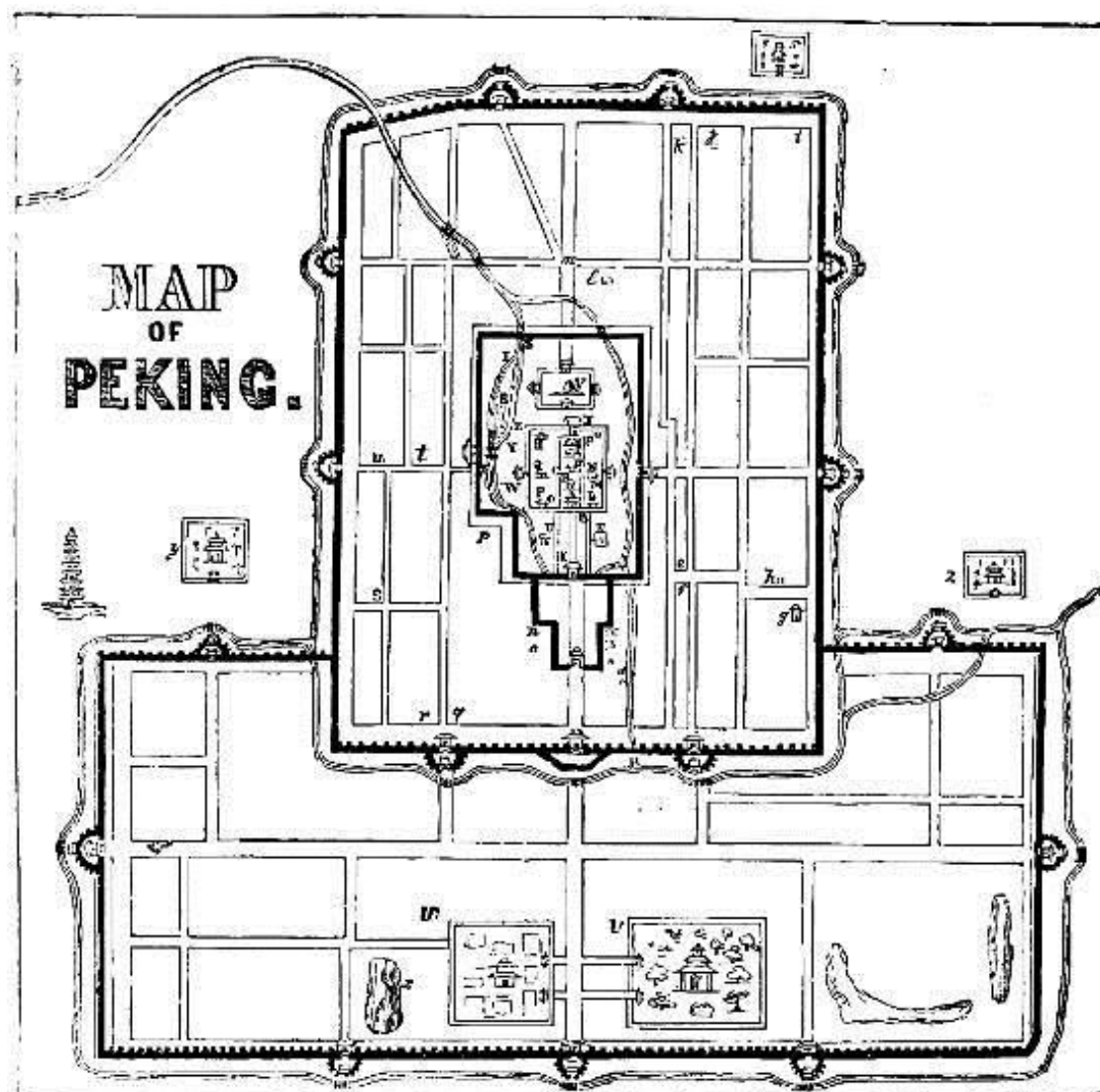
За свою историю Пекин существовал под разными именами; после каждого бедствия его стены менялись, а дома перестраивались, так что сегодня он, подобно столицам древних Римской и Византийской империй, стоит на обломках многовековых построек. Самые значительные реконструкции были проведены династией Ляо в 937 году н.э., которая полностью перестроила город, и правителями династии Кин в 1151 году.

Сначала он был окружен одной стеной, пробитой девятью воротами, поэтому его иногда называют Городом девяти ворот. Южные предместья были закрыты Киацингом в 1543 году, и теперь город состоит из двух частей: северной, или внутренней (*Нуй-цзин*), площадью около пятнадцати квадратных миль, где находятся дворец, правительственные здания и казармы для войск; и южной, или внешней (*Вай-цзин*), где живут китайцы. Стена маньчжурского города в среднем имеет высоту пятьдесят футов, ширину сорок футов вверху и около шестидесяти футов внизу, причем большая часть наклона приходится на внутреннюю сторону. Стена вокруг Внешнего города не превышает тридцати футов в высоту, двадцати пяти в толщину внизу и около пятнадцати вверху. Терраса вымощена кирпичом весом в шестьдесят фунтов каждый; вокруг всего города тянется зубчатый парапет, предназначенный только для лучников или мушкетеров, поскольку в нем нет отверстий для пушек. Это, несомненно, лучшая стена, окружающая любой город из ныне существующих. Возле ворот, которых всего шестнадцать, стены облицованы камнем, а в других местах - большими кирпичами, уложенными в бетон из извести и глины, который со временем становится почти таким же прочным, как камень. Промежуточное пространство между

облицовками заполнено землей, взятой из рва, который окружает город. Квадратные контрфорсы расположены с интервалом в шестьдесят ярдов на внешней стороне, каждый из них выступает на пятьдесят футов, а каждый шестой в два раза больше остальных; их верхушки служат местом для размещения войск, чтобы противостоять боковым атакам. Над каждым воротами возвышается многоэтажная кирпичная башня высотой более ста футов, построенная в виде галереи с проемами и придающая городу весьма внушительный вид при приближении к нему с широкой равнины. Ворота маньчжурского города имеют двойной вход, образованный соединением их опорных бастioned с круглой стеной, в которой находятся боковые входы, образуя, таким образом, энцинт площадью в несколько акров, в котором выделяется выложенный желтой плиткой храм покровителя Бога войны. Арки всех ворот выстроены из прочного гранита, а массивные двери закрываются и запираются каждый вечер вскоре после наступления темноты.

ОБЩИЙ АСПЕКТ СТОЛИЦЫ.

По бокам ворот, а также между ними находятся эспланады для подъема на вершину; для простого народа они закрыты, а стражникам не разрешается приводить на стену своих женщин, что будет считаться оскорблением Кванти. Ров вокруг города питается из реки Тунхуэй, которая также снабжает все другие каналы, проходящие через город. К Пекину от Тунг-чау ведет возвышенная каменная дорога, но ничего из построек внутри стен не видно, и если бы не высокие башни над воротами, он больше напоминал бы лагерь, окруженный массивной стеной, чем крупный мегаполис. Ни шпили и башни церквей, ни колонны и памятники, ни купола и минареты, ни даже многочисленные дома повышенной этажности не нарушают унылого однообразия этого или любого другого китайского города. В Пекине разноцветная желтая или зеленая черепица на официальных зданиях,^[30] смешанная с коричневыми крышами обычных домов, привносит разнообразие в пейзаж, но главными объектами, разбавляющими монотонность, являются большие кусты деревьев и флагштоки, расположенные парами возле храмов. Вид со стен впечатляет грандиозными идеями основателей города, а дворцы в Запретном городе, возвышающиеся над всем остальным, достойно демонстрируют их представления о том, что подобало государям Среднего царства. Колокольная и Часовая башни, Проспект-хилл, дагобы, пагоды и надвратные башни, и, наконец, Храм Неба - все это также видно с этой точки, и делает сцену живописной и своеобразной.^[31]

КАРТА ПЭКИНГА.

ССЫЛКИ.

- А. Врата Меридиана.
- В. Врата обширного мира.
- С. Зал совершенного мира.
- D. Зал безопасного мира.
- Е. Небесный дворец - императорский.
- F. Дворец земного покоя - дворец императрицы.
- G. Ворота в земной покой, ведущие в сад.
- H. Ching-hwang miao.
- I. Храм Великого Счастья.
- J. Северные ворота Запретного города.
- K. Нуи Кох, или Зал Тайного совета, находится внутри стены.
- K. Врата небесного покоя.
- L. Зал интенсивных умственных упражнений.
- M. Библиотека, или Зал литературной бездны.

- N. Императорский родовой зал.
- O. Зал национальных портретов.
- P. Printing Office.
- Q. Суд контролеров Имперского клана.
- R. Мраморный остров: к нему ведет мраморный мост.
- S. Павильон Пяти Драконов.
- T. Великий храм предков.
- U. Алтарь богам земли и зерна.
- V. Искусственная гора. Русская школа находится к северу от Восточных ворот рядом с N.
- W. Летний домик.
- X. Военный экзаменационный зал.
- Y. Сад подорожника, или Консерватория.
- Z. Павильон.
- a. Медицинский колледж.
- b. Астрономический совет.
- c. Пять из шести досок. Ханьлинь Юэнь лежит прямо над ними.
- d. Дом Русской миссии.
- e. Колониальный офис.
- f. Храм для императорского поклонения.
- g. Императорская обсерватория, частично на стене.
- h. Зал литературных экзаменов.
- i. Русская Успенская церковь.
- j. Храм вечного покоя лам.
- k. Kwoh Tsz' Kien, маньчжурский колледж.
- l. Храм Бога Полярной Звезды.
- m. Высокая сторожевая башня и полицейское управление.
- n. Совет по наказаниям.
- o. Цензура.
- p. Магометанская мечеть.
- q. Португальская церковь.
- r. Загон для слонов.
- s. Директор школы Чинг-Хванг Мяу.
- t. Храм усопших императоров всех эпох.
- u. Обелиск, закрывающий струп Будды.
- v. Алтарь Небу. Алтарь Земле находится на севере города.
- w. Алтарь сельского хозяйства.
- x. Бассейн Черного Дракона и Храм Бога Дождя.
- y. Алтарь Луны.
- z. Алтарь Солнцу.

План города, приведенный здесь, срисован с большой китайской карты, но не очень точен. Северная часть по большей части занимает ту же площадь, что и Камбалук Марко Поло,

который, однако, простирался примерно на две мили к северу, где до сих пор сохранились остатки старой северной стены монголов. После их изгнания Хунгву возвел нынешнюю северную стену, а его сын Юнглюх в 1419 году перестроил остальные три стороны в более крупных масштабах; но расположение улиц и ворот принадлежит Великому хану. Когда в 1644 году Маньчжуры овладели городом, они нашли его великолепным, неповрежденным и крепким, который они распределили между своими офицерами и знаменосцами; но необходимость вскоре заставила этих людей, менее бережливых и экономных, чем туземцы, продать их и довольствоваться более скромными жилищами; поэтому большая часть северного города теперь занята китайцами. В самом внутреннем квартале *Нуй-Цзин* находится дворец и прилегающие к нему здания; второй занят казармами и государственными учреждениями, а также многими частными домами; внешний, по большей части, состоит из жилых домов, с магазинами на больших проспектах. Внутренний квартал имеет в окружности 6,3 *ли*, или 2,23 мили, и называется *Цзи-Кин-Чинг*, или "Запретный город гвоздик"; стена его менее прочна и высока, чем городская; она покрыта ярко-желтой черепицей, охраняется многочисленными постами знаменосцев и жандармерии и окружена глубоким, широким рвом. Двое ворот, *Тунг-хва* и *Си-хва*, на востоке и западе, открывают доступ во внутренние помещения этого жилища императора, а также в помещения и комнаты, которые служат жильем для стражи, защищающей подступы к Трону Дракона; башня на каждом углу и по одной над каждым воротами также служат для размещения других войск. Внутреннее пространство этого замка разделено на три части двумя стенами, идущими с юга на север, и все это занято множеством дворов и залов, которые по своему устройству и архитектуре намного превосходят все другие образцы подобного рода в Китае. По представлению простого китайца, все здесь из золота и серебра; "он расскажет вам о золотых и серебряных столбах, золотых и серебряных крышах, золотых и серебряных вазах, в которых плавают золотые и серебряные рыбы".

ДВОРЦЫ ЗАПРЕТНОГО ГОРОДА.

Южные ворота, называемые *Ву Мэнь*, или "Ворота Меридиана", - четвертые по счету от входа напротив *Циен Мэнь*, и это расстояние почти в полмили занято войсками. Ворота *У Мэна* ведут в среднюю часть, в которой находятся императорские здания; они особо предназначены для императора, и всякий раз, когда он проходит через них, бьет колокол, установленный на башне наверху; когда его войска возвращаются с триумфом, бьет барабан, и здесь ему представляют пленных; здесь же с помпой вручаются подарки, которые он делает вассалам и послам. Пройдя через эти ворота в большой двор, через небольшой ручей, перекинутый пятью мраморными мостами, украшенными скульптурами, посетитель попадает через *Тай-хо-Мэн* во второй двор, вымощенный мрамором и заверченный по бокам воротами, портиками и коридорами с колоннами. Следующее здание во главе этого двора, называемое *Тай-хо-тянь*, или "Зал высшего мира", представляет собой великолепное мраморное сооружение высотой сто десять футов, стоящее на террасе, которая возвышается над землей на двадцать футов; к нему ведут пять лестниц, украшенных балюстрадами и скульптурами, и пять дверей, открывающихся через него в следующий двор. Это большой зал из семидесяти двух колонн, размером примерно двести футов на девяносто в ширину, с тронном посредине. Здесь император проводит свои приемы в Новый год, дни рождения и другие государственные праздники; около него стоит кортеж из примерно пятидесяти придворных, а во дворе внизу в правильных шеренгах стоят знатные и низшие по достоинству и рангу люди и, когда их призывают, падают ниц, совершая положенные поклоны. Именно в этом зале Титсингх и Ван Браам были на банкете у Кьенлунга 20 января

1795 года, об этой интересной церемонии рассказывает голландский посол, и с тех пор ни один европеец не входил в это здание. В этом здании три *Тьена* являются залами для аудиенций, а в боковых зданиях находятся магазины и сокровищницы, находящиеся в ведении Хозяйственного совета, а также мелкие бюро.

За ним находятся два зала: первый - *Чунг-хо-тьен*, или "Зал центрального мира", с круглой крышей, которая опирается на колонны, расположенные почти в четыре квадрата. Сюда император приходит, чтобы изучить написанные молитвы, которые должны быть предложены на государственном богослужении. Вторым - *Пао-хо-тянь*, или "Зал безопасного мира", возвышающийся на высокой мраморной террасе и состоящий из девяти рядов колонн. Здесь император раз в три года присуждает высшие степени за литературные заслуги ста пятидесяти или более ученым; здесь же он устраивает банкеты для своих иностранных гостей и других знатных особ за день до Нового года. Поднявшись по лестнице и миновав *Kien Tsing Măn*, посетитель попадает в *Kien Tsing Kung*, или "Дворец небесной чистоты", в который никто не может войти без специального разрешения. В нем находится зал совета, где император обычно заседает на утренней аудиенции до восьми часов, чтобы вести дела со своими министрами и наблюдать за теми, кто назначен на должность. Это здание является самым важным, так как по описанию оно самое высокое и великолепное из всех дворцов. Во дворе перед ним находится небольшая башня из позолоченной меди, украшенная множеством фигурок, а с каждой стороны - большие вазы для благовоний, назначение которых, несомненно, религиозное. Именно в этом дворце в 1722 году Канхи устроил необычный и уникальный праздник для всех мужчин империи старше шестидесяти лет - это был шестидесятый год его правления. Его внук Кьенлунг в 1785 году, на пятидесятом году своего правления, повторил эту церемонию, и тогда число гостей составило около трех тысяч человек.^[32] За ним находится "Дворец земного покоя", где "супруга Неба" правит своим миниатюрным двором в императорском гареме; в этой части территории расположено множество зданий меньшего размера, а к северной стене Запретного города примыкает императорский Цветочный сад, предназначенный для использования его обитателями. Сады украшены изящными павильонами, храмами и рощами, а также перемежаются каналами, фонтанами, бассейнами и цветочными клумбами. Две рощи, поднимающиеся из лона небольших озер, и еще одна, венчающая вершину искусственной горы, дополняют красоту пейзажа и вносят приятное разнообразие в жизнь обитателей дворца.

В восточной части Запретного города находятся кабинеты Кабинета министров, где проходят его заседания, и сокровищница дворца. К северу от него находится "Зал напряженных размышлений", где приносят жертвы Конфуцию и другим мудрецам. Недалеко от этого зала находится *Вэнь-юэнь ко*, или Библиотека, каталог содержимого которой время от времени публикуется и представляет собой замечательный свод китайской литературы. В северной части восточного квартала расположены многочисленные дворцы и здания, занимаемые принцами крови и теми, кто с ними связан; в этом квартале находится *Фун Сиен Тянь*, небольшой храм, куда император приходит, чтобы "благословить своих предков". Здесь император и члены его семьи совершают обряд посвящения перед скрижалями своих ушедших предков; всякий раз, когда он покидает или возвращается в свой дворец, в первый день сезона и по другим поводам, монарх проходит через свои обряды в этом зале.

В западной части города находится множество разнообразных зданий, предназначенных для общественных и частных целей, среди которых можно упомянуть зал выдающихся государей, государственных деятелей и литераторов, типографию, Суд контролеров для регулирования поступлений и расходов суда, а также *Чунг-хван-мяо*, или "Храм-хранитель"

города. Количество людей, проживающих в Запретном городе, не может быть определено, но, вероятно, оно невелико; большинство из них - маньчжуры.

IMPERIAL CITY.

Второй комплекс, окружающий императорские дворцы, называется *Хванг Чинг*, или "Императорский город", и представляет собой продолговатый прямоугольник около шести миль в окружности, обнесенный стеной высотой в двадцать футов и имеющий ворота на каждой стороне. От южных ворот, называемых *Тянь-ань Мэнь*, или "Небесный покой", широкий проспект ведет к *Кин-цзину*; перед ним, за пределами стены, находится обширное пространство, обнесенное стеной и имеющее один вход на юге, называемый воротами Великой Чистоты, куда никому не разрешается входить иначе как пешком, если только по особому разрешению. Справа от проспекта в стене находятся ворота, ведущие к *Тай Мяо*, или "Великому храму" императорских предков, - большому собранию зданий, окруженных стеной в 3 000 футов в окружности. Это самое почетное религиозное сооружение рядом с Храмом Неба, в котором хранятся таблички, посвященные принцам и заслуженным офицерам. Здесь совершаются подношения перед табличками умерших императоров и императриц, а в конце года члены императорской семьи и клана совершают молебны своим ушедшим предкам. Через аллею от этого храма находятся ворота, ведущие к *Шие-Цих-тану*, или алтарю богов земли и зерна. Изначально это были *Кау-лунг*, министр работ, 2500 г. до н.э., и *Хау-цих*, далекий предок Чау Кунга; здесь император приносит жертвы весной и осенью. Этот алтарь состоит из двух этажей, каждый высотой в пять футов, верхний - пятьдесят восемь футов в квадрате; другого такого алтаря в империи нет, и возведение его и поклонение на нем было бы равносильно государственной измене. Северный, восточный, южный и западный алтари соответственно черные, зеленые, красные и белые, а верхний - желтый; церемонии, связанные с богослужением, проводимым здесь, являются одними из самых древних, практикуемых среди китайцев.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗДАНИЯ И ПАРКИ.

К северу от дворца, отделенный рвом и окруженный стеной более чем на милю в окружности, находится *Кинг-Шань*, или "Проспект-Хилл", - искусственная насыпь высотой почти сто пятьдесят футов, имеющая пять вершин, увенчанных таким же количеством храмов; многие из них свидетельствуют о запустении, в котором вскоре оказываются общественные сооружения. Деревья разных видов окаймляют его основание и выстраивают дорожки, ведущие к вершинам. С ее высоты открывается вид на весь город, а сама она является заметным объектом со всех сторон. Земля и камень для него были взяты из рвов и бассейнов, вырытых в городе и вокруг него, а у его основания находится множество резервуаров живописной формы и вида, так что в целом он является большим украшением города. Еще одно его название - *Мэйшань*, или "Угольный холм", по преданию, здесь хранился уголь на случай осады. Западную часть этой территории занимает *Си Юэнь*, или "Западный парк", в котором и вокруг него находятся одни из самых красивых объектов и мест в мегаполисе. Центр занимает искусственное озеро длиной более мили и шириной в среднем с четверть фурта; оно снабжается водой с Западных холмов, а его воды украшены великолепным лотосом. Через нее перекинут мраморный мост из девяти арок, а ее берега затенены рощами деревьев, под которыми проложены хорошо вымощенные дорожки. На юго-восточной стороне находится большой летний дом, состоящий из нескольких зданий, частично расположенных в воде или над ней, и включающий в себя ряд садов и прогулок, в которых и вокруг которых расположены искусственные холмы из скал, красиво чередующиеся или поддерживающие рощи деревьев и партеры из цветов.

На западной стороне находится зал для экзамена военных кандидатов, где его величество лично наблюдает за тем, как они демонстрируют свое мастерство в стрельбе из конного лука. На северном конце озера находится мост, ведущий на островок, который представляет собой холм с пологим подъемом, покрытый рощами, храмами и летними домиками, и увенчанный башней, с которой открывается обширный вид. К северу от моста находится холм на острове под названием *Киунг-хва-тан*, увенчанный белой дагобой. Рядом находится алтарь сорока футов в окружности и четырех футов высотой, обнесенный стеной, и храм, посвященный Юэнфи, предполагаемой первооткрывательнице шелковичного червя, где императрица ежегодно приносит ей жертвы; в окрестностях плантация тутовых деревьев и коконопрядильня. Возле храма "Великого счастья", недалеко от предыдущего, на северной границе озера, стоит медная позолоченная статуя *Майтрейи*, или грядущего Будды, высотой в шестьдесят футов, со ста руками; храм является одним из главных украшений парка. Через озеро на его западном берегу, войдя через первые ворота на южной стороне улицы, находится *Цз'-кванг Кох*, где иностранных министров принимает император; ограда содержится с особой тщательностью, и среди рощи елей можно увидеть многочисленные залы и храмы. При обустройстве этих садов и территорий преследовалась цель сделать их воплощением природы, а затем обставить каждую часть комфортабельными зданиями. Но какими бы элегантными ни казались дворцы и территории, когда они были новыми, следует опасаться, что его величество имеет не более высокие представления о чистоте и порядке, чем его подданные, и что различные общественные и частные здания и сады в этих двух зонах лишились половины своей красоты из-за грязи и небрежения. Число дворцов в них обоих оценивается более чем в двести, "каждый из которых, - говорит Аттине в туманных выражениях, - достаточно велик, чтобы вместить величайшего из европейских дворян со всей его свитой".

Вдоль проспекта, ведущего на юг от Императорского города к разделительной стене, расположены главные правительственные учреждения. Пять из шести Коллегий располагают свои канцелярии на восточной стороне, Коллегия наказаний с подчиненными ей департаментами находится вместе со своими судами на западной стороне; непосредственно к югу от нее находится Цензорат. Непосредственно к востоку от него находится офис, прикрепленный к Коллегии обрядов для составления календаря, обычно называемый Астрономической коллегией; недалеко от него находится зал Медицинского колледжа. *Ханьлин Юэнь*, или Национальная академия, и *Лифан Юэнь*, или Колониальная канцелярия, также находятся недалеко от юго-восточного угла Императорского города. Напротив Колониальной канцелярии находится *Тан-цзы*, где его величество вместе с принцами своей семьи поклоняется далеким предкам царствующей семьи; когда они приходят в процессии в этот храм в своих государственных нарядах, император, как верховный жрец семьи, совершает высшую религиозную церемонию перед своими обожествленными предками, а именно: три коленопреклонения и девять стуков. После того, как он завершает свое посвящение, сопровождающие его вельможи проходят через те же церемонии. Сам храм приятно расположен посреди рощи елей и других деревьев, а большая территория вокруг него красиво оформлена.

БУДДИЙСКИЕ И КОНФУЦИАНСКИЕ ХРАМЫ.

В юго-восточной части города, частично построенная на стене, находится обсерватория, которая была передана Канхи под надзор римских миссионеров, но теперь доверена заботам китайских астрономов. Приборы расположены на террасе, возвышающейся над городской стеной, и являются прекрасными произведениями бронзового искусства, хотя сейчас они устарели и бесполезны для практических наблюдений. Почти напротив

обсерватории находится Зал литературных экзаменов, где собираются кандидаты провинции для написания своих сочинений. В северо-восточном углу города находится Русская миссия и астрономическое бюро, заключенное в большой комплекс; рядом с ним живут новообращенные. В полумиле к западу находится *Юнг-хо-кунг*, или "Ламасарий вечного мира", где около полутора тысяч монгольских и тибетских священников изучают догмы буддизма или проводят дни в безделье под контролем *гегена*, или живого Будды. Их курс обучения включает в себя наставления по метафизике, аскетическим обязанностям, астрологии и медицине; их ежедневный ритуал совершается в нескольких дворах, и репетиция молитв и песнопений таким количеством людей производит на слушателя сильное впечатление. В заднем здании находится деревянное изображение Майтрейи, грядущего Будды, высотой 70 футов; все здание, картины, изображения, кельи и внутреннее устройство для учебы, жизни и поклонения - одно из самых совершенных в империи. Несколько небольших ламасариев находятся в других частях города.

Портал Конфуцианского храма в Пекине.

Прямо к западу от *Юн-хо-кун*, представляя собой величайший контраст с его жизнью и деятельностью, находится Конфуцианский храм, где в роще древних кипарисов возвышается величественный *Вэн Мяо*, или "Литературный храм", в котором поклоняются Примеру и Учителю всех веков и десяти его великим ученикам. Зал имеет 84 фута в передней части, а возвышенная крыша опирается на деревянные столбы высотой более 40 футов, покрывая единственную комнату, в которой в отдельных нишах размещены их скрижали, а сам он занимает почетное место. Все просто, тихо и невесело; сцена здесь представляет собой впечатляющий пример заслуженных почестей, воздаваемых нравственным учителям народа. Напротив и через площадку находятся десять гранитных камней в форме барабанов,

которые, как считается, были изготовлены около восьмого века до нашей эры и содержат строфы, записывающие охотничьи экспедиции короля Сюэна. В другом дворе находится множество каменных табличек, содержащих списки выпускников *Цинь-цзы* со времен монгольской династии - многие тысячи имен с указанием мест проживания. К этому храму примыкает *Пу-юн-кун*, или "Классический зал", где император встречается с выпускниками и литераторами. Это прекрасный образец китайского архитектурного вкуса. Рядом с ним находятся 300 каменных табличек, на которых выгравированы авторизованные тексты классиков.[33]

К северу от Императорского города расположен обширный *ямун Ту-тух*, который держит под своим контролем полицию и гарнизон города и пользуется огромной властью в его гражданском управлении. Барабанная и колокольная башни стоят к северу от *Ту-ган-мэна* на улице, ведущей к городской стене, каждая из них высотой более ста футов и представляют собой заметные объекты; барабан и колокол звучат во время ночных часов, и их слышно по всему городу; для определения времени до сих пор используется клепсидра - хороший пример китайского консерватизма, поскольку часы теперь широко используются и исправляют ошибки самой клепсидры.

СВЯТЫНИ ВСЕХ РЕЛИГИЙ.

За юго-западным углом Императорского города стоит магометанская мечеть, в окрестностях которой проживает большое количество турок, чьи предки были привезены из Туркестана около века назад; следовательно, этот квартал является главным местом отдыха мусульман, приезжающих в столицу. К юго-западу от мечети, у поперечной стены, стоит *Нан Танг*, или старая португальская церковь, а к западу от Запретного города, внутри *Хван Чинга*, - *Пех Танг*, или Кафедральный собор; оба эти здания внушительны, и рядом с ними находятся большие школы и семинарии для обучения детей и неофитов. В китайской метрополии есть религиозные сооружения, относящиеся ко многим формам религии: греческой, латинской и протестантской церквям, исламу, буддизму в двух его основных формах, рационализму, культу предков, государственному культу, храмам, посвященным Конфуцию и другим обожествленным смертным, а также огромное количество храмов, в которых поклоняются популярным в стране идолам. Один из самых достойных внимания - *Ту-ван-мяо*, расположенный на аллее, ведущей к западным воротам, - большое собрание залов, где поклоняются всем табличкам бывших монархов Китая из отдаленных эпох. Правило приема в эту Вальхаллу - принимать всех, кроме порочных и деспотичных, тех, кто был убит, и тех, кто потерял свое царство. Этот мемориальный храм был открыт в 1522 году; маньчжуры приняли в него даже некоторых татарских правителей из династий Кин и Ляо, доведя общее число табличек почти до трехсот. Это впечатляющее зрелище - простые таблички с изображением людей, когда-то правивших Средним царством, стоящие здесь бок о бок, которым поклоняются их преемники, чтобы их духи благословили государство. Один только этот выбор добрых государей заставляет вспомнить об обычае древнего Иерусалима не допускать злых принцев к гробницам королей. Выдающиеся государственные деятели всех веков, называемые китайцами *kwoh chu*, или "столпами государства", находятся в этом храме вместе со своими повелителями, как не недостойные получить равные почести.

Немного западнее этого замечательного храма находится *Пех-та-шз'*, или "Храм Белой пагоды", названный так из-за расположенной рядом с ним дорогой дагобы, возведенной около 1100 года н. э., отреставрированной Хубилаем в XIII веке и перестроенной в 1819 году. Ее самая заметная особенность - большой медный зонт на вершине. В завершенном виде

дагоба была покрыта яшмой, а выступающие части крыши со вкусом украшены орнаментами изысканной работы. Вокруг этого сооружения, в котором хранятся двадцать бусин или мощей Будды, две тысячи глиняных пагод и пять книг амулетов, также расположены сто восемь небольших столбов, на которых горят лампы. Часть города, лежащая к югу от поперечной стены, населена в основном китайцами, и в ней находятся сотни *хуи-кван*, или клубных домов, возведенных дворянством городов и районов во всех частях империи для размещения своих граждан, приезжающих в столицу. Его улицы узкие, а весь облик зданий и рынков свидетельствует о жизни и промышленности народа. Сотни трактиров принимают путешественников, не нашедших ночлега в *Нуйцзине*, а склады, театры, зернохранилища и рынки привлекают или снабжают своих клиентов со всех концов. Здесь больше разгула и свободы от этикета, а китайские чиновники чувствуют себя свободнее своих маньчжурских коллег.

НЕБЕСНЫЙ ХРАМ.

В трех милях к югу от дворца, в Китайском городе, находится *Тянь Тань*, или "Алтарь Небу", расположенный так потому, что в древности было принято приносить жертвы Небу в окрестностях города-резиденции императора. Комплекс окружен более чем трехмильной стеной, внутри которой высажена густая роща из саранчи (*софоры*), сосен и елей, перемежающаяся полосами травы. В пределах второй стены, которая окружает священные здания, возвышается роща великолепных и густо растущих кипарисов, напоминающих торжественную тень вблизи знаменитых храмов Древней Греции или тех прославленных святынь, которые описаны в Западной Азии. Большой Южный алтарь, самое важное из китайских религиозных сооружений, представляет собой прекрасную тройную круглую террасу из белого мрамора, основание которой составляет 210, средняя ступень - 150, а вершина - 90 футов в ширину, каждая терраса окружена богатой резной балюстрадой. В размерах этой громады можно заметить любопытный символизм числа три и его кратных. Самая верхняя терраса, высота которой над землей составляет около восемнадцати футов, вымощена мраморными плитами, образующими девять концентрических кругов - внутренний из девяти камней, включающий центральную часть, а вокруг него каждый последующий слой, состоящий из последовательных кратных девяти, пока в самом крайнем ряду не будет достигнут квадрат девяти (любимое число китайской философии). Именно перед единственным круглым камнем в центре верхнего плато преклоняет колени император, поклоняясь Небу и своим предкам во время зимнего солнцестояния.

Четыре лестницы по девять ступеней каждая ведут с этого возвышения на следующую, более низкую ступень, где установлены таблички духам солнца, луны, звезд и бога Года. На площадке в конце четырех лестниц стоят бронзовые сосуды, в которые кладут связки тканей и различных животных, составляющих часть жертвенных приношений. Но гораздо большее значение в деле всесожжения имеет большая печь, высотой в девять футов, облицованная зеленым фарфором и поднимающаяся с трех сторон по фарфоровым лестницам. В этом сосуде, воздвигнутом на расстоянии около ста футов к юго-востоку от алтаря, ежегодно сжигается жертва в виде быка - целого и без изъянов. Бойня для жертвенного быка находится к востоку от Северного алтаря, в конце сложного извилистого прохода или монастыря, состоящего из 72 отделений, каждое длиной 10 футов.

От Алтаря Неба отделена невысокой стеной меньшая, но более заметная постройка, называемая *Ку-кух-тан*, или "Алтарь молитвы о зерне". Его пропорции и расположение несколько схожи с пропорциями и расположением Южного алтаря, но на его верхней

террасе возвышается великолепное круглое здание с тремя крышами, известное иностранцам как "Храм Неба". Этот замысловатый молитвенный дом, чей верховный позолоченный шар возвышается на 100 футов над платформой, первоначально был покрыт голубой, желтой и зеленой черепицей, но при Кьенлунге эти цвета были заменены на синие. Если к этим блестящим оттенкам добавить богато украшенные резьбой и росписью карнизы, окна, затененные венецианскими решетками из нанизанных друг на друга прутьев голубого стекла, и редкую симметрию пропорций, то можно без преувеличения назвать этот храм самым примечательным сооружением в столице - да и во всей империи. Его местное название - *Ku-Кьен-Тьен*, или "Храм молитвы за год". В интерьере большие святилища из резного дерева для скрижалей соответствуют передвижным хижинам из голубого дерева, которые в дни жертвоприношений ставят на Южном алтаре. Здесь, в день, следующий за первым днем весны (6 февраля), император возносит свои мольбы к Небу о благословении на год. Во время засухи молитвы о дожде также возносятся у этого алтаря, и император, как раскаявшийся проситель, вынужден пешком отправиться в "Зал Пени палаточного поста", расстояние до которого составляет три мили. К юго-востоку от него, как и от Северного алтаря, находится зеленая печь для всежжения, а в открытом парке недалеко от двух и семидесяти монастырей - семь больших камней, которые, как говорят, упали с неба и обеспечивают удачу стране.

Через аллею, на которой расположено это большое замкнутое пространство *Тьен Тан*, находится *Сиен Нунг Тан*, или "Алтарь, посвященный Шиннунгу", предполагаемому изобретателю сельского хозяйства. Окружность этого участка составляет около двух миль, и в нем находятся четыре отдельных алтаря: богам неба, земли, планеты Юпитер и Шиннунгу. Поклонение здесь совершается в день весеннего равноденствия, в это время церемонию вспахивания части огороженного парка совершает император, которому помогают различные чиновники и члены Совета обрядов. Окружные магистраты и префект также распахивают свои участки, но к императорской части не прикасается никто, кроме самого монарха. Первые два алтаря прямоугольные; алтарь богов неба, расположенный на востоке, имеет 50 футов в длину и 4½ фута в высоту: четыре мраморные таблички на нем содержат имена богов облаков, дождя, ветра и грома. Та, что посвящена богам земли, имеет 100 футов в длину и 60 в ширину; здесь на пяти мраморных табличках написаны имена знаменитых гор, морей и озер в Китае. Этим божествам в разное время приносятся жертвы, которые вместе с молитвами сжигаются в печах, чтобы таким образом предстать перед ними в невидимом мире; идея, которая проходит через них, имеет характер почтения, а не искупления.

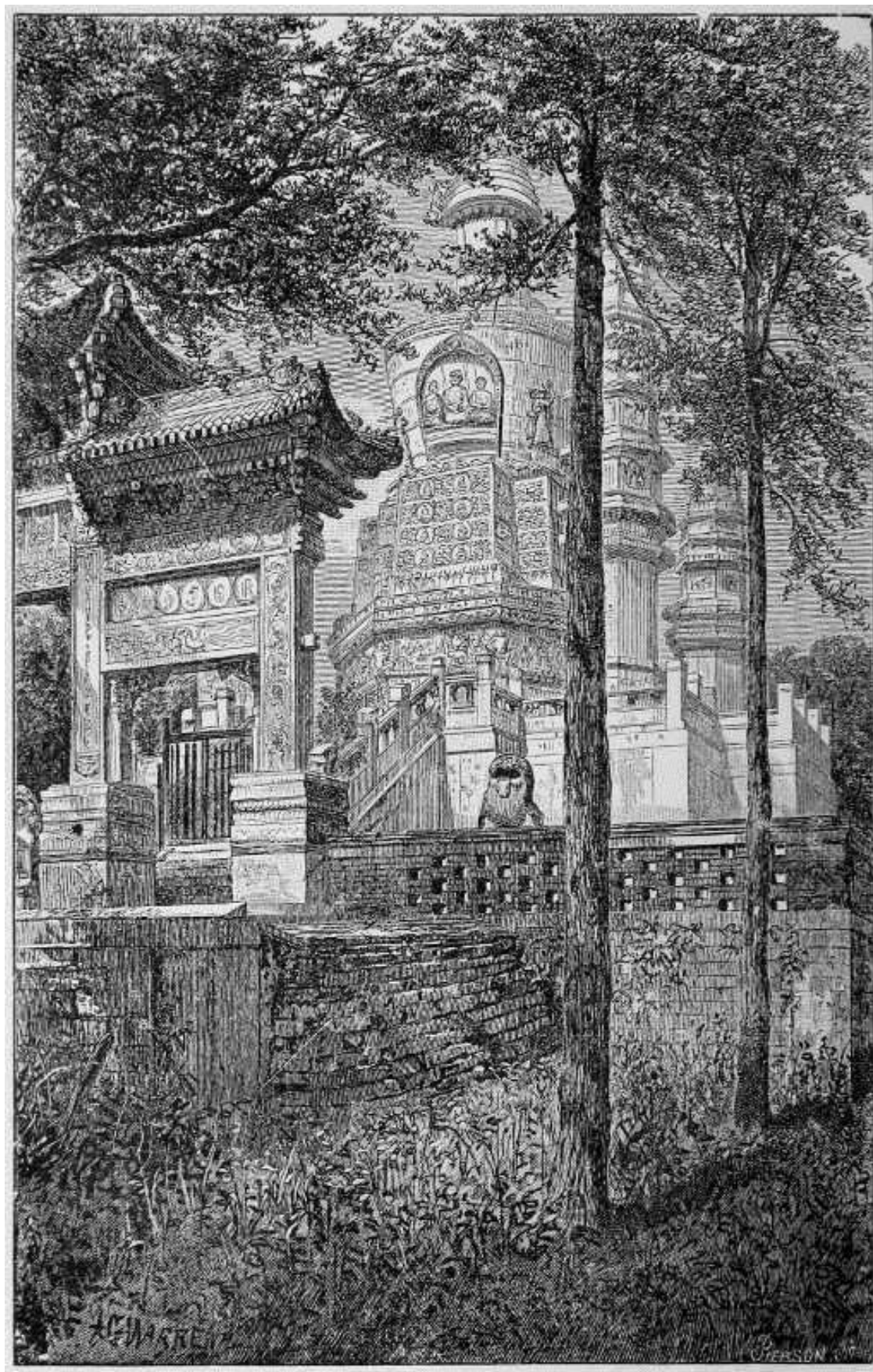
Почти на половине территории Китайского города нет жилых домов, большая часть открытых земель обрабатывается; большой пруд для разведения золотых рыб возле *Тянь-тана* - привлекательное место. К западу от городской стены находится старая и заметная дагоба в *Тянь-нине*, высотой почти 200 футов, которая служит ориентиром для городских ворот. Эта часть Пекина была лучше всего построена, когда ее занимали династии Ляо и Кин. К западу от главного города находится Храм Луны, а на восточной стороне, прямо напротив, стоит Храм Солнца; *Tu Тан*, или "Алтарь Земли", находится на севере напротив только что описанного Алтаря Неба. Во всех этих храмах император совершает религиозные обряды в течение двенадцати месяцев.

Алтарь Земли меньше, и все, что связано с жертвоприношениями, уступает по масштабу тем, что проводятся в Алтаре Неба. Главный алтарь имеет две террасы, каждая высотой 6 футов и площадью соответственно 106 и 60 футов; табличка Императору Земли помещается на верхней вместе с табличками Императору Предков, и все они почитаются во время летнего

солнцестояния. Приносимого в жертву быка после этого хоронят, а не сжигают. С юга к террасированному алтарю примыкает небольшой резервуар для воды.

ХРАМ КОЛОКОЛА И ХВАНГ СЗИ.

Примерно в двух милях от *Ту Тана*, в северном направлении, пройдя по дороге через одни из разрушенных ворот Пекина времен Марко Поло, находится *Та-чунг-зз*, или "Колокольный храм", в котором висит большой колокол Пекина. Он был отлит около 1406 года, во времена правления Юнглоха, а в 1578 году его накрыли небольшим храмом. Высота колокола 14 футов, включая умбоны, окружность по ободу 34 фута, толщина 9 дюймов; вес 120 000 фунтов в год; в него ударяют тяжелой балкой, раскачиваемой снаружи. Всего император отлил пять колоколов, но повесили только этот. Он покрыт мириадами китайских иероглифов, как внутри, так и снаружи, состоящих из выдержек из "*Короля Фа-хва*" и "*Короля Линь-ен*", двух буддийских классиков. В некоторых отношениях это можно назвать самым замечательным произведением искусства, находящимся сейчас в Китае; это самый большой подвесной колокол в мире. Квадратное отверстие в верхней части предотвращает его разрушение при самом сильном звоне.^[34]

ПАМЯТНИК, ИЛИ ТОПИ, ЛАМЫ. ХВАНГ ШЗИ, ПЕКИН.

На небольшом расстоянии от северных ворот, *Тах-шинг Мэна*, находится открытая площадка для военных смотров, а рядом с ней - буддийский храм, называемый *Хванг-ши*, в котором

находится замечательный памятник, воздвигнутый Кьенлунгом. В 1779 году Тешу-лама отправился в Пекин с эскортом из 1500 человек; император встретил его у города Си-нинг в Кансухе, с большими почестями проводил в Пекин и поселил в этом храме на несколько месяцев. Он умер здесь от оспы 12 ноября 1780 года, и этот кенотаф из белого мрамора был воздвигнут в память о нем; тело было заключено в золотой гроб и отправлено Далай-ламе в Лхассу в 1781 году. На цоколе этого прекрасного произведения высечены сцены из жизни прелата, одна из которых изображает льва, вытирающего лапой глаза, по которым текут слезы от горя в связи со смертью ламы.

ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ ЮЭНЬ-МИН-ЮЭНЬ.

Летний дворец в *Юэнь-мин-Юэне* находится примерно в семи милях от северо-западного угла Пекина, а его площадь составляет двенадцать квадратных миль. Страна в этом направлении поднимается на пологие холмы, и при обустройстве различных участков земли были использованы преимущества исходной поверхности, так что все это представляет собой большое разнообразие холмов и далей, лесов и лужаек, перемежающихся с бассейнами, озерами, пещерами и островками, соединенными мостами и дорожками, берега которых выгнуты или разнообразны, как по мановению руки природы. Некоторые участки обработаны, то тут, то там встречаются рощи и спутанные заросли, а кое-где специально оставлены дикими, чтобы лучше контрастировать с окультуренными окрестностями дворца, или чтобы сформировать сельскую дорожку к уединенному храму или беседке. Раньше здесь было не менее тридцати отдельных резиденций различных дворцовых чиновников, вокруг которых располагались дома, занятые евнухами и слугами, каждый из которых представлял собой небольшую деревню.

Но все они были сметены британскими и французскими войсками в 1860 году, а их руины до сих пор вызывают раздражение чиновников и жителей Пекина против всех иностранцев. Рядом с Летним дворцом находится большое укрепление Хай-тянь, где размещен маньчжурский гарнизон для защиты столицы, чьи войска сделали все возможное в тщетной попытке остановить нападение в 1860 году. В качестве контраста с действиями, связанными с этим приближением британцев, выдержка из книги сэра Джона Дэвиса "Китайцы" (глава х.) даст представление об изменившемся положении вещей.

"Именно в местечке Хай-тянь, расположенном в непосредственной близости от этих садов, произошла странная сцена, закончившаяся отставкой посольства 1816 года. По прибытии туда, около полудня, вместе с комиссарами и несколькими другими джентльменами, посол был приглашен в одну из временных резиденций императора по приглашению герцога Хо, как его называли, императорского родственника, которому было поручено ведение переговоров. Пройдя через открытый двор, где собралось огромное количество вельмож в парадных нарядах, они попали в убогую комнату и вскоре были окружены хорошо одетой толпой, среди которой десятками стояли принцы крови в желтых кушаках. С детским и неподобающим любопытством, вполне соответствующим праздной и беспорядочной жизни, которую, как говорят, ведут многие из них, они без церемоний изучали лица и одежду господ, а те, устав от бессонного путешествия и испытывая отвращение к поведению небожителей, повернулись к ним спиной и легли отдохнуть. Вскоре появился герцог Хо и удивил посла, настояв на том, чтобы он сразу же отправился на аудиенцию к императору, который ждал его. Его светлость напрасно возражал, что первая аудиенция назначена на завтра и что, как бы устали и запылились они все сейчас, было бы недостойно ни императора, ни его самого ждать его величество в таком неподготовленном виде. Он также заявил, что нездоров и нуждается в немедленном отдыхе. Герцог Хо становился все настойчивее и настойчивее, и в конце концов забылся настолько, что крепко схватил посла за руку, а один из остальных в это

время шагнул к нему. Его светлость немедленно отпихнул их, и джентльмены столпились вокруг него; было выражено глубочайшее возмущение подобным обращением и решимость не давать аудиенции сегодня утром. В конце концов посол удалился с видом удовлетворения со стороны герцога Хо, что аудиенция состоится завтра. Однако есть все основания предполагать, что этот человек был в значительной степени подкуплен главами кантонской администрации, чтобы сорвать планы посольства и не допустить аудиенции императора. По крайней мере, во второй половине того же дня миссия отправилась в обратный путь".

Основная часть провизии, необходимой для снабжения этого огромного города, поступает из южных провинций и от стад, выращиваемых за стеной. Здесь нет важных производств, основными являются роговые фонари, обои, каменные табакерки и мундштуки для трубок. Торговля шелками, иностранными тканями и продуктами питания ограничивается удовлетворением местного спроса, так как тяжелая пошлина октрои у ворот сдерживает любой въезд. Иностранному купцу не разрешается вести здесь дела. Управление Пекином отличается от управления другими городами империи тем, что дела департамента отделены от него и управляются офицерами, проживающими в четырех округах, на которые он разделен. "Министр одного из управлений назначается управляющим городом, а ему подчиняется *фуинь*, или мэр. Их обязанности заключаются в управлении столичной областью с целью распространения надлежащего управления на четыре ее округа. В их подчинении находятся два окружных магистрата, каждый из которых управляет половиной города; ни один из этих чиновников не подчиняется губернатору провинции, но дела, которые они не могут решить, передают императору. Они председательствуют или помогают в проведении многих праздников, отмечаемых в столице, руководят военной полицией и проводят суды, которые рассматривают совершенные там преступления".^[35]

УЛИЧНЫЕ СЦЕНЫ И ОСОБЕННОСТИ ПЕКИНА.

Магистраль, ведущие через весь Пекин от одних ворот до других, представляют собой широкие немощеные проспекты шириной более ста футов, которые кажутся еще шире из-за низкого расположения зданий; центр примерно на два фута выше боковых сторон. Поперечные улицы в основной части города обычно расположены под прямым углом к ним, их ширина не превышает сорока футов, и по большей части они заняты жилыми домами. Летом жители проспектов обязаны содержать их в порядке; но в дождливую погоду они почти непроходимы из-за грязи и глубоких луж, ровной поверхности земли и загроможденных, запущенных стоков, препятствующих быстрому отводу воды. Толпы людей, заполонивших эти проспекты, - одни заняты различными делами по бокам или в середине пути, другие деловито проходят и возвращаются, - вместе с ярким видом вывесок и деловой атмосферой в магазинах делают большие улицы китайского мегаполиса очень оживленными, а для иностранца - интереснейшей сценой. Витрины магазинов при необходимости могут быть полностью открыты; они состоят из панелей или ставней, помещающихся в пазы и закрепленных на ряде прочных стоек, которые устанавливаются в пазы. Ночью, когда магазин закрыт, извне ничего не видно, но днем, когда товары выставляются напоказ, сцена становится более оживленной.

Вывески часто представляют собой широкие доски, закрепленные в каменных основаниях с каждой стороны фасада магазина и доходящие до карниза или выше него; символы крупные и разных цветов, а чтобы привлечь больше внимания, вывески часто увешаны разноцветными флагами с надписями, рассказывающими о достоинствах товара. Магазины во внешнем городе часто построены подобным образом, другие сделаны более компактными для тепла зимой, но в целом они не блещут своим оснащением. Их вывески, по возможности, представляют собой изображения продаваемых товаров и всегда украшены

красным вымпелом; витрины лучших магазинов покрыты золотым листом, блестящим, когда он новый, но достаточно потертым, когда он выцветает, что вскоре и происходит. Таким образом, внешний вид главных улиц представляет собой любопытную смесь упадка и обновления, которую не уменьшают обветшалые храмы и правительственные здания, встречающиеся повсюду, и все они свидетельствуют об обнищании казначейства. Во многих частях города расположены *пай-лау*, или почетные ворота, возведенные для обозначения приближения к дворцу и достойные, благодаря своим размерам и декоративным антаблементам, украшать проспекты и впечатлять путешественников, если бы они содержались в хорошем состоянии.

Полиция города связана с баннерменами и в целом эффективно и успешно охраняет мир. Ночью на улицах тихо; они немного освещаются фонарями, висящими перед домами, но в целом темны и безрадостны. В мегаполисе, как и во всех китайских городах, воздух постоянно загрязняется зловонием, исходящим от частных судов и общественных резервуаров для мочи и всевозможных отбросов, которые тщательно собираются падальщиками. Таким образом, хотя улицы и поддерживаются в чистоте, они никогда не бывают сладкими; но привычка делает людей почти нечувствительными к этой, а также другим неприятностям. На всех улицах можно нанять повозки, мулов, ослов и лошадей. Маньчжурские женщины ездят верхом; их количество на улицах, как верхом, так и пешком, придает толпе приятную особенность, которой не встретишь в городах южнее. Необычайная длина и продуманность брачных и похоронных процессий, ежедневно проходящих по проспектам, придает им красивую особенность, которой не могут подражать другие города с узкими улицами.

Окрестности за пределами пригорода заняты мавзолеями, храмами, частными особняками, деревнями и возделанными полями, на которых или рядом с которыми растут деревья, так что город, если смотреть на него издалека, кажется расположенным в густом лесу. Много интересного для антиквара и ученого можно найти в этом старом городе, который с каждым годом все больше и больше привлекает внимание других народов. Со времени смерти Кьенлунга в 1797 году его население постоянно уменьшалось и сейчас составляет, вероятно, менее миллиона человек, включая ближайшие пригороды. Климат здоровый, но подвержен перепадам от нуля до 104°; сухость в течение десяти месяцев в году, кроме того, чрезвычайно раздражает. Бедняки, приезжающие сюда из других мест, составляют нуждающуюся и беспокойную часть населения, иногда собираются в большие толпы и грабят амбары, чтобы обеспечить себя едой, но чаще гибнут в огромных количествах от холода и голода. Мир в городе всегда является предметом серьезной заботы императорского правительства, и не только потому, что это может быть связано с личной безопасностью императора, но еще больше из-за того, что это может оказать тревожное влияние на управление империей. Овладение этой столицей силами вторжения почти равнозначно контролю над страной, как это может быть в большинстве европейских королевств, но не в такой степени, как в Сиаме, Бирме или Японии. Благотворное влияние, которое может быть оказано на нацию из метрополии, также соответственно велико, а очищение этого источника загрязнения и либерализация этого центра власти, начатые в настоящее время различными способами, принесут огромную пользу китайскому народу.^[36]

В Чили расположено еще несколько крупных городов, среди которых наиболее важными являются Паутинг, бывшая резиденция генерал-губернатора, и Тяньцин. Первый расположен примерно в восьмидесяти милях к юго-западу от столицы, на реке Юнгтинг и большой дороге, ведущей в Шанси. Весь департамент описывается как тщательно возделываемый, густонаселенный регион; он хорошо поливается и имеет два или три небольших озера.

ТИЦИН И РЕКА.

Тяньсин - крупнейший порт на побережье выше Шанхая. Однако из-за мелководья залива и барной стойки в устье Пэй-хоу, через которую во время отлива проходит всего три-четыре фута воды, порт недоступен для крупных иностранных судов. Раньше его размеры и значение объяснялись главным образом тем, что он был конечным пунктом Большого канала, по которому доставлялись продукты и налоги для использования в столице. Г-н Гутцлафф, посетивший Тяньцин в 1831 году, описал его как шумное место, сравнив бурлящую жизнь и толпы людей на воде и берегах за стенами города с Ливерпулем. Огромный флот зерновых джонок, доставляющих рис в столицу, дополняется еще большим количеством судов, которые доставляют продукты в Тунг Чау. Раньше прибрежная торговля увеличивала судоходство в Тяньцине до тысячи джонок, включая все, что выстроились вдоль реки на протяжении примерно шестидесяти миль. С 1861 года эта туземная торговля сократилась, так как пароходы постепенно вытесняют туземные суда, и никто не желает рисковать страхованием грузов на джонках. Страна между городом и морем не очень плодородна из-за соды и селитры, содержащихся в почве; но урожай приносят скудный, и только после долгих трудов; один из видов травы (*Phragmites*) используется для изготовления циновок. Иногда из-за дождей река Пэй-хо и ее притоки выходят из берегов, и тогда их воды наносят удобрения на большие площади.

Подход к Тяньцину с востока указывает на его важность, а смена малонаселенной местности, лежащей вдоль берегов Пэйхо, на плотные толпы на берегу и флотилии лодок значительно увеличивает живость его вида. "Если для того, чтобы придать интерес сцене, - замечает мистер Эллис, - необходимы прекрасные здания и поразительная местность, то она не имеет претензий; но, с другой стороны, если постепенное скопление джонок, пока они не станут бесчисленными, огромное население, строительство, хотя и не элегантно, но регулярное и своеобразное, тщательное и успешное культивирование, могут восполнить эти недостатки, то вход в Тяньцин не будет лишен привлекательности для путешественника".^[37] Штабеля соли вдоль реки привлекают внимание путешественника; огромное количество этого товара, собранное в этом городе, составляет лишь малую часть от того количества, которое потребляется во внутренних районах страны. Постепенно богатство Тенцина будет расти, и сейчас в нем, возможно, насчитывается полмиллиона жителей. Его положение делает его одним из важнейших городов империи и ключом к столице.

Недалеко от устья реки находится Та-ку с фортами и гарнизоном, небольшой городок, примечательный тем, что именно здесь в августе 1840 года состоялась первая беседа между китайскими и английскими полномочными представителями, а также три столкновения между британскими и китайскими войсками в 1858, 1859 и 1860 годах. Общий вид провинции - плоский и безрадостный, почва у побережья малопродуктивна, но в целом богата и хорошо возделывается, хотя урожаи подвергаются опасности из-за частых засух.

Порт Пекина - Тунг-чау на реке Пэй-хо, расположенный в двенадцати милях от восточных ворот и соединенный с ними возвышенной каменной дамбой. Здесь все суда выгружают пассажиров и грузы, которые перевозятся на телегах, тачках или на мулах и ослах. Город Тунг Чау выглядит ветхим на фоне всей своей деловой и торговой жизни, а его население зависит от транзита товаров. Улицы вымощены, на самых больших из них по бокам проложены пешеходные дорожки. Дома свидетельствуют о процветании города. Одна пагода возвышается над ними почти на 200 футов и служит путевым ориентиром на многие мили по всей стране. Тунг Чау находится всего в 100 футах над морем, от которого он удален на 120 миль по прямой линии; следовательно, его подверженность наводнениям является серьезным недостатком для его постоянного процветания.

Еще один город, заслуживающий внимания, - Сиуэнхва-фу, прекрасно расположенный между ответвлениями Великой стены. Тимковский отмечает: "Окружающая его зубчатая стена высотой в тридцать футов заставляет вспомнить о Кремле и похожа на стены нескольких городов России; она состоит из двух тонких параллельных кирпичных стен, промежуточное пространство заполнено глиной и песком. Стену обрамляют башни. Чтобы войти в город, мы прошли через трое ворот: первые заколочены железными гвоздями; у вторых находится караульное помещение; далее мы двинулись по широкой улице, окаймленной скобяными лавками; мы прошли несколько больших и малых улиц, широких и чистых; но, учитывая его протяженность, город малонаселен".[38]

Департамент Чахар, или Цахар, лежит за Великой стеной, к северу и западу от провинции, это гористая и малонаселенная страна, населенная в основном монгольскими пастухами, которые содержат стада и отары императора.[39]

ДОЛОН-НОР И ГОРОДА НА СЕВЕРЕ.

На северо-востоке от их земель расположен процветающий город Долон-нор (*т.е.* Семь озер), или Лама-мяо, с населением около 20 000 китайцев, основанный Канхи. Буддийские храмы и расположенные здесь мануфактуры колокольчиков, идолов, молитвенников и других религиозных изделий дали ему название и привлекают монголов, чьи женщины щеголяют в сделанных здесь украшениях. Он находится на широте 42° 16' с. ш., примерно в десяти милях от реки Шангту, крупного рукава реки Ляо, на песчаной равнине, и к нему ведет дорога, петляющая среди нескольких озер. К северо-западу от Долон-нора находятся руины древней монгольской столицы Шангту, ставшей более известной среди англоязычных читателей благодаря изысканной поэме Кольриджа

В Ксанаду Кубла Хан

Величественный декрет о прогулочном куполе:

Там, где протекала священная река Альф.

Через пещеры, не поддающиеся измерению человеком.

Вниз, к бессолнечному морю.

Дважды по пять миль плодородной земли

Стенами и башнями был обнесен.

чем по рассказам Марко Поло, что и подвигло поэта на написание этих строк. Он был спланирован так же, как и Мукден, - внешняя и внутренняя стены, отделяющие друг от друга народы, и в его гробницах, вероятно, найдется множество табличек и реликвий монгольских императоров, если их тщательно раскопать. Он находился слишком далеко от Пекина, чтобы маньчжурские монархи могли его отстроить, а императоры династии Мин не имели там власти. В 1872 году его посетили господа Гросвенор и Бушелл из британского легата; описание доктора Бушелла подтверждает рассказ Поло и более поздние заметки Гербильона о его размерах.[40]

Здесь есть несколько озер, самое большое из которых, Пех-ху, расположенное в юго-западной части, соединяется с Пэй-хо через реку Хю-то. Различные ветви пяти рек, чьи объединенные воды сходят на нет в Та-ку, обеспечивают ненадежное водное сообщение

через южную половину Чили. Их верховья поднимаются в Шанси и за Великой стеной, принося с собой много ила, который их нижние течения лишь частично выносят в залив; этот ил вскоре разрушает полезность каналов, поднимая их на опасное расстояние от уровня берегов. Утилизация их потоков - сложная проблема гражданского строительства не только здесь, но и на всей Великой равнине.

У берегов Лан-хо, большого потока, стекающего на юг с восточных склонов Чахарских холмов, мимо Юнгпинг-фу в залив и примерно в ста семидесяти четырех милях к северу от Та-ку, расположен Чингпех, или Дже-хо, загородный дворец императора. Подход к нему лежит через проход, вырубленный в скале и напоминающий тот, что ведет в Дамаск.

Императорская территория окружена высокой грядой холмов, образующих грандиозный амфитеатр, который в этом месте чрезвычайно красив. Спуск к городу открывает новые и захватывающие виды на каждом повороте дороги. Охотничьи угодья окружены высокой стеной, протянувшейся на двадцать миль по холмам, и изобилуют оленями, лосями и другой дичью. Буддийские храмы являются главной достопримечательностью для посетителей. Самый большой из них - квадратный и кастеллированный, высотой в одиннадцать этажей и около двухсот футов с каждой стороны; этажи окрашены попеременно в красный, желтый и зеленый цвета. Под ним расположено несколько подобных, но меньших по размеру сооружений, и на каждом из первых двух или трех рядов находится ряд небольших фарфоровых пагод синего цвета; их черепица также синего цвета. При ярком солнечном свете эффект от этих блестящих полос очень хорош, а общая аккуратность дополняет приятный результат яркой раскраски. Около тысячи лам живут около этих святынь. Город Дже-хо (*т.е.* Горячая река) состоит в основном из одной улицы, огибающей холмы возле дворца; его жители более высокого класса, чем обычно в китайских городах, большая часть связана с правительством. Дорога через Ку-пех-кау в Великой стене из Пекина в Дже-хо - одна из лучших в провинции, и путешествие представляет собой множество очаровательных пейзажей; главный интерес для иностранцев связан с визитом туда лорда Макартни в 1793 году.^[41] Эта плодородная префектура быстро заселяется китайцами, число которых сейчас не превышает двух миллионов.

Основными продуктами Чили являются просо и пшеница, сорго, кукуруза, овес, многие виды бобовых и фрукты, среди которых груши, сушеные и свежие финики (*Rhamnus*), яблоки и виноград; все это экспортируется. Уголь, как битуминозный, так и антрацит, добывается в большом количестве; один из способов использования каменного угля - смешивание его пыли с порошковой глиной и превращение их в шары и лепешки для приготовления пищи и топлива. Провинция также поставляет хороший мрамор, гранит, известь и железо, некоторые виды драгоценных камней и глину для кирпича и керамики.

ПРОВИНЦИЯ ШАНЬТУН.

Провинция Шаньтун (*т.е.* Восток Холмов) имеет длинную береговую линию, ее морская граница составляет более половины всей окружности. Она расположена к югу от залива Печеле, к юго-востоку от Чили, к северу от Киангсу и граничит с Хонаном, где их разделяет Желтая река. Большая часть территории равнинная, холмистой является часть полуострова, где самые высокие точки поднимаются слишком высоко, чтобы их можно было возделывать. Гранд-канал входит в провинцию на своем пути из Тяньсина в Линцин-чау на северо-западе, проходя в юго-восточном направлении к старой Желтой реке, и значительно увеличивает ее значение. Берега мыса, как правило, смелые и полны углублений, представляющих несколько отличных гаваней; ни одна важная река не впадает в провинцию, и с каждой стороны полуострова воды мелководны. Чифу, в префектуре Тэнчау, имеет лучшую гавань, и его торговля постепенно привлечет к нему большое количество населения. Холмы вдоль

берега имеют удивительно равномерную коническую форму, напоминающую шляпы, которые носят офицеры. Холмистые районы расположены цепочкой, пересекающей мыс, самая длинная и высокая из которых тянется по направлению к побережью в Тай-нгань-фу; некоторые вершины достигают более пяти тысяч футов, но большинство из них не превышает трех тысяч футов. Их промежутки хорошо возделываются. Почва в целом плодородная, за исключением берегов залива, где она азотистая. Здесь, как и в других районах Северного Китая, ежегодно собирают два урожая. Распространены ива, осина, айлант, саранча (*софора*), дуб, шелковица и хвойные деревья; шелкопряды, питающиеся дубовыми листьями, производят шелк.

Эта провинция - одна из самых знаменитых в истории Китая, отчасти потому, что здесь происходило множество выдающихся событий в ранней истории народа вплоть до 200 г. до н. э., но в большей степени потому, что здесь находились места рождения Конфуция и Менция, слава о которых обошла всю землю. Жители провинции гордятся своим происхождением, как самарянка гордилась тем, что скот Иакова пил воду из колодца в Сихаре.

ТАЙШАНЬ, "ВЕЛИКАЯ ГОРА".

Высокая гора под названием Тайшань, или "Великая гора", находится недалеко от Тай-нгань-фу в этой провинции. Эта вершина упоминается в "Царе Шу" как место, где Шунь принес жертву Небу (2254 г. до н. э.); соответственно, она знаменита как историческими, так и религиозными ассоциациями. Она возвышается над всеми остальными вершинами хребта, как бы в одиночестве наблюдая за страной вокруг, и является великим местом встречи верующих; каждая секта имеет там свои храмы и идолов, разбросанных вверх и вниз по ее сторонам, в которых священники распевают свои молитвы и практикуют тысячу суеверий, чтобы привлечь паломников к своим святыням. Весной дороги, ведущие к Тай-шану, запружены длинными караванами людей, идущих исполнять свои обеты, молить божества о здоровье или богатстве или выпрашивать радости небесные в обмен на горести земные. Французский миссионер упоминает, что встречал паломников, идущих к нему, одна партия из состояла из старых дам, которые с бесконечной усталостью и неудобствами проделали путь с юга Хонана, около трехсот миль, чтобы "напомнить своему богу о долгом воздержании от плоти и рыбы, которое они соблюдали в течение своей жизни, и попросить, в качестве вознаграждения, счастливого переселения для своих душ". Самому младшему из этой партии было 78, а самому старшему - 90 лет.^[42] Другой путешественник говорит, что паломники приходят сюда весной, когда проводятся ярмарки, привлекающие их; высокие и низкие, чиновники и простолюдины, мужчины и женщины, старые и молодые, всевозможные люди собираются, чтобы поклоняться и торговать. За городом стоит большой храм, на территории которого расположены большие и безопасные палатки, где преданные развлекаются, закончив свои богослужения. Дорога к вершине составляет около пяти миль, она хорошо вымощена и оборудована домиками для отдыха, чайными лавками и лестницами для удобства паломников, а также затенена кипарисами. На ней много нищих, мужчин и женщин со всевозможными язвами и болезнями, калек и увечных, которые осаждают путников криками и самобичеванием, часто ложатся поперек тропы, чтобы на них не наступили. Огромное их количество живет на собранную таким образом милостыню, вырывая себе норы на обочине дороги, где они и живут; их число указывает на огромные толпы людей, чьи пожертвования поддерживают такую жалкую толпу на холме.

ГОРОДА И ОСОБЕННОСТИ ШАНТУНГА.

Столица провинции - Циньань, хорошо построенный город с населением около 100 000 человек. В древности это был важный город, столица Ци, одного из влиятельных феодальных государств, с 1100 года до н. э. и до его завоевания Чи Хванти около 230 года; нынешний город лежит недалеко к востоку от Та-цин-хо, или новой Желтой реки, и доступен на небольших паромовых судах с моря. Вокруг него возвышаются холмы, и он защищен тремя линиями обороны, сложенными из грязи, гранита и кирпича. Три обильных источника у западных ворот дают чистейшую воду, тепловатую и настолько обильную, что она заполняет городской ров и образует озеро для утешения горожан, как в лодках на его лоне, так и из храмов по его берегам. Изготавливают прочные ткани из дикого шелка, а также украшения из *лиу-ли*, стекловидного вещества, похожего на страза, из которого делают табакерки, браслеты, чашки и т. д. в большом разнообразии, чтобы они напоминали змеевик, нефрит, лед и другие вещи. К востоку от Цинана находится город-префект Цининг Чау, некогда столица провинции, центр густонаселенного и плодородного региона. Судя по позолоченным и резным магазинам, храмам и государственным учреждениям в пригородах, которые тянутся вдоль восточных берегов канала, Цининг-чау - богатое и процветающее место; сразу за городом канал лишь немного возвышается над уровнем обширных болот с каждой стороны, а дальше к югу болота быстро увеличиваются: когда посольство Амхерста проезжало мимо, вся страна, насколько хватало глаз, демонстрировала последствия недавнего обширного наводнения. Дэвис добавляет: "Воды были на одном уровне с водами канала, и не было необходимости в плотинах, которые сами были почти под водой, а шлюзы для сброса лишней воды иногда встречались. Со всех сторон виднелись кусты больших деревьев, коттеджи и башни, наполовину скрытые под водой и покинутые жителями; по количеству последних можно было сделать вывод, что они служили убежищем на случай наводнения, которое здесь должно быть очень частым. На правом берегу часто встречались жалкие деревушки, вдоль которых тропинка была местами так сильно подорвана, что уступала дорогу на каждом шагу, и они вынуждены были настилать заграждения из тростника, чтобы обеспечить себе проход".^[43]

Линь-цин-чау, расположенный на реке Юй-хо, у ее слияния с каналом, находится посреди красивой местности, изобилующей садами и возделанными участками, перемежающимися зданиями. Это место является депо для продуктов, привозимых по каналу, и местом встречи больших флотилий лодок и барж. Рядом с ним находится хорошо отремонтированная пагода высотой около 150 футов, цоколь которой построен из гранита, а остальные этажи - из глазурованного кирпича.

За последние несколько лет города и деревни Шаньтуна стали более посещаемыми, а их жители - более знакомыми с иностранцами, общение с которыми принесло свои хорошие и плохие плоды. Продукция этой плодородной провинции включает в себя все виды зерновых и овощей, которые можно найти в Северном Китае, а ее торговля по морю и вдоль канала открывает множество выходов для предприимчивого капитала. Среди полезных ископаемых - золото, медь, асбест, галенит, сурьма, серебро, сера, мелкие агаты и селитра; первое встречается в руслах ручьев. Однако все они уступают по своей значимости углю и железу, которых здесь в изобилии и которые добываются уже много веков. Мануфактуры поставляют обычную одежду и утварь для населения; шелковые ткани, соломенные жгуты, сплетенные из пшеницы, стекло, дешевую глиняную посуду и ковры всех видов.

Мистер Стивенс, американский миссионер, посетивший Вэйхайвэй и Чифу в 1837 году, дает описание жителей, которое до сих пор применимо к большинству районов провинции: "Эти бедные люди с юности до старости не знают ничего, кроме однообразного труда ради пропитания, и никогда не видят, не слышат ничего об окружающем их мире. Улучшения в

полезных искусствах и науках, а также увеличение жизненных удобств никогда не были известны среди них. Там, где жили и умерли их отцы, они живут, трудятся и умирают, чтобы на смену им пришло другое поколение в том же духе. Среди них мало удобств для жизни; их дома состоят в основном из гранита и соломенных крыш, но ни стола, ни стула, ни пола, ни какого-либо предмета мебели нельзя было увидеть в домах самых бедных. У каждого мужчины была своя трубка, а чай был в большинстве жилищ. Они были трудолюбивы: одни пахали, другие жали, третьи убирали навоз, четвертые приносили домой продукты; многие собирались на молотилках, просеивали, сортировали и упаковывали пшеницу, рис, просо, горох, сушили кукурузу, и все это с величайшим усердием. Здесь же находились их упряжки для пахоты, запряженные во всевозможные причудливые комбинации: то корова и осел, то корова, бык и осел, то корова и два осла, то четыре осла, и все запряжены в одну упряжку. У всех женщин были маленькие ноги, они были бледны и бледнолицы, и их жалкий, убогий вид вызывал неизгладимое чувство сострадания к их беспомощной участи. Они не всегда были застенчивы, но, как правило, плохо одеты и некрасивы, видимо, работали в поле, как и мужчины. Но в нескольких случаях были замечены молодые дамы, одетые в роскошные шелка и атлас, верхом на осликах с сумками. Ни для мужчин, ни для женщин нет никаких перспектив улучшения, кроме либерализирующего и счастливого влияния христианства".[44]

ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШАНСИ.

Провинция Шанси (*т. е.* Запад холмов) расположена между Чили и Шенси и к северу от Хонана; Желтая река огибает ее с запада и частично с юга, а Великая стена образует большую часть северной границы. Ее площадь составляет 55 268 квадратных миль, что почти равно площади Англии и Уэльса или штата Иллинойс. Эта провинция - изначальная резиденция китайского народа, и многие места, упомянутые в древних летописях, происходили в ее пределах. Ее изрезанная поверхность представляет собой поразительный контраст с ровными участками в Чили и Шантунге. Южная часть Шанси, включая регион до Желтой реки, общей площадью 30 000 квадратных миль, представляет собой геологическое образование большой сложности от Хвай Кинг до северного Пинг Тинга. Равнина вокруг первого названного города ограничена с севера крутой грядой холмов высотой от 1 000 до 1 500 футов; через нее проходит мало дорог и ручьев. Достигнув вершины, к северу простирается волнистая равнина высотой от 2500 до 3000 футов над уровнем моря, состоящая из угольных пластов, залегающих над известняком нижних крутых холмов. Примерно в сорока милях от этих холмов находится второй подъем, подобный первому, по которому дорога ведет на другое плато, почти на 6 000 футов над морем. Это плато сложено более поздними породами, песчаниками, сланцами и конгломератами зеленого, красного, желтого, сиреневого и коричневого цветов, и глубоко размыто рукавами реки Цинь, которые в конце концов впадают в Желтую реку. Северо-западная граница этого плато проходит по перевалу Ву Линг, за которым начинается спуск в бассейн реки Фэн. Этот бассейн пересекается с восточной стороны рекой Хохшань почти до Тайюэня; его вершины местами поднимаются до 8000 футов; скалы гранитные и разделяют угольные пласты, антрацитовые на восточной стороне и битумные на западной, до реки Желтой и на север до Та-тунга. На вершине обоих плато лежит лессовое отложение, глубина которого варьируется от десяти до пятисот футов, и которое во всех направлениях глубоко изрезано водными потоками, открывающими угольные и железные шахты.

На восточной стороне Шанси скалы состоят из древних образований или отложений силурийского возраста, представляющих собой ряд пиков, перевалов и хребтов, которые сильно затрудняют передвижение по равнине. Благодаря этим горным хребтам провинция

изолирована от Чихли, так как здесь нет никаких полезных водных коммуникаций. Это угольное и железное месторождение, вероятно, является крупнейшим в мире, и когда железные дороги откроют к нему доступ, его можно будет легко разрабатывать вдоль водных потоков. Северная часть провинции дренируется реками, заканчивающимися в Тенцине. Эта возвышенная местность не поддается искусственному орошению, и когда дожди выпадают слишком редко или слишком поздно, население страдает от голода. Северные и южные префектуры отличаются большим разнообразием животноводческой, минеральной и растительной продукции. Некоторые из любимых императорских охотничьих угодий находятся на севере; из угля, железа, киновари, меди, мрамора, ляпис-лазури, яшмы, соли и других полезных ископаемых, которые они дают, жители получают большую часть своего богатства. Основные зерновые культуры - пшеница и просо, большое разнообразие овощей и фруктов, таких как хурма, груши, финики и виноград. Реки невелики, и почти каждая из них является притоком Желтой реки. Наиболее важной является Фэн-хо, длиной около 300 миль, которая впадает в нее у юго-западного угла провинции, после того как осушает центральную часть. К востоку от нее, вплоть до верховьев рек, впадающих в Чихли, простирается волнистая столовая земля, общая высота которой составляет 3 000 футов над уровнем моря. К югу от нее протекает река Кианг, также приток Желтой реки, а недалеко от нее, в Киай-чау, находится замечательное месторождение соли в мелком озере (18 миль в длину и 3 в ширину), которое окружено высокой стеной. Соль выпаривается на солнце под руководством правительства, и продукт приносит большой доход; прилегающий город Лунг-Цюен, в котором проживает 80 000 человек, посвящен этому бизнесу. Соль в этом регионе добывают уже две тысячи лет; вода в некоторых источниках солоноватая и используется в кулинарии. Ближе к Желтой реке есть два небольших озера.

Железо, получаемое на нижнем плато, на юго-востоке, вблизи Тсих Чау, состоит из глинистой железной руды и спатовой руды с гематитом, которая встречается в известняковых пластах на дне угольных формаций. Добывают ее грубым способом, но продукция не уступает любому железу в мире, а ее цена составляет всего около двух центов за фунт. На добыче и транспортировке угля и железа заняты мириады людей, хотя платят им жалко. Провинция почти не поставляет свой хлопок, но для удовлетворения спроса на одежду производятся шерстяные вещи и овчины.

Столица Тайюэньфу лежит на северной границе плодородной равнины, расположенной на высоте 3000 футов над уровнем моря; эта равнина занимает около 2000 квадратных миль и обязана своим существованием постепенному заполнению озера, воды которого пробили себе путь и оставили реку Фэн для отвода излишков. Через хребет Хо Шань находится другой бассейн, столь же плодородный и богатый минералами, в Пингтинг-чау, где уголь, железо, глина и камень имеются в неограниченных количествах. В северной части провинции буддийские храмы в У-тай-шань и Тай-чау привлекают к себе огромные толпы верующих. Холмы, на которых они построены, возвышаются над горами, и каждая знаменитая местность увековечена своим божеством и зданиями, где ему поклоняются. Присутствие здесь живого Будды, или *Гегена*, привлекает тысячи монголов с севера, чтобы поклониться ему; их утомительное путешествие увеличивает ценность визита. Большинство лам - выходцы с севера и запада. Регион к северу от этого места, кажется, постепенно теряет свое плодородие из-за песка, который северные ветры заносят из Ортуских степей; а поскольку на всех холмах нет деревьев, весь Шанси, кажется, обречен на растущую бедность и бесплодие. Его жители - проникательные, предприимчивые торговцы, а также экономные земледельцы; многие банкиры империи - выходцы из ее городов.

ГОРНЫЕ ПЕРЕВАЛЫ В ШАНСИ.

Великие дороги из Пекина на юго-запад и запад проходят через все главные города этой провинции, и когда они были новыми, то, вероятно, не уступали по инженерным и строительным качествам ни одной из , когда-либо построенных римлянами. Толщина камней, которыми они вымощены, составляет в среднем 15 дюймов. Немногие регионы могут превзойти по природным трудностям некоторые из перевалов через покрытые лесом участки этой провинции, где дорога должна пробираться через мили узких прорезов в легкой и цепкой почве, чтобы выйти перед пейзажем, подобным тому, что показан на иллюстрации.[\[45\]](#)

Вид на лессовые горы с перевала Хань-син-лин, Шанси. Из Рихтхофена.

ПРОВИНЦИЯ ХОНАН.

Провинция Хонань (*т.е.* к югу от реки) включает в себя одни из самых плодородных частей равнины и, благодаря своему изобилию и центральному положению, рано получила название *Chung Hwa Tí*, или "Средняя цветущая земля", впоследствии расширенное до *Chung Kwoh*, или "Среднее королевство". Его форма - неправильный треугольник, а размер почти такой же, как у Шаньтунга; на севере - Шанси и Чихли, на юго-востоке - Нганхуэй, на юге и юго-западе - Хупэ, на западе - Шэньси, граничащие также с Шаньтунгом и Киангсу. Эта область разделена на три бассейна: Желтой реки на севере, реки Хвай на юге и реки Хань на юго-западе; два последних разделены заметным горным хребтом Фу-ниу-шань, который

считается восточной конечной точкой гор Квэньлунь; его длина составляет около 300 миль, а восточный конец находится около Цзю-нин-фу. Эта горная цепь имеет высоту от 4 000 до 6 000 футов и пересекается в Наньчау, где находится замечательный естественный перевал длиной около 30 миль, поднимающийся на высоту 1 200 или 1 500 футов и обеспечивающий необходимые условия для торговли и передвижения между центральной и северной провинциями. Реки Пех и Тан впадают с южных склонов в Хань, а восточные стороны обильно орошаются многочисленными рукавами реки Хвай, впадающими в озеро Хунцих. Северная часть Хонана вдоль Желтой реки - ровная, плодородная и густонаселенная, образующая одну из самых богатых частей провинции.

По своему климату, продуктивности, литературной репутации, историческим ассоциациям и разнообразию пейзажей эта провинция занимает видное место. Самые ранние записи о черноволосой расе относятся к этому региону, а борьба за господство между феодальными и имперскими армиями происходила на его равнинах. Нынешняя труднодоступность побережья скоро будет преодолена с помощью железных дорог, и тогда его возможности можно будет развивать дальше, а также увеличивать объемы хлопка, пеньки, железа, тутенга, шелка и угля для экспорта. В настоящее время население потребляет свои собственные продукты питания и изделия, и нужен только хороший спрос, чтобы увеличить их качество и количество и обменять на другие товары. Три префектуры к северу от Желтой реки низменны; через них воды этой реки недавно нашли путь в реку Вэй и затем в Печельский залив в Мэн-цине или к востоку от него; постепенное поднятие русла делает их уровни почти одинаковыми, а главное течение настолько широким и мелким, что оно малопригодно для судоходства. По этим равнинам ездят тачки и повозки, чьи погонщики и запрягальщики образуют огромное тело выносливых мужчин, постоянно перемещающихся по своим делам из одного города в другой.

Столица Кайфун-фу, или Пьен-лян, расположена примерно в лиге от южного берега Желтой реки, русло которой здесь возвышается над прилегающей территорией. Она была метрополией с 960 по 1129 год н.э. и часто страдала как от нападений армий, так и от наводнений. Дамбы находятся в основном на северном берегу и свидетельствуют о промышленности и неустанных усилиях жителей на протяжении десятков лиг. Во время маньчжурского завоевания Кайфун защищал верный генерал, который, не видя другого выхода против захватчиков, разрушил дамбы, чтобы утопить их, и в результате этого маневра погибло до 300 000 жителей. Город был отстроен, но не достиг своего древнего величия, если верить "Статистике Кайфунга", в которой он описывается как имевший в двенадцатом веке шесть лиг в окружности, к которому вели пять дорог и в котором находились многочисленные дворцы, сады и правительственные дома. Долина реки Лох лежит между Желтой рекой и горами Фу-ниу - плодородный, густонаселенный район, где происходили многие знаменательные события китайской истории. Лох-ян, близ Хонана, был метрополией в три разных периода, и, вероятно, дальнейшие исследования здесь позволят обнаружить множество древних реликвий; уже были замечены вырубленные в скале храмы и старые надписи с изящными барельефами у естественных ворот Лун-мэн, где дорога пересекает Сун-шань. Благодаря направлению дорог, ведущих через этот регион с юга и востока, и проходам для путешествий на северо-запад, в будущем он станет очень важным центром торговли Центральной Азии и западного Китая.

Провинция Киангсу названа по первому слогу столицы Киангнинг, соединенному с Су, частью названия самого богатого города Сучау. Она расположена вдоль морского побережья в северо-западном направлении, на севере омывается Шантунгом, на западе - Нганьвум, на юге - Чехкиангом. Площадь составляет около 45 000 квадратных миль, что

равняется Пенсильвании или чуть меньше Англии. Она состоит, с небольшими перерывами, из ровных участков, перемежающихся озерами и болотами, через которые протекают две их благородные реки, являющиеся источником необычайного плодородия этого региона, а также делающие его несносным для приливов, или покрывающие низменные участки невосполнимыми болотами. Регион Киангнан - это место, где красота и богатство Китая проявляются наиболее ярко; "и если принять во внимание, - отмечает Гутцлафф, говоря об этой и соседней провинции, - их сельскохозяйственные ресурсы, их великие мануфактуры, их разнообразные производства, их прекрасное положение на берегах этих двух больших потоков, их многочисленные каналы и притоки, то эти две провинции, несомненно, составляют лучшую территорию Китая". Основными продуктами являются зерно, хлопок, чай, шелк и рис. Большинство видов производства здесь доведено до совершенства. Жители пользуются исключительной репутацией за ум и остроумие, и хотя провинция уже давно перестала быть придворной, ее города все еще представляют собой более величественный вид и украшены лучшими строениями, чем все остальные в империи. Эта провинция была ареной ужасных разрушений во время восстания Тайпина, и большие районы до сих пор пустыни, а города лежат в запустении.

Вероятно, ни одна страна такой же протяженности не орошается лучше, чем Киангсу. Великая река, Большой канал, множество мелких ручьев и каналов, а также череда озер вдоль линии канала обеспечивают удобное сообщение со всеми частями страны. Морское побережье не было исследовано к северу от Янцзы, где оно неприступно для больших судов; в некоторых местах были построены дамбы, чтобы предотвратить впадение океана. Самое большое озеро - Хунгцих, около двухсот миль в окружности. К югу от него расположено озеро Кауйю, а на восточной стороне канала напротив - озеро Пауинг, оба они представляют собой широкие водные пространства. Вокруг них расположено множество мелких озер. Тайху, или "Великое озеро", расположено частично в Киангсу, частично в Чхэкианге и является самым большим в провинции. Его границы окаймлены романтическими пейзажами, а лоно изрезано многочисленными островками, которые служат удобным пристанищем для рыбаков, добывающих пропитание в его водах.

ГОРОД НАНКИН.

Киангнинг-фу (более известный за рубежом как Нанкин), столица провинции, расположен на южном берегу Янцзы, в 194 милях от Шанхая. Он был метрополией с 317 по 582 гг. н.э., а также в течение 35 лет во время правления династии Мин (1368-1403 гг.). Этот город - естественное место для императорского двора, доступное по суше и воде со всех сторон и способное к надежной обороне. Когда в 1865 году Тайпины были изгнаны, город был почти разрушен и с тех пор лишь медленно возрождается. Когда Хун-ву сделал его своей столицей, он укрепил стену вокруг него, включив в нее большую территорию, 35 миль в окружности, которая никогда не была полностью покрыта зданиями, и в настоящее время имеет самый разрушительный вид. Дэвис отмечает поразительное сходство между Римом и Нанкином: территория в пределах стен обоих городов частично заселена, а руины зданий лежат то тут, то там среди возделанных полей, меланхоличные останки ушедшей славы. Однако и у того, и у другого теперь есть более радужные перспективы на будущее.

Часть, занятая маньчжурами, отделена от китайского города поперечной стеной. Большая протяженность стены затрудняет оборону города, к тому же он обозревается с холмов на востоке, с одного из которых, Чунг-шань, открывается широкий вид на окрестности. На этой восточной стороне находятся трое ворот; земля возле двух из них, расположенных по направлению к реке, заболочена, и к воротам ведут каменные мостки. Глубокий канал проходит от реки прямо под стенами на западе и служит для укрепления подходов с этой

стороны. Нанкин разбит на четыре довольно широких и параллельных проспекта, пересекаемых другими, меньшей ширины; , хотя и не такие широкие, как в Пекине, в целом чистые, хорошо вымощенные и окаймленные красиво обставленными магазинами.

Единственные сохранившиеся памятники королевской власти - это несколько статуй-хранителей, расположенных недалеко от стен. Эти статуи образуют аллею, ведущую к усыпальнице, где около 1398 года был похоронен император Хунву. Они представляют собой гигантские фигуры воинов в доспехах, стоящие по обе стороны дороги, через которую через определенные промежутки протянуты большие каменные плиты, поддерживаемые огромными каменными блоками вместо столбов. На некотором расстоянии расположено несколько грубых колоссальных фигур лошадей, слонов и других животных, призванных изображать хранителей могущественных мертвецов.[\[46\]](#)

НАНКИНСКАЯ ФАРФОРОВАЯ БАШНЯ.

Ничто так не прославило Нанкин за границей, как Фарфоровая башня, называемая *Pao-ngān tah*, или "Монастырь возмездия", которая превосходила все другие подобные здания в Китае своей завершенностью и элегантностью, материалом, из которого она была построена, и количеством позолоты, которой был украшен ее интерьер. Он был возведен Юнглохом в качестве вознаграждения за великую милость ее величества императрицы, и на его строительство ушло 19 лет (1411-1430). Правительство поддерживало его в хорошем состоянии, а три этажа, которые были сброшены молнией в 1801 году, были восстановлены. Тайпины взорвали его и унесли кирпичи в 1856 году, опасаясь, что геомантическое влияние этого здания будет работать против успеха их дела. Что касается его размеров: Его форма была восьмиугольной, разделенной на девять равных этажей, окружность нижнего этажа составляла 120 футов, постепенно уменьшаясь к вершине. Основание опиралось на прочный фундамент из кирпича высотой десять футов, по которому двенадцать ступеней вели в башню, откуда винтовая лестница из 190 ступеней поднимала посетителей на вершину, расположенную в 261 футе от земли. Внешняя сторона башни была покрыта плитами глазурованного фарфора различных цветов, в основном зеленого, красного, желтого и белого, а тело здания было кирпичным. На каждом этаже была выступающая крыша, покрытая зеленой черепицей; с каждого угла и с вершины этих крыш были подвешены колокола, всего 150 штук.

Это прекрасное сооружение посетил в 1852 году доктор Чарльз Тейлор, американский миссионер, который оставил полный отчет о своих наблюдениях.[\[47\]](#) Оно должно было быть поднято на высоту 329 футов и состоять из тринадцати этажей, но построено было только девять; тщательное измерение дало 261 фут высоты, 8½ футов толщины на вершине и 12 футов у основания, где диаметр составлял 96 футов 10 дюймов . Облицовка была выполнена из кирпича, изготовленного из тонкой фарфоровой глины; преобладающим цветом был зеленый, благодаря преобладанию черепицы на многочисленных этажах. Деревянные конструкции, поддерживающие эти сменяющие друг друга крыши, были прочными, украшены резьбой и богатой росписью. Разноцветные плитки и кирпичи были покрыты глазурью, что придавало зданию нарядный и красивый вид, который значительно усиливался при отраженном солнечном свете. Когда здание было новым, в нем было 140 ламп, большинство из которых висели снаружи; местный писатель говорит, что "когда они горят, то освещают 33 небеса, определяют добро и зло среди людей, а также навсегда отгоняют человеческие несчастья". Разрушение такого здания, вызванное лишь причудливыми идеями, объясняет отсутствие всех старых и великих сооружений в Китае.

В Нанкине есть обширные мануфактуры тонкого атласа и крапа, хлопчатобумажной ткани нанкин, бумаги и чернил прекрасного качества, а также красивых искусственных цветов из бумаги пит. В отдаленных частях империи о любом изделии, превосходящем по качеству обычное, говорят, что оно из Нанкина, хотя говорят лишь о том, что оно было сделано в этом регионе. Он также славится своими учеными и литераторами, и в этом отношении стоит в ряду первых учебных заведений страны. Это резиденция генерал-губернатора трех провинций, а следовательно, центр большого скопления чиновников, образованных людей и студентов, стремящихся к продвижению по службе; все это, а также большие библиотеки и книжные магазины, указывающие на литературные занятия и помогающие им, в совокупности обеспечивают ему такое выдающееся положение. В монастыре на Золотом острове, недалеко от Чинкианга, английские офицеры обнаружили библиотеку, но не спешили знакомиться с ее содержимым, так как намеревались унести всю коллекцию, если бы не помешал мир.

ГОРОДА СУЧАУ И ЧИНКИАНГ.

Город Сухау сегодня превосходит Нанкин по размерам и богатству. Он расположен на островах, лежащих в реке Та-ху, и из этой водной глади множество ручьев и каналов соединяют город с большинством частей департамента. Окружность стен составляет около десяти миль; за их пределами находятся четыре пригорода, один из которых, как говорят, простирается на десять миль, кроме того, здесь проживает огромное количество плавучего населения. Все это пространство включает в себя множество каналов и бассейнов, связанных с Большим каналом и озером, и в 1859 году представляло собой сцену активности, промышленности и богатства, которые не могут быть превзойдены нигде в Китае. Население города, вероятно, превышало миллион человек, включая пригороды. Он расположен к северо-западу от Шанхая, путь пролегает через непрерывную череду деревень и городов; окрестности высококультурны, здесь выращивают хлопок, шелк, рис, пшеницу, фрукты и овощи. В 1860 году город был захвачен повстанцами, а когда в 1865 году был вновь взят, то почти превратился в груды развалин. Однако он быстро возрождается, поскольку потери в живой силе были сравнительно небольшими.

Китайцы считают этот город одним из самых богатых и красивых и говорят, что "чтобы быть счастливым на земле, нужно родиться в Сухау, жить в Кантоне и умереть в Ляухау, потому что в первом - самые красивые люди, во втором - самые дорогие предметы роскоши, а в третьем - самые лучшие гробы". Он славится своими зданиями, изяществом гробниц, живописными пейзажами водоемов и садов, вежливостью и интеллигентностью жителей, а также красотой женщин. Производство шелка, льна, хлопка, а также железных изделий, слоновой кости, дерева, рога, стекла, лакированной посуды, бумаги и других предметов - вот главные источники его богатства и процветания; виды шелковых изделий, производимых здесь, превосходят по разнообразию и богатству те, что ткут в любом другом месте. Суда могут подходить к городу по нескольким каналам из Янцзыкианга, но джонки с большим грузом бросают якорь в Шанхае или Сунгкианге; вся страна так пересечена естественными и искусственными водотоками, что жители почти не нуждаются в дорогах и телегах, а передвигаются в курганах и седлах. Во время прилива небольшие пароходы доходят до каждой крупной деревни.

Чинкианг, расположенный на слиянии Большого канала с Янцзы-киангом, был захвачен англичанами в июле 1842 года с большими потерями для его защитников; маньчжурский генерал Хай-лин, обнаружив, что город взят, засел в своем кабинете и поджег дом, превратив его в погребальный костер. Его положение делает его ключом страны в отношении транспортировки продуктов, налогов и провизии для Пекина, поскольку, когда

река и канал блокированы, поставки для севера и юга в значительной степени перехвачены. В мирное время сцены, происходящие на перекрестке, представляют собой хорошую демонстрацию индустриальной и торговой жизни народа. В 1794 году Барроу описывает "множество военных, грузовых и прогулочных кораблей, одни из которых скользили по течению, другие плыли против него; одни двигались на веслах, другие стояли на якоре; берега по обе стороны были покрыты городами и домами, насколько хватало глаз, и представляли собой перспективу более разнообразную и веселую, чем любая другая, которая до сих пор встречалась". Не менее оживленным был и канал на противоположной стороне. В течение целых двух дней мы постоянно проходили среди флотилий судов различной конструкции и размеров".^[48]

Местность в окрестностях хорошо возделана, в меру холмиста и представляет собой характерный вид китайской жизни и деятельности. "На юго-востоке холмы переходят в волнистую местность, покрытую зеленью и елями, граничащую с небольшими озерами. За ними простиралась огромная река, по которой мы только что поднялись. В другом направлении земля на переднем плане представляла собой низкую и болотистую равнину, так что с небольшого расстояния трудно было определить, какой из серпантинных каналов является главным; здесь было бесчисленное множество водных полос, разделенных узкими насыпями, так что все это напоминало огромное озеро, пересекаемое дорогами. Вдоль них росли ивы, а на небольших участках, несколько возвышающихся над поверхностью, были возведены жилища".^[49] Вся эта страна на протяжении многих лет была ареной страшных боев. Между империалистами и тайпинами город был полностью разрушен, так что в 1861 году в нем не осталось ни одного дома. Сейчас он восстанавливает свою естественную торговлю и процветание.

Недалеко от устья Большого канала находится Киньшань, или Золотой остров,^[50] - красивое место, усыпанное храмами и монастырскими заведениями. Вершину венчает пагода, а по бокам и у основания расположено множество павильонов и залов разных размеров и степени изящества, многие из которых желтой или зеленой облицовкой свидетельствуют об их императорском владении. С тех пор как река стала открытой для движения, а опустошения Тайпинов прекратились, жрецы небольшими группами вернулись в свои обители, но все поселение представляет собой жалкую насмешку над своим прежним величием. Аналогичное поселение, довольно крупное, находится на Сиунгшань, или Серебряном острове, ниже Чинкианга; оно, однако, не столь масштабно, хотя и расположено в прекрасном месте. Жрецы - единственные обитатели; храмы и дворцы - главные здания, окруженные садами и беседками. Массивные гранитные террасы, украшенные огромными каменными чудовищами, достигаются с воды широкими лестницами; прекрасные храмы, расположенные так, чтобы их было видно, но затененные деревьями, открытые павильоны и уединенные летние домики придают ему восхитительную атмосферу уединения и комфорта, которая при ближайшем рассмотрении, к сожалению, разочаровывает.

Берега Янцзы на протяжении 250 миль ее течения через эту провинцию равномерно низкие, и вблизи них нет важных городов, так как они могли бы пострадать от наводнений. Огромный водоем с грузом в миллионы тонн ила спокойно впадает в Желтое море. Густота населения префектур на южном берегу, контрастирующая с малолюдностью региона между каналом и морским побережьем на северной стороне, указывает на сравнительную бесплодность последнего и трудность возделывания болотистых земель, расположенных почти на одном уровне с морем.

ШАНГХАЙ.

Крупнейший морской порт Киангсу - Шанхай (*т.е.* Приближение к морю), ставший сегодня одной из ведущих империй в Азии. Он расположен на северном берегу реки Усунг, примерно в четырнадцати милях от ее устья, на широте 31° 10' с. ш. и долготе 121° 30' в. д., у слияния рек Хвсюн и Усунг. 121° 30' в.д., у слияния с ней реки Хван-пу, и посредством обоих потоков сообщается с Сучау, Сунгкиангом и другими крупными городами по Большому каналу, а по Янцзы получает продукцию из Юньнани и Сцзюэня. В этом отношении его положение напоминает положение Нового Орлеана.

В устье этой реки находится город Усунг, ширина которого составляет около мили, а в двух милях за ним расположен окружной город Паушань. Стена Шанхая имеет три мили в окружности, через шесть ворот которой можно попасть в обширные пригороды; вокруг валов проходит ров шириной в двадцать футов. Город стоит на широкой равнине, отличающейся необычайным плодородием, пересекаемой многочисленными ручьями и предоставляющей широкие возможности для навигации и сообщения; его население оценивается в настоящее время более чем в 500 000 человек, но данные для этой цифры весьма несовершенны. С тех пор как в 1843 году город был открыт для иностранной торговли, он быстро рос во всех сферах процветания, хотя и подвергался большим колебаниям из-за восстания, опустошившего прилегающую страну. Захват города повстанцами в 1851 году и изгнание их в феврале 1853 года, а также разрушение восточных и южных пригородов в 1860 году стали главными бедствиями города с тех пор. Туземная торговля постепенно перешла от громоздких и небезопасных джонок, которые раньше толпились на Хван-пу к востоку от города, к пароходам и иностранным судам, и теперь ограничивается, насколько это касается судов, внутренним и прибрежным оборотом грубых дешевых товаров.

Сам Шанхай - грязный и плохо построенный город. Дома в основном построены из синеватого квадратного кирпича, плохо обожженного, а стены возведены ячеистым способом - кирпичи кладут на края и покрывают их штукатуркой. Улицы шириной около восьми футов вымощены каменными плитами, и в дневное время переполнены людьми. Шелк и вышивка, хлопок и хлопчатобумажные изделия, фарфор, готовая одежда, красивые шкуры и меха, бамбуковые трубки всех размеров, украшения из бамбука, картины, бронза, образцы старого фарфора и другие диковинки, которым китайцы придают большое значение, привлекают внимание чужестранца. Продукты питания составляют самую обширную торговлю из всех; иногда бывает трудно пройти по улицам из-за огромного количества рыбы, свинины, фруктов и овощей, которыми заставлены прилавки перед магазинами. Столовые, чайные и пекарни встречаются на каждом шагу - от бедняка, который таскает с собой кухню или пекарню, едва ли стоящую доллар, до самой обширной таверны или чайного домика, переполненного клиентами. За небольшие деньги китаец может пообедать рисом, рыбой, овощами и чаем; ему неважно, где накрыт стол - на улице или на земле, в доме или на палубе, - он весело орудует палочками и ест то, что перед ним.^[51] Здания, составляющие "Чинг-хван-мяо", и прилегающая к нему территория представляют собой хороший образец китайского стиля и вкуса в архитектуре. Большие склады для хранения товаров, зернохранилища и храмы встречаются часто; но ни они, ни общественные здания не представляют никаких отличительных черт, свойственных только этому городу.

Контраст между узкими, шумными и вонючими районами родного города и чистыми, просторными, затененными, хорошо вымощенными улицами и большими домами иностранных муниципалитетов подобен тому, что можно наблюдать во многих городах Индии. Китайцы готовы наслаждаться и поддерживать более высокий стиль жизни, но они еще не готовы принять и поддерживать подобные улучшения у себя. Трудность быть уверенным в сотрудничестве правителей в деле улучшения муниципального хозяйства

удерживает интеллигентных туземцев от инициативы даже в самом обычном санитарном предприятии их иностранных соседей.

Остальные города и районы Киангсу не представляют собой ничего, заслуживающего особого внимания. Большой канал проходит с севера на юг и обеспечивает безопасную и удобную дорогу для множества лодок по всей своей длине. Цин-кианг-пу и Хвай-нгань, расположенные у старой Желтой реки, принимают суда с севера и озера Хунцих, а Янчау, расположенный у реки Янцзы, принимает суда, идущие на север. В этой части канала постоянные дамбы привели к поднятию берегов; например, город Хвай-нгань лежит ниже канала, по которому к нему идет торговля, и в один прекрасный день может быть утоплен своим благодетелем. Соль производят в районах к югу от Желтой реки, где жители возделывают лишь редкие участки пахотной земли.

Остров Цунмин, расположенный в устье Янцзы, имеет около шестидесяти миль в длину и шестнадцать в ширину, площадь его составляет более девятисот квадратных миль, и он постепенно увеличивается за счет постоянных отложений из реки; он плоский, но содержит пресную воду. Он весьма культивирован и густонаселен, хотя некоторые места на северной стороне настолько пропитаны солью, а другие настолько заболочены, что не годятся для выращивания пищи. На этом острове выращивают сорт *каолианга* или сорго (*Holcus*), который достаточно сладок для получения сиропа и выращивается для этой цели в Соединенных Штатах.

ПОЛОЖЕНИЕ И ГОРОДА ПРОВИНЦИИ НГАНХВУИ.

Провинция Нганхуэй была названа так путем соединения первых слов двух крупных городов, Нганкинга и Хвуичау, и составляет юго-западную половину Киангнана; она и больше, и более неровная, чем Киангсу; гряды холмов тянутся вдоль южных районов, а также между реками Хвай и Янцзы. Он расположен в центральной и южной частях равнины, к северу от Киангси, к западу от Киангсу и Чехкианга, между ними и Хонаном и Хупехом. Ее продукция и производство, поверхность, возделывание страны и характер людей очень похожи на те, что есть в Киангси, но города менее знамениты. Ужасное разрушение жизни в этой провинции во время правления Тайпина было лишь частично исправлено иммиграцией из других провинций; потребуются годы мира и промышленности, чтобы восстановить процветающие дни правления Таокванга.

Поверхность страны естественным образом делится на ту часть, которая расположена в холмистых районах вокруг Хвуичау и Нингквоха, связанных с рекой Циентанг, центральную равнину Янгцз с ее короткими притоками, и северную часть, которую дренирует река Хвай. Южные районы по климату, плодородию и ценности продуктов превосходят большинство частей Империи; а многочисленные реки, орошающие и открывающие их прекрасные долины для сообщения с другими районами, делают их привлекательными для поселенцев. Не жалея средств, возводятся и сохраняются насыпи вдоль ручьев, воды которых таким образом поступают на службу фермерам.

Великая река проходит через юг с юго-запада на северо-восток; по обоим берегам в нее впадает несколько мелких притоков, один из которых соединяется с озером Чау-ху, или Гнездо, в Лучау-фу, главным водным массивом провинции. Самый большой участок осушается рекой Хвай и ее ответвлениями, которые впадают в озеро Хунцих; большинство из них судоходны до самого Хонана. Производства включают все виды зерновых, овощей и фруктов, известных на равнине; большинство районов зеленого чая расположены в юго-

восточных частях, особенно на холмах Сунгло в префектуре Хвуичау. Также широко выращиваются шелк, хлопок и конопля, но, за исключением железа, на рынок поступает мало металлов.

Столица провинции, Нганкинг или Анкинг, расположена недалеко от северного берега Кианга. Дэвис описывает улицы как очень узкие, а магазины - как непривлекательные; по мере того как он проходил по улицам, перед ним открывались дворы и ворота многих хороших жилых домов. "Дворец губернатора мы сначала приняли за храм, но вскоре были обмануты надписями на огромных фонарях у ворот. Эти официальные резиденции редко отличаются великолепием. Гордость китайского офицера состоит в его власти и положении, а поскольку демонстрация простого богатства не вызывает уважения, ею пренебрегают больше, чем в любой другой стране мира. Лучшие магазины, которые мы видели, были предназначены для продажи роговых фонарей и фарфора. Они владеют искусством размягчать рог, применяя очень высокую степень влажного тепла, и вытягивать его в тонкие пластинки любой формы. Эти лампы примерно так же прозрачны, как матовое стекло, и, украшенные шелковыми подвесками, имеют элегантный вид". За пятьдесят лет, прошедших с момента его визита, этот большой город пережил множество удач и неудач, а сейчас медленно восстанавливается после разрушения во время восстания Тай-пина. Он расположен на возвышенности у основания гряды холмов далеко на севере, являясь водоразделом двух бассейнов.

Берега реки между Нанкином и Нганкином, расстояние между которыми составляет 300 миль, хорошо возделаны, и на них с небольшими интервалами расположены города и деревни. Климат, пейзажи, суета на реке вблизи городов и общий вид мирного спокойствия на этом участке делают его в обычных случаях одним из самых ярких мест в Китае. Уху-хиен, расположенный примерно в шестидесяти милях выше Нанкина, находится недалеко от устья Хванчи, потока, соединяющего его с задней частью страны и делающего его центром для большей части этой торговли. Он был следующим по значению после Чинкианга, но страдания между повстанцами и империалистами почти уничтожили его. Оживление населения и торговли обнадеживает, и его бывшее значение, несомненно, возродится.

Хвуичау (или, по-кантонски, Фычоу) славится, помимо прочего, своими превосходными чернилами и лакированной посудой. Фунъян (*т. е.* Восходящий Феникс), город, лежащий к северо-западу от Нанкина, на реке Хвай, был задуман Хунву, основателем династии Мин, как столица империи вместо Нанкина, и был назван так в предвидении его будущего великолепия.

ПРОВИНЦИЯ КИАНГСИ.

Провинция Кянгси (*т. е.* Запад реки) лежит к югу от Нганхуэй и Хупэ, между Чхэкиангом и Фухкианом на востоке и Хунанем на западе, простираясь от Янцзы до Мэйлинга на юге. Он имеет продолговатую форму, а всю его территорию занимает прекрасный бассейн реки Канькианг, включая все ее притоки и мелкие долины. Холмистые части составляют часть замечательной серии горных хребтов, которые покрывают весь юго-восточный и южный Китай, площадью около 300 000 квадратных миль, простирающийся от Нинпо на юго-запад до Аннама. Он состоит из хребтов невысоких и умеренных холмов, изрезанных сложной сетью водных потоков, многие из которых представляют собой череду узких дефиле и пологих долин с дном шириной от пяти до двенадцати миль. Часть этого региона в Кианси имеет неровный водораздел на востоке, отделяющий ее от бассейна Минь, и более определенный водораздел на западе от Хунаня и его высоких гор. Провинция в целом

немного больше, чем вся Новая Англия, или вдвое больше Португалии, но по численности населения значительно превосходит эти страны. Поверхность земли изрезана, а характер жителей в некоторой степени напоминает грубость их родных холмов. Она хорошо орошается и осушается рекой Кан и ее притоками, большинство из которых впадает в провинцию; главный ствол впадает в озеро Поян через многочисленные устья, ил которых постепенно сделал страну вокруг болотистой. На многие мили по его восточному и южному берегам простираются почти необитаемые болота, представляющие собой унылый вид. Почва, как правило, плодородна, выращивается и экспортируется большое количество риса, пшеницы, шелка, хлопка, индиго, чая и сахара. В некоторой степени он разделяет производство соседних провинций, особенно нанкинской ткани, которую здесь ткют в огромных количествах, но превосходит их всех по качеству и количеству фарфора. В горах растут камфора, лак, дуб, баниан, ель, сосна и другие деревья; западные горы хорошо покрыты лесом, но большая часть древесины была вывезена во время восстания, и склоны остались голыми и непригодными для жизни.

ГОРОДА И ПРОИЗВОДСТВА КИАНГСИ.

Наньчан, столица провинции, лежит у южного берега озера Поян; городские стены имеют шесть миль в окружности и доступны по воде со всех сторон. Характер его населения неблагоприятен для их соотечественников, и благодаря трудности добраться до него от Янцзы, он избежал разорения и грабежа, постигших Киукианг. К его причалам подходят небольшие пароходы, но поскольку чай и фарфор отправляются на юго-восточную сторону озера, Наньчан вряд ли станет крупным торговым центром; до немногих городов, расположенных выше него, можно добраться на пароходах. По оценкам Бэрроу, независимо от бесчисленных мелких судов, перед этим местом находится 100 000 тонн груза. Берега Кан-кианга вблизи озера плоские и не слишком возделанные, но пейзаж становится все более разнообразным и приятным, чем дальше поднимаешься по течению; города и деревни постоянно попадаются на глаза, а земледелие, хотя и не повсеместное, более обширное. Среди других достопримечательностей этой реки - бамбуковые водяные колеса, которые так построены на крутых берегах, что ведра поднимают свой груз на 20 или 25 футов и выливают его непрерывным потоком на поля. Желоба, выкинутые в поток, чтобы повернуть колесо в более сильное течение, часто сильно мешают судоходству. На обоих берегах этого водотока можно увидеть множество пагод, некоторые из них, несомненно, очень старые. По мере того как путешественник поднимается вверх по реке, он проходит несколько крупных городов, таких как Линкианг, Ких-нгань, Канчау и Нан-нгань (все столицы департаментов), а также многочисленные города и деревни; так что если рассмотреть протяженность этой реки и площадь долины, которую она осушает, то она, вероятно, сравнится с любой долиной в мире по густонаселенности, количеству и разнообразию продукции и трудолюбию в выращивании.

За Кихнганом находятся Шихпах-тан, или "Восемнадцать порогов", которые представляют собой потоки, образованные выступами скал, пересекающих реку, но не настолько высокие или бурные, чтобы серьезно препятствовать судоходству, разве что во время низкой воды. Берега в их окрестностях необычайно красивы. Прозрачность потока, смелые скалы, окаймленные лесом, и разнообразные формы гор напоминают о тех восхитительных ручьях, которые вытекают из озер и северных графств Англии. Холмистые берега во многих местах покрыты камелией олейфера, чьи белые цветы придают им вид снега, когда растение находится в цвету. Канчау - город, где большие суда вынуждены останавливаться; но в

начале навигации, примерно в трехстах милях от озера, находится Нан-ган, где выгружаются все товары для юга, чтобы перевезти их через Мей-лин, или "Сливовый перевал".

В департаменте Джаучау в Фаулян-хиен, к востоку от озера Поян, находятся знаменитые фарфоровые мануфактуры Кингтех-чин, названные в честь императора династии Сун, в правление которого, в 1004 г. н.э., они были основаны. Эта мануфактура до сих пор поставляет весь тонкий фарфор, используемый в стране, но во время восстания она была почти полностью разрушена, печи разбиты, а рабочие разбежались, чтобы присоединиться к повстанцам или умереть от нужды. Миллион рабочих, которые, как говорят, были заняты здесь тридцать лет назад, сейчас лишь постепенно возобновляют свою деятельность и медленно восстанавливают свое процветание. О приближении к этому месту можно узнать по дыму, а ночью оно выглядит как горящий город или огромная печь, выбрасывающая пламя из многочисленных жерл: говорят, что здесь постоянно горят пятьсот печей. Кингтех-чин стоит на реке Чанг на равнине, окруженной высокими горами, примерно в сорока милях к северо-востоку от Яучау, через который его изделия распространяются по всей империи.

Гений в Китае, как и в других странах, делает место прославленным, и мало найдется мест более знаменитых, чем долина Белого оленя в холмах Люй, недалеко от Нанькана, на западной стороне озера Поян, где в двенадцатом веке жил и преподавал Чу Хи, великий комментатор Конфуция. Это уединенная долина примерно в семи милях от города, расположенная в укромном местечке у ручья. Непритязательные здания состоят из нескольких различных дворов, явно предназначенных для использования, а не для показа. В одном из залов изображен Белый Олень, а рядом с ним - дерево, посаженное, как утверждают, рукой самого философа. В наши дни это место является местом паломничества китайских литераторов, ведь его труды ценятся ими наравне с классикой. Красота и возвышенность этого края воспеты Дэвисом, а его восхваления - частая тема для поэтического торжества местных ученых.^[52]

Приморская провинция Чехкианг, самая маленькая из восемнадцати, лежит к востоку от Киангси и Нганхуи, между Киангсу и Фухкейном к северу и югу, и получила свое название от реки Чех или "Кривой", которая протекает через ее южную часть. Его площадь составляет 39 000 квадратных миль, или почти столько же, сколько у Огайо; он лежит к юго-востоку от равнины в конце Нань-шаня и по плодородию, многочисленным водотокам, богатым и многолюдным городам, разнообразию продуктов и совершенству мануфактур ничуть не уступает более крупным провинциям. В письме барона Рихтгофена в Шанхайскую торговую палату от 25 июля 1871 года хорошо описана ее топография. Вся провинция в изобилии производит хлопок, шелк, чай, рис, молотые орехи, пшеницу, индиго, растительное сало (*stillingia*) и бобовые. Она имеет в своих пределах все необходимое для питания и одежды своих жителей, а превосходство ее мануфактур гарантирует ей взамен поставки предметов роскоши из других регионов.

ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЧЕХКИАНГА.

Реки Чехкианга берут начало в провинции, и, как можно предположить по расположению холмов, их русло обычно короткое, а течения - быстрые. Можно перечислить четырнадцать основных потоков, из которых наиболее важным является Тсиентанг. Главная ветвь этой реки берет начало в южных районах в двух верховьях, которые соединяются в Кючау-фу и впадают в залив Хангчау. Отверстие, впадающее в эту реку на расстоянии пятнадцати миль до Хангчау, является единственным на побережье. Когда стена воды приближается к городу, джонки и лодки готовятся повернуть нос навстречу ей и обычно поднимаются над ее гребнем, иногда на 6 или 10 футов, без всяких происшествий. Бассейн реки Тсиентанг

занимает почти половину территории провинции; на плотах и лодках жители доставляют себя и свои продукты на расстояние около 300 миль к ее верховьям. Долина Ланки - самая большая из донных земель, 140 миль в длину и от 5 до 15 в ширину, она проходит на север через ущелье длиной 70 миль в нижнюю долину, где принимает реку Син-ган с запада в Нганхуи, и таким образом сообщается с Хвуичау во время половодья. Река как нельзя лучше подходит для сплава по ней, и по ее извилистым руслам можно добраться по воде до каждого из 29 районов всего ее бассейна.

Лесные и фруктовые деревья Чехкианга включают в себя почти все ценные виды, известные в восточных провинциях. Лиственница, элкок, камфора, тальник, пихта, шелковица, лак и другие распространены и являются источниками богатства своей древесины и продуктов. Климат здесь самый благоприятный, зерновые, овощи, животные и рыбы дают пищу, а прекрасные шелковые изделия не имеют себе равных в мире и попадают во все страны. Пенька, лакированные и бамбуковые изделия, чай, посуда, бумага, чернила и другие товары также экспортируются.

По богатству, образованности и утонченности жители не уступают жителям соседних регионов, за исключением холмистых районов на юге, граничащих с Киангси и Фухкиеном. Обитатели этих горных долин отгорожены друг от друга положением и наклонностями, поэтому они образуют необычную родовую расу. Их диалекты своеобразны и очень ограничены, и каждая группа жителей подозревает и сторонится других. Иногда они бывают довольно беспокойны, и в некоторых районах возделывание горных земель запрещено, а вокруг них в трех провинциях протянулась линия военных постов, чтобы не дать людям поселиться в их пределах; впрочем, запрет не запрещает рубить растущую там древесину.^[53]

ХАНШАУ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Хангчау, столица провинции, находится в северной части, менее чем в миле от Тсиентанга. Скорость этого потока свидетельствует о быстром спуске страны к океану, но он сбрасывает очень мало ила; прилив поднимается на шесть или семь футов напротив города и почти на тридцать в устье.

Только часть жителей проживает в стенах города, но пригороды и окружающие их воды обеспечивают большое количество населения. Часть пространства в северо-западной части отгорожена стеной для размещения маньчжурского гарни сына, состоящего из 7 000 солдат. Генерал-губернатор Чехкианга и Фухкиана имеет здесь служебный дом, как и губернатор провинции, но со времени возросшего значения Фухчау он редко бывает в этом городе; эти города с их дворами и войсками, в дополнение к большой торговле, проходящей через них, делают его одним из самых богатых и важных городов в империи. Его расположение - самое живописное из всех многочисленных мест, выбранных китайцами для своей столицы. С вершины холма, расположенного в центре города, открывается широкий вид на равнины к югу и востоку. Очаровательное озеро Си Ху и многочисленные дома на его берегах, а также разнообразные пейзажи холмов, рощиц, полей и берегов реки, все высококультурные, в радиусе десяти миль, полностью оправдывают похвалы китайцев о его необыкновенной красоте. Марко Поло выражает свое восхищение его размерами, богатством, производством и правительством, из чего можно сделать вывод, что он мало пострадал во время монгольского завоевания. Он посетил это место, будучи губернатором Янчау в 1286 году, и с энтузиазмом описывает его как "бесспорно, самое прекрасное и благородное в мире".^[54] У китайцев есть пословица - *Shang yu tien tang: Hia yu Su Hang* - смысл которой в том, что Хангчау и Сухау полностью равны раю; но сравнение венецианского путешественника дает

худшее представление о европейских городах его времени, чем о великолепии китайских, тем, кто их видел. Улицы хорошо вымощены, украшены многочисленными почетными табличками, установленными в память о выдающихся личностях, и приятно прерывают проход по ним. Длинная главная улица, протянувшаяся вдоль Большого канала в город и через него, а затем выходящая к Тсиентангу, до ее безжалостного сноса тайпинами в 1863 году была, вероятно, одной из лучших улиц во всей империи. Магазины и склады, по размерам и количеству содержащихся в них товаров, могли соперничать с лучшими в Лондоне. По численности населения, роскоши, богатству и влиянию этот город соперничает с Сухау, а по совершенству мануфактур, вероятно, превосходит последний. Если бы до Хангшау можно было легко добраться по морю и если бы здесь были обширные гавани, он поглотил бы всю торговлю восточного побережья; но неистовые приливы и отливы (иногда они достигают 11½ узлов в час), бури, угрожающие парусным судам и другим небольшим судам, песчаные отмели и зыбучие пески - все это представляет непреодолимые трудности для торговли через океан.

Этот город был метрополией страны во время правления девяти последних князей династии Сун (1129-1280 гг.), когда северные районы находились под властью племени кин-татар. Одна из причин известности города кроется в красоте его окрестностей, особенно тех, что находятся рядом с Си Ху, или Западным озером, неравномерным водным пространством около 12 миль в окружности. Бэрроу отмечает, что "естественные и искусственные красоты этого озера намного превосходят все, что мы до сих пор имели возможность видеть в Китае. Горы, окружающие его, были высоки и разбиты на множество форм, которые были очень живописны; долины были богато усажены деревьями различных видов, среди которых три вида были удивительно поразительны не только своей внутренней красотой, но и контрастом, который они создавали с собой и остальными деревьями леса. Это были камфорное и талловое деревья, а также *arbor vitæ*. Яркая, блестящая зеленая листва первого, смешанная с пурпурными листьями второго и увенчанная величественным деревом жизни глубокого зеленого цвета, производила приятный для глаз эффект; пейзаж становился еще более интересным для ума благодаря необычному и разнообразному виду нескольких тысяч хранилищ мертвых на склонах невысоких холмов. Здесь, как и в других местах, мрачному и прямому кипарису суждено было стать меланхоличным спутником гробниц.

"Еще выше, среди леса, открылись проспекты, на которых виднелись ряды маленьких голубых домиков с белыми колоннадами, которые при ближайшем рассмотрении также оказались особняками мертвых. Повсюду на поверхности земли валялись голые гробы необычайной толщины. Края озера были усеяны легкими воздушными зданиями, среди которых одно, более солидное и обширное, чем остальные, по слухам, принадлежало императору. Территория была обнесена кирпичными стенами и в основном засажена овощами и фруктовыми деревьями; , но в некоторых из них, похоже, были собраны коллекции кустарников и цветов, наиболее почитаемых в этой стране".^[55]

Стонтон говорит об озере как о прекрасном водоеме, идеально прозрачном, полном рыбы, в большинстве мест мелководном и украшенном множеством легких и причудливых каменных мостов, перекинутых через рукава озера по мере его впадения в холмы. Каменная башня на вершине выступающего мыса привлекла внимание тем, что представляла собой архитектуру, отличную от той, что обычно встречается в китайских постройках. Эта башня, названная *Lui Fung tah*, дословно "Башня Громового пика". "Башня Громового пика" (а не Громового ветра, как переводит Стонтон), поскольку холм сначала принадлежал господину Луи, была построена около 950 г. н.э. и сегодня представляет собой прочное сооружение, хотя и сильно разрушенное. Сейчас в нем четыре этажа, а высота составляет около 120 футов; в

обветшалых карнизах все еще прослеживается нечто похожее на регулярный порядок. С этим сооружением связана легенда о Белом Змее, и люди постоянно уносят с собой кусочки его кирпичей в качестве талисманов.

Интересное подтверждение этому рассказу дает Поло, который говорит: "Внутри города есть озеро, имеющее в окружности около 30 миль; вокруг него возведены прекрасные дворцы и особняки, богатейшей и изысканнейшей постройки, какую только можно себе представить, принадлежащие знати города. На его берегах также расположено множество аббатств и церквей идолопоклонников. Посреди озера находятся два острова, на каждом из которых стоит богатое, красивое и просторное здание, обставленное в таком стиле, что кажется подходящим для дворца императора. И когда кто-либо из горожан желал устроить брачный пир или любое другое развлечение, это делалось в одном из этих дворцов".^[56]

Великолепие и размеры многочисленных буддийских храмов в Хангчау и его окрестностях привлекали путешественников к городу даже больше, чем его расположение; однако все эти святыни были разрушены, а их тысячи священников изгнаны; тайпины не оставили нетронутым ни одного здания. Йох Мяо стоит у северо-западного угла Си Ху и содержит гробницы полководца-патриота Йох Фи из династии Сун (1125 г. н.э.) и его сына, несправедливо казненных как предателей. Два конических кургана отмечают места их упокоения и разделены стеной, а внутри ограды стоят четыре железные статуи, отлитые в коленопреклоненной позе и нагруженные цепями, - справа Цинь Квей и его жена, слева судья и генерал, которые своим вопиющим поведением поддерживали ненависть Цинь Квея к Йох Фи. Все четверо здесь воздают почести и каются перед этим справедливым человеком, которого они убили, и своим немилосердием служат предупреждением для других предателей. В храме, называемом *Тинг-цз-цз*, недалеко от города, партия голландского посольства была хорошо размещена, и при ней находилось триста священников. Сооружение было хорошо отремонтировано и, кроме двух чудовищ-хранителей высотой более тридцати футов у входа, содержало пятьсот изображений буддийских архангов с миниатюрными пагодами из бронзы прекрасной работы.

ОПИСАНИЕ ХАНШАУ.

Хангшау больше известен за границей производством шелка, чем других тканей, но его расположение в конце канала, возможно, дает название многим изделиям, которые на самом деле здесь не производятся, так как Хухау теперь является большим депо для шелка-сырца и тканого шелка. В северном пригороде находится бассейн неправильной формы, образующий южную оконечность канала; но между рекой и бассейном нет сообщения, поэтому все товары, привозимые сюда, должны выгружаться на берег. Среди прочих общественных зданий в городе есть мечеть с надписью на арабском языке, гласящей, что это "храм для мусульман, путешествующих и желающих ознакомиться с Кораном".^[57] Она выше соседних зданий и украшена куполом, пронизанным отверстиями через небольшие промежутки. Его пощадили в 1863 году, поскольку он не являлся идолопоклонническим храмом. В городе также есть несколько других, поскольку он является оплотом исламизма в Китае. Водное сообщение существует между Хангчау и Юйяу, на юго-восток через Шаухинг, а оттуда в Нинпо, по которому товары попадают в столицу и из нее. Между этими двумя городами также проложена хорошая дорога; да и в других частях провинции дороги весьма достойны внимания; они выложены широкими плитами из гранита и известняка и ведут через равнины и холмы в многочисленных направлениях.

НИНГПО.

Нинпо-фу ("Город мирной волны") - следующий важный город в Чхэкиане, благодаря своим внешним связям. Он прекрасно расположен для торговли и влияния, в месте слияния трех потоков, в широте 29° 55' с.ш. и долготы 121° 22' в.д.; объединенная река впадает в океан, в одиннадцати километрах от него. 121° 22' в.д.; объединенная река впадает в океан, находящийся на расстоянии одиннадцати с половиной миль, под названием Тацие. Напротив самого города протекают только два потока, но южная ветвь снова разделяется в нескольких милях к юго-западу от Нинпо. Население города, по разным оценкам, составляет от четверти до трети миллиона и даже больше, включая пригородных и плавучих жителей. При сунгах это место называлось *Кинг-юэн*, а свое нынешнее название получило от монголов. Он был захвачен в 1862 году повстанцами, которых удержало от разрушения присутствие иностранных военных кораблей; с тех пор процветание города растет. Когда иностранцы впервые прибегли в Китай для торговли, Нинпо вскоре стал центром торговли шелком и другими товарами; португальцы поселились в этом городе, назвав его *Лиампо*, что означает то же самое название. Кроме того, это древний город, и его "Анналы" содержат полную информацию по всем вопросам, интересующим китайского антиквара, хотя иностранец вскоре устает от множества незначительных деталей, перемешанных с несколькими ценными утверждениями.^[58]

"Равнина, на которой расположен Нинпо, представляет собой великолепный амфитеатр, простирающийся на расстояние от двенадцати до восемнадцати миль с одной стороны до основания далеких холмов, а с другой - до кромки океана. По мере того как взгляд проносится по нему, он ловит множество приятных глазу объектов. Если повернуть на сушу, то можно увидеть каналы и водотоки, поля и уютные фермерские домики, улыбающиеся коттеджи, семейные резиденции, хутора и деревни, фамильные усыпальницы, монастыри и храмы. Повернитесь в противоположную сторону, и вы увидите равнину, спускающуюся к океану; но больше всего привлекает внимание река, оживленная всевозможными лодками, и берега, усыпанные ледяными домиками. Не выходя из города, и все еще на валах, загляните в его стены, и вы останетесь не менее довольны. Здесь нет ничего европейского, мало что напоминает о том, что вы видели на западе. Одноэтажные и двухэтажные дома, тяжелые семейные особняки, похожие на тюрьмы, фамильные склепы и кладбища, сверкающие крыши храмов, полуразрушенные резиденции чиновников, заброшенные литературные и экзаменационные залы, выдающаяся мрачная башня Нинпо - все это полностью китайское. Внимание на минуту-другую привлекают каналы, каналы и водохранилища с их деревянными мостами и каменными арками".^[59] Два серьезных минуса для проживания здесь - это душающая летняя жара и плохое качество воды.

Окружность стен составляет почти пять миль; они около двадцати пяти футов в высоту, пятнадцать футов в ширину на вершине и двадцать два у основания, построены прочно, хотя и несколько обветшали, и заросли травой. Глубокий ров частично окружает их; начинаясь у Северных ворот, он тянется с западной, южной и юго-восточной стороны до Бриджских ворот, что составляет почти три мили, а его ширина местами достигает сорока ярдов. Ее постоянное использование в качестве проезжей части для лодок обеспечивает ее ремонт и надлежащую глубину; другие стороны города защищает река. Здесь есть шесть ворот и два саллипорта у южного и западного подходов, предназначенные для прохода лодок, курсирующих по городским каналам.

На востоке находятся Бриджские ворота, внутри которых, рядом со стенами, когда-то располагалась английская фабрика. Этот проем ведет к плавучему мосту; последняя конструкция длиной двести ярдов и шириной пять, сделана из крепко скрепленных досок и

уложена на шестнадцать лихтеров, тесно связанных и скованных между собой, но которые можно открыть. На мосту проходит оживленный рынок, и посетитель, следуя за оживленной толпой, попадает в обширный пригород на противоположной стороне. Паромные лодки в огромном количестве курсируют по обоим потокам, что значительно увеличивает оживленность сцены. За мостом находится таможня, а в восточном пригороде - несколько зданий религиозного и общественного характера, лесопилки, верфи и ряды ледяных домов, привлекающие внимание путешественника. Окрестности за северными воротами не так густо заселены, как за реками; хорошо возделанные поля, разделенные и орошаемые многочисленными водотоками, с разбросанными по ним деревушками, завлекают приезжего в свои блуждания и ведут его дальше.

Здесь множество храмов и монастырей, а также большое разнообразие зданий собраний, правительственных учреждений и учебных заведений, но ни одно из этих сооружений не является выдающимся с архитектурной точки зрения. Залы собраний или клубы многочисленны и по своему внутреннему устройству представляют собой любопытную особенность местного общества. Среди жителей или купцов из других провинций принято подписывать и возводить на месте, где они занимаются бизнесом, храм, посвященный божеству-покровителю их родной провинции, в котором служат несколько священников, а в его честь разыгрываются спектакли. Иногда здание находится в ведении мирянина, называемого "церемониймейстером", а текущие расходы покрываются за счет подписки. Дома-клубы служат местом отдыха для путешественников из разных провинций или округов и, кроме того, соответствуют европейским кофейням, являясь пунктами, где можно узнать и обменяться новостями из-за границы.

Улицы хорошо вымощены и то и дело прерываются почетными порталами значительных размеров и солидности, которые также приносят разнообразие в унылую череду магазинов и вывесок, или мертвых стен. Две небольшие лагуны предоставляют горожанам место для некоторых водных развлечений. Одно, называемое Солнечным озером, имеет в окружности всего тысячу ярдов; другое, называемое Лунным озером, находится рядом с Западными воротами и в три раза больше по периметру. Оба они снабжаются водой из шлюзов, проходящих через городские ворота, а многие каналы наполняются из них, что помогает орошать пригороды. На их берегах построены одни из самых приятных резиденций города.

НИНПО, ЧИНХАЙ И АРХИПЕЛАГ.

Среди интересных сооружений - *Тьен-фун-та* (т.е. пагода, дарованная Небом), шестиугольная семиэтажная башня высотой до 160 футов, которая, согласно Летописи Нинпо, была впервые возведена 1100 лет назад, хотя за это время ее несколько раз разрушали и перестраивали. По авторитетному мнению, башня была построена раньше самого города, и ее сохранение считается связанным с удачей этого места. На вершину башни можно подняться по узким каменным ступеням, поднимающимся по спирали внутри стен.

ХРАМ БОГИНИ МА ЦУ-ПУ, НИНГПО.

Самое элегантное и солидное здание города находится на берегу воды за стенами, между Восточными и Мостовыми воротами; это храм, посвященный морской богине Ма Цупу, и был основан людьми Фукиен в XII веке, но нынешнее строение было возведено в 1680 году и значительно дополнено. Его украшения сложны и богаты, а внешний вид в дни праздников необычайно весел и оживлен. Фонари и свитки, свисающие с потолка, привлекают внимание диковинными приспособлениями и красивыми иероглифами, написанными и нарисованными на них яркими красками, а стены скрыты бесчисленными рисунками.

Чинхай, расположенный в устье реки, так расположен от природы и так укреплен искусством, что занимает центральное место в проходе. В его окрестностях в октябре 1841 года произошла ожесточенная схватка между китайцами и англичанами, в ходе которой императорские войска подверглись большой резне. Город расположен у подножия холма на участке суши на северном берегу реки и частично защищен от моря с севера дамбой длиной около трех миль, сложенной из крупных блоков тесаного гранита и являющейся прекрасной защитой в суровую погоду. Высота стен составляет двадцать футов, а окружность - три мили, но пригороды тянутся вдоль воды, привлеченные судоходством и для его удобства. Торговые суда заходят сюда, когда следуют вверх по реке, вдоль берегов которой открываются разнообразные пейзажи, а вода, как обычно в Китае, представляет собой оживленную сцену. Здесь можно увидеть многочисленные ледяные дома, построенные из толстых каменных стен высотой в двенадцать футов, с дверью с одной стороны и наклоном с другой для удаления и введения льда, защищенные соломой и крышей из соломы.

Чусанский архипелаг образует единый округ, столицей которого является Тинхай; он разделен на тридцать четыре *чванга*, или волости, чьи должностные лица подчиняются окружному магистрату. Южная граница группы - острова Кесань или Киу шань, расположенные на 29° 21' северной широты и 121° 10' восточной долготы. 121° 10' в.д., состоящий из одиннадцати островков, самый северный из которых - остров Ложное седло; их общее число превышает сотню. Город Тинхай лежит на южной стороне острова Чаньшань, или Лодочного острова, который на иностранных картах дает название всей

группе. Его длина составляет двадцать миль, ширина - от шести до десяти, а окружность - пятьдесят один с половиной. Архипелаг, по-видимому, является самой высокой частью обширной подводной равнины, геологически связанной с хребтом Наньшань на континенте и горами в Киусиу и Ниппоне; он является стержнем для изменений погоды и температуры, наблюдаемых к северу и югу от этой точки на побережье.

Общий вид этих островов и материка - одно и то же красивое чередование холмов и узких долин, повсюду плодородных и легко орошаемых, с вершинами, каскадами и лесными массивами, перемежающимися между собой. В самом Чусане плодородные и хорошо орошаемые долины обычно доходят до моря и снабжены дамбами вдоль берега, которые превращают их в равнины большей или меньшей протяженности, через которые проходят каналы, используемые как для орошения, так и для навигации. Здесь выращивают рис и ячмень, бобы, ямс, сладкий картофель и т. д.; обрабатывается каждый участок пахотной земли, а на большинстве склонов построены террасы. С вершин хребтов открывается весьма живописный вид на долины и море. Преобладающие породы относятся к классу древних вулканических пород, среди которых много разновидностей, но в основном это глинистый камень, трахит, компактный и порфировидный полевой шпат. Непродолжительная оккупация острова британскими войсками в 1841 году не привела к постоянному улучшению состояния населения, здесь нет ни торговли, ни полезных ископаемых, достаточных для привлечения капитала. Возможно, отчасти благодаря этой бедности Тинхай избежал разорения тайпинами и в настоящее время оправился от ущерба, нанесенного первым захватом.

ОСТРОВ ПУТО И ЕГО ХРАМЫ.

Путо и несколько более мелких островов независимы от гражданской юрисдикции и управляются настоятелем главного монастыря. Этот монастырь, а также монастырь на Золотом острове в Янцзы являются одними из самых богатых и пользующихся наибольшим покровительством среди всех буддийских монастырей в Китае; оба они в разные периоды пользовались большой благосклонностью императоров.

Путо - узкий островок длиной $3\frac{1}{2}$ мили, расположенный в $1\frac{1}{2}$ мили от восточной точки Чусана. Его поверхность покрыта шестьюдесятью монастырями, павильонами, храмами и другими религиозными зданиями, а также гротами и различными памятниками суеверия, в которых не менее 2000 праздных жрецов воспевают хвалу своим богам. Один из посетителей описывает, как он высадился и поднялся "по широкой и проторенной дорожке, которая вела к вершине одного из холмов, на каждом из которых мы встречали храм или грот, надпись или изображение, и тут и там - сад, разбитый со вкусом, и дорожки, усаженные ароматными кустарниками, которые распространяли в воздухе благодарное благоухание. С этих высот открывалась восхитительная перспектива: многочисленные острова, далекие и близкие, усеивали основное пространство, скалы и обрывы над и под ними, то тут, то там возвышался горный монастырь, а в долине, словно василиск в лучах полуденного солнца, грелся великий храм с его желтыми изразцами, свидетельствующими об императорском отличии. Все, что можно было собрать из природы и китайского искусства, было сосредоточено здесь, чтобы сделать сцену очаровательной. Но для глаз христианского филантропа она представляла меланхолическую картину моральной и духовной смерти. Из уст священников мы слышали только одно: "Омето Фух"; на каждое замечание, которое делалось, повторялось "Омето Фух"; и на каждый вопрос ответом было "Омето Фух". У каждого жреца были четки, которые он постоянно пересчитывал, а при пересчете повторял одно и то же бессмысленное, монотонное восклицание. Эти символы встречались на каждом повороте дороги, на каждом

углу храмов и на каждом клочке бумаги; на колоколах, на воротах и на стенах красовались одни и те же слова; казалось, что весь остров находится под чарами этой талисманной фразы и посвящает себя записи и повторению Ometo Fuh".[60] Первозданная слава этих храмов печально померкла, многие здания носят следы упадка, а некоторые священнослужители вынуждены прибегать к честному труду, чтобы заработать на жизнь. Их число пополняется за счет покупающей молодежи, которую не учат ничему, кроме религиозной литературы, - подходящая подготовка для того, чтобы отучить их заниматься скучной мумией пения "Омето Фу". Два императорских храма представляют собой хорошие образцы китайской архитектуры; но они, как и все остальное, что можно увидеть в Путо, обветшали и обветшали.

Храмы на этом острове были возведены еще в 550 году н. э., и с тех пор, как он стал курортом для священников, он, похоже, пользовался покровительством правительства. Богиня Милосердия, как говорят, посещала это место, и ее изображение является главным объектом поклонения. На острове не разрешается жить женщинам, а также другим лицам, кроме священников, если только они не работают по найму. Доходы складываются из арендной платы за земли, принадлежащие храмам, из сборов тех священников, которые отправляются на экскурсии по империи с просьбами о милостыне, и из милостыни паломников, приезжающих в это приятное место. Когда путешественник высаживается на берег, он представляется одним из самых красивых мест на земле, именно таким, каким его воображение представляло его исключительно на солнечном Востоке, и насколько природа и искусство могут сочетаться, это действительно так: но на этом иллюзия заканчивается. Безделье и невежество, безбрачие и идолопоклонство, порок, грязь и ветхость, как в самих жителях, так и в их жилищах, создают бедный фон для хорошо одетого общества и ярких, пестрых перспектив, открывающихся при выходе на берег.

CHAPU и CANFU.

Важным городом этой провинции является Чапу, расположенный в пятидесяти милях к северо-западу от Чинхая, через залив Хангчау, и соединенный с этим городом через роскошную равнину хорошо вымощенной дорогой длиной около тридцати миль. Чапу был портом Хангчау, и когда он полностью контролировал торговлю с Японией, то мог похвастаться тем, что был крупнейшим торговым центром на побережье Чехкианга. Город лежит на дне бухты на западном склоне холмов, образующих ее восточную точку; во время отлива грязь выступает на большое расстояние от низменности. Пригороды расположены у небольшого мыса; город, обнесенный стеной, находится примерно в полумиле позади. Когда в мае 1842 года на город напали англичане, стены оказались в плохом состоянии, но маньчжурский гарнизон, размещенный здесь, поддержал свою древнюю репутацию храбрецов. Эти войска занимают отдельную часть города, а их расквартирование спланировано по образцу лагеря. Внешние оборонительные сооружения многочисленны, но большинство старых укреплений значительно обветшали. Местность в окрестностях города хорошо возделана, и в ней находится необычное количество прекрасно построенных, основательных домов.

К юго-западу от Чапу находится старый город Канфу (китайцы называют его Канпу), который когда-то был портом Хангчау, но сейчас заброшен, так как ручей, на котором он расположен, занесло песком. Это место упоминается в путешествиях двух арабских путешественников в девятом веке как главный порт Китая, где сосредотачивалось все судоходство. Узкий вход между островом Буффало и Китто-Пойнт, вероятно, и есть упомянутые ими ворота Китая; а Марко Поло в 1290 году пишет: "Океанское море входит в 25 миль от города в месте, называемом Ганфу, где есть город и отличная гавань, с огромным количеством судов,

которые занимаются перевозками в Индию и из других иностранных частей..... И большая река течет из города Кинсай в эту морскую гавань, по которой суда могут подходить к самому городу".[61] Марсден ошибочно полагает, что Канпу - это Нинпо. Если на самом деле это был *единственный* порт, разрешенный для иностранной торговли, то это показывает, что даже при династии Тан сохранялась та же система запретов, которая так недавно была разрушена; хотя в то время императоры в Шанси имели очень мало власти на южных берегах. Изменения в заливе Хангчау были более сильными причинами потери торговли, и Юл обоснованно заключает, что верхняя его часть, как полагают, охватывает сейчас старое место во времена Поло.

Провинция Фухкиен (*т.е.* "Счастливо устроенная") ограничена с севера Чхэкианом, с северо-запада и запада - Киангси, с юго-запада - Квантуном, а с востока - Формозским каналом. Западные границы определяются, в основном, водоразделом бассейнов рек Мин и Кан; это пересеченная и плодородная область Наньшань. Линия морского побережья смелая и окаймлена большим количеством островов, чьи высокие гранитные или трапповые вершины простираются обрывистыми, бесплодными мысами от Намоха до Чусанского архипелага. По общим характеристикам поверхности, островам на побережье и положению относительно океана он напоминает область, лежащую к востоку от Нью-Гэмпшира в Соединенных Штатах; включая Формозу, он примерно равен Миссури по размеру.

ВОДОТОКИ ПРОВИНЦИИ ФУХКИЕН.

Река Минь образовалась в результате слияния трех крупных потоков у Йенпин-фу; она осушает всю страну, лежащую к востоку от холмов У-и (Бохэ), или около трех четвертей провинции. Ее длина составляет более трехсот миль, а благодаря регулярной глубине она является одним из самых полезных потоков в Китае; на ее берегах расположено двадцать семь городов, обнесенных стенами. Прилив поднимается на восемнадцать или двадцать футов у входа в реку, и это, а также множество островов и рифов, делает подход к ней трудным. У Минь-ган-хиен, примерно в четырнадцати милях от устья, поток сужается до менее чем полумили на протяжении примерно трех миль, глубина воды составляет от двенадцати до двадцати пяти саженей; холмы с каждой стороны возвышаются от пятнадцатисот до двух тысяч футов. Один путешественник говорит о стенах фортов и батарей в этой части, как о своего рода лестницах для более удобного подъема на холмы, на которых они расположены. С вершины "открывается прекрасный вид; ничто не может быть живописнее маленьких плантаций пшеницы и ячменя, перемежающих свои желтые посевы на склонах со щетинистыми соснами и засушливыми скалами, и увенчанных садовыми участками, или окруженных рисовыми полями и апельсиновыми садами". Долина Мин, открывающаяся с вершины крепости, - поистине прекрасное зрелище".[62] Пейзажи этой реки, хотя и другого характера, по возвышенности и красоте могут сравниться с пейзажами Гудзона; холмы, однако, гораздо выше, а страна менее плодородна на Мине.

За якорной стоянкой Пагода проход слишком мелок для больших судов, и это препятствие мешает Фухчау стать торговым центром, соответствующим его размерам и географическим преимуществам. От города вверх по течению река частично загромождена скалами и берегами, что делает навигацию проблематичной до Минцин хиен, примерно в тридцати милях выше него, за которым сильные пороги делают проход до Йенпина крайне утомительным, а в высокую воду невозможным даже с трекерами. Берега крутые, и буксирный трос иногда поднимается на 50-70 футов над водой.

Мистер Стивенс говорит об этой реке, что "смелые, высокие и романтические холмы придают стране однообразный, но постоянно меняющийся вид; но она настолько похожа на гору, что

можно с уверенностью сказать, что за пределами столицы мы не увидели ни одной равнины даже небольшой протяженности. Каждый холм был покрыт зеленью от основания до вершины. Менее изрезанные были расположены террасами, возвышающимися друг над другом иногда на тридцать или сорок уровней. На них над нашими головами колыхались желтые ячмень и пшеница. То тут, то там рабочий с пучком собранного зерна взваливал его на плечо, чтобы вытряхнуть. Апельсиновые, лимонные, тутовые или другие деревья иногда затеняли узкую полосу вдоль берега, наполовину скрывая домики жителей".[63]

Следующей по величине является Лунг-кианг, которая протекает мимо Чангчау и впадает в Амой, пройдя двести миль. На побережье Фукиена расположено множество мелких островов, первый из которых, расположенный на западе, - Намох или Нан-ау, длиной около тринадцати миль. Амой и Куэмой - самые крупные острова из группы, расположенной в устье реки Лунгкианг. Залив Чиммо находится к северо-востоку от Амоя и является входом в проход до Чинчеу, или Цюенчау-фу, *Зайтон*[64] Марко Поло, который до сих пор славится коммерческой предприимчивостью своих жителей. До появления пароходов в каботажной торговле гавани и бухты провинций Фукиен и Квантун были запружены многочисленными пиратскими флотилиями, которые "кralись, как крысы", и охотились на мирных торговцев.

Зерна, выращиваемого в Фухкиене, едва хватает, чтобы прокормить население, особенно на морском берегу, поэтому большое количество риса привозится из Сиама, Формозы и других стран. Черный чай, камфора и другие породы дерева, сахар, фарфор и ткани из травы - основные статьи экспорта.

ПОЯВЛЕНИЕ ФЮХАУ.

Город Фухчау (*то есть* Счастливый город), или Хокчиу, как его называют жители, лежит на 26° 5' северной широты и 119° 20' восточной долготы, на северном берегу Мина, в тридцати четырех милях от его устья и в девяти от острова Пагода. 119°20' восточной долготы, на северной стороне реки Мин, в тридцати четырех милях от ее устья и в девяти от острова Пагода. Город расположен на равнине, окруженной холмами, образующими естественный и самый великолепный амфитеатр огромных размеров, плодородие которого подражает и дополняет его красоту. Пригороды простираются от стен на три мили до берегов и тянутся по обе стороны ручья. Они соединены между собой и с небольшим островком на реке каменным мостом, построенным в одиннадцатом веке. Пейзажи здесь живописные, а те части окрестных холмов, которые не возделываются и не используются под могилы, покрыты соснами; высота некоторых холмов к северу от города достигает трех тысяч футов. Напротив Фюхау земля более низкая, и пригород построен на острове, образовавшемся в результате разделения главного канала, в семи милях выше города; ветви соединяются на острове Пагода. Этот остров и равнина с каждой стороны образуют большую котловину, около двадцати миль в длину и пятнадцати в ширину. Река переполнена плавучими жилищами, паромы и торговые суда, что превращает ее поверхность в оживленную и шумную сцену. Цветы, растущие в горшках на лодках, и цветы, которые лодочницы обычно носят в волосах, помогают придать приятный аспект оживленному зрелищу.

Высота городских стен составляет около тридцати футов, а ширина - двенадцать в верхней части. Над воротами, которых насчитывается семь, возвышаются высокие башни; на стенах через небольшие промежутки стоят домики стражи, в которых живут несколько солдат и где две или три пушки указывают на их цель. Город разделен на районы и кварталы, каждый из которых подчиняется своей полиции и старостам, отвечающим за спокойствие в своих районах.

ЗДАНИЯ И ТИПЫ ЖИТЕЛЕЙ.

С У-ши-шань, возвышенности на юге города, открывается обширный вид, представляющий большое разнообразие очаровательных объектов. Квадратные бойницы стены видны извилистом и неровном круге на протяжении более восьми миль и охватывают большинство зданий, кроме южных. На юго-востоке круто поднимается холм высотой более двухсот футов, его стороны застроены разбросанными домами, а на крайнем севере города возвышается сторожевая башня, закрывающая перспективу в этом направлении. Две пагоды внутри и фантастические сторожевые башни на стенах, большие, регулярно строящиеся зернохранилища и огромное количество флагштоков, попарно обозначающих храмы и офисы, способствуют разбавлению унылого однообразия, которое еще более разнообразит множество больших деревьев. Для размещения сторожей над улицами или на крышах зданий построено несколько смотровых домиков, один из которых сразу привлекает внимание посетителей своей высотой и часовым циферблатом с римскими буквами. В стенах города, который везде одинаково хорошо застроен, почти нет свободных мест.

Змеевидные каналы делят местность вокруг на участки большей или меньшей площади, любой формы и оттенка; они помогают осушать город и обеспечивают каналы для лодок, приходящих с реки. Эти участки ландшафта усеяны дереушками и коттеджами, а там, где земля повыше, - могилами и надгробиями. Сидящему на этом возвышении кажется, что из города, расположенного внизу, доносится сбивчивый гул смешанных криков - удары гонгов, треск фейерверков, выстрелы из пушек, громкие крики лоточников и кули, сочетающиеся с лаем собак и другими бытовыми звуками, а также крики ворон, рыбастребов и сорокопутов, расположенных неподалеку, - самым живым образом сообщают ему, что прекрасная панорама, на которую он смотрит сверху, наполнена кишашими толпами людей, находящихся в самом разгаре жизни. На западной стороне города находится водная гладь, называемая Си Ху, или Западное озеро, с рядом неприятельских зданий и храмов, расположенных по его краю, мостом, пересекающим его просторы, и рыболовными сетями и лодками, плавающими на его лоне. Сторожевая башня, расположенная на холме в северной части города, находится на стене, которая здесь проходит рядом с обрывом высотой в двести футов; она бросается в глаза при приближении к этому месту.

Маньчжуры занимают восточную часть города и насчитывают в общей сложности около 8000 человек; туземцам, как правило, не разрешается входить в их пределы. Они живут под началом своих офицеров, в том же стиле, что и китайцы, и, не имея никакого постоянного занятия, доставляют немало хлопот провинциальным властям. Несмотря на то, что по размерам город значительно превосходит Нинпо, количество храмов и значительных частных резиденций в Фучау гораздо меньше, да и в целом он не так хорошо построен. Улицы полны мерзостей, о которых жители, похоже, мало заботятся. До того как внешняя торговля приобрела большое значение, местные торговые фирмы выпускали в городе бумажные деньги, номиналом от сорока центов до тысячи долларов, обладавшие всеми преимуществами и почти не подвергавшиеся опасностям банкнот. Синий, красный и черный цвета, которые смешиваются на этих векселях, представляют собой великолепный вид подписей и индоссаментов. Название эмиссионного дома и ряд символов, прорисованных по всей странице ярко-синими чернилами, образуют первоначальный оттиск. Дата выпуска и несколько хитроумных шифров, предназначенных для приема подписей и предотвращения подделок, выполнены глубоким красным цветом; в то время как запись суммы, имена партнеров и получателя выделены крупными черными символами. На обороте стоят подписи различных лиц, через чьи руки прошел вексель, чтобы облегчить обнаружение подделок, но не возлагая на составителя никакой ответственности. Сейчас эти банкноты почти исчезли, и

постепенно в обиход входят банкноты Гонконга. На улицах обычно толпятся ремесленники и лоточники, что соответствует моде китайских городов, где лавочники, стремясь привлечь покупателей, полагают, что чем больше они будут мешать своим клиентам, тем больше шансов продать им что-нибудь. Магазины открыты так широко, в них выставлено такое разнообразие товаров, а рабочие выставлены так открыто, что вся улица кажется скорее прилавками рынка или проходом в мануфактуре, чем проезжей частью города.

Здесь проживают главные гражданские и военные сановники провинции, а также префект и магистраты округов Мин и Хаукван. *Чинг-хванг-мяо* - одно из крупнейших религиозных сооружений в этом месте, а храмы богини Милосердия и бога Войны - самые посещаемые. На южной стороне города находится *Kiu Sien shan*, или "Холм девяти гениев", который представляет собой красивый объект. Через него проходит городская стена, а по бокам на скалистых ступенях построены маленькие домики; на камнях высечены многочисленные надписи. Рядом с восточными воротами, называемыми *Tang mǎn*, или "Баннные ворота", находится небольшое предместье, где китайцы и маньчжуры живут вместе и ухаживают за множеством горячих колодцев, наполняемых из близлежащих источников; жители приходят туда большими толпами, чтобы помыться и развлечься.

Жители Фюхау - сдержанные, гордые, довольно буйные люди, в отличие от вежливых и приветливых местных жителей, живущих дальше на севере. Однако они более образованны и гордятся тем, что никогда не были покорены иностранцами. Их диалект грубоват и сильно контрастирует с носовыми тонами патуа из Амоя и мягкими звуками, слышимыми в Нинпо. В городе мало важных производств, его торговля и ресурсы почти полностью зависят от торговли с внутренними районами по реке Мин. На улицах можно увидеть множество преступников в кангасах, и при прохождении мимо них не слышно того веселого веселья, которое можно услышать в других местах. Кроме того, в целом наблюдается отсутствие вежливости между знакомыми, встречающимися на дороге, что совершенно необычно для Китая. Нищие заполонили улицы, демонстрируя бедность и черствость жителей. Предполагается, что половина мужского населения пристрастилась к опиумной трубке и ежегодно тратит миллионы долларов на это пагубное удовольствие. Население города и пригородов насчитывает скорее больше, чем меньше миллиона душ, включая лодочников; это, несомненно, один из главных городов империи по размерам, торговле и влиянию.

Остров в реке заселен торговцами, большую часть которых составляют моряки и лодочники. Деревенские женщины, привозящие на рынок овощи и домашнюю птицу, отличаются крепким телосложением и разительно контрастируют с хилыми и малоподвижными городскими дамами. На реке множество рыбацких лодок, на многих из которых живут бакланы.[65]

АМОЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Амой - самый известный порт провинции, а 150 лет назад был центром крупной иностранной торговли. Он расположен в округе Тун-ган, в префектуре Цюэнчау, на широте 24° 40' с. ш. и долготе 118° 20' в. д., на юго-западном углу острова Амой, в устье реки Амой. 118° 20' в.д., на юго-западном углу острова Амой, в устье реки Лунг-Кианг. Сам остров имеет около сорока миль в окружности и содержит десятки больших деревень, помимо города. Пейзажи в бухте живописны, отчасти благодаря многочисленным островам, которые определяют ее, некоторые из них возвышаются пагодами или храмами, а отчасти благодаря высоким холмам за городом и толпам судов в гавани на переднем плане.[66] По мере приближения к морю город делится на внешний и внутренний - точнее, на цитадель и город, - разделенные грядой скалистых холмов с крепостной стеной по верху. Их соединяет мощеная дорога, которая

скрыта от глаз зрителя, приближающегося со стороны моря, пока он не войдет во Внутреннюю гавань. Вся окрестность города и пригородов составляет около восьми миль, население - 185 000 человек, а население острова оценивается еще в 100 000.

Гавань Амоя - одна из лучших на побережье; прилив поднимается и опускается на высоту от четырнадцати до шестнадцати футов. Западную сторону гавани образует остров Куланг-су, батареи на котором полностью контролируют город. Он имеет около мили в длину и две с половиной четверти в окружности, и на нем проживает многочисленное сельское население, разбросанное по четырем или пяти деревушкам. Иностранные резиденции, разбросанные по холмам, значительно усиливают очарование его облика, если смотреть на него из гавани. К востоку от Амоя находится остров Куэмой (*т. е.* Золотая гавань), чьи низкие рисовые земли на юго-западном берегу производят совершенно иной эффект по сравнению с высокими землями Амоя; кроме того, его население гораздо меньше.

Страна в этой части Фухкиена густо заселена и высококультурна. Описывая поездку в Тунган, мистер Эйбел говорит: "На протяжении нескольких миль холмы были такими же изрезанными, бесплодными, как и на южном побережье Китая, но по мере нашего продвижения плодородие и культивирование росли; горы на востоке стали холмами, и их украшали поля. Деревни были многочисленны; многие из них виднелись вдали большими рощами деревьев, но в целом пейзаж выглядел голым. По возделанным холмам были разбросаны колодцы, свидетельствующие о необходимости и средствах орошения".^[67]

В другом направлении, к Чангчау, путешественник за островом Пагода попадает в овальную бухту длиной десять или двенадцать миль, ограниченную многочисленными равнинами, переходящими в крутые бесплодные горы, на которых расположены многочисленные деревни; мистер Эйбел сразу насчитал двадцать три, а лодочники сказали, что всех не видно. По мере продвижения вверх по реке к Чанчау, расположенному в тридцати пяти милях от Амоя, во всех направлениях видны несколько крупных городов и "несчетное количество деревень". Этот город хорошо построен, улицы вымощены гранитом, некоторые из них шириной в двенадцать футов, и они невыносимо неудобны. Через реку перекинут мост длиной около восьмисот футов, состоящий из балок, протянутых от одной опоры к другой и покрытых поперечинами. С вершины холма, расположенного за храмом в северо-западном углу города, открывается очаровательная перспектива.

"Представьте себе амфитеатр, - говорит мистер Лоури, - тридцать миль в длину и двадцать в ширину, со всех сторон окруженный голыми остроконечными холмами, через него протекает река, у наших ног лежит огромный город, а во все стороны тянутся поля риса и сахарного тростника, благородные деревья и многочисленные деревни. Это было грандиозно и красиво, превосходящее все наши представления о китайских пейзажах. Под нами лежал город, почти квадратной формы, немного изгибающийся по берегам реки, тесно застроенный, с удивительным количеством больших деревьев внутри и вокруг. Гид сказал, что при последней династии в нем проживало 700 000 человек, а теперь, по его мнению, миллион - вероятно, с большим запасом. Деревни вокруг также привлекли наше внимание. Я попытался перечислить их, но, насчитав тридцать девять больших, отчетливо видимых менее чем на половине поля перед нами, оставил эту попытку. С большой долей вероятности можно утверждать, что в пределах этой огромной равнины находится не менее ста деревень, некоторые из них небольшие, но многие насчитывают сотни и даже тысячи жителей".^[68]

Чанчау был последним городом в восточных провинциях, который удерживали тайпины. Небольшие остатки их войск пересекли страну после потери Нанкина. Они были изгнаны в

1866 году, после того как город сильно пострадал от противоборствующих сил. Следы этих разрушений до сих пор не полностью исчезли из окрестностей.

Шихма, или Чиохбе, - торговое местечко, протянувшееся на милю вдоль берега и превышающее по размерам Хайтангхиен, районный город между ним и Амоем. Большое количество людей живет в лодках на этой реке, что делает путешествие по ее руслу чем-то вроде прогулки по улице, из-за шума и суеты.

Город Чинчеу (или Цюенчау), расположенный к северу от Амоя, когда-то был самым крупным из этих двух городов. Он описан Марко Поло, который добрался до него через пять дней пути из Фухчау, встретив постоянную череду процветающих городов, поселков и деревень. "В этом городе находится гавань Зайтон, посещаемая всеми кораблями из Индии, ... и всеми купцами Манзи, ибо сюда ввозится самое удивительное количество товаров, драгоценных камней и жемчуга Ибо это одно из двух величайших в мире убежищ для торговли".^[69] Постепенно этот город был оставлен ради Амоя, который был более доступен для джонок. Из Зайтона отплывала экспедиция Кублай-хана на Яву и в Японию, и здесь люди из Египта и Аравии торговали шелком, сахаром и пряностями еще долго после того, как португальцы достигли Китая.

Департамент Хинхва, расположенный на побережье между Цюенчау и Фухчау, очень густонаселен, а его диалект заметно отличается от обоих прилегающих префектур. Его жители пользуются дурной репутацией, а женское детоубийство распространено здесь в большей степени, чем в других местах. В Йенпине, на реке Мин, жители говорят на нанкинском диалекте, что свидетельствует об их происхождении не так уж много десятков лет назад; в этих холмистых районах Фукиена много патои, и провинция в целом демонстрирует, вероятно, больше расхождений в своих диалектах, чем любая другая. Ее продукция экспортируется на север и запад, а также на побережье, и такое взаимодействие способствует сближению речи жителей с их соседями. Природные пейзажи горных хребтов вблизи Бохейских холмов на границах Киангси привлекают туристов издалека. Фортуна описывает живописные группы отвесных скал, одинокие храмы на выступающих уступах и скрытые штольни, чередующиеся с деревушками, вдоль берегов потока, который уносит лодки и продукты на рынок. Здешние скалы и утесы подарили китайским художникам множество сюжетов для пера и карандаша, а долина в дополнение к своей природной красоте дарит лучшие сорта чая.

ОСТРОВ ФОРМОЗА.

Остров Формоза, лежащий в 90 милях к западу от Амоя, вместе с группой Пескадор образует департамент под названием Тайвань. Первый представляет собой плодородный, хорошо орошаемый регион, обладающий благоприятным климатом и во всех отношениях заслуживающий своего названия *Формоза* - описательный термин, впервые данный португальцами их поселению в Килунге в 1590 году, а затем распространенный на весь остров. Общая длина острова составляет около 235 миль, а ширина в центре - не более 80 миль; однако пределы китайской юрисдикции охватывают не только западную или равнинную часть, оставляя на откуп аборигенам густо заросшие лесом районы за *Мух-кан-шаном*, высоким горным хребтом, тянувшимся с севера на юг и образующим хребет острова. Западное побережье не имеет хороших гаваней, и суда, стоящие на большом расстоянии от берега, подвергаются двойным неудобствам: опасной стоянке и негостеприимному приему со стороны туземцев; восточная сторона еще менее привлекательна из-за того, что ее занимают дикие племена. Из последних сообщений следует, что вся береговая линия

поднимается с необычайным упорством и регулярностью, а ручьи захлебываются в своих устьях.

Аборигены этого острова, в тех районах, которые остались незагрязненными в результате смешения с китайскими поселенцами, представляют собой удивительно хорошо сложенную, красивую расу, сильную, большеглазую, смелую, преданную охоте и пылким возлияниям (когда последние доступны), как дикие люди во всем мире; среди них не существует письменности, и они не используют никакого фиксированного метода отсчета времени. Они и жители Льючу и соседних островов, вероятно, принадлежат к той же расе, что и филиппинские тагалы, хотя некоторые предполагают, что они малайского или полинезийского происхождения. Как и североамериканские индейцы, они разделены на многочисленные кланы, чья взаимная вражда может длиться до тех пор, пока та или иная сторона не будет истреблена; эта беспокойная обстановка удерживает их от каких-либо совместных действий против китайцев, чья оккупация острова всегда была неприятна для туземцев. Их социальное положение крайне низкое; хотя они свободны от таких мелких пороков, как воровство и обман, и дружелюбно относятся к чужакам, принцип кровного родства действует среди них с полной силой, и семейная месть обычно является единственной целью жизни среди мужчин. Ни один дикарь не пользуется уважением, если он не обезглавил китайца, а чем больше голов принесено домой после поединка, тем выше положение храбреца в обществе. Женщины вынуждены заниматься и домом, и полем, но разделяют лень своих хозяев, так как никогда не срезают с растущего риса или проса больше, чем достаточно для дневного пропитания. "Хотя эти люди имеют мужские формы, - замечает один китайский писатель в своеобразном антитетическом стиле, характерном для их литературных произведений, - они не имеют мужских натур. Управлять ими невозможно, об истреблении их не стоит и думать, поэтому с ними ничего нельзя сделать. Единственное, что остается, - это поставить войска с пушками у всех проходов, через которые они совершают свои набеги, и таким образом военной демонстрацией подавить в них желание выходить из своих убежищ. Пути дикарей пролегают только через густые леса, заросшие подлеском, где легко спрятаться. Отрубив голову, они варят ее, чтобы отделить плоть, украшают череп различными орнаментами и вешают его в своих хижинах как доказательство своей доблести". Помимо нескольких туземных кланов, подчинившихся правителям с материка и обитающих в пограничной области между колонистами и собственно аборигенами, между горными племенами и китайцами занимает нейтральную позицию особая раса, называемая *хакка*. В прошлом эти люди были трудолюбивыми, но уединенными жителями провинции Квантун, которые, желая улучшить свое положение, эмигрировали на Формозу и установили там тесную связь с туземцами, став для них незаменимыми поставщиками оружия, пороха и промышленных товаров, а благодаря своей промышленности они смогли со временем монополизировать торговлю камфарой. Сохраняя китайский костюм и обривая голову, они практически не подчиняются китайскому правлению, платят дань и вступают в браки с горцами, у которых они также получили большие участки земли.

ПРОИЗВОДСТВА ФОРМОЗЫ.

На острове выращивают кукурузу, картофель, фрукты, табак, индиго, сахар, рис и чай, причем три последних вида быстро растут для целей экспорта. Из природных продуктов первое место занимают соль, уголь, сера, нефть и камфора. Огромные угольные бассейны практически не открыты и даже не исследованы, единственные шахты, которые сейчас работают, находятся в северной части острова, недалеко от Килунга. Туземные методы добычи - единственные, которые применялись до сих пор, и неудивительно, что, учитывая их

чрезвычайную простоту, они не смогли добыть уголь в отдаленных районах, где природные трудности наиболее велики. Используется только ручной труд, а осушение шахты - неслыханное дело, что заставляет быстро бросать шахты, если они пробиты на большую глубину в горном склоне. Стоимость угля в устье шахты составляет около 65 центов за тонну для первых качеств, что при улучшении методов может быть снижено на треть. Наличие вулканов на этом острове, тем не менее, будет представлять серьезное препятствие для использования западной горной техники, особенно вдоль побережья, где меры кажутся чрезмерно смещенными и работа по осушению становится более трудной. Нефть в изобилии присутствует в некоторых районах северной Формозы, обильно вытекая из расщелин в холмах, и в некоторой степени используется туземцами для сжигания и в лечебных целях, но не экспортируется. Возможности крупной торговли серой гораздо важнее. Ее привозят из сольфатар и гейзеров в Тах-ю-канг, недалеко от Килунга, где она встречается в почти чистом виде, а также большое количество серной кислоты, которая с выгодой может быть использована на сахарных заводах острова. Производство серы, однако, запрещено договором, хотя ее экспорт продолжается в небольших количествах, причем контрагенты берут на себя весь риск конфискации. Камфору, возможно, самый большой источник богатства Формозы, здесь получают путем насыщения небольших палочек дерева паром, а не кипячением, как в Японии. Кристаллы камфоры конденсируются в приемнике, установленном над печью; в процессе перегонки получается эфирное масло, которое при химической обработке азотной кислотой превращается в твердую камфору. Деревья, из которых добывают камфору, растут в самых труднодоступных местах острова и, по всем описаниям, имеют огромные размеры, хотя туземцы рубят их без всякой дискриминации и без мысли о том, чтобы стимулировать повторный рост.

Среди наиболее интересных природных явлений этого района - так называемые вулканы, чьи периодические извержения были замечены многими. Г-н Ле Жандр, консул Соединенных Штатов в Амои в 1869 году, во время визита на Формозу воспользовался случаем, чтобы более тщательно изучить этот вопрос. Из его отчета[70] следует, что из земли постоянно выделяется газ, и если проделать отверстие глубиной в несколько дюймов, то его можно зажечь. Скорее всего, продолжает он, время от времени струи газа вырываются из тех мест на холмах, где их раньше не наблюдалось, прорываясь сквозь длинную траву и леса огромных деревьев, а также каменную нефть, которая, как правило, течет в их окрестностях. Поскольку они склонны к самовозгоранию при контакте с атмосферой, они должны поджигать эти материалы и вызывать локальное возгорание, которое придает многочисленным вершинам цепи вид вулканов.

ФОРМОЗА И ПЕСКАДОРЫ.

До первой половины XV века китайцы почти ничего не знали о Формозе, и их власть над какой-либо ее частью не была установлена до 1683 года. Она никогда не была по-настоящему колонизирована и с первых же попыток подчинения стала неуправляемым и непокорным регионом. Из основных районов постоянно происходит большая эмиграция, а земли переходят в руки капиталистов, которые не только поощряют людей селиться там, но и фактически покупают большое количество бедняков для заселения этих районов. Тайвань-фу, резиденция местного правительства, является крупнейшим местом на острове; другими гаванями или важными местами являются Ку-сиа и Такоу, расположенные в нескольких милях к югу от Тайваня; последний, вместе с Тамсуй, на северо-западном побережье, является одним из недавно открытых торговых портов. Килунг имеет хорошую гавань и является центром сбора товаров для северной части острова. После открытия (в 1861 году) этих трех городов для иностранных сношений и более тщательного изучения нейтральной

территории у подножия гор, ресурсы, народы и состояние этого плодородного острова стали более известны.

Прежде чем покинуть Формозу, будет интересно ознакомиться с необыкновенной сказочной историей острова, написанной неким Джорджем Псалманазаром - *псевдонимом* выдающегося самозванца начала XVIII века, который выдавал себя за японца, принявшего христианство на Формозе, и произвел глубокую сенсацию в Европе, опубликовав на латыни выдуманное извещение об этой стране.^[71]

Примерно в двадцати пяти милях к западу от Формозы, к Тайваню, находится район *Пэнху тин* или Пескадорские острова, состоящий из группы двадцати одного обитаемого островка, самый большой из которых, называемый Пэнху, имеет восемьдесят четыре мили в окружности; ни один из них не возвышается над морем на триста футов. Два самых крупных, называемых островами Пэнху и Фишер, расположены недалеко от центра скопления, и между ними есть отличная гавань. Отсутствие деревьев и укрытых долин придает этим островам бесплодный вид. На островах выращивают просо, орехи, кедровые яблоки, сладкий картофель и овощи, но в основном они зависят от Формозы. Население группы оценивается в 8000 человек, большая часть которых - рыбаки. Голландцы захватили эти острова в 1622 году и попытались укрепить их с помощью подневольных китайских рабочих, но через два года после этого по просьбе губернатора Фухкиена перебрались на Формозу.

ГЛАВА III. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ.

ПРОВИНЦИЯ ХУПЭ.

Центральные провинции Хупэ и Хунань ранее составляли единое целое под названием Хукванг (т.е. Широкие озера), и они до сих пор известны под этим названием. Хупэ (*т.е.* Северные озера) - меньший из двух, но содержит больше всего пахотных земель. На севере он граничит с Хонань, на востоке - с Нганхуэй и Кианьси, на юге - с Хунань, а на западе - с Сцюзнь и Шэньси. Его площадь составляет около 70 000 квадратных миль, что немного больше площади Новой Англии.

Великая река протекает через юг, где соединяется со всеми озерами на обоих берегах, и почти удваивает объем воды. Хань-кианг, или Хань-шуй, берет начало на юго-западе Шэньси, между Фу-ниу-шань и Тапа-линг, и дренирует юг этой провинции и почти всю Хупэ, соединяясь с Янцзы у Вучана. Она очень извилиста в своем течении, протекая в общей сложности около 1300 миль, и судоходна лишь часть года, во время вешних вод, до Сянъяна, примерно 300 миль. Лодки небольших размеров спускаются, однако, в любое время из Син-пу-вана, недалеко от его истока в Шэньси. Ширина устья не превышает 200 футов, но по мере подъема русло реки вскоре расширяется до 400 и 500 футов, а у Шаяна, в 168 милях от Ханькоу, ширина реки достигает полумили. Площадь всего ее бассейна примерно равна площади провинции.

Необычайные последствия того, как огромное количество талого снега вливается в несколько потоков, сходящихся на склонах холмов, а затем концентрирующихся в узкой долине и приносящих ежегодные отложения аллювия и ила, можно наблюдать вдоль реки Хань. Высота этого потока часто составляет пятьдесят футов там, где он самый узкий, а

берега высокие; в Нчинге русло в разное время года меняется от 300 до 1 500 футов, а русло - от 2 000 до 9 000 футов, вода поднимается на 18 футов в пресных местах. В этих широких местах река представляет собой широкий, извилистый пояс песчаных дюн, в котором поток извивается в одном или многих руслах. Поэтому судоходство здесь затруднено и опасно, так как движущиеся пески перемещают глубокую воду с места на место, и лодки задерживаются или садятся на мель. В половодье берега покрыты, но тогда течение является почти таким же серьезным препятствием, как и мелководье зимой.

Юго-восточную часть Хупэ занимает обширная впадина, заполненная чередой озер. Длина и ширина этой равнины не превышают двухсот миль, и она считается самой плодородной частью Китая, поскольку не подвержена разливам, как берега Желтой реки, а спуск земли позволяет легко распределять обилие воды. Каждый уголок возделывается, а излишки продукции легко доставляются туда, где есть спрос. Ближайшие к Янцзу участки слишком низки для постоянного возделывания.

Озера Акс, Просо, Красная Лошадь и Мьенян - самые крупные в провинции. Остальные части обеих озерных провинций холмисты и гористы; высокий хребет Та-пех-шань ("Великие белые горы"), начинающийся далеко в Шэньси, простирается к западу от Хупэ и отделяет бассейны Великой реки от ее притока Хань-кианг, некоторые из его вершин поднимаются до линии снега. В Хупе производят хлебные изделия, шелк, хлопок, чай, рыбу и древесину; производят бумагу, воск и ткани. Климат умеренный и здоровый.

ВУЧАН И ХАНЬКОУ.

Выгодное положение столицы провинции Вучана привлекло к нему большую часть торговли, что со временем привело к возникновению поселений Ханьян и Ханькоу на северном берегу Янцзы и реки Хань. В прежние годы количество судов, стекавшихся сюда из других городов, расположенных на этих двух потоках, было огромным и порождало преувеличенные представления о ценности торговли. Введение пароходов уничтожило большую часть этой местной торговли, а сами города ужасно пострадали от тайпинов, от которых они быстро оправляются и становятся на более прочную основу. Города расположены на широте 30° 33' северной широты и долготе 114° 20' восточной долготы, 58° 20' восточной долготы. 114° 20' в.д., на расстоянии 582 географических миль от Шанхая.

Вучан - резиденция провинциальных офицеров, маньчжурского гарнизона и влиятельных литераторов, в то время как рабочая часть населения в основном зависит от Ханькоу. Его стены простираются более чем на двенадцать миль в окружности, занимая больше пустующей, чем занятой площади, ровность которой смягчается грядой невысоких холмов, простирающихся за Ханьян на другом берегу реки. На узких улицах шумно от отбросов, а летом они становятся источниками малярии, так как дренаж плохой.

Когда в 1861 году Ханькоу был открыт для иностранной торговли, он имел самый разрушительный вид, но чувство безопасности, вызванное присутствием людей и судов из дальних стран, быстро привлекло рассеянных горожан и ремесленников к восстановлению руин. Иностранцы живут на берегу реки, к востоку от Ханькоу и к западу от реки Хань, где очень удобная якорная стоянка, и вдали от мощного течения Янцзы. Разница в уровне великого потока составляет около сорока футов в год. В долгие годы ранней и мирной торговли, вплоть до 1850 года, этот регион собрал, вероятно, больше людей на определенной площади, чем можно найти в других местах мира; а его репутация богатого места заставляла иностранцев возлагать на свою долю большие надежды, которые постепенно рассеялись. Облик города, каким он был в 1845 году, аббат Гук описывает в нескольких предложениях:

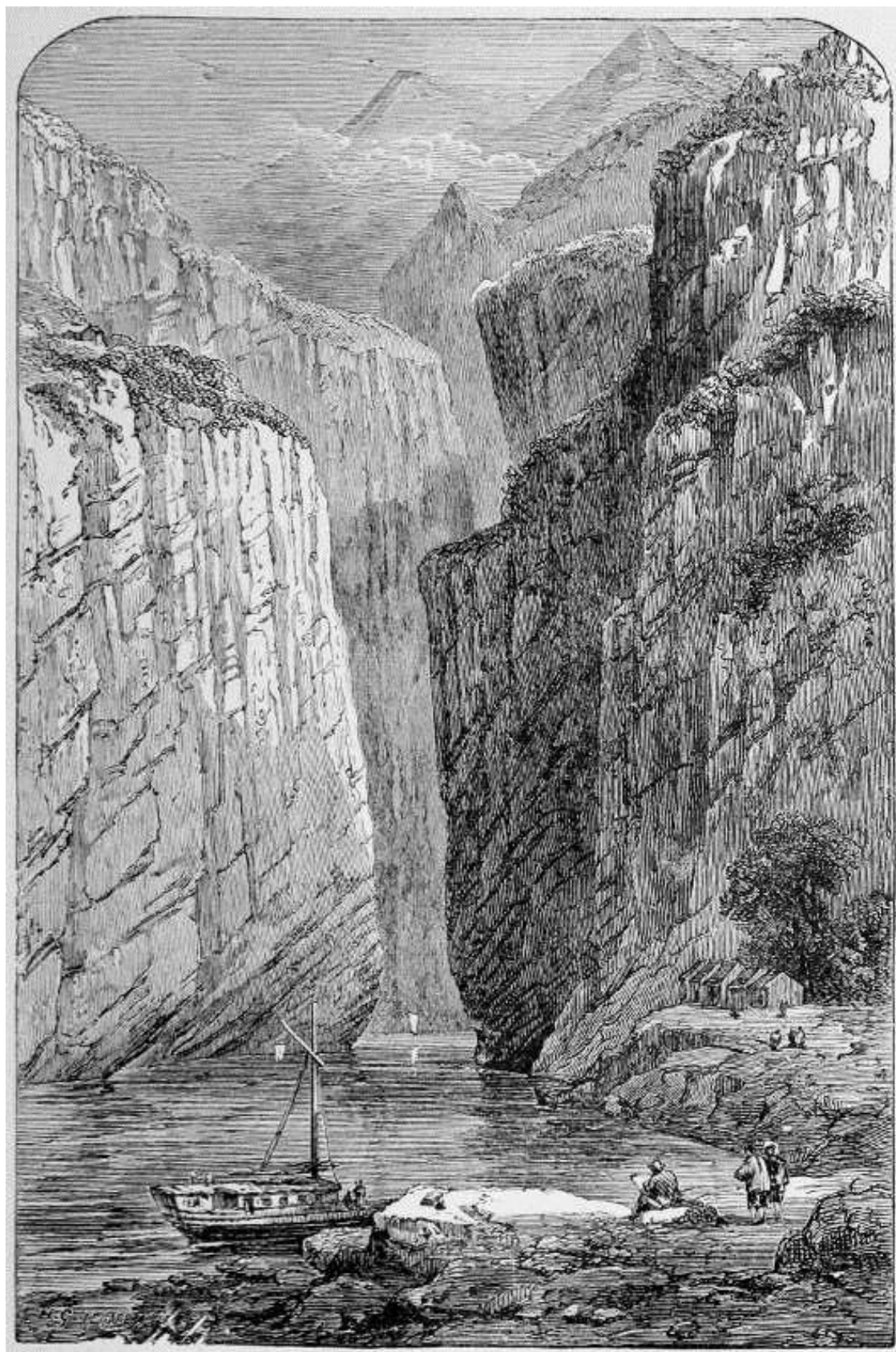
"Ночь уже наступила, когда мы добрались до места, где река полностью покрыта судами всех размеров и форм, съехавшимися сюда со всех концов. Вряд ли в мире найдется другой столь посещаемый порт, как этот, который, к тому же, считается одним из самых торговых в империи. Мы вышли на один из открытых путей, своего рода улицу, каждая сторона которой была обозначена плавучими магазинами, и после четырех часов утомительного плавания по этому сложному лабиринту прибыли к месту высадки. На протяжении пяти лиг видны только дома вдоль берега и бесконечное множество красивых и странных судов на реке, одни из которых стоят на якоре, а другие в любое время суток снуют туда-сюда".[72]

Эти три города прекрасны, их окрестности высоко возделаны и украшены особняками знати; но он добавляет: "Если вы приблизитесь, то обнаружите на берегу реки лишь бесформенный берег, истертый приboями, а на улицах - лавки, увенчанные палисадами, и мастерские, подорванные водами или разваливающиеся от старости. Открытые пространства между этими руинами заполнены мерзостями, распространяющими вокруг удушливый запах. Никаких правил относительно расположения жилищ, никаких тротуаров, никаких мест, где можно было бы избежать толпы, которая насаждает на человека, расталкивая локтями и оспаривая проход, но все идет вразвалочку, посреди скота, свиней и других домашних животных, каждый защищает себя, как может, от грязи на своем пути, которую китайцы бережно собирают для сельскохозяйственных нужд и несут в маленьких открытых ведрах через толпу".

Выше Ханькоу города на Янцзы лежат ближе к ее берегам, так как они не так подвержены воздействию приливов. Крупнейшими торговыми пунктами в этой части Хупэ на реке являются Шаши, напротив Кинчау-фу, и Нчанг у границ Сцзюэня, соответственно на расстоянии 293 и 363 миль. От первого поселения есть безопасный проход по каналу до Шаяна, расположенного в сорока милях по реке Хань; далее путь лежит на север до Шанси. Второй канал недавно был открыт для иностранной торговли. Это конечная точка навигации для больших судов, идущих из Шанхая вверх, так как через несколько миль после него начинаются пороги, что требует более мелких судов, которые можно тащить на гусеницах. Эти два порта являются крупными центрами торговли и путешествий, и они не были опустошены тайпинами, как все другие важные города на нижнем течении Янцзы.

Часть реки Янцзы в этой провинции, между Нчаном и границей с Сзюэнем, представляет собой, возможно, один из самых великолепных пейзажей в мире. Пробиваясь через известняковые основания, которые опускаются по обе стороны от гранитного ядра порогов, река сначала проникает в ущелья Ву-шань, Митан и Лукан с одной стороны, а затем в длинное дефиле Нчанг с другой. В разных местах между ними и за ними поток разбивается о более или менее грозные пороги. Среди этих грандиозных оврагов самым впечатляющим, хотя и не самым длинным, является Лукан, чьи вертикальные стены возвышаются над узкой рекой на тысячу футов и более. По словам Блэкистона, ничто не может быть более поразительным, чем внезапно натолкнуться на этот огромный раскол в горной массе, "через который река вытекает, как через воронку".

Восточные районы Хупэ более суровые, чем южные, и во время восстания были захвачены вооруженными бандами, так что их лучшие города были разрушены. Сянъянфу и Фанчин, расположенные у северных границ, - важные места во внутренней торговле этого региона. Многочисленные ассоциации с ведущими событиями ранней и феодальной истории Китая делают этот регион интересным для отечественных ученых. Большая часть юго-западной префектуры Шинган холмистая, а ее горные части населены грубым, неграмотным населением, многие из которых частично управляются местными правителями.

УЩЕЛЬЕ ДЖУКАН, РЕКА ЯНЦЗ.

ПРИРОДНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУНАНИ.

Провинция Хунань граничит на севере с Хупе, на востоке - с Кианси, на юге - с Квантуном и Кванси, на западе - с Квейчау и Сцюзнем. Его площадь оценивается в 84 000 квадратных

миль, что равно площади Великобритании или штата Канзас. По ее территории протекают четыре реки, бассейны которых охватывают почти всю провинцию и определяют ее границы по конечным водоразделам. Самая крупная из них - Сианг, которая, поднимаясь по холмам на юге и востоке, впадает в многочисленные судоходные потоки, обеспечивая торговлю на небольших лодках до границ Кiangси и Квангтунга, причем движение сосредоточено в Сиангтане; этот плодородный и густонаселенный бассейн занимает почти половину территории провинции. Через западную часть Хунаня протекает река Юэнькианг, но пороги и каскады встречаются так часто, что делают ее гораздо менее полезной, чем Сианг. К городам на юго-западе с большим трудом подтягиваются лодки, несущие всего четыре или пять тонн груза; в Хангии, в 200 милях выше Чангтеха, их меняют на простые лодки, чтобы добраться до Юэньчау. Примечателен контраст между этими двумя реками как удобными каналами для сообщения. Между этими двумя главными реками протекает Цикианг, судоходная только для небольших лодок, которые должны преодолевать столько порогов, что сама река получила название Тан-хо, или "Быстрая река"; ее бассейн узок и плодороден, а продукты перевозятся на рынок через холмы как на востоке, так и на западе. Четвертая река, Ли-шуй, впадает, как и все остальные, в озеро Тунгтинг и орошает северо-западную часть провинции; она судоходна только в нижнем течении и почти бесполезна для путешествий. Все эти реки проводят свои собственные русла через озеро, которое скорее является выгребной ямой для разлива Янцзы во время ее ежегодного подъема, чем озером, питаемым собственными источниками и притоками. В Сянъине, на реке Сианг, берега находятся на 35 футов выше низкого уровня воды и постепенно понижаются до устья в Йохчау или рядом с ним. Колебания этого озера, превращающегося из большой водной массы в одно время года в болото в другое, конечно, должны влиять на всю внутреннюю торговлю провинции, поскольку реки, протекающие через него, постоянно находятся то в состоянии паводка, то в состоянии маловодья - и та и другая крайность не может не мешать паровым судам.

Продукция Хунаня не отличается высокой степенью разработки почв и рудников. Чай и уголь являются основными статьями экспорта; чайное масло, ореховое и *тунговое* масла, конопля, табак и рис, а также железо, медь, олово и грубая бумага составляют список товаров. Угольные месторождения южной Хунани по своим запасам не уступают Пенсильванским; антрацит встречается на реке Луи, а битум - на реке Сианг, причем оба пласта выходят за границу Квантуна. Важное значение имеет торговля древесиной - сосной, пихтой, лавром и другими породами. Население Хунани несколько сократилось во время восстания Тай-пина; его жители вообще имеют дурную репутацию среди своих соотечественников за жестокость и грубость. Из-за холмистой природы страны они разделены на небольшие общины, которые плохо знакомы друг с другом, поскольку передвигаться по ним трудно; кроме того, почва достаточно плодородна, чтобы поддерживать во многих районах значительный прирост населения.

Столица Хунани, Чанша, лежит на реке Сианг и является одним из самых влиятельных, а также исторически одним из самых интересных городов в центральной части Китая; здесь зародился фестиваль лодок-драконов. Сянган, расположенный у впадения Лиен-ки, более чем в 200 милях выше Йохчау, - один из величайших чайных центров в Китае. Его население оценивается в миллион человек, и он является центром торговли и банковского дела для продуктов этого и других регионов; он простирается на три мили вдоль западного берега и почти на две мили вглубь страны, с тысячами лодок, выстроившихся вдоль берегов. Возвращение к процветанию после восстания было удивительно быстрым. Город Чангтех на реке Юэнь - следующий важный город, так как до него легко добраться из Йохчау на Янцзе; в префектуре выращивают большое количество риса.

Хунань занимает высокое место по количеству писем, жители хорошо одеты, здоровы и обычно миролюбивы. Лодочники, однако, исключительно беззаконны и представляют собой сложный класс для контроля местными властями. В юго-западных районах живут племена аборигенов, которые еще более неуправляемы, вероятно, из-за несправедливого налогообложения и притеснений со стороны имперских офицеров, поставленных над ними. В дополнение к этим неуправляемым элементам большую территорию занимают *яо-цзинь*, которые завладели возвышенностями, лежащими между Юнгчау и Квэйяном, в южной части провинции, и забаррикадировали горные проходы, чтобы никто не мог подняться на них против их воли.

ГОРЫ И РЕКИ ШЕНСИ.

Провинция Шэньси (*т.е.* Западный Дефилес) граничит на севере с Внутренней Монголией, от которой ее отделяет Великая стена, на востоке - с Шаньси и Хонань, на юго-востоке - с Хупэ, на юге - с Сцзюнем, а на западе - с Кансухом. Его площадь составляет не более 70 000 квадратных миль, которые в геологическом и политическом отношении наиболее отчетливо выражены Цинлин-шанем, водоразделом между реками Вэй и Хань. Через нее проходит только одна хорошая дорога в Ханьчжун-фу, расположенный в ее южной части; другая, более восточная, идет из Си-нгана, через естественный проход между ним и Фу-ниу-шаном, в Шан, на Тан-хо, в бассейне Хань. Эта часть составляет около трети Шэньси. Другая часть включает в себя бассейны рек Вэй, Лох и У-тин, а также несколько мелких притоков Желтой реки, из которых Вэй - самый важный. Эта река соединяется с Желтой в самой низкой точке ее бассейна - на перевале Тун-кван, где более крупный поток прорывается в низменность Хонань и отделяет восточный и южный Китай от северо-западных регионов. Вся эта часть представляет собой лессовую формацию, и русла потоков глубоко врезаются в нее, а дороги через них немногочисленны. Бассейн реки Вэй - самая плодородная часть провинции; история китайской расы была связана с ее судьбой больше, чем с любой другой частью их владений. Его продуктивность проявляется в быстром развитии и заселении районов по берегам и притокам.

На севере Великая стена отделяет Шэньси от монголов Ордоса, ее западный конец достигает Желтой реки в Нинхиа - крупнейшем и единственном важном городе в этом регионе. Все связи с этим регионом осуществляются через Шэньси и через Квэйхва-цзин, но конфигурация горных хребтов не позволяет проехать напрямую. Ни одна из рек этого региона не пригодна для судоходства, и лишь немногие из них пригодны для орошения; урожай зависит от осадков. Климат здесь более ровный и мягкий, чем в Шанси, и не такой влажный, как во многих районах Кансуха. Урожай одного хорошего года обеспечивает пищей три плохих. В основном жители зависят от пшеницы, но рис выращивают везде, где есть вода; сорго, просо, бобовые, маис, ячмень, земляной орех и фрукты разных сортов пополняют список. Хлопок, конопля, табак, рапс и мак выращиваются в значительных количествах, но избыток урожая в средние годы недостаточен, чтобы оставить много для экспорта. Безжалостная гражданская война, недавно завершившаяся уничтожением магометан в провинции, оставила ее во многих частях совершенно безлюдной, и ее восстановление к прежнему процветанию и численности населения должно быть медленным.

Путешествие между Шэньси и Сцзюнем почти полностью ограничивается большой дорогой, ведущей из Си-нгана в Чингту. Она проходит вдоль реки Вэй до Хиеняна на левом берегу, где от нее отходит дорога на север в Кансук, а другая продолжается на запад вдоль реки через густонаселенный район до Паоки Хиен, где она вновь пересекает Вэй. На этом отрезке пути видное место занимает гора Тай-пех высотой около одиннадцати тысяч футов с белой вершиной. В Паоки, , начинается переправа через Цинлинг-шань, которая занимает семь

дней трудного пути по извилистой дороге длиной 163 мили до Фунг-хиен на границе Кансуха. Дорога пересекает сменяющие друг друга хребты высотой от 6000 до 9000 футов, проходит по склонам холмов и спускается в ущелья, что делает честь инженерам третьего века нашей эры, которые ее проложили. Эти горные районы мало заселены вплоть до Паочинга, недалеко от Ханьчжуна; но, достигнув реки Хань, мы попадаем в одну из самых красивых и плодородных долин Китая. Ее западный водораздел - шань Киу-тияо,^[73] впадающий на юго-запад в Сз'чуен на западной стороне реки Киалинг.

СИ-НГАНЬ - ЕГО СТОЛИЦА.

Город Си-нгань - столица северо-запада Китая, следующая за Пекином по размерам, численности населения и значению. Он превосходит этот город по историческому интересу и количеству записей, и за долгие века своего существования сохранил свое прежнее название *Чан-ань*, или "Непрерывный мир". Подход к нему с востока лежит через обрыв, восточная сторона которого заполнена домами, вырубленными в сухой земле, а с его вершины видны высокие башни и внушительные стены на равнине на расстоянии трех миль. Эти оборонительные сооружения оказались слишком прочными для магометанских мятежников и защищали горожан, пока сжигались даже их пригороды. Население занимает весь энциент и представляет собой разнородную смесь тибетцев, монголов и татар, из которых многие тысячи мусульман все еще пощажены, потому что они были верны. С момента основания в XII веке до н. э. королем Мартиалом Си-нгана его брали и возвращали, отстраивали и разрушали, но его положение всегда обеспечивало ему контроль над торговлей между центральными и западными провинциями и Центральной Азией. Сам город расположен в живописном месте и содержит несколько остатков древнего значения, а окрестности сулят проникательному антиквару и исследователю больше выгоды, чем любая другая часть Китая. Главная летопись несторианской миссии в Китае, знаменитая табличка 781 года н.э., до сих пор хранится во дворе одного из храмов. В нескольких милях к северо-западу находится храм Та-фу-ши, в котором находится примечательный колосс Будды, самый большой в Китае, который, как говорят, был вырезан одним из императоров династии Тан в девятом веке. Статуя находится в пещере, вырубленной в скале из песчаника, который был вырезан из того же материала и оставлен при строительстве грота. Ее высота - 56 футов; пропорции конечностей и тела сидящей фигуры в целом хороши, Будда изображен с поднятой в благословении правой рукой, а фигура, как и одежда, богато покрыты краской и позолотой. Перед божеством стоят два небольших колосса *Шанг-хоа*, любимых учеников Будды; их более низкое искусство и мастерство изготовления, однако, свидетельствуют о более позднем происхождении. Пещера освещается сверху, по примеру Пантеона, через одно круглое отверстие в своде. В шестидесяти футах над скальным храмом возвышается черепичная кровля, а на склоне холма без пещеры расположено несколько небольших храмов и статуй.^[74]

Следующим по значимости городом является Ханьчун, расположенный у границы Сцьюэня; он сильно пострадал от тайпинов и медленно восстанавливается, как и все города в этой долине, подвергшиеся нападению; ни один из этих мятежников не перешел горы Цинлинг. Юй-лин ("Вязовый лес") - важный город на Великой стене на севере Шэньси, место дислокации гарнизона, который одерживает верх над монголами. На реках Вэй и Хань или вблизи них расположено несколько торговых центров, ведущих значительную торговлю.

В Шенси есть золотые прииски, а в некоторых ручьях собирают золото; добывают и другие металлы. Климат слишком холодный для выращивания риса и шелка; их место занимают пшеница, просо, овес, маис и хлопок; экспортируются ревень, мускус, воск, красный свинец, уголь и нефрит. Торговля Си-нгана - это в основном бартерная торговля продуктами

восточных провинций (достигающих его через великий перевал Тунг-Кван) и продуктами из Тибета, Кансуха и Или. Дикие животные все еще обитают в северных районах, а количество лошадей, овец, коз и крупного рогатого скота, выращиваемых для еды и обслуживания, велико по сравнению с восточным Китаем.

ПРОВИНЦИЯ КАНСУХ.

Огромная провинция Кансух (*т.е.* Добровольное почитание, образованное путем соединения названий Канчау-фу и Сух-чау) в свое время принадлежала Шенси и простиралась на запад не далее Киаю-квана; но после разделения Кьенлунгом ее пределы простираются через пустыню до пределов Сонгарии на северо-западе и до границ Тибета на западе. На севере и северо-востоке она граничит с Гоби и ханством Дсассакту, на востоке - с Шенси, на юге - с Сцюзнем, на юго-западе - с Коко-нором и пустыней, а на северо-западе - с Кобдо и Или. Его площадь не может быть меньше 400 000 квадратных миль, большая часть которых представляет собой бесплодные пустоши; он простирается на двенадцать градусов широты и двадцать один градус долготы и включает в себя всю лучшую часть древнего королевства Тангут, которое было разрушено Чингизом.

Топография этого обширного региона естественным образом разделена на две различные области Кяйю-квань в конце Великой стены; одна из них - плодородная, хорошо орошаемая, густонаселенная страна, отличающаяся *toto coelo* от песчаных или горных пустынь другой. Восточная часть разделена на две части горными хребтами, которые пересекают ее почти с юга на север по параллельным линиям, разделяя бассейны рек Вэй и Желтой вблизи последней. Проход между ними лежит через реку Фэн-шуй-лин, недалеко от Тао-хоу и города Тихтао, а затем ведет к Ланьчау. Эта часть провинции, орошаемая рекой Вэй, напоминает Шанси по плодородию и продуктивности, а близость к возвышенностям Баян-кара вызывает сравнительно обильные осадки. Потоки на крайнем юге впадают в Сцюань, но не предоставляют особых возможностей для судоходства. Притоки Желтой реки в целом менее полезны для орошения и судоходства, а четыре или пять притоков, впадающих в нее около Ланчау, слишком сильно различаются по количеству воды, чтобы на них можно было положиться.

Особенностью Кансуха является узкая полоса, выступающая клином в Тибетское плато, протянувшаяся от Ланчау на северо-запад между Ала-шаном и Килиен-шаном до конца Великой стены. Эта полоса территории занимает место между бассейном реки Тарим, Центральной Азией и собственно Китаем; ее прохождение почти контролирует торговлю и власть во всех северных провинциях. Река Та-тун протекает на юге Килиенских гор, но путь лежит к Стене, где много еды и топлива, на большое расстояние за ее пределы - даже в пустыню. Дороги из Си-нгана в Ланьчау проходят вверх по реке Кинг до Пинляна и через несколько хребтов, или же идут дальше вверх по реке Вэй до Цинь-чау; расстояние составляет от 500 до 600 миль. Из Ланьчау одна дорога идет вдоль Желтой реки до Нинхиа, города, населенного в основном монголами. Другая ведет на запад на 90 миль к Синингу, где племена, живущие вокруг Коко-нора, ведут торговлю. Самая важная дорога продолжается до Сухчау, по ней легче добираться, а торговля дает работу жителям региона, урожай которых забирают путешественники; длина этой дороги составляет около 500 миль. О ее огромном значении с ранних времен свидетельствует возведение Великой стены, чтобы предотвратить вторжения по ее сторонам, и крепости Киаю, закрывающей двери для врагов.

Климат Кансуха представляет собой удивительный контраст с климатом восточных провинций. По словам Прежевальского, в три сезона здесь влажно; зимой дуют ясные холодные ветры, сменяющиеся тихой и теплой погодой; из 92 дней до 30 сентября он

зарегистрировал 72 дождливых дня, из них двенадцать снежных. Самая высокая температура была 88° F. в июле. Снег и град выпадают также в мае. К северу от Ала-шана, который отделяет этот влажный регион от пустыни, все сухо и песчано; вершины этих гор притягивают облака, которые иногда сбрасывают их содержимое в виде потоков, и оставляют северные склоны сухими; болото появляется напротив и всего в нескольких милях от песчаной пустоши.[75]

Страна к востоку от Желтой реки плодородна, здесь выращивают пшеницу, овес, ячмень, просо и другие съедобные растения. Часто встречаются дикие животные, погоня за которыми дает как пищу, так и шкурки; большие стада и отары содержат и татары, живущие в провинции. Горы содержат металлы и минералы, среди которых медь, альмагатолит, нефрит, золото и серебро. Столица, Ланьчау, лежит на южной стороне Желтой реки, где она поворачивает на северо-восток; долина узкая и защищена с запада перевалом, через который проходит дорога на запад. В Сининг-фу, примерно в ста милях к востоку от Цин-хая, живет управляющий Коко-нора; его политическое значение значительно увеличило торговлю в течение последних нескольких лет. Нинхиа-фу, расположенный на северо-востоке провинции, - крупнейший город на границах пустыни. Уничтожение жизни и всех ее ресурсов во время недавнего магометанского восстания, которое было подавлено в Сухчау в октябре 1873 года, вряд ли повторится в ближайшее время, поскольку все мятежники были уничтожены;[76] их тооркское происхождение даже сейчас можно проследить в их чертах.[77] Достоверного описания городов, принадлежащих Кансуху, в районах вокруг Баркуля со времени умиротворения страны китайцами не было сделано.

Провинция Сз'чуэнь ("Четыре потока") была самой большой из старых восемнадцати до того, как Кансух был расширен за пределы пустыни, и сейчас является одной из самых богатых по производству. На севере она ограничена Кансухом и Шэньси, на востоке - Хупэ и Хунань, на юге - Квейчау и Юньнань, на западе и северо-западе - Тибетом и Коко-нором; ее площадь составляет 166 800 квадратных миль, что вдвое больше большинства других провинций, а по площади она превосходит Швецию, поскольку уступает Калифорнии, в то время как по судоходным рекам и производству превосходит обе. Императоры в Си-нгане всегда зависели от него как от главной опоры своей власти, а в третьем веке нашей эры в его столице правили западом Китая после Хань.

ТОПОГРАФИЯ ПРОВИНЦИИ СЗЧУЭНЬ.

Сз'чуэнь естественным образом разделен четырьмя великими реками, которые впадают с севера на юг в Янцзы и образуют параллельные бассейны; в целом они составляют около половины всей территории и всю ценную часть. Западная часть за рекой Мин относится к высокоплодородным землям Центральной Азии и представляет собой лишь ряд горных хребтов, малонаселенных и непригодных для возделывания, за исключением небольших пространств и донных земель. Восточная часть представляет собой область треугольной формы, окруженную высокими горами, состоящими из силурийских и девонских образований с промежуточными отложениями, в основном из красного глинистого песчаника, придающего своеобразный кирпичный цвет, из-за которого барон фон Рихтхофен назвал ее Красным бассейном. Высота холмов в среднем составляет около 3 500 футов, но реки пробили свои русла в отложениях глубиной от 1 500 до 2 500 футов, что делает путешествие вверх и вниз по их водам небыстрым и легким. Города, определяющие этот треугольный красный бассейн, - Квейчау на реке Янцзы, от которого южная граница проходит по линии, идущей к югу от реки, до Пингшань-хиен, недалеко от Сючау, где она впадает в Мин; затем окружность идет на запад до Ячау-фу на реке Цин-и и поворачивает на северо-запад до Лун-ган-фу, западная сторона имеет грубую границу, а восточная

возвращается в Квейчау вдоль водораздела реки Хань. В пределах этой области есть жизнь, промышленность, богатство, процветание; за ее пределами, как правило, реки не судоходны, страна не возделанна, а люди дики и непокорны, особенно на юге и западе.

Четыре главные реки провинции, впадающие в Янцзы, - это Киалинг, Лох, Мин и Ялунг, причем последняя, самая западная, считается главным потоком Великой реки, которая называется Кин-ша-кианг, к западу от Мина. Киалинг поднимается в Кансухе и сохраняет это название вдоль одного ствола до своего устья, принимая десятки притоков с хребтов между его бассейном и Хань, пока не превратится в один из самых полезных водотоков в Китае, возможно, следующий после Жемчужной реки в Квантуне. Чунгкинг, расположенный в ее устье, является крупнейшим торговым пунктом к западу от Ичанга, и, подобно Сент-Луису на Миссисипи, его значение будет расти по мере развития страны за его пределами. Река Фо-Ло (Блэкистон называет ее *Фу-Сунг*) - самая маленькая из четырех, ее верховья соединяются с Мин выше Чингту; в ее устье стоит город Лу-чау; в верхней части она называется Чунг-кианг. Река Мин берет начало недалеко от Киалинга в Коко-норе и, подобно этому потоку, собирает взносы с хребтов, определяющих и пересекающих ее бассейн; , спускаясь на равнину Чингту, ее воды разделяются на дюжину русел ниже Хван-хиена и, пройдя более ста миль, вновь соединяются выше Мей-хиена, образуя глубокую и живописную реку вплоть до Сючау, в тысяче и более миль от истока. В месте своего слияния Минь почти удваивает объем воды летом, когда тают снега. Река Ялунг - единственный крупный приток между Мином и главной магистралью; она берет начало в горах Баян-кара, между верховьями рек Желтой и Янцзы, и не принимает важных притоков на своем длинном, одиноком и неразрушительном пути. Аббат Гук рассказывает, что пересек ее быстрое русло у Макиан-Дсунга, прежде чем достигнуть Тациенлу, пограничного города; на своем пути она имеет три названия.

От Чингту, как центра, расходятся многочисленные дороги к другим крупным городам провинции, по которым можно свободно путешествовать и торговать, что делает связь с другими провинциями безопасной и легкой. Дороги вымощены плитняком, достаточно широким, чтобы по нему могли проехать два вьючных поезда в одну сторону; на склонах сделаны ступеньки, по которым без риска передвигаются мулы и пони, хотя большинство товаров и пассажиров перевозят кули. Для облегчения передвижения открыты и вымощены тропинки, ведущие в каждую деревню, и везде, где это позволяет движение, мосты из тесаного камня, железных цепей или проволоки перекидываются через поток или пропасть, в зависимости от необходимости; города или деревни, расположенные рядом с этими сооружениями, гордятся тем, что содержат их в порядке.

Продукция этого плодородного региона разнообразна и обильна. Рис и пшеница сменяют друг друга летом и зимой, но количество земли, дающей пищу, едва ли достаточно для плотного населения; бобовые, ячмень, кукуруза, земляные орехи, сорго, сладкий и обычный картофель, гречиха и табак выращиваются для домашнего потребления. Сахар, конопля, масла нескольких видов, хлопок и фрукты завершают список растений, выращиваемых в основном для домашнего использования. На экспорт идут шелк-сырец и тканый шелк, которого за границу отправляется больше, чем из любой другой провинции; соль, опиум, мускус, кротонное (*тунговое*) масло, горечавка, ревень, чай, уголь, спельтер, медь, железо и воск для насекомых - все это выращивается или производится для других регионов. Мир, которым наслаждался Сз'Чуен, в то время как другие провинции разорялись повстанцами, способствовал развитию всех его продуктов и увеличению изобилия. Климат этого региона благоприятствует возделыванию склонов холмов, сложенных распавшимися песчаниками, поскольку влажные и мягкие зимы способствуют росту урожая; снег лежит всего несколько дней, если вообще выпадает, а пшеница срезается до мая. Летние дожди и ливни

обеспечивают водой рисовые поля, наполняя ручьи на тысяче холмов. Этот климат сильно отличается от засушливых районов на севере, и он подвержен меньшим перепадам температуры и влажности, чем Юньнань к югу от него. Когда этот привычный климат меняется в результате исключительных засушливых или влажных сезонов, люди остаются без еды, и их потребности не могут быть удовлетворены изобилием других провинций из-за медлительности транзита. Разбой, беспорядки, каннибализм и другие виды насилия усугубляют страдания бедняков и затрудняют работу правительства.

ЧИНГТУ И ДОЛИНА МИН.

Столица Чингту расположена на реке Минь, на самой большой равнине провинции, протяженностью сто миль в одну сторону и пятьдесят в другую, отличающейся богатством и многолюдностью. Численность населения составляет 3 500 000 человек. Этот город был знаменит с древнейших времен, но свое нынешнее название "Совершенная столица" получил, когда Лю Пи сделал его своей резиденцией. Его население приближается к миллиону, а стены, магазины, ямуны, улицы, склады и пригороды свидетельствуют о его богатстве и политической значимости. Марко Поло называет его Синдафу, а провинцию Акбалек Манзи, описывая прекрасный каменный мост длиной в полмили, с крышей, опирающейся на мраморные столбы, под которым "ведется торговля и промышленность"[78], перекинутый через Киан-суй, *то есть* Янцзы, как еще часто называют Мин. Замечательные пещерные дома старых жителей до сих пор привлекают внимание путешественника, когда он едет вверх по Чингту, вдоль его берегов.

М. Давид, проживший в этом городе несколько месяцев, считает его одним из самых красивых городов Китая, расположенным посреди плодородной равнины, поливаемой множеством каналов, которые образуют сеть большой прочности и полезности. Множество старинных ворот в городе и его окрестностях привлекают внимание путешественников, а их разнообразие, размеры, надписи и возраст представляют собой интересное поле для исследований. Множество статуй, вырезанных из прекрасного камня, разбросаны по городу или украшают кладбища.

Город Чунгкинг, расположенный на реке Янцзы, в устье реки Киалинг, в 725 милях от Ханькоу, является следующим важным городом в Сцюзне и центром большой торговли на обеих реках. Другие торговые центры на Великой реке также находятся в устьях ее притоков, а от Квайчау до Сючау и Пингшань-хиен, расстояние между которыми составляет 496 миль, в пределах провинции легко и безопасно перемещаются все виды судов; паровые суда также найдут здесь прекрасные возможности для своей работы.

В западной половине Сцюзня люди рассеяны по промежуткам и склонам между бесчисленными холмами и горами, которые делают эту часть Китая одной из самых суровых; они управляются своими собственными местными правителями под надзором китайцев. Они принадлежат к расе лоло, и с древнейших времен были враждебны и непокорны китайскому правлению, препятствуя собственному прогрессу и уничтожая всякое желание своих правителей принести им пользу. Ячау-фу, Тацiênлу и Батанг - крупнейшие города к западу от Чингту, на дороге в Тибет. На другой стороне провинции, в Фунгту-хиен, находятся колодцы, где большие запасы нефтяного газа используются для выпаривания соли, выкопанной неподалеку. О множестве тем, представляющих интерес во всех частях Сцюзня, можно упомянуть лишь в кратком очерке, поскольку он сам по себе является целым королевством.[79]

ПРОВИНЦИЯ КВАНТУН.

Провинция Квангтун (*т. е. Широкий Восток*), долгое время оставшаяся единственной из восемнадцати, куда имели доступ иностранцы, стала почти синонимом Китая, хотя на самом деле о ней известно не больше, чем о других - за исключением окрестностей Кантона и течения реки Пехкианг от Наньхуна до этого города. На севере она граничит с Киангси и Хунань, на северо-востоке - с Фух киен, на юге - с океаном, а на западе и северо-западе - с Квангси; ее площадь примерно такая же, как у Соединенного Королевства. Природные возможности для внутреннего судоходства и обширной каботажной торговли необычайно велики; ведь в то время как длинная линия побережья, протяженностью почти в тысячу миль, предоставляет множество отличных гаваней, реки сообщаются с регионами на западе, севере и востоке за его границами.

Наньшань проходит вдоль севера, между ним и Кванси и Хунань, в северо-восточном и юго-западном направлениях, представляя собой ту же череду коротких хребтов, с донными землями и чистыми ручьями между ними, что и в Фухкиене. Эти хребты получили десятки названий, следуя друг за другом от Кванси до Фухкиена, но ни одна их часть не известна так хорошо, как дорога длиной в двадцать четыре мили, пересекающая Мей-лин (*то есть Сливовый хребет*) между Нан-нганом и Нанхиунгом. Высота здесь составляет около тысячи футов, ни одна из вершин в этой части не превышает двух тысяч, но поднимается выше к западу. Их вершины сложены известняком, под которым лежит гранит; гранит также является преобладающей породой на побережье. Хребет Ли-му на Хайнане имеет несколько вершин, достигающих почти до линии снега. Дно рек широкое, и их плодородие вполне удовлетворяет земледельцев. Большую часть продукции составляют фрукты, рис, шелк, сахар, табак и овощи. В изобилии имеются свинец, железо и уголь.

Чу кианг, или Жемчужная река, протекающая мимо Кантона, получила такое название только на этом коротком отрезке своего течения; однако предпочтительнее использовать это название как отличительное, охватывающее весь поток, чем запутывать читателя, называя многочисленные ответвления. Он образован слиянием трех рек - Западной, Северной и Восточной, две первые из которых объединяются в Саншвуи, к западу от города, а Восточная река соединяется с ними в Уампоа. Си кианг, или Западная река, самая крупная, берет начало в восточной части Юньнани, принимает притоки по всей территории Кванси, вдоль южных склонов Наньшаня и, пройдя 500 миль, выходит в море через многочисленные устья, самое известное из которых - Бокка-Тигрис. Северная река Пехкианг (Peh kiang) впадает в нее через 200 миль, а Восточная река имеет почти такую же длину; эти два потока сбрасывают излишки вод всех северных районов Квантуна. Площадь страны, осушаемой этими тремя реками, не может быть меньше 150 000 квадратных миль, и большинство их русел судоходны для лодок во всех крупных городах этой провинции и провинции Кванси. Ханькианг - единственная важная река в восточной части Квангтунга; недалеко от ее устья расположен крупный город Чаучау. Вряд ли можно насчитать менее трехсот островов, разбросанных вдоль глубоко изрезанной береговой линии этой провинции между островом Намох и Аннамом, из которых почти треть относится к департаменту Квангчау.

Кантон, или Кванчау-фу (*т. е. Широкий город*), столица провинции, расположен на северном берегу Жемчужной реки, на широте 23° 7' 10" с. ш. и долготы 113° 14' 30" в. д., почти параллельно Гаване и Калькутте; климат, однако, холоднее, чем в этих городах. 113° 14' 30" в.д., почти параллельно Гаване, Маскату и Калькутте; климат здесь, однако, холоднее, чем в любом из этих городов. Название *Кантон* - это словосочетание Квантун, которое в английском языке происходит от португальского *Kamtom*; сами жители обычно называют его *Kwangtung sāng ching*, *то есть* столица провинции Квантун или просто *Sāng ching*. Другое название - *Ян-цзин*, или "Город баранов", и третье - "Город джинов", оба названия взяты из

древних легенд. Он расположен у подножия холмов Белого Облака, на берегу реки, примерно в семидесяти милях к северу от Макао по прямой линии и в девяносто к северо-западу от Гонконга; эти расстояния увеличиваются за счет реки.

Дельту, в которую впадают Западная, Северная и Восточная реки, можно было бы назвать заливом, если бы острова в ней не занимали такую большую часть площади. Все это образует одну из самых плодородных частей провинции и одно из самых обширных устьев любой реки в мире, представляя собой неровный треугольник длиной около ста миль с каждой стороны. Залив Линтин, названный так по островку с таким названием, где раньше стояли на якоре корабли с опиумом и другими товарами, является самым большим водным пространством и лежит ниже главного устья реки, называемого *Фу Мун*, то есть Бокка Тигрис, или Боге. Немногие реки могут быть более полностью защищены природой, чем эта; их оборонительные сооружения из стен и пушек в этом месте, однако, мало помогли китайцам в борьбе с мастерством и силой их врагов. Корабли проходят по ней до якорной стоянки в Уампоа, около тридцати миль, откуда Кантон лежит в двенадцати милях почти на запад. На приближение к нему указывают две возвышенные пагоды в стенах, а также множество лодок и джонок, плывущих по реке, среди которых самым приятным объектом для "далекого странника" является вид, который он получает через их мачты на иностранные дома на Ша-мин и флагштоки с их национальными флагами.

РАЗМЕР И ПОЛОЖЕНИЕ КАНТОНА.

Часть Кантона, окруженная стенами, составляет около шести миль в окружности; с востока и запада тянется разделительная стена, которая делит его на две неравные части. Вся окружность, включая пригороды, составляет почти десять миль. Население на суше и на воде, насколько позволяют судить лучшие данные, не может быть меньше миллиона жителей. Эта оценка подвергается сомнению, и уверенности в этом вопросе достичь невозможно, так как перепись населения не дает никакой помощи в определении этого вопроса из-за того, что она проводится по округам, а Кантон частично лежит в двух округах, Наньхай и Пванью, которые простираются за его пределы на многие мили. Дэвис говорит, что "вся окружность города была пройдена пешком за два часа и не может превышать шести или семи миль", что верно, но он имеет в виду только ту часть, которая находится в пределах стен; а домов без стен по крайней мере столько же, сколько и в них, помимо лодок. Город постоянно растет, западные пригороды представляют собой множество новых улиц, полностью застроенных за последние десять лет. Дома тянутся вдоль реки от противоположного берега Фа-ти до Френч-Фолли, на расстоянии четырех миль, и берега везде почти скрыты лодками и плотами.

Положение Кантона таково, что, естественно, вскоре привлечет поселенцев. Самые ранние упоминания о городе относятся к двум столетиям до нашей эры, но торговцы, несомненно, находились здесь и до этого времени. Его значение росло по мере заселения страны, и в 700 г. н. э. был открыт регулярный рынок и назначен таможенный сборщик. Когда маньчжуры захватили страну в 1650 году, город сопротивлялся их усилиям в течение одиннадцати месяцев, и в конце концов был захвачен в результате предательства. Мартини утверждает, что при его взятии было убито сто тысяч человек, а общее число тех, кто погиб при последнем штурме и во время осады, составило 700 000 - если верить туземным рассказам.^[80] С тех пор город был отстроен заново, и его процветание росло до тех пор, пока он не стал считаться вторым городом в империи по численности, а в настоящее время, вероятно, является первым по богатству.

Фундамент городских стен сложен из песчаника, верхняя часть - из кирпича; их толщина - около двадцати футов, высота - от двадцати пяти до сорока футов, с внутренней стороны есть эспланада, а с трех сторон - дорожки, ведущие к крепостному валу. Дома построены у стены по обеим ее сторонам, так что, за исключением северной стороны, ее почти не видно, когда идешь по городу. В стене двенадцать внешних ворот, четверо в перегородке и двое водных ворот, через которые лодки проходят в ров с востока на запад. С северной стороны стены когда-то опоясывал ров, который теперь пересох; с трех других, внутри города, он и большинство каналов заполнены приливом, который, уходя, очищает город от нечистот. На ночь все ворота закрываются, и возле них выставляется стража для поддержания порядка, но и сами праздные солдаты порой причиняют немало беспокойства. Среди названий ворот - *Великие мирные* ворота, ворота *Вечного покоя*, ворота *Пяти поколений*, ворота *Бамбуковой калитки* и т. д.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА КАНТОНА.

Если смотреть на город с холмов на севере, то он выглядит скучно и непривлекательно по сравнению с западными городами, представляя собой простор красноватых крыш, часто скрытых рамами для сушки или окраски одежды, или затененных и облегченных несколькими большими деревьями, и перемежаемых высокими красными шестами, используемыми для флагов. Две пагоды возвышаются внутри стен, намного выше сторожевых башен на них, и вместе с пятиэтажной башней на Кваньиньшань у северных ворот составляют наиболее заметные объекты в перспективе.

Для зрителя, находящегося на этой высоте, река является выдающимся элементом пейзажа, поскольку она сияет, покрытая большим разнообразием лодок разных цветов и размеров, одни неподвижные, другие движущиеся, и все они звучат смешанным гулом рабочих, моряков, музыкантов, торговцев, детей и лодочниц, занимающихся своими различными видами спорта и занятий. На невысоком песчаниковом выступе в канале у города когда-то стоял форт "Морская жемчужина" (*Хай Чу*), называемый иностранцами "Голландская глупость", тишина, царившая в нем, приятно контрастировала с оживлением воды вокруг. За ним, на южном берегу, лежат пригород и остров Хонам, а еще дальше видны зеленые поля и невысокие холмы; у западного угла этого острова Жемчужная река разделяется на *Пэх-энго-тан* или Макао-Пассаж, самый большой водоем, текущий на юг и оставляющий сравнительно узкий канал перед городом. Холмы на севере возвышаются на двенадцать сотен футов, их склоны на многие мили покрыты могилами и гробницами - некрополем этого огромного города.

ВИД НА УЛИЦУ В КАНТОНЕ.

Улицы слишком узкие, чтобы их можно было увидеть с такого места. Среди их названий, которых в общей сложности насчитывается более шестисот, - улица *Дракона*, улица *Боевого Дракона*, *Жемчужная* улица, улица *Золотого Цветка*, улица *Нового Зеленого Горошка*, улица *Физиков*, улица *Зрелищ*, улица *Старой Одежды* и т. д. Они не такие грязные, как в некоторых других городах империи, и в целом, учитывая привычки людей и слежку правительства, которое препятствует почти всему, что напоминает общественный дух, Кантон был хорошо управляемым, чистым городом. В этих отношениях он сейчас не так ухожен, возможно, как до войны, и никогда не был сравним с современными городами Запада, да и не должен быть сравним с ними: не имея корпорации, которая следила бы за его состоянием, и не имея полномочий взимать налоги для покрытия неизбежных расходов, нельзя ожидать, что он будет таким же благополучным. Скорее удивительно, что он не хуже, чем есть. Дома на берегу водоема построены на сваях, и эти части города подвержены наводнениям. На краю ручья вода просачивается в почву и портит все колодцы.

Храмы и общественные здания Кантона многочисленны. Две пагоды находятся возле западных ворот старого города, а сто двадцать четыре храма, павильона, зала и других религиозных сооружений - в пределах городской черты. *Кванг-тах*, или "Равнинная пагода", была возведена магометанами (которые до сих пор живут рядом с ней) около десяти веков назад и представляет собой скорее минарет, чем пагоду, хотя по своему архитектурному стилю совершенно не похожа на те сооружения Турции; она возвышается угловатой, сужающейся кверху башней высотой сто шестьдесят футов. Другая пагода - восьмиугольная, девятиэтажная, высотой сто семьдесят футов, впервые возведенная более тринадцатисот лет назад. Геоманты говорят, что весь город похож на джонку, эти две пагоды - ее мачты, а пятиэтажная башня на северной стене - ее кормовые листы.

БУДДИЙСКИЕ ХРАМЫ В КАНТОНЕ.

Среди наиболее известных иностранцам памятников, посетившим этот город, - монастырь *Чонг-шоу-зз'*, "Храм долголетия", основанный в 1573 году и занимающий просторную территорию. "В первом павильоне находятся три Будды, во втором - семиэтажная позолоченная пагода, в которой находятся 79 изображений Будды. В третьем павильоне находится изображение Будды, лежащего и находящегося в веселом настроении. Сад в задней части храма является привлекательным местом отдыха, а в другом, с одной стороны от входа, есть несколько аквариумов, в которых разводят золотых рыбок. На площади перед храмом каждое утро проводится ярмарка, на которой продаются нефритовые украшения и другие изделия".^[81] Этот храм был разрушен в ноябре 1881 года толпой, возмущенной предполагаемым неправильным поведением некоторых священников по отношению к женщинам - пример того, что в Китае существуют живые народные настроения по некоторым вопросам. Рядом с этим комплексом стоит "Храм пятисот гениев", содержащий 500 статуй разных размеров в честь Будды и его учеников.

Хай-чванг-зз', буддийский храм в Хонаме, обычно известный как Хонамский дом жоса, - один из крупнейших в Кантоне. Его территория занимает около семи акров, окружена стеной и разделена на дворы, сады и усыпальницу, где хранится прах священников после кремации. Здания состоят в основном из клуатров или апартаментов, окружающих двор, внутри которого находится храм, павильон или зал; эти дворы затенены бастардовыми деревьями, которые являются местом обитания тысяч птиц. Внешние ворота ведут по мощеной дорожке к высокому портику, охраняемому двумя огромными фигурами демонов, через который посетитель попадает в небольшое помещение, отделенное от самого большого просторным портиком, в котором четыре колоссальные статуи. Это приводит его в главный храм, низкое здание площадью сто футов, окруженное колоннами; в нем находятся три деревянных

позолоченных изображения в сидячей позе, называемые *Сан Лао Фух*, или Прошлый, Настоящий и Будущий Будда, каждое из них высотой около двадцати пяти футов, окруженное многочисленными алтарями и сопутствующими изображениями. Ежедневные молитвы перед ними распевают большая группа священников, все из которых, одетые в желтые канонические одежды, проходят через литургию. За этим небольшим зданием находится мраморная резьба, несколько напоминающая пагоду, под которой хранится реликвия Будды, как говорят, один из его ногтей на ноге. В этом дворе есть и другие святыни, а также множество комнат для проживания священников, среди которых типография и библиотека, обе солидных размеров, содержащие блоки книг, изданных ими и продаваемых верующим.

С учреждением связано около ста семидесяти пяти священников, лишь часть из которых умеет читать. Среди зданий есть несколько небольших храмов, посвященных национальным божествам, которые буддисты приняли в свою мифологию. В одном из прилегающих домов хранятся свиньи (а не жуки, как утверждается в одной из работ), принесенные в жертву верующими, которые кормят их до тех пор, пока они живы.

Две другие святыни, принадлежащие буддистам, как и храм Хонам, хорошо обеспечены. В одном из них, называемом *Квангхиао-зз'*, или "Храм славного сыновнего долга", проживает двести священников, которые содержатся за счет глебовых земель, оцениваемых в три тысячи пятьсот акров. Число священников и монахинь в Кантоне точно не известно, но, вероятно, превышает две тысячи, девять десятых из которых - буддисты. Рационалистов всего три храма, их численность и влияние в городе гораздо меньше, чем у буддистов.

Храм Чинг-Хванг Мяо - важное религиозное учреждение в каждом китайском городе, своего рода палладиум, в котором и правители, и народ возносят свои молитвы о благополучии города. Начальник этого храма в Кантоне платит 4 000 долларов за свое положение, и эта сумма, с большой прибылью, снова выручается через несколько лет за счет продажи свечей, ладана и т.д. верующим. Храмы в Китае - это, как правило, веселые и мрачные обители, достаточно приспособленные, однако, для обитания неодушевленных идолов и проведения неудовлетворительных церемоний. Входные дворы обычно заняты торговцами, нищими и бездельниками, которых время от времени выгоняют, чтобы освободить место для циновок, в которых разыгрываются театральные представления, подготовленные жрецами. Главный зал, где восседает идол, освещен только спереди, а алтарь, барабаны, колокола и прочая мебель храма мало чем могут оживить его; в кельях и монастырях живут люди, почти такие же бессмысленные, как идолы, которым они служат, жалкие существа, чья гулкая, бесполезная жизнь слишком часто является лишь прикрытием для порока, праздности и преступлений, которые делают это сословие позором в глазах их соотечественников.

Кантон - самый влиятельный город в Южном Китае, а его репутация богатого и роскошного города закрепилась за центральными и северными провинциями благодаря тому, что до 1843 года, в течение примерно ста лет, он полностью поглощал всю внешнюю торговлю. В то время резиденция генерал-губернатора находилась в Шао-Кин-фу, к западу от Кантона, и его официальная гвардия из 5000 солдат до сих пор расквартирована там, поскольку маньчжурский гарнизон считается достаточным для обороны Кантона. Он и гоппо, или таможенный сборщик, когда-то имели свои ямуны в Новом городе, но на месте офиса первого был построен римский собор после его захвата в 1857 году. Губернатор, казначей, маньчжурский комендант, канцлер и низшие местные магистраты (всего десять человек) живут в Старом городе и вместе со своими чиновничьими свитами составляют многочисленную свиту подчиненных. Некоторые из этих учреждений занимают четыре или пять акров.

Кунг Юэнь, или Экзаменационный зал, расположенный в юго-восточном углу Старого города, по размерам и расположению похож на подобные здания в других городах. Его длина составляет 1330 футов, ширина - 583, а площадь - более шестнадцати акров. Стена, окружающая его, имеет вход в восточном и западном углах южной части, где стоят привратники, чтобы предотвратить скопление бездельников. Камеры расположены в два ряда с каждой стороны главного прохода, который вымощен и обсажен деревьями; далее они располагаются рядами по 57 и 63 камеры в каждом - все через одну боковую дверь. Общее количество - 8 653; глубина каждой камеры - 5 футов 9 дюймов, ширина - 3 фута 8 дюймов; в стене сделаны пазы, чтобы впустить доску, служащую днем столом, а ночью - кроватью. Попад внутрь, ученики рассаживаются по своим кабинкам, а внешние ворота запечатываются. Одна крыша покрывает камеры одного ряда, расстояние между ними составляет 3 фута 8 дюймов. Северная часть включает в себя около трети всей территории и застроена залами, судами, жилыми комнатами, караульными и столовыми для высших экзаменаторов, их помощников и переписчиков, а также тысяч официантов, печатников, подсобных рабочих и солдат. Во время двухгодичных экзаменов общее число студентов и других лиц в зале достигает почти двенадцати тысяч человек.

В городе четыре тюрьмы, и все они большие; всех преступников, совершивших смертную казнь в провинции, привозят в Кантон для суда над провинциальными чиновниками, и это правило заставляет создавать для них просторные помещения. Площадка для казней представляет собой небольшой двор рядом с гончарным заводом между южными воротами и берегом реки, и, если только земля не окрашена кровью или если вокруг не развешаны клетки с головами преступников, не имеет ничего, что могло бы привлечь внимание. Еще одно общественное здание, расположенное рядом с дворцом губернатора, - *Вань-шао-кун*, или "Зал императорского присутствия", где за три дня до и после дня рождения его величества собираются офицеры и горожане, чтобы выразить ему свое почтение. Различные народные гильдии, а также клубы ученых и купцов из других провинций имеют при каждом из них общественные залы, которые иностранцы обычно называют "*домами консу*" (*consoo houses*), от искажения туземного термина *kung-sz'*, то есть "общественный зал"; но обычное обозначение - *kwui kwan* или "зал собраний". Всего их, наверное, сто пятьдесят, и некоторые из них не лишены элегантности.[82]

ТРИНАДЦАТЬ ХОНГОВ, ИЛИ ФАБРИК.

Бывшие резиденции иностранцев в западных пригородах были известны как *Shih-san Hang*, или "Тринадцать Хунгов", [83] и на протяжении почти двух столетий служили почти единственной выставкой для китайского народа *ян-цзинь*, или "людей океана". Здесь страх и жадность правителей, землевладельцев и торговцев объединились, чтобы сдерживать иностранцев всех наций на территории около пятнадцати акров, большую часть которой занимал Сад или Прогулка *Респондентов* на берегу реки. Все эти дома и флигели занимали площадь, не превышающую основание Великой пирамиды; общее население, включая туземцев и иностранных слуг, достигало тысячи душ. Магазины и рынки китайцев были отделены от них всего несколькими футами, что значительно увеличивало опасность пожара, как можно судить по [обзору](#) улицы, расположенной на западной стороне. В 1856 году число хонгов считалось равным 16, а местный календарь за этот год содержал 317 имен, не считая женщин и детей. Кроме 16 хонгов, между фабриками проходили четыре туземные улицы, окаймленные лавками для продажи галантерейных и шелковых изделий иностранным покупателям. Последнее название они получили от того, что были резиденциями *фабрикантов*, так как никаким ремеслом здесь не занимались, и многие товары в них не хранились. Нередко случались пожары, уничтожавшие их часть; в 1822 году они были

полностью уничтожены; другой пожар в 1843 году уничтожил два хонга и целую улицу магазинов; а в 1842 году из-за внезапных беспорядков, связанных с выплатой английской компенсации, было подожжено британское консульство. Наконец, как бы открывая новую эру, все они были одновременно сожжены местными властями, чтобы изгнать британские войска, в декабре 1856 года, и все следы этого интересного места в том виде, в каком оно существовало столь долгое время в летописи иностранных сношений, были стерты. После возобновления торговли в Шамине, к западу от старого места, было построено новое и лучшее место, путем возведения прочной каменной стены и засыпки длинного болотистого берега, ранее занятого лодками, на высоту 8 или 10 футов, на котором есть место как для садов, так и для домов. Все это окружено водой и тем самым защищено от пожаров и толп, которым подвергались старые хонги. Иностранцы могут поселиться в любой точке города, а распространенное в былые времена зрелище, когда они стояли у *Великих мирных ворот* и смотрели, как толпа входит и выходит, в то время как сами они не могли войти, больше не встречается. Очень хорошую карту Энсьенте составил американский миссионер Дэниел Вруман, взяв углы всех заметных зданий в городе с самыми высокими точками в пригородах; затем он научил туземца прокладывать улицы между ними с компасом в руке (отмечая курсы и расстояния, которые он фиксировал у главных ворот), пока не был составлен полный план. Когда через четыре года после этого город был открыт, оказалось, что эта карта не нуждается в существенных исправлениях.

Торговля и мануфактуры Кантона в основном связаны с внешней торговлей. Много шелковых тканей ткут в Фатшане, большом городе, расположенном примерно в десяти милях к западу от города; там же производят на экспорт хлопущки, бумагу, парусину, хлопчатобумажные ткани и другие изделия. В Кантоне около 50 000 человек занимаются ткачеством, включая вышивальщиц; около 7 000 парикмахеров и 4 200 сапожников имеют лицензию на бритье голов и обувание подошв своих сограждан.

ОКРЕСТНОСТИ КАНТОНА.

Противоположный пригород Хонам предлагает приятные прогулки для отдыха, а горожане имеют привычку перебираться через реку, чтобы побродить по ее полям или по прохладной территории большого храма; ипподром и множество приятных прогулок на лошадях также привлекают иностранцев в эту страну. В паре миль вверх по реке находятся Цветочные сады (Fa tí), которые когда-то поставляли растения, вывезенные из страны, и к которым прибегают любители развлечений; но человеку, привыкшему к площадям, садам и эспланадам западных городов, эти места кажутся крайне убогими. Иностранцы забредают в деревню, но их любимым развлечением является гребля по реке. Как и европейцы во всех частях Востока, они сохраняют свой собственный костюм и образ жизни и не придерживаются туземных стилей; хотя, если бы не бритая макушка, не исключено, что многие из них переняли бы китайскую одежду.

Кантонцы перечисляют восемь примечательных мест, называемых *pah king*, которые, по их мнению, заслуживают внимания чужестранца. Первая из них - пик Юэхсю, расположенный в пределах стен на севере города и открывающий прекрасный вид на окрестности. *Пу-па-тах*, или пагода Лиры в Whampoa, и "Восточная морская рыба-жемчужина", скала в Жемчужной реке недалеко от города, на которой раньше располагался форт, уже упоминавшийся как "Голландская глупость", - вот еще две достопримечательности; Павильон Пяти Гениев с пятью каменными баранами и отпечатком человеческой ноги в скале, "всегда наполненной водой", неподалеку; скалы Ю-шань; счастливые колодцы Фаукиу в западном пригороде; каскад Си-цяу, в сорока милях к западу от города; и знаменитое красное здание в городе, завершнное восемью "львами".

В ранние времена все иностранные суда бросали якорь в Уампоа, но эта некогда важная якорная стоянка почти опустела с тех пор, как речные пароходы начали ходить во внешние воды. На южной стороне якорной стоянки есть два острова, называемые Французским и Датским, на которых похоронены иностранцы, причем некоторые надгробия относятся к прошлому столетию. С вершин здешних холмов открывается живописный и очаровательный вид, дающий представление о плодородии и промышленности этой земли и ее жителей. К северу от якорной стоянки расположен город Уампоа с пагодой; между ним и Кантоном находится еще одна пагода, называемая пагодой Лоб-Крик, обе они необитаемы и приходят в упадок.

МАКАО И ГОНКОНГ.

Макао (произносится как *Макоу*) - португальское поселение на небольшом полуострове, выступающем из юго-восточной оконечности большого острова Хианшань. Его китайские жители с 1849 года управляются португальскими властями несколько иначе, чем их собственный народ, но смешанное правительство очень хорошо себя зарекомендовало. Окружность этого поселения составляет около восьми миль; его расположение красиво и очень приятно; почти окруженное водой и открытое для морских бризов, с хорошим разнообразием холмов и равнин даже на его небольшой территории, и большим островом на западе, называемым *Туй-миен-шань* или остров Лапа, на котором есть приятные прогулки, до которых можно добраться с помощью столь же приятных лодочных экскурсий, оно предлагает, кроме того, одно из самых здоровых мест жительства в юго-восточной Азии. Население не превышает 80 000 человек, из которых более 7 000 - португальцы и другие иностранцы, живущие под контролем португальских властей. Португальцы отказались платить китайскому правительству ежегодную земельную ренту в размере 600 таэлей, со времени убийства их губернатора в 1849 году, и теперь контролируют всех жителей, живущих в пределах Барьерной стены, большинство из которых родились в этих местах. Дома, занимаемые иностранным населением, крепко построены из кирпича или адоби, большие, просторные и открытые, а благодаря возвышенности местности, на которой они стоят, представляют собой внушительный вид для посетителей, приезжающих со стороны моря.

В поселении есть несколько примечательных зданий; самое внушительное сооружение, церковь Святого Павла, сгорело в 1835 году. Три форта, расположенные на возвышенностях, защищают город, а другие за стенами - его воды; губернатор принимает присягу в форте Монте, но правительственные учреждения находятся в основном в здании Сената, расположенном в центре города. До 1843 года Макао был единственной резиденцией для семей купцов, торгующих в Кантоне. В последнее время власти делают многое, чтобы возродить процветание этого места, сделав его свободным портом. Якорная стоянка Типа находится между островами Маккерара и Типа, примерно в трех милях от южной оконечности полуострова; все небольшие суда заходят во Внутреннюю гавань на западной стороне города. Из-за мелководья корабли, стоящие на якоре в Дорогах, вынуждены находиться на расстоянии около трех миль, а крупные суда не могут подойти ближе, чем на шесть или семь миль.^[84] С тех пор как Гонконг занял господствующее положение, этот некогда знаменитый порт утратил свое торговое значение, а в течение многих лет пользовался дурной славой из-за покровительства, которое его правители оказывали торговле опиума.

К востоку от Макао, примерно в сорока милях, находится английская колония Гонконг, остров в широте 22° 16½' с. ш. и долготы 114° 8½' в. д., на восточной стороне устья Жемчужной реки. 114° 8½' в.д., на восточной стороне устья Жемчужной реки. Остров Хунконг, или Хиангкианг (*т.е.* Ароматные ручьи), имеет девять миль в длину, восемь в ширину и двадцать шесть в

окружности, представляя собой крайне неровную, бесплодную поверхность, состоящую по большей части из горных хребтов с узкими промежутками и небольшим количеством ровной пляжной земли. Высота пика Виктория составляет 1 825 футов. Вероятно, ни одна двадцатая часть поверхности не пригодна для сельскохозяйственных целей. Остров и гавань были уступлены английской короне по договору, заключенному между капитаном Эллиотом и Кишеном в январе 1841 года, а затем по Нанкинскому договору в августе 1842 года; наконец, по Пекинской конвенции 24 октября 1860 года был присоединен противоположный полуостров Коулунг, чтобы обеспечить место для расквартирования войск и склад для военно-морских и военных припасов. Город Виктория расположен на северной стороне и простирается более чем на три мили вдоль берега. Безопасная и удобная гавань привлекает сюда жителей, хотя неровная земля вынуждает их располагать свои склады и жилища вдоль берега.

Архитектура большинства зданий, возведенных в Виктории, превосходит все, что когда-либо было в Китае. Население колонии оценивается в 130 000 человек, из которых пять шестых составляют китайские торговцы, ремесленники, рабочие и лодочники, и лишь немногие из них имеют свои семьи. Правительство колонии состоит из губернатора, главного судьи и законодательного совета из пяти человек, которым помогают различные подчиненные офицеры и секретари. Все это представляет собой громоздкий и дорогостоящий механизм по сравнению с потребностями и ресурсами колонии. Епископ Виктории осуществляет консультативный контроль над миссиями учреждения в южных провинциях Китая и руководит школами колонии, где многие молодые люди обучаются английской и китайской литературе.

Припасы на остров доставляются в основном с материка, где растущее население китайцев, находящихся под контролем магистрата Коулунга, находит достаточный спрос на всю провизию, которую они могут предоставить.

Три газеты издаются на английском языке, а две - на китайском. Морской и военный госпитали, часовни и школы Лондонского и Церковного миссионерского общества, собор Святого Иоанна, римско-католическое заведение, дом правительства, магистрат, тюрьма, департаменты снарядов и инженеров, биржа и дом клуба - вот основные здания. Количество денег, потраченных на строительство зданий в этой колонии, огромно, и большинство из них - это основательные каменные или кирпичные дома. Вид города, открывающийся из гавани, по красоте превосходит только более широкую панораму, открывающуюся перед зрителем с пика Виктория. За сорок с лишним лет своего существования эта колония постепенно приобрела коммерческое значение и стала перевалочным пунктом для иностранных товаров, предназначенных для рынков Южного Китая. Китайцам, которые заходят в ее магазины, чтобы увезти свои покупки, были предоставлены все возможности: порт был освобожден от всех пошлин, а имперские катера не вмешивались в дела их джонок, когда те находились в пределах видимости острова. Урегулирование этого спорного вопроса, чтобы не пострадали китайские доходы, не удовлетворило ни одну из сторон, и, как и в аналогичном случае с Гибралтаром, вряд ли будет скоро решено. Контрабандистам приходится идти на свой страх и риск с имперскими офицерами. Самым ценным товаром, вывозимым из Гонконга, является опиум, но большая часть его экспорта оплачивается пошлинами при въезде в Китай через пять открытых портов в провинции Квантун. Будучи средоточием почтовых линий пассажирских пароходов и портом, куда приходят торговые суда для изучения рынков, Гонконг оказывает большее влияние на юго-восток Азии, чем показывают его торговля и размеры. Остров Шанчуэнь или Саньсянь, где умер Ксаверий,

лежит к юго-западу от Макао примерно в тридцати милях, и его иногда посещают набожные люди из этих мест, чтобы поклониться его могиле, которую они содержат в порядке.

ГОРОДА ПРОВИНЦИИ КВАНТУН.

Город Шаучау в северной части провинции лежит у развилки реки, что вынуждает пересаживаться на другие суда для перевозки пассажиров и товаров; это один из крупнейших городов после Кантона, а понтонный мост обеспечивает необходимые условия для остановки и взимания налогов с проходящих через него судов и товаров. Шаукинг, расположенный к западу от Кантона, - еще один важный город, который долгое время противостоял маньчжурам; [85] здесь раньше находились провинциальные власти, пока в 1630 году они не переехали в Кантон, чтобы держать иностранцев под контролем. Он протянулся на шесть миль вдоль берега реки, это хорошо построенный город для Китая, расположенный в красивом месте. Некоторые из его районов поставляют зеленый чай и циновки на кантонский рынок, и эта торговля открыла путь для большой эмиграции в зарубежные страны. Среди других примечательных городов - Наньюнг, расположенный в начале навигации на Северной реке, где товары пересекают Мейлинг. До того как побережье было открыто для торговли, пятьдесят тысяч носильщиков добывали средства к существованию, перевозя посылки, пассажиров и товары в этот город и Нань-ган в Киангси. Это процветающее место, а беспокойные привычки этих трудолюбивых перевозчиков придают его населению несколько беспокойный характер. Многие из них - женщины, которые обычно работают в паре и несут такую же тяжелую ношу, как и мужчины.

Недалеко от Яншань хиен находится прекрасная пещера *Нуу Ен*, или "Пещера Окса", на склоне холма у Северной реки. Вход в нее напоминает большой зал с колоннами высотой 70 футов и толщиной 8 или 10 футов. Большая часть пещеры находится под открытым небом, но множество красивых комнат и ниш открываются при свете факелов; в их углублениях слышится эхо. Сталактиты и сталагмиты представляют собой огромное разнообразие форм - некоторые из них похожи на огромные складки драпировки, между которыми находятся лампы, троны и окна всех форм и размеров, в то время как другие свисают с крыши в причудливых формах.

Пейзаж вдоль реки, между Наньюнгом и Шаучау, описывается как дикий, изрезанный и бесплодный; вершины гор, кажется, касаются друг друга за рекой, а массивные фрагменты, упавшие с их сторон, в реку и вдоль нее, указывают на то, что проход не совсем свободен от опасности. В этом горном районе уголь добывается путем открытия горизонтальных шахт. Эллис [86] утверждает, что его привезли на некоторое расстояние к месту, где он его видел, чтобы использовать в производстве зеленого витриола. На 330-мильном отрезке между Наньюном и Кантоном расположено множество пагод, призванных привлечь внимание и обеспечить местным лодочникам, копошащимся в его водах, защиту от двух стихий, с которыми им приходится иметь дело - ветра и воды. Одним из самых заметных объектов в этой части реки являются пять скал, которые круто поднимаются от берега и причудливо называются *Ву-ма-тао*, или "Пять лошадиных голов". Формация этой части провинции состоит из компактного, темного цвета известняка, над которым песчаник и брекчия. Почти на полпути между Шаучау и Кантоном находится знаменитый горно-пещерный храм, посвященный Кваньинь, богине милосердия, и очень очаровательно расположенный среди водопадов, рощ и прекрасных пейзажей, рядом с холмом высотой около 1 850 футов. Утес обрывается вниз на пятьсот футов; храм находится в расщелине на высоте ста футов над водой и состоит из двух этажей; ступени, ведущие к ним, комнаты, стены и кельи - все вырублено в скале. Надписи и свитки скрывают голые стены, а несколько неумных жрецов населяют эту мрачноватую обитель. Мистер Барроу проводит уместное сравнение этих

людей с обитателями Коркского монастыря в Португалии или Францисканского монастыря на Мадейре, которые также "приковали себя к скале, чтобы их грызли стервятники суеверий и фанатизма", но у этих последних меньше оправданий.

ОСТРОВ ХАЙНАНЬ.

Остров Хайнань состоит из одного департамента - Киунгчау, но его префект не имеет власти над центральной и горной частями. В ранних европейских путешествиях он назывался Айнао, Кайнань и Аниам. Его длина составляет около ста пятидесяти миль, а ширина - сто, что почти в два раза превышает размеры Сицилии. От основного материка его отделяет пролив Луичау шириной шестнадцать миль, мели и рифы которого делают его проход неясным. Внутренняя часть острова гориста и хорошо покрыта лесом, а жители частично подчиняются китайцам; по расе они идентичны горцам Квейчау. Этот хребет называется Ли-му-лин; примечательный пик в центре южной половины острова, *Ву-чи-шань* или "Гора пяти пальцев", вероятно, возвышается на 10 000 футов. Китайские жители в основном являются потомками эмигрантов из Фукиена и занимаются торговлей, сельским хозяйством, морским делом или пиратством, так как они могут заработать больше всего денег. Земли вдоль побережья плодородны, на них растут орехи арека, какао и другие тропические фрукты, которые не встречаются на основном побережье. Киунгчау-фу лежит в устье реки Ли-му, напротив Луихау. Порт Хойхау находится в девятнадцати милях, но вход в него слишком мелок для большинства судов, и поэтому торговцы ищут лучший рынок в Пахое, городе, который недавно приобрел значение договорного порта на материке. Все тринадцать городов округа расположены на побережье, и в их пределах на китайских картах проведена линия, охватывающая центр острова, в пределах которого живут *ли-мин*, или народ ли, *некоторые* из которых признаны независимыми. Поэтому они известны как дикие и цивилизованные ли, и обычно находятся в состоянии хронического раздражения от сурового обращения правителей. Вероятно, они изначально пришли с Малайского полуострова (их черты лица, одежда и привычки указывают на родство с этими племенами) и постепенно ушли в свои глубины, чтобы избежать угнетения. В 1292 году император Хубилай дал двадцати тысячам из них на время свободные земли в восточных районах, но при государях династии Мин все они оказались несговорчивыми и воинственными. Население острова составляет около миллиона человек. Производится рис, сладкий картофель, сахар, табак, фрукты, древесина и воск для насекомых.^[87]

ПРОВИНЦИЯ КВАНСИ.

Провинция Кванси (*т.е.* Широкий Запад) простирается на запад от Квантуна до границ Аннама, занимая область на юго-западе от Нань-линга, и редко посещалась иностранцами, которые путешествовали вверх по Квай-киангу или "реке Кассии" в Хунань. Берега рек иногда переходят в равнины, больше в восточных районах, чем в других, на которых в изобилии выращивают рис. В этой провинции есть шахты по добыче золота, серебра и других металлов, большинство из которых разрабатываются под руководством правительства, но нет данных, по которым можно было бы определить добычу. Среди коммерческих товаров Кванси - кассия, кассиевое масло, чернильные камни и столярные изделия; природные ресурсы обеспечивают основные предметы торговли, поскольку здесь нет важных мануфактур. В пределах этой провинции находится множество частично покоренных племен, которые управляются своими наследственными губернаторами под надзором китайских властей; существует двадцать четыре округа *чау*, занятых этими людьми, имена глав которых указаны в Красной книге, а их положение отмечено на статистических картах империи, но ни в одной из них нет сведений о численности, языке или занятиях жителей. Кванси хорошо орошается Западной рекой и ее рукавами, что позволяет торговцам доставлять древесину и

излишки продукции в Кантон, а оттуда получать соль и другие товары. Горы на северо-западе периодически покрываются снегом; многие западные районы не дают почти ничего, кроме древесины для строительства зданий и лодок. Бассейн Западной реки разделен грядами холмов на три большие долины, по которым протекают многочисленные притоки главных ручьев, и поскольку каждый из них обычно теряет старое название, получая новый приток, следить за всеми ними - занятие не из легких. На юге река Юх поднимается у Юньнани, отклоняется к югу и течет до Нань-нина у границ Квангтунга, соединяясь с центральной магистралью у Синчау, пройдя пятьсот миль. На севере реки Лунг и Хун-шуй принимают избыточный сток из северных районов и Квейчау - региона, где мяоцзы издавна охраняют свои холмистые жилища. Затем воды вливаются в центральную траншею в нескольких милях к западу от Синчау. Эта главная артерия провинции берет начало в Юньнани и могла бы соединить ее с Кантоном, если бы канал был улучшен; она называется Сз'хо и является крупнейшим притоком Жемчужной реки.

Столица, Квейлин (*т. е.* Кассийский лес), лежит на реке Кассия, рукаве Западной реки, в северо-восточной части провинции; это плохо построенный город, окруженный каналами и рукавами реки, лишенный каких-либо зданий, достойных внимания, и не имеющий большого количества торговли. Во время восстания Тайпина этот и соседний город были почти уничтожены повстанцами и империалистами.

Вучау-фу, расположенный на той же реке, у ее слияния с Лунг-кианг, или "рекой Дракона", где они соединяются и образуют Западную реку, - крупнейший торговый город провинции. Независимые районы *Чау* разбросаны на юго-западе у границ Аннама, и если из их положения можно сделать какой-то вывод, то можно заключить, что они были заселены лаосскими племенами, которых сравнительная безопасность жизни и имущества в пределах границ побудила признать китайское господство.^[88]

ПРОВИНЦИЯ КВЕЙЧАУ И МИАОТСЦ.

Провинция Квейчау (*т. е.* Благородный край) в целом является самой бедной из восемнадцати по характеру жителей, количеству производимой продукции и освоению ресурсов. С северо-восточной стороны в юго-западном направлении к Юньнани проходит горный хребет, образующий водораздел между долинами рек Янцзы и Сианг - неровный, но плодородный регион. Западные склоны заселены китайскими земледельцами, грубой и невежественной расой, довольно беспокойной; восточные районы в значительной степени находятся в руках мяоцзы, которых чиновники и их войска считают законными объектами угнетения и уничтожения. Климат провинции считается недоброкачественным из-за большого количества застойной воды и нечистот, черпаемых из колодцев. Производится рис, пшеница, мускус, воск для насекомых, табак, древесина, кассия, а также свинец, медь, серебро, зыбучее серебро и железо. Зыбучие серебряные рудники находятся в Кай Чау, к северу от столицы провинции, и, по-видимому, превосходят по протяженности и богатству все другие известные месторождения этого металла; они разрабатываются уже несколько столетий. Киноварь встречается в разных местах, около 27° широты, в поясе, простирающемся через всю провинцию и заканчивающемся у границ Юньнани. Два вида шелка, получаемого из червей, питающихся шелковицей и дубом, дают материал для одежды так дешево, что хлопок импортируется из других провинций. Лошадей и других домашних животных разводят в больших количествах, чем в восточных провинциях.

Самая крупная река - Ву, которая протекает по центральной и северной частям провинции и впадает в Янцз через реку Киен у Чунгкинга. Другие притоки этой реки и Западная река также берут свое начало в этой провинции, и все они более или менее доступны для передвижения

с помощью лодок и плотов. Естественным выходом для продукции Квейчау является река Юэнь в Хунани, различные рукава которой впадают в нее из восточных префектур, но их неустроенное состояние препятствует регулярным и успешным связям.

Столица, Квеян, расположена среди гор; это самая маленькая провинциальная столица из восемнадцати, ее стены не превышают двух миль в окружности. Остальные главные города или департаменты не столь значительны. В южных префектурах у подножия гор расположено множество военных пунктов, предназначенных для сдерживания населяющих их непокоренных племен мяоцзы.

Типы Мяотса.

Это название Мяоцзы используется китайцами как общий термин для всех жителей этих гор, но сами люди применяют его не к каждому клану. Всего их восемьдесят два племени (они рассеяны по горам в Квантуне, Хунани и Кванси, а также в Квейчау), говорящих на нескольких диалектах и различающихся между собой по обычаям, управлению и одежде. Китайцы часто

описывали и изображали этот народ, но здесь мы ограничились перечислением его подразделений и описанием его наиболее ярких особенностей. Их язык полностью отличается от китайского, но о нем слишком мало известно, чтобы установить его аналогии с другими языками; скорее всего, он имеет родство с лаосцами и теми племенами, которые живут между Бирмой, Сиамом и Китаем. Один из кланов, населяющий Липо-хиен на крайнем юге, называется *яу-джин*, и хотя они время от времени спускаются в Кантон для торговли, жители этого места твердо уверены, что они снабжены короткими хвостами, как обезьяны. Они носят оружие, склонны жить в мире с жителями низин, но сопротивляются любым попыткам проникнуть в их стойбища. Яу-цзинь впервые поселились в Кванси, а затем, примерно в XII веке, перешли в Лиен-чау, где с тех пор и обосновались. Представители обоих полов носят волосы, заплетенные в хохолок на макушке, но никогда не бреются и не причесываются, как китайцы, и одеваются в свободные одежды из хлопка и льна; серьги у них в обиходе. Они живут в раздорах между собой, что становится источником безопасности для китайцев, которые готовы притеснять и угнетать, но не в состоянии противостоять этим выносливым горцам. В 1832 году они начали активные боевые действия и уничтожили многочисленные отряды войск, посланных для их усмирения, но в конце концов были вынуждены вернуться в свои убежища благодаря предложениям о помиловании и милостях, предоставленным тем, кто покорился.

Китайский путешественник, побывавший среди мяоцзов, говорит, что некоторые из них живут в хижинах, построенных на ветвях деревьев, другие - в глинобитных домах, а одно племя - в домах на скалах, вырытых в склонах холмов, иногда на высоте шестисот футов. Земледелие у них грубое, а одежду они получают по бартеру от жителей низин в обмен на металлы и зерно или ткнут сами. Религиозные обряды этих племен тщательно изучены, как и все, что связано с браками и похоронами. В одном племени отец новорожденного ребенка, как только его мать становится достаточно сильной, чтобы покинуть свою кушетку, сам ложится в постель и принимает поздравления знакомых, выставляя своего отпрыска - обычай, который встречается среди тибетских племен и в других местах. Другой класс имеет аналог майского шеста и его веселый танец, который, как и соответствующая игра, используется молодыми людьми для выбора своей пары.^[89]

ПРОВИНЦИЯ ЮНЬНАНЬ.

Провинция Юньнань (*т.е.* Облачный Юг-Юг *Юнь-Линь*, или "Облачные горы"^[90]) находится на юго-западе империи, граничит на севере с Сцзюнем, на востоке с Квейчау и Кванси, на юге с Аннамом, Лаосом и Сиамом, а на западе с Бирмой. Удаленность от центральной власти империи со времен ее частичного завоевания при династии Хань всегда делала ее слабым местом, а необразованность и смешанный характер жителей давали преимущество предприимчивым лидерам в сопротивлении китайскому правлению. Он был отвоеван у аборигенов императорами династии Тан, которые назвали его Чжун Чау, или область племен Чжун, откуда и пошло название *Караджанг*, то есть Черный Чжун, которым его называет Марко Поло; сам Кублай Хан во главе армии в 1253 году отправился туда перед завоеванием Китая, а в 1278 году, после своего основания в Пекине, послал туда венецианцев с миссией. Сын императора был в то время наместником этой отдаленной провинции. Недавние путешествия Маргари, Бабера и Андерсона из британской службы, а также Мухота и Гарнье из французской сделали многое, чтобы сделать эту уединенную провинцию более известной. Центральную часть занимает обширное плато, разветвляющееся в разных направлениях и пересекаемое долинами на высоте 5-6 тысяч футов, на которых расположено несколько больших озер и семь главных городов провинции. Над этими равнинами возвышаются разделяющие их хребты, которые при взгляде с нижних уровней кажутся, как и

в Шанси, горизонтальными, соединенными линиями вершин. Все они сложены из красного песчаника, как и бассейн в Сцюзне, через который реки, малые и большие, избороздили свои русла на сотни и тысячи футов, делая сообщение в некоторых направлениях почти невозможным, как только человек покидает плато. На востоке и северо-западе дефиле доставляют меньше хлопот, и в этой последней части провинции есть несколько вершин, возвышающихся далеко над линией снега. На карте полковника Юля они названы хребтом *Гулан-Сигон*. Климат здесь прохладнее, чем в Сцюзне, из-за этой высоты, и не очень здоровый; в Юньнань-фу снег лежит неделями, а лето очаровательно.

Янцзы входит в провинцию на северо-западе на небольшом расстоянии. Самая большая река в ней - Ланцан, которая поднимается в Тибете и течет на большом расстоянии параллельно и между реками Янцзы и Ню, пока все три не прорываются через горы недалеко друг от друга и не принимают различные направления: самая большая поворачивает на восток через Китай, Ланцан - на юго-восток через Юньнань к Сиамскому заливу под названием Мейкон или река Камбоджи, а третья, Салуин, - на запад через Бирму. Мейкон принимает множество крупных притоков на своем пути через провинцию, а его полная длина составляет не менее 1 500 миль. Лунгчуен, крупный приток Иравади, протекает немного западнее Салуина. Мейнам поднимается в Юньнани, течет на юг в Сиам под названием Нантинг и, пройдя почти восемьсот миль, впадает в море под Бангкоком. К востоку от Ланцана протекает несколько важных рек, из которых три, объединяющиеся в Аннаме и образующие Сангкой, являются самыми крупными. Общее направление этих рек - юго-восточное, а их верховья разделены горными хребтами, между которыми долины часто сужаются до очень узких пределов. В восточной части провинции, к югу от столицы, находятся два озера, называемые Сиен и Тиен; последнее имеет около семидесяти миль в длину и двадцать в ширину, а Сиен-ху (*т.е. "Озеро фей"*) примерно на две трети больше. Другой водный массив на северо-западе, возле Тали-фу, сообщающийся с Янцз-киангом, называется Урх-хай или Урское море, длина которого превышает сто миль, а ширина - около двадцати.

ЖИТЕЛИ И ПРОИЗВОДСТВА ЮНЬНАНИ.

Столица Юньнань расположена на северном берегу озера Тянь и является примечательным городом, имеющим, кроме того, значительное политическое значение благодаря торговле с другими частями страны через Янцзы и с Бирмой. Город серьезно пострадал в 1834 году от землетрясения, которое, как говорят, продолжалось целых три дня, вынудив жителей переселиться в палатки или на открытые поля и разрушив все важные здания.^[91] Транспортное сообщение между этой провинцией и Бирмой осуществляется через укрепленный пост Цантах в округе Тэньюэ, расположенном на одном из рукавов Ирравади. Основная часть товаров перевозится на животных из этих пунктов в Бхамо, расположенный на реке Ирравади, крупнейший рыночный город в этой части Чин-Индии. Китайцы принимают значительное участие в этой торговле, которая состоит из шелка-сырца и мануфактуры на сумму 400 000 долларов в год, чая, меди, ковров, орпимента, зыбучего серебра, вермилиона, лекарств, фруктов и других вещей, перевозимых из их страны в обмен на хлопок-сырец на сумму 1 140 000 долларов в год, слоновую кость, воск, носорожьи и оленьи рога, драгоценные камни, птичьи гнезда, павлиньи перья и иностранные изделия. Весь оборот, вероятно, составляет 2 500 000 долларов в год, и в течение нескольких последних лет он постоянно увеличивается.

На южных границах существует значительное сообщение и торговля с лолосами, или лаосцами и аннамцами,^[92] частично через верховья рек Мейнам и Мейкон, которые, как предполагается, сообщаются друг с другом естественным каналом, а частично с помощью

караванов через горы. Юньнань-фу был столицей китайского князя времен упадка династии Мин, который обрел независимость в этой части империи, свергнув мятежных Ли, но, связав свою судьбу с неумным отпрыском этого дома, он вызвал недовольство своих офицеров, и его территории постепенно перешли под власть маньчжуров-завоевателей. Южные и западные районы провинции населены полупокорными племенами, которые управляются своими собственными правителями, находясь под номинальной властью китайцев, и то и дело пересекают границу в поисках торговли или занятий.

Расширение британской торговли из Рангуна в эту часть Китая привлекло внимание к этим горным племенам и доказало в их нынешнем низком и варварском состоянии точность древнего описания Марко Поло и римско-католических миссионеров. Полковник Юл метко назвал этот обширный район "этнологическим садом племен различной расы и на всех стадиях нецивилизованности". Объединяющее влияние китайской письменности и литературных институтов было нейтрализовано среди этих рас их племенными разногласиями и неспособностью к какому-либо изучению. Андерсон приводит краткие словари языков кахьен, шан, хотя-шан, ле-сау и полоунг, указывая на радикальные различия в происхождении, существование которых не позволяет им смешиваться друг с другом, а также с китайцами.[93]

Минеральные богатства Юньнани больше и разнообразнее, чем в любой другой провинции, некоторые шахты разрабатывались еще при династии Сун. Уголь встречается во многих местах на границах центрального плато; некоторые из них - антрацит, отличающийся удивительной твердостью и однородностью. Соль встречается в холмах, а не в колодцах, как в Сцюзэне; рассол иногда добывают, прокладывая туннели в склонах холмов. Металлоносные руды проникают из этой провинции в три соседние. Наиболее богата медью, а рудники в Нинъюэнь-фу, на юго-западе Сцюзэня, поставляли медные и цинковые руды во время беспорядков в Юньнани. Медь в Хвуили-чау в этой префектуре добывается компаниями, которые платят роялти в размере двух таэлей за пекуль правительству и поставляют металл владельцам шахт по 8 долларов за пекуль. Руды *пехтунга* или аргентана смешиваются с медью, оловом или свинцом, в зависимости от того, для каких целей используются сплавы. Серебро есть в нескольких местах на севере, и эксплуатация рудников была успешной до 30 лет назад; теперь они не могут быть безопасно или прибыльно обработаны из-за политических беспорядков. Золото добывается в песке некоторых рек, но не в больших количествах; свинец, железо, олово и цинк встречаются в таком количестве, что их можно экспортировать, но нет данных о всей продукции или экспорте.[94]

ГЛАВА IV. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ МАНЬЧЖУРИИ, МОНГОЛИИ, ИЛЬИ И ТИБЕТА.

Части Китайской империи за пределами Восемнадцати провинций, хотя и имеют гораздо большие размеры, чем собственно Китай, имеют сравнительно небольшое значение. Их обширные области населены различными расами, чьи языки неразборчивы, а племена держатся вместе под властью Китая скорее благодаря интересам и взаимной враждебности или неприязни, чем благодаря силе. Европейские географы неопределенно называли все пространство, лежащее к северу от Тибета до Сибири и к востоку от Цунг-линга до Тихого океана, *Китайской Тартарией*; в то время как страны к западу от Цунг-линга или Белур-тага

до Аральского моря были названы *Независимой Тартарией*. Оба эти названия уже почти устарели на хороших картах этих регионов; более точные знания, полученные от недавних путешественников, позволили установить, что их жители не являются ни татарами (или монголами), ни турками, и что местные названия и деления предпочтительнее, чем одно общее. Такие названия, как Маньчжурия, Монголия, Сонгария и Туркестан, происходящие от ведущих племен, населяющих эти страны, являются более определенными, хотя и не постоянными, в силу мигрирующих и изменчивых привычек народа. Из-за незнания научной географии китайцы не имеют общих обозначений для обширных стран, длинных горных цепей или извилистых рек, но применяют множество названий там, где, будь они лучше осведомлены, могли бы довольствоваться одним.

В следующей таблице представлен общий вид этих стран с указанием их основных подразделений и форм правления. Однако их нельзя классифицировать так же, как провинции, а приведенные здесь деления и столицы не следует рассматривать как окончательно установленные. Их общая площадь составляет 3 951 130 квадратных миль, или немного больше, чем вся Европа; их отдельные территории не могут быть точно указаны. Маньчжурия занимает около 400 000 квадратных миль; Монголия - от 1 300 000 до 1 500 000 квадратных миль; Илли - около 1 070 000 квадратных миль; Тибет - от 500 000 до 700 000 квадратных миль.

ОБЩИЙ ВИД КОЛОНИЙ И ИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ.

КОЛОНИИ.	ПРОВИНЦИИ.	ДИВИЗИИ.	КАПИТЕЛИ.	ФОРМЫ ПРАВЛЕНИЯ.
Маньчжурия.	Сингкинг	Два департамента фу и 15 округов; и 13 гарнизонов	Мукден или Фунтянь	Маньчжурия управляется военными советами и генералами в гарнизонах.
	Кириин	Три отделения, или 8 гарнизонных постов.	Kirin ula hotun	Под началом трех генералов в префектурах.
	Цицихар	Шесть командорств	Цицихар хотун	Под командованием шести генералов.
Монголия.	Внутренняя Монголия	Шесть корпусов, разделенных на 24 племена и 49 стандартов	Нет общего капитала	У каждого племени есть свой вождь или генерал, а управляет им Ли-фан Юэнь в Пекине.
	Внешняя Монголия	Четыре ханства, а именно: Тучету,	Урга или Курун	Четыре хана под властью Кутукту.

		Саиннуин, Цецен и Дсассакту.		
	Коко-нор	Одна резидентура, имеющая 29 стандартов	Сининг в Кансухе	Под маньчжурской резиденцией.
	Улиасутай	Кобдо, имеющий 11 племен и 31 стандарт. Племена ульянхайцев под 21 цо-лингом	Улиасутай	Амбаном над вождями.
Íí	Северный округ или Сонгария	Íí Кур-кара усу Тарбагатай	Кульджа Кур-кара усу Суй-цзин-цзин	Управляется военным губернатором, 2 советниками и 34 жителями в городах. Резиденты подчиняются губернатору.
	Южный округ или Восточный Туркестан	Десять городов, а именно: Харашар, Куче, Сайрим, Бай, Уши, Аксу, Хотен, Кашгар, Янги-Гиссар и Яркенд.	Яркенд	В каждом городе есть резидент, подчиняющийся губернатору в Или, и местные бегины.
Тибет	Передний Тибет	Вэй и Кхам, разделенные на восемь кантонов и 39 феодальных волостей	Х'ласса	Правит Далай- лама и его иерархия, за которыми наблюдают китайские жители.
	Внешний Тибет	Цанг и Нари, разделенные на шесть кантонов	Сигатсе	Правит Тешу- лама, которому помогает резидент из Пекина.

ПРОТЯЖЕННОСТЬ МАНЬЧЖУРИИ.

Маньчжурия названа так по имени ведущей расы, населяющей ее, - *манджуров* или *маньчжуров*; это слово иностранного происхождения, поскольку у китайцев нет общего названия для вице-королевства, управляемого из Мукдена. Оно включает в себя восточную часть высокогорных земель Центральной Азии и лежит между 39° и 52° северной широты и 120° и 134° восточной долготы. Эти точки включают в себя границы в обоих направлениях, что придает региону прямоугольную форму, лежащую в северо-восточном и юго-западном направлениях; грубо говоря, его размеры составляют 800 на 500 миль. С юга она ограничена заливом Печеле и нагорьем Корея на северном берегу реки Ялух; с востока - линией, идущей от русского города Посыет на север к реке Усури, чтобы включить озеро Хинка; затем от ее верховьев до слияния с Амуром. Эта река образует северную границу; ее приток, река Аргунь, вместе с большими озерами Хурун и Пуюр, лежат на западе; от последнего озера искусственная линия, протянувшаяся почти на восток на шесть градусов по широте 47°, бьет в город Цицикар на реке Нонни. Остальная часть западной границы проходит по рекам Нонни и Сонгари до Палисада. Эта устаревшая граница начинается у Шан-хай-кван на берегу Лиатунского залива и идет на северо-восток; номинально она отделяет монголов от маньчжуров на протяжении почти 300 миль, а реально существует только на перевалах, где дороги охраняются военными.

Но лишь часть этого региона еще не была пройдена европейцами, а большая часть представляет собой дикую местность. Все население не указано в переписи 1812 года, а из-за природы страны и бродячих привычек людей, многие племена которых не подчиняются императору, было бы невозможно провести регулярную перепись. Части Маньчжурии, о которых здесь идет речь, в разные периоды были известны под разными названиями.

Ляотун ("К востоку от реки Ляу") применялось к стране между этой рекой, Кореей и Японским морем; *Тункинг* ("Восточная столица") обозначал главный город этого региона при династии Мин; а *Квантун* ("К востоку от перевала"), обозначающий ту же страну, до сих пор является общим названием для всей территории.

В настоящее время Маньчжурия включает в себя долины между реками Усури и Нонни, вплоть до Амура на севере, а бассейн Ляу на юге охватывает всю остальную территорию. Здесь есть три основные горные цепи. Начинаясь почти в ста милях к востоку от Мукдена, на широте 43°, находятся Длинные Белые горы^[95] (*Чанг-пех-шань* у китайцев, или *Колмин-шанг-ун-алин* у маньчжуров), которые образуют водораздел между реками Сонгари и Ялух и служат северной границей Кореи вплоть до российской территории. Там он разделяется и получает название Си-хи-те, или Сихотские горы, за восточный отрог, который проходит у океана, к востоку от реки Усури; и название Хуркарские горы за западный и нижний отроги между этой рекой и Хуркаром. К юго-востоку от Сан-Сэна на Амуре находится один примечательный пик, называемый горой Чакоран, возвышающийся на 10 000 футов. На равнине, к северу от Кирина, встречаются многочисленные буто, иногда изолированные, а часто расположенные линиями на расстоянии пятнадцати-двадцати миль друг от друга; большинство из них покрыты лесом.

В западной части Цицихара находится третий большой горный массив Маньчжурии - Сялкойские горы, являющиеся продолжением хребта Внутренний Хинган в Монголии и разделяющие бассейны Аргуни и Нонни. Сялкойский хребет простирается на большую часть Монголии, начинается у излучины Желтой реки и тянется в северо-восточном направлении, в Маньчжурии он образует три стороны обширной долины Нонни, заканчивающейся между реками Амур и Сонгари у их слияния. Эти районы более засушливы, чем восточные, и горы здесь гораздо ниже; но наши сведения о них туманны и

скудны. В целом Маньчжурию следует назвать скорее холмистой, чем горной, и только ее промежутки заслуживают возделывания.

АМУР И ЕГО ПРИТОКИ.

Страну к северу от Чанг-пех-шаня до Становых гор омывает одна река - Сагалиен, Амур, Квантун или Хехлунг-кианг (под всеми этими названиями она известна) и ее притоки; *Сагалиен-ула* по-маньчжурски и *Хехлунг-кианг* по-китайски означают "Черная" или "Река черного дракона". Амур стекает с северо-восточного склона Центральной Азии по извилистому руслу, которому способствуют многочисленные крупные притоки. Его исток находится на широте 50° северной широты и долготе 111° восточной долготы, в отроге. 111° в.д., в отроге Даурских гор, называемом Кентех, где он называется Онон. Пройдя на восток и северо-восток почти пятьсот миль, Онон соединяется в долготу 115° в.д. с Ингодой. 115° в.д. с Ингодой, потоком, идущим с востока от озера Байкал, где он берет свое начало у вершины Цокондо, самой высокой из гор Яблонси-Хребет. За этим слиянием, под русским названием Шилка, она течет около двухсот шестидесяти миль на северо-восток до впадения в Аргун. Аргунь поднимается около трех градусов к югу от Онона, на южной стороне Кентеха, и под названием Керлон течет одиночным северо-восточным руслом четыреста тридцать миль до озера Хурун, Керлон, или Далай-нур; Калка здесь впадает из озера Пуюр или Пир, и воды их выходят из озера Хурун у Усть-Стрелочного (Устье Стрелы) под названием Аргунь, текут на север почти четыреста миль до соединения с Шилкой в широте 53°. 53°; от выхода из Аргуни и далее до впадения в Усури она образует границу между Китаем и Россией на протяжении 1 593 верст, или 1 062 миль.

За этим городом объединенный поток принимает название Амур (*т.е.* Великая река) или Сагалиен маньчжуров, течет почти на восток около 550 миль за Албазином, затем его течение идет на юго-восток до впадения в Сонгари. Большинство притоков находится на северном берегу; главное русло становится шире по мере увеличения его размеров, имеет так много островов и отмелей, что серьезно мешает судоходству. Орошаемая таким образом долина обладает большими природными преимуществами в почве, климате и производстве, что постепенно привлекает сюда русских поселенцев. На широте 47½° река Сонгари (*Сунг-хва-кианг* у китайцев) соединяется с Амуром на правом берегу, в 950 верстах от Усть-Стрелочного, давая сток большей части Маньчжурии и удваивая основной объем воды. Истоки этого потока берут начало на северных склонах Чанг-пех-шаня; быстро соединяясь в одно русло, эти воды текут мимо города Кирина, находящегося всего в ста милях от гор, рекой глубиной в двенадцать футов и шириной в 900. Возле Петуне к ней присоединяется река Нонни из Цицихара, и их объединенный поток получает китайское название Квантун ("Смешанный союз"); здесь он имеет полторы мили в ширину и всего три или четыре фута в глубину, это вялая река, полная островов. Затем, двигаясь с востока на север, становясь глубже за счет своих притоков - Хурка, Майен, Тунни, Хулан и других более мелких, она соединяется с Амуром у Чанчу, в ста милях к западу от Усури. По всем данным, Сонгари имеет преимущество. У Сансинга она глубокая и быстрая река, но дальше острова и берега мешают судоходству. Хурка осушает исконную страну маньчжуров.^[96]

Район к юго-востоку от пустыни и к северу от Великой стены осушается и оплодотворяется рекой Сира-мурэн, или Ляу, которая почти не пригодна для судоходства. Ее главный и западный рукав разделяется у гор Иншань на Хванг-хо и Лахар; первый поднимается у пика Печа, заметной точки в этих горах. Сира-мурен протекает по засушливой местности на протяжении почти 400 миль, прежде чем повернуть на юг, и по зигзагообразному руслу достигает Ляотунского залива, мощного потока, несущего свою долю отложений в океан; ширина у Йингцза составляет 650 футов. Глубина на бере во время прилива составляет 16

футов. Река Ялух-кианг, длиной почти триста миль, течет по извилистому руслу вдоль северных границ Кореи. О двух озерах, Хурун и Пир, мало что известно, кроме того, что их воды пресны и полны рыбы; их объединяет река Уршун, а в последнее впадает несколько небольших ручьев.

ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ МАНЬЧЖУРИИ.

Большая часть Маньчжурии покрыта лесами, где обитают дикие животные, добыча которых дает работу, одежду и пищу их охотникам. Реки и побережья изобилуют рыбой, среди которой много карпа, осетра, лосося, щуки и других видов, а также моллюсков; промысел жемчуга достаточно прибылен, чтобы нанимать много рыбаков; китайское правительство раньше следило за их успехами и собирало доход в натуральном виде. Здесь, как и в Монголии, водятся архар и джигетай; на медведей, волков, тигров, оленей и многочисленных пушных зверей охотятся ради их шкур. Войска обязаны ежегодно поставлять 2 400 оленей императору, который оставляет для собственного употребления только мясистую часть хвоста как деликатес. Жаворонки, фазаны и вороны разных видов, а также голуби, дрозды и тетерева в изобилии. Кондор - самая крупная хищная птица, по размерам и свирепости соперничающая со своим сородичем в Андах.

Большая половина Шинкинга и юг Кирина возделываются; основными культурами являются маис, пшеница *Setaria*, ячмень, бобовые, просо и гречиха. Женьшень и ревень собирают войска, отправляемые отрядами под командованием соответствующих офицеров. Кроме того, в этих районах содержатся большие стада различных домашних животных. Древесина, покрывающая горы, станет источником богатства, как только выгодный рынок будет стимулировать мастерство и предприимчивость поселенцев; уже сейчас бревна диаметром более трех футов доставляются в Пекин из долины Ляу.

ПРОВИНЦИЯ ШИНКИНГ.

Маньчжурия делится на три провинции: *Шингкинг*, *Кири* и *Цицикар*. Провинция Шингкинг включает древний Ляутунг и ограничена с севера Монголией, с северо-востока и востока - Кирином, с юга - Ляутунским заливом и Кореей, от которой она отделена рекой Ялух, а с запада - Чахаром в Цици. Маньчжурия состоит из двух департаментов, Фунтянь и Кинчау, разделенных на пятнадцать округов; кроме того, на двенадцати воротах Палисада расположены двенадцать гарнизонных постов, служащие которых взимают небольшой налог с путешественников и товаров. Маньчжурия находится под строгим военным управлением, каждый мужчина старше восемнадцати лет обязан нести военную службу и, по сути, зачисляется в тот из восьми стандартов, к которому он принадлежит по рождению. Администрация Шинкинга частично гражданская, частично военная; администрация Кирина и Цицикара - полностью военная.

По оценкам Т. Т. Медоуза^[97], население провинции составляет двенадцать миллионов человек, состоящих из маньчжуров и китайцев. Прибрежные районы в настоящее время в основном заняты и обрабатываются эмигрантами из Шантунга, которые вытесняют маньчжуров к Амуру или заставляют их оставить охоту и заняться земледелием, если они хотят остаться там, где родились. Завоеватели цивилизуются и развиваются за счет своих подданных, утрачивая свой скудный язык и становясь более комфортными по мере того, как они учатся быть трудолюбивыми. Но сейчас осталось мало поселений аборигенов, которые все еще сопротивляются этому влиянию. Жители собираются у реки или вдоль больших дорог, где легче всего найти пищу или рынок.

Столица Синкинг обычно известна как Син-ян, более древнее название, чем маньчжурский Мукден или китайское название Фунтянь. Как метрополия Маньчжурии, она также известна как Шинкинг ("Богатая столица"), отличающаяся от названия провинции добавлением "*лун-чинг*", или "головной гарнизон". Он расположен на широте 41° 50½' северной широты и долготе 123° 30' восточной долготы, на берегу моря. 123° 30' в.д., на берегах реки Син, небольшого рукава Ляу, и считается, что находится в пятистах милях к северо-востоку от Пекина. Город окружен невысокой глинобитной стеной длиной около десяти миль в окружности, удаленной от главной городской стены не менее чем на полмили, восемь ворот которой имеют двойные арки, чтобы толпа не мешала проходу; эта стена имеет около трех миль в окружности, а ее башни и бастионы находятся в хорошем состоянии. Она высотой 35 или 40 футов и шириной 15 футов в верхней части, вся из кирпича; парапет с кренделями защищает стражу. Несмотря на меньший масштаб, стены и здания здесь точно такие же, как в Пекине. Улицы широкие, чистые, а главные деловые проспекты усыпаны большими, хорошо построенными магазинами, их прилавки, витрины и другие приспособления свидетельствуют о большой торговле. В столице находится большое количество правительственных учреждений, *ямунов*, и почти все чиновники принадлежат к правящей расе. Главные улицы проходят через весь город от ворот до ворот, а пересекают их узкие дороги или *ху-тун*. Дворец первых маньчжурских государей занимает центр, а крупные склады находятся за пределами внутреннего города. Повсюду следы процветания и безопасности указывают на предприимчивость населения, и за свой опрятный вид, трудолюбие и вежливость Мукден занимает высокое место среди китайских городов. Его население оценивается менее чем в 200 000 человек, в основном китайцев. Маньчжурские монархи сделали его резиденцией своего правительства в 1631 году, и с тех пор императоры делали все возможное, чтобы расширить и украсить его. Император Кьенлун прославил себя среди своих подданных и сделал город Мукден более известным за рубежом, написав поэтический панегирик городу и провинции, который был напечатан в шестидесяти четырех различных формах китайского письма. Это любопытное произведение императорского тщеславия и литературных усилий было переведено на французский язык Амиотом.

[98] Город Хингкинг, расположенный в шестидесяти милях к востоку от него, - одно из самых любимых мест в Шинкинге, поскольку он является семейной резиденцией маньчжурских монархов и местом захоронения их предков. Он приятно расположен в возвышенной долине, а гробницы находятся в трех милях к северу от него на горе под названием *Цзюньшань*. Окружность стен составляет около трех миль. Хингкинг расположен у палисада, отделяющего провинцию от Кирина, и его служащие управляют окрестностями и входами в провинцию. Сейчас он превратился в небольшую деревушку, а большинство жителей составляют стражники, связанные с гробницами.

Кинчау, расположенный в пятнадцати лигах от Мукдена, ведет значительную торговлю скотом, бобовыми и лекарствами. Гутцлафф [99] описывает гавань как мелководную и подверженную южным штормам; дома в городе построены из камня, окрестности хорошо возделаны и заселены китайцами из Шантунга, а торговлю ведут уроженцы Фухкиена. Маньчжуры ведут праздный образ жизни, но поддерживают хорошие отношения с китайцами. Когда он был здесь в 1832 году, власти приказали всем женщинам уединиться, чтобы положить конец разврату среди местных моряков. Лошади и верблюды многочисленны и дешевы, но повозки неуклюжи. Кайчау, другой порт, расположенный на восточной стороне залива, имеет лучшую гавань, но не так часто посещается.

ТОРГОВЛЯ И КЛИМАТ МАНЬЧЖУРИИ.

С тех пор как по договору 1858 года порт Нючванг или Инцз, расположенный на реке Ляу, был открыт для иностранной торговли, развитие Шинкинга быстро увеличилось. Торговля бобовыми, жмыхом и маслом ежегодно привлекает множество судов. Кроме иностранных товаров, через этот порт готовят на экспорт опиум, шелк и бумагу. Фунг-Хванг-Тинг, расположенный у реки Ялух, контролирует всю торговлю с Кореей, которая должна проходить через него. Правительства обеих стран накладывают на эту торговлю множество ограничений, а китайцы запрещают своим подданным пересекать границы. Торговля ведется на ярмарках, под надзором офицеров и солдат; короткое время, отведенное на заключение сделок, и огромное количество людей, прибегающих на них, делают эти базары больше похожими на разборки враждующих кланов, чем на сцены мирной торговли. В самой Корее есть базар, называемый Ки-иу-ван, примерно в четырех лигах от границы, где китайцы "поставляют корейцам собак, кошек, трубки, кожу, олени рога, медь, лошадей, мулов и ослов; и получают в обмен корзины, кухонную утварь, рис, кукурузу, свиней, бумагу, циновки, волов, меха и маленьких лошадей". На проведение ярмарки торговцам отводится не более четырех-пяти часов, а корейские офицеры, в чьем ведении она находится, прогоняют всех чужаков обратно на границу, как только заканчивается день.^[100]

На границе с морем - аллювиальная почва, источающая азотистую белую соль у берега, но очень плодородная внутри страны, хорошо возделываемая и густонаселенная. За границей холмистая местность чрезвычайно живописна. Постоянно меняющиеся виды, потоки и фонтаны, разнообразная и обильная растительность, стада черного скота, пасущиеся на склонах холмов, козы, сидящие на нависающих скалах, лошади, ослы и овцы, спускающиеся ниже в промежутки, многочисленные хорошо построенные деревушки, повсюду оживляют сцену. Департамент Кинчау лежит вдоль Ляутунского залива, между Палисадом и морем, и содержит четыре небольших окружных города с фортами, вокруг которых гарнизоны сельскохозяйственных войск собрали несколько поселенцев. На юге, в направлении Чили и Стены, страна лучше возделывается.

Климат Маньчжурии в целом здоровый и умеренный, далекий от суровости плато на западе страны и не такой влажный, как на островах на востоке. Летом температура колеблется от 70° до 90° F., затем опускается до 10° или 20° ниже нуля. Реки остаются замерзшими почти с декабря по апрель, а снега выпадает меньше, чем в Восточной Америке. Времена года - это шесть недель весны, пять месяцев лета, шесть недель осени и четыре месяца зимы; последний период в некотором смысле самый приятный и используется фермерами для доставки продуктов на рынок. Если бы дома были более тесными, их обитатели почти не страдали бы в холодное время года. Хук рассказывает о градовых бурях, которые погубили отары овец в Монголии, недалеко от Чахара. Дарвин ("Путешествие натуралиста", 2-е изд., 1845 г., стр. 115) подтверждает возможность своего утверждения аналогичным опытом, полученным вблизи Буэнос-Айреса. Здесь он видел множество оленей и других диких животных, убитых "градом размером с небольшое яблоко и очень твердым". Аббат Гук говорит о пустынной стране у реки Ляу: "Хотя неизвестно, где Бог поместил рай, мы можем быть уверены, что он выбрал какую-то другую страну, а не Ляутунг; ведь из всех диких регионов этот занимает особое место по засушливости почвы и суровости климата". При въезде в страну путешественник отмечает бесплодность большинства холмов и наготу равнин, где не видно ни деревца, ни зарослей, ни малейшей травинки. Туземцы превосходят всех европейцев, которых я когда-либо видел, в умении есть; говядина и свинина в изобилии присутствуют на их столах, и я думаю, что собаки и лошади тоже, под другим названием; богатые люди едят рис, бедные довольствуются вареным просом или другим зерном под названием *хак-бам*, примерно в три раза больше проса и по вкусу напоминающим пшеницу, которого я никогда не видел в других местах. Виноградная лоза культивируется, но с октября

по апрель ее необходимо укрывать; виноград настолько водянистый, что из ста литров сока при перегонке получается всего сорок литров слабого спирта. Листья дуба используются для разведения диких шелкопрядов, и это значительная отрасль промышленности. После варки коконов люди с удовольствием употребляют червей в пищу, вытаскивая их булавкой и высасывая целиком, пока не останется ничего, кроме пелликулы".^[101] По словам другого, в Кирине земля промерзает на семь футов, а в Шинкинге - примерно на три; зимой термометр показывает тридцать градусов ниже нуля. Снег поднимается в воздух северо-восточными ветрами и становится настолько мелким, что пропитывает одежду, дома и попадает даже в легкие. Во время путешествия брови превращаются в ледяную массу, борода - в крупные хлопья, ресницы смерзаются; ветер режет и прокалывает кожу, словно бритвы или иглы. Земля замерзает на восемь месяцев, но летом вегетация идет бурно, а ручьи вздуваются от таяния снежных сугробов.

Провинция Кирин, или Гириин, включает в себя страну к северо-востоку от Шинкинга, вплоть до Амура и Усури, которые ограничивают ее с севера и востока, в то время как Корея и Шинкинг лежат на юго-востоке (лучше разделенные Чанг-пех-шаном, чем любой политической границей), а Монголия - на западе. Все признаки линии палисадов исчезли (за исключением перевалов) на всем *пути* между Сонгари и Шан-хай-кван. Регион гористый, за исключением участка этой реки после впадения в нее Нонни до впадения Усури, занимающего примерно одну четвертую часть всей территории. Эта обширная область мало населена маньчжурами, поселившимися в гарнизонах по дну рек, гольдами, мангунами, гиляками и родственными им племенами, которые живут главным образом охотой и рыболовством и признают свою верность данью в виде шкурок, но не имеют над собой правительственных чиновников. Дю Хальде называет их *кичинг-татсе*, *юпи-татсе* и другими именами, которые, похоже, действительно были их древними обозначениями. *Ю-пи-тахци*, или "татары в рыбьей шкуре",^[102] как говорят, населяют обширную долину Усури и не позволяют подданным императора жить среди них. Зимой они собираются в краях, как бушмены, и питаются продуктами летней рыбалки, заготовив достаточно топлива, чтобы продержаться до теплой погоды. Отгороженные, как это было в прошлом, от всех возвышающих влияний, эти люди, вероятно, скоро смешаются и потеряются, как среди русских и других поселенцев, прибывающих с севера, так и среди китайских иммигрантов, занимающих их земли на юге. Все население этой провинции, по имеющимся сведениям, не превышает трех миллионов человек, большая часть которых проживает вдоль долины Сонгари.

ГОРОДА И ПРОИЗВОДСТВА КИРИНСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Кирин делится на три главенствующих управления или командорства, а именно: Кирин-ула, или гарнизон Кирина, Петуне или Педне и Чанчунь-тинг. Кирин, самый большой из трех, подразделяется на восемь гарнизонных округов. Город, называемый по-китайски *Чуен Чванг*, или "Морская верфь", прекрасно расположен на реке Сонгари, на широте 43° 45' северной широты и долготе 127° 25' восточной долготы. 127° 25' в.д., у подножия окруженных холмов, где ширина реки достигает тысячи футов. Улицы узкие и неровные, магазины низкие и маленькие, а большая часть земли в городе не занята. Две большие улицы пересекаются под прямым углом, одна из них уходит далеко в реку на западе, поддерживаемая сваями. Дороги вымощены деревянными блоками и украшены цветами, золотыми рыбками и площадями; население города составляет около 50 000 человек.

Четыре других важных места в Кирине - Петуне, Ларин, Альтчуку, или А-ши-хо, и Сансинг, последний - у слияния Сонгари и Хурки. Альтчуку - самый большой, а Петуне - следующий по величине, в каждом городе не менее 35 000 жителей; Ларин, возможно, вдвое меньше, и, как

и другие, постоянно растет в численности и значении. Нингута на реке Хурка имеет обширные территории, где собирают женьшень; рядом с острогом находится подземный водоем, в котором водится крупная рыба. Большая и влиятельная часть китайского населения исповедует ислам, но маньчжуры здесь не проживают. Первые контролируют торговлю и путешествия в каждом городе.

Петуне, расположенный на широте 45° 20' северной широты и долготе 125° 10' восточной долготы, населен войсками и многими лицами, изгнанными из Китая за преступления. 125° 10' в.д., населен войсками и многими лицами, изгнанными из Китая за свои преступления. Его выгодное положение делает его местом значительной торговли, и в летние месяцы он является оживленным рынком для этих малонаселенных регионов. Он состоит из двух главных улиц, на пересечении которых находится главный рынок. Внимание привлекает большая мечеть. Третье командорство Чанчунь, расположенное к западу от Кирина и к югу от Петунье, сразу за Палисадом, - это всего лишь пост для наблюдения за маньчжурами и монголами, проходящими по краю степи.

Ресурсы этих обширных земель в виде древесины, минералов, металлов, скота и зерна еще не изучены и не освоены. Холмы покрыты лесом до самых вершин, низины приносят два урожая в год, а реки доставляют древесину и зерно русским поселенцам. Сорго, просо, ячмень, кукуруза, бобовые, индиго и табак - главные сельскохозяйственные культуры, а в последнее время и опиум, который быстро распространился, потому что хорошо оплачивается. Широко производятся масло и виски, которые упаковываются в плетеные корзины, выстланные бумагой, и перевозятся на тачках. Дикие и домашние животные многочисленны. Среди последних больше всего свиней и мулов, которые служат пищей и транспортом, а тигры, пантеры и леопарды, медведи, волки и лисы вознаграждают охотников за то, что они их убивают.

ПРОВИНЦИЯ ЦИ-ЦИ-ХАР.

Провинция Ци-ци-хар, или Хехлунг-кианг, занимает северо-запад Маньчжурии, простираясь на четыреста миль с востока на запад и примерно на пятьсот с севера на юг. На севере она ограничена Амуром от Шилки до его слияния с Сонгари, на востоке и юго-востоке - Кирином, от которого ее частично отделяет Сонгари, на юго-западе - Монголией, а на западе - рекой Аргунь, отделяющей ее от России. Большую часть ее занимает долина реки Нонни, Нун или Нун; площадь около двухсот тысяч квадратных миль представляет собой в основном необитаемую, гористую пустыню. Она разделена на шесть командорств, а именно: Цицихар, Хулан, Путек, Мергуен, Сагалиен-ула и Хурун-пир, офицеры которых управляют племенами в их пределах; из них Сагалиен или Игоон - главный город в северо-восточных районах, используемый правительством Пекина как штрафное поселение. Город стоит на равнине, но в двух шагах над рекой, которая уходит в горы вдаль. Здесь размещено большое количество офицеров и солдат, их обширные казармы свидетельствуют о важности этого места. Гарнизон постепенно привлек туземцев и китайцев с юга, которые живут рыбалкой и охотой, а также занимаются сельским хозяйством.

Цицихар, столица провинции, расположен на реке Нонни, на широте 47°20' северной широты и долготе 124° восточной долготы. 124° восточной долготы, и является местом некоторой торговли, к которой прибегают племена, живущие у реки. Мергуен, Хурун-пир и Хулан расположены на реках и доступны, когда воды свободны ото льда. Цицихар был построен в 1692 году Канхи, чтобы подавить соседние племена. Он обнесен крепостной стеной и рвом. Одноэтажные дома построены из бревен или из кирпича, оштукатуренного там, где древесина дорогая, и отапливаются кирпичными лежанками; высокие дымовые

трубы снаружи главных зданий придают деревням особый вид. Распространенными культурами являются бобовые, кукуруза, табак, просо и пшеница, а в последнее время и мак. Долину Нонни возделывают маньчжуры Тагури, среди которых в 1687 году, когда они эмигрировали из Сибири, поселились шесть тысяч шестьсот семей якутов. Корчинские монголы занимают страну к югу и западу от этой долины. Некоторые из ее потоков приносят крупный жемчуг. Регион, лежащий между Сиалкой и рекой Аргун, суров и бесплоден, и мало привлекает земледельцев. Во всех реках в изобилии водится рыба, а на холмах ищут пушнину. В низинах превосходные пастбища. В удобных местах на Аргуни и других реках постоянно проводятся ярмарки между туземцами и казаками. Расовое различие между монголами и маньчжурами проявляется в сельскохозяйственных работах последних, столь противоположных кочевым привычкам первых. В последние полвека этот регион привлек китайских поселенцев из Шантунга и Чили. Эти колонисты быстро заполняют пустующие земли вдоль рек, лишая маньчжуров их бережливости и промышленности, и делая страну гораздо более ценной. Таким образом, они закрепят ее за пекинским правительством и постепенно поставят под китайский контроль, что принесет большую пользу всем. В ранние времена политика маньчжуров, как и политика компании Е.И. в Индии по отношению к британской иммиграции, сдерживала приезд китайских поселенцев, и в обоих случаях это было невыгодно правящей державе.

Администрация Маньчжурии состоит из верховного гражданского правительства в Мукдене и трех провинциальных военных, хотя Шингкинг подчиняется и гражданскому, и военному. Существует пять коллегий, каждая из которых подчиняется президенту, чьи обязанности аналогичны пекинским. Надзор за самим городом осуществляет *фуинь* или мэр, превосходящий по должности префекта. Три провинции подчиняются стольким же маршалам, чьи подчиненные управляют комендатурами, а последние имеют в своем подчинении гарнизонных офицеров, чей ранг и власть соответствуют размеру и важности их округов. Они делегируют часть своих полномочий "помощникам директоров", или резидентам, которые размещены в каждом городе; на пограничных постах офицеры имеют более высокий ранг и подчиняются непосредственно маршалам или их лейтенантам. Все офицеры, как гражданские, так и военные, - маньчжуры, и большая часть из них принадлежит к императорскому клану или тесно связана с ним. Таким образом, маньчжуры в определенной степени отделены от общего управления провинциями, обеспечены должностями и титулами, а их усердие и верность на дальних постах побуждают рекомендовать себя для продвижения по службе в империи.^[103]

Монголия - первая по порядку колония, под которой подразумеваются те части империи, которые находятся под контролем *Ли-фан-юэня*, или Министерства иностранных дел.^[104] Согласно статистике империи, она включает в себя регион, лежащий между лат. 35° и 52° северной широты, и от долготы. 82° - 123° в.д.; граничит на севере с Забайкальским, Иркутским, Енисейским, Томским и Семиполатинским российскими правительствами; на северо-востоке и востоке - с Маньчжурией; на юге - с провинциями Чихли и Шанси, а также с Желтой рекой; на юго-западе - с Кансухом; на западе - с Кобдо и Или. Эти границы не очень строго обозначены во всех точках, но длина с востока на запад составляет около семнадцатисот миль, а наибольшая ширина - тысячу, охватывая площадь 1 400 000 квадратных миль, на которых проживает около двух миллионов человек. Эта возвышенная равнина, почти лишенная леса и воды, закрыта с юга горами Тибета, а с севера - отступлениями от Алтайского хребта. Центральную часть занимает пустыня Гоби, бесплодная степь, средняя высота которой составляет 4 000 футов над уровнем моря, и лишенная всякой проточной воды. Благодаря своей возвышенности, крайне переменчивому климату и

отсутствию оазисов, она может считаться не менее страшной, чем Сахара, хотя песчаные отходы здесь, пожалуй, вряд ли столь же безоглядны.

КЛИМАТ И ДЕЛЕНИЕ МОНГОЛИИ.

Климат Монголии чрезмерно холодный для этой широты, что частично объясняется ее высотой и сухостью атмосферы, а в степях - отсутствием укрытия от ветров. Но это компенсируется безоблачным небом и благодатными лучами солнца, которые поддерживают и подбадривают людей, когда термометр опускается ниже нуля. Хребты со всех сторон лишили воздух влаги; день за днем солнечное тепло достигает земли с меньшими потерями, чем в более влажных регионах в тех же широтах. В противном случае в этих пустошах на такой высоте вообще не было бы жизни. В районах, граничащих с Чихли, люди строят свои дома частично под землей, чтобы избежать неустойчивости сезона. Почва в этих высоких землях и на их границах непригодна для сельскохозяйственных целей: ни снег, ни дождь не выпадают в достаточном количестве, за исключением склонов горных хребтов; но просо, ячмень и пшеница могут выращиваться к северу и югу от них. Однако кочевники радуются своей свободе от обработки земли и передвигаются со своими стадами и имуществом в пределах, отведенных китайцами для каждого племени.

Пространство к северу от Гоби до границ России, шириной около ста пятидесяти миль, теплее, чем пустыня, и содержит больше населения, чем южные стороны. На холмистых участках много скота, но его нет в пустыне, где дикие звери и птицы владеют им безраздельно. Зимой термометр опускается до тридцати и сорока градусов ниже нуля (фр.), а внезапные и сильные перепады случаются часто. Ни один месяц в году не обходится без снега или мороза; но в степях жара летом почти нестерпима из-за излучения песчаной или каменистой поверхности. Снег лежит не очень глубоко, и даже в холодную погоду скот находит под ним корм; стада и отары, однако, невелики.

Основных делений Монголии четыре, а именно: 1, Внутренняя Монголия, лежащая между Стеной и югом пустыни; 2, Внешняя Монголия, между пустыней и Алтайскими горами, простирающаяся от Внутреннего Хингана до Тянь-шаня; 3, страна около Коко-нора, между Кансухом, Сцюзнем и Тибетом; и, 4, зависимые территории Улясутая, лежащие к северо-западу от Калкаского ханства. Весь этот регион был включен под общим названием Тартария, и если бы границы Внутренней и Внешней Монголии были границами Тартарии, название было бы в какой-то степени уместным. Но когда Чингис пришел к власти, он назвал свое собственное племя *Кукай Монгол*, "Небесный народ", а все остальные племена обозначил как *татары*, то есть "данники".^[105] Три племени - калкасы, сахара и сунниты - сейчас составляют большую часть монголов под властью Китая.

ПЛЕМЕНА ВНУТРЕННЕЙ МОНГОЛИИ.

Внутренняя Монголия, или *Нуй-Мунгу*, ограничена с севера Цицихаром, Цэцэнским ханством и Гоби, границы которых почти не поддаются определению; с востока - Кирином и Шинкингом; с юга - Чихли и Шанси; с запада - Кансухом. Где бы ни проходила Стена, ее принято считать границей между Китаем и Монголией. Страна делится на шесть *минг* или *чалканов*, как наш корпус, и двадцать четыре *аймака*^[106] (племена), которые снова находятся под управлением сорока девяти стандартов или *хочунов*, каждый из которых обычно включает около двух тысяч семей, которыми командуют наследственные князья, или *дсасаки*. Главные племена - кортчинцы и ортусы. Крупное племя сахаров, занимающее область к северу от Стены, управляется *тутунгом*, или генералом, проживающим в Калгане, а их пастбища сейчас номинально включены в провинцию Чихли. Провинция Шанси также включает земли, занятые тумэтами, которые находятся под управлением генерала,

размещенного в Суйюэне, за Желтой рекой. На пастбищах к северо-западу от Калгана, в окрестностях озер Чазау и Ичи, и на расстоянии более ста миль от Великой стены, находятся участки, отведенные для разведения лошадей для "Корпуса Желтого Знамени". За исключением таких пастбищ и обширных охотничьих угодий в окрестностях Джех-хо, зарезервированных правительством, небольшие поселения китайцев постоянно занимают равнины Внутренней Монголии, откуда им уже удалось вытеснить многие из коренных монгольских племен на север. Те аборигены, которые не хотят уходить, стремятся спастись от голодной смерти или поглощения, обрабатывая землю по примеру своих соседей, китайских переселенцев. Именно этот приток переселенцев заставил Канхи разделить южную часть Внутренней Монголии на префектуры и районы, подобные собственно Китаю. Этому изменению привычек населения, похоже, суждено в скором времени изменить облик страны.

Большинство мелких племен, за исключением ортусов, живут между западными границами Маньчжурии и степями, простирающимися на север до Сиалкойского хребта и на юг до Чахара. Эти племена пользуются особой благосклонностью маньчжуров, поскольку присоединились к ним во время завоевания Китая, а их лидеры часто занимают высокие посты в правительстве страны.

ВНЕШНЯЯ МОНГОЛИЯ.

Внешняя Монголия, или *Вай-Мунгу*, - это дикая территория, лежащая к северу от последней до России. На севере она ограничена Россией, на востоке - Цицихаром, на юго-востоке и юге - Внутренней Монголией, на юго-западе - Баркулом в Кансухе, на западе - Тарбагатаем, а на северо-западе - Кобдо и Улясутаем. Пустыня Гоби занимает южную половину региона. Она разделена на четыре лу, или округа, каждый из которых управляется ханом или князем, претендующим на прямое происхождение от Чингиса и руководящим внутренним управлением своего ханства. Цэцэнское ханство лежит к западу от Хурун-пира в Цицикаре, простираясь от России на юг до Внутренней Монголии. К западу от него, протянувшись из Сибири через пустыню во Внутреннюю Монголию, лежит Тухэту (или *Тусиэту* из Клапрота^[107]) ханство, самое значительное из четырех; в его пределах проходит дорога из Кяхты в Калган. К западу от последнего, ограниченный с юга Гоби и с северо-востока Улясутаем, лежит область Калкас Саиннуин; а на северо-западе находится ханство Дсассакту, к югу от Улясутая, и доходящее до Баркуля и Кобдо на юге и западе. Все они в политическом отношении находятся под контролем двух маньчжуров, размещенных в Урге, которые руководят взаимными интересами монголов, китайцев и русских.

Столица Урга, или Курень, находится в Тучетуском ханстве, на широте 48° 20' северной широты и долготе 107½° восточной долготы, на реке Тола, ответвлении Селенги. 107½° в.д., на реке Тола, ответвлении Селенги. Это крупнейший и важнейший населенный пункт Монголии, разделенный на китайский квартал *Маймай-чин* и монгольское поселение *Богдо-Курен*, расположенные почти в трех милях друг от друга. Общая численность населения оценивается в 30 000 человек, причем китайским жителям запрещено законом жить со своими семьями; из монголов здесь, безусловно, большую часть составляют ламы. В оценке этих людей Урга стоит рядом с Х'лассой по степени святости, являясь резиденцией третьего лица в тибетском патриархате. Согласно учению ламы, этот сановник - *Кутукту* - является земным воплощением Божества и никогда не умирает, а переходит после своей видимой смерти в тело какого-нибудь новорожденного мальчика, которого потом ищут по пророческим указаниям далай-ламы в Тибете. Этот святой правитель, несмотря на ограниченное образование и полное подчинение сопровождающим его ламам, оказывает неограниченное влияние на калкасов. Именно через него китайские чиновники

контролируют туземные расы Монголии. Его богатство, благодаря пожертвованиям восторженных почитателей, огромно; в Урге и ее окрестностях ему принадлежат 150 000 рабов, изобилие мирских благ и самый претенциозный дворец в Монголии. За пределами своих религиозных зданий Урга отвратительно грязная; грязь выбрасывается на улицы, а привычки людей отвратительны. Дряхлые нищие и голодные собаки кишат на улицах; мертвые тела, вместо того чтобы быть погребенными, бросают птицам и хищным зверям; хижины и лачуги дают приют и богатым, и бедным.^[108]

Четыре ханства образуют один *аймак* или племя, подразделяющееся на восемьдесят шесть стандартов, каждый из которых ограничен определенной территорией, в пределах которой он бродит по своему усмотрению. Всего у монголов насчитывается сто тридцать пять стандартов. Калкасы в основном живут между Алтайскими горами и Гоби, но не возделывают почву с особой эффективностью. Они привержены буддизму, и ламы держат в своих руках большую часть власти через *кутукту*. Они приносят ежегодную дань императору в виде лошадей, верблюдов, овец и других животных или их шкур, получая взамен подарки, во много раз превышающие их стоимость, так что их держат в подчинении постоянным подкупом; малейшая непокорность с их стороны сопровождается уменьшением подарков и другими наказаниями. Энергичное правительство, однако, не обходится без дополнений. Верховный трибунал находится в Урге; он является *ямуном*, *par excellence*, и обладает как гражданской, так и военной юрисдикцией. Решения подлежат пересмотру двумя китайскими резидентами, и приговоры обычно приводятся в исполнение после их утверждения. Наказания ужасно суровы, но только решительная и жестокая рука над этими дикими племенами может удержать их от постоянных распрей.

Маньчжуры поощряют литературу, но без особого успеха. По приказу императоров на монгольский язык было переведено множество буддийских книг; не приходится удивляться их равнодушию к литературе, когда они питаются этим материалом. Их палатки, или *юрты*, сделаны из деревянных реек, скрепленных между собой так, что образуют грубую решетку; каркас состоит из нескольких длин, скрепленных веревками, оставляя дверь около трех футов в квадрате. Средний размер - двенадцать футов в поперечнике и десять футов в высоту; форма круглая, а коническая крыша пропускает свет, но при этом выпускает дым. Столбы или стропила прикреплены к бокам и прикреплены к обручу наверху. На этом каркасе закреплены листы плотного войлока в зависимости от времени года. Очаг в центре хранит огонь, который нагревает висящий над ним котелок и согревает сидящих на корточках обитателей, которые обычно подстилают под себя только войлок и овчины. Войлок прекрасно защищает от холода, дождя, снега и жары. Первокласная *юрта* с ее мебелью, подстилкой, святилищем и горячим чайником в центре отнюдь не является неудобным жилищем. В *юртах* более богатых слоев населения иногда можно увидеть ковер для сна и сидения; в них также стены обиты хлопком или шелком, а полы деревянные. Домики богатых калкасов имеют несколько квартир, изящно обставлены, но лишены чистоты, комфорта и воздушности. Большинство тканей, посуды и оружия они закупают у китайцев. Сунниты меньше, чем калкасы, и кочуют по широким пустошам Гоби. И те, и другие получают некоторый доход от проведения караванов через свою страну, но средства к существованию зависят главным образом от продукции своих стад и охоты. Их князья вынуждены жить в Урге или держать там заложников, чтобы жители могли направлять и сдерживать их поведение; но их преданность *кутукту* и легкая жизнь, которую они ведут, являются самыми сильными побуждениями остаться.

КЯХТА И ТОРГОВЛЯ С РОССИЕЙ.

Раньше вся торговля с Россией шла через Кяхту, город, расположенный недалеко от границы, и осуществлялась специальными агентами и чиновниками, назначаемыми каждой страной. Весь бизнес управлялся в интересах правительства, а его рамификации давали работу, положение и поддержку стольким людям, что образовывали узы союза и гарантию мира между ними и их подданными. Путешествие Тимковского с десятилетней миссией в Пекин в 1820-21 годах представляет собой один из лучших доступных ныне отчетов об этой торговле и сношениях, а вместе с примечаниями Клапрота, приведенными в английском переводе, опубликованном в 1827 году, долгое время служило главным надежным источником информации о делении и организации монгольских племен. Со времени открытия Суэцкого канала, по которому русские пароходы перевозят товары между Одессой и Китаем, большая часть китайских продуктов больше не поступает в Кяхту. То, что требуется для Сибири, отправляется из Ханькоу через Шаньси, или из Калгана и Тяньцина, под руководством русских купцов в этих местах. Пушнина, которая когда-то составляла самую богатую часть этой продукции, постепенно уменьшается в качестве и количестве с увеличением числа поселенцев. В 1843 году экспорт черного чая для русского потребления составил всего восемь миллионов фунтов, кроме того, кирпичный чай вывозили монголы. Коттрелл считает, что общая стоимость торговли в тот период составляла сто миллионов рублей в год, что равнялось 20 830 000 долларов, из которых русские заплатили в 1836 году около 2 500 000 долларов в качестве импортной пошлины. Данные об этой торговле сорокалетней давности, вероятно, не очень точны; монополия поддерживалась в основном в интересах чиновников, поскольку частные торговцы находили ее слишком обременительной.

Кяхта - селение, не имеющее никакого значения, кроме торгового. Граница здесь обозначена рядом гранитных колонн; крепость отделяет ее от Маймай-чина. Пампелли пишет: "Вряд ли можно представить себе более резкую линию, чем та, что проведена здесь. По одну сторону крепостной стены дома, церкви и люди - европейцы, по другую - китайцы. Одним шагом путешественник попадает из Азии, с азиатскими обычаями и языком, в изысканное европейское общество". Товары оплачивают пошлину в русском дуане в пригороде из пятидесяти домов, недалеко от Кяхты. Китайский городок - тоже небольшое местечко, насчитывающее от двенадцати до пятнадцати сотен мужчин (женщины в поселение не допускались), которые большую часть года живут в безделье. Этот любопытный городок имеет две главные улицы, пересекающиеся под прямым углом, и ворота на четырех концах, в деревянной стене, которая его окружает. Эти улицы плохо вымощены, а их узость едва позволяет пройти двум верблюдам в одну сторону. Одноэтажные дома построены из дерева, крыты дерном или досками и состоят из двух небольших комнат, одна из которых используется как магазин, а другая - как спальня. Окна в задней квартире сделаны из промасленной бумаги или слюды, а дверь - единственное отверстие в магазине. Жилища содержатся в чистоте, мебель отличается превосходным качеством, а в выкладке товаров прослеживается значительный вкус и показ. Торговцы живут роскошно и привлекают большое количество людей во время ярмарки в феврале, когда происходит обмен товарами. Они находятся под управлением маньчжура, называемого *дзаргучи*, который назначается на три года и руководит полицией поселения, а также торговыми операциями. Здесь есть два буддийских храма, в которых служат ламы и находятся пять колоссальных изображений, сидящих со скрещенными ногами, и множество идолов поменьше.^[109]

Западная часть Монголии между меридианами 84° и 96° восточной долготы, простирающаяся от западной оконечности провинции Кансух до пределов России, включающая Улясутай и его окрестности, Кобдо, Калкас и Тургуты гор Тангну, менее

известна, чем любая другая ее часть. Резиденция начальника этой провинции находится в Улясутае (*т.е.* "Тополиной роще"), городе, расположенном к северо-западу от Селенги, в ханстве Саиннуин, в хорошо возделанной и приятной долине.

ПРОВИНЦИЯ КОБДО.

Кобдо, согласно китайским картам, находится на северо-западе Монголии; с севера и запада он ограничен правительством Енисейска, с северо-востока - Улянхаем, с юго-востока - Дсассактуйским ханством, с юга - Кансухом, с запада - Тарбагатаем. Часть, занятая племенами улянхай или урянхит в горах Тангну, лежит к северо-востоку от Кобдо, к северу от Саиннуинского и Дсассактуйского ханств и отделена от России Алтаем. Эти племена находятся в союзе с самоедами, а управление ими двадцатью пятью подчиненными военными офицерами, подчиняющимися резиденту в Улясутае. В этом городе, как говорят, около двух тысяч домов, он регулярно застраивается и ведет некоторую торговлю с Ургой; он лежит на реке Иро, притоке Джабкана. Кобдо состоит из одиннадцати племен калкасов, разделенных на тридцать одну норду, чьи князья подчиняются амбану в городе Кобдо, который сам подчиняется резиденту в Улясутае. Китайцы управляют этими племенами по тем же принципам, что и другими монголами, и все они оказывают верность императору через главного резидента в Улясутае, но насколько в действительности повинуются его приказам, неизвестно. Калкасы подчинились императору в 1688 году, чтобы избежать вымирания в войне с элеутами, от которых они потерпели поражение.

В Кобдо есть несколько озер, многие из которых принимают реки, не имея выхода. Самое крупное - Упса-нор, принимающее с востока реку Тесь, и Нки-арал-нор, в которое впадает Джабкан. Река Иртыш впадает в озеро Дзайсанг. Наличие стольких рек указывает на более плодородную страну к северу от Алтая или гор Эктаг, но никакие природные щедроты не смогут побудить жителей принять оседлый образ жизни и возделывать землю, если среди них существует такое клановое состояние общества, которое, по словам М. Левчина, у их соседей, киргизов. Племена в Кобдо по своим привычкам, спорам и образу жизни больше похожи на американских индейцев, чем восточные калкасы, которые по своему миграционному характеру приближаются к арабам.

ПРОВИНЦИЯ И ОЗЕРО КОКО-НОР.

Провинция Цин-хай, или Коко-нор (тангуты называют ее Цок-гум-бам), не включается в состав Монголии ни европейскими географами, ни в китайских статистических трудах; жители, однако, в основном монголы, как буддисты, так и мусульмане, и управление осуществляется по тому же плану, что и у племен калкасов, живущих дальше на севере. Этот регион известен в истории Центральной Азии под названиями Тангоут, Сифан, Турфан и др. На китайских картах он политически называется Цинхай ("Лазурное море"), а в их книгах - *Си Ю* или *Си И*, "Западные пределы". В настоящее время границы ограничены с севера Кансухом, с юго-востока - Сцюзнем, юга - Передним Тибетом, а с запада - пустыней, что составляет около четырех градусов широты и одиннадцати долготы.

В его пределы входит несколько крупных озер, принимающих в свои лоны реки, многие из которых не имеют выходов. Лазурное море - самое большое, лежит на высоте 10 500 футов над уровнем моря и окружено высокими горами, которые зимой покрыты снегом, а летом образуют изумрудное обрамление, углубляющее голубизну воды. В окрестности он составляет более 200 миль, а его испарение восполняется за счет притока вод восьми крупных ручьев; на одном маленьком островке находится монастырь, обитатели которого освобождаются от своего одиночества только тогда, когда лед образует мост, поскольку известно, что ни одна лодка не плавала по его соленой воде. Широкие влажные равнины на

востоке и западе служат пастбищем для домашних и диких животных, а между племенами, прибегающими сюда в поисках пищи, происходят постоянные столкновения. Путешествия аббата Гука и полковника Прежевальского содержат почти все, что известно о продуктах и жителях Коко-нора. Страна номинально разделена на тридцать четыре знамена, а ее китайские правители проживают в Сининге, к востоку от озера; но им приходится больше обороняться, чем защищать своих подданных. Вся страна занята тангутами тибетского происхождения, которые по профессии разбойники и кочуют по горам вокруг верховьев рек Янцзы и Желтой; магометанскими дунганами, которые были почти уничтожены в ходе недавнего восстания; и племенами монголов под различными названиями элеутов, коло, калкасов, сургутов и койтов. Китайские карты пестрят названиями различных племен, но их статистические отчеты столь же скудны информацией, как и карты, не обладающие точными и удовлетворительными очертаниями.

Топографические особенности этого региона еще плохо изучены, а его негостеприимный климат становится еще опаснее из-за варварства человека. Высокие горные массивы чередуются с узкими долинами и несколькими большими впадинами с озерами; страна, лежащая к югу от Лазурного моря, вплоть до Бирмы, чрезвычайно гориста. К западу и юго-западу от озера простирается равнина Цайдам, которая в недавнюю геологическую эпоху была дном огромного озера; сейчас она покрыта болотами, трясиными, небольшими реками и водоемами - самым значительным из последних является озеро Кара, расположенное в крайней западной части. Засоленная аргиллитовая почва этого региона не приспособлена для растительности. Крупных животных мало, отчасти из-за нашествия насекомых, которые заставляют даже местных жителей уходить в горы со своими стадами в определенные сезоны. Жители здесь те же, что и в Восточном Коко-норе; они разделены на пять знамен и насчитывают около 1 000 *юрт*, или 5 000 душ.

Хребет Бурхан-будда образует южную границу этой равнины и самую северную границу высокогорного плато Тибета. Его длина с востока на запад составляет не более 130 миль, восточная оконечность находится вблизи Еграй-улы (близких истоков Желтой реки) и Тосо-нора. Хребет не имеет высоких вершин и тянется непрерывной цепью на высоте от 15 000 до 16 000 футов; он ужасно бесплоден, но не достигает линии вечного снега. Южный хребет, разделяющий верховья рек Желтой и Янцзы, называется горами Баян-кара; северо-западнее него на китайских картах называются Килян-шань и Нань-шань, а с юга он ограничивает пустыню. На северных склонах хребта Наньшань находится несколько городов, расположенных на дороге, ведущей через Центральную Азию, которая выходит из долины Желтой реки у Ланчау, в Кансухе, и идет на северо-северо-запад по пересеченной местности до Лянчау, города, имеющего некоторое значение, расположенного в плодородном и густонаселенном районе. От этого места он идет на северо-запад к Канчау, известному своим производством войлочных тканей, которые пользуются спросом у монгольских племен Коко-нора, и где закупается большое количество ревеня, лошадей, овец и других товаров. Двигаясь дальше на северо-запад, путешественник достигает Сухчау, последнего крупного населенного пункта перед прохождением Великой стены, которая превращает его в торговый центр для провизии и всех товаров, привозимых с запада в обмен на китайские изделия. Этот город был последним оплотом дунганских мусульман, и когда они были уничтожены в 1873 году, он начал возрождаться из своих руин. Примерно в пятидесяти милях от этого города находится перевал Киаю, за которым дорога на Хами, Урумци и Или ведет прямо через пустыню, ширина которой составляет около трехсот миль. Этот путь на протяжении многих веков был линией внутреннего сообщения между западом Китая и регионами, лежащими вокруг и в бассейнах рек Тарим и Каспий. [110] Лучшее представление о безопасности движения и караванов внутри империи, а следовательно, и о доброте китайского правления,

можно получить, сравнив обычно безопасное путешествие по этому маршруту с опасностями, грабежами и нищетой, с которыми раньше приходилось сталкиваться на больших дорогах в Бохаре и регионах к югу и западу от тегу Белур.

ТАНГУТЫ И КОЧЕВНИКИ КОКО-НОРА.

Продукция Коконора состоит из зерна и других овощей, выращиваемых по дну рек и окраинам озер; овец, крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов и других животных. Среди обитателей дикой природы - альпийские зайцы, дикие ослы, дикие яки^[111], грифы, ламмергейры, фазаны, антилопы, волки, горные бараны и дикие верблюды. Среди племен поселились китайцы, а в крупных городах - магометане турецкого происхождения. Между Коконором и Улясутаеом расположено восемь корпусов, состоящих из всех племен и знамен, над которыми поставлено столько же верховных генералов или командиров, назначаемых из Пекина. Главные племена Коконора - элеуты, тангуты и турбеты, первые из которых представляют собой остатки одного из самых могущественных племен Центральной Азии. Тангут подчинился императору в 1690 году, и его население после присоединения значительно увеличилось. Они населяют холмистую местность Кансух, Коконор, Восточный Цайдам и бассейн верхней Желтой реки. Они похожи на цыган, выше среднего роста, с толстыми чертами лица, широкими плечами, волосами и усами, черными, темными глазами, нос прямой, губы толстые и выступающие, лицо длинное и не плоское, кожа коричневая. В отличие от монголов и китайцев, у них сильно растут борода и усы, которые, однако, они всегда сбривают. Они не носят хвоста, но бреют голову; их одежда состоит из мехов и тканей, сшитых в длинные плащи, достигающие до колен. Рубашки или трико не используются; верхняя часть ног обычно остается голой. Женщины одеваются так же, как и мужчины. Их жилища - деревянные хижины или палатки из черной ткани. Тангуты хитры, скупы, ленивы и непостоянны. Его единственное занятие - пасти скот (яков). Он еще более ревностный буддист, чем монголы, и крайне суеверен.^[112] Торговля в Сининге велика, но не сравнима с торговлей между Юньнанем и Бирмой в Тали и Бхамо; на базаре можно увидеть финики, ремень, чаури, драгоценные камни, войлок, ткани и т.д. Он расположен примерно в ста милях от моря, на высоте 7800 футов, и рядом с ним находится знаменитый ламасарий Кумбум, где в 1818 году жили ММ. Хук и Габет жили в 1845 году. Город удачно расположен на реке Сининг-хо, и хотя построен по большей части из дерева, представляет собой прекрасный вид благодаря множеству официальных зданий. Население насчитывает около 60 000 душ.^[113]

Города, расположенные между Великой стеной и Или, хотя политически и относятся к Кансуху, по форме правления больше связаны с колониями, чем с Восемнадцатью провинциями. Первый город за перевалом Киаю - Юхмун, расположенный на расстоянии около девяноста миль, является резиденцией офицеров, которые обслуживают караваны, идущие к перевалу и обратно. Он расположен у слияния двух ручьев, которые впадают в Пурунки в северном направлении. Другой окружной город Тунхванг лежит в гористой местности на расстоянии более двухсот миль. Город Нганси-чау был построен для облегчения сообщения через пустыню с Хами или Камилем, первым городом в Сонгари и местом дислокации войск, оружия и боевых припасов. "С городом Хами, - пишет австрийский турист, побывавший в этих краях, - путешественник попадает в южные предгорья Тянь-шаня и видит первые следы сибирской цивилизации. Великолепные горные пейзажи сопровождают его на пути на запад к российской линии". В правительстве Семиполатинска стоят экс-пресс почтовые вагоны, готовые по его приказу с бешеной скоростью доставить его в одноименный город, затем на правый берег Иртыша и так до Омска".^[114] Этот путь и тот, что тянется на юго-запад, приносят в Хами важную торговлю; страну вокруг него возделывают бедные монголы.^[115] Баркуль, или Чинси-фу,

расположенный на широте 43° 40' с. ш. и долготе 93° 30' в. д., является важным местом для торговли. 93° 30' в.д., является самым важным местом в департаменте; округ называется Хо Хиен. Пост охраняют тысяча маньчжуров и три тысячи китайцев. Город расположен к югу от озера Баркуль, и его окрестности возделываются. Хами и Турфан образуют округ *тинг* на юго-востоке и западе департамента. Торговля во всех этих местах состоит в основном из предметов питания и одежды.

Урумци, или Тих-хва-чау (*Бич-балык* уйгуров в 1100 г.^[116]), расположенный на широте 43° 45' с. ш. и долготе 89° в. д., является самым западным департаментом Кансуха, разделенным на три округа и содержащим множество поселений. 89° в.д., является самым западным департаментом Кансуха, разделенным на три округа и содержащим множество постов и поселений. Во время войны с элеутами в 1770 году жители вокруг этого места были истреблены, и после этого страну вновь заселили до десяти тысяч солдат с семьями и изгнанниками; эмигрантов из Кансуха также побудили поселиться здесь. Китайцы рассказывают о высокой горе недалеко от города, всегда покрытой льдом и снегом, основание которой покрыто лесом и изобилует фазанами; в этом районе также добывают уголь. Холода очень сильные, и снег выпадает даже в июле. Во многих районах выращивают зерно и овощи. Весь этот департамент ранее составлял часть Сонгарии. Политика китайского правительства заключается в том, чтобы побудить племена к оседлости, размещая во всех важных пунктах большие войска с семьями и отправляя своих ссыльных преступников обрабатывать землю; тогда монголы обнаруживают растущий спрос на свой скот и другие продукты, и их побуждают стать неподвижными, чтобы удовлетворить его. Насколько известно, эта политика хорошо зарекомендовала себя в районах за Стеной и вокруг Коко-нора; но восстание дунганов, возникшее в этих отдаленных районах в тот момент, когда все силы пекинского правительства были направлены на подавление восстания Тай-пина, уничтожило эти улучшения и на неопределенный срок сорвало многообещающее развитие цивилизации среди жителей.

ДЕЛЕНИЯ И ГРАНИЦЫ ИЛИ.

Часть Империи, называемая Или, представляет собой обширную область, лежащую по обе стороны Тянь-шаня и включающую территорию, почти такую же большую, как Монголия, и не намного более пригодную для возделывания. Его пределы простираются от 36° до 49° северной широты и от 71° до 96° восточной долготы. 71° - 96° восточной долготы, а вся его площадь, хотя ее трудно оценить из-за ее неравномерности, вряд ли может быть меньше 900 000 квадратных миль, из которых Сонгария занимает более трети. Она делится на две *Лу*, или "цепи", а именно: Тянь-шань Пех Лу и Тянь-шань Нань Лу, или цепи к северу и югу от Небесных гор. Первая обычно называется Сонгария, или Джунгария, от Сонгаров или Элевтов, которые правили ею до нескольких десятков лет назад, а вторая раньше была известна как Малая Бохара, или Восточный Туркестан.

С севера Илли ограничен Алтайским хребтом, отделяющим его от Киргизии; с северо-востока - рекой Иртыш и Внешней Монголией; с востока и юго-востока - Урумци и Баркулом в Кансухе; с юга - пустыней и хребтом Квэнлун; с запада - Белур-тагом, отделяющим его от Бадакшана и российской территории.^[117] В длину Северный контур простирается примерно на девятьсот миль, а в ширину, в среднем, на триста миль. Южный контур простирается почти на двенадцатьсот пятьдесят миль с запада на восток, а его ширина варьируется от трехсот до пятисот миль, поскольку он простирается до хребта Квэнлун на юге. Вероятно, больше всего пахотных земель находится в Северном округе.

ТОПОГРАФИЯ ИЛИ.

Илли, взятый к северу от бассейна Тарима, можно рассматривать как внутренний перешеек, простирающийся на юго-запад с юга Сибири, между пустынями Гоби и Каспийской, до Гиндукуша, ведущего в долину Инда. Первая из этих пустынь примыкает к нему на востоке и юге, вторая - на западе и северо-западе, отделенные друг от друга хребтами Белур и Муз-таг, которые соединяются с Тянь-шанем, разделяющим сам перешеек на две части. Эти объединенные пустыни равны по площади Сахаре, но не такие засушливые и бессточные.

Этот регион имеет ряд особенностей, среди которых наиболее примечательны его большая высота, изолированность в отношении водных потоков и характер растительности. Сонгария особенно примечательна множеством замкнутых речных бассейнов, которые встречаются между Алтаем и Тянь-шанем, среди различных небольших хребтов, каждый из которых полностью изолирован и содержит озеро, являющееся местилищем его стока. Самый большой из этих необычных бассейнов - бассейн реки Или, который тянется примерно на триста миль на запад, от своего истока в Тянь-шане (85° широты) до впадения в озеро Балкаш, куда впадают и некоторые другие потоки; площадь всего бассейна составляет около сорока тысяч квадратных миль. Другие озера лежат к северо-востоку от Балкаша; самые крупные из них - Дзайсанг, принимающий Иртыш, Кисильбаш, в который впадает Урунгу, и четыре или пять мелких между ними, лежащих к северу от города Или. Озеро Темурту, или Иссик-куль, лежит сейчас за юго-западной частью этого округа и до недавнего времени находилось в нем. Это глубокое озеро, которое никогда не замерзает; оно солоноватое, но полно рыбы; его размеры составляют около ста миль в длину и тридцать пять в ширину; его обильные воды стекают через Чу-хо в Киргизскую степь.

Хребет Алатау ограничивает озеро на северном берегу. Русский путешественник, описывая этот край, говорит: "Трудно представить себе что-либо более великолепное, чем вид на Тянь-шань с этого места. Темно-синяя, как сапфир, поверхность Иссик-куля вполне может сравниться с такой же синей поверхностью Женевского озера, но его просторы в пять раз больше, кажущиеся почти безграничными, и несравненное великолепие его фона придают ему величие, которого нет у швейцарского озера. Непрерывная снежная цепь протянулась здесь не менее чем на 200 миль длины Иссик-куля; резкие очертания отрогов и темных долин переднего хребта смягчаются тонким туманом, который висит над водой и усиливает четкие, резкие очертания белых голов гигантов Тянь-шаня, поднимающихся и сверкающих на лазурном пологие среднеазиатского неба. Линия вечного снега начинается на трех пятых их склона, но по мере того, как смотришь, их бесснежное основание как бы погружается все глубже на дальний восток, пока волны озера, кажется, не омывают снежные гребни Хан-Тенгсе". В него впадает сорок небольших рек, но его размеры постепенно уменьшаются. [\[118\]](#)

Мало что известно о топографии, производстве или цивилизации племен, населяющих большую часть Сонгарию, но усилия китайского правительства систематически направлены на развитие ее сельскохозяйственных ресурсов, путем размещения там войск, которые обрабатывают землю, и изгнания туда преступников, которые обязаны работать на войска и помогать им. Можно составить более полное представление о правителях Китая, которые сами изначально были странствующими кочевниками, когда видишь, как они осуществляют такой план по расширению возможностей этих отдаленных частей своей империи и обучают, частично силой, частично взятками, а частично своим примером, подчиненные им монгольские племена преимуществам оседлой жизни.

Продукция Сонгарию многочисленна. Пшеница, ячмень, рис и просо - основные виды кукурузы; выращивают табак, хлопок, дыни и некоторые фрукты; стада лошадей, верблюдов, крупного рогатого скота и овец служат средством передвижения и пищей для жителей, а горы и озера дают дичь и рыбу. Жители в основном состоят из элеутов, племени тургутов и

остатков сонгаров, а также монголов, маньчжуров и китайских войск, поселенцев и преступников.

ТЬЕН-ШАНЬ-ПЕХ-ЛУ И ГОРОД КУЛЬДЖА.

Тянь-шань Пех-лу разделен китайцами на три округа: *Нли* на западе, *Тарбагатай* на севере и *Кур-кара-усу* на востоке, между Нли и западной оконечностью Кансуха. Управление Северным и Южным округами находится под контролем маньчжурских офицеров, проживающих в Или. Этот город, называемый китайцами Хвиюен-чинг, а туземцами Гульджа (или Кульджа) и Курень, расположен на северном берегу реки Или, в широте 43°55' с. ш. и долготе 81½° восточной долготы; в нем проживает около пятидесяти тысяч человек, и он ведет значительную торговлю с Китаем через города Кансуха. Город защищали шесть сильных крепостей в его окрестностях, а прочность каменных стен позволила ему выдержать мощный штурм во время восстания дунган. Его окружность составляет почти четыре мили, а два широких проспекта пересекают его центр, разделяя на четыре равные части, через каждую из которых проходит множество переулков. По глиняным или саманным стенам и плоским крышам домов можно судить о турецком происхождении их строителей, и это впечатление усиливают мечеть Джумма Таранчи и дунганская мечеть, расположенная за стенами. Последняя имеет прекрасный минарет, построенный из небольших крытых павильонов, расположенных один над другим; в крышах обеих мечетей прослеживается влияние китайской архитектуры, а стены облицованы ромбовидной черепицей. Буддийский храм почти не перестраивался с тех пор, как город вернулся под власть Китая. Поставки мяса и овощей постоянны, а их разнообразие и качество превосходят большинство других городов региона. Население постепенно увеличивается с возвращением мира и торговли, но все еще не превышает двадцати тысяч человек, из которых не более пятой части составляют китайцы и маньчжуры: таранчи составляют половину всего населения, а дунгане - следующую по численности. Провинция эта самая богатая и лучше всего возделываемая из всей этой области Илли; уголь, металлы и фрукты служат источниками процветания, и с возвращением ее под власть Китая при новых отношениях к русской торговле будущее ее многообещающе.

При взятии Кульджи и других городов, от которых остались груды развалин, произошло страшное уничтожение людей.^[119] По оценкам Шуйлера, в провинции осталось не более ста тысяч человек из трети миллиона в 1860 году. В китайских трудах говорится, что когда Амурсана, недовольный вождь сонгаров, в 1775 году обратился к Кьенлунгу за помощью против своего соперника Таваца или Даваца, и был отправлен обратно с китайской армией, в ходе последовавших столкновений было уничтожено более миллиона человек, а вся страна обезлюдела. В это время Кьенлунгом был построен город Кульджа, который вскоре стал заметным местом. За пределами города находятся казармы для войск, состоящих из элеутов и магометан, а также маньчжуров и китайцев. В этом регионе добывают уголь, большинство внутренних рек в изобилии дают рыбу, а дикие животные и птицы многочисленны. Однако ресурсов страны не хватает для покрытия расходов на военное ведомство и подарки бегам, и дефицит средств покрывается за счет Китая.^[120]

В подчинении коменданта в Кульдже находятся девять гарнизонов, расположенных в той же долине, в каждом из которых находятся китайские каторжники. Два оставшихся округа - Тарбагатай и Кур-кара-усу - невелики по сравнению с Или; первый лежит между Кобдо и Киргизской степью и населен в основном эмигрантами из степей последней, которые лишь номинально подчиняются поставленным над ними гарнизонам, но легко управляются через

своих племенных вождей. Тургуты, эмигрировавшие из России в 1772 году в Китай, проживают в этом районе и Кобдо, а также в долинах рек Текес и Кунгес. С тех пор как их поселили здесь, они более или менее ассимилировались с другими племенами. Во время войны с сонгарами многие из них бежали из долины Или в этот регион, а после того как страна была заселена, они подчинились императору и частично вернулись в Или. Главный город, который киргизы называют Тугучук, а китайцы - Суйцин-чинг, расположен недалеко от южного основания Тарбагатайских гор и содержит около шестисот домов, половина из которых принадлежит гарнизону. Это один из девяти укрепленных городов, находящихся под контролем коменданта в Кульдже, и место некоторой торговли с киргизами. Здесь размещены два жителя, наделенные высокими полномочиями по надзору за торговлей через границу, но их обязанности уступают по важности обязанностям чиновников в Урге. 2500 маньчжурских и китайских солдат остаются на этом посту, и со времени завоевания страны в 1772 году Кьенлунгом ее сельскохозяйственные продукты постепенно увеличиваются благодаря промышленности китайцев. Племена, живущие в этой отдаленной провинции, ограничены определенными рамками, а их повиновение обеспечивается подарками. Климат Тарбагатай переменчив, и холодная погода длится более половины года. Бассейн озера Ала-куль, или Алаку-куль, занимает юго-запад, а часть Иртыша и озера Дзайсанг - северо-восток, так что он хорошо орошается. Торговля состоит главным образом из домашних животных и тканей.

Город Кур-кара-усу лежит на реке Кур, к северо-востоку от Кульджи и на дороге между ней и Урумци; китайцы называют его Кингсуй-чинг. Численность войск, размещенных на всех этих постах, оценивается в шестьдесят тысяч человек, а общее население Сонгарии - менее двух миллионов.

ПОЛОЖЕНИЕ ТЯНЬ-ШАНЬ-НАНЬ-ЛУ.

Тянь-шань-нань-лу, или Южный округ Или, территория "восьми магометанских городов", была названа Кьенлунгом *Син-кианг* ("Новая граница"). Он менее плодороден, чем Северный округ, большая часть его территории состоит из труднопроходимых гор или бесплодных пустошей, которые едва дают пропитание стадам крупного рогатого скота и коз. Главными границами являются горы Квэнлун и пустыня, отделяющая его от Тибета на юге; Кашемир лежит на юго-западе, а Бадакшан и Коканд отделены от него на западе и северо-западе Белур-тагом; все они определены и разделены горными хребтами, через которые проходят перевалы высотой от 12 000 до 16 000 футов, обеспечивающие в зависимости от сезона как оборону, так и передвижение.

РЕКА ТАРИМ И ЛОБ-НОР.

Большую часть этого округа занимает бассейн реки Тарим или Эргу, которая вытекает из хребта Белур четырьмя главными рукавами^[121] (названными по городам, лежащим на их берегах, реками Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотен) и, протекая на восток, принимает несколько притоков с севера и юга и впадает в озеро Лоб в долгом. 89° восточной долготы, пройдя, включая извилины, от 1 100 до 1 300 миль. О речной системе, из которой вытекает этот поток, барон Рихтхофен говорит: "Регион, дающий начало этой реке, отличается таким величием, каким не может похвастаться ни одна другая река в мире. Его опоясывает широкий полукруглый воротник гор высочайшего и грандиозного характера, часто поднимающихся хребтами высотой от 18 000 до 20 000 футов, а вершины вздымаются до 25 000 и даже 28 000 футов. Котловина, заполняющая пространство в форме лошадиной лады, охваченное этими гигантскими возвышенностями, хотя и глубоко вдавлена под ними, стоит на высоте над морем от 6 000 футов на краю до около 2 000 в середине, и образовалась на дне древнего

моря. С его стен, расположенных на юге, западе и севере, воды устремляются вниз, и хотя ветры, дующие со всех сторон, переносят большую часть влаги на более отдаленные стороны окружающих хребтов, а именно: южное подножие Гималаев, западную часть Памира и северный склон Тянь-шаня, образовавшиеся таким образом потоки, извиваясь через заоблачные выси и прорываясь сквозь горные цепи, достигают дна старого океана лишь частично, хорошо обводненными. Самые мелкие из них исчезают в песке, другие текут некоторое расстояние, прежде чем попасть в ровный соляной бассейн и там поглотиться. Только самые крупные, число которых китайцы оценивают в шестьдесят, соединяются с Таримом, рекой длиной в 1150 миль, то есть между Рейном и Дунаем, но значительно превосходящей их по массивности окружающих гор, так же как и Дунай по протяженности своего бассейна. Ее притоки образуют вдоль подножия гор ряд плодородных оазисов, которые с помощью искусственного орошения были превращены в цветущие, окультуренные государства и сыграли важную роль в истории этих регионов". [122] Исследования полковника Прежевальского в этой совершенно неизвестной стране привели к множеству фактов, представляющих интерес как для исторического, так и для географического изучения. Среди наиболее важных результатов его открытий - расположение Лоба более чем на градус южнее его положения на китайских картах, и, как следствие, изгиб Тарима от его надлежащего восточного течения до его выхода. Это озеро, состоящее из двух водоемов, Кара-буран и Кара-курчин (или Чон-куль), находится на краю пустыни, в необитаемом районе, и окружено большими болотами, которые тянутся также на северо-запад вдоль Тарима до его слияния с Кайду. Оно неглубокое, заросло сорняками и по большей части представляет собой трясину, а вода в нем пресная, несмотря на солончаки, расположенные поблизости. Люди, живущие рядом с ним, говорят на языке, похожем на хотенский; они мусульмане. Озеро Лоб имеет эллиптическую форму, от 90 до 100 верст в длину и 20 в ширину, на высоте 2 200 футов над уровнем моря. Огромные стаи птиц прилетают из Хотена на юго-западе, когда они идут на север, и делают остановку в Лоб-норе. Пустыня в этом регионе крайне бедна и безлюдна. Ее южную сторону образует хребет Алтын-таг, отрог гор Квэнлун, поднимающийся отвесной стеной высотой около 14 000 футов. В его ущельях водятся дикие верблюды, чье зрение, слух и обоняние отличаются удивительной остротой. В пределах округа нет других речных бассейнов какого-либо размера, кроме крупного притока Кайду, который, дренируя параллельную долину к северу от Лоб-нора, длиной двести миль, впадает в озеро почти такого же размера, называемое Бостанг-нор, из которого на юге есть выход в Тарим, примерно в восьмидесяти милях от его устья. Притоки этой реки представляются гораздо более пригодными для сельскохозяйственных целей, чем главный ствол для судоходства. Равнина, по которой течет Тарим, имеет около двухсот миль в ширину и не более девятисот миль в длину, причем большая ее часть непригодна для возделывания или выпаса скота. К западу от двух озер простирается пустыня. Климат этого региона чрезвычайно сухой, и его бесплодие объясняется, по-видимому, скорее недостатком влаги, чем характером почвы. Западные районы холоднее, чем те, что расположены в сторону Кансуха: в Яркенде, на широте 38°, река проходима по льду в течение трех месяцев, а в Хами, на широте 43°, морозы почти не ощущаются.

В долине Тарима произрастает большинство зерновых и фруктов, встречающихся в Южной Европе; вместо оливы для получения масла выращивают сезам. Немногочисленные деревья и кустарники покрывают горные склоны и равнины. Все домашние животные распространены повсеместно, за исключением свиньи, которую китайцы разводят в небольшом количестве. На верблюда и яка охотятся и разводят для еды и службы, их шерсть служит источником шкур и волос для одежды. Лошадь, верблюд, черный рогатый скот, осел и овцы дичают на краю пустыни, где они находят себе пропитание. В горах и болотах водятся шакалы, тигры, медведи, волки, рыси и олени, а также несколько видов хищных птиц. Из

этого региона привозят золото, медь и железо, но их количество невелико, и как предметы торговли они менее важны, чем соль-аммонияк, селитра, сера и асбест, получаемые из вулканической области на востоке Небесных гор. Лучшие образцы юха или нефрита, так высоко ценимого китайцами, добываются в Южном округе.

ГОРОДА ЮЖНОГО ОКРУГА.

Современное деление этого округа определяется положением восьми магометанских городов. Западные районы Кансуха, естественно, относятся к тому же региону, и города, ныне относящиеся к этой провинции, населены совершенно одинаковыми расами и управляются тем же феодальным способом, с некоторыми преимуществами в связи с их ранним подчинением Кьенлунгу. Первый город на дороге, заслуживающий внимания, - Хами; Турфан и Пидшан менее важны как торговые пункты, чем как гарнизоны. Восемь городов названы в Статистике империи в следующем порядке, начиная с востока: Харашар, Куче, Уши (включая Сайрим и Бай), Аксу, Хотен, Яркенд, Кашгар и Йингкешар или Янги-Гиссар. Начальство живет в Яркенде, но Южный округ разделен на четыре небольших правительства в Харашаре, Уши, Яркенде и Хотене, каждое из которых подчиняется как Кульдже, так и Пекину. Подвластные расы, которые все являются мусульманами, постоянно проявляют беспокойство, вызванное их родовыми привычками и враждой; у них нет элементов существенного прогресса и национального роста ни при собственных правителях, ни при китайских. В последнее время они сбросили пекинское правительство, но в целом сожалеют о грабежах и расточительстве, вызванных раздорами и переменами, и, вероятно, снова примут *китаев* (так они называют китайцев). Последние не являются жестокими хозяевами и приносят торговлю и богатство, чем дольше они остаются. Один из вождей Усбека при Якуб-хане передал суть ситуации между ними, ответив на замечание доктора Белью, что он сам говорит как китаец: "Нет, я их ненавижу. Но они не были плохими правителями. Тогда у нас было все, сейчас - ничего. Мы никогда не видим никаких следов торговли китаев и богатства, которое они принесли сюда".

Харашар (или Карашар) расположен на реке Кайду, недалеко от озера Багараш или Бостанг, примерно в двухстах девяноста милях к западу от Турфана, на широте 42°15' северной широты и долготе 87° восточной долготы. 87° в.д. Это большой округ, в юрисдикции офицеров которого находятся два примечательных города - Корла и Букур. Харашар укреплен и, будучи безопасным местом и резиденцией главного жителя, привлекает значительную торговлю. Вышивка превосходная, но племена, живущие в округе, больше пристрастились к охоте, чем к оседлым ремеслам. Корла лежит на юго-западу от Харашара на реке Кайду, между озерами Бостанг и Лоб, и продукция города и его окрестностей свидетельствует о плодородной почве; китайцы говорят, что магометане, живущие здесь, любят петь, но не имеют никакого представления о церемониях или урбанизме. Букур лежит в двухстах милях к западу от Корлы и "мог бы быть богатой и вкусной страной", - говорит китайский рассказ, - "но эти праздные, бродячие магометане используют свои силы только для воровства и грабежа; женщины не краснеют ни перед чем". В городе раньше проживало до десяти тысяч человек, но Кьенлунг почти уничтожил его; с тех пор район заселили хошоиты, турбеты и турки, а жители ведут некоторую торговлю продуктами своих стад, шурами, медью и агатами.

Куче, расположенный в восьмидесяти милях к западу от Букура, на широте 41° 37' северной широты и долготе 83° 20' восточной долготы, является более крупным и важным городом, чем Харашар. 83° 20' в.д., является более крупным и важным городом, чем Харашар, поскольку дорога, которая пересекает Тянь-шань через перевал Муз-дабан в Или, здесь соединяется с дорогой, идущей из Аксу на западе и Хами на востоке. Она имеет три мили в окружности и

защищается десятью фортами и тремя сотнями войск. На базарах продаются зерно, фрукты и овощи, выращенные в окрестностях с большим трудом, так как землю приходится орошать вручную из колодцев, бассейнов и ручьев. Медь, сера и селитра вывозятся в Илли, как для государственных нужд, так и для торговли, и частично взимаются с жителей в качестве налогов; в городе производится лен, а в горах добывают соляной аммиак, киноварь и зыбучий серебро. Куче считается воротами Туркестана и в политическом отношении является главным городом между Хами и Яркендом. Округ и город Шаяр лежат к югу от Куче, в болотистой долине, где в изобилии растут рис, дыни и фрукты; особенно хороши груши. Два небольших озера, Баба-куль и Сары-камыш, лежат к востоку от этого города и являются единственными водоемами между Бостанг-нором и Иссык-кулем. Население составляет около четырех тысяч человек, управляемых *бегами*, подчиненными генералу в Куче.

В долине Аксу находятся два крупных города, Аксу и Уши или Уш-турфан, а также несколько постов и деревень. Между первым и Куче находятся небольшие гарнизоны и районы Бай и Сайрим. В первом из них проживает от четырех до пятисот семей, управляемых своими вождями. Сайрим, или Ханлемух, в некоторой степени подчиняется Уши, но его продукция, климат и жители похожи на жителей Куче. "Их нравы просты, - замечает китайский писатель, говоря об этом народе, - они не трусы и не разбойники, как другие магометане; они любят петь, пить и танцевать, как и жители Куче". Аксу - крупный торговый и промышленный город с двадцатью тысячами жителей, расположенный, как и Куче, в конце дороги, ведущей через Тянь-шань в Или, и привлекающий на свой рынок торговцев из Сибири, Бохары и Коканда, а также по большой дороге. В стране развито производство хлопка, шелка, кожи, упряжи, посуды, драгоценных камней и металлов, которые в большом количестве отправляются за границу. Страна производит зерно, фрукты, овощи и скот в совершенстве, а люди более цивилизованы, чем на востоке и севере; "они щедры и благородны, и одновременно воспевают и высмеивают странности и нигилизм других магометан". Китайский гарнизон состоит из трех тысяч солдат, а офицеры подчиняются офицерам в Уши.

Уши расположен примерно в 70 милях к западу от Аксу, на широте 41° 15' северной широты и долготы 79° 40' восточной долготы. 79° 40' в.д., и, как утверждается, насчитывает десять тысяч жителей. Китайское название - Юнг-нинг-чинг (*т.е.* "Город вечного спокойствия"). Офицеры, размещенные здесь, подчиняются коменданту в Или, но поддерживают прямую связь с Пекином и получают санкцию императора на выбор бегов и посланников, направляемых в столицу с данью. Медные деньги здесь отливают в слитки, чем-то напоминающие слитки сиси в провинциях. К Уши примыкают шесть крепостей, чтобы держать в порядке бродячие племена кирги, называемые прут кирги, [\[123\]](#) которые кочуют по пограничным районам между Уши и Яркендом. Они оказывают почтение офицерам в Уши, но не платят дань. Те, кто платит дань, облагаются десятой частью налога, но кирги на этой границе обычно разрешено бродить, где им вздумается, при условии, что они соблюдают мир. Этот регион был почти обезлюжен генералами Кьенлунга, и в настоящее время порты сур малочисленны по сравнению с их плодородием и ресурсами.

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ГОРОД КАШГАР.

Кашгар, известный во времена арабского завоевания как *Кичик-Бухара*, представляет собой обширную волнистую равнину, уклон которой очень постепенный к востоку, а общая высота над уровнем моря составляет от трех до четырех тысяч футов. Вид ее поверхности в основном представляет собой беспризорную пустошь - огромное пространство голого песка и мрачных солончаков, пересеченное во всех направлениях дюнами и берегами из гравия, с самой скудной растительностью и полным отсутствием животного мира. Таков вид, открывающийся взору и соединяющийся с горизонтом на равнине, расположенной сразу за руслами рек и

поселками, высаженными на их берегах.^[124] Население всего этого района значительно меньше полутора миллионов человек. Природные минералы здесь представляют огромную ценность, и именно знание этого факта побудило китайцев упорно удерживать столь дорогую и беспокойную пограничную провинцию. Золото и нефрит Хотена, серебро и свинец Кошараба, медь Халистана дали много работы китайским поселенцам; а уголь, железо, сера, квасцы, соляной аммоний и цинк, хотя и добывались в незначительных количествах до восстания Якуб-хана (Аталики Гази), обеспечивали жителей запасами для домашнего использования. Важным препятствием для строительства деревень на многих участках этой территории является преобладание здесь песчаных дюн. Одиночные дома и даже целые поселения, лежащие на пути этих движущихся холмов, внезапно оказываются заваленными и часто полностью уничтожаются.

Город Кашгар расположен на северо-западном углу Южного обхода, на реке Кашгар, ответвлении Тарима, на широте 39°25' северной широты и долготы 76°5' восточной долготы, на крайнем западе империи. 76° 5' в.д., на крайнем западе империи. Здесь сходятся несколько дорог. Одна, идущая в северо-западном направлении, ведет через Тянь-шань в Коканд; вторая проходит на юг, через Яркенд и Хотен, в Лех и Кашемир; третья, великий караванный путь из Китая через Уши, можно сказать, заканчивается здесь; а четвертая, наиболее часто посещаемая, ведет на северо-запад через Тянь-шань через перевал Роват и вдоль западных берегов озера Иссык-куль в Или. Кашгар долгое время был столицей уйгуров, и его правитель заставил свой народ, вплоть до Хами, принять ислам около 1000 года. Затем они перешли под власть Чингиза, и этот город увеличил свое значение, но когда Абубахр Миза захватил Яркенд, он сровнял Кашгар с землей. Под властью Китая он стал одним из богатейших торговых центров Центральной Азии, и его будущее значение обеспечивается его положением. Город обнесен высокими и массивными стенами, подпертыми бастионами, и защищен глубоким рвом с трех сторон, под четвертой протекает река. В городе всего двое ворот, а его площадь составляет около пятидесяти акров. Вокруг него расположены густонаселенные пригороды.

В центре города находится большая площадь, от которой к воротам отходят четыре базара; гарнизон размещен вне стен. Мануфактуры Кашгара превосходят мануфактуры любого другого города двух округов, особенно нефрит, золото, шелк, хлопок, золотые и серебряные ткани и ковры. В окрестностях в изобилии растут фрукты и зерно; "манеры людей отличаются элегантностью и вежливостью", - говорит китайский географ; "женщины танцуют и поют на семейных праздниках; они боятся и уважают офицеров, и у них нет такого дикого, бескультурного вида, как у жителей Уши". Это суждение в некоторой степени подтверждается Белью, который считает, что люди не испытывают особых предубеждений против иностранцев, совершенно безразличны к их национальности или религии и довольны, пока они платят за проезд и не нарушают обычаев туземцев. Несколько городов подчиняются Кашгару, поскольку он осуществляет надзор за их правителями и потребляет их продукцию. На юго-западе лежит Таш-балыг, а на дороге, ведущей в Яркенд, - Янги-гиссар, оба города имеют некоторое значение; все расстояние от Кашгара представляет собой череду песчаных или солончаковых участков, чередующихся с плодородными низинами, где протекает вода. Небольшие деревни и почтовые дома служат для связи с большими городами, но почва не радует земледельцев большим урожаем.

ГОРОД ЯРКАНД.

Яркенд, или Еркианг, - политическая столица Южного округа, поскольку здесь размещены высшие военные чины и самые сильные войска. Он расположен на реке Яркенд, на широте 36° 30' северной широты и долготы 77° 15' восточной долготы, посреди песчано-песчаного оазиса. 77° 15' в.д., посреди песчаного оазиса, отличающегося большим плодородием. Окрестности обильно снабжаются водой по каналам. Каменные стены составляют три мили в окружности, но пригороды гораздо больше; дома построены из сухого кирпича, и город имеет более солидный вид, чем другие города Илли. Здесь много мечетей и колледжей, которые вместе с общественными зданиями, занимаемыми правительством и войсками, добавляют ему привлекательности. Яркенд - один из древних городов Тартарии, в далекие времена он был царской резиденцией тюркских князей из династии Афрасиабов. В современную эпоху он обязан своим званием хорошо построенного города главным образом Абубахр Миза, чье недолгое владычество от Аксу до Вахана оставило свои главные результаты в возведенных или расширенных им мечетях и базарах. Занимаясь добычей нефрита в долине Каракаша и производя в городе браслеты, кольца и другие изделия, тысячи семей нашли работу под китайским владычеством.

Со свержением этой власти, а затем с восстановлением ее Якуб-ханом вся эта промышленность исчезла. В разрушениях, последовавших за этой долгой борьбой за господство, можно найти объяснение того варварства, которое сменило падение могущественных империй по всей Западной Азии. В городе нет важных производств; он пользуется местной репутацией благодаря своей коже, а сапоги и туфли, сделанные здесь, ценятся по всей провинции. Среди других предметов торговли - лошади, шелк и шерсть, а также ткани из них; но все, что можно найти в Кашгаре, продается и на этом рынке. В китайском описании города говорится, что таможня в Яркенде приносит более 45 000 долларов в год; налоги составляют 35 400 мешков зерна, 57 569 кусков льна, 15 000 фунтов меди, кроме того, золото, шелк, лак и пенька, часть которых вывозится в Или. Из реки добывают нефрит в больших кусках, желтый, белый, черный и красноватый, а изделия из него везут в Китай. Китайские власти не возражают против приезда сюда выходцев из Коканда, Бадакшана и других соседних государств, многие из которых оседают и женятся.

Хотен расположен на южной стороне пустыни, а его округ охватывает всю страну к югу от Аксу и Яркенда, вдоль северного основания гор Квэнлун, на протяжении более трехсот миль с востока на запад. На китайских картах столица называется Ильчи и расположена на обширной равнине на реке Хотен в широте 37° северной широты и долготы 80° восточной долготы. 80° в.д. Город Каракаш (что означает "Черный нефрит")^[125] лежит в широтах 37° 10', долготы 80° 13' 30", в нескольких милях к северо-западу в той же долине, и, как говорят торговцы, является столицей, а не Ильчи; он расположен на дороге в Яркенд, удаленный на двенадцать дней пути. На этой дороге также находится город Гумми, вождь которого имел в своем распоряжении камень, якобы способный вызывать дождь. Кирреа лежит в пяти днях пути к востоку от Ильчи, у перевала через горы в Тибет и Ладак; неподалеку от него находится золотой рудник, продукция которого монополизирована китайцами. Три города - Каракаш, Ильчи и Кирреа - единственные значимые места между долиной Тарима и Тибетом, но ни один из них не был посещен европейцами в течение длительного времени.^[126] Население города или района неизвестно; в одном из сообщений^[127] приводится очень большое число, приближающееся к трем миллионам и даже больше, что, во всяком случае, указывает на более плодородную почву и благоприятный климат, чем в регионах к северу и югу от него. Доктор Моррисон в своей книге "Взгляд на Китай" называет 44 630 жителей; и хотя первая

цифра включает в себя весь округ и, вероятно, слишком велика, вторая кажется слишком маленькой.

ХОТЕНСКИЙ РАЙОН.

В китайских книгах Хотен известен под названиями *Ю-тиен*, *Хван-на*, *Кьеу-тан* и *Киу-сатан-на* - последнее означает на санскрите "Грудь земли".^[128] Восточная часть страны заболочена, но то, что она должна быть значительно возвышенной, видно из того факта, что река, которая дренирует и соединяет ее с Таримом, в своем течении проходит через пустыню. Страной управляют два высших офицера и отряд войск; под их юрисдикцией находятся шесть городов, жители которых управляются так же, как и в других магометанских городах. Жители, однако, говорят, что в основном придерживаются буддийской веры, и китайцы хорошо отзывались об их миролюбии и промышленности. Торговля с Лехом и Х'лассой ведется по дороге, пересекающей Квэнлун через перевал Кирреа, за которым она разделяется. В Хотене производят тонкие льняные и хлопчатобумажные ткани, нефритовые украшения, янтарь, медь, зерно, фрукты и овощи ; первые идут на экспорт, вторые - на продажу. Именно в этом регионе полковник Прежевальский открыл (в 1879 году) новую разновидность дикой лошади, образец которой был набит и выставлен в Санкт-Петербурге. Животное, о котором идет речь, хотя и принадлежит, несомненно, к роду *Equus*, представляет собой во многих отношениях промежуточную форму между домашней лошадью и диким ослом.

В 1820 году Ремюсат опубликовал рассказ об этой стране, взятый из китайских книг, в котором излагаются основные события ее истории, начиная с династии Хань, до христианской эры, и заканчивая маньчжурским завоеванием. В начале своей истории Хотен был местом пребывания многих священников из Индии, и в нем рано утвердилась буддийская вера. Большую часть времени, с самого раннего упоминания до эпохи Чингисхана, это было независимое королевство, князья которого иногда распространяли свою власть от перевала Киаю и Коко-нор до Цунг-линга, а затем были вынуждены уступить долину, ныне называемую Хотен. После изгнания монголов из Китая Хотен утвердил свою независимость, но затем попал под власть сонгаров и элеутов и потерял многих своих жителей. Маньчжуры завоевали его в 1770 году, когда под их властью оказалась остальная часть региона между Тянь-шанем и Квэньлуном, но они не заселили его в такой же степени и не сделали его каторжным поселением, как другие части Илли.^[129]

ПРАВИТЕЛЬСТВО ИЛИ.

Правительство Илли в некоторых отношениях отличается от правительства Монголии, где религия отчасти призвана помогать государству. В Северном округе власть строго военная, осуществляемая посредством резидентов и генералов с подконтрольными им войсками. Верховное командование всем Илли вверено колониальным управлением маньчжурскому *цянкуну*, или военному генерал-губернатору в Кульдже, который имеет при себе двух советников для рассмотрения гражданских дел и тридцать четыре резидентов, разбросанных по обоим округам. Этот губернатор также управляет войсками, размещенными в трех западных департаментах Кансуха, но не имеет никакого отношения к гражданской юрисдикции этих городов. Всего под его началом находится 60 000 солдат, большинство из которых имеют семьи и к воинской профессии добавляют сельскохозяйственный, механический или иной труд. Советники не полностью подчинены генералу, но подчиняются Колониальному управлению.

В Северном округе в каждой деревне и городе назначается заместитель, наделенный военными полномочиями по отношению к войскам и каторжникам, а также гражданским

надзором за туземными *пико* или вождями, которые являются настоящими правителями, признанными кланами. Характер жителей к северу от Тянь-шаня отличается от характера тех, кто живет в Южном округе, не столько из-за разнообразия их языка и кочевых привычек, сколько из-за того, что на них влияют религиозные обряды и верность. Благодаря этому последнему мотиву управление Монголией и Северным округом становится намного проще и эффективнее для далекого пекинского двора, чем это было бы в противном случае. О назначении туземных вождей сначала сообщается генералу в Кульдже и в Колониальную канцелярию, и они вступают в должность после утверждения, которое, поскольку эта должность в определенной степени наследственная, обычно следует в течение определенного времени.

Жители Южного округа - магометане и подчиняются императору не так охотно, как жители Северного, что, вероятно, объясняется расовыми, религиозными и языковыми различиями. Управление всем регионом разделено между маньчжурскими резидентами или *амбанями* в восьми городах, которые номинально ответственны перед генералом в Или и независимы друг от друга, но существует градация по рангу и власти, приоритет имеет амбань в Яркенде. Беги выбираются самими племенами и осуществляют власть во всех мелких делах, возникающих среди народа, без вмешательства китайцев. Войска все маньчжурские или китайские, никто из турок не зачислен в отдельные части, хотя отдельные люди нанимаются без опаски. Существует значительное различие в ранге и влиянии бегов, которое поддерживается и уважается *амбанями*. Пособия и стиль, предоставляемые им, в определенной степени регулируются их феодальным значением. Доходы формируются за счет ежемесячного налога с каждого мужчины в размере около полудоллара и десятины с продуктов; транзитных пошлин, как в Китае, нет, но в приграничных торговых городах созданы таможни. Язык, на котором обычно говорят в Южном округе, - джагатайский турки калмуков; большинство населения составляют узбеки, но повсюду смешиваются элеуты и калмуки. Тибетцы поселились в Хотене, или, что более вероятно, там еще сохранились остатки прежних жителей.

ИСТОРИЯ И ЗАВОЕВАНИЕ ИЛИ.

История обширного региона, составляющего нынешнее правительство Или, рано привлекла внимание ученых-востоковедов, и мало какая часть мира имела более захватывающую историю. После изгнания монголов из Китая Хунву в 1366 г. н.э. они обнаружили, что как племя уступают в силе западным племенам, но только в 1680 г. элеуты к северу от Тянь-шаня под предводительством Галдана^[130] начали нападать на калкасов и гнать их на восток. Сунниты, сахара и солоны, часть восточных монголов, уже присоединились к маньчжурам, и калкасы, чтобы избежать истребления, подчинились им и попросили их помощи против элеутов. Канхи принял их подданство и попытался уладить трудности мирным путем, но был вынужден послать свои войска против Галдана и изгнать его с территории калкасов к западу от Лоб-нора и Баркуля. В этом предприятии императору существенно помогло отделение от Элевтов Сонгареса, хан которого обиделся и увел свои полчища на юг. Таким образом, ханы Калкаса и их огромная территория стали подвластны китайцам. Галдан потерял все свои силы и умер от яда в 1697 году, его власть умерла вместе с ним, а его племя уже стало слишком слабым, чтобы сопротивляться.

На руинах его власти возникла власть Араб-дана, хана Сонгареса. Он подчинил себе Северный округ, перешел в Туркестан, Тангут и Хотен и постепенно подчинил своей власти почти всю возвышенную часть Средней Азии к западу от Кансуха. Он изгнал тургутов из их владений в Кобдо и заставил их отступить к берегам Волги. Канги изгнал сонгаров из районов вокруг Коко-нора, но не повлиял на их власть в Сонгарии. После смерти Арабдана, около

1720 года, его трон оспаривался, а власть ослабла из-за раздоров между его сыновьями, так что ею завладели два узурпатора, Амурсана и Тавац, которые также рассорились после достижения своей цели. Амурсана отправился за помощью в Пекин, с помощью китайской армии изгнал Таваца и завладел тронном Арабдана. Но он не собирался становиться вассалом Кьенлунга и, едва восстановившись в должности, оказал ему сопротивление; он разбил две посланные против него китайские армии, но при третьем нападении уступил и бежал в Тобольск, где и умер в 1757 году.

Территория Арабдана перешла к Кьенлунгу, и он добивался своих успехов с такой жестокостью, что Северный округ почти обезлюдел, а сонгары и элеуты почти вымерли как отдельные племена. Изгнанное племя тургутов получило от императора приглашение вернуться из-под власти России в свои древние владения, которое они приняли в 1772 году; история китайского посольства к ним и их гибельного путешествия в Кобдо через Киргизскую степь и в окружении врагов - один из самых замечательных примеров кочевых скитаний и беспримерных страданий в новейшее время.^[131] Китайские войска, эмигранты, изгнанники, кочевые племена и семьи посылались и поощрялись, чтобы на освободившуюся территорию, так что с каждым днем она начала возвращать свое прежнее значение. За период, прошедший с тех пор, маньчжурам удалось предотвратить любые объединения между кланами и поддерживать свою власть с помощью смешанной системы принуждения и уговаривания, которую они хорошо умеют применять на практике. Были разработаны сельскохозяйственные и минеральные ресурсы страны, многие кочевники были вынуждены заняться сельским хозяйством, заставляя своих вождей следить за процветанием друг друга и возбуждая дух торговли между всеми.

Время от времени возникали волнения, но не нашлось духа-хозяина, который смог бы объединить племена против китайцев. В 1825 году из Коканда была предпринята попытка Джехангира, внука коджеха или князя Кашгара, вновь овладеть Туркестаном; кокандский хан помог ему с небольшим войском, и такова была их неприязнь к китайцам, что, как только появился Джехангир, магометане поднялись и прогнали китайские войска или предали их смерти, открыв ворота захватчику. Он овладел Яркендом и Кашгаром, продвинулся до Аксу, где зима положила конец походу. В следующем году кокандский хан, видя расположение народа, решил, что сам примет участие в том же деле, и совершил набег до Аксу и Хотена, подчинив себе более половины Южного округа, но якобы в помощь Джехангиру. Коджех, начав опасаться его помощи, отступил, а хан, потерпев несколько поражений от китайских войск, заключил мир на весьма выгодных условиях и вернулся в свою страну. Джехангир отправился в Хотен из Яркенда, но его поведение там не понравилось народу, и китайские войска, численностью около 60 000 человек, без труда рассеяли его силы и вернули себе власть. Приверженцы коджеха бежали в Бадакшан, а сам он направился к Исааку, недавно назначенному коджехом Кашгара, которым он был предан китайцам вместе со своей семьей, и все они были самым варварским образом уничтожены.

Коджех был награжден должностью князя Кашгара, но после обвинения в измене ему было приказано прибыть в Пекин для суда; все обвинения были опровергнуты, и он вернулся в Кашгар после нескольких лет проживания в столице империи. Страна была постепенно уменьшена Чанлингом, генералом в Или, но Кашгар так сильно пострадал от войны и удаления главной власти в Яркенд, что с тех пор не восстановил своего значения. Во время этой войны неприязнь магометан к китайскому господству проявилась в больших силах, которые Джехангир привел на поле боя; и если бы он был народным вождем, есть основания полагать, что он мог бы в конце концов отвоевать эти города у китайцев. Радость Тауквана по поводу успешного завершения экспедиции и захвата мятежника была настолько

экстравагантной, что казалась детской; а когда Джехангира казнили в Пекине, он приказал сыновьям двух офицеров, о которых сообщили, что они убиты, "стать свидетелями его казни, чтобы дать выход негодованию, накопившемуся в их груди; и пусть сердце мятежника будет вырвано и отдано им, чтобы они принесли его в жертву на могилах своих отцов и таким образом утешили свои верные души". По возвращении в Пекин Чанлингу были возданы почести, а все войска, участвовавшие в войне, получили награды и титулы.

Со времени этого восстания границы Кашгара и Коканда то переходили, то отступали от границ Прут-Кирги; в 1830 году они вызвали столько беспокойства из-за ограничения их торговли, что для их усмирения были вызваны большие силы, и погибло много людей, прежде чем восстание было усмирено. После этого причины спора были рассмотрены, и торговлю разрешили продолжать в прежнем режиме. Притеснения жителей иногда подталкивают магометан к восстанию против китайцев, но политика императора примирительна, и к жалобам народа, как правило, прислушиваются. Визиты бегов и князей в Пекин с данью дают им возможность высказать свои претензии, а также не позволяют им ссориться между собой. В 1871 году русские завладели почти всем Тянь-Шаньским Пех-Лу во время восстания дунган против китайского контроля. Таранчи напали на русский аванпост, а Якуб-бег был в подозрительно хороших отношениях с повстанцами, и было решено занять Кульджу, что и было сделано после менее чем месячной кампании под командованием генерала Колпакофского. Китайское правительство было немедленно проинформировано о том, что это место должно быть восстановлено, как только туда будут доставлены силы, достаточные для удержания его от нападений и сохранения порядка. После окончательного покорения дунганских племен в 1879-80 гг. эта территория была возвращена русскими при заключении последнего договора с Китаем, ровно через десять лет со дня владения. В настоящее время возобновилась прежняя форма правления, и страна медленно оправляется от ужасающих разрушений, вызванных восстанием. Жалованье генерал-губернатора и его советников, а также резидентов невелико, и все они вынуждены прибегать к незаконным средствам, чтобы возместить свои расходы. Высшее должностное лицо получает около 5200 долларов в год, его советники - около 2000 долларов; резиденты - от 2300 до 500 долларов и меньше. Эти суммы, вероятно, не составляют и десятой части доходов от их положения.^[132]

ГРАНИЦЫ ТИБЕТА.

Третий большой раздел колониальной части Китайской империи, Тибет, менее известен, чем Или, хотя его территория вряд ли менее обширна. Он представляет собой самую южную из трех великих столовых земель Центральной Азии и окружен высокими горами, которые отделяют его от всех прилегающих регионов. Слово Тибет или Тубет неизвестно среди жителей как название их страны; оно искажено монголами *от Ту-по*,^[133] страны Ту, расы, которая захватила ее в шестом веке; Тернер дает другое название, *Пуэ-коа-чим*, означающее "снежная страна севера", несомненно, местный или древний термин. Народ называет ее *Пот* или *Бод*, или *Бод юл* - "земля Бода".^[134] На северо-востоке она граничит с Коко-нор, на востоке - с Сцюзнем и Юньнанем, на юге - с Ассамом, Бутаном, Нипалом и Гурхвалом, на западе - с Кашмиром, а на севере - с неизвестными хребтами гор Квэнлун. Южная граница значительно изгибается в своем течении, но не менее 1500 миль от западной оконечности Нипала до провинции Юньнань; северная граница составляет около 1300 миль; западные границы не могут быть точно определены и зависят скорее от владения перевалами, через которые ведется торговля, чем от какого-либо политического разделения. Бельтистан, Малый Тибет и Ладак, хотя и включены в его пределы на китайских картах, имеют слишком мало подчинения или связи с пекинским двором, чтобы считаться его зависимыми территориями.

ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТИБЕТА.

Тибет в своих самых широких пределах представляет собой столовую землю, самые высокие равнины которой имеют среднюю высоту 11 510 футов, что примерно на 1300 футов ниже, чем плато Боливии у озера Титикака. На северной стороне Гималаев снеговая линия находится на высоте 16 630 футов, на южном склоне - 12 982 фута. Между этой страной и Перу можно проследить несколько поразительных аналогий: трехстороннее деление, вызванное высокими хребтами, общие основные виды шерсти - альпаки и викуны в одной стране, овцы и козы в другой, обилие драгоценных металлов и многие специфические обычаи. Вся провинция Тибет разделена горными цепями на три отдельные части; ее западная часть состоит из бассейна Инда, пока он не впадает в Кашемир у Макпон-и-Шагарона. Она начинается у горы Кайласа и тянется на северо-запад между Гиндукушем и Гималаями, включая весь Бельтистан и Ладак; хребет Кара-Корум, Мус-таг или Цунг-Линг определяет ее на северо-востоке. Вторая часть состоит из обширной пустынной земли, начинающейся у горы Кайласа и имеющей Цунг-линг на западе, Кванлун на севере (который отделяет ее от Хотена и высокогорного водораздела рек Янцзы, Салуин и других), и озеро Тенгкири на востоке; Гималаи составляют ее южную границу. Эта высокогорная область, называемая Катше или Кор-каче, не была пройдена разумными путешественниками и является одним из немногих еще неизвестных регионов Земли, и почти непригодна для жизни из-за чрезвычайно сурового климата.^[135]

Восточная часть, состоящая из бассейна Яру-Цангбу, содержит на своих равнинах большинство городов Тибета, пока не достигнет альпийской области, лежащей между реками Яру и Янгцз, пространство, простирающееся от долготы. Этот район описывается как череда хребтов и ущелий, через которые ведет дорога по узким и крутым тропам, пересекая долины по канатам и мостам, окутанным облаками. Высота горы Кайласа, примечательной вершины, расположенной в северо-восточной части Нари, не превышает 26 000 футов. Количество вершин, покрытых вечным снегом, превышает аналогичный показатель в любой другой части света.

Дорога из Сзчуэна в Х'лассу проходит через Ялунг-кианг в районе Та-Циен-лу, а затем идет на юго-запад к Батангу по Янгцз-киангу; Пересекая реку, он поднимается вверх по узкой долине на небольшое расстояние, а затем пересекает горы на северо-запад к Ланцан-киангу или реке Мейкон, по ряду тропинок, ведущих через ущелья, пока не достигнет Цамдо; от этого места дорога постепенно поворачивает на юго-запад, следуя по долинам, когда это возможно, пока не закончится в Х'лассе.

Самая большая река Тибета - Эречумбу, или Яру-Цангбу; *цангбу* означает "река" и часто используется только для этого названия. Она берет начало в хребте Тамчук, на перевале Мариам-ла в Нари, в 60 милях к востоку от озера Манасарова, истока Сатледжа; течет немного к югу от востока на протяжении примерно семисот миль, через весь Южный Тибет, между первым и вторым хребтами Гималаев, до дл. 90° в.д. Ее притоки на севере многочисленны, и среди них Наук-Цангбу и Дзангцу - самые крупные. Объем воды, втекающей через горы в Ассам по этой реке, равен объему воды, втекающей через Инд в Скинде. Спорный вопрос, впадает ли Яру-Цангбу в Брахмапутру или Ирравади, был решен предположительными доказательствами в пользу первого, но расстояние около 400 миль все еще остается неисследованным;^[136] падение в этой части составляет около 11 000 футов, до того места, где река Дихонг была прослежена в Ассаме. Таким образом, Брах Мапутра

является самой большой и длинной рекой в Южной Азии; ее впадение в Ассам находится около 95° восточной долготы.

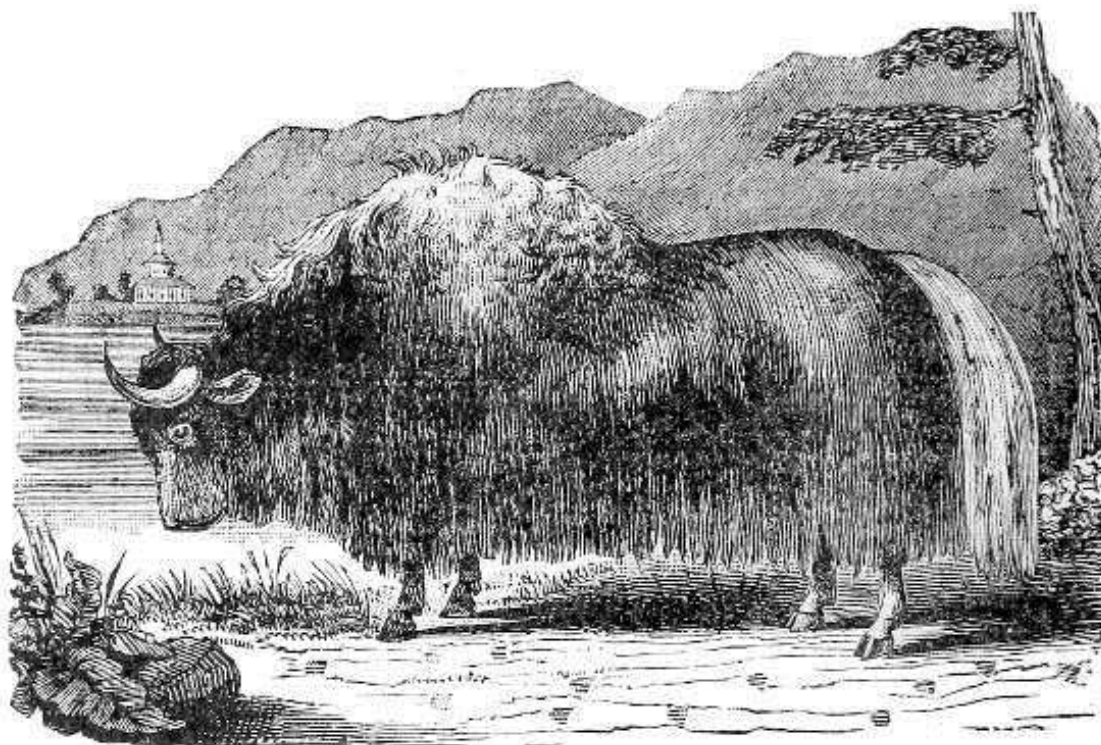
Восточную часть Тибета, за этим меридианом, пересекают многочисленные хребты высоких гор, не имеющих отдельных названий, направление которых - с запада на восток и с северо-запада на юго-восток. От этих хребтов в разные стороны отходят боковые ответвления, между которыми находятся глубокие долины. По мере продвижения главных цепей к юго-востоку они сходятся друг с другом, и таким образом долины между ними постепенно сужаются, пока, наконец, на границах Юньнани и Бирмы они не превращаются в простые горные перевалы, вся ширина которых не превышает ста миль, с четырьмя протекающими через них потоками. Фактически Тибет включает в себя истоки всех крупных рек Южной и Восточной Азии. Названия и русла тех из них, что протекают в Восточном Тибете, известны по китайским картам лишь в общих чертах, но другие описывали их после вступления в низменность.

Тибет, особенно его центральная часть, - страна озер, в этом отношении напоминающая Кобдо. Самое большое, Тенгкири-нор, расположенное посреди грандиозных гор, примерно в ста десяти милях к северо-западу от Х'лассы, имеет более ста миль в длину и около тридцати в ширину. К северу от него расположено множество изолированных озер, большинство из которых соленые. Два самых крупных, Бука и Кара, представлены как соединенные с рекой Ну. Озеро Хамба-ла, Ямрук или Ярброкью, иногда называемое Палти, по названию города на его северном берегу, - большое озеро к югу от Х'лассы, примечательное своей кольцевой формой, в центре которого находится большой остров, вокруг которого текут воды в русле шириной тридцать и более миль. На острове находится женский монастырь, называемый Дворцом Святой Севы, который, как говорят, является лучшим в стране. В Балти, или Малом Тибете, много водоемов, самые крупные из которых, Йик и Паха, соединены рекой, протекающей через болотистую местность. Длинная череда озер заполняет одну из котловин в Катше, что указывает на существование в прошлом еще одного Аральского моря. Священные озера Манасарова и Раван-храд (Мапам-далай и Лангга-нор, у китайцев) образуют верховья Сатледжа.

КЛИМАТ, ПИТАНИЕ И ПРОИЗВОДСТВО.

Климат Тибета отличается чистотой и чрезмерной сухостью. В долинах жарко, несмотря на близость к заснеженным горам; с мая по октябрь на столовых горах небо чистое, а в долинах влажность и температура благоприятны для растительности, урожай собирают до наступления штормов и снегов, после октября. Воздействие воздуха напоминает или даже хуже, чем камсин в Египте. Деревья вянут, а их листья можно растереть в порошок пальцами; доски и балки ломаются, и жители покрывают бревна и деревянные конструкции своих домов грубым хлопком, чтобы уберечь их от разрушительной саквидности. Древесина не гниет и не поедается червями. Баранина, высушенная на открытом воздухе, становится настолько сухой, что ее можно растереть в порошок, как хлеб; высушенная однажды, она сохраняется в течение многих лет. Этот хлеб из плоти - обычная пища в Тибете. Тушу животного, очищенную от кожи и внутренностей, помещают туда, где морозный воздух имеет к ней свободный доступ, пока все соки тела не высохнут, и все не превратится в одну застывшую массу. Соль не используется и никогда не портится, ее едят без дополнительной заправки или приготовления; туземцы едят ее в любое время после заморозки и предпочитают свежую той, которая хранилась несколько месяцев. Пища, называемая *джамба*, готовится путем варки кирпичного чая в течение нескольких часов, затем

добавляется масло и соль, и смесь перемешивается, пока не превратится в густой бульон. Когда его едят, то подают в деревянных мисках, обильно посыпают жареной ячменной мукой, разминают руками и едят в виде лепешек теста.

Одомашненный як.

Продукцию Тибета составляют домашние животные - крупный рогатый скот, лошади, свиньи; некоторые дикие животные, такие как белогрудый аргали, оронго-антелопы, ата-дзерен, волк и степная лисица; и лишь немногие растения и леса, что представляет собой сильный контраст с Нипалом и Бутаном, где растительная жизнь процветает более пышно. Овцы и козы разводятся огромными стадами для перевозки грузов через перевалы, а также ради их мяса, шерсти и шуб. Главным среди животных этой горной страны является як.^[137]

Одомашненная разновидность, или длинношерстный як, является неразлучным спутником и самым надежным слугой не только тибетцев, но и племен Кашемира, Ладака, Тангута и Монголии, даже на севере до Урги. Это скрещенная порода, или мул, от быка яка и местной коровы, которая одна достаточно вынослива для этих высокогорных регионов.^[138] Эти существа такого же размера, как и наш крупный рогатый скот, сильные, уверенно стоящие на ногах и обладающие необычайной выносливостью; однако они сохраняют что-то от своей дикой природы даже после длительного одомашнивания, и с ними нужно обращаться осторожно, особенно при погрузке и разгрузке. Лучше всего они растут в холмистой местности, хорошо поливаемой и покрытой травой - два последних условия являются обязательными. Шерсть черная или черно-белая, редко полностью белая. Один из видов не имеет рогов и при скрещивании с коровой приносит бесплодных самцов или самок, которые плодовиты в течение одного поколения. Что касается дикого яка Тибета, то один путешественник говорит: "Это красивое животное необычайной величины и красоты, в зрелом возрасте достигает одиннадцати футов в длину, не считая кустистого хвоста, длина которого составляет три фута; высота в холке - шесть футов; обхват тела - одиннадцать футов, а вес - десять или одиннадцать сотен футов. Голову украшают мощные рога, длиной в два фута девять дюймов и окружностью в один фут четыре дюйма у корня. Тело покрыто густой черной шерстью, которая у старых самцов приобретает каштановый оттенок на спине и

верхней части боков, а с боков свисает глубокая бахрома черных волос. Морда частично серая, у молодых самцов такого же цвета отметины на верхней части тела, а по центру спины проходит узкая серебристо-серая полоса. Шерсть молодых яков гораздо мягче, чем у старых; их отличает меньший размер и более красивые рога с загнутыми вверх остриями. Самки намного меньше самцов и не так бросаются в глаза; их рога короче и светлее, горб меньше, а хвост и бока не такие волосатые".^[139] Это животное полезно своим молоком, мясом и шерстью, а также для сельскохозяйственных целей и путешествий.

ЖИВОТНЫЕ ТИБЕТА.

Сельское хозяйство развито сравнительно слабо. Разнообразие диких животных, птиц и рыб очень велико; среди них мускусный олень, кошачьи, орлы и дикие овцы - объекты охоты. Животные, как правило, одеты обильной шерстью или волосами; даже у лошадей шерсть более лохматая, чем у медведей в более благоприятных климатических условиях. Тибетский мастиф - один из самых крупных и свирепых представителей своей расы, практически неукротимый и неизвестный на своей родине. Мускусный олень покрыт густым волосатым покровом длиной два-три дюйма, стоящим прямо по всему телу; по размеру и форме животное напоминает борова, однако у него стройные ноги. Тибетская коза дает шерсть для платков, столь ценимую для изготовления одежды.^[140]

Фрукты - обычное дело; небольшие персики, виноград, яблоки и орехи составляют ограниченное разнообразие. Ячменя выращивают больше, чем любого другого зерна, причем основную часть сельскохозяйственных работ выполняют женщины. Выращивают бобовые и пшеницу, но к западу от Х'лассы не выращивают рис. Собирают или заготавливают ревень, асафетиду, имбирь, мадеру и сафлор, но большинство лекарств привозят из Китая и Бутана. В небольших количествах выращивают репу, рапс, чеснок, лук и дыни. Полезные ископаемые очень богаты. Золото встречается в шахтах и россыпях и является постоянной статьей экспорта; свинец, серебро, медь и киноварь также выкапывают из земли, но железо не было найдено в большом количестве. Большой трудностью, мешающей жителям воспользоваться своим металлическим богатством, помимо незнания лучших способов добычи, является отсутствие топлива, с помощью которого можно было бы плавить руду. Тинкаль, или сырую буру, собирают на берегах небольшого озера в окрестностях Тенгири-нора, где также можно получить любое количество каменной соли. Встречаются драгоценные камни, большинство из которых попадает в Китай.

В настоящее время китайцы делят Тибет на *Цянь-цанг*, или Передний Тибет, и *Хау-цанг*, или Внутренний Тибет. Передний Тибет также называется У (Вэй) и У-цанг и включает центральную часть Бод-юра, где находится Х'ласса; к востоку от него расположен Кхам (Кэн) или Кхамюль, а к северо-востоку от Коко-нора - Кхамсок, т.е. Кхам на реке Сок. У изгиба Брахмапутры находится район Конгбо, где выращивают рис; на западе - Такпо, ДоУс и ГЦанг на границах Нари, заканчивающихся линией, почти непрерывной с восточной границей Нипала. В китайских книгах упоминается восемь кантонов в Переднем Тибете, пять из которых лежат к востоку от Х'лассы; к ним добавляются тридцать девять феодальных поселений в Кхамсоке, называемых *ту-шз'*, все они в основном номинальные или в настоящее время устаревшие. Чома де Кёрёс говорит о нескольких небольших княжествах в Кхаме и описывает их жителей как отличающихся от остальных тибетцев по внешнему виду и языку; они ассимилируются, вероятно, с племенами на бирманской и китайской границах. Нари (А-ли по-китайски) делится на Мангьюл, Хорсум и Марьюл. Первый из этих районов лежит почти рядом с Нипалом, и его площадь, вероятно, примерно такая же, но в его

холодных, сухих и возвышенных районах живут лишь несколько пастухов; Хорсум и Марьюл лежат к северу и северо-западу в еще более негостеприимном климате; последний примыкает к Ладаку и Балти и является вместилищем сотен озер, расположенных на высоте от 12 000 до 15 000 футов над морем. Хребет отделяет долину Инда от Сатледжа, который пересекается через перевал Богола, высотой 19 220 футов, а затем через перевал Гугтила, 19 500 футов, в Гарток. Жители этого высокогорного региона вынуждены жить в палатках, так как дерево для строительства почти не используется.

СТОЛИЦА Х'ЛАССА.

Х'ласса, *гьялса* или столица Тибета, расположена на реке Кичу, примерно в двенадцати лигах от ее слияния с Яру, в широте 29°39' с. ш. и долготе 91°05' в. д.; название означает "Божья земля", и это самый большой город в этой части Азии. 91° 05' в.д.; название означает "Божья земля", и это самый большой город в этой части Азии. Он знаменит расположенными рядом монастырями, составляющими церковные учреждения Далай-ламы, резиденция которого находится в монастыре Побранг-марбу (*т.е.* "Красный город") на горе Путала. Главное здание этого заведения имеет высоту триста шестьдесят семь футов и содержит, по китайскому выражению, "мириады комнат". Этот город является штаб-квартирой буддизма и иерархии лам, которые с помощью Далай-ламы и его подчиненного Кутукту осуществляют священнический контроль почти над всей Монголией, а также Тибетом. Город расположен на плодородной равнине высотой почти 12 000 футов, шириной около двенадцати миль и ста двадцати пяти с севера на юг, дающей урожаи ячменя и проса, с обильными пастбищами и некоторыми фруктовыми деревьями. Горы и холмы окружают его; самый западный из них - Путала, река протекает так близко от его основания, что была построена стена, чтобы уберечь здания от подъема воды. Китайский гарнизон расквартирован примерно в двух милях к северу от этой горы, а два больших храма, называемые *Х'ласса тсо-канг* и *Рамоци тсо-канг*, сверкающие золотом и драгоценными камнями, стоят совсем недалеко от нее. Четыре монастыря, Сера, Бребунг, Самье и Галдан, представляют собой столько же отдельных учреждений.^[141] Во время правления Сонгаров в Илли их принц Арабдан совершил набег на Х'лассу, и лама был убит. В 1720 году Канги поставил нового, назначив шесть ведущих офицеров старого ламы в помощь ему в управлении. Трое из них присоединились к восстанию, и в последующих конфликтах Х'ласса значительно пострадал. Население города предположительно составляет 24 000 человек; население провинции, по мнению Чомы, составляет около 650 000 человек.

В 1811 году город посетил мистер Мэннинг, чье описание грязных и убогих улиц, кишящих собаками и нищими, и убогости зданий совпадает с тем, что обнаружили Гук и Габет в 1846 году. Мистер Маннинг пробыл там около пяти месяцев и имел несколько бесед с Далай-ламой; его наблюдениям сильно мешал кантонский *мунши*, или учитель, и он подвергался опасности заболеть из-за недостатка крова и одежды. Его прием вождем буддийской веры 17 декабря был столь же замечательным, как и прием тешу-ламой Богла в 1774 году и Тернера в 1783 году. Мистер Мэннинг был одинок и незащищен, у него было мало подарков, но его подношение было принято; оно состояло из куска тонкой ткани, двух латунных подсвечников, двадцати новых долларов и двух флаконов лавандовой воды. Он поскакал к подножию горы Путала и, сойдя на первой площадке, поднялся по длинной лестнице из четырехсот ступеней, часть из которых была вырублена в скале, а остальные вели с этажа на этаж во дворец, пока не достиг большой площадки, на крыше которой находился зал для приемов. Войдя в него, он обнаружил, что здесь также присутствует *Ту-му-фу* или *Гесуб Римбоче*, высший гражданский чиновник Тибета, что привело его в некоторое замешательство: "Я не знал, сколько церемоний нужно пройти с одним, прежде чем

приступить к другому. Я совершил положенные поклоны, трижды коснувшись головой земли перед Великим ламой и один раз перед *Ту-му-фу*. Я преподнес свои дары, собственными руками вручив им обоим монеты с красивым шелковым платком. Пока я *кочевал*, неловкие слуги упустили одну из бутылок с лавандовой водой и разбили ее. Передав шарф Великому Ламе, я снял шапку и смиренно протянул ему свою чисто выбритую голову, чтобы он возложил на нее руки..... Красивое и интересное лицо и манеры ламы привлекли все мое внимание. Ему было около семи лет; у него были простые манеры хорошо воспитанного княжеского ребенка. Его лицо, как мне показалось, было поэтически и трогательно красивым. Он был веселого нрава, его красивый рот постоянно растягивался в изящной улыбке, которая освещала весь его облик. Несомненно, моя мрачная борода и очки возбуждали его подозрительность. Мы недолго сидели, прежде чем он задал вопросы, на которые мы встали, чтобы получить ответы. Он поинтересовался, не встречал ли я трудностей в пути; на что я ответил, что трудности были, но теперь, когда я имел счастье находиться в его присутствии, они были с лихвой компенсированы. Я видел, что этот ответ порадовал и его самого, и его людей, ибо они убедились, что я не простой деревенщина, а во мне есть хоть какая-то нотка вежливости".[142]

СИГАТСЕ И ТЭСЮ-ЛУМБО.

Столицей Цанга или Внешнего Тибета является Шигаце, расположенный в 126 милях к западу от Х'лассы и находящийся под его контролем. Монастырь, где проживает Тешу-лама со своим двором, находится в нескольких милях от нее и представляет собой город с населением около 4 000 священников, называемый Тешу-Лумбо. Он носит титул Панчен Римбоче и является воплощением Будды Амитабхи. Его дворец построен из темного кирпича с крышей из позолоченной меди; дома возвышаются один над другим, а золоченые украшения на храмах придают городу княжеский вид. Крепость Сигатсе стоит так, что с нее открывается вид на оба города. Равнина между этим городом и Х'лассой - плодородная местность, и, судя по количеству городов в долинах бассейна Яру, ее производительные силы сравнительно велики. Кроме территории, находящейся под юрисдикцией главного города, Внутренний Тибет делится еще на шесть кантонов, большинство укрепленных столиц которых находятся к западу от Шигацзе.

Степень мастерства тибетцев в производстве, механических искусствах и общей цивилизации ниже, чем у китайцев, но выше, чем у монголов. Они выглядят мягким и гуманным народом, обладающим религиозным чувством и наслаждающимся легкой жизнью по сравнению со своими южными соседями. Они воспитаны и приветливы, любят сплетничать и устраивать праздники, которые смягчают сердце и веселят нрав. К женщинам относятся бережно и не часто заставляют их работать вне дома. Ни один народ или страна, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, не представляют собой более яркого контраста, чем крепкие, высокие, мускулистые и цветущие бутиасы на своих плодородных полях и лесистых холмах и приземистые, тщедушные, вялые и смуглые тибетцы в своих суровых, бесплодных горах. Они различают между собой пять видов людей, последние из которых - бутиасы; остальные - жители Кхама, или Переднего Тибета, жители Цанга, кочевники Кор-каче и жители Малого Тибета. Все они говорят на тибетском языке с некоторыми вариациями. Тибетцы одеты в шерстяные и меховые вещи до такой степени, что по весу и теплоте они, кажется, подражают животным, от которых их получают; на этой одежде не мало грязи. Одежда полов несколько отличается по форме; преобладают желтый и красный цвета. Все люди носят большие болгарские сапоги из шкуры; остальная одежда состоит из шерстяных халатов и мехов, как у китайцев. Женщины носят много драгоценностей и украшают свои волосы, как и монголы, жемчугом, кораллами и бирюзой.

Девушки заплетают волосы в три локона, а замужние женщины - в два. Голову защищают высокие бархатные шапочки, мужчины носят широкополые чехлы из различных материалов.

Две религиозные секты различаются желтыми и красными шапочками; последние сравнительно немногочисленны, допускают браки с ламами, но не имеют существенных различий в ритуалах и догматах. Нет ни одной страны, где бы столь значительная часть населения посвящала себя религиозному служению, как в Тибете, и где светская часть жителей оказывала бы такое нескрываемое почтение духовенству. Пища тибетцев принимается в любое время, основными продуктами являются баранина, ячмень и чай. Во время всех визитов чай подносят, и чашка пополняется так часто, как только ее осушают. Спиртные напитки и пиво, оба из ячменя, являются обычными напитками. При каждом церемониальном визите, а также при отправке письма от одного человека к другому к нему обязательно прилагается шелковый шарф, размер и фактура которого соответствуют рангу и состоянию сторон. На каждом его конце выткано предложение *Om mani padmí hum*.

ОМ МАНИ ПАДМИ ХУМ.

Следующая заметка полковника Юла, взятая из книги Кёппена "Lamaische Hierarchie und Kirche", содержит наиболее удовлетворительное объяснение этой загадочной мистической формулы: "Ом мани падми хум!" - первобытные шесть слогов, как говорят ламы, среди всех молитв на земле образуют ту, которая наиболее обильно произносится, пишется, печатается и даже вращается машинами на благо верующих. Эти слоги составляют единственную молитву, известную простым тибетцам и монголам; это первые слова, которые ребенок учится заикаться, и последнее задышающееся произнесение умирающего. Их бормочет странник в пути, пастух рядом со своим скотом, матрона за домашними делами, монах на всех стадиях созерцания (*m.e. far niente*); они одновременно являются боевым кличем и криком победы! Они должны читаться везде, где распространяется церковь ламы, на знаменах, на скалах, на деревьях, на стенах, на каменных памятниках, на домашней утвари, на полосках бумаги, на человеческих черепах и скелетах! Они составляют, по мысли верующих, предельную концепцию всей религии, всей мудрости, всего откровения, путь спасения и врата спасения!... В правильном и буквальном смысле эти четыре слова, одного произнесения которых достаточно, чтобы приобрести неоценимое спасение, означают не что иное, как: "О Драгоценность в Лотосе! Аминь!" В этой интерпретации, скорее всего, *Драгоценность* означает бодхисатву Авалокитесвару, так часто рождающегося из бутона цветка лотоса. Согласно этому, вся формула - это просто приветствие могущественному святому, взявшему под свою особую ответственность обращение Севера, и для того, кто впервые использовал ее, мистическая формула означала не более чем *Ave Avalokiteçvara!* Но это простое объяснение, конечно, не удовлетворяет ламаистов, которые упиваются прославлениями и многочисленными глоссификациями этой формулы. Шесть слогов - это сердце сердец, корень всех знаний, лестница к перерождению в высших формах бытия, победитель пяти зол, пламя, сжигающее грех, молот, разбивающий муки, и так далее. *Ом* спасает богов, *ма* - асуров, *ни* - людей, - животных, *ми* - призрачный мир *претов*, *хум* - обитателей ада! *Ом* - это "благословение самоотречения, *ма* - милосердия, *ни* - целомудрия и т. д." "Поистине чудовищно, - говорит Кёппен, - количество *падми*, которые во время великих праздников жужжат в воздухе, как мухи". В некоторых местах каждый молящийся докладывает высшему ламе, сколько *ом-мани* он произнес, и общее количество, произнесенное общиной, исчисляется миллиардами".

Грюбер и Дорвиль описывают *Манупе* как идола, перед которым *stulta gens insolitis gesticulationibus sacra sua facit, identiden verba haec repetens*: - "О Manipe, mi hum, О Manipe, mi hum; *id est* Manipe, salva nos!". Ремюзат (*Mélanges Posthumes*, Paris, 1843, p. 99) переводит

эту фразу следующим образом: "Поклонение, о ты, драгоценный камень, который находится в лотосе!" и отмечает, что она иллюстрирует фундаментальную догму буддизма, а именно: создание материальной вселенной абсолютным существом; все существующие вещи закрыты в груди божественной субстанции; "драгоценный камень" означает, что *мир находится в Боге*. Мистер Джеймсон утверждает, что предложение *Om mani padmí hung* состоит из начальных букв различных божеств, все из которых, как предполагается, призываются в молитве.[143]

При почтительном приветствии шапку снимает низший, а руки свисают по бокам. Тела умерших помещают в открытый загон, как это практикуется у парсов, где их пожирают хищные птицы и звери, или расчлениают на открытом месте. Лам сжигают, а их пепел собирают в урны. Как только дыхание иссякает, тело усаживают в той же позе, в которой изображают Будду, согнув ноги, а подошвы ступней повернув вверх. Правая рука опирается на бедро, левая поворачивается к телу, большой палец касается плеча. В этой позе созерцания труп сжигают.

ТИБЕТСКИЕ ТИПЫ И ОБЫЧАИ.

В Тибете, как и в Бутане, преобладает обычай полиандрии. Выбор жены возлагается на старшего сына, который, сообщив о своих намерениях родителям, посылает сваху, чтобы та про ставила вопрос перед родителями девушки. Получив согласие родителей, сват возлагает на голову девушки украшение из драгоценного камня в золотой оправе, называемое *седзией*, и дарит ей драгоценности, платья, скот и т. д., в зависимости от средств молодого человека. Гости, приглашенные в день бракосочетания, приносят подарки по своему выбору, что увеличивает приданое. Перед домом невесты ставят шатер, в котором кладут три или четыре квадратные подушки, а землю вокруг посыпают пшеницей; невесту усаживают на самую высокую подушку, ее родители и подруги стоят рядом с ней в соответствии с их рангом, и собравшиеся принимают участие в пиршестве. После этого невесту проводят в дом ее возлюбленного, где ее посыпают пшеницей или ячменем, а там сажают рядом с ним, и оба угощаются чаем и спиртными напитками. Вскоре после этого жених садится в стороне, и каждый присутствующий дарит платок: те, кто выше по рангу, повязывают его на шею, равные и нижестоящие кладут его на бок. На следующий день формируется процессия из родственников новобрачных, которая посещает всех друзей, и брак завершается. Таким образом, девушка становится женой всех братьев и управляет домашними делами их хозяйства. Число ее мужей иногда обозначается количеством очков на ее шапочке. Этот обычай усиливается желанием семьи сохранить имущество в неприкосновенности между ее членами; однако он не препятствует тому, чтобы один из мужей покинул крышу и женился на другой женщине, и этот обычай не является всеобщим. Ремюза рассказывает о романе на тибетском языке, в котором автор великолепно изображает любовь своей героини, Трихартихи, к четырем своим любовникам, а в конце самым счастливым образом приводит их к браку.

Жилища бедняков построены из неотесанных камней, грубо наваленных друг на друга без цемента, высотой в два этажа и напоминают по форме и размеру кирпичную печь; окна маленькие, чтобы не ослаблять конструкцию; крыша плоская, защищена хворостом, а от приставаний злых духов ее защищают флаги, полоски бумаги, привязанные к веревкам, или ветки деревьев. Древесина стоит дорого и мало используется; полы выложены мрамором или плиткой, а мебель состоит из одних циновок и подушек. Храмы и монастыри представляют собой более внушительные и комфортабельные сооружения; некоторые из них

в Х'ласе являются одними из самых благородных образцов архитектуры в Центральной Азии.

Мавзолей Тешу-ламы в Тешу-Лумбу напоминает простую квадратную сторожевую башню, над которой возвышается двойная китайская крыша с навесом, карнизы которой увешаны колокольчиками, на которых ветерок играет непрекращающийся дигг. Тело ламы покоится в золотом гробу, а его чучело, также из золота, помещено в углубление большой раковины на вершине пирамидального сооружения, в котором оно находится. Боковые стороны пирамиды покрыты серебряными пластинами, а на ступенях лежат драгоценности и другие дорогие вещи, которые когда-то принадлежали ему. На алтарь перед гробницей ежедневно приносят жертвы и благовония, а рядом стоит вторая статуя усопшего, размером с жизнь, в позе читающего. С потолка свисают свитки и выпелы из шелка, а стены украшены картинами с изображением священников, занятых молитвой. Все сооружение построено основательно, а его богатые украшения размещены не столько для безопасности, сколько для того, чтобы оказать честь почитаемому человеку, который под ними покоится. Окна закрыты мохеровыми занавесками, а световой люк в верхнем этаже служит для освещения помещения и выхода на крышу. Крыша или парапет украшены цилиндрами из меди или других материалов, что придает сооружению блестящий вид.

ТОРГОВЛЯ И ЯЗЫК ТИБЕТА.

В Тибете производят шерсть, ткани, одеяла, пряжу, шали из козьего волоса, мускус, бумагу, металлы и ювелирные изделия. Их гранильщики вырезают всевозможные украшения в превосходном стиле, а золотые и серебряные изделия составляют значительную статью торговли с Китаем. Однако эти и другие ремесла неизбежно приходят в упадок из-за огромного количества мужчин, которые удаляются от труда в монастыри, вынуждая оставшихся посвящать большую часть своих сил обработке земли. Наиболее важный экспорт в Китай состоит из золотой пыли, драгоценных камней, безоаров, асафетиды, мускуса, шерстяных тканей и шкур; за них жители получают шелка, чай, фарфор, табак, музыкальные инструменты и металлы. Торговля ведется через Сининг-фу в Кансухе и Батанг в Сз'чуэне. Тинкаль, каменная соль и шерсть для платков - дополнительные товары, отправляемые в Ладак, Бутан и Индию.

Жрецы изучают музыку для своих церемоний, причем с гораздо большим успехом, чем китайские жрецы. Их развлечения заключаются в стрельбе из лука, танцах и соблюдении многих праздников, связанных с поклонением мертвым или живым. Пьянство распространено, но народ нельзя назвать пьяной расой, как и привычка к употреблению или курению опиума, столь фатально распространенная в Ассаме, поскольку мак невозможно выращивать в горах.

Образование ограничивается священством, но женщины, которые ведут большую часть торговли, также обучаются арифметике и письму. Язык алфавитный, читается слева направо; есть две формы иероглифов - *учен*, используемый для книг, и *умин*, используемый для письма, которые отличаются не больше, чем римская и бегущая рука в английском языке. Форма иероглифов указывает на их санскритское происхождение, но в языке много согласных, не встречающихся в этом языке, а в письменных словах нередко произносимые буквы. В алфавите тридцать согласных, распределенных по восьми классам, с четырьмя дополнительными гласными; каждый из них заканчивается кратким "а", как *ка*, *нга*, *ча*, которое может быть удлинено диакритическим знаком, помещенным под ним. Слоги отделены друг от друга точкой; ударный согласный - тот, что следует за гласным, а остальные, как до, так и после него, произносятся как можно быстрее и нередко вообще

опускаются в речи. Различия в этом отношении составляют основные черты патуа, встречающиеся в разных районах, где говорят на тибетском языке. Словарь и грамматика[144] этого языка были напечатаны в 1834 году в Калькутте Чомой де Кёрёшем, венгром, жившим среди священников в окрестностях Ладака. Литература почти полностью теологическая, насколько ее удалось изучить, а те работы, которые не носят такого характера, вероятно, были завезены из Китая. Их деление времени, нумерация, хронология и вес также были заимствованы из этой страны с некоторыми изменениями. Англичанин, мистер Брайан Ходжсон, живший в Нипале с 1820 по 1843 год, больше, чем кто-либо другой, добавил к нашим знаниям о литературе этой страны. Этот джентльмен приобрел полные копии оригинальных документов буддийского канона, сохранившихся на санскрите в нипальских монастырях, а также (по подарку Далай-ламы) все существующие литературные остатки некогда процветавшей христианской миссии в Х'лассе. Его наиболее важные эссе об этих землях теперь собраны в одном томе.[145]

ИСТОРИЯ ТИБЕТА.

История Тибета была частично известна Европе благодаря монгольскому автору Сананг Сетсену,[146], но если бы можно было получить свободный доступ к их летописям, то, вероятно, можно было бы извлечь методичную историю, охватывающую по крайней мере три века до нашей эры. До прихода Чингиса Тибетом правили собственные князья; первым монархом, объединившим под своей властью различные племена до 313 г. до н. э., был Сегер-Сандилуту-Каган-Тюль-Эсен,[147], и из того факта, что во время его правления был введен буддизм, можно сделать вывод, что он был выходцем с юга. Х'ласса была основана Сронгзаном-Гамбо, или Сронгбдзаном Сгамбуо,[148] около 630 г. н. э., после чего тибетская история становится более достоверной, поскольку этот царь ввел алфавит. Династия Тан принесла свое оружие в Тибет из Хотена, но народ сбросил их иго во время упадка этой династии. Магометанство также нарушало господство буддийской веры, и в начале десятого века исламский принц Дарма подвергся жестоким гонениям, но был отбит после его смерти, и с тех пор никогда не производил на народ ни малейшего впечатления. Чингис подчинил Тангоут, одно из княжеств, к северо-востоку от Коко-нора, и вскоре после этого подчинил себе всю страну; это Хубилай еще более обосновал в качестве зависимости от своей империи. После изгнания монголов народ восстановил свою независимость и при династии Мин образовал несколько небольших королевств, среди которых были Ладак и Родок, существующие до сих пор.

Из краткого резюме писем, написанных из Тибета в 1626 году жившими там римскими миссионерами, следует, что королевство Сопо было самым могущественным на севере, а Когуэ, У-цанг и Марьюл - тремя южными княжествами. Царь Когуэ разрешил этим миссионерам жить на его территории и с удовольствием слушал их беседы и споры с ламами. Далай-лама в это время был братом царя и обладал подчиненным влиянием в государстве, но священники были многочисленны и влиятельны. Завоевание Монголии и Тангута открыло Канхи путь в Тибет, но сношения между императором и далай-ламой были связаны в основном с религией и взиманием дани. Показателем свободы общения между Тибетом и западом служат паспорта, выданные торговцам, посетившим Х'лассу в 1688 году. Ламы удерживали верховную власть до конца его правления, когда китайское влияние стало преобладать. Страна уже была завоевана вождом Сонгаром, поэтому после его поражения она не могла оказать особого сопротивления. Канхи назначил шесть высших князей или *гьялбо* над провинциями; но вскоре после его смерти, в 1727 году, трое из них вступили в заговор против Юнчжина и не были покорены без значительного сопротивления. Тогда император назначил верного принца или *гуалбо* генерал-губернатором, и тот оставался на

своем посту до самой смерти, около 1750 года. Кьенлунг, обнаружив, что его сын стремится к полной независимости, казнил его как мятежника, подавил должность и назначил двух китайских генералов, чтобы они вместе с далай-ламой и его коадьютором занимались управлением страной. Войска были увеличены, а во всех частях страны возведены крепости для устрашения населения и облегчения торговли.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТИБЕТА.

Нынешнее правительство Тибета возглавляют два *та чин*, или "великих министра", проживающих в Х'лассе, которые действуют сообща, служа сдерживающими факторами друг для друга; они не занимают свои посты долгое время. Они имеют абсолютный контроль над всеми войсками в стране, а военные, как правило, ограничены гарнизонами и не обрабатывают землю. Сбор доходов, отправка дани в Пекин, руководство людьми, которые ее перевозят, и теми, кто ведет торговлю в Батанге и Сининг-фу, - все это находится под их контролем. Далай-лама и Тешу-лама - высшие религиозные чиновники страны, каждый из них независим в своей провинции, но первый занимает высшее место в иерархии. Китайские жители советуются с каждым из них по вопросам управления своей провинцией. Все их назначения на должности или дворянство должны быть одобрены резидентами, прежде чем они станут действительными, но только религиозные служители не находятся под таким надзором. В деревнях власть осуществляется светскими заместителями лам, называемыми *деба*, и комендантами, называемыми *карпонами*, которые присылаются из столицы. Каждому *деба* помогает местный *вазир*, который вместе с главным ламой образует местное правительство, подчиняющееся верховной магистратуре. Западная провинция Нари населена кочевниками, которые кочуют по регионам к северу от Раван-храда и находятся под властью *карпонов*, присылаемых из Х'лассы, без помощи лам. Самим двум первосвященникам также помогают советники. Один из них, по имени Супун Чумбу, который занимал должность *садека* или советника, когда Тернер посетил Тешу-Лумбо, был маньчжуром по происхождению, но долгое время жил в Тибете.

Кочевые кланы дам-монголов и другие племена, занимающие тридцать девять феодальных волостей, или *ту-ши*, в Переднем Тибете, управляются жителями без вмешательства лам. Волнения в Переднем Тибете в 1792 году, вызванные вторжением нипальцев и разграблением Тешу-Лумбо, были быстро подавлены благодаря энергии правительства Кьенлунга, а захватчики были вынуждены просить пощады. Вследствие этого вторжения южная граница была сильно укреплена цепью постов, а сообщение с государствами между Тибетом и Индией строго запрещено и контролируется. Это дало китайцам возможность укрепить свою власть и распространить свое влияние на север до Хотена и Ладака. Природная мягкость характера тибетцев и сходство религии делают их гораздо легче под китайским игом, чем магометан.[\[149\]](#)

ГЛАВА V. НАСЕЛЕНИЕ И СТАТИСТИКА.

Интерес к стране и народу, о которых здесь пойдет речь, в умах филантропических и интеллигентных людей во многом обусловлен впечатлением, которое они получили от ее огромного населения. Страна, вдвое превышающая размеры Китайской империи, мало привлекала бы христианина, торговца или этнолога, если бы была населена не лучше

Сахары или Аризоны: народ мог бы обладать самыми восхитительными институтами и бесподобной формой правления, но эти достоинства потеряли бы свой интерес, если бы мы услышали, что это республика Сан-Марино или королевство Маскат, где они находятся. Население немногих стран мира было точно установлено, и, вероятно, численность населения Китая менее удовлетворительна, чем любого европейского или американского государства в настоящее время. Гораздо легче провести перепись среди народа, который понимает ее цель и будет честно помогать в ее проведении, чем в деспотической, полудивилизованной стране, где масса жителей боится контакта или общения со своими правителями; в большинстве таких государств, как Абиссиния, Турция, Персия и т. д., регулярная перепись либо вообще не проводится, либо ограничивается общей оценкой для целей получения доходов или призыва.

ЗАСЛУГА КИТАЙСКИХ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ.

Тема населения Китая привлекала внимание монархов нынешней династии, и их переписи были лучшими источниками информации для составления разумного мнения по этому вопросу. Какими бы ни были наши взгляды на реальное население, очевидно, что эти переписи, со всеми их расхождениями и неточностями, являются единственным надежным источником информации. Противоречивые мнения и выводы иностранных авторов не придают им ни дополнительного веса, ни умаляют их достоверность. В настоящее время их можно подвергнуть сомнению, но нельзя опровергнуть; их невозможно доказать, но есть много оснований им верить; огромные цифры, которые они демонстрируют, можно объявить невероятными, но не доказать, что они невозможны.

Никто из тех, кто побывал в Китае, не колеблясь, признает, что есть веские основания для того, чтобы отдать им должное, но общее количество настолько превышает его расчеты, что, действительно, следует отложить все до получения новых данных. В этой стране, пожалуй, больше особых стимулов для увеличения населения, чем в любой другой, в основном благодаря благоприятному климату, полугодовым урожаям, неустанной промышленности, ранним бракам и справедливому налогообложению, предполагающему разумную безопасность жизни и имущества. Обращаясь к другим странам Азии, мы вскоре замечаем, что в Японии и Персии эти причины имеют меньшее влияние; в Сиаме и Бирме они слабы; в Тибете они почти бессильны.

На этом пункте каждый должен остановиться, изучая численность населения Китайской империи; хотя, судя по обзору ее основных подразделений, проведенному в предыдущих главах, ее способность поддерживать плотное население не нуждается в дополнительных доказательствах. Однако разум в некоторой степени обескуражен созерцанием миллионов и миллионов человеческих существ, собранных таким образом под одним правительством; и он почти желает, чтобы были основания не верить огромному общему числу людей из-за ужасных результатов, которые могут последовать за тираническим капризом или необузданной яростью их правителей, или еще более шокирующих сцен грабежа и ужасных крайностей нужды, которые неизбежно вызовет плохой урожай.

ИССЛЕДОВАНИЕ МА ТВАН-ЛИНЬ ПО ПЕРЕПИСЯМ НАСЕЛЕНИЯ.

Китайская литература содержит множество документов, описывающих классы общества, включенные в переписи населения при различных династиях. Результаты этих переписей Ма Туань-линь разумно и толково переработал в главах, посвященных населению, из которых М. Эд. Biot разработал много важных данных.^[150] Ранние записи показывают, что перепись была рассчитана только на количество налогооблагаемого населения, исключая всех лиц, обязанных нести личную службу, находящихся в подчинении у других. Кроме того, были

исключены все чиновники и рабы, все лица старше 60 или 66 лет, слабые или больные, нуждающиеся в помощи, а иногда и те, кто был недавно поселен на землях штата. Вычитая эти категории населения, Ма Тван-лин приводит одну перепись, проведенную в IX веке до н. э., в 13 704 923 человека в возрасте от 15 до 65 лет, проживавших в пределах границ к северу от реки Янцзы. Согласно современным статистическим таблицам, эта цифра составляет около 65% всего населения, или 21 753 528 человек.

Могущественный завоеватель Цинь Чи Хвангти заменил личный корвет на скутадж и ввел своеобразный опросный налог, принимая деньги от тех, кого нельзя было заставить выполнять требуемую работу. Этой практики придерживались и при династии Хань, а в 194 г. до н. э. налог был узаконен и стал распространяться на всех мужчин в возрасте от 15 до 66 лет, в то время как с тех, кому было от 7 до 14 лет, взимался более легкий налог. За четыре века правления этой семьи цель и способы проведения переписи были хорошо изучены. Ма Туань-линь приводит результаты десяти переписей, проведенных в период со 2 по 155 гг. н.э. Его детали показывают, что перепись проводилась просто для получения дохода и не проводилась в плохие годы, когда засуха или морозы уничтожали урожай; они также показывают увеличение числа рабов, что женщины теперь перечислялись, и что девушки в возрасте от 15 до 30 лет платили налог на опрос. В 30 г. до н. э. возрастные границы были установлены между 7 и 56 годами. Средняя цифра этих десяти переписей составляет 63 500 600 человек, причем первая достигает 83 640 000, тогда как следующая и самая низкая, проведенная через пятьдесят пять лет, составляет всего 29 180 000, а третья - 47 396 000. Эти большие колебания объясняются беспорядками, возникшими в результате узурпации Ваньмана в 9-27 гг. н.э. и последующей смены столицы, а также невозможностью в этот смутный период провести опрос во всех частях империи. Вывод из этих данных о том, что реальное население Китайской империи к северу от Нань-лина во времена Христа составляло не менее восьмидесяти миллионов человек, обоснован так же хорошо, как и почти любой другой факт в ее истории.[\[151\]](#)

После падения династии Хань наступил долгий период гражданской войны, в ходе которой уничтожение жизни и имущества было столь огромным, что население сократилось до одной шестой части от численности, установленной в 230 г. н. э., когда болезни, эпидемии и землетрясения увеличили потери от войны и прекращения сельского хозяйства, согласно Ма Тван-лину; и только в 280 г. н. э., когда династия Цинь подчинила все своей власти, страна начала возрождаться. В том году был проведен подсчет, согласно которому свободных людей в возрасте от 12 до 66 лет в стране насчитывалось 14 163 863, или 23 180 000 человек. С этого периода и до прихода к власти династии Суй в 589 году Китай раздирали раздоры и соперничество монархов, а переписи охватывали лишь часть территории, причем цифры включали еще меньшее число людей из-за огромного количества крепостных или кабальных крестьян, которые искали безопасности под защитой землевладельцев. В это время был введен новый способ переписи, при котором люди делились на тех, кому было от 1 до 3 лет, затем от 3 до 10, от 10 до 17 и от 17 до 60, после чего они не облагались налогом; также был установлен коэффициент земельного налога. Перепись, проведенная таким образом в 606 году, дала оценку населения всего Китая в 46 019 956 человек; границы в этот период едва доходили до гор Наньлин, а объяснение автором порядка проведения некоторых общественных работ показывает, что даже в эту сумму не входили лица, которые могли быть призваны на личную службу, в то время как все чиновники, рабы и нищие были опущены. Из-за этих принудительных работ снова возникли проблемы, и только после прихода к власти династии Тан в 618 году стало возможным регулярное перечисление.

Эта семья царствовала 287 лет, и Ма Тван-лин приводит пятнадцать данных о численности населения до 841 года. Они демонстрируют значительные колебания, некоторые из них трудно объяснить, даже если опустить или дополнить большие классы жителей. Самый тщательный отчет был составлен в 754 году н. э. и дает общую цифру около семидесяти миллионов для всей империи, которая, хотя и была почти такой же, как при династии Хань во 2 веке н. э., простиралась на гораздо большую территорию, даже на все южное побережье. Помимо ранее перечисленных сословий, в ходе этой переписи были обойдены вниманием многие тысячи жрецов.

Годы анархии, последовавшие за Тан, до 976 г. н.э., когда династия Сун получила власть, произвели свой обычный эффект. Первая перепись дала лишь около шестнадцати миллионов налогооблагаемого населения в тот год, когда власть династии еще не была прочно установлена; но в 1021 году данные возросли до 43 388 380, а затем постепенно увеличились до 100 095 250 в 1102 году, как раз перед тем, как были потеряны провинции к северу от Желтой реки, безусловно, самые плодородные и лояльные. Последний подсчет, проведенный в 1223 году при жизни Ма Тван-линя, показывает, что число жителей южных провинций составляет 63 304 000 человек; это было за пятьдесят лет до завоевания империи ханом Хубилаем. Наш автор приводит некоторые подробности, касающиеся классов, включенных в перепись при его жизни, которые доказывают здравому уму, что реальное число ртов, живущих на земле, было, если и больше, то на порядок, чем предполагалось. В 1290 году монгольский император опубликовал результаты переписи, согласно которым налогооблагаемое население составляло 58 834 711 человек, "не считая тех, кто бежал в горы и к озерам или присоединился к мятежникам". Это произошло вскоре после того, как его безжалостная рука почти обезлюдела обширные области в северных провинциях, прежде чем он смог их успокоить.

В продолжении "Исследований Ма Туань-линя" приведены шестнадцать переписей населения династии Мин в период с 1381 по 1580 год; самая низкая цифра - 46 800 000 человек в 1506 году, самая высокая - 66 590 000 человек в 1412 году, в среднем за два века - 56 715 360 жителей. Один из ее составителей заявляет, что не может примириться с большими расхождениями, и ставит под сомнение их итоговые показатели, поскольку не смог узнать способ пересчета. Три данных приведены за три года подряд (1402-1404), разница между крайними значениями которых составляет шестнадцать миллионов, но все они были взяты, когда Юнглюх сражался с Кьенвэном, своим племянником, в Нанкине, и обосновался в Пекине в качестве императора, а в эти годы большие районы не могли быть подсчитаны.

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТАБЛИЦЫ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ.

Прежде чем приступить к тщательному изучению этого вопроса, следует свести воедино различные оценки населения, сделанные при нынешней династии. Данные, приведенные в таблице на стр. 264, взяты из лучших источников и настолько хороши, насколько ими располагает сам народ.

Кроме этих подробных рассказов, есть несколько обобщенных сведений о всей стране, составленных не только Ма Тван-лином, но и другими местными писателями, а также иностранцами, якобы взятыми из первоисточников, но не указавшими свои авторитеты. Наиболее достоверные из них, наряду с теми, что приведены в другой таблице, расположены здесь в хронологическом порядке.

Правление	А.Д.	Население.	Власти.
-----------	------	------------	---------

монарха.

1.	Хунву,	13-й год,	1381	59,850,000	Продолжение книги "Ма Туань-линь". Ред. Biot, Journal Asiatique, 1836.
2.	Юнглох,	9-й год,	1412	65,377,000	
3.	Ванлейх,	7-й год,	1580	60,692,000	
4.	Шунчи,	18-й год,	1662	21,068,600	Общая статистика империи; Medhurst's China, p. 53.
5.	Канхи,	6-й год,	1668	25,386,209	
6.	"	49-й год,	1710?	23,312,200	
7.	"	49-й год,	1710?	27,241,129	Yih Tung Chí, статистический труд; "Взгляд Моррисона на Китай".
8.	"	50-й год,	1711	28,605,716	Общая статистика; Китайский репозиторий, т. I, с. 359.
9.	Кьенлунг,	1-й год,	1736	125,046,245	Mémoires sur les Chinois, Tome VI., p. 277 ff.
10.	"	8-й год,	1743	157,343,975	
11.	"	8-й год,	1743	149,332,730	
12.	"	8-й год,	1743	150,265,475	Les Missionaires, De Guignes, Tome III., p. 67.
13.	"	18-й год,	1753	103,050,060	Общая статистика; Китайский репозиторий, т. I, с. 359.
14.	"	25-й год,	1760?	143,125,225	И Тун Чи", статистический труд; "Взгляд Моррисона на Китай".
15.	"	25-й год,	1760?	203,916,477	Mémoires sur les Chinois, Tome VI. De Guignes, Tome III., p. 72.
16.	"	26-й год,	1761	205,293,053	
17.	"	27-й год,	1762	198,214,553	Allerstein; Grosier; De Guignes, Tome III., p. 67.
18.	"	55-й год,	1790	155,249,897	"З." из Берлина, в "Китайском репозитории", т. I, с. 361.
19.	"	57-й год,	1792	307,467,200	Общая статистика; д-р Моррисон, Англо-китайский колл. Отчет, 1829 год. Заявление, сделанное лорду Макартни.
20.	"	57-й год,	1792	333,000,000	
21.	Киакинг,	17-й год,	1812	362,467,183	Общая статистика; Китайский репозиторий, т. I, с. 359.
22.	Тунгчи,	8-й	1868	404,946,514	Васильевич. Отчеты китайских таможенников.

год,
23. Квансю, 7-й 1881 380,000,000
год,

Семь из этих переписей, а именно 7-я, 8-я, 12-я, 13-я, 17-я, 20-я, 21-я и 23-я, подробно описаны в следующей таблице. Первые три относятся к династии Мин и взяты из продолжения "Исследований" Ма Тван-линя, откуда они были процитированы в "Зеркале истории" без подробностей. Во время правления династии Мин часть страны, ныне называемая Восемнадцатью провинциями, не находилась под властью Хун-ву и его потомков. Войны с японцами, с племенами на севере и западе, а также гражданские войны и борьба между самими китайцами и с нью-чи в Маньчжурии, должно быть, несколько сократили численность населения.

ТАБЛИЦА РАЗЛИЧНЫХ ПЕРЕПИСЕЙ ВОСЕМНАДЦАТИ ПРОВИНЦИЙ.

ПРОВ ИНЦИ И.	Площ адь в англи йских квадр атных милях .	Сре днее насе лени е на кв. м в 1812 г.	Пере пись насел ения в 1710 году или рань ше.	Пер епис ь насе лени я 1711 года .	Переп ись насел ения 1758 года.	После дня переп ись 1812 года.	Оцен ка в 1792 году Мака ртни.	Переп ись насе ления в 1762 году по Аллер штейну .	Пере пись насе лени я 1743 года от де Гинь.	Альма нах Гота, 1882 г., взято из отчет ов китай ских тамож ен.	Выр учка в таля х по 1,33 долл ара за штук у.
Чихли	58,94 9	475	3,260, 075	3,27 4,87 0	9,374, 217	27,990 ,871	38,00 0,000	15,222, 940	16,70 2,765	28,000 ,000	3,94 2,00 0
Шанту нг	65,10 4	444		2,27 8,59 5	12,769 ,872	28,958 ,764	24,00 0,000	25,180, 734	12,15 9,680	29,000 ,000	6,34 4,00 0
Shansí	55,26 8	252	1,792, 329	1,72 7,14 4	5,162, 351	14,004 ,210	27,00 0,000	9,768,1 89	8,969 ,475	17,056 ,925	6,31 3,00 0
Хонан	65,10 4	420	2,005, 088	3,09 4,15 0	7,114, 346	23,037 ,171	25,00 0,000	16,332, 507	12,63 7,280	29,069 ,771	5,65 1,00 0
Кианг су	44,50 0	850	3,917, 707	2,65 6,46 5	12,618 ,987	37,843 ,501	32,00 0,000	23,161, 409	26,76 6,365	37,800 ,000	11,7 33,0 00
Нганх вуи	48,46 1	705	1,350, 131	1,35 7,82 9	12,435 ,361	34,168 ,059		22,761, 030		34,200 ,000	
Кианг	72,17	320	5,528,	2,17	5,055,	23,046	19,00	11,006,	6,681	23,000	3,74

си	6		499	2,58 7	251	,999	0,000	640	,350	,000	4,00 0
Чехки анг	39,15 0	671	2,710, 649	2,71 0,31 2	8,662, 808	26,256 ,784	21,00 0,000	15,429, 690	15,62 3,990	26,300 ,000	5,85 6,00 0
Фухки ен	53,48 0	276	1,468, 145	706, 311	4,710, 399	14,777 ,410	15,00 0,000	8,063,6 71	7,643 ,035	14,800 ,000	2,34 4,00 0
Нирен	70,45 0	389	469,9 27	433, 943	4,568, 860	27,370 ,098	14,00 0,000	8,080,6 03	4,264 ,850	27,400 ,000	2,09 1,00 0
Хунан ь	74,32 0	251	375,7 82	335, 034	4,336, 332	18,652 ,507	13,00 0,000	8,829,3 20		20,048 ,969	1,90 5,00 0
Шенс и	67,40 0	153	240,8 09	2,15 0,69 6	3,851, 043	10,207 ,256	18,00 0,000	7,287,4 43	14,80 4,035	10,309 ,769	3,04 2,00 0
Кансу х	86,60 8	175	311,9 72	368, 525	2,133, 222	15,193 ,125	12,00 0,000	7,812,0 14		9,285, 377	563, 000
Ш'чуэ нь	166,8 00	128	144,1 54	3,80 2,68 9	1,368, 496	21,435 ,678	27,00 0,000	2,782,9 76	15,18 1,710	35,000 ,000	2,96 8,00 0
Квант ун	79,45 6	241	1,148, 918	1,14 2,74 7	3,969, 248	19,174 ,030	21,00 0,000	6,797,5 97	6,006 ,600	19,200 ,000	193, 000
Кванс и	78,25 0	93	205,9 95	210, 674	1,975, 619	7,313, 895	10,00 0,000	3,947,4 14	1,143 ,450	8,121, 327	794, 000
Квейч ау	64,55 4	82	51,08 9	37,7 31	1,718, 848	5,288, 219	9,000 ,000	3,402,7 22	255,4 45	5,679, 128	185, 000
Юньн ань	107,9 69	51	2,255, 666	145, 414	1,003, 058	5,561, 320	8,000 ,000	2,078,8 02	1,189 ,825	5,823, 670	432, 000
Сингк инг	 1,297, 999	.. 268	4,194 27,24 1,129	 28,6 05,7 16	221,74 2 103,05 0,060	2,167, 286 362,44 7,183	 333,0 00,00 0	668,85 2 198,21 4,553	235,6 20 150,2 65,47 5	 380,00 0,000	 58,0 97,0 00

ПРОВИНЦ ИИ.	Площадь в английских квадратных милях.	Средняя численность населения на кв. м в 1812 г.	Переп ись насел ения в 1710 году или рань ше.	Перепись населения 1711 года.	Перепись населения 1758 года.	Последн яя перепис ь 1812 года.
----------------	---	--	---	-------------------------------------	-------------------------------------	---

Чихли	58,949	475	3,260,075	3,274,870	9,374,217	27,990,871
Шантунг	65,104	444		2,278,595	12,769,872	28,958,764
Shansi	55,268	252	1,792,329	1,727,144	5,162,351	14,004,210
Хонан	65,104	420	2,005,088	3,094,150	7,114,346	23,037,171
Киангсу	44,500	850	3,917,707	2,656,465	12,618,987	37,843,501
Нганхвуи	48,461	705	1,350,131	1,357,829	12,435,361	34,168,059
Киангси	72,176	320	5,528,499	2,172,587	5,055,251	23,046,999
Чехкианг	39,150	671	2,710,649	2,710,312	8,662,808	26,256,784
Фухкиен	53,480	276	1,468,145	706,311	4,710,399	14,777,410
Нирен	70,450	389	469,927	433,943	4,568,860	27,370,098
Хунань	74,320	251	375,782	335,034	4,336,332	18,652,507
Шенси	67,400	153	240,809	2,150,696	3,851,043	10,207,256
Кансух	86,608	175	311,972	368,525	2,133,222	15,193,125
Ш'чуэнь	166,800	128	144,154	3,802,689	1,368,496	21,435,678
Квантун	79,456	241	1,148,918	1,142,747	3,969,248	19,174,030
Кванси	78,250	93	205,995	210,674	1,975,619	7,313,895
Квейчау	64,554	82	51,089	37,731	1,718,848	5,288,219
Юньнань	107,969	51	2,255,666	145,414	1,003,058	5,561,320
Сингкинг		..	4,194		221,742	2,167,286
	1,297,999	268	27,241,129	28,605,716	103,050,060	362,447,183

Оценка в 1792
году дана

Перепись
населения в 1762
году по

Перепись
населения 1743

Альманах Гота,
1882 г., взято из
отчетов китайских

Выручка в
талях по 1,33
доллара за

Макартни.	Аллерштейну.	года от де Гинь.	таможен.	штуку.
38,000,000	15,222,940	16,702,765	28,000,000	3,942,000
24,000,000	25,180,734	12,159,680	29,000,000	6,344,000
27,000,000	9,768,189	8,969,475	17,056,925	6,313,000
25,000,000	16,332,507	12,637,280	29,069,771	5,651,000
32,000,000	23,161,409	26,766,365	37,800,000	11,733,000
	22,761,030		34,200,000	
19,000,000	11,006,640	6,681,350	23,000,000	3,744,000
21,000,000	15,429,690	15,623,990	26,300,000	5,856,000
15,000,000	8,063,671	7,643,035	14,800,000	2,344,000
14,000,000	8,080,603	4,264,850	27,400,000	2,091,000
13,000,000	8,829,320		20,048,969	1,905,000
18,000,000	7,287,443	14,804,035	10,309,769	3,042,000
12,000,000	7,812,014		9,285,377	563,000
27,000,000	2,782,976	15,181,710	35,000,000	2,968,000
21,000,000	6,797,597	6,006,600	19,200,000	193,000
10,000,000	3,947,414	1,143,450	8,121,327	794,000
9,000,000	3,402,722	255,445	5,679,128	185,000
8,000,000	2,078,802	1,189,825	5,823,670	432,000
.....	668,852	235,620		
333,000,000	198,214,553	150,265,475	380,000,000	58,097,000

ПЕРЕПИСЕЙ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ПО ОТДЕЛЬНОСТИ.

Первая перепись 1662 года (№ 4) случайно упоминается Кьенлуном в 1791 году как проведенная в это время, поскольку он сделал несколько замечаний о росте населения и сравнил ранние переписи с той, которую он недавно заказал. Эта сумма в 21 068 600 человек, однако, не включает всех жителей Китая на тот момент; ведь маньчжуры начали свое господство в 1644 году, а полную власть над всеми провинциями получили не ранее 1700 года; Кантон был захвачен в 1650 году, Формоза - в 1683.

Перепись 1668 года (№ 5) показывает небольшое увеличение по сравнению с переписью 1662 года, но она также ограничена завоеванными частями; и в тех провинциях, которые были покорены, есть обширные участки, которые были почти обезлюжены во время завоевания. Тот, кто читал рассказы Семедо, Мартини, Тригаутиуса и других о резне и уничтожении людей как маньчжурами, так и китайскими бандитами в период между 1630 и 1650 годами, не затруднится объяснить уменьшение численности населения вплоть до 1710 года. Но главное объяснение снижения численности с шестидесяти до двадцати семи миллионов можно найти в цели проведения переписи, а именно: взимание налога и определение количества мужчин, пригодных для армии - две причины, по которым большинство мужчин избегают регистрации.

Перепись 1711 года (№ 8) - первая перепись, которая заслуживает доверия, если сравнить несколько ее частей между собой. Даты предыдущих (№ 6 и 7) довольно неопределенны;

последняя была извлечена доктором Моррисоном из книги, опубликованной в 1790 году, и он считает, что она была сделана, вероятно, еще в 1650 году, хотя это маловероятно. Другая перепись приводится доктором Медхерстом без каких-либо пояснений: , и их значительное расхождение заставляет нас думать, что обе они датированы неверно. Перепись 1711 года сама по себе гораздо более последовательна, хотя есть некоторые основания полагать, что и она не включала все население, проживавшее тогда в Китае. Перепись по-прежнему проводилась для зачисления в армию и взимания налога на капитуляцию со всех мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Но от этого налога и регистрации уклонялись и сопротивлялись возмущенные китайцы, которые никогда не получали подобной летописи от своих собственных князей; поэтому император Канхи отменил налог на капремонт. Только в это время маньчжуры покорили и умиротворили южные провинции, и не исключено, что эта перепись и опрос, проведенный иезуитами, были одними из их актов суверенитета. Поскольку народ не желал регистрироваться, налог с населения был объединен с земельным налогом, и во время правления Юнгчинга перепись не проводилась, пока Кьенлунг не возродил ее, чтобы иметь хоть какое-то руководство для распределения помощи в периоды бедствий и нехватки, создания зернохранилищ и помощи полиции в выполнении ее обязанностей. Поэтому многие, кто сделал бы все возможное, чтобы их имена не были записаны, когда их облагали налогом или призывали на военную службу, не могли бы возразить, если бы перепись проводилась с выгодой для себя. Однако не имеет большого значения, с какой целью была проведена перепись, если есть основания полагать, что она была точной. Она действительно может послужить стимулом для умножения имен и цифр, которые не были представлены людьми, как это было сделано в некоторых районах штата Нью-Йорк в 1840 году благодаря принципу выплаты маршалам процента от численности, о которой они сообщали.

Три следующих числа (9, 10 и 11) взяты у де Гиньеса, который цитирует Амио, но не приводит китайских авторитетов. Последняя цифра приведена де Гиньесом полностью, и как она, так и перепись Аллерштейна, датированная двадцатью годами позже, внесены в таблицу. Между ними и переписью 1753 года, взятой из Общей статистики, есть некоторые расхождения, которые нелегко примирить. Внутренние данные свидетельствуют в пользу последней, а не переписи 1743 года; они взяты из нового издания Ta Tsing Hwui Tien, или "Общей статистики империи", и увеличение за сорок два года, которые прошли со времени последней переписи, наблюдается во всех провинциях, за исключением Шантунга и Киангнана. Необычайная плодovitость этих провинций легко могла бы вызвать иммиграцию, в то время как во время завоевательной войны их многочисленность и богатство привлекали армии маньчжуров, и разрушения были несоизмеримо большими. Меньшие цифры, указанные для западных и южных провинций, также соответствуют противодействию, которое испытывали эти регионы. В целом перепись, проведенная в 1753 году, очень хорошо сопоставляется с переписью 1711 года, и обе они несут в себе тот аспект достоверности, который не присущ таблице 1743 года, приведенной де Гиньесом.

С 1711 по 1753 год население удвоилось примерно за двадцать два года, при условии, что вся страна была достоверно зарегистрирована во время первой переписи. Например, провинция Квейчау в 1711 году представляла в среднем чуть больше одного человека на две квадратные мили; в 1753 году она увеличилась в беспримерном соотношении три человека на квадратную милю, то есть население удваивалось каждые семь лет; Квантун, Кванси и Кансук (все они содержат до сих пор частично покоренные племена) также увеличили свою численность почти в той же пропорции, в значительной степени, вероятно, благодаря более продолжительной переписи, чем простому увеличению населения.

СРАВНЕНИЕ С БОЛЕЕ ПОЗДНИМИ ПЕРЕПИСЯМИ.

Суммы за 1736 год, три суммы за 1743 год, а также суммы за 1760, 1761 и 1762 годы (№ 9, 10, 11, 12, 15, 16 и 17) взяты у де Гиньеса, который взял их из "Меморий китайцев". Последний, за 1762 год, подробно приведен в таблице. Расхождение в шестьдесят миллионов между данными Амио за 1760 год и данными д-ра Моррисона за тот же год объясняется, без сомнения, иностранцами, а не ошибкой китайцев. Работа, из которой д-р Моррисон извлек свои расчеты на этот год, была опубликована в 1790 году, но перепись проводилась между 1760 и 1765 годами. В той же работе содержится перепись 1711 года (№ 8), которую он цитирует, и есть все основания полагать, что оценка Амиота или Гросье в 157 343 975 человек на 1743 год - это та же самая перепись, которую он умножил на пять, предположив, что это были семьи, а не отдельные люди. Все три переписи, приписанные к 1743 году, вероятно, получены разными лицами из одних и тех же местных органов власти.

Три переписи, датированные 1760, 1761 и 1762 годами, гармонируют друг с другом; но если принять их, то придется отказаться от переписей 1753 и 1760 годов, извлеченных из И Тунг Чи доктором Моррисоном, которые гораздо более разумны и лучше соответствуют предыдущей, датированной 1711 годом. Можно заметить, что если при подсчете переписи 1753 года считать по пять человек в семье, как это делает Амиот для 1743 года, то население составит 189 223 820 человек, а не 103 050 060, как указано в таблице. Это объясняет кажущееся уменьшение на пятьдесят миллионов. Все расхождения между этими различными таблицами и переписями не следует возлагать на китайцев, поскольку выяснить их способы проведения переписи и использование терминов очень непросто. Например, в таблицах они используют словосочетание "*цзинь-тин*", обозначающее мужчин старше 15 лет, как целое число; затем его нужно умножить на какой-то коэффициент увеличения, чтобы получить общее количество населения; и эту последнюю цифру нужно получить в другом месте. Не следует упускать из виду, что цель переписи - вычислить возможный доход путем перечисления налогооблагаемых лиц, а погрешность и недостаток зависят от состояния мира в государстве на тот момент, а не главным образом от оценки пяти или более человек в семье.

Сумма за 1736 год достаточно точно соответствует сумме за 1743 год; а если учесть то же количество человек в семье в 1753 году, то она достаточно хорошо согласуется с суммами за 1760, 1761 и 1762 годы, в целом демонстрируя постепенный рост на протяжении двадцати пяти лет. Но все они, кроме 1753 года, вероятно, оценены слишком высоко. А вот 1762 год (№ 17) справедливо считается одним из самых достоверных.

Сумма, указанная "Z." из Берлина (№ 18) в 155½ миллионов за 1790 год, цитируется в "Китайском репозитории", но автор не указывает никаких авторитетов, вероятно, никогда не был в Китае, и в том виде, в каком она представляется в настоящее время, не заслуживает ни малейшего внимания. Данные д-ра Моррисона за 1792 г. (№ 19), год, предшествующий посольству лорда Макартни, взяты из издания этой даты, но, вероятно, действительно были сделаны в 1765 г. или около того, но он не опубликовал их в деталях.^[152] Вероятно, она гораздо ближе к истине, чем сумма в 333 миллиона, названная комиссаром Чау английскому послу. К этой оценке как к подлинному документу было проявлено гораздо больше уважения, чем она того заслуживает. Китайский комиссар, естественно, хотел возвысить свою страну в глазах гостей, приехавших издалека, и, не имея официальных отчетов, вряд ли стал бы указывать их меньше, чем они были на самом деле. Он приводил численность населения провинций в круглых цифрах, возможно, полностью по собственной памяти, с помощью служащих, с тем расчетом, что слушатели никогда не смогут обратиться к оригинальным местным властям.

Следующая перепись (№ 21) является наиболее удовлетворительной из всех переписей в китайских трудах, и была признана Моррисонами и доктором Бриджманом, редактором "Китайского репозитория", "самой точной из всех, которые когда-либо были представлены о населении".

В вопросах такого рода одна хорошо проверенная таблица стоит десятка сомнительного происхождения. Было показано, насколько апокрифичны многие сведения, приводимые в иностранных книгах, но в переписи 1812 года источником ошибок, от которых следует в первую очередь предохраняться, является среднее число, приходящееся на семью. Это делается самими китайцами не по единому плану, и, возможно, оценка людей по количеству семей производится в отдельных городах, исходя из близкого знакомства с конкретным районом, что будет менее подвержено ошибкам, чем общее среднее. Число семей, указанное в переписи 1753 года, составляет 37 785 552, то есть более трети населения.

ЧЕТЫРЕ НАИБОЛЕЕ ДОСТОВЕРНЫХ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ.

Четыре переписи, заслуживающие наибольшего доверия с точки зрения источников, - это переписи 1711, 1753, 1792 и 1812 годов (*т.е.* №№ 8, 13, 19 и 21); при сравнении они показывают следующие темпы роста:

С 1711 по 1753 год население увеличилось на 74 222 602 человека, что составило ежегодный прирост в 1 764 824 жителя, или чуть более шести процентов в год на протяжении сорока двух лет. Этот высокий показатель, следует помнить, не учитывает более тщательного покорения юга и запада в более поздний период, когда маньчжуры могли спокойно заселять большие районы, где в 1711 году они столкнулись бы с такими трудностями, что не стали бы и пытаться это делать.

С 1753 по 1792 год прирост населения составил 104 636 882 человека, или ежегодный прирост в 2 682 997 жителей, или около 2½ процентов в год в течение тридцати девяти лет. В течение этого периода в стране царил почти непрерывный мир под энергичным правлением Кьенлунга, а незаселенные районы на юге и западе быстро заполнялись.

С 1792 по 1812 год прирост составил 54 126 679 человек, или 2 706 333 человека в год - не более одного процента в год в течение двадцати лет. При таком же темпе прогресса нынешнее население составило бы более 450 000 000 человек, и так бы и было, если бы восстание Тай-пина не сократило численность населения. Перечисление (№ 22) было опубликовано русским профессором китайского языка Василиевичем в 1868 году в виде перевода с официальных документов. Иностранцы имели больше возможностей для путешествий по стране в период с 1840 по 1880 год и убедились в огромной убыли населения в некоторых местах, вызванной войнами, недостатком продовольствия из-за нехватки рабочих рук, голодом или разбойничьими нападениями, каждое из которых добавляло свою силу разрушения в разных местах и в разное время. Вывод не может полностью удовлетворить любого исследователя, но население империи теперь не может быть обоснованно оценено так же высоко, как в переписи 1812 года, по крайней мере, на двадцать пять миллионов. Последняя в списке этих переписей (№ 23), добавлена в качестве примера усилий умных людей, проживающих в Китае, прийти к определенному и независимому заключению по этому вопросу на основе тех данных, которые они могут получить. Императорская таможенная служба смогла заручиться лучшей помощью туземцев в своих исследованиях, и приведенная выше таблица населения из Готского альманаха является кратким изложением того, что было установлено. Население внепровинциального Китая в настоящее время точно неизвестно. Один автор называет двенадцать миллионов жителей Маньчжурии, другой - три или четыре миллиона, не имея на то никаких

официальных оснований; а все эти обширные области в Или и Тибете могут быть легко оценены от двенадцати до пятнадцати миллионов. Подводя итог, следует признать, что если китайские переписи и мало чего стоят по сравнению с теми, что проводятся в европейских государствах, то они лучше, чем предположения иностранцев, которые никогда не были в этой стране или путешествовали по ней лишь частично.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ИХ ПОЛЬЗУ.

Китайцы, несомненно, одна из самых тщеславных наций на земле, но при всем их тщеславии им никогда не приходило в голову оценивать свое население на двадцать пять или тридцать процентов выше, чем они предполагают, с целью возвеличить себя в глазах иностранцев или в своих собственных. За исключением одного случая, ни одна из оценок не была представлена иностранцам и не предназначалась для их ознакомления. Расстояния в *ли* между местами, указанные в китайских маршрутах, очень хорошо соответствуют реальным расстояниям; число районов, городов и деревень в департаментах и провинциях, указанное в их местных и общих топографических работах, согласуется с реальным обследованием, насколько оно может быть сделано: почему их переписи должны быть обвинены в грубой ошибке, когда, сколько бы мы ни сомневались в них, мы не можем их опровергнуть, и вес доказательств, полученных из фактических наблюдений, скорее подтверждает их, чем наоборот; и в то время как их счет городов, деревень, расстояний и т. д., безоговорочно принимаются до тех пор, пока не будут получены более точные данные? Некоторые расхождения в различных таблицах объясняются иностранцами, а некоторые переписи неполны, или год не может быть точно установлен, и оба эти фактора опровергают выводы, сделанные на их основе в отношении темпов роста. Вначале будут приведены некоторые основания полагать, что максимальная численность населения, приписываемая Китайской империи, не превышает того, что страна может прокормить, а затем рассмотрены возражения против получения переписей.^[153]

ПЛОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В ЕВРОПЕ И КИТАЕ.

Площадь восемнадцати провинций, по неполным данным, составляет 1 348 870 квадратных миль, а средняя численность населения в целом по стране в 1812 году - 268 человек на каждую квадратную милю; в девяти восточных провинциях на Великой равнине и вблизи нее, составляющих 502 192 квадратных мили, или две пятых всей территории, - 458 человек, а в девяти южных и западных провинциях, составляющих остальные три пятых, - 154 человека на квадратную милю. Поверхность и плодородие страны в этих двух частях различаются настолько сильно, что можно ожидать подобных результатов. Для сравнения с Китаем и получения более четкого представления об их относительной плотности добавлены площади некоторых европейских государств и их население.

Штаты.	Область.	Население.	В среднем до кв. м.	Перепись населения
Франция	204,092	36,905,788	182	Декабрь, 1876.
Германия	212,091	45,194,172	213	Декабрь, 1880.
Великобритания	121,608	35,246,562	289	Апрель, 1881.
Италия	114,296	28,437,091	249	Декабрь, 1879.
Голландия	20,497	4,060,580	198	Декабрь, 1880.
Испания	190,625	16,053,961	84	Декабрь, 1877.
Япония	160,474	34,338,479	213	1877.
Бенгалия	156,200	68,750,747	440	1881.

Все эти страны считаются хорошо заселенными, но Англия и Бенгалия - единственные, кто превосходит по численности населения Китай, взятый в целом, в то время как ни одна из них не дотягивает до среднего показателя восточных провинций. Однако все они, включая Китай, далеко не дотягивают до средней численности населения на квадратную милю Иудейского и Израильского царств в царствование Авии и Иеровоама, если 1 200 000 человек, выведенных ими на поле боя, можно принять за отношение ко всему числу жителей; или если можно доверять рассказам Иосифа о плотности населения в его время. Оценивая возможности этих европейских стран по поддержанию плотного населения, необходимо учитывать дороги, пастбища и парки знати, которые практически не дают пищи.

В Англии и Уэльсе обрабатывается около двадцати девяти миллионов акров земли, семнадцать миллионов из которых - пастбища, и только десять миллионов отведены под зерновые и овощи; остальные два миллиона состоят из залежных земель, хмельников и т. д. По подсчетам одного из авторов, в Англии 42 акра из ста, а в Ирландии 64, являются пастбищами - чуть больше половины всей территории. Таким образом, в среднем на содержание каждого человека приходится около двух акров земли, или даже меньше, если вычесть землю, необходимую для питания лошадей. Было подсчитано, что восемь человек могут прокормиться на том же количестве земли, которое требуется одной лошади; и что четыре акра пастбищной земли дадут человеку не больше пищи, чем один акр вспаханной земли. Появление железных дорог настолько вытеснило использование лошадей, что, по оценкам, сейчас в Англии насчитывается всего 200 000 лошадей вместо миллиона в 1830 году. Таким образом, если половину земли, отведенной под пастбища, отвести под зерновые, а лошадей и собак разводить не больше, чем может выдержать миллион акров, Англия и Уэльс смогут легко содержать население более четырехсот человек на квадратную милю, если предположить, что они будут готовы жить на том, что могут дать земля и вода.

Ирландцы потребляют больше овощей, чем англичане, даже после улучшения ситуации за счет эмиграции после 1851 года; многие из них ведут нищенский образ жизни на половине акра земли, а то и меньше, и редко пробуют животную пищу. Количество обрабатываемой земли в Бельгии составляет около пятнадцати-семнадцати процентов от всей территории страны, что дает в среднем около двух акров на каждого человека, или столько же, сколько в Англии. В этих двух странах люди потребляют больше мяса, чем в Ирландии, а количество земли, занятой под пастбища, в Бельгии и Англии почти в равных пропорциях. Во Франции средняя площадь обрабатываемой земли составляет $1\frac{2}{3}$ акр, в Голландии - $1\frac{4}{5}$ акр на каждого человека.

ПЛОЩАДЬ И СТОИМОСТЬ ПАХОТНЫХ ЗЕМЕЛЬ В КИТАЕ.

Если пропорция между пахотными и необработанными землями в Китае такая же, как в Англии, а именно одна четвертая, то в Китае обрабатывается около шестисот пятидесяти миллионов акров; и мы не остаемся в стороне от догадок, поскольку из отчета, представленного Кьенлуну в 1745 году, следует, что площадь обрабатываемой земли составляла 595 598 221 акр; последующие расчеты показывают, что она составляет 640 579 381 акр, что почти соответствует пропорции, принятой в Англии. Если оценить ее в шестьсот и пятьдесят миллионов - с тех пор она скорее увеличилась, чем уменьшилась, - то на каждого человека приходится один акр и четыре пятых, что отнюдь не мало для китайцев, учитывая, что здесь нет возделываемых пастбищ или лугов.

При сравнении населения разных стран образ жизни и используемые продукты питания составляют столь важные элементы расчета, позволяющие определить, перенаселена

страна или нет, что простое табличное представление о количестве людей на квадратной миле является несовершенным критерием того, сколько жителей могла бы содержать страна, если бы они потребляли одинаковую пищу и жили одинаково во всех этих странах. Китайцы, индусы, японцы и другие азиаты живут преимущественно овощами, и вряд ли можно сказать, что в стране проживает больше половины или трети людей на квадратную милу, чем могло бы быть, если бы их энергия была развита в той же степени, что и у англичан или бельгийцев. Население этих восточных регионов было подавлено совокупным влиянием невежества, незащищенности жизни и имущества, религиозных предрассудков, порока и войн, так что в стране никогда не проживало столько жителей, сколько можно было бы ожидать от нее.

Почти вся обрабатываемая земля в Китае используется для выращивания пищи для человека. Шерстяная одежда и кожа используются мало, а хлопок и тутовник занимают лишь небольшую часть почвы. Насколько известно, нет ни одного акра земли, засеянной травой, и поэтому почти весь человеческий труд уходит на выращивание корма для животных, который не будет служить и для пропитания человека. Лошади редко используются для помпезности или войны, для путешествий или переноски тяжестей, но мулы, верблюды, ослы и козы используются для транспортировки и других целей к северу от реки Янцзы. Лошадей кормят вареным рисом, отрубями, зерном сорго, бобовыми, овсом и травой, скошенной по берегам ручьев или на склонах холмов. В южных и восточных провинциях все животные встречаются редко, перевозка товаров и пассажиров осуществляется на лодках или с помощью людей. Туземцы не используют ни масло, ни сыр, ни молоко, а немногочисленный скот, занятый в сельском хозяйстве, легко добывает пропитание на пустырях вокруг деревень. На юге для вспашки рисовых полей используют буйвола, чем вола, а привычки этого животного позволяют дешевле содержать его в хорошем состоянии, к тому же он может выполнять больше работы. Зимний запас - это трава, скошенная на холмах, солома, стебли бобов и овощи. Шерсть не нужна для производства тканей, поэтому стада овец и коз встречаются редко - можно сказать, что они неизвестны на востоке и юге.

Ни одно животное не выращивается дешевле свиньи; выведение и разведение уток дает работу тысячам людей; сотни этих птиц сами добывают себе пищу на берегу реки, и за ними легко ухаживает один сторож. Гуси и домашняя птица также дешевы. Для рыболовства, которое ведется в огромных масштабах, не нужны ни пастбища, ни удобрения, ни амбары, ни налоги, которые платят земледельцы и потребители.

Хотя люди получают животную пищу таким образом, на ее приготовление уходит минимально возможное количество обрабатываемой земли. Пространство, занятое под дороги и площадки для развлечений, незначительно, но под места захоронений отводится площадь, равная площади, используемой для этих целей в европейских странах; однако это менее ценная земля, и большая ее часть была бы бесполезна для культуры, даже если бы не была занята. Могилы выкапывают на холмах, в оврагах и рощах, везде, где они будут уединенными и сухими; а если они находятся на родовом поле, то не мешают урожаю, растущему рядом с ними. Кроме того, очень часто гроб хранят в храмах и на кладбищах до тех пор, пока он не истлеет, отчасти для того, чтобы сэкономить на строительстве могилы, а отчасти для того, чтобы поклониться останкам или сохранить их до того, как они будут собраны к своим отцам в далеких родных местах. Их часто помещают в углах полей или под обрывами, где они остаются до тех пор, пока пыль не превратится в прах, а кости и дерево не заплесневеют. Эти и другие обычаи ограничивают использование земли под могилы гораздо больше, чем можно было бы предположить, когда видишь, как в Макао мертвые занимают почти столько же места под могилу, сколько живые - под хижину. Некрополь Кантона

занимает холмы к северу от города, из которых ни одна пятидесятая часть никогда не могла быть использована для сельского хозяйства, но там разрешено пасти скот, как если бы там не было могил.

В условиях благоприятного и спокойного климата более трех четвертей территории собственно Китая ежегодно дает два урожая. В Квантуне, Кванси и Фукиене с низменных земель из года в год снимают два урожая риса, а в лессовых районах северо-запада ежегодно ожидают трехкратной отдачи от зерновых полей, если не задерживать дожди. В зимний сезон в окрестностях городов выращивают третий урожай сладкого картофеля, капусты, репы или других овощей. Де Гинь оценивает отдачу от урожая риса в десять к одному, что вместе с овощами дает двадцать пять процентов с акра за год; однако лишь немногие участки дают такой прирост. Мало или совсем нет земли под паром, так как постоянное удобрение и переворачивание почвы предотвращает необходимость отдыха. Усердие, проявляемое при сборе и внесении навоза, хорошо известно, и если вся эта работа приводит к получению двух урожаев вместо одного, то это действительно удваивает обрабатываемую площадь, если сравнивать ее с площадями других стран. Если количество земли, на которой выращивается два урожая, оценить в одну четвертую часть от общей площади (а она, возможно, близка к одной трети), то площадь пахотных земель в провинциях можно считать равной 812 миллионам акров, или $2\frac{3}{4}$ акра на человека. Земля, однако, не разбита на такие мелкие фермы, которые не позволяли бы управлять ею настолько хорошо, насколько люди умеют ее запасать и обрабатывать; ручной труд является главной зависимостью фермера, а скота, телег, плугов и машин используется меньше, чем в других странах. На рисовых полях не используют животных после того, как на влажной земле появятся всходы; пересадкой, прополкой и жатвой занимаются люди.

Ни в одной другой стране, кроме Японии, нет такого количества пищи, получаемой из воды. Побережья, лиманы, реки и озера не только покрыты рыболовецкими судами разных размеров, оснащенными всем необходимым для ловли всего, что живет в водах, но икра рыб собирается и выращивается. Рисовые поля в зимнее время часто превращаются в бассейны и зарыбляются рыбой, а резервуары, вырытые для орошения, обычно содержат рыбу. Все эти способы позволяют получать по дешевке огромное количество продуктов питания, которые едят свежими или консервируют с солью или без нее, и отправляют по всей империи, по цене, которая делает их доступными для всех, кто выше нищеты. Другие продукты, как животные, так и растительные, такие как собаки, дичь, черви, весенняя зелень, трипанг, листья и т. д., действительно составляют часть их пищи, но это сравнительно незначительная часть, и ее не нужно принимать в расчет. Сказанного достаточно, чтобы показать, что земля в изобилии способна поддерживать население, приписываемое ей, даже со всеми известными недостатками; и что, если принять за истину самую высокую оценку и учесть образ жизни, среднее население на квадратную милю в Китае меньше, чем в некоторых европейских странах.

ТЕНДЕНЦИИ К УВЕЛИЧЕНИЮ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ.

Политические и социальные причины, способствующие размножению жителей, многочисленны и сильны. Неспособность мужского потомства продолжить преемственность рода и поклониться могилам родителей рассматривается всеми классами как одно из самых тягостных несчастий в жизни; законы допускают неограниченные возможности усыновления и обеспечивают права тех, кто принят в семью таким образом. Обычай обручать детей и обязанность, которую общество налагает на молодых людей, достигших зрелости, исполнять

договор, заключенный их родителями, благоприятствуют созданию семьи и воспитанию детей, а также ограничивают многоженство. Родители желают иметь детей для поддержки в старости, так как в стране не существует законного или благотворительного обеспечения престарелых нищих, а общественное мнение порицает человека, который позволяет своим престарелым или немощным родителям страдать, когда он может им помочь. Закон требует, чтобы владельцы домашних рабов обеспечивали мужей для своих женщин, и запрещает недобровольное или насильственное разлучение мужа и жены или родителей и детей, когда последние находятся в нежном возрасте. Все эти причины и факторы способствуют увеличению численности населения и выравниванию потребления и использования имущества, пожалуй, в большей степени, чем в любой другой стране.

К такому же результату приводит обычай сохранять семьи вместе. Местное значение большой семьи в деревне ослабевает, когда ее члены мужского пола переезжают в город или эмигрируют; поэтому патриарх трех или четырех поколений старается удержать вокруг себя своих сыновей и внуков, их дома присоединяются к его, и они и их семьи образуют социальную, объединенную компанию. Такие случаи, как упомянутые в "Священных заповедях", конечно, редки, когда девять поколений семьи Чан Кун-и жили в одном доме, или Чин, за столом которого ежедневно питались семьсот ртов,^[154] но такова тенденция общества. Это замечание не означает, что существуют крупные землевладельцы, чьи наследственные владения обеспечены залогом к большому ущербу для государства, как в Великобритании, поскольку фермы, как правило, небольшие и обрабатываются владельцем или по системе метайера. Семьи содержатся по более экономичному плану, требования родственников лучше соблюдаются, земля обрабатывается более тщательно, а местное значение семьи сохраняется. Однако эта система сильно отличается от той, которую отстаивали Фурье во Франции или Грили в Америке, поскольку эти маленькие общины находятся под властью одного естественного главы, чей авторитет признается и поддерживается, а его возмущения опасаются. Рабочие одной профессии образуют союзы, каждый вносит определенную сумму под обещание помощи в случае болезни или инвалидности, и этот обычай предотвращает и облегчает огромное количество нищеты.

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ЭМИГРАЦИЮ.

Препятствия на пути эмиграции за море, как по закону, так и по предрассудкам, удерживают респектабельных людей от отъезда с родной земли. Необходимость превратила закон в мертвую букву, и тысячи людей ежегодно покидают свои дома. Для тех, кто знаком с чувствами и характером китайцев, нет лучшего доказательства плотности населения, чем масштабы эмиграции. "Что может быть более убедительным доказательством, - замечает Медхерст, - плотности населения Китая, чем тот факт, что эмиграция продолжается, несмотря на ограничения и запреты, из страны, где царят образование и цивилизация и где сталкиваются все самые дорогие интересы и предрассудки эмигрантов, в такие страны, как Бирма, Сиам, Камбоджа, Тибет, Маньчжурия и Индийский архипелаг, где царят сравнительное невежество и варварство и где крайности тропического или морозного региона должны быть заменены на мягкий и умеренный климат? К этому следует добавить, что ни одной женщине не разрешается или не осмеливается покинуть страну, и, следовательно, все нежные привязанности, которые связывают сердце с сердцем, должны быть разорваны, и, возможно, навсегда."^[155]

Более того, если они возвращаются с достатком, достаточным для жизни, они подвергаются назойливым поборам со стороны нуждающихся родственников, точильщиков и полиции, у которых в законе о запрете выезда из страны есть ручка для кнута;^[156] хотя этот пункт был нейтрализован последующими законами и не действует, сила общественного мнения

говорит против выезда. В 1832 году в Кантоне произошел случай, когда сын китайца, жившего в Калькутте, отправленный родителями домой вместе с матерью для совершения обычных церемоний в родовом зале, был схвачен своим дядей, когда он собирался жениться, под предлогом, что его отец неравноценно разделил отцовское наследство; он был вынужден заплатить тысячу долларов, чтобы освободиться. Вскоре после свадьбы его схватили несколько точильщиков и увезли в седане, когда он шел возле своего дома, но его крики привлекли полицию, которая доставила их всех в магистрат, где он был освобожден - после того, как был вынужден заплатить своим освободителям.^[157] Другой случай произошел в Макао в 1838 году. Один человек несколько лет жил в Сингапуре как купец, а когда поселился в Макао, продолжал участвовать в торговле с этим местом. Слухи о его огромном богатстве распространились по всему миру, и он сильно досаждал родственникам. Однажды ночью несколько воров, одетых как полицейские, пришли к нему в дом в поисках опиума, и их шумная манера так напугала его, что, спасаясь от них, он спрыгнул с террасы во двор с твердым гравием и сломал ногу, от чего вскоре умер. Упоминается и третий случай, когда вернувшиеся эмигранты, состоявшие из мужчины и его жены, малайки, и двух детей, были спасены от вымогательства, когда предстали перед магистратом, благодаря доброте жены и матери, пожелавших увидеть иностранку.^[158] Такие случаи теперь неизвестны, из-за роста эмиграции; они, правда, никогда не были многочисленными из-за малого числа тех, кто возвращался.

Стремление правительства обеспечить запасы продовольствия на время дефицита свидетельствует скорее о страхе перед катастрофическими последствиями неурожая, такими как скопление шумных толп голодающих бедняков, рост числа бандитов и дезорганизация общества, чем о какой-то особой заботе правителей или о том, что эти склады действительно обеспечивают дефицит. Дурные последствия, вызванные чрезмерным ростом населения, наблюдаются в той или иной части провинций почти каждый год; а засуха, наводнения, саранча, плесень или другие естественные причины часто становятся причиной мятежей и беспорядков. Однако не приходится сомневаться, что, не увеличив ни одного акра пахотной земли, эти беды можно было бы существенно облегчить, если бы сообщение между торговцами и их товарами между отдаленными частями страны было более частым, быстрым и безопасным; но это вряд ли произойдет, пока и правители, и управляемые не добьются большего прогресса в справедливом управлении, науке, послушании и уважении прав друг друга.

Было бы приятно, если бы иностранцы могли проверить любую часть переписи. Но в настоящее время это невозможно. Они не могут изучить записи в канцелярии Налогового совета, не могут выяснить численность населения в том или ином районе по архивам, находящимся в руках местных властей, или способ его определения. Они также не могут пройти через деревню или город, чтобы подсчитать количество домов и их жителей, и на основании фактического изучения нескольких частей вычислить, каково будет население в целом. Везде, где бы ни побывали иностранцы, наблюдается такая же чередка пустырей, холмов, возделанных равнин и лесистых возвышенностей, как и в других странах, с обилием людей, но не больше, чем могла бы прокормить земля, если бы ее правильно обрабатывали.

МЕТОД ПРОВЕДЕНИЯ ПЕРЕПИСИ.

Люди объединены в хутора и деревни, управляемые старейшинами и чиновниками. В округе Наньхай, составляющем западную часть города Кантон, и в прилегающей к нему местности площадью более ста квадратных миль насчитывается сто восемьдесят *хиангов* или деревень; численность населения каждого *хианга* колеблется от двухсот до ста тысяч человек, но обычно составляет от трехсот до тридцати пятисот. Если в каждом из восьмидесяти восьми

районов провинции Квангтун будет такое же количество *хиангов*, то всего, включая районные города, будет 15 928 деревень, поселков и городов, со средним населением двенадцать сотен жителей в каждом. С вершины холмов на острове Дейн, в Уампоа, можно насчитать тридцать шесть городов и деревень, из которых Кантон - один; в четырех из них насчитывается от двенадцати до пятнадцати сотен домов. Весь район Хианшань, в котором находится Макао, также покрыт деревнями, хотя их точное количество неизвестно. На острове Амой расположено более четырехсот деревень и городов, и этот остров составляет лишь часть округа Тун-ган. Берега реки, ведущей от Амоя до Чанчау-фу, также хорошо заселены. Окрестности Нинпо и Шанхая тесно заселены, хотя это не больше, чем можно ожидать вблизи больших городов, где спрос на продовольствие в самом городе заставляет окрестности быть хорошо заселенными и обработанными. В сообщении о наступлении стихии в 1819 году на побережье Шантунга говорится, что сто сорок деревень оказались под водой.

Марко Поло описывает, как это было принято во времена хана Хубилая: "Обычай каждого городского мещанина, да и вообще любого человека в городе, писать над дверью свое имя, имя жены, детей, рабов, всех обитателей дома, а также количество животных, которых он держит. И если кто умрет в доме, то имя этого человека стирается, а если родится ребенок, то его имя добавляется. Таким образом, государь может точно знать население города. И так принято во всем Манзи и Катхае".^[159] Этот обычай соблюдался задолго до монгольского завоевания и соблюдается в настоящее время, так что провести перепись населения в Китае, пожалуй, проще, чем в большинстве европейских стран.

Закон по этому вопросу содержится в разделах LXXV. и LXXVI. устава. Он предусматривает различные наказания за отсутствие регистрации членов семьи, и все его положения свидетельствуют о том, что люди стремятся скорее уклониться от переписи, чем преувеличить ее масштабы. Если семья не внесла какую-либо запись, ее глава подлежит наказанию в виде ста ударов, если он свободный человек, и восьмидесяти, если нет. Если хозяин семьи имеет среди своих домочадцев другую отдельную семью, которую он не зарегистрировал, то наказание такое же, как и в последнем пункте, с изменением в зависимости от того, являются ли незарегистрированные лица и семья родственниками или чужаками. Лица, находящиеся на государственной службе и не зарегистрировавшие свои семьи, наказываются менее строго. Хозяин семьи, не зарегистрировавший всех мужчин в своем доме, которые подлежат государственной службе, наказывается от шестидесяти до ста ударов, в зависимости от проступка; этот пункт был фактически отменен, когда земельный налог был заменен налогом на капитуляцию. Упущения в регистрации всех лиц и семей в деревне или городе со стороны старост или правительственных чиновников караются с разной степенью строгости. Все лица должны быть зарегистрированы в соответствии с их привычными занятиями или профессиями, будь то гражданские или военные, будь то курьеры, ремесленники, врачи, астрологи, чернорабочие, музыканты или представители любого другого сословия; уловки в представлении себя как принадлежащего к профессии, не связанной с государственной службой, наказываются, как обычно, бамбуком; лица, ложно называющие себя принадлежащими к армии, чтобы уклониться от государственной службы, изгоняются, а также бьются".^[160] Из этих пунктов видно, что маньчжуры расширили список, включив в него классы, которые были исключены при Хань, Тан и других династиях, и таким образом приблизились к реальному населению.

ЕГО ВЕРОЯТНУЮ ТОЧНОСТЬ.

"В китайском правительстве, - замечает доктор Моррисон, - наблюдается большая регулярность и система. В каждом районе есть соответствующие офицеры, на каждой улице -

констебль, а в каждом десятке домов - тингист. Таким образом, у них есть все необходимые средства для определения численности населения со значительной точностью. Каждая семья обязана иметь в доме доску, готовую для осмотра уполномоченными офицерами, на которой написаны имена всех людей, мужчин, женщин и детей, находящихся в доме. Эта доска называется *мун-пай* или "дверная доска", потому что, когда в доме есть женщины и дети, офицеры должны брать отчет с доски у двери. Если бы все члены семьи были точно записаны, то численность населения, конечно, была бы определена с большой точностью. Но говорят, что имена иногда опускаются по небрежности или по умыслу; другие же считают, что счет людей, внесенных в табличку, в целом верен". Дверные таблички иногда наклеиваются на дверь, служа своего рода дверной дощечкой; в таких случаях правильность перечисления легко обеспечивается, поскольку соседи могут знать, если запись не соответствует истине, а хозяин дома вряд ли станет преувеличивать количество налогооблагаемых жильцов под своей крышей. Я читал эти *мун-пай* на дверях длинного ряда домов; они представляли собой отпечатанные бланки, которые заполнялись, а затем вывешивались на улицу, чтобы *лао-киа* или десятник мог их изучить. И доктор Моррисон, и его сын, у которых не было больше возможностей узнать истинное положение дел и которые больше желали иметь честные отношения с китайцами, считали переписи, приведенные в "Общей статистике", более надежными, чем любые другие имеющиеся документы.

СВИДЕТЕЛЬСТВА В ПОЛЬЗУ ПЕРЕПИСИ.

В заключение можно спросить: неужели результаты переписи населения, содержащиеся в статистических трудах, опубликованных правительством, следует отвергать или подвергать сомнению потому, что китайские чиновники не хотят точно определить численность населения; или потому, что они не в состоянии это сделать; или, наконец, потому, что они хотят навязать иностранным державам арифметический подсчет миллионов, которыми они не обладают? Вопрос, кажется, завис на этой трилемме. Признано, что они фальсифицируют или искажают заявления таким образом, чтобы поставить под сомнение все, что они пишут, как в отчетах о победах и сражениях, отправленных императору, в мемориалах о торговле опиумом, в описаниях природных объектов в книгах по медицине и во многих других вещах. Но вопрос относится как к Китаю, так и к Франции: можно ли поставить под сомнение численность населения Франции в 1801 году, оцененную по адресу, из-за того, что газета *Moniteur* дала ложные сведения о сражениях Наполеона в 1813 году? Было бы странным сочетанием самомнения и глупости, если бы министерство, состоящее из людей, способных учесть все детали такого сложного правительства, как китайское, систематически преувеличивало численность населения, а затем на протяжении более чем столетия проводило налогообложение, выплаты и официальные назначения, основываясь на этих переписях. Кто-то, по крайней мере, должен знать, что они ничего не стоят, и доказательство того, что это так, должно, надо полагать, вскоре стать очевидным. Провинции и департаменты делились и подразделялись с тех пор, как иезуиты провели свое исследование, потому что они становились слишком густонаселенными, чтобы ими могли управлять одни и те же чиновники.

Тем не менее, никто не станет утверждать, что китайцы не способны провести перепись с такой же точностью, с какой они измеряют расстояния или планируют районы и населенные пункты. Ошибки могут быть найдены как в первом, так и во втором случае, и, несомненно, так и есть; ведь не утверждается, что четыре переписи 1711, 1753, 1792 и 1812 годов столь же точны, как и те, что проводятся сейчас в Англии, Франции или Соединенных Штатах, а утверждается, что это лучшие из существующих данных, и что если их отвергнуть, то мы оставим приемлемые доказательства и займемся теми, которые сомнительны и

предположительны. Переписи населения, проведенные в Китае со времен христианской эры, в целом более удовлетворительны, чем переписи всех других народов до Реформации, вместе взятых, и дальнейшие тщательные исследования, несомненно, повысят наше уважение к ним.

Вскоре мы сможем проследить перепись в деталях и подробностях, и таким образом удовлетворить разумное любопытство, особенно в том, что касается последних данных о численности населения после кровавой бойни во время восстания. С другой стороны, можно сказать, что в последней переписи все население Маньчжурии, Коко-нора, Или и Монголии оценивается всего в 2 167 286 человек, и почти все жители этих обширных регионов подчиняются императору. Население Тибета не включено ни в одну перепись, поскольку его жители не облагаются налогом. Сомнительно, что когда-либо проводилась перепись какой-либо части внепровинциальной территории, поскольку монгольские племена, а тем более усбекские или другие мусульманские расы, не привыкли к подобным мероприятиям и не будут перечислены. Тем не менее, китайцев нельзя обвинить в преувеличении, когда хорошие судьи, такие как Клапрот и другие, считают, что все население составляет от шести до семи миллионов; а в одном только Хотене, по словам одного автора, проживает три с половиной миллиона. Ни один значимый писатель не оценивает жителей этих регионов в тридцать миллионов, как это делает Р. Монт. Мартин, что составляет более десяти человек на квадратную милю, исключая Гоби; в то время как в Сибири (хотя она не так хорошо заселена) проживает всего 3 611 300 человек на площади 2 649 600 квадратных миль, или 1½ на каждую квадратную милю.

Только что приведенные причины, по которым китайцы стремятся к потомству, - это не все те, которые способствовали национальному росту. Непрерывный мир, которым страна наслаждалась в период с 1700 по 1850 год, способствовал значительному развитию ее ресурсов. Все классы были поощрены к размножению и наполнению земли. Полигамия, рабство и проституция - три социальных зла, которые препятствуют росту населения, - были ограничены в своем воздействии. Раннее обручение и бедность в значительной степени предотвращают первое; женщины-рабыни могут быть и обычно выходят замуж; а общественная проституция сокращается благодаря разделению полов и ранним бракам. Никакие опасения по поводу избытка продовольствия не удерживают народ от создания семей, хотя император Кьенлунг в 1793 году издал прокламацию, призывающую все слои подданных экономить дары небес, чтобы впредь не превышать средства к существованию.

Трудно понять, какое отношение к этому вопросу имеет та или иная причина или возражение, за исключением тех случаев, когда законы народонаселения ставятся наперекор, чего нельзя сказать о Китае. Еда и работа, мир и безопасность, климат и плодородная почва, а не университеты и пароходы - вот те стимулы, которые необходимы для размножения человечества; хотя они не дают такого эффекта во всех странах (как в Мексике и Бразилии), это не причина, почему они не должны быть в других. Есть основания полагать, что в перепись 1711 года было включено не более двух третей всего населения Китая, но это не может быть сделано для Ирландии в 1785 году; следовательно, ее ежегодный процент прироста до 1841 года был бы больше, чем в Китае за сорок два года, закончившихся в 1753 году. Маккалох с одобрением цитирует де Гинье, но француз берет с сайта приблизительную оценку в 333 000 000, данную Макартни, которая менее достоверна, чем оценка в 307 467 200, и сравнивает ее с оценкой Гросье в 157 343 975, которая, безусловно, неверна из-за его неправильного толкования. Де Гинь исходит из данных, имевшихся в его распоряжении в 1802 году (которые были меньше, чем те, что доступны сейчас), и из собственных наблюдений во время путешествия по стране в 1796 году, чтобы показать

неправдоподобность предполагаемого населения. Но наблюдения, сделанные во время поездок, предпринятых английским и голландским посольствами, хотя они и проходили через некоторые из лучших провинций, не могут рассматриваться как веское доказательство против официальной статистики.

Может ли кто-нибудь предположить, путешествуя из Бостона в Чатем, а затем из Олбани в Буффало по железной дороге, что в Массачусетсе в 1870 году на квадратную милю приходилось ровно вдвое больше населения, чем в Нью-Йорке? Так и при поездке из Пекина в Кантон суждения шести разумных путешественников о численности населения Китая легко могут отличаться в два раза. Де Гинь, сравнив Китай с Голландией и Францией, говорит: "Все эти причины ясно показывают, что население Китая не превышает население других стран"; и это действительно так, если принять во внимание вид пищи, количество урожая и материалы для одежды. Его замечания о населении и производительности страны, как и вся его работа, изобилуют здравым смыслом и откровенностью; но некоторые из его выводов могли бы быть иными, если бы он владел всеми полученными с тех пор данными.^[161] Расхождения между различными переписями обычно считаются сильным внутренним свидетельством против них, и им следует уделить должное внимание. По-настоящему сложным моментом является определение процента, который должен быть разрешен для классов, не включенных в число налогооблагаемых, и полномочий правительства по перечислению тех, кто хотел бы избежать переписи и последующего налогообложения.

ВОЗМОЖНОСТИ ОШИБКИ.

После всех этих причин для принятия итогов 1812 года как наилучших, есть, с другой стороны, два главных возражения против того, чтобы считать китайскую перепись полностью достоверной. Первое - это огромные средние показатели в 850, 705 и 671 жителя на квадратную милю, распределенные по отдельности между Киангсу, Нганхуэй и Чехкианг, или, что, возможно, является более справедливым расчетом, 458 человек для девяти восточных провинций. Какое бы количество косвенных доказательств ни приводилось в подтверждение переписи в целом и объяснение способа ее проведения, необходимы более веские доказательства, прежде чем безоговорочно доверять этому результату. Такое количество населения на столь обширной территории удивительно, несмотря на плодородие почвы, удобство судоходства и соленость климата этих регионов, хотя и признанных практически непревзойденными. Хотя мы признаем всю силу всего того, что было сказано в поддержку переписи, и готовы принять ее как лучший документ по этому вопросу из существующих, желательно иметь доказательства, полученные из личных наблюдений, и отложить решение этого вопроса до появления лучших возможностей. Столь высокие средние показатели, действительно, не лишены примера. Капитан Уилкс в 1840 году установил, что на одном из островов группы Фиджи проживает более тысячи человек на квадратную милю. На острове Лорда Норта в группе Пелеу команда американского китобойца "Ментор" установила, что на половине квадратной мили проживает четыреста человек. На этих и многих других островах в этом благодатном климате проживает население, намного превышающее население любой крупной страны, и каждая отдельная община вынуждена полностью зависеть от собственного труда. Однако их нельзя приводить в качестве абсолютно параллельных примеров, хотя, если верно, как говорит Барроу, "что акр хлопка оденет две или три сотни человек", то в Китае не намного больше земли должно быть занято хлопком или туковыми растениями для производства одежды, чем на островах Южного моря.

Второе возражение против получения результатов переписи состоит в том, что мы недостаточно осведомлены о способе перечисления людей по семьям и о том, как вести

учет, когда в деревне живет патриарх двух или трех поколений со всеми своими детьми и прислугой. Два положения раздела XXV Кодекса, по-видимому, рассчитаны на такое состояние общества; одинаково очевидна и ответственность за занижение числа мужчин, годных к государственной службе, при введении налога на подати, и завышение числа обитателей такого дома, когда его глава может предположить, что таким образом он получит большую помощь от правительства, когда его постигнет беда. Дверная табличка также может быть ошибочной, а в магазинах и рабочих домах, где служащие и рабочие живут и спят в помещениях, неизвестно, какой отчет о семьях составляют оценщики. По этим важным пунктам наша нынешняя информация несовершенна, а очевидная возможность серьезной ошибки в конечных результатах заставляет сомневаться. Возможно, китайцы провели удовлетворительную для их целей перепись, указав количество семей и среднее число в каждой из них; но суть этого возражения в том, что мы не знаем, как перечисляются семьи, и поэтому ошибаемся при подсчете людей. Китайцы считают, что среднее число людей в семье равно пяти, а в Англии в 1831 году оно составляло 4,7, но в густонаселенной стране оно, вероятно, меньше этого, если считать семьей каждую супружескую пару и их детей, независимо от того, живут ли они сами по себе или объединяются в патриархальные поселения.

Никто не сомневается в том, что население страны огромно и представляет собой, безусловно, самое большое скопление людей, использующих одну речь, которое когда-либо собиралось под властью одного монарха. Решение этого вопроса имеет определенное значение для купцов и производителей Запада, а через них - для их правительств. Политический экономист и филолог, натуралист и географ также в большей или меньшей степени заинтересованы в созерцании такого народа, населяющего столь прекрасную и плодородную страну. Но христианский филантроп обращается к рассмотрению этого вопроса с живейшей заботой; ведь если весомость доказательств свидетельствует в пользу самой высокой оценки, он чувствует, что его ответственность возрастает до болезненной степени. Опасность для этого народа еще более усиливается из-за торговли опиумом - торговли, которая, словно реки Флегетон и Лет, несет огонь и разрушение, где бы она ни протекала, и оставляет смертельное забвение там, где она прошла. Пусть эти факты обратятся ко всем, называющим себя христианами, с призывом послать противоядие против этого пагубного наркотика и распространить среди них знание принципов Евангелия, тем самым поставив перед ними не только жизнь, но и смерть.

ДОХОДЫ ИМПЕРИИ.

Если население империи определить нелегко, то удовлетворительный отчет о государственных доходах и расходах получить еще труднее; сам по себе он, конечно, представляет гораздо меньший интерес, а в такой стране, как Китай, подвержен многочисленным колебаниям. Рыночная стоимость зерна, шелка и других товаров, которыми оплачивается значительная часть налогов, меняется из года в год; и хотя это не оказывает существенного влияния на правительство, получающее эти товары, но сильно усложняет задачу при попытке установить реальное налогообложение. Статистические данные по этим вопросам появились в Европе совсем недавно, и пока не следует искать в Китае статистику, составленную с большим вниманием к истине. Центральное правительство требует, чтобы каждая провинция содержала себя сама и предоставляла определенный излишек для содержания императора и его двора; но хорошо известно, что его величество постоянно испытывает затруднения из-за нехватки средств, и что провинции не все поставляют достаточно доходов для покрытия своих расходов.

ИСТОЧНИКИ И ОБЪЕМ ДОХОДОВ.

Суммы, приводимые различными авторами в качестве доходов Китая в разные времена, настолько противоречивы, что один взгляд показывает, что они были получены из частичных или неполных отчетов, или же относятся только к излишкам, отправленным в столицу. Де Гинь очень верно замечает, что китайцы настолько убеждены в богатстве, силе и ресурсах своей страны, что иностранец, скорее всего, получит разные отчеты от каждого туземца, которого он спросит; но, похоже, нет никаких веских причин, по которым правительство должно фальсифицировать или сокращать свои фискальные отчеты. В 1587 году Триго, один из французских миссионеров, заявил, что доход составляет всего 20 000 000 таллов. 20,000,000. В 1655 году Ньехофф насчитал в нем 108 000 000 таллов. 108,000,000. Примерно через двенадцать лет после этого Магальенс оценил сокровища императора в 20 423 962 доллара, а Ле Комт, примерно в то же время, - в 22 000 000 долларов, и оба они оценили поступления от риса, шелка и т. д. в 30 000 000 долларов, в результате чего все доходы до смерти Канхи в 1721 году составили от пятидесяти до семидесяти миллионов долларов. По подсчетам Бэрроу, в 1796 году поступления из всех источников составили тлс. 198 000 000, основываясь на приблизительной оценке, сделанной комиссаром, сопровождавшим посольство. Сэр Джордж Стонтон оценивает общую сумму в 330 000 000 долларов; из них только 60 000 000 долларов были переданы в Пекин. Медхерст, черпая информацию из первоисточников, приводит основные статьи поступлений:

Земельные налоги в деньгах,	отправлен в Пекин,	Тлс.	31,745,966	оценённый в	\$42,327,954
Земельные налоги в зерне,		Shih	4,230,957	"	12,692,871
Таможенные и транзитные пошлины,		Тлс.	1,480,997	"	1,974,662
Земельные налоги в деньгах,	хранятся в провинциях	Тлс.	28,705,125	"	38,273,500
Зерно,		Ши	31,596,569	"	105,689,707
					\$200,958,694

Ши риса оценивается в 3 доллара, но это не включает стоимость транспортировки в столицу.[162] При сумме в 200 000 000 долларов налог, получаемый правительством с каждого человека, в среднем составляет около шестидесяти центов; Барроу оценивает капитуляцию примерно в девяносто центов. Счет доходов в таэлях с каждой провинции, приведенный в таблице населения на стр. 264, взят из Красной книги за 1840 год;[163] счет доходов от риса, как указано в официальных документах за тот год, составляет 4 114 000 ши, или около пятисот пятидесяти миллионов фунтов, называя каждый *ши* пекулем. Способ разделения различных статей дохода указан для Квантуна в Красной книге за 1842 год:

	Таэльс.
Земельный налог в деньгах	1,264,304
Налоги ломбардов	5,990
Налоги на границе и на транспорт	719,307
Сохраняемый	339,143
Разные источники	59,530
Соляной отдел (габель)	47,510
Доходы от таможенных сборов в Кантоне	43,750

Другие станции в провинции	53,670
	2,533,204

Очевидно, это лишь сумма, отправляемая в столицу из этой провинции, якобы в качестве дохода, и которую должна собирать провинциальная казна. Реальные поступления из этой провинции или любой другой не могут быть точно установлены иностранцами; известно, однако, что в прежние годы таможенный сборщик в Кантоне был обязан ежегодно перечислять от восьмисот тысяч до миллиона трехсот тысяч таэлей, а валовые поступления его ведомства не превышали трех миллионов таэлей.^[164] В то время это было самое богатое коллекторство в империи; но с тех пор как внешняя торговля в открытых портах была передана под иностранный надзор, о ресурсах империи стало известно больше. Недавний анализ источников доходов в восемнадцати провинциях был предоставлен таможенной службой; в нем они отнесены к другим рубрикам, чем в предыдущем списке, хотя общая сумма существенно не отличается. Из всей этой суммы сумма, полученная от торговли иностранными судами, поступает в центральную казну самым непосредственным образом.

	Таэльс.
Земельный налог в деньгах	18,000,000
<i>Ли-кин</i> или внутренний акциз на товары	20,000,000
Импортные и экспортные пошлины, взимаемые иностранцами	12,000,000
Импортные и экспортные пошлины на местную торговлю	3,000,000
Соляная габель	5,000,000
Продажа офисов и дипломов	7,000,000
Сувениры	1,400,000
Сумма, уплаченная серебром	66,400,000
Земельный налог, уплаченный при производстве продукции	13,100,000
	79,500,000

Де Гинь рассмотрел вопрос о доходах со свойственной ему осторожностью и основывает свои расчеты на прокламации Кьенлунга от 1777 года, в которой говорилось, что общий доход в слитках в тот период составлял tls. 27,967,000.

	Таэльс.
Доход в деньгах, как указано выше	27,967,000
Равный доход в натуральной форме от продажи зерна	27,967,000
Налог на второй урожай в южных провинциях	21,800,000
Габель, уголь, транзитные пошлины и т.д.	6,479,400
Таможня в Кантоне	800,000
Доходы от шелковых, фарфоровых, лаковых и других мануфактур	7,000,000
Добавьте налоги на дома и магазины, лицензии, пошлины на тоннаж и т.д.	4,000,000
Общая выручка	89,713,400

Разница в восемьдесят миллионов долларов между этой суммой и суммой, указанной Медхерстом, не удивит того, кто изучал этот запутанный вопрос. Все эти расчеты основаны на приблизительных данных, которые, хотя и легко, не могут быть проверены к нашему удовлетворению; но все они сходятся в том, что общая сумма доходов ниже, чем у любого

европейского правительства в пропорции к численности населения. В 1823 году был опубликован труд одного из выпускников университета о финансовом состоянии страны, в котором он дал тщательный анализ поступлений и выплат. П. П. Томс подробно перевел его и свел первые к трем главам: налоги, исчисляемые в талс. 33 327 056, риса, отправленного в Пекин, 6 346 438, и припасов для армии 7 227 360 - всего на сумму в 40 тыс. таллов. 46,900,854. Из первой суммы в размере 10 000 тл. 24 507 933 пошли на гражданские нужды и армию, а 5 819 123 - на нужды армии. 5 819 123 для пекинского правительства и 3 000 000 для Желтой армии. 3 000 000 на ремонт Желтой реки и дворца Юэнь-мин. Ресурсы Империи этот писатель оценивает в тлс. 74 461 633, или только половину того, что приводит Медхерст. Чрезвычайными источниками дохода, к которым прибегают во время войны или неурожая, являются продажа должностей и почестей, временное увеличение пошлин и требование взносов от богатых купцов и землевладельцев. Первый способ является наиболее плодотворным и может рассматриваться скорее как постоянная, чем временная мера, используемая для восполнения дефицита. Золотые и серебряные рудники, жемчужные промыслы в Маньчжурии и других местах, драгоценные камни, привозимые из Или, Хотена и других мест, приносят несколько миллионов.

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ РАСХОДОВ.

Расходы почти каждый год превышают доходы, но как покрывается дефицит, неясно; иногда его вытягивают из богатых силой, в другой раз восполняют путем махинаций с валютой, как в 1852-55 годах, и снова путем сокращения пайков и жалованья. В 1832 году император заявил, что превышение расходов составило тлс. 28 000 000;^[165] а в 1836 году растраты были еще больше, и должности и титулы на сумму тлс. 10 000 000 были выставлены на продажу, чтобы восполнить его. Этот дефицит становился все более и более тревожным с тех пор, как утечка специй, ежегодно отправляемых за границу в оплату опиума, увеличилась за счет военных поборов на подавление восстания вплоть до 1867 года. К этому времени империя начала восстанавливаться. Основные статьи расходов Де Гинь указал следующим образом:

	Таэльс.
Жалованье гражданских и военных чиновников, десятина оброка на землях	7,773,500
Жалованье 600 000 пехотинцев, три таэля в месяц, половина деньгами и половина в пайках	21,600,000
Жалованье 242 000 кавалеристов по четыре таэля в месяц	11,616,000
Конница, по двадцать таэлей на каждого.	4,840,000
Мундиры для обоих родов войск, четыре таэля	3,368,000
Оружие и боеприпасы	842,000
Военно-морской флот, доходные катера	13,500,000
Каналы и транспортировка доходов	4,000,000
Форты, артиллерия и боеприпасы	3,800,000
	71,339,500

Это, по его расчетам, показывает излишек почти в двадцать миллионов таэлей каждый год. Но расходы на подавление мятежей и перевозку войск, недоимки от неурожая, расточительство офицеров, выплаты племенам и князьям в Монголии и Или и другие необычные потребности с лихвой перекрывают этот излишек. В 1833 году в "Пекинской газете" была опубликована подробная статья о доходах, в которой предлагались различные способы и средства для их увеличения. Автор, по имени На, утверждает, что доходы от земельного налога, габеля, таможенных и транзитных пошлин в целом не превышают сорока миллионов таэлей, а расходы в мирные годы не должны превышать тридцати.^[166] Это ставит бюджет гораздо ниже, чем у других властей, но цензор, возможно, включает только имперские ресурсы, хотя тогда смета будет слишком высокой. Жалование и снаряжение войск - самая большая статья расходов, и вполне вероятно, что здесь кажущаяся сила и жалование слишком велики, и что в этом департаменте постоянно производятся сокращения, заставляя солдат все больше и больше зависеть от принадлежащего им земельного надела. Считается, что наилучшим доказательством хорошего управления со стороны чиновника является удовлетворительный отчет о доходах, но из-за неразумной системы, которая существует, объединяя фискальные, законодательные и судебные функции и контроль в одном лице, соблазны обмана сильны, а злоупотребления пропорционально велики.

ЖАЛОВАНИЕ ОФИЦЕРАМ И НАЛОГ НА ЗЕМЛЮ.

Оклады офицеров, по некоторым причинам, установлены настолько низкими, чтобы доказать, что законные пособия были действительно номинальными доходами, и суммы, указанные против их имен в Красной книге как *yang tien*, или привилегии против вымогательства (дословно "питающая бережливость"), являются окладами. Генерал-губернатор получает от 15 000 до 25 000 таэлей, а законный оклад - всего 180 или 200 таэлей; губернатор получает 15 000, когда он один, и 10 000 или 12 000, когда он подчиняется генерал-губернатору; казначей - от 4 500 до 10 000; судья - от 3 000 до 8 000; префект - от 2 000 до 4 500; окружные судьи - от 700 до 1 000, в зависимости от тяжести должности; интендант - от 3 000 до 4 500; литературный канцлер - от 2 000 до 5 000; военные - от 4 000 таэлей до 100 или 150 в год. Привилегии высших и низших чиновников несоразмерны, поскольку народ предпочитает сразу передавать важные дела в высшие суды, чтобы избежать расходов на рассмотрение дел в судах более низкого ранга. Личные склонности чиновника настолько изменяют его поборы с народа, что невозможно угадать их размер.

Земельный налог является основным источником дохода в сельских округах, и это хорошо понимают все стороны, поэтому здесь меньше возможностей для поборов. Земельный налог составляет от 1½ до 10 центов за мао (или от 10 до 66 центов за акр), в зависимости от качества земли и сложности ее обработки; если принять среднее значение в 25 центов за акр, то доход из этого источника составит до 150 миллионов долларов. Клерки, констебли, ликторы и служащие судов и тюрем - "когти" своих начальников, как их метко называют китайцы, осуществляют большинство поборов и соответственно одиозны для народа. В городах и торговых точках полицейским легче взимать различные поборы с состоятельных людей, чем в деревне, где богачи часто нанимают себе помощников, чтобы те не подчинялись полиции и сами занимались вымогательством и грабежами. Как и другие азиатские государства, Китай страдает от последствий взяточничества, казнокрадства, вымогательства и плохо оплачиваемых чиновников, но у него нет могущественной аристократии, которая удерживала бы деньги, выжимаемые таким образом из народа, и рано или поздно они попадают из рук императоров и министров обратно в народную массу. Китайцы верят, однако, что император ежегодно перечисляет в Мукден те суммы, которые

ему удастся собрать во время бедствий; но в последнее время он вообще не мог этого делать и, вероятно, никогда не посылал в этот город столько, сколько принято считать. Сумма, идущая на наполнение зернохранилищ, гораздо больше, но это народное обеспечение на случай нужды - на самом деле легкая трата ресурсов страны, как это обычно делается. В Кантоне для этих целей выделено всего четырнадцать зданий, площадь которых не превышает тридцати футов, и ни одно из них не заполнено.

ГЛАВА VI. ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ КИТАЯ.

В кратком изложении естественной истории Китая, сделанном сэром Джоном Дэвисом в 1836 году, содержатся почти все известные на тот момент популярные сведения, и нет необходимости повторять их, суммируя сведения, почерпнутые из других и более поздних источников. Мальте-Брюн уже давно заметил: "Что касается даже более общих и, согласно обычной оценке, более важных черт этого огромного государства, мы обязаны всеми знаниями, которые мы получили, некоторым послам, которые видели дворы и большие дороги, некоторым купцам, которые жили в пригороде пограничного города, и несколькими миссионерами, которые, как правило, более доверчивые, чем разборчивые, сумели проникнуть в различных направлениях в глубь страны". Тома о Китае, хранящиеся в библиотеке Эдинбургского кабинета, содержат лучший сборник того, что было известно по этому вопросу за сорок лет. Ботанические коллекции Роберта Форчуна в 1844-1849 годах и полковника Чампиона в Гонконге были изучены Бентамом, а более поздние исследования Хэнса, Бунге и Максимовича позволили выявить множество новых форм. В области геологии Пампелли, Кингсмилл, Бикмор и барон Рихтгофен значительно расширили и подтвердили наши знания своими путешествиями и мемуарами; а Пьер Давид, полковник Прежевальский, Суинхо, Стипсон и сэр Джон Ричардсон добавили сотни новых видов к научной фауне Империи.

ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМАЦИИ.

Личное исследование особенно необходимо во всем, что касается геологии и окаменелостей страны, и знания, которыми мы обладаем в этих областях, надо признать, все еще скудны, хотя уже достаточны, чтобы дать общее представление о формациях, месторождениях и содержимом гор и шахт, а также об органах, действующих в изменении поверхности этой земли. Описания и наблюдаемые факты, записанные в местных книгах, могут дать ценные подсказки, когда их можно будет сопоставить с местами и продуктами, поскольку в настоящее время трудность объяснения используемых терминов и понимания описываемых процессов делает эти трактаты труднопереводимыми. Эмпирический характер китайской науки требует тщательной проверки всех ее фактов и догадок путем сравнения с природой, а количество реальной информации, содержащейся в медицинских, топографических и путевых работах, делает их всегда достойными изучения. Во всех частях Империи еще ожидают тщательного изучения обширные регионы; и будет хорошо для китайского правительства, если не будут найдены заманчивые металлические месторождения, чтобы проверить его силы для защиты и обработки их в своих интересах. Но с точки зрения простой науки нельзя сомневаться в том, что столь своеобразная часть света, как плато Центральной Азии, при тщательном изучении решит многие проблемы, связанные

с геологией, и откроет множество важных фактов, иллюстрирующих непонятные явления других частей света.

Несколько заметок о геологических образованиях, описанных в трудах путешественников, уже были приведены в географическом описании провинций. Сводка, опубликованная Дэвисом, представляет собой хорошо усвоенный обзор наблюдений, собранных джентльменами при посольствах.[167]

ЛЁССОВЫЕ ПОРОДЫ СЕВЕРНОГО КИТАЯ.

Лёссовые отложения, покрывающие значительную часть Северного Китая, являются одним из самых своеобразных природных явлений и интересных полей для геологических исследований на поверхности Земли. С тех пор как в 1864 году Пампелли впервые обратил внимание на это месторождение, его образование и протяженность были более тщательно изучены другими геологами, чьи гипотезы теперь в основном отброшены в пользу гипотез барона фон Рихтгофена. Лёссовая территория начинается на восточной границе с подножия холмов большой аллювиальной плоскости. От него поднимается терраса высотой от 90 до 250 футов, целиком состоящая из лёсса, а к западу от нее, по почти северной и южной линии, тянется Тайханьшань, или разделительный хребет между аллювиальными землями и холмистой страной Шанси. Почти непрерывная лёссовая местность простирается к западу от этой линии до Коко-нора и верховьев Желтой реки. На севере формация прослеживается от окрестностей Калгана, вдоль водораздела монгольских степей и в пустыне за Ала-шаном. На юге ее границы менее четкие; хотя она покрывает всю страну бассейна Вэй (в Шэньси), в Сцзюэне, расположенном к югу от этой долины, ее нет, но она появляется в некоторых районах Хонана и Восточного Шантунга. За исключением отдельных отрогов и изолированных участков, как в Нанкине и на озерах Поян и Тунгтинг, можно считать, что лёсс везде заканчивается на северной стороне долины Янцзы, и, грубо говоря, охватывает параллелограмм между лонгами. 99° и 115° и латами. 33° и 41°. Этот район в пределах собственно Китая представляет собой территорию в два раза меньшую, чем Германская империя, а за пределами провинций есть основания полагать, что лёсс распространяется далеко на восток и север. В У-тай-шане (Шаньси) Рихтгофен наблюдал это отложение на высоте 7 200 футов над уровнем моря и предполагает, что оно может встречаться и на более высоких уровнях.

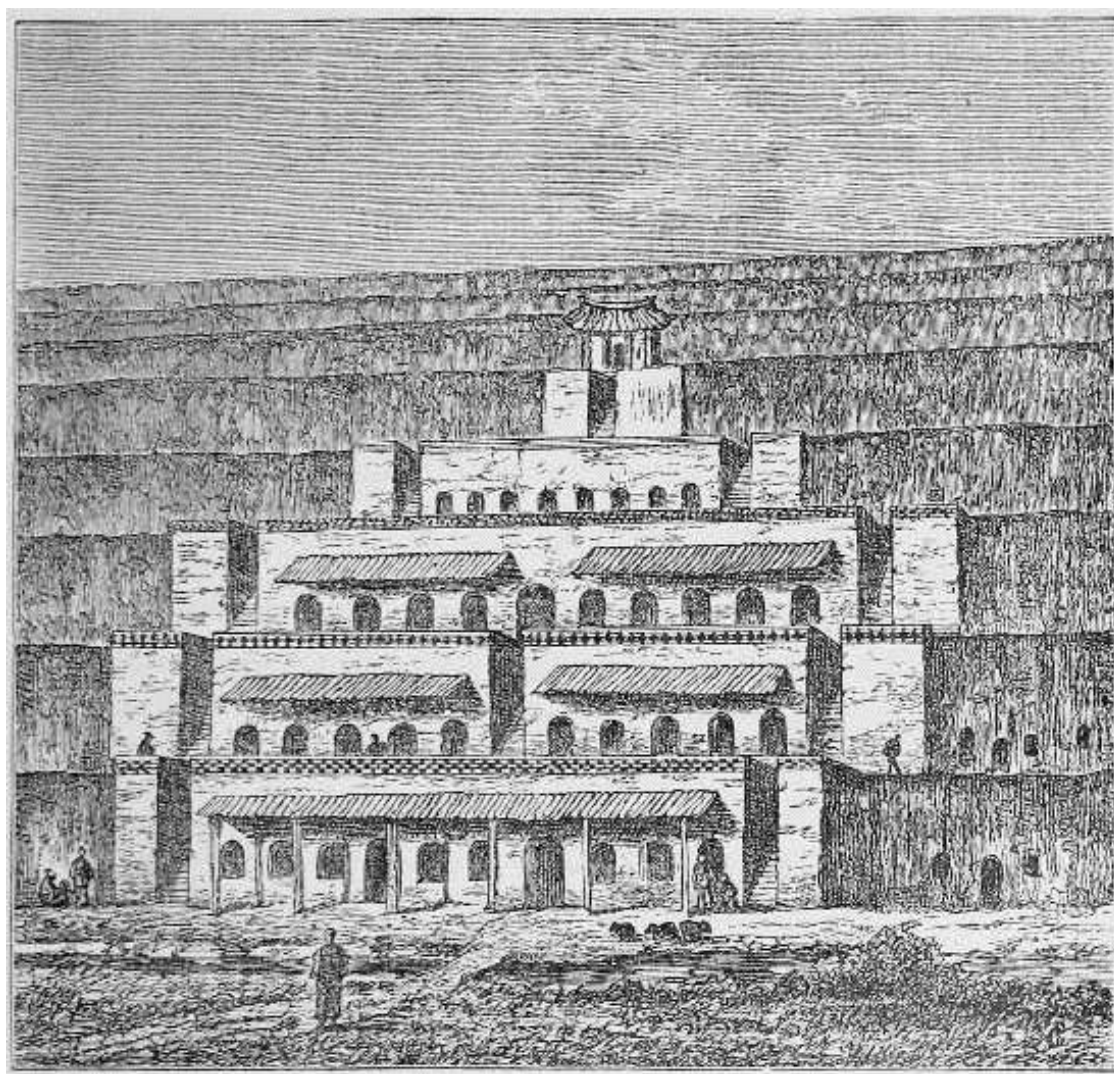
Термин "лёсс", ставший общепринятым, используется для обозначения третичных отложений, встречающихся в долине Рейна и некоторых отдельных районах Европы; ранее его образование приписывалось ледникам, но его огромные размеры и толщина в Китае требуют иного происхождения. Вещество представляет собой землю коричневатого цвета, чрезвычайно пористую и в сухом состоянии легко растирается в порошок между пальцами, превращаясь в непроницаемую пыль, которую можно втирать в поры кожи. Его частицы имеют несколько угловатую форму, комки варьируются от размера арахиса до фута в длину, и их внешний вид оправдывает своеобразное китайское название, означающее "имбирные камни". После промывки он легко распадается на части и разносится далеко и широко реками во время их приливов; Кингсмилл[168] утверждает, что несколько образцов, рассыпавшихся во влажном воздухе шанхайского лета, впоследствии вновь оказались на дне ящика, в который их положили. Каждый атом лёсса пронизан маленькими трубочками, обычно очень маленькими, циркулирующими по принципу корневых волокон, и покрыт тонким слоем карбоната извести. Направление этих маленьких каналов всегда сверху вниз, расщепление в лёссовой массе, независимо от ее размера, неизменно вертикальное, и по этой же причине поверхностная вода никогда не собирается в виде дождевых луж или озер, а сразу опускается до местного уровня воды.

Одно из самых поразительных и важных явлений этой формации - перпендикулярное расщепление ее массы на внезапные и многочисленные расщелины, которые рассекают страну во всех направлениях и делают наблюдение, равно как и передвижение, зачастую крайне затруднительным. Обрывы, вызванные эрозией, варьируются от трещин, измеряемых дюймами, до каньонов шириной в полмили и глубиной в сотни футов; они разветвляются во всех направлениях, пронизывая страну на манер корней деревьев в почве - от каждого корня по корневищу, а от них по другим маленьким волокнам, - пока система проходов не превратится в лабиринт из далеко идущих и переплетающихся дорожек. Если бы лёсс имел однородную структуру, как это наблюдается в отдельных расщелинах, такой регион действительно был бы абсолютно непроходимым, а вертикальные берега превратились бы в обрывы высотой зачастую более тысячи футов. Однако тот факт, что лёсс повсеместно образует террасы, делает его поверхность не только пригодной для жизни, но и весьма удобной для сельскохозяйственных целей; кроме того, это дало основание для выдвинутой Кингсмилом и некоторыми другими теории о его расслоении, а отсюда и доказательство его происхождения как морского отложения. Рихтхофен утверждает, что эти видимые слои лёсса обусловлены внешними условиями, например, камнями и обломками, сползающими с окружающих холмов на лёсс, когда он просеивается в котловину или долину, нарушая однородность постепенно поднимающегося слоя. В бортах ущелий вблизи гор видны слои грубого обломочного материала, которые по мере продвижения к долине становятся более мелкими, а сами слои - более тонкими и разделенными все большим расстоянием по вертикали; вдоль этих обломочных пластов расположены многочисленные известковые стяжения, стоящие вертикально. Это и есть террасообразующие слои, которые своим сопротивлением действию воды обуславливают изломанные пропасти и ступенчатые очертания лёссовых областей. Каждый берег действительно расщепляется по вертикали, иногда - поскольку эрозия идет снизу - оставляя нависающий берег; но, встречаясь с горизонтальным слоем мергеля, абразия прерывается, и образуется уступ. Падающие на такие пространства комья постепенно распределяются по их поверхности под действием природы, превращаясь в богатые поля. При наблюдении с высоты в хорошее время года эти системы террас представляют собой бесконечную череду зеленых полей и растущих урожаев; если же смотреть с глубокой просеки дороги вниз, то путешественник видит лишь желтые стены суглинка и пыльные ярусы лёссовых гряд. Как можно легко представить, в стране такого типа можно увидеть множество пейзажей непревзойденной живописности, особенно когда возвышенные скалы, оставленные каким-то изменением водного потока в качестве гигантских стражей в плодородных речных долинах, выделяются жирным рельефом на зеленом фоне соседних холмов и плодородного аллювиального дна, или когда отверстие какого-нибудь восходящего перевала позволяет взгляду охватить лиги остроконечных хребтов и упряжных посевов, являющихся результатом работы тщательного культиватора.

ПОЛЕЗНОСТЬ И ПЛОДОТВОРНОСТЬ ЛЕССОВ.

Легкость, с которой лёсс срезается, иногда серьезно затрудняет движение. Пыль, создаваемая колесами телег на шоссе, поднимается сильными ветрами в сухой сезон и разносится по окрестным землям, в значительной степени повторяя то, как она была первоначально отложена здесь. Это действие, продолжавшееся веками и дополняемое периодическими ливнями, которые находят готовое русло в дорожном полотне, превратило проселочные дороги во впадины часто в 50 или 100 футов, где пассажир может проехать несколько миль, не замечая окружающих пейзажей. Лейтенант Крейтнер из экспедиции Сечени на личном опыте в Шанси^[169] проиллюстрировал трудность и опасность выхода из этих глубоких провалов; проскакав несколько миль по разбитому лёссу над дорогой, он вернулся к ней только тогда, когда дальнейший путь был отрезан обрывом с одной стороны, а

с другой стороны его ждал прыжок на 30 футов в проторенную колею вниз. Как бы ни была сложна эта территория для дорог и целей торговли, преимущества для фермера многообразны. Там, где простирается это месторождение, земледелец гарантированно получает урожай два и даже три раза в год. Он легко обрабатывается, очень плодороден и хорошо поддается постоянной обработке, не требуя никакого другого удобрения, кроме посыпания собственным суглинком, вырытым с ближайшего берега. Но лёсс оказывает своим обитателям еще одну услугу. Пещеры, образованные в основании его прямых расщелин, служат домом для миллионов людей в северных провинциях. Выбирая уступ, где консистенция земли наибольшая, туземцы вырезают для себя комнаты и дома, перегородки, цемент, постель и мебель которых сделаны из того же лёсса. Целые деревни сгруппированы в ряд смежных или наложенных друг на друга камер, некоторые из которых пробивают почву на глубину часто более 200 футов. В более дорогих жилищах террасы или последовательность террас, пронизанных таким образом, облицованы кирпичом, как и арки комнат внутри. Преимущества таких жилищ заключаются как в невосприимчивости к изменениям температуры без них, так и в их долговечности при строительстве в правильно выбранных местах; многие лёссовые жилища переживают шесть или семь поколений. Возможности обороны в такой стране, где армия вторжения неизбежно должна затеряться в переплетении дорог, а защитники всегда могут оставаться скрытыми, очень наводят на размышления.

Фасад дома в лёссовых скалах, Линь-ши-хиен. (Из Рихтгофена.)

Наконец, остается еще одно свойство лесса, которое, пожалуй, важнее всех остальных характеристик, если судить по его эффективности для человека. Это то, как он приносит урожай без помощи навоза. Начиная с периода, насчитывающего более 2 000 лет до нашей эры, и по сей день провинция Шанси носит название "Зернохранилище империи", а ее плодородная почва, *хван-ту*, или "желтая земля", является источником императорского цвета. Несмотря на эту продуктивность, которая в четырнадцатом веке заставила монаха Одорика отнести ее ко второй стране в мире, в настоящее время ее способность выращивать урожай, кажется, так же велика, как и прежде. В природе этого вещества кроется причина такой, казалось бы, неисчерпаемой плодovitости. Его удивительно пористая структура, конечно, заставляет его поглощать газы, необходимые для жизни растений, в гораздо большей степени, чем другие почвы, но стабильное производство минеральных веществ, необходимых для ежегодной череды урожаев, находится в самой земле. Соли, содержащиеся в большей или меньшей степени в растворе на уровне воды в регионе, высвобождаются благодаря капиллярному действию лёсса, когда дождевая вода просачивается сквозь губчатую массу сверху. Поверхностная влага, следуя вниз по крошечным лессовым трубкам, устанавливает связь с водами, сжатыми внизу, когда, благодаря закону диффузии, высвобождающиеся компоненты смешиваются с влагой маленьких каналов и переносятся с нижних уровней на верхние, пронизывая землю и обеспечивая питание корней растений на поверхности. Именно благодаря этому любопытному действию лёсса обильные дожди более необходимы в Северном Китае, чем в других местах, так как при недостатке дождей капиллярное сообщение сверху вниз и *наоборот* прерывается, и растительность теряет и навоз, и влагу. Поэтому засуха и голод здесь являются синонимами.

ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РИХТГОФЕНА.

Что касается образования и происхождения лёсса, то теория Рихтгофена в основном сводится к следующему:[\[170\]](#) Однородный состав этого материала на обширных территориях в сочетании с отсутствием стратификации и морских или пресноводных органических остатков делает невозможной гипотезу о том, что он является водным отложением. С другой стороны, он содержит огромное количество наземных раковин и остатки животных (*mammalia*) на каждом уровне, причем и то, и другое находится в удивительно идеальном состоянии. Придя к выводу, что в силу строения соседних горных цепей и их особенностей выветривания ледниковая теория неприемлема, он выдвигает предположение, что лёсс является субаэральным отложением, а его месторождения - иссушенные аналоги степных котловин Центральной Азии. Они относятся к геологической эпохе большой сухости, до существования Желтой и других рек северных провинций. По мере разрушения скал и холмов нагорья песок выносился не водотоками к морю, а сильными ветрами над безлесной пустыней на суше, пока пыль не оседала в покрытых травой районах нынешнего Китая. Новая растительность сразу же получила питание, в то время как ее корни поднимались за счет постоянно прибывающих отложений; разложение старых корней привело к образованию известковых каналов, которые придают этому материалу его особые характеристики. Тот, кто наблюдал ужасные пыльные бури в Северном Китае, когда воздух наполняется непроницаемым желтым порошком, который покрывает все вокруг и часто распространяется в виде тумана на сотни миль в море, поймет силу этого действия в течение многих тысяч лет. В этот осадок попали панцири и кости бесчисленных животных, а растворенные растворы, содержащиеся в его массе, остались в нем или насытили воду небольших озер. В результате опускания горных цепей на юге дождевые облака стали проливаться над этим регионом гораздо чаще, и постепенно система стала осушенной, эрозия работала в обратном направлении от побережья, постепенно врезаясь в один

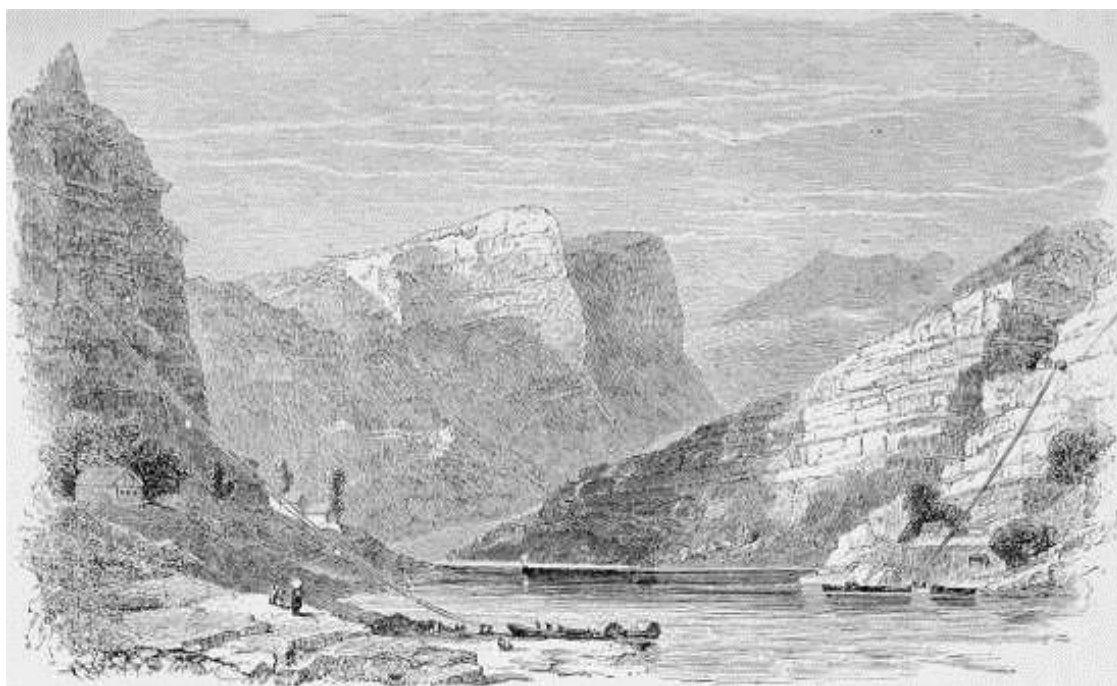
бассейн за другим. С опусканием солей на более низкие уровни к удивительному рельефу этого своеобразного образования добавилось небывалое богатство.[171]

Пампелли, принимая эту гениальную теорию вместо своей собственной (о пресноводных озерных отложениях), добавляет, что запасы лёсса могли быть существенно увеличены за счет обширных *мер-де-глас* Высокой Азии и Тянь-шаня, потоки которых веками переносили продукты ледникового истощения в Центральную Азию и Северо-Западный Китай. И снова он настаивает на том, что Рихтгофен не придал достаточного значения плоскостям раздела, которые его предшественники ошибочно считали плоскостями стратификации. "Они, - говорит он, - объясняют краевые слои обломков, снесенных с гор. А непрерывный и более обильный рост трав *на одной плоскости* привел бы к структурным и химическим изменениям в почве, которые никогда не смогли бы устранить вышележащие скопления". Кажется вероятным, что здесь же мы находим объяснение известковым конкрециям, которые в изобилии встречаются вдоль этих плоскостей; ведь большее количество углекислоты, образующейся в результате медленного разложения этой растительности, образуя бикарбонат, придает извести подвижность, необходимую для образования конкреций".

МЕТОДЫ РАЗРАБОТКИ УГЛЯ.

Металлические и минеральные продукты, используемые в искусстве, включают в себя почти все, что можно найти в других странах, а обычные поставляются в таком изобилии и по таким ценам, которые убедительно доказывают, что их много и их легко обрабатывать. Тщательный сборник наблюдений, опубликованный Пампелли через Смитсоновский институт, подтверждает это замечание и указывает на обширное поле, которое еще предстоит исследовать. Уголь есть в каждой провинции Китая, и Пампелли перечисляет семьдесят четыре места, которые были обнаружены. Известное упоминание Марко Поло о его использовании свидетельствует о том, что люди давно применяли его: "Факт, что по всей стране Китай в горах в пластах лежит некий черный камень, который они выкапывают и сжигают как дрова. Правда, у них много дерева, но они его не жгут, потому что эти камни горят лучше и стоят дешевле".[172] Этот минерал, похоже, был неизвестен в Европе до возвращения венецианца на родину, в то время как в Китае он использовался еще до христианской эры, и, вероятно, в очень древние времена, если доступные месторождения в Шэньси тогда появлялись в его выветренных ущельях, как представляет Рихтгофен. Немногочисленные ископаемые растения, изученные до сих пор, указывают на то, что основная масса этих отложений относится к мезозойскому возрасту. Способ разработки угольных шахт описан Пампелли,[173] и, вероятно, был не хуже две тысячи пятьсот лет назад. Отсутствие механизмов для их осушения не позволяет шахтерам спускаться намного ниже уровня воды, а ливень иногда затопливает и разрушает шахту. Наклонная плоскость редко опускает рабочих более чем на сто футов ниже уровня устья, а затем горизонтальная галерея доводит их до конца шахты. Часть воды вычерпывается ведрами, передаваемыми с одного уровня на другой наверху, а уголь выносится в корзинах на спинах шахтеров или перетаскивается на санях по гладким круглым палкам вдоль проходов, слишком низких для того, чтобы рабочие могли не только ползти, но и работать. Мистер Пампелли обнаружил, что штольня одной шахты под Пекином настолько низкая, что ему пришлось проползти все расстояние (шесть тысяч футов), чтобы увидеть ее конструкцию, а когда он вышел на дневной свет, с почти содранными коленями, то убедился, что рабочие набили их. Лесозаготовки очень дороги, но, несмотря на все недостатки, уголь продается в устье шахты по цене от 2 долларов до 50 центов за тонну. Шахты, расположенные на склонах плато, простирающегося от Корея до Желтой реки, снабжают равнину дешевым и отличным топливом.

Блэкистон рассказывает о том, как добывают уголь на реке Верхний Янцз, недалеко от города Зюхау: "Уголь приходится доставать на большой высоте в скале, очень толстые ястребы, сделанные из плетеного бамбука, туго натянуты от устья или около устья рабочей галереи до места у воды, где уголь может быть уложен. Эти канаты расположены попарно, и по ним перемещаются большие корзины в форме паньеров: канат проходит от одной из них через большое колесо на верхней площадке, а затем спускается к другой, так что полная корзина, спускаясь вниз, тянет пустую вверх, скорость регулируется своеобразным тормозом на колесе наверху. В некоторых местах высота, на которой добывается уголь, настолько велика, что используются два или более таких приспособлений: одно доставляет корзину на полпути вниз, а другое - к реке. Якорные канаты поддерживаются в натянутом состоянии с помощью лебедки, расположенной внизу".^[174] Этот полезный минерал, судя по всему, в изобилии распространен по всей провинции Сз'чуен, и используется здесь гораздо реже, чем на востоке. При таких недорогих способах доставки угля к водотокам вряд ли можно ожидать, что иностранная техника существенно снизит его цену.

УГОЛЬНОЕ УЩЕЛЬЕ НА ЯНЦЗЕ. (ИЗ БЛЭКИСТОНА).

Экономичное использование угля в быту и искусстве доведено до совершенства. Антрацит измельчают в порошок и смешивают с влажной глиной, землей, опилками или навозом, в зависимости от необходимости, в пропорции примерно семь к одному; сделанные таким образом шарики сушат на солнце. Кирпичные кровати (*канг*) являются эффективным средством обогрева дома, а ручные печи позволяют беднякам готовить пищу с помощью этих шариков, добавляя немного древесного угля или хвороста, при незначительных затратах. Такая форма потребления распространена к северу от Желтой реки и делает уголь доступным для множества людей, которые в противном случае страдали бы и голодали. Битуминозный, бурый и другие сорта угля встречаются в таком же изобилии и в таких же масштабах, как и в других больших районах, что дает надежду на достаточные запасы на будущие века. Уголь, добываемый на реке Пехкианг в Квантуне, содержит серу и используется для производства меди.^[175]

СТРОИТЕЛЬНЫЕ КАМНИ И МИНЕРАЛЫ.

Кристаллизованный гипс привозят с северо-запада провинции в Кантон и измельчают в порошок на мельницах; гипс из Парижа и другие виды этого сульфата распространены по всему Китаю. В качестве навоза он не используется, но мука смешивается с древесным маслом, чтобы получить цемент для заделки швов лодок после их конопатки. Порошок используется в качестве зубной щетки, косметического средства и лекарства, а иногда из него варят кашу при лихорадке, полагая, что она охлаждает. Пекари, снабжавшие английские войска в Амои в 1843 году, иногда добавляли его в хлеб, чтобы сделать его тяжелее, но не для того, чтобы отравить своих клиентов, как ошибочно обвиняли их, поскольку они не считают его вредным; его использование для окрашивания зеленого чая и подделки сахарной пудры также можно объяснить другими мотивами, а не желанием навредить потребителям.

В Кантоне много известняка, как обычного облачного мрамора, так и голубого известняка; последний широко используется для искусственных скал в садах. Даже если бы кантонцы знали о существовании известняков, чего они, как правило, не делают, расходы на топливо для его обжига не позволили бы им сжигать его, пока устричные раковины так обильны в этом регионе. В других провинциях каменную известь обжигают в небольших печах с помощью угля. Прекрасный мрамор, добываемый в окрестностях Пекина, считается пригодным только для императорских нужд, и его можно увидеть только в таких местах, как Небесный алтарь и дворцовые площадки. Мрамор, используемый для полов, представляет собой хрупкий кристаллизованный известняк, не поддающийся полировке; из этого минерала не ваяют статуи или украшения, но иногда из него вытесывают плиты, а их поверхности причудливо окрашивают и разъедают кислотами, создавая грубые изображения животных или других фигур, чтобы придать им вид естественных отметин. Некоторые из этих имитированных петрификатов выполнены очень хорошо. Плиты из аргиллитового сланца также выбираются с учетом их слоев и обрабатываются таким же образом. В Кантоне и Амое для строительства используется превосходный гранит, в резке которого китайцы не превзошли ни одного человека. Большие плиты раскалываются деревянными клиньями, вырезаются для подвалов и фундаментов и укладываются красивым способом; колонны также высекаются из отдельных камней различной формы, хотя и не отличаются чрезвычайными размерами, а их стволы украшаются надписями. Декоративные стены часто состоят из больших плит, установленных на столбах, как панели, на внешних сторонах которых красиво вырезаны фигуры, изображающие пейзаж или процессию. Красный и серый песчаник, гнейс, слюдяной сланец и другие породы камня также используются для мостовых и стен.

Нитра достаточно дешева и распространена в северных провинциях, чтобы можно было не опасаться ее контрабандного ввоза в страну из-за границы; в Чихли ее получают путем лиxivирования почвы, и она служит материалом для изготовления пороха. Из золы получают щелок, который частично служит для изготовления мыла, но люди до сих пор не знают процессов, необходимых для его производства. В списке Пампелли указаны четырнадцать мест добычи квасцов, но наибольшие поставки в восточные провинции осуществляются из сланцевых месторождений в Пинг-ян-хиен, в Чехкианге, где ежегодно добывается около шести тысяч тонн. Он используется в основном красильщиками, а также для очистки мутной воды и отбеливания бумаги. Известны и используются и другие земляные соли, такие как бура, соль-аммонияк (которую собирают в Монголии и Или из озер и окрестностей потухших вулканов), а также синий и белый купорос, получаемый путем обжига пиритов. Поваренная соль добывается на восточном и южном побережьях путем выпаривания морской воды, каменная соль не замечена; в западных провинциях и Шанси ее получают из артезианских колодцев и озер так же дешево, как из океана; в Цинь-ен-хиен, в

Центральном Шуане, работают двести тридцать семь колодцев. В Чусане морская вода настолько мутная, что жители фильтруют ее через глину, а затем выпаривают.

НЕФРИТОВЫЙ КАМЕНЬ, ИЛИ ЮХ.

Минералы, которые до сих пор находили в Китае, в большинстве своем были такими, которые привлекали внимание местных жителей и собирались ими для любопытства или на продажу. Хорошо известна искусная манера лапидариев резать хрусталь, агат и другие кварцевые минералы.^[176] Корунд, используемый для полировки и отделки резьбы, добывается в Китае, но большое количество наждака в виде порошка получают с Борнео. Для получения максимального блеска, на который способны камни, мастера обычно используют композицию из зернистого корунда и гум-лака. Три разновидности силиката глинозема, называемые минералогами нефритом, нефритом и жадеитом, китайцы называют юх - слово, которое применяется к огромному количеству камней - белому мрамору, рубину и сердолику, - и поэтому его нелегко определить. Нефрит давно известен в Европе как разновидность яшмы, причем выделение его из этого камня в самостоятельный вид произошло сравнительно недавно. Начиная с третьего издания Бозция в 1647 году, эти два минерала рассматриваются как совершенно разные. Ценность камня в глазах китайцев зависит главным образом от его звонкости и цвета. Самые дорогие образцы привозят из Юньнани и Хотена; наиболее высоко ценится зеленовато-белый цвет, простой цвет любого оттенка имеет меньшую ценность. Однажды груз этого минерала был ввезен в Кантон из Новой Голландии, но китайцы не стали его покупать из-за пристрастия к его происхождению и цвету. Терпеливый труд рабочих, добывающих этот твердый минерал, можно сравнить только с непомерным восхищением, с которым его рассматривают; и то и другое свидетельствует о необыкновенном вкусе и мастерстве китайцев. Его цвет обычно зеленовато-белый, или серовато-зеленый и темно-травянисто-зеленый; внутри он почти не блестит. Излом его трещиноватый; осколки белые; масса полупрозрачная и мутная; он сильно царапает стекло, а сам может быть поцарапан кремнем или кварцем, но, хотя и не слишком твердый, отличается прочностью. Свежеразбитый камень менее твердый, чем после короткой выдержки. Удельный вес от 2,9 до 3,1.^[177] Фишер (стр. 314-318) приводит около ста пятидесяти названий нефрита или нефрита, встречающихся у различных авторов - древних и современных. ^[178]Интересное свидетельство о том, как этот камень ценился в Китае в средние века, приводит Бенедикт Гоэс (1602), который говорит: "Нет более ценного предмета торговли, чем куски определенного прозрачного вида мрамора, который мы, по бедности языка, обычно называем яшмой.... Из этого мрамора делают различные изделия, такие как вазы, броши для мантий и кушаков, которые, будучи художественно изваяны в цветах и листе, несомненно, производят эффект немалого величия. Эти мраморные изделия (которыми сейчас переполнена империя) китайцы называют иусце. Он бывает двух видов; первый, более ценный, добывают из реки в Котане, почти так же, как ныряльщики ловят драгоценные камни, и обычно его добывают в виде кусков размером с крупный камень. Другой, более низкий вид, добывается в горах". Рубин, алмаз, аметист, сапфир, топаз, розовый турмалин, лазурит,^[179] бирюза, берилл, гранат, опал, агат и другие камни известны, и большинство из них используется в ювелирном деле. Рубин, привезенный из Пекина, по словам Белла, был оценен в Европе в 50 000 долларов. На ценных камнях во многих случаях вырезаются печати правлений, а частные лица гордятся печатями из кварца или нефрита, на которых вырезаны их имена; бурый уголь и струя также используются для более дешевых украшений, которые нравятся всем классам.

МЕТАЛЛЫ И ИХ ПРОИЗВОДСТВО.

Все распространенные металлы, за исключением платины, встречаются в Китае, и их запасов было бы достаточно для всех целей жителей, если бы они могли воспользоваться усовершенствованиями, принятыми в других странах в области взрывных работ, горного дела и т. д. Импорт железа, свинца, олова и зыбучего серебра постепенно увеличивается, но они составляют лишь малую долю от количества, используемого по всей империи, особенно два первых наименования; железо попадает в страну из-за своих удобных форм, а не из-за дешевизны. Тщательное изучение китайских топографических работ, проведенное Пампелли,^[180] фиксирует ведущие места добычи железа в каждой провинции, а также места, где были замечены медь, олово, свинец, серебро и зыбучий серебр; он также упоминает пятьдесят два места, где добывают золото в различных формах, большинство из них в Сз'чуэне. Слухи о промывке золота, происходящей недалеко от Чифу в Шантунге, вызвали большой ажиотаж в 1868 году, но вскоре выяснилось, что они не стоят затраченного труда. Золото в Китае никогда не использовалось в качестве монеты, но из него делают ювелирные изделия; большая его часть расходуется на позолоту и экспортируется в Индию в виде слитков, в форме небольших слитков или крупных листьев.

Тот же автор упоминает серебро в 63 населенных пунктах; большое количество привозится из Юньнани, и рудники в этом регионе должны быть обширными и легко обрабатываемыми, чтобы обеспечить такие большие объемы, которые были экспортированы. Говорят, что разработка золотых и серебряных рудников запрещена, но этот запрет скорее является правительственной монополией на рудники, чем запретом на разработку тех, которые известны. Импорт золота в Китай за два столетия открытой торговли, вероятно, не сравнится с экспортом, который имел место с начала торговли опиумом. Совершенно невероятно, что китайцы знакомы со свойствами зыбучего серебра при выделении этих двух металлов из их руд, хотя его потребление при изготовлении киновари и очков требует более двух тысяч колб в год в Кантоне. Киноварь встречается в Квейчау и Шенси, и из нее получают большую часть "водяного серебра", как называют его китайцы, с помощью грубого процесса сжигания хвоста в колодцах и сбора металла после конденсации.

Медь используется для изготовления монет, колоколов, бронзовых изделий, домашней и кухонной утвари, пушек, гонгов и латунной фольги. В некоторых случаях ее находят в чистом виде, обрабатывают сульфурит, синие и зеленые карбонаты, пириты и другие руды; малахит измельчают для изготовления краски. Он встречается во всех провинциях, особенно богат в Шанси и Квейчау. Из руд цинка и меди в Юньнани и Сцзюэне получают спельтер и особый сплав, известный как белая медь или аргентан, содержащий, кроме того, олово, железо, никель и свинец. Столь широкое использование указывает на большие запасы руды. Олово встречается довольно часто, но свинец более распространен; упоминается тридцать девять месторождений первого, некоторые из которых, вероятно, являются цинковыми рудами, так как китайцы объединяют олово и цинк под одним общим названием. Во многих местах свинец встречается вместе с серебром; двадцать четыре рудника упоминаются в списке Пампелли, и рудники в Фухкиене очень богаты; но обширный импорт доказывает, что его восстановление слишком дорого, чтобы конкурировать с иностранным.

Реальгар довольно распространен, его и орпимент используют в качестве красок; из первого вырезают статуэтки и другие изделия, а мышьяк применяют в сельском хозяйстве для ускорения роста зерна и сохранения его от насекомых. Янтарь и окаменевший копал собирают в нескольких местах; первый часто используется для изготовления придворных ожерелий и украшений для волос. *Фей-цуй*, или жадеит, - самый ценный из полудрагоценных камней; из него делают кольца для ушей, перстни, ожерелья и т. д. Пампелли упоминает о кусочках этого минерала в реликвиях, извлеченных из гробниц в Мексике, хотя в Америке

пока не найдено ни одного места, где бы он встречался в изобилии. Лазурит используется для росписи медной и фарфоровой посуды; этот минерал добывают в Чехкианге и Кансuxe; жадеит, топаз и другие прекрасные камни в изобилии встречаются в Юньнани. Несколько минералов и окаменелостей были замечены в окрестностях и магазинах Кантона, но Китай до сих пор предоставил очень мало окаменелостей в любых пластах. Крупнозернистый эпидот встречается в Макао, а тунгстат железа был замечен в кварцевых породах в Гонконге. В Кантон с Хайнаня были привезены окаменелые крабы (*macrophthalmus*), которые ценятся местными жителями за их предполагаемые лечебные свойства. До сих пор ученые описали десяток или более видов девонских раковин, а в "костях дракона", продающихся в аптеках, распознали фрагменты гиены, тапира, носорога, стегедона и некоторых других сомнительных позвоночных; но дальнейшие исследования, несомненно, увеличат этот список. В китайских книгах упоминаются ортоцератиты и двустворчатые раковины различных видов, найденные в скалах, а также ископаемые кости огромных размеров в пещерах и на берегах рек.

В южных склонах столовой земли в провинциях Шенси и Сзчуен есть множество горячих источников и других признаков вулканического воздействия; а в Дже-хо, в Чихли, есть термальные источники, к которым прибегают инвалиды. *Хо-цинг*, или Огненные колодцы, в Сцзюэне - это отверстия, напоминающие артезианские источники, утопленные в скале на глубину тысяча пятьсот или тысяча восемьсот футов, в то время как их ширина не превышает пяти-шести дюймов. Это очень сложная работа, требующая в некоторых случаях двух-трех лет труда. Вода, добываемая из них, содержит пятую часть соли, которая очень едкая и смешана с большим количеством селитры. Когда зажженный факел подносится к устью некоторых из них, не имеющих воды, огонь разгорается с огромной силой и шумом, подобным грому, вырываясь наружу в виде пламени высотой двадцать или тридцать футов, которое невозможно погасить без большой опасности и затрат. Газ имеет битумный запах, горит синеватым пламенем с большим количеством густого черного дыма. Его проводят под котлами в бамбуках и используют для выпаривания соленой воды из других источников.^[181] Кроме газообразных и водных источников в этих провинциях есть и другие, обладающие различными свойствами, - сернистые и халибитовые, которые встречаются в Шанси и по берегам Желтой реки. Сера, как уже отмечалось, в большом количестве встречается на Формозе и очищается для производства пороха.

Животная и растительная продукция обширных регионов, находящихся под властью императора Китая, включает в себя большое разнообразие видов различных семейств. На юге острова Хайнань и Формоза, а также часть прилегающего к ним побережья имеют тропический характер, в кокосовых орехах, подорожниках и перцах, попугаях, лемурах и обезьянах проявляются явные признаки экваториального климата. От восточного побережья через всю страну к северо-западным провинциям тянутся горные хребты с постепенно увеличивающейся высотой, перемежающиеся с промежутками и аллювиальными плато и дном, озерами и реками, равнинами и холмами, каждый из которых представляет свои особые продукты, как дикие, так и культурные, в большом разнообразии и изобилии. Южный подъем нагорья Монголии, невозделанные дикие земли Маньчжурии, бесплодные пустоши пустыни Гоби с ее солеными озерами, ледниками, потухшими вулканами и изолированными горными хребтами; и, наконец, огромные цепи и долины Тибета, Коко-нора и Квэнлуна - все они отличаются друг от друга по характеру своей продукции. В том или ином регионе встречаются все известные на земном шаре разновидности почвы, положения и температуры; и то, что было установлено за последние пятнадцать лет предприимчивыми натуралистами, служит предзнаменованием будущих больших открытий.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ЖИВОТНЫЕ КИТАЯ.

В отряде четвероногих животных есть несколько видов. Китайцы умело обучают мелких видов обезьян различным трюкам, но картина М. Бретона об их ловкости и полезности при сборе чая в Шантунге с растений, растущих на недоступных в других местах склонах, является ярким примером одной из странных историй, рассказываемых путешественниками о Китае, поскольку в Шантунге чай не растет, а обезьян обучают более выгодным трюкам.[182] Одно из самых примечательных животных этого племени - дук, или кохинхинская обезьяна (*Semnopithecus nemæus*). Это крупный вид, представляющий большую редкость, и примечательный разнообразием цветов, которыми он украшен. Длина его тела составляет около двух футов, а в вертикальном положении его высота значительно больше. Лицо оранжевого цвета и приплюснутой формы. По лбу проходит темная полоса, а бока лица окаймлены длинными раскидистыми желтоватыми пучками волос. Тело и верхняя часть предплечий коричневато-серые, нижняя часть рук, от локтей до запястий, белая; кисти и бедра черные, ноги ярко-рыжие, а хвост и большое треугольное пятно над ним - чисто белые. По своей гротескности и пестроте такое существо хорошо сочетается с уткой-мандариновкой и золотой рыбкой, также характерными для Китая.

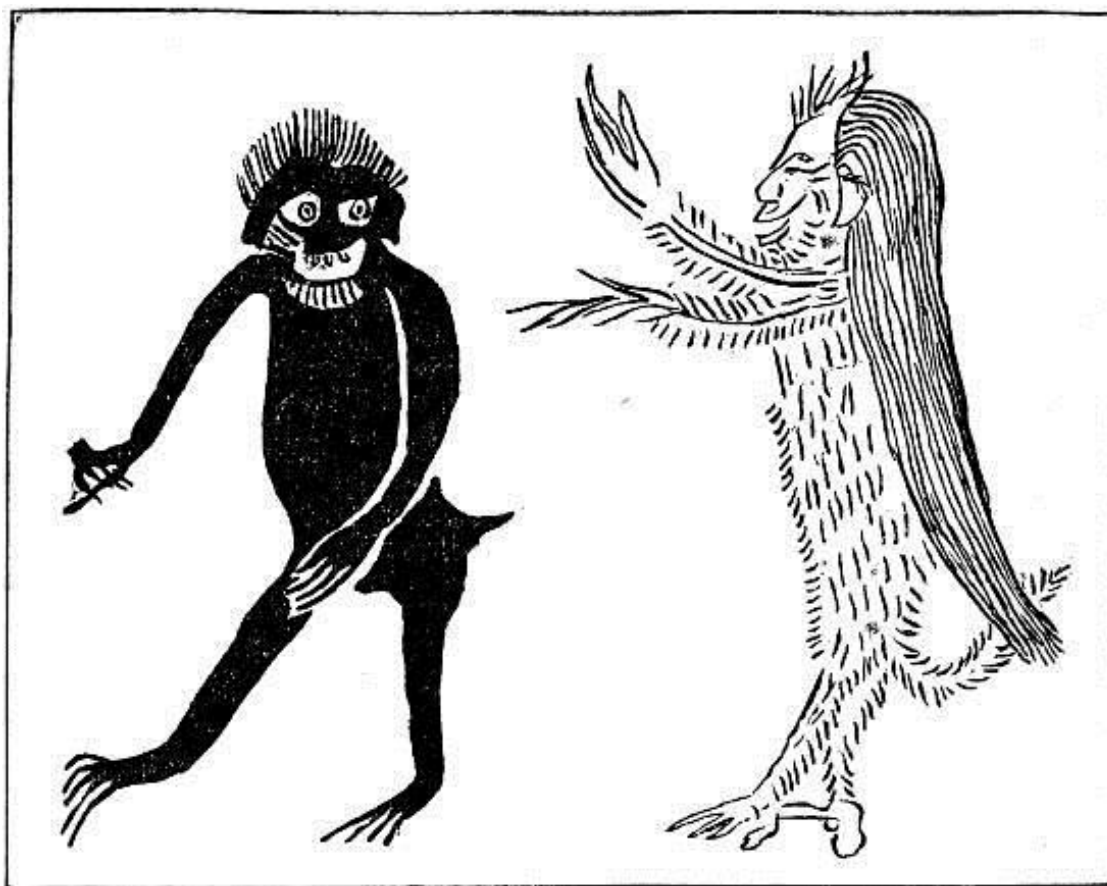
ФИ-ФИ И ХАЙ-ТУХ.

В китайских книгах говорится о нескольких видах этого семейства, а мелкие виды встречаются во всех провинциях. М. Давид недавно добавил к этому списку две новинки из своих приобретений в Восточном Коко-норе, которые хорошо подходят для этого холодного региона благодаря обильной шерсти. *Rhinopithecus roxellanae* обитает в альпийских лесах, на высоте почти двух миль, где он питается почками растений и побегами бамбука, заложенными на зиму; его лицо зеленое, нос удивительно рельефный, а сильные, мускулистые конечности хорошо приспособлены для жизни в джунглях; волосы густые и напоминают гриву на спине, оттененную желтыми и белыми тонами. В этом отношении он похож на обезьяну Гелада из Абиссинии и некоторых других, защищенных в этой части тела от холода. Это, несомненно, тот вид, который в местных книгах называется *фи-фи* и который когда-то встречался в стаях на многих участках западного Китая, как утверждают эти авторы. Их заметки довольно скудны, но теперь, когда мы нашли животное, их стоит процитировать: "*Фи-фи* похож на человека; он одет своей шерстью, быстро бежит и ест людей; у него человеческое лицо, длинные губы, черное, волосатое тело, и он поворачивается на пятках. При виде человека оно смеется и закрывает глаза губами; оно умеет говорить, но голос его похож на птичий. Он встречается в Сз'чуэне, где его называют *jin hiung*, или "человеческий медведь"; его ладони хороши для еды, а кожа используется; его привычка - переворачивать камни, ища крабов в качестве пищи. По форме он похож на людей, живущих в горах Квэнлун".

Еще одна крупная симия (*Macacus thibetanus*) происходит из того же региона; она живет группами, как и предыдущая, но ниже по горам. Третий вид огромных размеров, по сообщениям, встречается в юго-западной части Сцзюэня и описывается как зеленоватый, как *Macacus tcheliensis* с холмов к северо-западу от Пекина - самый северный из известных видов обезьян. Первый из этих двух видов, возможно, является *синг-сингом* из китайских книг, хотя его характеристики предполагают некоторую путаницу между макаком и павианом со стороны этих авторов. Два других вида макаков и столько же гиббонов были замечены на Хайнане, Формозе и в других южных районах.

Необычная хоботная обезьяна (*Nasalis laivalus*), которую в Кочинчине называют *khi-doc*, а китайцы - *hai-tuh*, имеет странный профиль, частично человек и частично зверь,

напоминающий комбинации на карикатурах да Винчи. Это крупное животное, покрытое мягкой желтоватой шерстью с красным оттенком; длинный нос выступает в виде наклонной лопаточки. Китайский рассказ гласит: "Его нос повернут вверх, а хвост очень длинный и вильчатый на конце, и что всякий раз, когда идет дождь, животное втыкает ви́лы себе в нос. Оно ходит стадами и живет дружно; когда один умирает, остальные сопровождают его на погребение. Его активность настолько велика, что он бьется головой о деревья; его мех мягкий и серый, а морда черная".^[183]

Фи-фи и Хай-ту. (С китайского разреза.)

В "Китайском травнике", из которого взята предыдущая выдержка, летучая мышь описывается под разными названиями, такими как "небесная крыса", "крыса-фея", "летающая крыса", "ночная ласточка" и "брюхокрыл"; там также подробно описываются различные способы использования этого животного в медицине и необычайное долголетие, которого достигают некоторые белые виды. Летучая мышь по форме напоминает мышь; ее тело пепельно-черного цвета; у нее тонкие мясистые крылья, которые соединяют четыре ноги и хвост в одно целое. Она появляется на свет летом, а зимой становится вялой; поэтому, поскольку в это время она ничего не ест и имеет привычку глотать воздух, она достигает большого возраста. Он имеет характер ночного странника, но не потому, что не может летать днем, а потому, что не осмеливается вылетать в это время, опасаясь ястреба. Питается он комарами и мошками. Летает головой вниз, потому что мозг тяжелый".^[184] Эта цитата относится к лучшим китайским описаниям животных и показывает, как мало в них можно найти достоверного, хотя и не лишена интереса в их описаниях привычек. Летучие мыши распространены повсеместно, и, похоже, к ним относятся с меньшим отвращением, чем в некоторых других странах. В одном списке приведены двадцать видов, относящихся к девяти родам, большинство из которых обитает в южном Китае; крылья некоторых из них достигают двух футов в поперечнике; крупный вид в Сз'чуэне употребляется в пищу.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ.

Известен бурый медведь, лапы которого считаются деликатесом; дрессированных животных часто привозят в города шоумены, научившие их трюкам. Открытие Дэвидом крупного вида (*Ailuropus melanoleurus*), родственного гималайской панды (*Ailurus fulgens*), также встречающегося в горах Сзчуен, добавляет еще один пример странных признаков, характерных для тибетской фауны. Этот зверь питается мясом и овощами; тело у него белое, но уши, глаза, ноги и кончик хвоста совершенно черные; мех густой и грубый. Охотники называют его *peh hiung*, или белый медведь, но это, несомненно, животное, называемое в классике *ли*, распространенное в ранние времена на западе Китая, а теперь редкое даже в Коко-норе. Тибетский черный медведь встречается на Формозе, Шантунге и Хайнане, демонстрируя широкий ареал. Барсук распространен так же широко, и эти два вида имеют тот же общий вид, что и их европейские сородичи.

Плотоядные животные все еще существуют, даже в густонаселенных районах. Возможно, лев когда-то бродил по юго-западной части царства Манджи, но и название, и рисунки указывают на его иностранное происхождение. Он во многом связан с буддизмом, и гротескные скульптуры разъяренных львов стоят парами перед храмами, дворцами и могилами, как знак почета и символ защиты. Последний случай, когда живого льва привезли в качестве дани в Хьенцун в 1470 году н.э. из Индии или Цейлона. Известно множество других видов *фелисов*, некоторые из них характерны для определенных регионов. Королевский тигр был убит в окрестностях Амоя, а в Маньчжурии пантера, леопард и тигровая кошка встречаются в северных и южных провинциях, что в целом составляет список из двенадцати видов от Формозы до Сагалиена. Рассказ мистера Суинхо^[185] о его встрече с тигром в окрестностях Амоя в 1858 году объясняет, как такие крупные животные все еще остаются в густонаселенных районах, где пищи в изобилии, а люди робки и безоружны. В малонаселенных районах они становятся ужасом для крестьян. М. Давид перечисляет шесть видов, включая рысь, только в Монпине, один из которых (*Felis scripta*) - один из самых красивых представителей семейства. Во времена Марко Поло Кублай охотился на леопардов и тигров, но мужественное времяпрепровождение в великолепных масштабах, которое тогда практиковалось, при нынешних князьях вышло из употребления. Небольшая и свирепая разновидность дикой кошки (*Felis chinensis*), длиной в два фута, коричневатого-серого цвета, с красивыми каштановыми пятнами и черными полосами, все еще распространена в юго-западных районах Фукиена. Среди мелких плотоядных в южных провинциях встречаются циветты двух или трех видов, древолазы (*Helictes*) и прекрасный вид куницы (*Martes*) с желтой шеей и фиолетово-коричневым телом, привезенный с Формозы.

КОШКИ И СОБАКИ.

Домашние животные имеют мало особенностей. Кошка, *киа ли*, или "домашняя лиса", - любимая обительница семей, а пекинские дамы очень любят разновидность ангорской кошки с длинной шелковистой шерстью и висячими ушами. Обычная разновидность имеет разнообразную окраску, а на юге часто лишена хвоста; когда ее разводят для еды, то кормят рисом и овощами, но едят мало. Народные суеверия связывают с кошками множество примет, как хороших, так и плохих; например, считается, что кража кошки из дома предвещает несчастье, так же как в некоторых странах западного мира считается несчастливой, если дорогу перебегают черная кошка.

Эта собака мало чем отличается от тех, что разводят эскимосы, и, возможно, является оригиналом своего вида. Их размеры мало отличаются друг от друга: высота - около фута,

длина - два фута; окрас - бледно-желтый или черный, всегда однородный, с грубой щетинистой шерстью, хвосты высоко закручиваются на спине и так круто поднимаются от места вставки, что, как шутливо заметили, почти помогают поднимать ноги с земли. Задние ноги необычайно прямые, что придает им неуклюжий вид и, возможно, мешает быстро бегать. Черные глаза маленькие и пронзительные, внутренняя поверхность губ и рта, а также язык того же цвета или голубовато-черные. У суки на каждой задней лапе есть когти по росе, а у кобеля их нет. Уши остро поставлены, голова вздернута, а лай короткий и густой, совсем не похожий на глубокий, звучный лай наших мастифов. В Нганхуи есть особая разновидность с подвесными ушами большой длины и тонкими, проволочными хвостами. В китайском описании собаки указано, что она "может ходить на трех ногах" - походка, которую они часто демонстрируют. Их используют для охраны домов и стад; монгольская порода свирепа и сильна. Пекинские собаки очень клановые, и каждая свора ревностно охраняет свою улицу или двор; их подкармливают мясники на улицах, они служат падальщиками там и во всех больших городах. Они часто страдают лишаем, представляя собой отвратительные зрелища, нередко случаи *полярной лихорадки*, но, как и среди знаменитых константинопольских уличных собак, гидрофобия среди них почти не встречается. Собачьи рынки можно увидеть в каждом городе, где продается это мясо; животных выращивают специально для стола, но их мясо стоит дорого.

Один из авторов, описывая поклонение, совершаемое у гробниц, отмечает их повадки: "Едва холм покидали поклонники, как стаи голодных собак подбегали, чтобы съесть часть подношений, оставленных для мертвых, или слизать жир с земли. Те, кто пришел первыми, подняли головы, вздыбили шерсть и приняли гордый и довольный вид, завиляв и виляя хвостами от самозабвенного восторга; опоздавшие же, поджав хвосты, опустили головы и уши. Был среди них, правда, один, который, не обращая внимания на проезд, держал нос по ветру, словно приносящаяся к удаче; но один тощий, старый и уродливый зверь, с облезлой спиной и безволосым хвостом, постепенно отделялся от группы, хотя, казалось, не спешил, делая тысячи двойных поворотов и витков, все время оглядываясь, чтобы убедиться, что его заметили. Но старый остряк знал, что к чему, и как только он решил, что находится на безопасном расстоянии, он унесся прочь, как стрела, а вся стая - за ним, на другой пир и в другую могилу".[\[186\]](#)

Волки, енотовидные собаки и лисы распространены повсеместно, в некоторых местах они оказываются настоящими вредителями в овчарне и на фермерском дворе. В окрестностях Пекина принято рисовать на оштукатуренных стенах большие белые кольца, чтобы отпугнуть волков, так как считается, что эти звери убегают, увидев такие ловушки. Китайцы считают лису животным, в которое человеческие духи вселяются чаще, чем в какое-либо другое, и поэтому боятся ее уничтожить или раздосадовать. В высокогорных степях обитают три или четыре вида, которые без труда находят себе пищу. Тибетский волк (*Canis chanco*) имеет теплую, желтовато-белую шерсть и стаями бродит по диким местам Цайдама и Коко-нора. Лиса (*Canis cossac*) обитает на широкой территории и славится своей проникательностью в избегании врагов.

КРУПНЫЙ РОГАТЫЙ СКОТ, ОВЦЫ И ОЛЕНИ.

Порода крупного рогатого скота и лошадей карликовая, и ничего не делается для их улучшения. Быки иногда не крупнее ослов; у некоторых из них есть небольшой горб, что свидетельствует об их родстве с зебу; лоб большой, а контур аккуратный и симметричный. Лоб круглый, рога небольшие и неравномерно изогнутые, а общий цвет темно-красный. Буйвол (*shui niu*), или "водяной бык", - самое крупное животное, используемое в сельском хозяйстве. Он очень послушный и громоздкий, больше английского быка, а его безволосая

шкура светло-черного цвета; он ищет прохлады и убежища от мошки в вырытых для его удобства грязных лужах, где он зарывается носом в воду, чуть приподнимаясь над поверхностью. Каждый рог почти полукруглый и загибается вниз, а голова отклонена назад так, чтобы нос был почти горизонтальным. На нем обычно ездят мальчишки, и метафора, изображающая мальчика на спине буйвола, дующего в флейту, часто входит в китайские описания сельской жизни. Як в Тибете используется в качестве тяглового животного, а также для обеспечения пищей и одеждой. Он покрыт шерстяной мантией, достигающей почти до земли, и мягкая шкура используется для изготовления штандартов у персов, а хвост - в качестве мухобойки или чаури в Индии; из шерсти ткнут ковры. Дикий як (*Poephagus grunniens*) уже был описан. Большие стада этих огромных домашних животных бродят по пустошам Коконора, где их высушенный помет служит единственным топливом для кочевников, пересекающих эти бесплодные дикие земли.

Домашняя овца - широкохвостый вид, из которого получается отличная баранина. Хвост иногда достигает десяти дюймов в длину и трех или четырех в толщину; размер этого жирового члена не зависит от температуры. Овец разводят на севере Магомтана, которые готовят шерсть для одежды путем тщательного дубления; животное белое, с черной головой. Коз разводят во всех частях страны, но не в больших количествах. Архары и дикие бараны гор Ала-шань (*Ovis Burrhel*) представляют собой захватывающий вид спорта, когда за ними гонятся по их родным скалам, на которые они взбираются с удивительной ловкостью. Еще один обитатель этих мрачных диких мест - *антилопа пиктикауда*, маленький и крошечный вид, весом около сорока фунтов, сумрачно-серого цвета с узкой желтой полосой на боках. Его ареал - верховья реки Янцзы; его стремительность поражает, кажется, что он совершенно не умеет летать. Он выкапывает для себя окопы, в которых можно укрыться от холода.

В Китае и других регионах представлено множество родов жвачных животных; в списках Суинхо и Дэвида перечислены двадцать семь редких видов, из которых одиннадцать - антилопы и олени. Ареал некоторых из них ограничен узким регионом, а большинство свойственно только этой стране. Богатые люди часто держат оленей на своих участках, особенно пятнистого оленя (*Cervus pseudaxis*) с Формозы, чья шерсть, как выяснилось, сильно варьируется в зависимости от пола и возраста; его название, *кинцзюнь лух*, или "денежный олень", указывает на его отметины. Мышиных оленей также разводят в качестве домашних животных в южных провинциях.

Один из распространенных видов - *дзерен* или *хванг-ян* (*Antilope gutturosa*), который бродит по монгольским диким местам большими стадами и служит отличным источником оленины. Она тяжела по сравнению с газелью; рога толстые, около девяти дюймов в длину, кольчатые на кончиках, лировидные, их острия обращены внутрь. Зоб, давший ему название, представляет собой подвижный выступ, вызванный расширением гортани; у старых самцов он сильно увеличен. При беге животное демонстрирует удивительную прыть. Осенью их убивают в огромных количествах, и их мясо, шкуры и рога служат пищей, кожей и лекарством.

Существует несколько видов безрогих (или почти безрогих) оленей, родственных кабарге. Один из них - речной олень (*Hydropotes*), распространенный у реки Янцзы и похожий на пуду в Чили; он очень плодовит на дне и на островах. Другой вид, обитающий на северо-западе (*Elaphodus*), занимает промежуточное положение между мунтжаком и оленем, у него длинные, острый клык, верхние зубы и мех насыщенного шоколадного цвета. Были замечены три разновидности мускусного оленя (*Moschus*), немного отличающиеся друг от друга по окраске; все они называются китайцами *шиэ* или *хуанг чанг*, и на всех охотятся ради их

мускуса. Этот аромат когда-то считался полезным в медицине и упоминается в греческом рецепте шестого века; об изобилии этого животного в гималайских регионах можно судить по заявлению Тавернье, который в одном из своих путешествий более двухсот лет назад купил в Патне 7673 мешка или стручка. Это животное кочует по обширной альпийской территории, от Тибета и Шенси до озера Байкал, обитает в самых высоких скалах и дефиле, быстро преодолевая труднопроходимые горы. По внешнему виду он не похож на косулю, хотя из-за выступающих зубов верхняя губа кажется широкой. Окрас серовато-коричневый, конечности слабые, шерсть грубая и ломкая, почти как шипы. Мускус содержится в мешочке под хвостом у самца, и наиболее обилен он в сезон гона. Его ловят сетями или отстреливают, а охотники, как говорят, приманивают его к себе, выделяя секрет и играя на флейте, хотя некоторые утверждают, что животное не проявляет особого вкуса, слушая такие звуки, какие обычно издают китайские флейты. Мускус часто подмешивают в глину или смешивают с другими веществами, чтобы смягчить его сильный запах. В большом парке к югу от Пекина разводят необычного и интересного представителя этого семейства - лося с короткими рогами. Это крупное животное (*Elaphurus Davidianus*), отличающееся кротким нравом, по размерам равняется самому крупному оленю; его родное название, *sz'-puh siang*, указывает на то, что оно не является ни лошадью, ни оленем, ни верблюдом, ни быком, но в некоторых отношениях обладает характеристиками каждого из них. Его нежный квакающий голос кажется недостойным столь огромного тела; окрас - равномерно лиловый или светло-серый.

ЛОШАДЕЙ, ОСЛОВ И СЛОНОВ.

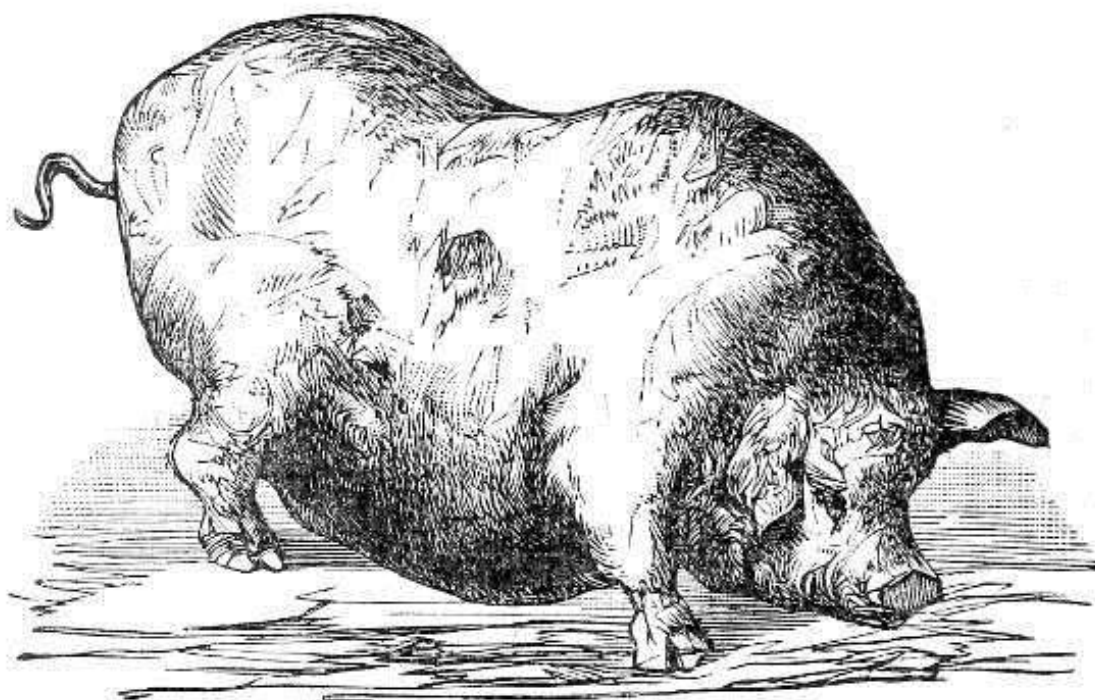
Лошадь не намного крупнее шетландского пони; она костистая и сильная, но за ней мало ухаживают, и в своем обычном состоянии - с нестриженной шерстью и гривой, лохматыми ногами и закрученным хвостом - она выглядит хуже всех. В китайском языке существует огромное количество терминов для обозначения лошади; разница в возрасте, поле, цвете и нраве - все они обозначаются определенными символами. Распространены пестрые, белые и гнедые лошади, но улучшением этого благородного животного пренебрегают, и оно выглядит достаточно жалко по сравнению с индийскими скакунами. В основном их используют для перевозки почты или для военных служб; ослы и мулы больше используются для тяги. Он вынослив, питается грубым кормом и прекрасно служит своим хозяевам. Мул имеет хорошую форму, а те, что выращиваются для дворянства, являются одними из лучших в мире по выносливости и силе; высокопоставленных особ обычно возят на мулах-самоучках. Ослов также тщательно разводят. В китайских книгах говорится о муле от коровы и лошади, а также от осла и лошади, хотя, конечно, такого гибрида, как первый, никогда не существовало.

Дикий осел, или онагер (под несколькими названиями, под которыми он известен в разных странах, - *кьянг, джанг, кулан, джигетай, гор-хар* и *йе-лу*), по-прежнему бродит на свободе и не поддается приручению. Он в изобилии водится в Коко-норе, собираясь в отряды от десяти до пятидесяти особей, каждый под предводительством жеребца для защиты кобыл. Мякоть высоко ценится, а трудность ее получения придает блюду изысканность; цвет светло-каштановый, с белым брюхом.

ДИКИЙ КАБАН И ДОМАШНИЙ БОРОВ.

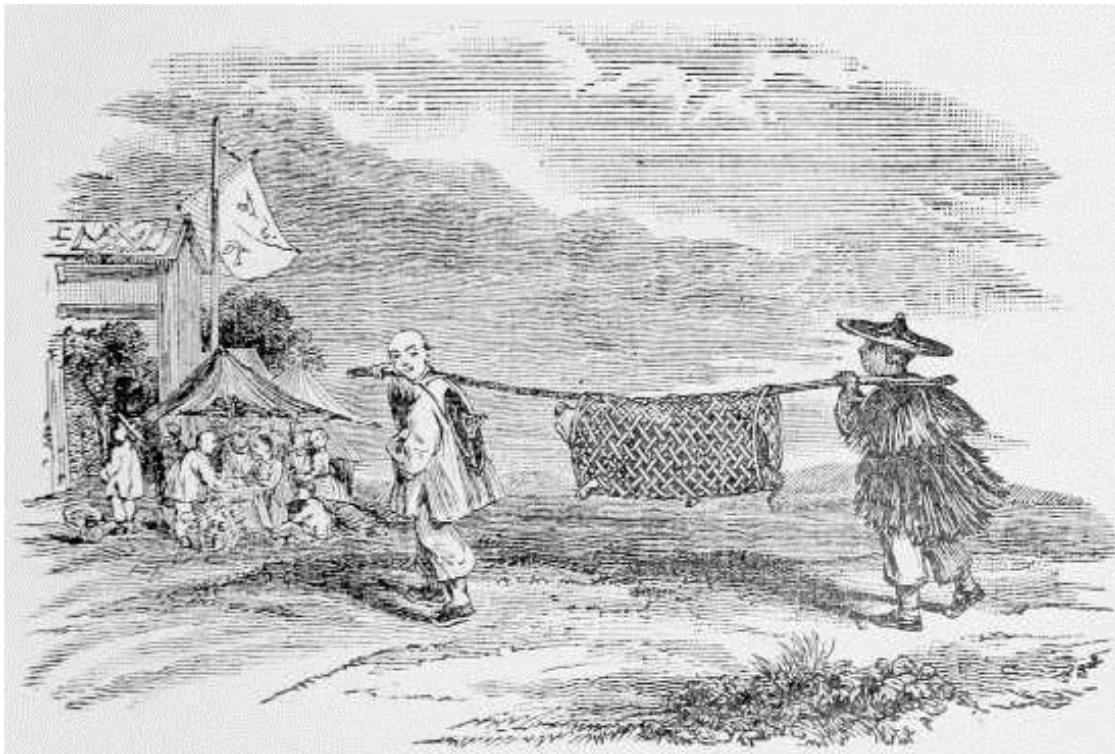
Слонов в Пекине держат для показухи и используют для запряжки государственной колесницы, когда император отправляется на поклонение к алтарям Неба и Земли, но шестьдесят животных, которых Белл видел во времена Кьенлунга, с тех пор сократились до одного или двух. Ван Браам встретил шестерых, направлявшихся в Пекин из Юньнани. В глубоких лесах этой провинции обитают носорог и тапир. Рог первого из них используется в

качестве лекарства, а лучшие куски красиво вырезаются в виде украшений или чашек для питья, которые, как считается, потеют, когда в них наливают ядовитую жидкость. Тапир - бело-коричневое животное, обитающее на полуострове Малакка; известны странные истории о том, как он ест камни и медь. Дикий кабан достигает веса более четырехсот фунтов и почти шести футов в длину. В холодную погоду его замороженную тушу привозят в Пекин и продают по высокой цене. Новый вид свиней был найден на Формозе, около трех футов в длину, двадцать один дюйм в высоту, и со спинным рядом больших щетинок; третья разновидность встречается среди новинок, обнаруженных в Сцюзэне (*Sus moupinensis*), с короткими ушами. Дикие кабаны встречаются даже на холмах Чехкианга и сильно досаждают своими нападениями земледельцам в низинах. У подножия холмов вырыты глубокие ямы, которые засыпают приманкой из свежей травы, и многие кабаны ежегодно попадают в них в плен или тонут в них. Они очень любят побеги бамбука, и возле рощ выставляют людей, которые отпугивают их ударами по кускам дерева.

Китайская свинья.

Китайская голозадая свинья известна своими короткими ногами, круглым телом, кривой спиной и обилием жира; ее мясо - обычное мясо для жителей юга от реки Янцзы. Черная китайская порода, как ее называют в Англии, считается лучшей свининой, выращенной в этой стране. Свиньи в северных провинциях - это исхудалые животные, одинаково черные, и за ними не так хорошо ухаживают, как за их южными конкурентами. На Формозе распространены свиньи пибальд, появившиеся в результате скрещивания; иногда животные этого вида бывают довольно шерстистыми. Китайцы на юге, прекрасно понимая порочный нрав свиньи, считают, что гораздо удобнее нести ее на себе, а не везти по узким улицам. Для этого делают цилиндрические корзины, открытые с обоих концов, а чтобы поймать упрямую скотину, ее закрепляют прямо за полуоткрытыми воротами загона. Мужчины хватают его за хвост и сильно дергают; от боли он приходит в ярость и сопротивляется; они отпускают его, и тогда он вырывается из ворот, чтобы убежать, и оказывается крепко пойманным. Его поднимают и неудержимо уносят.

Способ перевозки свиней.

Верблюд используется в торговле через пустыню, а также по всей Монголии, Маньчжурии и северному Китаю вблизи плато; без его помощи эти регионы были бы непроходимы; перевалы через хребты вблизи Коконора, высотой в шестнадцать тысяч футов, преодолеваются с его помощью, хотя и с мучениями и опасностями. В летний сезон он сбрасывает всю свою шерсть, которую собирают для плетения веревок и ковров; в это время большие стада пасутся на плато, чтобы восстановить силы. Горбы в это время свисают вниз по спине, как пустые мешки, и бедное животное в жаркую погоду имеет расстроенный вид. В расцвете сил он несет около шестисот фунтов веса, но на нем не принято ездить верхом, как на аравийском. Эти два вида служат человеку в одном непрерывном *кафиле* от Тартарского моря через два континента до Тимбукту. Китайцы использовали верблюда на войне, обучив его нести небольшие гингаллы, чтобы всадники могли стрелять из них, опираясь на его голову, но этот старинный вид кавалерии исчез с появлением более совершенного оружия.

МЕЛКИЕ ЖИВОТНЫЕ И ГРЫЗУНЫ.

Среди различных племен мелких животных Китайской империи много интересных особенностей, и мало семейств не представлено. Сумчатые пока не встречаются, а порядок *edentata* пока ограничен одним экземпляром. Несколько семейств в других порядках редки или отсутствуют вовсе, например, бабуины, паукообразные обезьяны, сунсы и ихневмоны. В племени ласок к уже длинному списку ценных пушных зверей, встречающихся в горах, добавилось несколько новых видов - соболь, горноста́й, куница, хорь, горноста́й и т. д., шкуры которых до сих пор радуют охотников. Ласка встречается часто, но не доставляет хлопот. Выдра приучена в Сцзюэне ловить рыбу в горных ручьях с покорностью спаниеля; другой вид (*Lutia swinhosi*) встречается на островах южного побережья, а на острове Хайнань обитает разновидность бескогтевой выдры насыщенного коричневого цвета сверху и белого снизу; длина каждой из них составляет около двадцати дюймов. Меха всех этих животных, а также морской выдры, идет на изготовление одежды, особенно воротников и шейных платков.

В Сцюзэне обитает разновидность крота, у которого мордочка очень длинная, а запах другой разновидности, обитающей в окрестностях Пекина, настолько мускусный, что наводит на мысль о ее названии (*Scaptochirus moschatus*). Мускраты и землеройки встречаются как на севере, так и на юге; один из западных видов имеет лишь рудиментарный хвост; другой, *Scaptonyx*, представляет собой промежуточный вид между кротом и землеройкой, имея тупую морду, сильные передние лапы и длинный хвост; и, наконец, вид, приспособленный к водной жизни, с широкими задними лапами и уплощенным хвостом. Крошечные ежики встречаются даже на улицах и в переулках Пекина, где они находят пищу и убежище в аллювиальной земле. На севере и западе страны встречаются два или три вида сурков и кротов (*Siphucus Arctomys*), которые совершенно не похожи на своих сородичей в других местах. У китайцев есть любопытная причуда в отношении одного зверя, одной птицы и одной рыбы, каждая из которых, как они говорят, требует, чтобы две объединились в одно целое животное, а именно: тушканчик, колпица и подошвенная рыба; первый (*Dipus annulatus*) встречается в песках северного Китая, второй - на Формозе, а третий - вдоль побережья.

Описано множество видов грызунов. Альпийский заяц (*Lagomys ogotona*) по повадкам напоминает сурка и встречается по всей травянистой части степей; его норы опутывают землю везде, где собирается этот зверек, и подвергают опасности охотников, проезжающих по ним. Размером он примерно с крысу и своей удивительной плодовитостью обеспечивает пищей множество своих врагов - людей, зверей и птиц; он не дремлет, а в холодную погоду собирает сухую траву для еды и тепла; эти зимние запасы, однако, часто съедаются скотом до того, как они откладываются. Зайцы и кролики хорошо известны. Два вида первых в изобилии водятся на монгольских травянистых землях, один из них имеет очень длинные ноги; зимой их замороженные тела привозят на рынок. Один вид обитает только на острове Хайнань. Описано десять или двенадцать видов белок: рыжие, серые, полосатые и бурые; одна из них с бахромчатыми ушами. Их шкурки заготавливают для меховщиков, а женщины носят зимние халаты с их подкладкой. Отмечены два рода белок-летяг (*Pteromys* и *Sciuropterus*), последний - на Формозе, а первый - в основном в западных провинциях. Китайские писатели ломают голову над классификацией белки-летяги; они относят ее к птицам и уверяют своих читателей, что это единственный вид, который сосет своих детенышей в полете, и что "шкура, которую держат в руке во время родов, облегчает роды, потому что животное обладает удивительно живым нравом". Из длинного, густого меха *P. alborufous* получают красивые наряды, а белые кончики волос красиво контрастируют с рыжим цветом.

Из собственно крыс и мышей уже описано более двадцати пяти видов. Некоторые из них частично дендроиды, другие имеют удивительно длинные хвосты, и все, кроме трех, характерны для данной страны. Формозский вид, названный Свинхоу спиноносой деревенской крысой, был посвящен Коксингу, завоевателю этого острова; другой вид, распространенный в Сцюзэне, носит имя *Муса Конфуция*. Путешественники сильно преувеличивают масштабы употребления китайцами крыс в пищу, поскольку их мясо слишком дорого для общего употребления.

Один из видов дикобразов (*Hystrix subcristata*) обитает в южных провинциях, на голове у него фиолетово-черный гребень из крепких шипов длиной от одного до пяти дюймов; щетина короткая, но увеличивается в размере и длине до восьми или девяти дюймов к крестцу; вся длина составляет тридцать три дюйма. Среди китайцев распространено мнение, что дикобраз бросает свои перья во врагов как эффективное оружие.

Ни одно животное не озадачивало китайцев больше, чем чешуйчатый муравьед или панголин (*Manis dalmanni*), который логично рассматривается ими как определенное и полезное средство, просто в силу своей странности. Его считают рыбой из воды и поэтому называют *ling-lí*, или "холмовым карпом", также драконовым карпом, но наиболее распространенное обозначение - *chuen shan kiah*, или "чешуйчатый холмовой буравчик". Один из авторов пишет: "По форме он напоминает крокодила; он может ходить как по сухим тропам, так и по воде; у него четыре ноги. Днем он поднимается на берега ручьев и, лежа, широко раскрывает свои чешуйки, придавая им вид смерти, что побуждает муравьев проникать между ними. Как только они оказываются внутри, животное закрывает чешую и возвращается в воду, чтобы открыть ее; муравьи всплывают мертвыми, и он пожирает их на досуге". Более точный наблюдатель говорит: "Он постоянно высовывает язык, чтобы заманить муравьев, которыми питается"; и, верный китайским физиологическим выводам, *similia similibus curantur*, он рекомендует чешую как лекарство от всех муравьиных опухолей. Он также отмечает, что чешуйки не костные, а состоят из агглютинированных волосков тела. Взрослые особи достигают тридцати трех дюймов. Он ходит на боках задних лап и кончиках когтей передних лап, может стоять вертикально минуту или две. Крупные чешуйки прикреплены к коже мясистым сосковидным пупырышком, который прилипает к основанию.

МОРСКИЕ СВИНЬИ И КИТЫ.

Среди китообразных обитателей китайских вод одна из самых заметных - большая белая морская свинья (*Delphinus chinensis*), чьи неопрятные кувырки привлекают внимание путешественника, когда он заходит в устье Жемчужной реки по пути в Гонконг, и снова, когда он плывет вверх по Янцзу в Ханькоу. Китайские рыбаки стесняются даже держать его в своих сетях, сразу же освобождая и никогда не преследуя; они называют его *reh-kí* и считают, что его присутствие благоприятствует их успеху. Суинхоу описал вид ластоногих китов (*Balaenoptera*), который обитает на южном побережье от берегов Формозы до Хайнаня. Его присутствие между Гонконгом и Амоем побудило некоторых иностранцев попытаться организовать промысел в этих водах, но добыча жира и костей оказалась слишком мала для их затрат. Туземные рыбаки объединяют свои усилия зимой, когда он прибегает к морям вблизи Хайнаня, выходя в море на небольших лодках от трех до двадцати пяти тонн весом каждая, по пятьдесят лодок вместе. Линь длиной около трехсот пятидесяти футов, изготовленный из местной пеньки, крепится к мачте, конец которого выходит на нос. Гарпун имеет одну колючку и прикреплен к деревянной рукоятке; через ушко возле раструба линь так закреплен вдоль рукоятки, что когда кит начинает напрягаться, рукоятка вытягивается на линь, оставляя только колючку, утопленную в кожу. Лодка плывет прямо на рыбу, и гарпунер наносит удар с носа, прямо за дыхательным отверстием. Как только рыба поражена, парус спускают, руль откручивают, и лодку тащат кормой вперед, пока добыча не выдохнется. На помощь подплывают другие лодки, и полдюжины гарпунов вскоре расправляются с рыбой. Наиболее распространенные здесь виды дают около пятидесяти баррелей каждый; жир, мякоть и кости используются в пищу или в производстве. Рыба прибегает на мелководье этих морей, чтобы поесть, поваляться и потереться о берега и рифы, избавляясь таким образом от мучающих ее белянусов и насекомых; часто можно видеть, как она устало выпрыгивает из воды и падает обратно, перпендикулярно ударяясь о твердое дно.^[187]

В Желтом море водится вид рыбы-коровы, или круглоголового кашалота (*Globicephalus Rissii*), которого ловят японцы.^[188] На побережье Ляотунга видели тюленей, но ничего не известно об их видах и повадках; шкуры распространены и дешевы на пекинском рынке. В местных книгах говорится о морском животном в Коко-норе, из которого получают редкое лекарство, вероятно, принадлежащее к этому семейству.

Этот неполный отчет о млекопитающих, известных в Китае, был составлен на основе списков и описаний, опубликованных в зоологических периодических изданиях Европы, и может служить указанием на масштабы и богатство области, которую еще предстоит исследовать. Только списки Свинхоу и Дэвида содержат около двухсот видов, а за последние десять лет к ним добавились еще десятки, но это не исчерпывает новых и неисследованных зоологических регионов. Императоры монгольской династии очень любили погоню и славились своей любовью к благородному развлечению - соколиной охоте; Марко Поло рассказывает, что Кублай нанимал не менее семидесяти тысяч сопровождающих в своих соколиных экскурсиях. Соколов, коршунов и других птиц учили преследовать добычу, а венецианец рассказывает об орлах, обученных набрасываться на волков, причем такого размера и силы, что никто не мог избежать их когтей.[189] Рэнкинг собрал[190] несколько заметок о способах и пышности полевых видов спорта монголов в Китае и Индии, но они не дают натуралисту больше информации, чем то, что дичь была многочисленной и состояла из огромного разнообразия. В китайских книгах описаны многие виды птиц-акципитрин, но о них говорится так туманно, что из этих сведений нельзя извлечь ничего определенного. Немногие из них в настоящее время дрессируются китайцами для спорта, за исключением разновидности воробья-ястреба, который развлекает охотников-дилетантов, демонстрируя свое мастерство в ловле мелких птиц. Увлечение спортом в диких районах Маньчжурии, которое поощряли старые императоры два века назад, полностью угасло среди их потомков.

За последние пятнадцать лет в изучении птиц Китая был достигнут большой прогресс, чем в любой другой отрасли его естественной истории, возможно, в некоторой степени благодаря тому, что они сами представляются для поимки внимательному наблюдателю. Список описанных видов насчитывает уже более семисот, из которых тщательная работа оплакиваемого Свинхоу в "Трудах Зоологического общества" за май 1871 года дает названия шестисот семидесяти пяти видов, а список М. Дэвида в "Нувель архиве" за 1871 год - четыреста семьдесят видов, наблюдавшихся к северу от реки Янцз'. Настоящий очерк должен ограничиться выбором нескольких характерных птиц страны, поскольку эта часть ее фауны столь же интересна и своеобразна, как и млекопитающие.

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ.

Среди хищных птиц широко распространены и хорошо известны грифы, орлы и неясыти. Один из орлов-рыболовов (*Haliaetus macei*) обитает по берегам излучины Желтой реки в стране Ортус. Беркут до сих пор дрессируется монголами для погони; Аткинсон сопровождал партию на охоте. "Мы не успели далеко уйти, - рассказывает он, - как мимо промчалось несколько крупных оленей, проскакавших по равнине примерно в трехстах ярдах от нас. В одно мгновение баркут был развязан и снял оковы, после чего прыгнул со своего насеста и взмыл ввысь. Поднявшись на значительную высоту, он на минуту застыл, сделал два-три взмаха крыльями и понесся по прямой к добыче. Я не видел движения его крыльев, но он летел со страшной скоростью, а мы все - за оленем; когда мы были примерно в двухстах ярдах от него, птица ударила оленя, и он отлетел в сторону и упал. Баркут вонзил один коготь в шею, другой - в спину и вырывал печень. Киргиз прыгнул с коня, накинул на голову орла капюшон, на ноги - кандалы и легко снял его, снова сел на коня и приготовился к новому полету".[191] Другие более мелкие виды дрессируются для поимки или беспокойства зайцев, лисиц и мелкой дичи.

Соколы, обитающие на воротных башнях и деревьях Пекина, составляют особенность этого места, поскольку они нагло рыщут по улицам и рынкам, выхватывая вещи из рук людей и

пугая их своими истошными криками. С наступлением весны они часто ссорятся с воронами и сороками за обладание старыми гнездами. Их услуги в качестве падальщиков обеспечивают им спокойное проживание в их глазницах на надвратных башнях. Перечислены шесть видов луней (*Circus*), а также различные виды соколов, дроф, глед и воробьиных ястребов. Хорошо представлено семейство совиных, и живые особи часто выставляются на продажу на рынках; их родное название "ястреб с кошачьей головой" (*mao-rh-tao ying*) указывает на сходство этих двух видов. Из пятидесяти шести видов птиц-акципитрин ястребы являются самыми многочисленными.

ЛАСТОЧКИ, ДРОЗДЫ, ЖАВОРОНКИ И Т.Д.

В большом отряде воробьиных (*Passerinae*) собрано множество красивых и своеобразных представителей, а всего каталогизировано более четырехсот видов. Ночных ястребов всего три, а вот ласточек насчитывается до пятнадцати видов. В окрестностях Пекина они из года в год собираются в огромных количествах на башнях ворот, и весь этот регион был рано известен под названием *Йен Квох*, или "Страна ласточек". Неприкосновенность, которой местные жители наделили эту щебечущую и суетливую обитательницу их домов, сделала ее синонимом домашней жизни; выражение *yin yen* (дословно "пить ласточек") означает устраивать пир. Семейство королевских рыб содержит несколько самых изысканно окрашенных птиц, и множество красивых особей, таких как бирюзовая королевская рыба (*Halcyon smyrnensis*), китайцы убивают ради оперения. В Кантоне из него делают прекрасные украшения из перьев. Нередко встречаются угод, пчелоед и кукушка; первая из них получила название *шань-хо-шань*, или "сельский священник", из-за своего цвета. Шесть видов последнего вида были признаны, и его своеобразная привычка выгонять других птиц из гнезд сделала его хорошо известным среди людей, которые называют его *ку-ку* по той же причине, что и англичане. В верховьях Янцзы короткохвостый вид совершает шумные полеты, чтобы отвлечь внимание от своего гнезда. Китайцы говорят, что он плачет кровью, так как всю ночь напролет оплакивает своего товарища. *Cuculus striatus* так сильно варьируется в разных провинциях, что вызывает недоумение у натуралистов; все они - только летние посетители.

Туземные писатели отмечают привычку крикуна накалывать свою добычу на колючки и другие предметы, прежде чем сожрать ее; не менее одиннадцати видов пересекали страну во время своих миграций из Сибири на Архипелаг. Из поползней, древесных и стенных гадов, крапивников и болтунов имеется большое разнообразие, а один вид ивовых крапивников (*Sylvia borealis*) был обнаружен во всем восточном полушарии; шесть видов рыжих дроздов (*Ruticilla*) распространены по всем провинциям.

Среди обычных певчих птиц, разводимых для домашнего хозяйства, первенство принадлежит дрозду и жаворонку; их любовь к птицам и цветам - одна из приятных черт китайского национального характера. Серовато-желтый дрозд (*Garrulax perspicilatus*), называемый *hwa-mí*, или "нарисованные брови", распространен в Кантоне, где хорошо обученная птица стоит несколько долларов. Этот род насчитывает шесть видов, но не все они одинаково музыкальны; другой вид (*Suthoria webbiana*) держат за его бойцовские качества, так как он умрет, прежде чем уступит. Эти и другие родственные им птицы доставляют людям массу удовольствия, обучая их ловить подброшенные в воздух семена, прыгать с жердочек, которые держат в руках, и выполнять различные трюки. В мягкую погоду на окраине города часто можно увидеть компанию джентльменов, каждый из которых держит свою домашнюю птицу, и все они заняты ловлей кузнечиков, чтобы покормить их. У очкового дрозда (*Leucodioptrum*) глаза окружены черным кругом, причудливо напоминающим очки; это не очень милый певчий, но изящный, живой парень. Всего

известно около десятка видов трясогузок и жаворонков, но не все они одинаково хорошо поют. Южные китайцы предпочитают жаворонка, прилетающего из Чили, и ежегодно привозят его на юг в большом количестве. Пронзительные ноты полевого жаворонка (*Alauda caelivox* и *arvensis*) слышны в магазинах и на улицах в потрясающем концерте с другими видами - эти жаворонки порой становятся почти бешеными от возбуждения в борьбе за победу. Китайское название *peh-ling*, или "сто духов", данное монгольскому жаворонку, указывает на репутацию, которую он заслужил как активный исполнитель песен; а двадцать пять долларов - нередкая цена за хорошего жаворонка.^[192]

СОРОКИ И ГОЛУБИ.

Синицы (*Parus*) и камышовки (*Emberiza*), вместе с родственными родами, являются одними из самых распространенных мелких птиц, их насчитывается пятнадцать или двадцать видов. В подходящий сезон последних убивают на рынке в таком количестве, что удивляет, как они не вымерли. Взяв многих пеночек, иволг и соек для разведения или продажи в качестве причудливых птиц, китайцы очень искусны в использовании птичьей слизи. Во всех частях страны семейство пеночек считается настолько полезным в качестве падальщиков, что к ним никогда не пристают, и, как следствие, они становятся очень распространенными. Сорока - любимая птица, как показывает ее название, *hí tsioh*, или "радостная птица", и встречается по всей земле. Вороны, вороны и дрозды уничтожают насекомых и паразитов, а также потребляют отходы. Дворцовые территории и усадьбы знати в Пекине - обычное место отдыха для этих ворон, где они надежно защищены от вреда большими деревьями. Каждое утро мириады ворон покидают город с рассветом, а вечером возвращаются с усиленным карканьем и криком, порой затмевая небо своими стаями. Иногда можно наблюдать красивое зрелище, когда две или три тысячи молодых ворон собираются на закате в воздухе, чтобы погоняться и поиграть друг с другом. Ворон считается в некотором роде священной птицей, либо из-за услуги, которую, как говорят, один из представителей его расы оказал предку нынешней династии, либо потому, что он является символом сыновнего долга, поскольку считается, что молодые особи помогают своим родителям, когда те становятся инвалидами. Сова, с другой стороны, имеет одиозное название, потому что ее клеймят как птицу, которая поедает свою плоть. Среди представителей семейства пеночек заслуживает упоминания длиннохвостая голубая сойка с Формозы (*Urocissa*), отличающаяся блестящим оперением. Другой вид, похожий на солнечных птиц (*Aethopyga dabryi*), происходит из Сз'чуэна - недавняя находка. Тело красное, голова, горло и каждая сторона шеи блестящего фиолетового цвета, брюхо желтое, крылья черные с первыми зелеными по краю, а перья длинные, сужающиеся, черного или стального синего цвета.

Майна, или индийский мино (*Acridotheres*), известный своими желтыми карбункулами, которые, как уши, тянутся из-за глаза, разводится в Кантоне, как и три вида муний. Воробьи в изобилии обитают в каждой провинции вокруг домов, отгоняя других птиц и развлекая наблюдателя своими ссорами и активностью. Робин, узелки и портняжные птицы встречаются нечасто. Ни одна из жужжащих или райских птиц не встречается, а из группы попугаев до сих пор был замечен только один вид. Дятлы (*Picus*) представлены дюжиной видов, а крылатка иногда привлекает внимание спортсменов. Канареек разводят в огромных количествах, они известны под именами "белая ласточка" и "временный воробей"; болтливый яванский воробей и крошечный аедавата их любители тоже учат маленьким трюкам в качестве компенсации за отсутствие песни. Два или три настоящих попугая - уроженцы Формозы.

Семейство голубиных (*Columbidae*) обильно представлено четырнадцатью видами, а голуби - обычная домашняя птица; их яйца считаются подходящей пищей для профилактики оспы и продаются на рынках, из них также готовят птичье гнездо и другие виды супов. Китайцы считают голубя чрезвычайно глупым и распутным, но наделяют его такими качествами, как верность, беспристрастность и сыновний долг. Считается, что петух отправляет свою вторую половинку при приближении дождя и возвращается в гнездо при хорошей погоде. Есть мнение, что птица периодически претерпевает метаморфозы, но они расходятся во мнениях относительно того, какую форму она принимает, хотя предпочтение отдается воробыиному ястребу.^[193] Однако больше всего эта птица известна своим сыновним долгом, возникшим, вероятно, в результате несовершенных наблюдений за обычаем кормить птенцов мацерированным содержимым своего урожая; говорят, что лесной голубь утром кормит семерых своих птенцов в одном порядке, а вечером - в обратном. Его нота подсказывает земледельцу, когда начинать работу, а приличия, соблюдаемые в гнездах и котетах всех видов, учат мужчин, как управлять семьей и государством. Посетителя Пекина вскоре привлекают эоловые ноты, исходящие от голубей, которые на короткое время (сорок-пятьдесят или меньше в стае) кружат вокруг своего дома, а затем садятся. Этих птиц называют *пан-тин киао-джин*, или "средние небесные часовые", а их странную музыку вызывают хитроумные деревянные свистки, привязанные к крестцам двух или трех особей из стаи, которые ведут за собой остальных и радуют самих себя. В некоторой степени используются почтовые голуби, дрессировка которых представляет собой особую тайну. Один из самых красивых видов - розовый голубь, а полдюжины видов черепах оживляют деревенские рощи своими нежными нотами и своеобразным оперением.

Однако ни одно племя птиц в Китае не сравнится с галстучниками по красоте, размерам и новизне: здесь обитают одни из самых изящных и грациозных птиц в мире, и ни одна из них не была одомашнена для еды. Связующим звеном между этим отрядом и последним является песчаный тетерев пустыни (*Syrrhaptes paradoxus*), чье необычное сочетание привлекло внимание Марко Поло. "Эта птица, *баргерлак*, которой питаются соколы, - говорит он, - размером с куропатку, ноги как у попугая, хвост как у ласточки, и она сильна в полете".^[194] Аббат Гюк рассказывает об огромных стаях, которые бороздят плато.

РАЗНОВИДНОСТИ ФАЗАНОВ.

Золотых и серебряных фазанов без проблем разводят во всех провинциях, и они так давно связаны с орнитологией Китая, что считаются типичными представителями его гротескной и яркой фауны. Среди других фазанов можно упомянуть Импеян, Ривз, Аргус, Медальон, Амхерст, Л'Гюйс и Паллас, каждый из которых соперничает с другим за какую-то особенную изящную особенность окраски и формы, так что трудно решить, кто из них лучше. Амхерстский фазан имеет осанку, элегантность и детали формы, как у золотого фазана, но шея, плечи, спина и крылья у него сверкающего металлического зеленого цвета, а каждое перо заканчивается бархатным черным поясом. Маленький красный хохолок роднит его с золотым фазаном, а красивый серебристый ершик с черной полосой, белая грудка и брюшко, а также хвост, опоясанный коричневыми, зелеными, белыми и красными полосами, завершают живописный наряд. В этих тибетских диких местах скрываются и другие фазаны, оспаривающие пальму первенства по красоте, среди которых обращают на себя внимание четыре вида ушастых фазанов (*Crossoptilon*). Один из них - чисто белый, с черным хвостом, свернутым и расправленным, как плюмаж, и хорошо известен как снежный фазан. Другой, более известный фазан Палласа, размером почти с индейку, отличается похожими на уши отростками или крыльями за головой и красной шеей над белым телом, откуда и его родное название - *хо-ки*, или "огненная курица". Другой род (*Lophophorus*) содержит несколько

элегантных видов, среди которых фазан *L'huys* - новый, отличающийся медно-зеленым хвостом с белым пятном. Более известный фазан Ривза разыскивается туземцами ради его белых и желто-бардовых хвостовых перьев, которые используются актерами для дополнения костюма воина; Кол. Юл доказывает упоминание о нем у Марко Поло по этой части его оперения, которая, по словам венецианца, составляет десять ладоней в длину - не далеко от истины, поскольку их видели длиной в семь футов.^[195] Птица такой красоты долгое время оставалась неизвестной - с 1350 по 1808 год, когда мистер Томас Бил добыл экземпляр в Кантоне, а в 1832 году отправил в Англию; мистер Ривз доставил ее туда, и наука занесла ее в свои анналы. Как Новая Гвинея является родиной райских птиц, так и Гималаи содержат большинство этих превосходных фазанов и франколинов, причем каждое племя служит фольгой и сравнением с творением Творца в другом.

Остров Формоза предоставил второй вид, фазана Свинхоу, из того же рода, что и серебряный фазан (*Euplocamus*), и еще один более мелкий вид (*Phasianus formosanus*); список также пополнился новыми приобретениями из Юньнана и Кочинчина благодаря доктору Андерсону. Однако это не то место, где мы можем предаваться подробностям, касающимся всех этих великолепных птиц; в заключение мы расскажем о медальоне, или рогатом фазане. У него "красивая перепонка из блестящих цветов на шее, которая то раскрывается, то сокращается в зависимости от того, насколько петух возбужден. Оттенки в основном фиолетовые, с яркими красными и зелеными пятнами, интенсивность которых меняется в зависимости от степени возбуждения".

Павлин, хотя и не местный, разводится во всех частях страны; он носит название *кунг-цио*, которое иногда переводится как "птица Конфуция", хотя более вероятно, что это название означает великую или великолепную птицу. Использование хвостовых перьев для обозначения официального ранга, что, вероятно, является причиной их большого потребления, не относится к периоду до правления нынешней династии. Птицу выращивают в огромных количествах, но ассортимент в Китае не сравнится по красоте, совершенству и разнообразию с продуктами японской культуры. Шелковистый петух, чей плюмаж так тонко разделен, что напоминает кудрявые волосы, вероятно, относится к тому же виду, который некоторые авторы описывают как имеющий шерсть, подобную овечьей. Монголам очень хорошо удается разводить высокую, шанхайскую породу, а равномерно холодная зима позволяет им без особого труда сохранять замороженную плоть. Более мелкие галлообразные птицы, уже описанные выше, тетерева, перепела, франколины, куропатки, бекасы и т. д., насчитывают десяток или более видов, распространенных по всей империи. Красную куропатку иногда приручают, чтобы держать в качестве домашней птицы вместе с птицами. Китайский перепел (*Coturnix*) имеет коричневую спину, испещренную черными пятнами и белыми линиями, черноватое горло и каштановую грудь. Его разводят для боев на юге Китая, и, как и его более крупного галльского соперника, его быстро съедают, если он позволяет себя бить.

СЕМЕЙСТВО КУЛИКОВ В КИТАЕ.

Широко распространенное семейство куликов засылает нескольких своих представителей из Европы в Китай, но большинство представителей - восточные. Болота и соленые озера Монголии привлекают летом огромное количество перелетных птиц, которые выводят потомство в безопасности, среди обильной пищи. Полковник Прежевальский наблюдал прилет огромных стай в начале февраля и так описывает их появление: "Несколько дней подряд они неслись вперед, всегда с запада-юго-запада, уходя все дальше на восток в

поисках открытой воды, и наконец оседали среди открытых водоемов; их излюбленными местами были плоские илистые берега, поросшие низким солончаковым кустарником. Здесь каждый день ближе к вечеру собирались огромные стаи, толпившиеся среди льда; шум, который они производили при подъеме, был похож на ураган, а на расстоянии они напоминали густое облако. Стаи в одну, две, три и даже пять тысяч особей следовали одна за другой быстрой чередой, едва ли минута разделяла их. Десятки и сотни тысяч, а то и миллионы птиц появились в Лоб-норе в течение двух недель, закончившихся 21 февраля, когда перелет был в самом разгаре. Какое огромное количество пищи должно быть необходимо для такого количества птиц!"[196] Болотные и паутинообразные птицы безвредно смешиваются в этих бесчисленных скоплениях, но ястребы, орлы и животные тоже собираются, чтобы охотиться на них.

Среди заметных куликов Китая белый маньчжурский журавль, или журавль Монтины, - один из самых красивых и крупных; он является официальным знаком отличия высшего гражданского сословия. Известно пять видов журавлей (*Grus*) и семь видов ржанок, а также еще столько же родственных родов, включая авосек, дроф и устриц. Вдоль плоских берегов залива Печеле в изобилии водятся кудрявые птицы, настолько ручные, что во время отлива они бегают вверх и вниз с голыми детьми, охотясь за ракушками; когда мальчик запускает руку в ил, кудрявая птица просовывает свой длинный клюв до самых глаз в то же отверстие, и каждый из них хватает краба. Кречеты и кулики оживляют берега своими криками, а семь видов гамбета (*Totanus*) дают самое большое разнообразие в их семейной группе, уступая лишь бекасам (*Tringa*), которых зарегистрировано девять. Встречаются цапли, цапли, ибисы и ночные цапли, и никто из них не отказывается от пищи. В Кантоне на рынке часто выставляют на продажу чисто белую цаплю, которая целыми днями стоит на полке со сшитыми веками - жалкое зрелище. Ее стройная, изящная форма имитируется художниками при изготовлении бронзовых подсвечников. На Формозе встречается одиночная колпица (*Platalea*), а на юго-западе Китая - жакан. Последняя, по словам Гулда, "отличается не столько изяществом формы, сколько приспособленностью к тем местам, которые ей отвела природа. Созданная для передвижения по болотам и покрытой лотосами поверхности воды, она поддерживает себя на плавающих сорняках и листьях благодаря необычайному размаху пальцев ног, чему способствует необычайная легкость тела".[197] Этот список дополняют галлинулы, краки и рейн, но фламинго не отмечен.

Натуралисты перечисляют шестьдесят пять видов паутинообразных птиц, встречающихся в Китае. Болотистые окраины озер и рек, а также приморские болота служат пищей и убежищем для стай водоплавающих птиц. Известно десять отдельных видов уток, из которых четыре или пять являются своеобразными. Все побережье от Хайнаня до Маньчжурии кишит чайками, крачками и поганками, а гуси, лебеди и кряквы выкармливают потомство во внутренних водоемах и бассейнах. Уток иногда ловят люди, которые сначала накрывают голову тыквой с отверстиями, а затем заходят в воду, где кормятся птицы; они, привыкшие к пустым калабашам, плавающим на воде, позволяют ловцу приблизиться и без труда затягивают их под воду. Дикий гусь - любимая птица местных поэтов. Репутация супружеской верности сделала его имя и имя утки-мандаринки эмблемами этой добродетели, и пара тех или других обычно составляет часть свадебных процессий. Эпитет "мандарин" применяется к этой прекрасной птице, а также к одному из видов апельсинов, просто из-за их превосходства над другими сортами того же рода, а не потому, что, как полагают некоторые авторы, они присвоены правительственным чиновникам.

Юэнь-янь, как китайцы называют эту утку, родом из центральных провинций. Это одна из самых пестрых птиц, соперничающая с колибри и попугаями по разнообразию оттенков

оперения, если не сравнится с ними по яркости. Селезень - объект восхищения, его партнерша удивительно простая, но в летний сезон он также теряет большую часть своего нарядного одеяния. Мистер Беннет рассказывает приятную историю в доказательство супружеской верности этих птиц, которая произошла в вольере мистера Била в Макао. Однажды ночью был украден селезень, и утка проявила сильнейшие признаки отчаяния от потери, забившись в угол и отказываясь от еды, как будто решив уморить себя голодом от горя. Другой селезень взялся утешить безутешную вдову, но она отказалась от его внимания и быстро становилась мученицей за свою привязанность, когда ее товарищ был найден и возвращен ей. Их воссоединение было отмечено самыми шумными демонстрациями радости, и вскоре утка сообщила своему повелителю о галантных предложениях, сделанных ей во время его отсутствия; в ярости он тут же набросился на незадачливую птицу, которая должна была его заменить, и так жестоко с ним обошелся, что вызвал его смерть.

ВОЛЬЕР БИЛА.

Упомянутый здесь вольер в течение многих лет, вплоть до 1838 года, был одной из главных достопримечательностей Макао. Его владелец, мистер Томас Бил, построил проволочный вольер с одной стороны своего дома, состоящий из двух квартир, каждая высотой около пятидесяти футов, и содержащий несколько больших деревьев; маленькие клетки и насесты были размещены по бокам дома под навесом, а в одном углу был бассейн, в котором водоплавающие птицы могли купаться. Благоприятный климат исключал необходимость в каком-либо укрытии, и только тем видам, которые соглашались спокойно жить вместе, разрешалось свободно перемещаться по двум квартирам. Большой достопримечательностью коллекции была живая райская птица, которая к моменту смерти владельца в 1840 году находилась в его владении восемнадцать лет и в это время была в добром здравии. За один сезон в коллекции было около тридцати экземпляров фазанов, а кроме этих великолепных птиц, в вольере находилось еще около ста пятидесяти других, разных видов, некоторые в клетках, некоторые на жердочках, а другие свободно гуляли по вольеру. В одном углу у большой кошки была нора, где она выкармливала птенцов; ее задача состояла в том, чтобы охранять все это от крыс. Великолепный павлин из Дамауна, большое количество макак и какаду, пара сорокопутов, еще один из великолепных венценосных голубей (*Goura coronata*), один из которых стонал до смерти своего товарища, и несколько никобарских земляных голубей также были среди достопримечательностей этой любопытной и ценной коллекции.

Четыре или пять видов поганок и гагар часто встречаются на побережье, из них *Podiceps cristatus*, называемый *shui nu*, или "водяной раб", распространен в окрестностях Макао. В этом же регионе живет пеликан, который часами неподвижно стоит на скалах или парит на крыльях над мелководьем в поисках пищи. Его оперение почти чисто белое, за исключением черных кончиков крыльев; высота - около четырех футов, а размах крыльев - более восьми футов. Клюв гибкий, как китовая кость, а сумка способна сильно расширяться. Чаек много на северо-восточных побережьях, и никто из тех, кто их видел, не может забыть прекрасное зрелище на болотах у входа в Пэй-хо, где мириады белых чаек собираются, чтобы покормиться, покрасоваться, поссориться или покричать - яркое солнце делает их оперение похожим на снег. Альбатрос, черная крачка, буревестник и кивсяк пополняют список обитателей китайских вод, но не представляют особого интереса.[\[198\]](#)

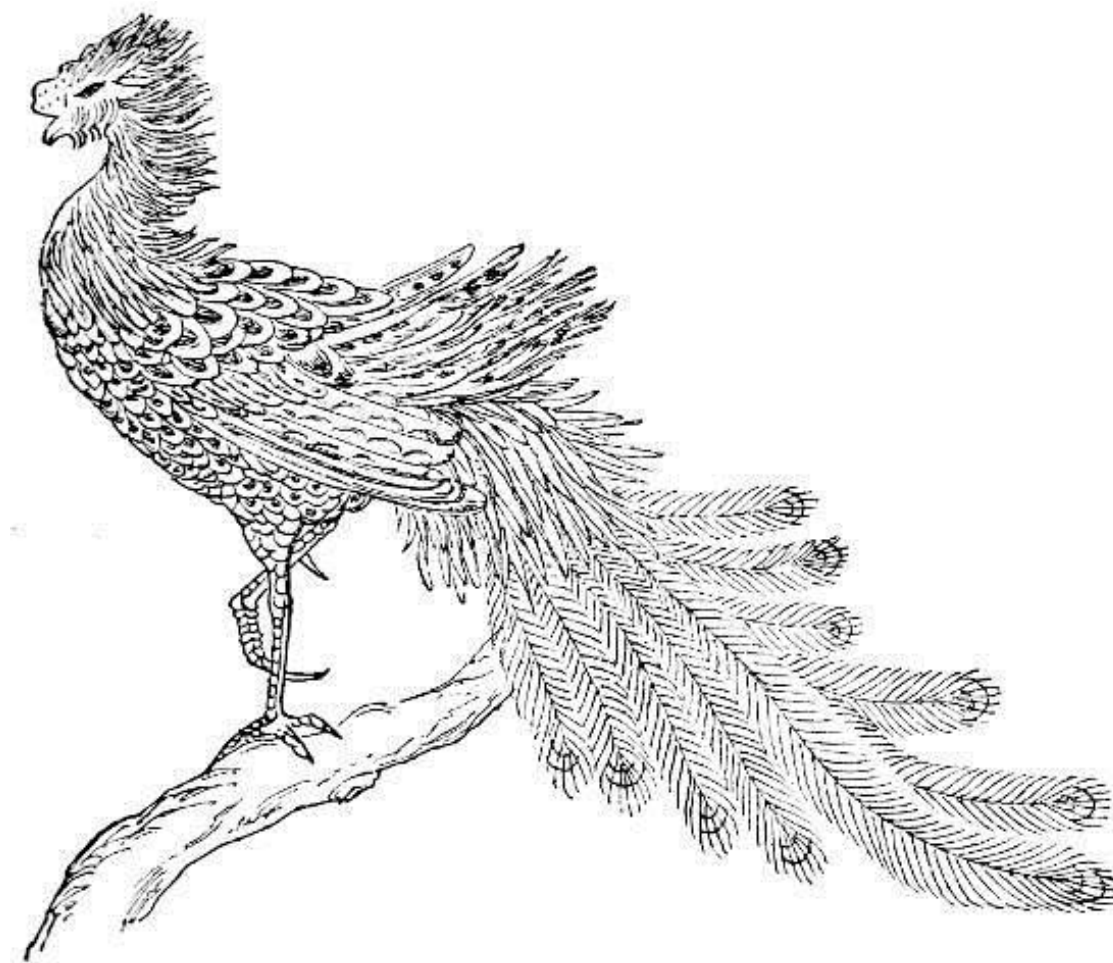

Ки-лин, или Единорог.

КИ-ЛИН И ФУН-ХВАН.

Есть четыре сказочных животных, которые так часто упоминаются китайцами, что требуют отдельного упоминания. *Ки-лин* - одно из них, и его ставят во главе всех волосатых животных; *фунг-хванг* занимает главенствующее положение среди пернатых; дракон и черепаха - среди чешуйчатых и чешуйчатых племен; а *человек* - среди голых животных! Голые, волосатые, пернатые, чешуйчатые и чешуйчатые племена составляют двоичную систему древнекитайских натуралистов. *Ки-лин* изображается похожим на оленя телом и лошадь копытами, но с хвостом быка и чешуйчатой кожей. Из лба выходит один рог с мясистым кончиком. Помимо этих внешних признаков, по которым его можно узнать, *ки-лин* проявляет большую благожелательность отношению к другим живым животным и появляется

только тогда, когда рождаются мудрые и справедливые цари, такие как Яу и Шунь, или мудрецы, такие как Конфуций, чтобы управлять и учить человечество. Китайское описание имеет много сходств с популярными представлениями о единороге, а независимое происхождение их рассказа добавляет некоторую долю вероятности того, что однорогий конь или шейное животное когда-то существовало.[\[199\]](#)

Фунг-хванг, или Феникс.

Кювье считает, что описанный Плинием аравийский фазан произошел от золотого фазана, хотя другие полагают, что исходным видом является египетская ржанка. Судя по тому, что он сравнивает его с орлом по размеру, у него желтая шея с пурпуром, синий хвост с красными перьями и богато оперенная голова, более вероятно, что импейский фазан был типом Плиния. Китайский *фанг-хванг*, или феникс, вероятно, основан на фазане Аргус. Его описывают как украшенного всеми цветами, сочетающего в своей форме и движениях все элегантное и грациозное, при этом он обладает таким доброжелательным нравом, что не клюет и не ранит живых насекомых, не ступает на растущие травы. Как и *ки-лин*, он не встречался со времен Конфуция и, судя по рассказам о нем, был совершенно сказочным. Этимология иероглифов подразумевает, что это император всех птиц. Один из китайских авторов описывает его "как напоминающего дикого лебедя спереди и единорога сзади; у него горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, корона мандаринового селезня, полосы дракона и сводчатая спина черепахи. Перья имеют пять цветов, которые названы в честь пяти кардинальных добродетелей, а высота его составляет пять локтей; хвост градуирован, как пандейские трубы, а его песня напоминает музыку этого инструмента, имеющего пять модуляций". Красивое украшение для женского головного убора иногда изготавливается в

форме *фун-хванга* и несколько напоминает аналогичное украшение, имитирующее стервятника, которое носили дамы Древнего Египта.

ЛЕГКОЕ, ИЛИ ДРАКОН.

Лунг, или дракон, - привычный объект на изделиях из Китая. Он представляет собой сравнение всего ужасного, внушительного и могущественного, и, будучи принятым в качестве герба императора, следовательно, накладывает эти представления на его персону и государство. Типом дракона, вероятно, является боа-констриктор, морской змей или другое подобное чудовище, хотя геологические исследования выявили столь близкий аналог *легкого* в игуанадоне, что это заставляет поверить в то, что именно он послужил прототипом. Существует три дракона: *легочный* - в небе, *ли* - в море и *киао* - в болотах. Первый - единственный *подлинный* вид, по мнению китайцев; у него голова верблюда, рога оленя, глаза кролика, уши коровы, шея змеи, брюхо лягушки, чешуя карпа, когти ястреба и ладонь тигра. На каждой стороне рта - усы, а в бороде - яркая жемчужина; дыхание иногда превращается в воду, иногда в огонь, а голос похож на звяканье медных кастрюль. Морской дракон иногда поднимается на небо в водяных струях и является повелителем всех океанических явлений.^[200] Дракону поклоняются и боятся китайские рыбаки, а их *Лунг-ванг*, или "царь драконов", соответствует Нептуну в западной мифологии; возможно, представления всех классов о драконе - это видоизмененный пережиток широко распространенного в древности поклонения змеям. Китайцы полагают, что эльфы, демоны и другие сверхъестественные существа часто превращаются в змей; М. Жюльен перевел сказочную историю такого рода под названием *Blanche et Bleue*. *Квей*, или черепахе, приписывается так мало сказочных качеств, что она едва ли попадает в этот список; согласно истории, она была помощницей Пванку, когда тот высекал мир. Полуклассический труд "Король Шан-хай", или "Мемуары о горах и морях", содержит изображения и описания этих и родственных им чудовищ, из которых люди сегодня черпают странные представления о них; книга послужила воплощению и закреплению для всего народа того, что писатель издревле находил плавающим в народных легендах отдельных местностей.

Вид аллигатора (*A. sinensis*) был описан доктором А. Фовелем в журнале *N. C. Br. R. A. Soc. Journal*, No. XIII, 1879, в котором он приводит множество исторических и других сведений о его существовании. Крокодилов видели в реках Квантун и Кванси, но ни один из представителей этого семейства не достигает больших размеров.

Рассказ Марко Поло об огромной змее из Юньнани^[201], у которой две передние лапы около головы, по одному когтю, как у льва или ястреба, и пасть достаточно большая, чтобы проглотить человека целиком, несомненно, относится к крокодилу, - хороший пример того, как смешивались правда и басни в рассказах тех времен. Анамезцы до сих пор едят плоть этого животного, как, по его словам, это было в его время. Гигантская саламандра, аналогичная той, что водится в Японии (*Sieboldia*), позволила предположить, что это вид дракона, изображенного на китайском национальном флаге. В южных районах в изобилии водятся мелкие ящерицы, а разнообразие и количество сухопутных и водных змей, встречающихся в приморских провинциях, вряд ли можно превзойти в любой стране мира; они редко бывают ядовитыми. Вид *нахи* - единственная ядовитая змея, встреченная в Чусане, а капюшонная кобра - одна из немногих, обнаруженных в окрестностях Кантона. Еще один вид часто встречается на берегах, а во время половодья его выгоняют из сточных канав и ручьев в дома. Беннет упоминает случай укуса китайца, к ране которого в качестве припарки была приложена растертая голова рептилии - способ лечения, который, вероятно, ускорил его смерть, поскольку яд, разведенный в крови животного, смешался с кровью самого человека. Тем не менее, редко приходится слышать о жертвах из этого источника. Эту змею

называют "черно-белой", поскольку она попеременно окрашена в два цвета. В окрестностях Макао был замечен вид акрохордона, примечательный своим крутым, коротким хвостом.

Буддийские священники считают благотельным держать змей вокруг своих храмов; и хотя местные жители не играют с ядовитыми змеями, как индусы, они часто обращаются с ними или учат их простым трюкам. Обыкновенную лягушку в огромных количествах берут в пищу. Черепахи и черепахи из пресной и соленой воды в изобилии водятся вдоль побережья, а эмис и трионикс содержатся в кадках на улицах, где они вырастают до больших размеров. Огромная плотоядная черепаха обитает в водах Чехкианга, недалеко от океана. Туземцы имеют странные представления о волосатой черепахе Сз'чуен и считают ее прекрасным лекарством; теперь известно, что предполагаемые волосы состоят из конфервеев, чьи споры, засевшие на панцире, проросли далеко за пределы тела животного.

ИХТИОЛОГИЯ КИТАЯ.

Ихтиология Китая - одна из самых богатых в мире, хотя, возможно, она такова скорее из-за большей доли пищи, поставляемой водами, чем из-за реального изобилия представителей плавникового племени. Отбросы, выбрасываемые с лодок вблизи городов, привлекают некоторые виды рыб в эти места и дают пищу и работу множеству людей. В Кантоне было собрано несколько крупных коллекций рыб, и мистер Ривз передал одну из богатых в Британский музей вместе с серией рисунков, сделанных местными художниками с живых экземпляров; они были описаны сэром Джоном Ричардсоном в "Отчете Британской ассоциации содействия развитию науки" за 1845 год. В этой работе он перечисляет сто девяносто родов и шестьсот семьдесят один вид, почти все из которых являются морскими или выходят в море в определенное время. За время, прошедшее с момента подготовки этой работы, к ней было добавлено большое количество видов из внутренних вод, так что, вероятно, всего было отмечено около тысячи видов. Семейства лососевых и тресковых сравнительно скудны, но скумбрии, бычки и сельди очень многочисленны. Разнообразие рыбы в Макао настолько велико, что если человек готов есть все, что привозят на рынок, как это делают китайцы (включая акул, торпед, пескарей и т. д.), то каждый день в году он может есть разные виды. Можно с уверенностью сказать, что китайцы едят почти все живое, что можно найти в воде, исключение составляют лишь некоторые отвратительные рыбацкие лягушки или пескари.

На морском побережье в изобилии водятся хрящевые рыбы - акулы, скаты и рыбы-пилы. Осетр не распространен на юге, но зимой его привозят из Сонгари и других рек в Пекин для императорского стола, так как он высоко ценится китайскими эпикурейцами. В Янцзе водится необычный вид осетра - *иу-юй*, который лежит под берегом в спокойной воде и всасывает добычу в мешкообразный рот, выступающий в виде шипа под длинным рылом; у него нет чешуи, а длина достигает четырех футов. В этой реке ловят обыкновенных осетров весом в тысячу фунтов. На рынках Макао можно увидеть молотоголовую и зебровую акулу (*Cestracion zebra*), а также огромных коньков, некоторые из которых достигают пяти футов в поперечнике; молодые особи всех этих видов считаются особенно вкусной пищей. На южном побережье нередко встречается разновидность торпеды (*Narcine lingula*), но туземцы, похоже, не знают о ее электрических свойствах. Говорят, что рыбаки иногда уничтожают акул, сварив дыню и бросив ее в качестве приманки; при проглатывании тепло убивает рыбу. Настоящая треска не водится у китайского побережья, но несколько видов серрании (*Plectropoma susuki*, *Serranus shihpan*, *Megachir*, и др.), обычно называемых туземцами *ши-пань*, а иностранцами - гарупа, распространены у Кантона и считаются самым деликатесным блюдом. Еще одна прекрасная рыба - *Polynemus tetradactylus*, или *bunni-carp*, которую иностранцы часто называют лососем; из ее кожи готовят изинглас. Помфрет, или

цанг-ю (*Stromateus argenteus*), - хорошая рыба для скороды, но вряд ли такая деликатная, как подошва, многие виды которой в изобилии встречаются по всему побережью. Кроме них, встречаются два-три вида скумбрии, *Sciæna lucida*, офицефал, кефаль и "белая рисовая рыба". У берегов Янцзы в изобилии водится шэд, который превосходит американские виды; китайские эпикуры иногда готовы заплатить пятьдесят долларов за первую рыбу в сезоне.

Семейство карповых (*Cyprinidæ*) очень широко распространено в реках и озерах Китая, а некоторые виды разводят в рыбоводных бассейнах и ваннах до чудовищных размеров; в списке Ричардсона упоминаются 52 вида. Золотая рыбка - самая известная, она была завезена в Европу, где ее впервые увидели в конце XVII века. Китайцы утверждают, что ее родина - озеро Цау в провинции Нганхуй. Последствия одомашнивания в изменении естественной формы этой рыбы очень велики; часто встречаются экземпляры без спинного плавника, а хвостовой и другие плавники опущены и до такой степени, что напоминают скорее искусственные придатки или крылья, чем естественные органы. Глаза развиты до того, что шар выступает за пределы глазницы, как очки, и представляют собой необычный вид. Некоторые из них настолько фантастичны, что их можно было бы считать *lusus naturæ*, если бы они не были столь распространены. Обычный цвет - румяно-золотистый, но на определенных этапах роста у обоих полов появляется серебристый или черноватый оттенок, а одна разновидность, называемая серебряной рыбой, сохраняет этот оттенок всю жизнь. Китайцы держат их в садовых прудах или в глиняных кувшинах, в которые кладут камни, покрытые мхом и поросшие пучками папоротников, чтобы обеспечить им укрытие от света. Когда самки нерестятся, икринки нужно перенести в неглубокий сосуд, чтобы их не съели самцы, где под воздействием солнечного тепла они вылупляются; молодые особи почти черные, но постепенно становятся беловатыми или красноватыми, а в конце концов приобретают золотистый или серебристый оттенок. Были замечены экземпляры длиной до двух футов, и те, кто их выращивает, подражают друг другу в выведении новых сортов.

МЕТОДЫ РАЗВЕДЕНИЯ РЫБЫ.

Разведение рыбы - важное занятие, икру собирают с особой тщательностью и помещают в благоприятные для вылупления места. В "Универсальном бюллетене" за 1829 год утверждается, что в некоторых районах Китая икру аккуратно помещают в пустую яичную скорлупу и закрывают отверстие; затем яйцо помещают в гнездо и, после того как курица посидит над ним несколько дней, снова открывают, а икру помещают в сосуды с водой, нагретой на солнце, где она вскоре вылупляется.

Огромные флотилии рыбацких лодок на Янцзе и его притоках свидетельствуют о том, что в его водах водится много мелкой рыбы. В Кантоне водятся разновидность трубчатой рыбы (*Fistularia immaculata*) красного цвета и гар-пик с зелеными костями, а также многочисленные красивые рыбы-попугаи и солнечные рыбы (*Chætodon*). Изобретательный способ захвата добычи практикуется разновидностью хетодона, или хелмона; он бросает каплю воды на мух или других насекомых, загорающихся на берегу у края, таким образом, чтобы сбить их, когда они будут съедены. Все виды офицефалов, или *сэнг-ю*, столь примечательные своей живучестью, разводятся в аквариумах и бассейнах и живьем разбрасываются по улицам.

На рынках можно увидеть угрей, кефалей, алеутов или филе-фиш, лещей, пескарей и многие другие виды. Мало что из съеденного китайцами выглядит более отталкивающе, чем гоби, когда они лежат, извиваясь в слизи, которая поддерживает их жизнь; один вид (*Tyrrauchen vagina*), называемый *chu piñ yü*, или "рыба-карандаш", - это цилиндрическая рыба, шесть или восемь дюймов длиной, темно-красного цвета; ее глаза выступают так, что она может видеть

сзади, как жираф. Некоторые виды бычков строят в иле небольшие бугры с углублением на вершине, в котором на солнце вылупляется их икра; во время отлива они скачут по берегу, как молодые лягушки, и их легко поймать рукой. Вкусный вид сауруса (*Leucosoma Chinensis*), называемый *пих фан юй*, или "белая рисовая рыба", и *инь юй*, или серебряная рыба, обитает от Хакодате до Кантона. Ее длина составляет шесть-восемь дюймов, тело бесчешуйчатое и прозрачное, так что мышцы, кишечник и позвоночник видны без препарирования; кости головы тонкие, гибкие, прозрачные. На побережье ловят много видов филе-рыбы, подошвенных рыб, анчоусов и угрей. Огромные объемы сушеной рыбы, как в Швеции, отправляются вглубь страны для продажи в регионах, где рыба встречается редко. Самые распространенные сорта - окунь, солнечник, гурнард и волосохвост (*Trichinrus*).

РАКОВИННЫЕ РЫБЫ И НАСЕКОМЫЕ КИТАЯ.

Рыбы и моллюски, как свежие, так и соленые, в изобилии продаются на рынке. Устрицы хорошего качества распространены вдоль побережья, а разновидность мактры, или песчаного моллюска, вылавливается вблизи Макао. В Жемчужной реке водятся два или три вида пресноводных моллюсков (*Mytilus*), а улиток (*Voluta*) много во всех водоемах. Встречаются журавли, креветки, креветки, крабы и другие виды ракообразных, не менее обильные, чем вкусные; один вид крабов, размером с омара (но не заменяющий его), называется *lung hai*, или "краб-дракон", вместе с каракатицами трех или четырех видов и королевским крабом (*Polyphemus*), и все они употребляются в пищу. Внутренние воды дают много видов раковин, а новый род *theliderma*, родственный *unio*, был создан г-ном Бенсоном из Калькутты на основе образцов, полученных от владельца магазина в Кантоне. Сухопутных раковин много, особенно различных видов улиток (*Helix*, *Lymnaea* и др.); двадцать два вида одной только *Helix* содержались в небольшой коллекции, присланной из Пекина, в котором хорошо известна вся эта пища. Каталог почти шестидесяти раковин, добытых в Кантоне, приведен в Murray's China,^[202] но сомнительно, что даже половина из них встречается в стране, поскольку магазины там снабжаются в значительной степени с Архипелага. Доктор Кантор^[203] упоминает восемьдесят восемь родов раковин, встречающихся между Кантоном и Чусаном. Жемчуг находят в Китае, и Марко Поло говорит о соленом озере, которое, как предполагается, сейчас находится в Юньнани, где его добывают в таком количестве, что в его время промысел был закрыт и ограничен, чтобы он не стал слишком дешевым и распространенным. В Чехкианге туземцы берут крупный вид моллюска (*Alasmodonta*) и аккуратно прикрепляют свинцовые изображения Будды под рыбу, после чего ее бросают обратно в воду. Поверх свинца накладывается перламутр, и через несколько месяцев раковины снова достают, чистят и отправляют за границу, чтобы продать как доказательство силы и присутствия Будды. В журнале Quarterly Review говорится о способе, который практикуют китайцы для получения жемчуга, опуская в раковину нитку мелких перламутровых бусин, которые через год покрываются перламутровой коркой. Пиявки широко используются местными врачами; молотоголовая пиявка была замечена в Чусане.

Насекомые Китая почти неизвестны натуралисту. В коллекции д-ра Кантора из Чусана упоминается пятьдесят девять родов, среди которых преобладают тропические формы; есть также шесть родов арахнид, а список пауков можно было бы легко умножить до сотни; среди них есть много видов с самой великолепной окраской. Один крупный и сильный вид, как утверждается, ловит мелких птиц на деревьях. Саранча иногда совершает обширные опустошения, и ни одна часть земли не свободна от ее присутствия, хотя ее нашествия обычно не охватывают большую территорию страны или часто продолжаются в течение двух лет подряд. Однако они доставляют достаточно хлопот, чтобы привлечь внимание правительства, о чем свидетельствует эдикт против них, приведенный в [другой главе](#).

Известны сороконожки, скорпионы и некоторые другие виды того же порядка, причем первые наиболее многочисленны в центральных и западных районах, где скорпионы встречаются редко.

Самым ценным насекомым является шелкопряд, которого разводят почти во всех провинциях, а также собирают шелк с других диких червей, обитающих на дубе и айланте в Шантунге, Сцзюэне и других местах; собственно шелкопряд в некоторой степени встречается в северной Шанси и Монголии. Существует множество других насекомых того же порядка (*Lepidoptera*), но те, что были отправлены за границу, были в основном из провинции Квантун. К востоку от города Кантон, на гряде холмов под названием Лофау-шань, ловят крупных бабочек и ночных мотыльков огромных размеров и яркой окраски. Одно из этих насекомых (*Bombyx atlas*) достигает в поперечнике около девяти дюймов; цвет основания - насыщенный и разнообразный оранжево-коричневый, а в центре каждого крыла - треугольное прозрачное пятно, напоминающее кусочек слюды. Часто встречаются сфинксы большой красоты и размера, которые своей великолепной окраской, быстрым бесшумным перелетом с цветка на цветок в конце дня напоминают жужжащих птиц. Некоторые семейства более многочисленны, чем другие; колеоптерообразные превышают лепидоптерообразных, а ареал отдельных видов каждого из них часто очень ограничен. Влажные районы Сз'чуэна принесли М. Давиду большой урожай прекрасных бабочек, в то время как жуки-ламеллярники и керамбициды наиболее распространены в северных и центральных районах.

КОЛЕОПТЕРЫ И ВОСКОВОЙ ЧЕРВЬ.

Многие отряды колеоптеровых насекомых многочисленны, но количество видов, которые еще предстоит идентифицировать, ничтожно мало. В коллекциях, продаваемых в Кантоне, было найдено несколько водяных жуков и других, относящихся к тому же роду, но из-за небрежности, с которой заполняются ящики, очень немногие экземпляры являются совершенными: у них сломаны усики или лапки. Сверчок-крот встречается повсеместно. Обыкновенного сверчка ловят и продают на рынках для азартных игр; люди всех сословий развлекаются тем, что раздражают двух этих насекомых в миске и делают ставки на ловкость своих любимцев. Цикад, или широкой саранчи, очень много, и их тягучий звук раздается с деревьев и рощ с оглушительной громкостью. Мальчишки привязывают соломинку к брюшку самца, чтобы раздражать звуковой аппарат, и носят его по улицам в таком положении, к большому раздражению всех окружающих. Это насекомое было хорошо известно грекам; древние дистихи...

"Счастливая жизнь цикад",

Ведь у них у всех безголосые жены".

намекает на то, что они знают об этом половом различии, а также намекает на их мнение о домашнем спокойствии. И снова это становится темой призыва Мелеагра:

"О пронзительно голосистое насекомое, что с капельками росы встречается,

Одурманивая, пойте в пустынных лесах;

Устроился на верхушке брызг с зазубренными ногами,

Отзвуки арфы в твоём сумрачном теле".

Муха-фонарщица (*Fulgora*) встречается реже цикады. Ее легко узнать по длинному цилиндрическому рылу, изогнутому в направлении вверх, зеленоватым сетчатым надкрыльям и оранжево-желтым крыльям с черными концами; но ее появление вечером далеко не такое светящееся, как у огненной мухи и светящегося червя из Южной Америки. *Пех-лах-шу*, или "белое восковое дерево" (*Fraxinus chinensis*), дает пищу насекомому этого порядка под названием *Coccus pela*. Только личинки дают воск, а выделения являются результатом болезни. Сэр Джео. Л. Стонтон впервые описал эту муху по образцам, увиденным в Аннаме в 1795 году, где туземцы собирали белый порошок из коры дерева, на котором она встречается. Дэниел Хэнбери изобразил насекомое и дерево с отложениями сырого воска на конечностях, полученные в провинции Чекхианг.[204] Барон Рихтхофен говорит об этой отрасли промышленности в Сз'чуэне как о той, которая дает работу огромному количеству людей. Департамент Киа-тинг дает лучший воск, поскольку его климат теплее, чем в Чингту. Яйца насекомого собирают в Киен-чанге и Нин-юэне, где процветает дерево, на котором оно откладывает их, и тщательно следят за его культурой. Насекомое живет и размножается на этом вечнозеленом дереве, и в апреле яйца собирают и несут носильщики в Киа-тинг. Этот путь в основном совершается ночью, чтобы избежать риска вылупления их груза; 300 яиц весят один таэль. Их сразу же размещают на одном и том же дереве: шесть или семь яиц кладут в мешочки из пальмовых листьев и подвешивают на ветки. Через несколько дней личинки начинают расползаться по веткам, но не трогают листья; кора вскоре покрывается белым порошком, и ее не тревожат до августа. Нагруженные ветки срезают и кипятят, после чего воск собирается на поверхности воды, снимается и снова растапливается, чтобы потом вылить в кастрюли для продажи. Из яиц весом в таэль получается два-три катти полупрозрачного, высококристаллического воска; он продается по пять масе за таэль и выше. Годовой доход оценивается в 2 000 000 таллов. 2,000,000.[205] Цели, для которых применяется этот необычный продукт, включают все те, для которых используется пчелиный воск. Пилули изобретательно заключают в маленькие шарики из него, а свечи делают любого размера. Воск также собирают с диких и домашних пчел, но мед используется мало; в оболочку из воска, окрашенного киноварью, заключают таль для больших расписных свечей, устанавливаемых перед идолами и скрижалями.

В китайских травах содержится необычное представление, распространенное также в Индии, о происхождении сфикса, или одиночной осы. Когда самка откладывает яйца в глиняные нидусы, которые она делает в домах, она заключает в них мертвое тело гусеницы для пропитания червей, когда они вылупятся. Те, кто наблюдал, как она замуровывает гусеницу, не стали искать яйца и сразу же заключили, что сфекс приняла червячка за свое потомство, и говорят, что, замазывая отверстие гнезда, она постоянно напевала над ним, говоря: "*Класс со мной! Класс со мной!*" - и превращение постепенно происходило и завершилось в своей тихой могиле к следующей весне, когда появилась крылатая оса, чтобы продолжить свое потомство тем же таинственным способом.[206]

Белые муравьи доставляют много хлопот в теплых краях и досаждают жителям, прогрызая гробы в могилах. Они прокладывают ходы под землей и проникают наверх, в деревянные конструкции домов, и все здание может оказаться зараженным ими почти до того, как будет заподозрено их существование. Они прогрызают себе путь к фруктовым деревьям, капусте и другим растениям, уничтожая их, пока те находятся в полном расцвете сил. Многие внутренние устройства гнезд пчел и муравьев, а также их особые инстинкты были описаны китайскими писателями с большой точностью. Состав иероглифов для пчелы, муравья и комара, соответственно, обозначает насекомое-шило, насекомое-праведник и насекомое-буква; таким образом, имеется в виду жало первого, упорядоченная работа и подчинение

второго, а также буквенные обозначения на крыльях последнего. Москитов много, а марлевые занавески считаются более необходимой частью постельной мебели, чем матрас.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО БОТАНИКЕ КИТАЯ.

Ботаника Китая известна гораздо лучше, чем зоология, хотя обширные и неисследованные области, простирающиеся от Кантона до Силхета и Ассама, все еще приглашают усердного коллекционера собрать, изучить и обнародовать свои сокровища. Одним из самых ранних авторов в этой области был Пьер Лурейро, португалец, тридцать шесть лет проработавший миссионером в Кочинчине, и профессор математики и физики в королевском дворце. Там и в южном Квантуне он собрал большой гербарий и в 1790 году опубликовал свой труд *"Флора Кочинчина"*, в котором описал сто восемьдесят четыре рода и более трехсот новых видов. Единственной работой, специально посвященной китайской ботанике, является *"Флора Гонконга"* Бентама, опубликованная в 1861 году. Материалы для нее были собраны докторами Хиндсом, Хэнсом и Харландом, полковником Чемпионом и другими в течение предыдущих двадцати лет, и в общей сложности составили до пяти тысяч образцов, собранных исключительно на острове. Со времени публикации этой книги доктор Хэнс добавил к нашим точным знаниям о китайской флоре множество новых образцов, растущих в других частях империи, описания которых разбросаны по различным изданиям. Пьер Давид, во время своих обширных путешествий по северному Китаю, собрал тысячи образцов, которые еще предстоит тщательно описать. Русские натуралисты Максимович, Бунге, Татаринов, Бретшнейдер, Прежевальский и другие значительно расширили наши знания о растениях Монголии, бассейна Амура и области около Пекина. Первый из них выпустил отдельную работу по флоре Амура, но большинство работ этих ученых можно найти в периодических изданиях. В очень ранние времена Китай славился камфорой, лаком, талоном, маслом, чаем, кассией, красителями и т.д., получаемыми из его растений; а более поздние монографии признанных ботаников, изданные с тех пор, как Линней просмотрел двести шестьдесят четыре вида, привезенных его учеником Осбеком в 1750 году, и до сегодняшнего дня, в целом оказали огромную помощь в глубоком понимании их природы и ценности.

Наблюдения г-на Бентама над ареалом растений, собранных на острове Гонконг, представляют его флору в целом как наиболее похожую на флору тропической Азии, северной границей которой он является во многих случаях. Влажные, лесистые овраги на севере и западе дают растения, близкие растениям Ассама и Сиккима; в то время как другие виды, в значительном количестве, имеют гораздо более тропический характер, распространяясь с небольшими различиями на Архипелаг, Малайзию, Цейлон и даже на тропическую Африку, но не в Индию. В пределах двух градусов к северу от острова эти тропические черты (насколько известно) почти полностью исчезают, и из тысячи пятидесяти шести видов, описанных во *"Флоре Гонконга"*, в Японии было найдено только около восьмидесяти; таким образом, это указывает на то, что очень немногие из растений, которые, как известно, встречаются от Гималаев до Японии, растут к югу от Амоя. На двадцати девяти квадратных милях, составляющих площадь Гонконга, существует, по словам г-на Бентама, большее количество монотипических родов, чем в любой другой флоре с равной площади в мире; он приводит сравнительную таблицу флор Гонконга, Адена и острова Искья, примерно равных по площади, показывая тысячу три вида, растущих на первом, девяносто пять - на втором и семьсот девяносто два - на третьем. Соотношение древесных и травянистых видов на Гонконге составляет почти половину, в то время как на Искье - один к одиннадцати; при этом на Гонконге фактически меньше деревьев, чем на Искье. Из тысячи трех видов дикорастущих растений триста девяносто восемь встречаются в

тропической азиатской флоре, сто восемьдесят семь - на материке; сто пятьдесят девять - на острове.

ХВОЙНЫЕ И ТРАВЫ.

Многие виды хвойных деревьев приплывают в Кантон, их берут из Мей-Линга или привозят из Кванси; древесина используется для топлива, но больше для стропил и колонн в зданиях. Древесина горда Индии используется для изготовления шкафов; есть также много видов причудливой древесины, некоторые из которых импортируются, а больше - местные. *Нан мух*, или южное дерево, - великолепная порода лавра, распространенная в Сз'чуэне, которая противостоит времени и насекомым, - особенно ценна и предназначена для императорского использования. В столярном деле пригодны также сальпиния, розовое дерево, айговое дерево, а также камфара, вяз, ива и осина.

Люди собирают морские водоросли в огромных количествах, используя их в искусстве, а также в пищу; среди них *Gigartina tenax* - отличный материал для клея и лака. Ее варят, и полученный прозрачный клей наносят кисточкой на очень грубый шелк или тутовую бумагу, заполняя их материей и делая прозрачное покрытие для фонарей; его также используют для придания жесткости шелку и марле. Этот и другие виды фуци варят до состояния желе и используют в пищу; в торговле он известен под названием агар-агар. Толстые ветви ламинарии собирают на северных побережьях и импортируют из Японии. Среди других криптогамов давно известен татарский барашек (*Aspidium barometz*), столь наглядно описанный Дарвином в его Ботаническом саду; это отчасти искусственное произведение изобретательности китайских садоводов, воспользовавшихся естественными привычками растения, чтобы придать ему форму, напоминающую овцу или другой предмет.

Среди примечательных трав следует упомянуть зак или саксаул (*Haloxylon*) и *сульхир* (*Agriophyllum*), растущие в песчаных районах пустыни Гоби. Первое встречается по всей длине этого засушливого региона, растет на голом песке, обеспечивая путешественника сухим и готовым топливом из своих хрупких веток, в то время как его верблюды жадно объедают его безлистные, но сочные и колючие ветви. Монголы ставят свои палатки под его кровом, ища укрытия от ветров, и с удовольствием копаются в его корнях в поисках воды, задержанной их сочной природой, - чудесный дар Божий в самой мрачной пустыне. *Сульхир* еще более важен и является "даром пустыни". Он растет на голом песке, высотой около двух футов, колючее солончаковое растение, дающее в сентябре множество семян, питательных и приятных на вкус, пища для людей и зверей.

Список граммовых растений, выращиваемых для еды, велик; распространены рис, пшеница, ячмень, овес, маис, сахарный тростник, паника, сорго, колосовое и паническое просо, каждого вида по несколько сортов. Траву (*Phragmites*), растущую по берегам рек, тщательно срезают и сушат, чтобы потом сплести из нее коврики для пола; более грубый сорт, называемый *атап*, делают из бамбуковых щепок для крыш хижин, навесов и сараев. В более мягком климате на южных побережьях из этих материалов строят дешевые дома. Грубую траву и кустарник на холмах бедняки косят осенью на топливо, а когда холмы хорошо от травяного покрова, жнивье поджигают, чтобы обеспечить пепел для удобрения следующей культуры - эта операция имеет тенденцию держать холмы голыми от всех кустарников и деревьев.

БАМБУК - ЕГО КРАСОТА И ПОЛЬЗА.

Немногие, кто не видел, как растет бамбук в его родных краях, получают полное представление о его изяществе и красоте по фотографиям. Куст этой великолепной травы

постепенно разрастется новыми побегами до целой рощи, если следить за тем, чтобы срезать старые стебли по мере их полного созревания, не позволяя им цвести и давать семена; ведь как только семена достигнут совершенства, они, подобно другим травам, погибают под корень. Высота стеблей обычно достигает пятидесяти футов, а на индийских островах - семидесяти футов и выше, а диаметр у основания - десять или двенадцать дюймов. Дорога, усаженная ими, с их пернатыми струями, спускающимися над головой, представляет собой одну из самых красивых аллей, возможных в теплом климате.

В Китае промышленность и мастерство народа приумножили и увековечили множество сортов (один автор ограничился описанием шестидесяти из них), среди которых желтый, черный, зеленый, тонкий сорт для трубок и еще более тонкий - для карандашей, крупнолистовой и т. д. Применение этого растения настолько разнообразно, что перечислить их все нелегко. Побеги выходят из земли почти в полный рост, от четырех до шести дюймов в диаметре, и их срезают, как спаржу, чтобы есть в виде маринада или компота, а также варить или тушить. Оседлые буддийские священники выращивают эту постную пищу для себя или на продажу, а из суставов старых стволов извлекают табашир, который продается как драгоценное лекарство почти от всех болезней. Корни вырезают в виде фантастических и изобретательных изображений и подставок, разделяют на яйцевидные гадальные блоки, чтобы узнать волю богов, или обрезают в ручки фонарей, трости и зонтики.

Сужающиеся стволы используются для всех целей, для которых могут применяться столбы - для переноски, передвижения, поддержки и измерения, для чего их легкая, упругая, трубчатая структура, защищенная покрытием из кремнистой кожи и укрепленная толстой перегородкой в каждом суставе, подходит как нельзя лучше. Из них делают столбы и стойки домов, каркасы навесов, ребра парусов и валы граблей. Из них же делают заборы и всевозможные каркасы, курятники и клетки, плетни для абатисов, ребра для зонтов и вееров. Из листьев шьют плащи для фермеров и моряков, соломенные крыши для их хижин и лодок, пришивают подкладки для чайных коробок, плетут огромные зонты для защиты лоточников и их ларьков от солнца и дождя, а также покрытия для театров и сараев. Даже весь участок, на котором строится двухэтажный дом, обычно покрыт каркасом из бамбуковых столбов и *аттап* - так называется это покрытие из листьев, по его малайскому названию - все они связаны между собой ротангом и защищают рабочих и их работу от солнца и дождя.

Дерево, разрезанное на щепки нужных размеров и форм, плетут в корзины всех форм и причуд, шьют оконные занавески и дверные ширмы, плетут навесы и чехлы для чайных сундуков и сахарниц, скручивают в канаты. Стружка и скрученные нити помогают мягким вещам набивать подушки, а другие части служат постелью для сна, палочками для еды, трубкой для курения и метлой для подметания. Матрас, на котором можно лежать, стул, на котором можно сидеть, стол, на котором можно есть, пища, которую можно есть, и топливо, на котором ее можно готовить, также производятся из бамбука. Мастер делает из него свой ферул, плотник - мерку для ног, фермер - водопровод, оросительные колеса и грабли для соломы, бакалейщик - чашки для гильз и пинт, а мандарин - страшное орудие наказания. Это последнее применение настолько распространено, что само название растения вошло в наш язык для обозначения этого применения, и беднягу, которого *бьют бамбуком* за его преступления, таким образом учат, что законы нельзя нарушать безнаказанно.

Бумага для письма, книга для учебы, карандаш для письма, стаканчик для хранения карандашей и покрытие решетчатого окна вместо стекла - все они обязаны своим происхождением этой траве. Древко солдатского копья, а иногда и все копье, плектр для игры на лютне, тростник в местном органе, шпажка для закрепления волос, нижняя рубашка

для защиты тела, шляпа для защиты головы, ведро для черпания воды, кресло для отдыха, а также клетки для птиц, рыб, пчел, кузнечиков, креветок и тараканов, крабовые сети, рыболовные столбы, трубки для стрельбы, флейты, фифы, огниво и т. д., и т. д., - вот что можно сделать из этого растения, красота которого в период роста соизмерима с его пользой в срубленном виде. Десяток-другой бамбуковых столбов для балок и стропил, пятьдесят саженей ротанговых веревок, много пальмовых листьев и бамбуковых матов для крыши и боков - вот материал для обычного жилища на юге Китая. Его стоимость составляет около пяти долларов. Дома, построенные над ручьями или на низких берегах рек и морских пляжей, приподняты на несколько футов, а их полы аккуратно сделаны из расщепленного бамбука, сквозь который видна вода. Палубы, мачты, верфи и каркасы матов-парусов небольших лодок островитян Архипелага в большей или меньшей степени сделаны из этого полезного растения. На всем юге Азии оно входит в повседневную жизнь людей в их домашнем хозяйстве больше, чем что-либо другое, или чем любая другая вещь в любой части мира. Японцы поставляют нам веера, аккуратно сформированные, с ребрами и ручкой, из одной ветки бамбука, и покрытые бумагой из коры тутового дерева, а их мастерство проявляется в изысканном покрытии из тонких бамбуковых нитей, сплетенных вокруг чашек и блюдец.[207]

ПАЛЬМЫ, ЯМС, ПОДОРОЖНИК И Т.Д.

В древние времена финиковую пальму выращивали в Китае, но сейчас она неизвестна. Кокосовый орех процветает на Хайнане и прилегающих побережьях, где его плоды, листья и древесина находят широкое применение. Из ядра ореха вырезают разнообразную утварь, из койры прядут веревки, а из сока пьют тодди. Веерная пальма (*Chamærops*) - распространенная пальма в стране, два вида которой культивируются из-за жестких волокон, содержащихся в оболочках листьев, и из-за их широких листьев. Это волокно гораздо полезнее, чем волокно из шелухи кокосового ореха, так как оно более длинное и гладкое, и из него плетут веревки, циновки, плащи и щетки. Это дерево распространено на большей части территории провинций, являясь одним из самых декоративных и полезных деревьев. Другой сорт (*Caryota*) также дает волокно, используемое тем же способом, но его древесина более ценна; из ее древесины делают седановые тиллы. Еще одна разновидность - пальма талипот (*Borassus*), из листьев которой когда-то изготавливали материал для написания книг, как это делается сейчас в Сиаме.[208]

Культивируется несколько видов ароидных, среди которых распространены *Caladium cuculatum*, *Arum esculentum* и *Indicum*. Ценятся клубневидные корни *Sagittaria sinensis*; из корней этих растений и водяного каштана делают порошок, напоминающий корень стрелы. Сладкий флаг (*Calamus*) используется в медицине для получения пряного тепла. Стебли одного из видов *Juncus* собирают, тщательно вынимают и высушивают сердцевину для фитилей водяных ламп, а внутренние слои шляп из сердцевины обычно носят в южном Китае.

Обширная группа лилий содержит множество великолепных украшений оранжереи и сада, родом из Китая; некоторые из них являются продуктами питания. *Агапантус*, или голубая африканская лилия, четыре вида *Hemerocallis*, или дневной лилии, и душистая тубероза широко распространены в Кантоне; последняя широко культивируется для ароматизации цветков причудливого чая. Восемь или десять видов лилий (среди которых выделяются тигровая лилия в крапинку и белая незапятнанная) также украшают сады, а скромная коммелина с ее нежно-голубыми цветами украшает живые изгороди и дорожки. К этой

группе принадлежат многие аллиацетовые растения - лук, циветта, чеснок и т. д.; китайцы с удовольствием едят их на стол, так же как и восхищаются цветами их прекрасных и ароматных сородичей для букетов. Необычное краснолистное железное дерево (*Dracæna*) - распространенное украшение садов.

Ямс, или *та-шу* (т.е. "большой клубень"), мало распространен, хотя его полезные качества как продукта питания хорошо известны. Из той же группы (*Musales*), к которой принадлежит ямс, происходит заварное яблоко, один из немногих фруктов, завезенных из-за границы. Амариллисовые представлены многими красивыми видами кринума, нерина и амариллиса. Их невыгодная красота компенсируется простым, но полезным подорожником, который, как говорят, стоит перед картофелем и пальмой саго, производя наибольшее количество полезной пищи, пропорциональное его размеру, среди всех культурных растений.^[209] Существует множество сортов этого фрукта, некоторые из них настолько кислые, что требуют приготовления перед употреблением.

Приятное желудочное средство, имбирь, культивируется по всей стране и выставляется на продажу как зеленый овощ, для приправы к блюдам и в значительной степени для консервирования. Альпиния и канна, или индийский прострел, - обычные садовые цветы. Большая группа *Orchideæ* насчитывает девятнадцать родов, известных как уроженцы Китая, среди которых воздушные растения (*Vanda* и *Ærides*) являются большими любимцами. Их подвешивают в корзинах под деревьями, и они продолжают распускать свои цветы, постепенно сменяя друг друга, в течение многих недель, а весь уход заключается в ежедневном опрыскивании. Настоящие виды эридеса - одни из самых красивых представителей растительного мира, их цветы собраны в длинные соцветия нежной окраски и восхитительного аромата. Прекрасные виды *Bletia*, *Arundina*, *Spathoglottis* и *Cymbidium* распространены во влажных и возвышенных местах на островах возле Макао и Гонконга.

ЛЕСНЫЕ ДЕРЕВЬЯ, КОНОПЛЯ И Т.Д.

Многие виды сосны, кипариса и тиса, составляющие три отряда конусовидных растений, дают большую часть древесины и топлива. Лиственница встречается не так уж редко, а *Pinus massoniana* и *Cunninghamia* дают большую часть древесины сосны обыкновенной. Самым красивым представителем этого порядка в Китае является белая сосна (*Pinus bungiana*), характерная для Чили; ее ствол чисто белого цвета, а поскольку она ежегодно сбрасывает кору, то всегда выглядит как будто побеленной. Говорят, что возраст некоторых экземпляров в окрестностях Пекина достигает тысячи лет. Два представителя рода *Секвойя*, умеренного размера, встречаются вблизи Тибета. Можжевельник и туя часто выбираются садоводами, чтобы испытать свое мастерство, заставляя их расти в виде грубых изображений птиц и животных, причем цена этих диковинок пропорциональна их гротескности и сложности. Орехи девичьего дерева (*Salisburia adiantifolia*) употребляют в пищу, а листья иногда кладут в книги в качестве консерванта от насекомых.

Ивы - любимое растение, они вырастают до огромных размеров: Стонтон упоминал о некоторых из них, достигавших пятнадцати футов в обхвате; они затеняют дороги вблизи столицы, а одна из них - настоящая вавилонская ива; деревья выращивают для получения древесины и для сжигания в древесный уголь. Их листья, форма и повадки дают множество метафор поэтам и писателям; можно сказать, что в этом смысле дерево используется гораздо чаще, чем в любом другом. Дуб менее почитаем писателями, но ценность его древесины и коры хорошо известна; в стране произрастает несколько видов, один из которых, каштановый дуб, культивируется ради чашелистиков, используемых в красильном деле. Желуди используются для окраски и в медицине, а желуди некоторых видов

перемалываются в мельницах, мука размачивается в воде и превращается в фарниновую пасту. Некоторые миссионеры рассказывают о дубах высотой в сто футов, но такие гиганты в этом семействе встречаются редко. "Одно из самых больших и интересных деревьев, которое, - пишет Абель, - я назвал *Quercus densifolia*, напоминало лавр своей блестящей зеленой листвой. Оно имело ветви и листья в густой головке, венчающей голый и прямой стебель; его плоды росли на вертикальных шипах, заканчивающих ветви. Другой вид, вырастающий до пятидесяти футов в высоту, плодоносил на длинных, маятниковых шипах".

Каштан, грецкий орех и фундук вместе дают большой запас продуктов. Печи причудливой формы, имитирующие разъяренного льва, в которых жарят каштаны на улицах Пекина, привлекают внимание посетителей. Джек-фрут (*Artocarpus*) небезызвестен в Кантоне, но его мало используют. Существует множество видов баниана, но ни один из них не дает плодов, которые стоило бы срывать; португальцы завезли сюда обыкновенную смоковницу, но она не процветает. Бастард баниан - великолепное теневое дерево, его ветви иногда охватывают пространство в сто и более футов в поперечнике. Стены городов и жилых домов вскоре покрываются *фикусом*, и если оставить его без присмотра, то корни постепенно разрушают их. Бумажная шелковица (*Broussonetia*) широко культивируется в северных провинциях и служит беднякам главным материалом для окон. Лист шелковицы обыкновенной является главным объектом ее культуры, но плоды употребляют в пищу, а древесину сжигают для получения черной краски для индийских чернил.

Коноплю (*Cannabis*) выращивают ради ее волокон, а из семян получают масло, используемое в бытовых целях и для приготовления лекарств; опьяняющее вещество под названием *банг*, производимое в Индии, неизвестно в Китае. Семейство Протеиновые (*Proteaceae*) содержит *Элеококку сердцевидную* (*Eleococca cordata*), или *Бу-мунг*, любимое дерево китайцев за его красоту, твердую древесину и масло, добываемое из его семян. К этому же семейству принадлежит *и стиллингия*; это симметричное дерево родом из всех восточных провинций, где его выращивают ради талового масла; оно напоминает осину по форме и цвету листьев, а также по общему контуру. Клещевина выращивается как живая изгородь, а семена используются как на кухне, так и в аптеках.

Из рода Гиппурии (*Hippurinae*) получают водяные калтропы (*Trapa*), семена которых продаются на улицах как плод после варки; одно из местных названий - "плод головы буйвола", на который поразительно похожи нераскрывшиеся орехи. Черный перец импортируется не столько как специя, сколько как настойка, которую принимают при лихорадке. Перец бетель культивируется ради его листьев, которые жуют вместе с орехом бетель. В окрестностях Кантона нередко встречается кувшинка (*Nepenthes*), называемая свиной корзиной; ее листья, или асцидии, имеют немалое сходство с открытыми корзинами, используемыми для переноски свиней.

РЕВЕНЬ, БОБОВЫЕ И ДР.

Многие виды трибы *Rumicinae* выращиваются в качестве овощей, среди которых можно перечислить шпинат, зеленый базилик, свеклу, амарант, петушиный гребень, метлицу (*Kochia*), гречиху и т. д. Два вида *Polygonum* выращивают ради синего красителя, получаемого из листьев, который, как и индиго, извлекается путем мацерации. Гречневую крупу готовят в пищу, отваривая ее, как просо; одно из местных названий означает "треугольная пшеница". Мука также используется в кондитерском деле. Петушиный гребень вызывает восхищение у китайцев, в чьих садах растет несколько великолепных сортов. Ревень - член этого полезного племени, и его в больших количествах привозят из Кансуха и Коко-нора, где за его повадками недавно наблюдал Прежевальский. Корень выкапывается

китайцами и тангутами в сентябре и октябре, сушится в тени и перевозится по Желтой реке в прибрежные города, где европейцы платят за него от шести до десяти раз дороже, чем на горных рынках.[210] Китайцы считают, что остальные мира зависят от них в плане чая и ревения, и поэтому их жители вынуждены прибегать к ним, чтобы найти средства избавить себя от непосильных расходов. Этот аргумент использовал комиссар Линь в 1840 году, когда рекомендовал ввести определенные ограничительные правила для внешней торговли, поскольку предполагал, что купцы из-за границы будут вынуждены покупать их по любой цене.

Порядок *Ilicinæ*, или остролист, дает несколько родов *Rhamneæ*, плоды которых часто можно увидеть на столах. Зизифус дает так называемые китайские финики[211] в огромных количествах в северных провинциях. Мясистые цветоносы ховении употребляют в пищу; они распространены в юго-восточных провинциях. Листья *Rhamnus theezans* - одно из многих растений, собираемых бедняками в качестве заменителя настоящего чая. Плод, называемый китайской оливой, получаемый из пимелы, совершенно не похож на богатую оливу средиземноморских стран и является ее плохой заменой.[212]

Бобовые занимают важное место в китайской ботанике, давая много пищевых овощей и ценных продуктов. Гороха и фасоли в Китае едят, пожалуй, больше, чем в любой другой стране, а сою готовят в основном из сои или долихоса. Один из способов приготовления этой приправы заключается в том, что бобы очищают от кожицы и перемалывают в муку, которую смешивают с водой и порошком гипса или куркумы. Ее едят в виде желе или творога, а также в пирогах, и редко какая трапеза обходится без нее в том или ином виде. Один из родов этого племени дает индиго, а из почек и листьев вида *Colutea*, как говорят, получают зеленый краситель. Лакрица ценится в медицине, а красные семена *Abrus precatorius* собирают для украшения. Пуансиану и баухинию выращивают ради их цветов, а эритрина и кассия - одни из самых великолепных цветущих деревьев на юге.

ПЛОДОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ И ЦВЕТУЩИЕ РАСТЕНИЯ.

Плоды в целом уступают по вкусу и размеру тем же названиям на западе. Известно несколько сортов груш, слив, персиков и абрикосов; вполне вероятно, что родиной каждого из этих фруктов является Китай, а некоторые из сортов не уступают тем, которые можно найти где угодно. Эрман[213] упоминает о яблоке или ястребе, которое растет "длинными гроздьями, круглое, размером с вишню, красного цвета и очень сладкого вкуса", в изобилии встречающееся в окрестностях Кяхты. Многочисленные виды *Amygdalus* выращивают ради их цветов; на Новый год распускающиеся стебли цветущего миндаля, нарцисса, сливы, персика и колокольчика (*Enkianthus reticulatus*) заставляют распускаться, чтобы выставить на всеобщее обозрение, как указывающие на удачу в наступающем году. Яблоки и айва, как правило, лишены того аромата, который ищут в других странах, но лу-кух, или локват, - приятный кислый весенний фрукт. Гранат выращивают в основном ради его красоты как цветущего растения, а гуаву и Евгению, или розовое яблоко, продают на рынке или делают из них желе. Роза очень любима китайцами и широко культивируется; двадцать видов, а также множество сортов, являются уроженцами этой страны; роза Бэнкса выращивается и обучается с большим мастерством. Среди декоративных растений в садах также встречаются спирея, или лиана, мирт, квисквалис, лавсония, или хна, белые, пурпурные и красные сорта крап-мирта, или лагерстремии, гортензия, страстоцвет и комнатный лук. Немногие деревья в любой стране в период цветения выглядят более элегантно, чем лагерстремии. Гордость Индии и китайский тамарикс также являются красивыми цветущими

деревьями. Образцы кактусов и цереусов, содержащие пятьдесят или более великолепных цветков в полном цвету, не редкость в Макао в августе.

В изобилии растут арбуз, огурец, сквош, помидор, бринжал или баклажан и другие огородные овощи; таловая тыква (*Benincasa cerifera*) примечательна тем, что ее поверхность покрыта восковым выделением, пахнущим канифолью. Высушенную бутылочную тыкву (*Cucurbita lagenaria*) привязывают к спинам детей на лодках, чтобы помочь им плыть, если они по несчастью упадут за борт. Плоды и листья папау, или *мух ква*, "древесной дыни", едят после приготовления; китайцы знают о возбуждающем свойстве выделений из листьев этого дерева и иногда используют их для смягчения плоти древних кур и петухов, подвешивая только что убитых птиц на дереве или предварительно накормив их плодами. Карамболу (*Averrhoa*), или древовидный крыжовник, китайцы охотно едят, но иностранцы не жалуют; само дерево также является украшением любых увеселительных заведений.

Женьшень встречается в диком виде в лесах Маньчжурии, где его собирают отряды солдат, специально выделенные для этой цели; эти районы считаются императорскими заповедниками, а лекарство хранится как правительственная монополия. Импорт американского корня не сильно мешает имперским продажам, так как китайцы полностью уверены, что их собственное растение намного лучше. Среди многочисленных растений семейства мальвовых и розовых (*Dianthaceæ*), примечательных своей красотой или пользой, можно упомянуть *Lychnis coronata*, пять видов розовых, *Althæa Chinensis*, восемь видов гибискуса и другие мальвовые цветы; хлопковое дерево (*Salvia*) широко распространено в Кантоне; мясистые лепестки иногда готовят в пищу, а шелковистые тычинки сушат для набивки подушек. *Gossypium herbaceum* и *Pachyrrhizus* служат материалом для производства хлопка и травяной ткани; оба эти растения культивируются в большинстве районов Китая. Последний представляет собой вьющееся бобовое растение, культивируемое с далекой древности, и до сих пор выращивается ради волокон, из которых ткнут лен. Из лепестков *гибискуса розового* (*Hibiscus rosa-sinensis*) получают черную жидкость для окрашивания бровей, а в Батавии их используют для полировки обуви. Плоды *гибискуса охры*, или *океры*, готовят к столу различными способами.

Камелия японская относится к тому же роду, что и гибискус, и ее изящные цветы вызывают восхищение как у жителей ее родной страны, так и у цветоводов за рубежом; перечислены тридцать или сорок сортов, многие из которых неизвестны за пределами Китая, а китайские садоводы также не знают о значительной части тех, что встречаются в наших оранжереях. Этот цветок выращивают исключительно ради его красоты, но другие виды камелий разводят ради их семян, масло из которых пригодно для многих бытовых и механических целей. Из волокон одного из видов вальтерии, растения того же племени, делают тонкую ткань, а *пентапетус финикийский*, или "полуденный цветок", является обычным украшением садов.

В широко распространенном роде *Ranunculiacæ* много представителей, некоторые из которых приносят пользу своей древесиной, другие - плодами или восхищают своей красотой, а некоторые ценятся за свои лечебные свойства. Существует восемь видов магнолии, все они великолепные цветущие растения; кора *магнолии юлан* используется как жаропонижающее средство. Сосуды с семенами *Ilicium anisatum*, или звездчатого аниса, собирают из-за их пряного тепла и аромата. *Artabotrys odoratissimus* и *Unona odorata* культивируются ради их благоухания. Еще один фаворит - *моу-ман*, или древовидный пион, выращиваемый ради его крупных и пестрых цветков; его название *hwa wang*, или "король цветов", указывает на то, как высоко он ценится. Мастерство местных садоводов позволило вывести множество сортов, и их терпение вознаграждается высокими ценами на прекрасные

экземпляры. Хорошие имитации цветущих растений иногда делают из бумаги. Клематис, наперстянка, *берберис китайский* и великолепный лотос принадлежат к этому племени; последний, одно из самых знаменитых растений Азии, китайцы больше почитают за его съедобные корни, чем за религиозные ассоциации. *Actæa aspera* иногда собирают, как и камыш для чистки оловянных сосудов, для чего хорошо подходят его шиповатые листья.

Группы, включающие мак, горчицу, капусту, кресс-салат и многие декоративные виды, составляют важную часть местного сельского хозяйства. Мак стал распространенной культурой во всех провинциях, вытеснив полезные злаки благодаря своей большей ценности и выгоде. В пищу употребляются листья многих крестоцветных растений, как культурных, так и диких; в восточных провинциях из одного вида (*Isatis*) получают прекрасный синий краситель; разнообразие и количество такой пищи, потребляемой китайцами, вероятно, превышает таковое у любого другого народа. Другой род, *Rutaceæ*, содержит апельсины и теньковки, а также некоторые очень ароматные кустарники, такие как *Murraya exotica* и *paniculata*, и *Aglaia odorata*; в то время как пузырчатое дерево (*Koelreuteria*) представляет собой большую достопримечательность, когда вся его поверхность блестит золотыми цветами. Распространенным и превосходным плодом является кукуй (*Cookia punctata*), т.е. желтокожий. Семена гледичии, помимо очистительной ценности, носят в качестве бус, "потому что, - говорят буддисты, - все демоны боятся этого дерева"; одно из названий означает "предотвращение зла". Два местных фрукта, *личи* и *лунган*, по своим свойствам близки к сапину; а *фун-шу*, или ликвидамбар, и многие виды кленов, а также декоративный кустарник *Pittosporum tobira* можно упомянуть среди растений, используемых в пищу или используемых в качестве древесины.

ДЕКОРАТИВНЫЕ РАСТЕНИЯ И Т.Д.

Эти краткие сведения о китайских растениях можно завершить упоминанием некоторых наиболее декоративных, о которых ранее не говорилось; но все красивые сорта вскоре вводятся в западные оранжереи предприимчивыми цветоводами. К обширному роду *Rubiaceæ* относятся несколько видов жимолости и душистый вибурнум, напоминающий снежный ком. Серисса выращивается вокруг клумб, похожих на ящики; *иксора кокцинея* и другие виды этого рода - одни из распространенных садовых кустарников. Семена двух или трех видов полыни собирают, высушивают и превращают в пух, чтобы сжечь в качестве настоящего прижигания. Высушенные веточки часто сплетают в веревку, которую медленно распускают, чтобы отгонять комаров. Из *Carthamus tinctorius* готовят прекрасный красный краситель. Суккори, латук, одуванчик и другие цикориевые растения, как дикорастущие, так и культивируемые, служат пищей, а бесчисленные сорта хризантем и астр разводят для красоты.

Род *Labiatae* включает множество видов, некоторые из которых культивируются; а род *Solanaceæ*, или пасленовые, содержит томат, картофель, табак, страмонию и несколько видов *Capsicum*, или красного перца. Спорили, является ли табак местным или иностранным, но филологические аргументы и исторические заметки доказывают, что и это растение, и маис были завезены в течение полувека после открытия Америки, или примерно в 1530 году. Китайцы сушат листья и режут их на кусочки для курения; нюхательный табак получается более грубым и менее резким, чем шотландский; говорят, что к нему иногда примешивают порошкообразную киноварь.

Среди *Convolvulaceæ* много красивых видов *Ipomea*, особенно кипарисовая лоза, или *квामоклит*, растущая у домов даже самых бедных людей. *Ипомея морская* (*Ipomea maritima*)

встречается на песчаных пляжах вдоль побережья от Хайнаня до Чусана и Люйшу. *Convolvulus reptans* высаживают по краям водоемов на окраинах деревень и полей ради его сочных листьев. В семейство наркотических Аросупеæ входят олеандр и плюмерия, ценимые за их аромат; желтый молочай (*Asclepias curassavica*) и *Vinca rosea*, или красный барвинок, - менее заметные, но не лишенные привлекательности представители той же группы. Жасмин - заслуженный фаворит, гроздь его цветов женщины часто наматывают на волосы и сажают в горшки у себя дома. *Olea fragrans*, или *kwei hwa*, культивируется для ароматизации чая.

В восточных провинциях холмы украшены желтыми и красными азиями великолепного оттенка, особенно вокруг Нинпо и в Чусане. "Мало кто, - говорит мистер Форчун, - может составить представление о великолепной красоте этих покрытых азиями холмов, где со всех сторон взгляд упирается в массы цветов ослепительной яркости и непревзойденной красоты. Не только азии вызывают наше восхищение; клематисы, дикие розы, жимолости и сотни других растений смешиваются с ними и заставляют нас признать, что Китай - это действительно "центральная цветущая страна"."^[214]

ПУН-ЦАО, ИЛИ КИТАЙСКАЯ ТРАВА.

Несколько замечаний о достижениях самих китайцев в изучении естественной истории, взятых из их великого труда по медицинской медицине, "Пун цао", или "Траволечение", станут подходящим завершением этой главы. Эта работа обычно переплетена в сорок томов формата octavo, разделенных на пятьдесят две главы, и содержит множество ценных наблюдений, смешанных с большим количеством неверных и бесполезных сведений; а поскольку те, кто читает эту книгу, не обладают достаточными знаниями, чтобы отличить истинное от частично или полностью неверного, ее репутация в значительной степени способствует увековечению ошибок. Составитель "Пун цао" Ли Ши-чин потратил тридцать лет на сбор всей информации по этим вопросам, существовавшей в его время, методично упорядочил ее для популярного использования, добавив свои собственные наблюдения, и опубликовал ее около 1590 года. Он проконсультировался примерно с восемьюстами предшествующими авторами, из которых отобрал тысячу пятьсот восемнадцать рецептов и добавил триста семьдесят четыре новых, расположив свои материалы в пятидесяти двух книгах в методичной и (для своего времени) научной манере. Но как далеко отстают от него труды Плиния и Диоскорида! Ядром творчества Ли является небольшой труд, который традиция приписывает Синнунгу, богу земледелия, и который, несомненно, относится к периоду до династии Хань. Его сочинение было хорошо принято и привлекло внимание императора, который приказал выпустить несколько последующих изданий за счет государства. По сути, это было настолько большим прогрессом по сравнению со всеми предыдущими книгами, что он проверил будущих писателей в этой области, и теперь Ли, вероятно, является первым и последним чисто отечественным критическим писателем по естественным наукам на своем родном языке.

Первые два тома содержат сборник предисловий и указателей, а также многочисленные заметки по теории анатомии и медицины и три книги живописных иллюстраций самого грубого вида. Главы I. и II. состоят из вводных замечаний по медицинской практике и указателя рецептов, содержащихся в работе, названной "Уверенное руководство к мириадам рецептов"; все это заполняет первые семь томов. Главы III и IV содержат списки лекарств для лечения всех болезней, занимая три с половиной тома и составляя терапевтическую часть работы, за исключением трактата о пульсе в последнем томе.

В последующих главах автор тщательно обходит весь спектр природы, сначала давая правильное название и его объяснение; затем следуют описательные замечания, перемежающиеся решениями сомнений и исправлениями ошибок, завершающиеся заметками об аромате, вкусе и применении рецептов, в которых они используются. Главы V. и VI. посвящены неорганическим веществам - воде и огню, а главы VII-XI - минералам: земле, металлам, драгоценным камням и камням. Вода делится на воздушную и земную, *то есть* из облаков, а также из источников, океана и т. д. Огонь рассматривается в одиннадцати видах, среди которых пламя угля, бамбука, моксы и т. д. Глава о земле включает в себя выделения различных животных, а также сажу, чернила и т.д.; глава о металлах включает в себя металлические вещества и их обычные оксиды; о драгоценных камнях говорится в следующем разделе. Одиннадцатая глава, в истинно китайском стиле, объединяет то, что не удалось поместить в предыдущие разделы, включая соли, минералы и т. д. Рассматривая это расположение, можно обнаружить сходство между ним и классификацией иероглифов в самом языке, что свидетельствует о влиянии, которое это оказало на него; так, *хо, шуй, ту, кин, юх, ши* и *лу*, или огонь, вода, земля, металлы, драгоценные камни, камни и соли, - это семь радикалов, под которыми классифицируются названия неорганических веществ в императорском словаре. Подобное сходство прослеживается и в других частях "Травника".

БОТАНИКА ТРАВ.

В главах с XII по XXXVII включительно рассматривается растительное царство в рамках пяти *лу*, или "подразделений", а именно: травы, злаки, овощи, фрукты и деревья, которые снова подразделяются на *луи*, или "семейства", хотя члены этих семейств имеют не больше общего друг с другом, чем разнородная семья египетского работаровца. Самый низкий термин в китайской научной шкале - *чунг*, который иногда включает в себя род, но довольно часто соответствует виду или даже разновидности, как понимал эти термины Линней.

Первый раздел трав включает девять семейств, а именно: растения холмов, пахучие, болотные, вредные, пахучие или лазающие, водные, каменистые и моховые, а также девятое из ста шестидесяти двух различных растений, не используемых в медицине, что в общей сложности составляет шестьсот семьдесят восемь видов. В этой классификации среда обитания является наиболее влиятельным принципом расположения семейств, а термин *цао*, или "травы", обозначает то, что не употребляется в пищу или используется в искусстве, или то, что не достигает масштабов дерева.

Второй отдел зерновых включает четыре семейства, а именно: 1 - конопля, сезам, гречиха, пшеница, рис и т. д.; 2 - просо, маис, опиум и т. д.; 3 - бобовые растения, пульса, горох, вика и т. д.; и 4 - бродильные вещества, такие как бобовый творог, вареный рис, вино, дрожжи, закваска, хлеб и т. д., которые, поскольку они используются в медицине и производятся из овощей, наиболее естественно отнести к этому месту. Первые три семейства охватывают тридцать девять видов, а последнее - двадцать девять статей.

Третье подразделение кухонных трав включает пять семейств: 1 - наступательные острые растения, такие как лук-порей, горчица, имбирь; 2 - мягкие и слизистые растения, такие как одуванчики, лилии, ростки бамбука; 3 - овощи, плодоносящие на земле, такие как помидоры, баклажаны, дыни; 4 - водные овощи; 5 - грибы и грибицы. Всего насчитывается сто тридцать три вида, и часть каждого из них употребляется в пищу.

Четвертый отдел фруктов включает семь семейств: 1, пять плодов, слива, персик, абрикос, каштан и финик (*Rhamnus*); 2, плоды холмов, как апельсин, груша, цитрон, хурма; 3,

иностранные плоды, как кокосовый орех, личи, карамбола; 4, ароматические плоды, как перец, кубеба, чай; 5, прицепные плоды, как дыни, виноград, сахарный тростник; 6, водные плоды, как водные калтропы, водяная лилия, водяные каштаны и т. д.; и 7, плоды, не используемые в медицине, например, кипрей. Всего сто сорок семь видов.

Пятый отдел деревьев состоит из шести семейств: 1 - пахучие деревья, как сосна, кассия, алоэ, камфора; 2 - величественные деревья, как ива, тамарикс, вяз, мыльнянка, пальма, тополь, юлибриссин или шелковое дерево; 3 - роскошно растущие деревья, как шелковица, хлопок, церцис, гардения, бомбакс, гибискус; 4 - паразиты или то, что прикрепляется к деревьям, как омела, пахима и янтарь; 5 - гибкие растения, например, бамбук; в этом семействе всего четыре вида; 6 - включает то, что исключают остальные пять, хотя можно было бы предположить, что второе и третье семейства достаточно обширны, чтобы содержать почти все разнообразные растения. Число видов составляет сто девяносто восемь. Таким образом, все ботанические предметы классифицируются по пяти отделам, тридцати одному семейству и тысяче ста девяноста пяти видам, не считая всех бродильных.

Расположение ботанических символов в языке не так хорошо соответствует этому, как расположение неорганических веществ. Самой большой группой в системе языка является *цао*, которая включает в себя в целом все травянистые растения, не используемые в пищу. Вторая, *му*, включает все деревья и кустарники, а бамбук, ввиду его большой полезности, стоит особняком, хотя иероглифы в основном обозначают названия изделий из бамбука. Не менее четырех радикалов - рис, пшеница, просо и зерно - служат главами, под которыми располагаются семенные травы; следовательно, существует множество синонимов и излишних различий. В одно семейство входят бобы, в другое - бобовые; в одно - огуречные растения, в другое - аллиасовые, в четвертое - конопляные; важность этих растений как предметов питания или производства, несомненно, послужила причиной их выделения. Таким образом, все растительные вещества распределены в языке по одиннадцати различным разделам.

ЗООЛОГИЯ И НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ЛОШАДЬЮ.

Зоологическая группировка в "Пун цао" столь же груба и ненаучна, как и в случае с растениями. В ней пять *лу*, или отделов, а именно: насекомые, чешуйчатые, панцирные, пернатые и волосатые животные. Первый отдел включает четыре семейства: 1 и 2 - насекомые, рождающиеся из яиц, как пчелы и шелкопряды, бабочки и пауки; 3 - насекомые, получаемые путем метаморфозы, как светящиеся черви, кротовые сверчки, жуки; 4 - водные насекомые, как жабы, сороконожки и т. д. Второй отдел включает четыре семейства: 1 - драконы, включая маниса, "единственную рыбу, у которой есть ноги"; 2 - змеи; 3 - рыбы, имеющие чешую; 4 - бесчешуйчатые рыбы, такие как угорь, каракатица, креветка. В третьем отделе представлены черепахи и моллюски, в том числе морские звезды, эхинусы, раки-отшельники и т. д. Четвертый отдел содержит птиц, относящихся к четырём семействам: 1 - водоплавающие, такие как цапли, царь-рыбы и т. д.; 2 - вересковые, воробьи и фазаны; 3 - лесные, такие как сороки, вороны; 4 - дикие, такие как орлы и ястребы. Звери составляют пятый отдел, который также состоит из четырех семейств: 1 - девять одомашненных животных и их продукты; 2 - дикие животные, такие как львы, олени, выдры; 3 - грызуны, такие как белка, еж, крыса; и 4 - обезьяны и феи. Число видов в этих пяти отделах составляет триста девяносто один, но описано всего триста двадцать различных объектов, поскольку икра, жир, шерсть, экзювиэ и т.д. животных рассматриваются отдельно.

Шестнадцать зоологических символов в языке не так далеки от того, чтобы быть типами классов, как одиннадцать ботанических. Девять из них относятся к млекопитающим, а

именно: тигр, собака и леопард - к плотоядным; крыса - к грызунам; бык, овца и олень - к жвачным; лошадь и боров - к пахидерматозным. Птицы в основном относятся к одному коренному роду *niao*, но существует подсемейство короткохвостых галловых птиц, хотя в этом делении существует большая путаница. Рыбы образуют одну группу, в которую неправомерно включают крабов, ящериц, китов и змей, хотя большинство последних помещают вместе с насекомыми, а то и под драконами. Черепаха, жаба и дракон являются видами трех небольших коллекций, а насекомые входят в шестнадцатую и последнюю. Эти группы, хотя и содержат много аномалий, как и следовало ожидать, все же достаточно естественны, чтобы научить тех, кто пишет на этом языке, чему-то об окружающем их мире. Так, увидев, что новый иероглиф содержит в своем составе радикал *dog*, человек будет уверен, что это не птица, не рыба, не жук, не какое-либо животное из племени пахидерматозных, шейных или жвачных, хотя он, возможно, никогда не видел этого животного и не слышал его названия. Эта особенность проходит через весь язык, но в других группах, например, под радикалами "мужчина", "женщина" и "ребенок", или "сердце", "рука", "нога" и т. д., символы включают в себя ментальные и страстные эмоции, а также действия и имена, так что тип недостаточно показателен, чтобы передать определенное представление о словах, входящих в него; названия природных объектов наиболее легко устроены таким образом.

Между рассказами о растениях и животных в "Травнике" есть одна глава, посвященная одежде и домашней утвари, поскольку такие вещи "используются в медицине и делаются из растений". Остальные главы, XXXIX.-LII., посвящены животным, как было отмечено выше. Свойства объектов, о которых идет речь, рассматриваются в очень методичной манере, так что студент может сразу же обратиться к растению или минералу и выяснить его достоинства. Например, информация об истории и применении лошади содержится в двадцати четырех разделах. В первом объясняется иероглиф "ма", который изначально был призван изобразить очертания животного. Во втором описываются разновидности лошадей, лучшие виды для использования в медицине, и даются их краткие описания для руководства практикующему врачу. "Чисто белые - лучшие для медицины. Те, что встречаются на юге и востоке, маленькие и слабые. Возраст можно узнать по зубам. Глаз отражает полный образ человека. Если он будет есть рис, его ноги станут тяжелыми; если крысиный помет, его живот вырастет длинным; если его зубы будут натерты мертвыми шелкопрядами или черными сливами, он не будет есть, и если шкура крысы или волка будет повешена в его яслях. Ему нельзя давать есть из свиного корыта, чтобы он не заболел; а если в хлеву держать обезьяну, он не заболеет".

В третьем разделе говорится о плоти, которая является предметом питания; плоть чистого белого жеребца - самая полезная. Один из авторов рекомендует "есть миндаль и принимать камышовый отвар, если человек чувствует себя некомфортно после еды из конской плоти. Ее следует жарить и есть с имбирем и свининой; а если съесть плоть черной лошади и не запить ее вином, то это непременно приведет к смерти". В четвертом разделе описывается корона лошади, "жир которой сладок и хорош для того, чтобы волосы росли, а лицо сияло". В пятом и последующих разделах до двадцати четвертого говорится о целебных свойствах и способе экспонирования молока, сердца, легких, печени, почек, плаценты, зубов, костей, кожи, гривы, хвоста, мозгов, крови, пота и экскрементов.

Некоторые из указаний являются диетическими, а другие - предписывающими. "Когда ешь конскую плоть, не ешь печень", - одно из первых, данное из-за отсутствия желчного пузыря в печени, который импортирует ее ядовитые свойства. "Сердце белой лошади или свиньи, коровы или курицы, высушенное и растертое в спирт и принятое таким образом, лечит

забывчивость; если пациент слышит одну вещь, он знает десять". "Над коленями у лошади есть *ночные глаза* (бородавки), которые позволяют ей идти ночью; они полезны при зубной боли"; эти разделы относятся как к описательным, так и к предписывающим. Другой медицинский раздел гласит: "Если человек беспокойный и истеричный, когда хочет спать, и нужно его уложить, пусть смешает пепел черепа с водой и даст ему, и пусть у него будет череп в качестве подушки, и это его вылечит". Похоже, что лошадиному копыту, подвешенному в доме, приписываются те же консервирующие свойства, что и подкове, прибитой к двери, по мнению тех, кто должен знать лучше.^[215] Весь этот обширный труд обильно посыпан подобными причудами, но медицинская практика китайцев намного лучше их теорий; ведь, как справедливо замечает Ремюзат, "хорошо видеть и ложно рассуждать не совсем несовместимы, и натуралисты Китая, так же как химики и врачи наших древних школ, иногда пытались примирить их".

ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В КИТАЕ.

Еще один труд по ботанике, помимо "Травника", вышедший в 1848 году, заслуживает внимания благодаря своим исследованиям и превосходным рисункам. Это "Чих Вух Минг-ши Ту-као", или "Исследования названий и достоинств растений", с табличками, в шестидесяти томах. Тысяча семьсот пятнадцать рисунков растений с описанием каждого из них расположены в одиннадцати книгах, а медицинские и сельскохозяйственные наблюдения за наиболее важными из них - в четырех книгах. Одним из ценных моментов для иностранца является терминология, предложенная двумя авторами для описания частей и применения растений. В 1828 году Ремюзат прочитал работу "О состоянии естественных наук у восточных народов", в которой он указывает на положение, достигнутое китайцами в их исследованиях природы и назначения окружающих их предметов. Рассказав о приспособлении языка к тому, чтобы, исходя из его строения, передавать некоторые общие представления о живой и растительной природе, он отмечает склонность их писателей к теоретизированию, вместо того чтобы довольствоваться изучением и фиксацией фактов. "Вместо того чтобы изучать устройство тел, они берутся рассуждать, как оно должно быть, и эта цель не редко уводит их далеко от предложенной ими цели. Одна из самых странных ошибок среди них связана с превращением существ друг в друга, которое возникло из популярных историй или плохо проведенных наблюдений за метаморфозами насекомых. К грубым предрассудкам добавились заученные нелепости; то, во что верили вульгарные люди, философы пытались объяснить, и нет ничего проще, согласно восточным системам космогонии, в которых простая материя, бесконечно разнообразная, проявляет себя во всех существах. Изменения затрагивают лишь видимые свойства тел, или, скорее, сами тела имеют лишь видимость; согласно этим принципам, они не удивляются, видя электрический флюид или даже звезды, превращенные в камни, как это происходит при падении аэролитов. То, что одушевленные существа становятся неодушевленными, доказывают окаменелости и окаменелости. Лед, заключенный в землю на тысячелетие, превращается в горный хрусталь; и нужно только, чтобы свинец, *отец* всех металлов (как Сатурн, его алхимический тип, был богом), прошел через четыре периода по два столетия каждый, чтобы последовательно стать киноварью, оловом и серебром. Весной крыса превращается в перепелку, а перепелки снова становятся крысами в течение восьмого месяца.

"Стиль, в котором рассказывается об этих чудесах, то и дело несколько двусмыслен; но если они считают часть из них доказанными, то не видят ничего действительно невозможного в других. Один натуралист, менее доверчивый, чем его собрат, довольно усмехается над другим автором, который сообщает о метаморфозе иволги в крота и риса в карпа; "Это смешная история, - говорит он, - есть доказательства только превращения крыс в перепелов,

о котором сообщается в альманахе и которое я сам часто видел, ибо существует непрерывная прогрессия, как превращений, так и поколений". Животные, по мнению китайцев, являются живородящими, как четвероногие, или яйцекладущими, как птицы; они растут путем превращений, как насекомые, или под воздействием влажности, как улитки, слизни и многоножки..... Успех таких систем почти всегда несомненен, и не только в Китае, потому что там легче поставить слова на место вещей, не останавливаясь ни перед чем и иметь готовые формулы для решения всех вопросов. Таким образом, они сформировали научный жаргон, который, как можно подумать, был заимствован из наших темных веков, и который внес мощный вклад в сохранение знаний в Китае в той пелене, в которой мы находим их сейчас. Опыт учит, что, когда человеческий разум однажды втягивается в ложный путь, для того чтобы вывести его из него, требуются века и помощь гениального человека. В Китае не было недостатка в веках, но человеку, чье высшее просвещение могло бы рассеять эти обманчивые проблески, будет очень трудно оказывать это счастливое влияние до тех пор, пока их политические институты будут привлекать все их пытливые умы или энергичные интеллекты вдали от научных исследований к литературным экзаменам или ставить перед ними почести и работу, которые несут с собой функции и детали магистерских назначений."[216]

КОНСЕРВАТИЗМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Это последнее замечание в значительной степени объясняет неподвижность китайцев во всех областях науки; тяжелый труд отнимает энергию и время у невежественной массы, а подражание в борьбе за официальное достоинство расходует и извращает таланты ученых. Кроме того, сам их язык удручает самых увлеченных студентов, изучающих эту область знаний, из-за своей расплывчатости и отсутствия устоявшихся терминов. Когда китайцам будут преподаны живительные и укрепляющие истины Откровения, а его принципы будут применяться в их среде, мы можем ожидать большей бодрости в их умах и большей пользы в их исследованиях чудес природы.

ГЛАВА VII.

ЗАКОНЫ КИТАЯ И ПЛАН ЕГО УПРАВЛЕНИЯ.

Рассмотрение теории и практики китайского правительства привлекает внимание умного человека по нескольким причинам, среди которых - признанная древность, множество людей, которыми оно управляет, и сравнительное спокойствие, которым наслаждаются его подданные. Правительство языческого народа так сильно зависит от личного характера руководителя, а народ так склонен путать учреждения с людьми, либо из-за несовершенного знакомства с природой этих учреждений, либо из-за того, что в силу необходимости или привычки его легко направляют и подталкивают к действию коварные и могущественные люди, что долгое существование китайского государства является доказательством как его адаптации к привычкам и состоянию народа, так и его общего хорошего управления. Однако древность и совершенство такого правительства и его упорядоченное управление могли бы быть гораздо выше, чем в Китае, если бы к нему не был проявлен тот интерес, который в настоящее время проявляется в этой империи в связи с огромным населением, чьи жизни и имущество, питание и благополучие зависят от него в такой большой степени. То, что

вначале было скорее чувством любопытства, постепенно перерастает в благоговение, когда видны столь значительные пагубные результаты неправильного управления или благотворные последствия справедливого правления.

ТЕОРИЯ КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Теория китайского правительства, несомненно, патриархальная; император - отец, его чиновники - ответственные старейшины провинций, департаментов и районов, как каждый отец в семье - ее обитателей. Возможно, такая теория существует и в других государствах, но нигде она не была так тщательно проработана и не применялась так последовательно и в течение столь длительного периода времени, как в Китае. Две причины, взаимно влияющие друг на друга, в большей степени, чем что-либо другое, объединили усилия, чтобы придать эффективность этой теории. Древнее правление Ю и Шуня[217] было строго, насколько известно, патриархальным вождейством, дарованным им за их прекрасный характер; а их преемники при Ю из династии Хиа считались получающими свою власть от Неба, которому они были подчинены за ее хорошее использование. Когда Чингтанг, основатель династии Шан, 1766 г. до н. э., и У Ванг, из династии Чау, 1122 г. до н. э., взяли за оружие против императоров, оправданием было то, что они не выполнили постановления Неба и тем самым лишились права на престол.

Обучая своим принципам политической этики, Конфуций ссылаясь на поведение древних царей как для доказательства правильности своих наставлений, так и для аргументации их соблюдения. Большое число последователей Конфуция при его жизни свидетельствует о том, что его соотечественники соглашались с правильностью его учения. Этим можно объяснить их прием, проиллюстрированный высоким характером мудреца; но только по прошествии двух или трех столетий правители Китая осознали, какую большую безопасность обеспечит принятие и распространение этих доктрин. Поэтому они обратили свое внимание на воплощение этих предписаний в законы и на то, чтобы основать на них государственные институты; во время всех потрясений и войн, которые будоражили страну и меняли царствующие семьи, эти труды сделали больше, чем что-либо другое, чтобы поддержать институты китайцев и придать им характер и постоянство. Образование было основано на них, и те, кто, будучи студентами, учились принимать и почитать их как оракулы политической мудрости, приступая к исполнению своих служебных обязанностей, старались, по крайней мере в некоторой степени, следовать их принципам. Таким образом, предписание и практика взаимно изменяли, поддерживали и укрепляли друг друга.

Но эта цивилизация - азиатская, а не европейская, языческая, а не христианская. Китайские институты деспотичны, несовершенны и основаны на неверных принципах. В них может быть элемент стабильности, но не совершенствования. Патриархальная теория не делает мужчин благородными, правдивыми и добрыми; она не ставит женщину в правильное положение и не учит все классы их обязательствам перед Создателем; удивительно для тех, кто знает силу злых страстей в человеческой груди, что эта огромная масса человечества не хуже. Чтобы обнаружить причины такой стабильности, мы должны заглянуть в его структуру, поскольку здесь нет ни постоянной армии для принуждения, ни механизма государственной религии для принуждения к повиновению суверену. Краткий обзор покажет, что главные принципы, благодаря которым нынешняя администрация сохраняет свою власть над народом, заключаются в системе *строгого надзора* и *взаимной ответственности* всех классов. Их эффективности способствуют географическая изоляция страны, замечательный дух верной

гордости за свою историю, а также общая система политического образования и официальных экзаменов.

Эти два принципа подкрепляются такой мельчайшей градацией рангов и соподчинением должностей, что придают правительству более военный характер, чем кажется на первый взгляд, а вся система такова, что делает его одной из самых несмешанных олигархий, существующих в настоящее время. Это как сеть, простирающаяся по всему лицу общества, каждый индивидуум изолирован в своей ячейке, но ответственно связан со всеми вокруг него. Человек, который знает, что практически невозможно, кроме как путем полного уединения, вырваться из компании тайных или признанных эмиссаров правительства, будет остерегаться нарушать законы страны, зная, что, если он сам спасется, то его семья, родственники или соседи пострадают за его проступок; Что если он не сможет возместить ущерб пострадавшим, то возвращаться домой ему будет опасно, а если и вернется, то, скорее всего, обнаружит свое имущество во владении соседей или чиновников, которые почувствуют себя уверенно, грабя того, чьи преступления навечно поставили его под запрет.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, СТРАХ И ИЗОЛЯЦИЯ.

В результате воздействия этих двух причин на народные массы они испытывают сильный страх перед правительством, как перед его чиновниками, так и перед его деятельностью; каждый человек считает, что безопасность лучше всего обеспечивать, держась в стороне от обоих. Такое взаимное наблюдение и ответственность, хотя и лишь частично распространенные на всю толпу, неизбежно подрывают доверие и вселяют всеобщее недоверие; в то время как цель полной изоляции, хотя и за счет справедливости, правды, честности и естественной привязанности, - это то, чего правительство стремится достичь и в значительной степени достигает. В сознании необразованных людей правительство представляет собой некий вечно присутствующий ужас, подобный дамоклову мечу; и этот неопределенный страх перед каким-либо неблагоприятным результатом, связанным с ним, настолько противодействует реальной силе китайцев, что с ним можно связать большую часть их безразличия к улучшениям, довольства тем, что уже известно и чем они владеют, и покорности мелкой несправедливости и разорению.

Недоверие друг к другу и страх перед полицией удерживают людей от разумного объединения для сопротивления правительственным поборам, противоречащим принципам справедливости, или от объединения со своими правителями для поддержания порядка; ни в Китае, ни в других азиатских странах никогда не было таких людей и таких случаев, как Джон Хэмпден, попавший в тюрьму за отказ подписаться на принудительный заем, или Томас Уильямс и его товарищи, выбросившие чай за борт в бостонской гавани. Они боятся нелегальных обществ не только из-за жестокости, которую это же недоверие побуждает лидеров проявлять к непокорным или подозрительным членам, но и из-за опасения ареста и наказания со стороны регулярных властей. Таким образом, при состоянии общества, временами находящегося на грани восстания, эта масса людей сдерживается тройным пуповиной ответственности, страха и изоляции, каждая из которых усиливает другую, и все они во многом зависят от характера людей. Поскольку все правительственные чиновники получили свое интеллектуальное воспитание, будучи простолюдинами, под этими влияниями, легко понять, почему верховная власть так не любит совершенствования и иностранных сношений - по обоим этим причинам, по правде говоря, монарх имеет наибольшие основания страх, чтобы очарование его власти не ослабло и скипетр не пропал.

Однако у всеобщего спокойствия есть и другое объяснение. Оно объясняется отчасти распространением политического образования среди народа - обучением его принципам, на которых основано всякое правительство, и причинам этих принципов, вытекающим из патриархальной теории, - а отчасти его кропотливым, трудолюбивым характером. Краткое изложение устройства и разделения центрального и провинциального правительств, их взаимоотношений, а также различных обязанностей, возлагаемых на департаменты и чиновников, в большей степени продемонстрирует действие этих принципов.

Хотя император рассматривается как глава этой великой организации, как маховик, который приводит в движение другие колеса машины, он все же считается обязанным править в соответствии с кодексом страны; и когда есть известный закон, хотя и источник права, от него ожидают, что он будет следовать ему в своих указах. Китайские законы образуют здание, фундамент которого был заложен Ли Квэй двадцать веков назад. С тех пор сменяющие друг друга династии строили его, добавляя, изменяя, снося и собирая воедино в зависимости от обстоятельств. Народ высоко ценит этот кодекс, "и все, чего он, кажется, желает, - это его справедливого и беспристрастного исполнения, независимого от капризов и не подверженного влиянию коррупции". То, что законы Китая, напротив, очень часто нарушаются теми, кто является их администраторами и хранителями конституции, к сожалению, не подлежит сомнению; но в какой степени, по сравнению с законами других стран, в настоящее время остается только догадываться: в то же время можно отметить, как нечто в пользу китайской системы, что есть серьезные основания полагать, что ни вопиющие, ни повторяющиеся акты несправедливости, на самом деле, часто, в любом звании или должности, в конечном итоге остаются безнаказанными." [218] Сэр Джордж Стонтон обладает достаточной квалификацией, чтобы высказываться по этому вопросу, и его мнение было подтверждено большинством тех, кто имел возможность судить о подобном; а его перевод Кодекса дал всем заинтересованным в этом вопросе лицам возможность убедиться в принципах, на которых якобы действует правительство.

Этот свод законов называется Та Цин Лиух Ли, *то есть* "Уставы и рескрипты Великой Чистой Династии", и содержит все законы империи. Они расположены по семи основным разделам, а именно: Общие, Гражданские, Налоговые, Ритуальные, Военные и Уголовные законы, а также законы, касающиеся общественных работ; и разделены на четыреста тридцать шесть разделов, называемых *liuh*, или "уставы", к которым добавляются *lí*, или современные положения, ограничивающие, объясняющие или изменяющие их; в настоящее время они гораздо более многочисленны, чем первоначальные уставы. Новое издание публикуется каждые пять лет; при переиздании 1830 года император приказал Верховному суду вносить лишь незначительные изменения, чтобы хитрые тяжущиеся стороны не воспользовались расхождениями между новым и старым законом в своих целях. Это издание в двадцати восьми томах является одной из наиболее часто встречающихся книг в магазинах любого города. Положения прилагаются к каждому статуту и имеют одинаковую силу. Для общего пользования не публикуются официальные отчеты о делах и решениях провинциальных или верховных судов, хотя их учет ведется в том суде, где они были вынесены; публикация таких судебных решений в качестве руководства для офицеров небезызвестна. К изданию 1799 года была приложена обширная коллекция примечаний, комментариев и дел, иллюстрирующих практику и теорию законов.

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС КИТАЯ.

Краткая выдержка из первоначального предисловия к Кодексу, опубликованного в 1647 году, всего через три года после вступления на престол маньчжурских императоров, объяснит принципы, на которых он был составлен. Отметив неудобства, связанные с необходимостью

отягчать или смягчать приговоры магистратов, которые до восстановления подлинного кодекса уголовных законов не имели никаких фиксированных правил, на которых они могли бы строить справедливое решение, император Шуньчи переходит к описанию способа пересмотра кодекса:

"По нашему приказу в столице было собрано многочисленное собрание магистратов для пересмотра уголовного кодекса, действовавшего ранее при покойной династии Мин, и его переработки в новый кодекс путем исключения из него тех частей, которые представляли собой исключения, и введения других, которые могли бы способствовать достижению справедливости и общему совершенству работы. Результат их трудов был представлен на наше рассмотрение, мы тщательно взвесили и рассмотрели различные вопросы, содержащиеся в нем, а затем поручили избранному числу наших великих государственных чиновников тщательно пересмотреть весь кодекс, с целью внесения таких изменений и дополнений, которые еще могут оказаться необходимыми. Поэтому, поскольку он теперь опубликован, пусть это будет вашей великой заботой, должностные лица и магистраты внутренних и внешних департаментов нашей империи, усердно соблюдать его и в будущем не выносить никаких решений или приговоров в соответствии с вашими частными чувствами или на основании вашего неподкрепленного авторитета. Таким образом, магистраты и народ будут с благоговением и покорностью взирать на справедливость этих учреждений, поскольку они, соответственно, имеют к ним отношение; нарушитель не преминет понести строгое наказание за свои преступления и станет орудием, удерживающим других от подобных проступков; наконец, и чиновники, и народ будут одинаково обеспечены на бесконечные поколения в пользовании счастливыми последствиями великих и благородных добродетелей наших прославленных предков."

ОБЩИЕ, ГРАЖДАНСКИЕ И НАЛОГОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Под заголовком "Общие законы" находятся сорок семь разделов, содержащих принципы и определения, применимые ко всему государству, а также некоторые необычные понятия о справедливости и преступности. Описание пяти обычных наказаний, определение десяти преступлений, связанных с государственной изменой, правила для восьми привилегированных классов и общие указания относительно поведения правительственных чиновников - вот что рассматривается в этой главе. Раздел XLIV называется "О решении дел, не предусмотренных законом"; правило гласит, что "такие дела могут быть определены путем точного сравнения с другими, которые уже предусмотрены и которые наиболее близки к расследуемым, чтобы впоследствии установить, в какой степени отягчение или смягчение наказания будет справедливым. Соответствующий этому предварительный приговор должен быть представлен высшим магистратам и, получив их одобрение, передан на окончательное решение императора. Любое ошибочное решение, которое может быть вынесено вследствие принятия более краткого способа разбирательства дел сомнительного характера, должно быть наказано как умышленное отступление от правосудия". Это, конечно, дает большую свободу действий магистрату, и поскольку ему разрешено принимать решения и действовать до того, как новый закон будет подтвержден или отменен, главные сдерживающие факторы его несправедливости в таких случаях (которые, однако, не так уж многочисленны) заключаются в страхе перед апелляцией и ее последствиями или суммарной репрессией со стороны пострадавших сторон.

Шесть оставшихся разделов относятся к шести административным советам правительства. Второй содержит Гражданские законы, состоящие из двадцати восьми разделов и разделенные на две книги, одна из которых касается системы управления, а другая - поведения магистратов и т. д. Регулируется наследственное наследование чинов и титулов, а

также устанавливаются наказания для тех, кто незаконно присвоил себе эти почести. Большинство знати Китая - маньчжуры, и ни одно из наследственных достоинств, существовавших до завоевания, не было признано, за исключением тех, что принадлежали семье Конфуция. Неправильная рекомендация неподходящих лиц в качестве достойных высоких почестей, назначение и смещение офицеров без санкции императора, а также оставление должностей без надлежащего разрешения - вот основные вопросы, регулируемые в первой книге. Вторая книга содержит правила, касающиеся вмешательства высших магистратов в судопроизводство низших судов, а также запреты на кабалы и изменнические комбинации среди офицеров, которые, разумеется, являются смертными преступлениями; все лица, находящиеся на службе государства, обязаны знакомиться с законами, и даже частные лица, "которые оказываются способными объяснить природу и понять цели законов, получают помилование во всех преступлениях, происходящих чисто случайно или вменяемых им только в вину другим, если это будет первое преступление".

Третий раздел "Фискальные законы", состоящий из восьмидесяти двух разделов, содержит правила регистрации людей, наследования и наследства; также законы о регулировании браков между различными классами общества, об охране амбаров и казначейств, о предотвращении и наказании контрабанды, о сдерживании ростовщичества и о надзоре за цехами. Раздел LXXVI предписывает, чтобы люди и семьи действительно представляли свою профессию в жизни, и запрещает им потворствовать смене рода занятий; "поколение за поколением они не должны менять или изменять ее". Однако это правило постоянно нарушается. Раздел XC. освобождает от налогообложения здания литературных и религиозных учреждений. Общая цель законов, касающихся владения недвижимостью, - обеспечить обработку всей занимаемой земли и регулярную уплату налога. Собственник в некоторых случаях может быть лишен своих земель за то, что не обрабатывает их, и хотя фактически он является простым владельцем, он во многом ограничен в распоряжении ими по завещанию и лишается их в случае неуплаты налогов.

РИТУАЛЬНЫЕ, ВОЕННЫЕ И УГОЛОВНЫЕ ЗАКОНЫ.

Четвертый раздел "Ритуальные законы", состоящий из двадцати шести разделов, содержит предписания о государственных жертвоприношениях и церемониях, о поклонении предкам, а также обо всем, что относится к гетеродоксальным и магическим сектам или учителям. Тяжелые наказания, грозящие в некоторых из этих разделов всем незаконным объединениям под видом новой формы культа, представляют собой интересное сходство с ограничениями, изданными английскими, французскими и немецкими князьями во время и после Реформации. Китайские власти испытывали тот же страх, опасаясь, что народ соберется и посоветуется, как ему противостоять. Даже шествия в честь богов могут быть запрещены по веским причинам, а в Пекине они вообще не разрешены; кроме того, обряды, соблюдаемые императором, не могут имитироваться никакими посторонними лицами; женщинам не разрешается собираться в храмах, а магам - совершать странные заклинания. Лишь немногие из этих законов действительно необходимы, а те, что направлены против незаконных сект, на самом деле направлены против политических объединений, которые обычно принимают религиозное обличье.

Пятый отдел "Военные законы", состоящий из семидесяти одного раздела, предусматривает охрану дворца и управление армией, охрану пограничных переходов, управление императорским скотом и пересылку депеш курьерами. Некоторые из этих указов устанавливают правила охраны личности императора, расположения его телохранителей и войск во дворце, столице и по всей империи. Разделы, касающиеся управления армией, включают в себя правила полиции городов; а те, что предназначены для защиты границ,

включают в себя все постановления против иностранных сношений, некоторые из которых уже были упомянуты вскользь. Поставки лошадей и скота для армии имеют важное значение и тщательно регламентированы; один из законов предписывает всем лицам, владеющим порочными и опасными животными, сдерживать их, а если по недосмотру будет убит или ранен какой-либо человек, владелец животного должен освободить себя от наказания за непредумышленное убийство, заплатив штраф. Это положение о принуждении владельцев непокорных зверей к надлежащей сдержанности по отношению к ним подобно тому, что было изложено Моисеем в Исходе XXI, 29, 30. Пока еще нет общего почтового отделения, но правительственные курьеры часто забирают частные письма; местная почта надежно перевозится экспресс-компаниями. Необходимая скорость передвижения официальной почты составляет сто миль в день, но обычно она проходит не более половины этого расстояния. Правительственным чиновникам дается девяносто дней на путешествие из Пекина в Кантон, расстояние в двенадцатьсот миль, но курьеры часто преодолевают его за двенадцать дней.

Шестой раздел, посвященный уголовным законам, состоит из одиннадцати книг, содержащих в общей сложности сто семьдесят разделов, и является самым важным из всех. Пункты, содержащиеся в некоторых разделах, многочисленны и показывают, что преступления остаются безнаказанными не из-за отсутствия надлежащих законов или недостаточных угроз. Книги этого раздела посвящены разбою, в который включены государственная измена и отказ от верности; убийству и убийствам; ссорам и дракам; оскорбительным выражениям; обвинениям, неповиновению родителям и ложным обвинениям; взяточничеству и коррупции; подделкам и мошенничеству; кровосмешению и прелюбодеянию; арестам и побегам преступников, их заключению в тюрьму и казни; и, наконец, разным преступлениям.

В разделе CCCXXIX. предписывается, что тот, кто виновен в оскорблении своего отца или матери, или родителей отца, или жены, которая ругает родителей или дедушек и бабушек своего мужа, должен быть задушен; при условии, что оскорбленные сами жалуются в *magistrate* и лично слышали обращенные к ним слова. Этот закон в отношении детей такой же, как и тот, что содержится в Левите XX, 9, и власть, данная здесь родителю, кажется, не может привести к злу. Раздел CCCLXXXI. содержит ссылку на "частное замалчивание публичных преступлений", но его наказания по большей части являются мертвой буквой, а полный отчет о различных способах, принятых в судах для изъятия дел из ведения начальства, составил бы необычную главу в китайской юриспруденции. Поэтому те, кто отказывается от любого предложения прекратить дела, пользуются большой популярностью в народе. Другой раздел (CCCLXXXVI.) предписывает, что тот, кто виновен в неправильном поведении, противоречащем духу законов, но не нарушающем какую-либо конкретную статью, должен быть наказан по меньшей мере сорока ударами, а в случае серьезного характера - восемьдесятю. Некоторые положения этой части кодекса заслуживают похвалы, но ни одна часть китайского законодательства не отличается такой жестокостью и нерегулярностью, как уголовная юриспруденция. Разрешение, данное судье пытать преступника, открывает двери для многих бесчеловечных действий.

Седьмой раздел содержит тринадцать разделов, касающихся общественных работ и путей, таких как ткачество запрещенных образцов шелка, ремонт дамб и строительство зданий для правительства. Все общественные резиденции, зернохранилища, казначейства и мануфактуры, набережные и дамбы рек и каналов, форты, стены и мавзолеи должны часто

осматриваться и содержаться в ремонте. Бедность или казнокрадство делают многие из этих законов недействительными, и многие уловки часто практикуются управляющими, чтобы прикарманить как можно больше средств. Один офицер, получив приказ отремонтировать стену, заставил рабочих пройти по ней и обтесать грани оставшихся камней, а затем заштукатурить дыры.

Помимо этих законов и их многочисленных пунктов, каждый высший чиновник провинции имеет право издавать указы по таким общественным вопросам, которые требуют регулирования, некоторые из них касаются даже жизни и смерти, либо возрождая какой-либо старый закон, либо применяя его к рассматриваемому им случаю с такими изменениями, которые кажутся необходимыми. Он должен докладывать об этих актах соответствующему совету в Пекине". Ни одно такое распоряжение, имеющее на время силу закона, не отменяется формально, а постепенно предается забвению, пока обстоятельства вновь не потребуют его повторения. Такой способ издания уставов порождает в деревнях своего рода общий и неписаный закон, которому совет старейшин иногда заставляет подчиняться отдельных людей; давняя практика также является еще одним основанием для их принудительного исполнения.

КРИТИКА КОДЕКСА.

И все же, несмотря на все пытки и наказания, разрешенные законом, и все жестокости, которые добавляют к преступникам раздраженные офицеры или алчные подчиненные и тюремщики, широкий обзор китайского законодательства, судя по его результатам и общему виду общества, производит впечатление администрации, намного превосходящей другие азиатские страны. Благоприятное сравнение было сделано в "Эдинбургском обозрении":^[219] "Самым замечательным в этом кодексе является его большая разумность, ясность и последовательность, деловая краткость и прямота различных положений, а также простота и умеренность, в которых они выражены. Здесь нет ничего от чудовищного *многословия* большинства других азиатских произведений, ни суеверного бреда, ни убогой бессвязности, ни грандиозных *несоответствий* и вечных повторений этих оракульных представлений - нет даже назойливого превозношения, накопленных эпитетов, и утомительного самовосхваления других восточных деспотий, но спокойный, краткий и четкий ряд постановлений, благоухающих практической рассудительностью и европейским здравым смыслом, и если не всегда соответствующих нашим усовершенствованным представлениям о целесообразности, то в целом приближающихся к ним больше, чем кодексы большинства других народов. Когда мы переходим от бреда Зендавесты или Пуран к здоровому и деловому тону этого китайского сборника, мы, кажется, переходим от тьмы к свету, от разврата отупения к упражнению улучшенного понимания; и избыточные и абсурдно подробные, как эти законы во многих частностях, мы едва ли знаем какой-либо европейский кодекс, который был бы одновременно столь обильным и столь последовательным, или который был бы так почти свободен от замысловатости, фанатизма и вымысла. Во всем, что касается политической свободы или индивидуальной независимости, он действительно ужасно несовершенен; но для подавления беспорядков и мягкого принуждения огромного населения он представляется столь же мягким и эффективным. Состояние общества, для которого оно было создано, представляется, кстати, низким и жалким; но разве могли его создатели придумать более мудрое средство для поддержания мира и спокойствия?"

Эта похвала в определенной степени справедлива, но практика законодательства в Китае, вероятно, не была существенно улучшена одним лишь наличием разумного свода законов, хотя некоторые улучшения в юриспруденции были достигнуты.^[220] Применение варварских

наказаний, таких как ослепление, отрезание носа, ушей или других частей тела, до сих пор нередких в Персии и Турции, в Китае не допускается и не практикуется; а правительство в случае мелких преступлений довольствуется лишь позорным выставлением на столб или каторгой, которые не несут в себе никакого унижения.

Недостатки этого замечательного свода законов проистекают из нескольких источников. В нем не определена степень свободы, которую можно смело предоставить подданному, а его права неизвестны в законе. Правительство деспотично, но, не имея в своих руках действенной военной силы, законодатели прибегают к мелочному законодательству в отношении практики социальных и относительных добродетелей и обязанностей, что мешает их соблюдению; хотя следует помнить, что здесь нет кафедры или субботней школы, чтобы разъяснять и навязывать их из высшего кодекса, и законы должны быть главным руководством в большинстве случаев. Кодекс также демонстрирует внимание к мелочам и попытку предусмотреть все возможные случайности, что должно озадачивать судью, когда он имеет дело с бесконечными оттенками различий, встречающихся в человеческих действиях. В настоящее время существует множество неясных и устаревших статуты, готовых послужить ручкой для преследования преступников ради удовлетворения личной неприязни; и хотя обычаи и прецеденты доказывают их неиспользование, злонамеренность и подкуп могут легко возродить их и применить к делу.

ВЛИЯНИЕ ЗАКОНОВ НА ОБЩЕСТВО.

В целом этот кодекс не может быть обвинен в жестокости, за исключением случаев измены императору, хотя многие из законов, похоже, предназначены для действия главным образом *in terrorem*, и наказание назначается более строгое, чем то, которое действительно должно быть назначено, с той целью, чтобы император мог проявить милосердие или, как он говорит, "снисхождение, выходящее за рамки закона". Принцип, по которому это делается, очевиден, а распространенность этой практики доказывает, что такое проявление милосердия имеет свой эффект. Законы Китая - это не совсем бессмысленные слова, хотя степень эффективности их исполнения подвержена бесконечным колебаниям; одни чиновники мягки, другие суровы; Народ в одних провинциях трудолюбив и миролюбив, в других - неспокоен и не любит спокойных занятий, так что можно составить более справедливое представление об их управлении, рассматривая результаты в общем аспекте общества и оценивая дерево по его плодам, чем делая выводы, применимые ко всей государственной машине, из отдельных случаев угнетения и неповиновения, как это часто случалось с путешественниками и писателями.

Предлагаемое здесь общее рассмотрение китайского правительства может быть удобно рассмотрено по разделам: император и его двор, классы общества, различные ветви верховной администрации, провинциальные власти и исполнение законов.

АТРИБУТЫ КИТАЙСКОГО ИМПЕРАТОРА.

Во главе всего стоит император, и если обладание огромной властью и почти беспредельное почитание могут дать счастье, то его можно смело считать самым счастливым из живущих смертных; хотя его власть имеет множество сдержек, и почитание, оказываемое ему, в некоторой степени пропорционально верности, с которой он исполняет указы небес. "Император - единственный глава китайской конституции и правительства; он считается заместителем Неба, специально избранным для управления всеми народами; он верховный во всем, обладая одновременно высшей законодательной и исполнительной властью, без ограничений и контроля". И он, и папа римский претендуют на роль заместителя небес и толкователя их указов для всего мира, и эти два правителя подражают друг другу в принятии

высокомерных титулов. Самое распространенное название, используемое для обозначения императора в государственных бумагах и среди народа, - *hwangtí*, или "августейший государь"; оно определяется как "название того, кто обладает полным *virtues* и способен действовать на основе небесных принципов".^[221] Далее этот титул определяется как означающий небо: "Небо не говорит, но четыре времени года сменяют друг друга, и все вещи появляются на свет. Итак, три августейших (Фуши, Синнунг и Хванти) спустились на землю, и, не произнося ни слова, народ склонился перед их владычеством; их добродетель была непостижима и безгранична, как августейшее небо, и потому они назывались *августейшими*".

Среди многочисленных титулов, которыми наделяют монарха, можно упомянуть *hwang shang*, "возвышенный"; *tien hwang*, "небесный возвышенный"; *shing hwang*, "мудрый и возвышенный", *то есть* безграничный в знаниях и совершенный в добродетели; *tien tí*, "небесный государь"; *shing tí*, "священный государь", поскольку он способен действовать на основе небесных принципов. Его также называют *tien tsz'*, "сын неба", поскольку небо - его отец, а земля - мать, и *shing tien tsz'*, "мудрый сын неба", поскольку он рожден от неба и обладает бесконечным знанием; эти термины даны ему как правителю мира по дару небес. К нему даже обращаются, а иногда и называют себя, под обозначениями, относящимися исключительно к Небу. *Wan sui yé*, "господин десяти тысяч лет", - термин, используемый, когда говорят о нем или приближаются к нему, подобно словам "О царь, живи вечно!", обращенным к древним царям Персии. *Pí hia*, "под подножием", - подхалимское обращение к его придворным, как будто они достойны находиться только на краю его подножия.

Император обычно обозначает себя терминами *chin* - "сам", *kwa jin* - "одиноким человек", или "единственный человек", и *kwa kiun* - "одиноким принц". Иностранные писатели наделили его множеством нелепых титулов, таких как Брат Солнца и Луны, Внук Звезд, Царь Царей и т. д., но среди его подданных таких эпитетов не встречается. Его дворец имеет различные названия, такие как зал аудиенций, золотой дворец, девятый вход, киноарный проспект, киноарный зал, радужный зал, запретный павильон, пунцовый и запретный дворец, драгоценные ступени, золотые ступени, меридианный портал, драгоценный проспект, небесные ступени, небесный двор, великий интерьер, кленовый павильон, королевский дом и т. д. Видеть его - значит видеть лицо дракона; трон называется "троном дракона", а также "божественной утварью", *то есть* тем, что дано ему небесами, чтобы сидеть в нем, исполняя свою божественную миссию; его лицо называется телом дракона, а на его одежде, как на гербе, изображен пятиглавый дракон, который никто не может использовать или имитировать. Так Старый Дракон, можно сказать, обвинил себя вокруг императора Китая, одного из величайших держателей его власти в этом мире, и ухитрился добиться того, что через него ему поклоняется треть человечества.

Император является источником власти, званий, почестей и привилегий для всех, кто находится в его владениях, которые называются *tien hia*, что означает "все под небом", и до недавнего времени даже высшие офицеры невежественно полагали, что они включают в себя все человечество. Как на небе может быть только одно солнце, так и на земле может быть только один *хванти*, источник и распределитель благ для всего мира.^[222] Та же абсолютная исполнительная власть, которой он обладает, передана в руки его наместников и генерал-губернаторов, чтобы они осуществляли ее в пределах своей юрисдикции. Он - глава религии и единственный, кто имеет право поклоняться небесам; он - источник закона и податель милости; никакое право не может быть противопоставлено его благоволению, никакое требование не может быть предъявлено ему, никакая привилегия не может быть защищена от его гнева. Все силы и доходы империи принадлежат ему, и он вправе требовать

услуг всех мужчин в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет. Короче говоря, вся империя - его собственность, и единственными сдерживающими факторами его деспотизма являются общественное мнение, отсутствие эффективной постоянной армии, бедность и продажность проводников его власти.

Когда маньчжуры оказались во владении Пекина, они рассматривали это положение как полное право принять на себя все императорские права. Их государь так объявил о своем возвышении в ноябре 1644 года: "Я, Сын Неба, из династии Та-цин, смиренно, как подданный, осмеливаюсь объявить императору Неба и государю Земли. Хотя мир огромен, Шанти смотрит на всех бесстрастно. Мой императорский дед получил милостивый указ Неба и основал на Востоке царство, которое прочно утвердилось. Мой императорский отец, наследовав царство, расширил его, и я, слуга Неба, в своей бедной персоне стал наследником переданного ими владычества. Когда династия Мин подходила к концу, предатели и жестокие люди появлялись толпами, вовлекая народ в страдания. Китай остался без правителя. Мне выпало с благоговением принять на себя ответственность за продолжение благородного дела моих предков. Я спас народ, уничтожил его угнетателей и теперь, в соответствии с желаниями всех, устанавливаю урну империи в Ен-кинге..... Я, получая благосклонность Неба и в соответствии с их желаниями, объявляю Небу, что взошел на трон Империи, что имя, которое я избрал для нее, - Великая Чистая, а стиль моего правления - *Шунь-чи* ("Послушное правление"). Я благоговейно прошу Небо и Землю защитить и помочь Империи, дабы бедствиям и беспорядкам вскоре пришел конец, и на земле воцарился всеобщий мир. Об этом я смиренно молю и о принятии этой жертвы".

ЛИЧНОЕ ИМЯ И ТИТУЛЫ ИМПЕРАТОРА.

Нынешний император - девятый из династии Цин, правившей в Китае. *Цин* означает "чистый", и был взят маньчжурами в качестве отличительного термина для их новой династии, намекая на чистоту справедливости, которую они намеревались поддерживать в своей власти. Некоторые основатели древних династий получали свое династическое имя от своих родовых поместий, например *Сун*, *Хань*, *Чан* и т. д., но более поздние династии приняли такие имена, как *Юэнь*, или "Первородный", *Мин*, или "Знатный", и т. д., которые указывают на их тщеславие.

Нынешний монарх еще несовершеннолетний, и делами правления номинально руководит вдовствующая императрица, которая занимала тот же пост во время несовершеннолетия его предшественника Тунгчи. Фамилия царствующей семьи - *Гиоро*, или "Золотой", происходит от имени их родового вождя, Айсин Гиоро, которого они выдают за сына божественной девы. Они являются прямыми потомками кино, грубой расы, которая вытеснила китайских правителей и заняла северные провинции около 1130 года, сделав Пекин своей столицей на долгие годы. С приходом монголов они были оттеснены на восток и сохранили лишь номинальную независимость; сменив название с Нючи на Манджуры, они постепенно увеличивали численность, но не принимали реального значения, пока не стали хозяевами Китая. Признанным основателем царствующего дома был вождь Хиен-цзы (1583-1615), чьи потомки получили общее название *Цун-ши*, или "императорский клан". Второй император еще более ограничил клан, дав каждому из своих двадцати четырех сыновей личное имя из двух иероглифов, первый из которых, Юнь, был одинаковым для всех. Для последующих поколений он приказал использовать серию иероглифов для всех членов каждого из них, так что во всех их разветвлениях первое имя должно было показывать их положение. Имя самого Канхи было *Хиуэн*, затем следовали *Юн*, *Хунг*, *Юнг*, *Мьен*, *Йих* и *Цай*, причем последний и нынешний государь оба носили имя *Цай*. Все, кто носит это имя, являются прямыми

потомками Канхи. С тех пор как были введены эти семь родовых имен, еще восемь были выбраны для будущего использования императорскими отпрысками.

Чтобы еще больше различать тех, кто наиболее близок по крови, как сыновья, племянники и т.д., необходимо, чтобы вторые имена каждой семьи всегда состояли из символов под одним и тем же радикалом. Так, Киакинг и его братья писали свои первые имена *Yung*, а под радикалом *gun* - второе; Таукванг и его братья и кузены *Mien*, а под радикалом *heart*. По какой-то необъяснимой причине радикалы *шелк* и *золото*, выбранные для вторых имен следующих двух поколений, были заменены на *слова* и *вода*. Эту особенность легко представить в китайских иероглифах; сравнение можно провести на английском языке с предполагаемыми именами семьи сыновей, такими как Луи Эдуард, Луи Эдвин, Луи Эдви, Луи Эдгар и т. д., слово *Луи* соответствует *Миену*, а слог *Эд* - радикалу *сердце*.

Личное имя нынешнего императора - Цай-тянь, и, как и имена его предшественников, оно считается слишком священным, чтобы произносить его или писать иероглифы в общепринятой форме. Такое же почтение наблюдается и к именам после смерти, так что со времени начала правления маньчжурских монархов было изменено двенадцать иероглифов; Хиуэн-ва, которое было личным именем Канхи, навсегда изменилось в своем образовании. Нынешний государь родился 15 августа 1871 года и 12 января 1875 года сменил своего двоюродного брата Цайшуна, который умер без потомства - первый случай в семье Гиоро за почти три столетия. В это время произошла некоторая задержка в решении вопроса о том, кто из его двоюродных братьев должен занять драконий трон, когда объединенный совет принцев под руководством матери покойного императора усыновил ее племянника, сына принца Чуна. За малышом послали ночью, чтобы его сразу же приветствовали как *хвангти*, и вскоре его привели к ним, крещенного и сонного, чтобы он начал свое правление под именем Квангсю, или "Славный наследник".

КВОХ-ХАО И МЯО-ХАО.

Этот титул называется *kwoh hao*, или национальное обозначение, и более соответствует имени, которое новый Папа принимает вместе с тиарой, чем что-либо другое в западных странах. Он выражает идею, которую монарх хочет связать со своим правлением, и является именем, под которым он известен своим подданным в течение всей своей жизни. Некоторые писатели называют его *периодом*, но, хотя это не совсем его имя, период не так корректен, как *правление*. В иностранных книгах его приравнивают к личному имени, и проще сказать "император Таукванг", чем "период Таукванг" или "правление Таукванг", или еще проще написать, как это сделал Уэйд, "император Миен-Нинг, стиль правления которого был Тау Кванг", или, как это сделал Легге, сказать "император Узор, период Юнчин". В таких случаях не стоит стремиться к строгой точности в вопросе, столь не похожем на западные традиции.

Использование *квох-хао* началось с Вэнь-ти, династии Хань,^[223] до н. э. 179, и продолжалось с тех пор. Некоторые из ранних монархов меняли свои *kwoh hao* много раз в течение своего правления; например, Као-цзун (650-684 гг. н.э.) имел тринадцать в течение тридцати четырех лет, что побудило историков использовать *miao hao*, или имя предков, как более подходящее и менее подверженное путанице. Причина наделения государя титулом, отличным от его настоящего имени, до конца не ясна, но, вероятно, возникла из-за тщеславия монарха, который хотел таким образом прославить себя громким титулом и одновременно сделать свое собственное имя несколько невыразительным. Этот обычай был принят в Японии около 645 г. н.э. и практикуется в Корее и Аннаме.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОРОНАЦИИ ТАУКВАНГА.

Когда монарх восходит на престол, или, как выражаются по-китайски, "получает от Неба и вращающейся природы управление миром", он выпускает инаугурационную прокламацию. Формулировки этих документов не претерпели особых изменений, и выдержка из документа, выпущенного в 1821 году, продемонстрирует практику, принятую в таких случаях:

"Наша династия Та Цин получила самое существенное свидетельство благосклонной заботы Неба. Наши предки, Тайцзу и Тайцзун, начали закладывать обширное основание [нашей империи]; Шицзу стал единственным монархом Китая. Наш священный предок Канхи, император Юнчин, слава его века, и Кьенлун, выдающийся в почете, - все они изобиловали добродетелью, были божественны в военном мастерстве, укрепили славу империи и привели все к мирной гармонии.

"Его покойное величество, который ныне отправился в великий путь, управлял всем под небесным пологом двадцать пять лет, проявляя величайшую осторожность и трудолюбие. Ни вечером, ни утром он никогда не был праздным. Он усердно стремился к наилучшему правлению, и потому его правление было превосходным и прославленным; двор и страна испытывали глубочайшее почтение и безмолвие глубокого благоговения. Благосклонное сердце и благосклонное управление были распространены повсеместно: в самом Китае, как и за его пределами, царили порядок и спокойствие, а десятки тысяч простых людей были счастливы. Но в разгар надежды на то, что это славное царствование продлится долго, и помощь Неба будет приниматься много дней, неожиданно, спустившись, чтобы благословить присутствием Его Величества, Лваньяна, возница дракона (святой император) стал гостем на высоте.

"Мой святой и снисходительный отец в тот год, когда он начал править единолично, молчаливо решил, что божественная утварь должна перейти к моей презренной особе. Я, зная слабость своей добродетели, сначала сильно опасался, что не справлюсь с этой должностью; но, вспомнив, что мудрецы, мои предки, оставили потомкам свои планы; что его покойное величество возложил эту обязанность на меня, а небесный престол не должен долго пустовать, я сделал насилие над своими чувствами и заставил себя на время прервать свое искреннее горе, чтобы с благоговением подчиниться непреложному указу; И 27-го числа 8-й луны (3 октября) я намерен благочестиво возвестить об этом событии Небу, Земле, моим предкам, богам земли и зерна и затем сесть на императорский трон. Пусть следующий год будет первым годом Таукванга.

"Я смотрю ввысь и надеюсь, что смогу продолжить прежние достижения. Я кладу руку на сердце с чувством уважения и осторожного благоговения... Когда новый монарх обращается к империи, он должен одарить своих сородичей благами и широко одарить милостями: то, что подобает делать по этому случаю, изложено ниже".

(Далее следуют двадцать два параграфа, в которых подробно описываются дары, которые должны быть вручены, и повышения по службе дворян и офицеров; предписывается восстановить отстраненных от должности сановников в полном объеме, принести жертвы Конфуцию и императорам прежних династий; помиловать преступников и вернуть изгнанных каторжников; простить государственные долги и недоимки и одарить пожилых людей).

"Теперь, вступив на престол, я буду заниматься тем, чтобы дать покой миллионам моих людей. Помогите мне выдержать бремя, возложенное на мои плечи! С почтением принимаю я руководство великими заботами Небес - вы, короли и государственные деятели, великие и малые, гражданские и военные, пусть каждый будет верен и предан, и поможет в поддержке огромных дел, чтобы наше семейное владычество сохранилось сотни и десятки тысяч лет в

бесконечном спокойствии и славе! Провозгласите это всем под Небесами - пусть каждый услышит!"

Программа церемоний, которые должны быть соблюдены, когда император "взойдет на вершину" и сядет на трон дракона, была опубликована для императора Таукванга Коллегией обрядов через несколько дней после этого. В нем подробно описана длинная серия поклонов и приемов, в ходе которых выходят и становятся в ряд различные придворные и члены императорской семьи. После того как все они будут расставлены в надлежащем порядке перед тронном, "в назначенный час президент Коллегии обрядов пойдет и попросит его величество надеть траур, выйдет через ворота восточного дворца и войдет в левую дверь среднего дворца, где его величество перед алтарем своего покойного императорского отца почтительно объявит, что он получает указ - трижды преклонить колени и девять раз поклониться".

Затем он удаляется, и вскоре после этого большая депутация дворцовых офицеров "идет и просит Его Величество надеть императорские одежды и проследовать во дворец его матери, вдовствующей императрицы, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Вдовствующая императрица облачится в придворные одежды и взойдет на свой трон, перед которым его величество трижды преклонит колени и девять раз поклонится". После завершения этой сыновней церемонии готовится золотая колесница, офицер Астрономического совета, чье дело - *следить за временем*, становится у дворцовых ворот, и когда он объявляет о наступлении выбранного и благоприятного момента, Его Величество выходит вперед, садится на золотую колесницу, и процессия движется к Дворцу защиты и мира. Здесь великие офицеры империи выстраиваются по рангу, и когда император садится во дворце, все они преклоняют колени и девять раз кланяются.

"Церемония окончена, президент Коллегии обрядов, выйдя вперед, преклоняет колена и умоляет Его Величество, говоря: "Взойдите на императорский трон". Тогда Император поднимается со своего места, и процессия в том же порядке движется к Дворцу Мира, Его Величество восходит на место драгоценных камней и садится на императорский трон, лицом к югу." Все присутствующие выходят вперед и снова совершают девять простираций, после чего провозглашение коронации, как его называли бы в Европе, официально скрепляется печатью, а затем с аналогичными церемониями оглашается в империи. Существует множество других менее значительных обрядов, соблюдаемых по этим случаям, некоторые из них соответствуют такому случаю, а другие, по нашим понятиям, граничат с нелепостью; все это представляет собой странную смесь религии, великолепия и фарса, хотя в целом рассчитано на то, чтобы все прониклись благоговением перед тем, кто воздает небесам и получает от людей такое почтение и поклонение.[\[224\]](#)

ПОЧТЕНИЕ, ОКАЗЫВАЕМОЕ ИМПЕРАТОРУ.

Ничто не упускается из виду, что может добавить достоинства и святости личности или характера императора. Почти все, что используется им или служит ему лично, табуировано для простого народа и отличается каким-то особым знаком или цветом, чтобы поддерживать впечатление благоговения, с которым к нему относятся и которое является столь мощным вспомогательным средством для его трона. Через внешние ворота дворца он всегда должен проходить пешком, а мощеная дорожка, ведущая к ним, может быть использована только им. Свободный трон или даже ширма из желтого шелка, накинутая на кресло, почитаются наравне с его реальным присутствием, а императорская депеша принимается в провинциях с благоговением и возлияниями; суда на канале, несущие предметы для его особого

использования, всегда имеют право проезда. Его день рождения празднуется его офицерами, а отчет о церемонии открытия, свидетелем которой был лорд Макартни, показывает, как искусно каждый акт стремится поддержать его предполагаемый характер сына небес.

"Первый день был посвящен торжественному, священному и благочестивому почитанию верховного величества императора. Церемония больше не проводилась в шатре и не носила характер банкета. Князья, данники, послы и крупные государственные чиновники собирались в огромном зале, а по особому требованию вводились во внутреннее здание, имевшее хотя бы подобие храма. Главным образом оно было обставлено большими музыкальными инструментами, среди которых были наборы цилиндрических колоколов, подвешенных в ряд на декоративных рамах из дерева и постепенно уменьшающихся в размерах от одной оконечности к другой, а также треугольные куски металла, расположенные в том же порядке, что и колокола. Под звуки этих инструментов евнухи пели медленный и торжественный гимн, настолько владея своими голосами, что на расстоянии это напоминало эффект музыкальных очков. При переходе от одного тона к другому исполнители управлялись ударами пронзительных и звучных тарелок, и музыкальные судьи из числа джентльменов посольства были очень довольны их исполнением. Все это произвело поистине грандиозный эффект. Во время представления и по особым сигналам, девять раз повторенным, все присутствующие девять раз преклонили колена, кроме посла и его свиты, которые совершили глубокое повиновение. Но тот, кого хотели почтить, продолжал, как бы подражая божеству, оставаться невидимым все это время. Ужасное впечатление, которое должно было произвести на умы людей это явное поклонение бессмертному, не должно было быть изглажено никакими немедленными сценами спорта или веселья, которые были отложены на следующий день".^[225] Основная масса людей не допускается к участию в этих церемониях; они держатся на расстоянии и, по сути, мало о них заботятся. В каждой провинциальной столице есть зал, называемый *Вань-шао-кун*, посвященный исключительно чести императора, где за три дня до и после его дня рождения собираются все гражданские и военные офицеры и самые знатные граждане, чтобы оказать ему такое же почтение, как если бы он присутствовал. Стены и мебель желтого цвета.

Право наследования является наследственным по мужской линии, но государь всегда может назначить своего преемника из числа собственных детей. Наследник обычно не известен при жизни действующего правителя, хотя существует титулярная должность опекуна наследника. При династии Цин преемственность менялась, но кровавые сцены, разыгрывавшиеся в Турции, Египте и Индии для устранения конкурентов, не известны в Пекине, и народ не опасается, что они будут разыграны. Из восьми предыдущих государей Шуньчи был девятым сыном, Канхи - третьим, Юнгчинг - четвертым, Кьенлунг - четвертым, Киакинг - пятнадцатым, Таукванг - вторым, Хиенфунг - четвертым, а Тунгчи - единственным сыном. Когда был избран Квансю, эта регулярная линия прервалась, и таким образом прервалась непрерывная преемственность в течение двухсот пятидесяти девяти лет (с 1616 по 1875 год), когда трон занимали десять правителей (в том числе два в Маньчжурии). Параллель можно найти только в Иудее, где линия Давида вплоть до Иехонии (1055-599 гг. до н. э.) продолжалась регулярно - двадцать царей за четыреста пятьдесят шесть лет.

В царствование Кьенлунга один из цензоров уведомил его о необходимости объявить своего преемника, чтобы успокоить умы людей и подавить интриги, но это предложение стоило ему места. Император сказал, что имя его преемника, в случае его собственной внезапной смерти, будет найдено в специально отведенном месте, и что упоминать его крайне нецелесообразно, чтобы вокруг него не крутились интриганы, создавая группировки и

пытаясь возвыситься. В разумности такой политики сомневаться не приходится, и не исключено, что Кьенлунг знал о вреде противоположного курса из знакомства с историей некоторых принцев Центральной Азии или Индии. Одним из хороших результатов отсутствия указания на наследника является то, что не только нет интриг со стороны кронпринца, но и когда он начинает править, он редко вынужден, опасаясь за свою безопасность, убивать или сажать в тюрьму своих братьев или дядей; поскольку они не обладают властью или партией, которые могли бы сделать их грозными, их амбиции находят полное поле для реализации мирными способами. В 1861 году, когда наследнику было пять лет, была затеяна дворцовая интрига, чтобы передать его опеку из рук матери в руки заговорщиков, которые властвовали над ним несколько лет, но все организаторы были казнены.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДОМ И ДВОРЯНСТВО.

Управление императорским кланом полностью возложено на императора и осуществляется с большим сагач итностью. Все его члены находятся под контролем *Цун-цзин-фу*, своего рода кланового суда, состоящего из председательствующего контролера, двух помощников и двух депутатов от семьи. В их обязанности входит регулирование всего, что относится к управлению императорским родом, который делится на две ветви - прямую и побочную, или *Цун-ши* и *Гиоро*. *Цун-ши*, или "Императорский дом", состоит только из прямых потомков отца Тяньмина по имени Хиен-цу, или "Знатный государь", который впервые принял титул императора в 1616 году. Боковые ветви, включая детей его дядей и братьев, носят общее название *Гиоро*. Их общее число неизвестно, но генеалогические записи хранятся в национальных архивах в Пекине и Мукдене. *Цун-ши* отличаются желтым поясом, а *Гиоро* - красным; при разжаловании первые берут красный, а вторые - гвоздичный пояс. Всего в *Цун-ши* двенадцать степеней ранга, и поэтому некоторые из дальних родственников оказываются в стесненных обстоятельствах. Они закрыты от полезной карьеры и в целом демонстрируют зло, вытекающее из системы образования и надзора, принятой в отношении них, в своих низких, порочных занятиях и ужасающей слабости характера. При вступлении в брак им полагается 133 доллара и 150 долларов на покрытие похоронных расходов, что побуждает некоторых из них жестоко обращаться со своими женами до смерти, чтобы как можно чаще получать пособие и приданое.

Титулованное дворянство Империи в целом - это совокупность людей, члены которой не имеют власти, земли, богатства, должности или влияния в силу своих почестей; некоторые из них являются более или менее наследственными, но вся система была разработана таким образом, а титулы присвоены таким образом, чтобы щекотать тщеславие тех, кто их получает, не давая им никакой реальной власти. Титулы не являются производными от земельных владений, а просто обозначают ранг в дополнение к имени, и вопрос о том, как их перевести, вызывает определенные трудности. Например, титул *Kung tsin-wang* буквально означает "почтительный родственный принц", и его следует переводить "принц Кун", а не "принц Кун", что создает у иностранного читателя впечатление, что *Kung* - это удел, а не эпитет.

Двенадцать дворянских орденов присваиваются исключительно членам императорского дома и клана: 1. *Цинь ван*, "родственный принц", т.е. принц крови, присваивается обычно братьям или сыновьям Его Величества. 2. *Kiun wang*, или "князь княжества"; старшие сыновья князей этих двух степеней занимают определенный ранг при жизни отца, но боковые ветви нисходят по старшинству по мере того, как поколения все более и более удаляются от прямой императорской линии, пока, наконец, человек не становится просто членом императорского клана. Эти два ранга иезуитские писатели называли *regulus*, и каждый сын

императора по достижении совершеннолетия вступает в тот или иной. Высшие принцы получают жалованье в размере около 13 300 долларов, некоторое количество пайков и свиту из трехсот шестидесяти слуг, что в целом составляет ежегодный налог на государство в размере от 75 000 до 90 000 долларов. Вторые получают половину этой суммы, а низшие классы - по убывающей, вплоть до простых членов, которые получают по четыре доллара в месяц и паек. 3 и 4. *Бейле* и *Бейце*, или князья и в побочных ветвях. С 5-го по 8-й - герцоги, называемые опекунами и поддерживающими, с двумя подчиненными классами, не имеющими права входить ко двору по государственным делам. С 9-го по 12-й чины - дворяне, или, скорее, генералы, по линии происхождения. Число лиц низшего ранга очень велико. Немногие из них занимают должности в столице, еще реже их ставят на ответственные посты в провинциях, но управление Маньчжурией находится в основном в их руках.

Кроме того, существуют пять древних дворянских орденов - *кун*, *хао*, *пе*, *цзи* и *нань*, обычно обозначаемые как герцог, граф, виконт, барон и баронет, которые без различия присваиваются маньчжурам, монголам и китайцам, как гражданским, так и военным, и как таковые высоко ценятся их получателями как знаки почета. Эти три звания имеют приоритет перед высшими нетитулованными гражданскими лицами, но назначение на большинство высоких должностей в стране сопровождается почетным титулом. Прямой потомок Конфуция называется *Ен-син-кун*, "вечно святой герцог", а Коксинга *Хай-чин-кун*, "герцог, покоряющий моря"; эти два титула являются единственными вечными титулами среди китайцев, но среди маньчжуров вожди восьми семей, которые помогли установить корону в линии Гиоро, стали наследственными принцами, которые в совокупности называются принцами железной короны. Кроме вышеупомянутых, есть и другие, которые считаются еще более почетными, либо из-за их редкости, либо из-за особых привилегий, и соответствуют членству в различных орденах Подвязки, Золотого руна, Бани и т. д. в Европе.

ЖИЗНЬ ВО ДВОРЦЕ.

Внутреннее устройство двора в некоторой степени схоже с устройством коллегий, общий надзор осуществляется под руководством *Ньюй-ву-фу*, состоящего из президента и шести ассессоров, под началом которых находятся семь подчиненных департаментов. В обязанности этих чиновников входит присутствие императора и императрицы при жертвоприношениях, сопровождение дам гарема во дворец и обратно; они следят за хозяйством сыновей императора и управляют под руководством его величества всем, что относится к дворцу, его снабжению и уходу за императорской гвардией. Семь департаментов устроены так, что мало напоминают миниатюрное государство: Один из них снабжает пищей и одеждой; второй предназначен для обороны, чтобы регулировать телохранителей во время путешествий императора; третий следит за этикетом, который члены этой великой семьи должны соблюдать друг с другом, и выводит вперед обитательниц гарема, когда император, сидя во внутреннем зале аудиенции, принимает их почтение во главе с самой императрицей; четвертый департамент выбирает дам для заполнения гарема и собирает доходы с коронных земель; Пятый департамент заведует всеми необходимыми ремонтами во дворце и следит за тем, чтобы улицы города были очищены всякий раз, когда император, императрица или кто-либо из женщин или детей во дворце желает выйти; шестой департамент заведует стадами и отарами императора; и последний - это суд для наказания преступлений солдат, евнухов и других лиц, приписанных к дворцу.

Императору полагается иметь три тысячи евнухов, но на самом деле их число не превышает двух тысяч, которые выполняют работу по дому. Его сыновьям и внукам разрешено иметь от тридцати до четырех, а принцам железной короны и императорским зятям - двадцать или тридцать; все эти вельможи вынуждены нанимать несколько евнухов в своих заведениях,

если не могут содержать полную квоту, для показухи. Большинство представителей этого класса вынуждены подвергаться калечащим операциям по приказу родителей до восьми лет (и не всегда от бедности), поскольку это обычно гарантирует средства к существованию. Некоторые доходят до такого состояния из лени и из-за высоких обязанностей, которые выпадают на их долю, если они будут хорошо себя вести. С древнейших времен некоторые преступники наказывались кастрацией. Существует отдельный контроль за надлежащей эффективностью этих слуг двора, которые делятся на сорок восемь классов; при нынешней династии они никогда не доставляли хлопот. Самое высокое жалованье, которое получает каждый из них, - двенадцать таэлей в месяц.

ПОЛОЖЕНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ И ФРЕЙЛИН.

Число женщин в гареме точно не известно; все они находятся под номинальным руководством императрицы. Каждый третий год Его Величество пересматривает дочерей маньчжурских офицеров старше двенадцати лет и выбирает из них наложниц по своему усмотрению; законных наложниц всего семь, а незаконных - неограниченное количество. Последних возвращают к свободе по достижении двадцати пяти лет, если они не родили детей его величеству. Для семьи считается преимуществом иметь дочь в гареме, особенно для маньчжуров, которые стремятся подняться за счет этого влияния.^[226] Для самих же бедных женщин это однообразная, изнурительная жизнь, полная интриг. Как только женщина попадает во дворец, она окончательно прощается со всеми родственниками-мужчинами и редко видится с подругами; евнухи, которые за ней ухаживают, являются ее главными каналами связи с внешним миром. Можно добавить, однако, что комфорт и влияние ее положения значительно превосходят те, что есть у индусских женщин.

В сорок восьмом томе "Хуи Тянь", из которого взято большинство подробностей этой главы, приводится отчет о запасах, которыми снабжались его величество и двор. Ежедневно перед императором должно быть поставлено тридцать фунтов мяса в тазу и семь фунтов, сваренных в суп; свиной жир и масло, по одному и одной трети фунта; две овцы, две птицы и две утки, молоко восьмидесяти коров и семьдесят пять пакетиков чая. Ее Величество получает двадцать один фунт мяса на блюдах и тринадцать фунтов вареного с овощами; одну птицу, одну утку, двенадцать кувшинов воды, молоко двадцати пяти коров и десять припасов чая. Ее служанки и наложницы получают свой рацион по обычному тарифу.

Вдовствующая императрица - самая важная особа во дворце, и Его Величество через частые промежутки времени оказывает ей почтение, совершая перед ней высшую церемонию - девять приседаний. Когда в 1836 году вдова Киакинга достигла шестидесятилетнего возраста, император оказал ей множество почестей. Выдержка из постановления, изданного по случаю этого праздника, покажет, какое уважение оказывал ей государь:

"Наши обширные владения наслаждались величайшим процветанием под защитой славного и долговечного государства счастья. Наш возвышенный род стал самым прославленным под защитой этой почтенной родственницы, на которую равняется весь двор. К ее счастью, которое и без того было безграничным, добавилась высшая степень благоденствия, вызывая радость и веселье у всех обитателей Шести дворцов.

Торжественные церемонии по этому случаю должны превзойти по великолепию все требования древних в отношении человеческих отношений, вызывая одобрение всей империи. Необходимо, чтобы торжества по этому случаю носили чрезвычайно необычный характер, дабы наше почтение к нашей августейшей родительнице и забота о ней были одинаково и славно проявлены..... В первом месяце нынешней зимы исполняется шестидесятая годовщина священного дня рождения Ее Величества. При открытии

счастливого периода солнце и луна пролили на нее свое объединенное благотворное влияние. Когда она начинает новый оборот в сексагенном цикле, эта честь увеличивает ее счастье. Взирая вверх и созерцая ее славу, мы повторяем наши благодарности и возвещаем об этом событии Небу, Земле, нашим предкам и богам-покровителям империи. В девятнадцатый день десятой луны пятнадцатого года Таукванга мы проводим принцев, вельмож и всех высших офицеров, как гражданских, так и военных, в присутствии великой императрицы, благосклонной и величественной, повсеместно спокойной, всесторонне добродетельной, спокойной и собранной, в благосклонности безграничной; и затем мы передадим наши поздравления с радостным событием, годовщиной ее дня рождения. Это событие приносит счастье, равное тому, которым наслаждаются богини на небесах; и, возвещая о нем богам и нашему народу, мы передадим ей безграничные благословения".

Помимо обычных знаков благосклонности, таких как пайки для солдат, помилования, повышения в звании, продвижение по службе и т. д., в одиннадцатой статье предписывалось: "Каждому безупречно сыну или послушному внуку, каждому честному мужу или целомудренной жене, по представлении доказательств, должен быть воздвигнут памятник с надписью в его честь". Солдаты, достигшие девяноста или ста лет, получали деньги на возведение почетного портала, а гробницы, храмы, мосты и дороги предписывалось ремонтировать; но сколько из этих "чрезвычайно великих и особых милостей" было осуществлено в действительности, сказать невозможно.[\[227\]](#)

ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НАРОДА.

Для защиты и сопровождения императора и его дворцов существуют отборные корпуса войск, которые размещены в *Хванчжине* и столице, а также в различных расквартированных вблизи города пунктах. Знаменосцы образуют три отдельных корпуса, каждый из которых содержит потомственные войска маньчжуров, монголов и китайцев, организованные в начале династии под восемью штандартами. Флаги у них треугольные, одноцветные - желтый, белый, красный и синий для войск левого крыла, и такие же, окаймленные узкой полосой другого цвета, для войск правого крыла. Все семьи этих солдат остаются в корпусе, в котором они родились.

Из маньчжурских и монгольских знаменосцев отбираются два специальных отряда, один из которых называется Авангардная дивизия, а другой - Фланговая; они охраняют Запретный город, составляют эскорт Его Величества, когда он выходит из него, и насчитывают соответственно около тысячи пятисот и пятнадцати тысяч человек. Для сохранения мира в столице в дополнение к дворцовым войскам в стенах и вокруг них размещено до двадцати тысяч человек, называемых пехотной дивизией, или жандармерией. Кроме того, на помощь жандармерии и авангарду в случае опасности рассчитывают кадетский корпус из пятисот молодых людей, вооруженных луками и копьями, два батальона с огнестрельным оружием и четыре больших батальона по восемьсот семьдесят пять человек, обученных стрелковой практике. Всякий раз, когда Единый человек выходит за ворота дворца, чтобы пересечь город, улицы, по которым он проходит, занавешиваются циновками, чтобы отгородиться от толпы и уменьшить риск для его персоны. В результате за последние двести лет мало кто из горожан видел лицо своего государя. Молодой император Тунгчи, возвращаясь из Храма Неба, добился среди них большого расположения, приказав убрать заслон из циновки, чтобы он и его люди могли видеть друг друга.

Под началом императора находится весь народ, великая семья, обязанная беспрекословно подчиняться его воле, как воле небес, и не имеющая никаких прав или собственности *как таковой*; фактически, не имеющая ничего, кроме того, что было получено от него или может

быть в любой момент отвоено им. Величие этой семьи и отсутствие наследственной аристократии, которая держала бы ее членов или их земли в крепостной зависимости, были частичной гарантией от чрезмерного угнетения. Свобода неизвестна в народе; в языке нет даже слова, обозначающего ее. От государя никогда не требовалось признания некоторых хорошо понятных прав, принадлежащих народу, и вряд ли будет требоваться или даваться какой-либо стороной до тех пор, пока Евангелие не научит их соответствующим правам и обязанностям. Эмиграция за границу и даже переезд из одной части империи в другую запрещены или ограничены старыми законами, но в настоящее время не существует никаких реальных препятствий для смены места жительства или рода занятий. Несмотря на то, что китайское общество настолько однородно, если рассматривать его в отрыве от государя, в нем постоянно встречается неравенство разного рода: одни проистекают из рождения или собственности, другие - из рода занятий или заслуг, но большинство из них проистекает из чиновничьего ранга. Здесь нет каст, как в Индии, хотя попытка ввести эту жалкую систему была тщетно предпринята Вэн-ти около 590 г. н.э. Древнее деление китайцев на ученых, земледельцев, ремесленников и торговцев намного превосходит деление Зороастра на жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников; в этом раннечетвертичном делении содержится значительный показатель различий в государственном устройстве восточных и западных азиатских народов, и также заметно превосходство китайцев в демократическом элементе. Существуют местные предрассудки, запрещающие объединяться с некоторыми частями общества, хотя люди, которых таким образом отгораживают от общества, не являются остатками старых каст. *Танкиа*, или лодочники, в Кантоне образуют класс, в некоторых отношениях стоящий ниже других слоев населения, и имеют множество свойственных им обычаев. В Нинпо есть деградировавшая группа, называемая *мин*, в количестве почти трех тысяч человек, с которыми люди не хотят общаться. Мужчины не допускаются к экзаменам или почетному призванию, но играют, музицируют или носят седалища; женщины - свахи или парикмахерши, они обязаны носить особую одежду и обычно выходят за границу, неся с собой сверток, завернутый в клетчатый платок. *Танкиа* в Кантоне также носят на голове похожий платок и не судорожно сжимают ноги. Предполагается, что *то мин* - потомки киноу, которые удерживали северный Китай в 1100 г. н.э., или местных предателей, которые помогали японцам в 1555-1563 гг. в их наступлении на Чехкианг. *Танкиа* пришли из некоторых племен Мяоцзы так рано, что их происхождение неизвестно. [228]

Современные классификации людей, признанные, однако, скорее законом, чем обычаем, разнообразны и всеобъемлющи. Во-первых, туземцы и пришельцы; к последним относятся непокоренные горцы и аборигенные племена, живущие в различных частях страны, расы лодочников на побережье и все иностранцы, проживающие в пределах империи, на каждого из которых распространяются особые законы. Во-вторых, завоеватели и завоеванные; почти полностью относится к запрету на браки между маньчжурами и китайцами. В-третьих, свободные и рабы; каждому туземцу разрешается покупать рабов и держать в рабстве своих детей, а свободные люди иногда лишаются свободы за свои преступления или закладывают себя в рабство. В-четвертых, благородные и подлые, которые не могут вступать в брак без того, чтобы первые не лишились своих привилегий; к последним относятся, кроме иностранцев и рабов, преступники, палачи, полицейские, актеры, жонглеры, нищие и все прочие бродяги и мерзкие люди, которые, как правило, должны в течение трех поколений заниматься каким-либо почетным и полезным делом, прежде чем они получают право участвовать в литературных экзаменах. Эти четыре подразделения охватывают весь народ, но на самом деле затрагивают лишь незначительное меньшинство.

РАБЫ И ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ КЛАССЫ.

Стоит отметить, как мало было рабов в Китае и как легко было их положение по сравнению с тем, что было в Греции и Риме. В основном благодаря распространению образования на либеральных принципах "Четырех книг" Китай был спасен от этого распадающегося элемента. Пропорция рабов к свободным не может быть определена, но первые никогда не привлекали внимания своей численностью и не вызывали страха своей неугомонностью. Девочек продают охотнее, чем мальчиков; в Пекине за здоровую девочку до двенадцати лет дают от тридцати до пятидесяти таэлей, а за семнадцатилетнюю - до двухсот пятидесяти или трехсот. Во время голода сирот или нуждающихся детей выставляют на продажу по цене нескольких наличных. [229]

ВОСЕМЬ ПОЧЕТНЫХ ЗВАНИЙ.

Существует также восемь привилегированных классов, из которых привилегии императорской крови и связей, а также дворянства являются единственными реально доступными; эти привилегии затрагивают только наказание преступников, принадлежащих к любому из восьми классов. Привилегия императорской крови распространяется на всех кровных родственников императора, всех родственников императрицы-матери и бабушки в пределах четырех степеней, императрицы - в пределах трех, а супруги кронпринца - в пределах двух. К привилегированным дворянам относятся все офицеры первого ранга, все вторые, занимающие должность, и все третьи, чья должность дает право командовать. Эти звания отличаются от дворянских титулов и воспринимаются офицерами как почетные знаки отличия. Их девять, и каждый отличается от другого цветным шаром, помещенным на верхушке фуражки, своеобразным эмблематическим изображением птицы для гражданских лиц и зверя для военных офицеров на груди, а также различной застежкой на поясе.

Гражданские первого ранга носят драгоценный рубин или прозрачный красный камень; на спине и груди халата вышит маньчжурский журавль, а застежка пояса - нефрит с рубинами; у военных - единорог, пуговицы и застежки такие же, как у гражданских.

Гражданские второго ранга носят красную коралловую пуговицу, мантию, расшитую золотым фазаном, и поясную застежку из золота с рубинами; на военной выгравирован лев Индии.

Гражданские лица третьего ранга носят сапфировое и одноглазое павлинье перо, мантию с павлином на груди и застежку из обработанного золота; военные офицеры - леопарда.

Различные стили официальных кепок.

Гражданские лица четвертого ранга отличаются синим непрозрачным камнем, диким гусем на груди и застежкой из обработанного золота с серебряной пуговицей; военные офицеры носят тигра вместо вышитого дикого гуся.

Гражданские лица пятого ранга обозначаются хрустальной пуговицей, серебряным фазаном на груди и застежкой из чистого золота с серебряной пуговицей; медведь - эскалап военных.

Гражданские лица шестого ранга носят непрозрачную пуговицу из белой раковины, голубой плюмаж, цаплю на груди и перламутровую застежку; военные - тигровую кошку.

Гражданские лица седьмого ранга имеют простую золотую пуговицу, утку-мандаринку на груди и застежку из серебра; пестрый медведь обозначает военных, как и в последнем ранге.

Восьмой чин носит золотую пуговицу работы, перепелку на груди и застежку из прозрачного рога; у военных - печать.

Девятый ранг отличается обработанной серебряной пуговицей, длиннохвостой сойкой на груди и застежкой из рога буйвола; военные отмечены носорогом, вышитым на халате. Все младше девятого могут вышить на груди иволгу, а неофициальные ханьлины берут цаплю.

Народные массы проявляют свои демократические наклонности разными способами, одни из которых консервативны, а другие дезорганизующи. Они объединяются в кланы, гильдии, общества, профессии и сообщества, которые помогают им отстаивать свои права и придают общественному мнению силу, которой оно иначе не обладало бы. Юридически каждый подданный имеет доступ к магистратам, защищен от притеснений и может обращаться в высшие судебные инстанции, но эти привилегии малоэффективны, если он беден или неизвестен. Он слишком глубоко пропитан страхом и не знает своих прав, чтобы думать об организованном сопротивлении; его умственная независимость уничтожена, поиск истины парализован, предприимчивость подавлена, а все его усилия направлены в два русла: труд ради хлеба и учеба ради должности. Жители деревни, например, не будут спокойно лишены плодов своей промышленности; но каждый человек в ней может терпеть многочисленные оскорбления, притеснения и жестокость, не думая объединиться со своими товарищами для сопротивления. Собственность находится в довольно надежном владении, но почти все остальные права и привилегии попираются с позором.

Хотя номинально в китайском правительстве нет совещательного или консультативного органа, а также ничего похожего на конгресс, парламент или *государственный уровень*, тем не менее необходимость и закон заставляют императора советоваться и давать советы главам трибуналов. Существуют два императорских совета, которые являются органами связи между главой и политическим телом; это Кабинет министров, или Императорская канцелярия, и Государственный совет; оба они носят совещательный характер, но первый из них обладает наименьшей властью. Этим двум советам подчинены административные части верховного правительства, состоящие из шести коллегий, Колониальной канцелярии, Цензората, Представительного и Апелляционного судов и Императорской академии; всего тринадцать главных департаментов, каждый из которых потребует краткого описания. Вряд ли стоит добавлять, что ни в одной части системы нет ничего похожего на выборный орган; такая особенность была бы почти столь же нелепой для китайца, как избрание отца его семьей.

НУИ КОХ, ИЛИ КАБИНЕТ.

1. Нуй Кох, или Кабинет министров, иногда называемый Большим секретариатом, состоит из четырех *та хиох-шз*, или главных, и двух *хиехпан та хиох-шз*, или "совместных помощников канцлера", половина из которых маньчжуры, а половина китайцы. В их обязанности, согласно императорскому уставу, входит "обсуждение вопросов управления империей, объявление за границей императорского благоволения, регулирование государственных канонов, а также все управление великим балансом сил, помогая тем самым императору в руководстве государственными делами". Этим шести канцлерам подчиняются шесть классов офицеров, в общей сложности до двухсот человек, из которых более половины - маньчжуры. При шести канцлерах состоят десять помощников, называемых *hioh-sz'*, "учеными учеными"; некоторые из шестнадцати постоянно отсутствуют в провинциях или колониях, когда их места занимают заместители. То, что в других странах выполняет один человек в качестве премьер-министра, в Китае выполняют четыре канцлера, из которых первый в списке обычно считается премьером, хотя, возможно, самый влиятельный человек и реальный лидер правительства занимает другую должность.

Самым важным повседневным делом Кабинета является получение императорских указов и рескриптов, представление меморандумов, изложение перед Его Величеством дел Империи, получение его указаний по ним и передача их в соответствующее ведомство для копирования и обнародования. Чтобы ускорить рассмотрение дел в суде, принято, после того как министры прочитают и составят свое мнение о каждом документе, прикреплять к его подножию листок бумаги - или несколько, если необходимо дать выборные ответы, - и таким образом представлять документ Его Величеству в палате присутствия, который росчерком карандаша на выбранном им ответе решает его судьбу. Рассмотренные и приведенные в порядок бумаги подаются государю на рассвете следующего утра; один из шести маньчжурских *хиох-шз'* сначала читает каждый документ и передает его одному из четырех китайских *хиох-шз'*, который вписывает ответ, продиктованный государем, или передает его ему для исполнения этой обязанности фиолетовым карандашом. Таким образом можно быстро отправить большое количество дел; но также очевидно, что от того, как будет составлен ответ на листке, во многом зависит прием или отказ в приеме бумаги, хотя в этом отношении была предпринята тщательная работа, требующая составления кодификаций с указанием причин каждого ответа. Назначение, смещение и понижение в должности всех офицеров во всех его обширных владениях, распоряжения о распределении или перечислении доходов и налогов, дислокация армии, управление кочевыми племенами - словом, все вопросы, от самых высоких назначений и изменений до мелких полицейских дел о преступлениях, таким образом доводятся до сведения императора и его действий.

Помимо этих повседневных обязанностей, на членов кабинета, которые, как и все, прикреплены к другим бюро, возлагаются дополнительные функции, такие как председательствование на всех государственных праздниках и жертвоприношениях, коронациях, приеме посольств и т. д.; эти обязанности выполняют десять помощников *hioh-sz'*, которые все являются вице-президентами Совета обрядов. Они являются хранителями двадцати пяти государственных печатей, каждая из которых имеет свою форму и используется для различных и особых целей, согласно обычаям восточных народов, которые так сильно зависят от печати, чтобы гарантировать подлинность документа.^[230] К Кабинету примыкают десять подчиненных ему канцелярий, одна из которых предназначена для перевода документов на различные языки, распространенные в империи. Высших членов кабинета принято называть *ко-лао*, то есть старейшинами зала совета, от которых происходит слово *колао*, часто встречающееся в старых книгах о Китае.^[231]

КИУН-КИ, ИЛИ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СОВЕТ.

2. Киун-ки-чу, Государственный или Генеральный совет, был организован около 1730 года, но сейчас стал самым влиятельным органом в правительстве; и, хотя по своему устройству он совершенно не похож на *министерство* западных стран, более чем любая другая ветвь китайской системы. В его состав могут входить любые вельможи, как принцы крови, канцлеры, президенты и вице-президенты Шести коллегий, а также главы всех остальных столичных судов. Их выбирают по желанию императора и называют "великими министрами, управляющими механизмами армии" - под армией здесь понимается нация. В его обязанности входит "составление императорских указов и решений, а также определение таких важных для армии и нации вещей, чтобы помочь государю в регулировании механизма дел". Число членов Генерального совета, вероятно, меняется по желанию Его Величества, так как в Красной книге их список не приводится; но в последнее время их было четыре, по два от каждой национальности, и принц Кун в качестве председателя. Этот орган является одной из главных пружин правительства, и его состав отражает тенденцию развития национальных советов и политий.

Члены Генерального совета ежедневно собираются в Запретном дворце между пятью и шестью часами утра; когда его величество созывает их в зал заседаний, они садятся на циновки или низкие подушки; никому не разрешается сидеть на стульях в реальном или предполагаемом присутствии императора. Приказы Его Величества, записанные ими, если они публичны, передаются во Внутренний совет для обнародования; но по любому вопросу, требующему секретности или оперативности, немедленно составляется депеша, которая под прикрытием отправляется в Военный совет для пересылки. Во всех важных консультациях или судебных разбирательствах этот Совет, либо сам по себе, либо в сочетании с соответствующим судом, привлекается к работе; а во время войны он превращается в комитет путей и средств. Он ведет списки офицеров, имеющих право на продвижение по службе, а имена подходящих лиц для замещения вакансий предоставляет императору. Многие жители колоний являются членами Совета, через него напрямую общаются с Его Величеством и с большой формальностью получают от трона пособия и подарки - этот прием призван поддерживать как можно большее благоговение перед императорской персоной и именем среди смешанных рас, находящихся под их властью.

Генеральный совет занимает важное место в системе и в значительной степени способствует консолидации различных ветвей власти, облегчая их гармоничное действие, а также восполняя недостатки имбецила или сдерживая действия тиранического монарха. В уставе говорится о различных записных книжках, как публичных, так и секретных, которые ведут члены для записи мнений Его Величества, и добавляется, что для аудиенций не установлено определенного времени, ежедневно проводится одно или несколько заседаний, в зависимости от потребностей государства. Кроме этих функций, на членов Совета возложены и некоторые литературные вопросы, для подготовки которых при Совете созданы три подчиненные ему канцелярии. Одно из них занимается составлением описаний важных сделок - некоторые из тех, что касаются войн и переговоров с иностранцами с 1839 года, были бы весьма интересны сейчас; второе - переводом документов; а третье, озаглавленное "канцелярия для наблюдения за исполнением императорских указов", должно быть, временами выполняет довольно тяжелую работу, хотя, вероятно, его ответственность заканчивается, когда депеша отправляется в путь. Офис с таким названием показывает, что китайское правительство, при всей его деловитости, все еще остается азиатским.[\[232\]](#)

Обязанности этих верховных советов общие, они касаются всех отделов правительства и служат для связи главы государства с подчиненными ему органами не только в столице, но и во всех провинциях, так что он может, и, вероятно, делает это в очень большой степени, таким образом поддерживать общее знакомство с тем, что делается во всех частях, и быстрее устранять беспорядки и злоупотребления. Соперничество между их членами и неприязнь, которую питают к ним китайцы и маньчжуры, несомненно, доставляют императору некоторые неприятности; но это имеет определенный эффект в пресечении заговоров и интриг. Однако не следует думать, что все высокопоставленные чиновники в китайском правительстве беспринципны, продажны и интриганы; большинство из них желают служить своей стране и поддерживать ее. От личного характера и знаний монарха во многом зависит эффективность его правительства, а руководство его делами требует постоянного контроля. Если он позволяет своим министрам беспрепятственно распоряжаться своими полномочиями, то они очень скоро поглощают эту власть и злоупотребляют ею в корыстных целях. В естественной последовательности каждая ветвь власти ощущает роковую слабость, а ее функционеры не теряют времени, чтобы подражать своим начальникам. Так было во времена правления Хиенфунга, но при регентстве с 1861 года ситуация значительно улучшилась. В обычное время повседневное общение между императором Китая и его министрами представляет собой очень похожие черты доверия, вежливости и уважения между ними, которые можно наблюдать в западных странах.

ПЕКИНСКАЯ ГАЗЕТА И ШЕСТЬ ИЗДАНИЙ.

King Pao, т.е. "Столичный репортер", обычно называемый "Пекинским вестником", составляется из документов, представленных Генеральному совету, и является основным источником информации, доступным народу для выяснения того, что происходит в империи. Каждое утро во дворе дворца на досках вывешиваются обширные выдержки из документов, принятых или рассмотренных императором, включая его собственные приказы и рескрипты, которые служат материалом для летописи правительства и истории империи. Курьеры рассылаются по всем частям страны, разнося копии этих бумаг высшим провинциальным чиновникам; определенным лицам также разрешается печатать эти документы, но всегда без купюр и изменений, и распространять их за свою плату среди своих клиентов. Это и есть "Пекинский вестник", и таков способ его составления. Это просто запись официальных актов, повышений, указов и приговоров, без каких-либо редакционных комментариев или объяснений, и как таковая она очень ценна для понимания политики правительства. Она очень часто читается и обсуждается образованными людьми в городах и помогает им лучше узнать характер и дела своих правителей, чем когда-либо римляне знали о своих государях и сенате. В провинциях тысячи людей находят работу, переписывая и сокращая "Газету" для читателей, которые не могут позволить себе приобрести полное издание.^[233]

Главными исполнительными органами при этих двух Советах являются *Лух Лу*, или "Шесть Коллегий", которые были созданы по аналогичному плану во времена древних династий. Во главе каждого совета стоят два президента, называемые *шан-шу*, и четыре вице-президента, называемые *шилан*, поочередно маньчжуры и китайцы; над тремя из них - Налоговым, Военным и Наказательным - стоят суперинтенданты, которые часто являются членами кабинета министров; иногда президент одного совета является суперинтендантом другого. В каждой Коллегии есть три подчиненных класса офицеров, которых можно назвать директорами, заместителями секретарей и контролерами, с большим числом мелких клерков, и соответствующие им департаменты для ведения деталей общих и специальных дел, входящих в компетенцию Коллегии; все это устроено и подчинено в самом деловом

стиле. Таким же образом регулируются детали всех ведомств в общих и губернских правительствах. Например, для депеш в каждом правлении есть свой стиль конверта, а бумаги в канцеляриях подшиваются в них.

3. Лǐ Рǔ, или Совет гражданской канцелярии, "имеет управление и руководство всеми различными офицерами гражданской службы Империи, и таким образом он помогает Императору управлять всем народом"; эти обязанности далее определены как включающие "все, что относится к планам выбора рангов и градаций, к правилам определения разряда и продвижения, к постановлениям о предоставлении инвеститур и наград, и к законам об установлении расписания и отпусков, чтобы гражданская служба могла быть обеспечена". Гражданские лица представляются императору, а все гражданские и литературные чиновники по всей империи распределяются этим советом. Огромная власть, очевидно, вверенная таким образом, разделяется двумя предшествующими, члены которых являются консультативными наблюдателями за высшими назначениями, в то время как провинциальные власти назначают людей на вакантные должности так быстро, как они необходимы. Опасность, вытекающая из этой схемы, отмечается Биотом^[234], который уже в самом начале вызвал критику.

Этот совет подразделяется на четыре бюро. Первое, расположенное на сайте, занимается вопросами различий, старшинства, продвижения по службе, обмена и т. д. офицеров. Второе исследует их заслуги и достоинства, чтобы быть записанными и продвинутыми по службе или наоборот; выясняет характер каждого офицера и то, как он выполняет свои обязанности, и назначает ему отпуск. Третье бюро регулирует отставку от должности в связи с трауром или сыновними обязанностями, а также следит за регистрацией официальных имен; именно через это бюро в 1846 году был разжалован Хван Нгэн-тунг, губернатор Квантуна, за то, что не сложил с себя полномочия в связи со смертью своей матери. Четвертое регулирует распределение титулов, патентов и посмертных почестей. Китайцы - единственное правительство, которое возвеличивает предков за заслуги их потомков; обычай возник из воздаваемого им поклонения, в котором обряды пропорциональны рангу умершего, а не выжившего; и если умерший родитель или дед были простолюдинами, они получают соответствующие титулы в связи с возвышением их сына или внука. Этот обычай не является государственной хитростью, чтобы получить деньги, поскольку простолюдины не могут купить эти посмертные титулы; они могут купить только номинальные титулы для себя. Однако этот обычай служит неожиданной иллюстрацией к замечанию Иова: "Сыновья его приходят в честь, а он не знает этого".

КОЛЛЕГИИ ДОХОДОВ И ОБРЯДОВ.

4. Ху Пу, или Коллегия доходов, "руководит территориальным управлением империи и ведет списки населения, чтобы помочь императору прокормить всех людей; все, что касается правил взимания и сбора пошлин и налогов, планов распределения жалованья и пособий, норм поступлений и выплат в амбары и казначейства, а также прав на перевозку по суше и воде, сообщается в эту коллессию, чтобы обеспечить достаточные запасы для страны". Кроме этих обязанностей, он производит измерение всех земель в империи, распределяет налоги и повинности в соответствии с подразделениями, населением и т. д., регулирует расходы и определяет широту и долготу мест. Одна из второстепенных канцелярий составляет списки всех маньчжурских девушек, пригодных для введения во дворец для выбора в гарем; эта обязанность возложена на нее потому, что содержание, наряды и должности этих женщин находятся в ее ведении. Неразумный способ сбора доходов, распространенный при

персидских и сирийских царях, при котором суммы, полученные с отдельных городов и провинций, распределялись между царской семьей и фаворитами и поступали непосредственно к ним, никогда не практиковался китайцами.

Для получения доходов от каждой из провинций существует четырнадцать подчиненных департаментов, каждый из которых соответствует департаменту казначейства в соответствующей провинции. Доходы выплачиваются различными способами и статьями, такими как деньги, зерно, мануфактура и т. д., получение и распределение различных статей требует большого числа помощников. Кроме того, этот совет является апелляционным судом по спорам, касающимся имущества, и руководит монетным двором в каждой провинции; одно бюро называется "великими министрами трех казначейств", то есть металлов, шелка и красителей, а также канцелярских товаров.

5. Ли Пу, или Коллегия обрядов, "рассматривает и руководит исполнением пяти видов ритуальных обрядов и оглашает их по всей империи, помогая тем самым императору руководить всем народом. Все, что относится к постановлениям, регулирующим старшинство и литературные различия, к канонам для поддержания религиозной чести и верности, к порядкам, касающимся сношений и дани, а также к формам проведения банкетов и предоставления щедрот, сообщается этому Совету в целях содействия национальному образованию". Пять классов обрядов определяются как благоприятные и неблагоприятные, военные и гостеприимные, а также неблагоприятные. Среди подчиненных департаментов - департамент церемониальных форм, в ведении которого "находится регламентация этикета, соблюдаемого при дворе во всех случаях, при поздравлениях, при исполнении официальных обязанностей и т.д.; также регламентация платьев, чепцов и т.д., в отношении фигуры, размера, цвета и характера их тканей и украшений, карет и убранства, их формы и т.д., с количеством последователей и знаками отличия рангов. Он также руководит всем церемониалом личного общения между представителями различных рангов или пэрами, детально определяя количество поклонов и степень внимания, которое каждый из них должен оказывать другому при официальных встречах, в зависимости от того, они находятся на равных или иных условиях. Он также должен определять формы их письменного официального общения, включая те, которые должны соблюдаться в обращениях к иностранным государствам и от них. Регулирование литературных экзаменов, число выпускников, различие их классов, формы их отбора и привилегии успешных кандидатов, с учреждением правительственных школ и академий, все это находится в ведении этого департамента."

Другая канцелярия руководит обрядами, которые должны соблюдаться при поклонении божествам и духам ушедших монархов, мудрецов и достойных людей, а также при "сохранении солнца и луны" во время затмений. Третья, называемая "канцелярией хозяина и гостя", следит за данью и данниками, а также берет на себя все управление иностранными посольствами, поставляя не только провизию, но и переводчиков, и предписывая способ сношений между Китаем и другими государствами. Четвертый следит за поставками продуктов для банкетов и жертвоприношений. Подробное изложение всех многообразных ритуальных обязанностей этой коллегии занимает четырнадцать томов Устава. "Воистину ничто не обходится без церемоний", - учил Конфуций, и ни один народ не уделял им столько внимания при организации своего правления, как китайцы. Книга обрядов - это основа церемоний и непогрешимый стандарт их значения; значение, придаваемое им, возвело этикет и ритуалистику в своего рода кристаллизующую силу, которая во многом сформировала китайский характер.

С Советом обрядов связан Совет по музыке, содержащий неопределенное число чиновников, в обязанности которых "входит изучение принципов гармонии и мелодии, сочинение музыкальных произведений и формирование инструментов для их исполнения, а затем приспособление тех и других к различным случаям, в которых они требуются". Эти церемониймейстеры не пренебрегают и изяществом позы; но можно с уверенностью сказать, что если ни у одной другой нации никогда не было музыкального совета и не требовалось столько официальной музыки, как у китайцев, то уж точно ни у одной из них не было меньше настоящей мелодии.

ПИНГ-ПУ, ИЛИ ВОЕННАЯ ДОСКА.

6. Пин Пу, или Военный совет, "обязан помогать государю защищать народ, руководя всеми военными делами в метрополии и провинциях, и регулировать государственные дела на основании поступающих из различных ведомств донесений о лишении или назначении на должность, о наследовании или создании наследственных военных званий, о почтовых или курьерских отправлениях, об осмотре и выборе достойных и о точности донесений". Военно-морской флот также находится под контролем этого Совета. Управление почтой возложено на специальный департамент, и передача официальных депеш осуществляется с большой эффективностью и регулярностью. Второстепенное бюро курьерской канцелярии называется "бюро для объявления побед", которое, судя по перечислению его обязанностей, представляет собой скорее *grande vitesse*, чьи курьеры должны спешить, как будто они объявляют о победе.

Чтобы дать возможность Военному совету исполнять свои обязанности, они распределены по четырем сз', или бюро, занимающимся отдельно продвижением по службе по различным причинам; регулированием распределения наград и наказаний, инспектированием войск и изданием общих приказов, подчиняясь департаменту генерал-адъютанта; поставкой и распределением лошадей для кавалерии; и, наконец, экзаменом кандидатов, составлением смет и списков, со всеми деталями, связанными с экипировкой и амуницией. Замысел всего управления у маньчжуров был военным, а не гражданским, и они развили это правление больше, чем это было при предыдущей династии, владения в Центральной Азии в значительной степени использовали их ресурсы и доблесть.

О домашних войсках и городской жандармерии уже говорилось; их управление возложено на *Нюй-ву-фу*, а надзор за всеми знаменосцами в империи возложен на столичное управление *Ту-тун*, или генерал-капитанов, которых насчитывается двадцать четыре, по одному на каждое знамя каждой расы. Военный совет не имеет прямого контроля над этой значительной частью китайской армии, а поскольку руководство сухопутными и морскими силами в каждой провинции в значительной степени возложено на местные власти, его обязанности на самом деле более ограничены, чем может показаться на первый взгляд. Необычное подчинение военной власти гражданской, которое всегда отличало китайское государство, делает изучение армии в ее нынешнем виде очень интересной чертой национальной истории; ведь хотя она часто оказывалась неэффективной для подавления мятежей и защиты народа от разбойников, она никогда не использовалась для разрушения его институтов. Во времена внутренних волнений национальные солдаты обычно были верны своему флагу, хотя, надо признать, дисциплина в рядах не настолько совершенна, чтобы не позволить солдатам время от времени преследовать и грабить тех, кого они призваны защищать.^[235]

ДОСКИ НАКАЗАНИЙ И РАБОТ.

7. Хинг Пу, или Коллегия наказаний, "имеет управление и руководство наказаниями по всей империи, с целью содействия государю в исправлении всех людей. Все, что касается мер применения законов со снисхождением или строгостью, выслушивания доказательств и вынесения решений, права на помилование, отсрочку или иную меру, а также размера штрафов и процентов, - все это докладывается этому совету, чтобы помочь придать достоинство национальным нравам". *Хинг Пу* имеет характер как уголовного, так и гражданского суда; его сотрудники обычно встречаются с представителями Цензората и Тали Сз', и все трое образуют *Сан Фа Сз'*, или "Три юридические палаты", которые принимают решения по делам о капитале, переданным на их рассмотрение. Осенью эти трое объединяются с членами шести других судов, образуя в совокупности Суд ошибок, который пересматривает решения провинциальных судей, прежде чем доложить о них Его Величеству. Эти меры предосторожности приняты для предотвращения несправедливости, когда речь идет о жизни, и система демонстрирует стремление обеспечить полное и беспристрастное рассмотрение всех дел, связанных со смертной казнью, что, хотя и может не принести должного эффекта, делает правителям большую честь, если принять во внимание малую ценность жизни, которую обычно придают азиатские правительства. От этих органов ожидается, что их решения будут соответствовать закону, и им не разрешается ссылаться на собственные решения императора в качестве прецедентов, если закон об этих решениях не был специально внесен в кодекс в качестве дополнительного положения.

Кроме того, в обязанности подчинённым Коллегии наказаний входит запись всех решений Его Величества по апелляциям из провинций на осенних ассамблеях, когда весь список представляется на рассмотрение и окончательное решение, и наблюдение за тем, чтобы эти приговоры передавались провинциальным судьям. Другой отдел следит за публикацией кодекса со всеми изменениями и дополнениями; третий надзирает за тюрьмами и тюремщиками; четвертый получает штрафы, взимаемые в результате смягчения наказаний, а пятый регистрирует поступления и расходы. Если бы отправление закона в Китае хоть немного соответствовало справедливости большинства его постановлений или осторожности, проявляемой для предотвращения сговора, злоупотреблений и поспешности со стороны судей, это была бы несравненно лучшая управляемая страна из христианства; но болезненный контраст между хорошими законами и злыми правителями таков, что показывает полную невозможность обеспечить должное отправление правосудия без более высоких моральных принципов, чем те, которым может научить язычество.

Ямун Хинг Пу в столице - самый активный из всех управлений, но о том, что происходит в его стенах, известно мало. Заключение в основном привозятся из провинций, офицеры высокого ранга, арестованные за проступки или неудачи, а также преступники, осужденные или приговоренные здесь, которые подали апелляцию в высшие трибуналы. Немногие из тех, кто входит в его ворота, никогда не возвращаются через них, и их страдания редко заканчиваются, пока у них остается хоть какое-то имущество. Рассказ об ужасном обращении, которому подверглись Лох и его товарищи в 1860 году, будучи заключенными в этом *ямуне*, дает яркое представление об их страданиях, но местных заключенных обычно не держат связанными и прикованными. В задней стене заведения есть железная дверь, через которую просовывают трупы, чтобы унести их для погребения.

8. Кунг Пу, или Совет работ, "осуществляет управление и руководство общественными работами по всей империи, а также текущими расходами на них, с целью помочь императору поддерживать всех людей в состоянии покоя. Все, что касается планов деревянных и земляных зданий, форм полезных инструментов, законов о перекрытии или открытии каналов, постановлений о строительстве мавзолеев и храмов, докладывается этому Совету

для совершенствования государственных работ". Его обязанности носят разноплановый характер, и в других странах их выполняет не один департамент, хотя план, принятый китайцами, не лишен преимуществ. Одно бюро следит за состоянием всех городских стен, дворцов, храмов, алтарей и других общественных сооружений; выполняет функции призовой конторы и предоставляет палатки для путешествий Его Величества; поставляет древесину для кораблей, а также гончарные и стеклянные изделия для двора. Второй занимается изготовлением военных запасов и утвари, используемой в армии; сортирует жемчуг, добываемый на промыслах, в соответствии с его стоимостью; регулирует вес и меру, выдает "смертные приговоры" губернаторам и генералам; и, наконец, отвечает за арсеналы, магазины, лагерное снаряжение и другие вещи, относящиеся к армии. Третье управление ведает всеми водными путями и дамбами; оно также ремонтирует и роет каналы, возводит мосты, следит за берегами рек с помощью депутатов, расставленных на постах вдоль их течения, строит военные суда, собирает пошлины, чинит дороги, копает канализацию в Пекине и чистит водостоки, сохраняет лед, делает книжные шкафы для государственных документов и, наконец, следит за шелками, отправляемыми в качестве налогов. Четвертое из этих управлений занимается главным образом состоянием императорского мавзолея, возведением усыпальниц и табличек заслуженных офицеров, похороненных за государственный счет, украшением храмов и дворцов, а также руководит всеми рабочими, занятыми в правлении.

Монетный двор находится под руководством двух вице-президентов, а производство пороха специально поручено двум великим министрам. Из этого перечисления можно подумать, что функции Совета работ настолько разнообразны, что он является одной из самых эффективных частей правительства; но если состояние фортов, портов, дамб и т.д. в других частях страны соответствует таковому на побережье, то, как сказал однажды император об армии, "видимость войны, но не реальность" - большинство работ находятся на учете и остаются на месте, за исключением случаев, когда угрожает опасность или Его Величество специально приказывает провести общественные работы и, что более важно, выделяет деньги.

ЛИ ФАН ЮЭНЬ, ИЛИ КОЛОНИАЛЬНЫЙ ОФИС.

9. Ли Фан Юэнь, или Суд по управлению иностранцами, обычно называемый Колониальной канцелярией, "осуществляет управление и руководство внешними иностранцами, назначает им вознаграждения и почести, назначает их визиты в суд и регулирует их наказания, чтобы показать величие и доброту государства". Это важная ветвь власти, в ведении которой находятся все бродячие и оседлые племена Монголии, Кобдо, Или и Коко-нор. Все они называются *ваи фан*, или "внешние иностранцы", в отличие от племен, живущих в Сцюзне и Формозе, которые называются *нуи фан*, или "внутренние иностранцы". Существуют также *нуи* и *ваи*, или "внутренние и внешние варвары": к первым относятся непокоренные горцы Квейчау, а ко вторым - жители всех иностранных государств, которые не желают подчиняться обновляющему влиянию Поднебесной. Колониальное управление регулирует управление кочевниками и ограничивает их скитания, чтобы они не вторгались на пастбища друг друга. Все его чиновники - маньчжуры и монголы, над ними стоят один президент и два вице-президента - маньчжуры, и один монгольский вице-президент, назначаемый пожизненно.

Помимо обычных секретарей для ведения общих дел, существует шесть департаментов, чья совокупная власть включает в себя все отрасли, необходимые для управления этими кланами. Первые два имеют юрисдикцию над многочисленными племенами и корпусами внутренних монголов, которые находятся в более полном подчинении, чем остальные, и

часть из них была передана под контроль офицеров в Чили и Шанси. Назначение местных чиновников, сбор налогов, выделение земель китайским поселенцам, открытие дорог, выплата жалованья, организация браков, свит, визитов ко дворам, подарков князей и смотр войск - все это относится к этим двум департаментам. Третий и четвертый имеют аналогичный, но менее эффективный контроль над князьями, ламами и племенами Внешней Монголии. В Урге находятся два верховных министра, органы связи с Россией и главные надзиратели за границей. Надзор за иерархией лам в Монголии теперь полностью под контролем этого ведомства, а в Тибете их власть была значительно урезана. Пятый департамент руководит действиями, сдерживает силы, взимает налоги и распоряжается о визитах магометанских нищих в Тянь-шань-Нань-лу, которые ведут себя довольно тихо, поскольку им платят подарками и льстят почестями. Шестой департамент регулирует уголовную дисциплину в притобольских племенах. Жалованье, выплачиваемое монгольским князьям, распределяется по экономичной шкале. *Цинь-ван* ежегодно получает 2600 долларов и двадцать пять кусков шелка; *киун-ван* - около 1666 долларов и пятнадцать кусков шелка; и так далее по рангу бэйлэ, бэйцэ, дукэ и т. д., последний из которых получает жалованье всего в 133 доллара и четыре куска шелка. Внутренняя организация этих племен сейчас, вероятно, такая же, какой она была вначале у скифов и гуннов, и носит черты феодально-родового строя, измененного кочевой жизнью, которую они вынуждены вести. Китайское правительство стремится уменьшить влияние и свиты ханов и бегов и возвысить народ до положения независимых владельцев и земледельцев.

ТУ-ЧА-ЮЭНЬ, ИЛИ ЦЕНЗУРА.

10. Ту-ча-юэну, или Цензорату, *то* есть "Всеиспепеляющему суду", поручено "заботиться о нравах и обычаях, исследовать все государственные учреждения в столице и за ее пределами, различать хорошее и плохое исполнение их дел, разврат и добродетель служащих в них; брать пример с других цензоров и высказывать каждому свое мнение и упреки, чтобы побудить служащих быть прилежными к исполнению своих повседневных обязанностей и сделать правительство империи стабильным". Цензура, объединенная с Коллегией наказаний и Апелляционным судом, образует высший суд для пересмотра уголовных дел и рассмотрения апелляций из провинций, а в сочетании с Шестью коллегиями и Представительным и Апелляционным судом составляет один из *Киу Кинг*, или "Девяти судов", которые рассматривают важные государственные дела.

Должностными лицами являются два цензора и четыре заместителя цензора, кроме того, губернаторы, вице-губернаторы и губернаторы рек и внутреннего судоходства являются заместителями цензора *по должности*. Над каждым из шести коллегий поставлен класс цензоров, в обязанности которых входит наблюдение за всеми их действиями, получение из Кабинета всех государственных документов, классификация их и передача в те суды, к которым они относятся, а также полумесечное рассмотрение бумаг, поступивших в архив каждого суда. Все уголовные дела в провинциях находятся под надзором столичных цензоров, а департамент, ведающий делами метрополии, пересматривает ее муниципальные акты, улаживает ссоры и пресекает преступления ее жителей. Таковы обязанности Цензората, и ни одна часть китайского правительства не привлекала к себе большего внимания. Привилегия обличения, предоставленная законом цензорскому ведомству, иногда осуществлялась с удивительной прямоотой и откровенностью, и в истории

зафиксировано много случаев, когда эти чиновники страдали за свою верность, но таких случаев, должно быть, действительно мало в пропорции к неудачам.

Прославленный Сунг, назначенный комиссаром для сопровождения лорда Макартни, однажды поспорил с императором Киакингом о его привязанности к игрищам и крепким напиткам, которые унизили его в глазах его народа и лишили возможности выполнять свои обязанности. Император, сильно раздраженный, вызвал его к себе и, когда тот признался в авторстве мемориала, спросил, какого наказания он заслуживает. Он ответил: "Четвертование". Ему велели выбрать другое: "Пусть меня обезглавят", и по третьему приказу он решил быть задушенным. Тогда ему приказали удалиться, а на следующий день император назначил его губернатором в Или, тем самым признав его правоту, хотя и не смог вынести его порицания.

История сообщает об ответе другого цензора в царствование императора династии Тан, который, когда его величество однажды пожелал осмотреть архивы историографа, чтобы узнать, что было записано о нем самом, под тем предлогом, что он должен знать свои недостатки, прежде чем сможет их исправить, получил ответ: "Действительно, Ваше Величество совершило ряд ошибок, и наша работа была мучительным долгом обратить на них внимание; долг, который также обязывает нас сообщить потомству о разговоре, который Ваше Величество сегодня, весьма неуместно, вел с нами".

Цензоры обычно присутствуют на всех государственных мероприятиях рядом с Его Величеством, и им часто разрешается открыто выражать свое мнение, но в деспотическом правительстве это не более чем государственная фикция, так как страх оскорбить императорское ухо и последующая немилость обычно оказываются сильнее сознания правоты или желания общественной славы и мученической смерти ради принципа. Обычный способ подачи советов заключается в том, чтобы направить протест против предлагаемого акта, как в 1832 году, когда один из членов органа протестовал против того, чтобы император обращал внимание на анонимные обвинения; или предложить другую процедуру, как в меморандумах Чу Цуна против легализации опиума. Количество этих бумаг, помещенных в "Пекинском вестнике" для сведения империи, во многих из которых действия офицеров подвергаются суровому осуждению, показывает, что цензоры не бездействуют. В 1833 году цензор по фамилии Сюй обратился к императору с просьбой запретить официальным лицам при дворе писать частные письма, касающиеся государственных лиц и дел в провинциях. Он заявил, что, когда кандидаты уезжали из столицы в свои провинции, они отправляли частные письма от своих друзей провинциальным властям, в которых "звучал голос влияния и интереса", и таким образом извращалось правосудие. Император приказал Кабинету министров допросить цензора и получить от него факты в доказательство этих заявлений, но при дознании он либо не захотел, либо не смог привести никаких дел, а сам получил выговор. "Этим цензорам позволено, - говорит император, - пересказывать мне слышанные ими донесения, сообщать мне о придворных и губернаторах, извращающих законы, и прямо говорить о любых недостатках или не порядках, которые они могут заметить в самом монархе; но им не позволено использовать свои карандаши для написания меморий, наполненных смутными догадками и простыми вероятностями или предположениями. Это только наполнит мой ум сомнениями и неопределенностью, и я не буду знать, каких людей нанять; если бы этому духу потворствовали, ущерб правительству был бы самым серьезным. Пусть Сю подвергнется суду".

Отстранение от должности или позор цензоров за их свободу слова - обычное дело, и среди сорока или пятидесяти человек, обладающих этой привилегией, можно найти несколько, которые без колебаний возвышают свой голос против того, что они считают неправильным; и

есть основания полагать, что лишь небольшая часть их выступлений появляется в "Газете". В отношении этого правительственного органа следует отметить, что, хотя он может лишь частично препятствовать притеснениям и реформировать злоупотребления, и хотя внимательное изучение его реальной деятельности и влияния, а также характера его членов может вызвать скорее презрение, чем уважение, все же существование такого органа и публикация его меморандумов не может не исправлять в некоторой степени неправильное поведение и препятствовать злоупотреблениям, прежде чем они приведут к широкомасштабному злу. Однако Цензура - это лишь один из множества механизмов контроля за поведением чиновников, и, возможно, далеко не самый сильный.^[236]

ПЕРЕДАТОЧНЫЕ И СУДЕБНЫЕ СУДЫ.

11. Тунг-чинг-зз', который можно назвать судом передачи, состоит из небольшого органа, состоящего из шести чиновников, в обязанности которых входит принимать меморандумы от провинциальных властей и апелляции на их решения от народа и представлять их в Кабинет министров. При этом суде имеется канцелярия, где присутствующие у дворцовых ворот ожидают удара в барабан, который, согласно древнему обычаю, помещается там, чтобы просители могли, ударив в него, получить слушание. Это также канал, через который народ может напрямую обращаться к его величеству, и известны случаи, когда отдельные люди, даже женщины и девушки, приезжали в столицу из отдаленных мест, чтобы подать свои прошения о восстановлении прав перед троном. Чувство кровной мести преобладает среди китайцев и заставляет многих из этих слабых и незащищенных людей претерпевать большие трудности, чтобы получить законное возмещение, когда жизнь их родителей была несправедливо отнята могущественными и богатыми врагами.

12. Та-ли Сз', или Судебный и ревизионный суд, призван регулировать все уголовные суды в империи и представляет собой ближайшее приближение к Верховному суду в правительстве, хотя дела, рассматриваемые им, в основном уголовные. Когда преступления касаются жизни, эта и предыдущая палаты объединяются с Цензоратом в один суд, и если судьи не единодушны в своих решениях, они должны доложить о своих доводах императору, который выносит свой приговор. В деспотическом правительстве никто не может ожидать, что должностные лица судов будут выполнять свои функции с той осторожностью и справедливостью, которые требуются в христианских странах, но были предприняты значительные усилия, чтобы добиться как можно большей степени справедливости.

СУДЫ ХАНЛИН И МИНОР.

13. Ханьлин Юэнь, или Императорской академии, поручено "составлять правительственные документы, истории и другие труды; ее главные офицеры руководят различными классами и возбуждают их усилия к продвижению в учебе, чтобы подготовить их к работе и сделать их пригодными для обслуживания государя". Вполне вероятно, что этот орган имеет некоторое сходство с собранием ученых людей, которым вавилонский царь поручил обучение перспективных юношей, поскольку, хотя члены Ханьлин Юэнь не занимаются в значительной степени обучением людей, они постоянно упоминаются, как халдеи Белшазаром. Сэр Джон Дэвис сравнивает его с Сорбонной, поскольку он излагает священные книги китайцев. Его главными должностными лицами являются два президента или старших члена, называемые *чванг юэнь хиох-шз'*, которые обычно назначаются пожизненно; они присутствуют при императоре, следят за учебой выпускников и составляют полугодовые списки лиц, которые должны быть "докладчиками" на "классических праздниках", где литературные сочинения его величества переводятся с маньчжурского и на маньчжурский и читаются перед ним.

Двум старшим членам подчиняются четыре класса офицеров, по пять человек в каждом классе, а также неограниченное число выпускников старших курсов, каждый из которых образует своего рода колледж, в обязанности которого входит подготовка всех работ, издаваемых с правительственной санкции; эти лица время от времени подвергаются новым экзаменам и могут быть лишены своих степеней или вовсе уволены с должности в случае обнаружения недостатков или недоработок. В подчинении Ханьлинь Юэня находится канцелярия, состоящая из двадцати двух избранных членов, которые поочередно посещают императора и записывают его слова и действия. Существует также дополнительная канцелярия для подготовки национальных историй.

Положение члена Ханьлинь - это значительный почет и литературная легкость, и ученые с нетерпением ждут места в нем, которое придает им достоинство в правительстве, где все офицеры назначаются в соответствии с их литературными заслугами, но гораздо больше от того, что это орган, из которого император выбирает своих самых ответственных офицеров. Выпускник, получивший это звание, с наибольшей вероятностью будет выдвинут на вакантную должность, хотя само по себе обладание титулом не гарантирует места.^[237]

Прежде чем перейти к рассмотрению провинциальных правительств, необходимо рассказать о некоторых других ведомствах, не связанных с общим механизмом государства. Муниципалитет Пекина уже упоминался при описании столицы; он тесно связан с общим правительством и является его неотъемлемой частью. Среди судов, не связанных с муниципальным управлением метрополии и не составляющих один из крупных государственных департаментов, - *Тай-чан-цзы*, или "Жертвенный суд", служащие которого "руководят жертвоприношениями, различают различные инструменты и качество жертвоприношений". Их обязанности важны в связи с государственной религией, и они занимают высокое место среди придворных сановников империи, но, как члены этого органа, не обладают никакой властью. *Тай-пунг Сз'*, или суперинтендант конюшни Н. I. M.'s Stud - это управление, занимающееся "разведением лошадей, учетом их прироста и регулированием их обучения"; для этой цели выделены большие участки земли за Великой стеной, и служащие этого управления под руководством Военного совета следят за табунами и конюхами.

Kwangluh Sz', или "Банкетный дом", отвечает за "пиршество заслуженных и банкет достойных"; он в некоторой степени подчинен Коллегии обрядов и обеспечивает все необходимое для банкетов, устраиваемых для выпускников литературных вузов, иностранных послов и т. д. *Хунглу-цз'*, или "Церемониальный суд", регулирует формы, соблюдаемые на этих банкетах, которые сводятся к тому, что гости собираются в соответствии с их рангами и указывают, когда им следует совершить *котоу*, называемое также *сан-квей-киу-као*, "три колена и девять ударов". *Kwoh-tsz' Kien*, или "Национальный колледж", отличается от Hanlin Yuen и предназначен для обучения выпускников низших степеней; факультеты обучения - китайский язык, классика и математика, каждое отделение имеет своих соответствующих преподавателей, а также несколько высших офицеров, как китайских, так и маньчжурских.

Императорская астрономическая коллегия (*Kin Tien Kien*), как и следовало ожидать, в большей степени астрологическая, чем астрономическая; ее обязанности определены как "руководство определением времени и движения небесных тел, чтобы достичь соответствия с небесными периодами и регулировать счисление времени среди людей; все, что касается гадания и выбора дней, находится в ее ведении". Подготовка альманаха, в котором, среди

прочего, отмечены удачные и неудачные дни для совершения всех важных жизненных актов, а также астрологические и хиромантические нелепости, вставленные для развлечения гадалок и других людей, обучение нескольких учеников и уход за обсерваторией занимают большую часть времени его сотрудников. Сейчас от нее нет никакой практической пользы, и по мере того, как *Тунг-Вен-Кван* превращается в образованный и эффективный колледж, включающий в себя астрономию, медицину и родственные им отрасли, эти местные коллегии постепенно сходят на нет.

ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРАТОРА СО СВОИМИ ЧИНОВНИКАМИ.

Другие местные суды столицы, по-видимому, были разделены и умножены в значительной степени для того, чтобы дать работу большему числу людей, особенно маньчжурам и выпускникам, чтобы император мог прикрепить их к себе и быть уверенным в их поддержке в случае какого-либо восстания со стороны народа, а также для того, чтобы он мог больше подчинить их себе. Число канцеляристов и мелких чиновников во всех общих департаментах государства, несомненно, больше, чем в европейском правительстве. Во взаимоотношениях крупных департаментов китайского правительства четко прослеживаются принципы ответственности и контроля между должностными лицами, а также уделяется внимание такому разделению и распределению труда, которое обеспечит большую эффективность и заботу, если каждый член аппарата будет добросовестно выполнять свои обязанности. Два президента стоят над каждым советом, чтобы помогать и наблюдать друг за другом, в то время как два президента наблюдают за четырьмя вице-президентами; президент одного совета иногда является вице-президентом другого; и с помощью Цензората и Генерального совета каждая часть находится в ведении нескольких независимых офицеров, чья взаимная ревность и забота о личном продвижении, или частичное желание благополучия государства, дает императору некоторую гарантию верности. Уединение, в котором он живет, затрудняет приближение к его персоне любого заговорщика, но его собственные опасения относительно управления такой огромной империей заставляют его информировать себя о действиях министров, генералов и проконсульских губернаторов. Поведение и преданность сотен офицеров, как гражданских, так и военных, во время войн с Великобританией и подавления восстаний в течение последних тридцати лет, служат достаточным доказательством того, что он привязал своих подчиненных к своей службе по какому-то другому принципу, нежели страх. Общее число гражданских лиц, занимающих должности, оценивается примерно в четырнадцать тысяч человек, но тех, кто зависит от правительства, во много раз больше.

Правители Китая разработали систему провинциальных правительств в восхитительной манере, учитывая характер народа и материалы, с которыми им пришлось работать; лучшего доказательства их благоразумия в этом отношении не найти, чем общая степень хорошего порядка, который поддерживался в течение почти двух веков, и большой прогресс, которого добился народ в богатстве, численности и власти. Благодаря хорошо разработанному плану сдержек и перемен в провинциальных властях, шансы злоупотребления ими своим положением и властью и объединения их для свержения верховного правительства были сведены почти к невозможности; влияние взаимной ответственности между ними делает кое-что для предотвращения возмутительного угнетения народа, побуждая одного обвинять другого в высоких преступлениях, чтобы оправдать себя или получить свое место. Сыновья и родственники императора не допускаются к гражданским должностям в провинциях, поэтому высокодуховные и талантливые коренные китайцы не склонны к заговорам против правительства, поскольку все пути к богатству и власти заполнены и закрыты от них существами и связями государя; занимая должность, они не склонны пытаться свергнуть

царствующую семью, чтобы не потерять то, что стоило им многих лет кропотливой учебы, богатства и влияния друзей для достижения цели. Изучение этих пашалыков также заслуживает внимания в связи со степенью власти, делегированной их высшим офицерам, и проницательным способом, с помощью которого ее осуществление было ограничено и подчинено императорскому источнику.

ВЫСШИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ.

Высшими должностными лицами в провинциях являются *цунгтук*, лит. "генеральный директор", или генерал-губернатор, и *футай*, или *фуюэн*, "душегуб", или губернатор. Первого часто называют вице-королем, но этот термин кажется совершенно неприменимым для обозначения чиновника в пределах государства; генерал-губернатор, или проконсул, более соответствует его обязанностям. Перевод этих и многих других китайских титулов не передает их точных функций, но в некоторых случаях эквивалент более понятен, чем перевод. [238] *Цунгтук* управляет двумя провинциями или занимает две высокие должности в одной провинции, в то время как *футай* управляет одной провинцией, либо независимо от *цунгтуха*, либо в подчинении у него, как перечислено в таблице на странице 61.

Изучение Красной книги за 1852 год показало, что из 20 327 имен в ней 16 474 - китайцы, 3 295 - маньчжуры и монголы и 558 зачисленных китайцев; в экземпляре за 1844 год из 12 758 имен 10 463 - китайцы, 1 768 - маньчжуры и 527 зачисленных китайцев; эти цифры включают только гражданских лиц и служащих в Пекине. В восемнадцати провинциях насчитывается в общей сложности менее двух тысяч человек, занимающих должности выше ранга помощника окружного магистрата, а именно: 8 генерал-губернаторов, 15 губернаторов, 19 казначеев, 18 судей, 17 канцлеров, 15 командующих войсками, включая 2 адмиралов и 1740 префектов и мировых судей. Все лица, занимающие высокие посты в этой серии, дважды в месяц докладывают императору о себе, посылая ему приветственную карточку на желтой бумаге, вложенную в шелковый конверт; в ней, например, говорится, что "Линь Цзе-сюй, генерал-губернатор Лян Кван, смиренно представляет свой долг перед тронem, желая его величеству покоя". Император отвечает на это пурпурным карандашом: "*Чин нган*", то есть "Сам здоров".

Обязанности генерал-губернатора состоят в коллективном управлении всеми делами, гражданскими и военными, в подведомственной ему области; он занимает в своей сфере, под поправкой, ту же власть, что и император над всей империей. *Футай* имеет аналогичный контроль, но в меньшей степени, когда есть *цунгтук*, в более специальном надзоре за административной частью гражданского правительства, в отличие от доходной, габельной или литературной частей.

Департаментов гражданского правительства пять, а именно: административный, литературный, габельный, комиссариатский и акцизный; первый также делится на территориально-финансовый и судебный. Во главе первой ветви стоит *пу-чин-цз'* (т. е. комиссар по регулированию правительства), которого обычно называют казначеем; во второй - *нган-ча-цз'*, или "уголовный судья", председательствует. Эти два должностных лица часто объединяют свои совещания при решении каких-либо территориальных или финансовых дел, а также при рассмотрении важных дел. Литературный отдел находится под руководством офицера, выбранного из числа членов Академии Ханьлинь, который называется *хиох-чинг*, директор обучения или литературный канцлер; всего их семнадцать. Габель и комиссариат обычно контролируются промежуточными офицерами, называемыми *тао*, или *таотай*, иногда называемыми интендантами округа, которые, кроме того, выполняют и другие функции. Акцизное, или торговое, ведомство находится в ведении

киентух, или суперинтендантов, но детали этих трех ветвей в разных провинциях значительно отличаются. Чиновники акцизного ведомства, как во внутренних районах, так и на побережье, подчиняются своим начальникам в провинции, но их функции выполняются нерегулярно, поскольку сбор доходов - дело непростое и в основном возлагается на местных магистратов.

Военное правительство провинции включает в себя как сухопутные, так и морские силы. Оно подчиняется *титу*, или главнокомандующему, которых всего шестнадцать, из них двенадцать командуют только одной армией, а четыре управляют и сухопутными, и морскими силами. В пяти провинциях главнокомандующим является *футай*, а в Кансухе их два. Выше *титуха*, по рангу, но не по власти, располагаются гарнизоны маньчжурских знаменосцев под командованием *цян-киуна*, или генерала, чей пост присваивается, а его действия непосредственно контролируются генерал-капитанами в Пекине; он имеет юрисдикцию, как правило, только в самом городе, основной целью назначения, очевидно, является пресечение любых изменнических замыслов гражданских властей.

Однако для понимания обязанностей и отношений этих различных чинов друг с другом требуется дополнительное объяснение. Три чиновника, *цунтук*, *футай* и *цянкун* (если есть один), образуют верховный совет и объединяются при обсуждении той или иной меры, вызывая подчиненного чиновника, к ведомству которого она относится в особенности и которому должно быть поручено ее исполнение; все они образуют совещательный совет, хотя ответственность за принятие решения лежит на двух высших чиновниках. Таким образом, различные члены провинциального правительства лучше узнают характер и планы друг друга, хотя их общение сильно ограничено старшинством и соперничеством. В провинциальных судах гражданские лица всегда имеют преимущество перед военными; генерал-губернатор и командующий знаменем, губернатор и генерал-майор, литературный канцлер и таможенный сборщик стоят друг за другом; затем следуют казначей, судья и другие гражданские лица. Власть генерал-губернатора распространяется на жизнь и смерть, на временное назначение на все вакантные должности в провинции, на распоряжение войсками в любой ее части, на издание таких законов и принятие таких мер, которые необходимы для безопасности и мира во вверенной его попечению области, или на любые другие шаги, которые он сочтет необходимыми. *Футай* также обладает властью жизни и смерти, рассматривает апелляции по уголовным делам; кроме того, он следит за поведением низших гражданских чиновников.

Следующими по рангу после *пу-чин-цзы* и *нган-ча-цзы*, которые всегда проживают в столице провинции, являются интенданты округов, которые располагаются в округах, состоящих из двух или трех префектур, объединенных для этой цели. Они являются заместителями двух высших должностных лиц, и делегированные им полномочия часто включают в себя как военную, так и гражданскую власть, а главной целью их назначения является облегчение и помощь этим высшим должностным лицам в выполнении их обширных обязанностей. Некоторые интенданты назначаются для надзора за деятельностью префектов и районных магистратов; другие размещаются на важных постах для их охраны, а те, что связаны с внешней торговлей в открытых портах, не имеют территориальной юрисдикции.

ПОДЧИНЕННЫЕ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ВЛАСТИ.

Губернаторам через интендантов округов подчиняются префекты или главные магистраты департаментов, называемые *chífu*, *chíchau* и *ting tungchí*, т. е. "знающие" их, в зависимости от того, в чьем ведении находятся департаменты *fu*, *chau* или *ting*. В обязанности этих лиц

входит ознакомление со всем, что происходит в пределах их юрисдикции, и они несут ответственность за полное исполнение всех переданных им распоряжений, представляя свои отчеты и получая приказы через интендантов.

Практическая эффективность китайского правительства в деле повышения благосостояния народа и сохранения мира зависит в первую очередь от этих чиновников. Сами люди склонны ссориться и притеснять друг друга; нищие, грабители, бродяги и стяжатели разжигают беспорядки различными способами, и им нужны мудрые и энергичные руки, чтобы подавить и наказать их; в то время как все классы избегают и сопротивляются сборщику налогов настолько, насколько это безопасно. Пословица "*Чифу* может истребить семью, *чихиен* может конфисковать имущество" свидетельствует о народном страхе перед их властью.

Подразделения департаментов, называемые *тинг*, *чау* и *хиен*, имеют каждый своего отдельного офицера, который подчиняется вышестоящим *чифу* и *чичау*; они называются *тунгчи*, *чичау* и *чихиен*, и все они могут быть названы районными магистратами. Части районов, называемые *sz'*, находятся под управлением *siunkien*, окружных стражников, или сотников, которые являются последними в регулярном ряду нисходящих рангов - последними из "уполномоченных офицеров", как их можно было бы назвать не совсем правильно. Префекты иногда имеют заместителей, непосредственно подчиненных им, как губернатор имеет своих интендантов, когда их юрисдикция очень велика или важна, которые называются *киунмин фу* и *тунгчи*, т.е. "совместные знатоки". Заместители районных магистратов называются *чаутунг* и *чаупван* для *чичау*, *хиенчинг* и *чуфу* для *чихиен*; у последних также есть другие, называемые *цо-танг* и *ю-танг*, то есть левые арендаторы и правые арендаторы.

Кроме этих помощников, есть и другие, как в департаментах, так и в округах, которые занимаются надзором за полицией, сбором налогов и управлением доходами, заботой о водных путях и многими другими подразделениями законодательных обязанностей, которые нет необходимости перечислять. Они назначаются везде, где территория настолько велика, а обязанности настолько обременительны, что один человек не может заниматься всем, или поручать ему их небезопасно. Они обладают почти такой же властью, как и их начальники во вверенном им ведомстве, но ни один из них не имеет судебных или законодательных функций, а рутинность их работы дает им меньше возможностей для притеснений. Не стоит также обращать внимания на огромное количество канцеляристов, регистраторов и секретарей, которые находятся при упомянутых здесь сановниках различных рангов, или на множество мелких подчиненных, которые встречаются в провинциях и занимают определенные места или выполняют определенные обязанности, если того требует необходимость. Их число очень велико, и ответственность за их деятельность возлагается на высших чиновников, которые получают их отчеты и руководят их действиями.

От этих "крыс под алтарем", как их называет китайская пословица, простой народ страдает больше, чем от начальства, потому что, в отличие от него, они, как правило, уроженцы этих мест и лучше знакомы с положением жителей, да и удаляются не так часто. Страх попасть в их лапы удерживает от дурных поступков, пожалуй, больше, чем все наказания, хотя народ вскоре жалуется на произвол, не оставляя его без внимания. Одна поговорка "Подчиненные видят деньги, как муха видит кровь" указывает на их склонность, а другая "Деньги падают в лапу подчиненного, как овца в пасть тигра" отражает народное представление о том, как им угодить. У каждого интенданта, префекта и окружного магистрата в канцелярии есть специальные секретари, которые заполняют бумаги, пишут и передают депеши, расследуют дела, регистрируют доказательства, ведут счета и выполняют другие функции. Всем

вышестоящим *чинам* разрешается иметь личных секретарей, называемых *sz'ue*, которые обычно являются личными друзьями и сопровождают чиновников повсюду, где они бывают, чтобы консультировать их и готовить официальные документы. В подчинении у *нган-ча сз'* находятся тюремщики, а также более важные префекты.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ГАБЕЛЬНЫЙ И ДОХОДНЫЙ ОТДЕЛЫ.

Назначение должностных лиц теоретически основано на литературных заслугах, поэтому те, кому поручено наблюдение за студентами и присуждение ученых степеней, естественно, должны быть высокого класса. *Хюох-чинг*, или литературный канцлер, провинции, таким образом, занимает место рядом с губернатором, больше, однако, потому, что он специально назначен Его Величеством и наблюдает за этой ветвью правительства, чем из-за власти, переданной в его руки. Под его началом находятся главные учителя разных степеней власти, проживающие в главных городах департаментов и округов, в целом образуя ряд функционеров, аналогичный тому, что существует в гражданском ведомстве. Эти подчиненные имеют лишь большую или меньшую степень надзора за учебной работой студентов и колледжами, созданными для развития образования в главных городах департаментов. Присуждение низших степеней принадлежит исключительно канцлеру, который ежегодно объезжает с этой целью провинцию и устраивает экзамены в главном городе каждого департамента, куда могут приезжать все студенты, проживающие в его пределах.

Габель, или соляной департамент, находится под контролем специального чиновника, называемого "комиссаром по перевозке соли" и образующего в пяти приморских провинциях одного из *сан-цзы*, или трех комиссаров, из которых *пу-цзин-цзы* и *нган-ча-цзы* - два других. Над этими комиссарами стоят восемь директоров соляной монополии, размещенных в депо в Чили и Шантунге, которые, однако, занимают и другие должности и несут скорее номинальную ответственность над низшими комиссарами. Количество и ранг чиновников, связанных с соляной монополией, свидетельствуют о ее важности и доказывают, насколько велик доход от статьи, которая требует столь дорогостоящего учреждения. В настоящее время расходы на управление монополией примерно равны ее доходам.

Департамент комиссариата и доходов в Китае необычайно велик по сравнению с другими странами, поскольку план сбора любой части доходов в натуральном виде обязательно требует многочисленных транспортных средств для перевозки и зданий для хранения, что еще больше увеличивает количество служащих и рабочих рук. Перевозка зерна по реке Янцзы находится под контролем *цунгтуха*, который также следит за его утилизацией и руководит сборщиками в восьми провинциях, прилегающих к этой реке. В двенадцати провинциях существует должность *лианг-чу-тао*, или уполномоченного по сбору зерна, в шести - *пу-цзин-цзы*; надзор за подчиненными агентами этого ведомства в нескольких районах находится в руках префектов и районных магистратов. Та особенность китайской системы, которая делает чиновников взаимно ответственными, кажется, заставляет высшие власти возлагать такие различные обязанности на одного чиновника, чтобы он мог иметь общее представление о том, что происходит вокруг и под ним, и сообщать о том, что он считает неправильным. Конечно, маловероятно, что так было изначально, ведь китайское правительство пришло к своему нынешнему составу медленными шагами; но таково, насколько можно судить, его влияние, и оно в немалой степени служит осуществлению замыслов правителей связать между собой и друг с другом главные и второстепенные колеса огромной машины.

Таможня и акциз находятся в ведении офицеров разных рангов в зависимости от важности их должностей. Транзитные пошлины, взимаемые на акцизных станциях, расположенных в каждом городе, собираются офицерами, действующими под руководством местных властей, и не имеют никакого отношения к сбору морских пошлин. Этот налог, называемый *ли-кин*, или "наличными за катти", в последнее время был значительно увеличен, и естественным результатом стало уничтожение торговли, на которую он покушался, или ее переключение на другие каналы. Иностранные купцы и офицеры также протестовали против его введения, видя, что их торговля сдерживается.

Подводя итоги в табличной форме, можно сказать, что за пределами кабинета министров, совета, коллегий и судов в столице, правительство (в восемнадцати провинциях) находится в руках:

8	Генерал-губернаторы (6, управляющие двумя провинциями каждый).
15	Губернаторы.
19	Комиссары финансов (2 для Киангсу).
18	Комиссары юстиции.
4	Директора "Соляного Габеля".
9	Коллекционеры (независимо от них).
13	Комиссары по зерну, или комиссары.
64	Интенданты цепи.
182	Префекты.
68	Префекты низших департаментов.
18	Независимые субпрефекты.
180	Зависимые субпрефекты.
139	Заместители субпрефектов.
141	Районные магистраты пятого класса.
1,232	Районные магистраты седьмого класса.

ВОЕННОЕ И ВОЕННО-МОРСКОЕ ВЕДОМСТВА.

Военная часть провинциальных правительств находится под контролем *титуха*, или генерал-майора, который проживает на центральном посту и, совместно с генерал-губернатором и губернатором, руководит передвижениями войск, а эти последние также имеют независимый контроль над определенным корпусом войск, принадлежащим им официально. Различные классы офицеров в туземной армии, а также часть войск, подчиненных каждому из них, размещенных в гарнизонах и крепостях в разных частях провинций, устроены методично, что не может не вызвать сравнения с армией любой страны мира. Туземные войска в каждой провинции отличаются от маньчжурских и делятся несколько по римскому плану на легион, когарту, манипулу и столетие, над каждым из которых стоят офицеры, от полковника до сержанта. Китайской армии не хватает ничего, чтобы сделать ее полностью пригодной для обороны страны, кроме дисциплины и уверенности в себе; ведь отсутствие практики и систематического обучения превратило ее в армию бумажных воинов против решительного врага. Тем не менее, недавние кампании против повстанцев в крайних западных колониях свидетельствуют о том, что ее возрождение уже имеет определенный вес. С другой стороны, несомненно, то, что китайский народ и правительство культивировали письмо, а не оружие, мир, а не войну, пошло на пользу -

первым в плане богатства, численности и безопасности, а вторым - в плане консолидации и эффективности.

Все генералы армии имеют постоянные места жительства, в которых находится большая часть их соответствующих бригад, а отряды размещаются в различных пунктах в пределах их командования. Губернатор, генерал-майор и комендант Знамени имеют независимые друг от друга командования, но *титух*, или генерал-майор, осуществляет главное военное управление. Морские офицеры носят те же имена, что и армейские, и их меняют и повышают в звании, переходя из одной службы в другую. Адмиралы и вице-адмиралы обычно проживают на берегу и отправляют своих подчиненных на эскадрах или одиночных судах, когда того требует случай. Эта система должна в скором времени уступить место более совершенному разделению двух видов вооружений с постройкой паровых судов и управлением арсеналами, когда джонки будут вытеснены.

Система взаимной проверки провинциальных чиновников проявляется и в их расположении. Например, в Кантоне генерал-губернатор находится в Новом городе рядом со сборщиком таможен, а вице-губернатор и маньчжурский генерал расположены в Старом городе так, что в случае необходимости они могут действовать против двух первых. Губернатор имеет общее командование всеми провинциальными войсками, оцениваемыми в сто тысяч человек, но частное командование только пятью тысячами, и они размещены в пятидесяти милях от него, в Шаукинг-фу. В Старом городе у *цян-цуня* под началом пять тысяч человек, что в крайнем случае сделает его хозяином столицы, а его собственная верность обеспечивается тем, что антипатия между маньчжурами и китайцами не позволяет ему объединиться с последними. Кроме того, генерал-губернатор имеет право приговаривать некоторых преступников к смерти, но *ван-мин*, или смертный приговор, хранится у *футаи*, и приказ о казни должен быть подписан им; его депеши в суд также должны быть подписаны его коадьютором. Общее отсутствие сопротивления императорской власти со стороны этих высших офицеров в течение двух веков маньчжурского правления, если сравнить его с многочисленными интригами и мятежами пашей в Турецкой империи, доказывает, насколько хорошо придумана эта система.

ПУТЕШЕСТВУЮЩИЕ ДЕПУТАТЫ И КОМИССАРЫ.

Чтобы высшие должностные лица могли проявлять большую бдительность по отношению к своим подчиненным, они имеют привилегию посылать специальных посланников, наделенных всей полнотой власти, во все части своей юрисдикции. Сам император никогда не посещает провинции в судебном порядке, да и к югу от столицы император не был в течение всего нынешнего столетия; поэтому он постоянно посылает во все части империи комиссаров или легатов, называемых *кинчаи*, которым якобы поручается управление каким-либо делом, но которые должны также осуществлять общий надзор за происходящим. У древних персов была похожая система уполномоченных, которых называли глазами и ушами князя, и они объезжали всю империю, чтобы наблюдать за всем, что делается. В структуре этих двух древних монархий есть много сходства: советники, помогавшие принцу в его совещаниях, президенты провинций, сатрапы и т. д.; но у персов не было тех элементов вечности, которые придает китайскому правительству система общих школ и официальных экзаменов.^[239]

Губернаторы точно так же посылают своих заместителей и агентов, называемых *вэйюэнами*, по провинции; даже префекты и интенданты отправляют своих посланников. Все эти чиновники во время своей миссии занимают места среди высших офицеров в соответствии с

качеством их нанимателей; но императорские комиссары, которые по тем или иным делам постоянно проезжают и проносятся по империи во всех направлениях, пользуются большим влиянием в правительстве и являются мощными агентами в руках императора, чтобы держать своих проконсулов при исполнении их обязанностей.

ГЛАВА VIII. УПРАВЛЕНИЕ ЗАКОНАМИ.

ПРОВЕРКИ, ВОЗЛОЖЕННЫЕ НА ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ.

В предыдущей главе приведен общий план, по которому построены центральное и провинциальное правительства империи; и если изучение поведения чиновников в каждом департаменте покажет их вымогательство, жестокость и продажность, это, по мнению либерально настроенного читателя, не умалит общего совершенства теории правительства и пронизательности, проявленной в системе сдержек, призванных удерживать различные части от вмешательства в благосостояние целого. Помимо уже упомянутого разделения власти и ограничений для китайских чиновников, существуют и другие средства, принятые в их расположении и чередовании для предотвращения комбинаций и сопротивления главе государства. Одним из них является закон, запрещающий человеку занимать какую-либо гражданскую должность в своей родной провинции, который, помимо того, что пресекает все интриги там, где они могли бы быть наиболее успешными, имеет еще одно последствие - скопление претендентов на должности в Пекине, куда они приезжают в надежде получить какую-либо должность или успешно сдать экзамен на получение высших литературных степеней. Центральное правительство не могло придумать лучшего плана, чтобы взять под наблюдение всех амбициозных и талантливых людей в стране, прежде чем назначать их на должности клерков в столице или рассеивать по провинциям.

Более того, ни одному офицеру не разрешается жениться в подвластной ему юрисдикции, владеть землей в ней, иметь сына, брата или ближайшего родственника, занимающего должность при нем; и редко кто остается на одном месте или в провинции дольше трех-четырёх лет. Маньчжуры и китайцы смешиваются на высоких должностях, а на некоторых вельмож налагаются обязательства сообщать императору о действиях друг друга. Члены императорского клана обязаны присутствовать на заседаниях советов в столице, наблюдать и докладывать императору и его совету о том, что они считают неправильным или интересным; в то время как во всех высших департаментах генеральных и провинциальных правительств осуществляется система шпионажа, пагубная для всех принципов благородной верности, таких, какие мы ищем в чиновниках, но не без некоторых хороших последствий в такой слабой деспотии, как Китай. Кроме этого постоянного наблюдения, существует трехгодичный каталог достоинств и недостатков всех офицеров империи, который представляется на императорский контроль в Совет гражданского управления. Чтобы собрать сведения для этого каталога, каждый провинциальный офицер обязан докладывать о характере и квалификации подчиненных ему лиц, а список, когда он составлен, губернатор направляет в столицу. Характерные черты распределены по шести различным разделам, а именно: нерадивые, неумелые, поверхностные, бездарные, пенсионеры и больные. Согласно мнению, изложенному в этом отчете, офицеры возвышаются или понижаются на столько-то ступеней в шкале заслуг, как школьники в классе, и при каждом издании указа должны указывать, на сколько ступеней они были

повышены или понижены, и сколько раз это было зафиксировано. Офицеры должны сами обвинять себя в преступлениях, как в своем поведении, так и в поведении своих подчиненных, и требовать наказания. Результаты этого своеобразного и патриархального способа обучения офицеров их долгу лучше всего показать, процитировав рескрипт Таукванга, изданный в феврале 1837 года, после того как один из каталогов был представлен Его Величеству.

"Кабинетный министр Чанлин напряженно трудился в течение долгих лет; он достиг восьмидесятилетнего возраста, но его энергия все еще в полной силе. Его коллеги Пван Шингэн и Мучанга, а также помощник министра Ван Тин, неизменно проявляли усердие и внимание и не отказывали нам в помощи. Тан Кин-чау, президент Совета канцелярии, обладает знаниями и достижениями достойного и безупречного характера, проявляет общественную активность и разумность при выполнении возложенных на него особых обязанностей. Ши Чи-ен, председатель Коллегии наказаний, сохранил свою обычную силу и энергию, а при исполнении своих судебных обязанностей проявил настойчивость и осмотрительность. Помощник министра кабинета и губернатор провинции Чихли, Кишен, добросовестно ведет дела своего правительства, а военные силы под его контролем хорошо дисциплинированы. Хусунге, губернатор провинций Шенси и Кансук, осторожен и благоразумен и исполняет свои обязанности с тщательной точностью. Илипу, губернатор Юньнани и Квейчау, хорошо разбирается в делах своего пограничного правительства и полностью преуспел в сохранении его от беспорядков. Линкин, которому поручено общее руководство реками в Кяньнани, не подвел в заботе о береговых и сохранил близлежащие районы от всякого беспокойства. В знак нашей благосклонности ко всем этим людям пусть Совет Управления определит для них соответствующие знаки отличия.

"Квейсан, подчиненный министр Кабинета, тороплив и недостаточен, как в точности, так и в способностях; он не способен двигаться и действовать самостоятельно; пусть займет низшую должность и получит назначение во второй класс гвардии. Йихчих, вице-президент Мукденского совета работ, обладает лишь заурядными способностями и неспособен к исполнению обязанностей своей нынешней должности; пусть он также займет низшую должность и будет назначен в первый класс гвардии. Наркинге, генерал-губернатор Хукванга, хотя и имеет под своим началом все гражданские и военные силы двух провинций, однако же в течение многих дней не может схватить нескольких нищих бродяг: после того, как в первом случае он не сумел предотвратить это, он продолжил эту неудачу праздностью и бездельем, и полностью доказал свою неэффективность. Пусть он займет более низкую должность губернатора в Хунани, и в течение года пусть он, задержав Лань Чин-цуня, покажет, что он побужден к большим усилиям.

"Пусть все остальные наши слуги сохраняют свои нынешние назначения. Среди них Тау Шу, губернатор Киангнана и Кианси, смел и решителен в ведении дел, но еще не достиг широких взглядов в отношении соляного ведомства; Чунг Цанг, губернатор Фухкиена и Чехкиана, находит свою энергию неудовлетворительной; Тэн Тинг-чинг, губернатор Квангтунга и Кванси, едва ли обладает достаточным уровнем таланта и знаний; а Син Ки-хиен, хотя и добросовестно и честно исполняет свои обязанности, но, как и все остальные, недолго находится на своем посту.

"То, что все служители будут действовать с чистотой и преданностью цели, с общественным духом и усердием, - наша самая горячая надежда. Особый указ".[\[240\]](#)

Эффект таких признаний и проверки характера сдерживает совершение возмутительных актов угнетения; он еще более усиливается привилегией, общей как для цензоров, так и для

частных подданных, жаловаться императору на проступки, совершенные по отношению к ним лицами, облеченными властью. Страх за собственную безопасность породил это множество сдержек, но император и его министерство, несомненно, тем самым препятствуют эффективности своих подчиненных и заставляют их так сильно заботиться о собственном положении, что они гораздо меньше, чем в противном случае, заботятся о процветании народа.

ХАРАКТЕР КИТАЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ.

Положение офицера в китайском правительстве вряд ли можно определить по перечислению его обязанностей, как и по общему описанию системы, по искушениям притеснять нижестоящих и обманывать вышестоящих. Его обязанности, указанные в кодексе, столь незначительны и часто столь противоречивы, что сделать их строгое выполнение невозможно; соответственно, мало кто или вообще никто не поднимался на скользкую высоту продвижения по службе без частых рецидивов. Деграция, если она временная и составляет одну-две ступени, конечно, не несет в себе никакого морального ущерба в стране, где награда за взятку зависит от полученной суммы, без всякой ссылки на нарушение морали; где бамбук является стандартом наказания как за ошибку в суждении или неосторожность, так и за преступление, только замененный штрафом в честь официального ранга; где, в качестве отличия в пользу императорской расы, бамбук смягчается до кнута, а изгнание смягчается до столба.^[241] Высшие должностные лица, конечно, имеют наибольшие возможности для угнетения, но их поборы ограничены продажностью и лживостью агентов, которых они вынуждены нанимать. Нижестоящие также могут осуществлять систему поборов, если они держатся на стороне вышестоящих. Весь класс представляет собой совокупность людей, взаимно завидующих успехам друг друга, где каждый занимающий должность стремится вытеснить своего соратника; все они согласны считать народ источником своих прибылей, губкой, которую все должны выжимать, но расходятся в том, в какой степени они должны осуществлять один и тот же план друг с другом. Хотя они происходят из народной массы, благосостояние общества занимает мало места в их мыслях. Их жизнь проходит в честолюбивых попытках возвыситься за счет падения других, хотя они не теряют чувства характера и не становятся безрассудными в отношении средств продвижения, поскольку это уничтожило бы их шансы на успех. Игра, в которую они играют друг с другом и со своим императорским повелителем, впрочем, безобидна по сравнению с тем, что делали в старом Риме или в Европе четыре-пять веков назад, или даже в последнее время среди пашей и визирей султанов и шахов в Западной Азии. К чести китайцев, жизнь редко приносится в жертву политическому преступлению или завистливому подражанию; ни один офицер не боится тетивы или отравленного кубка от своего верховного повелителя и не опасается кинжала убийцы, нанятого злопамятным конкурентом. Какие бы высоты благосклонности или глубины негодования он ни испытывал, слуге императора Китая не нужно, в недоказанных случаях проступка, опасаться за свою жизнь; но он нередко сам лишает себя ее из-за осознания вины и страха перед справедливым наказанием.

Имена и положение всех офицеров ежеквартально публикуются с разрешения правительства в Красной книге (которая по необычному совпадению переплетена в красный цвет), называемой "Полный реестр носителей поясов" (Tsin Shin Tsiuen Shu), состоящей из четырех томов, 12-го, к которым добавлены еще два - "Армия" и "Знаменосцы". Это издание было впервые выпущено по приказу Ванлиха из династии Мин около 1580 г. В нем указывается родная провинция каждого человека, будь то китайцы, маньчжуры, монголы или зачисленные китайцы, описывается название должности, ее жалованье и дается много общей информации. Издатели книги ожидают, что офицеры будут сообщать им об

изменениях, происходящих в их положении, и иногда опускают упоминания о тех, кто не сообщает об этом сам.

КАРЬЕРА ГЕРЦОГА ХО.

Мемуары о публичной жизни высокопоставленного офицера в Китае могли бы представить необычную картину взлетов и падений, но из-за их печально известного пренебрежения к истине китайским документам небезопасно полностью доверять при составлении такого очерка. Одним из самых заметных людей в последние времена был герцог Хо, премьер-министр во время посольства Макартни, который в течение многих лет осуществлял большой контроль над советами китайского государя, чем любой другой человек при нынешней династии. Изначально этот человек был частным лицом, который привлек внимание императора своей привлекательностью и закрепил его своим усердием в исполнении возложенных на него обязанностей. С небольшими перерывами он постепенно поднимался по лестнице продвижения, и в течение нескольких лет до смерти Кьенлунга, когда его энергия начала ослабевать от возраста, был фактическим хозяином страны. Стаун тон описывает его как обладателя выдающихся способностей: "Манеры Хоквэна были не менее приятными, чем его понимание - пронизательным и острым. Казалось, он действительно обладал качествами идеального государственного деятеля".^[242] Фаворит постепенно заполнил высшие посты своими друзьями, а его доброжелатели были столь многочисленны в общих и провинциальных органах власти, что некоторые стали опасаться восстания в его пользу после смерти императора. Киакинг, вступив на престол, начал принимать те осторожные меры по его устранению, которые свидетельствовали об огромном влиянии, которым он обладал; одной из таких мер было назначение его начальником траурных обрядов, вероятно, для того, чтобы его служебные обязанности могли часто приводить его во дворец. Через четыре года император составил шестнадцать статей импичмента, большинство из которых были легкомысленными и досадными, хотя в глазах китайского принца они имели большее значение, чем при других дворах. В одной статье утверждалось, что он подъезжал верхом к дворцовым воротам; в другой - что он присвоил себе женщин, воспитанных для императорского гарема; в третьей - что он задерживал доклады офицеров во время войны, чтобы они не попадали на глаза императору, и назначал на должности своих собственных приближенных, когда они были заведомо некомпетентны; В-четвертых, что он построил множество апартаментов из *нан-муха*, разновидности лаврового дерева, предназначенной исключительно для царственных особ, и подражал царскому стилю в своих владениях и учреждениях; в-пятых, что "в день, предшествовавший объявлению нашего царственного отца о нашем избрании его преемником, Хоквэн ждал нас и вручил знаки отличия вновь присвоенного звания, тем самым выдав важную государственную тайну в надежде получить нашу благосклонность". Его также обвиняли в том, что у него были жемчуга и драгоценности большего размера, чем те, что были даже в регалиях императора. Но, насколько можно судить по опубликованным материалам, этот китайский кардинал Вулси, сравнительно говоря, не был жесток в использовании своей власти, а истинной причиной его падения, очевидно, стало его богатство. В перечне конфискованного имущества было указано, что помимо домов, земель и прочего недвижимого имущества, поражающего воображение, в его казне было найдено не менее , чем сто пять миллионов долларов в слитках и драгоценных камнях. Для суда над ним был учрежден специальный трибунал, и ему позволили стать собственным палачом, а его постоянному соратнику отрубили голову. Это были единственные смерти, остальные его родственники и приближенные были просто удалены и унижены. Его власть, несомненно, была слишком велика для безопасности его хозяина, если бы он оказался неверным; но его богатство было слишком велико для его собственной безопасности, даже если бы он был невиновен.

Император в эдикте, содержащем этот приговор, приводит в качестве прецедента для своих действий подобное осуждение премьеров тремя своими предками из нынешней династии, но об их преступлениях или судебных процессах ничего определенного не известно.^[243]

Таукванг оказался более благоразумным или более удачливым, чем его отец, и, вступив на престол, продолжил правление Тохцина; этот государственный деятель занимал пост премьер-министра с 1815 по 1832 год, с небольшими перерывами, когда в возрасте семидесяти пяти лет ему было позволено уйти в отставку. Он служил при трех императорах, поднявшись шаг за шагом с должности клерка в одной из канцелярий. Его преемник, Чанлин, прошел гораздо более сложный путь, но в конце концов остался в фаворе и ушел с поста премьера в 1836 году в возрасте около семидесяти девяти лет. Он стал очень популярен у своего повелителя благодаря своей способности подавить восстание Джехангира в Туркестане в 1827 году. Даже несколько подобных примеров того, в каком почете у принца и народа находится честный, энергичный и мудрый министр, оказывают большое влияние на молодых людей, побуждая их действовать подобным образом.

ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕР ВОСПЕВАЕМОГО СВЯЩЕННИКА.

Немногие китайские государственные деятели чаще попадали в поле зрения западных иностранцев, чем Сунг, один из комиссаров при посольстве лорда Макарти и любимец всех его членов. Его светлость отзывается о нем как о молодом человеке высокого качества, обладающем возвышенным умом, и добавляет, что "за все время нашего с ним общения он во всех случаях вел себя по отношению к нам самым дружелюбным и джентльменским образом". Это было в 1793 году. В 1817 году он упоминается как один из членов кабинета министров; но вскоре после этого, по неизвестной причине, он был разжалован Киакингом до шестого ранга и назначен генерал-адъютантом среди сахарских монголов; отсюда он уведомил своего господина о плохом поведении некоторых лам, которые занимались грабежами и убийствами. Сунг и его друзья выступали против похода императора в Маньчжурию и были вовлечены в некоторые неприятности по этому поводу, причины которых трудно понять. Однако его повысили до генерал-капитана Маньчжурии, но он снова попал под нарекания, и во время визита в отцовское имение в Мукдене император забрал его обратно в столицу и назначил на какую-то важную должность. Вскоре у него начались новые неприятности с императором, который в прокламации заметил, что "Сун не годится для исполнения обязанностей министра императорского присутствия; потому что, хотя он раньше и исполнял их, ему уже за семьдесят лет, и он плохо ездит на лошади"; поэтому его отправляют в Маньчжурию на прежнюю должность генерал-капитана. В следующем году бывший министр и его сторонники были вовлечены в долгий судебный процесс по поводу потери печати, и он был лишен командования и получил предписание удалиться в свое Знамя; истинные причины этой немилости, вероятно, были связаны со сменой партий, последовавшей за воцарением Таукванга.

Вскоре после этого Сун был восстановлен в правах и назначен адъютантом в Джеххо, после того как в течение месяца был президентом Цензората. Ему разрешили оставаться там дольше обычного, и он посвятил свободное время написанию книги о недавно приобретенной территории в Туркестане. В 1824 году его восстановили в должности президента Цензората, посоветовав не запутывать и не озадачивать себя множеством посторонних дел. В 1826 году он был послан со специальным поручением в Шанси, а по возвращении удостоился обеда при дворе в день Нового года. Затем он появляется в качестве странствующего воспитателя кронпринца, но где его королевское высочество получал образование, не сообщается; с этой должности он становится президентом Совета обрядов и назначается инспектором жертв для государственного жертвоприношения. Затем

его отправляют в Чжехо, откуда он в порыве раскаяния, а может быть, из страха перед дуном, подает императору мемориал о долге в 52 000 долларов, который он получил почти тридцать лет назад, и который он предложил погасить, отказавшись от жалованья в 1000 долларов до погашения задолженности; император был в хорошем настроении со стариком и простил ему всю сумму, будучи уверенным, по его словам, в чистоте чиновничьего характера Сунга. В этом мемориале, рассказывая о своих заслугах, пожилой офицер говорит, что дважды был главнокомандующим и губернатором Или, генерал-губернатором в Нанкине, Кантоне и т. д., но никогда не имел больших сбережений.

Вскоре после этого его отзывают из Джехо и назначают *ти-тухом* Пекина, а затем президентом Военного совета; через несколько месяцев ему приказывают отправиться через пустыню в Кобдо, чтобы расследовать какое-то важное дело - долгое и утомительное путешествие в пятнадцать сотен миль для человека старше семидесяти пяти лет. Вернувшись на следующий год, он вновь занял пост президента Военного совета и в этом качестве выступал в качестве экзаменатора студентов Российского училища. В 1831 году он стал президентом Колониальной канцелярии, а затем получил назначение на должность управляющего тремя казначействами, но был вынужден уйти в отставку из-за плохого самочувствия. Месяц отдыха, по-видимому, чудесно восстановил его, так как император в ответ на его прошение о приеме на работу выразил удивление, что он так скоро будет пригоден к официальным обязанностям, и явно высказал свое мнение, что болезнь была напускной, хотя и удовлетворил его просьбу настолько, что назначил его командующим одним из восьми знамен. В 1832 году Сун снова оказался вовлеченным в интриги и был понижен в чине до третьей степени; отставка Тохцина и борьба за вакантное место премьера, вероятно, были истинной причиной этого нового поворота, хотя против него было выдвинуто легкомысленное обвинение в двухлетней давности. Он был восстановлен в должности после нескольких месяцев позора по ходатайству бека одного из городов Туркестана, что, кстати, иллюстрирует влияние, которое оказывают эти князья. Старость начала настигать придворного всерьез, и в 1833 году ему было приказано выйти в отставку в чине и с жалованьем адъютанта, которым он наслаждался всего два года. Говорят, что успех Сунга во многом объясняется тем, что у него была дочь в гареме, но его личный характер и доброта, очевидно, были главными источниками его устойчивого влияния среди всех слоев населения и офицеров; по одним сведениям, маньчжуры почти боготворили его, а нищие цеплялись за его кресло на улицах, чтобы попросить милостыню. Стоит отметить, что во всех его поражениях нет упоминаний о каком-либо более суровом наказании, чем деградация или изгнание, и в этом отношении политическая жизнь Сунга, вероятно, является справедливым критерием обычной судьбы высокопоставленных китайских государственных деятелей. Основные события из жизни Чанлинга, преемника Тохцина, а также несколько заметок о губернаторе Кантона в 1833 году Ли Хун-пине приведены в "Репозитории".^[244]

УВЕДОМЛЕНИЕ О КОМИССАРЕ ЛИНЕ.

Комиссары Линь и Киинь стали более известны среди иностранцев, чем их столичные коллеги, благодаря роли, которую они сыграли в войне с Англией в 1840 году, но об их жизни можно узнать лишь несколько слов. Линь Цзе-суй родился в 1785 году в Фухау, сдал экзамены по литературе, став выпускником второго ранга в девятнадцать лет, а третьего - в двадцать шесть. Заняв пару должностей в Императорской академии, в 1816 году он был направлен помощником литературного экзаменатора в Кянгси, а в течение трех последующих лет исполнял обязанности экзаменатора и цензора в различных местах. В 1819 году он занимал должность интенданта округа в Чехкианге, а после отсутствия по состоянию здоровья в 1823 году был назначен на должность казначея Киангси, в отсутствие

занимавшего этот пост. В 1826 году он был назначен смотрителем Желтой реки, но, узнав о смерти матери, оставил свой пост, чтобы оплакать ее. После окончания траура он отправился в Пекин и получил должность судьи в Шэньси; но не пробыв в ней и месяца, он стал казначеем Киангсу, и, не успев вступить в эту новую должность, узнал о смерти отца и был вынужден снова подать в отставку. В 1832 году он был назначен казначеем в Хупэ, через пять месяцев переведен на ту же должность в Хонань, а через шесть месяцев после этого снова отправлен в Киангсу. Через три месяца после этого третьего перевода он был восстановлен в должности смотрителя Желтой реки, а через некоторое время получил должность губернатора Киангси, которую сохранял три года, и еще два года исполнял обязанности генерал-губернатора Лян-Кианга. В 1838 году он стал генерал-губернатором Ху Кванга, а вскоре после этого приказал приехать в Пекин, чтобы быть допущенным к императорской аудиенции, и по особой милости получил разрешение ездить верхом по дворцу.

Во время этой аудиенции он был назначен императорским комиссаром для пресечения торговли опиумом и управления делами на морской границе Квантуна, получив при этом такие полномочия действовать от имени императора, какие до этого лишь однажды предоставлялись подданному с 1644 года, а именно, когда Чанлин был послан в Туркестан для подавления восстания. Неудачи Лина в борьбе с опиумной торговлей и ее сторонниками в британском правительстве не порочат его собственных способностей, поскольку эта задача была не под силу империи; но его слава и сейчас пользуется большим авторитетом среди кантонцев. Один случай его доброго отношения к экипажу английского судна "Сунда", погибшего на острове Хайнань, по прибытии в Кантон в октябре 1839 года, когда он сражался с их консульскими офицерами, дает хорошее представление об откровенности этого человека. В декабре 1839 года он был назначен генерал-губернатором Лян Кианга, а в феврале 1840 года сменил его на посту Лян Кванга. В октябре того же года с него сняли печати, и он получил приказ вернуться в Пекин. Однако он оставался до мая следующего года, чтобы консультировать Кишена в его трудных переговорах с англичанами. Линь покинул Кантон в мае 1841 года, возглавив двухтысячное войско для защиты Нинпо, но эта роль оказалась ему не по плечу. В июле 1842 года он был сослан в Или, но приговор был отсрочен на сезон, и ему в третий раз был передан надзор над Желтой рекой. Однако в 1844 году мы находим его в Или, занимающим низшую должность и пытающимся возделывать пустующие земли вблизи магометанских городов; его усердие было вознаграждено в следующем году помилованием, а в следующем - высоким постом генерал-губернатора Шенси и Кансуха, в котором он занялся реформированием государственной службы и увеличением доходов. В 1847 году служебные заботы утомили его, и он попросил отпуск и вернулся в Фухау в возрасте шестидесяти двух лет. Его амбиции еще не были удовлетворены, и в 1848 году его назначили генерал-губернатором в Юньнань, но его силы оказались не равны его обязанностям, и в 1849 году он снова вышел в отставку. Молодой император Хиенфун, пораженный стремительным ростом повстанцев Тайпина, обратился к престарелому государственному деятелю с просьбой помочь ему, как это сделал его отец. Линь откликнулся на призыв своего государя, но смерть настигла его прежде, чем он добрался до Кванси, 22 ноября 1850 года, в возрасте шестидесяти семи лет. Более долговечной, чем некоторые из его официальных деяний, была подготовка и публикация "Истории морских народов" с картами в пятидесяти книгах, в которой он сообщил своим соотечественникам все подробности, которые смог собрать о других народах.[\[245\]](#)

КАРЬЕРА КОМИССАРА КИИНГА.

О чиновничьей жизни Киинга известно гораздо меньше, чем о Лине, но маньчжур оказался выше китайца в том, что смог изменить свой курс, чтобы соответствовать неизбежному и избежать камней, о которые ударился его предшественник. В 1835 году его имя упоминается как президента Налогового совета и контролера Цун-цзинь-фу. Он оставался в столице в качестве главнокомандующего войсками до 1842 года, когда Его Величество отправил его в Кантон, чтобы занять место Ишана. Однако по пути ему было приказано остановиться в Хангчау и доложить о состоянии дел; его записки, по-видимому, имели большое влияние, так как в апреле того же года он был назначен совместным комиссаром с Илипу. На переговорах в Нанкине Киинг выступал в качестве главного комиссара и сыграл главную роль в завершении войны. В мае 1843 года он отправился в Кантон, чтобы сменить Илипу, и там действовал в качестве единственного уполномоченного на переговорах с англичанами по дополнительному договору и коммерческим правилам, вернувшись в столицу в декабре 1843 года. Его благоразумие и энергичность помогли успокоить раздражение жителей Кантона. По прибытии американского полномочного представителя он был наделен всеми полномочиями для ведения переговоров с г-ном Кушингом, а вскоре после этого - с французским и шведским посланниками, со всеми из которых он подписал договоры. Во время этих переговоров Ки Кунг умер, и Киинг стал его преемником.

Его правление в качестве генерал-губернатора продолжалось до января 1848 года, когда он вернулся в Пекин, чтобы получить более высокие почести от императора. В 1849 году он отправился в Киангсу, чтобы навести справки о соляном ведомстве, а затем в Северный Шанси, чтобы уладить разногласия с монголами. С этого времени он занимал различные посты в кабинете министров и в столице, участвуя во всех придворных интригах и изрядно потеряв свое доброе имя, пока не впал в немилость. В 1856 году, когда посланники четырех западных держав находились в Тяньцине, он вступил в некоторые тайные сделки против политики Квейляна и Хвашана, и был отправлен туда в качестве совместного комиссара. Он едва успел приступить к исполнению своих обязанностей, как внезапно вернулся в Пекин против воли императора и получил приказ принять яд в присутствии главы клана, чтобы избежать бесчестия публичной казни.^[246] Немногие китайские государственные деятели в современную эпоху отличались большим благоразумием, достоинством и умом, чем Киинг, и доверие, оказанное ему, достойно его императорского повелителя. В его поведении, говорит сэр Томас Уэйд, "было сочетание достоинства и вежливости, которое с лихвой компенсировало недостатки отнюдь не привлекательной внешности". Его портрет был выгравирован с картины, сделанной в Кантоне, и является хорошим портретом. Он был любезно предоставлен для этой работы Дж. Р. Питерсом-младшим.

ПРЕСТАРЕЛЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДЕЯТЕЛИ ОСТАЮТСЯ НА СВОИХ ПОСТАХ.

Факты о карьере этого человека известны не полностью, но его связь с кланом по рождению привела его к совершенно иному влиянию, чем Лин, а его обучение удалило его от контакта с народом, который сделал другого таким популярным и влиятельным. Оба они были хорошими примерами китайских государственных деятелей, и их изрезанная жизнь, о которой здесь вкратце рассказано, похожа на жизнь их соратников, занимающих высшие ступени чиновничьего достоинства. Просеивание, которому подвергаются служащие императора всех различных рангов, обычно приводит к тому, что самые умные и надежные оказываются на вершине; никто не может соприкоснуться с ними в государственных делах без того, чтобы не проникнуться уважением к их проницательности, преданности и мастерству. Одной из заметных особенностей китайского политического мира является большой возраст высших офицеров, и нелегко объяснить, почему монарх, желающий иметь в своем окружении эффективных людей, сохраняет их на своих постах, когда они почти

износились, пока мы не узнаем, как мало реальной власти он может произвольно оказывать на детали ветвей своего правительства. Это в некоторой степени объяснимо тем, что, пока живы старые должностные лица, император, привыкший к их обществу и советам, предпочитает оставлять на посту тех, чья компетентность доказана их службой. Кроме того, патриарх, находящийся рядом с императором, является своего рода заложником за верность своих последователей; а последние, разбросанные по провинциям, могут управляться и перемещаться через него с меньшим противодействием: он, кроме того, является удобным средством, через которое можно получать поборы младших членов службы и передавать такие уведомления, которые считаются необходимыми. Система клиентелизма, существовавшая у галлов и франков, с некоторыми изменениями встречается и в Китае и имеет тенденцию связывать офицеров друг с другом в партии разной степени власти. В 1833 году император издал указ против этой системы покровительства, и очевидно, что она серьезно мешала бы его власти, если бы ее постоянно не разрушали, меняя отношения сторон и рассовывая их в разные стороны. Пекин - почти единственное место, где "учитель и ученики", как называют друг друга покровитель и клиент, могут сочетаться с большой пользой; и главная защита трона от интриг и партий вокруг него, похоже, заключается в конфликте интересов, возникающих между ними, хотя давний или беспринципный фаворит, как в случае с герцогом Хо и Сушуном в 1855-61 годах, иногда может умудриться захватить всю власть короны.

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СТИХИ ГУБЕРНАТОРА ЧУ.

Несмотря на тяжелые обвинения в притеснениях, жестокости, взяточничестве и лживости, которые часто выдвигаются против чиновников с большей или меньшей справедливостью, не следует думать, что среди них нет хороших качеств. Тысячи из них стремятся править справедливо, оправдывать невиновных и наказывать виновных, и прилагают все свои знания и силы, чтобы исполнять свои обязанности для одобрения своего хозяина и своего собственного доброго имени среди жителей. Такие офицеры, как правило, возвышаются, в то время как жестокость других вызывает унижение. Пасквиады, которые люди вывешивают на улицах, свидетельствуют об их настроениях и привлекают гораздо больше внимания, чем подобные вульгарные выражения в других странах, потому что это почти единственный способ, которым можно безопасно высказать свое мнение. Популярность, которую получают вертикальные офицеры, служит стимулом для других, чтобы следовать тем же шагам, а также наградой для самого человека. Губернатор Квантуна в 1833 году Чу был очень популярным офицером, и когда он получил разрешение оставить свой пост по причине возраста, люди наперебой выражали свое искреннее сожаление по поводу его потери. Соблюдался старый обычай сохранять его сапоги и дарить ему новую пару в каждом городе, через который он проезжал, и было принято множество других свидетельств их уважения. Покидая город Кантон, он распространил несколько стихов, "чтобы утешить народ и побудить его к добродетели", так как слышал, что некоторые из них плакали, узнав о его отъезде.

С давних пор мои отцы ходили по этому пути.

Литературная слава и их имена

Среди мудрых; два поколения назад,

Придерживаясь своих покровителей, они пришли

В этот провинциальный город.^[247] Здесь в этот день

Я должен быть императорским посланником;

Так память о славе предков
Не переставая стимулировать этот слабый организм.
Мой отец занимал должность в Лунгхау,[\[248\]](#)
И глубоко запечатлел там свой памятник;
Он был верным и щедрым другом.
Учеба без стимула и неясности.
Когда я поворачиваю голову и возвращаюсь назад.
В размышлениях об этом домашнем зале, кажется.
Как и вчера, те ранние счастливые сцены...
Как же ему было больно, если его заставляли быть суровым!

С давних времен Квантун славился
Для мудрых и могущественных людей; но никто не может устоять
Среди них или сравните с Киух Кианг:[\[249\]](#)
Прошло три праздных и бесславных года,
И я не воздвиг никакого памятника славы,
Проливая вокруг лучи света и истины,
Чтобы дать людям знания. В этом сердце
Я чувствую стыд и не могу смириться с этой мыслью.
Но теперь, в цветущих павильонах, на улицах
Иллюминации, яркие шоу, восхваляющие
Боги и сами угождают себе, из года в год
Современные люди соперничают и хвастаются собой,
И тратят свои с трудом заработанные богатства - и все напрасно;
Ибо каков будет конец? Отныне пусть все
Поддерживайте активную и полезную жизнь,
Трезвый муж и экономная жена.
Милостивый государственный деятель,[\[250\]](#) политичный и мудрый,
Мой наставник и испытанный друг;
Призванные расстаться, пощадите нас на прощание.
Душераздирающие слова привязанности так хорошо любимы.

Чтобы он продолжал увещевать
Народу и наставляй его быть мудрым,
Соблюдать добродетель и законы
Древние мудрецы - моя постоянная надежда.
Когда я оглядываюсь назад, на поле славы.
Где я пробыл долгих пятьдесят лет,
Борьба за амбиции и пот
Ибо выгода кажется суетной.
Кто не знает, что небесные муки близки,
Бесконечно близко? Немногие могут спастись.
Как мало великих людей доживают до глубокой старости!
Как мало людей, не обремененных почестями, заканчивают свои дни!
Вредная болезнь закрутила
Вокруг меня и связывает меня рабством.
Доброта Его Величества высока[251]
И либерал, не признающий возврата

Только благодарное сердце; еще, еще мои глаза
Увидит страдания людей.
Безграничные страдания, скорбь, печаль,
Для простого прохожего, пробуждающего печаль.
Бездарный, недостойный, я ухожу,
Прощание с этим ветреным, пыльным миром;
Я устремляю свой взор ввысь, к высшему благу.
Император - выбрать добродетельного человека
Следуйте за мной. Отныне это будет хорошо
Меры и достоинства, переходящие в мои;
Но я буду молча стоять и смотреть на его милость.
Распространяет благословения, как благодатный источник.

Илипу, Ки Кунг, покойный генерал-губернатор Квантуна, и Шу, префект Нинпо в 1842 году, -
вот другие офицеры, которые пользовались популярностью в последние годы. Когда Лин

проезжал через Макао в 1839 году, китайцы в нескольких местах возвели почетные порталы, украшенные фестонами шелка и хвалебными свитками; а когда он проходил мимо дверей их домов и магазинов, они ставили столы, украшенные вазами с цветами, "чтобы выразить глубокую благодарность за то, что он пришел спасти их от смертельного порока и избавить от страшного бедствия уничтожением и строгим запретом опиума". Увы, его усилия и намерения оказались столь бесплодными!

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ПРОШЕНИЯ И ПРИЗНАНИЯ.

В "Пекинском вестнике" часто публикуются прошения старых офицеров, в которых они описывают свои недуги, опасения, что не смогут выполнять свои обязанности, продолжительность своей службы и просят об отпуске или разрешении выйти в отставку. Невозможно рассматривать все выражения лояльности в этих бумагах, исходящие от всех категорий офицеров, как бессердечные и составленные по установленной форме; но мы слишком готовы оценивать их по нашим собственным стандартам и моде, забывая, что не недостатки системы дают лучший стандарт ее ценности и эффективности. Давайте лучше, в качестве честного выражения чувств, процитируем несколько строк из воспоминаний Ши, цензора 1824 года: "Размышляя в себе, что, несмотря на упадок моих сил, императорской доброте было угодно взять меня на высокую должность, а не отвергнуть и выбросить сразу, я очень хотел вылечиться, чтобы, как я, слабая старая лошадь, еще в моих силах, напряжением всех моих сил, возместить десятитысячную часть благосклонности, которая вернула меня к жизни".[252]

С трехгодичной системой оценки заслуг и недостатков чиновников связана необходимость признания высшими должностными лицами государства своих ошибок в управлении; эти две меры являются своеобразным и несколько строгим контролем над их интригами и злоупотреблениями, заставляя их, как замечает Ле Комт, "быть чрезвычайно осмотрительными и осторожными, а иногда даже добродетельными вопреки собственным склонностям". Признания, о которых сообщается в "Пекинской газете", однако, ни в коей мере не дают удовлетворительного представления о реальных масштабах и характере этих деяний; большинство признавшихся - цензоры, и, возможно, именно в силу своей должности они таким образом вершат суд над собой. Примеров упомянутых преступлений не мало. Генерал-губернатор Чили в 1832 году потребовал сурового наказания за то, что не обнаружил заговорщика-демагога, собравшего несколько тысяч приверженцев в его и соседних провинциях; его просьба была удовлетворена. Адмирал в той же провинции требует наказания за то, что не дал должного образования своему сыну, из-за чего тот сошел с ума и ранил несколько человек. Другой требует осудить себя за то, что вдовствующую императрицу заставили ждать у ворот дворца носильщики, когда она нанесла визит ее величеству. Один офицер обвинил себя в том, что не смог управлять Желтой рекой; а повар Его Величества в 1830 году просил наказать его за то, что слишком поздно представил счет за проезд, но был милостиво прощен. Редкость этих признаний по сравнению с реальными грехами показывает либо то, что они, подобно удвоениям куропатки, делаются для того, чтобы отвлечь внимание от настоящего гнезда злоупотреблений, либо то, что немногие офицеры готовы пройти через это унижение.

Император, в своем статусе наместника небес, время от времени возлагает на себя обязанность самоисповеди. За время своего правления Киакинг издал несколько публичных признаний, но за последние тридцать лет в "Газете" не появилось ни одного подобного документа. Эти признания вырываются у него скорее природных катаклизмов, таких как засуха, морозы, эпидемии и т. д., чем по политическим причинам, хотя иногда к ним побуждают мятежи, пожары, зловещие предзнаменования и т. д. Личный характер монарха

во многом определяет их частоту и фразеологию. По случаю засухи в 1817 году император Киакинг сказал: "Беспокойство и леность правительственных чиновников представляют собой зло, которое уже давно накапливается. Это зло не одного дня; в течение нескольких лет я давал самые настоятельные наставления по этому вопросу и наказывал многие случаи, которые были обнаружены, так что в последнее время наметилось некоторое улучшение, и в течение нескольких сезонов погода была благоприятной. Засуха в этом сезоне, возможно, не совсем по их (офицеров) вине. Я размышлял над этим и пришел к убеждению, что причина, по которой лазурные небеса проявляют неодобрение, не давая дождя на протяжении нескольких сотен миль только вокруг столицы, заключается в том, что пятьдесят с лишним мятежников, которым удалось бежать, скрываются где-то вблизи Пекина. Поэтому плодородные испарения быстро связываются, а благодатная гармония времен года прерывается". 14 мая 1818 года, между пятью и шестью часами вечера, столицу окутала внезапная тьма, сопровождаемая сильным ветром с юго-востока и сильным дождем. Во время его действия было два промежутка времени, когда небо стало ярко-красным, а воздух наступательным, страшные раскаты грома поразили народ и напугали монарха. Астрологи не смогли избавить его от дурных предчувствий, и он издал манифест, чтобы объяснить ситуацию своим подданным и успокоить собственную совесть. Одно предложение стоит процитировать: "Клеветнические обвинения приводят к гибели и разорению множества невинных людей; только они способны спровоцировать такое страшное знамение, как только что увиденное. Ветер, дующий с юго-востока, является достаточным доказательством того, что в этом регионе было совершено какое-то большое преступление, которое чиновники, пренебрегая своими обязанностями, проигнорировали и тем самым вызвали гнев Небес".[253]

МОЛИТВА О ДОЖДЕ ТАУКВАНГА.

Одним из самых примечательных образцов этих бумаг является молитва о дожде, изданная Тауквангом 24 июля 1832 года по случаю сильной засухи в столице. Перед публикацией этой бумаги он попытался утихомирить гнев и жар небес, приказав судить всех подозреваемых и обвиняемых в тюрьмах метрополии и установить их вину или невиновность, чтобы не задерживать отправление правосудия и освободить свидетелей из заключения. Но эти заместительные исправления не помогли, и засуха продолжалась, и он, как первосвященник империи, был вынужден показать народу, что помнит об их страданиях и, если возможно, облегчит их, представив следующий мемориал:

"Преклонив колени, настоящим представляется мемориал, чтобы дела были услышаны.

"О, увь! Императорские Небеса, если бы мир не страдал от чрезвычайных перемен, я бы не осмелился представить необычные услуги. Но в этом году засуха необычна. Лето уже прошло, а дождей все нет. Страшное бедствие испытывают не только сельское хозяйство и люди, но и звери и насекомые, травы и деревья почти перестали жить. Я, служитель Неба, поставлен над человечеством и обязан поддерживать порядок в мире и успокаивать людей. И хотя теперь я не могу спокойно ни спать, ни есть, хотя я сгораю от горя и дрожу от тревоги, все же, в конце концов, не обошлось без благодатных и обильных ливней.

"Несколько дней назад я постился, приносил обильные жертвы на алтари богов земли и зерна и был благодарен за собирающиеся тучи и небольшие дожди, но не настолько, чтобы вызвать радость. Глядя вверх, я думаю, что сердце Небес - это благосклонность и любовь. Единственная причина - ежедневно углубляющаяся жестокость моих грехов; но мало искренности и мало преданности. Поэтому я не смог тронуть сердце Небес и снискать обильные благословения.

"Исследовав записи, я обнаружил, что в двадцать четвертом году правления Кьенлунга мой возвышенный предок, император Чистый, благоговейно совершил "великую снежную службу". Десять тысяч соображений побуждают меня подсмотреть и подражать этому обычаю, и с трепетом я поспешно взываю к Небу, исследую себя и обдумываю свои ошибки; я смотрю вверх и надеюсь, что смогу получить прощение. Я спрашиваю себя, не был ли я непочтителен в жертвенных службах? Не зародились ли в моем сердце гордыня и расточительность, не проросли ли они там незаметно? Не стал ли я из-за долгого времени небрежным в делах управления и не смог ли заниматься ими с тем серьезным усердием и напряженностью, которые должен был? Не произносил ли я непочтительных слов и не заслужил ли порицания? Была ли достигнута совершенная справедливость при назначении наград и наказаний? Не привел ли я в расстройство народ и не растратил ли имущество, возводя мавзолеи и разбивая сады? Не назначал ли я на должности чиновников подходящих людей, и не были ли тем самым действия правительства мелочными и досадными для народа? Были ли наказания несправедливыми или нет? Не находили ли угнетенные средства для обжалования? Не пострадали ли от преследования гетеродоксальных сект невинные? Не оскорбляли ли магистраты народ и не отказывались ли прислушиваться к его делам? Не было ли в череде военных операций на западных границах ужасов человеческой резни ради императорских наград? Были ли должным образом применены милости, дарованные пострадавшим южным провинциям, или же люди были оставлены умирать во рвах? Были ли усилия по истреблению или умиротворению мятежных горцев Хунани и Квантуна проведены должным образом; или же они привели к тому, что жители были растоптаны как трясина и пепел? Ко всем этим темам, на которые направлено мое беспокойство, я должен приложить отвес и настойчиво попытаться исправить то, что не так, не забывая при этом, что могут существовать недостатки, которые не пришли мне в голову во время моих размышлений.

"Простершись ниц, я умоляю императорское Небо (*Хванг Тьен*) простить мое невежество и глупость и даровать мне самосовершенствование, ибо по моей вине, по вине единственного человека, пострадали мириады невинных людей. Грехи мои столь многочисленны, что трудно от них уберечься. Лето прошло, наступила осень; ждать дольше будет просто невозможно. Стуча головой, я молю императорское Небо поспешить и даровать милостивое избавление - скорый и божественно благотворный дождь, чтобы спасти жизни людей и в какой-то мере искупить мои беззакония. О, увy! Императорские Небеса, обратите внимание на эти вещи. О, увy! Императорские Небеса, будьте милостивы к ним. Я невыразимо опечален, встревожен и напуган. С почтением преподношу этот мемориал".[\[254\]](#)

Эта бумага, по-видимому, подразумевает некое признание правящей власти свыше, и прежде чем такой деспот, как император Китая, поставит себя в столь двусмысленную позу перед своим народом, он должен очень тщательно убедиться в его настроениях; ведь ее эффект как государственной бумаги был бы хуже, чем нулевой, если бы хоть малейшая насмешка могла быть брошена на нее. В этом случае сильные ливни последовали вечером того же дня, и были назначены соответствующие благодарственные молебны и жертвоприношения перед шестью алтарями неба, земли, земли и зерна, а также перед богами неба, земли и вращающегося года.

МЕТОДЫ ИЗДАНИЯ ЭДИКТОВ.

Приказы двора обычно передаются в рукописном виде, за исключением случаев, когда какое-либо грандиозное событие или государственная церемония требуют общего провозглашения, в этом случае документ печатается на желтой бумаге и публикуется на

китайском и маньчжурском языках, окруженный каймой из драконов. Губернаторы и их подчиненные, императорские комиссары и таможенные сборщики - главные должностные лица в провинциях, которые публикуют свои распоряжения для народа, состоящие из наставлений, увещеваний, постановлений, законов, специальных указов, угроз и муниципальных требований. Постоянные законы и местные постановления часто великолепно высекаются на табличках из черного мрамора и выставляются на улицах, чтобы их "хранили в вечной памяти", чтобы никто не мог сослаться на незнание; этот обычай напоминает способ публикации Двенадцати таблиц в Риме. Несколько таких памятников, прекрасно украшенных, можно увидеть в Кантоне и Макао. Обычный способ публикации правительственных распоряжений заключается в том, что документ печатается крупными буквами, а его копии вывешиваются у дверей офисов и на улицах в общественных местах, с приложением печати должностного лица для подтверждения подлинности. Листы, на которых они печатаются, представляют собой обычную бамбуковую бумагу и не имеют защиты от непогоды, однако вскоре разрушаются; народ читает их в таком виде и копирует по своему желанию, но нередко магистраты печатают важные указы в виде памфлетов для распространения. Эти плакаты написаны официальным стилем, отличающимся от обычного письма настолько же, насколько оно отличается от английского, но не запутанным или неясным. Одного образца эдикта, изданного в Кантоне, будет достаточно, чтобы проиллюстрировать форму таких бумаг, а также показать, на какие темы иногда законодательствует китайский правитель и какую заботу он должен проявлять о народе.

УКАЗ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ КУЗНЕЧИКОВ.

"Сю и Хван, по особому назначению магистраты округов Наньхай и Пванью, поднявшись на десять ступеней и записав десять раз, настоящим ясно публикуют важные правила по отлову кузнечиков, чтобы было известно, как от них защищаться, дабы уберечься от вреда и бедствий. В 7-й день 8-го месяца 13-го года Таукванга [20 сентября 1833 г.] мы получили сообщение от префекта [департамента Кванчау], препровождающее депешу от их превосходительств генерал-губернатора и губернатора следующего содержания:

"В пятом месяце нынешнего года в пределах Кванси, в департаментах Лю, Цинь, Квей, Ву и их окрестностях появились кузнечики, которые, по сообщениям, уже начисто уничтожены и изгнаны. Мы слышали, что в департаменте Каучау и его окрестностях, примыкающих к Кванси, появились кузнечики, которые размножаются с чрезвычайной быстротой. В это время взошел второй урожай (который, если его уничтожить, нанесет огромный ущерб людям), и поэтому следует немедленно, где бы их ни обнаружили, схватить и прогнать, собрав войска для наступления и полного их истребления. Но Кванг тунг до сих пор никогда не испытывал этого бедствия, и мы полагаем, что офицеры и народ не понимают способа поимки; поэтому мы сейчас выставляем по порядку самые важные правила для ловли кузнечиков. Пусть губернаторские войска немедленно получают указание ловить их *secundum artem*; в то же время пусть будет отдан приказ жителям деревень и крестьянам немедленно собираться и брать их, а магистрату - устроить склады для их приема и покупки, и таким образом непременно выместить их подчистую. Если вы не приложите усилий к поимке кузнечиков, то вина ваша будет очень велика; пусть это будет сделано тщательно, не откладывая тайно, чем вы навлекете на себя это несчастье, преступите законы и заставите нас снова, в соответствии с обстоятельствами дела, издать общие распоряжения и произвести тщательное обследование и т. д. и т. п. К сему прилагаются копии правил о ловле кузнечиков, которые от вице-губернатора должны быть посланы казначею, который предпишет оные магистратам департаментов, а он опять окружным магистратам".

"Получив сие, мы, кроме того, почтительно препровождаем его полковнику департамента для немедленной рассылки во все подведомственные ему войска, а также всем окружным судьям, дабы все они с единой целью прилагали все свои силы к тому, чтобы в надлежащее время наблюдать, как только кузнечики станут многочисленными, они объединят свои силы и истребят их, избавив тем самым народ от бедствий; мы также предписываем тому, кто получит сие, ловить кузнечиков согласно нескольким указаниям, которые здесь расположены в следующем порядке:

"1. Когда кузнечики только появляются на свет, их можно увидеть на границах больших болот, откуда они быстро размножаются и заполняют большие участки земли; они производят своих птенцов в маленьких бугорках черной земли, используя хвост для проделывания отверстий в земле, глубиной не более дюйма, которые все еще остаются открытыми, в целом несколько напоминая пчелиное гнездо. Один кузнечик роняет десять или более гранул, по форме напоминающих горошину, каждая из которых содержит сотню или более молодых особей. Молодые кузнечики летают и питаются стаями, а откладывают потомство все сразу и в одном месте; место напоминает пчелиный улей, и поэтому его очень легко искать и находить.

"2. Когда кузнечики находятся на полях пшеницы и риса, а также в густой траве, каждый день на ранней заре все они садятся на листья травы, и их тела, покрытые росой, становятся тяжелыми, и они не могут летать или прыгать; в полдень они начинают собираться для полета, а вечером собираются в одном месте. Таким образом, в каждом дне есть три периода, когда их можно поймать, а у народа и дворянства также будет короткая передышка. Чтобы поймать их, нужно вырыть перед ними траншею, чем шире и длиннее, тем лучше, с каждой стороны положить доски, двери, ширмы и тому подобные вещи, натягивая их одну за другой и расстилая с каждой стороны. Вся толпа должна громко кричать и, держа доски в руках, загонять их в траншею; тем временем те, кто находится на противоположной стороне, снабженные метлами и граблями, увидев выпрыгивающих или выползающих, должны сметать их обратно; затем, накрыв их сухой травой, сжечь их всех. Пусть огонь сначала разжигают в траншее, а потом загоняют их в нее; ведь если их только закопать, то многие из них выползут из отверстий и убегут.

"3. Когда стаи кузнечиков видят ряд деревьев или тесную линию флагов и флажков, они обычно зависают и оседают; фермеры часто подвешивают красные и белые одежды и кофточки на длинных шестах или делают красные и зеленые бумажные флажки, но они не всегда оседают с большой скоростью. Кроме того, они боятся шума гонгов, спичек и ружей, услышав который, улетают. Если они придут так, что заслонят небо, нужно выпустить пушки и забить в гонги или запустить хлопушки; это наведет ужас на передние ряды, и, разбежавшись, остальные последуют за ними и уйдут.

"4. Когда с кузнечиков снимают крылья и ноги и сушат их на солнце, они по вкусу напоминают сушеные креветки, и, кроме того, их можно долго хранить без порчи. На сушеных кузнечиках можно выращивать и уток, которые вскоре становятся большими и жирными. Кроме того, жители холмов ловят их для кормления свиней; эти свиньи, весящие поначалу всего двадцать катти или около того, через десять дней вырастают до веса более пятидесяти катти; и при выращивании всех домашних животных они очень полезны. Пусть все крестьяне напрягутся и поймают их живьем, давая рис или деньги в зависимости от их количества. Чтобы отвести это бедствие от вашего зерна, какой страх, что вы не выполните этого? Пусть все эти правила по отлову кузнечиков будут усердно выполняться".

"Итак, эти приказы записаны, чтобы все вы, солдаты и люди, были полностью ознакомлены с ними. Тогда вы все, повинаясь им, немедленно, когда увидите, что наступило надлежащее время, затрубите в гонг; и когда увидите, что кузнечики и их молодежь увеличиваются, немедленно приготовьтесь, с одной стороны, схватить их, а с другой - объявить офицерам, чтобы они собрали войска, чтобы соединенными силами сразу же поймать их и непременно полностью истребить; таким образом бедствие будет удалено от народа. Затем мы также наградим тех крестьян и людей, которые первыми объявят магистратам о своем приближении. Пусть каждый беспрекословно повинуются. Особое повеление.

"Провозглашен Таукванг, 13-й год, 8-й месяц и 15-й день".[\[255\]](#)

ХАРАКТЕР И ФРАЗЕОЛОГИЮ ЭДИКТОВ.

Заключительная часть эдикта дает возможность проявить характер промультгатора. Среди прочих концовок можно назвать такие: "Спешите! Спешите! особый указ". "Трепещите от страха". "Не возлагайте на себя будущего покаяния непослушанием". "Я ни в коем случае не буду есть слова мои". "Тщательно соблюдайте все это". В своих государственных документах китайские офицеры постоянно ссылаются на конечные истины и аксиомы и выводят из них аргументы в свойственной им национально-великодушной манере, хотя некоторые из их выводов являются абсурдными нелепостями. Комиссар Линь обратился к английской королеве с письмом о запрете опиума, которое начиналось со следующей преамбулы:

"Так как пути Неба беспристрастны, и не допускается причинение вреда другим ради собственной выгоды, и что естественные чувства людей не очень разнообразны (ибо где тот, кто не отвращает смерть и не любит жизнь?) - поэтому ваш почтенный народ, находясь за широким океаном на расстоянии двадцати тысяч *ли*, признает те же пути Неба, ту же человеческую природу и имеет такие же представления о различии между жизнью и смертью, пользой и вредом. Наш небесный двор имеет своей семьей все, что находится в пределах четырех морей; а что касается небесной благосклонности великого императора - нет ни одного человека, которого бы она не осеняла; даже отдаленные, пустынные и разобщенные регионы принимают участие в его общей заботе о жизни и благополучии".

Эдикты - почти единственные выразители намерений правительства. Они демонстрируют несколько характерных черт невежественного самомнения и нелепых предположений китайцев, в то время как они выдают реальную слабость властей в смеси аргументов и приказов, уговаривания и угроз, пронизывающих каждый параграф. Согласно их фразеологии, в исполнении каждого приказа не может быть сбоя; если они однажды озвучены, то повиновение народа следует почти как само собой разумеющееся; в то же время и автор, и народ знают, что большинство из них не только пунктуальны, но и почти бесполезны. Ответственность писателя в определенной степени прекращается с обнародованием его приказов, и когда они доходят до последнего в серии, их эффективность уже почти сошла на нет. Целесообразность - обычное руководство к послушанию; обман начальства и угнетение народа - правило действий многих чиновников; и их приказы не более ярко демонстрируют их слабость и невежество, чем их лживость и самомнение. Значительная часть благонамеренных офицеров также понимает, что все их усилия будут нейтрализованы полуоплачиваемыми, беспринципными слугами и клерками в *ямунах*; и это сдерживает их энергию.

Нелегко, не приводя множество примеров, сопровождаемых конкретными объяснениями, дать справедливое представление о фактическом исполнении законов и показать, насколько народ защищен в жизни и имуществе своими правителями; и, возможно, ничто не было источником таких разных мнений о китайцах, как преобладание, которое писатели

отдают либо теории, либо практике законодательства. Старый Магайлэнс довольно точно подметил этот момент, когда сказал: "Кажется, будто законодатели ничего не упустили и предусмотрели все неудобства, которых следовало опасаться; так что я убежден, что ни одно королевство в мире не могло бы управляться лучше или быть более счастливым, если бы поведение и честность чиновников отвечали только институту правительства. Но поскольку они не знают ни истинного Бога, ни вечных наград и наказаний на том свете, их не мучают угрызения совести, они ставят все свое счастье в удовольствиях, в достоинстве и богатстве; и поэтому, чтобы получить эти увядающие преимущества, они нарушают все законы Божьи и человеческие, попирая ногами религию, разум, справедливость, честность и все права кровного родства и дружбы. Низшие чиновники только и думают о том, как обмануть своих начальников, они - верховные трибуналы, а все вместе - как обмануть короля; что они умеют делать с такой хитростью и изворотливостью, используя в своих мемориях слова и выражения столь мягкие, столь честные, столь почтительные, столь скромные и полные преклонения, а причины столь правдоподобные, что обманутый принц часто принимает самую большую ложь за торжественную истину. Поэтому народ, находя себя постоянно угнетенным и подавленным без всякой причины, ропщет и поднимает смуты и восстания, которые стали причиной стольких разорений и стольких перемен в империи. Тем не менее, нет никаких причин, чтобы превосходство и совершенство законов Китая страдало от разврата и нечестия магистратов."[\[256\]](#)

ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, ПРАКТИКУЕМЫЕ МАГИСТРАТАМИ.

Магайлэнс прожил в Китае около сорока лет, и его мнение в целом можно считать справедливым суждением о реальном положении народа и политике его правителей. Когда живешь в самой стране, то, слушая жалобы отдельных людей на поборы и жестокость их правителей, читая отчеты о судебных убийствах, пытках и преступлениях в "Пекинской газете", поневоле удивляешься, как из года в год терпят такие зверства и притеснения и почему страдальцы не поднимаются и не отбрасывают тираническую власть, которая так над ними издевается. Но народ, как правило, осознает, что его правители ничем не лучше его самого, и что он ничего не выиграет от такой процедуры, а его желание сохранить как можно больше мира заставляет его подчиняться множеству зол, которые в западных странах были бы быстро исправлены или вызвали бы революцию. Для того чтобы сдержать офицеров в их злоупотреблениях, раздел ССХ. кодекса гласит: "Если какой-либо правительственный чиновник, чье положение дает ему власть и контроль над народом, не только не умиротворяет его должным снисхождением, но и осуществляет свою власть в манере, настолько противоречащей установленным законам и утвержденным обычаям империи, что настроения некогда верных подданных изменяются под влиянием его деспотичного поведения, они собираются бурно и открыто восстают, и изгоняют его из столицы и места его правления; такой чиновник должен быть предан смерти".

По законам Китая, каждый чиновник девяти рангов должен быть предварительно аттестован на степень; в девятый входят сельские магистраты, заместители казначеев, тюремщики и т. д., но полиция, местные переводчики, писари и другие служители судов не считаются имеющими какой-либо ранг, и большинство из них - уроженцы того места, где они работают. Единственное унижение, которое они могут испытать, - это выгнать их из своих участков, но это едва ли смягчит то зло, которое народ терпит от них; новая пиявка жаждет больше, чем старая. Причина многих поборов, которые народ терпит от своих правителей, кроется в системе закупок, которая во все времена практиковалась в той или иной форме, но время от времени к ней прибегало правительство. Поскольку аналог этой системы - получение взяток - должен, следовательно, преобладать, и на самом деле он практикуется всеми классами

высокопоставленных лиц, а иногда даже поддерживается ими как "необходимое зло", это еще больше усугубляет плохие последствия, вытекающие из этого способа получения должности. Действительно, практика "закрывания глаз" настолько распространена в Китае, что народ редко подходит к своим правителям без подарка, чтобы освободить им дорогу.

Один из способов получения денег, используемых высшими чинами, заключается в том, что они сообщают нижестоящим, что в определенные дни ожидаются подарки, и обычай вскоре увеличивает их количество настолько, насколько это позволяет случай. Подписка на предметы общественной благотворительности или выплаты, такие как наводнение, неурожай, прорыв дамб и другие подобные вещи, о которых должно заботиться правительство, нередко становится источником дохода для занимающих должность, требуя гораздо больше, чем необходимо; те, кто подписывается, вознаграждаются пустым титулом, павлиньим пером или занятостью в какой-нибудь незначительной формальности. Продажа титулов - источник дохода, но правительство никогда не пытается подорвать или вмешаться в хорошо известный канал достижения должности за литературные заслуги, и оно редко предоставляет реальную власть за деньги, если она не связана с некоторой степенью пригодности. Безопасность собственного положения не может быть поставлена под угрозу ради легкого средства пополнения казначейства, однако невозможно сказать, насколько далеко зашла продажа должностей и титулов. Цензура возмущается, а император почти извиняется за то, что прибегает к ней, но тем не менее она постоянно практикуется. Правительственные запасы такого рода были открыты во время последних восстаний и иностранных войн, так как необходимость дела была достаточным оправданием для этой неблагоприятной практики. В 1835 году сыновья двух ведущих гонконгских купцов получили повышение по службе, поскольку они пожертвовали по 25 000 долларов на устранение последствий наводнения; подписчики на сумму от 10 000 долларов были награждены почетным титулом, единственная привилегия которого заключается в том, что он спасает его обладателя от бамбука, поскольку по закону никто, занимающий какую-либо должность, не может быть лично наказан.[\[257\]](#)

АГЕНТЫ И СПОСОБЫ ОФИЦИАЛЬНОГО ВЗЫСКАНИЯ.

Кроме низших офицеров, агентами верхов для давления на народ являются служащие канцелярии и полиция, часто набранная из солдат гарнизона. Во всех канцеляриях есть много канцеляристов разных чинов и рангов, получающих небольшое жалованье, и каждое прошение и ходатайство к начальству, проходя через их руки, сопровождается взяткой за их прохождение. Военная полиция и служащие, связанные с канцеляриями, не получают никакого регулярного жалованья, и их число велико. В крупных районах, таких как Наньхай и Пванью, из которых состоит город Кантон и пригороды, говорят, насчитывается около тысячи неоплачиваемых полицейских, в средних - от трех до четырехсот, а в самых маленьких - от одной до двухсот. Это число увеличивается за счет прислуги, которая входит в свиту высокопоставленных офицеров, а также за счет их старых знакомых, которые дают о себе знать, когда есть вероятность быть принятым на работу. Среди других злоупотреблений, упомянутых цензорами, - назначение магистратами своих собственных людей для заполнения вакансий, пока не прибудут назначенные Его Величеством; подобно бедняку, притесняющему бедняков, такие офицеры являются сметливым дождем. Подобное же злоупотребление возникает, когда сельские магистраты покидают свои посты, чтобы отправиться в столицу провинции, чтобы потанцевать с начальством, и получают назначение на более высокую должность или принимаются на службу в качестве секретарей, потому что они будут работать даром; обязанности их освободившихся должностей тем временем обычно остаются невыполненными, и подчиненные пользуются их отсутствием, чтобы делать

новые поборы. Губернатор заполняет вакантные должности своими друзьями и рекомендует их Его Величеству для утверждения; но это мало помогает укрепить систему угнетения из-за постоянных перемен. На самом деле, трудно сказать, какая черта китайского государственного устройства наименее губительна для хорошего правительства: эти постоянные перемены, которые нейтрализуют всякое сочувствие к народу со стороны правителей, или, с другой стороны, делают бесполезными попытки подстрекателей разжечь восстание.

В свитах высокопоставленных провинциальных офицеров много иждивенцев и ожидающих от них помощи надворных слуг; среди них есть потомки бедных офицеров; сыновья разорившихся купцов, когда-то обладавших влиянием; рассеянные, воспитанные, беспринципные люди, склонные ко всему легкомысленному; и, наконец, искатели удачи без денег, но обладающие талантами хорошего порядка, которые могут быть использованы любым, кто наймет их. Такие люди не свойственны Китаю, и их наем охраняется в кодексе, но ни один закон не является более мертвой буквой. Правительственные чиновники, сознавая свои проступки и боясь, что их скоро лишат должности, конечно же, стараются использовать свои возможности по максимуму и с помощью таких людей, которые обычно хорошо знакомы с ведущими жителями района, преследуют и угрожают тем, кто может хорошо заплатить за то, чтобы их оставили в покое. Однако толку от этого мало или совсем нет, ведь если их не уберут, они будут вынуждены платить своему начальству, а если их накажут за проступки, они еще больше убедятся в том, что лишатся своих нечестивых поборов.

В присвоении государственных средств и всевозможных махинациях с материалами, государственными магазинами, пайками, зарплатами и жалованьем китайские чиновники - опытные эксперты, и их никогда не удивляют никакие разоблачения.

Другой распространенный способ грабежа народа - это сговор полицейских с бандами воров, позволяющий им скрываться при задержании, или подмена виновных другими лицами, если настоящие преступники могут быть осуждены. Иногда эти бандиты слишком сильны даже для честного магистрата, и он вынужден не замечать того, что не может исправить; ведь как бы он ни хотел арестовать и предать их суду, его полицейские слишком боятся их мести, чтобы решиться на них напасть. Подобный случай произошел в 1839 году возле Кантона, когда лодка с секретарем суда и тремя или четырьмя полицейскими приплыла к европейским опиумным кораблям, чтобы разыскать отчаянных контрабандистов опиума, которые нашли там убежище. Парни, узнав о прибытии лодки, пришли ночью, окружили ее, вырезали экипаж, связали своих преследователей и сожгли их заживо вместе с лодкой на глазах у всего флота, у которого отчаянные контрабандисты искали защиты от своих справедливо разгневанных соотечественников.

Цензор в 1819 году, жалуясь на вопиющую небрежность в отправлении правосудия в Чихли, пишет: "Среди магистратов много таких, кто без страха и стыда потворствует грабегам и обману. Раньше конокрады прятались в укромных местах, а теперь они открыто приносят свою добычу на рынок для продажи. Когда им кажется, что человек слаб, они имеют привычку красть его имущество и возвращать его за деньги, а полицейские, услышав об этом, относятся к этому как к пустяку и обвиняют пострадавшего в том, что он не был более осторожен. Воров задерживают с ордерами на руках, показывая, что, будучи посланными арестовать воров, они воспользовались возможностью украсть для себя. А в деревне, расположенной неподалеку от императорской резиденции, скрывается очень много грабителей, которые выходят по ночам компаниями по двадцать-тридцать человек, имея при себе оружие; они часто зазывают жителей, вскрывают двери и, насытившись едой и вином, которые могут достать, угрожают и вымогают деньги, которые, если не могут достать,

забирают одежду, украшения или скот и уходят. Они также часто заходят в магазины и, открыв ставни, нагло требуют деньги, которые, если не получают, поджигают магазин с факелами в руках. Если хозяин дома задерживает нескольких из них и отправляет их к магистрату, тот лишь сажает их в тюрьму и избивает, а через полмесяца позволяет им убежать".[258]

ПРОДАЖНОСТЬ ПОЛИЦИИ И КЛЕРКОВ.

Неоплачиваемые служащие *ямунов* очень многочисленны, и их боятся больше, чем полицию; один цензор говорит, что люди смотрят на них как на тигров и волков; он добился увольнения почти двадцати четырех тысяч из них только в провинции Чихли. Обычно их оставляет на своих местах главный магистрат, который, когда приезжает, не зная характеров тех, кого он должен нанять, вновь нанимает тех, кто может служить. В случаях серьезных обвинений клерки часто допрашивают всех, кто может оказаться замешанным, и требуют плату за освобождение, если доказана их невиновность. Эти мирмидоны все еще боятся гнева своих начальников и отшатывания народа настолько, что стараются сохранить видимость, замалчивая дело и освобождая тех, несправедливо задержанных, с великими заявлениями о сострадании. Можно добавить, что, поскольку жизнь не терпит легкомыслия, воры стараются не убивать своих жертв и не подвергать их жестокому обращению, а магистраты не осмеливаются отнимать жизнь пытками, хотя их жестокость часто приводит к смерти от недосмотра или голода. Деньги и товары - вот что нужно полицейским и чиновникам, а не кровь и месть. Враждующие между собой стороны часто прибегают к юридическому подтексту, чтобы удовлетворить свою недоброжелательность, и жалко мстят, подстрекая полицию грабить и издеваться над их врагом, хотя сами они от этого ничего не выигрывают.

Зло, вызванное полуоплачиваемой и продажной магистратурой, ужасно, а перспективы его устранения весьма незначительны. Губернатор Чихли в 1829 году обратился к императору с меморандумом о состоянии полиции и указал на средство от многих злоупотреблений, одним из которых было выплата им справедливого жалованья из государственной казны; но очевидно, что это средство должно начаться с монарха, ибо пока офицер не освободится от поборов с вышестоящих, он не перестанет требовать с нижестоящих. Опыт показал властям, как далеко можно зайти в этом деле; многие чиновники, видя, как бесполезно раздражать народ, чтобы в конечном итоге обогатиться, стараются сдерживать своих полицейских. Один губернатор издал указ, в котором говорилось, что никому из его домашних не разрешается бить лавочников и таким образом получать товары или съестные припасы по цене ниже рыночной, и разрешил продавцу застегивать на них воротник и приводить к нему для наказания, если они это делают. Когда высокопоставленный чиновник - губернатор, казначей и т. д. - принимает печать своей должности, он часто издает прокламацию, призывающую подчиненных поступать так же, как он - "взирать и воплощать доброту верховного императора", и следить за добросовестным исполнением своих обязанностей. Низшие офицеры, в свою очередь, присоединяются к кличу, и серия прокламаций, поочередно назидательных и обязательных, раздается от мастифа, спаниеля и пуделя, пока клич не заканчивается на полиции. Так, префект Кантона говорит: "Есть жестокосердные солдаты и грызущие ликторы, которые выставляют себя на паромах и рынках или бродят по улицам, чтобы вымогать деньги под разными предлогами; или, будучи в нетрезвом состоянии, они беспокоят и раздражают народ сотней способов. С тех пор как я вступил здесь в должность, я неоднократно приказывал низшим магистратам действовать честно и задерживать таких людей, но развратный дух все еще продолжается".

Один цензор, рассказывая о полиции, говорит: "Не успеют они получить ордер на вызов свидетелей, как набрасываются на истца и ответчика с требованием денег на оплату своих расходов, от десяти таэлей до нескольких десятков. Тогда клерки должны получить вдвое больше, чем получают бегуны; если их требования не удовлетворяются, они придумывают всевозможные досады. Затем, если поблизости есть люди, обладающие собственностью, они вовлекают их в это дело. Они также сговариваются с мелочными адвокатами, чтобы составить обвинения против людей, угрожать и запугивать их, чтобы выманить у них деньги".[\[259\]](#)

Естественным следствием такого состояния общества и такого извращения справедливости является то, что люди боятся любых контактов с представителями власти и становятся крайне эгоистичными во всех своих взаимоотношениях, хотя последняя черта не нуждается в особом воспитании, чтобы развить ее в любой языческой стране. Это также ведет к бесчеловечному пренебрежению жизнью других людей и охлаждает все чувства доброты, которые могли бы возникнуть в противном случае; ведь если человек отвечает за поступки своих соседей или если вся деревня вовлечена в преступления одного человека, нарушается всякое чувство справедливости. Страх оказаться причастным к какому-либо злу иногда мешает людям тушить пожары до тех пор, пока не будет сообщено вышестоящим властям, и не оказывать помощь страждущим, пока не становится слишком поздно. Поэтому нередко случается, что человек, которому не повезло быть зарезанным на улице или упасть от болезни и умереть, остается на месте, пока гниение не заставит соседей, ради их же безопасности, убрать труп. Труп, плывущий по реке и выброшенный на берег, скорее всего, останется на берегу до тех пор, пока его снова не унесет или пока власти не похоронят его, потому что ни один неофициальный человек не станет добровольно рисковать тем, что его увидят погребаящим. Один цензор сообщает, что когда он спросил людей, почему они не убирают этот отвратительный объект, они сказали: "Мы всегда позволяем телам быть либо похороненными в брюхе рыб, либо съеденными собаками; ведь если мы сообщим об этом в магистрат, они непременно заставят владельца земли купить гроб, а дьяки и помощники будут досаждать нам сотней способов". Обычный конец этих мемориалов и обращений состоит в том, что полиции приказывают вести себя лучше, канцеляристам - воздерживаться от вовлечения невинных людей и препятствования отправлению правосудия, а их хозяевам, магистратам, угрожают недовольством императора, если обида не будет устранена: после этого все идет по-прежнему, и будет идти до тех пор, пока и правители, и управляемые остаются такими, какие они есть.

ЭФФЕКТ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.

Применение принципа ответственности объясняет многие вещи в китайском обществе и юриспруденции, которые в противном случае кажутся совершенно противоречащими даже обычной человечности. Он делает офицера небрежным к своим обязанностям, если он может переложить ответственность за неудачу на своих подчиненных, которые, в то же время, знают, что никогда не смогут выполнить его приказы; он делает людей мертвыми для импульсов отношений, чтобы они не оказались вовлеченными в то, что они не могут контролировать и едва ли знают в момент его совершения. Мистер Линдсей рассказывает, что, когда он был в Цунмине в 1832 году, офицеры настоятельно требовали, чтобы он вышел из реки, и, чтобы показать ему последствия его несоблюдения для других, разжалованный подчиненный был выставлен на его взгляд. "Его фуражку с золотой пуговицей несли перед ним, и он шел с завязанными глазами в процессии между двумя палачами, с маленьким флажком на бамбуке, пронзенным в каждом ухе. Перед ним висела табличка с надписью: "По приказу генерала Су и Сун: за нарушение воинской дисциплины ему проколоты уши в

качестве предупреждения народу". Его проступок заключался в том, что он позволил нашей лодке пройти мимо форта, не сообщив об этом".

Во время первой войны с Англией страх перед наказанием побуждал многих подчиненных совершать самоубийства, когда они не могли выполнить свои приказы, и тот же мотив побуждал их начальников избегать гнева императора подобным образом. Торговцы хонгами и лингвисты в Кантоне при старом режиме постоянно подвергались, в силу действия этого принципа, поборам и наказаниям за действия своих иностранных клиентов. Один из них, Сунсин, был посажен в тюрьму и разорен за то, что лорд Напьер прибыл в Кантон из Уампоа на лодке корабля, который несчастный торговец "обеспечил" за несколько недель до этого, а лингвист и лоцман были изгнаны за то, что допустили то, чему они не могли помешать, даже если бы знали об этом.

Рассмотрев в общих чертах различные ранги чиновников, мы переходим к народу, и внимательный взгляд покажет, что эта огромная масса людей проявляет множество одинаково неприятных черт, а угнетение, нужда, клановое соперничество и разбойничьи нападения держат ее в постоянном состоянии беспорядка. Деление на десятины и сотни лучше прослеживается в сельских районах, чем в городах, и старосты этих общин, как индивидуальные, так и коллективные, обладают большим влиянием, поскольку представляют народное чувство. Во всех частях страны эта народная организация встречается в той или иной форме, хотя, как бы все ни было извращено, она нередко становится инструментом скорее угнетения, чем защиты. Разделение народа на кланы гораздо более заметно в южных провинциях, чем в тех, что лежат к северу от Янцзы, и оказывает угнетающее воздействие на их хорошее управление. В целом оно напоминает устройство шотландских кланов, как и зло, проистекающее из их раздоров и междоусобиц, которые, как свидетельствует история, были возбуждены среди горцев соперничеством между Кэмпбеллами и Макгрегорами.

ДЕРЕВЕНСКИЕ СТАРЕЙШИНЫ.

Старейшины деревень не имеют необходимой связи с кланами, поскольку последние не признаются правительством, но клан, имеющий большинство в деревне, обычно выбирает старейшин из своего числа. Эта система очень древняя; ее элементарные детали приведены в "Чау-ли", одном из старейших трудов, сохранившихся в Китае; Херен приводит те же детали для Индии, а Раффлз - для Явы, дошедшие в своей продолжительности до далекой древности. [260] В окрестностях Кантона старший избирается на своеобразном городском собрании, занимает свой пост во время хорошего поведения, получает такое жалованье, какое дают ему его односельчане, и может быть смещен, чтобы освободить место для другого, когда главные лица в деревне недовольны его поведением. Его обязанности сводятся к надзору за полицией и общему наблюдению за тем, что делается в деревне, а также к тому, чтобы быть своего рода агентом или представителем между жителями деревни и высшими властями; обязанности, полномочия и ранг этих должностных лиц варьируются почти до бесконечности. Преобладание одного из кланов предотвращает большие распри при выборе старейшины, но степень власти, переданной в его руки, настолько мала, что конкуренция за получение этого звания, вероятно, невелика. Деревенская полиция содержится жителями под руководством старейшины; например, в деревне Вампоа, где проживает около восьми тысяч человек, старейшине платят 300 долларов жалованья и нанимают четырнадцать сторожей. В его обязанности также входит решение мелких вопросов, возникающих между жителями деревни, наказание провинившихся, а также обеспечение соблюдения правил, которые считаются необходимыми в отношении праздников, рынков, резервуаров, улиц, сбора налогов и т. д. Система надзора, однако,

поддерживается начальством, которое назначает акцизных чиновников, зерновых агентов, приливных офицеров или некоторых других подчиненных, в зависимости от обстоятельств, для осуществления общего надзора за старостами.

Окружной магистрат, *сиункиен* и их заместители по сотне - это должностные лица, к которым поступают обращения от старост; они также получают сообщения старейшин о подозрительных личностях в их пределах или других вопросах, которые они считают достойными упоминания или обжалования. Сходство интересов заставляет старост многих деревень время от времени собираться вместе в общественном зале для тайных консультаций по важным вопросам, и их совместные решения обычно принимаются самими старейшинами или магистратами, в зависимости от обстоятельств. Эта система старейшинства и влиятельное положение, которое занимают старосты, является важной защитой народа от крайностей деспотичного вымогательства; кроме того, она поддерживает правительство, укрепляя лояльность тех, кто чувствует, что единственная защита от воровства и потери всех вещей от своих мятежных соотечественников заключается в поддержке институтов страны, и что терпеть зло от плохой магистратуры менее страшно, чем ужасы незаконного разбойничества.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРОКИ КЛАНОВОСТИ.

Обычаи и законы клановости увековечивают печальное состояние общества и превращают районы и деревни, в остальном мирные, в арену непрекращающихся волнений и беспорядков. Во всем Китае насчитывается всего около четырехсот кланов, но поскольку все представители одной фамилии не живут в одном и том же месте, разделение клана служит той же цели, что и его размножение. В Квантуне и Фукиене клановые чувства и вражда гораздо сильнее, чем в других провинциях. В качестве примера можно привести петицию одного человека из Чаучау-фу (Квантун), поданную в газету по поводу ссоры, в которой говорится, что "за четыре года до этого его род, отказавшись помочь двум другим кланам в их междоусобице, подвергся в течение этого периода самым шокирующим жестокостям. Десять человек были убиты, а у двадцати мужчин и женщин, взятых в плен, были выколоты глаза, отрезаны уши, искалечены ноги, и они стали бесполезными для жизни. Тридцать домов лежали в руинах, триста акров земли были захвачены, десять тысяч таэлей разграблены, храмы предков разрушены, могилы разрыты, дамбы разрушены, а вода отрезана от полей. Губернатор предложил награду в тысячу таэлей тому, кто задержит этих людей, но за десять убийств никто не был казнен, потому что полиция не осмеливается схватить преступников, число которых значительно возросло и которые ставят законы наперекор". Этот регион печально известен беспокойным характером своих жителей; он примыкает к провинции Фукиен, и жители, известные в Кантоне как *хокло*, в большом количестве эмигрируют на Индийский архипелаг или в другие провинции. В более поздних "Бюллетенях" содержатся еще более страшные рассказы о столкновениях кланов и огромных потерях жизни и имущества в результате их набегов: не менее ста двадцати деревень были атакованы, тысячи людей убиты. Эти сражения происходят постоянно, и власти, чувствуя себя слишком слабыми, чтобы подавить их, вынуждены попустительствовать им и позволять кланам сражаться друг с другом.

Неприязнь между кланами поддерживается, а частная месть удовлетворяется любыми личными досадами, которые только может предложить злоба или искушить возможность. Если несчастный представитель одного клана встречается со своим врагом в одиночку, его обязательно ограбят или изобьют, или и то, и другое; лодки или дома каждой стороны разграблены или сожжены, и законное возмещение почти невозможно. Могилы оскверняются, надгробия повреждаются, а при ежегодном посещении семейной

усыпальницы, возможно, встречается гнилой труп, подложенный враждебным кланом; это оскорбление вызывает весь их гнев, и они клянутся смертельно отомстить. Жители деревни бросаются в бой с тем оружием, которое у них есть, и смерть и ранения почти наверняка наступят раньше, чем они разойдутся. В Шунте (район между Кантоном и Макао) в одном из таких случаев около тысячи человек вступили в бой с копьями и огнестрельным оружием, и тридцать шесть человек погибли; для подавления бунта были вызваны военные. В районе Тунгкуан, к юго-востоку от Кантона, были задержаны тридцать шесть главарей, а в 1831 году сообщалось, что в этих набегах погибли четыреста человек; только двадцать семь их сородичей обратились к правительству за возмещением ущерба.

Когда жалоба подается префекту или губернатору, и расследование становится неизбежным, жители деревни принимают меры, чтобы справиться с обстоятельствами дела, которые возлагают бремя обвинения как можно в большей степени на весь клан. Находится группа "преданных людей" - людей, которые добровольно берут на себя такие преступления и рискуют жизнью, - чьи имена заносятся в список, и они выступают перед правительством в качестве виновных. На суде их друзья привлекают свидетелей, чтобы доказать, что это оправданное убийство, и превозносят провокацию, а если на скамье подсудимых сразу несколько человек, то пытаются оправдать кого-то из них, доказав алиби. Нередко обвиняемых оправдывают, реже - казнят; обычным результатом является транспортировка или штраф. Побудительным мотивом для людей, идущих на такой риск, является гарантия со стороны клана содержать семью в случае смерти и вознаграждение, иногда достигающее 300 долларов, землей или деньгами после возвращения. Эта сумма собирается путем взимания налогов с клана или деревни, и это бремя ложится тяжелым бременем на беднейшую часть клана, которая не может ни избежать, ни легко заплатить его. Эта система замещения пронизывает все слои общества, и за все проступки. В 1838 году в Макао за торговлю опиумом был задушен человек, которого нанял настоящий преступник, чтобы он отчитывался за свое имя. Другой способ побега, иногда применяемый в таких случаях, когда человек уже осужден, - подкупить тюремщиков, чтобы они признали его мертвым и вынесли тело в гробу; но этот способ, вероятно, не часто доходит до конца, так как токари требуют большую взятку, чем можно собрать. Не приходится сомневаться в распространенности этой практики, причем в отношении преступлений даже незначительной тяжести.

Чтобы усугубить социальное зло клановости и систематизированного воровства, время от времени появляются местные тираны, которые грабят и издеваются над жителями деревни с помощью своих вооруженных помощников, в большинстве случаев, несомненно, являющихся членами того же клана. Один из таких тиранов по имени Йех, или Лист, стал весьма известным в округе Тунгкуан в 1833 году, поставив под угрозу всю власть местных властей и посылая своих людей грабить и разорять всех, кто сопротивлялся его требованиям, уничтожая их могилы и зерно, и особенно досажая тем, кто не отдавал своих жен или дочерей в угоду ему. Он был арестован благодаря хитрости окружного магистрата Кантона, покинувшего свой пост и побудившего его, по старой дружбе, вернуться с ним в провинциальный город; там он был предан суду и казнен губернатором, хотя в то время сообщалось, что Коллегия наказаний пыталась сохранить ему жизнь, поскольку он находился на посту в столице. Чтобы не было попыток спасти его, он оставался в неведении о своем приговоре до тех пор, пока его не посадили в седан, чтобы везти на казнь.

БАНДИТЫ И БРОДЯГИ.

Родовые бандиты часто снабжают себя огнестрельным оружием и, пробираясь по стране, чтобы отомстить своим врагам, вскоре приступают к грабежу каждого; чтобы разоружить их, правительство иногда вынуждено прибегать к презренным уловкам, которые наглядно

демонстрируют его слабость и способствуют повторению зла. По провинции Квантун бродят группы бродяг, называемых "хакка", или "гости", которые селятся на свободных местах вдоль берегов, вдали от деревень, и образуют небольшие родовые общины; как только их число увеличивается, занимая все больше и больше земли, они начинают совершать мелкие хищения урожая жителей и требуют деньги за привилегию хоронить на незанятой земле вокруг них. Правительство, как правило, не желает изгонять их силой, поскольку есть альтернатива сделать их таким образом грабителями, и им предлагается поселиться на других пустующих землях, которые они могут получить без налогов, и оставить те, которые они обрабатывали, если строго частной собственностью. Такая практика наглядно демонстрирует густонаселенность страны. К этим бедствиям следует добавить еще и огромные толпы плавающих бандитов или дакоитов, которые бродят вверх и вниз по всем водотокам "как крадущиеся крысы" и набрасываются на незащищенные лодки. Вряд ли хоть одна река или устье в стране свободны от этих злодеев, и ежегодно они уничтожают жизни и имущество в очень больших количествах, особенно на Янцзы, Жемчужной реке и других крупных магистралях.

Народные объединения в городах и поселках основаны главным образом на общности интересов, обусловленной либо сходством занятий, когда люди одного и того же сословия объединяются в гильдии, либо муниципальными правилами, обязывающими домовладельцев, живущих на одной улице, объединяться для содержания полиции и поддержания мира в своем квартале. У каждой гильдии есть зал для собраний, где ее члены собираются на праздник своего святого покровителя, собирают и присваивают взносы членов, оплачивают аренду или хранение комнат и товаров в зале, обсуждают все общественные дела, а также веселятся по такому случаю и совещаются с другими гильдиями. Члены гильдии часто идут на большие расходы, подражая друг другу в своих шествиях, и существует некоторое соперничество за их права, за которым правительство следит, поскольку все народные собрания - это его ужас. Владельцы магазинов и домов на одной улице обязаны иметь старосту, который руководит полицией, сторожами и нищими в своих пределах. Обе эти формы народных собраний иногда мешают правителям в их замыслах, и они, несомненно, во многом способствуют сохранению независимости и взаимного знакомства, что вызывает уважение правительства. Губернатор Кантона в 1838 году попытался обыскать все магазины на одной из улиц, чтобы выяснить, нет ли в них опиума; но лавочники собрались в кучу на в начале улицы и заявили полицейским, что ни за что не позволят обыскивать их магазины. Губернатор счел за лучшее удалиться. Те, кто не хочет присоединяться или соглашаться с приказами большинства в таких органах, иногда подвергаются мелкой тирании, но в городе это должно быть сравнительно незначительно. Известно, что некоторые из ведущих людей города по разным причинам общественного и насущного характера собираются для консультаций в еще более популярных собраниях. В Кантоне есть здание под названием *Мин-лун-тан*, или "Зал свободных дискуссий", где политические вопросы обсуждаются под контролем правительства, которое скорее пытается их уладить, чем утихомирить, поскольку помощь таких органов, правильно управляемых, в осуществлении их намерений значительна, а недовольство было бы вызвано, если бы их насильственно подавляли. В октябре 1842 года в этом зале проходили собрания, на одном из которых был обнародован публичный манифест, приводимый здесь полностью в качестве образца публичных обращений китайских политиков и ораторов:

МАНИФЕСТ ПРОТИВ АНГЛИЧАН.

"Мы благоговейно советовались с Империей - огромным и неделимым целым! Как мы можем позволить разделить ее на части, чтобы отдать другим? И все же мы, деревенские люди, можем научиться грубой преданности; мы тоже знаем, что нужно уничтожить бандитов и тем самым отплатить Его Величеству. Наша Великая Чистая династия заботилась об этой стране более двухсот лет, в течение которых царствовала чередой выдающихся монархов, сменявших мудрецов; и мы, питающиеся полевой травой и пашущие землю, веками пили росу императорской доброты и были пропитаны ее благосклонностью. Люди в отдаленных от нас диких местах также ощущали эту благодать, сравнимую с небесами по высоте, и поддерживались этой щедростью, как земля по толщине. Поэтому, когда в стране установился мир, сюда приходят корабли из всех стран, хотя они удалены от этой на многие мириады миль; и из всех чужеземцев на юге и западе нет ни одного, кроме того, что пользуется наивысшим миром и довольством, и вызывает глубочайшее уважение и покорность.

"Но есть такой английский народ, правитель которого то женщина, то мужчина, люди которого то похожи на птиц, то на зверей, нравом свирепее и яростнее тигра или волка, а сердцем жаднее змеи или свиньи, - этот народ всегда исподтишка пожирал всех южных варваров, а теперь, подобно демону ночи, внезапно возвысился. Во времена правления Кьенлунга и Киакинга эти английские варвары смиренно просили разрешения войти и сделать подарок; они также самонадеянно просили заполучить Чусан, но эти божественные личности, ясно понимая их предательские замыслы, дали им категорический отказ. С тех пор, связавшись с предательскими торговцами, они тайно обитают в Макао, торгуя в основном опиумом и отравляя наш храбрый народ. Они погубили жизни - сколько миллионов, никто не может сказать; и растратили имущество - сколько тысяч миллионов, кто может догадаться! Они снова и снова осмеливались убивать китайцев и прятали убийц, которых отказывались выдать, от чего у всех людей скорбели сердца и болели головы. Так на протяжении многих лет англичане, тайно наблюдая за возможностями в стране, постепенно довели ситуацию до нынешнего кризиса.

"В 1838 году наш великий император, в полной мере познав все преступления англичан и ядовитое действие опиума, быстро пожелал восстановить хорошее состояние страны и сострадать народу. Вследствие меморандума Хван Цыо-цзы и в соответствии с его просьбой он специально назначил общественно мыслящего, честного и ясного министра Линь Цзе-сюя своим императорским уполномоченным с полномочиями и отправился в Кантон для изучения и упорядочения. Он приехал, забрал весь накопленный опиум и прекратил торговлю, чтобы очистить поток и перекрыть фонтан; доброта была смешана с его суровостью, а добродетель была очевидна в его законах, но все же англичане не раскаялись в своих ошибках и в кульминационный момент своего противостояния призвали войска себе на помощь. Цензор Хван, посоветовав мир, разрушил преграды, и банды дерзких разбойников охотно совершали всевозможные неблагоприятные и злодейские поступки. В течение последних трех лет эти мятежники, опираясь на свои крепкие корабли и мощные пушки, из Кантона направились в Фухкиен, затем в Чехкиан и далее в Киангсу, захватывая нашу территорию, уничтожая наши гражданские и военные власти, насилюя наших женщин, захватывая наше имущество и навлекая на жителей этих четырех провинций невыносимые бедствия. Его Императорское Величество был встревожен и огорчен, и это усугубило его горе и тревогу. Если вы хотите очистить их преступления, то не хватит ни топлива в Империи, ни огромного океана, чтобы смыть наше негодование. Боги и люди одинаково полны негодования, и Небо и Земля не могут позволить им остаться.

"В последнее время те, кто управлял делами в Киангнане, подражали тем, кто был в Кантоне, и у ворот города они охотно заключили соглашение, содрав жир с народа на сотни мириадов, и все ради спасения драгоценных жизней одного или двух бесполезных офицеров; тем самым они в точности подтвердили то, что канцлер Кин Ин-линь уже поминал. Эти английские мятежники - варвары, живущие на маленьком островке за пределами наших владений; однако их приход приводит в смятение мириады миль страны, в то время как их численность не превышает нескольких мириадов. Что может быть проще, чем нашей небесной династии проявить всю полноту своей власти и истребить этих презренных морских гадов, подобно тому, как взрыв сгибает податливый бамбук? Но наши высшие офицеры и министры дорожат своими драгоценными жизнями, и гражданские, и военные люди боятся собаки, как тигра; невзирая на врагов своей страны и горести народа, они фактически разделили империю и присвоили ее богатства; эти действия более вопиющи, чем действия предателей во времена династии Южная Сун, и причины их совершенно непостижимы для нас. Эти английские варвары в основе своей неспособны, и все же мы постоянно видим в мемориалах, что офицеры превозносят и превозносят их доблесть и упрямство; наши люди мужественны и полны энтузиазма, а офицеры, напротив, говорят, что они удручены и рассеяны: это делается не иначе как для того, чтобы принудить нашего принца к миру, и тогда они, к счастью, избегают наказания за "обман принца и предательство страны". Вы сомневаетесь? Тогда взгляните на мемориал канцлера Кин Ин-Лина, в котором говорится: "Они используют повод для войны, чтобы стремиться к самовозвеличиванию"; каждое слово в нем прямо указывает на такое поведение, как это.

"Недавно мы прочитали в ясном мандате Его Величества, что "Нет другого пути, и то, о чем просят, должно быть предоставлено", и что "Мы наделили министров чрезвычайными полномочиями, а они не сделали ничего, кроме как обманули нас". Глядя сверху, мы видим, что Его Величество обладает ясной проницательностью и божественным восприятием, и что он полностью осознавал неразумность своих министров; он также помнит о преданном гневе своего народа. Соответственно, сейчас он временно уладил все нынешние трудности, но именно для того, чтобы, созрев в своих планах, в будущем проявить свое негодование и показать империи, что она не постигла божественных благоговейных замыслов.

"Повадки этих мятежных англичан подобны повадкам собаки или овцы, чьи желания никогда не могут быть удовлетворены; и поэтому нам нет нужды спрашивать, является ли заключенный сейчас мир настоящим или притворным. Вспомните, что когда в прошлом году они устроили беспорядки в Кантоне, то захватили форт на площади и после этого демонстрировали свою дерзость, повсюду грабя и разоряя. Если бы патриотически настроенные жители, живущие в Хвайтинге и других селениях, а также в Шингпинге, не убили их предводителя и не уничтожили их дьявольских солдат, они не погнушались бы ничем, захватив и разграбив город, а затем обстреляв его, чтобы удовлетворить свою мстительность и алчность: можно ли представить, что за ничтожную сумму в шесть миллионов долларов они, как и прежде, сняли бы осаду и отступили? Как жаль! Когда рыба была на сковороде, Кванчау-фу должен был прийти и утащить дрова, выпустить тигра, чтобы тот вернулся в горы, и обезоружить народное негодование. Позволив врагу сбежать по одному случаю, он последовательно принес несчастье многим провинциям: когда мы говорим об этом, это ранит сердце и заставляет слезы течь.

"В прошлом году, когда был заключен мирный договор, было решено, что англичане должны уйти за Ланкит, отдать близлежащие форты и временно поселиться в Хунконге, а впредь навсегда прекратить все военные действия. Кто бы мог предположить, что до истечения оговоренного времени они отвернутся от этого соглашения, силой овладеют крепостями в

Боге со своими "деревянными драконами" [*то есть* военными кораблями], и когда они со своими мощными силами подойдут к воротам Города Рамса, кто сможет им противостоять? За эти три года мы не смогли восстановить все, как было, и их обманчивое коварство, которое тогда ограничивалось этими краями, быстро распространилось на Киангнан. Но наш высокий и могущественный император, в высшей степени умный и проницательный [*лит.* схватив золотое зеркало и держа драгоценные весы], соглашается смирить себя, чтобы принять успокаивающие советы мира, и поэтому покорно соглашается с указами Неба. Подозревая, что эти чужеземцы намерены посягнуть на нас, он тайно все устроил. Мы с почтением ознакомились со всеми указами его величества, и они ясны, как солнце и луна; но те, кто сейчас управляет делами, похожи на тех, кто, полагая, что бушующий пожар утих, чувствует себя спокойно, как ласточки на дворе, но если беда вдруг снова нагрянет, окажется беззащитным, как грампус на рыбном рынке. Закон предусматривает смертную казнь за предательство страны, но как даже смерть может искупить их преступления? Личности, которые с честью передавались в последующие века, и те, чья память была предана забвению, мало чем отличаются друг от друга на страницах праведной истории; пусть наши правители помнят об этом, и мы думаем, что они также должны приложить усилия для восстановления своих характеров. Мы, люди, имели свой день во времена великого мира, а нынешний век - век обильного процветания; ученые придумывают, как воздать за доброту правительства, а земледельцы и не думают забывать об усилиях, которые Его Величество прилагал для них. Наше негодование было рано возбуждено, чтобы вступить в бой с врагом, и тогда мы все призывали друг друга к самой твердой верности.

"Мы слышали, что англичане намерены войти в Жемчужную реку и основать поселение; однако это не ограничится тем, что китайцы и иностранцы будут жить вместе, ибо люди и звери не могут терпеть друг друга; это все равно что открыть дверь и впустить вора, или приоткрыть ворота и впустить волка. Пока их держали снаружи, внутри было много предателей; насколько же увеличится число наших бед, когда они доберутся даже до наших постелей? Мы не можем не опасаться, что это выльется в нечто странное, чего не хватит слов, чтобы выразить. Если правители других государств захотят подражать англичанам, чем можно будет уступить их требованиям? Следовательно, неразумные требования англичан принесут большие беды народу и глубокую скорбь стране. Если мы не позволим им жить с нами под одним небом, наши духи не будут испытывать стыда; если же мы охотно согласимся жить с ними, нас, по правде говоря, могут счесть бесчувственными.

"Мы с благоговением читали в императорском мандате: "Среди народа должны быть люди необычайной мудрости или храбрости, которые могут возбудить его к верности и патриотизму или объединить его для самозащиты; те, кто может помочь правительству и армии вернуть города или защитить важные места от разбойников; Кто-то, кто может напасть на их корабли и сжечь их, или захватить и принести головы их глупых вождей; или кто-то с божественным присутствием и мудростью, кто может раскрыть все их глупые советы и получить для себя имя превосходящих заслуг и способностей и получить высшие награды. Мы можем дать" и т. д. и т. п. Мы, народ, получив императорские слова, объединились в войска и практикуем план соединения хуторов и деревень, пока не наберем до миллиона войск, которых мы снабдили по шкале оценки продукции соответствующих хозяйств; и теперь мы полностью готовы и совершенно спокойны относительно результата. Если нас ничто не позовет, то каждый вернется к своему занятию; но если вызов придет, то, объединив наши силы, мы будем побуждать друг друга к усилиям; наши храбрые сыновья и братья все воодушевлены на ратные подвиги, и даже наши жены и дочери, тонкие и нежные, как драгоценности, научились рассуждать об оружии. Сначала, увы, те, кто охранял проходы, были спокойны и беспечны, и разбойники приходили без спроса и желания; но теперь [если

они приходят], нам остается лишь ревностно назначать друг друга на посты и подавлять вздымающиеся волны до самого спокойного состояния [*то есть* истреблять их]. Когда золотой бассейн будет полностью восстановлен, а тревога его величества за юг уменьшится, когда левиафан будет прогнан, тогда наш гнев, сравнимый с широким океаном и высокими небесами, будет умиротворен.

"Мы обязуемся отомстить и выражаем наши искренние намерения, чтобы продемонстрировать великие принципы; а также, чтобы показать возмездие Небес и порадовать сердца людей, мы издаем эту патриотическую декларацию. Высокие боги ясно видят: не теряйте своей первой решимости".^[261]

На эту энергичную статью впоследствии ответила партия, желающая мира, но антианглийские настроения возобладали, и комитет, назначенный собранием, через несколько дней после этого поджег английское консульство, чтобы предотвратить его занятие. У этой неприязни было много причин ; ее дальнейшее проявление, однако, закончилось с этим нападением и теперь практически угасло с ростом нового поколения.

ПОПУЛЯРНЫЕ ТАЙНЫЕ АССОЦИАЦИИ.

Многочисленные тайные ассоциации, существующие в народе, в основном носят политический характер, но имеют вероучение, как религиозные секты, и незначительно отличаются по своим догматам и объектам поклонения. Они связаны с системой кланов, которые, давая людям привычку и дух к объединениям, легко используются умными людьми в своих целях оппозиции правительству. Сходные причины, как местное угнетение, ненависть к маньчжурам или надежда на выгоду, увеличивают их численность и силу, и если бы они были основаны на полном знакомстве с основаниями справедливого сопротивления деспотизму, они скоро опрокинули бы правительство; но как из яйца гадюки может вылупиться только кокатрис, так и до тех пор, пока народ не будет просвещен относительно своих справедливых прав, нельзя ожидать постоянного улучшения. Именно против этой главной черты маньчжурской политики, *изоляции*, грешат эти общества, что еще больше побуждает к систематическим усилиям по их подавлению. Единственное возражение верховного правительства против религии народа заключается в том, что она объединяет их; они могут быть буддистами, рационалистами, иудеями, магометанами или христианами, если, конечно, будут поклоняться тайно и раздельно. С другой стороны, народ естественным образом связывает некоторые религиозные обряды со своей оппозицией и кабалами, чтобы надежнее связать их членов.

Название самого могущественного из этих объединений упоминается в разделе CLXII кодекса с целью его запрета; с тех пор оно, очевидно, изменило свое название с *Pih-lien kiao*, или "Секта водяной лилии", на *Tien-tí hwui* или *San-hoh hwui*, *то есть* "Общество триады", хотя оба названия все еще существуют, первое - в северных, второе - в приморских провинциях и Индийском архипелаге; их ответвления также принимают другие названия. Цель этих объединений - свержение царствующей династии, и, выдвигая это на первый план, они привлекают многих присоединиться к ним. В начале века в северо-западных и средних провинциях вспыхнуло широкое восстание, которое было подавлено после восьмилетней войны, сопровождавшейся опустошением и кровопролитием; с тех пор о секте Водяной Лилии говорят не так часто. Общество Триады распространилось вдоль побережья, но оно не пользуется популярностью, что объясняется, прежде всего, его незаконностью, а также запугиванием и притеснением тех, кто не желает в него вступать. У членов ассоциации есть тайные правила и знаки, они поддерживают и помогают друг другу как в хороших, так и в плохих поступках, но, как можно предположить по их характеру, укрывают злодеев от

справедливого наказания чаще, чем облегчают страдания членов. Возможно, первоначальные замыслы ассоциации были благими, но то, что было в них допустимо, вскоре выродилось в систематический план грабежа и стремление к власти. В 1845 году правительство Гонконга приняло закон, согласно которому любой китаец, проживающий в этой колонии и уличенный в принадлежности к обществу "Триада", должен быть объявлен виновным в преступлении, заключен в тюрьму на три года, а после клеймения изгнан из колонии. Эти ассоциации, если и доставляют правительству много хлопот, мешая его работе, в немалой степени, благодаря властному поведению лидеров, поддерживают его, показывая народу, чего можно ожидать, если они когда-нибудь возьмут верх.[\[262\]](#)

МЕМОРИАЛ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ОФИЦИАЛЬНОМУ УГНЕТЕНИЮ.

О злодеяниях недобросовестного управления можно узнать главным образом из меморандумов цензоров, и хотя они могут несколько приукрасить свои заявления, очень грубые неточности будут использованы во вред им самим и опровергнуты таким количеством конкурентов, что большинство их заявлений можно считать имеющими под собой некоторую основу. Неизвестный человек из Квантуна в 1838 году направил императору меморандум о состоянии этой провинции и нарисовал картину вымогательств низших представителей власти, которая не нуждается в иллюстрациях, чтобы углубить ее мрак или придать силу ее жалобам. Выдержка из каждой из шести глав, на которые разделен мемориал, укажет на основные источники народных восстаний в Китае, помимо того, что они демонстрируют тиранию чиновников.

В своем предисловии, после обычных восхвалений благодеяний и популярности монарха, мемориальный автор выражает сожаление, что императорские желания о благополучии его подданных так сильно нарушены злодейством его чиновников. Упомянув о бедствиях, посетивших провинцию в виде ливней, восстаний и пожаров, он говорит, что дела в целом стали настолько плохи, что Его Величество был вынужден неоднократно посылать в Кантон комиссаров для их урегулирования. "Если такое положение вещей действительно таково, - спрашивает он, - то что же удивляться, если в народе царит разбойничья привычка, а канцеляристы и чиновники государственных судов, равно как и деревенские мещане, при каждом удобном случае подкладывают себя для разжигания ссор и подстрекательства к ложным обвинениям против добра?" Он рекомендует провести реформу в шести департаментах, в каждом из которых он, таким образом, указывает на те пороки, которые необходимо устранить:

Во-первых, в департаменте полиции наблюдается большая небрежность и задержка в решении судебных дел. Очень распространены случаи грабежа, большинство из которых совершаются бандитами под названиями обществ "Триада", братств "Небо и Земля" и т. д. Эти люди похищают людей, чтобы выкупить выкуп, под видом полицейских и в симуляторах проезжают вверх и вниз по рекам, грабят лодки путешественников и насильно уводят женщин. Мужчины вынуждены платить этим грабителям "компенсацию", иначе, как только урожай созреет, они приходят и уносят весь урожай. В районах метрополии, где их соседство с трибуналами не позволяет им совершать грабежи днем, они поджигают дома ночью и под предлогом спасения и защиты людей и имущества уносят и то, и другое; поэтому в последние годы бедственные пожары участились, а банды грабителей сильно размножились. В случаях ссор между жителями деревни, которые могут говорить только на своем местном наречии, толкование доказательств полностью возлагается на клерков; а когда магистрат вял или занят делами, они заранее подготавливают доказательства и вместе

с хулиганами и зачинщиками беспорядков подминают под себя добро и зло, наживаясь на взятках, вымогаемых под названием "меморандумы жалоб", "покупки ответов" и т. д., и затягивая решение дел на неопределенное время. Они также подстрекают воров выдвигать ложные обвинения против добропорядочных людей, которые таким образом разоряются на судебных издержках. Если чиновники правительства и народ разделены таким образом, то как может быть иначе, кроме как увеличивать число обращений в высшие инстанции и преобладать судебные тяжбы и раздоры?

Во-вторых, магистраты завышают налоги с целью вычета для собственной выгоды, а акцизные чиновники попустительствуют неуплате. Доходы Квангтуна полностью выплачиваются деньгами, и магистраты, вместо того чтобы принимать коммуналку по обычной цене около пяти долларов за сто пятьдесят фунтов риса, заставляют людей платить девять долларов и больше, потому что наводнение и плохой урожай подняли цену на зерно. Чтобы избежать этих поборов, полиция обращается к жителям деревни и требует *douceur*, когда их освободят от всех платежей. Но императорская казна не наполняется и таким способом, и люди все чаще вынуждены выплачивать недоимки, вплоть до потери большей части своего имущества.

В-третьих, в зернохранилищах царит бесхозяйственность, и вместо того, чтобы помогать людям во время нехватки, они служат лишь источником казнокрадства для тех, кому поручен надзор за ними.

В-четвертых, состояние армии и флота - позорное; незаконный оборот не предотвращается, мятежи не подавляются. Единственная забота офицеров - получить хорошие назначения и сократить фактическое число солдат ниже реестра, чтобы они могли присвоить запасы. Крейсера стремятся лишь получать сборы, позволяющие вести контрабандную торговлю, а морские офицеры не стремятся вернуть имущество разграбленных судов, а становятся защитниками беззаконников и причастными к их добыче. Грабежи на реках настолько распространены, что торговцы с острова Хайнань и из Чаучау близ Фукиена предпочитают добираться морем, но катера под предлогом поиска контрабандных товаров перегружают их и занимаются многочисленными поборами.

В-пятых, монополия на соль должна охраняться более строго, а частное производство соли должно быть прекращено, поскольку таким образом доходы от этого источника значительно уменьшаются.

Шестое. - Контрабанда так велика, а зло, проистекающее из нее, так многократно увеличивается, что необходимо принять решительные меры для ее пресечения. Предательские китайцы объединяются с развращенными иностранцами, пренебрегая законами, и продают свой опиум и другие товары за чистое серебро. Таким образом, страна обедняется, возникают всевозможные беды, доходы таможни уменьшаются из-за ненужного количества занятых в ней людей и платы, которую они получают за попустительство. Если все эти злоупотребления удастся устранить, "станет ясно, что, когда есть люди, способные хорошо править, ничто не может быть вне пределов досягаемости их правительства".

ЧАСТОТА ОГРАБЛЕНИЙ И ДАКОИТИ.

Главные усилия чиновников направлены на усмирение бандитов и поддержание такого мира, который позволит им собирать доходы и обеспечит народу спокойное владение своей собственностью; но народ слишком готов сопротивляться своим правителям, и это приводит к постоянной борьбе противоположных желаний. Одна сторона приобретает привычку сопротивляться даже надлежащим требованиям офицеров, которые, со своей стороны,

стараясь всячески возместить свои расходы в виде взяток начальству; и совместные действия этих двух сторон оказываются непреодолимым препятствием для достижения даже той степени безопасности, которую желает китайский офицер. Всеобщее совершение грабежей и дакойтов, а также распространенность банд разбойников, таким образом, доказывает слабость правительства, а не мятежный нрав народа. В одном из районов Хупе губернатор в 1828 году сообщал, что "очень немногие из жителей имеют какое-либо регулярное занятие, а их нравы чрезвычайно свирепы; они дерутся и убивают друг друга при любой провокации. В своих деревнях они укрывают разбойников, которые бегут из других районов и снова отправляются на грабеж". В северных районах Квантуна жители возвели высокие и крепкие дома, в которые они бегут, чтобы спастись от нападения разбойников. Эти банды иногда нападают друг на друга, и феодальная вражда кланов, добавляющая топлива и ярости к соперничеству партизанских войн, приводит к большим разрушениям жизни и имущества. Иногда люди ревностно помогают своим правителям задержать их, хотя их усилия полностью зависят от энергии действующего лица; офицер в Фукиене был рекомендован к повышению, потому что он задержал сто семьдесят три человека, часть банды разбойников, которая в течение многих лет проникала в департамент, и судил тысячу сто шестьдесят преступников, большинство или все из которых, вероятно, были казнены.

В 1821 году на границах Фукиена было схвачено четыреста разбойников; в 1827 году двести были захвачены на юге провинции, а еще сорок один доставлен в Кантон с востока. Губернатор предложил вознаграждение в 1000 долларов за поимку одного главаря и 3000 долларов за другого. В том же году судья провинции выступил с прокламацией по этому вопросу, в которой он говорит, что в то время в календаре было четыреста тридцать нерешенных дел о грабежах, совершенных разбойниками; а в 1846 году их было более двух тысяч, ожидающих его решения, и по каждому из них в тюрьме или под стражей находилось, возможно, пять или шесть человек, пока дело не было решено. Эти банды рыщут по большим городам и совершают огромные жестокости. В 1830 году группа из пятисот человек открыто разграбила дом богача в западном пригороде Кантона; а в Шунте, к югу от города, за выкуп двух человек, унесенных ими, было заплачено 600 долларов. В 1831 году они напали на экс-губернатора возле перевала Мей Линг при его отъезде из Кантона и отобрали у него около десяти тысяч долларов. В том же году начальство приказало магистратам округа Хяншань, расположенного к югу от Кантона, задержать пятьсот разбойников. Священники иногда укрывают банды в своих храмах и делят с ними добычу, а иногда и сами отправляются на хищнические вылазки. При задержании преступников не щадят, но множественные казни не останавливают их от преступлений.

ТРУДНОСТИ СО СБОРОМ НАЛОГОВ.

Жестокое обращение с отдельными заключенными не так сильно нарушает общий покой общества, как насильственные попытки чиновников собрать налоги. У народа складывается впечатление, что его правители требуют больше, чем положено по закону, и поэтому сопротивление требованиям сборщика налогов считается в какой-то степени оправданным, что, конечно, вынуждает принимать более жесткие меры со стороны властей, чье положение не в малой степени зависит от их пунктуальности в перечислении налогов. Неурожаи, наводнения или другие общественные бедствия делают людей еще более нерасположенными к уплате налогов. В 1845 году в окрестностях Нинпо произошли серьезные беспорядки, которые с незначительными отличиями, вероятно, можно было бы повторить в каждой префектуре страны. Жители уезда Фунхва отказались платить обременительный налог, и префект Нинпо схватил трех литераторов, уполномоченных собирать его, и посадил их в тюрьму; эта процедура настолько раздражила дворянство, что

кандидаты на литературном экзамене, состоявшемся вскоре после этого в Фунхва, собравшись в публичном зале перед *чигинем*, поднялись на него и жестоко избили. Они еще больше озлобились на него из-за того, что недавно уличили его в обмане в связи с ходатайством, которое они подали в суд о снижении налогов; он оставил ответ у себя, а разницу прикарманил. В результате его сменил другой магистрат, и вместе с ним для восстановления порядка был отправлен заместитель окружного интенданта. Но заместитель, преисполненный важности, вел себя так надменно, что возмущенное население отнеслось к нему так же, и он едва спасся в Нинпо. Интендант и префект, обнаружив, что ситуация накалилась до предела, послали отряд из двенадцати сотен солдат для поддержания мира, но часть из них заманили в стены и напали с такой силой, что многие из них попали в плен, полковник и дюжина рядовых были убиты, а две или три сотни ранены или избиты, и все лишились своего оружия. В таком положении они вернулись в Нинпо, и, поскольку расстояние не велико, возникли опасения, что повстанцы, воспользовавшись своим преимуществом, организуются и пойдут на город, чтобы захватить префекта. Офицеры немедленно послали за помощью в Хангшау, откуда губернатор прислал сильный отряд в десять тысяч человек для восстановления порядка, а вскоре прибыл и сам. Он потребовал выдать трех человек, активно участвовавших в разжигании сопротивления, пригрозив в случае невыполнения уничтожить город; префект и его заместитель из интендантского управления были отстранены от должности и переведены на другой пост. Эти меры в значительной степени восстановили спокойствие.[\[263\]](#)

Существование таких пороков в китайском обществе быстро дезорганизовало бы его, если бы не консервативное влияние на общество раннего воспитания и обучения в промышленности. Правительство заботится о том, чтобы воспользоваться этим лучшим элементом в общественном мнении и заложить в него основу для действий по установлению хорошего порядка. Но этот и еще десять тысяч подобных случаев лишь сильнее демонстрируют, насколько большую работу предстоит проделать, прежде чем высшие и низшие, народ и правители поймут свои обязанности и права; прежде чем они, с одной стороны, будут проявлять уважение к власти своих правителей, необходимое для поддержания хорошего порядка, а с другой - сопротивляться официальной тирании, сохраняя свои собственные свободы.

Если характер офицеров, таким образом, таков, как было кратко показано - открыт для взяточничества, вступает в сговор с преступниками, подхалимничает по отношению к начальству и жесток к людям; А составляющие общества имеют столько отталкивающих черт - враждующие кланы, вовлеченные в смертельную вражду, бандиты, рыскающие по стране, чтобы грабить, полицейские, объединившиеся для угнетения, истина повсеместно игнорируется, эгоизм является главным принципом действий, и почти каждый дезорганизующий элемент лишь несовершенно сдерживается от бурных вспышек и конвульсий, - что не приходится ожидать, что регулярное судопроизводство и исполнение законов окажутся при проверке лучше, чем материалы, из которых они состоят. Поскольку гражданские и уголовные дела рассматриваются одним должностным лицом, один суд разбирает почти все возникающие вопросы. Единственное исключение предусмотрено в кодексе, где предписано, что "в случаях прелюбодеяния, грабежа, мошенничества, нападения, нарушения законов, касающихся брака, земельной собственности или денежных контрактов, или любых других подобных преступлений, совершенных лицами военного сословия или против них, если кто-либо из людей замешан или заинтересован, военный командир и гражданский магистрат должны иметь совместную юрисдикцию".[\[264\]](#)

ХАРАКТЕР СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА.

На нижней ступени судебной шкалы находятся деревенские старейшины. Этот зарождающийся элемент демократического принципа существовал и в Индии в той же форме; но если там его власть заканчивалась на местном старейшине, то в Китае это лишь низшая ступень шкалы. Старейшины придают деревне характер и должны управлять ее общественными делами, разрешать споры между ее жителями, договариваться с другими деревнями и отвечать от ее имени перед магистратами. Согласно кодексу, все лица, имеющие жалобы и доносы, обращаются в первую очередь в низшую судебную инстанцию округа, откуда рассмотрение дела может быть передано в вышестоящие инстанции. Изложение дела производится в письменной форме, и должностное лицо обязано немедленно принять по нему меры; если стороны недовольны решением, то решение низших судов передается в высшие. Ни одно дело не может быть передано непосредственно императору; оно должно пройти через Коллегию наказаний; старики и женщины, однако, иногда подают ему прошения во время его поездок, но такие обращения происходят редко из-за труднодоступности. Капитаны, отвечающие за ворота Пекина, в 1831 году представили мемориал по этому вопросу, в котором они объясняют количество обращений упрямством многих людей в отстаивании своих дел и небрежностью местных чиновников, так что даже женщины и девочки десяти лет совершают долгие поездки в Пекин, чтобы изложить свои дела. Авторы мемориала рекомендуют издать приказ, обязывающий двух высших провинциальных чиновников разбирать все дела либо самостоятельно, либо с помощью суда ошибок, и не отсылать заявителей обратно к районным магистратам. Должно быть, этих чиновников-носильщиков сильно беспокоили молодые дамы, приходящие на прием к Его Величеству, или, возможно, им посоветовали подавать такую бумагу, чтобы император мог читать по ней проповеди; наделение губернатора и его помощников такой властью почти превратило бы их в безответственных государей провинций. Апелляции часто возникают из-за задержек в получении правосудия, вызванных большим количеством дел в судах; можно ожидать, что календаря увеличится, когда магистрат покинет свой пост, чтобы задобрить начальство. Почти полная невозможность узнать правду о деле, переданном на рассмотрение, ни от главных сторон, ни от свидетелей, должна быть принята во внимание при принятии решения о репрессивных действиях мировых судей для получения правды. Упоминается один чиновник, получивший повышение за решение трехсот дел в течение года; другой районный судья, рассмотревший до тысячи дел за тот же период; третий пересмотрел и решил более шестисот дел, по которым стороны подали апелляции. Что происходит с апелляциями в таких случаях, и чье решение остается в силе, не сообщается; но если такие процедуры распространены, это объясняет постоянную практику отправки апелляций на пересмотр, вероятно, после смены должностного лица.

В "Газете" сообщается, что в высшие судебные инстанции поступает мало или вообще не поступает гражданских дел, и, вероятно, лишь небольшая часть из них доводится до сведения властей, остальные решаются в порядке ссылки. Апелляции в суд привлекают внимание, и можно сделать вывод, что многие из них упоминаются в "Бюллетене" для того, чтобы об осторожности верховной власти в пересмотре несправедливых постановлений против народа стало известно по всей стране, и чтобы эта дополнительная мера пресечения злоупотреблений со стороны низших судов принесла определенную пользу. Известно немало случаев, когда вдовы и дочери, сыновья и племянники убитых, которым по праву принадлежит месть родственников, обжаловали несправедливые постановления местных магистратов, а затем отсылались туда, откуда пришли; это, разумеется, было равносильно *nolle prosequi*. В других случаях нечестивых судей унижали и изгоняли. Известен случай, когда человек добрался до столицы из Фукиена, чтобы пожаловаться на магистрата и полицию, защищавших клан, в котором был застрелен его единственный сын, в обмен на взятку в 2 000 долларов. Его дело не смогли понять в Пекине из-за местного произношения,

что свидетельствует о том, что не все дела излагаются в письменном виде. В одном случае подается апелляция на губернатора провинции за то, что он не привел в исполнение смертный приговор, вынесенный двум осужденным убийцам; другой апеллянт просит не заменять двух человек, которые были подкуплены, чтобы подвергнуться наказанию по закону вместо настоящих убийц, - возможно, опасаясь их последующей мести.

СТИЛЬ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.

Предполагается, что все представители власти доступны в любое время, а двери правосудия открыты для всех, кто требует слушания; на самом деле суды проводятся в любое время ночи и дня, хотя обычное время - от восхода до полудня. Стиль обращения варьируется в зависимости от ранга; *таджин*, или магнат, для высших чинов, *та лаое*, или великий господин, и *лаое*, господин, для низших чинов, являются наиболее распространенными. Говорят, что в судах низшей инстанции, а также в Представительском суде в Пекине, установлен барабан, в который истец бьет, чтобы дать знать о своем присутствии, хотя, судя по количеству прихлебателей у дверей официальных резиденций, необходимость в использовании этого способа привлечения внимания возникает редко. У ворот дворца генерал-губернатора установлены шесть табличек с соответствующими надписями для тех, кто пострадал от недобросовестных офицеров; для тех, кто пострадал от воров; для лиц, ложно обвиненных; для тех, кто был обманут; для тех, кто был огорчен другими сторонами; и, наконец, для тех, кто имеет тайные сведения, которые может сообщить. Люди, однако, понимают, насколько бесполезно записывать свои обращения на этих скрижалях; они выписывают их и несут к его превосходительству или к соответствующему чиновнику, редко забывая о неременном подарке.

Способ перевозки высших офицеров в седане.

Магистратам не разрешается выезжать за границу в обычной одежде и без своей официальной свиты, которая варьируется для разных рангов. Обычно окружных магистратов сопровождают ликторы с плетью и цепями, что свидетельствует о применяемых ими наказаниях; перед ними стоят два гонгмейстера, которые каждые несколько мгновений ударяют в определенное число колотушек, чтобы обозначить ранг своего господина, и два

авантюриста, которые криком приказывают всем освободить место для великого человека. Слуга, несущий над головой *ло*, или государственный зонтик (рисунок которого приведен на [титულном листе](#)), также идет перед ним, чтобы еще больше увеличить его демонстрацию и указать на его ранг.^[265] Субалтерн обычно идет рядом с седоком, а секретарь и посыльные, сидящие в более обычных креслах или следующие пешком, составляют кортеж. Высших офицеров везут восемь носильщиков, остальных - четыре, а низших - два. Для обозначения ранга ночью используются фонари, а днем - красные таблички. Офицеров высших рангов сопровождают несколько солдат, а в столице они обязаны иметь конных сопровождающих, если едут в повозках; те, кто несет седан, обычно одеты в форму, придуманную их хозяином. Парад и шум, наблюдаемые в провинциях, затихают в Пекине, где присутствие величества умиряет славу офицеров, которую оно создало. В суде чиновник сидит за столом, на котором разложены письменные принадлежности; его секретари, канцеляристы и переводчики ждут, а ликторы со своими орудиями наказания и пыток стоят вокруг. Лица, которые предстают перед ним, преклоняют колени перед трибуналом. На столе стоит его официальная печать и чашки с жетонами, которые бросают вниз, чтобы определить количество ударов, которые должны быть нанесены преступникам, а за его креслом на стене изображен *ки-лин*, или единорог. По всей комнате развешаны надписи, одна из которых призывает его быть милосердным. В кабинете и обслуживающем персонале мало помпезности и показухи, по сравнению с нашими представлениями о том, что принято в таких делах у азиатов. В первом случае это грязная, неухоженная, безвкусная комната, а во втором - нищие и дерзкие.

ПОРЯДОК СУДОПРОИЗВОДСТВА В СУДАХ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ.

Адвокат не допускается, но письменные обвинения, ходатайства или заявления должны составляться лицензированными нотариусами, которые также могут зачитывать их в суде и, несомненно, используют возможность объяснить обстоятельства в пользу своего клиента. Эти нотариусы покупают свое положение и откупаются гонораром за документы; это единственные люди, которые являются аналогом адвокатов в западных странах, и большинство из них имеют репутацию тех, кто вымогает значительные суммы за свои услуги. Конечно, здесь нет такого понятия, как суд присяжных, или главный судья, излагающий дело помощникам судьи, чтобы узнать их мнение; от свидетелей также не требуется ничего похожего на присягу.

Председательствующий может привлекать других лиц для помощи в судебном разбирательстве по своему усмотрению. В одном из циркуляров кантонского суда говорится, что не менее шестнадцати офицеров помогали генерал-губернатору и губернатору в суде над одним преступником. Отчет о судебном процессе настолько же краток, насколько подробен состав судейской коллегии: "Его превосходительство губернатор Тэн прибыл, чтобы присоединиться к футая в допросе преступника; и в 8 часов утра, под залп орудий, двери большого зала аудиенции были открыты, и их превосходительства заняли свои места, поддерживаемые всеми другими должностными лицами, собранными по этому случаю. Затем полицейским судьи было приказано привести заключенного, Йе А-шуна, уроженца Цинъюэнь-хиена; его немедленно привели, судили и вывели. После этого футай запросил императорский смертный приговор и послал группу офицеров, чтобы отвести преступника на рыночную площадь и там обезглавить его. Вскоре после этого офицеры вернулись, вернули смертный приговор на место и сообщили, что казнили преступника". Заключенному или его друзьям разрешено присутствовать на всех этапах расследования до того, как передаст дело императору, и всем магистратам, через чьи руки оно проходит, грозит наказание, если они проигнорируют апелляцию; но эта выдержка показывает обычаи судов.

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ, ПРИГОВОРЕННЫЙ К КАТОРГЕ, В СУДЕ.

(Его сын молится, чтобы занять его место).

Общая политика чиновников заключается в прекращении дел и подавлении апелляций, и, вероятно, они делают это в значительной степени путем приведения требуемых признаний обвиняемой стороны и свидетелей в качестве доказательства приговора. Губернатор Кантона Ли в 1834 году издал запрет на практику подачи петиций стариками и женщинами,

указав на неприятность, когда его кресло останавливается, чтобы в него можно было всунуть петицию, и пригрозив конфисковать и наказать самонадеянных нарушителей, если они будут продолжать придерживаться этого обычая. Он предписывает районным магистратам осматривать таких людей, выяснять, кто их подталкивает, и наказывать зачинщиков, отмечая, что "если людям внушить должный страх перед наказанием, они вернутся к уважительным привычкам". Похоже, чиновники постоянно пытаются уклониться от просьб пострадавших и обойти правосудие, и если бы не настойчивость народа, вскоре возникла бы система непоправимого угнетения. Но у бедных мало шансов быть услышанными против богатых, а если они и подают апелляцию, то в большинстве случаев ее возвращают на повторное рассмотрение того самого чиновника, на которого они жалуются; и, конечно, поскольку это равносильно отказу высших чинов вообще их исправить, из этого постепенно вырастают волнения, которыми управляют в зависимости от обстоятельств дела те, кто может быть вовлечен в их ответственность. Отсутствие непреодолимой полиции, заставляющей повиноваться, оказывает сдерживающее влияние на правителей, которые знают, что закон Линча может быть применен к ним, если они слишком сильно возмутят народ. Несколько лет назад в Чаучау-фу был убит префект за свою жестокость, и народ оправдывал свой поступок, говоря, что это было сделано потому, что офицер не выполнил доброе правило императора, и они не будут больше этого терпеть. На фоне таких жестокостей неудивительно, что мирно настроенная часть населения предпочитает молча подчиняться мелким поборам и грабежам, а не рисковать потерять все из-за бесполезных жалоб.

Кодекс содержит множество разделов, регулирующих судопроизводство, и предусматривает суровые наказания для тех должностных лиц, которые виновны в незаконности или жестокости своих решений, но зарегистрированные дела доказывают, что большинство этих законов - мертвая буква. Раздел CCCXVI. предписывает, что "после того, как заключенный был судим и осужден за любое преступление, наказуемое временным или вечным изгнанием или смертью, он должен, в последнюю очередь, предстать перед магистратом вместе со своими ближайшими родственниками и семьей и быть уведомлен о преступлении, за которое он осужден, и о приговоре, который будет вынесен ему в связи с этим; их признание справедливости или протест против несправедливости, в зависимости от обстоятельств, должны быть записаны в письменном виде: и в случае отказа признать справедливость приговора их протест должен быть положен в основу другого и более подробного расследования." Все дела о смертной казни должны рассматриваться высшими властями в метрополии и провинциях, а окончательный отчет о деле и решении представляется на рассмотрение императора. Раздел CCCXV. требует, чтобы при вынесении решения цитировался закон. Многочисленные мудрые и милосердные положения кодекса о надлежащем отправлении правосудия лишь выставляют поведение его уполномоченных исполнителей в менее оправдательном свете и доказывают, насколько невозможно обеспечить справедливую магистратуру одними лишь правовыми требованиями и наказаниями.

СПОСОБЫ И СТЕПЕНЬ ПЫТОК ПРЕСТУПНИКОВ.

Смешение гражданских и уголовных законов в кодексе и объединение обеих функций в одном лице, а также пытки и тюремное заключение, применяемые для получения признания, служат показателем состояния законодательства и юриспруденции. Здравый смысл правдивого народа восстал бы против применения пыток для получения правдивых показаний свидетеля, а чувство чести воспротивилось бы позорному разоблачению кангаса

за неуплату долгов. Поскольку стремление к правде в народе свидетельствует о недостатке чести, необходимость в более строгих методах судопроизводства предполагает применение пыток; их применение разрешено и ограничено несколькими разделами кодекса, но в Китае, как и в других странах, ими всегда злоупотребляли. Пытки применяются как к преступникам, так и к свидетелям, в суде и в тюрьме; всеобщий страх людей перед судом и перед судьями в значительной степени объясняется незаконными страданиями, которые они слишком часто вынуждены терпеть. Кроме того, это мощный сдерживающий эффект в предотвращении преступлений и беспорядков. Ни тюремное заключение, ни пытки не входят в пятерку наказаний, но они вызывают больше смертей среди арестованных, чем все остальные средства.

Среди способов пыток, применяемых в суде и о которых сообщается в "Газете", есть и такие, которые вызывают отвращение у человечества, но какие из них являются законными, неизвестно. Пункты раздела I кодекса описывают законные орудия пыток; они состоят из трех досок с соответствующими пазами для сжатия лодыжек и пяти круглых палок для сжатия пальцев, к которым можно добавить бамбук; кроме этих орудий, никакие пытки не разрешены законом, хотя другие способы постановки вопроса настолько распространены, что создается впечатление, что некоторые из них по крайней мере санкционированы. К незаконным способам относятся вытягивание или скручивание ушей шероховатыми пальцами, удержание их в согнутом положении, когда заключенного ставят на колени на цепи или заставляют стоять на коленях в течение длительного времени. Удары палками по губам до тех пор, пока они не станут почти желеобразными, засовывание рук в колодки перед или за спину, обматывание пальцев промасленной тканью, чтобы обжечь их, подвешивание тела за большие и малые пальцы, привязывание рук к перекладине под коленями, чтобы согнуть тело вдвое, и приковывание за шею к камню - к этому прибегают, когда заключенный ослушивается. Одного магистрата обвиняют в том, что он пристегнул двух преступников к доскам гвоздями, вбитыми в ладони; один из них вырвал руки и был снова прибит, что привело к его смерти; против него также выдвинуты обвинения в использовании железных кроватей, кипятка, раскаленных шипов и перерезании сухожилия Ахилла, но император оправдал его, сославшись на зверский характер преступников. Заставляли их стоять на коленях на толченом стекле, песке и соли, смешанных вместе, пока колени не станут истощенными, или просто стоять на цепях - это более легкий способ того же наказания. Мистер Милн упоминает о том, что видел несчастного, подвергавшегося этой пытке, руки которого были привязаны за спиной к колу, удерживаемому в таком положении двумя полицейскими; если он отклонялся, чтобы облегчить муки своего положения, удар по голове заставлял его вернуться в него. Агония бедняги была очевидна по его дрожащим губам, бледному и бессмысленному лицу и дрожащему голосу, умолявшему об облегчении, в котором ему было отказано с холодным, издевательским приказом: "Страдай или признавайся".[266]

Порка - одно из пяти разрешенных наказаний, но она используется чаще других средств, чтобы добиться признания; в ход идут бамбук, ротанг, дубина и кнут. Когда наступает смерть, магистрат сообщает, что преступник умер от болезни, или замалчивает это, подкупая его друзей, немногим из которых разрешается войти в стены тюрьмы, чтобы увидеть и утешить страдальцев. По тому, как говорят о таком результате, можно сделать вывод, что немедленная смерть от пыток наступает нечасто. Один из мировых судей в Сзюэне, будучи оскорблен мужчиной в суде, который также ударил слуг, приказал положить его в гроб, который оказался рядом, и наступило удушье; в результате он был уволен со службы, наказан сотней ударов и заключен в тюрьму на три года. Одним из препятствий для возмутительных пыток является страх, что сообщение об их жестокости дойдет до ушей

начальства, которое обычно готово воспользоваться любой недобросовестной администрацией, чтобы сместить офицера, чтобы заполнить вакансию. В этом случае, как и в других частях китайского правительства, страх перед одним злом препятствует совершению другого.

ПЯТЬ ЗАКОННЫХ НАКАЗАНИЙ.

В кодексе упоминаются пять видов наказания: от десяти до пятидесяти ударов меньшим бамбуком, от пятидесяти до ста - большим, транспортировка, вечное изгнание и смерть, причем каждый из них может быть изменен различными способами. Маленький бамбук весит около двух фунтов, большой - две и две трети фунта. Публичное обнажение в *киа*, или кангу, рассматривается скорее как порицание или выговор, чем как наказание, и не влечет за собой ни позора, ни сравнительно больших телесных страданий, если человек сыт и защищен от солнца. Рама весит от двадцати до тридцати фунтов, она сделана так, чтобы опираться на плечи, не натирая шею, но при этом настолько широка, что не позволяет человеку прокормить себя. На ней пишут имя, место жительства и проступок провинившегося, чтобы каждый прохожий мог узнать, а над ним ставят полицейского, чтобы предотвратить побег. К дезертирам и изгнанникам применяют клеймение. Тюремное заключение и штрафы не считаются законными наказаниями, а скорее исправительными мерами; а порка, как говорит Ле Комт, "никогда не бывает лишней: в Китае нет ни одного приговора без этого предварительного решения, так что нет необходимости упоминать о ней в приговоре; это всегда понимается как их первое блюдо". Когда человека арестовывают, ему не дают вырваться, надевая на шею цепь и связывая руки.

Режим экспозиции в Cangue.

Большинство наказаний можно искупить уплатой денег, если преступник моложе пятнадцати или старше семидесяти лет, и в кодексе приводится таблица для руководства магистрата в таких случаях. Акт милосердия позволяет преступнику, приговоренному даже к смертной казни, искупить свою вину, если преступление не является умышленным злодеянием; но более совершенное законодательство показало бы хорошие последствия отказа от столь суровых наказаний. В разделе XVIII. также предписывается, что "любой преступник, приговоренный к смертной казни за преступление, не исключаящее условной выгоды от акта милосердия, у которого есть немощные родители или дедушка и бабушка старше семидесяти лет и нет других детей мужского пола старше шестнадцати лет, которые могли бы их содержать, должен быть рекомендован к милосердию Его Величества; и если только

приговорен к изгнанию, должен получить сто ударов и искупить свою вину штрафом". За одно такое проявление заботы о дряхлеющих родителях можно простить многие жестокие законы. Немногие правительства демонстрируют столь противоположные принципы действий, как китайское: странное сочетание жестокости к заключенным с безразличным отношением к их состоянию, постоянное стремление склонить народ к повиновению, проявляя при этом суровость к отдельным людям, проявляются повсеместно. Однако тот, кто долго прожил в этой стране, хорошо знает, что их не сдержать ни законами с веревками, ни хныкающими судьями, и если правители не будут наводить ужас на злодеев, то последние вскоре возьмут верх. Доктор Филд хорошо рассмотрел этот момент в своих интересных заметках, описывающих его посещение *ямуна* в Кантоне.^[267] Общее процветание империи в некоторой степени доказывает справедливость ее управления.

ИСПРАВЛЕНИЕ МЕЛКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.

Изгнание и рабство - наказания за мелкие должностные проступки, и мало кто из офицеров, долго живущих на службе у императора, не совершает в течение своей жизни невольного путешествия в Монголию, Туркестан или еще куда-нибудь. Судьбы и поведение изгнанных преступников во многом отличаются друг от друга: одни упорно отбывают срок, другие пытаются заискать перед хозяевами, чтобы смягчить или сократить срок службы, а сотни ухитряются бежать и вернуться в родные места, хотя за это подвергаются еще большему наказанию. С людьми, изгнанными за измену, жестоко расправляются, если они возвращаются без разрешения, а осужденные за преступление в месте ссылки подвергаются все более суровым наказаниям; один человек был приговорен к лишению свободы за преступление в месте ссылки, но, видя, что его престарелая мать не имеет другой поддержки, кроме его труда, император приказал выплачивать ей небольшую сумму на жизнь из государственной казны. Бичевание человека на улице в качестве примера для других часто практикуется в отношении лиц, уличенных в грабеже, нападении или других мелких правонарушениях. Человека заковывают в кандалы, и один полицейский идет перед ним с табличкой, на которой написаны его имя, преступление и наказание, а другой держит гонг. В некоторых случаях в уши просовывают маленькие палочки с флажками, а за палачом следует ликтор, назначенный следить за исполнением приговора, который бьет преступника кнутом или ротангом, когда удары гонга означают, что назначенное число еще не закончено.

Публичная порка вора на улице.

СПОСОБ ПУБЛИЧНЫХ КАЗНЕЙ.

Обезглавливание и удушение - законные способы казни преступников, хотя Ки Кунг, взяв в 1843 году в Кантоне нескольких поджигателей, осужденных за обстрел города с целью грабежа, уморил их голодом на публичных площадях города. Наименее позорным способом казни является удушение, которое осуществляется путем привязывания человека к столбу и затягивания шнура, который обматывается вокруг его шеи лебедкой; нанесение смертельного удара происходит очень быстро и, очевидно, менее болезненно, чем повешение. Наименьшим преступлением, за которое присуждается смерть, является третья кража сотягчающими обстоятельствами, а также порча клейма, нанесенного за предыдущие преступления. Обезглавливание считается более позорным, чем удушение, из-за нелюбви китайцев к расчленению тел, которые их родители отдали им целиком.

Существует два способа обезглавливания, причем простое обезглавливание считается менее позорным, чем "разрезание на десять тысяч кусков", как переводится фраза *ling chih*. Военный офицер, руководящий казнью, сопровождается охраной, чтобы не допустить скопления народа и предотвратить сопротивление со стороны заключенных. Тела отдаются друзьям, за исключением случаев, когда голова выставляется в качестве предупреждения в клетке, где было совершено преступление. Если никто не приходит за трупом, его хоронят в общественной яме. Преступники обычно настолько истощены, что не оказывают никакого сопротивления и покоряются своей участи без стога и тем более без предсмертной речи, обращенной к зрителям. В обычных случаях казни откладываются до осенней ассамблеи, когда император пересматривает и утверждает приговоры губернаторов провинций; Преступники, виновные в чрезвычайных преступлениях, таких как грабеж с убийством, поджог, изнасилование, взлом укреплений, разбой на дорогах и пиратство, могут быть немедленно обезглавлены без обращения в суд, и поскольку следует учитывать расходы на содержание и недостаток тюремных помещений, именно преступники, осужденные за то или

иное преступление, составляют большую часть казней в провинциях, не подлежащих рассмотрению.

Невозможно установить число казненных в Китае, поскольку о жизни осужденного преступника мало думают; в судебном циркуляре лишь сообщается, что "казнь преступников завершена", без упоминания их преступлений, мест жительства или имен. На осенних ревизиях в Пекине число приговоренных указывается в газете; в 1817 году было осуждено 935 человек, из них 133 из провинции Квантун; в 1826 году - 581; в 1828 году - 789, а в следующем году было отмечено 579 имен, ни одно из преступлений которых, надо полагать, не входит в список преступлений, упомянутых выше. Приговоры отправляются из столицы экспрессом, и казни происходят немедленно. Большинство осужденных в провинции казнят в ее столице, и услышать о смерти десятка или более преступников в один день - не редкость. Судебные процессы проходят быстрее, чем это соответствует нашим представлениям о правосудии, а казни осуществляются самым бесцеремонным образом. В одном случае сообщается, что генерал-губернатор Кантона взошел на свое судейское кресло, осмотрел трех заключенных, представленных ему, и, признав их виновными, вынес им приговор, попросил себе смертный приговор (поскольку он временно исполнял обязанности губернатора) и, получив его, приказал увести трех человек примерно через два часа после того, как они впервые предстали перед ним. Через несколько дней после этого он выдал ордер на казнь ста разбойников в тюрьме. Во время страшного восстания в Квантуне в 1854-55 годах пленных, захваченных империалистами, обычно перевозили в Кантон для казни. За четырнадцать месяцев, вплоть до января 1856 года, только в этом городе погибло около восьмидесяти трех тысяч злоумышленников, помимо тех, кто умер в заключении; эти люди были арестованы и доставлены на казнь своими соотечественниками, которые перенесли неисчислимые страдания из-за их мятежа и насилий.

Когда заключенных ведут на казнь, их одевают в чистую одежду. [268] Присутствует военный офицер, преступников вносят на землю в корзинах, похожих на моток, подвешенных к шесту, который несут двое, или в клетках, и они обязаны преклонить колени в сторону резиденции императора или в сторону смертного ордера, указывающего на его присутствие, как бы благодаря своего государя за его заботу. Список зачитывается вслух и сравнивается с билетами на заключенных; когда они становятся на колени, ликтор берет их за скованные руки и рывком поднимает их вверх, так что голова опускается горизонтально, и одним ударом вниз тяжелой виселицы отрывает от шеи. При медленной и бесславной казни, или *линг-чи*, преступника привязывают к кресту и рубят на куски; палача, тем не менее, часто нанимают для того, чтобы он произвел переворот при первом ударе. Нередко он вырезает желчный пузырь у отъявленных грабителей и продает его, чтобы съесть в качестве особого средства для храбрости. Кроме настоящего палача, есть еще и официальный: им иногда становится преступник, выведенный из тюрьмы.

ЖЕСТОКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТЮРЬМАМИ.

Вероятно, число людей, страдающих от меча палача, не составляет и половины тех, кто умирает от последствий пыток и лишений в тюрьмах. О внутреннем устройстве "адов", как называют тюрьмы, известно немного; кажется, что они управляются с некоторой степенью доброты и внимания к комфорту заключенных, насколько это соответствует намерениям правительства, но жестокость токарей и старых заключенных, вымогающих деньги у новых посетителей, ужасна. В Кантоне есть тюрьмы, находящиеся под управлением четырех разных офицеров, самая большая занимает площадь около акра и способна вместить до пятисот заключенных. Так как отдаленные магистраты практикуют отправку своих худших заключенных в столицу, эти тюрьмы недостаточно велики, и от переполненности возникают

тюремные болезни; в 1826 году было зарегистрировано двести смертей от этой и других причин, а в 1831 году - сто семнадцать случаев. Для их содержания были наняты частные тюрьмы, и один губернатор сообщает, что в Кантоне было двадцать два таких места, где применялись все виды жестокости. По его словам, свидетелей и обвинителей, участвовавших в апелляционных процессах, также привозили в город и заключали в тюрьму вместе с виновным, где их держали месяцами без всяких оснований. В одном случае, когда ответчик и истец были заключены в тюрьму вместе, обвинитель набросился на другого и убил его. Иногда чиновник не в состоянии заниматься делом и заключает в тюрьму всех обвиняемых и свидетелей до тех пор, пока не сможет их допросить, но правительство не принимает никаких мер, чтобы обеспечить их на время перерыва, и многие из самых бедных умирают. Никакого обеспечения или залога нельзя получить под слово свидетеля или его друзей, так что, если он не может заплатить тюремщикам, он оказывается почти в таком же плохом положении, как и преступник. Выдача залога обвиняемому преступнику почти неизвестна, но женщин-заключенных отдают на попечение мужей или родителей, которые отвечают за их явку. Постоянная череда преступников в главной тюрьме провинции делает должности тюремщиков и токарей очень прибыльными. Письма римско-католических миссионеров из Китая в прошлом веке, найденные в *Lettres Édifiantes* и *Annales de la Foi*, содержат много печальных картин о страданиях тюремной жизни.

Тюрьмы устроены по принципу большой конюшни, с открытым центральным двором, занимающим почти четвертую часть площади, и небольшими клетушками или стойлами, покрытыми крышей, простирающейся почти вокруг него, так что каждая компания заключенных должна быть отделена от своих соседей с обеих сторон днем и ночью, хотя больше ночью, чем днем. Заключенные готовят себе пищу во дворе, их фиксируют кандалами и гирями, а также цепью, соединяющей руки с шеей; днем одна рука освобождается, чтобы они могли сами о себе позаботиться. Жестоких преступников глядят сильнее, а с теми, кто находится в тюрьмах при канцелярии судьи, обращаются хуже, чем с остальными. Каждый преступник должен получать ежедневный паек из двух фунтов риса и около двух центов, на которые можно купить топливо, но тюремщик морит их голодом на половине этого пайка, если они не в состоянии платить ему; одежда также скудна, но те, у кого есть деньги, могут приобрести почти все удобства. Каждая тюрьма, наполненная преступниками, находится под контролем ключника, который вместе с несколькими старыми преступниками проводит много времени, пытая вновь прибывших, чтобы вымогать у них деньги, в результате чего многие лишаются жизни, и все страдают от этого гораздо больше, чем от чиновников. Пусть люди называют свои тюрьмы адом и говорят, когда человек попадает в лапы тюремщиков или полицейских: "Плоть под тесаком".

Существует множество процессов взыскания долгов и исполнения договоров, одни из которых являются законными, а другие - обычными, причем последние зависят от многих обстоятельств, не имеющих отношения к существу дела. Закон позволяет наказывать должников бамбуком в зависимости от суммы долга. Для взыскания долга кредитор часто прибегает к незаконным средствам, которые порождают множество эксцессов; иногда он набрасывается на семью или помещение должника, в других случаях захватывает его или некоторых членов его семьи и держит их в плену, а в крайних случаях продает их. Недобросовестные должники одинаково умело и жестоко ускользают, обманывают и сопротивляются своим разгневанным кредиторам, в зависимости от того, какие у них есть возможности. По истечении трех месяцев после установленного срока уплаты они подлежат бамбуку, а их имущество конфискуется. Однако в большинстве случаев подобные споры решаются без обращения к правительству, и если должник действительно не имеет имущества, его не сажают в тюрьму до тех пор, пока он не сможет его раздобыть. Имущество

скрывающихся должников конфискуется и делится между теми, кто может его получить. Кроме того, долгий опыт знакомства с характерами друг друга научил их при заключении долговых обязательств иметь определенную гарантию на начальном этапе, и поэтому при улаживании дела потери не так велики, как можно было бы предположить, учитывая трудность взыскания долгов. Обвинения в клевете, оскорблениях, нарушении брачного договора и других гражданских или менее уголовных преступлениях не всегда передаются на рассмотрение властей, а решаются силой или арбитражем между самими людьми и их старейшинами.

Номинальное жалование китайских офицеров уже указывалось (с. 294). В народе бытует мнение, что в среднем они получают в десять раз больше своего жалования; в некоторых случаях они заранее платят за положение тридцать, сорок и более тысяч долларов. Одним из стимулов к изнурительным домогательствам чиновников-секретарей и полиции является нежелание людей носить свои дела к офицерам, которые, как они знают, почти вынуждены обдирать и обчищать их; они считают, что дешевле и безопаснее вынести небольшую повинность от подчиненного, чем рисковать большей от его хозяина.

Если бы превентивные меры против народного насилия, которые верховное правительство поставило вокруг себя, могли быть усилены эффективной военной силой, его власть была бы действительно хорошо обеспечена; но тогда, как в России, она, вероятно, превратилась бы, постепенно, в невыносимую тиранию. Войска, по сути, присутствуют повсюду, якобы для поддержки законов, защиты невинных и наказания виновных; те из них, которые используются властями в качестве охранников и полицейских, в целом эффективны и вежливы, хотя получают мизерную зарплату, в то время как гарнизонные полки вызывают презрение как у друзей, так и у врагов.

Эффективность системы сдержек в отношении высших судов и провинциальных чиновников повышается благодаря их интригам и противоречивым амбициям, а многолетний опыт показывает, что императорской власти мало что стоит бояться от проконсульских мятежей. Неэффективность армии - серьезное зло для народа в одном отношении, так как большая сила этой армии могла бы подавить бандитов и пиратов, а трезвая часть общества объединила бы усилия для их подавления. Самая большая трудность, с которой сталкивается император при поддержании своей власти, заключается в отсутствии честности у чиновников, которых он нанимает; законы могут быть хорошими, но у него мало честных агентов для их исполнения. Это в полной мере проявилось в законах против опиума и азартных игр; не нашлось никого, кто бы привел их в исполнение, хотя все соглашались с их правильностью.

СКРЫТОЕ ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ.

Главной защитой народа от такого беспрецедентного угнетения, как сейчас в Турции, помимо уже отмеченных причин, как нигде, является его общее понимание истинных принципов, на которых основано и должно осуществляться правительство. Когда общественное мнение на его стороне, правительство сильно, но оно не в состоянии осуществить свои планы, когда оно идет вразрез с этим мнением, хотя эти планы могут быть прекрасными и хорошо продуманными. В социальной системе обнаруживаются элементы раздора, которые вскоре привели бы к ее разрушению, если бы им не противодействовали другие влияния, и политическое тело продолжает двигаться, как тяжелый, шаткий, дремучий фургон, который каждый момент грозит обрушиться, но все еще продолжает шататься, благодаря изначальной добротности своей конструкции. Из огромной массы этого древнего фургона очевидно, что любая попытка переделать его должна серьезно затронуть ту или

иную его часть, и что, когда он однажды расстроится, восстановить его в первоначальном виде будет невозможно. Есть основания надеяться, что общий интеллект и проницательность правительства и народа Китая, их язык, институты, промышленность и любовь к миру - все это будет действовать как мощное консервативное влияние при проведении изменений, которые теперь нельзя долго откладывать; и что она сохранит свое единство и промышленность, проводя тщательную реформу своей политической, социальной и религиозной систем.

Очень трудно донести до читателя справедливое представление об отправлении законов в Китае. Несмотря на жестокость чиновников по отношению к преступникам, не все они считаются тиранами; поскольку возникают мятежи, сопровождающиеся большими человеческими жертвами, не следует думать, что общество повсеместно дезорганизовано; китайцы настолько склонны к фальсификации, что трудно установить истину, но не следует думать, что каждое предложение - ложь; эгоизм - основной мотив их действий, однако благотворительность, доброта, сыновняя привязанность и неспровоцированные любезности жизни все еще существуют среди них. Хотя зло и преступность в любой форме ужасают, они сочетаются с некоторыми искупительными чертами; и в Китае, как и везде, хорошее и плохое перемешаны. Некоторые из зол в социальной системе возникают из-за действия принципов взаимной ответственности, в то время как сама эта особенность производит множество хороших эффектов, сдерживая людей, у которых нет более высоких мотивов, чем страх причинить вред невинным. Мы так часто слышим о шокирующей жестокости судов и тюрем, что предполагается, что огромное количество дел, рассматриваемых судом, демонстрируют одно и то же утомительное повторение страданий, несправедливости, взяточничества и жестокости. Нужно пожить в стране, чтобы увидеть, как антагонистические принципы, существующие в китайском обществе, действуют и реагируют друг на друга, подвергаясь влиянию порочных страстей сердца. Чиновники и люди плохи почти до невероятности для того, кто знаком только с вежливостью, справедливостью, чистотой и искренностью христианских правительств и общества; и все же мы думаем, что они не так плохи, как старые греки и римляне, и у них нет больше несправедливости и пыток в судах, нечистоты и лживости в жизни. Как в нашей стране мы склонны забывать, что перечисление преступлений и безобразий, которые ежедневно публикуют газеты, не является показателем общего состояния общества, так и в Китае, где это состояние неизмеримо хуже, мы должны помнить, что это также верно.

ГЛАВА IX. ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ.

Среди моментов, связанных с китайским народом, которые привлекают внимание студентов, изучающих историю интеллектуального развития, вероятно, первенство принадлежит его длительному существованию и литературным институтам. Чтобы оценить причины первого, необходимо хорошо знать второе, а от них постепенно переходим к изучению правительства, религии и социальной жизни этого народа в последующие эпохи его существования. Это исследование откроет много поучительного и покажет нам, что, если они не сравнивались со многими другими народами в искусстве и украшениях жизни, они достигли высокой степени комфорта и развили много достойного внимания в образовании, науке управления, безопасности жизни и собственности.

Хотя умственные способности величайших писателей Китая, по общему признанию, уступают греческим и римским по гениальности и оригинальности концепций, благотворное влияние, оказываемое ими на своих соотечественников, даже в наши дни гораздо сильнее, чем когда-либо оказывали западные мудрецы, такие как Платон, Аристотель или Сенека. Тщательность китайского образования, чистоту и эффективность экзаменов, точность и превосходство литературы не следует сравнивать с современными христианскими странами, поскольку между ними нет общего мерил; их следует рассматривать вместе с другими составляющими китайского характера и, если необходимо, сравнивать с нациями, обладающими аналогичными возможностями. Важность всеобщего обучения народа признавалась еще до Конфуция и в значительной степени практиковалась в эпоху, когда у других народов мира не было подобной системы; и хотя в его время преобладали феодальные институты, а должности и звания достигались не так, как сейчас, с другой стороны, магистраты и дворяне считали необходимым быть хорошо знакомыми с древними трудами. В Книге обрядов (1200 г. до н. э.) говорится, что "для целей образования у древних в деревнях были свои школы, в округах - свои академии, в департаментах - свои колледжи, а в княжествах - свои университеты". Это, насколько нам известно, полностью превосходило то, что было у евреев, персов и сирийцев того же периода.

СТИМУЛ К ЛИТЕРАТУРНЫМ ЗАНЯТИЯМ.

Главным стимулом к литературным занятиям является надежда получить таким образом должность и почести, а единственным курсом образования является классический и исторический, предписанный законом. Из-за чрезмерного внимания к классике умы ученых не получают симметричной подготовки, и они пренебрегают другими отраслями литературы, которые не способствуют достижению этой великой цели. Каждый отдел литературы, за исключением юриспруденции, истории и официальной статистики, подвергается уничижительному сравнению; и выпускник литературного факультета с четверками будет признан неполноценным в большинстве отраслей общего образования, не знающим сотни общих вещей и событий в национальной истории, которые самый простой школьник в западном мире постыдился бы не знать в своей. Такой курс обучения не формирует уравновешенные умы, но он наделяет будущих правителей страны полным пониманием принципов, на которых они должны править, и политики верховной власти в использовании этих принципов для укрепления собственной власти.

Централизация и консерватизм были ведущими чертами учения Конфуция, который впервые рекомендовал их правителям, и определяли ход государственных экзаменов при отборе офицеров, которые с готовностью отстаивали эти принципы. В результате литературный класс в Китае выполняет функции и дворян, и священников, являясь вечной ассоциацией, *gens aeterna in qua memo nascitur*, держащей в своих руках общественное мнение и юридическую власть для его поддержания. Географическая изоляция народа, характер языка и отсутствие земельной аристократии добавляют эффективности этой системе; а если учесть особенности китайского характера, и природу сословных книг, которые так много делают для формирования этого характера, то невозможно разработать лучший план для обеспечения вечности правительства или довольства народа под этим правительством.

Около 600 г. н. э. Тайцун из династии Тан ввел нынешний план подготовки и отбора гражданских лиц путем обучения и получения ученых степеней, основывая свою систему на том, что образование всегда было в почете и что древние писания признавались всеми как лучшие наставники нравов и вкусов народа. По свидетельству отечественных историков, правители древности в достаточной мере обеспечивали культивирование литературы и развитие образования во всех его отраслях. Они сообщают некоторые подробности, чтобы

мы могли понять способ и материалы этого обучения, и прославляют его, как и все древнее, но, вероятно, из-за отсутствия подлинных свидетельств в их собственных руках, они не описывают его четко. Эссе М. Эдуарда Био об истории народного образования в Китае содержит почти всю информацию, имеющуюся по этому интересному вопросу, и изложено очень доходчиво. Образование сейчас, вероятно, так же хорошо, как и раньше, а его способность поддерживать и развивать характер народа так же велика, как и в любое другое время; примечательно, как много оно действительно сделало для формирования, возвышения и укрепления национальных институтов. Маньчжурские монархи поначалу не были благосклонны к системе экзаменов и неодобрительно относились к литературной иерархии, которая претендовала на все почести как на свое право; но следующее поколение убедилось в преимуществах и необходимости конкурсов для сохранения собственной власти.

МЕТОДЫ И ЦЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ.

Мальчики начинают учиться в возрасте семи лет с учителем; ведь даже если отец - литератор, он редко обучает своих сыновей, и лишь немногие матери способны научить своих отпрысков читать. Предполагается, что материнское воспитание заключается в том, чтобы дать правильное направление нравственности и добиться послушания ребенка; но как мало матерей, которые могут сделать больше, чем заставить повиноваться с помощью команд или розги, так нет и тех, кто может научить младенческий разум взирать на своего Бога в молитве и хвале.

Среди множества трактатов, предназначенных для наставления учителей, наиболее авторитетным считается Siao Hioh, или "Наставник для несовершеннолетних". Устанавливая элементы воспитания, эта книга советует отцам "выбирать среди наложниц тех, кто годится в няньки, искать таких, которые мягки, снисходительны, ласковы, благожелательны, веселы, добры, достойны, почтительны, сдержанны и осторожны в разговоре, которых они сделают гувернантками своих детей. Когда мальчики смогут говорить, их нужно научить отвечать быстрым, смелым тоном, а девочек - медленным и мягким. В семь лет их следует научить считать и называть кардинальные точки; но в этом возрасте нельзя позволять представителям разных полов сидеть на одном коврике и есть с одного стола. В восемь лет их нужно научить ждать начальства и предпочитать других себе. В десять лет мальчики должны быть отправлены за границу к частным воспитателям и оставаться там день и ночь, изучая письмо и арифметику, нося простую одежду, учась вести себя подобающим их возрасту образом и действовать с искренней целью. В тринадцать лет они должны заниматься музыкой и поэзией, в пятнадцать - стрельбой из лука и ездой на колеснице. В двадцать лет они должны быть приняты в мужское сословие, усвоить дополнительные правила приличия, быть верными в исполнении сыновних и братских обязанностей, и, хотя они обладают обширными знаниями, не должны пытаться учить других. В тридцать лет они могут жениться и начать заниматься бизнесом. В сорок лет они могут поступить на государственную службу; и если их князь поддерживает разумное правление, они должны служить ему, но в противном случае - нет. В пятьдесят лет они могут быть возведены в ранг министров, а в семьдесят должны уйти из общественной жизни".

Еще одно предписание: "Пусть дети всегда учатся говорить простую правду; стоять прямо, на своих местах и слушать с почтительным вниманием". Путь к тому, чтобы стать учеником, "состоит в том, чтобы с кротостью и самоуничижением беспрекословно принимать каждое слово, произносимое мастером. Ученик, видя добродетельных людей, должен следовать за ними, слыша добрые наставления, должен им следовать. Он не должен лелеять злых замыслов, но всегда поступать честно; будь то дома или за границей, он должен иметь постоянное место жительства и общаться с благожелательными людьми, тщательно

регулируя свою личную манеру поведения и контролируя чувства своего сердца. Он должен содержать свою одежду в порядке. Каждое утро он должен изучать что-то новое, а вечером повторять то же самое". Таким образом, великой целью образования у древних китайцев было не столько наполнение головы знаниями, сколько дисциплина сердца и очищение привязанностей. Один из их писателей говорит: "Те, кто уважает добродетель и отбрасывает незаконные удовольствия, служит своим родителям и князю в меру своих возможностей и верен своему слову; таких, хотя они и считаются необученными, мы должны называть образованными людьми". Хотя такие понятия, как чистота, сыновняя привязанность, обучение и истина, в христианском образовании имеют более высокое значение, чем то, которое им придают китайские мастера, привитие их в любой степени и столь решительным образом делает большую честь народу, и их никогда не нужно будет заменять - только поднимать на более высокий уровень.[269]

В общении с родственниками детей учат обращать внимание на мельчайшие детали хорошего воспитания; их наставляют во всем, что касается внешнего вида, туалета, приветствия родителей, еды, визитов и других жизненных действий. Многие из этих указаний тривиальны даже для детской смертности, но в представлениях китайцев они не так уж и незначительны и до сих пор составляют основу хороших манер, как и десятки веков назад; и вряд ли можно предположить, что Конфуций стал бы рисковать своим влиянием при публикации серьезных пустяков, если бы не был хорошо знаком с характером своих соотечественников. Однако ничто не является мелочью, способствующей развитию хороших манер в народе, хотя, возможно, она и не принесла желаемого результата.[270]

В нем изложены правила, которые студенты должны соблюдать в процессе обучения и которые отражают репутацию тех, кто установил для себя столь высокие стандарты. Доктор Моррисон приводит краткое изложение трактата такого рода под названием "Полное собрание семейных драгоценностей", содержащего подробное описание обязанностей, которые должны выполнять все, кто хочет быть хорошим учеником. Автор советует новичку принять твердое решение продвигаться вперед в учебе, ставя как можно более высокие оценки и досконально разбираясь во всем по ходу дела. "Я всегда видел, что человек, который жаждет многого и посвящает себя универсальному знанию, когда читает, полагается на быстроту и стремительность своего гения и восприятия, и главы и тома проходят перед его глазами и выходят из его уст так же плавно, как скатывается вода; но когда он когда-либо применяет свой ум, чтобы втереть и выудить суть предмета? Таким образом, если читать много, то какая от этого польза? Лучше мало и тонко, чем много и грубо". Он также советует иметь на столе два-три хороших тома, которые можно взять в руки в неподходящий момент, а также завести обычные книги, в которые можно записывать все, что приходит в голову. Если они хотят продвинуться в учебе, им следует избавиться от отвлекающих мыслей; как "если желудок человека наполнился зеленью и другими овощами, то, хотя ему должны дать самые ценные лакомства с изысканным вкусом, он не может их проглотить, ему нужно сначала избавиться от нескольких порций зелени; так и при чтении следует избавиться от отвлекающих мыслей, которые касаются пыльных дел пошлого мира". Правила, приведенные этими авторами, соответствуют тем, что изложены у нас в таких книгах, как "Руководство для студентов" Тодда, и раскрывают шаги, которые обеспечили китайцам их интеллектуальное положение.[271]

УСТРОЙСТВО И РЕЖИМ РАБОТЫ ШКОЛ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ.

Для всех классов учеников существует только один способ обучения; подражательная природа китайского ума поразительно проявляется в немногочисленных попытках учителей усовершенствовать стереотипную практику своих предшественников, хотя образованием

постоянно занимаются люди столь оригинального склада ума, какой только есть в этой стране. Когда мальчик приступает к учебе, происходит впечатляющая церемония - или происходила раньше, но, похоже, уже утратила свою актуальность: отец подводит сына к учителю, который преклоняет колени перед именем того или иного древнего мудреца и просит их благословения на своего ученика; после чего, усевшись, он принимает почтение и прошение мальчика направлять его в его занятиях.^[272] Как и в мусульманских странах, при посвящении в литераторы ожидается подарок. Во всех случаях это событие отмечается присвоением мальчику имени *шу-мин* или "книжного имени", которым его будут называть в дальнейшей жизни. Мебель школы состоит только из парты и табурета для каждого ученика и возвышенного сиденья для мастера, так как карты, глобусы, доски, диаграммы и т.д. еще не вошли в число предметов мебели. В одном из углов висит табличка или надпись на стене, посвященная Конфуцию и богу букв; мудреца называют "учителем и образцом на все времена", и в честь их обоих постоянно возжигают благовония.

Расположение школьных помещений обычно таково, что в других местах оно считалось бы плохим, но в сравнении с другими вещами в Китае таковым не является. Сарайчик, едва защищающий от непогоды, низкий жаркий чердак магазина, подсобка в храме или, в редких случаях, специально построенный для этой цели дом - таковы школьные помещения в Китае. Камеру нанимает хозяин, который регулирует свои расходы и обставляет квартиру в соответствии с количеством и состоянием учеников; их среднее число - около двадцати, в дневных школах - от десяти до сорока, а в частных - редко больше десяти. Наиболее тщательный курс обучения, вероятно, осуществляется в последних, где хорошо подготовленный учитель нанимается четырьмя или пятью людьми, живущими на одной улице, или родственниками по рождению или браку, для обучения их детей за оговоренную плату. В таких случаях ребята размещаются в светлых, хорошо отремонтированных квартирах, превосходящих обычную школьную комнату. Большинство учителей - неудачливые кандидаты на получение литературных степеней, которые, проведя лучшие годы в бесплодных попытках добиться должности, оказываются непригодными к ручному труду и не могут вступить в меркантильную жизнь. В Кантоне учитель двадцати мальчиков получает от полудоллара до доллара в месяц с каждого ученика; в сельских деревнях - три, четыре или пять долларов в год, с добавлением, в большинстве случаев, небольшого подарка из съестных припасов от каждого ученика три или четыре раза в год. Частные репетиторы получают от 150 до 350 и более долларов в год, в зависимости от конкретного заказа. Здесь нет ни школ-интернатов, ни школ для младенцев, ни общественных или благотворительных школ, созданных правительством или частными благотворителями для обучения бедных.

НАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ.

Первые часы занятий - с восхода солнца до десяти утра, когда мальчики идут завтракать; через час или больше они собираются снова и продолжают заниматься книгами примерно до пяти вечера, когда расходятся по домам. Летом после обеда уроков нет, но зимой часто проводятся вечерние занятия, а также иногда открываются вечерние школы для механиков и других людей, занятых днем. Придя утром в школу, мальчик почтительно склоняется перед табличкой Конфуция, приветствует учителя, а затем занимает свое место. Каникулы в течение года немногочисленны; самые длинные - перед Новым годом, когда завершается обучение, и школа закрывается, чтобы вновь открыться после того, как учитель и родители договорятся. Общие праздники, которых насчитывается дюжина или более, считаются святыми днями и являются очень необходимыми послаблениями в стране, лишенной покоя субботы. Необходимые качества учителя - серьезность, строгость и терпение, а также

знакомство с классикой; он должен преподавать те же книги в том же ключе, в каком изучал их сам, и хорошо следить за своими подопечными.

ТРИМЕТРИЧЕСКАЯ КЛАССИКА.

Когда ребята собираются вместе при открытии школы, выясняется их уровень подготовки; учитель старается, чтобы его ученики были почти равны в этом отношении, но поскольку все они выполняют совершенно одинаковые задания, разница несущественна. Если мальчики начинающие, их выстраивают в линию перед столом, держа в руках "Сань-цзы кинг", или "Триметрическую классику", и учат читать первые строки вслед за учителем, пока они не смогут повторять их без посторонней помощи. Он называет первые четыре строки следующим образом:

Цзинь чи цу, синь пунь шэнь;

Sing siang kin, sih siang yuen;

когда его зрочки одновременно вскрикивают:

Цзинь чи цу, синь пунь шэнь;

Sing siang kin, sih siang yuen.

Ошибки в произношении исправляются до тех пор, пока каждый не сможет точно прочитать урок; затем их отправляют на свои места, чтобы они запомнили звуки. Поскольку все звуки - это целые слова (не буквы, не слоги, о которых они не имеют ни малейшего представления), мальчики не озадачены, как наши, символами, не имеющими никакого значения. Все дети учатся вслух, и когда один из них способен прочесть задание, он должен его *поддержать* - подойти к столу учителя и встать к нему спиной, повторяя его.

Книга "Король Сань-цзы" была составлена Ван Пи-хао из династии Сун (1050 г. н. э.) для своей частной школы. Она содержит тысячу шестьдесят восемь слов и вдвое меньше различных иероглифов, расположенных в ста семидесяти восьми двойных строках. О ней писали несколько человек, один из которых назвал ее "бродом, который может легко пройти юный любознательный человек и таким образом достичь источника высших курсов обучения, или паспортом в области классической и исторической литературы". Этот учебник начинается с описания природы человека, необходимости и способов образования, и можно заметить, что первое предложение, процитированное выше, которое китаец изучает в школе, содержит одну из самых спорных доктрин в древнем языческом мире:

"Люди от рождения по своей природе радикально добры;

Хотя в этом они похожи, на практике они сильно расходятся.

Если не заниматься воспитанием, то природный характер становится еще хуже;

Курс обучения становится ценным благодаря пристальному вниманию.

С давних пор мать Менция выбирала место жительства,

А когда сын не научился, вырезала [полуистлевшую] паутину.

Воспитывать и не воспитывать - ошибка отца;

Обучение без строгости свидетельствует о лени учителя.

То, что мальчики не должны учиться, - несправедливо;

Ибо если они не учатся в молодости, то что они будут делать в старости?

Как и драгоценные камни, не имеющие оправы, не приносят пользы,

Поэтому необученные люди никогда не узнают, что такое правильное поведение".

Затем в поучениях и примерах прививается важность сыновних и братских обязанностей, после чего следует синопсис различных отраслей обучения в восходящем ряду, под несколькими номерами; три великие силы, четыре времени года и четыре кардинальные точки, пять элементов и пять постоянных добродетелей, шесть видов зерна и шесть домашних животных, семь страстей, восемь материалов для музыки, девять степеней родства и десять социальных обязанностей. Несколько выдержек из книги покажут, в каком ключе рассматриваются эти темы.

"Есть три силы - небо, земля и человек.

Есть три света - солнце, луна и звезды.

Есть три узы - между принцем и министром, правосудием;

Между отцом и сыном - привязанность, между мужем и женой - согласие.

Гуманность, справедливость, благоразумие, мудрость и истина, -

Эти пять кардинальных добродетелей не следует путать.

Рис, просо, бобовые, пшеница, сорго, просо,

Есть шесть видов зерна, которыми питаются люди.

Взаимная привязанность отца и сына, согласие мужа и жены;

Доброта старшего брата, уважение младшего;

Порядок между старшими и младшими, дружба между соратниками;

От принца - уважение, от министра - верность.

Эти десять нравственных обязанностей всегда обязательны для исполнения людьми".

К этому техническому резюме добавляются правила академического курса с перечнем книг, которые следует изучать, и порядком их использования, затем следует краткое изложение общей истории Китая с перечислением сменявших друг друга династий. В конце работы приводятся примеры и мотивы к обучению, почерпнутые из поведения древних мудрецов и государственных деятелей, а также из соображений интереса и славы. Приведенные примеры являются любопытными примерами стремления к знаниям в условиях трудностей и составляют интересную часть трактата.

"Раньше у Конфуция в учителях был молодой Хян То;

Даже мудрецы древности учились с усердием.

Чау, государственный министр, читал "Конфуцианские диалоги",

И он тоже, хотя и занимал высокий пост, усердно учился.

Один копировал уроки игры на дудочках, другой - на кусочках бамбука;

Они, хотя и не имели книг, жаждали знаний.

[Чтобы победить сон, один привязал его голову [за волосы] к балке, а другой проткнул бедро шилом;

Несмотря на отсутствие преподавателей, они были трудолюбивы в учебе.

Один читал по свету светлячка, другой - по отражению от снега;

Эти люди, хотя их семьи были бедными, не забывали учиться.

Один нес папиросы, а другой привязывал свои книги к коровьему рогу,

И, занимаясь таким трудом, увлеченно учился.

Су Лау-Цюэнь, когда ему было двадцать семь лет

Начал внимательно изучать и усердно работать над книгами;

Этот человек, состарившись, огорчился, что так поздно приступил к работе;

Вам, молодым, рано задумываться об этих вещах.

Вот Лян Хау в зрелом возрасте восьмидесяти двух лет,

В императорском зале, среди множества ученых, получает первый ранг;

Это ему удалось, и все считали его вундеркиндом;

Теперь вы, мои юные читатели, должны принять решение быть прилежными.

Юнг, когда ему было всего восемь лет, мог декламировать оды;

А Пи уже в семь лет понимал, как играть в шахматы;

Они проявляли способности, и все считали их редкими людьми;

И вы, мои подающие надежды ученые, должны подражать им.

Цай Вэнь-ки умел играть на струнных инструментах;

Сие Тау-ван также умел петь и скандировать;

Эти двое, хотя и были девушками, но отличались умом и осведомленностью;

Итак, вы, мои ребята, должны быть готовы к усердию.

Лю Нган из Тан, когда ему было всего семь лет,

Проявив себя благородным юношей, смог исправить письмо:

Хотя он был очень молод, его высоко продвинули по службе.

Вы, юные ученики, стремитесь следовать его примеру,

Ибо тот, кто так поступает, приобретет такие же почести.

"Собаки сторожат ночь; петух возвещает утро;

Если кто-то отказывается учиться, как можно считать его мужчиной?

Тутовый шелкопряд прядет шелк, пчела собирает мед;

Если люди пренебрегают обучением, они становятся ниже животных.

Кто учится в молодости, тот мудро поступает в зрелом возрасте,

Распространяет свое влияние на принца, приносит пользу людям,

Сделает его имя известным, сделает почетными его родителей;

Отражает славу своих предков и обогащает потомков.

Некоторые из них оставляют для своих потомков сундуки, наполненные золотом;

Пока я учу детей, оставьте эту маленькую книжку.

Усердие приносит пользу; игра не приносит прибыли;

Будьте всегда начеку! Пробудите все свои силы!"

Эти цитаты иллюстрируют характер "Триметрической классики" и показывают ее недостатки как книги для юных умов. Это скорее учебный план, чем книга для изучения, и она плохо подходит для того, чтобы увлечь мальчика в выполнении заданий, давая ему умственную пищу в привлекательной форме. И все же ее влияние было, пожалуй, не меньше, чем у классики, в течение последних четырех династий, благодаря ее повсеместному использованию в начальных школах, где ее "подкрепляли" мириады ребят, у которых не было досуга для изучения большего, и когда они переходили этот брод, то не могли идти дальше. Мальчик начинает свое образование с изучения этих афоризмов; и к тому времени, когда он получает диплом, а это происходит гораздо раньше, самые высокие истины и примеры, известные в этой стране, оказывают на его разум более глубокое впечатление, чем библейские истины и примеры на выпускников Йеля, Оксфорда, Гейдельберга или Сорбонны. Хорошо, что они не узнали в ней ничего такого, о чем им лучше забыть, ведь ее недостатки, на которые указал Бриджмен в своем переводе, не должны заставить нас упустить из виду ее наводящий на размышления синопсис принципов и примеров. Комментарий объясняет их очень полно, и его часто изучают так же тщательно, как и текст. Многие тысячи трактатов, содержащих христианские истины, написанные в том же стиле и под тем же названием, с успехом преподаются в миссионерских школах Китая.[\[273\]](#)

Следующая роговая книга, которую дают в руки мальчику, - Pih Kia Sing, или "Век фамилий". Это список распространенных фамилий семьи или клана. Кроме того, он знакомится с четырмястами пятьюдесятью четырмя распространенными словами, используемыми в качестве имен, что также очень важно, чтобы не ошибиться при выборе неправильного символа среди десятков омофоничных символов языка. Например, из восьмидесяти трех распространенных слов, произносимых как *kí*, только шесть являются названиями кланов, и необходимо, чтобы они были хорошо знакомы в повседневном общении. Характер работы не позволяет ее изучать, но полезность ее содержания, вероятно, объясняет ее место в этой серии.[\[274\]](#)

КЛАССИКА, СОСТОЯЩАЯ ИЗ ТЫСЯЧИ СИМВОЛОВ.

Третья в списке - "Циен Цз' Вэн", или "Тысячелетняя классика", уникальная среди всех книг на китайском языке, подобная которой не может быть создана ни в одной другой, поскольку она состоит всего из тысячи иероглифов, ни один из которых не похож на другой ни по форме, ни по смыслу. Автор, Чау Хин-цзы, жил около 550 г. н. э. и, согласно рассказу, приведенному в истории династии Лян, написал ее по просьбе императора, который приказал своему министру Ван Хи-чи выписать тысячу иероглифов и дать ему, чтобы посмотреть, сможет ли он составить из них связную оду. Он так и сделал и представил свое произведение его величеству, который в знак одобрения наградил его богатыми подарками. Некоторые рассказы (чтобы столь необычная работа не нуждалась в соответствующих чудесах) добавляют, что он выполнил задание за одну ночь, под страхом наказания в случае неудачи, а умственное напряжение было столь велико, что его волосы поседели. Она состоит из двухсот пятидесяти строк, в которых тщательно соблюдены рифма и ритм, хотя поэзии в ней не больше, чем в таблице умножения. Содержание книги аналогично, но более дискурсивно, чем в "Триметрической классике". До сто второй строки в краткой форме рассказывается о природных богатствах и добродетелях первых монархов, о силе и способностях человека, его общественных обязанностях и образе поведения, а также даются указания относительно образа жизни. Далее, до сто шестьдесят второй строки, говорится о великолепии дворца и его высших сановниках, а также о других выдающихся личностях и местах. Последняя часть работы посвящена частной и литературной жизни, занятиям сельским хозяйством, управлению домом и образованию, перемежаясь некоторыми увещеваниями и несколькими иллюстрациями. Несколько отрывков из перевода д-ра Бриджмена[275] покажут, в каком ключе рассматриваются эти темы. Первые строки таковы,

"Небеса мрачные, земля желтая;

Вся вселенная [при сотворении] представляла собой одну обширную пустошь".

После этого в очень сентиментальной манере дается обзор мира и его продуктов, а также истории Китая, вплоть до тридцать седьмой строки, которая открывает новую тему.

"Это наше человеческое тело наделено

Обладает четырьмя великими способностями и пятью кардинальными добродетелями:

Храните с благоговением то, что вскормили ваши родители.

Как вы посмели уничтожить или повредить его?

Пусть женщины охраняют свое целомудрие и чистоту,

И пусть люди подражают талантливому и добродетельному.

Когда вы осознаете свои ошибки, тогда исправитесь;

И если вы сделали приобретения, не теряйте их.

Не жалуйтесь на недостатки других людей,

И перестаньте кичиться своим превосходством.

Пусть ваша правда будет такой, которую можно проверить,

Ваши возможности измеряются с трудом.

"Наблюдайте и подражайте поведению добродетельных людей,

И повелевайте своими мыслями, чтобы быть мудрыми.

Ваша добродетель будет закреплена, а репутация - создана;

Когда вы исправите свои привычки, ваш пример будет правильным.

Звуки гулко отдаются в глубоких долинах,

И пустой зал повторяет все, что слышит;

Так что страдания - это наказание за накопленные пороки,

Счастье - награда за выдающуюся добродетель.

"Локоть нефритового камня не ценится,

Но за дюйм времени нужно бороться.

"Менций почитал простоту и незамысловатость;

А Ю. Историк твердо придерживался принципа справедливости.

Они почти приблизились к золотой середине,

Быть трудолюбивым, скромным, прилежным и умеренным.

Прислушайтесь к тому, что говорится, и изучите объясненные принципы:

Следите за поведением людей, чтобы различать их характеры.

Оставьте после себя только добрые цели;

И старайтесь вести себя так, чтобы вызывать уважение.

Когда вас сатирируют и поучают, проверьте себя,

И делайте это более тщательно, когда благосклонность возрастает.

"Годы пролетают как стрелы, одна настигает другую;

Солнце ярко светит на протяжении всего его курса.

Планетарий продолжает вращаться там, где он висит;

И яркая луна повторяет свои обороты.

Чтобы поддержать огонь, нужно добавить топлива, поэтому культивируйте корень счастья,

И вы обретете вечный мир и бесконечное счастье".

В комментариях к "Классике тысячи иероглифов" содержится множество справедливых замечаний и любопытных анекдотов, объясняющих эту книгу, текст которой настолько знаком широкому кругу людей, что ее строки или иероглифы используются как ярлыки, а не как фигуры, поскольку они занимают меньше места. Если бы западные ученые были так же хорошо знакомы с деяниями и высказываниями царя Вэна, Су Цина или Кван Чуна, как они знакомы с деяниями и высказываниями Сесостриса, Перикла или Горация, эти

происшествия и места, естественно, считались бы более интересными, чем они есть сейчас. Но там, где не хватает силы гения или ярких картин блестящего воображения, чтобы проиллюстрировать или украсить предмет, европейцев мало что может заинтересовать в авторах и государственных деятелях столь далекой страны и отдаленного периода.[\[276\]](#)

ОДЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Четвертое произведение из этой серии, названное "Инь Хиох Ши-тиэ", или "Оды для детей", написано рифмованными пятистишиями и содержит всего тридцать четыре строфы по четыре строки. Один отрывок покажет ее характер, который в целом представляет собой краткое описание и восхваление литературной жизни, а также аллюзии на смену времен года и красоты природы.

Крайне важно обучать детей;

Не говорите, что ваши семьи бедны,

Для тех, кто умеет хорошо обращаться с карандашом,

Идите, куда хотите, и никогда не просите об одолжениях.

Один в возрасте семи лет показал себя божественно одаренным юношей,

"Небеса, - сказал он, - дали мне разум:

Талантливые люди появляются при дворе святого монарха,

Им также не нужно ждать, пока они придут к лордам и вельможам.

Утром я был скромным деревенским жителем,

Вечером я вошел во двор Сына Неба:

Гражданские и военные должности не передаются по наследству,

Поэтому мужчины должны полагаться на собственные силы.

Проход к морю был прорублен через горы,

И камни были расплавлены, чтобы восстановить небеса;

Во всем мире нет ничего невозможного;

Только в сердце человека есть потребность в разрешении.

Когда-то я сам был бедным нищим ученым,

Теперь я еду верхом на своей четырехконной колеснице,

И все мои односельчане удивленно восклицают".

Пусть те, у кого есть дети, тщательно их воспитывают.

ИСТОРИЯ КОНФУЦИЯ И ХЯН ТО.

Примеров того, как умные юноши поднимались до высших государственных постов, множество во всех произведениях, предназначенных для начинающих, и истории, иллюстрирующие их быстроту, иногда приводятся в книжках-игрушках и романах. Здесь

приводится один из самых распространенных примеров - история Конфуция и Хианг То, которая так же хорошо известна каждому китайцу, как американской молодежи история Джорджа Вашингтона, срубившего вишневое дерево своим топором.

"Конфуция звали Юй, а его стиль - Чунни; он стал наставником в западной части царства Лу. Однажды в сопровождении всех своих учеников, сидя в повозке, он отправился гулять и по дороге наткнулся на нескольких детей, занимавшихся спортом; среди них был один, который не принимал в них участия. Конфуций, остановив свою повозку, спросил его: "Почему только ты не играешь? Юноша ответил: "Всякая игра не приносит никакой пользы; одежда рвется, и ее нелегко починить; выше меня я позорю отца и мать; ниже меня, вплоть до самых низких, происходят драки и ссоры; столько труда и никакой награды, как же это может быть хорошим делом? Именно по этим причинам я не играю". Затем, опустив голову, он начал строить город из кусков черепицы.

Конфуций, упрекая его, сказал: "Почему ты не выезжаешь за каретой? Мальчик ответил: "С древних времен и по сей день всегда считалось, что карете подобает выезжать в город, а не городу выезжать за каретой". Тогда Конфуций остановил свой автомобиль, чтобы поразмыслить о причинах. Он вышел из повозки и спросил его: "Ты еще молод, как получается, что ты так быстр?". Мальчик ответил: "Человек в три года различает отца и мать; заяц через три дня после рождения бегаёт по земле и бороздам полей; рыбы через три дня после рождения бродят в реках и озерах; то, что небо производит естественным образом, как можно назвать быстрым?

Конфуций добавил: "В какой деревне и районе ты живешь, какова твоя фамилия и имя, каков твой стиль? Мальчик ответил: "Я живу в убогой деревне и в ничтожном краю; моя фамилия - Хян, мое имя - То, и у меня еще нет стиля".

Конфуций ответил: "Я хочу, чтобы ты отправился со мной в путешествие; что ты думаешь об этом? Юноша ответил: "Дома есть суровый отец, которому я обязан служить; есть ласковая мать, которую я обязан лелеять; есть достойный старший брат, которого мне подобает слушаться, и нежный младший брат, которого я должен учить; есть умный учитель, у которого я должен учиться. Как у меня есть досуг, чтобы отправиться с вами на прогулку?

"Конфуций сказал: "У меня в карете тридцать две шахматные фигуры; что вы скажете о том, чтобы сыграть вместе? Юноша ответил: "Если император полюбит игру, империя не будет управляться; если вельможи полюбят игру, правительство будет затруднено; если ученые полюбят ее, обучение и исследования будут потеряны и заброшены; если низшие классы увлекутся игрой, они полностью потеряют поддержку своих семей; если слуги и рабы полюбят игру, они получат взбучку; если фермеры полюбят ее, они пропустят время пахоты и сева; по этим причинам я не буду играть с вами".

Конфуций ответил: "Я хочу, чтобы ты пошел со мной и полностью уравнивал империю; что ты думаешь об этом?". Юноша ответил: "Империю нельзя уравнивать; здесь высокие холмы, там озера и реки; либо там князья и вельможи, либо там рабы и слуги. Если сравнить высокие холмы, то птицам и зверям негде будет жить; если залить реки и озера, то рыбам и черепахам некуда будет деваться; уничтожить царей и вельмож, и у простого народа будет много споров о добре и зле; уничтожить рабов и слуг, и кому будет служить князь! Если империя так обширна и неустроена, как можно ее уравнивать?

"Конфуций снова спросил: "Можешь ли ты сказать под всем небом, какой огонь не имеет дыма, какая вода не имеет рыбы; какой холм не имеет камней, какое дерево не имеет ветвей; какой мужчина не имеет жены, какая женщина не имеет мужа; какая корова не имеет

теленка, какая кобыла не имеет жеребенка; какой петух не имеет курицы, какая курица не имеет петуха; что представляет собой превосходный человек, а что низкий; что есть то, что не имеет недостатка, а что имеет избыток; какой город не имеет рынка, и кто есть человек без стиля?

"Мальчик ответил: "У огня светляка нет дыма, а у колодезной воды нет рыбы; у кургана земли нет камней, а у гнилого дерева нет ветвей; у джиннов нет жен, а у фей нет мужей; у глиняных коров нет телят, а у деревянных кобыл нет жеребят; у одиноких петухов нет кур, а у овдовевших кур нет петухов; достойный - превосходный человек, а глупец - низкий человек; зимний день недостаточно длинный, а летний день слишком длинный; у императорского города нет рынка, а у маленьких людей нет стиля."

"Конфуций, расспрашивая, сказал: "Знаете ли вы, каковы связующие узы между небом и землей, каковы начало и конец двойственных сил? Что есть левое, и что есть правое; что есть вне, и что есть внутри; кто есть отец, и кто есть мать; кто есть муж, и кто есть жена. [Знаете ли вы, откуда приходит ветер и откуда идет дождь? Откуда выходят облака и появляется роса? И на сколько десятков тысяч миль небо и земля идут параллельно?

"Юноша ответил: "Девять, умноженные на девять, составляют восемьдесят один, что является управляющей связью неба и земли; восемь, умноженные на девять, составляют семьдесят два, начало и конец двойственных сил. Небо - отец, а земля - мать; солнце - муж, а луна - жена; восток - слева, а запад - справа; вне - снаружи, а внутри - внутри; ветры приходят из Цан-ву, а дожди идут из пустошей и диких мест; облака выходят из холмов, а роса поднимается с земли. Небо и земля идут параллельно на протяжении десяти тысяч раз по десять тысяч миль, и четыре точки компаса имеют каждая свою станцию".

"Конфуций, спросив, сказал: "Что, по твоему мнению, является ближайшим родством: отец и мать или муж и жена? Мальчик ответил: "Родители близки, а муж и жена не так близки".

Конфуций ответил: "Пока муж и жена живы, они спят под одним покрывалом; когда они умерли, они лежат в одной могиле; как же ты можешь говорить, что они не рядом? Мальчик ответил: "Человек без жены подобен повозке без колеса; если нет колеса, делают другое, ибо, без сомнения, можно достать новое; так и в случае смерти жены ищут новую, ибо и ее можно достать". Дочь достойной семьи непременно должна выйти замуж за достойного мужа; в доме с десятью комнатами всегда плита и коньковый столб; три окна и шесть решеток не дают света одной двери; все множество звезд со всем их сверкающим блеском не сравнится с великолепием одинокой луны: привязанность отца и матери - увы, если она однажды будет утрачена!

"Конфуций, вздохнув, сказал: "Как умно! Как достойно! Мальчик, обратившийся к мудрецу, сказал: "Вы только что задавали мне вопросы, на которые я отвечал один за другим; теперь я хочу получить информацию; не может ли учитель в одном предложении дать мне какое-нибудь простое наставление? Я буду очень рад, если моя просьба не будет отклонена". Тогда он спросил: "Почему кряквы и утки умеют плавать; как поют дикие гуси и журавли; почему ели и сосны зеленеют всю зиму? Конфуций ответил: "Кряквы и утки плавают, потому что у них широкие ноги; дикие гуси и журавли поют, потому что у них длинные шеи; ели и сосны остаются зелеными всю зиму, потому что у них сильные сердца". Юноша возразил: "Не так; рыбы и черепахи могут плавать, потому что у них широкие ноги? Лягушки и жабы умеют петь, потому ли, что у них длинные шеи? Зеленый бамбук сохраняет свежесть зимой, потому ли, что у него сильное сердце?"

Конфуций ответил: "Сейчас мы спрашиваем о земле, как мы можем с уверенностью говорить о небе?". Мальчик сказал: "Тогда сколько всего домов на земле? Мудрец ответил: "Давай, говори о том, что у нас перед глазами; почему ты должен говорить о небе и земле? Мальчик продолжал: "Ну, говори о том, что у нас перед глазами, - сколько волосков в твоих бровях?"

Конфуций улыбнулся, но не ответил, а, обернувшись к своим ученикам, позвал их и сказал: "Этого мальчика следует опасаться, ибо легко увидеть, что последующий человек не будет таким, как ребенок". Затем он сел в свою повозку и уехал".[\[277\]](#)

КОРОЛЬ ХИАО, ИЛИ КАНОНЫ СЫНОВНЕГО ДОЛГА.

Следом за этим пустяковым учебником идет "Хяо кинг", или "Каноны филиального долга", - короткий трактат, состоящий всего из 1903 иероглифов и представляющий собой запись беседы Конфуция с его учеником Цэн Цанем о принципах сыновней почтительности. Критики оспаривают ее подлинность, но их сомнения не разделяют соотечественники, которые хранят ее в памяти как слова мудреца. По легенде, копия была обнаружена в стене его жилища и сравнена с другой, спрятанной Ен Чи во время сожжения книг; из двух Лю Хян выбрал восемнадцать глав, содержащихся в ней, как единственно подлинным, и в таком виде она сохранилась до наших дней. Шестой раздел Императорского каталога полностью посвящен писателям о царе Хяо, одним из которых был Юэньцун, император династии Тан (733 г. н.э.). Другой комментарий был опубликован в 32 томах в царствование Канхи, в нем вся тема обсуждается в ста главах. Хотя в глазах критиков он не пользуется доверием девяти классиков, краткость и тематика этой работы позволили учителям считать ее одной из лучших книг на языке, которую следует дать в руки своим ученикам; таким образом, ее влияние было большим и продолжительным. Она была переведена Бриджменом, который считает первые шесть разделов словами Конфуция, а остальные двенадцать - его идеями. Две цитаты - это все, что нужно привести здесь, чтобы показать его характер.

Раздел I. О происхождении и природе сыновнего долга Сыновний долг - это корень добродетели и стебель, из которого истекает обучение моральным принципам. Садитесь, и я объясню вам это. Первое, чего требует от нас сыновний долг, - это бережно хранить от всяких повреждений и в идеальном состоянии тела, которые мы получили от родителей. И когда мы приобретаем для себя положение в мире, мы должны регулировать свое поведение в соответствии с правильными принципами, чтобы передать свое имя будущим поколениям и прославить своих родителей. Это и есть конечная цель сыновнего долга. Таким образом, он начинается с внимания к родителям, продолжается через ряд услуг, оказанных принцу, и завершается возвышением себя. Об этом говорится в "Книге од",

Вспомните своих предков;

Воспроизведение их добродетели.

Раздел V. О внимании ученых к сыновнему долгу: с той же любовью, с какой они служат своим отцам, они должны служить своим матерям; и с тем же почтением, с каким они служат своим отцам, они должны служить своему князю; несмешанная любовь, таким образом, будет приношением, которое они делают своим матерям; нелицемерное почтение - данью, которую они приносят своему князю; а в отношении своих отцов оба эти качества будут сочетаться. Поэтому они служат своему князю с сыновним долгом и верны ему; они служат своим начальникам с уважением и послушны им. Постоянное послушание и верность тем, кто выше их по положению, позволяют им сохранять свои должности и вознаграждения, а

также приносить жертвы, причитающиеся их умершим предкам и родителям. Таково влияние сыновней почтительности, когда ее исполняют ученые. Об этом говорится в "Книге од",

Когда наступает рассвет, а я не могу уснуть,

Мысли в моей груди - о наших родителях.[\[278\]](#)

Не только в этом, но и в других трудах Конфуция и представителей его школы сыновний долг занимает самое высокое место в списке добродетелей и обязанностей. "Существует, - цитируем другой раздел, - три тысячи преступлений, за которые полагается тот или иной из пяти видов наказания; и среди них нет ни одного более тяжкого, чем непослушание родителям. Когда министры контролируют монарха, то верховенства не существует; когда отступают от максим мудрецов, то отменяется закон; и поэтому те, кто пренебрегает сыновним долгом, ведут себя так, как будто у них нет родителей. Эти три зла подготавливают почву для всеобщего восстания".

Эта социальная добродетель высоко ценится всеми китайскими писателями, а ее соблюдение прививается молодежи и детям с помощью наставлений и примеров. Чтобы показать хорошие последствия послушания и плохие результаты противоположного ему греха, сочиняются истории, которые даются им в руки и служат также предметом для живописных иллюстраций, строф для поэзии и материалов для бесед. Следующие примеры взяты из книжки-игрушки такого рода под названием "Двадцать четыре филина" - одного из самых популярных сборников на эту тему.

ОТРЫВКИ ИЗ ДВАДЦАТИ ЧЕТЫРЕХ ФИЛИНОВ.

"Во времена династии Чау жил парень по имени Цэн Цан (также Цз'-ю), который очень послушно служил своей матери. Цэн имел привычку уходить в горы собирать хворост, и однажды, когда он отсутствовал, к нему в дом пришло много гостей, по отношению к которым его мать была в растерянности, как поступить. Она, ожидая сына, который задерживался с возвращением, начала грызть пальцы. Цэн внезапно почувствовал боль в сердце и, взяв вязанку хвороста, вернулся домой; увидев мать, он встал на колени и попросил рассказать, в чем причина ее беспокойства. Она ответила: "Здесь были гости, приехавшие издалека, и я укусила себя за палец, чтобы пробудить тебя вернуться ко мне".

"При династии Чау жил Чунг Ю, по имени Цз'-лу, который, поскольку его семья была бедной, обычно питался травами и грубой ботвой; он также прошел более ста *ли*, чтобы добыть рис для своих родителей. Затем, когда они умерли, он отправился на юг, в страну Цу, где стал командиром ста колесниц; там он разбогател, запасая зерно в мириадах мер, возлежа на подушках и вкушая пищу, подаваемую ему в многочисленных блюдах; но, вздохнув, он сказал: "Хотя я и хотел бы теперь есть грубые травы и приносить рис для своих родителей, но этого не может быть!"

"Во времена династии Чау жил почтенный Лай, который был очень послушным и почтительным по отношению к своим родителям и проявлял свое почтение, стараясь обеспечить их всеми деликатесами. Хотя ему было уже за 700 семьдесят лет, он заявлял, что еще не стар; обычно он одевался в разноцветные вышитые одежды и, как ребенок, игриво стоял рядом с родителями. Он также брал ведра с водой и пытался занести их в дом, но, притворившись, что поскользнулся, падал на землю, причитая и плача, как ребенок: все это он делал, чтобы развлечь своих родителей.

"Во времена династии Хань жил Тунг Юнг, семья которого была настолько бедна, что, когда умер его отец, он был вынужден продать себя, чтобы достать денег на погребение его останков. После этого он отправился в другое место, чтобы добыть средства для выкупа; по дороге он встретил женщину, которая захотела стать его женой и отправиться с ним в резиденцию его господина. Она пошла с ним, соткала триста кусков шелка, и, закончив работу за два месяца, они вернулись домой; по дороге, дойдя до тени дерева кассии, где они раньше встречались, женщина поклонилась и, поднявшись, исчезла из виду.

"Во времена династии Хань жил Тинг Лан, родители которого умерли, когда он был еще молод, и он не успел послушаться и поддержать их; и он подумал, что за все неприятности и тревоги, которые он им причинил, ему так и не воздалось. Тогда он вырезал деревянные изображения своих родителей и служил им, как будто они были живы. Долгое время его жена не хотела почитать их, но однажды, взяв в руки сошку, она в насмешку уколола им пальцы. Из раны тотчас потекла кровь; увидев приближающегося Тинга, образины заплакали. Он разобрался в обстоятельствах и тут же развелся с женой.

"Во времена династии Хань жил Кох Кю, который был очень беден. У него был один ребенок трех лет; и так он был беден, что его мать обычно делила свою часть пищи с этим малышом. Кох говорит своей жене: "Мы так бедны, что не можем содержать нашу мать, потому что ребенок делит с ней принадлежащую ей часть пищи. Почему бы не похоронить этого ребенка? Может быть, у нас родится еще один ребенок, но мать, ушедшая однажды, уже никогда не вернется". Жена не решилась возражать, и Кох сразу же вырыл яму глубиной около трех локтей, как вдруг его взгляд упал на горшок с золотом, а на металле появилась надпись: "Небо дарует это сокровище Кох Кю, послушному сыну; магистрат не может завладеть им, и соседи не отнимут его у него".

"Мэн Цун, живший во времена династии Цин, в молодости потерял отца. Его мать была очень больна, и однажды зимним днем ей захотелось отведать супа из ростков бамбука, но Мэн не мог их достать. Тогда он пошел в бамбуковую рощу, обхватил деревья руками и горько заплакал. Его сыновняя привязанность тронула природу, и земля медленно разверзлась, пустив несколько побегов, которые он собрал и отнес домой. Он сварил из них суп, который съела его мать и сразу же выздоровела.

"Восьмилетний мальчик У Мэнг, живший при династии Цинь, был очень послушен своим родителям. Они были настолько бедны, что не могли позволить себе обставить кровать противомоскитными шторами, и каждую летнюю ночь мириады комаров безудержно нападали на них, пируя их плотью и кровью. Хотя их было так много, У не прогонял их, чтобы они не попали к его родителям и не досаждали им. Такова была его привязанность".^[279]

СИАО ХИОХ, ИЛИ ИНСТРУКТОР ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.

Последняя книга, изученная перед изучением классики, оказала почти такое же большое влияние, как и все остальные, и ни одна из работ более поздних ученых не может так хорошо показать представления китайцев всех эпох о принципах воспитания, общения и правилах поведения, как эта; наставления иллюстрируются примерами, а примеры возвращаются к наставлениям по их движущей причине. Это "Сяо Хиох", или "Наставник для несовершеннолетних", задумывался Чу Хи, его автором, как аналог "Та Хиао", к которому он написал комментарий. У него было более пятидесяти комментаторов, один из которых говорит: "Мы доверяем "Сяо хио", как богам, и почитаем его, как своих родителей". Она состоит из двух книг, "фонтана познания" и "потока, вытекающего из него", состоящих из 20

глав и 385 коротких разделов. Первая книга состоит из четырех частей и рассказывает о первых принципах воспитания; об обязанностях, которые мы должны выполнять перед нашими родственниками, правителями и соратниками, о тех, которые мы должны выполнять сами в отношении учебы, поведения, еды и одежды; и, наконец, приводит многочисленные примеры из древней истории, начиная с самых ранних времен и заканчивая концом династии Чау, 249 г. до н. э., подтверждающие прививаемые максимы и хорошие последствия, вытекающие из их соблюдения. Вторая книга содержит в своей первой части собрание мудрых изречений выдающихся людей, процветавших после 200 г. до н.э., а также ряд примеров выдающихся личностей, призванных продемонстрировать действие хороших принципов; обе части призваны подтвердить истинность учений первой книги. Одной-двух цитат, взятых из других произведений, будет достаточно, чтобы показать содержание книги.

Конфуций говорил: "Друзья должны резко и откровенно поучать друг друга, а братья должны быть мягкими по отношению друг к другу".

"Цз'-кун, спросив о дружбе, сказал: "Верно информировать и любезно наставлять другого - вот долг друга; если он не поддается, отступись; не позорь себя"".

"Тот, кто входит с гостями, уступает им первенство у каждой двери; когда они доходят до самой внутренней, он просит разрешения войти и расставить места, а затем возвращается, чтобы принять гостей; и после того, как они неоднократно отказываются, он кланяется им и входит. Он проходит через правую дверь, они - через левую. Он поднимается по восточным, они - по западным ступеням. Если гость более низкого ранга, он должен подойти к ступеням хозяина, а тот должен несколько раз отказаться от этого внимания; тогда гость может вернуться к западным ступеням, он поднимается, и хозяин, и гость должны взаимно уступить первенство: тогда хозяин должен подняться первым, а гости следом. От ступени к ступени они должны сводить ноги вместе, постепенно поднимаясь - те, кто находится на востоке, сначала двигают правой ногой, те, кто находится на западе, - левой."

Огромное влияние, которое оказали эти шесть школьных книг, объясняется их формирующей силой на юношеские умы, большая часть которых никогда не выходит за их пределы (либо из-за отсутствия времени, средств или желания), но здесь они действительно получают ядро лучшей литературы.

ПРИВЫЧКИ К УЧЕБЕ В ШКОЛАХ И КОЛЛЕДЖАХ.

Утомительное заучивание этих ничего не значащих звуков облегчается написанием иероглифов на тонкой бумаге, наклеенной на копировальные листы. Уроки письма и чтения одинаковы, и оба продолжаются в течение года или двух, пока формы и звуки нескольких тысяч иероглифов не станут привычными, но не предпринимается особых усилий для обучения их значениям. После этого учитель проходит тот же путь и с помощью комментариев объясняет значение слов и фраз по очереди, пока все они не станут понятны. Обычно начинающий не особо вникает в смысл того, что он учится читать и писать, а там, где труд по запоминанию произвольных символов так велик и утомителен, опыт, вероятно, показывает, что не стоит пытаться делать слишком много вещей сразу. Мальчик знакомится с их формами, поскольку видит их все время вокруг себя, и в какой-то мере узнает, что они означают, еще до того, как приходит в школу. Ассоциация формы с идеями, по мере того как он конспектирует урок и записывает слова, постепенно укрепляется и приводит к той необычной взаимозависимости глаза и уха, которая так заметна у ученых дальнего Востока. Они полагаются на то, что прочитанное поможет понять услышанное гораздо больше, чем в случае с фонетическими языками. Мальчики в школе не пытаются облегчить усвоение иероглифов, расставляя их по составным частям; их изучают по одному, как изучают

названия и внешний вид минералов в шкафу. Последствия такого курса обучения, в котором силы нежного ума не развиваются путем правильного питания правдивыми знаниями, вряд ли могут быть иными, кроме как затормозить гений и приучить способности ума к рабскому следованию почитаемым обычаям и диктату, делая интеллект китайских студентов похожим на деревья, которые их садовники так усердно сажают в горшки и банки - растения, неестественность которых соответствует несерьезности их плодов.

Количество лет, проведенных в школе, зависит от средств родителей. Торговцы, механики и сельские джентльмены стремятся дать своим сыновьям компетентные знания обычной серии книг, чтобы они могли достойно управлять общими делами жизни. Они не изучают ничего, кроме классики и истории, а также того, что их иллюстрирует, уделяя при этом много внимания и практики сочинению. Ни арифметика, ни математика, ни география своей или других стран, ни натурфилософия, ни естественная история, ни научные искусства, ни изучение других языков - ничего не изучают. Люди, принадлежащие к этим слоям общества, отдают своих сыновей в магазины или счетные палаты, чтобы они научились рутинному ведению дел со знанием цифр и манеры письма; их не держат в школе дольше трех-четырех лет, если только они не собираются участвовать в экзаменах. Рабочие мужчины, желая дать своим сыновьям хоть какие-то знания, стараются продержат их за книгами год или два, но миллионы, конечно, должны вырасти в полном невежестве. Тем не менее, это прекрасная политика для государства - поддерживать эту всеобщую честь, воздаваемую образованию там, где труд так велик, а отдача так сомнительна, поскольку это действительно дань уважения, воздаваемая преподаваемым принципам.

Помимо общих школ, существуют грамматические или средние школы и колледжи, но они гораздо менее эффективны. В Кантоне насчитывается четырнадцать грамматических школ и тридцать колледжей, некоторые из которых довольно древние, но большинство из них заброшены. В трех самых крупных из них учатся около двухсот студентов и преподают два-три профессора. Главная цель этих заведений - обучать продвинутых ученых композиции и изящному письму; репетиторы немного помогают обратить внимание на общую литературу, но у них нет ни гения, ни средств, чтобы добиться больших успехов. В сельских округах учеников поощряют собираться в установленное время в городском доме, где староста или заместитель *старосты*, или , экзаменует их по заранее предложенным им темам.^[280] В крупных городах местные власти при содействии дворянства и выпускников проводят ежегодные экзамены для студентов, на которых лучшим сочинителям присуждаются премии. На таком экзамене в Амое в марте 1845 года присутствовало около тысячи кандидатов, сорок из которых получили суммы от шестидесяти до шестнадцати центов.

Одним из самых примечательных и древних учебных заведений является *Квох-цз' Куен*, или "Школа для государственных сыновей", чьи обширные здания в Пекине, ныне пустующие и обветшалые, показывают, насколько легче основать и спланировать хорошее дело, чем поддерживать его эффективность. Эта государственная школа возникла еще при династии Чау, и курс обучения, изложенный в "Ритуале Чау", был во многом таким же, как и сейчас, три тысячи лет назад. В ее состав входили ректор, обычно высокопоставленный государственный министр, пять советников, два директора, два проктора, два секретаря, библиотекарь, два профессора в каждом из шести залов, а впоследствии еще пять профессоров в каждом из колледжей для знаменосцев. Эти залы называются "Зал стремления к мудрости", "Зал искреннего сердца", "Зал истинной добродетели", "Зал благородных устремлений", "Зал широких познаний" и "Зал руководства природой". Учебная программа не должна была выходить за рамки классики и шести гуманитарных искусств - музыки, колесничества, стрельбы из лука, этикета, письма и математики; но, чтобы поощрить

профессоров "искать мудрости во всем, что делается под небом", как советует Соломон, им было велено вести своих студентов к первоисточникам по стратегии, астрономии, инженерному делу, музыке, праву и т. п. и указывать на недостатки и достоинства каждого автора. Сейчас *Квох-цз' Куен* - это лишь шелуха древней доброты; и если бы его профессорам не оказывали почести и не давали право быть отдельными магистратами после трехлетнего срока, то здания скоро совсем опустели бы. Вместо того чтобы возрождать и перестраивать его, китайское правительство мудро заменило его новым колледжем с новыми профессорами и новым курсом обучения - *Tung-wăn Kwan*, о котором говорится на с. 436. Местные бесплатные школы, основанные благожелательными людьми в городе или деревне, не редкость, и служат для поддержания литературного духа; некоторые из них могут быть не очень долговечными, но на их место приходят другие. В Пекине каждое из Знамен имеет свою школу, как и императорский клан; отставные чиновники вносят свой вклад в школы, открытые для мальчиков, связанных с их родными районами, живущих в столице. Такие усилия по развитию образования ожидаются от тех, кто получил его высокие награды.

ДОЛЯ УМЕЮЩИХ ЧИТАТЬ В КИТАЕ.

Насколько велика доля людей в Китае, умеющих читать, - вопрос, на который трудно ответить, поскольку у иностранцев не было возможности узнать факты, а местные жители никогда не вдаются в подобные расспросы. В городах читать умеют больше людей, чем в деревне, а в некоторых провинциях - больше, чем в других. В районе Наньхай, который является частью города Кантон, в результате неполного обследования было установлено, что почти все мужчины умеют читать, за исключением рыбаков, земледельцев, кули, лодочников и заправщиков, и что двое или трое из десяти посвящают свою жизнь литературным занятиям. В менее густонаселенных районах читать умеют не более четырех-пяти десятых, а то и меньше. В Макао, возможно, половина мужчин умеет читать. По результатам обследования пациентов госпиталя в Нинпо один из миссионеров определил, что читающие составляют не более пяти процентов мужчин; другой миссионер в том же месте, наводивший справки в более высоком слое общества, насчитал их двадцать процентов. Жители деревень в окрестностях Амоя прискорбно невежественны; одна дама, прожившая там более двадцати лет, пишет, что не нашла ни одной женщины, умеющей читать, но это, несомненно, люди из бедных слоев населения. Похоже, что по мере продвижения на север степень и уровень образования снижаются. По всей империи способность понимать книги несоизмерима со способностью читать персонажей, и оба эти показателя несколько преувеличены. Из-за того, что обучение начинается с изучения форм и звуков иероглифов до понимания их значения, многие люди могут называть имена иероглифов, не понимая ни малейшего смысла прочитанного. Они могут вычленить слово тут и там, это может быть фраза или предложение, но они не извлекают из текста более ясного смысла, чем юноша, только что научившийся сканировать и прошедший половину латинского курса, из чтения Вергилия; в то время как в обоих случаях умная аудитория, не знакомая с фактами, может справедливо заключить, что читатель понимает то, что он читает, так же хорошо, как и его слушатели. Более того, в китайском языке разные предметы требуют разных иероглифов; и хотя человек может хорошо разбираться в классике или художественной литературе, его легко поставить в затруднительное положение, попросив объяснить простой трактат по медицине или математике, из-за множества новых или незнакомых слов на каждой странице. Это серьезное препятствие на пути к общему знакомству с книгами. Ум изнемогает от учебного труда там, где его не вознаграждают ни знаниями, ни остроумием; поэтому мало кто из китайцев хорошо знаком с естественной литературой. Изучение книг рассматривается исключительно как средство достижения определенной цели, поэтому естественно, что

когда культурный человек достигает своей цели, он не должен испытывать желания обращаться к этим орудиям своей профессии ни для обучения, ни для удовольствия.

Состоятельные или официальные родители, желающие, чтобы их сыновья боролись за литературные награды, предоставляют им преимущества полного курса чтения и риторики под руководством лучших мастеров. Сочинение - самая сложная часть обучения китайского студента, требующая неустанного усердия и цепкой памяти. Тот, кто может наиболее охотно цитировать классиков и приближаться к их краткой, исчерпывающей, энергичной дикции и стилю, имеет, *cæteris paribus*, наибольшие шансы на успех; а тот, кто может наиболее быстро слагать хорошо ритмизованные стихи, отнимает пальму первенства у всех конкурентов. В романах способность сочинять элегантные стихи так быстро, как только может летать карандаш, обычно приписывается герою сюжета. Неизвестно, сколько из тех, кто намерен бороться за ученые степени, посещают районные колледжи или средние школы, но студенты прибегают к ним в период экзаменов, чтобы познакомиться с теми, кто будет с ними соревноваться. Публичные экзамены не проводятся ни в дневных, ни в частных школах, да и родители не часто их посещают, но за выдающиеся успехи иногда выдаются награды. Градация обучения практически отсутствует, ученикам не выдаются дипломы, свидетельствующие о прохождении определенного курса. Наказания суровы, а ротанг или бамбук висит на видном месте рядом с мастером, и его свободное использование считается необходимым: "Обучение без строгости показывает лень учителя", - такова доктрина, и с помощью ругани, голода, кастрации и заключения мастер пытается привить привычку к послушанию и заставить своих учеников выучить свою задачу.

Несмотря на высокое мнение об образовании, всеобщее распространение знаний и уважение, оказываемое обучению по сравнению с простым титулом и богатством, недостатки кратко описанного здесь обучения по масштабам, средствам, целям и результатам очень велики. И так будет до тех пор, пока в него не будут внедрены новые принципы и новая информация. Рассматриваемая с наилучшей точки зрения, эта система сделала все, что могла, в расширении понимания, очищении сердца и укреплении ума людей; но ни в одном из этих пунктов, ни в одном из основных моментов, на которые направлено разумное образование (как мы понимаем этот вопрос), она не достигла и половины того, что необходимо. Ручей никогда не поднимается так высоко, как его исток, а учения Конфуция и Менция сделали все возможное, чтобы их соотечественники стали мыслящими, полезными и умными людьми.

СПОСОБ ПРОВЕДЕНИЯ ЭКЗАМЕНОВ И ПРИСВОЕНИЯ СТЕПЕНЕЙ.

Перейдем от этого краткого очерка начального образования у китайцев к описанию способа экзаменации студентов и присуждения степеней, которые стали залогом получения должности, и узнаем, каковы реальные достоинства этой системы. Кандидатами на получение ученых степеней по сертификатам ценных бумаг могут стать представители практически всех слоев общества, но никто не имеет права на второй диплом, если уже не получил первый. Таким образом, получается, что республиканская лицензия, которая, казалось бы, распространяется практически на все предметы, на самом деле оставляет призы для нескольких самых талантливых или богатых людей в обществе. Большинство умных, образованных, амбициозных и интеллигентных людей в стране с нетерпением ждут этих экзаменов как единственного поля, достойного их усилий, и где они, скорее всего, найдут себе равных и друзей. Насколько лучше для блага общества эта арена, чем лагерь или феодальный суд, турнир или монастырь!

ЭКЗАМЕН НА ПОЛУЧЕНИЕ СТЕПЕНИ СИУ-ЦАЙ.

Существует четыре обычных литературных степени, с некоторыми промежуточными степенями титульного типа. Первая называется *сиу-цай*, что означает "цветущий талант", из-за обещания будущего успеха ученого; ее часто переводят как "бакалавр искусств" в качестве ближайшего эквивалента. Экзамены на получение этого звания проводятся под наблюдением *чихиена* в общественном здании, принадлежащем району, расположенному рядом с его ямуном; непосредственный контроль осуществляет главный литературный чиновник, называемый *хиох-чинг*, "корректор обучения", или *киао-ю*, "учитель команд". Собравшись в экзаменационном зале, окружной магистрат, заместитель ректора и префект, подготовив списки студентов и выбрав темы, отводят всего один день на написание сочинений. Количество кандидатов зависит от численности населения и литературного духа района; в районах Наньхай и Пванью в 1832 году за премию боролись до двух тысяч человек, в то время как в Сяншане собралось не больше половины. Поначалу их распределяли в соответствии с годовым доходом. Когда сочинения сданы, их просматривает экзаменационная комиссия, а имена успешных студентов заносятся в список и вывешиваются на стенах зала магистрата; эта честь называется *hien ming*, то есть "иметь имя в деревне". Из четырех тысяч кандидатов, о которых говорилось выше, только тринадцать в одном округе и четырнадцать в другом получили имя в деревне; все население этих двух округов не намного меньше полутора миллионов. Многие из соревнующихся в этом начальном трипосе не успевают закончить свои сочинения за день, другие допускают ошибки в написании, третьи проявляют грубое невежество, и все это так сильно уменьшает их число, что только те, кто стоит во главе списка *hien ming*, действительно или обычно попадают на следующее испытание к префекту. Но все имеют равные шансы, и мало кто жалуется, что их выступления не были приняты во внимание, ведь они могут попробовать столько раз, сколько захотят.

Те, кто выдерживает первый экзамен, становятся кандидатами на второй, который проводится в главном городе департамента перед литературным канцлером и префектом, при содействии литературного магистрата, называемого *киао-шао*, "дающий наставления"; он более строгий, чем тот, что проводится перед *чихиеном*, хотя и похож на него по характеру. Префект сам расставляет кандидатов от каждого округа в соответствии с их положением в нескольких списках, и именно это преимущество делает первое испытание в родном месте столь важным для честолюбивого ученого. Темы, по которым они проверяли свою эрудицию, публикуются для сведения друзей и других экзаменаторов. Если бы в каждом районе сохранялась пропорция, приведенная выше для успешных кандидатов на окружных экзаменах, то в зале префекта собралось бы не более двухсот студентов, но их число несколько увеличивается за счет лиц, купивших эту привилегию; тем не менее, второе испытание проводится среди небольшого числа, пропорционального первому, и еще более ничтожного по сравнению с численностью населения. Имена студентов, успешно прошедших второе испытание, вывешиваются на стенах кабинета, который называется *fu ming*, то есть "имеющий имя на факультете", и только они могут быть допущены к третьему испытанию. Помимо знания классики, от кандидатов на этом испытании часто требуют списать по памяти текст "Синг Ю", или "Священного эдикта", поскольку это произведение состоит из наставлений для офицеров. Литературный канцлер осуществляет надзор за предыдущими экзаменами и объезжает всю провинцию, чтобы присутствовать на них по каждому отделению дважды в три года. Среди этих чиновников от образования существуют различные чины, соответствующие гражданским лицам в провинции; иногда производятся переводы из одной службы в другую, и надзор последних всегда осуществляется на экзаменах, где бы они ни проводились. Большинство литературных чиновников, однако, остаются на своей службе, так как она очень почетна и более постоянна. На третьем

испытании в столице провинции он присваивает первую степень *сиу-цай* тем, кто был выбран из всего списка как лучший ученый.

Существует несколько классов бакалавров, в зависимости от способа получения степени; первенство имеют те, кто получает ее описанным здесь способом. Обладание этой степенью защищает человека от телесных наказаний, возвышает его над простыми людьми, делает его заметным человеком в своем родном месте и дает право участвовать в трехгодичном экзамене на вторую степень. Те, у кого денег больше, чем знаний, приобретают эту степень за суммы от 200 до 1000 долларов и даже выше; в более поздние годы, в соответствии с потребностями правительства, дипломы продавались по цене от 25 до 50 долларов, но такие люди редко поднимаются. Их называют *kien-sǎng*, и, как можно предположить, на них несколько пренебрежительно смотрят те, кто прошел через обычные экзамены и "выиграл битву своим копьем". Степень, называемая *кун-сэн*, приобретается *сиу-цаем* или даруется ему, но она настолько общепризнанна, что почти превратилась в пятую степень, которая не дает права на все почести *ку-джин*. Какая часть ученых награждается степенями, неизвестно, но это небольшое число по сравнению с кандидатами. Выпускник Нинпо, обладающий значительным умом, оценил количество *сиу-цай* в этом городе в четыреста, а в департаменте - почти в тысячу. В Кантоне число *син-кинов*, или дворян, которым разрешено носить почетный пояс и которые получили литературные степени, не превышает трехсот; но во всей провинции насчитывается около двенадцати тысяч бакалавров при населении в девятнадцать миллионов человек. Те, кто не стал *сю-цаем*, по-прежнему считаются под надзором *киао-ю* и других представителей его сословия, которые все еще получают свои сочинения; но тело провинциальных *сю-цаев* обязано отчитываться и присутствовать на префектурных трипо перед канцлером под угрозой потери всех полученных привилегий и званий. Этот закон ставит их перед теми, кто может разбирать проступки, ибо эти люди часто бывают очень деспотичны и доставляют хлопоты своим соотечественникам. Выпускники в каждом округе находятся под контролем начальника, чья власть почти равна власти заместителя канцлера; у него же берут две ценные бумаги, необходимые каждому претенденту на поступление в трипос.

При входе в зал кандидаты в *сиу-цай* подвергаются тщательному досмотру: их карманы, обувь, ватные халаты, чернильные камни - все обыскивается, чтобы не пронести заранее подготовленные сочинения или другие вспомогательные средства, помогающие занять выгодную позицию. Когда все они рассаживаются в зале на свои места, калитки, двери, окна и другие входы охраняются и заклеиваются полосками бумаги. Зал заполнен волнующимися участниками, которые расположились в длинных креслах, с карандашами в руках и готовы начать. Раздается тема, и каждый тут же пишет свое сочинение, тщательно отмечая, сколько знаков он стер при его написании, и сдает его в экзаменационную комиссию; на выполнение задания отводится целый день, и сигнальная пушка объявляет час, когда двери распахиваются и студенты могут разойтись. Человек может потерять приобретенную честь *сиу-цай*, если при последующей проверке окажется, что он забросил учебу, поэтому он вынужден продолжать ее, чтобы сохранить свое влияние, даже если он не достигнет следующей степени.^[281]

ЭКЗАМЕН НА ВТОРУЮ СТЕПЕНЬ.

Поскольку первую степень иногда можно получить с помощью влияния и денег, экзамен на вторую, называемую *кю-джин*, или "продвинутые люди", который проводится раз в три года в столицах провинций перед двумя императорскими комиссарами, разделяет кандидатов на студентов и офицеров, хотя все студенты, получившие диплом, ни в коем случае не становятся офицерами. Этот экзамен проводится в одно и то же время во всех восемнадцати

провинциальных столицах, то есть в 9-й, 12-й и 15-й дни восьмой луны, или примерно в середине сентября; во время его проведения город выглядит очень оживленным из-за большого количества родственников и друзей, собравшихся вместе с учениками. На экзамене, кроме императорских комиссаров, присутствуют десять провинциальных чиновников во главе с футаи, которые совместно образуют экзаменационную комиссию и принимают решение о достоинствах сочинений. Число кандидатов, внесенных в списки Кантона в 1828 и 1831 годах, составляло 4 800 человек; в 1832 году их было 6 000, что ближе к обычному числу. В самых крупных провинциях оно достигает 7 000, 8 000 и выше.

ИНТЕРЬЕР КУНГ-ЮЭНА, ИЛИ "ЭКЗАМЕНАЦИОННОГО ЗАЛА", ПЕКИН.

Перед поступлением в *Кунг Юэн* каждый кандидат предоставляет все необходимые доказательства и сведения, дающие право на камеру, и получает билет, в котором указано, какую камеру он должен занять. Он входит в камеру накануне вечером, и его обыскивают, чтобы убедиться, что на его лице нет рукописного сочинения, "бумаги для снятия шкур" или миниатюрного издания классиков. Если что-то подобное обнаруживается, его наказывают кангасом, понижают в первой степени и запрещают снова участвовать в экзамене; его отец и наставник также подвергаются наказанию. Некоторые из сочинений, написанных с этой целью, представляют собой чудеса чистописания и самые совершенные композиции; в одном из них содержалось эссе по каждому предложению из Четырех книг, каждый из листов был покрыт сотнями символов, а бумага была настолько тонкой, что их можно было легко прочитать сквозь нее. Однако эта практика довольно распространена, несмотря на наказания, и один цензор потребовал принять закон, запрещающий печатать маленькие издания и обыскивать книжные лавки на предмет их наличия.

МЕТОД ПРОВЕДЕНИЯ ЭКЗАМЕНА.

Общее устройство экзаменационных залов во всех провинциальных столицах одинаково. Описание зала в Кантоне, приведенное на странице [166](#), является типичным для всех них.

Зал в Пекине, расположенный на восточной стороне, недалеко от обсерватории, содержит десять тысяч камер, и их не всегда хватает для собравшихся. Зал в Фухау столь же велик; каждая камера чуть выше головы человека и открыта только с одной стороны - в ненастные дни в нее проникает больше дождя и ветра, чем это удобно. Заключение в этих тесных камерах настолько утомительно, что часто становится причиной смерти пожилых студентов, которые не в состоянии выдержать усталость, но все равно выходят на арену в надежде наконец-то добиться успеха. Бывали случаи, когда отец, сын и внук одновременно выходили на арену, чтобы побороться за один и тот же приз. Доктор Мартин^[282] обнаружил, что из девяноста девяти успешных претендентов на вторую степень шестнадцать были старше сорока лет, один - шестидесяти двух, а один - восьмидесяти трех. Средний возраст всех участников превышал тридцать лет, а если сравнивать с аналогичной статистикой по третьей степени, то можно ожидать пропорционального увеличения. Неприятность проливной камеры значительно усиливается дымом, возникающим при приготовлении пищи, и жарой. Все услуги предоставляются правительством, но каждый кандидат берет рис и топливо, которые ему необходимы, а также пирожные, чай, свечи, постельные принадлежности и т. д., которые он может себе позволить; никто не может войти с ним. Во время экзамена в корпусе царит оживление, и интерес к нему усиливается до тех пор, пока не будут опубликованы имена успешных учеников. Если студент умирает в своей камере, тело вытаскивают через отверстие в стене корпуса и оставляют там, чтобы друзья унесли его. Если кандидат нарушает какое-либо из предписанных правил конкурса, его имя и проступок сообщаются, и его имя "заклеивают", вывешивая его на внешней двери зала, после чего ему не разрешается входить туда до следующего экзамена. В каждом сезоне таким образом "вычеркивают" более сотни человек, но, похоже, это не наносит им тяжелого позора.

В первый день после опечатывания дверей экзаменаторы выбирают четыре темы из Четырех книг, одна из которых должна быть раскрыта в поэтическом сочинении. Минимальный объем сочинений - сто знаков, они должны быть написаны просто и изящно и присланы без указания имени. В 1828 году в первый день на эти темы упражнялись четыре тысячи восьмьсот кандидатов: "Цэн-цзы говорил: "Обладать способностями и при этом спрашивать тех, у кого их нет; много знать и при этом спрашивать тех, кто мало знает; обладать и при этом казаться не обладающим; быть полным и при этом казаться пустым" - "Он брался за две крайности, а в обращении с людьми придерживался золотой середины". "Человек с юности изучает восемь принципов, а когда достигает зрелости, то желает применить их на практике". Четвертое сочинение, написанное в пентаметрах, имело тему: "Звук весла, зелень холмов и воды". Среди тем, раздававшихся в 1843 году, были такие: "Тот, кто искренен, будет умен, а умный человек будет верен", "В осуществлении благодеяний нет правил". В 1835 году один из них звучал так: "Тот, кто поступает как должно, как с простыми людьми, так и с чиновниками, получает свой доход от Небес, и благодаря этому защищен и высоко почитаем". Среди других более практичных текстов можно назвать следующие: "Огнестрельное оружие началось с использования ракет во времена династии Чау ; в какой книге мы впервые встречаем слово "пушка"? Является ли оборона Кайфун-фу ее первым зафиксированным применением? Говорят, что хан Хубилай получил пушки нового типа; от кого он их получил? Когда императоры династии Мин в правление Юнглоха вторглись в Кочин, они получили пушки, называемые оружием богов; можете ли вы рассказать об их происхождении?"

Три или пять тем (количество, по-видимому, необязательно), выбранных из Пяти классиков, похожи на эти, но поскольку эти произведения считаются более сложными, чем Четыре книги, то и эссеисты должны стараться придерживаться более высокого стиля. Офицер обходит всех и собирает работы, которые сначала передаются ожидающим их ученым, которые просматривают их на предмет соблюдения предписанных правил и отклоняют те,

которые их нарушают. Остальные переписывают красными чернилами, чтобы не распознать почерк, а оригиналы рукописей отдают губернатору. Копии передаются для критики другому классу старых ученых, каждый из которых отмечает красным кружком те сочинения, которые считает лучшими, и только они передаются в руки канцлеров, присланных из Пекина для принятия решения. Экзаменационной комиссии помогают двенадцать авторитетных ученых, каждому из которых дается на прочтение сорок или пятьдесят сочинений. Студенты расходятся в ночь на девятый день и собираются вновь перед рассветом одиннадцатого; всем, чьи сочинения были отвергнуты на первом просмотре, отказывают во входе в свои кельи. На втором трипосе раздаются пять тем из "Пяти классиков", а в отношении распоряжения рукописями все происходит как прежде. Студенты освобождаются рано утром тринадцатого числа, как и прежде, ротами, под салют и музыку, когда они выходят из большой двери; к этому времени их число значительно уменьшилось. На следующее утро проводится перекличка, и тем, кто назвал свои имена для последней борьбы, предлагаются пять тем для сочинений, одна для поэзии, взятых из классики или истории, по сомнительным вопросам управления или таким проблемам, которые могут возникнуть в области права и финансов. Эти вопросы имеют даже более широкий диапазон, включая темы, касающиеся законов, истории, географии и обычаев империи в прежние времена, сомнительных моментов, касающихся классических произведений, и толкования непонятных отрывков, а также биографических справок о государственных деятелях. Запрещено, однако, обсуждать любые вопросы, касающиеся политики нынешней семьи, характера и образованности ныне живущих государственных деятелей; но на поведение их правителей кандидаты время от времени ссылаются. Пособия с вопросами по тем предметам, по которым экзаменуются кандидаты, обычно выставляются на продажу в магазинах ко времени проведения этих экзаменов.^[283] К полудню шестнадцатого дня восьмой луны все кандидаты по всей империи покидают свои залы, и экзамен заканчивается.

ПРИМЕР ЭССЕ.

Манеру обращения с предметами можно легко проиллюстрировать, представив эссе на эту тему: "Когда люди, занимающие высокие посты, искренне выполняют свои родственные и домашние обязанности, народ в целом будет побуждаться к добродетели". Это яркий пример легкомысленного стиля китайских эссеистов и способа рассуждать по кругу, которым проникнуты их сочинения.

"Когда высшие классы действительно добродетельны, простые люди неизбежно становятся таковыми. Ибо, хотя искреннее исполнение относительных обязанностей начальством не проистекает из желания стимулировать народ, народ все же становится добродетельным, что является доказательством действия искренности. Как доброжелательность является радикальным принципом всех правильных правительств в мире, так и доброжелательность является радикальным принципом относительных обязанностей среди людей. Если проследить его истоки, то благожелательное чувство относится к первому родоначальнику; если проследить его истоки вперед, то оно распространяется на сто грядущих поколений. Источник личного существования - родители, отношения, идущие от Неба, наиболее интимны, а то, в чем сливается естественное чувство, ощущается наиболее глубоко. То, что дается Небом и естественным чувством всем, делается без различия между благородными и неблагородными. Одно чувство пронизывает всех. Теперь мои мысли обращены к тому, кто занимает высокое положение и кого можно назвать хорошим человеком. Добряк, занимающий видное положение, должен вести за собой практику добродетели; но путь к этому - начать со своих собственных отношений и исполнять свои обязанности по отношению к ним.

"В средние века античности умы людей еще не были рассеяны - как же получилось, что они не были смиренны и не соблюдали относительных обязанностей, когда их учили принципам пяти социальных отношений? Из этого следует, что просвещение народа должно полностью зависеть от сердечного исполнения непосредственных родственных обязанностей. Человек, занимающий высокое положение, которого можно назвать хорошим человеком, - это тот, кто стоит во главе всех остальных, иллюстрируя своей практикой относительные обязанности. В эпоху, более близкую к нашей, нравы людей были недалеки от покорных; как получилось, что кто-то был непослушен родителям и лишен братской привязанности, и при этом необходимо было сдерживать людей, применяя восемь видов наказания? Это показывает, что в различных способах продвижения по службе в государстве нет ничего более важного, чем сыновние и братские обязанности. Человек, занимающий высокий пост, которого можно назвать хорошим человеком, - это тот, кто являет собой пример исполнения родственных обязанностей.

"Разница между человеком, занимающим высокое положение, и человеком из простого народа заключается в назначенном им управлении, а не в их отношении к Небу; она заключается в различии званий, а не в различии природных чувств; но простые люди постоянно наблюдают за искренним исполнением родственных обязанностей у людей высокого положения. Если человек стоит во главе семьи и следит за порядком среди людей, из которых она состоит, он должен быть искренне внимателен к вежливости и приличиям. Хороший человек, занимающий высокое положение, говорит: "Кто из всех этих людей не родственник мне, и неужели я буду принимать их лишь внешне? Изящные развлечения, аккуратно накрытые столы, бодрящие песни - кто-то считает это просто формой, но хороший человек почитает то, что диктует ему божественное чувство, и относится к нему с истинно благожелательным сердцем. И кто из простых людей не испытывает доли радости, возникающей от отцов, братьев и родственников? Разве эта радость полностью принадлежит принцам и королям?

"В милостях, оказываемых в знак благосклонности государя, должна быть искренность. Добрый человек говорит: "Разве все эти люди не те, кого я люблю, и разве я просто обогащаю их щедротами? Он дает ветвь как скипетр власти нежному младшему брату, а другому дарит царство со своими лучшими наставлениями. Кто-то считает это просто необыкновенной удачей, но добрый человек полагает, что это проявление добродетели первого порядка и невыразимой благожелательности. Но неужели простые люди не заботятся ни о роднике, из которого течет вода, ни о корне, дающем жизнь дереву и его ветвям? Неужели они не заботятся о своих сородичах? Необходимо и осуждать, и побуждать их к проявлению этих чувств. Добрый человек, занимающий высокое положение, искренне исполняет свои обязанности, потому что это добродетель, а не из-за простых людей. Но люди, не зная, откуда исходит импульс, с радостью и восторгом побуждаются действовать с усердием в этой карьере добродетели; нравственная дистилляция происходит быстро, и происходят огромные перемены.

"Ранг людей очень различен; некоторые занимают императорский трон, но каждый в равной степени желает сделать все возможное, чтобы выполнить свой долг; и успех зависит от каждого человека в отдельности. Высшие классы начинают и наливают вино в богатый кубок; бедняк сеет зерно, чтобы содержать своих родителей; люди, занимающие высокие посты, берут серебряную чашу, бедняки подносят голубя; они побуждают друг друга к неустанным бодрым усилиям, и принципы, заложенные Небом, приводят их в действие. Некоторые вещи трудно сделать, кроме тех, кто обладает славой национального правления; но доброе чувство - это то, чем обладаю я сам, и оно может возрасти до неограниченной

степени. Принц может писать стихи, подходящие к его виноградной беседке; бедняк может думать о своем приюте из тыквы; принц может петь свои классические оды о братских чувствах; бедняк может размышлять над своими более простыми намеками на ту же тему, и спать или бодрствовать, предаваясь воспоминаниям; ибо это чувство заложено в его природе. Когда в народе пробудятся относительные добродетели, они будут искренними; ибо где есть хоть один простой народ, который не желал бы исполнять относительные обязанности? Но если бы высшие классы не выполняли относительных обязанностей, это добродетельное желание не имело бы точки отсчета, и поэтому сказано: "Добрые люди на высоких постах, как генерал во главе своих армий, поведут мир к практике социальных добродетелей".

Дисциплина ума и памяти, которую вызывают эти экзамены, обеспечивает такой уровень интеллекта, который нуждается только в трении и опыте общественной жизни, чтобы сделать государственных деятелей из ученых, и в значительной степени объясняет влияние китайцев в Азии. Книги, изучаемые при подготовке к таким испытаниям, должны быть запомнены с необычайной точностью, хотя мы могли бы пожелать, чтобы они содержали больше правды и лучшей науки. Среди вопросов, предложенных в 1853 году, есть следующие, которые следует принять за средние: "При династии Хань было три комментатора Царя И, чьи объяснения, разделение на главы и предложения были разными: можете ли вы дать о них отчет?" - "Сзяма Циен брал классиков и древние записи, располагая свою историю в соответствии с фактами; некоторые обвиняли его в том, что он чрезмерно возвеличивает даосов и слишком высоко думает о богатстве и власти. Пань Ку ясен и всеобъемлющ, но об астрономии и пяти элементах он написал более чем достаточно. Приведите примеры и доказательства этих двух утверждений." - "Чин Шао обладал восхитительными способностями к историческим сочинениям. В своей книге "Сан Квох Чи" он обесценил Чу-Кох Ляна и очень легкомысленно отозвался о Ё и Ё, двух других знаменитых персонажах. Что он говорит о них?" Подобные вопросы предполагают широкий круг чтения в рамках родной литературы, хотя, конечно, заставляют рассматривать эту литературу как содержащую все, что стоит в мире.

НЕЛЕГКИЙ ТРУД ЭКЗАМЕНАТОРОВ.

Двадцать пять дней отводится экзаменационной комиссии на принятие решения по сочинениям; и мало найдется задач, более утомительных для комиссии честных экзаменаторов, чем просмотр от пятидесяти до семидесяти пяти тысяч работ по дюжине предметов, через которые обязательно должно проходить однообразие, и из которых они должны выбрать семьдесят или восемьдесят лучших - количество успешных кандидатов не может сильно отличаться от этого, в зависимости от размера провинции. Экзаменаторам, как уже было описано, помогают литераторы в просеивании этой массы бумаг, что освобождает их от большей части работы и обеспечивает лучшее решение. Если число студентов составляет пять тысяч, и каждый пишет тринадцать сочинений, то всего будет шестьдесят пять тысяч работ, что дает двести шестьдесят сочинений для каждого из десяти экзаменаторов. С помощью ассистентов, которым доверена их проверка, большинство сочинений получает прочтение, несомненно, у какого-нибудь квалифицированного ученого. Поэтому не обходится и без отбора, так что, когда в конце концов члены комиссии выбирают три рулона сочинений и стихотворений из каждой сессии, принадлежащие одному и тому же ученому, чтобы вынести окончательный приговор, компания кандидатов, способных добиться успеха, уменьшается настолько же, насколько уменьшились те, кто в воинстве Гедееона нахлебался воды. Один из членов экзаменационной комиссии в 1832 году, который

пытался взбодрить свои нервы или очистить интеллект для выполнения задачи с помощью трубки опиума, заснул, а проснувшись, обнаружил, что многие эссе загорелись и были уничтожены. Обычно предполагается, что сотни из них остались непрочитанными, но волнение по этому поводу и боязнь экзаменационной комиссии вызвать раздражение у студентов служат защитой от грубых упущений. Очень незначительных ошибок достаточно, чтобы осудить сочинение, особенно если экзаменаторы не были настроены благожелательно к нему относиться. Раздел LII. кодекса регулирует поведение экзаменаторов, но наказания незначительны. Один из кандидатов, чье сочинение было осуждено без прочтения, напечатал его, что привело к наказанию экзаменатора, деградации выпускника и изданию закона, запрещающего такой способ обращения к публике. Другое сочинение было отклонено из-за того, что автор сократил один символ.

Когда имена удачливых борцов становятся известны, их оглашает глашатай в полночь, в десятую часть девятой луны или раньше; в Кантоне он поднимается на самую высокую башню и после салюта оглашает их ожидающему городу; на следующее утро списки счастливых расклеиваются по улицам, и быстро рассылаются во все части провинции. Прокламация, содержащая их имена, вывешивается на кабинете губернатора под салют из трех пушек; его превосходительство выходит, трижды кланяется именам *награжденных* и удаляется под другой салют. Разочарованная толпа должна радоваться успеху немногих и утешать себя надеждой на лучшую удачу в следующий раз; в то время как удачливые получают почести и пиршество в весьма знатной манере и становятся объектами лестного внимания всего города. В назначенный день губернаторы, комиссары и высшие провинциальные чиновники устраивают банкет во дворце футаи; низшие чиновники присутствуют в качестве слуг, а два парня, причудливо одетые и держащие в руках благоухающие ветви оливы (*Olea fragrans*), украшают сцену этим символом литературных достижений. Число А.М., лиценциатов, или *кю-джинов*, которые раз в три года получают свои ученые степени в империи, превышает тринадцать сотен: расходы правительства на проведение экзаменов различными способами, включая подарки, вручаемые выпускникам, вряд ли могут быть меньше трети миллиона таэлей. Кроме трехгодичных экзаменов, каждые десять лет проводятся специальные, а также по особым случаям, таким как победа, новое царствование или императорский брак. Один из них был проведен в 1835 году, поскольку вдовствующая императрица достигла шестидесятилетнего возраста.

ЭКЗАМЕНЫ НА ТРЕТЬЮ И ЧЕТВЕРТУЮ СТЕПЕНЬ.

Третья степень *цин-цзи*, "введенных ученых", или докторов, присуждается в Пекине раз в три года успешным лиценциатам, претендующим на нее, и только те из *кю-цзинов*, кто еще не занял должность, имеют право быть кандидатами. По ходатайству в провинциальное казначейство им полагается часть расходов на проезд до суда, но, несомненно, требуется определенный интерес, чтобы получить эту сумму, так как многие бедные ученые задерживаются на столичном экзамене или вынуждены просить или занимать, чтобы добраться до него. Процедура на этом испытании та же, что и в провинции, но экзаменаторы более высокого ранга; темы берутся из тех же произведений, а сочинения представляют собой не что иное, как повторение одного и того же хода мыслей и аргументов. После присуждения степеней всем, кого сочтут достойными, а их каждый раз бывает от ста пятидесяти до четырехсот, доктора представляются императору, и оказывают ему почтение, причем трое самых высоких получают от него награды. На этом экзамене кандидаты, вместо того чтобы получить повышение, иногда понижаются в звании за некомпетентность, и им запрещается появляться на нем снова. Все выпускники заносятся в список кандидатов на повышение, составляемый Советом гражданской канцелярии, для назначения на первую

вакансию; большинство из них действительно так или иначе вступают в официальную жизнь, примыкая к высокопоставленным лицам или устраиваясь на работу в те или иные столичные департаменты. Известен случай, когда студент получил все степени за девять месяцев; некоторые становятся *ханьлинами* еще до вступления в должность. Другие пытаются снова и снова, пока седина не заставит их уйти в отставку. В Академии, Цензorate и Коллегиях есть множество подчиненных должностей, которые, кажется, были созданы почти для того, чтобы на них работали выпускники, чьи успехи дают им право на частичное участие в жизни страны. Император иногда отбирает умных выпускников для подготовки работ для правительства или назначает их в специальные литературные комиссии; [284] легко понять, что от бюрократии требуется не малый адрес в управлении и умиротворении такой толпы дисциплинированных активных умов, и только многолетний опыт многих поколений выпускников может быть достаточным для поддержания системы в таком бодром состоянии, как сейчас.

Четвертая и высшая степень *ханьлиня* - это скорее должность, чем степень, так как достигшие ее зачисляются в члены Императорской академии и получают жалованье. Экзамен на это звание проводится раз в три года во дворце императора и во многом повторяет все предыдущие, хотя, будучи в присутствии самых высоких особ империи, превосходит их по почету. [285] Маньчжуры и монголы соревнуются на этих испытаниях с китайцами, но многие факты показывают, что первые, как правило, получают предпочтение за счет вторых; большая доля мужчин, принадлежащих к этим расам, занимающих высокие должности, указывает на то, кто является правителями страны. Все кандидаты проходят проверку в Пекине; известен случай, когда китаец выдал себя за маньчжура, но потом признался в диссимуляции; из-за его оплошности был судим начальник отдела. Правительство исповедует политику препятствования литературным занятиям среди них, чтобы сохранить древнюю энергию расы; но там, где реальная власть находится в руках гражданских лиц, невозможно помешать столь мощному компоненту населения конкурировать с другими за обладание ею.

КОНКУРСНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ.

Нынешняя династия ввела экзамены и градации в войсках по тем же принципам, что и в гражданской службе; ничто так разительно не доказывает силу литературных занятий в Китае, как эта тщетная попытка согласовать с ними профессию военного во всех ее отраслях. Однако их враги были не лучше дисциплинированы и оснащены, чем они сами. Кандидаты на получение первой степени представляются районному магистрату с соответствующими свидетельствами и бумагами. В определенные дни они собираются на парадных площадках и демонстрируют свое мастерство в стрельбе из лука (пешком и в седле), в обращении с мечом и поднятии тяжестей, выпущенных для проверки мускулатуры. После этого успешные мужчины собираются перед префектом, а на третьем испытании - перед литературным канцлером, который на последнем трипосе проверяет их литературные способности, прежде чем присвоить им степень *сиу-цай*. Число успешных военных *сиу-цай* такое же, как и литературных. Трижды в год они созываются губернатором в столице провинции, чтобы пройти дальнейший экзамен на *кю-дзин* в четырех последовательных испытаниях одного и того же характера. Обычно это большие торжественные дни, и три или четыре десятка молодых воинов, занявших призовые места на этих турнирах, получают почести и степени во многом в том же стиле, что и их литературные соратники. Испытания на высшую степень проводятся в Пекине, и длительные усилия на этой службе обычно приносят молодым людям должности в телохранителях губернаторов или штабные назначения. Сорок девять успешных кандидатов из нескольких тысяч на трехгодичном экзамене на звание *кю-джин* в Кантоне в

ноябре 1832 года шесть раз подряд попали в цель пешком и шесть раз верхом; один раз стрелой они попали в шар, лежащий на земле, когда проносились мимо него галопом; все были первоклассными в обращении с боевым топором с железной рукояткой и в поднятии бревна, нагруженного камнями. Все кандидаты - люди состоятельные, сами находят себе лошадей, платье, оружие и т. д.; они красиво одеты, лошади, упряжь и амуниция в полном порядке - стрелы без колючек, чтобы избежать несчастных случаев. По словам одного из наблюдателей, "метки, по которым они стреляли, покрытые белой бумагой, были высотой с человека и несколько шире, расставлены с интервалом в пятьдесят ярдов; задача состояла в том, чтобы последовательно поразить эти метки тремя стрелами, причем лошади шли на полной скорости. Хотя в яблочко попадали не всегда, мишень никогда не промахивалась: расстояние не превышало пятнадцати-двадцати футов".[286]

Поскольку военные награды так сильно зависят от личного мастерства, это может частично объяснить более низкий ранг выпускников по сравнению с гражданскими лицами. От них не требуется никаких знаний в области тактики, артиллерии, инженерного дела, фортификации или даже письма в целом; это объясняет неэффективность армии и низкую оценку ее офицеров. Сэр Дж. Дэвис упоминает одного офицера огромного роста и силы, которого он видел на корабле "Пэй-хо" и который недавно получил повышение за свою личную доблесть; он также говорит о другом, прикомандированном к караулу на одном из судов, который был настолько глупым парнем, что никто из гражданских не хотел с ним связываться.[287] Все сословия, имеющие право на гражданское повышение, могут быть зачислены в списки на получение военных наград; император присутствует на экзамене для высших и присуждает награды, например, фуражку, украшенную павлиньим пером; но никакая система наград или экзаменов не может восполнить недостаток знаний и храбрости. Военные отличия, не слишком востребованные народом и дающие лишь небольшое вознаграждение или власть, не стоят так высоко в общественной оценке, как хотелось бы нынешнему правительству. Отбор офицеров на военно-морскую службу производится из сухопутных войск, и человек считается столь же пригодным для этой службы после своих подвигов в стрельбе из лука, как если бы испытания заключались в плавании на яхте или управлении верфями.

НАБЛЮДЕНИЯ ЗА СИСТЕМОЙ.

Такова система экзаменов, с помощью которой обеспечивается гражданская и военная служба китайского правительства, и единственная часть их системы, не имеющая аналогов в той или иной великой монархии прошлого или настоящего времени; хотя ее аналог, возможно, существовал и в Древнем Египте. "Это единственное из их изобретений", как было замечено, "которое, возможно, стоит сохранить, и которое не было принято другими странами и доведено до большего совершенства, чем то, на которое они были способны". Но такая система была бы излишней в просвещенной христианской стране, где люди, преследующие учебу ради нее самой, способны и готовы стать настолько образованными, насколько пожелают их правители, без всяких побуждений. Они также не будут подчиняться путам и обману, сопутствующим конкуренции за должности; самые способные политики отнюдь не встречаются среди самых образованных ученых. Честь и власть официального положения оказались достаточным стимулом и наградой за годы терпеливой учебы. Ни один из выпускников не получает должность, ни один из ста конкурентов не получает степень; но все они принадлежат к литературному классу и разделяют его влияние, достоинство и привилегии. Более того, благодаря этим книгам не только те, кто получает премии, хорошо знакомы с истинными принципами, на которых должна строиться власть, но и вся нация - дворяне и простолюдины - также знают их. Эти безработные *литераторы* образуют мощный средний класс, представители которого консультируют рабочий люд, не имеющий времени

на учебу, и помогают своим правителям в управлении местными делами. Их интеллект позволяет им контролировать большую часть собственности, но лишь немногие из них приобретают такое богатство, которое дает им возможность угнетать. Они формируют общественное мнение страны, то управляя им, то подавляя его; попеременно принимают или сопротивляются новым влияниям, а иногда успешно препятствуют действиям чиновников, когда права народа находятся под угрозой посягательства; в другое время объединяются с властями, чтобы подавить анархию или облегчить страдания.

Это сословие не имеет знаков отличия, оно открыто для каждого человека с самыми высокими талантами и усилиями, но его полная нейтрализация наследственных прав, которые рано или поздно привели бы к появлению привилегированной олигархии и помещичьей или феодальной аристократии, доказывает его жизнеутверждающее, демократическое влияние. Она спасла китайский народ от повторного распада на многочисленные царства благодаря силе обучения политическим правам и обязанностям, преподанным в классиках и их комментариях. Хотя эта система ставила всех в равные условия, человеческая природа, как мы знаем, не имеет такого равенства. В начале своего существования она, вероятно, встретила всеобщую поддержку со стороны всех классов, поскольку соответствовала времени, и вскоре сопротивление множества подающих надежды студентов против ее отмены и последующего разочарования в своей жизненной работе способствовало ее сохранению. Как и сейчас, талант, богатство, образованность, влияние, отцовский ранг, интриги - все имеют полную возможность приложить максимум усилий для получения призов. Если бы эти призы принадлежали на правах аренды, столь же скользкой, как в настоящее время в Американской республике, или их можно было бы получить только путем опроса населения, система, несомненно, потерпела бы крах, поскольку "игра не стоила бы свеч". Но в Китае трон придает правительству характер постоянства, который противостоит всем дезорганизующим тенденциям, и заставляет каждого, кто занимает свой пост, быть заинтересованным в укреплении власти, которая его ему дала. Эта лояльность была замечательно продемонстрирована во время недавнего восстания, в котором за восемнадцать лет ужасной бойни и разрушений ни один императорский чиновник добровольно не присоединился к тайпинам, в то время как сотни погибли, сопротивляясь им.

Здесь нет места для дальнейших выдержек из классики, которые бы в достаточной мере показали их характер. Они докажут, что китайскую молодежь, как и молодежь христианских стран, учат более высоким стандартам поведения, чем те, которым они следуют. Однако первые обучаются по самым лучшим нравственным книгам, которые только может предложить язык; если бы Притчи Соломона и Новый Завет изучались в наших школах так же тщательно, как Четыре книги в Китае, наши молодые люди были бы лучше приспособлены к тому, чтобы играть свою роль в качестве хороших и полезных граждан.

Таким образом, литературные занятия превалировали над военными, и ни один беспринципный Цезарь или Наполеон не смог использовать армию для собственного обогащения. Китайская армия презренна, конечно, если сравнивать ее с армией западных стран, и ее использование скорее напоминает полицию, чья сила защиты или угнетения проявляется в зависимости от темперамента тех, кто ее использует. Но в Китае армия не использовалась, как это делали те великие капитаны, для разрушения институтов, на которые она опирается; хотя ее слабость и отсутствие дисциплины часто делают ее большим злом, чем благом для народа. Но если бы армия стала сильной и эффективной, она, несомненно, превратилась бы в ужас в руках амбициозных монархов, истощила бы ресурсы страны, возможно, стала бы угрозой для других народов или, наконец, погубила бы свой

собственный. В молодости чиновников учили, что нужно уважать в своих правителях; и теперь, когда они занимают эти должности, они узнают, что благоразумные, честные судьи получают вознаграждение и продвижение по службе, а опыт показывает им, что мир и бережливость - это цель и доказательство хорошего правительства, а также лучшая проверка их собственной пригодности к должности.

РАЗЛИЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЛЯ ЗЕМЛИ И ЛЮДЕЙ.

Еще одним заметным результатом республиканского метода привлечения к власти наиболее образованных людей является отсутствие среди населения какого-либо класса рабов или крепостных. Рабство существует в модифицированной форме телесного залога за долг, и тысячи людей по тем или иным причинам остаются в этом крепостном состоянии на всю жизнь. Но уничтожение феодального баронства влечет за собой исчезновение его коррелята - класса холопов - и угнетение бедных должников, как это было в Риме при консулах. В конкурс могут попасть только свободные люди, но процент рабов слишком мал, чтобы повлиять на общее количество. Этой причине, возможно, в значительной степени можно приписать и отсутствие чего-либо похожего на касты, которые так плохо сказываются в Индии.

Эту систему невозможно пересадить; она соответствует гению китайцев, и они уже вполне удовлетворены ее работой. Ее очищение принесет большую пользу, несомненно, если масса людей останется в своем нынешнем невежестве, но их возвышение в знаниях в скором времени произведет революцию во всем мире. Не может быть никаких сомнений в том, что при всех своих недостатках она принесла важные и полезные результаты, увековечив и укрепив систему правительства и обеспечив народ более справедливым и энергичным органом магистратуры, чем тот, который он мог бы получить любым другим способом. Оно предлагает почетную карьеру самым амбициозным, талантливым или буйным духам страны, которая требует всех их сил; и к тому времени, когда они вступают в должность, эти стремления и силы уже выработаны и переработаны в полезную службу, и в дальнейшем они всегда посвящены поддержанию системы, которую они могли бы разрушить в противном случае. Большинство реальных преимуществ китайского образования и этой системы экзаменов достигается еще до присвоения степени *кю-джин*. Они состоят в том, чтобы привить народу всеобщее уважение и вкус к литературе; привлечь внимание правителей к истинным талантам страны на почетном пути усилий; сделать всех людей настолько хорошо знакомыми с лучшими нравственными книгами на языке, что они не могут не проявлять некоторую спасительную сдержанность; поднять общий уровень образования настолько, что каждый человек почти вынужден дать своему сыну немного образования, чтобы он мог устроиться в жизни; и, наконец, благодаря всем этим влияниям, мощно содействовать поддержанию существующих институтов империи.

Благодаря глубокому знакомству с трудами лучших умов Китая, китайская молодежь усваивает принципы демократического правления в противовес личной власти; и благодаря этому обучению ни один монарх никогда не мог использовать постоянную армию для порабощения народа или захвата доходов от его промышленности в своих корыстных целях. Ничто в китайской политике не заслуживает большего внимания, чем безграничное почитание императора, в то время как каждый человек сопротивляется несправедливому налогообложению и присоединяется к убийству или изгнанию деспотичных чиновников. Образованные люди составляют единственную аристократию в стране, и получение первой степени, вводящей ее обладателя в класс *дворянства*, считается достаточной компенсацией за все расходы и обучение, потраченные на ее получение. В целом можно с уверенностью утверждать, что эти экзамены сделали больше для поддержания

стабильности и объяснения продолжения существования китайского правительства, чем любая другая причина.

ЕГО ПРАКТИЧЕСКИХ НЕДОСТАТКОВ И КОРРУПЦИИ.

Основные дефекты и ошибки в системе могут быть вскоре показаны. Некоторые из них являются неотъемлемыми, но другие скорее доказывают плохость материала, чем системы и ее гармоничной работы. Одним из главных препятствий на пути выпускников к должности в соответствии с их заслугами является благосклонность к тем, кто может купить номинальные и реальные почести. Два цензора в 1822 году представили Его Величеству документ, в котором показано зло, связанное с продажей должностей, а именно: возведение священников, разбойников, купцов и других недостойных или необразованных людей на ответственные должности и создание непреодолимых трудностей на пути трудолюбивых, достойных студентов к награде за их труды. Они утверждают, что план продажи должностей возник во времена династии Хань, но говорят о большем позоре, сопутствующем этому плану в настоящее время, поскольку все доходы идут в частный кошелек, а не на государственную службу; поэтому они рекомендуют сократить расходы императорского учреждения. Среди статей расходов, упомянутых этим восточным Джоозефом Хьюмсом, которые они считают экстравагантными, - лак таэлей (100 000) на цветы и румяна в серале и 120 000 на жалование официантам; два лака было потрачено на сады в Юэньмине и почти полмиллиона таэлей на парки в Джехо, а жалование офицерам и подарки женщинам в Юэньмине составили более четырех лаков. "Если бы эти несколько статей расходов были упразднены, - добавляют они, - то можно было бы сэкономить более миллиона таэлей бесполезных расходов; таланты могли бы быть направлены на службу стране, а народное богатство было бы обеспечено".

Вследствие широкой продажи должностей, по их данным, более пяти тысяч докторов *цин-шз* и более двадцати семи тысяч лицензиатов *кю-джин* ожидают работы; и те, кто стоит первыми в списке, получили свои степени тридцать лет назад, так что есть вероятность, что, когда их наконец возьмут на работу, они будут слишком старыми для службы и будут объявлены сверхсрочными при первой же проверке служебных заслуг и недостатков. Правила, которые необходимо соблюдать на регулярных экзаменах, строги, но покупателям должностей не задают никаких вопросов, и они приступают к своим обязанностям сразу после выплаты денег. Цензоры приводят три случая продажи, общая выручка от которых составила четверть миллиона таэлей, и утверждают, что весь доход из этого источника за двадцать лет составил всего несколько лаков. В доказательство плохих результатов плана приводятся примеры вопиющего поведения этих гордых кошельком магистратов. "Так, священник Сианг Ян, которому было запрещено занимать должность, купил себе ее; интендант в Нинпо, будучи конным разбойником, купил себе должность; кроме того, были и другие люди самого низкого происхождения. Но корыстолюбие и жестокость этих людей называют чистотой и умом; они выносят суровые наказания, от которых народ приходит в ужас, а их начальники указывают на них как на обладателей решения: вот наши способные офицеры!"

Обличив общую практику "всех чиновников, от генерал-губернаторов до сельских магистратов, объединяющихся для достижения своих целей путем сокрытия правды от государя" и указав, в частности, на злоупотребления премьера Тохцина, они завершают свою статью заявлением о своей честности. "Если Ваше Величество сочтет правильным то, что мы сейчас изложили, и будет действовать в соответствии с этим в правительстве, Вы осуществите замыслы душ Ваших святых предков; и армия, и нация, и бедный народ будут иметь повод для радости сердца. Если мы подвергнемся действию топора или погибнем в кипящем котле, мы не откажемся от этого".

Эти цензоры оценивают доходы от "пуговичной ленты" как слишком низкие, поскольку в 1826 году продажа принесла около шести миллионов таэлей и продолжалась с перерывами в течение трех последующих лет. В 1831 году один из сыновей Хаукуа получил титул *кю-джина* по патенту за то, что подписался на ремонт дамб в окрестностях Кантона на сумму около пятидесяти тысяч долларов; другому был присвоен ранг и титул "директора соляной монополии" за лак таэлей на войну в Туркестане. Ни один из этих людей никогда не занимал никакой властной должности и, вероятно, не рассчитывал на нее; и так может быть со многими из тех, кто довольствуется титулами и пуговицами, перьями и мантиями, которые приобретаются на их деньги. Продажа должностей скорее принимается как государственная необходимость, которая не обязательно приводит тиранов на скамью подсудимых; но когда, как это было в 1863 году, Пейчинг, глава экзаменационной комиссии в Пекине, мошеннически выдал два или три диплома, его казнь оправдала закон и предотвратила подобное вмешательство в жизненные пружины системы. При нынешней династии военные часто назначались в магистратуры, а исполнение их обязанностей поручалось нуждающимся ученым, что еще больше отвращало и отвращает последних от литературного поприща.

Сам язык китайцев, который на протяжении веков помогал сохранять их институты и укреплять национальную однородность среди стольких местных разновидностей речи, теперь скорее мешает их прогрессу, и на него можно указать как на еще одну прискорбную особенность, которая заражает эту систему образования и экзаменов; ведь невозможно, чтобы туземец написал трактат по грамматике другого языка на своем родном языке, с помощью которого другой китаец мог бы без посторонней помощи научиться говорить на этом языке. Поэтому у этого народа нет готовых средств для изучения лучших мыслей иностранных умов. Таким образом, невежество первых ученых в отношении других рас, эпох и земель стало их несчастьем в гораздо большей степени, чем их виной, и они страдают от бед, связанных с их изоляцией. Одним из них было полное незнание того, что могло бы принести долговременную пользу в результате изучения внешних концепций морали, науки и политики. Поскольку ни география, ни естественная история, ни математика, ни история или языки других стран не входят в учебную программу, эти люди, обученные только классике, естественно, выросли с искаженным представлением о своей стране. Чиновники пропитаны самомнением, невежеством и высокомерием в отношении своей мощи, ресурсов и сравнительного влияния и оказываются беспомощными при столкновении с большим мастерством или силой. Однако эти недостатки, как бы велики они ни были, в основном естественным образом вытекают из их уединенного положения и быстро уступают новым влияниям, которые действуют на правительство и народ. Для того, кто созерцает эту поразительную метаморфозу, самым главным желанием должно быть то, чтобы эти причины не разрушили их древнюю экономику слишком быстро для восстановления и сохранения всего, что в ней есть хорошего.

ПРОДАЖА УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ И ПОДДЕЛЬНЫХ ДИПЛОМОВ.

Еще одно зло - подкуп, практикуемый для получения ученых степеней. По определенным знакам на сочинениях экзаменатор может легко выбрать тех, кого он должен одобрить; 8 000 долларов - такова цена степени бакалавра в Кантоне, но эта сумма по карману немногим из шести тысяч кандидатов. Бедные ученые продают свои услуги богатым, и за определенную цену входят в экзаменационный зал и выдают себя за своего работодателя, рискуя и наказывая себя позорным разоблачением в случае обнаружения; за меньшую сумму они обучают их перед экзаменом или полностью пишут сочинения, которые богатый олух должен запомнить. Покупка поддельных дипломов - еще один способ получения почестей

выпускника, который, судя по некоторым открытиям, сделанным в Пекине, практикуется так широко, что, если принять во внимание это и другие виды коррупции, удивительно, что любой человек может быть настолько усерден в учебе или уверен в своих способностях, чтобы думать, что он может получить должность только с их помощью". В 1830 году в "Бюллетене" были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что один из низших чиновников при содействии некоторых клерков Налогового совета во время последовательного руководства двадцатью президентами Совета продал двадцать тысяч четыреста девятнадцать поддельных дипломов; а в провинции Нганхуи писари из канцелярии при Налоговом совете занимались той же практикой в течение четырех лет, и сорок шесть человек в этой провинции были осуждены за обладание ими. Все главные преступники, осужденные в это время, были приговорены к обезглавливанию, но этих случаев достаточно, чтобы показать, что настоящие таланты страны не часто попадают в кресло магистрата без помощи денег; и вряд ли рассказы о таких преступлениях часто появляются в "Газете". Литературные канцлеры также продают степени бакалавров, исключая достойных бедных ученых; в 1828 году специальная комиссия обыскала кабинет *хиохчинга* Киангси, и в нем нашли четыре лака таэлей; он повесился, чтобы избежать дальнейшего наказания, как и тот же сановник в Кантоне в 1833 году, как предполагалось, по аналогичной причине. Несомненно, именно таким образом незаконно нажитое имущество большинства офицеров возвращается в общий оборот.

Несмотря на эти поразительные пороки, которые, кажется, затрагивают принцип, на котором зиждется гармония и эффективность всего государственного механизма, нельзя отрицать, судя по результатам, что высшие офицеры китайского правительства действительно обладают весьма приличным уровнем таланта и знаний и управляют громоздкой машиной с той степенью честности, патриотизма, промышленности и хорошего порядка, которая показывает, что ведущие умы в ней хорошо подобраны. Человек, изначально получивший свой чин по поддельному диплому или путем прямой покупки, не может надеяться подняться или сохранить даже свое первое положение, не обладая определенными знаниями и частями. Один из трех комиссаров, которых Кийинг привлек к себе на переговоры с американским министром в 1844 году, был внештатным *чигинем* с непривлекательной внешностью, который с трудом мог написать обычный документ, но было легко заметить, как низко ценили этого невежду. Поэтому можно сделать справедливый вывод, что разыгрывается достаточно крупных призов, чтобы побудить следующие поколения ученых бороться за них и таким образом поддерживать литературный дух народа. На этих экзаменах высшие умы страны собираются в больших количествах, таким образом, они узнают мнения друг друга и могут противостоять официальным притеснениям, имея нечто похожее на общественное мнение. В Пекине стечение нескольких тысяч человек из самых отдаленных провинций, которые соревнуются или помогают в проведении трехлетних экзаменов, оказывает большое и здоровое влияние на их правителей и на них самих. Ничего подобного не наблюдалось ни в одном другом мегаполисе.

ВЛИЯНИЕ И УВАЖЕНИЕ, КОТОРЫЕ ПОЛУЧАЮТ БАКАЛАВРЫ.

При оценке вознаграждения за усердную учебу, независимо от того, получит ли студент диплом или нет, следует также учитывать возможность пользоваться властью и влиянием в родной деревне; и это местное соображение - самая распространенная награда, сопутствующая жизни ученого. В тех деревнях, где нет специально назначенного правительственного чиновника, такие люди почти наверняка становятся старостами и самыми влиятельными людьми в том самом месте, где китаец любит выделяться. Выпускникам также разрешается устанавливать флагштоки или вывешивать над дверью

своего дома красную табличку с указанием полученной степени, что является одновременно безобидной и приятной наградой за учебу, подобно тому, как в других странах к именам их владельцев добавляют *Cantab.* или *Oxon.*, D.D. или LL.D.

Судьба неудачливых кандидатов складывается по-разному. Тысячи из них устраиваются на работу школьными учителями, мелочными нотариусами и клерками в государственных учреждениях, а те, кто разбогател, возвращаются в свои семьи. Некоторые доходят до нищеты и, чтобы заработать на жизнь, прибегают к медицине, гаданию, написанию писем и другим подобным занятиям. Многие обращают свое внимание на изучение способов составления актов и форм, используемых в сделках с имуществом; другие помогают военным в их обязанностях, а некоторые становятся писателями и, так или иначе, пытаются применить свои знания на практике.

В период экзаменов, когда студенты собираются в столице, представители власти стараются не раздражать их наказаниями и не оскорблять их *чувство собственного достоинства*, а, наоборот, наставлениями и предупреждениями побуждают их подавать хороший пример. От личной репутации самого офицера во многом зависит, какое влияние он окажет на студентов и прислушаются ли они к его *предостережениям*. Один из экзаменаторов в Чехкианге, раздраженный дерзостью холостяка, который полагал, что не подвергнется телесному наказанию, выкрутил ему уши, чтобы научить лучшим манерам; вскоре после этого студент и двое других таких же студентов были обвинены тем же магистратом в клевете, и один из них получил сорок ударов по ладоням. На последующий экзамен десять *сиу-цай*, возмущенные таким недозволенным обращением, отказались явиться, а все кандидаты, увидев, кто будет председательствовать, тут же разбежались. В своем мемориале по этому поводу генерал-губернатор рекомендует как этого офицера, так и другого, который много говорил об этом деле и произвел большое впечатление на общественное мнение, разжаловать, а холостяков лишить их почестей. Магистрат Хонана, наказав студента двадцатью ударами, собравшиеся студенты встали, бросили на землю свои шапки и ушли, оставив его одного. Префект Кантона в 1842 году, став несносным для горожан из-за роли, которую он принял в выкупе города, когда был окружен британскими войсками, студенты отказались принимать его в качестве экзаменатора, а когда он появился в зале, чтобы занять свое место, выгнали его из комнаты, бросая в него чернильные камни; вскоре после этого он сложил с себя полномочия. Возможно, *сиу-цай* более нетерпеливы, чем *кю-дзины*, потому что лучше знакомы друг с другом и экзаменуются местными офицерами, в то время как *кю-дзины* потрясены рангом комиссаров и, прибыв из отдаленных частей большой провинции, не имеют взаимной симпатии или знакомства. Экзаменационные комиссии, однако, стараются не вызывать недовольства у выпускников.

Итак, мы увидели, в том, что по необходимости было несколько беглым *резюме*, управление и масштабы учреждения, которое открыло путь к рангу для всех, обучая кандидатов тому, как поддерживать принципы свободы и равенства, которым они научились у своих часто цитируемых "древних". Все, что нужно этим институтам для обеспечения и содействия высшему благосостоянию народа, как они сами утверждают, - это их верное исполнение в каждом департаменте правительства; как мы видим, нет более убедительного доказательства их замечательной мудрости, чем общий порядок и мир в стране. Когда человек видит несправедливость и притеснения в судах, вражду и смертельные схватки между кланами, распространенность лжи, невежества и загрязнения среди простолюдинов, а также беспринципную борьбу за жизнь, происходящую во всех сферах жизни, он удивляется, что всеобщая анархия не разрушает всю машину. Но "власть предрешающие предначертаны Богом". Китайцы, похоже, достигли великих целей человеческого правления

настолько, насколько это возможно для человека без знания божественного откровения. Это откровение в его великих истинах, наградах, надеждах и стимулах к добрым поступкам им еще предстоит получить. Ход и результаты борьбы между новым и старым в земле Синима составят замечательную главу в истории человечества.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КИТАЕ.

Что касается женского образования, то необычной аномалией среди китайских писателей является то, что в то время как они делают большой акцент на материнском воспитании и формировании младенческого ума и ведут его к совершенству, ни один из них не обратил своего внимания на подготовку книг для девочек и создание женских школ. Отсутствие последних объясняется состоянием общества, среди которых, конечно же, следует выделить низкое положение женщины в каждом восточном сообществе и общее презрение к способностям женского ума. Кроме того, невозможно найти много квалифицированных школьных учительниц, и к этому следует добавить опасность отправлять девочек одних на улицу, где они рискуют быть украденными. Главный стимул для мальчиков к учебе - надежда и перспектива получить должность - отнимается у девочек, а китайская литература мало чем может вознаградить их за труд по ее изучению в дополнение ко всем домашним обязанностям, которые на них ложатся. Тем не менее, образование не полностью ограничивается сильным полом; семинарии для молодых женщин совсем не редкость в Южном Китае, и нередко можно встретить частных репетиторов, дающих уроки молодым леди в их домах.^[288] Хотя это должно рассматриваться как сравнительное утверждение и в большей степени относится к южным, чем к северным провинциям, с другой стороны, можно утверждать, что литературные достижения считаются достойными женщины в большей степени, чем в Индии или Сиаме; имена писательниц, упомянутые в китайских летописях, составили бы длинный список. Юэнь Юэнь, генерал-губернатор Кантона, в 1820 году, находясь на своем посту, опубликовал томик поэтических излияний своей покойной дочери; литературные люди обычно желают, чтобы их дочери были сведущи в музыке и поэзии, а также в композиции и классической литературе. Такое образование считается подобающим их положению и отражается на репутации семьи.

Одна из самых знаменитых женщин-писательниц в Китае - Пань Хвуй-пан, также известная как Пань Чао, сестра историка Пань Ку, написавшего историю бывшей династии Хань. Она была назначена историографом после его смерти и завершила его незаконченные анналы; она умерла в возрасте семидесяти лет и была удостоена императором Хо публичного погребения, а также титула Великой дамы Цао. Около 80 г. н. э. она стала наставницей императрицы и написала первый труд на любом языке о женском образовании; он назывался "Ню кий", или "Женские наставления", и лег в основу многих последующих книг о женском образовании. Целью ее трудов было возвысить женский характер и сделать его добродетельным. Она говорит: "Добродетель женщины заключается не в выдающихся способностях или интеллекте, а в том, чтобы быть скромной и целомудренной, соблюдать требования добродетельного вдовства, быть опрятной в своей личности и во всем, что ее окружает; во всем, что она делает, быть непритязательной, а когда она двигается или сидит, быть благопристойной. Это и есть женская добродетель". В трудах этой и других писательниц больше внимания уделяется обучению морали и различным отраслям домашнего хозяйства, чем знанию классики или истории страны.

"ЖЕНСКИЙ ИНСТРУКТОР" О ЖЕНЩИНАХ.

Один из самых выдающихся китайских эссеистов современности, Лухчау, опубликовал труд в пользу пола под названием "Наставник женщин"; выдержка из его предисловия покажет, какие идеи в отношении женского образования обычно высказывают китайские моралисты.

"Основа управления империей лежит в привычках народа, а залог того, что его обычаи будут правильными, - в упорядоченном управлении семьями, что в последнем случае зависит в первую очередь от женщин. В старые добрые времена Чау добродетельные женщины подавали такой прекрасный пример, что это повлияло на обычаи империи - влияние это дошло даже до времен государств Чин и Вэй. Если занавес внутренней квартиры становится тонким или висит неправильно [*т. е. если полы не разделены*], беспорядок войдет в семью и в конечном итоге охватит всю империю. Женщины, несомненно, являются источниками хороших манер; с древних времен и до наших дней так и было. Склонность к добродетели и пороку у женщин сильно различается; их наклонности идут в разные стороны, и если хочется сформировать их одинаково, то нет ничего лучше воспитания. В древние времена молодых людей обоих полов обучали. Согласно "Ритуалу Чау", "императорские жены регулировали закон об образовании женщин, чтобы обучать дам дворца морали, разговору, манерам и работе; и каждая выводила свои классы в соответствующее время и устраивала их для экзамена в императорском присутствии". Но эти трактаты до нас не дошли, и невозможно точно установить, каков был их план обустройства.....

"Образование женщины и образование мужчины очень несхожи. Так, мужчина может учиться всю жизнь; будь он за границей или дома, он всегда может заглянуть в классику и историю, основательно познакомиться со всем кругом авторов. Но женщина учится не более десяти лет, когда она берет на себя управление семьей, где множество забот отвлекают ее внимание, и, не имея досуга для спокойного изучения, она не может легко понять ученых авторов; не познакомившись с буквами, она не может полностью понять их принципы; и, подобно воде, вытекшей из своего источника, она не может регулировать свое поведение, руководствуясь ими. Как можно говорить о том, что не нужен стандартный труд по женскому образованию? У каждой профессии и ремесла есть свой мастер; и разве те, кто обладает таким влиянием на нравы [как женщины], не должны быть обучены своим обязанностям и их надлежащим пределам? Приходится сожалеть, что в этих книгах не сделаны выписки из сочинений Конфуция, чтобы сделать их вводными к трудам по вежливой литературе; также приходится сожалеть, что не сделаны выборки из комментариев Чинга, Чу и других ученых, которые ясно объяснили его сочинения, а также из целого ряда писателей, собрав из них все, что было уместно, и опустив остальное. Они распространяются среди человечества вместе с такими книгами, как "Наставник для несовершеннолетних"; но если они попадают в руки женщин, то заставляют их уподобиться слепцу без поводья, блуждающему туда-сюда, не зная, куда идти. Этот большой недостаток существует с самых отдаленных времен до наших дней.

"Влияние женщины зависит от ее морального облика, поэтому этот момент в значительной степени объясняется. Во-первых, о ее послушании мужу и его родителям; затем о ее покладистости по отношению к его братьям и сестрам и доброте к невесткам. Если она не замужем, у нее есть обязанности по отношению к родителям и женам старших братьев; если она главная жена, женщина не должна испытывать ревности; если она находится в стесненных обстоятельствах, она должна быть довольна своей участью; если она богата и почетна, она должна избегать расточительности и надменности. Затем научите ее в трудные и легкие времена сохранять чистоту, придавать значение правильным принципам, соблюдать вдовство и мстить за убийство родственника. Если она мать, пусть учит своих детей; если она мачеха, пусть любит и лелеет детей своего мужа; если ее положение в жизни

высоко, пусть будет снисходительна к нижестоящим; пусть полностью отбросит всех колдунов, суеверных монахинь и ведьм; одним словом, пусть придерживается приличий и избегает порока.

"В разговоре женщина не должна быть хмурой и болтливой, но строго соблюдать правила, будь то совет мужу, ссора с ним или наставление детям, соблюдение этикета, смиренная передача опыта или предотвращение несчастья. Поведение женщины должно быть строго серьезным и трезвым, но при этом соответствовать случаю; ожидая родителей, принимая или почитая мужа, вставая или садясь, будучи беременной, во время траура или во время бегства на войну, она должна быть безупречно благопристойной. Вырашивание шелкопряда и работа с тканью - самые важные занятия женщины; далее следуют приготовление и подача еды для домочадцев, порядок жертвоприношений, и каждое из них должно быть выполнено; после них учеба и образование могут заполнить время."[\[289\]](#)

Произведение с таким предисловием похоже на "Письма к дочери" Спрэга, а не на учебник или пособие, предназначенное для чтения и послушания, а не для декламации молодыми леди. Однако для страны было бы счастьем, если бы наставления, данные этим моралистом, выполнялись; это заслуга язычника - написать такие рассуждения, как следующие: "В младенчестве ребенок горячо любит свою мать, которая знает все его добрые черты: хотя отец, возможно, и не может знать об этом, нет ничего, чего бы не видела мать. Поэтому мать учит эффективнее, и только благодаря ее неразумному пристрастию сын становится все более гордым (как мускус с возрастом становится кислее и сильнее) и тем самым почти разрушается." - "Небесный порядок благословляет доброе и проклинает мерзкое; тот, кто грешит против него, рано или поздно обязательно получит наказание: из разумного обучения проистекает счастье мира. Если женщин не учить, они будут подобны тем, кто смотрит на стену, они ничего не будут знать: если их учить, они будут знать, а зная, они будут подражать своим примерам."

Однако напрасно ожидать, что какие-либо изменения в положении женщин или степени их образованности произойдут до тех пор, пока на них не начнут оказывать влияние из-за рубежа - пока не начнется та же самая работа, которая в других странах возвышает их до их надлежащего места в обществе, обучая их принципам, на которых это возвышение основано, и тому, как они сами могут его поддерживать. Китайцы ни в коем случае не делают из своих женщин рабынь, и если сравнить их состояние в Китае с другими современными не евангелизированными странами или даже с древними королевствами или мусульманскими расами, то это во многих отношениях оправдывает их от недоброжелательного отношения к ним по этому поводу.

ВЫДЕРЖКА ИЗ БУКВАРЯ ДЛЯ ДЕВОЧЕК.

Есть вещи, которые свидетельствуют о том, что большее количество представительниц прекрасного пола читают и пишут достаточно для обычных целей жизни, чем может показаться на первый взгляд. Среди них можно упомянуть составленные для их использования буквари, в которых даны инструкции для всех видов записок и писем, за исключением, пожалуй, любовных. Только что упомянутые работы, предназначенные для их усовершенствования, составляют дополнительный факт. Один маньчжурский чиновник по имени Син-квэн, ставший губернатором Кианси в правление Киакинга, написал в 1838 году учебник для девочек под названием "Ню-рю-ю", или "Слова для женщин и девочек". Он состоит из четырех строк и состоит из афоризмов и коротких наставлений по ведению домашнего хозяйства, поведению, уходу за детьми, аккуратности и т. д., написанных так,

чтобы их можно было легко запомнить. Он показывает один из способов, с помощью которого литераторы занимаются воспитанием молодежи, а также то, что на такие книги есть спрос. Несколько строк из этого учебника продемонстрируют его суть:

Мерзкие взгляды не должны попадаться вам на глаза,

Не оскверняйте слух грязными словами;

Не смотрите на людей с грубыми словами,

Не ступайте по земле, которую они загрязняют.

Удерживайте сердце от нечистых мыслей,

Не позволяйте своим рукам погрязнуть в лени;

Тогда ни зрение, ни зов не откладывались.

Уилл, когда на вас давят, требуйте своего времени.

Заботьтесь о нежных младенцах,

Следите, чтобы их не кормили и не грели слишком сильно;

Детская свобода, впервые предоставленная

Должно быть, в скором времени их будут проверять с помощью правил и правил;

Охраняйте их от воды, огня и дураков;

Помните, что при падении они могут получить травмы или увечья.

Все плоды и фрукты при простудных заболеваниях

Это вредные лекарства для нежных младенцев.

Которые нуждаются в тщательном надзоре,

Но при этом хотят получить некоторую свободу действий в своей игре.

Будьте строги во всем, что требуете от них,

Ведь это уберезет от бед и несчастий.

Гордость, с которой девушки демонстрируют свое знание букв, свидетельствует о том, что это не так уж часто встречается, а общее уважение, с которым относятся к литературным дамам, доказывает, что они не так уж редки; хотя с практической точки зрения можно сказать, что половина китайского народа ничего не знает о книгах. Тот факт, что к женскому образованию относятся столь благосклонно, обнадеживает тех филантропических лиц и дам, которые пытаются основать женские школы на миссионерских станциях, поскольку им не приходится бороться с предрассудками в дополнение к невежеству.

ГЛАВА X.

СТРУКТУРА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.

Судя по тому, какое внимание уделяется обучению и какими почестями награждаются его успешные приверженцы, можно было бы сделать вывод, что литература китайцев содержит много интересного. Однако для человека, уже знакомого с сокровищами западной науки, это не так, и, по справедливости, такое сравнение не совсем справедливо. Тем не менее она имеет право на уважение широкого круга читателей, поскольку является литературой столь обширной части человеческого рода и результатом трудов мудрейших и достойнейших умов на протяжении многих веков. Тот факт, что она была разработана в условиях особой цивилизации и дышит духом, столь совершенно отличным от трудов западных мудрецов и философов, возможно, усиливает любопытство узнать, каковы ее достоинства и недостатки, и получить некоторые критерии, по которым можно сравнить ее с литературой других азиатских или даже европейских народов. Язык, на котором она написана, - один из специфически мистических и отличающихся от всех других средств выражения мысли - также усугубляет ее необычную репутацию, поскольку предполагается, что то, что "завернуто" в такие сложные символы, должно быть чрезвычайно ценным по содержанию или элегантным по манере, и не менее любопытным, чем глубоким. И хотя при внимательном изучении этой литературы обнаруживается ее реальная посредственность в плане исследований, образованности и гениальности, в ней все же остается достаточно, чтобы сделать ее достойной внимания востоковеда или простого студента.

ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКА НА ЛИТЕРАТУРУ.

Некоторые из его особенностей обусловлены природой языка и способом обучения, оба из которых повлияли на стиль и мысли писателей: ведь если в молодости учили составлять предложения по образцам древности, их попытки сделать это формировали их мысли в том же русле. Подражание из обязанности вскоре превратилось в необходимость. Китайский ученый, оставив веяния собственного гения, вскоре научился рассматривать свои образцы не только как истину, но и как совокупность всего ценного. Неподатливая природа языка, делающая невозможным изучение других языков через посредство своего собственного, к тому же подавляла в ученом всякое желание знакомиться с иностранными книгами; а поскольку он ничего не знал ни о них, ни об их авторах, легко было сделать вывод, что в них нет ничего, что стоило бы знать, ничего, что могло бы окупить труд изучения или возместить снисходительность, проявленную при выяснении. Соседи китайцев, несомненно, уступали им в цивилизованности, правильном управлении, образованности и богатстве, и этот факт питал их самомнение и подавлял желание путешествовать и выяснять, что есть в более отдаленных регионах. Поэтому, оценивая характер китайской литературы, не следует упускать из виду эти обстоятельства, при которых она достигла своего нынешнего размаха; мы приходим к выводу, что единообразие, пронизывающее ее, возможно, в равной степени обусловлено как изоляцией народа и подневольным подражанием его образцам, так и его гением: каждое из них, по сути, взаимно воздействовало и влияло на другое.

"Гомоглотный" характер китайского народа возник скорее благодаря высокому уровню его литературы и политическим институтам, выросшим из его канонических книг (которые стимулировали и вознаграждали усилия студентов по овладению языком), чем по какой-либо другой причине. Эта особенность представляет собой большой контраст с полиглотским характером, которым римляне обладали до последнего, и предлагает причины и результаты как интересные темы для исследования. Египетский, еврейский, сирийский, греческий и латинский языки имели каждый свою национальную литературу, и ее силы было достаточно,

чтобы сохранить привязанность этих нескольких народов к своему родному языку, в то время как галлы, иберийцы и другие подвластные народы, не имея книг, перенимали язык и литературу своих правителей и завоевателей. Таким образом, царство, "частью железное, частью глиняное", распалось, как только ослабла хватка Рима ; в то время как в Китае всегда наблюдалась тенденция к воссоединению и гомологизации.

В этом кратком рассказе о китайском языке достаточно привести такие сведения о происхождении и строении иероглифов, а также об идиомах и звуках письменного и разговорного языка, которые дадут общее представление о всех его частях и покажут различие между устной и письменной речью и их взаимное действие. Они оба архаичны, потому что символы предотвращали всякую инфлексию и агглютинацию в звуках, а также все знаки, указывающие на принадлежность каждого из них к той или иной части речи. Они подобны десяти цифрам, не содержащим вокабул и передающим свое значение скорее глазу, чем уху.

Китайские писатели, не имея возможности проследить постепенное формирование своих иероглифов (поскольку, разумеется, не могло быть никаких вразумительных исторических данных до тех пор, пока не прошло много времени после их образования), приписывают их Хванти, одному из своих первобытных монархов, или даже раньше, Фу-хи, примерно за тридцать веков до Христа; как будто они считали, что письмо так же необходимо человеку, как одежда или брак, которые все пришли от Фу-хи. Мифической личности Цанг-Кие, процветавшей около 2700 г. до н. э., приписывают изобретение символов для обозначения идей, поскольку она заметила знаки на черепаховой скорлупе, а затем подражала обычным объектам в природе.

Японцы пытались присоединить к китайским иероглифам свои *каны*, чтобы обозначить падеж или время, но для образованного китайца такое сочетание выглядит нелепо. Мы могли бы выразить, хотя и несколько грубо, аналогичные сочетания в английском языке, попытавшись написать *1-ty*, *1-ness*, *1-ted*, для *единства*, *единства*, *объединенного*, или *3-1 God* для *троединого Бога*.

В этот кризисный момент, когда сформировалась среда для передачи и закрепления идей, китайские историки рассказывают: "Небо, земля и боги были взволнованы. Обитатели хадеса плакали по ночам, а небеса, в знак радости, сыпали на них дождь из спелого зерна". С изобретением письменности начали действовать козни человеческого сердца; ежедневно увеличивалось количество ложных и ошибочных историй, возникали судебные процессы и тюремные заключения; отсюда же появился изощренный и искусный язык, который вносит столько путаницы в мир. Именно этим причинам тени усопших плакали по ночам. Но с изобретением письменности появилось вежливое общение и музыка; разум и справедливость стали очевидны; отношения социальной жизни были проиллюстрированы, а законы стали фиксированными. У правителей появились законы, на которые они могли ссылаться, у ученых - авторитеты, которые можно было почитать, а значит, небеса, радуясь, осыпали их спелым зерном. Классический ученый, историк, математик и астроном не могут обойтись без письменности; если бы не было письменного языка, который мог бы служить доказательством происходящих событий, тени могли бы плакать в полдень, а небеса проливать кровавый дождь".^[290] Этот необычный миф, возможно, скрывает подлинный факт, достойный более чем мимолетного внимания, - он свидетельствует о согласованной попытке первых поселенцев на Желтой реке заменить для записи законов и событий нечто более понятное, чем использовавшиеся ранее узловатые шнуры. Его форма представляет собой любопытный контраст с личностью из басни о Кадме и его изобретении греческих букв.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА.

Дата происхождения этого языка, как и букв западных алфавитов, теряется в самых ранних периодах постдилувианской истории, но нет никаких сомнений в том, что это самый древний язык, на котором сейчас говорят, и наряду с египетским и клинописью - один из самых древних письменных языков, используемых человеком. Эфиопский и коптский, санскрит и пали, сирийский, арамейский и пехлвский - все они стали мертвыми языками; а греческий, латинский и персидский, на которых сейчас говорят, настолько отличаются от древнего стиля, что для понимания книг на них требуется специальное изучение: в то время как в течение нескольких эпох письменный и разговорный язык китайцев претерпел мало изменений и сделал многое для углубления широкой линии разграничения между ними и другими представителями человеческой расы. Тот факт, что это единственный живой язык, переживший века, несомненно, объясняется его идеографическим характером и полным отсутствием звука как неотъемлемого фактора любого символа. Поэтому их форма и смысл были тем более едины, что каждый читатель был волен произносить их так, как ему заблагорассудится или как его научили местные наставники. Местное *нарекание* не мешало ему общаться с теми, кто использовал те же знаки в письме. Когда впоследствии возникла великая и ценная литература, сохранение письменности стало главным элементом национальной жизни и целостности среди тех народов, которые читали эти книги и восхищались ими. Этот язык, как и языки евреев, ассирийцев и других уже упомянутых народов, никогда не приходил в упадок и не вытеснялся внезапным подъемом и физической или интеллектуальной энергией соседней общины, говорящей *на патуа*. Ибо мы видим, что алфавитные языки, слова которых представляют собой одновременно смысл и звук, зависят от местных диалектов так же, как китайский язык от своих символов; следовательно, когда в первом случае звуки настолько изменились, что смысл стал непонятен, скорее всего, изменился и способ письма. Объем литературы и ее использование были тогда единственной защитой письменных форм; но по мере того как люди учились читать книги, они становились все более и более склонными ассоциировать смысл и форму, считая звук традиционным. Чтобы проиллюстрировать это, нам нужно обратиться к нашему собственному языку, чья громоздкая орфография в значительной степени является результатом нежелания менять старые ассоциации смысла и формы, которые были бы связаны с принятием фонетической системы.

Ни на одном из этапов своего существования китайцы не имели побуждений изменять формы своей символики, поскольку ни одна из соседних с ними азиатских наций никогда не создавала литературы, которая могла бы соперничать с их; ни один завоеватель не приходил, чтобы навязать им свой язык; их язык полностью изолировал их от интеллектуального общения с другими. Эта изоляция, чреватая многими недостатками в виде ограниченного характера их литературы и рефлекторного, сужающего влияния на их умы, не была лишена своих компенсаций. В результате возникла уникальная национальная жизнь, и в этом самовоспитанном языке можно проследить происхождение большей части мира, промышленности, населения и здоровой гордости китайского народа.

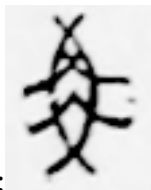
ИДЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИМВОЛОВ.

Китайцы уделяют большое и достойное похвалы внимание своему языку и снабжают нас всеми необходимыми для его изучения книгами. Если предположить, что первоначальные символы были идеографическими, то необходимость вынудила их максимально сократить, что вскоре привело к появлению произвольных знаков для всех общих целей. Их символы варьировались, действительно, в разное время и в разных государствах; только когда появилась настоящая литература и ее читатели умножились, варианты были отброшены, и

стало возможным стремиться к единообразию. Первоначальные символы этого языка заимствованы из естественных или искусственных объектов, которые вначале были грубыми очертаниями. Большинство форм сохранилось в трактатах отечественных филологов, где показаны изменения, которым они постепенно подвергались. Число выбранных объектов поначалу было невелико; среди них были символы солнца, луны, холмов, животных, частей тела и т. д.; рисуя их, лимнеры, похоже, не предлагали ничего, кроме наброска, который с

помощью небольшого пояснения был бы понятен. Так, рисунок , вероятно, был бы

признан всеми, кто видел на нем луну; - рыбу, и так далее. Очевидно, что количество картинок, которые можно сделать таким образом, не будет соответствовать потребностям и возможностям языка, поэтому вскоре придется прибегнуть к более сложным символам, объединить уже понятные, либо использовать произвольные или фонетические знаки. Все эти способы были использованы в большей или меньшей степени.

ШЕСТЬ КЛАССОВ ПЕРСОНАЖЕЙ.

Китайские филологи делят все иероглифы своего языка на шесть классов, называемых *лук шу*, или "шесть письменностей". Первый, называемый *siang hing*, morphographs, или "подражательные символы", - это те, в которых прослеживается явное сходство между оригинальной формой и изображаемым объектом; они являются одними из первых изобретенных иероглифов, хотя шестьсот восемь, отнесенных к этому классу, не включают все оригинальные символы. Эти первозданные формы с тех пор претерпели такие изменения, что сходство в большинстве из них исчезло, что было вызвано, главным образом, использованием бумаги, чернил и карандашей вместо железного стило и бамбуковых дощечек, которые раньше использовались для письма; круговые штрихи более отчетливо получаются железным острием на твердом дереве, чем волосным карандашом на тонкой бумаге; угловые штрихи и квадратные формы, таким образом, постепенно заняли место круглых или изогнутых, и вместо первоначальных имитационных символов стали использоваться сокращенные. К этому классу относятся такие символы, как:

черепаха, колесница, ребенок, слон, Олень, ваза, холм, глаз.

изменён на

龜 車 子 象 鹿 壺 山 目

Квай, чи, цц', сян, Лук, hu, шань, м-м-м.

Второй класс, насчитывающий всего сто семь символов, называется *chí sz'*, то есть "символы, указывающие на мысль". Они отличаются от предыдущих прежде всего тем, что иероглифы образуются путем сочетания ранее образованных символов таким образом, чтобы обозначить какую-то идею, легко выводимую из их расположения или сочетания, и указать на какое-то свойство или относительное обстоятельство, относящееся к ним. Китайские филологи считают, что к этим двум классам относятся все символы в языке, которые изображают предметы целиком или по частям, и значение которых очевидно из сходства с предметом или из расположения частей. К этому классу относятся,

полузаходящая луна, означает вечер; сейчас пишется 夕

солнце над горизонтом, обозначает утро; теперь пишется 旦

что-то во рту, означает сладкое; сейчас пишется 甘

Третий класс, насчитывающий семьсот сорок знаков, называется *hwui í*, то есть "объединенные идеи", или идеографы, и включает в себя знаки, составленные из двух или трех символов, образующих одну идею, значение которой можно вывести либо из их положения, либо из предполагаемого относительного влияния друг на друга. Так,

соединение солнца и луны, дерева в дверном проеме, обозначает препятствие; два дерева означают лес, как

ming, выражает яркость;

kien, кусок

lin, а три - чашу, как

sān; два человека на земле передают идею

сидения; рот в двери означает спрашивать; человек и слова означают истину и веру; сердце и смерть импортируют забвение; собака и рот означают лаять; женщина и метла обозначают жену, имея в виду ее домашние обязанности; карандаш и говорить - это книга, или писать. Но ни в одном из этих составных символов нет ничего похожего на то

совершенство рисуночного письма, которое, как утверждают некоторые писатели, принадлежит языку и позволяет человеку, не знакомому со значением отдельных символов, определить значение объединенной группы. Напротив, в большинстве случаев можно с уверенностью сказать, что третья идея, созданная путем объединения двух уже известных символов, обычно требует большего или меньшего объяснения, чтобы зафиксировать ее точное значение и устранить сомнения, которые в противном случае могли бы возникнуть. Например, сочетание солнца и луны может с одинаковой легкостью означать солнечное или лунное затмение или обозначать идею времени, а также яркость. Кусок дерева в дверном проеме почти так же естественно обозначает *порог*, как и *препятствие*; то же самое и в других случаях. Прямая линия в дверном проеме с большей готовностью наведет на мысль о закрытой или запертой двери, что является значением 門 *shan*, древнее написание

; но идея, которую предполагается передать этими комбинациями, требует предварительного объяснения, так же как и примитивный символ, хотя в дальнейшем она будет легко вспоминаться, когда вы заметите конструкцию.

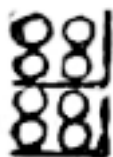
Несколько необычно, что так сильно укрепились мнение, будто их значения легко выводимы из их формы и конструкции. Можно сказать, что ни один иероглиф не может быть точно определен из простого осмотра его частей; а значения, которые сейчас даются некоторым из тех, которые относятся к этому классу, настолько произвольны и надуманны, что показывают, что китайские иероглифы не формировались по правилам и отвесам в большей степени, чем слова в других языках. Ошибка, с которой так искусно борется Дю Понсо, возникла, вероятно, из-за смешения *звучания* с *конструкцией* и вывода, что, поскольку люди разных наций, использующие этот язык в качестве письменного, могут понимать его в письменном виде, хотя и взаимно неразборчивы в устной речи, он настолько полностью адресован глазу, что не нуждается в предварительном объяснении.

Четвертый класс, называемый *chuen chu*, "перевернутые значения", включает триста семьдесят два символа, которые в результате инверсии, сокращения или изменения их частей приобретают различные значения. Этот класс не велик, но эти и другие модификации оригинальных символов для выражения абстрактных и новых идей показывают, что те, кто использовал язык, либо сразу увидели, насколько громоздким он станет, если они продолжают формировать подражательные знаки, либо, что их изобретение не удалось, и они прибегли к изменениям более или менее произвольным в символах, уже известных, чтобы

обеспечить отличительные знаки для различных идей. Так, *рука уи* , повернутая

вправо, означает право; наклоненная в другую сторону, как *tso* , означает лево. *Сердце*, расположенное под *работой*, 怒 означает гнев; *нити*, *преграждающие путь*, как

, означают разделение; но повернутые в другую сторону, как , означают непрерывность.

МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ.

Пятый класс, называемый *киай шинг*, то есть "объединяющие звуковые символы", или фонограммы, содержит двадцать одну тысячу восемьсот десять иероглифов, или почти все в языке. Они состоят из подражательного символа, соединенного с символом, который просто придает звучание соединению; первый обычно в большей или меньшей степени содержит новую идею, в то время как второй теряет свое собственное значение и дает только название. В этом отношении китайские иероглифы превосходят арабские цифры, поскольку такие сочетания, как 25, 101 и т. д., хотя и передают одинаковый смысл для всех народов, использующих их, *никогда не* могут обозначать звук. Этот план образования новых комбинаций путем объединения символов, выражающих идею и звук, позволяет китайцам увеличивать количество иероглифов без умножения исходных символов; но эти соединения, или *лексиграфы*, как называет их Дю Понсо, растут не очень быстро. В Аннаме за несколько лет их стало так много, что китайские книги, сделанные в этой стране, трудно читать. Вероятный способ, с помощью которого это произошло, лучше всего объяснить на примере случая, произошедшего в Кантоне в 1832 году. В прокламации должны были быть описаны не половозрелые саранчовые, но слова *nan*, которым их называли, не было ни в одном словаре. Достаточно было бы обозначить это насекомое для всех людей, живущих там, где оно водится, выбрав хорошо понятный иероглиф, например 南 *south*, имеющий точный звук *nan*, которым называлось само насекомое, и соединив его с определяющим символом *chung* 虫 *insect*. Тогда для каждого, кто знал звучание и значение составных частей, оно означало бы *насекомое нан*; а для жителей Квантуна оно читалось бы как *нан*, 喃, означающее именно это насекомое. Если бы это новое сочетание было перенесено в отдаленную часть страны, где само насекомое было бы неизвестно, оно передало бы китайцу, *увидевшему* объединенный символ, не больше информации, чем звуки *insect nan* англичанину, *услышавшему* их; для обоих людей смысл должен быть передан через описание насекомого. Если бы, однако, люди, живущие в этом далеком регионе, называли фонетическую часть нового иероглифа другим звуком, например *nam*, *net* или *lam*, они бы дали новое соединение другому имени, но люди на месте, возможно, не поняли бы их, когда они произнесли его под этим именем. Однако если бы они написали его, то оба придали бы ему то же значение, но с другим звучанием.

Таким образом, вероятно, возникли тысячи иероглифов этого класса. Но это правило звучания в соответствии с фонетической частью не во всех случаях является определенным, так как с течением времени звуки многих иероглифов изменились, в то время как сами части не изменились; в других случаях части изменились, а звуки остались, так что теперь только с большой степенью вероятности можно определить правильное звучание, исследуя составные части. Сходство звучания большинства иероглифов, имеющих одну и ту же фонетическую часть, очень помогает в чтении китайского языка, хотя и мало помогает в его понимании, и в значительной степени повлияло на сохранение неизменности звуков.

Есть несколько примеров почти непреднамеренного прихода к истинной слоговой системе, когда начальный согласный одной части, соединяясь с конечным гласным другой, дает звук иероглифа; например, *ta* и *fí* в иероглифе 摩, соединяясь таким образом, образуют *mí*. Значения компонентов - конопля и не, значения соединения - экстравагантный, расточительный и т. д., не имеющие отношения к первичному значению. Число таких знаков очень невелико, и отмеченная здесь слоговая композиция, вероятно, случайна, а не преднамеренна.

Шестой класс, называемый *kia tsié*, то есть "заимствованные употребления", включает метафорические символы и сочетания, в которых значение выводится путем несколько причудливого размещения; их число составляет пятьсот девяносто восемь. Они мало чем отличаются от второго класса индикативных символов. Например, символ 字 или

, означающий письменный иероглиф, представляет собой ребенка под навесом - иероглифы считаются хорошо воспитанным потомством иероглифики. Иероглиф, обозначающий зал, означает также мать, поскольку она постоянно пребывает там. Слово,

обозначающее ум или сердце, - *sin* , первоначально предназначалось для обозначения этого органа, но теперь используется в основном в метафорическом смысле. Китайские грамматисты находят широкое поле для проявления своей фантазии в объяснении этимологии и происхождения иероглифов, но помощь, которую их исследования оказывают в понимании языка в его нынешнем виде, невелика. Эта классификация, состоящая из шести разделов, является современной и была придумана как средство упорядочить уже существующее, поскольку китайцы признают, что их иероглифы не были сформированы по фиксированным правилам и постепенно претерпели множество изменений.

Общее число шести классов составляет двадцать четыре тысячи двести тридцать пять, что намного меньше, чем в словаре Канхи, где их сорок четыре тысячи четыреста сорок девять; но в эту большую сумму включены устаревшие и синонимичные символы, которые, если их вычесть, уменьшат ее почти до того же числа. Вероятно, общее количество действительно различных иероглифов в языке, санкционированных правильным использованием, не сильно отличается от двадцати пяти тысяч, хотя авторы указывают их от пятидесяти четырех тысяч четырехсот девяти, как у Магайянса, до двухсот шестидесяти тысяч восьмисот девяноста девяти, как у Монтуччи. Китайский редактор большого лексикона, на котором доктор Моррисон основывает свой словарь, считает, что в нем пятьдесят тысяч иероглифов, включая синонимы и различные формы; а если учесть всевозможные оттенки, придаваемые словам, и звуки, для которых не существует иероглифов, то получается пять тысяч различных слов. Но даже сумма в двадцать пять тысяч различных символов содержит тысячи необычных, которые редко встречаются и которые, как и в случае со старыми словами в английском языке, не часто изучаются.

Бремя запоминания множества сложных символов, форма, звучание и значение которых необходимы для того, чтобы ученик мог читать и писать грамотно, настолько велико, что в

результате было принято сокращать общеупотребительные символы и увеличивать их значение. Такой порядок действий действительно имеет место в большинстве языков, а в китайском значительно сокращает труд по его освоению. Можно с уверенностью сказать, что хорошее знание десяти тысяч иероглифов позволит читать любую работу на китайском языке и грамотно писать на любую тему; а Премар утверждает, что для всех обычных целей достаточно знать четыре или пять тысяч иероглифов, а на самом деле достаточно двух третей от этого числа. Самые трудные из них - это либо имена собственные, либо техника, характерная для той или иной науки. Девять канонических произведений содержат в общей сложности всего четыре тысячи шестьсот один иероглиф, в то время как только в "Пяти классиках" насчитывается более двухсот тысяч слов. В своде законов, переведенном Стонтоном, всего менее двух тысяч различных знаков.

СПОСОБЫ РАСПОЛОЖЕНИЯ СИМВОЛОВ.

Изобретение книгопечатания и составление словарей придали форме современных иероглифов большую степень определенности, чем в древности. Варианты некоторых из наиболее распространенных иероглифов были чрезвычайно многочисленны до этого периода; Кэллери приводит сорок два различных способа написания *рао*, "драгоценный", и сорок один для написания *tsun*, "почетный"; это свидетельствует об отсутствии признанного стандарта и слабом общении между учеными людьми. Наилучший способ расположения иероглифов, позволяющий легко находить их, был предметом серьезных проблем для китайских лексикографов, а различные методы, принятые ими, затрудняют обращение к их словарям без значительного предварительного знания языка. В некоторых из них иероглифы с одинаковым звучанием сгруппированы вместе, так что для их поиска необходимо знать, как называется тот или иной иероглиф; такой подход использовался в словарях, предназначенных в основном для использования простыми людьми. Один из известных кантонских словарей, называемый "Фэн Юнь", или "Разделитель звуков", составлен по этому плану: слова расположены в тридцати трех порядках, в соответствии с их окончаниями. Каждый порядок подразделяется на три или четыре класса в соответствии с тоном, и все иероглифы, имеющие одинаковый тон и окончание, помещаются вместе, как *kam*, *lam*, *tam*, *pat* и т. д. Как и следовало ожидать, поиск иероглифа, тон которого точно не известен, требует значительного времени; и даже если тон освоен, неопределенность доставляет не меньше хлопот, чем незнакомое окончание: Ибо, как это ни странно для тех, кто знаком только с фонетическими языками, китаец может, если угодно, с большей легкостью отличить два слова *#ming* и *b ming*, чьи тоны не похожи, чем между *#ming* и *#meng*, *#ming* или *#bing*, где начальное или конечное отличается немного, а тоны одинаковы.

Улучшение этого плана было достигнуто путем принятия способа выражения звуков китайских иероглифов, введенного буддистами в "Юх Пьен", опубликованном в 543 г. н.э., и с тех пор используемого во всех словарях. При этом берется начальное звуко-буквенное сочетание одного иероглифа и конечное другого, и они объединяются для обозначения звука данного иероглифа; так из *ли-эн* и *у-ин* получается *линг*. Для начальных согласных выбрано тридцать шесть иероглифов, а для конечных - тридцать восемь, но ученики озадачивают разные иероглифы, выбранные в разных работах для их обозначения.^[291] Жители Амоя используют небольшой лексикон под названием *Shih-wu Yin*, или "Пятнадцать звуков", в котором иероглифы классифицируются по такому принципу: сначала все они распределяются по пятидесяти конечным, а затем все те, что имеют одинаковое окончание, помещаются в регулярный ряд под пятнадцатью начальными. Предположим, что перед вами новый иероглиф *chien*, звук которого вы узнали, или это слово услышали в разговоре и хотели узнать его значение, человек обращается к части книги, содержащей окончание *ien*, которое обозначается, возможно, иероглифом *kien*,

и смотрит вдоль инициалов, пока не дойдет до *ch*, которое обозначается иероглифом *chang*. В этой колонке все слова книги, прочитанные или произнесенные *chien*, какого бы тона они ни были, располагаются вместе в соответствии с их тоном; немного практики позволяет человеку, говорящему на этом диалекте, легко пользоваться этим руководством. Однако оно практически бесполезно для людей, говорящих на других диалектах, или для тех, чей говор сильно отличается от говора составителя, чье собственное ухо было его единственным проводником. По фонетическому принципу были изданы полные словари, самый большой из которых, *Wu Ché Yun Fu*, составлен с такой мельчайшей интонационной точностью, что может озадачить даже самых образованных туземцев, и, следовательно, уменьшить его полезность как толкователя слов.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПО СОСТАВУ.

Непригодность любого из этих способов расположения для поиска неизвестного иероглифа привела к другой классификации в соответствии с их составом, путем выбора наиболее заметных частей каждого иероглифа в качестве его ключа, или радикала, и группировки тех, в которых встречается один и тот же ключ. Этот план был принят позже, чем план расположения иероглифов по звукам, около 543 г. н.э., когда их количество было определено в пятьсот сорок два; затем они были сокращены до трехсот шестидесяти, а к концу правления династии Мин окончательно зафиксированы в двести четырнадцать в Цзи Люй. В настоящее время она широко используется с момента принятия сокращенного словаря Канги Цзи Тянь; хотя это число можно было бы выгодно сократить, как показал Гонсалвес, ее всеобщее принятие, как ничто другое, делает ее лучшей системой. Все иероглифы, встречающиеся под одним и тем же радикалом, располагаются последовательно, в соответствии с количеством штрихов, необходимых для их написания, но не наблюдается никакой регулярности в расположении тех, которые имеют одинаковое количество штрихов. Термин "*примитив*" был технически применен к оставшейся части иероглифа, который, хотя, возможно, не старше радикала, удобно обозначать этим словом. Все символы, выбранные для радикалов, являются общими и одними из самых древних в языке; здесь они сгруппированы в соответствии с их значениями, чтобы показать некоторые ведущие идеи, используемые в комбинации.

РАДИКАЛЫ И ПРИМИТИВЫ.

Тело, труп, голова, волосы, пух, усы, лицо, глаз, ухо, нос, рот, зубы, клык, язык, рука, сердце, нога, шкура, кожа, крылья, перья, кровь, плоть, когти, рог, кости.

Биологические. - Мужчина, женщина, ребенок; лошадь, овца, тигр, собака, бык, боров, свиная голова, олень; черепаха, дракон, рептилия, мышь, жаба; птица, желчные птицы; рыба; насекомое.

Ботаническое. - Трава, зерно, рис, пшеница, просо, конопля, лук-порей, дыня, бобовые, бамбук, жертвенная трава; дерево, ветка, росток, лепесток.

Минерал - металл, камень, драгоценные камни, соль, земля.

Метеорологические: дождь, ветер, огонь, вода, сосулька, пар, звук; солнце, луна, вечер; время.

Утварь: сундук, мера, ступка, ложка, нож, скамья, кушетка, посуда, одежда, черепица, блюда, салфетка, сеть, плуг, ваза, треножник, лодка, карета, карандаш; лук, алебарда, стрела, дротик, топор, музыкальная дудочка, барабан, печать.

Описательные слова: черный, белый, желтый, лазурный, гвоздичный, мрачный; цвет; высокий, длинный, сладкий, квадратный, большой, маленький, сильный, хромой, стройный, старый, ароматный, едкий, порочный, низкий, противоположный.

Действия: входить, следовать, медленно идти, прибывать, шагать, идти, бежать, достигать, касаться, останавливаться, лететь, распространяться, обволакивать, окружать, устанавливать, заслонять, регулировать, различать, прорицать, видеть, есть, говорить, убивать, бороться, противостоять, останавливать, вышивать, приписывать, сравнивать, подражать, приносить, использовать, обнародовать.

Разное - Пустыня, пещера, поле, нора, курган, холм, долина, речушка, утес, отхожее место. Город; крыша, ворота, дверь, портик. Один, два, восемь, десять. Демон; дюйм, миля; без, не, ложный; ученый, государственный деятель, письма; искусство, богатство; движение; сам, я, отец; точка; снова; вино; шелк; соединенные руки; дальняя дорога; отпечаток медвежьей лапы; фамилия; классификатор тканей.

Количество символов, встречающихся под каждым из этих радикалов в словаре Канхи, варьируется от пяти до тысячи трехсот пятидесяти четырех. Радикал располагается неравномерно, но обычно он находится слева от примитива. Некоторые из них расположены сверху, другие - снизу; некоторые охватывают примитив, а многие не имеют фиксированного места, что свидетельствует о том, что в первоначальном построении не было принято единого плана. Прежде чем начать пользоваться словарем, их нужно хорошо изучить, и немного попрактиковаться, чтобы быстро найти нужный иероглиф.^[292] Группы, встречающиеся под большинством радикалов, более или менее естественны по своему общему значению, что является особенностью языка, которая уже была отмечена (стр. 375). Некоторые радикалы чередуются, и символы, имеющие одинаковое значение, иногда встречаются под двумя или тремя разными - вариации, которые, по-видимому, возникли из-за малой важности выбора из двух или трех похожих радикалов. Так, одно и то же слово *tsien*, "маленькая чашка", пишется под тремя радикалами - *драгоценный камень*, *фарфор* и *рог*, первоначально, несомненно, обозначавшими материал для ее изготовления. Такое чередование радикалов значительно увеличивает количество дублирующих форм, которое еще больше увеличивается за счет аналогичного чередования примитивов с одинаковым звучанием. Эти два изменения очень редко происходят в одном и том же символе, но есть множество примеров синонимичных форм почти под каждым радикалом, возникающих в результате взаимозамены примитивов, а также под аналогичными радикалами, вызванными их взаимным использованием. Так, по обоим этим причинам под радикалом *та*, "лошадь", имеется сто восемнадцать дублирующих форм, что оставляет двести девяносто три различных слова; из двухсот четырех иероглифов под *niu*, "бык", тридцать девять являются синонимичными формами; и так же под другими радикалами. Эти иероглифы различаются по смыслу не больше, чем *favor* и *favour* или *lady* и *ladye*; это просто вариации формы письма, и хотя они, очевидно, значительно увеличивают количество иероглифов, но не создают серьезных трудностей в изучении языка.

В книгах часто встречаются варианты других описаний, что без нужды усугубляет труд изучения языка. Педантичные писатели иногда используют древние формы, чтобы показать свою образованность, а невежественные и небрежные авторы используют сокращенные или вульгарные формы, потому что они либо не знают правильной формы, либо невнимательны при ее использовании. В таких случаях, когда иероглиф нельзя найти в словаре, читатель полностью виноват, особенно если он иностранец, хотя в самом Китае он не испытает особых трудностей там, где под рукой есть местные жители, к которым можно обратиться. В дешевых книгах и письмах очень часто встречаются вульгарные формы, которые так же не

санкционированы словарями и хорошим употреблением, как фразы кокни или шахтерский сленг в чистом английском языке. Они возникают либо из-за желания писателя сэкономить время, сделав сокращенную форму из нескольких штрихов вместо правильного символа из многих штрихов; либо он использует общеупотребительные слова для выражения энергичной вульгарной фразы, для которой нет разрешенных символов, но которая будет легко понята читателями фонетически. Эти знаки, возможно, вообще не были бы поняты за пределами диалекта автора, поскольку сама фраза была бы новой; их индивидуальное значение, действительно, не имеет никакого отношения к интерпретации предложения, поскольку в этом случае они являются просто звуковыми знаками, как и слова в других языках, и теряют свой лексиграфический характер. Например, слова *kia-fí* - кофе, *kap-tan* - капитан, *mí-sz'* - господин и т. д., как бы они ни были написаны, будут понятны уроженцу Кантона, если они выражают эти звуки, поскольку он знаком с самими словами; но уроженец Шенси не поймет их, поскольку, не зная, что имеется в виду, он, естественно, обратится за знаками к самому смыслу фразы и таким образом будет полностью введен в заблуждение. В таких случаях иероглифы становятся просто слогами фонетического слова. Иностранные имена часто транслитерируются писателями по географии или истории, и их распознавание не является легкой задачей для их читателей.[\[293\]](#)

1
書有六體曰篆曰隸曰楷曰行曰草曰宋

2
書有六體曰篆曰隸曰楷曰行曰草曰宋

3
書有六體曰篆曰隸曰楷曰行曰草曰宋

4
書有六體曰篆曰隸曰楷曰行曰草曰宋

5
書有六體曰篆曰隸曰楷曰行曰草曰宋

6
書有六體曰篆曰隸曰楷曰行曰草曰宋

ШЕСТЬ СТИЛЕЙ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ.

Помимо вариаций форм иероглифов, существует шесть различных стилей их написания, которые соответствуют черным буквам, шрифту, курсиву, роману и т. д. в английском языке. Первый называется *чуэнь шу* (от имени человека, который его изобрел), который иностранцы называют *иероглифом печати*, поскольку он используется в печатях и орнаментальных надписях. Наряду с иероглифами он является самым древним способом письма и претерпел множество изменений в течение веков. Его изучают те, кто вырезает печати или надписи, но книги на нем никогда не печатались.

Второй - *lí shu*, или стиль официальных служащих, который был введен примерно в христианскую эпоху как элегантный стиль, используемый при оформлении документов. Сейчас он встречается в предисловиях и официальных надписях, и для его прочтения не требуется специального обучения, поскольку он незначительно отличается от следующих.

Третий - *куай шу*, или шаблонный стиль, постепенно сформировался благодаря совершенствованию хорошего письма. Это обычная форма китайских иероглифов, и ни один человек не может претендовать на литературное имя среди своих соотечественников, если он не умеет писать аккуратно и правильно в этом стиле.

Четвертый называется *хунг шу*, или бегущая рука, и является обычной рукой аккуратного писателя. Он часто используется в предисловиях и надписях, свитках и скрижалях, и есть книги, составленные в параллельные колонки, в которых этот и шаблонный стиль расположены так, чтобы школьники учились писать обоими одновременно. Бегущая строка не может быть прочитана без специального изучения; и хотя этот труд не очень серьезен, когда язык книг уже знаком, все же, чтобы хорошо освоить обе эти разновидности, ученик отвлекается на многие дни и месяцы от прогресса в приобретении знаний ради изучения двух способов написания одного и того же слова.

Пятый стиль называется *цао цзы*, или растительный иероглиф, и представляет собой более свободное описание бегущей руки, чем предыдущие, изобилуя сокращениями, причем карандаш переходит от иероглифа к иероглифу, не отрывая его от бумаги, почти по желанию пишущего. Читать его труднее, чем предыдущий, но поскольку сокращения несколько необязательны, *цао цзы* значительно варьируется и более или менее напоминает бегущую руку по желанию пишущего. Пристрастие китайцев к "плавному карандашу" и способу письма, при котором изяществом и свободой каллиграфии можно восхищаться не меньше или больше, чем стилем или чувством письма, а также желание как можно больше сократить свои многоугольные иероглифы, способствовали появлению и увековечиванию этих двух стилей письма. Насколько все эти разновидности формы увеличивают сложность изучения простого аппарата знаний, вряд ли стоит говорить.

Шестой стиль называется *Сун шу*, он был введен при династии Сун в X веке, вскоре после того, как была изобретена печать на деревянных блоках. Он отличается от третьего стиля лишь некоторой квадратностью и угловатостью штриха, которому обязаны учиться только транскрипторы для печати. Из этих шести видов письма только два - узорный стиль и бегущая рука, которым народ обучается в значительной степени, хотя многие приобретают знание некоторых слов в печатном характере, а бегущая рука каждого человека, особенно занимающегося бизнесом, приближается в большей или меньшей степени к растительному характеру. Но иностранцы редко находят время или желание учиться писать более чем одной формой, чтобы иметь возможность читать и общаться на все случаи жизни.

Кроме этих стилей, существуют и причудливые, называемые "головастиками", в подражание различным объектам;[294] император Кьенлун собрал тридцать два из них в издании своей поэмы "Элегия о городе Мукдене".[295]

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ШТРИХИ К ПЕРСОНАЖАМ.

Все штрихи в иероглифах сводятся к восьми элементарным, которые заключены в одном иероглифе 永 *ying*, "вечный".

Точка, линия, перпендикуляр, крючок, шип, зачистка, insult, тире.

В тетрадах каждая из них подразделяется на множество форм, имеющих определенные названия, с указаниями, как их писать, и многочисленными примерами, представленными под каждым штрихом.[296]

Китайцы считают свои иероглифы очень изящными и прилагают неустанные усилия, чтобы научиться писать их красиво, равномерно и пропорционально. Ученикам выдается раскрашенная доска, на которой они упражняются с кистью, смоченной в черной воде. Предметы, используемые для письма, называемые *wan fang sz' pao*, или "четыре драгоценные вещи библиотеки", - это карандаш, тушь, бумага и чернильный камень. Лучшие карандаши изготавливаются из щетинистой шерсти соболя и лисы, а более дешевые - из оленя, кошки, волка и кролика; верблюжья шерсть не используется. Требуется сочетание мягкости и упругости, и те, кто имеет опыт их использования, замечают разницу и превосходство, совершенно незаметные для новичка. Волоски укладываются равномерно, а когда их связывают, то доводят до тонкого кончика; ручка делается из веточек бамбука, выращиваемого для этой цели. Чернила, обычно известные как индийские, изготавливаются из сажи горящего масла, сосны, пихты и других веществ, смешиваются с клеем или изингласом и ароматизируются. Они формируются в продолговатые лепешки или цилиндры с надписью имени изготовителя, лучшие виды которых оформляются очень изысканно. В отношении этих чернил ранее была распространена необычная ошибка, согласно которой они были получены из жидкости, содержащейся в каракатице. При использовании чернила растираются с водой по аргиллиту, мрамору или другим камням, некоторые из которых вырезаются и шлифуются красивым способом. Китайскую бумагу делают из бамбука, разминая древесное волокно в ступке после того, как куски вымачиваются в уксусе, а затем выкладывают в формы; иногда к мякоти добавляют немного хлопкового волокна. Низшие сорта изготавливаются полностью из хлопковых отходов; на севере, где бамбук не растет, кора *бруссонети*, или бумажной шелковицы, служит материалом для прочной бумаги, используемой для окон, оберток, бухгалтерских книг и т. д. Бамбуковая бумага не имеет размера и является хрупким материалом для сохранения ценных записей, так как легко разрушается насекомыми, плесенью или при обработке.[297]

БУМАГА И ПЕЧАТЬ.

Во времена Конфуция для письма использовали тонкие кусочки бамбука, листья пальмы и тростника, на которых писали острой палочкой или шилом. Примерно в третьем веке до нашей эры стали использовать шелк и ткань, а для письма изготавливали волосные карандаши. Бумага была изобретена примерно в первом веке, а хлопчатобумажная бумага,

возможно, была привезена из Индии, где она использовалась более ста лет назад. Индийские чернила были изготовлены в седьмом веке, а нынешний способ печати на блоках был перенят из открытия Фунгтау в десятом веке, позволяющего снимать оттиски с гравированных камней. В стиле своих записок и писем китайцы демонстрируют аккуратность и элегантность; используются узкие листки тонированной бумаги, на которых водяными линиями нанесены различные эмблемы, и вложены в причудливые конверты. Вместо имени принято ставить шифр или завершать письмо перифразой или предложением, хорошо понятным сторонам, и таким образом избегать подписи; это, возникшее, несомненно, из страха перехвата и неприятных последствий, постепенно стало обычным способом подписывать дружеские послания.

ПРОИЗВОДСТВО КИТАЙСКИХ КНИГ.

Способ печати настолько хорошо приспособлен к языку, что в его манипуляции было внесено мало усовершенствований, а дешевизна книг делает их доступными для самых бедных. Резка блоков и написание символов - две разные отрасли бизнеса; печать листов, переплет томов и издание книг также дают работу другим ремесленникам. Вначале пишутся символы на тонкой бумаге, испещренной линиями, причем на одном блоке вырезаются две страницы, и их окружает плотная двойная линия. Название произведения, глава и страница вырезаются в центральной колонке, и когда лист печатается, он складывается через эту колонку так, чтобы иероглифы оказались на краю и частично на обеих страницах. Маргинальные заметки помещаются в верхней части страницы; комментарии, если они сильно растянуты, занимают верхнюю часть, отделяясь от текста плотной линией, или, если это просто схолии, впечатываются в ту же колонку символами вдвое меньшего размера. Иногда два произведения печатаются вместе, одно из них проходит через весь том по верхней половине листов и отделяется от того, что занимает нижнюю половину, жирной линией. Иллюстрации обычно занимают отдельные страницы в начале книги, но есть несколько работ с ксилографиями убогого описания, вставленными в тело страницы. В книгах, напечатанных правительством, каждая страница иногда окружена драконами, или титульный лист украшен красным цветом этой эмблемы императорской власти.

Когда лист написан так, как он должен быть напечатан, его переворачивают и наклеивают на блок лицевой стороной вниз. Дерево, которое обычно используют резчики, - груша или слива; доски толщиной в половину или три четверти дюйма, строганные для резки с обеих сторон. Бумага, высохшая на доске, тщательно стирается смоченным пальцем, оставляя каждый знак и штрих четко очерченным. Затем резчик своими резцами вырезает все пустые места внутри и вокруг символов на глубину строки или более, после чего блок готов к работе печатника, чей механизм очень прост. Сидя перед скамьей, он кладет блок на бумагу, чтобы тот не двигался и не терся. С одной стороны лежит стопка бумаги, с другой - горшок с чернилами, а с третьей - кисточка для нажима. Взяв кисточку, он дважды слегка проводит ею по блоку, чтобы чернила равномерно распределились по поверхности; затем кладет на него лист бумаги, а поверх него еще один, который служит тимпаном. Оттиск делается с помощью волокнистой коры пальмы гомути; один или два движения по блоку завершают оттиск, так как печатается только одна сторона бумаги. Другой и более дешевый метод, широко используемый для публикации листов новостей, судебных циркуляров и т. д., заключается в вырезании символов в блоках твердого воска, с которых часто можно сделать до двухсот оттисков, прежде чем они станут полностью неразборчивыми. Чернила изготавливаются из ламповой черни, смешанной с растительным маслом; печатники сами размалывают их.

Листы попадают к переплетчику, который складывает их посередине по линии вокруг страниц, чтобы столбцы находились друг с другом, затем он собирает их в тома, располагая

листы равномерно по их сложенному краю, когда все они расставлены, а обложки наклеены с каждой стороны. Два листа бумаги сшивают ее сзади, книгу обрезают и отправляют книготорговцу. Если требуется, ее крепко сшивают нитками, но эту часть, а также написание названия на нижних краях тома и изготовление картонной обертки обычно откладывают до выяснения вкуса покупателя. Книги из таких материалов не так долговечны, как европейские тома, и те, кто может позволить себе такие расходы, часто держат ценные произведения в деревянных коробках. Они печатаются всех размеров - от небольших изданий *в рукавах* (как китайцы называют 24 и 32 мос.) до кварто, двенадцать или четырнадцать дюймов в квадрате, больше которых трудно достать блоки.

Цена варьируется от одного цента за брошюру в двадцать пять-тридцать страниц до полутора долларов за том. Она редко бывает выше, за исключением иллюстрированных произведений. В одном томе редко бывает больше ста листов, а в тонких книгах их толщина увеличивается за счет вставки дополнительного листа внутрь каждого листа. В Кантоне или Фухау "История трех государств", переплетенная в двадцать один том 12мо, напечатанный на белой бумаге, обычно продается за семьдесят пять центов или доллар за комплект. Словарь Канхи в двадцати одном томе 8во, на желтой бумаге, продается за четыре доллара; а все девять классиков можно купить менее чем за два. Книгами торгуют на улицах, тиражные библиотеки переносят из дома в дом на передвижных подставках, а в крупных городах часто встречаются книжные лавки. Никакой цензуры, кроме запрета писать о нынешней династии, в прессе нет; авторы также не защищены законом об авторском праве. Состоятельные люди иногда демонстрируют свой литературный вкус, оплачивая расходы на нарезку и публикацию объемных произведений. Пван Ш'-чинг, богатый торговец в Кантоне, в 1846 году опубликовал издание "Пэй Вэнь Юнь Фу" в ста тридцати толстых томах формата октаво, блоки для которого, должно быть, обошлись ему более чем в десять тысяч долларов. Количество хороших оттисков, которые можно получить с набора блоков, составляет около шестнадцати тысяч, а с помощью ретуширования иероглифов можно снять еще десять тысяч.

Недостатки этого способа печати заключаются в том, что другие языки не могут быть легко введены на страницу вместе с китайскими иероглифами; блоки занимают много места, легко портятся или теряются; и не могут быть исправлены без больших затрат. Она обладает некоторыми компенсирующими преимуществами, свойственными китайскому и родственным ему языкам - маньчжурскому, корейскому, японскому и т. д., - все они пишутся кистью и имеют мало или совсем не имеют круговых штрихов. Его удобство и дешевизна, в сочетании с низкой заработной платой, несомненно, сделают этот способ печати китайского языка общепринятым в народе на долгое время.

Честь быть первым изобретателем подвижных шрифтов, несомненно, принадлежит китайскому кузнецу по имени Пи Шинг, который жил около 1000 г. н. э. и печатал ими книги почти за пятьсот лет до того, как Гутенберг нарезал свои матрицы в Майнце. Они были сделаны из пластичной глины, затвердевшей под воздействием огня после того, как иероглифы были вырезаны на мягкой поверхности глиняной пластины, в которой они были вылеплены. Затем фарфоровые шрифты помещались в железную раму, разделенную полосками, и вставлялись в цемент из воска, смолы и извести, чтобы закрепить их. Печать производилась натиранием, а по завершении типсы разрыхляли, расплавляя цемент, и очищали для нового оттиска.

Это изобретение, похоже, так и не было доведено до практического применения взамен блочной печати. Император Канхи приказал выгравировать около двухсот пятидесяти тысяч медных типов для печати правительственных изданий, и эти работы сегодня высоко ценятся за их красоту. Корыстолюбие его преемников привело к переплавке этих типов в наличные

деньги, но его внук Кьенлунг распорядился отлить большой шрифт свинцовых типов для правительственных нужд.

ПОДВИЖНЫЕ КИТАЙСКИЕ ТИПЫ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ ИНОСТРАНЦАМИ.

Внимание иностранцев рано обратили на подготовку китайских подвижных шрифтов, особенно для быстрого изготовления религиозных книг в связи с миссионерской работой. Первые шрифты были изготовлены П. П. Томсом для офиса компании E. I. Company в Макао в 1815 году для печати словаря Моррисона. Иероглифы вырезались резцами на блоках из типографского металла или олова, и хотя вырезать полный шрифт было делом небыстрым, их количество и разнообразие постепенно росло, пока они не послужили для печати более двадцати словарей и других работ, предназначенных для помощи в изучении китайского языка, прежде чем были уничтожены пожаром в 1856 году. Малый шрифт был отлит в Серампоре в 1815 году, а в 1838 году Королевская типография в Париже получила набор блоков, выгравированных в Китае, с которых были сделаны толстые отливки, а отдельные типы были получены путем распиливания пластин. М. Ле Гран, типограф в Париже, около 1836 года, подготовил обширный шрифт со сравнительно небольшим количеством матриц, отливая радикал и примитив на отдельных телах; этот план, в определенных пределах, сэкономил столько средств и места, что был принят в других шрифтах.

Эти эксперименты в Европе показали возможность изготовления и использования китайского шрифта в любом объеме, но их результаты в отношении элегантности и точности формы были неудовлетворительными и доказали, что только местные мастера могут удовлетворить местный вкус. Преподобный Сэмюэл Дайер из Лондонской миссии в Сингапуре начал в 1838 году, испытывая серьезные трудности, поскольку не был практическим печатником, вырезать матрицы для двух полных шрифтов. Он продолжал заниматься своим делом до самой смерти в 1844 году, выполнив всего тысячу восемьсот сорок пять пуансонов. Его работу продолжил Р. Коул из Американской пресвитерианской миссии, искусный механик в своем деле, и в 1851 году он смог изготовить шрифты двух размеров по четыре тысячи семьсот знаков каждый. Их форма и стиль отвечали всем требованиям самого придирчивого вкуса, и сейчас они постоянно используются.

В то время как работа над шрифтами г-на Дайера была приостановлена из-за его смерти, один доброжелательный печатник, герр Бейерхаус из Берлина, предпринял попытку сделать шрифт промежуточного размера по принципу делимых типов Ле Гран; его предложение было принято пресвитерианским советом миссий в Нью-Йорке, и после долгих проволочек прекрасный шрифт был закончен и введен в эксплуатацию около 1859 года. В это время мистер У. Гэмбл из миссии в Шанхае осуществил свой план изготовления матриц электротипическим способом и завершил работу над большим шрифтом мелкого пикообразного шрифта примерно за столько же месяцев, сколько Дайеру и Бейерхаусу потребовалось лет. С помощью этих различных шрифтов теперь печатаются книги во многих частях Китая, практически в любом стиле, и отливаются шрифты в любых необходимых количествах. Правительство открыло обширную типографию в Пекине, и ее пример побудит местных книготорговцев объединить типографию с ксилографической печатью. Еще большее значение для распространения знаний среди народа имеет тот стимул, который эти дешевые шрифты придали тиражам газет во всех портах; если бы не их удобное и экономичное использование, китайские газеты вообще не могли бы издаваться. Туземные рабочие, владеющие навыками электротипирования, стереотипирования и литья шрифтов, вполне смогут изготавливать шрифты всех размеров и стилей для своих собственных книг, поскольку растущий интеллект народа создает спрос на иллюстрированные и научные издания, а также на дешевые.^[298]

ФОНЕТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ЯЗЫКА.

Ничто не способствовало большему заблуждению относительно природы китайского языка, чем то, как разные авторы говорили о его фонетическом характере. Некоторые, описывая примитивные символы и изменения, которые они претерпели, создают впечатление, что весь язык состоял из иероглифических или идеографических знаков, которые изображали идеи и передавали их значение исключительно на глаз, независимо от звука. Например, Ремюзат говорит: "Иероглиф не является очертанием звука, а звук - выражением иероглифа", забывая спросить себя, как и когда иероглиф в каком-либо языке когда-либо очерчивал звук. Тем не менее каждый китайский иероглиф имеет столько же звуков, сколько и слова в алфавитных языках, а некоторые имеют более одного, чтобы выразить различные значения; так что, хотя иероглиф не может обозначать звук того, что он обозначает, звук является выражением иероглифа. Другие, как мистер Лэй, [299], препарировали иероглифы и пытались проследить некоторую аналогию в значениях всех тех, в которых встречается один и тот же примитив, и путем своего рода анализа выяснить, какая часть значения радикала была влита в примитив, чтобы сформировать настоящее значение. Его план, в общих чертах, состоит в том, чтобы взять все символы, содержащие определенный примитив, и выяснить, сколько значений этого примитива содержится в каждом из них; затем он реконструирует серию, определяя примитив, попутно показывая намерение создателей символов в выборе *ing* этого конкретного, и распределяя столько его совокупного значения между каждым символом, сколько необходимо, и добавляя значение радикала, чтобы сформировать его полное значение. Если мы понимаем его план, он хочет построить формулу для каждой группы, содержащей один и тот же примитив, в которой значение примитива является определенной функцией для всех содержащих его знаков; сложить общую сумму их значений и разделить ее между знаками, выделив каждому свой коэффициент. Однако языки устроены иначе, и китайский не является исключением. Некоторые утверждения мистера Лэя верны, но его теория причудлива. Невозможно определить, какая пропорция была составлена путем сочетания радикала и примитива с учетом их значений, согласно теории мистера Лэя, и сколько из них были просто фонетическими комбинациями; вероятно, девять десятых составных иероглифов были построены по последнему принципу.

Пятый класс слоговых символов был образован путем объединения символической и слоговой систем, так чтобы представлять главным образом звук, но при этом в конструкции каждого из них содержалась некоторая ссылка на его общее значение. Первоначальные иероглифы не содержали звуков, *то есть* не были сформированы из фонетических составляющих; изображаемый объект имел название, но к нему не было никакого ключа. Невозможно было сделать и то, и другое - изобразить предмет и дать его название одним и тем же иероглифом. Поначалу, когда количество людей, использующих эти идеографические символы, было, вероятно, невелико, каждый называл их одним и тем же именем, как только узнавал, что они изображают, и начинал читать их. Но когда количество идей, которые пытались записать, значительно превышало количество символов, или, что более вероятно, изобретение лимнеров, приходилось прибегать к комбинации уже понятных символов для выражения новой идеи. Это делалось несколькими способами, как было отмечено выше, но слоговая система нуждается в дополнительном объяснении, учитывая степень, до которой она дошла. Иероглиф 喃 *nan*, обозначающий молодняк саранчи, уже приводился. Тот же принцип будет применяться при *чтении* каждого нового иероглифа, в котором распознается только фонетический примитив, хотя его значение может быть неизвестно. Вероятно, все иероглифы пятого класса при построении звучали в строгом соответствии с их фонетическими примитивами, но использование изменило некоторые из их звучаний, и многие иероглифы, принадлежащие к другим классам, очевидно содержащие

тот же примитив, звучат совершенно иначе; это вводит в заблуждение тех, кто выводит звук из примитива. Такой способ построения и наименования символов также объясняет причину, по которой существует так мало звуков по сравнению с количеством символов; фонетический примитив увековечивает свое название во всех своих потомках.

СПОСОБЫ ВВЕДЕНИЯ НОВЫХ СЛОВ.

Более семи восьмых иероглифов были образованы из менее чем двух тысяч символов, и трудно представить, как можно было бы так долго и широко пользоваться ими без какого-либо метода, позволяющего освободить память от бремени запоминания тысяч произвольных знаков. Но пока не будут выучены названия и значения исходных символов, ни звучание, ни смысл составных иероглифов не будут более очевидны для китайца, чем для любого другого человека; пока они не известны, их комбинации не могут быть поняты, и даже тогда значение не может быть полностью выведено; каждый иероглиф должен быть выучен сам по себе, как и слова в других языках. Звуки, которыми наделялись первоначальные символы, несомненно, начали меняться уже в самом начале их использования. Общение между различными частями страны было не настолько частым, чтобы предотвратить возникновение местных диалектов; но как бы ни была сильна тенденция разговорных односложных слов сливаться в многосложные, неподатливые символы удерживали их друг от друга. Удивительно и то, что при восприятии и сохранении смысла книги разум склонен доверять скорее глазу, чем уху; это проявляется во многих отношениях и возникает скорее из-за привычки, чем из-за реальной трудности уловить идею *vivâ voce*. Если бы персонажи могли объединиться, их имена вскоре слились бы и видоизменились, как это происходит в других языках. Классики, словари и неограниченное использование письменного языка сохранили тот же смысл; но поскольку их звуки должны были выучены традиционно, возникли бесконечные вариации и пута. Более того, как во всех странах новые обстоятельства и рост знаний порождают новые слова, так и в Китае появляются новые сцены и выражения, требующие включения в письменный язык. Изначально это были неписанные, хотя и хорошо понятные звуки; и при первом написании десять должны были объяснены, как это происходит с иностранными словами, такими как *tabu*, *ukase*, *vizier* и т.д., *ad infin.*, при введении в английский язык. Однако разные писатели могут использовать разные примитивы для выражения звука, не зная, что он уже был написан, и, следовательно, возникнут синонимы; они могут использовать несхожие радикалы, и это также увеличит количество способов написания звука. Но неудобство такого умножения символов вскоре проявлялось в неясности предложения, ведь если нового символа не было в словаре, его звучания и состава было недостаточно, чтобы объяснить значение. Когда язык достиг определенного обилия, способ образования и стиль литературных произведений заставил ученых использовать только те символы, которые были одобрены хорошим употреблением, иначе они рисковали быть непонятыми.

Однако неписанные звуки не могли дожидаться такого медленного принятия, а риск быть неправильно понятыми при фонетическом использовании иероглифов привел к появлению описательных терминов, передающих идею, а не звук. Там, где алфавитные языки перенимают технику для обозначения новой вещи, китайцы создают новую фразу. Это иллюстрируют термины "хун-мао цзинь", или "люди с красной щетиной", для англичан; "хва-ки", или "цветочный флаг", для американцев; "си-ян", или "западный океан", для португальцев и т. д., используемые в Кантоне вместо собственных названий этих стран. Причина и следствие действуют друг на друга в этом случае: использование несанкционированных символов для выражения неписанных звуков делает композицию неясной, в то время как ограничение набором символов заставляет их значение быть

достаточно полным, чтобы включать все случаи жизни. Местные, неписанные фразы и недозволенные иероглифы настолько распространены, однако, из-за частичного общения между отдаленными частями столь огромной страны и массы людей, что очевидно, что если бы эти узлы союза были устранены заменой алфавитного языка, китайцы вскоре разделились бы на множество маленьких наций. Поэтому, как бы ни было желательно введение письменного языка, менее трудного для освоения и более гибкого, есть некоторые причины, по которым его следует отложить до тех пор, пока не распространится более глубокий интеллект и не появятся справедливые принципы управления. Когда люди сами почувствуют необходимость в этом, они придумают какой-нибудь лучший способ распространения знаний.

"СЛОВА-РАКОВИНЫ" И ТОНАЛЬНОСТЬ.

Моносиллабическое звучание примитива, однажды переданное идеофоническому соединению, объясняет существование стольких символов с одинаковым звучанием. Когда эти различные символы представляли перед глазами ученого, не возникало проблем с распознаванием их смысла и звучания, но возникала путаница при произнесении. Это было устранено двумя способами. Один из них - повторение слова или соединение двух одинаковых по значению, но разных по звучанию, чтобы передать единую идею; или добавление классифицирующего слова, чтобы выразить его природу. Оба эти способа фактически образуют настоящий дислингв, и в алфавитном языке он будет выглядеть именно так. Первый вид этих *hien-hioh sz'*, или "слов из раковины моллюска", как их называют, нередко встречается в книгах, но гораздо чаще в разговоре и делает устную речь более распространенной, чем письменную, - возможно, в большей степени, чем в других языках. Подобные сочетания из трех, четырех и более знаков встречаются, особенно когда переводится иностранный артикль или термин, но гений языка против использования многослогов. Такие сочетания в английском языке, как *household*, *house-warming*, *housewife*, *house-room*, *houseleeks*, *hot-house*, *wood-house*, *household-stuff* и т. д., иллюстрируют эти дислингвы в китайском; но их не так легко понять. Такие термины, как "понимать", "ухаживать", "уходить", "прямо" и т. д., представляют собой лучшие аналогии китайским соединениям. В некоторых из них реальное значение совершенно не похоже ни на один из терминов, например, *tungkia* (букв. "восточный дом") - хозяин; *tungsí* (букв. "восточно-западный") - вещь; *kungchu* (букв. "господин-правитель") - принцесса и т. д. Классификаторы имеют характер прилагательных и служат не только для сортировки разных слов, но и одного и того же слова при использовании в разных смыслах. Они соответствуют таким словам в английском языке, как *herd*, *fleet*, *troop* и т. д. Сказать "флот коров", "отряд кораблей" или "стадо солдат" было бы нелепо только в английском языке, но подобное неправильное употребление запутало бы смысл и в китайском.

Другой способ избежать путаницы омофонных односложных слогов, которые, несмотря на "слова-раковины моллюсков" и широкое использование классификаторов, все еще подвержены заблуждениям, - это точное обозначение их правильного *шинга* или тона, но поскольку ничего подобного в европейских языках нет, описать их довольно сложно. В Кантоне их восемь, расположенных в верхней и нижней серии по четыре; в Пекине - только четыре, в Нанкине - пять, а в Сватоу - семь. Китайские печатники иногда обозначают *шинг* на некоторых двусмысленных иероглифах полукругом, поставленным на один угол; но это делается редко, так как предполагается, что каждый, кто умеет читать, знает, как говорить, и, следовательно, знаком с правильным тоном. Эти четыре тона называются *пин*, *шан*, *кю* и *чжи*, что означает, соответственно, *ровный*, *восходящий*, *уходящий* и *входящий*. Они применяются к каждому слову и не имеют ничего общего ни с акцентом, ни с ударением;

спрашивая или отвечая, умоляя или отказывая, осыпая или лстя, успокаивая или порицая, они остаются неизменными. Неграмотные туземцы, даже дети и женщины, которые почти ничего не знают о различии четырех, пяти, семи или восьми *шингов*, внимательно следят за ними в своей речи и определяют неправильное произношение так же быстро, как и ученый человек. Достаточно привести одну иллюстрацию. *Ровный* тон - это естественное выражение голоса, и туземные писатели считают его самым важным. В предложении,

Когда я спросил его: "Вы позволите мне посмотреть на нее?", он ответил: "Нет, я не буду этого делать".

Различные каденции вопроса и ответа иллюстрируют верхний и нижний ровный тон. *Восходящий* тон слышен в восклицательных словах, таких как *ах! действительно!* Он немного похож на крещендо в музыке, в то время как *уходящий* тон соответствует в той же степени диминуэндо. Тягучий тон подавляемого недовольства, ворчания и добивающегося ответа, не похож на уходящий тон. Входящий тон почти исчез в северных провинциях, но придает речи заметную особенность в южных; это резкое окончание, в той же модуляции, что и ровный тон, но как бы оборванное; человек, собирающийся сказать *lock*, и взятый с заминкой в середине, так что он оставляет две последние буквы или конечную согласную, произносит *juh shing*. Некоторые иероглифы имеют два тона, которые придают им разные значения; *пинг-шинг* часто обозначает субстантив, а *кю-шинг* - глагол, но в этом отношении нет никакой закономерности.

Эти тона соблюдаются туземцами всех рангов, говорящими на всех патуа и диалектах и по любому поводу. Они представляют собой серьезную трудность для взрослого иностранца, который должен проповедовать или говорить приемлемо для туземцев, поскольку, хотя при правильном использовании классификаторов, соблюдении идиом и умножении синонимов его могут понять, его речь будет грубой, а слова неприятными, если он не выучит тональность точно. В Амой и Фюхчау он также рискует быть неправильно понятым. Если читатель, читая следующее предложение, будет делать ударение на выделенные курсивом слоги, он получит несовершенную иллюстрацию того, какую путаницу создает неправильная интонация: "*Присутствие* этого предмета вызвало такое *перемещение*, что я отвлекся от всего окружающего". В китайском языке, однако, нужно учиться не ударению на одном из двух слогов, а целостному тону одного звука, как в музыкальной октаве.

Здесь нет необходимости вдаваться в подробное описание или перечисление слов китайского языка. Примечательной особенностью является частота использования окончания *нг*, предшествующего всем гласным, которое придает китайской речи особый певучий характер, как, например, *квантунг*, *янгцз'кианг* и т. д. В списке звуков придворного диалекта примерно шестая часть слогов имеет это окончание, но под этими слогами встречается большее количество иероглифов, чем указано в простом списке. В словаре Моррисона количество отдельных слов в придворном диалекте составляет 411, но если выделить придыхательные слоги, то их будет 533. В "Словаре слогов" автора это число равно 532; Уэйд в одном списке сокращает пекинский диалект до 397 слогов, а в другом увеличивает его до 420. В кантонском языке их 707, в диалекте Сватоу - 674, в Амойском - около 900, в Фучау - 928, в Шанхайском - 660. Во всех этих списках различаются придыхательные и непридыхательные слова, такие как *ting* и *t'ing*, *pa* и *p'a*, которые для английского уха почти идентичны. Большая часть звуков является общей для диалектов, но различия таковы, что позволяют легко распознать каждый из них в разговорной речи; придворный диалект - самый звонкий из всех и самый легкий для освоения. Все согласные

английского языка встречаются в том или ином диалекте, кроме того, многие из них не встречаются в этом языке, например *bw, chw, gw, jw, lw, mw, nw* и т. д. Есть также несколько несовершенных гласных звуков, не известных ни в одном европейском языке, например *hm* или *'m, hn* или *'n*, ^(ng) (высокий носовой звук), *sz', 'rh, ch'* и т. д. Фраза *'m 'ng tǎk* в кантонском диалекте, означающая "нельзя толкать", или *chainⁿmaiⁿlang*, "слепой человек", в амойском, не может быть настолько точно выражена этими или любыми другими буквами, чтобы по ним можно было выучить звук. Если нам трудно выразить их звуки римскими буквами, то китайцам еще более странно писать английские слова. Например, *крестить* на кантонском диалекте означает *pa-pí-tai-sz'*; *фланель* - *fat-lan-yin*; *лестница* - *sz'-ta-sz'*; *непруступный* - *ím-pí-luk-na-pu-lí*; и т. д. Такие слова, как *Washington, midshipman, tongue* и т. д., можно писать ближе к их истинному звучанию, но неделимые китайские односложные слова представляют собой серьезное препятствие на пути введения в язык иностранных слов и знаний.

Предыдущие наблюдения объясняют, как возникли многочисленные местные отклонения от общего языка, встречающиеся во всех частях Китая. Как ни трудно иностранцу овладеть разговорным языком из-за краткости слов и тонкости их тона, разнообразие местных произношений одного и того же иероглифа добавляет не мало труда, особенно если он находится там, где он может вступить в контакт с людьми из разных мест. При таком разнообразии произношения, когда один звук действительно столь же правилен, как и другой, нелегко определить, что считать диалектом, патуа или коррупцией. Диалект в других языках обычно описывается как местная вариация в произношении или использование особых слов и выражений, не затрагивающих идиому или грамматику языка; но в китайском, где письменность объединяет массу людей в один язык, диалект обычно рассматривается теми, кто писал на эту тему, как распространяющийся на вариации в идиоме, а не ограничивающийся различиями в произношении и местных выражениях. Согласно этому определению, существует всего четыре или пять диалектов (которые на самом деле были бы столь же многочисленными языками, если бы их не объединяла письменность), но бесконечное разнообразие патуа или местных произношений. Китайцы опубликовали книги, иллюстрирующие придворный, чанчауский или амойский, кантонский и фучауский диалекты. Различия в идиомах и произношении таковы, что делают людей, говорящих на них, неразборчивыми, но не влияют на стиль письма, идиомы которого основаны на использовании лучших писателей и остаются неизменными.

ПРИДВОРНЫЙ, ИЛИ МАНДАРИНСКИЙ ДИАЛЕКТ.

Придворный язык, *кванхва*, или мандаринский диалект, - это скорее не диалект, а настоящий язык страны - *китайский язык*. Его изучают и на нем говорят все образованные люди, и никто не может претендовать на образованность или достижения, если не умеет разговаривать на нем, в какой бы части империи он ни родился. Это общий язык северо-восточных провинций, особенно Хонана, Шантунга и Нганхуэя, хотя даже в них он в большей или меньшей степени отличается от придворного и столичного. Эта речь характеризуется мягкими и плавными тонами, отсутствием всех резких согласных окончаний, преобладанием жидких и лабиальных. В некоторых провинциях, где говорят на этом языке, например, в восточных частях Чехкианга и Киангсу, распространены гуттуралы, а инициалы смягчены или изменены.

Этот язык - самый древний из ныне существующих, так как строфы стихов, написанных двадцать пять веков назад, во времена, предшествовавшие Конфуцию, читаются сейчас с теми же рифмами, что и при написании. Выражения *кванхва*, хотя и напоминают письменный язык больше, чем другие диалекты, все же не похожи на него: они более расплывчаты,

содержат много синонимов и частиц, которые не нужны для того, чтобы смысл был ясен, когда он обращен к глазам. Разница в этом отношении такова, что два образованных китаец, говорящие в лаконичном стиле книг, вряд ли поймут друг друга и будут вынуждены использовать больше слов для передачи своего смысла в разговоре, чем сочтут изящным или необходимым в эссе. Это, конечно, более или менее характерно для всех языков, но из-за малого разнообразия звуков и их монослоговой краткости это неизбежно в китайском, хотя не следует думать, что на этом языке нельзя писать так, чтобы его понимали при чтении; на нем можно писать так же рассеянно, как и говорить, но такой стиль не считается очень элегантным. Однако есть книги, написанные на разговорном языке, по которым нетрудно научиться стилю разговора, и такие книги - одно из лучших, что можно дать в руки иностранцу, начинающему изучение.

ДИАЛЕКТЫ КАНТОНА И АМОЯ.

Местный жаргон называется *tu tan*, или *hiang tan*, т. е. местный или деревенский говор, и почти при каждом офицерском суде есть переводчик этого языка для перевода своеобразных фраз свидетелей и других лиц, предстающих перед ним. Термин "*диалект*", строго говоря, не может быть применен к *ту-тану*, хотя его обычно так называют; это патуа или борг. Кантонский диалект жители называют *pak wa*, "простая речь", потому что он более понятен, чем придворный диалект. Он сравнительно легко усваивается и по произношению и идиомам меньше отличается от *кван-хва*, чем язык Амоя и его окрестностей; но различий все же достаточно, чтобы сделать его непонятным для людей с севера. На нем написано очень мало книг, но ни одна из них не может помочь в его изучении. Местный ученый счел бы свои литературные достижения почти унижительными, если бы писал книги на провинциальных диалектах и отказался от стиля бессмертных классиков. Главной особенностью произношения кантонского диалекта, отличающей его от общего языка, является замена резких гласных окончаний, таких как *loh*, *kiah*, *pih*, на вполне определенные согласные *k*, *p* и *t*, такие как *lok*, *kap*, *pít*, - изменение, которое значительно облегчает различение слогов. Идиомы этих двух языков невозможно проиллюстрировать без помощи письменности, но можно показать различия между звуками в двух-трех предложениях: Фраза *I don't understand what he says* (Я не понимаю, что он говорит) находится в

Придворный диалект: *Wo min puh tung teh ta kiang shim mo.*

Кантонский диалект: *Ngo 'm hui kü kong mǎt yé.*

В риге содержится песок.

Придворный диалект: *Na ko mí yu sha tsz'.*

Кантонский диалект: *Ko tik mai yau sha tsoi noi.*

Ни один из провинциальных патуа не отличается так сильно от *кван хва* и не имеет столько особенностей, как те, на которых говорят в провинции Фухкиен и восточных районах Квантуна. Все они носовые, и, по сравнению с теми, на которых говорят в других странах, резкие и грубые. Они имеют большое количество неписанных звуков, восполняя таким образом их недостаток; один и тот же иероглиф часто имеет один звук при чтении и другой при произнесении; все они находятся в общем употреблении. Эта любопытная особенность заставляет иностранца изучать два параллельных языка при изучении этого диалекта, настолько они близки и в то же время различны. Разница между ними станет более очевидной, если процитировать одно предложение: "Сначала он выполнял то, что было

трудно, а затем подражал тому, что было легче". Соответствующие слова разговорного языка помещены под звуками чтения.

Сиен k'í su chí се Ян, jí ho к'í хау chí се тек.
Тай Сенг ch'óíé su é се о, jí туи ау k'w'aíé хау гиёмé се тит тио.

Переход от одного к другому чрезвычайно разнообразен как по звучанию, так и по идиоматике. Так, *bien chien*, "перед лицом", в разговорной речи становится *bin chan*; в то время как во фразе *cheng jit*, "прежний день", то же слово *chien* становится *cheng*, а не *chan*; *bòé chu*, "зрачок глаза", становится *ang a*; *sit hwan*, "есть рис", становится *chiah pui*ⁿ. Их диалект, как и их дух трафика, выделяют народ амой, где бы он ни встречался, и поскольку они обычно встречаются на всем побережье и в Архипелаге, и их не понимают, кроме как их провинциальные соотечественники, они везде объединяются в кланы и образуют отдельные общины. Доктор Медхерст опубликовал словарь диалекта чанчау, в котором звуки иероглифов даны в том виде, в каком они читаются. Доктор К. Дуглас собрал большой словарь слов и выражений, используемых в разговорном языке амоЙцев, в котором он попытался свести все к латинизированной системе письма, опустив все иероглифы.

Диалекты Фухчау, Сватоу и Кантона также были исследованы протестантскими миссионерами. Г-да Маклей и Болдуин занялись первым, и их работа оставляет желать лучшего в плане разъяснения этой речи. В словаре Годдарда, посвященном сватоу, нет примеров, а в тоническом словаре кантонского диалекта Уильямса не приведено ни одного символа с примерами. Этот недостаток был восполнен в перестройке Лобшейда под радикалы.

Степень использования диалектов не установлена, равно как и степень модификации каждого из них в тех частях, где на них говорят; ведь жители деревень в радиусе нескольких миль, хотя и прекрасно понимают друг друга, все же придают разное звучание нескольким символам и имеют несколько местных фраз, которых достаточно, чтобы различать нескольких жителей, а города, расположенные на расстоянии одной-двух сотен миль друг от друга, еще более непохожи. Например, житель Кантона всегда говорит "шуй" для воды и "цзи" для ребенка, а уроженец Макао произносит эти два слова "суй" и "чу"; и если бы его жизнь зависела от того, произнесет ли он их так, как говорят в Кантоне, они оказались бы шибболетом, который он не смог бы выговорить. В деревнях между Кантоном и Макао также существуют сильные особенности речи, которые не встречаются ни в одном из этих мест. Однако какой бы звук они ни придавали иероглифу, он имеет один и тот же тон, и китаец гораздо меньше удивится, услышав, что воду называют #*chwui*, чем если бы он услышал, что ее называют *b shui* в более низком ровном тоне, а не в восходящем. По своей природе тоны действительно приближаются к гласным больше, чем просто музыкальные переходы; и именно благодаря их приятному различию люди способны понимать друг друга с меньшими трудностями, чем можно было бы предположить на фоне такого жаргона вокабул.

ПРОИЗНОШЕНИЕ И ГРАММАТИКА.

Такое точное различие гласных звуков и сравнительное безразличие к согласным, характерное для китайского разговорного языка, возникло, несомненно, из-за моносложности и постоянных, хотя и незначительных изменений в названиях иероглифов в результате традиционного способа их заучивания. В любом иероглифе нет целостного звука, и все они, конечно, одинаково правильны *сами по себе*; но различные общие и местные словари в определенной степени фиксируют произношение, так же как книги и образование фиксируют написание английских слов. Китайцы не больше, чем другие народы, учатся

произносить свой родной язык по словарям, и, следовательно, вариации лишь частично сдерживаются ими. Можно с уверенностью сказать, что ни один китаец не произносит все слова одинаково, и все же, благодаря универсально понимаемому иероглифу, самая большая масса человеческих существ, когда-либо собранная под одним правительством, может без труда выражать свои мысли и вести все дела и заботы жизни.

Грамматика китайского языка уникальна, но те авторы, которые утверждают, что в нем вообще нет грамматики, должно быть, упускают из виду главное значение слова. Во всех языках есть слова, обозначающие вещи, и другие, обозначающие качества; слова, выражающие действия, совершаемые одним или многими, уже совершенные, совершаемые или предстоящие; действия абсолютные, условные или упорядоченные. Обстоятельства, в которых находится исполнитель и субъект действия, делают необходимыми предлоги, а также другие соединительные слова. Таким образом, принципы грамматики существуют во всех видах речи, хотя для каждого из них могут требоваться свои правила. Этими правилами обладает китайский язык, и их правильное применение, правильное соединение слов и использование частиц, которые заменяют склонения, составляют сложную часть в его освоении. В китайском языке нет этимологии, так как ни иероглифы, ни их названия не претерпевают никаких изменений; используются ли они в качестве глаголов или существительных, прилагательных или частиц, они остаются неизменными. Одно и то же слово может быть существительным, глаголом, наречием или любой частью речи, и его характер не может быть точно известен, пока оно не будет помещено в предложение, когда его значение становится определенным. Поэтому грамматика китайского языка сводится в основном к синтаксису и просодии. Эта особенность китайского языка параллельна в английском таким словам, как *light*, используемым как существительное, прилагательное и глагол; *like*, используемым как глагол, прилагательное и наречие; *sheep* и *deer*, используемым как в единственном, так и во множественном числе; *read*, используемым в прошедшем, настоящем и будущем времени; и во всех случаях без каких-либо изменений. Но то, что в этом языке является случайным исключением, в китайском становится правилом; и в последнем случае путаницы больше, чем в первом.

Хорошее резюме принципов китайской грамматики дает Ремюзат, который говорит, что в целом,

"В каждом китайском предложении, в котором ничего не понятно, элементы, из которых оно состоит, расположены в следующем порядке: подлежащее, глагол, дополнение прямое и дополнение косвенное.

"Модифицирующие выражения предшествуют тем, к которым они относятся: так, прилагательное ставится перед субстантивом, подлежащим или дополнением; субстантивированное управляемое - перед глаголом, который им управляет; наречие - перед глаголом; предложение побочное, косвенное или гипотетическое - перед главным предложением, к которому оно присоединяется с помощью выраженной или понятой связи.

"Относительное положение слов и фраз, определенное таким образом, обеспечивает место часто всех других знаков, предназначенных для обозначения их взаимной зависимости, их характера - прилагательного или наречия, положительного, условного или косвенного.

"Если подлежащее понимается, то потому, что оно является личным местоимением, или потому, что оно выражено выше, и потому, что то же самое подлежащее, которое опущено,

находится в предыдущем предложении, и в том же качестве подлежащего, а не в каком-либо другом.

"Если глагол отсутствует, то это потому, что это субстантивный глагол, или какой-то другой, который легко поставить, или тот, который уже занимал место в предыдущих предложениях, с подлежащим или дополнением, не совпадающим с ним.

"Если несколько субстантивов следуют друг за другом, то они либо находятся в одной конструкции друг с другом, либо образуют перечисление, либо являются синонимами, которые объясняют и определяют друг друга.

"Если несколько глаголов сменяют друг друга, не являясь синонимами и не употребляясь в качестве вспомогательных, первые из них следует воспринимать как наречия или отглагольные существительные, являющиеся предметом тех, которые следуют за ними; или последние - как отглагольные существительные, являющиеся дополнением тех, которые предшествуют".

ЧАСТИ РЕЧИ.

Китайские грамматисты делят все слова на *ши цзи* и *ху цзи*, то есть на основные слова и частицы. Первые подразделяются на *sz' tsz'* и *hwoh tsz'*, то есть на существительные и глаголы; вторые - на инициалы или вводные слова, союзы, восклицания, финалы, переходные частицы и т. д. Они приводят примеры на каждое из них и помогают ученику, снабжая его образцовыми книгами, в которых объясняются принципы языка и все риторические термины. Количество и разнообразие грамматических и филологических трудов доказывает, что они не пренебрегали разъяснением и обустройством своего родного языка. Приведенные выше правила применимы к письменному языку, и эти трактаты полностью относятся к нему; изменения во фразеологии разговорного языка не влияют на его грамматику, которая, однако, формируется по тем же правилам.

Несмотря на то, что символы, будучи изолированными, являются несколько неопределенными, существует множество способов ограничить их значение в предложениях. Существительные часто образуются путем суффиксации формообразующих частиц, например *ni kí*, "гневный дух", означает просто *гнев*; *í kí*, "праведный дух", - *прямоту*; *chin 'rh*, "ребенок-игла", - иглу и т. д.; суффикс в этих случаях просто материализует слово. Пол образуется с помощью отличительных частиц, префиксов или суффиксов к соответствующим словам для каждого пола, или путем обозначения одного пола всегда дислабическим соединением; как *male-being*, для мужского рода; *horse-sire*, или *horse-mother*, для жеребца или плотины; *hero*, *heroine*, *emperor*, *empress*, etc.; и наконец, как *wang-hau*, т.е. *king-queen*, для королевы, тогда как *wang* означает только короля. Число образуется при помощи префикса числительного, как *Yung*, *Tsin*, *two men*; суффикса форманта, *mun*, *tǎng* и других, как *jín-tǎng*, *man-sort*, или *men*; *ta-mun*, *he-s*, или *they*; повторения слова, как *jín-jín*, *man-man*, или *men*; *chu-chu*, *place-place*, или *places*, т.е. *езде*; и, наконец, по объему отрывка. Именительный, винительный и звательный падежи обычно определяются по их положению; родительный, дательный и аблатив образуются с помощью соответствующих предлогов, выраженных или понятых. Звательный падеж распространен в легком чтении и исторических исследованиях.

Прилагательные предшествуют существительным, по положению которых они обычно определяются. Сравнения проводятся разными способами. *Hau* - *хороший*, *kǎng hau* - *лучше*,

chí hau - лучший; *shih fǎn hau hau* - очень хороший; *hau hau tih* - довольно хороший и т. д. Положение прилагательного определяет его сравнение, например *chang yih chih* означает *длиннее на один локоть*; *yih chih chang* - *на локоть длиннее*. Сравнение идей осуществляется путем размещения двух предложений параллельно друг другу; например, "Войти в холмы и схватить тигра легко, открыть рот и добиться расположения людей трудно" - это способ выразить сравнение: "Легче схватить тигра в холмах, чем добиться расположения людей". Правильное использование антитезы и параллелизма считается одним из высших достижений в композиции. Числительных тринадцать, с добавлением иероглифа 零 *ling* для обозначения шифра. Все суммы написаны так, как они должны читаться, как *yih peh sz' shih san*, 一百四十三, т. е. "сто четыре десятка три". Здесь они представлены с произношением в трех диалектах.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	100	1,000	10,000
	一	二	三	四	五	六	七	八	九	十	百	千	萬
Придворный диалект.	йи х	'r h	сан	sz'	ву	luh	tsih	па	киу	ши	пех	tsien	Ван.
Кантонский диалект.	ят	í	Сэм	sz'	'нг	luk	цат	Пэт	кау	шейп	пак	tsín	мужчина
Диалект фухкиен.	это	jí	Сэм	su	ngou	liok	чит	пэт	киу	sip	пэк	chien	запрет.

Китайцы, как и древние греки, перечисляют только до мириад, выражая суммы выше этого числа указанием количества мириад; число 362 447 180 обозначается как три мириады, шесть тысяч, двести сорок четыре мириады, семь тысяч, сто и восемьдесят. Местоимения немногочисленны, и их употребления стараются избегать, когда смысл понятен и без них. Личные местоимения - *three*, *wo*, *ní* и *ta*, но все остальные местоимения легко выражаются прилагательными, словосочетаниями и причастными оборотами. Классификаторы иногда принимают характер местоимений-прилагательных, но обычно это просто распределительные или числовые прилагательные.

Глаголы, или "живые иероглифы", составляют самую важную часть речи в оценке китайских грамматистов, и *шунь ту*, или легкое течение выражения, в их использовании, тщательно изучается. Диссильбические соединения, называемые *словами-раковинами моллюсков*, обычно являются глаголами и образуются различными способами; путем объединения двух похожих слов, как, например, *kwei-kien* (букв. 'подглядывать', 'шпионить'; удвоением глагола, как *kien-kien*, означающего серьезно смотреть; приставкой, обозначающей действие, как *ta shwui* (лит. *strike sleep*), 'спать'; суффиксом, изменяющим слово, как *grasp-halt*, чтобы крепко схватить; *think-arise*, чтобы размышлять, и т. д. Ни одна часть изучения не требует большего внимания, чем правильный выбор этих формантов как в существительных, так и в глаголах; совершенство в *шун-тух* и использовании антитез - результат только многолетнего обучения.

Различные случайности голоса, настроения, времени, числа и лица могут быть выражены соответствующими частицами, но гений языка не поощряет их частое использование. Пассивный залог образуется при помощи префикса частиц, указывающих на агентность, перед активным глаголом, например, "The villain *received* my sword's *cutting*" означает "The villain was wounded by my sword". Повелительное, потенциальное и сослагательное наклонения образуются с помощью частиц или дополнений, но индикатив и инфинитив не обозначаются, также как и число и лицо глаголов, которые обычно различаются. Количество

вспомогательных элементов, частиц, дополнений и суффиксов различных видов, используемых для выражения того, что в других языках обозначается склонениями, на самом деле очень умеренно, и хорошая дискриминация в их использовании указывает на законченного ученого.[300]

ДЕФЕКТЫ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Самым большим недостатком китайского языка является нечеткость выражения времени; не то чтобы не хватало терминов для обозначения его разновидностей, но краткость выражения, которой восхищаются китайские писатели, заставляет их отбрасывать все несущественные слова, особенно те, что относятся ко времени. Этот недостаток больше замечен иностранцу, чем местному жителю, который не знает, как точно время выражается с помощью склонения в других языках. Наречия, предлоги, союзы и междометия не различаются отечественными грамматистами; первые классифицируются с прилагательными, а остальные называются *hü tsz'* - "пустые слова".

Не делается различия между собственными и общими именами, а поскольку каждое слово может быть использовано в качестве имени, это становится источником путаницы для переводчика; в некоторых книгах одна линия, проведенная сбоку от символов, обозначает имена людей, а двойная линия - названия мест; важные слова обозначаются путем начала новой строки с ними, поднятой на один или два символа над другими колонками, что соответствует написанию их с большой буквы. В большинстве книг полное отсутствие всех знаков препинания и деления на предложения и абзацы вызывает ненужные сомнения у читателя. Большое удобство, которое в европейских языках дает использование заглавных букв, знаков препинания, разделения на предложения и абзацы, а также разграничения времени, становится более очевидным, когда необходимо сделать перевод с таких языков, как китайский и японский, в которых они игнорируются. Ложный вкус не позволяет им использовать их; они так восхищаются страницей с простыми иероглифами, что студент, который должен ставить знаки препинания в своем сочинении, рискует быть осмеянным.

Пока еще нелегко решить, как лучше приспособить технические слова западной науки к гению этого языка. Обширную терминологию естественной истории с еще большим количеством научных названий не нужно вводить в него, она может оставаться в оригинале на латыни и греческом, где китайские ученые смогут с ними ознакомиться. Для газов, металлов, земель, кислот и других элементарных веществ уже предложены новые соединения, в которых радикал и примитив выбираются с учетом их значения, причем последнее сложнее, чем обычно для этой цели. Они будут постепенно входить в обиход по мере изучения наук, и их количество не будет вызывать беспокойства.

Существует несколько различных стилей композиции. *Ку вэн*, или резкий антитетический стиль древних классиков, считается неподражаемым и неизменным, и действительно обладает качествами энергии, живости и краткости в превосходной степени; *вэн чанг*, или стиль возвышенной композиции, принятый в эссе, истории и серьезных работах; *сиао швох*, или разговорный стиль, используемый в рассказах.

При наличии серьезных недостатков этот язык обладает и некоторыми поразительными достоинствами. Выразительность иероглифов, после того как их составные части становятся знакомыми, заставляет большую часть смысла предложения мгновенно проноситься перед глазами, а энергия, возникающая из-за краткости, достигаемой отсутствием всех наклонений и частичным использованием частиц, придает стилю энергичность, которой

едва ли достигнет любой алфавитный язык. Доктор Моррисон замечает, что "китайское изящное письмо поражает воображение яркой вспышкой, силой и красотой, на которые не способен алфавитный язык". Кроме того, он лучше, чем какой-либо другой, приспособлен для того, чтобы стать универсальным средством общения, и фактически стал таковым в гораздо большей степени, чем любой другой; но история его распространения и изменений, которые он претерпел среди пяти народов, использующих его, хотя и представляет собой любопытную тему для филологических исследований, слишком обширна, чтобы обсуждать ее здесь. Однако столь повсеместное использование одного письменного языка предоставляет некоторые особые возможности для распространения знаний посредством книг, что способствует общему возвышению людей, использующих этот язык, и их подготовке к замене алфавитного языка столь трудоемким и громоздким средством выражения мысли, чего, кажется, невозможно избежать по мере распространения христианской цивилизации и знаний.

Часто спрашивают, трудно ли выучить китайский язык? Из предыдущего рассказа о нем видно, что знакомство с его многочисленными иероглифами, умение выговаривать тонко обозначенные тона его коротких односложных слов и сочинять на нем с пронизательностью и изяществом - это труд многих лет упорных занятий. Сделать это на греческом, латинском, английском или любом другом языке - тоже утомительная задача, и, если не считать бесплодного труда по запоминанию множества различных иероглифов, в китайском языке это не сложнее, чем в других. Но знания, достаточные для того, чтобы внятно говорить, разборчиво писать и легко читать, - не такая уж непосильная задача, как полагают некоторые, хотя и этой степени не достичь без упорных занятий. Более того, сейчас доступны словари, справочники и переводы, которые существенно сокращают труд, и их количество постоянно растет.

МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.

Невозможно сформулировать правила его изучения так, чтобы они одинаково хорошо подходили всем людям. Некоторые легко улавливают самые тонкие оттенки голоса, подражают и запоминают услышанные слова; такие люди быстро учатся говорить и могут изъясняться на общие темы, опираясь лишь на словарный запас. Другие предпочитают сесть за стол с учителем и научиться читать, и для большинства людей это лучший способ начать. Вначале основной труд должен быть направлен на изучение иероглифов, чтение их с учителем и изучение их формы. Начните с двухсот четырнадцати радикалов и запомните их, чтобы потом повторять и записывать по порядку; затем выучите примитивы или, по крайней мере, ознакомьтесь с названиями и значением всех распространенных. Помощь, которую дает это предварительное изучение в запоминании формирования иероглифов, стоит всего времени, которое оно занимает. Ученики совершают ошибку, если начинают с Завета или трактата; начав с радикалов и примитивов, они могут выучить больше иероглифов за тот же период и заложить лучший фундамент для освоения других. В то же время они будут изучать звуки и знакомиться с тональностью, которой следует уделить особое внимание, изучая живой голос.

Когда эти иероглифы выучены, следует выучить и закрепить в памяти короткие предложения или уроки чтения, выбранные из хороших *китайских* авторов, с приложением перевода. Одновременно можно заучивать фразы для использования в разговоре; отличный способ - запомнить одну-две сотни распространенных слов, а затем потренироваться составлять из них предложения. Изучение уроков чтения и фраз, а также практика в устной и письменной речи подготовят почву для начала изучения классики или других родных авторов на сайте. К тому времени, когда студент достигнет этого этапа, ему не нужны дальнейшие указания; путь,

которым он хочет следовать в дальнейшем, легко наметить самостоятельно. Не лишним будет заметить, что многие люди, страстно желающие поскорее подготовиться к проповеди или беседе с народом, утомляют свой ум и препятствуют своему окончательному прогрессу, слишком усердно изучая сначала сухие символы; другие считают письменный язык менее важным, пока они могут быстро и хорошо говорить, но в конце концов обнаруживают, что в этом, как и в любом другом живом языке, нет королевской дороги, которая не вела бы их через грамматику и литературу.[301]

ГОЛУБИНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ.

Этот очерк китайского языка был бы неполным без упоминания о своеобразном жаргоне, который вырос между местными жителями и иностранцами вдоль побережья и называется *"голубиный английский"* (*pigeon-English*). Он так долго использовался в качестве средства передвижения и бытового общения, что теперь претендует на то, чтобы стать неписанным патуа, родителями которого не будут ни китайцы, ни англичане. Термин *"голубь"*, пришедший из *бизнеса*, в своей трансформации демонстрирует некоторые влияния, которым подвергаются наши слова, проходя через китайские иероглифы. У иностранцев, впервые поселившихся в Кантоне, не было ни времени, ни возможностей для изучения диалекта, и торговцы, с которыми они заключали сделки, вскоре нахватались больше иностранных слов, чем родных. Вскоре лавочники составили словари иностранных слов, полученных от своих клиентов, и записывали звуки как можно точнее; они запоминали их и составляли предложения в соответствии с идиомами своего языка, не обращая внимания на все наши отступления, которым они не были обучены. Таким образом, обе стороны постепенно стали понимать друг друга достаточно для всех практических целей; иностранцам было довольно приятно говорить на *"ломаном китайском"*, как его небезосновательно называли, и привычка вскоре сделала естественным для новоприбывшего говорить на нем с туземцами, что избавило его от необходимости изучать китайский. Основу жаргона составляет английский язык, а немногочисленные китайские, португальские и малайские слова придают ему расизм, который, наряду с новизной выражений, в последнее время привлекает к этому новому языку большое внимание. Несмотря на отсутствие каких-либо правил, туземцы очень склонны неправильно понимать то, что говорят им их хозяева или клиенты, поскольку эти правила не соблюдаются, и постоянные трудности возникают из-за взаимного непонимания такого рода. Расширяющееся изучение китайского языка, вероятно, не избавит торговые порты от этого дурацкого жаргона, и было предпринято несколько попыток перевести на него английские фрагменты. С другой стороны, в Калифорнии и других местах китайцы, как правило, успешно изучают языки своих стран, а не *"голубиный английский"* или схожий с ним беспородный жаргон, на котором говорят в Макао китайцы, родившиеся на родине.

Знание китайского языка - залог доверия народа, и когда иностранцы освоят его, местные жители начнут избавляться от предрассудков и презрения. В качестве стимула к изучению ученый и филантроп имеет перспективу принести пользу и информировать через него огромное количество своих соотечественников, передать им то, что возвысит их умы, очистит их сердца, научит их понимать и укрепит их стремление к новым знаниям; У них есть возможность сделать многое, чтобы противостоять огромному злу опиумной торговли, обучая китайцев единственным надежным основам, на которых их можно обуздать, и в то же время знакомя их с открытиями в области науки, медицины и искусства среди западных народов.

ГЛАВА XI.

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА КИТАЯ.

Литература, содержащаяся в языке, который мы сейчас кратко опишем, очень обширна и многословна, но лишена точности и не отличается большим разнообразием или юмором. Книги китайцев сформировали и утвердили их национальный вкус, который, как следствие, отличается утомительным однообразием. Безграничное восхищение классикой и ее безупречными авторами, поощряемое экзаменами, еще больше способствовало этому результату и привело к тому, что эти произведения стали еще более известными благодаря тому непревзойденному влиянию, которое они оказывали. Таким образом, можно легко понять, с каким особым интересом студент, изучающий китайскую социологию, обращается к исследованию их писем, огромного накопления за сорок веков. Если бы количество и известность были единственными характеристиками их литературы, этого было бы достаточно, чтобы сделать необходимым некоторое ее изучение; но, кроме того, дальнейшие исследования могут открыть некоторые другие качества "красноречия и поэзии, обогащенные красотой живописного языка, сохраняющего для воображения все его цвета", которые подтверждают сердечные выражения, использованные Ремюзатом, когда он впервые приступил к критическому изучению ее сокровищ.

Для ознакомления с этой литературой лучше всего подойдет "Каталог всех книг четырех библиотек" (Sz' Ku Tsiuen Shu Tsung-muh), охватывающий весь спектр букв и дающий полное и краткое описание содержания лучших книг на языке. Она состоит из ста двенадцати томов формата октаво и сама по себе является ценным трудом, особенно для иностранцев. Книги распределены по четырем разделам: классические, исторические и профессиональные труды, а также беллетристика. Каталог содержит около 3 440 отдельных названий, включающих до 78 000 книг; кроме этих, 6 764 других произведений, насчитывающих 93 242 книги, были описаны в других каталогах императорских коллекций. В этих списках представлена основная часть китайской литературы, за исключением романов, буддийских переводов и последних публикаций.

В первом разделе представлены девять разделов: один посвящен каждой из пяти классических книг (с дополнительным разделом, посвященным им в целом), один - "Мемуарам о филистерском долге", один - "Четырем книгам", один - музыкальным произведениям, девятый - трактатам по образованию, словарям и т. д.

КОРОЛЬ ИИ, ИЛИ КНИГА ПЕРЕМЕН.

Во главе "Пяти классиков" (У Кинг) стоит И Кинг, или "Книга перемен", произведение, которое если и не является, как его неоднократно называли, *Antiquissimus Sinarum liber*, то может быть с достаточной точностью отнесено к периоду трехтысячелетней давности. По мнению доктора Легге, она занимает третье место по древности среди китайской классики, или после "Шу" и части "Короля Ши"; но если беспредельное почитание загадочной мудрости, якобы скрытой под мистическими строками, является справедливой претензией на значимость, этому чудесному памятнику литературы можно с легкостью отдать первое место в оценке китайских ученых.

Следуя д-ру Легге в его недавнем изложении этой классической книги, [302] вряд ли можно дать более четкое представление о ее предмете, чем цитируя его слова о том, что "текст можно кратко представить как состоящий из шестидесяти четырех коротких эссе, загадочно и символически выраженных, на важные темы, в основном морального, социального и политического характера, и основанных на таком же количестве линейных фигур, каждая из

которых состоит из шести линий, некоторые из которых целые, а другие разделены." Эволюция восьми диаграмм из двух первоначальных принципов приписывается Фу-хи (3322 г. до н.э.), который считается основателем нации, хотя его история, естественно, во многом сказочная. Из *Liang Í*, или "Двух принципов" (☰) (☷), были созданы *Sz' Siang*, или "Четыре фигуры", путем наложения их друг на друга и каждой из них на другую, таким образом:

☰☷ ☷☰

Те же пары, расположенные последовательно под исходными линиями, образуют восемь триграмм, называемых

ПАН КВА из FУН-НÍ.

☰	☷	☲	☳	☵	☴	☶	☱
<i>киен</i>	<i>туи</i>	<i>lí</i>	<i>подборода</i> <i>к</i>	<i>сюэнь</i>	<i>кан</i>	<i>kǎn</i>	<i>kwǎn</i>
Небо, небо.	Собранная вода, как в болоте или озере.	Огонь, как молния; солнце.	Гром.	Ветер; Дерево.	Вода, как в дожде, облаках , источни ках, ручьях и дефиле. Луна.	Холмы или горы.	Земля.
S.	C.E.	E.	H.Э.	S.W.	W.	N.W.	N.
Неутоми мая сила; мощь.	Удовольств ие; самодовол ьное удовлетвор ение.	Яркость; элегантн ость.	Движение; захватыва ющая сила.	Гибкость; проникнов ение.	Опасно сть; труднос ть.	Отдых ; действ ие арест а.	Сговорчив ость; покорност ь.

ЕГО ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ.

В таблице приведены природные объекты, которые, как говорят, представляют эти фигуры, атрибуты, которые, казалось бы, должны быть предложены ими, и которые, вместе с применением восьми точек компаса, составляют материал для кабалистической логомании, особенно приятной для китайского образа мышления. Кроме того, триграммы определяют состояние и положение в любом месте или времени двух делений единого первозданного *ки*, или "воздуха", называемых *Ян* и *Инь*, и, таким образом, стали источником, из которого берет начало система *фун-шуй* и на изменениях которого она основана. Эта субстанция *ки* достаточно близко соответствует одушевленному воздуху греческого философа Анаксимена; ее делениями являются тонкий и грубый принципы, которые, действуя и реагируя друг на друга, создают четыре *сян*, или "формы", а те в свою очередь объединяются в восемь *ква*, или триграмм. Фу-хи, как говорят, расположил первые четыре из *Па Ква* по принципу *Ян* (сильный или твердый), а последние четыре - по принципу *Инь* (слабый или мягкий); первые

обозначают силу или власть, и их задача - повелевать, а вторые, представляющие слабость или покорность, - подчиняться.

Вероятно, это был Вэн Ван, царь Вэн, глава княжества Чау в 1185 году до н.э., который, будучи брошенным в тюрьму своим ревнивым сюзереном Шау, тираном Шан, упорядочил и умножил триграммы, которые до его времени использовались для гадания, до шестидесяти четырех гексаграмм, как они сейчас встречаются в "Их Царе". Его расположение имен, атрибутов и точек компаса полностью отличалось от первоначальных триграмм Фу-хи; кроме того, он добавил к ним определенные социальные отношения отца, матери, трех сыновей и трех дочерей, которые с тех пор считаются удобным дополнением к колдовскому аппарату произведения. "Мне нравится думать, - говорит доктор Легге, - о владыке Чау, когда он был заключен в Ю-ли, с шестьюдесятью четырьмя фигурами, разложенными перед ним. Каждая гексаграмма обретала мистический смысл и светилась глубоким значением. Он заставлял ее рассказывать ему о качествах различных объектов природы, или о принципах человеческого общества, или о состоянии, действительном и возможном, королевства. Он называл фигуры термином, характеризующим идею, с которой он связывал их в своем сознании, а затем продолжал излагать эту идею, то с ноткой увещевания, то с ноткой предупреждения. Это была попытка ограничить глупости гадания рамками разума..... Но вся работа царя Вэна в "Иих", таким образом, составляет не более шестидесяти четырех коротких параграфов. Мы не знаем, что побудило его сына Тана взяться за работу и завершить ее так, как он это сделал. Тан был патриотом, героем, законодателем и философом. Возможно, он взял в руки линейные фигуры как дань сыновнему долгу. То, что было сделано для всей гексаграммы, он сделал для каждой линии и дал понять, что все шесть линий "склонили в одну сторону свое драгоценное влияние" и соединили свои лучи в шаре света, который его отец заставил испускать каждую фигуру. Но его метод поражает нас своей необычностью. Каждая линия, казалось, становилась живой и представляла собой какое-то явление природы или какой-то случай из человеческого опыта, из которого можно было сделать вывод о мудрости или глупости, везении или невезении, на которые она указывала. Нельзя сказать, что герцог осуществил свой план таким образом, чтобы заинтересовать кого-либо, кроме *hien shäng*, который является приверженцем гадания и восхищается стилем его оракулов. Согласно нашим представлениям, составитель эмблем должен быть в значительной степени поэтом, но по представлениям ийцев мы можем подумать только о сухом пыли. Из более чем трехсот пятидесяти эмблем большая часть просто гротескна. Мы не оправимся от чувства разочарования, пока не вспомним, что и отец, и сын должны были писать "согласно хитрости", на манер прорицателей, как будто это линейное предсказание было их профессией".

Таков текст "И". За словами царя Вэна и его сына следуют комментарии, называемые Ши И (Shih Yih), или "Десять крыльев". Они относятся к гораздо более позднему периоду, чем текст, и обычно приписываются Конфуцию, хотя крайне сомнительно, что этот мудрец был автором чего-то большего, чем предложения, представленные часто повторяющейся формулой "Учитель сказал", встречающейся во многих главах "Крыльев" или завершающей их. Не задерживаясь на разнообразном содержании этих приложений, а лишь отметив, что пятое и шестое "Крылья" ("Прилагаемые предложения"), известные как "Великий трактат", впервые содержат *иероглиф "И"*, или "Изменение", прежде чем покинуть эту классическую книгу, необходимо проиллюстрировать ее любопытную природу одной цитатой.

ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ "КОРОЛЬ ИИ".

XXXI.- ГЕКСАГРАММА ХИЕН.

Хиен указывает, что [при выполнении условий, подразумеваемых в нем] будет свободный ход и успех. Его выгодность будет зависеть от твердости и правильности, [как] при женитьбе на молодой девушке. Будет сопутствовать удача.

1. Первая линия, разделенная, показывает, как человек двигает большими пальцами ног.
2. Вторая линия, разделенная, показывает, как человек двигает икрами ног. Будет зло. Если он будет пребывать [тихо сидеть на своем месте], то будет удача.
3. Третья строка, нерасчлененная, показывает, как человек двигает бедрами и крепко держится за тех, за кем следует. Идти вперед [таким образом] - значит сожалеть.
4. Четвертая строка, нерасчлененная, показывает ту твердую правильность, которая приведет к удаче и предотвратит все поводы для раскаяния. Если его субъект будет неуверен в своих движениях, [только] его друзья будут следовать его цели.
5. Пятая линия, неразделенная, показывает, как человек перемещает плоть вдоль позвоночника над сердцем. Не будет повода для раскаяния.
6. Шестая линия, разделенная, показывает, как человек двигает челюстями и языком.

ЕГО ХАРАКТЕР И ВЛИЯНИЕ.

Представление о нескольких комментариях, или "крыльях", к такому отрывку можно получить из следующих выдержек. Сначала идет "Трактат о Тване", или параграфы царя Вэна; затем "Трактат о символах", состоящий из замечаний к изложению герцога Чау.

Из *Второго крыла*.-1. *Hien* здесь используется в значении *Kan*, означающем [взаимное] влияние.

2. Слабая [триграмма] вверху и сильная внизу; их два влияния движутся и отвечают друг другу, образуя тем самым союз; подавление [одного] и удовлетворение [другого]; [при их относительном положении], когда мужчина располагается ниже женщины - все это передает представление о "свободном и успешном течении [при выполнении условий], а преимущество будет зависеть от твердости и правильности, как при женитьбе на молодой даме, и будет удача". ... и т. д., и т. п.

Четвертое крыло: [Триграмма, изображающая] гору, а над ней триграмма, обозначающая [воды] болота, образуют *Хиен*. Высший человек, в соответствии с этим, держит свой ум свободным от озабоченности и открытым для восприятия [влияний] других.

1. 'Он шевелит большим пальцем ноги' - его мысли направлены на то, что находится за пределами [его самого].
2. Хотя "будет зло, но если он останется [спокойным] в своем месте, то будет удача" - благодаря соответствию [обстоятельствам своего состояния и места] не будет вреда.
3. 'Он двигает бедрами' - он все еще не [хочет] покоиться на своем месте. Его воля направлена на то, чтобы "следовать за другими"; то, что он держит в своей хватке, низко.

4. 'Твердая правильность приведет к удаче и предотвратит все поводы для раскаяния' - еще не было никакого вреда от [эгоистичного желания] влиять. 'Он неустойчив в своих движениях' - [его сила влияния] еще не блестяща и не велика.

5. 'Он [пытается] сдвинуть плоть вдоль позвоночника над сердцем' - его цель тривиальна.

6. 'Он двигает челюстями и языком' - он [только] разговаривает болтливым ртом.

Шестое крыло ("Прилагаемые предложения").- Глава I.-1. Восемь триграмм были завершены в надлежащем порядке, в каждой из них было [три] эмблематических линии. Затем они были умножены процессом сложения, пока не появились [шесть] составных линий.

2. Сильная линия и слабая толкают себя каждая на место другой, и таким образом происходят изменения [диаграмм]. Прилагаемые объяснения придают каждой их форме свой характер [хороший или плохой], и поэтому движения [предлагаемые гаданием] определяются соответствующим образом.

3. Удача и неудача, повод для раскаяния или сожаления - все это возникает благодаря этим движениям... и т. д., и т. п.

Сотни гадалок на улицах китайских городов, чьи ответы недоуменным клиентам в большей или меньшей степени основаны на этих кабалах, свидетельствуют об их влиянии среди неграмотных; а среди ученых, которые давно признали все гадания тщетными, удивительно отметить глубокую оценку, в которой эти бессмысленные строки рассматриваются как завершение всей мудрости - даже как зародыш всех истин, донесенных до нас западной наукой! Предполагается, что каждая гексаграмма в любой момент времени представляет шесть различных фаз первоначального *ки*. "Поскольку все доброе и злое в мире, - отмечает МакКлэтчи, - китайские философы связывают с чистотой или нечистотой одушевленного воздуха, из которого формируется двуединная душа человека, каждому штриху придается определенное моральное значение, и прорицатель предсказывает, что в зависимости от обстоятельств удача, добрая или злая, придет к прорицателю в отношении того вопроса, по которому он обращается к нему. Девять - это число Неба, или неразделенный штрих, а шесть - число Земли, или разделенный штрих, и поэтому каждый штрих имеет двойное обозначение. Первый штрих, если он не разделен, обозначается как "Первый-девять", а если разделен - как "Первый-шесть" и так далее. Второй и пятый штрихи в каждой диаграмме важны, поскольку являются центральными или средними штрихами соответствующих меньших диаграмм. Пятый штрих, однако, наиболее важен для гадания, поскольку он представляет ту часть воздуха, которая является особым треном императорской власти, и представляет собой "неотраженную должную среду". Если гадающий с помощью соломинки получит этот удар, то не будет ничего, кроме удачи. Дао, или Божественный Разум, который является высшей душой всего Космоса, оживляет воздух, пронизывая его шесть фаз, и тем самым дает силу диаграммам сообщать человечеству о будущих событиях".

Конечно, из такой причудливой основы можно вывести все, что угодно, но китайцы подошли к обсуждению самым серьезным образом и попытались найти скрытый смысл и эволюцию вселенной в этой любопытной системе. Кроме того, диаграммы послужили основой для многих видов гадания по ракушкам, буквам и т.д., с помощью которых масса людей была введена в заблуждение относительно проникновения в будущее и еще больше укрепились в своих суевериях. Продолжающееся влияние такой работы, как "Йих", иллюстрирует национальную *склонность* к законам и методам, но в то же время свидетельствует о

всеобщем безразличии к эмпирическим исследованиям и фактам, выведенным из изучения естественной истории. Если с философской точки зрения рассмотреть бесплодность его результатов, то, действительно, мало что можно сказать о короле Йиха, кроме согласия с доктором Густавом Шлегелем. Гюстава Шлегеля "механическая игра пустых абстракций"; тем не менее, в причудливой одежде непостижимых штрихов этого классического произведения содержится много практической мудрости, прислушавшись к которой, нетрудно согласиться с доктором Легге в заключении, что "привитие таких уроков не могло не принести пользы Китаю на протяжении всей его истории".[303]

КОРОЛЬ ШУ, ИЛИ КНИГА ЗАПИСЕЙ.

Второй раздел Императорского каталога содержит трактаты о Шу Кинге, или "Книге записей". Эта классическая книга, первая по значимости и возрасту среди пяти Царств, состоит из серии документов, относящихся к истории Китая со времен Яо до царя Хиана из династии Чау (2357-627 гг. до н.э.). Его ранние главы были написаны в периоды после событий, о которых они рассказывают, но после двадцать второго века до нашей эры "Шу" дошел до нас, хотя и в искаженном состоянии, как современная хроника прокламаций, обращений и принципов ранних государей. Внутренние свидетельства приводят к выводу, что Конфуций выступал главным образом в качестве редактора документов, существовавших в его время; вероятно, он написал предисловие, но какие изменения оно получило от его руки, сейчас невозможно установить. Когда Конфуций вышел из-под его опеки, она содержала восемьдесят один документ в ста книгах, расположенных по пяти династиям Яо, Шунь, Хиа, Шан и Чау, последняя из которых датируется примерно двумястами двадцатью одним годом от его собственного рождения. Большинство из них утрачено, а другие вызывают сомнения у китайских критиков, так что сейчас осталось всего сорок восемь документов, тридцать из которых принадлежат династии Чау, с предисловием, приписываемым Конфуцию. Он показал свою оценку их ценности, назвав всю книгу "Шан Шу", или "Высшая книга", и мы можем отнести их потерю к потере других древних произведений в еврейской или греческой литературе. В "Царь Шу" теперь содержится шесть различных видов государственных бумаг: императорские указы, планы, составленные государственными деятелями в качестве руководства для своего государя, инструкции, подготовленные для руководства принцем, императорские прокламации и обращения к народу, клятвы, данные монархом перед Шанти, когда он выходит на битву, и, наконец, мандаты, объявления, речи и каноны, изданные для государственных министров.[304]

Для языческого произведения мораль царя Шу чрезвычайно хороша; изложенные в ней принципы управления, основанные на заботе о благосостоянии народа, если бы они выполнялись, обеспечили бы всеобщее процветание. Ответ Каоя монарху Юю выражает мягкий дух: "Ваша добродетель, о император, безупречна. Вы снисходительны к своим министрам с либеральной легкостью; вы управляете народом с великодушной терпимостью. Твои наказания не распространяются на наследников преступника, но твои награды достигают последующих поколений. Вы прощаете непреднамеренные проступки, какими бы большими они ни были, и наказываете преднамеренные преступления, какими бы малыми они ни были. В случае сомнительных преступлений вы поступаете с ними мягко; в случае сомнительных заслуг вы предпочитаете самую высокую оценку. Вместо того чтобы предать смерти невиновного, вы готовы пойти на риск из-за нерегулярности и расхлябанности. Эта жизнелюбивая добродетель проникла в умы людей, и именно поэтому они не подвергают себя наказанию со стороны ваших офицеров".[305]

В советах Юй Шуня содержится множество лучших изречений о правильном управлении, как для правителей, так и для управляемых, которые древность передала в любой стране. Среди

них следующие: "И сказал: "Увы! Будь осторожен. Призывай себя к осторожности, когда, казалось бы, нет причин для беспокойства. Не отказывайтесь от должного внимания к законам и предписаниям. Не находите удовольствия в потворстве легкости. Не доходите до излишеств в удовольствиях. Нанимайте достойных людей без посредников. Отбросьте злых советчиков и не пытайтесь осуществить сомнительные планы. Старайтесь, чтобы все ваши замыслы соответствовали разуму. Не ищи похвалы у народа, идя против разума, и не противься народу, следуя своим желаниям. Не будь ни праздным, ни своенравным, и даже чужие племена перейдут под твою власть".

В "Царь Шу" заложены семена всего того, что ценится китайцами; это одновременно фундамент их политической системы, их истории и религиозных обрядов, основа их тактики, музыки и астрономии. Некоторые считают, что в ней неявно намекается на знание истинного Бога под именем Шанти, а наставления по управлению страной, разбросанные по ее диалогам и прокламациям, делают честь их авторам, как бы мало их ни придерживались на практике. Его астрономия привлекла много исследований, но следует ли приписывать замечания комментаторов времени, в которое они процветали, или их знаниям о древнем состоянии этой науки, сомнительно. Тщательные и откровенные рассуждения Легге во введении к его переводу дают наиболее удовлетворительные выводы о происхождении, ценности и состоянии этой почтенной реликвии древнего Китая. За свое научное издание классики он уже заслужил сердечную благодарность каждого изучающего китайскую литературу.[306]

КОРОЛЬ ШИ, ИЛИ КНИГА ОД.

Третья из классических книг, "Ши Кинг", или "Книга од", стоит в одном ряду с двумя предыдущими, а ее влияние на национальное сознание было столь же велико; список комментаторов этого произведения заполняет третий раздел Каталога. Эти поэтические реликвии разделены на четыре части: Kwoh Fung, или "Национальные песни", насчитывающие сто пятьдесят девять произведений из пятнадцати феодальных государств; Siao Ya, или "Малые панегирики", насчитывающие восемьдесят произведений и расположенные по восьми декадам; Та Я, или "Большие панегирики", - тридцать один, расположенный в три декады (оба предназначались для торжественного исполнения при королевском дворе); Сун, или "Жертвенные оды", - сорок одно песнопение, связанное с культом предков у правителей Чау, Лу и Шан. Из трехсот одиннадцати дошедших до нас песнопений шесть сохранили только названия, а для большей части остальных отечественные ученые дают самые разные толкования.

В предисловии к своему тщательному переводу доктор Легге собрал всю важную информацию о возрасте, происхождении и назначении этих од, предоставленную местными комментаторами, чья теория заключается в том, что "короли должны были ознакомиться со всеми одами и песнями, существующими в различных государствах, и судить по ним о характере правления, осуществляемого их несколькими князьями, чтобы они могли соответственно воздать хвалу или порицание, награду или наказание". Эти оды и песни были собраны Ван Ваном и князем Чау в начале правления династии Чау (1120 г. до н. э.), некоторые из них - в столице, другие - у феодальных правителей во время королевских поездок по стране, причем королевский музыкальный мастер получал копии от музыкальных мастеров князей. Затем все они были упорядочены, положены на музыку, возможно, тоже, и помещены для использования и справок в национальные архивы, а также распространены среди феодалов. Их возраст точно не известен, но, скорее всего, они появились не ранее 1719 года до н. э. и не позже 585 года, то есть примерно за тридцать лет до Конфуция. Не исключено, что сначала их число доходило до трех тысяч, о которых упоминают биографы

Конфуция, но задолго до появления мудреца бедствия одного и другого рода сократили их почти до нынешнего состояния. Таким образом, то, что мы имеем, - это лишь фрагмент различных коллекций, составленных в первые годы правления государей династии Чау, которые впоследствии получили, возможно, больше дополнений, чем сохранилось до времен Конфуция. Он, вероятно, воспринял их в том виде, в каком они существовали в его дни, и, возможно, подобно Джорджу Герберту, почувствовал, что

"Стих может найти тот, кто проповедь летит,

И превратите наслаждение в жертву".

Он сделал все возможное, чтобы распространить их среди своих соотечественников. Трудно оценить силу, которую они оказали на последующие поколения китайских ученых, - их влияние никогда не приводило к разложению нравов, если не возвышало их воображение. Они избежали расхлябанности Мосха, Овидия или Ювенала, если не достигли величия Гомера или сладости Вергилия и Пиндара. В них нет ничего эпического - ни даже удлинённого повествования - и мало человеческих страстей в их сильном развитии. Метафоры и иллюстрации часто причудливы, иногда грубы, а порой и смешны. Их признанная древность, религиозный характер и иллюстрация ранних китайских обычаев и чувств - вот главные претензии на наше внимание и благодарное изучение. М. Эд. Биот из Парижа был первым европейским ученым, который тщательно изучил их в этом аспекте, и его статьи в *Journal Asiatique* за 1843 год являются образцами аналитической критики и синтетической компиляции, позволяя, как он говорит, "спокойно созерцать зрелище примитивных нравов общества в раннюю эпоху Китая, столь отличных от того, что было тогда в Европе и Западной Азии".

ОБРАЗЦЫ ЕГО ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ.

Ода, относящаяся ко времени Вэн Вана (современника Саула), содержит смысл, напоминающий строки Морриса, начинающиеся словами "Дровосек, пощади это дерево". Она находится в части I., книге II. и называется *Кан-тан*, или "Сладкое грушевое дерево".

1. О, не падай, милая груша!

Посмотрите, как раскинулись его ветви.

Не портите его тень,

Шеф Шао заложил

Под ним лежала его усталая голова.

2. Не зажимайте это милое грушевое дерево!

Каждая веточка и листочек - запасные.

Теперь это святое,

С тех пор как повелитель Шао,

Когда он уставал, то отдыхал там.

3. Не трогайте эту сладкую грушу!

Теперь ни одна веточка не сгибается;

Давным-давно,

Как показывают истории,

Часто останавливался вождь Шао.[\[307\]](#)

Восьмая ода из Книги III, называемая *Hiung Chí*, или "Петушиный фазан", содержит сетования жены на отсутствие мужа.

1. Прочь летит испуганный фазан,

Ленивое движение крыльев;

Повелитель моего сердца был унесен с моих глаз.

Какую боль приносит разлука!

2. Фазан, хотя его больше не видно,

Его крик раздается внизу, вверху, вдалеке.

Увы! Мой княжеский повелитель, это вы...

Твое отсутствие опечалило мою грудь.

3. На солнце и луну я сижу и смотрю,

В беседе с моим беспокойным сердцем.

Далеко, далеко от меня остался мой муж!

Когда же он придет, чтобы исцелить ее?

4. Вы, княжеские мужи, которые с ним спариваются,

Скажите, не замечаете ли вы его добродетельный путь?

Его правило: ничего не желай, ничего не ненавидь:

Как можно сбиться с правильного пути?[\[308\]](#)

Из той же книги мы несколько вольно переводим пример (№ 17) любовной песни, или серенады, нередкой среди этих од.

Дева прекрасная, столь милая, удаляющаяся,

На свидании я жду тебя;

Я все еще сомневаюсь, спрашиваю

Почему ты так легкомысленна со мной?

Ах! Служанка, такая жеманная, такая красивая,

Пообещала, что будет с розовым тростником;

Чем тростник, она более очаровательна.

Любовь к красоте должна быть нелегкой!

На лугах мы искали цветы,

Она дала мне их - прекрасные, редкие:

Далеко за пределами дара возвышается

Дорогая дарительница - прекрасней, прекрасней!

Среди "Малых панегириков" (Книга IV., Ода 5) есть один более амбициозный по своему масштабу, относящийся к завершению строительства дворца короля Сиуэна, около 800 г. до н.э.

1. На том берегу дворец, ло!

Нежная голубизна южного холма позади,

Скрепленные временем, как цепкие корни бамбука;

Его крыша, выполненная в виде сосны, до определенного места.

Братская любовь здесь приносит свои драгоценные плоды,

И недружелюбные планы не должны быть разработаны!

2. Родовое владычество - его. Стены, которые они возводят.

Пять тысяч локтей в длину, на юг и на запад.

Двери установлены. Здесь появится король,

Здесь смеются, здесь разговаривают, здесь садятся и отдыхают.

3. Чтобы вылепить стены, рамы их крепко связывают;

Труженики-строители отбивают землю и известь;

Стены будут защищать от паразитов, бурь и птиц.

Подходящее жилище для его владычества.

4. Величественный зал, в который поднимается благородный лорд;

В высоту, подобно человеческому облику, самый благоговейный, величественный;

И прямая, как летит древко, когда лук разгибается;

Его оттенки напоминают оттенки, когда распускаются крылья фазана.

5. Высокие колонны возвышаются над уровнем двора вокруг;

Приятный свет проникает в открытую камеру,

И глубокие ниши, и широкие альковы,

Где наш добрый король в совершенной тишине спит.

6. Положите бамбуковый коврик на квадратный коврик из рашпиля;

Здесь он уснет, а проснувшись, скажет: "Божественный

Какие сны хорошие? Для медведицы и медвежонка,

А змеи и кобры преследуют эту мою кушетку".

7. Тогда главный прорицатель с радостью отвечает,

"Медведи предвещают появление обещанных сыновей.

Дочери змей и кобр пророчествуют:

Все эти предзнаменования благоприятны".

8. Сыновья будут его на диванах убаюкивать;

Малыши, одетые в одежды, играют со скипетрами;

Их младенческие крики громки, как суровые приказы,

Их колени должны быть покрыты вермишелью.

В дальнейшем к нему будут обращаться как к королю;

Остальные, наши принцы, все государства должны покорять.

9. И дочери у него родятся.

Они должны быть положены на землю, чтобы спать;

Их игрушки - из плитки, одежда - самая простая;

Их часть, как от добра, так и от зла, должна быть сохранена,

И никогда не вызвали скорби в сердцах их родителей;

Чтобы приготовить еду, и спирт-солод для заваривания.^[309]

Последние две строфы указывают на сравнительную оценку в древние времена мальчиков и девочек, рожденных в семье; эта оценка, сохраняющаяся до сих пор, в значительной степени поддерживается этим авторитетом. Другая ода в "Больших панегириках" (Книга III., ода 10) выражает сожаление по поводу бед, которые царили около 780 г. до н. э. из-за вмешательства женщин и евнухов в управление государством. Цитируются только две строфы, которые, как предполагается, были специально направлены против Пао Сз', злоумышленницы при дворе царя Ю, подобно Агриппине и Пульхерии в римских и византийских анналах.

3. Мудрый человек строит городскую стену,

Но мудрая женщина отбрасывает его.

Мудрая ли она? Хорошо, что вы можете ее позвать;

Она - сова, от которой мы должны отречься!

Женскому языку дайте волю

И шаг за шагом к вреду, к которому он ведет.

Беспорядок не приходит с небес;

Это женский язык порождает расстройство.

Женщины и евнухи! Никогда не приходил

Урок или предупреждение от них!

4. Вредные и лживые, они причиняют злобу;

А когда их ложь раскрывается, они лгут.

Неверные, которые им не принадлежат, а проносятся тайком.

И скажите: "Мы не придумали ничего плохого".

"Три процента на процент!" Вот это торговля!

И все же княжеский человек будет опозорен.

Так что публичные вещи для жены и служанки

Нельзя вытеснять шелкопрядов и ткацкие станки.[\[310\]](#)

Однако среди од, входящих в "Национальные Воздухи", есть множество строф, которые показывают их более светлые стороны и в значительной степени нейтрализуют их, давая представление о тех же контрастах в женском характере, которые были изображены царем Соломоном в ту же эпоху.

СТИХОСЛОЖЕНИЕ КОРОЛЯ ШИ.

Стихосложение на моносложном языке кажется очень скучным тем, кто знаком только с живыми и разнообразными ритмами западных языков; но китайцы выражают больше живости и каденции в своих балладах и частушках, когда поют, чем можно было бы заключить из этих древних реликвий, когда они транслитерированы в наших буквах. Поскольку молодой человек обычно запоминает все триста пять од еще до того, как попадает в экзаменационный зал, их влияние на тему и манеру его будущих поэтических попыток трудно преувеличить. Оно прослеживается во всех тысячах томов, перечисленных в четвертом разделе Императорского каталога. Большая часть Shí King написана тетраметрами, и ничто не может быть более простым. Некоторые ранние миссионеры, к сожалению, уподобляли их древнееврейским псалмам, но ни по манере, ни по содержанию это сравнение не является удачным. Доктор Легге заметил одно словесное сходство между первой одой в части III и сто двадцать первым псалмом, где последняя строка одной строфы обычно повторяется в первой строке следующей, что напоминает повторы в "Хиавате". Рифмы и тона составляют существенную часть китайской поэзии, которая лишь в малой степени может быть представлена в нашем языке. Ниже приводится пример общего стиля, к которому прилагается дословный перевод:

1. *Нань инь киао му,*

Puh k'o hiu sih;

Хань Инь Инь Ню,

Puh k'o kiu sz'.

Хан Чу Кванг,
Puh k'o yung sz';
Kiang chí yung í
Puh k'o fang sz'.

2. Куао куао цо син,
Йен ки чу;
Чи цзи юй квей
Йен Мох Ки Ма;
Han chí kwang í u др.

3. Куао куао цо син,
Йен ки лао;
Чи цзи юй квей
Йен Мох Ки Кю.
Han chí kwang í u др.

На юге растут величественные деревья,
Приютить не получится;
У Хана бредящие женщины,
Действительно, не может домогаться.
Ханский размах, будьте уверены,
В самом деле, нырять нельзя;
Длина Кианга не вызывает сомнений,
Сплавляться по нему действительно нельзя.
Много смешанных педиков,
Я с готовностью срезал заросли;
Эти девушки идут домой,
Я охотно кормил их лошадей;
Ханский размах, будьте уверены, и т.д.
Много смешанных педиков,
Я с готовностью срезал артемизию;
Эти девушки идут домой,
Я охотно кормил их жеребят;

Ханский размах, будьте уверены, и т.д.

Наибольший размах мысли в одах содержится в IV части, но все собрание достойно прочтения, и благодаря трудам доктора Легге оно стало более доступным, чем когда-либо прежде. Объем существующей отечественной литературы, иллюстративной, критической и филологической, относящейся к Книге од [311], не так велик, как литература о короле Йиха; но пятьдесят пять работ, приведенных в предисловии [312], содержат достаточно материалов, чтобы показать, насколько они продуманы и проницательны. Эти работы возвысят характер китайской учености в глазах тех иностранцев, которые помнят о недостатках ее изоляции от литературы других стран и трудностях языка, делавшего эту литературу недоступной. [313]

ТРИ РИТУАЛА.

Четвертый раздел Каталога содержит Ритуалы и список их изданий и комментаторов, но только один из трех причислен к Королю и используется в качестве учебника на государственных экзаменах. Это *Lí Kí*, или "Книга обрядов", *Mémorial des Rites*, как называет ее М. Каллери в своем переводе, [314] и одна из тех работ, которые так много сделали для формирования и поддержания китайского характера и институтов. Он ни в коем случае не превосходит "Чау Ли" и "Н Ли", но обязан своим влиянием их положению. Все они были особым объектом гнева Цинь Чи Хвангти, который стремился уничтожить все древние литературные произведения в своем царстве; настоящие тексты были извлечены из их тайников около 135 г. до н.э. Чау Ли", или "Ритуал Чау", считается работой герцога Чау (1130 г. до н. э.), который подробно описывает различные должности, учрежденные при новой династии, в которой он играл столь заметную роль. Разделы, содержащие деления административной части китайского правительства того времени, послужили образцами для шести современных коллегий и их подразделений. Насколько нам известно, ни одна из существовавших тогда наций не могла похвастаться столь методичной и эффективной системой государственного управления.

Í Lí - меньший по объему труд, посвященный семейным делам, и, как следует из его названия, "Ритуал благопристойности", содержит указания по домашней жизни, как и другой труд по государственным вопросам. Тот труд состоит из сорока четырех разделов, а этот - из семи, и оба они считаются одними из самых древних, дошедших до нас. Первая была переведена Эд. Бюти, [315] и остается памятником его учености и исследований.

ЛИ-КИ, ИЛИ КНИГА ОБРЯДОВ.

Своим положением среди классиков "Ли ки" обязана тому, что Конфуций излагает здесь свои взгляды на управление и нравы, хотя эти главы не считаются такими же цельными, как те, которые, как говорят, были найдены в стенах его дома и дошли до нас во втором веке до н. э. от Као Тана из Лу под названием "Сз' ли", или "Ритуал ученого". В следующем веке Тай Те собрал все существующие документы, относящиеся к древним ритуалам, в двести четырнадцать разделов, лишь часть из которых, как тогда считалось, исходила от мудреца и была записана его учениками. Его труд, состоящий из восьмидесяти пяти разделов, называется Та Тай Ли, или "Ритуал старшего Тая", чтобы отличить его от Сяо Тай Ли, или "Ритуала младшего Тая", работы в сорока девяти разделах, написанной его племянником, Тай Сингом. Это произведение, известное сейчас как Ли Ки, в переводе М. Кэллери содержит авторизованный текст Канхи по Фань Цзы-тэну в тридцати шести разделах с

многочисленными примечаниями. Его перевод утомительно читать из-за множества скобок, вставленных в текст, отвлекающих внимание и ослабляющих его непрерывность.

Те, кто читал занимательные замечания аббата Юка об обрядах в Китае, найдут в этих трех работах обоснование и применение их деталей. Объясняя их важность, М. Каллери в нескольких словах показывает, какую широкую область они охватывают: "Церемония олицетворяет собой весь китайский ум; и, по моему мнению, *Lí Kí* является самой точной и полной монографией, которую Китай смог дать о себе другим народам. Его привязанности, если они у него есть, удовлетворяются церемонностью; его обязанности выполняются церемонией; его добродетели и пороки связаны с церемонией; естественные отношения созданных существ по существу связываются с церемонией - словом, для этого народа церемония - это человек как моральное, политическое и религиозное существо в его многообразных отношениях с семьей, страной, обществом, моралью и религией". Это объяснение также показывает, насколько скудным является понятие "церемония" для китайской идеи *ли*, ведь оно включает в себя не только внешнее поведение, но и правильные принципы, из которых проистекает весь истинный этикет и вежливость. Государственная религия, управление семьей и правила общества основаны на истинном *lí*, или отношениях вещей. Мы уже упоминали об этой глубоко почитаемой работе (с. 520), и достаточно еще одного-двух отрывков, чтобы продемонстрировать ее дух и стиль, уникальный по своей цели и масштабу среди всех завещанных античностью произведений.

Любовь между отцом и сыном.

В "Правилах внутреннего распорядка" сказано: "Мужчины, прислуживая родителям, при первых петухах должны все вымыть руки; прополоскать рот; расчесать волосы; связать их сеткой; закрепить заколкой, придав им форму хохолка; смахнуть пыль; надеть шляпу, завязав шнурки, украшенную кистями; также жилет, рясу и пояс, вложив в них нотные палочки и прикрепив справа и слева необходимые вещи; завязать шлепанцы; надеть туфли, завязав шнурки. Жены должны служить отцу и матери своего мужа, как своим собственным; при первом петухе они должны вымыть руки, прополоскать рот, расчесать волосы, связать их сеткой, закрепить уздечкой, придав им форму хохолка, надеть рясы и кушаки, прикрепив необходимые вещи справа и слева, застегнуть мешочки с духами, надеть и завязать обувь. Затем идут в покои отца и матери, свекра и свекрови и, войдя, негромким и спокойным тоном спрашивают, не слишком ли тепло или слишком холодно их платье; если у родителей болит или чешется, сами должны почтительно нажать или потереть [больное место]; если они входят или выходят из комнаты, сами, идя впереди или следом, должны почтительно поддерживать их. Принося принадлежности для умывания, младший должен поднести чашу, старший - воду, умоляя их налить ее и умыться; а после того как они умоются, подать им полотенце. Спрашивая и почтительно поднося то, что они хотят съесть, они должны подбадривать их своим мягким поведением; они должны ждать, пока отец и мать, тесть и теща не поедят, и затем удалиться. Юноши и девушки, не достигшие зрелого и женского возраста, при первом петушином крике должны вымыть руки, прополоскать рот, расчесать волосы, связать их сеткой и уложить в хохолок; смахнуть пыль; завязать свои сумки, снабдив их благовониями; затем на рассвете поспешить к родителям и спросить, поели ли они и попили; если поели, то немедленно удалиться; если же нет, то помочь начальству, чтобы все было приготовлено должным образом."

Упрекать родителей.

"Когда родители заблуждаются, сын со смиренным духом, приятным лицом и мягким тоном должен указать им на это. Если они не принимают его обличения, он должен стараться быть все более и более послушным и почтительным по отношению к ним, пока они не будут довольны, и тогда он должен снова указать им на их ошибку. Но если ему не удастся угодить им, лучше пусть он продолжает повторять упреки, чем позволит им нанести вред всему отделу, району, деревне или району. А если родители, раздраженные и недовольные, наказывают сына до крови, то и тогда он не должен осмеливаться затаить хоть малейшую обиду, а, напротив, должен относиться к ним с повышенным уважением и покорностью".

Уважение к родителям в своем поведении.

"Хотя отец и мать твои умерли, если ты задумаешь какое-нибудь доброе дело, подумай только, как оно прославит их имена, и цель твоя будет исполнена. Если же ты задумаешь сделать что-то нехорошее, подумай только, как это опозорит имена твоих отца и матери, и ты откажешься от своей цели".[316]

Эти отрывки свидетельствуют о принципах воспитания, которые действуют на китайскую молодежь с самых ранних лет, и о том, какое место в его образовании отводится сыновней почтительности. Из таких наставлений мальчик проникается уважением к своим родителям, которое в конце концов перерастает в религиозное чувство и формирует, по мере взросления, его единственное вероисповедание - поклонение предкам. Старшим же остается только ссылаться на учебники, которые лежат перед ним, как на авторитет во всем, что они требуют, и как на единственно возможный источник тех добродетелей, которые ведут к счастью. Положение женщин также оставалось неизменным в соответствии с этими догмами на протяжении сотен лет. Нетрудно объяснить и то влияние, которое они оказывали. Те, кто в наибольшей степени осознавал свое превосходство и имел некоторый опыт в извилистых делах человеческого сердца, будучи мужьями, отцами, матерями, офицерами и старшими, были теми, кто обладал властью принуждать к послушанию жен, детей, дочерей, подданных и младших, а также учить их этому. Они должны были ждать, пока с годами не наступит их черед занять высшее положение в социальной системе, и тогда привычка заставляла их таким же образом осуществлять свою власть над подрастающим поколением. Таким образом, все увековечивалось, ибо человек не мог отступить от того, чему его учили в детстве; если бы результаты были более катастрофическими, нам было бы легко объяснить, почему среди невежества, ремесла, честолюбия и недовольства, присущих густонаселенной, необразованной, языческой стране, такие формальные правила не смогли принести обществу никакой пользы. Мы должны искать этот результат выше и признать ту степень благотворного сдерживания страстей китайцев, которую Автор всего хорошего в этих догматах счел нужным придать им для сохранения общества.

ЧУНЬ ЦЮ, ИЛИ ЗАПИСИ ВЕСНЫ И ОСЕНИ.

Пятый раздел содержит "Чунь цю", или "Записи весны и осени", и литературу к ним. Это единственная из "Царей", приписываемая Конфуцию, хотя то, что "Записи" в том виде, в каком они существуют сейчас, являются подлинной компиляцией мудреца, не вызывает сомнений. Задавшись целью построить повествование о событиях в продолжение истории царя Шу, он, при содействии своих учеников, составил историю своей страны, охватывающую период от правления Пин Вана до примерно времени своего рождения (722-480 гг. до н. э.). Поскольку автор этой хроники ограничился изложением тех фактов, которые он считал достойными быть записанными, и не преминул изменить или скрыть те детали,

которые, по его личному мнению, были недостойны принцев его династии, эту историю нельзя считать в точности соответствующей современным представлениям о том, что желательно в работах такого рода. О том, что Конфуций хотел оставить после себя не только повествование о событиях, но и долговечный памятник своему имени, можно судить по нескольким его высказываниям: "Высший человек страдает от того, что его имя не будет с честью упомянуто после смерти. Мои принципы не находят себе места в мире; как же я сделаю себя известным будущим векам?" Поэтому, чтобы гарантировать сохранение своего *шеф-повара* на все времена, он объединяет с летописью некоторые порицания и праведные решения, которые должны сделать ее одновременно историей и учебником нравственных уроков; и, передавая книгу своим ученикам, он говорит: "Именно по Чунь Цзы, - говорит он, - последующие века узнают меня, а также по ней они осудят меня".

Название "Весна и осень" многие китайские ученые понимают как термин, обозначающий хронологические анналы; в данном случае название объясняется тем, что "их похвалы животворны, как весна, а порицания - как осень", или, как мы находим в "Триметрической классике", "которая похвалой и порицанием отделяет хорошее от плохого".^[317] Более внимательное изучение "Чунь цю", несомненно, разочарует: несмотря на восторженные отзывы Менция и огромную репутацию, эта история представляет собой просто скудный перечень происшествий, все содержание которых едва ли можно прочесть за час. "Вместо истории событий, - пишет д-р Легге, - художественно сплетенных воедино, мы находим скопление кратчайших намеков на дела, в которых суд и государство Лу были более или менее заинтересованы, растянувшееся на двести сорок два года, без малейшего оттенка литературных способностей в композиции или малейшего признака судебного мнения со стороны писателя. Параграфы всегда кратки. Каждый из них призван отметить какой-либо факт; но будь то проявление добродетели, призванное вызвать наше восхищение, или злодеяние, призванное пробудить наше отвращение, вряд ли можно сказать, что в языке есть хоть что-то, способное передать нам хоть тень представления о чувствах автора по этому поводу. Заметки - а мы не можем назвать их повествованиями - абсолютно бесстрастны. О подлом убийстве и блестящем подвиге рассказывается так же, как о затмениях солнца. Такой-то и такой-то занял место, и все. Никаких подробностей, никаких суждений".

ЕГО КОММЕНТАРИИ.

Столь невозмутимый пересказ вряд ли спасла бы от исчезновения даже великая слава мудреца, если бы не дополнения Цо, младшего современника или последователя Конфуция, который восполнил скудные предложения и добавил плоть и жизнь к скелету. Возможно, восторженные похвалы в адрес Менция объясняются тем, что он ассоциировал текст и комментарий как единое произведение. Чуэнь Цо действительно всегда считался главным среди второстепенных классиков; и не слишком ли много, учитывая его лаконичный, но яркий и живописный стиль, называть его автора, как это делает доктор Легге, "Фруассаром Китая".^[318] Помимо объяснения текста "Чуньцю", второстепенной задачей Цо было дать общее представление об истории Китая в период, охватываемый этой записью; если бы он не вставил свои живые картины в рамки своего мастера, есть серьезные основания опасаться, что многие важнейшие детали, относящиеся к шестому и седьмому векам до н. э., были бы навсегда утрачены. Два других ранних комментария, Кун Ян и Ку Лян, датируемые примерно II веком до н. э., занимают высокое место в оценке китайских ученых как иллюстрации к оригинальной хронике. Они не идут ни в какое сравнение с "Цо Чуэнь" ни по интересности, ни по авторитетности, хотя можно сказать, что изучение "Чунь Цю" вряд ли возможно без внимательного ознакомления с их содержанием. Не будет лишним привести пример записи, сопровождаемой пояснениями к тексту, сделанными этими тремя

аннотаторами. Второй год правления князя Хи из Лу (657 г. до н. э.) начинается следующим образом:

ЭКСТРАКТЫ ИЗ ЧУНЬ ЦЮ.

1. Во второй год правления герцога, весной, в первый месяц правления короля, мы [помогали] в строительстве стены Цу-кин.
2. Летом, в пятом месяце, на Син-цзы, мы похоронили нашу герцогиню Гай Кян.
3. Армия Ю и армия Цинь уничтожили Хиа-ян.
4. Осенью, в девятом месяце, маркиз Цзы, герцог Сун, офицер Кианг и офицер Хванг заключили договор в Кван.
5. Зимой, в десятом месяце, не было дождя.
6. Группа людей из Цу совершила вторжение в Чинг.

После третьей записи за этот год Тсо Чуен увеличивается:

Сюн Сейх из Цина попросил маркиза разрешить ему взять с собой упряжку киухских лошадей и *пихту* чуй-киухского нефрита и с их помощью занять путь из Юй, чтобы пройти по нему и напасть на Квох. "Эти вещи мне дороже всего", - сказал маркиз. Сэйх ответил: "Но если ты проложишь путь через Юй, то это все равно что поместить их на время в сокровищницу за пределами государства". "В Ю есть Кунг-Че-Ки", - возразил герцог. "Кун Че-ки, - ответил другой, - человек слабый и неспособный к энергичным выступлениям. К тому же с юности он всегда находился при герцоге Ю, который так хорошо с ним знаком, что, если бы он и стал возражать, герцог не стал бы его слушать". Маркиз, соответственно, послал Сын Сейха занять дорогу через Ю с таким сообщением: "Раньше Ки, вопреки праву и разуму, вошел в ваше государство из Тянь-лина и напал на трое ворот Мин. Он пострадал за это, и все по вашей милости. Теперь Квох, вопреки праву и разуму, держит стражу у домиков путешественников, чтобы совершать из них вторжения в мои южные пределы, и я осмеливаюсь просить у вас права прохода, чтобы потребовать отчета в его преступлении." Герцог Юй удовлетворил просьбу и даже попросил возглавить вторжение в Квох. Кунг Че-ки стал его переубеждать, но тщетно, и он собрал войско для этого предприятия. Летом Ли Ки и Сын Сей привели армию Цина, соединились с армией Ю и вторглись в Квох, уничтожив Хиа-ян. Армия Ю упоминается первой из-за взяток, которые принял герцог.

В комментарии Кун Яна говорится о том же параграфе:

Юй было маленьким государством, почему же здесь его ставят во главу угла перед великим? Чтобы Юй стал лидером в злодеяниях.

Почему Юй стал инициатором злодеяния? Юй получил взятки, с помощью которых те, кто собирался уничтожить государство [Кво], проложили через него путь и тем самым привели его к гибели.

Как он получил [эти] взятки? Цинский князь Хиен дал аудиенцию своим великим офицерам и спросил их, почему он пролежал всю ночь без сна. Один из них выступил вперед и сказал: "Это потому, что вы не чувствовали себя спокойно [в своем уме]? Или потому, что рядом с вами не было вашего [надлежащего] постельного товарища?" Герцог ничего не ответил, и тогда вперед вышел Сын Сейх и сказал: "Это потому, что тебе явились Ю и Квох?" Герцог

велел ему выйти вперед, а затем пошел с ним во внутренние покои, чтобы посоветоваться. "Я хочу, - сказал он, - напасть на Квоха, но Юй придет ему на помощь, а если я нападу на Юя, то Квох окажет ему поддержку; что же делать? Я хочу обсудить это дело с тобой". Сын Сейх ответил: "Если вы воспользуетесь моим советом, то сегодня возьмете Квох, а завтра - Ю; зачем беспокоить вашу светлость?" "Как это осуществить?" - спросил герцог. "Пожалуйста, позвольте [мне отправиться] в Ю, - сказал другой, - с вашей упряжкой киухских лошадей и вашим белым *пеем* из Чуй-кея, и вы непременно получите [то, что хотите]. Это будет всего лишь изъятие ценного [*пейха*] из вашей внутренней сокровищницы и помещение его во внешнюю; ваша светлость ничего от этого не потеряет". Герцог сказал: "Да, но Кун Че-ки там. Что нам с ним делать?" Сын Сэй ответил: "Кун Че-ки, конечно, знает, но герцог Юй жаден и любит ценные диковинки; он наверняка не последует совету своего министра. Прошу вас, учитывая все, отпустить меня". ... и т. д. и т. п.

Приведенный ниже краткий образец комментария Кух Лян продолжает повествование с того места, где мы прервались. В этих двух последних экзегезах так много схожего, что можно предположить, что они были составлены с учетом друг друга.

На это герцог Хиен попытался [предложенным способом] пробиться [через Ю], чтобы вторгнуться в Квох. Кун Че-ки возразил, сказав: "Слова цинского посланника скромны, но его подношения велики; дело наверняка не будет выгодным для Ю". Князь Юй, однако, не стал его слушать, принял подношения и разрешил проезд через государство. Кун Че-ки снова стал возражать, говоря, что дело обстоит так, как в поговорке о том, что губы исчезают, а зубы становятся холодными; после этого он бежал с женой и детьми в Цао.

Тогда герцог Хиен уничтожил Квоха, а на пятый год [правления нашего герцога Хи] он так же расправился с Ю. Тогда Сын Сейх вывел коней вперед, а сам взял в руки *пэйх* и сказал: "*Пэйх* такой же, как и был, но зубы у лошадей стали длиннее!"^[319]

Как ни скуден текст, вместе с многочисленными комментариями он свидетельствует о методичной заботе ранних китайцев о сохранении своих древних записей. Намеки, которые дают эти и другие книги об их интеллектуальной деятельности в течение восьми веков до нашей эры, естественно, заставляют оценить их культуру выше, чем мы до сих пор допускали.^[320]

Шестой раздел Каталога уже был отмечен как включающий литературу короля Хяо.

Седьмой раздел содержит список работ, написанных для разъяснения Пяти классических книг в целом, и если бы их оригинальность мысли, разнообразие исследований, объем иллюстраций и объяснение неясностей были сопоставимы с их размером и количеством, ни одна книга на любом языке не могла бы похвастаться пособиями, которыми располагал король У для их правильного понимания. Из этих комментаторов Чу Хи из Кянси, живший во времена династии Сун, настолько превзошел всех остальных в иллюстрировании и объяснении, что его пояснения теперь считаются почти равными тексту и всегда даются начинающему, чтобы помочь ему понять его истинный смысл.

Восьмой раздел Каталога включает в себя мемуары и комментарии к "Чжи шу", или "Четырем книгам", которые оказали почти такое же влияние на формирование китайского сознания, как и "Царь У". Они написаны разными авторами, и с момента их публикации, возможно, претерпели несколько изменений и интерполяций, но изменения как в них, так и в Пяти

классиках не могут быть очень многочисленными или значительными, поскольку большое количество учеников, следовавших за Конфуцием и имевших копии его трудов, бережно сохраняли те, которые он редактировал, и передавали без изменений те, которые содержали его изречения. Ни одна из Четырех книг не была написана самим Конфуцием, но три из них считаются сборником его высказываний; в нынешнем виде их изложили братья Цзин, жившие около восьми веков назад.

ВЕЛИКОЕ ОБУЧЕНИЕ И ПРОСТО СРЕДНЕЕ.

Первая из Четырех книг - Та Хиох, *то есть* "Высшее" или "Великое учение", которое первоначально составляло одну главу Книги обрядов. Теперь она разделена на одиннадцать глав, только первая из которых приписывается мудрецу, а остальные составляют комментарии к ним; в целом она не содержит и двух тысяч слов. Аргументация "Та Хиох" вкратце сводится к четырем главам: "совершенствование себя, регулирование семьи, управление государством и правление империей". В первой главе эта идея развивается в кругу, свойственном китайцам:

Древние, желая проиллюстрировать обновление добродетели во всей империи, сначала упорядочили свои собственные государства. Желая упорядочить свои государства, они сначала упорядочивали свои семьи. Желая упорядочить свои семьи, они сначала возделывали свои лица. Желая возделывать свои лица, они сначала исправляли свои сердца. Желая исправить свои сердца, они сначала стремились быть искренними в своих мыслях. Желая быть искренними в своих мыслях, они сначала расширяли свои знания до предела. Такое расширение знаний заключалось в исследовании вещей. Исследуя вещи, знание становилось полным: знание становилось полным: знание становилось полным: знание становилось полным: мысли были искренними: мысли были искренними: мысли были искренними, сердца исправлялись: сердца исправлялись: сердца исправлялись, лица возделывались: лица возделывались, семьи регулировались: семьи регулировались, государства правильно управлялись; государства правильно управлялись, империя становилась спокойной. империя становилась спокойной.

Все, от Сына Неба до человека из народа, должны считать основой культивирование личности.

Последующие главы в основном состоят из кратких изречений древних царей и авторов, собранных и упорядоченных Цэном, а затем Чу Хи, призванных проиллюстрировать и подтвердить учение Конфуция, содержащееся в первой главе. Из главы X можно привести только одну цитату.

В Декларации [герцога] Цина говорится следующее: "Пусть у меня будет только один министр, простой и искренний, не претендующий на другие способности, но с простым и прямым умом; и обладающий щедростью, относящийся к талантам других так, как если бы он сам обладал ими, и там, где он находит опытных и проницательных людей, любя их в своем сердце больше, чем выражают его уста, и действительно показывая себя способным воспользоваться ими; такой министр сможет сохранить моих потомков и черноволосых людей, и от него вполне можно ожидать пользы для королевства. Если же он, найдя способных людей, ревнует и ненавидит их, а встретив опытных и проницательных, противится им и не позволяет продвигаться по службе, показывая, что на самом деле не способен воспользоваться ими, такой министр не сможет защитить моих потомков и черноволосый народ. Можно ли даже назвать его опасным?"

Читая эти отрывки, можно с готовностью согласиться с тем, что, лишённые высоких санкций и вдохновляющих надежд и обещаний Слова Божьего, эти китайские моралисты начали с правильного пути в своих попытках исправить и принести пользу своим соотечественникам, а то, что они не добились полного успеха, объясняется причинами, не зависящими от их реформаторских сил.

Вторая из Четырёх книг называется "Чунг Юнг", или "Справедливый средний", и в некоторых отношениях является наиболее проработанным трактатом в этой серии. Он был написан Кун Кихом, внуком Конфуция (более известным под именем Цз'-сц'), примерно через девяносто лет после смерти мудреца. Когда-то она также составляла часть "Ли ки", из которой она, как и "Та хиох", была взята Чу Хи для составления двух "Шу шу". Книга состоит из тридцати трех глав и стала предметом многочисленных комментариев. Главная цель автора - проиллюстрировать природу человеческой добродетели и показать ее проявление в действиях идеального *киун цз'*, или "княжеского человека" безупречной благопристойности, который всегда унижает себя правильно, не впадая в крайности. Он выполняет совет Гесиода:

"Пусть каждый поступок доказывает, что он подлый;

Умеренность - это самое лучшее".

Истинная добродетель заключается в том, чтобы никогда не впадать в крайности, хотя не похоже, что этим мудрец хотел подавить активную доброжелательность, с одной стороны, или поощрить эгоистичную неподвижность, с другой. *Цзин*, или прямота, считается основой всех вещей, а хо, гармония, - всепроникающим принципом вселенной; "расширьте прямоту и гармонию до предела, и небо и земля будут в покое, и все вещи будут производиться и питаться в соответствии со своей природой". Общий характер работы однообразен, но скрашивается некоторыми оживленными отрывками, среди которых описание *киун-цзы*, или княжеского человека, является одним из них. "Княжеский человек, общаясь с другими, не опускается ни до чего низкого или неподобающего. Как непоколебима его доблесть! Он стоит посередине и не склоняется ни на одну сторону. Княжеский человек не попадает ни в одну ситуацию, где он не является самим собой. Если он занимает высокое положение, он не относится с презрением к тем, кто ниже его; если он занимает низшее положение, он не прибегает к подлым искусствам, чтобы добиться расположения начальства. Он исправляет себя и не обвиняет других; он не чувствует неудовлетворенности. С одной стороны, он не ропщет на Небо, а с другой - не испытывает обиды на человека. Таким образом, высший человек живет спокойно, полностью ожидая воли Неба".[\[321\]](#)

МУДРЕЦ, ИЛИ КНЯЖЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК.

Китайские моралисты делят человечество на три класса по таким принципам: "Люди высшего порядка, такие как мудрецы, достойные, филантропы и герои, хороши без обучения; люди среднего класса становятся таковыми после обучения, например, земледельцы, врачи, астрологи, солдаты и т.д., а люди низшего класса плохи, несмотря на обучение, например, актеры, меломаны, рабы, мошенники и т.д.". Первые - *шинг*, или мудрецы; вторые - *хиен*, или достойные; последние - *ю*, или никчемные. Сэр Джон Дэвис отмечает сходство этой тройной классификации с классификацией Гесиода. В "Справедливом медиуме" так описывается первый персонаж:

Только мудрец обладает тем ясным пониманием и глубоким умом, которые подходят ему для занятия высокого поста; обладает той широкой либеральностью и мягкой доброжелательностью, которые подходят ему для того, чтобы нести ответственность за

других; проявляет ту твердость и великодушие, которые позволяют ему придерживаться добрых принципов; руководствуется той доброжелательностью, справедливостью, уместностью и знанием, которые вызывают почтение; и настолько глубоко изучил вежливую образованность и добрые принципы, что может правильно их различать. Обширны и обширны последствия его добродетели; она подобна глубокому и живому потоку, который течет непрерывно; она значительна и обширна, как небеса, и глубока, как великая бездна. Где бы ни плавали корабли и ни бегали колесницы; где бы ни осеняли небеса и ни поддерживала земля; где бы ни сияли солнце и луна, ни падали морозы и росы, среди всех, кто имеет кровь и дыхание, нет ни одного, кто бы не почитал и не любил его.[322]

Искренность или добросовестность занимает важное место среди атрибутов высшего или княжеского человека, но при переводе китайских терминов на английский язык иногда бывает достаточно сложно найти те, которые точно передают идею оригинала. Например, искренность описывается как "происхождение или завершение всех вещей; без нее не было бы ничего". Это доброжелательность, с помощью которой человек совершенствует себя, и знание, с помощью которого он совершенствует других". В другом месте мы читаем, что "одно искреннее желание может сдвинуть небо и землю". Предполагается, что *киун цз'* должен обладать этими качествами. Стандарт совершенства поставлен так высоко, что абсолютно недостижим для человеческой природы; и хотя Ких, вероятно, намеревался возвысить характер своего деда до этой высоты и таким образом передать его будущим векам как *shing jin*, или "совершенного и святого человека", он, по Божьему провидению, оказал своим соотечественникам большую услугу, поставив перед ними такой характер, который приведен в "Чунг Юнг". Став учебником для школ, он постоянно изучался и запоминался поколениями учеников, принося им огромную пользу.

АНАЛЕКТЫ КОНФУЦИЯ.

Третья из Четырех книг, называемая "Лунь Юй", или "Аналекты Конфуция", разделена на двадцать глав, в которых коллективное собрание его учеников записывает его слова и действия, во многом подобно тому, как Босуэлл записывал слова и действия Джонсона. Однако она не обладает достоинством хронологического расположения, а некоторые ее части настолько сентиментальны, что неясны, если не сказать почти невразумительны. Эта работа раскрывает проницательность мудреца в отношении характера своих соотечественников и знание того, как лучше всего к ним подступиться и повлиять на них. В начале своей карьеры реформатора и учителя он довольствовался возрождением доктрин "древних"; но, обнаружив, что его влияние растет по мере того, как он продолжает эти наставления, он затем - но всегда под их руководством - привил оригинальные идеи и догматы умам своего поколения. Если бы даже его самые возвышенные идеи были высказаны как его собственные, они вряд ли были бы приняты в его время и, возможно, из-за презрения, которое испытывали к нему его современники, были бы полностью утрачены.

Среди наиболее примечательных отрывков "Четырех книг" можно назвать следующие: Отвечая на вопрос Цз'-куна: "Есть ли одно слово, которое может служить правилом практики на всю жизнь?" Конфуций сказал: "Разве не является таким словом *шу* ("взаимность")? То, чего не желаешь себе, не делай другим". В предыдущем месте Цз'-кун сказал: "То, что я не желаю, чтобы люди делали мне, я также не желаю делать людям". Конфуций ответил на это: "Цзы, ты еще не достиг этого". Тот же принцип повторяется в "Чжун Юн", где говорится, что человек, поступающий так, недалек от пути. Еще одно высказывание приводится в Императорском словаре под словом Фу: "У людей запада есть мудрецы" или "Среди людей запада есть мудрец (или святой человек)", где цель состоит в том, чтобы показать, что он не имел в виду Будду. Поскольку Конфуций был современником Эзры, не исключено, что он что-

то слышал об истории израильтян, рассеянных по ста двадцати семи провинциям персидской монархии, или о писаниях их пророков, хотя нет ни малейших исторических свидетельств того, что он знал что-либо о странах Западной Азии или о книгах, сохранившихся на их языках.

Некоторое представление о характере "Лунь Юя" можно получить из нескольких отрывочных фраз, выбранных из перевода Маршмана.[\[323\]](#)

Не огорчайтесь, что люди не знают вас, но огорчайтесь, что вы не знаете людей.

Справедливое управление напоминает северную звезду, которая неподвижна, и все звезды окружают ее.

У вас нет друзей, кроме вас самих.

Обучение без размышлений ничего не даст; размышления без обучения оставят ум беспокойным и несчастным.

Знание дает удовольствие, чистое как вода; совершенная добродетель приносит счастье, твердое как гора; знание пронизывает все вещи; добродетель безмятежна и счастлива; знание - это наслаждение; добродетель - это долгая жизнь.

Без добродетели и богатство, и почести кажутся мне проплывающим облаком.

Поведение мудреца - это привязанность и благожелательность в действии.

Человек, обладающий полной добродетелью, желает, чтобы его ум устремился туда, а также устремил туда ум других; он желает быть мудрым сам и хотел бы сделать других такими же мудрыми.

Те, кто, ища добродетели, отказываются оставаться среди добродетельных, как же они могут обрести знание?

Богатые и почетные - это те, с кем люди хотят общаться; не найдя их общества на путях добродетели, они, однако, не остаются на них.

В своем внешнем виде опуститься ниже приличия - значит уподобиться дикарю, превзойти его - значит уподобиться пижону; пусть ваш вид будет приличным и умеренным, тогда вы будете похожи на благородного человека.

Когда я только начинала общаться с мужчинами, я слышала слова и оценивала поведение; теперь я слышу слова и наблюдаю за поведением.

Я не нашел человека, который ценил бы добродетель так же, как люди ценят удовольствие.

Совершенный человек любит всех людей; он не руководствуется частными привязанностями или интересами, но заботится только об общественном благе или правильном рассудке. Злой человек, напротив, любит, если вы даете, и любит, если вы его хвалите.

Совершенный человек никогда не бывает доволен собой. Тот, кто доволен собой, не совершенен.

Тот, кто усерден и стремится совершенствоваться в учебе, не стыдится опускаться до того, чтобы просить других.

Грех в добродетельном человеке подобен затмению солнца и луны; все люди смотрят на него, и он проходит; добродетельный человек исправляется, а мир восхищается его падением.

Терпение - самое необходимое, что есть в этом мире.

ЖИЗНЬ КОНФУЦИЯ.

Здесь можно добавить несколько фактов о жизни и замечаний о характере великого мудреца китайской письменности, хотя уже приведенных выдержек из его трудов достаточно, чтобы показать его стиль. Конфуций родился в 551 году до н. э., на двадцатом году правления императора Линга (примерно в тот день, когда Кир стал царем Персии), в царстве Лу, которое сейчас входит в состав Йенчау, на юге Шантунга. Его отец был окружным судьей и, умерев, когда ему было всего три года, оставил заботу о нем и его воспитании матери, которая, хотя и не была столь знаменита, как мать Менция, похоже, воспитала в нем уважение к морали и руководила его учебой. В молодости он отличался серьезным характером и знанием древних наук, что снискало ему уважение и восхищение горожан, так что в возрасте двадцати лет, на следующий год после женитьбы, ему доверили обязанности подчиненного чиновника в департаменте доходов, а затем назначили надсмотрщиком за полями и стадами. На двадцать четвертом году жизни умерла его мать, и в соответствии с древним обычаем, который к тому времени вышел из употребления, он немедленно оставил все свои дела, чтобы оплакивать ее три года, в течение которых он посвятил себя учебе. Эта практика сохранилась и по сей день.

Изучение древних писаний привело его к решению обучить им своих соотечественников и возродить обычаи прежних царей, особенно в том, что касалось обрядов. Его положение позволило ему попасть ко двору в Лу, где он познакомился с образованными и влиятельными людьми, и к тридцати годам он уже пользовался среди них репутацией учителя. Его собственный король, Сианг, дал ему возможность посетить императорский двор в Лохьянге. Здесь вместе со своими учениками он внимательно изучил все, прошлое и настоящее, и вернулся домой с новым уважением к древним основателям Дома Чау. Число его учеников и почитателей росло, а слава соответственно расширялась, так что вскоре он получил приглашение ко двору принца Ци, но по прибытии туда с огорчением узнал, что причиной приглашения было любопытство, а не желание принять его принципы. Поэтому он покинул его и отправился домой, где борьба между тремя враждующими семьями принесла беспорядок и несчастья по всему королевству; с величайшим трудом он сохранял нейтралитет между этими группировками. Его ученики были со всех концов страны, и общественное мнение стало подвергаться влиянию его примера. Вскоре представилась возможность применить его догматы на практике. В результате гражданской междоусобицы мятежники разбежались, и в Лу налаживалось управление, когда в 500 году до н. э. Конфуций получил от своего правителя, князя Тинга, должность магистрата города Чун-ту. Ему уже исполнилось пятьдесят лет, и он начал исполнять лучшие правила, какие только мог, занимая должность министра по борьбе с преступностью. В течение трех лет он управлял государственными делами с таким сочетанием усердия, благоразумия, суровости и уважения к правам и нуждам всех сословий, что Лу вскоре стал предметом зависти и страха всех других государств. Ему даже удалось разрушить два или три баронских замка, чьи вожди поставили на место всю законную власть. Его наставления были справедливо применены на практике, и, подобно Соломону, его влияние в последующие века усилилось благодаря признанному успеху.

Однако это был не более чем эксперимент, так как царь Цзи, завидуя растущему могуществу своего соседа, послал Тингу заманчивый подарок, состоящий из тридцати великолепно убранных лошадей и множества диковинных редкостей, а также нескольких самых искусных куртизанок, которых он мог приобрести в своих владениях. Этот план по завоеванию благосклонности молодого монарха и изгнанию несносного циника из его советов удался, и вскоре Конфуций по принуждению удалился в частную жизнь. Он перебрался во владения князя Вэй в сопровождении тех своих учеников, которые решили последовать за ним, где занялся распространением своих доктрин и путешествиями по прилегающим государствам.

Временами ему аплодировали и покровительствовали, но столь же часто он становился объектом преследований и насмешек; не раз его жизнь была под угрозой. Он сравнивал себя с собакой, изгнанной из своего дома: "Я храню верность этого животного, и со мной обращаются так же, как с ним. Но какое значение имеет неблагодарность людей? Они не могут помешать мне делать все то добро, которое было мне предназначено. Если моими наставлениями пренебрегают, я утешаюсь тем, что в глубине души знаю, что честно выполнил свой долг". Иногда он говорил так, что у него складывалось впечатление, будто небеса возложили на него особое поручение - наставлять мир. В одном или двух случаях, когда ему грозила опасность, он сказал: "Если Небо хочет не стереть это учение с лица земли, то люди Кванга ничего не смогут мне сделать". И "поскольку Небо породило во мне все добродетели, что может сделать со мной Хван Туй?".

В своих наставлениях он улучшал проходящие события, чтобы извлечь из них полезные уроки, и некоторые из них, по крайней мере, гениальны. Однажды, наблюдая за тем, как птицевод сортирует своих птиц по разным клеткам, он сказал: "Я не вижу здесь ни одной старой птицы; куда вы их дели?" "Старые птицы, - ответил птицелов, - слишком осторожны, чтобы их ловить; они начеку, и если они видят сеть или клетку, то, чтобы не попасть в силки, они убегают и никогда не возвращаются. Те молодые особи, которые находятся в компании с ними, тоже убегают, но только те, которые собираются в стаю поодиночке и опрометчиво приближаются, - это те птицы, которых я ловлю. Если мне случается поймать старую птицу, то только потому, что она следует за молодыми". "Вы слышали его, - заметил мудрец, обращаясь к своим ученикам, - слова этого ловца дают нам повод для поучений. Молодые птицы спасаются от ловушки только тогда, когда держатся рядом со старыми, а старых ловят, когда они следуют за молодыми; так и с людьми. Самонадеянность, усердие, непредусмотрительность и невнимательность - вот основные причины, по которым молодые люди сбиваются с пути. Одурманенные своими малыми достижениями, они едва успевают начать учиться, как им кажется, что они знают все; едва совершив несколько обычных добродетельных поступков, они сразу же воображают себя на вершине мудрости. Под этим ложным впечатлением они ни в чем не сомневаются, ни в чем не сомневаются, ни на что не обращают внимания; они опрометчиво совершают поступки, не посоветовавшись с пожилыми и опытными людьми, и таким образом, надежно следуя своим собственным представлениям, вводятся в заблуждение и попадают в первую же расставленную для них ловушку. Если вы увидите, что старик трезвых лет так дурно советуется с юношей, увлекается его энергичностью, привязывается к нему, думает и действует вместе с ним, то он сбивается с пути и вскоре попадает в ту же ловушку. Не забывайте ответ ловца".

Однажды, глядя на ручей, он сравнил его непрекращающееся течение с передачей доброго учения через последующие поколения, и как одна раса получила его, так она должна передать его другим. "Не подражайте тем изолированным людям [рационалистам], которые мудры только для себя; передавая другим ту толику знаний и добродетелей, которыми мы обладаем, мы никогда не обеднеем сами". Похоже, что он питал лишь слабые надежды на

всеобщее признание своей доктрины, хотя к концу жизни он получил столько поддержки в виде уважения к нему лично и увеличения числа его учеников, сколько мог бы пожелать.

Конфуций вернулся на родину в возрасте шестидесяти восьми лет и посвятил свое время завершению издания классики и обучению уже многочисленной группы учеников. Он советовался со своим государем, который пригласил его вернуться, и одним из его последних действий было обращение ко двору с призывом напасть на Ци и наказать за убийство ее герцога. Вокруг него сложилось множество легенд, так что теперь он предстает перед своими соотечественниками как мудрец и полубог; однако во всех событиях, связанных с этими поздними сочинениями, удивительным образом отсутствует пророческое и чудесное. Одна из историй гласит, что, закончив свои труды, он собрал вокруг себя друзей и торжественно посвятил свои литературные труды небесам как завершающий акт своей жизни. "Он собрал всех своих учеников и вывел их из города на один из холмов, где в течение многих лет обычно приносились жертвы. Здесь он воздвиг стол или алтарь, на который положил книги, а затем, повернувшись лицом к северу, поклонился Небу и на коленях смиренно поблагодарил за то, что ему были дарованы жизнь и сила, позволившие совершить это трудоемкое дело; он умолял Небо даровать, чтобы польза для его соотечественников от столь тяжелого труда была не малой. Он готовился к этой церемонии уединением, постом и молитвой. На китайских картинах мудрец изображен в позе мольбы, а с неба на книги падает луч света или радуга де , в то время как его ученики стоят вокруг в восхищении".[324]

За несколько дней до смерти он ходил по дому, вздыхая,

Тай шань, ки туй ху! - Лян му, ки хвай ху! - Чи цзинь, ки вэй ху!

Великая гора разрушена!

Прочная балка брошена вниз!

Мудрец увядает, как растение!

Он умер вскоре после этого, в 478 году до н. э., в возрасте семидесяти трех лет, оставив единственного потомка, своего внука Цз'-сза, через которого преемственность передается до сих пор. При его жизни произошло возвращение евреев из Вавилона, вторжение Ксеркса в Грецию и завоевание Египта персами. Посмертно ему были оказаны самые разнообразные почести, равносильные идолопоклонству. Его титул - "Святейший древний учитель" Кунг-цз, а также "Святой герцог". В царствование Канги, через две тысячи сто пятьдесят лет после его смерти, в живых оставалось одиннадцать тысяч мужчин, носящих его имя, и большинство из них - представители семьдесят четвертого поколения, что, несомненно, является одним из старейших родов в мире. В Жертвенном ритуале приводится краткий рассказ о его жизни, который завершается следующим песнопением:

Конфуций! Конфуций! Как велик Конфуций!

До Конфуция никогда не было Конфуция!

Со времен Конфуция не было ни одного Конфуция!

Конфуций! Конфуций! Как велик Конфуций!

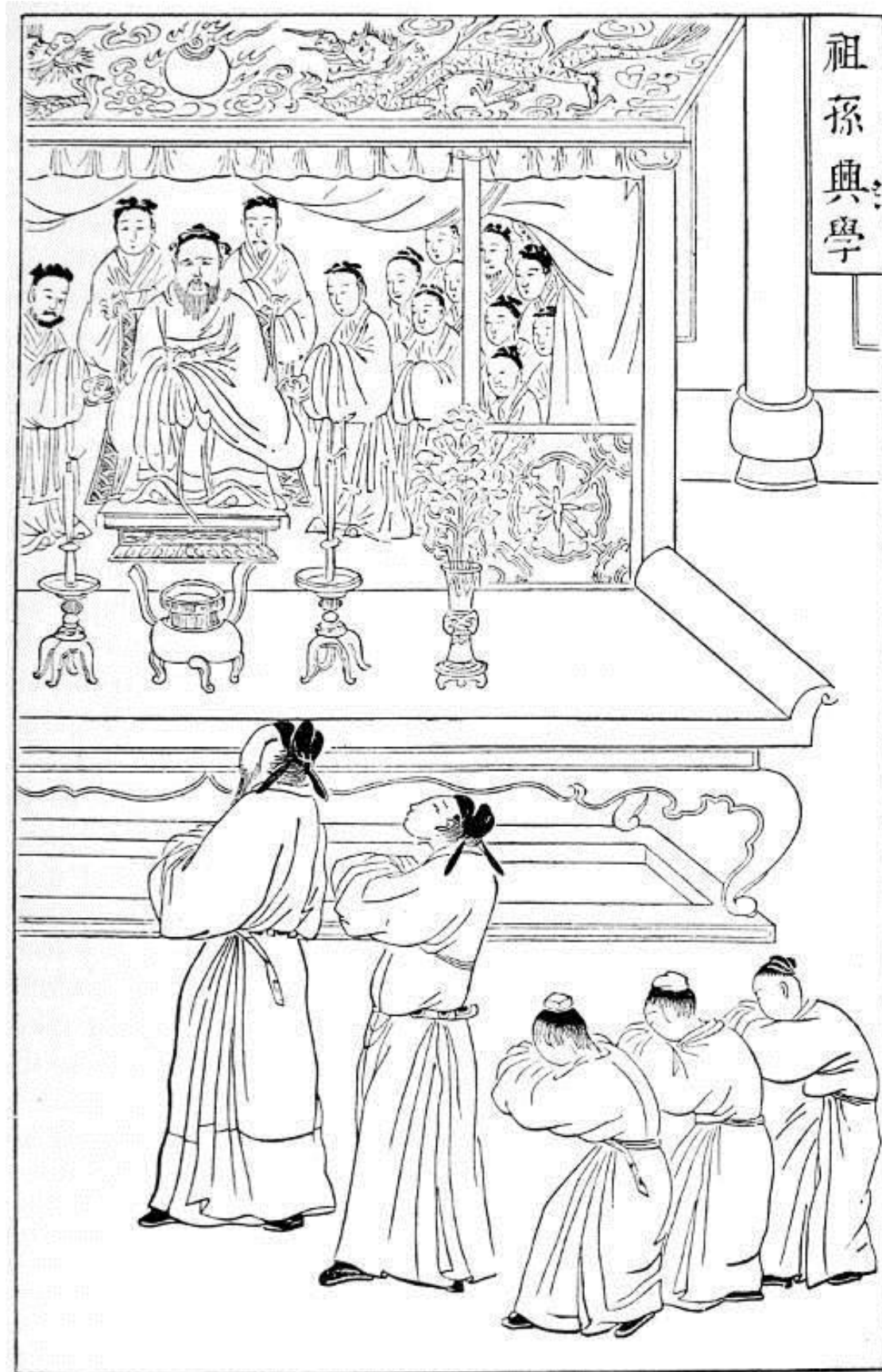
ХАРАКТЕР КОНФУЦИАНСКОЙ СИСТЕМЫ.

Главные черты философии Конфуция - подчинение начальству и доброе, честное отношение к ближним; лишенные всякой ссылки на невидимую силу, перед которой все люди ответственны, они смотрят только на этот мир для своих санкций и делают самого монарха лишь отчасти подвластным высшему трибуналу. Действительно, трудно переоценить влияние Конфуция в его идеале *княжеского ученого*, и ту силу добра, которую эта концепция с тех пор оказывает на его род. Ее можно сравнить со славной работой скульптора на афинском Акрополе - бесподобной статуей высотой более семидесяти футов, чей чехол и копье из полированной меди сверкали над всеми храмами и высокими сооружениями города и привлекали постоянный взгляд мореплавателя на близком Эгейском море; направляя его дальнейший путь, она все же всегда оставалась недостижимой для него. Как Афина Промахос для древнего аттического мореплавателя, так и *киун-цзы* Конфуция стоит в ряду идеалов языческих моралистов. Неизмеримое влияние в последующие века изображенного таким образом персонажа доказывает, насколько высок был его собственный стандарт, а национальная совесть с тех пор подтверждает справедливость портрета.

От долга, чести и послушания, которые ребенок должен оказывать своим родителям, он переходит к разъяснению обязанностей жен перед мужьями, подданных перед князем и министров перед королем, а также всех обязанностей, вытекающих из различных социальных отношений. Политическая мораль должна основываться на частной добродетели, а начало всякого настоящего прогресса, по его мнению, заключалось в *posse teipsum*. Нельзя отрицать, что среди его догматов есть несколько достойных исключения, и доктор Легге, как мы уже видели, сурово отзывается о его пренебрежении истиной в "Чуньцю" и при жизни. Тем не менее, по сравнению с наставлениями греческих и римских мудрецов, общая тенденция его трудов хороша, а по адаптации к обществу, в котором он жил, и по своему исключительно практическому характеру они превосходят труды западных философов. Он не столько занимался возвышенными и недостижимыми описаниями добродетели, сколько учил, как следует вести себя в обычной жизни: как дети должны вести себя с родителями, когда человек должен вступать в должность, когда жениться и т. д. и т. п., которые, хотя и могут показаться нам несколько пустяковыми, вероятно, были хорошо рассчитаны на то время и на тех людей, среди которых он жил. [325]

Если бы Конфуций передал потомкам такие произведения, как "Илиада", "De Officiis" или "Диалоги" Платона, он, несомненно, занял бы более высокое место среди выдающихся интеллектуалов мира, но можно сильно сомневаться, что его влияние среди соотечественников было бы столь же хорошим и продолжительным. Разнообразие и подробность его инструкций по воспитанию и образованию детей, акцент, который он делает на сыновнем долге, детали этикета и поведения, которые он дает для общения всех классов и рангов в обществе, отличают его труды от работ всех философов в других странах, которые, сравнительно говоря, уделяли мало внимания воспитанию молодых. Четырехкнижие и Пятикнижие классиков, с точки зрения их внутреннего характера по сравнению с другими произведениями, можно было бы считать не более чем литературными диковинками из-за их древности и языка, если бы не несравненное влияние, которое они оказали на многие миллионы умов; с этой точки зрения они обладают таким интересом, на который не может претендовать ни одна книга, кроме Библии. Источником и объяснением этого влияния является их использование в качестве учебников в школах и на конкурсных экзаменах, и было бы хорошо для христианских стран, если бы их молодежь была знакома с трудами Соломона и евангелистов в равной степени. Отсутствие в них описаний

нечистоплотности и разврата, а также ссылок на все, что развращает и порочит сердце, является искупительным качеством китайской классики, которое не следует упускать из виду. Китайская литература, действительно, содержит достаточно, чтобы загрязнить даже ум язычника, но ее отбросы превратились в осадок; и в самых высоко ценимых трудах нельзя найти ничего или почти ничего, что не выдержало бы прочтения любым человеком в любой стране. Каждый, кто знаком с трудами индусских, греческих и римских поэтов, знает, какими яркими описаниями любовных утех богов и богинь наполнены их страницы, и чистота китайских канонических книг в этом отношении должна быть признана замечательной.

Поклонение Конфуцию и его ученикам.

ПОКЛОНЕНИЕ КОНФУЦИЮ.

В большинстве своем китайцы, поклоняясь Конфуцию, довольствуются установкой простой таблички в его честь; вырезание изображений для культа мудреца - редкость. Однако инцидент, изображенный на соседней гравюре на дереве, исключение из преобладающей строгости этого культа. Некий Вэй Ки, ученый, живший во времена династии Тан (657 г. н.э.), не довольствуясь, как говорят, преподаванием классики, установил статуи Конфуция и его семидесяти двух учеников в натуральную величину, чтобы возбудить энтузиазм своих собственных учеников. В это святилище божеств познания обычно приходили *эрудит* Вэй и его ученые, среди которых были и его дед, и несколько его внуков, чтобы преклонить колена перед древними мастерами. "Но среди его потомков, - заключает летописец, - было много тех, кто занял видное положение в государстве".

Последняя из Четырех книг почти столь же велика, как и три остальные, и полностью состоит из трудов Менция, Мэнг-цзы, или Мэнг-фу-цзы, как его называют китайцы.^[326] Этот мудрец процарствовал более века после смерти своего учителя, и хотя, оценивая его характер, не следует забывать, что он имел преимущества его примера и стимул его славы и учения, в большинстве аспектов он проявил оригинальность мысли, несгибаемость цели и обширные взгляды, превосходящие Конфуция, и должен считаться одним из величайших людей, когда-либо созданных азиатскими народами.

ЖИЗНЬ МЕНСИУСА.

Менций родился в 371 году до н. э.^[327] в городе Цау, ныне в провинции Шантунг, недалеко от родного округа своего учителя. Ему было двадцать три года, когда умер Платон, и многие другие великие люди Греции были его современниками. Его отец умер рано и оставил опеку над мальчиком своей вдове Чанши. "Забота этой благоразумной и внимательной матери, - цитирует Ремюзат, - служит примером для всех добродетельных родителей". Дом, в котором она жила, находился рядом с домом мясника; она заметила, что при первом крике животных, которых резали, маленький Мэнг бежал, чтобы присутствовать при этом зрелище, и что по возвращении он стремился подражать тому, что видел. Опасаясь, что его сердце ожесточится и привыкнет к виду крови, она переехала в другой дом, который находился по соседству с кладбищем. Родственники похороненных там людей часто приходили оплакивать их могилы и совершать обычные возлияния; мальчик вскоре стал с удовольствием наблюдать за их церемониями и забавлялся, подражая им. Это стало новым поводом для беспокойства Чанши: она опасалась, что сын начнет считать шуткой то, что является самым серьезным, и приобретет привычку легкомысленно и буднично исполнять обряды, требующие самого пристального внимания и уважения. Поэтому она с тревогой сменила место жительства и переехала жить в город, напротив школы, где ее сын нашел примеры, достойные подражания, и вскоре начал извлекать из них пользу. Я не стал бы рассказывать об этом пустяковом анекдоте, если бы не ссылка, которую китайцы постоянно делают на него в распространенной пословице: "Раньше мать Менция выбирала себе соседей". В другой раз ее сын, увидев, как люди режут свиней, спросил ее, зачем они это делают. "Чтобы накормить тебя", - ответила она; но, подумав, что это приучает сына легкомысленно относиться к истине, пошла, купила немного свинины и дала ему.

Менций рано посвятил себя классике и, вероятно, посещал занятия известных учителей школы Конфуция и его внука Киха. После завершения обучения, в возрасте сорока лет, он выступил в качестве общественного учителя и предложил свои услуги феодальным князьям страны. Среди прочих его принял Хвуй, царь Вэй, но, хотя этот правитель пользовался большим уважением, его наставления не были приняты во внимание; вскоре он понял, что среди многочисленных мелких правителей и интригующих государственных деятелей того времени не было никакой перспективы восстановить спокойствие в империи, и что

рассуждения о мягком правлении и мирных добродетелях Яо и Шуня, царя Вэна и Чинтана мало интересовали людей, чьи умы были поглощены планами завоевания или удовольствиями. После этого он принял приглашение отправиться в Ци, соседнее государство, и провел там большую часть своей государственной жизни; записи показывают, что к нему часто обращались за советом государственные деятели многих правительств. По мере того как он переходил из одного государства в другое, его влияние расширялось, а опыт показывал ему трудности хорошего управления в условиях всеобщего пренебрежения справедливостью, милосердием и бережливостью. Его собственный непреклонный характер и суровое отношение к этикету и честности охлаждали распушенных, беспринципных людей тех беззаконных времен. В конце концов он удалился в свой дом, чтобы провести последние двадцать лет жизни в обществе своих учеников, завершив там работу, которая носит его имя и сделала его таким влиятельным среди своих соотечественников. Он всегда был стимулом и проводником народных усилий по отстаиванию прав подданных против несправедливости правителей, а также поощрителем правителей, которые управляли по справедливости. Его утверждение о надлежащих обязанностях и прерогативах, принадлежащих обеим партиям в государстве, предшествовало утверждению любого западного писателя; некоторые из его принципов либерального правления были сформулированы еще до их закрепления в Священном писании. Он умер в возрасте восьмидесяти четырех лет (288 г. до н. э.), незадолго до смерти Птолемея Сотера в том же возрасте.

ЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ЕГО УЧЕНИЯ.

После своей кончины Менций был удостоен публичным актом титула "святого князя страны Цау", а в храме мудрецов ему воздаются те же почести, что и Конфуцию; его потомки носят титул "мастера традиций, касающихся классики", а сам он называется *А-син*, или "второй мудрец", первым же считается Конфуций. Его труды написаны в форме диалогов с великими людьми своего времени и изобилуют иронией и насмешками, направленными против порока и угнетения, которые только делают его восхваления добродетели и честности более весомыми. По примеру Сократа, он ничего не оспаривает у своих противников, но, соглашаясь с их предпосылками, стремится вывести из них самые абсурдные следствия, которые приводят его оппонентов в замешательство.

Царь Вэй, один из буйных князей того времени, жаловался Менцию на то, как плохо ему удаются попытки сделать свой народ счастливым, а царство - процветающим. "Князь, - сказал философ, - ты любишь войну; позволь мне привести сравнение: две армии сходятся; звучит сигнал, начинается битва, одна из сторон побеждена; половина ее солдат отбежала на сто шагов, другая остановилась на пятидесяти. Имеют ли последние право насмехаться над теми, кто отбежал дальше их самих?"

"Нет, - сказал король, - они одинаково обратились в бегство, и один и тот же позор должен постигнуть их обоих".

"Принц, - быстро говорит Менций, - перестань хвастаться тем, что твои усилия превосходят усилия твоих соседей. Вы все заслужили одинаковый упрек, и ни один не имеет права ставить себе в заслугу другого". Продолжая свои горькие допросы, он спросил: "Есть ли разница, о царь, в том, чтобы убить человека дубиной или мечом?" "Нет", - ответил принц. "Между тем, кто убивает мечом или уничтожает бесчеловечной тиранией?" "Нет", - снова ответил принц.

"Ну, - сказал Менций, - ваши кухни завалены едой, ваши сараи полны лошадей, а ваши подданные с истощенными лицами изнемогают от страданий или их находят мертвыми от голода посреди полей или пустынь. Что это, как не разведение животных для охоты на людей? И какая разница, уничтожать их мечом или недоброжелательным поведением? Если мы ненавидим тех диких животных, которые взаимно рвут и пожирают друг друга, то тем более мы должны ненавидеть князя, который, вместо того чтобы быть отцом своему народу, без колебаний разводит животных, чтобы уничтожить его. Какой же он отец своему народу, если так неласково обращается со своими детьми и заботится о них меньше, чем о диких зверях, которых он кормит?"

Однажды, обращаясь к принцу Ци, Менций заметил: "Не древние леса страны делают ей честь, а ее семьи, на протяжении многих поколений посвящавшие себя обязанностям магистратуры. О, царь! Во всей твоей службе нет ни одного подобного рода; те, кого ты вчера вознес к чести, каковы они сегодня?"

"Каким образом, - ответил царь, - я могу заранее узнать, что они лишены добродетели, и удалить их?"

"Возводя мудреца на высшие государственные посты, - писал философ, - король поступает так, как вынужден поступить. Но чтобы поставить человека неясного положения над вельможами своего королевства или одного из его дальних родственников над принцами, более близкими к нему, требуется самое тщательное обдумывание. Если его придворные единодушно говорят о человеке как о мудром, пусть он им не доверяет. Если все магистраты его королевства сходятся в одном мнении, пусть он не успокаивается на их свидетельстве, но если его подданные подтвердят рассказ, пусть он убедится сам; и если он обнаружит, что человек действительно мудрец, пусть возведет его в должность и почет. Так же, если все придворные будут возражать против того, чтобы он доверился министру, пусть он не слушает их; и если все магистраты придерживаются такого мнения, пусть он будет глух к их просьбам; но если народ объединится в той же просьбе, пусть он изучит объект их недоброжелательства и, если он виновен, сместит его. Короче говоря, если все придворные считают, что министр должен пострадать от смерти, принц не должен довольствоваться только их мнением. Если все высшие офицеры придерживаются того же мнения, он все равно не должен поддаваться их убеждениям; но если народ заявляет, что такой человек непригоден для жизни, то князь, расспросив себя и убедившись в справедливости обвинения, должен приговорить виновного к смерти; в этом случае можно сказать, что народ - его судья. Действуя таким образом, князь становится родителем своих подданных".

Воля народа всегда упоминается как верховная власть в государстве, и Менций предупреждает князей, что они должны и угождать, и приносить пользу своему народу, замечая, что "если страна не покорена сердцем, то и управлять ею невозможно", а также: "Тот, кто завоевывает сердца народа, обеспечивает себе трон, а тот, кто теряет сердца народа, теряет трон". Князь должен "давать и брать то, что им приятно, и не делать того, что им ненавистно". "Хорошие законы, - замечает он далее, - не равны тому, чтобы завоевать народ добрым наставлением". Когда один из государей посоветовался с ним, стоит ли ему попытаться завоевать соседнюю территорию, он ответил "Если жители Ена будут в восторге, то берите; если же нет, то нет". Он также одобряет свержение короля, который не управляет своим народом с учетом его благосостояния, и в доказательство своей правоты приводит пример основателей династий Шан и Чау. "Когда принц виновен в больших ошибках, - гласит

его доктрина, - министр должен обличать его; если, делая это снова и снова, он не слушает, он должен свергнуть его и поставить на его место другого".

ЕГО ОЦЕНКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ.

Он, как и многие китайские мудрецы, высоко оценивает человеческую природу, считая ее изначально доброй, и что "все люди от природы добродетельны, как вода течет вниз. У всех людей сострадательные сердца, все стыдятся порока". Но он также говорит: "Стыд имеет большое значение для людей; только коварные и хитрые не находят применения стыду". Однако человеческая природа должна быть испытана страданиями, и чтобы сформировать энергичный и добродетельный характер, человек должен многое вынести; "когда Небо собиралось поставить Шуня и других на важные посты, оно сначала в целом испытало их разум, приучило их к воздержанию, подвергло их бедности и невзгодам; таким образом оно тронуло их сердца и научило их терпению". В его собственном характере есть черты, сильно отличающиеся от раболепия и подлости, которые обычно приписывают азиатам, и особенно китайцам; и, похоже, он был готов пожертвовать всем ради своих принципов. "Я люблю жизнь и люблю справедливость, - замечает он, - но если я не могу сохранить и то и другое, я откажусь от жизни и буду держаться справедливости. Хотя я люблю жизнь, есть то, что я люблю больше, чем жизнь; хотя я ненавижу смерть, есть то, что я ненавижу больше, чем смерть". И, как бы ссылаясь на свою собственную честность, он в другом месте говорит: "Природа высшего человека такова, что, хотя он находится в высоком и благополучном положении, оно ничего не прибавляет к его добродетели; и хотя он находится в низких и бедственных обстоятельствах, оно ни в чем не ущемляет его". Во многих вопросах, особенно в том, какое значение он придает сыновнему долгу, в почитании древних книг и князей, в приверженности старым обычаям, Менций подражал Конфуцию и поддерживал его; в самобытной энергичности и безразличии к упрекам соотечественников он превосходил его. На европейских языках появилось множество переводов его трудов, но издание Легге^[328] в большинстве случаев является лучшим благодаря комментариям, изложению жизни и времени Мен цюса, а также справедливой оценке его характера и влияния.

Если вернуться к Императорскому каталогу, то в его девятом разделе содержится список музыкальных произведений, а также несколько, посвященных танцам и осанке; они занимают такое видное место в списке из-за важности, которую придавали музыке, используемой в государственном богослужении и домашних церемониях.

В десятом разделе приведены названия филологических трактатов и лексиконов, большинство из которых посвящены китайскому языку, хотя некоторые из них написаны на маньчжурском. Китайское правительство уделяет большое внимание составлению лексиконов и энциклопедий. В каталоге представлено двести восемнадцать работ такого рода, большая часть из которых издана при этой династии и включает только труды по общему языку, ни одного по диалектам. Объем цитат, разнообразие отдельных исследований по форме, происхождению и составу иероглифов, а также трактаты по темам, связанным с языком, свидетельствуют о тщательном труде местных ученых над разъяснением своего родного языка.

СЛОВАРЬ КАНХИ.

Один из них, "Пэй Вэнь Юнь Фу", или "Сокровищница сравниваемых знаков и звуков", настолько обширен и глубок, что заслуживает краткого упоминания, которое нельзя сделать лучше, чем выдержка из предисловия М. Каллери к его проспекту к переводу, который он издал только одним ливреем. Он говорит, что император Канхи, который планировал его подготовку, "собрал в своем дворце самых выдающихся литераторов империи и, положив

перед ними все произведения, которые можно было достать, будь то древние или современные, приказал им тщательно собрать все слова, аллюзии, формы и фигуры речи каждого стиля, примеры которых можно найти в китайском языке; классифицировать основные статьи в соответствии с произношением слов; посвятить отдельный параграф каждому выражению; и дать в поддержку каждого параграфа несколько цитат из оригинальных произведений. Побуждаемые щедростью, а также примером императора, который ежедневно просматривал выступления, семьдесят шесть литераторов, собравшихся в Пекине, трудились с таким усердием и вели такую активную переписку с учеными во всех частях империи, что в конце восьми лет работа была завершена (1711) и напечатана за государственный счет в ста тридцати толстых томах." Особенность китайского языка, заключающаяся в образовании множества дислабических соединений из двух или более иероглифов для выражения третьей и новой идеи, делает такую работу, как этот тезаурус, более необходимой и полезной, возможно, чем она была бы на любом другом языке. Под некоторыми из распространенных иероглифов замечено до трехсот, четырехсот и даже шестисот комбинаций, все из которых в большей или меньшей степени изменяют его смысл и образуют полную монографию иероглифа, чрезвычайно полезную для ученого при составлении идиоматического китайского языка. Этот великолепный памятник литературного труда отражает большую заслугу монарха, который проявил такой интерес к его составлению (как он отмечает в своем предисловии), что посвятил часы досуга каждого дня, несмотря на свои разнообразные занятия, в течение восьми лет, чтобы наблюдать за трудами ученых, занятых над ним.

ГЛАВА XII. ВЕЖЛИВАЯ ЛИТЕРАТУРА КИТАЙЦЕВ.

Три оставшихся отдела Императорского каталога включают в себя списки исторических, профессиональных и поэтических произведений. Оценка их ценности будет в некоторой степени зависеть от особенностей исследования студента, и чтобы дать ему средства для этого, потребуются обширные выдержки из поэтических, религиозных, топографических или моральных трудов. Те, кто изучал их дольше всех, такие как Ремюза, Жюльен, Стонтон, Потье, два Моррисона, Легге и т. д., отзываются о них с наибольшим уважением, будь то от более высокой оценки их ценности по мере того, как они больше узнавали, или от того, что усердие их исследований придавало их описаниям оттенок энтузиазма. Один из авторов "Квартального обозрения" приводит веские причины для того, чтобы поставить вежливую литературу китайцев на первое место, поскольку она может дать европейцам представление об их образе мыслей. "Китайцы выгодно отличаются от других азиатов тем, что они рано овладели и широко использовали важное искусство печатания, причем печатания в той особой форме, стереотипе, которая наилучшим образом рассчитана, умножая копии и удешевляя цену, для содействия распространению всех видов их литературы. Поэтому, как и следовало ожидать, они являются читающим народом; определенная степень образованности характерна даже для низших классов, а среди высших излишне настаивать на том, что в системе, где обучение является самым порогом ворот, ведущих к славе, почестям и гражданской работе, буквы должны быть в большом почете. Среди огромной массы печатных книг, являющейся естественным порождением такого положения вещей, мы не стесняемся заявить, что круг их *беллетристики*, включающий в себя драму, поэзию и романы, всегда занимал самое высокое место в нашем уважении; И мы должны сказать, что

нет более удобного и приятного способа близко познакомиться с народом, у которого Европа может так мало узнать о моральных или физических науках, чем черпать из неисчерпаемых запасов его декоративной литературы."

КИТАЙСКИЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ.

Второй раздел каталога, Sz' Pu, или "Исторические сочинения", подразделяется на пятнадцать разделов. Эти труды очень обширны; даже простое их перечисление дает представление о том, какой огромный труд был затрачен на их создание; нельзя не выразить уважения, по крайней мере, к тому мастерству, которое было проявлено в таких сборниках, как "Семнадцать историй" в двухстах семнадцати томах и ее продолжение, "Двадцать две истории", еще более объемный труд. Хотя занимательные эпизоды и зарисовки характеров, встречающиеся у Геродота и других древних европейских историков, здесь отсутствуют, зато в изобилии представлены события придворной, лагерной и общественной жизни, а также государственные деяния и царская биография. Династическими записями занимались специальные сотрудники, и с тех пор при систематизации исторических материалов по двенадцати разделам придерживались рубрик, принятых в Суй 590 г. н.э. Из массы материалов, перелопаченных внимательными учеными, были составлены записи, известные в настоящее время; они образуют, со всеми их недостатками, лучшую непрерывную историю любого азиатского народа. Распространены популярные сокращения, среди которых наиболее полезны "Тунг Киен Канг-мух", или "Общее зеркало истории", и составленное из него сокращение "Канг Киен И Чи", или "История в легкой форме".

ИСТОРИКИ СЗ'МА ТСИЕН И СЗ'МА КВАНГ.

Самым ранним историком среди китайцев считается Сзяма Циен,[\[329\]](#) , процветавший около 104 г. до н. э. В этом году он начал работу над Сзяма Ки, или "Историческими мемуарами", в ста тридцати главах. В этой большой работе, которая, как и "Музы" Геродота на греческом языке, является началом достоверной современной истории китайцев, автор рассказывает о действиях императоров в последовательной последовательности и основных событиях, произошедших во время их правления, вместе с подробностями и очерками о музыке, астрономии, религиозных церемониях, весах, общественных работах и т.д., а также об изменениях, которые они претерпели за двадцать два века, охваченных в его "Мемуарах". Ремюза утверждает, что во всем произведении пятьсот двадцать шесть тысяч пятьсот иероглифов, поскольку китайцы, как и древние евреи, нумеруют слова в своих стандартных авторах. Sz' Kí состоит из пяти частей, и его расположение послужило образцом для последующих историков, немногие из которых сравнивались с его автором в живости стиля или тщательности исследования.

Книга "Всеобщее зеркало в помощь правлению" Сзяма Квана о династии Сун, состоящая из двухсот девяноста четырех глав, является одной из самых подробных и ясных летописей, созданных китайскими учеными, и охватывает период с конца правления Цинь до начала правления Сун (313-960 гг. н. э.). Оба историка - Сзяма Циен и Сзяма Кван - занимали высокие посты в государстве, попеременно подвергались опале и почестям и были замешаны во всех политических движениях того времени. Ремюза говорит о заслуженной похвале их сочинениям, а к описанию их работ добавляет рассказ об их жизни. Один или два случая в карьере Ш'ма Кванга демонстрируют готовность к действиям и свободу в выражении своих чувств, которые более распространены среди китайцев, чем принято считать. В юности он стоял с товарищами возле большой вазы, в которой держали золотых рыбок, когда одна из них упала. Все, кроме молодого Кванга, были слишком напуганы, чтобы что-либо предпринять, и побежали искать помощи; он искал вокруг камень, которым можно

было бы разбить вазу и дать воде вытечь, и таким образом спас жизнь своему товарищу. В последующей жизни к тому же здравому смыслу добавилась смелость, которая заставляла его заявлять о своих чувствах по любому поводу. Однажды южные люди прислали в подарок императору странное четвероногое животное, которое, по словам его льстецов, было мифологическим *ки-лином*, предвещающим счастье. С'ма Кванг, с которым посоветовались по этому поводу, ответил: "Я никогда не видел *ки-лин*а, поэтому не могу сказать, он это или нет. Я знаю только, что настоящий *ки-лин* никогда не мог быть привезен сюда иностранцами; он появляется сам собой, когда государство хорошо управляется".^[330] Продолжение этого великого труда Ли Тао из династии Сун в пятистах двадцати книгах дало их соотечественникам честный отчет о тридцати шести веках их национальной судьбы; а сборник под руководством Чу Хи сделал их еще более доступными и известными для последующих эпох.

Немногие произведения китайской литературы пользуются большей популярностью, чем исторический роман Чин Шау, написанный около 350 г. н. э. и названный Сан Квох Чи, или "История трех государств"; действие романа происходит в северных районах Китая и охватывает период между 170 и 317 гг. н. э., когда несколько честолюбивых вождей составили заговор против неразумных князей некогда знаменитой династии Хань, а после ее свержения воевали между собой, пока империя вновь не укрепилась под властью династии Цинь. Этому произведению, из-за его двойного характера и длительного периода, на который оно распространяется, неизбежно не хватает того единства, которым должен обладать роман. Его прелесть для китайца заключается в оживленных описаниях сюжетов и контрсюжетов, в описании сражений, осад и отступлений, а также в восхитительной манере обрисовки персонажей и перемежении их действий с занимательными эпизодами. Произведение открывается описанием смятенного состояния империи под властью Линь-ти и Хван-ти, двух последних монархов дома Хань (147-184 гг.), которые были полностью подчинены евнухам и оставили управление государством безрассудным угнетателям, пока честолюбцы, воспользовавшись всеобщим недовольством, не подняли восстание. Вожди приказали своим сторонникам надеть желтые головные уборы, отчего восстание получило название "Желтые колпаки" и было подавлено лишь после нескольких лет упорной борьбы несколькими выдающимися генералами, поддерживавшими трон. Среди них был Тунг Чох, который, постепенно перетягивая к себе всю власть в государстве, тем самым настраивал против себя других, таких же амбициозных и беспринципных. Дезорганизация еще не зашла так далеко, что всякая надежда на поддержку законного трона покинула умы его приверженцев, среди которых был Ван Юнь, канцлер империи, который, видя опасность государства, разработал план по подстрекательству Тунг Чоха к его гибели, о чем и повествуется далее:

ОТРЫВОК ИЗ ИСТОРИИ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ.

Однажды Тунг Чох устроил большое развлечение для правительственных чиновников. Когда вино было выпито несколько раз, Люй Пу (его приемный сын) что-то прошептал ему на ухо, после чего он приказал слугам вынести Чан Вэна из-за стола в зал, и вскоре один из них вернулся, держа его голову в чехле. Духи всех присутствующих покинули тела, но Тунг, смеясь, сказал: "Молитесь, господа, не тревожьтесь. Чан Вэн сговорился с Юэнь Шу, чтобы погубить меня; только что гонец принес ему письмо и по неосторожности отдал его моему сыну, за что тот лишился жизни. У вас, господа, нет причин для страха". Все офицеры ответили: "Да! Да!" и немедленно разошлись.

Канцлер Ван Юнь вернулся домой в глубокой задумчивости: "Ход сегодняшнего пира достаточен, чтобы сделать мое место беспокойным"; поздно вечером, взяв трость, он вышел

при свете луны в свой задний сад, и, стоя у розовой беседки и плача, глядя вверх, услышал, как в пионовой беседке кто-то вздыхает и стонет. Осторожно подойдя и присмотревшись, он увидел, что это Тиау Чен, девушка-певица из этого дома, которую в ранней юности взяли в семью и научили петь и танцевать; сейчас ей было шестнадцать лет, она была красива и искусна, и Ван относился к ней, как к собственной дочери.

Послушав некоторое время, он заговорил: "Что за коварный замысел ты затеял, ничтожный подмастерье?" Тяу Чэнь, сильно встревоженный, преклонив колени, сказал: "Какое предательство может осмелиться придумать твой раб?" "Если у тебя нет ничего тайного, то почему же ты здесь поздно ночью так вздыхаешь?" Тиау ответил: "Позвольте вашей служанке высказать свои сокровенные мысли. Я очень благодарна вашему сиятельству за доброе воспитание, за то, что он научил меня петь и танцевать, и за лечение, которое я получила. Если бы мое тело было растерто в порошок [на вашей службе], я не смогла бы воздать мириадам к одному [за эти милости]. Но в последнее время я видел, как вы озабоченно сдвигаете брови, несомненно, из-за каких-то государственных дел, хотя я не решался спросить; сегодня вечером я также видел, что вы беспокоено сидите на своем месте. Поэтому я вздохнул, не представляя, что ваша честь не замечает меня. Если я могу быть хоть немного полезен, я не откажусь пожертвовать тысячей жизней". Ван, ударив тростью по земле, воскликнул: "Кто бы мог подумать, что правление Хань находится в ваших руках! Пойдемте со мной в картинную галерею". Тяу Чэнь вошел следом, приказал своим женщинам удалиться, а сам, усадив ее на сиденье, повернулся к ней лицом и стал ей повиноваться. Она, сильно удивленная, распростерлась перед ним и спросила о причине такого поведения, на что он ответил: "Вы способны сострадать всем людям во владениях Хань". Его слова закончились, и слезы хлынули фонтаном. Она добавила: "Я только что сказала, что если я могу быть чем-то полезна, то не откажусь, даже если мне придется потерять жизнь".

Ван, преклонив колени, ответил: "Народ находится в самой непосредственной опасности, а дворянство - в опасности, подобной опасности яиц, сваленных вкрутую; без вашей помощи не спастись ни тому, ни другому. Предатель Тунг Чох хочет в ближайшее время захватить трон, а ни у кого из гражданских или военных нет никаких реальных средств защиты. У него есть приемный сын Лю Пу, удивительно смелый и отважный человек, который, как и он сам, является рабом похоти. Теперь я хочу придумать план, как соблазнить их обоих, пообещав сначала выдать вас замуж за Лю, а затем предложить вас Тунгу, а вы должны воспользоваться случаем и возбудить в них подозрения, оклеветать одного из них, чтобы разлучить их и заставить Лю убить Тунга, и тогда нынешнее великое зло будет прекращено, трон сохранен, а правительство восстановлено. Все это в твоей власти, но я не знаю, как этот план тебя поразил". Тиау ответил: "Я обещал вашему превосходительству свою максимальную службу, и вы можете мне верить, что я придумаю какой-нибудь хороший план, когда меня предложат".

"Вы должны понимать, что если этот замысел просочится наружу, мы все будем полностью истреблены". "Ваше превосходительство не должно беспокоиться, и если я не помогу осуществить ваши патриотические замыслы, позвольте мне умереть тысячью смертей".

Ван, поклонившись, поблагодарил ее. На следующий день, взяв несколько блестящих жемчужин, хранившихся в семье, он приказал искусному мастеру инкрустировать их в золотую корону, которую тайно отправил в подарок Люй Пу. Очень обрадованный, Люй сам отправился в дом Вана, чтобы поблагодарить его, где его ждал хорошо приготовленный пир с яствами и вином. Ван вышел ему навстречу и, проводив его в заднюю залу, пригласил сесть во главе стола, но Люй возразил: "Я всего лишь генерал в ведомстве премьер-министра, в то

время как ваше превосходительство - высокий министр при дворе его величества, к чему это ошибочное уважение?"

Ван ответил: "Сейчас в стране нет героя, кроме вас; я оказываю эту честь не вашей должности, а вашим талантам". Люй был чрезмерно доволен. Ван не переставал угощать его, рассказывая о высоких качествах Тунг Чоха и восхваляя достоинства своего гостя, который, в свою очередь, безудержно хохотал от радости. Большинству сопровождающих было приказано удалиться, лишь несколько служанок остались, чтобы подать вино, и, когда они были наполовину пьяны, он велел им сказать маленькому ребенку, чтобы тот вошел. Вскоре после этого два пажа ввели великолепно одетого Тяу Чэня, и Люй, сильно удивленный, спросил: "Кто это?"

"Это моя маленькая дочь, Тиау Чен, которой я приказал зайти к вам, ибо я очень благодарен вашей чести за неправомерную доброту ко мне, которая была таковой по отношению к близким родственникам". Затем он велел ей поднести ему кубок с вином, и, пока она это делала, их глаза то и дело перебегали друг на друга.

Ван, притворившись пьяным, сказал: "Дитя очень просит вашу честь выпить много чашек; мой дом полностью зависит от вашего превосходительства". Люй попросил ее сесть, но она сделала вид, будто собирается удалиться, и Ван заметил: "Генерал - мой близкий друг; садись, дитя мое; чего ты боишься?" Она села рядом с ним, а глаза Лю не отрываясь смотрели на нее, пили и смотрели.

Ван, указав на Тяу, сказал Люю: "Я хочу отдать эту девушку тебе в наложницы, но не знаю, примешь ли ты ее?" Люй, выйдя из-за стола, чтобы поблагодарить его, сказал: "Если бы я мог получить такую девушку, как эта, я бы подражал тому, как собаки и лошади оплачивают за заботу о них".

Ван ответил: "Я немедленно выберу удачный день и пришлю ее к вам домой". Лю был в неопишемом восторге и не сводил с нее глаз, а сама Тиау, бросая на него восхищенные взгляды, демонстрировала свою страсть. Вскоре пиршество закончилось, и Лю уехал.

Придуманная схема оказалась успешной, и Тунг Чох был убит своим сыном, когда тот направлялся свергнуть монарха. Однако его смерть не принесла стране мира, и вскоре три вождя, Цау Цау, Лю Пи и Сунь Киуэн, отличились в борьбе за власть, а затем разделили империю на три государства - У, Шу и Вэй, от которых и происходит название произведения. Многие персонажи, изображенные в этом произведении, с тех пор были обожествлены, среди них - заклтый брат Лю Пи Кван Юй, который сейчас является Марсом (*Кван Ту*), и Хва То, Эскулапий из китайской мифологии. Его сцены и персонажи стали плодотворными объектами для карандаша и пера художников и поэтов. Один из комментаторов дошел до того, что включил свои размышления в сам текст в виде таких выражений, как "Чудесная речь! Какая родомонтана! Этот человек и раньше был дураком, а теперь показывает себя таковым!" Дэвис сравнивает это произведение с "Илиадой" по общему расположению и крикливому характеру героев; оно было написано, когда описываемые сцены и их главные действующие лица существовали в основном в личных воспоминаниях, а память о них угасала в сумерках народных легенд.

Среди многочисленных историков Китая лишь немногие могли бы окупить труд полного перевода, но многие послужили бы хорошим материалом для развернутых этюдов. Среди них уже упоминавшийся Цо Чуен, "Первая династия Хань" Пан Ку и его сестры, "Вэй Шу" Вэй

Шау (386-556 гг. н. э.) и труды Сзяма Квана. В дополнение к династическим историям, многочисленные аналогичные работы, классифицированные под заголовками анналов и полных записей в двух разделах этого раздела, предоставят иностранным археологам много достоверного материала. Самой ценной реликвией после Чунь Цю, имеющей исторический характер, является "Бамбуковая книга", которая, как сообщается, была найдена в гробнице в Хонане в 279 г. н.э.; она дает хронологический список до 299 г. до н.э., с перемежающимися происшествиями, и имеет много внутренних доказательств подлинности. Ледж и Биот перевели его по одному.[331]

БИОГРАФИИ И СТАТИСТИКА.

Биографии выдающихся мужчин и женщин многочисленны, а их составление составляет любимую отрасль литературного труда. Примечательно, что в этих мемуарах уделяется внимание литературным женщинам, а также восхваляются сдержанные матери, чьи талантливые дети считаются критерием их тщательной подготовки. Один из трудов этого класса в ста двадцати томах называется "Синг Пу", но он не обладает той интригой и оживленностью, которые присутствуют в некоторых менее формальных биографических словарях. Лих Нью Чуэнь, или "Мемуары выдающихся дам" древних времен, написанные Лю Хианом в 125 году до н. э., часто цитируются авторами, пишущими о женском образовании, которые хотят показать, как в древности женщин обучали всем добродетелям и достижениям. Если китайский автор не может привести пример, иллюстрирующий его позицию, хотя бы восьми или десяти вековой давности, он считает, что его сила наполовину уменьшилась из-за его молодости. Биографические работы почти так же многочисленны, как и статистические, и являются одним из лучших источников для изучения национального характера; некоторые из них, как, например, жизнь Вашингтона или Кромвеля в нашей литературе, сочетают в себе и историю, и биографию.

Некоторые из статистических и географических работ, упомянутых в этом разделе, приведены на с. 49. Среди тех, что посвящены конституции, - "Полное собрание античных исследований" Ма Тван-линя (1275 г. н. э.), состоящее из трехсот сорока восьми глав. Это обширный и глубокий труд, содержащий исследования по всем вопросам, касающимся государственного управления, и охватывающий ряд династий, которые занимали трон почти сорок веков. Ремюзат так выразился об этом: "Эта превосходная работа - сама по себе библиотека, и если бы китайская литература не имела ничего другого, то язык стоило бы изучать только ради ее прочтения". Ни к одной книге европейцы не обращались за информацией по вопросам, касающимся Восточной Азии, больше, чем к этой; Висделу и де Гинь взяли из большую часть своих сведений, касающихся татар и гуннов; Пингсе извлек из ее страниц свой рассказ о кометах и эролитах, а также некоторые географические и этнографические работы. Ремюзат часто пользовался ее запасами и отмечает, что многие части заслуживают полного перевода, что можно сказать, действительно, о немногих китайских авторах. Дополнение, подготовленное и опубликованное в 1586 году Ван Ки, доводит его до этой даты. Еще один пересмотренный вариант был издан под императорским патронажем в 1772 году, а окончательный - вскоре после этого, продолжая повествование до царствования Канхи.[332] Это возвышает наше мнение о нации, чья литература может похвастаться подобным трудом, демонстрирующим такое терпеливое исследование и честное сравнение авторитетов, такое разнообразное изучение и справедливую дискриминацию того, что действительно важно, и такую обширную массу фактов и мнений по каждому предмету, представляющему исторический интерес. Хотя в нем нет цитат из римских или греческих классических авторов, а незнание составителем того, что было известно по тем же вопросам в других странах, не позволило ему придать своим замечаниям

ту полноту, которую они имели бы в противном случае, все же, когда запасы знаний из западных стран становятся известны народу, ученые которого могут создавать такие работы, как эта, "Мемуары Ш'ма Циена" и другие столь же хорошие, можно с уверенностью ожидать, что у них не будет недостатка в промышленности или способностях для продолжения своих исследований.

КИТАЙСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ.

Третий раздел "Цзы пу", "Схоластические" или "Профессиональные сочинения", состоит из четырнадцати разделов, а именно: Философские, военные, юридические, сельскохозяйственные, медицинские, математические и магические сочинения, работы по свободным искусствам, сборники, сборники, энциклопедии, романы, трактаты по догматам буддистов и рационалистов. Первый раздел называется "Цзюй Киа Люй", что означает "Произведения литературной семьи", под этим названием объединены те, кто поддерживает, обсуждает и преподает догматы мудрецов, хотя они могут и не принимать всего того, чему учил Конфуций. Этот класс книг заслуживает гораздо большего внимания, чем иностранцы уделяли ему до сих пор, и они обнаружат, что китайские философы обсуждали вопросы морали, управления, космогонии и другие подобные темы со свободой и остротой, которые им не приписывались.

Именно при династии Сун, когда Европа была совершенно вялой и непрогрессивной, Китай проявил удивительную умственную активность и получил от Чинга, Чу, Чау и их учеников формирующее и консервативное влияние, которое сохранилось до сих пор. Выдержка из рассуждений Чу Хи покажет, как он рассуждает о *primum mobile*.

ЧУ ХИ О ВЕЛИКОЙ КРАЙНОСТИ.

Под всем небом нет первичной материи (*lí*) без нематериального принципа (*kí*), и нет нематериального принципа отдельно от первичной материи. После существования нематериального принципа возникает первичная материя, что вытекает из аксиомы, согласно которой единый мужской и единый женский принцип природы можно назвать *тао* или *логос* (активный принцип, из которого исходят все вещи); таким образом, природа спонтанно обладает благожелательностью и праведностью (которые входят в идею *тао*).

Прежде всего существовал *tien lí* (небесный принцип или душа вселенной), затем появилась первичная материя; накопленная первичная материя составила *chih* (тело, вещество, или случайности и качества материи), и природа была устроена.

Если кто-нибудь спросит, существовал ли сначала нематериальный принцип или первичная материя, я отвечу, что нематериальный принцип, приняв форму, восходит, а первичная материя, приняв форму, нисходит; когда мы говорим о принятии формы, восхождении или нисхождении, как мы можем избавиться от идеи приоритета и последовательности? Когда нематериальный принцип не принимает форму, первичная материя становится грубой и образует осадок.

Изначально, однако, нельзя говорить о приоритете или последовательности между нематериальным принципом и первичной материей, и все же если вы настаиваете на том, чтобы довести рассуждения до вопроса об их происхождении, то должны сказать, что нематериальный принцип имеет приоритет; но он не является отдельной и самостоятельной вещью; он просто содержится в центре первичной материи, так что если бы не было первичной материи, то у этого нематериального принципа не было бы места для привязанности. Первичная материя состоит, по сути, из четырех элементов - металла,

дерева, воды и огня, а нематериальный принцип - это не что иное, как четыре кардинальные добродетели: благожелательность, праведность, благопристойность и мудрость.....

Если кто-то попросит объяснить утверждение, что сначала существует нематериальный принцип, а потом появляется первичная материя, я скажу, что нет необходимости говорить так: но когда мы знаем, что они сочетаются, то получается, что нематериальный принцип имеет первенство, а первичная материя - последующее, или же нематериальный принцип является последующим по отношению к первичной материи? Мы не можем так рассуждать; но если мы попытаемся составить некоторое представление об этом, то можем предположить, что первичная материя опирается на нематериальный принцип, чтобы вступить в действие, и где бы ни свернулась первичная материя, там присутствует нематериальный принцип. Ибо первичная материя может конкретизироваться и свертываться, действовать и делать, но у нематериального принципа нет ни воли, ни желания, ни плана, ни действия: но только там, где первичная материя собрана и свернута, там нематериальный принцип находится посреди нее. Подобно тому, как в природе люди и вещи, трава и деревья, птицы и звери в своем размножении неизменно требуют семени и, конечно, не могут без семени из небытия произвести что-либо; все это, таким образом, есть первичная материя, а нематериальный принцип есть лишь чистая, пустая, широко раскинутая пустота, без формы и подножия, неспособная к действию или творению; но первичная материя может бродить и коагулировать, собирать и производить вещи.....

Если кто-нибудь спросит, как относятся к этим выражениям: "Верховный правитель наделяет народ должным средством, и когда Небо собирается ниспослать на людей великое доверие, оно из уважения к народу ставит над ними князей"; и: "Небо, производя вещи, поступает с ними в соответствии с их достижениями: на тех, кто делает добро, оно ниспосылает сто благословений, а на тех, кто делает зло, - сто бедствий"; и "когда Небо собирается ниспослать на род какое-нибудь необычное бедствие, оно сначала производит какого-нибудь необычного гения, чтобы определить его"; означают ли эти и подобные им выражения, что над лазурным небом есть Господь и Правитель, который действует таким образом, или все же верно, что у Неба нет ума, а люди лишь излагают свои рассуждения в таком стиле? Отвечаю: все эти три вещи - одна идея; она заключается в том, что нематериальный принцип порядка таков. Первичная материя в своих эволюциях до сих пор после одного сезона расцвета переживала один сезон упадка; а после периода упадка она снова расцветает, как если бы все происходило по кругу. Никогда не было упадка без возрождения.

Когда люди выдыхают дыхание, их животы надуваются, а когда вдыхают - впадают, тогда как мы должны были бы думать, что при каждом выдохе живот впадает, а при вдохе раздувается; но причина этого в том, что при выдохе, хотя дыхание выходит изо рта, второе дыхание производится снова, поэтому живот надувается; а при вдохе дыхание, которое вводится изнутри, вытесняет другое, так что живот впадает. Лау-цзы сказал, что природа подобна открытой трубе или мешку; она движется, но не вынуждена останавливаться, она пуста, и все еще больше выходит; подобно корпусу вентилятора, открытому с обоих концов.....

Великая крайность (*tai kih*) - это просто нематериальный принцип. Он не является независимым отдельным существованием; он присутствует в мужском и женском началах природы, в пяти элементах, во всех вещах; это просто нематериальный принцип, и из-за того, что он простирается до крайнего предела, поэтому называется *великим крайним*. Если бы не он, небо и земля не были бы поставлены на плаву..... С того момента, как великий предел вступил в действие, все вещи стали производиться путем превращения. Это одно учение включает в себя все; не потому, что сначала появилось это, а потом то, но в целом есть

только одно великое начало, которое от субстанции простирается к использованию, а от тонкого достигает того, что проявляется. Следует ли спрашивать, что, поскольку все вещи причастны к нему, великая крайность разделена и разделена? Я отвечу, что изначально существует только одно великое начало (*anima mundi*), от которого все вещи причастны, так что каждая снабжена великим началом; подобно тому, как луна на небе только одна, и все же она рассеяна по холмам и озерам, будучи видна из каждого места последовательно; все же нельзя сказать, что луна разделена.

У великой крайности нет ни места жительства, ни формы, ни места, которое вы могли бы ей приписать. Если вы говорите о ней до ее развития, то до этой эманации она была совершенной неподвижностью; движение и покой, с мужским и женским принципами природы, являются лишь воплощением и исхождением этого принципа. Движение - это движение великой крайности, а покой - ее покой, но эти самые движение и покой не следует считать самой великой крайностью..... Если кто-то спросит, что такое великая крайность? Я отвечу, что это просто принцип предельной доброты и предельного совершенства. Каждый человек имеет великую крайность, все имеет ее; то, что Чао-цзы назвал великой крайностью, является образцом добродетели всего, что является чрезвычайно хорошим и совершенным на небе и земле, в людях и вещах.

Великая крайность - это просто крайняя точка, за которую нельзя зайти; то, что является самым возвышенным, самым таинственным, самым тонким и самым божественным, за пределы которого невозможно выйти. Лиенки боялся, чтобы люди не подумали, что великая крайность обладает формой, и поэтому назвал ее безграничной крайностью, принципом, сосредоточенным в ничто и имеющим бесконечную протяженность..... Это нематериальный принцип двух сил, четырех форм и восьми изменений природы; мы не можем сказать, что он не существует, и все же ему нельзя приписать ни формы, ни телесности. Из этого начала возникает один мужской и один женский принцип природы, которые называются двойственными силами; из него же исходят четыре формы и восемь изменений, все в соответствии с определенным естественным порядком, независимо от силы человека в его устройстве. Но со времен Конфуция никто не смог ухватить эту идею.[\[333\]](#)

И, можно добавить, никто и никогда не сможет "завладеть" ею. Подобные рассуждения занимали умы и перья китайских метафизиков на протяжении столетий, и в своих попытках объяснить полупереваренные понятия Книги Перемен они заблудились далеко от дороги, которая привела бы их на путь истинного знания, а именно наблюдения и записи работ и операций окружающей их природы; и один за другим они продолжали катить этот камень Сизифа, пока усталость и недоумение не настигли их всех. Некоторые работы по женскому образованию можно найти в этом разделе, который, кажется, предназначен как для включения всего, что писали философы, так и всего, что они писали о философии.

Второй и третий разделы, посвященные военным и юридическим вопросам, не содержат никаких выдающихся трудов. Изоляция китайцев не позволила им изучить различные формы правления и юриспруденции, наблюдавшиеся в других странах и эпохах; именно эта черта оригинальности делает их законодательство столь интересным для западных студентов. Среди четвертых, сельскохозяйственных трактатов, - "Кэн Чих Ту Ши", или "Таблицы и оды о пахоте и ткачестве", тонкое кварто, написанное в 1210 г. и широко распространенное нынешним правительством, чтобы "продемонстрировать свою заботу о поддержке народа". Первая половина содержит двадцать три таблички, посвященные различным процессам выращивания риса, последняя из которых изображает земледельцев и их семьи, возносящих благодарность богам земли за хороший урожай и предлагающих часть плодов земли; последняя табличка во второй части работы также представляет собой аналогичную

сцену воздаяния благодарности за хороший урожай шелка и подношения богам. Рисунки в этой работе являются одними из лучших для перспективы и общей композиции, которые были созданы китайским искусством; вероятно, их достоинства были главным побуждением для публикации работы за государственный счет, так как оды слишком кратки, чтобы содержать много информации, и слишком сложны для общего понимания. Энциклопедия сельского хозяйства, написанная Сюй Кван-ки, высокопоставленным офицером 1600 года, более известным как Поль Сюй, содержит подробнейшие сведения о сельскохозяйственных работах и орудиях труда, существовавших в эпоху Мин. Были написаны и другие трактаты по специальным темам и культурам, но именно неустанная работа людей обеспечивает им наилучшую отдачу от земли, поскольку они мало чем обязаны науке или технике.

СВЯЩЕННЫЕ ЗАПОВЕДИ КАНХИ.

Среди многочисленных трудов, изданных для улучшения и обучения народа его правителями, ни один не имел большего влияния, чем "Синг Ю", или "Священные заповеди", политико-моральный трактат, который стал известен английским читателям благодаря переводу доктора Милна.^[334] Основа состоит из шестнадцати апофегм, написанных императором Канхи и содержащих общие правила для мира, процветания и богатства всех классов его подданных. Чтобы никто не мог сослаться на невежество в оправдание незнания Священных Повелений, по закону они должны провозглашаться по всей империи местными чиновниками в первый и пятнадцатый день каждого месяца в специально отведенном для этого общественном зале, где народу не только разрешается, но и предлагается и поощряется присутствовать. На самом деле, однако, этой *политической проповедью*, как ее называют, пренебрегают, за исключением крупных городов, хотя ее цель не менее похвальна. Весьма похвально, чтобы монархи, уверенно стоящие на своих тронах, как Канги и Юнгчинг, брали на себя преподавание морали своим подданным и каждые две недели устраивали специальную службу, чтобы донести до них свои наставления. И если вскоре выяснится, что их замыслы потерпели полное фиаско из-за лживости их чиновников и невежества или противодействия народа, все равно заслуга их не уменьшится. Шестнадцать апофегм, каждая из которых состоит из семи символов, выглядят следующим образом:

- 1. Уделяйте должное внимание сыновним и братским обязанностям, чтобы придать должное значение жизненным отношениям.
- 2. Уважайте родственников, чтобы продемонстрировать совершенство гармонии.
- 3. Пусть царит согласие между теми, кто живет в одном районе, предотвращая тем самым судебные тяжбы.
- 4. Уделять главное внимание земледелию и выращиванию шелковицы, чтобы обеспечить достаточное количество пищи и одежды.
- 5. Почитайте экономию, чтобы деньги не были расточительными.
- 6. Повышать уровень академического образования, чтобы направлять прогресс ученика.
- 7. Унижать чужие религии, чтобы возвысить ортодоксальные доктрины.
- 8. Объясните законы, чтобы предупредить невежд и упрямцев.
- 9. Проиллюстрируйте принципы вежливого и уступчивого поведения в автомобиле, чтобы улучшить манеры.
- 10. Уделяйте внимание основным делам, чтобы придать воле народа непоколебимую решимость.
- 11. Наставляйте молодежь, чтобы удерживать ее от зла.

- 12. Подавляйте все ложные обвинения, чтобы обеспечить защиту невиновным.
- 13. Предупредите тех, кто скрывает дезертиров, чтобы они не были причастны к их гибели.
- 14. Завершите выплату налогов, чтобы предотвратить частые позывы.
- 15. Объедините *пао* и *киа*, чтобы искоренить грабежи и воровство.
- 16. Урегулируйте вражду, чтобы жизнь была оценена по достоинству.

ИХ УСИЛЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ ЮНГЧИНГА.

Усиления этих максим, сделанные Юнчингом, содержат много информации о теории его правительства, а положение автора дает ему право говорить со знанием дела; его усиление четырнадцатой максимы показывает их характер.

С давних пор страна была разделена на районы, и с них взималась дань, пропорциональная продуктам земли. Отсюда возникали доходы, от которых зависели расходы на пять *ли* и все расходы на управление. Эти расходы князь должен получать от народа, и они являются тем, что нижестоящие должны предлагать вышестоящим. И в древние, и в современные времена этот принцип был неизменным и не может быть изменен. Опять же, расходы на жалованье магистратам, чтобы они могли управлять нашим народом; на жалованье армии, чтобы она могла защищать его; на подготовку к скудным годам, чтобы он мог быть сыт; поскольку все это собирается с империи, то все они используются для ее нужд. Как же можно предположить, что житницы и казна государя предназначены для нанесения ущерба народу, чтобы он мог питаться сам? С момента установления нашей династии и по сей день пропорции доходов были установлены общепризнанным статутом, а все несправедливые статьи полностью отменены; от народа не требовали ни нитки, ни волоска лишнего. Во времена нашего святого отца, императора Благочестивого, его обильная благосклонность и либеральная милость кормила этот народ в течение шестидесяти лет. Ежедневно желая способствовать их изобилию и счастью, он значительно уменьшал доходы, не ограничиваясь сотнями, тысячами, мириадами или лаксами таэлей. Его благосклонность испытали на себе и средние, и дальние люди; даже сейчас она проникает в мышцы и проникает до мозга костей. Умеренно требовать, уменьшать доходы и оказывать милости народу - вот добродетели князя: служить начальству, ставить на первое место общественную службу, а на второе - свою собственную - вот обязанности народа. Воины и народ должны все это понять. Не ленитесь и не мелочитесь, не разбрасывайтесь своим имуществом. Не тяните с уплатой податей, ища и надеясь на какое-нибудь необычное происшествие, чтобы избежать ее, и не доверяйте свои поборы другим, чтобы недобрые люди не присвоили их себе.

Вносите деньги в установленные сроки и не ждите, пока вас попросят. Тогда на излишки вы сможете прокормить своих родителей, заключить браки своих детей, удовлетворить свои повседневные потребности и обеспечить ежегодные пиры и жертвоприношения. Тогда окружные чиновники смогут спокойно спать в своих залах, а жителей деревень больше не будут беспокоить по ночам звонками сборщики налогов; ни одна из сторон не будет привлечена к делу. Вашим женам и детям будет легко и спокойно, и нет для вас большей радости". Если вы не осознаете важности доходов для правительства и того, что законы должны соблюдаться, то, возможно, вы решительно откажетесь или намеренно отложите уплату, когда магистраты, обязанные свести счета и сдать отчеты в установленные сроки, должны быть неукоснительно суровы. Испытывая боль от кнута, заседатели не могут не

потакать своим алчным требованиям к вам; стучась в ваши двери, как голодные ястребы, они будут придумывать многочисленные способы удовлетворения своих потребностей. Эти безымянные способы траты, вероятно, составят больше той суммы, которую следовало бы заплатить, а от этой суммы, в конце концов, нельзя отказаться.

Мы не знаем, какую пользу можно извлечь из этого. Чем дарить подарки, чтобы удовлетворить жадность полицейских, куда лучше списать справедливые суммы! Чем проявлять упрямство и отказываться от уплаты налогов, не лучше ли соблюдать закон? Это знает каждый, даже самый глупый. Кроме того, когда вышестоящие проявляют благосклонность, нижестоящие должны проявлять справедливость; это вытекает из идеи, что они - одно тело. Вспомните, что постоянные труды и заботы дворца направлены на служение народу. Когда случаются ливни, нужно возводить дамбы, чтобы сдержать их; если появляется демон засухи, нужно молиться о дожде: когда появляется саранча, ее нужно уничтожить. Если бедствия удастся предотвратить, вы получаете выгоду; если же они вас одолевают, от вас отказываются, а милостыня расходуется на вас. Если все обстоит именно так, а народ все еще уклоняется от уплаты налогов и препятствует снабжению правительства, как, спрашиваю я, вы можете быть спокойны? Такое поведение похоже на поведение непослушного сына. Мы используем эти неоднократные наставления, желая вам, солдаты и народ, думать об армии и нации, а также о своих лицах и семьях. Тогда за границей вы будете иметь славу верности, а дома мирно наслаждаться ее плодами. Офицеры не будут беспокоить вас, а их клерки не будут досаждать вам - какая радость может сравниться с этим! О солдаты и люди, размышляйте об этом в тихой ночи, и пусть все согласуется с нашими желаниями.[\[335\]](#)

ВАН ЮЙ-ПИ ВЫСМЕИВАЕТ БУДДИЗМ.

Ван Ю-пи, высокопоставленный офицер при Юнчжине, перефразировал усиления в разговорной манере. Его замечания о доктринах буддистов и рационалистов послужат иллюстрацией; приведенная здесь цитата находится под седьмой максимой.

Вы, простые люди, не умеете различать; ведь даже если верить книгам о Будде, он был первенцем царя Фана; но, удалившись от мира, он в одиночестве скрылся на вершине Снежных гор, дабы возделывать добродетель. Если он не считался с собственными отцом, матерью, женой и детьми, то неужели вы такие глупцы, что полагаете, будто он заботится о множестве живущих или передаст вам свои законы и учения? Императорская резиденция, дворец королевы, покои дракона и государственные залы - если он отверг их, то не удивительно ли полагать, что он будет рад женским монастырям, храмам и религиозным домам, которые вы можете построить для него? Что же касается Императора Самоцветов, самого почетного на небесах, если такой бог действительно существует, то странно думать, что он не должен наслаждаться в свое удовольствие на высоких небесах, а должен попросить вас дать ему тело из расплавленного золота и построить дом для проживания!

Все эти вздорные сказки о соблюдении постов, собраниях, строительстве храмов и создании образов придуманные этими пронырами, никчемными священниками и монахами, чтобы обмануть вас. И все же вы верите им, и не только сами ходите на поклонение и воскуряете фимиам в храмах, но и побуждаете к этому своих жен и дочерей. С намазанными маслом волосами и раскрашенными лицами, одетые в алое и отделанные зеленью, они идут возжигать благовония в храмах, общаясь со жрецами Будды, докторами Разума и адвокатами с голыми палками, касаясь плечами, потирая руки и протискиваясь в движущейся толпе. Я не вижу, где то добро, о котором они говорят; напротив, они делают

много постыдных вещей, которые вызывают досаду и дают людям повод для смеха и издевательств.

Кроме того, есть люди, которые, опасаясь, что их хорошие мальчики и девочки не достигнут зрелости, берут и отдают их в храмы, чтобы они стали жрецами и жрицами Будды и Разума, полагая, что, удалив их из собственных домов и положив у подножия деда Фуха (Будды), они тем самым гарантированно продлят себе жизнь! Так вот, я хотел бы спросить вас, все ли те, кто в этом веке являются жрецами этих сект, достигают семидесяти или восьмидесяти лет, и нет ли среди них недолговечного человека?

Есть еще один очень глупый класс людей, которые, поскольку их родители больны, обязуются перед богами, что если их родители будут восстановлены, они будут поклоняться и сжигать фимиам на холмах, проклиная себя на каждом шагу, пока не доберутся до вершины, откуда они бросятся вниз! Если они не погибнут, то обязательно сломают ногу или руку. Они говорят себе: "Отдать собственную жизнь ради спасения родителей - это высшее проявление сыновнего долга". Прохожие тоже хвалят их как послушных детей, но они не считают, что такое пренебрежение к телу, полученному от родителей, свидетельствует о крайнем недостатке сыновнего долга.

Более того, вы говорите, что служение Фуху - это выгодное служение; что если вы сжигаете бумажные деньги, приносите подношения и соблюдаете посты перед лицом вашего бога Фуха, то он рассеет бедствия, изгладит ваши грехи, увеличит ваше счастье и продлит ваш век! А теперь задумайтесь: издревле говорили: "Боги разумны и справедливы". Если бы Будда был богом такого типа, как бы он мог жадно желать вашу позолоченную бумагу и ваши подношения, чтобы привлечь его к защите? Если вы не сожжете для него позолоченную бумагу и не возложите подношения на его алтарь, бог Фух будет недоволен вами и ниспошлет на вас суд! Значит, ваш бог Фух - негодяй! Возьмем, к примеру, окружного магистрата. Если вы никогда не станете делать ему комплименты и льстить, то, если вы будете хорошими людьми и будете исполнять свои обязанности, он обратит на вас внимание. Но преступите закон, совершите насилие или узурпируйте права других, и, хотя вы будете использовать тысячу способов и средств, чтобы польстить ему, он все равно будет недоволен вами и непременно удалит таких вредителей из общества.

Вы говорите, что поклонение Фуху искупает ваши грехи. Предположим, вы нарушили закон, и вас привели на судейскую скамью, чтобы наказать; если вы несколько тысяч раз прокричите: "О ваше превосходительство! О ваше превосходительство!", думаете ли вы, что судья пощадит вас? Тем не менее, вы, во что бы то ни стало, пригласите в свои дома несколько буддийских и рационалистических священников, чтобы они читали свои канонические книги и принимали исповедь, полагая, что воспевание их мумий отгоняет беды, обеспечивает мир, продлевает счастье и жизнь. Но предположим, что вы удовлетворитесь простым чтением разделов этих Священных Заповедей несколько тысяч или мириадом раз, не действуя в соответствии с ними; не напрасно ли вы полагаете, что Его Императорское Величество будет восхищаться вами, награждать вас деньгами и продвигать по службе?[\[336\]](#)

Это высмеивание народных суеверий, несомненно, имело определенный эффект, повторяясь во всех частях страны; но поскольку литераторы только разрушают и ничего не строят, не давая людям никакой замены тому, что они отнимают, а скорее, в тяжелые времена, делают то, что они осуждают, такие проповеди не разрушают общего уважения к таким церемониям. Кроме того, "Синг Юй" был переписан в стихах для детей и дополнен разговорными пояснениями, что еще больше способствовало укреплению и внедрению его наставлений. Похвала, возданная этой работе Джонсоном в его "Восточных религиях",

подтверждается реальной пользой для людей; однако они привыкли слышать высочайшие моральные изречения от своих правителей, которым они не дадут и доллара на слово.

В пятом разделе, посвященном медицинским сочинениям, упоминаются отдельные труды по лечению всех домашних животных; среди них есть один по ветеринарной хирургии, авторы которого версифицировали большинство своих наблюдений и предписаний. Травник Ли Шичина, о котором говорится на с. 370, и монографии, посвященные особым болезням, - все это свидетельствует об искусстве китайских врачей гораздо лучше, чем их наука.

Многочисленны труды по медицине и хирургии, в которых поверхность тела детально представлена в картинках, вместе с рисунками способов выполнения различных операций. Сочинения по судебной астрологии, хиромантии и другим способам гадания, по правилам нахождения удачных мест для домов, могил и храмов, чрезвычайно многочисленны, причем значительная часть их написана рационалистами.

Восьмой раздел, посвященный искусству, содержит труды по живописи, музыке, гравюре, письму, позированию и стрельбе из лука, и они, несомненно, предоставят западным художникам много новых сведений о принципах и достижениях китайцев в этих областях, когда эти работы станут более известны.

Девятый раздел, озаглавленный "Коллекции" или "Репертуары", разделен на мемуары об антиквариате, мечях, монетах и бронзе и представляет собой поле интересных исследований для иностранного археолога, способное вознаградить его. Другой раздел, содержащий монографии о чае, бамбуке, цветоводстве и т.д., не столь перспективен.

Десятый раздел, посвященный философским трудам, имеющим оттенок гетеродоксии, очень велик и предоставляет редкую возможность для исследования тем, кому интересно узнать, какой вклад может внести Китай в науку о морали. В этот длинный каталог включены труды римских католиков и мусульман.

ЦИКЛОПЕДИИ, РОМАНЫ И Т.Д.

Под заголовком "Энциклопедии" приводится список кратких изложений, сборников и сокровищниц знаний, которые по объему и вместительности не могут сравниться ни с одним языком. Среди них - Тай Тянь, или "Великая запись" императора Юнглоха (1403 г. н.э.), состоящая из двадцати двух тысяч восьмисот семидесяти семи глав и содержащая все классические, исторические, философские и научные труды на этом языке. Части этого сборника были утеряны, а при воцарении маньчжуров десятая его часть пропала; но благодаря беспримерному интересу Юнглоха к своей национальной литературе, триста восемьдесят пять древних и редких произведений были спасены от уничтожения. Сан Цай Ту, или "Таблички, иллюстрирующие Три Силы" (*то есть* небо, землю и человека, под которым подразумевается вся Вселенная), в ста тридцати томах, является одним из самых ценных сборников, благодаря большому количеству содержащихся в нем табличек, которые демонстрируют идеи составителей гораздо лучше, чем их описания.

В двенадцатом разделе, содержащем романы и рассказы, который называется Siao Shwoh, или "Пустяковые разговоры", приведены названия лишь нескольких из тысяч произведений этого класса на языке. Художественные произведения - одни из самых популярных и исключительных книг у китайцев, а те, что не являются деморализующими, за некоторыми заметными исключениями, такими как "Десять талантливых авторов", обычно игнорируются. Книги, продающиеся на улицах, в основном относятся к этому классу произведений,

состоящих из сказок и историй, в целом лишенных всякой замысловатости сюжета, богатства иллюстраций или возвышенности чувств. Они составляют общую умственную пищу низших классов, их читают те, кто способен, и о них говорят все; их влияние, следовательно, огромно. Многие из них написаны в чистейшем стиле, среди которых сборник под названием Ляо Чай, или "Увлечения ученого", в шестнадцати томах, занимает первое место по разнообразию и силе выражения, и его прочтение может быть рекомендовано каждому, кто желает изучить богатство китайского языка. Предисловие датировано 1679 годом; большинство сказок короткие, и лишь немногие из них несут в себе хоть какую-то показную мораль, в то время как те, что вызывают возражения из-за своей безнравственности или смешны из-за своих волшебных причуд, составляют большую часть. Пара цитат проиллюстрирует выдумку автора:

Однажды один крестьянин продавал на рынке сливы, очень вкусные и ароматные, да и цена на них была высока; а перед его повозкой стоял священник дао, одетый в потрепанную одежду из грубого хлопка, и просил милостыню. Крестьянин ругал его, но тот не уходил; тогда, рассердившись, он стал ругаться и кричать на него. Священник сказал: "В повозке много сотен слив, а я выпросил только одну из них, что для вас, уважаемый господин, конечно, не было бы большой потерей; почему же вы так сердитесь?" Зрители посоветовали дать ему бедную сливу и отправить прочь, но крестьянин не согласился. Рабочие на рынке, не любящие шума и гама, собрали несколько медяков и купили сливу, которую и подарили священнику. Тот, поклонившись, поблагодарил их и, обратившись к толпе, сказал: "Я не хочу быть скупым и прошу вас, друзья мои, отведать со мной этой вкусной сливы". Один из них ответил: "Теперь она у тебя, почему же ты не съешь ее сам?" "Мне нужна только косточка, чтобы посадить ее", - сказал он и съел ее за один присест. Наевшись, он взял камень в руку и, сняв с плеча лопату, выкопал в земле ямку глубиной в несколько дюймов, в которую положил камень и засыпал его землей. Затем, обратившись к рыночным людям, он купил немного бульона, которым полил и удобрил яму; другие, желая посмотреть, что получится, принесли ему из ближайших лавок кипяток, который он вылил в только что вырытую яму. Присмотревшись, все увидели, что из ямы выходит кривой побег, который постепенно увеличивался, пока не превратился в дерево с ветвями и листьями; на нем появились цветы, а затем и плоды, крупные и очень ароматные, которые покрыли дерево. Священник подошел к дереву, сорвал плод и раздал зрителям, а когда все съели, срубил дерево колуном и долго рубил, пока, наконец, не срубил его, легко отбросил листву и неторопливо пошел прочь.

Когда священник начал творить свои волшебные искусства, крестьянин тоже был среди толпы, с вытянутой шеей и пристальным взглядом, и совсем забыл о своих делах. Когда священник ушел, он стал заглядывать в свою повозку, и вот! В ней не было слив; и впервые он понял, что все, что только что раздали, было его собственным товаром. Более того, внимательно оглядев свою повозку, он увидел, что приборная доска исчезла, ее только что срезали долотом. Сильно взволнованный и разгневанный, он побежал за ним и, свернув за угол стены, увидел под изгородью брошенную доску, которой срубили сливовое дерево. Никто не знал, куда делся священник, и все жители рынка от души смеялись.

Рационалисты считаются главными магами среди китайцев, и они фигурируют в большинстве историй этого произведения, целью которых, вероятно, было возвеличить их ремесло и укрепить их репутацию. Как и предыдущая, посвященная борьбе с жестокосердием, следующая содержит небольшое поучительное наставление против воровства:

На западе от города, в хуторе семьи Уайт, жил деревенщина, который украл утку своего соседа и приготовил ее. Ночью он почувствовал, что у него чешется кожа, а утром, взглянув

на нее, увидел густой нарост из утиных перьев, который при раздражении причинял ему боль. Он очень встревожился, так как у него не было средства для лечения; но ночью во сне ему явился человек: "Твоя болезнь - это кара небесная; ты должен заставить неудачника отчитать тебя, и перья отпадут". Этот джентльмен, его сосед, всегда был либерален и обходителен, и за всю свою жизнь, когда он что-нибудь терял, он даже не выказывал недовольства на своем лице. Вор лукаво сказал ему: "Тот, кто украл вашу утку, очень боится выговора; но порицайте его, и он, без сомнения, будет бояться впредь". Тот, смеясь, ответил: "У кого есть время или склонность ругать злых людей?" - и вообще отказался это делать; так что человек, едва держась на ногах, был вынужден сказать правду, после чего джентльмен отругал его, и его расстройство было устранено.

ПЕРСОНАЖ КИТАЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ремюза сравнивает построение китайских романов с романами Ричардсона, в которых "авторы делают своих персонажей интересными и естественными с помощью повторяющихся штрихов карандаша, что в итоге приводит к высокой степени иллюзии. Интерес к их страницам возникал точно пропорционально стадии моего развития; и, подходя к концу, я обнаружил, что мне предстоит расстаться с некоторыми приятными людьми, как раз в то время, когда я научился наслаждаться их обществом". Он кратко описывает недостатки китайских романов, которые заключаются в основном в длинных описаниях пустяковых деталей и описаниях местностей, характеров и обстоятельств собеседников, в то время как нить повествования ведется в основном в разговорном ключе, который, своей мелочностью, вскоре становится утомительным. Длительность поэтических описаний и пространных рассказов о чудесах искусства или красотах природы, вбрасываемых по малейшему намеку в повествование, или моральные размышления, вводимые самым серьезным образом посреди занимательных происшествий, подобно длинному метровому псалму в комедии, как правило, запутывают основной сюжет и нарушают единство, необходимое для создания эффекта.

Китайские романы, однако, обычно зависят от какого-то сюжета, а персонажи иногда хорошо выдержаны. "Визиты и формальности высокопоставленных государственных деятелей; собрания, и прежде всего разговоры, которые делают их приятными; трапезы и светские развлечения, которые их продлевают; прогулки поклонников прекрасной природы; путешествия; маневры авантюристов; судебные процессы; литературные экзамены; и, в конце концов, брак, составляют их наиболее частые эпизоды и обычные заключения". Герой этих сюжетов - молодой академик, наделенный приятным нравом и преданный изучению классических авторов, который встречает всевозможные препятствия и невезения на пути к литературным наградам, к которым он стремился. Героиня также хорошо разбирается в письмах; ее собственные склонности и желания ее отца направлены на то, чтобы она нашла мужчину с подходящими способностями, но после того, как она узнала об одном из них, на пути к нему встают всевозможные трудности, которые, конечно, со стороны обоих в конце концов счастливо преодолеваются.

Приключения, с которыми сталкиваются выдающиеся личности, странствуя по стране инкогнито, и счастливая развязка их бесед с теми, кого они смогли возвысить, когда их настоящие характеры вышли наружу, составляют план других рассказов. В них почти нет описания страстей и актов жестокой мести, придуманных для устранения неприятного человека, но все держится в рамках вероятности; и в конце порочные люди получают наказание, видя, что их плохие замыслы не осуществились, а вознаграждение и успех достались тем, кто поступил хорошо. В большинстве историй, чья длина и стиль таковы, что дают право называть их романом, и которые достигли какой-либо репутации, история не

позорится ничем оскорбительным; скорее в более коротких историях приличия нарушаются. Среди них "Хунг Лао Мунг", или "Сны Красной палаты", - одна из самых популярных историй, и она в немалой степени отвечает этому возражению.

Исторические романы, которых немало, если их перевести, окажутся более интересными для иностранных читателей, чем те, что просто описывают нравы, поскольку в них вплетено много информации в сюжет. Шуй Ху Чуэнь, или "Повествование о водных болотах", и "Летопись враждующих государств" - два наиболее удачных произведения; последнее более достоверно как история, чем любое другое произведение этого класса.

Четвертый раздел Каталога называется Цы Пу, или "Размышления", и произведения, упомянутые в нем, - это в основном стихи или сборники песен, занимающие почти треть всего собрания. Они расположены в пяти разделах, а именно: Поэзия Цзы, Полные произведения отдельных людей и общие сборники, Об искусстве поэзии, Оды и песни. Самым древним поэтом на этом языке является Юх Юэнь, талантливый государственный министр, процветавший до времен Менция и написавший "Ли Сао", или "Рассеяние печали". Она была переведена на немецкий и французский языки. Его имя и несчастья до сих пор отмечаются праздником лодок-драконов в пятый день пятой луны. Более известными в китайской культуре являются поэты Ли Тай-пе и Ту Фу из династии Тан, а также Су Тун-по из династии Сун, сочетавшие в себе три главные черты барда: любовь к цветам, вину и песням, а также достижение выдающихся успехов на государственной службе.^[337] Случаи из жизни первого из этих бардов были столь разнообразны, а его безрассудная любовь к выпивке привела его в такое количество переделок, что он прославился своими приключениями не меньше, чем сонетами. О нем рассказывается следующая история в "Примечательных фактах всех времен", которая приводится в сокращенном виде в переводе Т. Павиэ:

ИСТОРИЯ ПОЭТА ЛИ ТАЙ-ПЕ.

Ли, которого называли *Тай-пех*, или "Великий белый", по имени планеты Венера, был наделен красивым лицом и хорошо сложенным лицом, демонстрируя во всех своих движениях мягкое благородство, свидетельствующее о человеке, которому суждено возвыситься над своим возрастом. В десять лет он уже умел читать классику и историю, а его разговор свидетельствовал о блеске его мыслей и чистоте дикции. Из-за своей юности он был прозван Изгнанным Бессмертным, но сам себя называл Ученым в отставке Голубого Лотоса. Когда кто-то расхвалил качество вина в Няучине, он сразу же отправился туда, хотя расстояние до него составляло более трехсот миль, и предался тяге к спиртному. Когда он пел и веселился в таверне, мимо проходил военный комендант, который, услышав его песню, послал спросить, кто это, и увлек поэта в свой дом. Уходя, он уговаривал Ли отправиться в столицу и побороться за литературные почести, которых, как он не сомневался, можно легко добиться, и в конце концов побудил его направить свои стопы в столицу. Прибыв туда, он по счастливой случайности встретил возле дворца академика Хо, который пригласил его в питейное заведение и, отбросив одеяния, пил с ним вино до ночи, а затем проводил домой. Вскоре они уже были хорошо знакомы и обсуждали достоинства поэзии и вина, пока не очаровались друг другом.

Когда приблизился день экзамена, Хо дал поэту несколько советов. "Экзаменаторы этой весны - Ян и Као, один - брат императрицы, другой - командир телохранителей его величества; оба они любят тех, кто делает им подарки, и если у вас нет средств купить их благосклонность, путь к повышению будет для вас закрыт. Я хорошо знаю их обоих и напишу каждому из них записку, которая, возможно, поможет вам добиться благосклонности". Несмотря на свои заслуги и высокую репутацию, Ли оказался в таких обстоятельствах, что

ему захотелось воспользоваться доброй волей своего друга Хо; но, ознакомившись с принесенными им записками, экзаменаторы презрительно воскликнули: "Протянув деньги своему *протеже*, академик довольствуется тем, что присылает нам заготовку, которая просто звенит своим звуком и выражает наше внимание и благосклонность к новичку без степени и звания. В день решения мы запомним имя Ли, и любое сочинение, подписанное им, будет отброшено без лишних слов". Наступил день экзамена, и выдающиеся ученые Империи собрались, с нетерпением ожидая сдачи своих сочинений. Ли, вполне способный выдержать испытание, без труда списал свое сочинение с листа и сдал его первым. Увидев имя Ли, экзаменатор Ян не дал себе времени даже взглянуть на страницу, а длинными росчерками карандаша стер сочинение, сказав: "Такой писака, как этот, ни на что не годен, кроме как размалывать мои чернила!" "Размалывать чернила!" - перебил его другой экзаменатор Као; "Скорее, он годится только на то, чтобы надевать мои чулки и зашнуровывать мои бушлаты".

С этими любезностями сочинение Ли было отклонено; но он, охваченный гневом из-за столь пренебрежительного отказа на публичном экзамене, вернулся домой и воскликнул: "Клянусь, что если когда-нибудь мои желания о продвижении по службе исполнятся, я прикажу Яну растолочь мои чернила, а Као - надеть мои чулки и зашнуровать мои бушлаты; тогда моя клятва будет исполнена". Хо попытался успокоить негодование поэта: "Оставайся здесь со мной, пока через три года не будет назначен новый экзамен, и живи в достатке; тогда экзаменаторы будут уже не те, и ты непременно добьешься успеха". Поэтому они продолжали жить как прежде, пили и сочиняли стихи.

По прошествии многих месяцев в столицу прибыли иностранные послы с письмом от своего государя, которого ему было приказано принять и развлечь в зале послов. На следующий день офицеры передали письмо совету его величества, который приказал врачам вскрыть и прочитать его, но те не смогли расшифровать ни одного слова, смиренно заявив, что в нем нет ничего, кроме мухоморов; "ваши подданные, - добавили они, - имеют лишь ограниченные знания, поверхностное знакомство с вещами; они не в состоянии прочитывать ни слова". Услышав это, император обратился к экзаменатору Яну и приказал ему прочесть письмо, но его глаза блуждали по символам, словно слепые, и он ничего не знал о них. Напрасно его величество обращался к гражданским и военным офицерам, заполнившим двор; ни один из них не мог сказать, содержатся ли в письме слова доброго или злого смысла. Разгневанный, он разразился упреками в адрес вельмож своего дворца: "Что! Среди стольких магистратов, стольких ученых и воинов не нашлось ни одного, кто знал бы достаточно, чтобы избавить нас от тягот этого дела? Если это письмо нельзя прочесть, то как на него можно ответить? Если послы будут уволены в таком стиле, мы станем посмешищем для варваров, а иностранные короли будут насмехаться над нанкинским двором и, несомненно, вслед за этим возьмут в руки копыя и пряжки и присоединятся к вторжению в наши пределы. Что тогда? Если через три дня никто не сможет расшифровать это письмо, все ваши назначения будут приостановлены; если через шесть дней вы не скажете мне, что оно означает, все ваши должности будут отняты; и смерть совершит правосудие над такими невеждами, если я девять дней буду напрасно ждать его объяснения, и к власти будут возведены другие наши подданные, чьи добродетели и таланты окажут некоторую услугу их стране."

Напуганные этими словами, вельможи хранили скорбное молчание, и никто не осмелился ничего ответить, что только еще больше раздражало монарха. Вернувшись домой, Хо рассказал своему другу Ли обо всем, что произошло при дворе, и тот, выслушав его со

скорбной улыбкой, ответил: "Как жаль, как не повезло, что я не смог в прошлом году получить на экзамене степень, которая дала бы мне магистратуру; ведь теперь, увы, я не могу избавить его величество от огорчений, которые его беспокоят". "Но, право же, - вдруг сказал Хо, - я думаю, что вы сведущи не только в одной науке и сможете прочесть это злосчастное письмо. Я пойду к его величеству и предложу вас под свою ответственность". На следующий день он отправился во дворец и, пройдя сквозь толпу придворных, подошел к трону со словами: "Ваш подданный осмеливается сообщить вашему величеству, что в его доме живет ученый великих достоинств по имени Ли, который глубоко знаком не с одной наукой; прикажите ему прочитать это письмо, ибо нет ничего, на что он не был бы способен".

Этот совет понравился императору, который вскоре отправил гонца в дом академика, приказав ему явиться ко двору. Но Ли выдвинул ряд возражений: "Я человек без степени и звания, у меня нет ни талантов, ни сведений, в то время как двор изобилует гражданскими и военными офицерами, одинаково славящимися своей глубокой ученостью. Как же вы можете прибегать к помощи такого презренного и бесполезного человека, как я? Если я осмелюсь принять эту просьбу, то боюсь, что глубоко оскорблю вельмож дворца", - имея в виду в первую очередь премьера Яна и генерала Као. Когда его ответ был доведен до сведения императора, тот спросил Хо, почему его гость не пришел, когда было приказано. Хо ответил: "Могу заверить ваше величество, что Ли - человек, по своим достоинствам превосходящий всех, чьи сочинения поражают всех, кто их читает. На прошлогоднем суде его сочинение было зачеркнуто и отброшено экзаменаторами, а сам он с позором выдворен из зала. Теперь ваше величество вызывает его ко двору, а он, не имея ни титула, ни чина, уязвляет свое самолюбие; но если ваше величество услышит молитву вашего министра, прольет благоволение на его друга и пришлет к нему высокого офицера, я уверен, что он поспешит подчиниться императорской воле". "Да будет так, - ответил император, - по ходатайству нашего академика мы присваиваем Ли Пе звание доктора первого ранга, с пурпурной мантией, желтым поясом и шелковым чепцом, а также издаем приказ о его представлении ко двору. Нашему академику Хо поручается исполнить этот приказ, и он непременно доставит Ли Пе к нам".

Хо вернулся домой к Ли и попросил его отправиться ко двору, чтобы прочитать письмо, добавив, что его величество рассчитывает на его помощь в избавлении от нынешнего затруднения. Как только он надел свои новые одежды, принадлежавшие высокому экзаменатору, он поклонился дворцу и поспешил сесть на коня и въехать в него, следуя за академиком. Восседая на своем троне, Хванцзун с нетерпением ожидал прибытия поэта, который, преклонив колена перед его ступенями, произнес приветствие и благодарность за оказанные ему милости, а затем встал на свое место. Император, как только увидел Ли, обрадовался, как радуются бедняки, найдя клад, или звездочеты, сев за накрытый стол; сердце его было подобно темным тучам, внезапно осветившимся, или пересохшей и засушливой земле при приближении дождя. "Какие-то иностранные послы привезли нам письмо, которое никто не может прочесть, и мы послали за вами, доктор, чтобы облегчить наше беспокойство". "Знания вашего министра весьма ограничены, - вежливо ответил Ли с поклоном, - ведь его сочинение было отвергнуто судьями на экзамене, и владыка Као выставил его за дверь. Теперь же, когда он призван прочесть это письмо от иностранного принца, как получилось, что экзаменаторам не поручили ответ, ведь и послов уже заставили так долго ждать? Раз уж я, студент, отстраненный от испытания, не смог удовлетворить желания экзаменаторов, как могу я надеяться оправдать ожидания вашего величества?" "Мы знаем, на что вы годитесь, - сказал император, - перемирие с вашими отговорками", - передавая ему в руки письмо. Пробежав по нему глазами, он презрительно усмехнулся и, встав перед тронem, зачитал по-китайски загадочное письмо следующим образом:

"Письмо от могущественного Ко То из королевства По Хай принцу династии Тан: С тех пор как вы узурпировали Корею и перенесли свои завоевания на границы наших государств, ваши солдаты нарушают нашу территорию частыми набегами. Мы верим, что вы сможете полностью объяснить нам этот вопрос, и поскольку мы не можем терпеливо сносить такое положение вещей, мы отправили наших послов, чтобы объявить вам, что вы должны отдать сто шестьдесят шесть городов Кореи в наши руки. В качестве компенсации мы хотим предложить вам некоторые ценные вещи, а именно: лекарственные растения с гор Тай Пэ и байсус с южного моря, гонги из Цицина, оленей из Фую и лошадей из Сопина, шелк из Вучау, черную рыбу из реки Мэйто, чернослив из Киуту и строительные материалы из Лою; часть всех этих предметов будет отправлена вам. Если вы не примете этих предложений, мы поднимем войска и принесем войну и разрушения в ваши пределы, а потом посмотрим, на чьей стороне останется победа".

После ее внимательного прочтения вельможи остолбенели и переглянулись между собой, понимая, насколько маловероятно, чтобы император согласился с предложениями Ко То. Но и это не удовлетворило Его Величество, и, помолчав некоторое время, он обратился к окружавшим его гражданским и военным офицерам с вопросом, какие средства имеются для отражения атак варваров в случае вторжения их войск в Корею. Ученые и генералы молчали, как глиняные идола или деревянные статуи; никто не произнес ни слова, пока Хо не решился заметить: "Ваш почтенный дед Тайцун в трех походах на Корею потерял несметное число воинов, не добившись успеха в своем предприятии, и обеднил свою казну. Благодаря Небу Кай-су-ван умер, и, пользуясь раздорами между сыновьями узурпатора, славный император Тайцун доверил руководство миллионом ветеранов старым генералам Ли Сие и Пи Цзинь-квею, которые после ста столкновений, более или менее важных, наконец завоевали царство. Но теперь, после долгого мира, у нас нет ни генералов, ни солдат; если мы захватим пряжку и копье, нам будет нелегко устоять, и наше поражение будет несомненным. Я жду мудрого решения вашего величества".

"Раз так, что же нам ответить послам?" - спросил Хванцун. "Позвольте спросить Ли", - сказал врач; "он скажет, что к чему". На вопрос своего государя Ли ответил: "Пусть этот вопрос не тревожит твой ясный ум. Прикажите дать аудиенцию послам, и я буду говорить с ними с глазу на глаз на их родном языке. Условия ответа заставят варваров покраснеть, а их Ко То будет вынужден выразить свое почтение у подножия твоего трона". "А кто такой этот Ко То?" - спросил Хванцун. "Это имя, которое народ По Хай дает своему королю по обычаю своей страны; так же как хуи-хуи называют своего Кокана; тибетцы - Цангпо; лохау - Чау; холинги - Си-мо-вей: каждый по обычаю своего народа".

От такого бурного потока объяснений ум мудрого Хванцуна испытал живую радость, и в тот же день он удостоил Ли звания академика; для него было приготовлено жилище во дворце Золотого колокола; музыканты заставили все вокруг зазвучать своей гармонией; женщины разливали вино, а молодые девушки подносили ему кубки и славил славу Ли теми же голосами, что славил императора. Какой вкусный, какой восхитительный банкет! Он с трудом удерживался в рамках приличий, но ел и пил до тех пор, пока не потерял сознание, и тогда император приказал слугам отнести его во дворец и уложить на кровать.

На следующее утро, когда гонг возвестил о начале пятой стражи, император отправился в зал аудиенций; но Ли, проснувшись, был не совсем в себе, хотя офицеры поспешили привести его. Когда все прошли через поклоны, Хванцун подозвал поэта к себе, но, заметив, что на лице новоиспеченного доктора все еще видны следы дебоша, и обнаружив помрачение его рассудка, послал на кухню за вином и хорошо приправленным рыбным бульоном, чтобы разбудить сонного барда. Слуги вскоре принесли все это на золотом

подносе, и император, видя, что кубок дымится, соблаговолил долго помешивать и охлаждать бульон палочками из слоновой кости и сам подал его Ли, который, приняв его на колени, ел и пил, а лицо его озаряла приятная радость. Пока все это происходило, некоторые из придворных были сильно раздражены и недовольны странной фамильярностью, другие же радовались, видя, как хорошо император умеет примирять добрую волю людей. Два экзаменатора, Ян и Као, по выражению лица выдали свою неприязнь.

По приказу императора послы были представлены и приветствовали его величество, а Ли Тай-пе, облаченный в пурпурный халат и шелковый чепец, легкий и грациозный, как бессмертный, встал на место историографа слева от трона, держа в руке письмо, и зачитал его четким тоном, не ошибившись ни в одном слове. Затем, повернувшись к испуганным посланникам, он сказал: "Ваша маленькая провинция нарушила этикет, но наш мудрый правитель, чье могущество сравнимо с небесами по обширности, не желает этим воспользоваться. Вот ответ, который он дает вам: слушайте и молчите". Испуганные послы с трепетом упали у подножия трона. Император уже приготовил рядом с собой украшенную подушку и, взяв нефритовый камень для растирания чернил, карандаш из волоса левретки, зажатый в трубке из слоновой кости, лепешку благовонных чернил и лист цветистой бумаги, подал их Ли и усадил его на подушку, чтобы тот приготовился составить ответ.

"Да будет угодно Вашему Величеству, - возразил Ли, - мои сапоги совсем не годятся, так как были испачканы во время вчерашнего банкета, и я надеюсь, что Ваше Величество в своем великодушии предоставит мне новые баскины и чулки, пригодные для подъема на помост". Император удовлетворил его просьбу и приказал слуге достать их; тогда Ли продолжил: "Ваш министр хочет добавить еще пару слов и заранее просит извинить его неблагоприятное поведение; тогда он предпочтет свою просьбу". "Ваши представления неуместны и бесполезны, но я на них не обижусь; продолжайте, говорите", - сказал Хванцзун; на что Ли, ничуть не смутившись, ответил: "На последнем экзамене ваш министр был отвергнут Яном, а Као выставлен за дверь. Вид этих людей, присутствующих здесь сегодня во главе придворных, повергает его дух в некоторое уныние; пусть ваш голос соизволит приказать Яну растереть мне чернила, а Као надеть на меня чулки и зашнуровать бушлаты; тогда мой ум и сообразительность начнут восстанавливать свои силы, и мой карандаш сможет вывести ваш ответ на языке иностранцев". Передав ответ от имени Сына Неба, он не разочарует доверия, которого удостоился". Боясь огорчить Ли, когда он был так нужен, император отдал этот странный приказ; и пока Ян растирал чернила, а Као надевал бушлат поэта, они не могли не думать о том, что этот студент, так плохо принятый и обработанный ими, только в лучшем случае пригодный для оказания им подобных услуг, воспользовался внезапной благосклонностью императора, чтобы взять их собственные слова, произнесенные против него, как текст, и отомстить им за прошлые обиды. Но что они могли сделать? Они не могли противиться воле государя, а если и испытывали досаду, то не осмеливались хотя бы выразить ее. Пословица верна:

"Не навлекайте на себя вражды, ибо вражда никогда не утихает; обида возвращается к обидчику, и резкие слова отверщаются от говорящего их".

Поэт торжествовал, и его клятва была исполнена. Одетый как попало, он взошел на ковер и уселся на подушку, а Ян стоял рядом и растирал чернила. Конечно, между чернильщиком и магнатом, консультирующим императора, было огромное различие. Но почему поэт сидел, а премьер стоял, как слуга, рядом с ним? Да потому, что Ли был органом монаршей речи, в то время как Ян, вынужденный играть роль чернильницы, не мог просить разрешения сесть. Одной рукой Ли поглаживал бороду, а другой, взяв карандаш, прикладывал его к бумаге, которая вскоре покрылась странными иероглифами, хорошо развернутыми и даже без

единого изъяна, а затем положил ее на стол дракона. Император смотрел на нее с изумлением, потому что она была идентична той, что написана варварами; ни один иероглиф в ней не походил на китайский; когда он передал ее вельможам, их удивление было велико. Когда его попросили прочитать, Ли, расположившись перед троном, ясным громким тоном зачитал ответ чужеземцам:

"Могущественный император династии Тан, чье правление называется Киаюэн, посылает свои указания Ко То из По Хай.

"С древних времен камень и яйцо не ударялись друг о друга, а змея и дракон не вели войны. Наша династия, благодетельствованная судьбой, простирает свою власть и царствует даже за четырьмя морями; у нее под началом храбрые полководцы и испытанные воины, крепкие рогатины и сверкающие мечи. Ваш сосед, король Хиехли, отказавшийся от нашего союза, был взят в плен; но жители Путсау, преподнеся в подарок металлическую птицу, дали клятву повиновения.

"Синло с южного конца Кореи прислали нам похвалы, написанные на тончайших тканях шелка; Персия - змей, способных ловить крыс; Индия - птиц, умеющих говорить; Рим - собак, ведущих лошадей с фонарем во рту; белый попугай - подарок королевства Колинг, карбункул, освещающий ночь, - из Камбоджи, знаменитых лошадей прислало племя Коли, а драгоценные вазы - из Ниаля: словом, нет ни одного народа, который не уважал бы нашу внушительную силу и не свидетельствовал бы о своем уважении к добродетели, которая нас отличает. Одна лишь Корея сопротивлялась воле Небес, но божественная месть обрушилась на нее тяжелым ударом, и королевство, насчитывавшее девять веков, было низвергнуто, как в одно утро. Почему же вы не извлекаете пользу из ужасных предсказаний, которые Небо дает вам в качестве примера? Разве это не свидетельствует о вашей проницательности?

"Более того, ваша маленькая страна, расположенная за пределами полуострова, не более чем провинция Кореи или княжество Поднебесной империи; ваши ресурсы в людях и лошадях не составляют и миллионной доли от китайских. Вы подобны назойливой саранче, пытающейся остановить колесницу, подобны жесткошему гусю, который не хочет покориться. Под руками наших воинов твоя кровь будет *литься* тысячами *ли*. Ты, принц, похож на того дерзкого, кто отказался от нашего союза, и чье королевство было присоединено к Корее. Замыслы нашего мудреца императора обширны, как океан, и сейчас он терпит твое преступное и неразумное поведение; но поспеши предотвратить несчастье раскаянием, с радостью плати дань каждый год, и ты предотвратишь позор и бесчестие, которые покроют тебя и выставят на посмешище соседей. Трижды обдумайте эти наставления".

Прочтение этого ответа обрадовало императора, и он приказал Ли довести его содержание до сведения послов; затем он запечатал его императорской печатью. Поэт позвал Као, чтобы тот надел снятые сапоги, и вернулся во дворец Золотых Колоколов, чтобы сообщить посланникам о приказе государя, громко читая им письмо, а они с трепетом слушали. Академик Хо вновь проводил их до ворот столицы, и там послы спросили, кто именно читал императорские распоряжения. "Его зовут Ли, и он носит титул доктора Ханьлина". "Но почему среди стольких сановников первый государственный министр мажет чернилами, а генерал гвардии зашнуровывает бушлаты?" "Послушайте, - добавил Хо, - эти два человека действительно являются приближенными министра его величества, но они всего лишь знатные придворные, не выходящие за рамки обычной человечности, а доктор Ли, напротив, бессмертный, спустившийся с небес на землю, чтобы помочь государю Поднебесной империи. Разве может кто-то сравниться с ним?" Послы склонили головы и удалились, а по

возвращении отчитались о своей миссии перед государем. Прочитав ответ Ли, Ко То пришел в ужас и посоветовался со своими советниками: "Поднебесная империя поддерживается бессмертным, спустившимся с небес! Можно ли напасть на нее?" После этого он написал покорное письмо, в котором сообщил о своем желании ежегодно отправлять дань, что отныне было разрешено.

Впоследствии Ли Тай-пе утопился, испугавшись козней своих врагов, и воскликнул, прыгнув в воду: "Я поймаю луну посреди моря!".

Поэзия китайцев была исследована сэром Джоном Дэвисом, и переиздание его первой работы в расширенном виде в 1870 году, с версификацией переводов Легга из Ши Кинга его племянником и двумя томами различных произведений Стента, в целом дали хорошее разнообразие.^[338] Дэвис объясняет принципы китайского ритма, затрагивает тона, замечает параллелизмы и различает различные виды стиха, и все это в научной манере. Однако вся эта тема еще ждет более тщательной обработки. Искусственная поэзия, в которой звук и звон важнее смысла, не редкость; большое количество символов с одинаковым звучанием позволяет версификаторам делать это с большей легкостью, чем это возможно в других языках, и к серьезной деградации всех высоких чувств. Отсутствие ударений в словах нарушает легкое течение звуков, к которым привык наш слух, но делает такие строки, как следующая, более одухотворенными для глаза, который видит символы, чем для уха, которое их слышит:

Лян куанг, суанг нианг, янг хуанг цианг,

Kí ní, pí chí, lí hí mí и т.д.

Строки, состоящие из символов, содержащих один и тот же радикал, также строятся подобным образом, в котором звуки подчинены смыслу. Однако эта причудливая манера письма считается подходящей только для педантов.

Августовский век поэзии и письма пришелся на девятый и десятый века, на период правления династии Тан, когда самый светлый день китайской цивилизации стал самым темным днем европейской. Ни одно полное собрание стихов до сих пор не переведено ни на один европейский язык, и, возможно, ни один из них не выдержал бы полной версии. Стихи Ли Тай-пе составляют тридцать томов, стихи Су Тун-по содержатся в ста пятнадцати томах, а собрание стихов времен династии Тан было издано императорской властью в девятистах томах. Доля описательной поэзии в нем невелика по сравнению с сентиментальной. Самая длинная поэма, переведенная на английский язык, - это "Хва Тсиен Ки", или "Лепесток цветка", написанная П. П. Томсом под названием "Китайское ухаживание"; она написана гептаметром, и его версия довольно прозаична. Другая, гораздо более известная среди местных ученых, под названием *Lí Sao*, или "Рассеивание печалей", датируемая примерно 314 г. до н. э., была переведена на французский язык д'Эрви-Сен-Дени.^[339]

КИТАЙСКИЕ ПЕСНИ И БАЛЛАДЫ.

Испытать свое мастерство в стихосложении - обычное занятие для литературных джентльменов; эпиграммы и пасквилады обычно перекладывают в метр, а на экзаменах каждый кандидат должен сдать поэтические упражнения. Поэтому такие рифмоплеты уделяют гораздо больше внимания звонкости слов и искусственному построению строк, чем возвышенности чувств или обилию иллюстраций; им так же легко написать сонет о перевозке груза чая, как и любовное послание своей любовнице. Экстемпоральные стихи

сочиняются на любую тему и иллюстрируют события, которые в других местах считаются слишком прозаичными, чтобы тревожить музу.

Тем не менее, человеческие эмоции были стимулом для их выражения в стихах как у китайцев, так и у других народов; и все классы находили им выражение. Грубые и нечистые частушки поют уличные певцы для своих низких классов, но такие темы не характеризуют лучших поэтов, как это было в старом Риме. Пьеса под названием "Флейта Чанг Лианга" - пример лучшего стиля песен:

Была ночь, уставшие солдаты мирно спали,

Негромкий гул голосов затих в покое;

Дозорные, молча, строго следили за порядком.

Против неожиданности или внезапного нападения врагов;

В ночном воздухе зазвучала негромкая нота,

Так успокаивающе действует на чувства.

Такой трогательно-сладкий, мягкий и притягательный,

Как музыкальные звуки колокола.

То поднимаясь, то опускаясь, то становясь полнее и чище...

То жидкий мягкий, то низкий плачущий крик;

Теперь каденции кажутся все ближе и ближе...

Теперь он затихает, издавая шепчущий вздох.

Затем раздался взрыв сладкой музыки, такой пронзительно-тревожной,

Его подхватило эхо, поющее припевы.

Их многоголосые голоса - атмосфера, наполняющая

С припевом таинственных звуков.

Спящие просыпаются и с бьющимися сердцами слушают;

Во сне они уже слышали эту странную музыку;

Она трогает каждое сердце, на глазах блестят слезы,

Ведь она рассказывает им о тех, кого они, возможно, больше никогда не увидят.

В воображении эти ноты перенесли их в дни детства,

К тем далеким сценам, которые они не видели годами;

Тем, кто любил их, воспитывал и учил,

И глаза этих суровых мужчин увлажнились слезами.

Яркие видения родного дома проникали в их память,

Перед их взором проплывают панорамы;
Они были дома - *больные*, и никакая сила не могла противостоять этой странной тоске;
Чем дольше они слушали, тем сильнее тосковали по дому.
Откуда эти сладкие звуки? Кто этот невидимый музыкант?
Он дышит душой, которая плывет по ночному ветру.
В мелодичных вздохах, в столь элизианских звуках.
Как смягчить сердца таких грубых солдат?
Каждый из них смотрел на другого, но не произносил ни слова,
Музыка неощутимо манит их дальше:
Они должны вернуться домой. Как только рассвело.
Враг посмотрел, и вот! Их нет.
В музыке есть магия, колдовство,
Невозможно описать ни языком, ни пером;
Флейта Чанг Лианга, за одну маленькую минуту,
Похитил мужество восьми тысяч человек![\[340\]](#)

ОБРАЗЕЦ СОНЕТА EXTEMPORE.

Следующие стихи были подарены доктору Паркеру в Кантоне китайским джентльменом с литературными способностями по случаю успешной операции по удалению катаракты. Оригинал можно рассматривать как очень достойный пример сонета extempore:

Жидкость, темная и непрозрачная, надолго затуманила мое зрение,
В течение семи вращающихся, изнуряющих лет один глаз был лишен света;
Другая, затемненная пленкой, в течение трех лет не видела дня,
Яркий и радостный свет небес не мог пронзить его своим лучом.
Долго, долго я искал надежду на облегчение, но все было тщетно,
Мои сокровища, расточаемые в поисках, не приносили облегчения от боли;
Пока, наконец, я не решил, что свою одежду я должен либо заложить, либо продать,
И в моем доме, как я боялся, больше никогда не будет изобилия.
Тогда я громко спросил, по какой причине я терплю такую боль.
За проступки в прошлой жизни, не искупленные ранее?
Но снова пришло размышление о том, как в прошлом часто встречались достойные люди,
За незначительные ошибки я терпел страдания, которые привели меня к печали.

"И не должен, - сказал я тогда, - тот, чья ценность ничтожна,
Терпеливо сносить, как дар небес, то, что они предписывают?" Мысль
Не успел он полностью сформироваться, как раздался звук шагов друга.
На пороге я вздохнул с надеждой, что у него есть слова радости.
"Я слышал, - сказал вошедший друг, - что в последнее время к нам приходят
Уроженец далекого и чужого государства "Цветочный флаг";
Через десятки тысяч миль моря он пришел во Внутреннюю страну.
С надеждой и целью исцелить боль людей он покидает родной дом".
Я быстро отправился в путь, я искал этого человека, я нашел этого гениального врача;
Он завоевал мое сердце, он добрый и хороший; ведь он высоко поднялся над землей,
Он выделил комнату, в которую приходил утром, вечером, ночью...
Слова были тщетны, если бы я попытался пересказать его любезность.
Аргентинской иглой он пронзил колыбель слезы.
Какой страх я испытывал! Слова Су Тун-по угрожающе звучали в моем ухе:
"Стекло, подвешенное в тумане, - говорит поэт, - берегись, чтобы оно не дрожало".
(Слова страха прозвучали в моем ухе), "а вдруг он сломается!".
Хрупкая линза, которую пронзила его игла: ужас, жало, боль,
Я думал об этом и о том, что чашу печали я должен осушить;
Но потом моя память показала, что болезнь прошла,
Как долго зрение было темным, а я лишенным легкости.
И тогда я подумал: "Если бы сейчас, в самом деле, я нашел облегчение,
"Не так уж много нужно было вынести боли, чтобы вынести нынешнее горе".
Тогда слова доброты, которые я услышал, глубоко запали мне в душу,
И, не испытывая страха, я отдалась во власть чужеземца.
Его серебряная игла нащупала линзу и быстро извлекла из нее
Непрозрачная и темная жидкость, действие которой мне было так хорошо известно;
Его золотой зонд вскоре очистил линзу, и тогда он сковал мои глаза,
И омыл водой, сладкой, как роса для жаждущей земли.
Три дня лежал я, распростертый, неподвижный; не мог я есть;
Мои конечности были расслаблены, словно приближение смерти.

Мысли бродят в голове, не в духе, вдали от дома и жены,
Мне часто казалось, что на волоске висит моя драгоценная жизнь.
Три дня я лежал, не ел и ничего не чувствовал;
Ни голода, ни печали, ни боли, ни надежды, ни мыслей о горе или радости;
Моя бодрость улетучилась, казалось, что жизнь угасла, как вдруг меня пронзила боль,
Один луч, один тусклый луч, - я вижу, я снова живу!
Как начинается с ночных видений тот, кому снится страшный сон,
Как из могилы восстает тот, кто возвращается к светлому лучу дня,
Так я, с радостью и удивлением, с радостью, с острым восторгом,
Я вижу друзей и родственников, собравшихся вокруг; я приветствую благословенный свет.

С благодарным сердцем, с пылающей грудью, с чувствами, переполняющими вас,
Я зывал: "Ведите меня скорее к тому, кто может вернуть зрение!"
Я попытался встать на колени, но он запретил; и, заставив меня подняться,
"Перед смертным человеком не преклоняй колена"; затем, указывая на небо, говорит.
"Я всего лишь, - сказал он, - инструмент рабочего, а другой - рука";
Перед *Его* могуществом и в *Его* глазах стоят люди, слабые, беспомощные:
Иди, учись возделывать добродетель, и никогда не забывай
Что для какого-то дела будущего добра тебе еще пощадили жизнь!"
От кольца, в знак моей благодарности, он отказался; и не принял
Серебро или золото - они казались пылью; только ради добродетели
Его дела завершены. Его божественное мастерство я всегда должен преклоняться,
Не забывайте о его имени до последнего дня жизни.
Так в этих кратких словах я рассказал о похвале этого ученого доктора:
Его достоинства заслуживают того, чтобы я возносил ему скрижали.

ПЛАЧ ПОЭТЕССЫ СУ-ХВУИ.

В этом удобстве стихосложения кроется одна из причин посредственности обычной китайской поэзии, но это не мешает ей иметь очень большую власть над народным сознанием. Мужчины и женщины всех сословий получают огромное удовольствие от декламации и пения, слушая уличных музыкантов или бродячих актеров; и эти результаты, что бы мы ни оценивали по нашим стандартам, доказывают ее силу и пригодность для воздействия на них. Можно привести еще один или два образца на разные темы, поскольку

они также иллюстрируют некоторые из лучших оттенков чувств и настроений. Более законченное поэтическое произведение написано около 370 г. н. э. Су-Хуи, чей муж был изгнан. Ее талантливая авторша, как говорят, написала более пяти тысяч строк, и среди них любопытную анаграмму из восьмисот знаков, которая была так расположена, что ее смысл был одинаково понятен при чтении вверх или вниз, крест-накрест, назад или вперед.^[341] Из-под ее пера не сохранилось ничего, кроме этой оды, интересной как своей древностью, так и чувством.

ОДА СУ-ХУЭЙ.

Когда ты получил приказ короля успокоить границу,
Вместе к мосту мы шли, стремясь сердцем ликовать.
Скрывая наше горе. Эти слова я произнес в тот скорбный день:
"Не забывай, любимая, моих ласковых объятий и не задерживайся надолго!"
Неужели с тех пор ни одно послание не радует меня?
Думаете, *теперь* сердце вашей одинокой жены радуется даже яркой весне?
Наши жемчужные ступени и приятный двор заросли грязными сорняками;
Наша брачная комната - и диван, и стены - теперь покрыты пылью.
Когда я думаю о нашем прощании, моя душа холодеет от страха;
Мой разум решает, какую форму я приму, чтобы увидеть тебя, как в старые времена.
Теперь, наблюдая за глубоководной луной, я мечтаю о ее форме;
И снова горное облако наполнило мое тусклое сердце завистью.
Ибо глубоководная луна из года в год освещает землю за границей;
И вы, о горные облака, можете встретить облик моей возлюбленной!
Да, летаю здесь и летаю там, ищу место моей возлюбленной,
И на скорости в десять тысяч миль! Полюбуйтесь на его прекрасное лицо.
Увы! Для *меня* дорога длинная, крутые горные вершины теперь суровы.
Наши любящие души. Я могу только плакать - пусть это будет не навсегда!
Длинные листья тростника пожелтели, когда мы прощались с ним;
Кто бы мог подумать, что ветви сливового дерева так часто становятся красными?
Сказочные цветы, распустившие свои листья, встретили раннюю весну.
Ах, прекрасные месяцы, какое время для любви! Но кто может облегчить *мой* укус?
Подвесные ивы устилают двор, ради тебя я их срываю;
Падающие цветы обогащают землю, никто не подбирает их с земли.
И разбросать весеннюю поросль, как когда-то перед могилой предков!

Взяв лютню Цун, я стремлюсь прогнать мрак.

Когда я размышляю о тебе, звучат песни об ушедших друзьях.

Отправляя мои сокровенные мысли вдаль, они достигают северных краев.

Эти северные границы - как далеки они кажутся, огибая холмы и ручьи.

Никаких новостей, никаких вестей из этих мест, чтобы развеять мои мечты!

Мое платье, моя подушка, когда-то такие белые, сильно испачканы слезами;

Мой парчовый плащ с позолоченными цветами, весь в пятнах, теперь выглядит так.

Сами гуси и аисты являются ко мне, когда пролетают на север,

Казалось, что их крики, моя далекая любовь, разрывают мои сердечные струны.

Нет больше моей лютни - хоть ты и был силен, но страсть меня обуяла;

Мое горе было доведено до предела, моя песня все еще не спета.

Ах, муж, повелитель, любовь твоя мне кажется незыблемой, как холмы;

Радостно каждый час думать об этом - бальзам от бесчисленных бед!

Я выполнил лишь половину своей задачи и передал ее его светлости:

О даруй моему мужу скорейшее освобождение, я жажду его объятий!

БАЛЛАДА О СБОРЩИКЕ ЧАЯ.

Среди лучших китайских баллад, если учитывать характер чувств и метафор, есть одна, посвященная сбору чая, которую поют девушки и женщины, собирая листья.

БАЛЛАДА О СБОРЩИКЕ ЧАЯ.

I.

Там, где тысяча холмов окружает долину, стоит наша маленькая хижина,

А на покатых склонах вокруг повсюду растет чай;

И я должен подняться на рассвете, как можно более занятой,

Чтобы выполнить свою ежедневную работу и сорвать листовой чай.

II.

На раннем рассвете я хватаю свой ящик и вздыхаю: "О, отдых!

В густом тумане я прохожу мимо двери, с наполовину распущенными волосами;

Дамы и девы зовут меня, и они идут рука об руку,

"По какой круче вы, мисс, взбираетесь сегодня - по какой круче высокого Сунгло?"

III.

Небо темнеет, на холмах сгущаются сумерки;
Росистые листья и облачные бутоны могут быть еще не собраны:
О, кто они, жаждущие, для которых мы делаем эту работу,
Ради кого мы ежедневно трудимся по двое?

IV.

Как собратья, мы друг другу помогаем, и друг другу говорим,
По мере того как мы тянем за уступчивые веточки, "Милая сестра, не медли;
Вот уже и почки вызрели, все на ветвях на вершине,
А завтра - кто может сказать? - может пойти моросящий дождь".

V.

Мы собрали достаточно, на самом верхнем ветке уже нет листьев, и поэтому
Мы поднимаем груз и идем по дороге домой;
В веселом смехе у бассейна, у бассейна с лотосами, мы уходим,
Вдруг поднимается пара крикв и улетает, испугавшись.

VI.

Прозрачный и чистый бассейн, а в нем растет богатый лотос,
И лишь наполовину раскрыв створки, круглые, как монеты, она показывает...
Я наклоняюсь над выступающим краем и говорю себе,
"Я дивлюсь в стеклянном потоке, как выглядит мое лицо сегодня?"

VII.

Лицо у меня грязное, волосы не уложены и растрепаны;
О, скажите, где сейчас такая некрасивая девочка, как я?
Все потому, что целыми часами я вынужден собирать чай,
Порывы ветра и проливные дожди сделали меня таким, каким вы видите!

VIII.

С утра снова приходят ветер и дождь, и хотя они такие яростные и сильные,
С большой корзиной и маленькой шляпой я пробираюсь по дороге;
Дома, когда все уже собрано и все видят.
Как грязны все наши платья и заношены до колен.

IX.

Сегодня утром я увидел через дверь, что наступил приятный день;
Убедитесь, что я быстро уложила волосы и аккуратно закрепила заколку,
И я быстро помчался по тропинке, чтобы занять желанное место,
Но, не думая о трясине, я забыл о своих рабочих ботинках!

X.

Сад достиг, мои туфли в форме банта промокли насквозь;
Небо изменилось, гремит гром, и я не знаю, что делать;
Я позову своих товарищей на холм, чтобы они передали сообщение поскорее.
И принесите мой зеленый зонтик-шляпу, чтобы помочь мне в моей нужде.

XI.

Но от моей маленькой шляпки мало толку; моя участь очень печальна!
Я стою с мокрой одеждой, как какой-то бедняга-рыбак;
У меня, как и у него, тоже есть корзина, сплетенная из тонких сеток.
Рыболов, если бы только у меня были его удочка и леска.

XII.

Дождь закончился, и на листьях видны ветвистые волокна;
Встряхните ветку, и душистый аромат разнесется вокруг нас;
Соберите желтые золотые нити, которые можно найти на каждом шагу.
О, какой драгоценный запах разносится теперь по всей округе!

XIII.

Нет слаще духов, чем дикая и прекрасная Аглая,
В течение всего времени пребывания Ву-юэна в границах мой чай будет самым вкусным;
Когда все будет собрано, мы оставим побеги, чтобы весной они снова распустились,
Но для этого утра мы сделали третье, последнее собрание.

XIV.

О, как устал наш труд, но я все еще не могу потрудиться?
Мои девичьи локоны растрепаны, а перламутровые пальцы холодны;
Я лишь желаю, чтобы наш чай был лучше всех,
То у одного "воробыный язык", то у другого "драконий шар".

XV.

О, целый месяц я изнуряю себя поисками свободного дня;

Я отправляюсь на сбор с раннего рассвета и остаюсь до заката;
До полуночи у костра я занимаю свое нелегкое место:
Но не ухудшит ли тяжелый труд мое красивое лицо?

XVI.

Но если лицо мое будет несколько дряблым, то более твердым будет мой разум;
Я завариваю чай так, что все остальное остается позади моих золотых бутонов;
Но все же возникает мысль, кто же будет этой милой девушкой.
Положить листья в драгоценную чашку и пить из нее чай.

XVII.

Все ее печали уходят, когда она готовит чай, и она радуется, но о,
Где она узнает, как трудимся мы, которые так стараемся для нее?
И узнает она о ветрах, которые дуют, и о дождях, которые изливают свой гнев,
И мы, как в ванне, погружаемся в воду и мокнем?

XVIII.

Под проливным дождем и воем ветра птицы покидают гнездо,
Но многие влюбленные пары до сих пор отдыхают на ветвях деревьев;
О, почему, любимый, с легким взглядом ты отослал меня?
Я не могу, как бы я ни горевал, продолжать свою работу сегодня.
XIX.
Но хотя грудь моя вздымается и опускается, как ведро в колодце,
Я терпелив и труженик, но против работы никогда не восстану;
Я буду заботиться о том, чтобы мой чай обжигался до нежно-коричневого цвета,
И пусть *флаг* и *шило*, хорошо свернутые, покажут свой беловатый пух.[\[342\]](#)

XX.

За мой труд! За мои шаги! Хоть я и устал,
В нашей богадельне для рабочих людей много работы, как я вижу;
Когда обжиг и сушка закончены, я отправляюсь на зов,
И снова, в это самое утро, я поднимаюсь на вершину Сунгло.

XXI.

Моя плетеная корзина висела на руке, а в волосы были вплетены цветы,

Я отправляюсь на склоны высокого Сунгло и часами собираю чай;
Как смеемся мы, сестры, в пути; какой веселый у нас поворот;
Я хихикаю и говорю, указывая на дорогу: "Вон, смотрите, там наша кровать!"

XXII.

Твоя служанка под сладкой зеленой тенью в защищенной кровати,
Там, где под размашистыми ветвями ивы скрывается ветхое жилище;
Завтра, если вы того пожелаете, вы будете моими гостями!
Дверь вы узнаете по ароматному запаху, запаху обжигающего чая.

XXIII.

Пока холодно, а потом потеплеет, когда я захочу разжечь чай,
Небо будет меняться и меняться, и все это будет волновать меня;
Когда солнце садится на западных холмах, на восточных идет дождь!
И какие бы справедливые обещания он ни давал, он обещает напрасно.

XXIV.

Сегодня оттенки западных холмов выглядят яркими и справедливыми,
И вот я несу свой ящик к столбу, [\[343\]](#) и жду там своего товарища по труду;
Маленькая нежная девушка опирается на перила.
Она спит, и хотя я зову ее, она не отвечает на мой зов.

XXV.

И когда на мой самый громкий призыв она прошептала ответ,
Как будто трудно победить сон, да еще с полуоткрытыми глазами;
Она встает и, шаркая шагами по тропинке, уходит;
Она приносит свою корзину, но забывает надеть крышку!

XXVI.

Мы вместе идем по дороге и проходим мимо домика южных боуров,
Там, где прекрасный морской гранат машет всеми своими желтыми цветами;
Как бы нам хотелось остановиться и сорвать несколько штук, чтобы украсить ими наши локоны,
Но дерево высоко, и тщетно пытаться дотянуться до манящих брызг.

XXVII.

Милые птички на ветвях поют песни, которые так приятно слушать,
А небо сейчас такое восхитительное, наполовину облачное, наполовину ясное;
Склонившись над своей работой, каждая служанка рассказывает о своем горе,
И мы говорим до тех пор, пока наши сердца не будут изранены, а слезы не потекут без остановки.

XXVIII.

Наше время истекло, а корзины еще не наполнены до краев.
Ветки на севере уже полностью обысканы, давайте искать их на юге;
И тут я случайно сорвал веточку, листья которой были все в паре;
Теперь, когда у меня конические пальцы, я закрепляю его в волосах.

XXIX.

Из всех видов чая горький выигрывает у сладкого,
Но для того, кто ищет, я найду угощение;
Хотя кто их будет пить - горькие они или сладкие,
Я не знаю, мой друг, но жемчужный конец моего пальца я вижу!

XXX.

Щебечущие ласточки, взлетайте и падайте в своем полете вокруг холма,
Но когда я в следующий раз отправлюсь в высокий Сунгло, я сменю платье - обязательно;
И я закатаю манжету и покажу руку, ибо моя рука честна, чтобы видеть:
О, если бы когда-нибудь существовала красивая круглая рука, она принадлежала бы мне!

КИТАЙСКИЕ ДРАМЫ И БУРЛЕТЫ.

В отделе пьес и драм китайская литература представляет собой длинный список имен, о которых мало кто или вообще никто не слышал за пределами их родной земли. Некоторые из их произведений были переведены Жюльеном, Базеном, Дэвисом и другими, большинство из них были выбраны из "Ста пьес Юэня". Происхождение современной китайской драмы, по мнению М. Базена, не выходит за рамки династии Тан, хотя многие представления, предназначенные для игры и пения в пантомиме, были написаны еще до этой эпохи. Он называет имена восьмидесяти одного человека, а также упоминает другие пьесы неизвестных авторов, общее количество которых составляет пятьсот шестьдесят четыре отдельных пьесы; все они процветали во времена монгольской династии. Пьесы, переведенные из этой коллекции, дают достаточно хорошее представление о китайском таланте в этой сложной области; и, в общем, какие бы требования ни предъявлялись к организации сюжета, проявлению характера, единству действия или иллюстрации нравов, тенденция пьесы лежит на стороне справедливости и морали. Пьер Премар впервые перевел пьесу в 1731 году под названием "Сирота из Шо",^[344], которую Вольтер взял за основу

одной из своих пьес. Наследник в старости" и "Горести Хана" - так называются две пьесы, переведенные сэром Дж. Ф. Дэвисом. Круг мела" был переведен и опубликован в 1832 году Жюльеном, а том Базена, аинé, содержащий Интриги Абигайль, Сравненную тунику, Песенницу и Обиду Тау Нго, появился в 1838 году в Париже. Ни одна из этих пьес не отличается замысловатостью сюжета, да и простые постановки китайских театров не позволили бы значительно увеличить число *действующих лиц* без путаницы. Кроме того, М. Базен перевел "Pí-ra Kí", или "Историю лютни", драму в двадцати четырех актах, более претенциозную, в которой есть как роман, так и драма; пьеса, как говорят, была представлена в Пекине в 1404 году, при династии Мин.^[345]

МАСТЕР ПО ИЗГОТОВЛЕНИЮ ФАРФОРА - ФАРС.

Помимо пьес, относящихся к высшим направлениям драматургии и составляющих основную часть представлений в театрах, существуют бай-плей или фарсы, которые, будучи ограничены двумя или тремя собеседниками, зависят в своей привлекательности от забавной жестикуляции, импровизированных ссылок на мимолетные происшествия и превосходных пантомимических действий исполнителей. Их обычно показывают в конце представления, и благодаря свободе, которую они предоставляют для проявления юмора или остроумия игроков, они очень нравятся публике. Одна иллюстрация покажет простоту и характер этих бурлетов.

МАСТЕР ПО РЕМОНТУ ТРЕСНУВШЕГО ФАРФОРА.

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ. Ниу Чау Бродячий лудильщик.

Ван Нян Молодая девушка.

Улица Сцена-А.

Входит Ниу Чау - через плечо у него перекинут бамбук, к каждому концу которого подвешены ящички с различными инструментами и приспособлениями для его ремесла, а также небольшой табурет. Одет он скромно, лицо и голова разрисованы и украшены в причудливой манере.

(Поет) Ищу средства к существованию трудом своих рук,

Ежедневно я прохожу по улицам города.

(Ну, вот и я, мастер по ремонту разбитых банок,

Несчастная жертва постоянно меняющихся планов.

Для ремонта старых разбитых банок

Это мое единственное занятие и поддержка.

Именно так. У меня нет другой работы.

(Снимает коробки с плеча, ставит их на землю, садится рядом и, доставая веер, продолжает говорить) -

Удрученный старик - я раб неудобств.

Вот уже несколько дней я не могу выехать за границу,

Но, наблюдая сегодня утром ясное небо и прекрасный воздух,

Это побудило меня возобновить свои уличные скитания.

(На рассвете я покинул свой дом,

Но пока у него нет работы.

Везде и всюду, со всех сторон,

От восточных ворот к западным,

От южных ворот к северным,

И все это в стенах,

Я был, но никто не позвонил.

Для мастера по ремонту треснувших банок. Несчастный человек!

Но это был мой первый визит в город Нанкин,

Необходимо приложить некоторые усилия;

Время здесь теряется, и я снова отправляюсь странствовать.

(Опираясь на коробки и табурет, ходит по комнате, плачет).

Почините тарелки! Почините миски!

Кувшины и кастрюли аккуратно отремонтированы!

Леди Ванга (слышно внутри). Разве я не слышала крик мастера по ремонту треснувших кувшинов?

Я открою дверь и посмотрю. *(Она входит, оглядываясь по сторонам.)*

Да, вот и ремонтник банок.

Ниу Чау. Молитесь, у вас есть кувшин, который нужно починить?

Я долго искал работу.

Вы не звонили?

Леди У. Сколько вы берете за большую банку?

А сколько стоит маленький?

Ниу Чау. Для больших банок - пять булав.

Леди У. А для маленьких?

Ниу Чау. Пятьдесят пар наличными.

Леди У. За одну булаву пять и пятьдесят пар наличными,

Добавьте девять кандаринов, и можно получить новый кувшин.

Ниу Чау. Что же вы дадите?

Леди В. Я отдам одну кандарину за любой размер.

Ниу Чау. Леди, сколько наличных я могу получить за эту кандалу?

Леди У. Почему, если цена будет высокой, вы получите восемь наличных.

Ниу Чау. А если низкий?

Леди У. Вы получите только семь наличных с половиной.

Ниу Чау. Ах, ты, злая, манящая тварь!

(С тех пор, как ушла из дома сегодня утром,

Я встречался только с пустяками,

Кто, в облике старой жены,

Мучает и не дает мне работы;

Я снова взваливаю на плечи свои коробки и продолжаю прогулку,

И никогда больше я не вернусь в дом Ванги.

(Он медленно уходит.)

Леди У. Джар-мендер! Возвращайтесь, скорее возвращайтесь; громким голосом я вас умоляю, ибо у меня есть кое-что, о чем я хочу с вами посоветоваться.

Ниу Чау. О чем вы хотите со мной посоветоваться?

Леди В. Я дам вам сто денег, чтобы вы починили большую банку.

Ниу Чау. А за починку маленького?

Леди У. А за починку маленького - тридцать пар наличными.

Ниу Чау. Сто тридцать пар! Истинно, леди, об этом стоит посоветоваться.

Леди Ванг, где мне их починить?

Леди У. Следуйте за мной. (Они направляются к двери дома).

(Перед вами идет леди Ванга.

Ниу Чау. А позади идет пу-канг (или кувшинчик).

Леди У. Вот, значит, и место.

Ниу Чау. Госпожа Ван, позвольте выразить вам свое почтение.

(Многократно кланяется в нелепой манере.)

Мы можем обмениваться любезностями.

Я поздравляю вас; пусть вы процветаете - как впереди, так и позади.

Леди У. Вот кувшин; теперь иди и почини его.

(Берет банку в руки и подбрасывает ее, рассматривая).

Ниу Чау. У этого кувшина, безусловно, очень страшный излом.

Леди У. Поэтому она требует большей осторожности при починке.

Ниу Чау. Это само собой разумеется.

Леди В. Теперь леди Ванг снова удалится в свою гримерку,

И, закрыв дверь, вернется к своему туалету.

Она украсит свою внешность;

Слева - ее волосы, которые она зачесет в хохолок на голове дракона,

Справа она со вкусом оформит его цветами;

Губы она окрасит в кроваво-красный цвет,

А драгоценный камень хризопраз она поместит в хохолок на голове дракона.

Затем, завершив свой туалет, она вернется к двери,

И сядьте посмотреть на кувшин. *(Выход.)*

(Ниу Чау садится, пристегивает банку к колену, раскладывает перед собой инструменты и, сверля отверстия для зажимов, поет).

Каждое просверленное отверстие требует штифта,

И каждые два просверленных отверстия требуют пары булавок.

Я поднимаю голову и осматриваюсь,

(В этот момент снова входит леди Ванг, красиво одетая, и садится у двери).

Там сидит, как я вижу, нежная молодая леди;

Прежде у нее был вид старой жены,

Теперь она превратилась в красивую молодую девушку.

Слева ее волосы зачесаны в хохолок в виде головы дракона;

Справа он со вкусом украшен цветами.

Ее губы похожи на сливы, а рот - на улыбку,

Ее глаза блестят, как у птицелова, и

Она стоит на золотых лилиях, но длиной в два дюйма.

Я смотрю еще раз, еще и еще, - кувшин падает.

(В этот момент кувшин падает и разбивается вдребезги).

(Хай-хай! Здесь страшный разгром!)

Леди У. Вам остается только заменить его другим, причем сделать это быстро.

Ниу Чау. За сломанную вещь нужно дать хорошую.

Если два сломались, то нужно было поставить пару;

Старый разбивается, на его место должен прийти новый.

Леди У. Вы уничтожили кувшин и вернули мне только слова.

Дайте мне новую, и тогда вы сможете вернуться домой - не раньше.

Ниу Чау. Здесь, стоя на коленях на твердой земле, я прошу госпожу Ван, пока она сидит наверху, выслушать несколько слов. Позвольте мне получить прощение за тот несчастный случай, к которому привела ее красота, и я немедленно сделаю ее своей женой.

Леди У. Дерзкий старик! Как вы смеете думать.

Что я когда-нибудь смогу стать вашей женой!

Ниу Чау. Да, это правда, я несколько старше леди Ван,

И все же я хотел бы сделать ее своей женой.

Леди У. Ничего страшного, но покиньте меня немедленно.

Ниу Чау. Поскольку вы меня простили, я снова беру на плечи свои коробки,

И я отправлюсь на поиски жены в другое место.

И здесь, перед высокими небесами, я клянусь никогда больше не приближаться к дому Ванги.

Вы великая леди! Ты всего лишь мерзкая оборванная девчонка,

И при этом с радостью возьмет себе в спутницы гораздо худшего товарища.

(Уходя, он вдруг сбрасывает верхнее платье и предстает в образе красивого молодого человека).

Леди У. Отныне откажитесь от своей бродячей профессии,

И, выйдя за меня замуж, бросил ремесло мастера по изготовлению кувшинов.

С леди Ванг счастливо проведите остаток своей жизни.

(Они обнимаются и отходят.)

НЕДОСТАТКИ И ГРАНИЦЫ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Таков общий спектр и обзор китайской литературы, согласно Каталогу императорских библиотек. В массе своей она представляет собой грандиозный памятник человеческому труду, который в той мере, в какой он рассчитан на обучение читателей полезным знаниям, уместно сравнить с Великой стеной, которая не может ни защитить от врагов, ни принести реальную пользу своим создателям. Ее недостатки очевидны. В ней нет ни трактатов по географии зарубежных стран, ни правдивых рассказов о путешествиях за границу, ни сведений о языках их жителей, их истории и правительствах. Филологические труды на других языках, кроме тех, на которых говорят в Империи, неизвестны и должны, в силу

природы языка, оставаться таковыми до тех пор, пока их не подготовят иностранцы. Работы по естественной истории, медицине и физиологии немногочисленны и бесполезны, в то время как по математике и точным наукам гораздо менее популярны и полезны, чем могли бы быть; а в области теологии, основанной на истинном фундаменте Библии, почти ничего нет. Характер людей в основном формировался под влиянием их древних книг, и это взаимосвязанное влияние имело тенденцию подавлять независимые исследования в поисках истины, хотя и не уничтожать их. Новое вливание науки, религии, описательной географии и истории приведет к сравнению с другими странами и выявит все, что в них есть хорошего.

Обзор этой литературы показывает влияние правительственного патронажа на поддержание ее характера, что кажется нам утомительным однообразием. Теперь из внешнего мира должны приходить новые идеи, факты и мотивы, которые постепенно поднимут умы людей над тем же неизменным руслом. Если ученый знает, что цель, к которой он стремится, должна быть достигнута благодаря мастерству в единственном канале классических знаний, от него нельзя ожидать, что он будет заниматься другими исследованиями, пока не добьется успеха. Знания в области медицины, математики, географии или иностранных языков, действительно, могут принести кандидату гораздо больше пользы, чем все, что он получит от классики, но знания не являются его целью; и если все бегут на одну дистанцию, все должны изучать одни и те же произведения. Но пусть будет иная программа тем и сочинений, и более широкий круг предметов, требуемых от студентов, и нынешняя система государственных экзаменов в Китае, со всеми ее недостатками, может принести большую пользу народу, если не подвергать ее слишком большому напряжению для поставленной цели.

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ.

Китайцы очень любят пословицы и афоризмы. Они используют их в своих сочинениях и разговорах, как ни один другой народ, и украшают свои дома, переписывая их на изящные свитки, вырезая на колоннах и вышивая на знаменах. Полное собрание пословиц китайцев так и не было составлено, даже среди самих китайцев в большей степени, чем среди жителей других стран. Дэвис опубликовал в 1828 году том под названием "Моральные максимы", содержащий двести афоризмов; П. Перни издал сборник из четырехсот и сорока одного в 1869 году; а Дж. Дулиттл собрал несколько сотен пословиц, знаков, двустий и свитков в своем "Словаре". Кроме того, в 1875 году У. Скарборо опубликовал сборник из двух тысяч семисот двадцати пословиц, снабженный хорошим указателем и, как и другие, отмеченные здесь, оригинальным текстом. Дэвис упоминает Ming Sin Pao Kien, или "Драгоценное зеркало для просветления ума", как содержащее большое количество пословиц. Ku Sz' Kiung Lin, или "Коралловый лес древних вопросов", представляет собой аналогичный сборник; но если тот можно сравнить со словарем цитат, то этот лучше уподобить классическому словарю: примечания, которые следуют за предложениями, не оставляют у читателя сомнений в их значении.

Рукописные списки предложений, которые можно повесить на двери или в гостиной, собираются людьми, которые пишат их на Новый год и чей успех зависит от умения цитировать элегантные двустии. Приведенная ниже подборка в некоторой степени демонстрирует эту ветвь китайской мудрости и остроумия:

Не проводить правильного различия между прекрасным и безобразным - все равно что прикреплять хвост собаки к телу белки.

Скупой человек, который никогда не может иметь достаточно, подобен змее, желающей проглотить слона.

Пока одно несчастье уходит, надвигается другое - это все равно что выгнать тигра из передней двери, пока волк входит в заднюю.

Тигренка нельзя поймать, не забравшись в его логово.

Нарисовать змею и добавить ей ноги. (Преувеличение.)

Нарисовать тигра и превратить его в собаку - значит подражать гениальному произведению и испортить его.

Ехать на свирепом псе, чтобы поймать хромого кролика. (Бесполезная власть над презренным врагом.)

Напасть на тысячу тигров с десятью людьми. (Пытаться решить трудную задачу несоизмеримыми средствами).

Отрубить голову курице боевым топором. (Ненужная доблесть.)

Лелеять дурного человека - все равно что кормить тигра; если его не кормить, он сожрет вас; или как воспитывать ястреба; если он голоден, то останется рядом с вами, но улетит, когда наестся.

Подстрекать злодея к неправильным поступкам - все равно что учить обезьяну лазать по деревьям.

Поймать рыбу и выбросить сеть; не воздавать по заслугам.

Принять хвостовик саранчи за вал повозки; неэффективный человек, выполняющий важную работу.

Голубь, насмехающийся над грачом; подлый человек, презирающий принца.

Залезть на дерево, чтобы поймать рыбу, - значит много говорить и ничего не получить.

Чтобы проверить одну хорошую лошадь, оцените портрет другой.

Рыба спортивная в чайнике, но жизнь ее будет недолгой.

Как ласточка, строящая гнездо в шалаше, - беспокойный государственный деятель.

Как журавль среди кур, так и человек среди дураков.

Как овца, одетая в тигровую шкуру, - это поверхностный ученый.

Как кукушка в сорочьем гнезде - тот, кто наслаждается чужим трудом.

Висеть на хвосте у красивой лошади. (Стремиться к повышению).

Не натягивайте чулки на дынном поле и не кладите шляпу под персиковое дерево, чтобы люди не подумали, что вы воруете.

Старик, женившийся на молодой жене, подобен засохшей иве, которая прорастает.

Давайте напьемся сегодня, пока есть вино; завтрашние горести можно перенести на завтра.

Если слепой ведет слепого, они оба попадут в яму.

Из хорошего железа не делают гвоздей, а из хороших людей - солдат.

Попутный ветер не поднимает бури.

Небольшое нетерпение подрывает великие начинания.

Можно заполнить огромные пропасти, но сердце человека никогда не будет удовлетворено.

Тело можно исцелить, но разум неизлечим.

Когда дерево падает, обезьяны убегают.

Запущенные проблемы становятся еще более неприятными.

В лесу не продают дрова, а в бассейне - рыбу.

Кто смотрит на солнце, тот ослеплен, кто слышит гром, тот оглушен. (Не подходите слишком близко к сильным мира сего).

Он хочет скрыть свои следы и идет по снегу.

Он ищет осла, и вот он сидит на нем.

Не говорите о других, но осудите себя.

Человек не всегда узнаваем по внешности, а море не измеряется бушелем.

Слоновая кость не выходит изо рта крысы.

Если в рот не положить щебечущую птичку, то досада не будет сидеть между бровями.

Профилактика лучше, чем лечение.

Для императора нарушать законы - одно и то же, что и для народа.

Сомнения и рассеянность - на земле, яркость истины - на небе.

Наказание может противостоять открытому преступлению, законы не могут дотянуться до тайных преступлений.

Вино и хорошие ужины создают множество друзей, но в трудную минуту их не найти.

Пусть каждый убирает снег перед своими дверями и не беспокоится об инее на соседских плитках.

Лучше быть праведным в бедности, чем развратным в изобилии. Тот, чьи добродетели превышают его таланты, - добрый человек; тот, чьи таланты превышают его добродетели, - глупец.

Хотя человек может быть совершенно глуп, он очень проницателен, когда осуждает плохие поступки других; хотя он может быть очень умен, он достаточно туп, когда оправдывает свои собственные недостатки: исправляйте себя только по тому же принципу, по которому вы исправляете других, и оправдывайте других по тем же принципам, по которым вы оправдываете себя.[\[346\]](#)

Если я не буду развратничать с чужими женами, моя собственная не будет осквернена.

Лучше не быть, чем быть никем.

Яйцо сражается с камнем, не оказывающим сопротивления.

Из одной нитки не получается веревка, из одной ласточки не получается лето.

Быть сытым и тепло одетым, жить в свое удовольствие и не учиться - это не более чем звериное состояние.

Женщина, живущая в одном доме, не может есть рис из двух. (Мудрая женщина не выходит замуж снова).

Хотя меч и остер, он не ранит невинного.

Чувственность - главный из грехов, сыновний долг - лучший из поступков.

Процветание - благословение для добрых людей, но для злых оно - проклятие.

Наставление проникает в сердце мудрого, но не может проникнуть в уши глупца.

Самые прямые деревья срубают первыми, самые чистые колодцы выпивают первыми.

Уступчивый язык терпит, а упрямые зубы погибают.

Жизнь пожилого человека подобна свече, поставленной между двумя дверями, которую легко задуть.

У слепых самые лучшие уши, а у глухих - самые острые глаза.

Спина лошади не так безопасна, как спина буйвола. (Политик не так надежен, как земледелец).

Жена должна преуспевать в четырех вещах: добродетели, речи, манере поведения и рукоделии.

Тот, кто стремится к познанию, преуспеет, а самодостаточный человек потерпит неудачу.

Гнев подобен маленькому костру, который, если его вовремя не проконтролировать, может сжечь дотла возвышенную громаду.

Каждый день не может быть праздником фонарей.

Слишком большая мягкость умножает преступления.

Если вы любите своего сына, дайте ему побольше дубины; если вы его ненавидите, накормите его лакомствами.

Когда зеркало отполировано до блеска, пыль не осквернит его; когда сердце просветлено мудростью, в нем не возникнет нечистых мыслей.

Упрямая жена и строптивый сын, над которыми не властны никакие законы.

Он - мой учитель, указывающий мне на мои недостатки, и мой враг, говорящий о моих достоинствах.

У того мало мужества, кто знает право и не делает его.

Засудить блоху и поймать укуса - результаты судебных разбирательств.

Если вы хотите понять характер князя, посмотрите на его министров; или нрав человека, понаблюдайте за его спутниками; или характер отца, прежде всего, обратите внимание на его сына.

Слава о добрых делах не покидает человека, но о его злых поступках знают за тысячу миль.

Добродетельная женщина - источник чести для мужа, порочная - позорит его.

Сердце человека изначально стремится к добру, и если оно правильно устроено, то само по себе не будет ошибаться.

Кто уважает себя, тот будет в почете, а кто не уважает себя, тот будет презираем.

Груз, который нищий не может унести, он сам выпросил.

Счастливый сердцем человек несет радость всем домочадцам.

Чем больше ртов, тем больше мяса.

Чем выше крыса взбирается по коровьему рогу, тем более узким он оказывается.

ГЛАВА XIII.

АРХИТЕКТУРА, ОДЕЖДА И РАЦИОН КИТАЙЦЕВ.

По здравому замечанию де Гинье,^[347] "привычка представлять себе вещи в соответствии со словами, которые их выражают, часто вводит нас в заблуждение при чтении рассказов путешественников. Такие авторы видели совершенно новые объекты, но при их описании они вынуждены использовать эквивалентные термины на своем языке, чтобы быть понятыми; в то время как эти же термины имеют тенденцию обманывать читателя, который воображает, что он видит такие дворцы, колоннады, перистили и т.д. под этими обозначениями, к которым он привык, тогда как на самом деле это совсем другие вещи". То же самое можно сказать и о других вещах, помимо архитектуры, и о других народах, помимо китайцев, и эта путаница терминов и значений является плодотворным источником ошибок в отношении точного знания иностранных народов и справедливого восприятия их состояния. Например, термины "суд", "общая школа", "вежливость", "обучение", "флот", "дома" и т. д., а также названия предметов, таких как *бритва*, *туфля*, *шапка*, *кровать*, *карандаш*, *бумага* и т. д., неприменимы к одним и тем же вещам в Англии и Китае; в то время как очевидно, что невозможно придумать новое слово на английском языке для описания китайского предмета, и столь же нецелесообразно вводить туземный термин. Если, например, инструмент, используемый китайцами для бритья, будет подобран в Портсмуте каким-нибудь английским моряком, который никогда не видел и не слышал о нем, он скорее назовет его устричным ножом или клином, чем бритвой; в то время как использование, для которого он применяется, конечно, должно дать ему такое название, и дало бы, если бы он был еще более непохож на западный инструмент. Так и с другими вещами. Представления китайца о терминах *hwangti*, *kwanfu*, *pao*, *pih* и *shu* сильно отличаются от тех, которые передают американцу слова "император", "магистрат", "пушка", "карандаш" и "книга". Поскольку человек может судить о том, что он слышит или читает, только по тому, что он знает, желательно, чтобы, когда он встречается с западными названиями, применяемыми к их

эквивалентам в восточных странах, в его мнении не упускалась из виду функция другой цивилизации, привычек и представлений. Эти замечания особенно применимы к домашней жизни китайцев, к их домам, диете, одежде и социальным обычаям; хотя тщательные описания могут пройти хороший путь в передаче справедливых идей, нельзя надеяться, что они сделают то, что самое беглое изучение объекта или черты мгновенно выполнит.

ПОПУЛЯРНЫЕ ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.

Представления, сложившиеся за границей по этим вопросам, едва ли стоит говорить о том, что они более точны, чем представления китайцев о дальних странах, и вряд ли они смогут утратить свое самомнение о собственной цивилизации и положении среди народов, пока у них существуют такие представления, как показано в следующем отрывке. Тянь Ки-ши, популярный эссеист прошлого века, так поздравляет себя и своих читателей: "Я радуюсь тому, что родился в Китае, и постоянно думаю, как бы все было иначе, если бы я родился за морями в какой-нибудь отдаленной части земли, где люди, далекие от преобразовательных максим древних царей и не знающие домашних отношений, одеты в листья растений, едят древесину, обитают в пустыне и живут в норах земли; хотя я родился в мире, в таком состоянии я не должен был бы отличаться от полевых зверей. Но теперь, к счастью, я родился в Срединном царстве. У меня есть дом, в котором я живу; есть еда и питье, и изящная мебель; есть одежда и шапки, и бесконечные блага: поистине, высшее счастье - это я". Этот отрывок хорошо показывает изолированность писателя и его расы от своих собратьев; среди соседних народов даже японцы показали бы ему его ошибочное мнение. Уединение, навязанное обоим народам, которые закрывали свои двери как самую надежную защиту от агрессии иностранных торговцев и стремились таким образом устранить все причины для ссор, со временем принесло с собой почти равные опасности невежества и неспособности понять свое истинное положение среди народов мира.

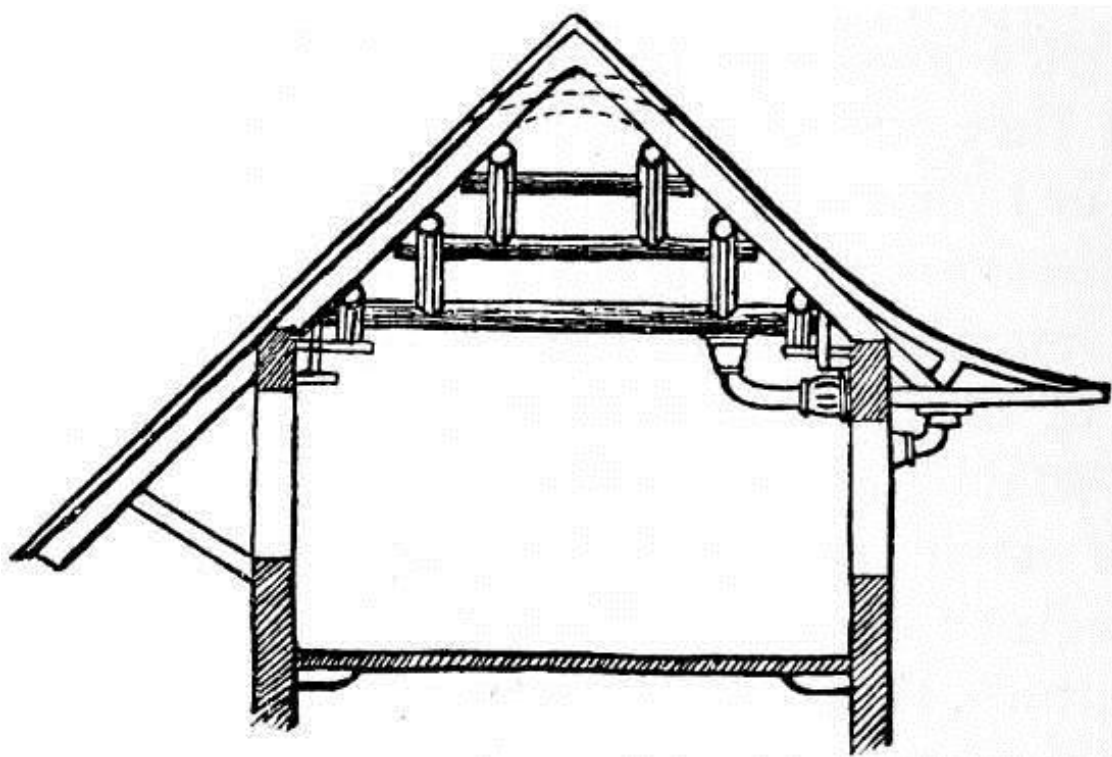

Схема китайской конструкции крыши. (Из Фергюссона.)

ОТСУТСТВИЕ ВЕЛИКИХ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ.

Архитектура китайцев по своим общим очертаниям и своеобразной вогнутой крыше наводит на мысль о холщовой палатке как о первичном *мотиве*, хотя нет никаких других доказательств ее происхождения, кроме этого подобия. От дворца до лачуги, в храмах и в частных жилищах, этот тип повсеместно исповедуется,^[348] и почти ничего похожего на купол или купол, шпиль или башенку, нигде не встречается. Немногочисленные примеры попыток развить даже эту простую модель в грандиозное или внушительное здание. В то время как могольские принцы в Индии возводили дорогостоящие мавзолеи и дворцы, чтобы увековечить память о себе и великолепии своего правления, монархи Китая, располагая равными или большими средствами, редко предавались этому княжескому развлечению или даже не пытались воздвигнуть какой-либо долговечный памятник в память о своем вкусе или великолепии. Было ли это вызвано отсутствием красивых и величественных моделей, которые можно увидеть в западных странах, или незнанием механических принципов этого искусства, факт не менее очевиден, а вывод о прогрессе, достигнутом ими в области знаний и вкуса, не менее справедлив.

Фергюссон, несомненно, назвал одну из веских причин этого факта: "У китайцев никогда не было ни доминирующего священства, ни наследственного дворянства. Отсутствие первого класса очень важно, потому что именно священному искусству архитектура обязана своим наивысшим вдохновением, а священное искусство никогда не развивается так сильно, как под влиянием мощной и великолепной иерархии. Таким же образом отсутствие наследственной знати столь же неблагоприятно для долговечной домашней архитектуры. Частная вражда и частные войны до недавнего времени были неизвестны, и поэтому здесь нет фортепей или укрепленных особняков, которые своей массой и солидностью придают столь заметный характер определенному классу домашних построек на западе".^[349] Эти доводы имеют свой вес, но они едва ли охватывают весь вопрос, решение которого достигает хорошо известной инертности воображения в китайском уме. Тем не менее, верно, что во всей империи нет ничего, достойного называться архитектурными руинами, ничего, что могло бы сообщить нам, строили ли предыдущие поколения более великолепные или более убогие здания, чем нынешние.^[350]

СТРОИТЕЛЬСТВО КИТАЙСКИХ ЗДАНИЙ.

Жилые дома, как правило, одноэтажные, не имеют ни подвалов, ни погребов и освещаются решетками, выходящими во двор; они не должны равняться по высоте с соседними храмами и не должны иметь украшений, присущих дворцам и религиозным учреждениям. Обычными строительными материалами являются кирпич, адоби или маты для стен, камень для фундамента, кирпичная черепица для крыши и дерево только для внутренних работ; каменные и деревянные дома не являются неизвестными, но встречаются настолько редко, что привлекают внимание. Высокие цены на древесину и очень частичное использование оконных стекол привели к изменению и ограничению строительства жилых домов. *Ní chuen*, или просеянная земля, представляет собой смесь раздробленного гранита или гравия и извести, смешанной с водой, а иногда и с небольшим количеством масла, из которой делают прочные стены, сбивая ее в сплошную массу между досками, закрепленными по бокам и поднимающимися по мере роста стены, или же сбивая ее в большие блоки; при оштукатуривании и защите от дождя этот материал постепенно затвердевает в камень. В домах лучшего типа каменная кладка фундамента возвышается над землей на три-четыре фута, и иногда готовые поверхности, большой размер камней и правильность их расположения заставляют пожалеть, что на большие здания не было потрачено столько же мастерства. В городах на фасадах нет ни одного проема, кроме двери, а когда внешние стены нескольких домов соединяются с садами и ограждениями, улица представляет собой

неинтересное однообразие, не разбавленное ступенями, окнами, балконами, портиками или передними дворами. Высота стен составляет двадцать пять или тридцать футов, они обычно полые или слишком тонкие, чтобы надежно поддерживать крышу без посторонней помощи. В обычных зданиях на фундаменте возводится деревянный каркас, на который укладываются большие камни, чтобы принять столбы, и на них опирается весь вес крыши. Кирпичная облицовка заполняет промежутки, но ни на что не опирается; иногда она сплошная, чаще - просто лицевая, и если крыша протекает или ломается, сильный дождь разрушает стену, так как она пропитывается влагой и вымывает грязь изнутри. В центральных провинциях обычные стены часто строят из небольших кирпичей площадью четыре дюйма и толщиной один дюйм, которые укладывают по краям в ряд углублений; между ними иногда прокладывают доску, что придает стене большую прочность. Эти ячеистые конструкции более долговечны, чем можно было бы предположить, при условии, что штукатурка остается неповрежденной.

Кирпичи такого же размера, как и наши, и обычно обжигаются до серовато-сланцевого цвета; они делаются вручную и продаются по цене от трех до восьми долларов за тысячу. В приморских районах известь дешево добывают из ракушек, а во внутренних - из известняка, прокаленного на антрацитовом угле; жители используют ее в чистом виде, лишь изредка смешивая с песком для раствора или штукатурки. Стены часто оштукатурены, а когда они не покрыты таким образом, кирпичи иногда натираются и заостряются мелким цементом. Вместо широкого карниза верхняя часть часто украшается красивым орнаментом из лепных фигурок из раскрашенной глины в *стиле алыт-рельеф*, изображающих батальные сцены, пейзажи, группы цветов или другой рисунок, защищенный от непогоды выступающим карнизом. Дешевой заменой резным фигурам может служить черная окрашенная полоса, разбавленная углами и узорами из цветов и завитков.

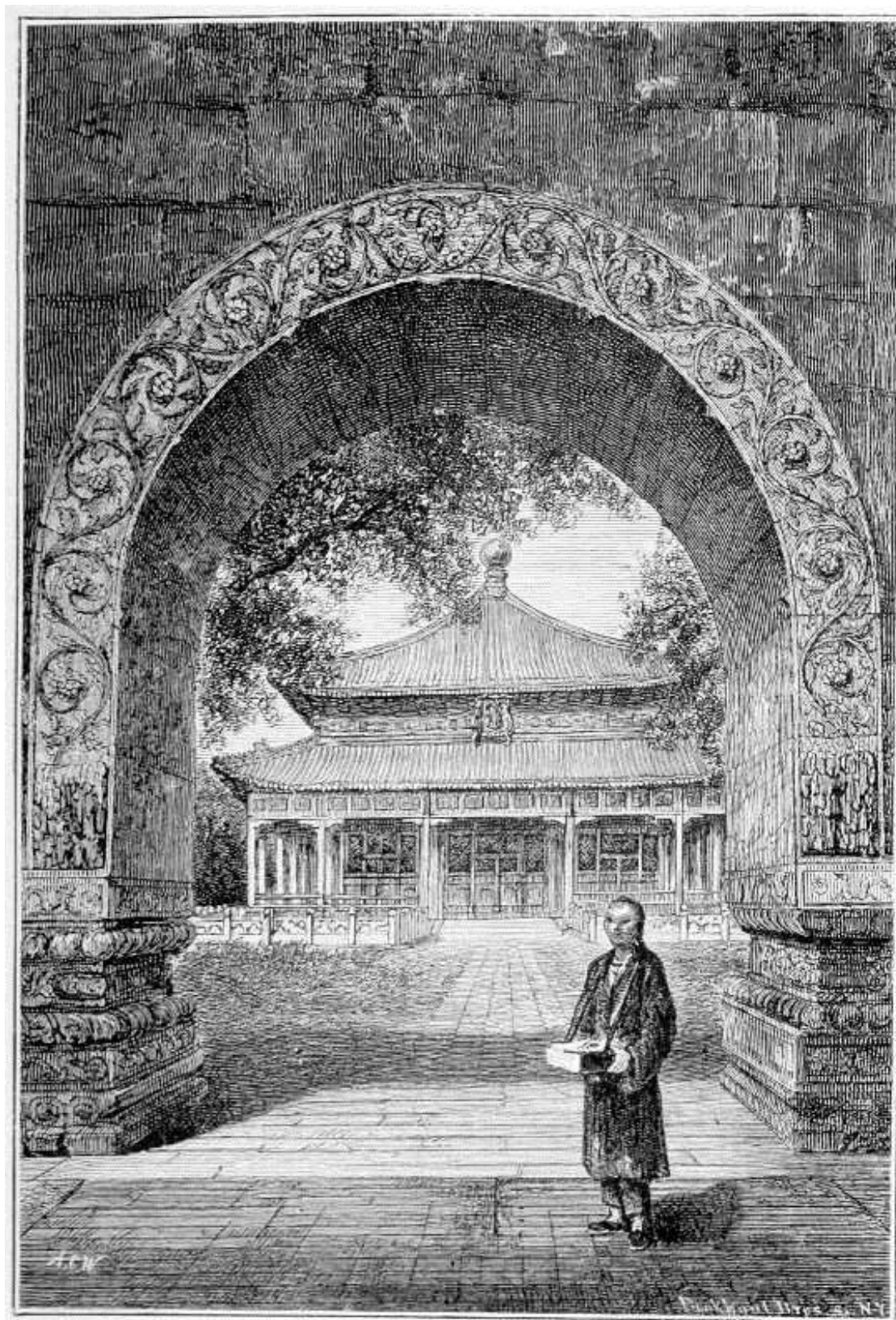
В некоторых провинциях, но редко на севере, крыши шатровые. Они крутые, и если их крепко держать, то они прослужат несколько лет; трава, которая склонна расти на них, является источником вреда, а ее рост или удаление в равной степени ставят под угрозу прочность конструкции. Желтая и зеленая глазурованная черепица общественных зданий придает им дополнительную красоту, как и головы драконов и глобусы на столбах; эти элементы, а также глиняные собаки на углах храмов и домов чиновников, делают строения очень живописными. В Пекине каркас под широкими карнизами дворцов со вкусом выкрашен в зеленый и золотой цвета и защищен сеткой из медной проволоки. Крыши сделаны из глиняной черепицы, уложенной на грубую обшивку, которая опирается на обрешетку в виде чередующихся гребней и борозд. Нижний слой состоит из квадратных тонких кусков, уложенных рядом в восходящих рядах с нижними краями внахлест; боковые стороны покрыты полуцилиндрическими плитками, которые дополнительно защищены покрытием из раствора. В северных провинциях черепица укладывается на солому, поверх которой настилается глинобитная плита. Рабочие начинают укладку с конька и заканчивают по мере спуска к карнизу, чтобы не ходить по черепице и не расколоть ее; но такие крыши легко протекают во время бури. Дымоходов не видно; скат крутой, чтобы быстро сбрасывать дождь и снег. Над магазинами возведены террасы, но балюстрады или плоские крыши встречаются редко. Иногда двускатные стены поднимаются над крышей на несколько градусов, придавая зданию необычный, похожий на лук вид. Прогоны и коньковые столбы тянутся от стены к стене, а стропила представляют собой тонкие планки. Во всех крышах основной вес приходится на два ряда столбов по бокам, которые поддерживают плиты, и на антефиксы, которые поддерживают широкие карнизы, выходящие далеко за пределы стены. Ряд балок и стоек над плитами и соединительными балками делают крышу очень тяжелой, но в то же время надежной; бордюрные и мансардные крыши неизвестны.

Каменные или деревянные колонны в китайских храмах часто бросаются в глаза благодаря своим размерам или длине. Однако они не украшены ни заглавной буквой, ни резным основанием, хотя ствол может быть тонко вырезан и раскрашен, причем цветная отделка часто выполняется по толстому слою *папье-маше*, наложенному для защиты дерева. В двухэтажных домах шпалы пола, если они не опираются на стену, опираются на стяжные балки, прикрепленные к основным столбам. Столбы являются элементом всех китайских зданий, поддерживая либо крышу, либо веранду. Вход в дом располагается по бокам, а стена отступает от внешней линии карниза, чтобы обеспечить навес или крыльцо. Шатровые крыши позволяют архитектору охватить все здание верандой, что часто встречается в южных провинциях. Небольшой потолок обычно скрывает черепицу, но за счет полости крыши квартира кажется возвышенной.

ДЕКОРАТИВНЫЕ ЗДАНИЯ И ЖИЛИЩА.

Павильон - характерная черта китайской архитектуры, и его украшение требует от строителя лучших талантов, чтобы сделать свое сооружение приемлемым. Один из очаровательных образцов этого стиля в летнем дворце императора Юэнь-мин-Юэнь уже известен, его материал - чистая медь; он около четырнадцати футов в квадрате и двадцать в высоту.

Еще одно прекрасное сооружение, хорошо демонстрирующее павильон, показано на соседнем разрезе. Это *Пи-юн-кун*, или "Зал классики", построенный Кьенлуном рядом с конфуцианским храмом в Пекине (стр. 74) и предназначенный для изложения классики. Это возвышенное здание, которое можно увидеть через декоративную арку во дворе, идеально квадратное, покрытое четырехскатной двойной крышей, чья ярко-желтая черепица и позолоченный шар на вершине производят самый яркий эффект в солнечном свете. Глубокая веранда, полностью опоясывающая строение и поддерживаемая десятком разноцветных деревянных столбов, очень хорошо разгружает мертвую массу и тяжелую верхнюю крышу собственно павильона. Вокруг текут воды круглого резервуара, окаймленного мраморными балюстрадами и перекинутого через четыре моста, которые образуют подходы к каждой из сторон.

ПИХ-ЮНГ-КУНГ, ИЛИ "КЛАССИЧЕСКИЙ ЗАЛ", ПЕКИН.

Общая планировка китайского жилища лучшего типа представляет собой ряд комнат, разделенных и освещенных промежуточными дворами и доступных по крытому коридору, сообщаемому с каждой из них, или по боковым проходам, ведущим через дворы. В городах, где дома тесные, а участки неправильной формы, существует большее разнообразие в расположении и размерах комнат; а в загородных владениях богатых семей,

где постепенное увеличение членов требует дополнительного пространства, череда дворов и зданий, перемежающихся с садами и бассейнами, иногда делает все несколько сложным. Большие затраты на древесину для полов, столбов и шпал стали главной причиной сохранения одноэтажного дома, а не неудобства, вызванные судорогами женских ног. Никаких приспособлений для обогрева комнат с помощью дымоходов или труб не существует, кроме тех, что есть в *канге*, или кирпичной кровати, на которой лежат и сидят обитатели.

Вход в большие особняки в деревне осуществляется через тройные ворота, ведущие через лужайку или сад в зал; в городах одна дверь, обычно приподнятая на ступеньку или две над улицей, вводит посетителя на крыльцо или во двор. Внутри дверного проема ставится стена или передвижная ширма, а промежуточное пространство занимает привратник; на стене слева часто можно увидеть святилище, посвященное богам порога. В домах чиновников на этой стене начертан список достоинств и должностей, которые хозяин занимал в течение своей жизни. Дверь имеет массивную конструкцию и движется на шарнирах, вращающихся в гнездах. Под выступающим карнизом висят бумажные фонарики, сообщающие прохожим имя и титул хозяина, а ночью освещающие улицу и обозначающие его жилище; ведь дверные таблички и номера неизвестны. Грубость ворот несколько скрыта именами или гротескными изображениями двух богов-покровителей, Синту и Юхлуи, которым доверена опека над домом; а боковые стороны и перемычка украшены благозвучными цитатами, написанными на красной бумаге, или табличками с официальных рангов. Привратник и другие слуги живут в небольших комнатах внутри ворот, а над крыльцом находится чердак с одной или двумя квартирами, куда можно попасть по грубой лестнице.

Пройдя за ширму, мы пересекаем площадку, иногда украшенную цветами или причудливым рыбным бассейном, прежде чем попасть в главный зал. В верхней части зала установлен высокий стол, на котором стоят вазы с благовониями, идолопоклонническая утварь и подношения в честь божеств и ларов, которым здесь поклоняются, чьи таблички с именами находятся на стене. Иногда на столе просто стоят цветы в кувшинах, причудливые изделия из белого кварца, известняка или нефрита, а также всевозможные украшения. Перед столом стоит большая кушетка, в центре которой находится низкая подставка и подушка для лежания. Перед ним в два ряда по всей комнате расставлены стулья, обращенные друг к другу, между которыми стоит небольшой столик. Полы выложены толстыми крупными плитками из кирпича или мрамора, либо из твердого цемента. Даже в яркий день комната тусклая, а отсутствие ковров и каминов, а также окон, из которых открывается вид на улицу, делает ее невеселой для иностранца, привыкшего к своим застекленным и более высоким домам.

Задняя дверь у боковой стены открывается либо на кухню или во двор, через который находятся женские апартаменты, либо прямо в них и в комнаты для прислуги. Вместо того чтобы быть всегда прямоугольными, двери иногда делают круглыми, листовидными или полукруглыми, и считается желательным, чтобы они не открывались друг напротив друга, чтобы злые духи не могли проникнуть с улицы. Задние комнаты освещаются мансардными окнами, когда другие способы недоступны, а на южных морских побережьях вместо оконных стекол используются тонкие пластинки устриц (*Placuna*), разрезанные на маленькие квадратики. Торговля постепенно вводит этот материал в обиход по всей стране, хотя страх перед ворами все еще ограничивает его применение. Корейская бумага - главный заменитель стекла на севере. Кухня - небольшое помещение, поскольку повсеместное использование переносных печей позволяет жильцам готовить там, где дым доставляет меньше всего хлопот. Отапливать дом, даже на севере, в Нинпо, приходится нечасто, так как

для защиты полагаются на свои стеганные и меховые одежды. Дымоход в диване из черепичного кирпича, или *канге*, соединен с ямой, выложенной кирпичом, вырытой в полу впереди; когда горшок с углем хорошо зажжен и помещен рядом с отверстием, тяга уносит тепло в проходы, проходящие под поверхностью, и вскоре согревает комнату без особого дыма. Горшок с горящим углем - это все, что есть у бедняков для приготовления пищи, а ночью обитатели спят на теплых кирпичах.

ОБУСТРОЙСТВО ЗАГОРОДНЫХ ДОМОВ.

Загородные владения состоятельных людей как нельзя лучше отражают китайские представления об элегантности и комфорте. В этих домах зал предков, библиотека, школьная комната и летние домики расположены отдельно и возведены на низких цоколях, окружены верандой и часто украшены резьбой и орнаментом. Рядом с задним двором расположены женские апартаменты и кабинеты, многие из которых и спальные апартаменты находятся в мансардах. Значительное пространство занимают четырехугольники, которые вымощены и украшены бассейнами с рыбками, цветущими кустарниками и другими растениями. Мистер Форчун описывает^[351] дом и сад одного джентльмена в Нинпо как соединенные грубыми на вид пещерами из камня, "и то, что на первый взгляд кажется подземным ходом, ведущим из комнаты в комнату, через который посетитель попадает в сад. Небольшие площадки, на которые можно взглянуть, проходя мимо, украшены каменной кладкой; в разных местах посажены карликовые деревья, а изящные вьюнки свисают в бассейны перед ними. Миновав их, еще один пещерный проход ведет в сад, где взору внезапно открываются карликовые деревья, вазы, украшенные решетки и прекрасные кустарники. За счет изгибов и переходов по скалистым проходам в другие дворы, а также скрытия реальных границ массивами кустарников и деревьев, территория кажется гораздо больше, чем есть на самом деле".

Дома бедняков - это темные, грязные, низкие и узкие хижины, где пол земляной, покрытый циновками или плиткой, а единственным отверстием является дверной проем, на котором лежит раскачивающаяся циновка, скрывающая внутреннее пространство. Вся семья часто спит, ест и живет в одной комнате. Свиньи, собаки и куры оспаривают пространство у детей и мебели - если стол, несколько подставок и табуреток, кастрюли и тарелки заслуживают такого названия. Грязная улица снаружи - аналог мрачного, прокуренного жилища внутри, и одной прогулки по улицам и переулкам такого района достаточно, чтобы примирить человека с любым обычным условием жизни. На окраинах города еще более бедные слои населения устраивают себе хижины из циновки и соломы на земле, через которые свободно проникают дождь и ветер. Удивительно, что в таких условиях люди могут жить, наслаждаться здоровьем и даже быть веселыми, как китайцы. Между этими лачугами и жилищами богачей находится класс средних домов, состоящих из трех или четырех небольших комнат, окружающих двор, в каждой из которых проживает семья, использующая свою часть четырехугольника.

Лучшая мебель изготавливается из тяжелого дерева, окрашенного под черное; из более дешевого материала - камфары, вяза, сосны, осины и мелии. Декоративные изделия, фарфоровые вазы, медные треножки или горшки, каменные ширмы, книжные полки, цветы в горшках и т. д., свидетельствуют о национальном вкусе. Наброски пейзажей тушью, свитки с изречениями, развешанные по стенам, и симпатичные фонарики разбавляют пустоту комнаты; их совокупность не лишена разнообразия и элегантности, хотя и не хватает *комфорта*. Перегородки иногда причудливо сделаны из решетки, а в них аккуратно устроены отверстия для ящиков с книгами. Спальни маленькие, плохо проветриваются и редко посещаются только ночью. Массивная кровать из дорогих пород дерева, искусно

украшенная резьбой и поддерживающая тестер для шелковых занавесок и москитных планок, часто демонстрируется как семейная гордость и реликвия; свиток с изящными письменами украшает ее бахрому или валанс. Матрасы и перины не используются, а подушка представляет собой полый квадратный каркас из ротанга или бамбука. Кровать, шкаф и туалет обычно завершают меблировку спальных покоев китайцев; если же это еще и гостиная, то кровать сворачивают так, что на ее бортах часто устраивают сиденья.

СТИЛЬ САДОВ.

Усадьбы богатых людей оформлены в хорошем стиле, и если бы не со вкусом подобранные и разнообразные кустарники, которые делают их очаровательными курортами, почти всегда испорченными общим плохим содержанием - запустением и разрухой, если не гнусностью и отбросами, которые часто видны - они бы порадовали самых привередливых. Необходимость иметь место для отдыха женщин и детей - одна из причин для создания открытого ограждения, даже если это всего лишь клумба или грядка с овощами. В императорских садах попытка создать олицетворение природы была весьма успешной. Де Гинь описывает их садовое искусство как "подражание красоте и создание неравенств природы". Вместо симметрично высаженных аллей или однообразных площадок - извилистые тропинки, деревья то тут, то там, как будто случайно, лесистые или бесплодные бугры, глубокие овраги с узкими проходами, чьи борта круты или неровны, покрыты камнями и представляют собой лишь несколько жалких кустарников. Они любят объединять в садоводстве в одном представлении возделанные земли и засушливые равнины; делать поле неровным и покрывать его искусственной каменной кладкой; рыть пещеры в горах, на вершинах которых стоят полуразрушенные беседки, а вокруг пролегают извилистые тропинки и возвращаются в себя, продлевая, как бы, протяженность угодий и увеличивая удовольствие от прогулки".

Пруд с рыбой, питаемый речушкой, бурно протекающей по территории, является красивой особенностью таких садов, в которых, если есть место, летний домик возводится на скалистом островке или на сваях над водой, доступ к которой осуществляется по изрезанному скальному выступу. Нелумбийская лилия с ее пластинчатыми листьями и великолепными цветами - всеобщий любимец в таких местах; в их водах разводят карпов и других рыб, а в небольших аквариумах - золотых рыбок. Если есть возможность, вдоль берега пруда прокладывают галерею для удовольствия и использования женщин в хозяйстве. В некоторых садах со вкусом сделаны грубые мозаики из ракушек или гальки, инкрустированные в гравийные дорожки, изображающие птиц, животных или другие фигуры; время, необходимое для их расшифровки, продлевает прогулку и, по-видимому, увеличивает размеры территории. Кусочки камня скреплены между собой проволокой, а в рыбных бассейнах, гротах и проходах этот уникальный орнамент производит чарующий эффект, а мох и растения, растущие на нем, еще больше подчеркивают его уместность.

Дерево и каменная кладка неустойчивы и требуют постоянного ремонта; когда они новые, то имеют красивый вид, но как сады, так и дома, когда ими пренебрегают, вскоре приходят в разрушенное состояние. Некоторые из главных купцов в Кантоне в прежние времена монополии гонга имели при своих заведениях возделанные участки большей или меньшей площади. Один из них в качестве разнообразия построил летний домик полностью из стекла, причем это удивительное сооружение было сделано так, что его можно было закрывать и защищать ставнями.

Устройство магазинов и складов меняется в зависимости от того, для каких целей они используются, но все же они больше напоминают жилые дома, чем магазины в западных городах. Задняя комната магазина - это небольшая квартира, используемая для общежития,

кладовой или мастерской, а иногда и для всех этих целей вместе; в большинстве случаев она находится на верхнем этаже. Небольшие из них освещаются с улицы, а самые большие - с помощью светового люка; в таких случаях для защиты от улицы внутри устанавливается решетчатая ширма, пересекающая помещение. Вся витрина магазина днем открыта, а ночью закрыта ставнями, проходящими по пазам и закрепленными тяжелыми поперечинами на ряде столбов, которые вставляются в гнезда в пороге и перемычке. Дверной проем отступает на фут или два, а выступающая крыша служит для защиты покупателей и выставленных товаров от дождя и солнца. В небольших магазинах есть два прилавка: длинный, отходящий от двери, и другой, расположенный под прямым углом к ней, частично пересекающий фронт. Продавец сидит в углу, образованном ими, а поскольку они низкие, он может легко обслужить покупателя как на улице, так и в магазине. Ночью меньший прилавок часто служит местом ночлега для бездомных нищих. Облицовка внешнего прилавка выполнена из гранита, а в Кантоне в торце вырублена ниша с табличкой, посвященной богу богатства, в которой возжигаются благовония. Еще одно святилище, посвященное божеству этого места, кем бы оно ни было, помещается на возвышении внутри квартиры.

Чердак сильно сужен; чтобы не перехватывать свет, он обычно представляет собой небольшую камеру, к которой ведет галерея, и освещается спереди. Китайские торговцы не очень любят выставлять свои товары напоказ, а частичное использование стекла делает это занятие несколько небезопасным. Отсутствие двора вынуждает их готовить и мыться либо за зданием, либо на его крыше; клерки и рабочие обычно едят и спят под крышей магазина. В самых густонаселенных районах Кантона крыши покрыты неплотным каркасом, на котором складывают дрова, стирают и сушат одежду, готовят еду; летом здесь также можно спать. Однако в случае пожара эти прохудившиеся крыши становятся похожими на многочисленные ящики с зажигательной смесью и способствуют распространению пламени.

МАГАЗИНЫ И ПРОЕЗЖИЕ ЧАСТИ.

Узость улиц в китайских городах - источник многих неудобств; ширина немногих из них превышает десять или двенадцать футов, а большинство улиц в Кантоне - менее восьми. Ни большие площади с фонтанами и кустарниками, ни открытые пространства, за исключением площадок перед храмами, не смягчают тесноту этих переулков. Отсутствие лошадей и карет в южных городах, обычай тесниться, желание укрыть проезжую часть от солнца и незнание преимуществ другого способа передвижения - вот главные причины, по которым они стали такими тесными; в то время как трудность сбора толпы в них должна быть упомянута как один из моментов в их пользу. В случае пожара доступ к горящим зданиям затруднен, а жильцам опасно передвигаться и спасать свое имущество. В любое время носильщикам, несущим ношу, мешает толпа пассажиров, которые также должны проходить индийским строем, чтобы не натолкнуться на носильщиков. Вентиляция несовершенна, поскольку здания расположены так тесно, а предметы первой необходимости и их отбросы, разносимые по улицам мусорщиками, загрязняют воздух. Дренаж очень поверхностный и неполный; канализационные трубы легко засоряются или прорываются и выливают свое содержимое на проезжую часть. Образующиеся аммиачные и другие газы усугубляют распространенные офтальмологические заболевания; удивительно, что холера, чума или желтая лихорадка не посещают обитателей таких тесных жилищ, которые дышат столь загрязненной атмосферой. Своеобразное управление городами посредством отделений и кварталов, каждый из которых ответственен перед чиновниками, в сочетании с невежеством всех слоев населения в отношении принципов гигиены, объясняет зло, столь очевидное для человека, привыкшего к энергичной власти мэра и совета здравоохранения в большинстве европейских городов,

которые могут принести знания и власть для совместной работы во имя всеобщего благополучия.

Улицы обычно вымощены каменными плитами, уложенными крест-накрест, и, за исключением рынков и колодцев, сравнительно чистые. Они не выложены прямо, а некоторые имеют необычайно неровный вид из-за небольшого угла, который каждый дом образует с соседними; считается, что не повезло, если они ровные. Названия улиц написаны на воротах, пересекающих их, если они вообще обозначены; иногда, как в Кантоне, каждый участок представляет собой отдельный район и имеет свое собственное название; таким образом, одна длинная улица может иметь пять, шесть или более названий. Общая планировка китайского города представляет собой лабиринт улиц, переулков и проезжих дорог, вызывающий недоумение у чужака, у которого нет ни плана, ни справочника, ни номеров на домах и магазинах, чтобы направить его. Вывески висят по обе стороны от дверей или надежно вмонтированы в каменные гнезда; высота некоторых из них достигает десяти или пятнадцати футов, а их красочная роспись и позолота с обеих сторон с живописными символами создают великолепный эффект при взгляде на улицу. В надписях просто указывается вид продаваемых товаров, причем без половины той напыщенности, которая встречается в западных городах; надписи на вывесках в китайских городах, которые иногда приводятся, например "Здесь не обманывают" и другие, являются исключением, а не правилом. Постановления правительства, рекламные проспекты лекарств и знаменитых врачей, которые их производят, объявления о вознаграждении за потерявшихся детей или сбежавших рабов, об открытии новых магазинов, сдаче домов и других событиях покрывают пустые стены в большом разнообразии, напечатанные на красной, черной, белой или желтой бумаге; отсутствие газет заставляет владельцев магазинов больше зависеть от покровительства круга покупателей и распространения карт, чем тратить много денег на рекламные проспекты. В южных городах встречаются святилища уличных богов, расположенные в нишах в стене, с алтарями перед ними.

Храмы и залы собраний - единственные общественные здания в китайских городах, принадлежащие народу. Их дворы и клуатры, а также сады, чайные домики и бассейны, которые могут быть доступны, привлекают постоянные толпы людей и являются единственными местами для общего отдыха. Священники получают немалую часть своих доходов от путешественников, и поэтому их заведения делаются более просторными и обширными, чем того требует количество священников или толпа верующих.

КЛУБЫ И ТАВЕРНЫ.

Залы собраний, или клубы, составляют особенность китайского общества. Их более сотни в Кантоне и многие сотни в Пекине. Они строятся иногда отдельным ремеслом в качестве гильдии, а чаще возводятся людьми, приезжающими в это место для торговли, учебы или развлечений, которые подписываются на обустройство комфортабельного заведения для приема людей, приезжающих из того же города. Таким образом повышается их удобство, помощь, надзор и общая безопасность.^[352] Все здания платят государству арендную плату за землю, но нет данных, чтобы сравнить этот налог с теми, что взимаются в западных городах. Правительство выдает владельцу земли *hung kí*, или "красную бумагу", подтверждающую его право на владение, которая дает ему право на владение до тех пор, пока он платит налоги. В местной магистратуре существует отдел регистрации подобных документов.

Дома сдаются в краткосрочную аренду, а арендная плата взимается ежеквартально вперед; годовой доход от недвижимости составляет от девяти до двенадцати процентов. Годовая

арендная плата за лучшие магазины в Кантоне составляет от 150 до 400 долларов; здесь нет системы страхования от пожара, что, наряду с муниципальными налогами и сложностью сбора невыгодной арендной платы, повышает их стоимость. Подобная собственность в Китае подвержена многим рискам.

Таверны многочисленны и приспособлены для любого случая. Хотя они не выдерживают сравнения с западными гостиницами, они намного опережают безрадостные ханы и караван-сарай, встречающиеся в Западной Азии. Путешественник приносит с собой постельное белье, иногда и провизию, а с наступлением ночи расстилает на полу или диване циновку и ложится в одежде. Лучшие путешественники заказывают комнату для себя, но чиновники или богачи ходят в храмы или нанимают лодку, в которой путешествуют и спят; это отнимает лучших клиентов. Одним из значительных источников дохода для трактирщиков является приготовление обедов для компаний мужчин, которые либо приходят в дом, либо присылают туда столько-то крышек; ведь когда джентльмен приглашает своих друзей на развлечение, принято подавать его на своем складе или в трактире. В больших и малых городах тысячи людей едят на улицах; количество лавок для еды и приготовления пищи производит самое живое впечатление на незнакомого человека. Этот обычай оказал хорошее влияние на развитие общей вежливости, столь заметной в народе, и усиливается большим количеством уличных рассказчиков. Шумная возня покупателей, орудующих своими "проворными парнями", или палочками для еды, и громкие крики поваров, рекомендующих свои пироги и блюда, с ароматом дымящихся на сковороде и в котелках, - лишь один из многих объектов, привлекающих внимание иностранного наблюдателя. Их внешний вид, а также разнообразие шумных сцен и живописных новинок, которые предстают перед ним, постоянно наставляют и развлекают. Очевидец так описал эти места в Кантоне.

УЛИЧНЫЕ СЦЕНЫ В КАНТОНЕ И ПЕКИНЕ.

Количество бродячих рабочих того или иного рода, которые выстраиваются по сторонам улиц или занимают площади перед общественными зданиями в китайских городах, является примечательной особенностью. Фруктовщиков, кондитеров, поваров, продавцов харчей и придорожных лавочников можно встретить и в других странах, и в Китае; но чтобы увидеть странствующего кузнеца или лудильщика, странствующего стекольщика, странствующего ремонтника зонтиков, локомотивного резчика печатей, амбулаторного цирюльника, кочующего банкира, странствующего аптекаря или фармацевта, ходячего сапожника и башмачника, нужно ехать в глубь страны. Эти передвижные заведения, а также гадалки, торговцы травами и книгами, хироманты и т. д. заполняют все пространство, так что часто можно увидеть, что обе стороны улиц буквально усеяны прилавками, товарами или инструментами тех, кто продает или делает что-то съестное или носильное. Обменщик денег сидит за маленьким столиком, к которому прикованы нитки с деньгами, и где он взвешивает серебро, которое должен разменять; его сосед, резчик печатей, сидит рядом с ним за таким же столиком. У цирюльника комод служит сиденьем, и если у него нет собственной печи, он греет воду на огне повара или кузнеца, расположенном неподалеку, и, возможно, бреет своего друга бесплатно в качестве вознаграждения.

Торговец травами выбирает открытое место, где его не затопчут, и выставляет на обозрение свои снадобья и пластыри, а дантист с жуткой вереницей клыков и резцов на шее, свидетельствующих о его мастерстве, сидит напротив него, каждый со своим непогрешимым средством. По обе стороны расположились книгоноша, выбирающий удачные дни, и тот, кто ищет краденое с помощью гаданий, со своими столами и лавками, с множеством палочек, карандашей, знаков и картинок, все они пытаются "поймать маленького голубя". Очкарик и

бритвенный станок, резчик и продавец браслетов, и мастер по изготовлению глиняных кукол или починке старой обуви - все они заняты своим делом так же оживленно, как если бы находились в своих собственных лавках. Кроме сотен ларьков, где продают еду, одежду или украшения, здесь бесчисленное множество лоточников, снующих туда-сюда с корзинами и лотками на плечах, каждый из которых кричит или издает свою особую ноту, которые вместе с кули, перевозящими ноши, носильщиками кресел в седанах и пассажирами, следующими друг за другом как поток, среди которых то и дело попадаются женщины, так заполняют улицы, что проложить себе путь становится делом нелегким. Несмотря на все эти препятствия, стоит отметить и похвалить, что эти толпы проносятся и проезжают по узким улицам с величайшей быстротой, без ссор и беспорядков, а в редких случаях и с несчастными случаями.[353]

Улицы на севере представляют собой несколько иной, и в целом менее привлекательный, потому что менее занимательный и живописный аспект. Их большая ширина позволяет проезжать телегам, а также дает больше места для мусора,хлама и отвратительных достопримечательностей, которые в дождливую погоду усугубляются грязью, в которой приходится барахтаться. Барроу так описывает эти места в Пекине: "Множество передвижных мастерских лудильщиков и цирюльников, сапожников и кузнецов, палаток и киосков, где выставлялись на продажу чай, фрукты, рис и другие съестные припасы, а перед дверями выставлялись товары, сузили эту просторную улицу до узкой дороги посередине, достаточно широкой, чтобы два маленьких автомобиля могли проехать друг мимо друга. Процессии чиновников, сопровождаемые многочисленными свитами, с зонтиками и флагами, раскрашенными фонарями и разнообразными странными знаками отличия их званий и должностей, различные поезда, сопровождавшие с жалобными криками трупы в могилы и с визгливой музыкой невест к мужьям, отряды дромадеров, груженных тартарским углем, тачки и ручные тележки, набитые овощами, занимали почти все это среднее пространство в одну непрерывную линию. Все было в движении. По бокам улицы были заполнены огромным количеством людей, которые покупали, продавали и обменивали свои товары. Гул и шум этой смешанной толпы, состоящий из громкого крика тех, кто выклянчивал свои товары, перебранки других, время от времени издававших странный звенящий звук, похожий на треск сломанного ювелирного острия (сигнал цирюльника), веселья и смеха, царивших в каждой группе, едва ли можно было превзойти. Торговцы со своими пакетами, жонглеры и фокусники, гадалки, монтировщики и шарлатаны, комики и музыканты не оставляли незанятого места".[354]

БОРЬБА С НИЩИМИ И ПОЖАРАМИ В ГОРОДАХ.

Магазины закрываются с наступлением темноты, а люди, выходящие за город, носят с собой фонарь или факел. Над проезжими частями возведены стройные башни, на которых сообщается о пожаре, а ночные часы объявляются ударом в гонг. Ночью на улицах встречается мало людей, и частные дозоры, которые ведут все, кто в состоянии, очень помогают регулярной полиции поддерживать порядок и задерживать воров. Эти наблюдатели ходят вверх и вниз по своим кварталам и бьют в большие бамбуки, чтобы "воры знали, что они начеку". Учитывая все обстоятельства, в больших китайских городах по ночам удивительно тихо. Нищие находят себе пристанище на крыльцах и площадях храмов или на обочинах улиц и прижимаются друг к другу, чтобы согреться. Это сословие находится под опекой старосты, который, чтобы собрать положенный по закону налог на бедных, распределяет их по кварталам, советуясь со старейшинами и констеблями. В течение дня они ходят от одной двери к другой и получают положенное им пособие, которое не может быть меньше одной денежной единицы на человека. Они сидят в дверях и поют частушки

или бьют в ладоши и палки, чтобы привлечь внимание, и если у лавочника нет покупателей, он позволяет им продолжать свои крики, так как знает, что чем дольше они задержатся, тем больше времени пройдет, прежде чем они снова придут в его магазин. Многие из них слепы, все имеют болезненный вид, их лица покрыты грязью и изборозжены горем и страданиями. Очень сложный вопрос о том, как помочь, обуздать и трудоустроить бедняков, обычно оставляют на милость и мудрость муниципальных чиновников в городах; и результаты в целом не позорят их гуманность и благожелательность. Многие люди дают старосте доллар или больше в месяц, чтобы купить освобождение от ежедневной назойливости нищих, а семьи, собирающиеся справить новоселье, свадьбу или похороны, а также вновь прибывшие джонки, вынуждены платить ему, чтобы избавиться от шумной и отвратительной толпы.

За пожары отвечают чиновники: по закону, если в городе сгорело десять домов, высший чиновник должен быть оштрафован на девять месяцев; если более тридцати - на год; а если сгорело триста, он должен быть разжалован на одну степень. Губернатора и других высших офицеров в сопровождении нескольких солдат часто можно увидеть на пожарах в Кантоне, как для предотвращения воровства, так и для того, чтобы направить их на тушение пламени. Моторы проносятся по узким улицам со страшной скоростью; те, кто уносит имущество, вооружены мечами для его защиты и обычно дополняют грохот горящих домов громкими криками. Полиция без колебаний сносит дома, если таким образом можно быстрее потушить пожар, но в городе нет ни организованного отряда пожарных, ни отлаженной системы действий в таких случаях, хотя обычно пожары вскоре удается взять под контроль. Жестокие люди часто пользуются возможностью в такое время красть и уносить беззащитных людей, особенно молодых девушек.

В Кантоне принято взимать премию с владельцев домов, прилегающих к сгоревшему району, чьи жилища были спасены благодаря усилиям пожарных, причем размер премии уменьшается по мере увеличения расстояния; сумма делится между пожарными. Спасенные таким образом домовладельцы также нанимают священников, которые возводят рядом алтарь, где совершают службу и "благодарят за милость Небес". В целом, пожарная охрана в Китае превосходит турецкую, где пожарные расплачиваются за свои усилия поборами с домовладельцев.

ПАГОДЫ, ИХ НАЗНАЧЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО.

Пагода - это здание, которое считается настолько характерным для китайцев, что пейзаж или картина, посвященная Китаю, без пагоды, возвышающейся на холме, подобно египетскому пейзажу без пирамиды, будет считаться неполноценным. Большинство французских и португальских писателей используют термин "*пагода*" в его собственном смысле для обозначения храма идолов, но в английских книгах он всегда относился к многоугольным башням, встречающимся по всей стране. Некоторая путаница возникла из-за того, что рассказ об огромном храме, полном идолов, применялся к этим башням. Английское употребление является наиболее определенным в Китае, хотя его неправильное применение не может быть оправдано, если мы рассмотрим его происхождение.

Форма китайского *таха*, вероятно, происходит от шпиля на вершине индуистской дагобы, так как его название, несомненно, взято из первого слога; но их назначение так долго отождествлялось с геомантическими влияниями, определяющими удачу места, что люди не

связывают их с буддизмом. Мистер Милн объясняет это в своем замечании, что "присутствие такого сооружения не только обеспечивает этому месту защиту небес, если оно уже имеет свидетельства того, что пользуется ею, но и подавляет любые злые влияния, которые могут быть присущи этому месту, и наделяет его самыми благоприятными и благотворными предзнаменованиями".^[355] В южных и центральных провинциях редко встречаются идолы с какими-либо претензиями. На них поднимаются по лестницам, встроенным в толстые стены по разные стороны этажей. На севере есть еще один вид, предназначенный для размещения *shé-lí*, или реликвии Будды, имеющий большую комнату у основания для поклонения помещенному в нее идолу, но в остальном полностью цельный и почти одинаковый по размеру до самого верха; этажи представляют собой лишь многочисленные узкие выступы, похожие на карнизы или струнные перекладины, на которых иногда размещаются сотни маленьких изображений. Эти сооружения больше похожи на индийские *дагобы*, чем на другие виды, и всегда связаны с монастырем, в то время как те расположены не одинаково, хотя и находятся под надзором священника.

Ни один город не считается полным без пагоды, и во многих крупных городах их несколько; в Империи, должно быть, около двух тысяч, и некоторые из них весьма знамениты. Редко можно увидеть новую пагоду, а разрушенное состояние большинства из них свидетельствует о слабости веры, которая их воздвигла. Их высота варьируется от пяти до тринадцати этажей, и в основном они построены настолько прочно, что, скорее всего, сохранятся на века. Одна из них в Хангчау восьмиугольная, ширина каждой грани двадцать восемь футов, а толщина стены у основания восемнадцать футов; на вершину ведет винтовая лестница между стенами; крытая галерея с внешней стороны каждого этажа предоставляет посетителям места для отдыха и постоянно меняющиеся виды; ее высота составляет сто семьдесят футов, а построена она была при династии Сун, в двенадцатом веке. С его вершины открывается великолепный вид; сочетание моря и берега, суши и воды, города и деревни, дикой природы, садов и холмов, а также множество исторических и религиозных ассоциаций, интересных для местных жителей, делают его одним из самых очаровательных пейзажей в Китае.

Сэр Джон Дэвис посетил один из них вблизи Линцин-чау в Шантунге, очень хорошо отремонтированный, населенный буддийскими священниками и содержащий двух идолов; на каждом из его девяти этажей крупными буквами было написано "Омето Фу". Он был возведен после завершения строительства Большого канала. Винтовая лестница, состоящая почти из двухсот ступеней, вела на самый верх, на высоту около ста пятидесяти футов от земли, откуда открывался обширный вид на окружающую местность. Цоколь был превосходно построен из гранита, а все остальное - из глазурованного кирпича, прекрасно соединенного и скрепленного цементом.

Объекты строительства этих сооружений носят смешанный характер, иногда геомантический, иногда религиозный, их материалы, размеры и структура значительно различаются. Два из них находятся в Кантоне, три - у Жемчужной реки, ниже города; еще пятнадцать - в префектуре. В Сучау их два, в Нинпо - один, в Фучау - два, а в Пекине и за его пределами - шесть. Одна из них в Кантоне была построена мусульманами около тысячи лет назад. Это простая кирпичная башня высотой почти двести футов, с которой верующие, вероятно, созывались на молитву в соседнюю мечеть. Замечания Фергюссона о китайской архитектуре, вероятно, были бы изменены, если бы писатель обладал более широким кругозором и более полным знанием проектов местных строителей. Однако это выводы компетентного наблюдателя, и то место, которое он отводит пагоде среди башнеподобных

зданий мира, вытекающее из ее своеобразной формы, разделения и кажущейся бесполезности, будет в целом признано справедливым.

Мистер Милн в своей интересной работе хорошо рассказывает о пагодах; он показывает, что, хотя их модель имеет индуистское происхождение и тщательно соблюдалась с момента возведения первой (около 250 г. н. э.) в Нанкине, популярные геомантические идеи, связанные с их восьмиугольной формой и большой высотой, постепенно усилились и повлияли на их расположение. Буддисты, похоже, сами утратили свою древнюю уверенность в защите *ша-ли* (или *сайны*), которая должна была быть в них заложена. Количество индийских слов, транслитерированных в китайских рассказах об этих сооружениях, еще больше доказывает их иностранное происхождение. Для удобства и точности описания лучше всего ограничиться термином "*пагода*" для полых восьмиугольных башен, словом "*дагоба*" - для массивных, покрывающих реликвии, а "*топе*" - для сооружений над жрецами, когда их хоронят.

Пагоды иногда делают из чугуна; те, что были замечены до сих пор, находятся в центральных провинциях. Одна из них находится в провинции Чехкианг, высотой почти пятьдесят футов и имеет девять этажей. Восьмиугольные части, образующие стены, отлиты в единственном экземпляре, так же как и пластины, образующие крышу. Вся конструкция, включая основание и шпиль, была сделана из двадцати кусков железа. Внутреннее пространство заполнено кирпичом, вероятно, с целью укрепить его от штормов. Незнание китайцев более позднего времени об индуистском происхождении пагод привело к тому, что они считают существующие сейчас пагоды местными и присвоенными буддистами для своих целей. Большинство из них разрушается, а заверения геомантов, что пагода будет действовать как электрический трактор, притягивая сверху все благоприятные предзнаменования, так что огонь, вода, дерево, земля и металл будут служить людям, почва будет плодородной, торговля процветающей, а туземцы покорными и счастливыми, не дают средств на их ремонт.[\[356\]](#)

Унылый вид китайского города при взгляде издали не похож на европейские города, в которых шпили, купола и башни церквей и соборов, залы, дворцы и другие общественные здания разбавляют однообразие рядов жилых домов. В Китае храмы, дома и дворцы почти одной высоты; их однообразие лишь частично разбавляют деревья, перемешанные с парами высоких флагштоков с рамами на верхушках, которые на расстоянии скорее наводят на мысль о разобранных виселицах. Природа, однако, очаровывает и восхищает, и немногие страны представляют собой более красивые пейзажи; даже убогость творений человека служит фоном для разнообразных красот окультуренного ландшафта.

Тачки, используемые для передвижения.

ВИДЫ ПУТЕШЕСТВИЙ.

Китайцы обычно предпочитают путешествовать по воде, и в юго-восточных провинциях можно сказать, что транспортных средств, предназначенных исключительно для перевозки путешественников или товаров, не существует, так как телеги и тачки, которые встречаются, немногочисленны и убого сделаны. Но к северу от реки Янцзы, на всей Великой равнине телеги и тачки являются главным средством передвижения и перевозки. Высокая стоимость древесины и плохие дороги вынуждают людей делать эти средства передвижения очень грубыми и прочными, с осями и колесами, способными выдержать нагрузки и перегрузки, которые с ними случаются. Телеги с товарами запрягаются тремя или четырьмя лошадьми, обычно идущими тандемом и прикрепленными длинными шлейками к оси-дереву, одна из которых остается в пределах порогов. Обычные повозки, запряженные одним или двумя мулами, представляют собой продолговатые ящики, прикрепленные к оси, покрытые хлопчатобумажной тканью и обложенные подушками для облегчения тряски; пассажиры садятся и выходят спереди, где водитель сидит рядом с лошастью. В Пекине членам императорского клана и семьи разрешено пользоваться телегами, у которых колесо находится позади кузова; их ранг обозначается красным или желтым покрытием, а также большим или меньшим количеством всадников, сопровождающих их. Колесная тележка широко используется для перевозки грузов на короткие расстояния по одной и той же области. Расположение колеса в центре позволяет человеку легко перемещать тяжелый груз. На хорошей дороге, при помощи осла, большие разновидности тачек легко переносят груз весом в тонну; два человека необходимы для поддержания равновесия и управления довольно тяжелым транспортным средством.

КРЕСЛА-СЕДАНЫ И РЕЧНЫЕ СУДА.

Там, где путешествие по воде невозможно, для перевозки пассажиров используются кресла-седаны, а багаж и товары перевозят кули с шестами и рогатками. Существует два вида

седана, ни один из которых не предназначен для лежания, как индийский *палки*. Легкое сделано из бамбука и настолько узкое, что сидящий вынужден наклоняться вперед, когда его везут; большое, называемое *киао*, является, независимо от того, рассматривается ли оно с точки зрения легкости, комфорта или любого другого качества, связанного с таким способом перевозки, одним из самых удобных предметов, найденных в любой стране. Его использование регулируется законами о роскоши и запрещено простым людям, если они не обладают каким-либо рангом. В Пекине в них ездят только высшие чиновники, с четырьмя носильщиками. В других городах двум председателям достаточно легко удастся поддерживать походку в четыре мили в час с седаном на плечах. Товары переносятся на шестах, и каким бы большим или тяжелым ни был пакет, носильщики умудряются разделить его вес между собой с помощью палок и строп. Число людей, зарабатывающих таким образом на жизнь, велико, и в городах они нанимаются старостами, которые заключают контракты на работу так же, как это делают извозчики в других странах; когда они не заняты надсмотрщиками, то располагаются на углах и в других общественных местах, готовые по первому зову отправиться в путь, как это делают *динстменнеры* в немецких городах. На улицах Кантона часто можно увидеть группы мускулистых парней, которые коротают время за курением, азартными играми, сном или насмешками над прохожими; и, подобно пастухам, упомянутым в притче, если спросить их, почему они стоят там весь день без дела, ответ будет: "Потому что никто не нанял нас".

Носильщики кресел образуют отдельную гильдию в городах, а заведения, где нанимают седаны и их носильщиков, можно сравнить с ливрейными конюшнями западных городов; в Кантоне их прозвали *то м'и та*, "бесхвостые лошади". Средство передвижения, используемое иногда императором и высшими офицерами, представляет собой открытое кресло на столбах, сделанное таким образом, что можно не только видеть сидящего, но и наблюдать за ним. Оно претерпевает множество изменений в разных частях страны, поскольку является дешевым и легким и хорошо подходит для преодоления горных районов.

В строительстве и управлении своими речными судами китайцы преуспели. Поскольку лодки предназначены для проживания тех, кто на них плавает, это учитывается при их обустройстве. Лишь часть лодок, которые можно увидеть на реке в Кантоне, предназначена для перевозки, большое же количество предназначено для постоянного проживания, и, возможно, половина из них постоянно пришвартована. Они не обязаны оставаться на своих местах, но и лодки, и их обитатели находятся под наблюдением водной полиции, которая регистрирует их и указывает, какое место они могут занимать. Баржи для семей, те, на которых продают нефть, соль, топливо или другие товары, лихтеры, пассаты, цветочные лодки и другие виды, таким образом, группируются вместе, и их легче найти. Однажды было установлено, что в Кантоне зарегистрировано восемьдесят четыре тысячи лодок, но все ли они остались вблизи города и не ушли в другие части округа, или же старые лодки были вычеркнуты из реестра при разрушении, выяснить не удалось. Однако маловероятно, что в свое время такое количество лодок находилось напротив города. Никто из тех, кто бывал в Кантоне, не может забыть шумное, оживленное зрелище, которое предлагает река, и не замечал добродушной осторожности, с которой лодки всех размеров проходят друг мимо друга, не сталкиваясь.

Трудно описать множество видов судов, встречающихся в китайских водах, без помощи рисунков. Они оснащены кормовыми штурвалами, движущимися на шарнире и легко приводящими лодку в движение. Большие лодки оснащены двумя или тремя такими корпусами, которые, когда они не используются, удобно прикрепляются к борту. Они снабжены веслами, лопасть которых крепится с помощью винтов, а работа осуществляется

через ленту, прикрепленную к колу; гребец стоит и толкает весло тем же движением, что и венецианский гондольер. Иногда можно увидеть гребца, который гребет ногами. Мачта некоторых больших грузовых лодок состоит из двух палок, опирающихся на кили, соединенных сверху и расположенных так, чтобы их можно было поднимать с носа; в лодках, предназначенных для жилья, мачта не предусмотрена. Рыбачьи лодки, лихтеры и морские суда имеют одну или две постоянные мачты. На всех лодках, кроме самых маленьких, с борта выступает вал или рама, по которой ходят лодочники, управляя судном. Паруса на юге плетут из полос циновки, сшитых в единое полотно и снабженных ярдами сверху и снизу; бамбуковые ребра, пересекающие его, служат для удержания обручей, надетых на мачту, и позволяют лодочникам подтягивать их к ветру. На тафре иногда ставят драйвер, а на носу - небольшой передний парус, но главная зависимость - грот. Ни одна китайская лодка не имеет бушприта, и очень немногие из них медные, или имеют две палубы, кроме орлопа в кормовой четверти, в котором можно хранить провизию; никакие фонари не дают даже проблеска в этих углублениях, которые обязательно маленькие.

Внутреннее устройство жилых лодок простое. Лучшие из них имеют от шестидесяти до восьмидесяти футов в длину и около пятнадцати в ширину, разделенные на три комнаты; форштевень острый и поддерживает платформу, по которой, когда они пришвартованы рядом, можно легко переходить из одной лодки в другую. Каждая из них крепится канатами к большим якорным канатам, которые проходят вдоль всей линии на носу и корме. Ближайшее к носу помещение служит вестибюлем главной квартиры, занимающей примерно половину корпуса лодки; они разделены решетчатыми переборками, но самая кормовая комната, или спальное помещение, тщательно экранирована. Приготовление пищи и стирка осуществляются на высоком кормовом каркасе, который прекрасно приспособлен с помощью печей и других удобств наверху и люков и перегородок под палубой, чтобы служить всем этим целям, содержать все необходимое топливо и воду, а также служить спальным местом. С помощью навесов и каркасов верхняя часть лодки также служит для многих объектов работы или удовольствия. Окна-шторки подвижны, приспособлены для любой погоды и гибкости расположения, отвечают всем требованиям семьи и специфике судна; нет ничего более изобретательного.

Самые красивые из них называются *hwa ting*, или цветочные лодки, и сдаются в аренду партиям для увеселительных экскурсий по реке; большая часть из них также является жилищем публичных женщин. Лодки меньшего размера в Кантоне известны как лодки-танкии; они имеют длину около двадцати пяти футов, содержат только одну комнату и оснащены подвижными циновками, покрывающими все судно; обычно их гребут женщины. В этих "домах-яйцах" воспитываются, живут и умирают целые семьи; комната, которая днем служит для пассажиров, ночью становится спальней; в одно время это кухня, в другое - умывальная комната, и всегда - детская.

ОБИТАТЕЛИ НА ВОДЕ.

Что касается обычной жизни на воде, то у нас есть интересное свидетельство о его практике еще в четырнадцатом веке, из письма доминиканского монаха в 1330 году. "Королевство Китай, - пишет миссионер, - населено людьми, проходящими мимо well..... И по всей империи протекает множество великих рек и огромных водных пространств; так что добрая половина королевства и его территории находится под водой. И на этих водах обитает великое множество людей из-за огромного населения, которое есть в упомянутом королевстве. Они строят деревянные дома на лодках, и таким образом их дома поднимаются и опускаются по воде; и люди путешествуют в своих домах из одной провинции в другую, а живут они в этих домах со всеми своими семьями, с женами и детьми, и со всей своей

домашней утварью и предметами первой необходимости. И так они живут на воде все дни своей жизни. И там женщины ложатся в постель, а все остальное делают так же, как люди, живущие на суше".[357]

Нет необходимости подробно описывать различные виды лихтеров и *чоп-ботов*, встречающихся вдоль южного побережья, пассажирские лодки, курсирующие из города в город по сотням речушек, а также смаксы, катера и рыболовецкие суда, которые можно увидеть во всех водах, кроме как для того, чтобы обратить внимание на их замечательную приспособленность к поставленным целям. Лучшие из них сделаны в южных провинциях; те, что можно увидеть в Тяньсине или Нючване, страдают от чистоты, безопасности и скорости, отчасти из-за высокой цены на дерево и меньшего использования их для жилья. В верховьях реки Кан лодки отличаются особой легкостью конструкции: верхняя часть полностью состоит из матов, а корпус напоминает полумесяц, хорошо приспособленный для преодоления порогов и скал, которыми усеян их путь.

ДОХОДНЫЕ ЛОДКИ И ДЖОНКИ.

Кроме этих различных видов, налоговая служба использует узкую, остроносую лодку, которую приводят в движение сорок или пятьдесят гребцов, вооруженных вертлюгами, копьями, абордажными крючьями и пиками, а по бокам - грозные щиты из ротанга, разрисованные головами тигров. Контрабандисты сделали такие же лодки и время от времени подражают по внешнему виду правительственным судам, которые, со своей стороны, часто конкурируют с ними в контрабанде. В 1863 году имперское правительство было вынуждено принять национальный флаг для всех своих судов, который, несомненно, постепенно распространится и на торговые суда. Он имеет треугольную форму и изображает дракона с головой, смотрящей вверх. Морские офицеры обычно выставляют длинные желтые флаги со своими официальными титулами во весь рост; суда под ними отличаются различными выпелами. На джонках вывешивают множество флагов, треугольных и квадратных, белых, красных и других цветов, на большинстве из них есть надписи. Правительственные суда и военные джонки, а также те, что используются для перевозки доходов и соли, пропорционально очень малы; но если включить все суда, встречающиеся на реках и побережьях Китая, то их общий тоннаж, пожалуй, равен тоннажу всех других стран, вместе взятых. Обитатели водных просторов вблизи Кантона не лишены, как иногда говорят, возможности жить на берегу. Лодку можно построить дешевле, чем кирпичный дом, и она не менее удобна; ее легче содержать в чистоте, она не платит арендную плату за землю и не так опасна для огня и воров. Большинство из них строится из ели или сосны и промазывается древесным маслом; швы заделываются ротанговой стружкой и покрываются цементом из масла и гипса. Парусники обычно плоскодонные, с острым носом и управляются огромным рулем, который на мелководье можно поднять через открытые кормовые листы. Якоря из тикового дерева имеют железные наконечники, удерживаемые кокосовыми или бамбуковыми якорными тросами, которые теперь часто заменяются железными цепями и граппелями.[358]

Старая живописная джонка с выпуклым корпусом, высокой кормой и огромными глазами на носу стремительно исчезает на пароходах. Говорят, что ее первоначальная модель - это огромное морское чудовище; зубы на носу и на носу определяют его пасть, длинные доски с каждой стороны носа образуют арматуру головы, на них нарисованы глаза, мачты и паруса - это плавники, а высокая корма - хвост, резвящийся на крыше. Каюты больше похожи на ниши в усыпальнице, чем на жилье для живого пассажира. Команда большую часть времени

живет на палубе и обычно интересуется торговлей судна или собственными приключениями. Трюм разделен на водонепроницаемые отсеки - приспособление, которое имеет свои преимущества, когда судно налетает на скалу, но не позволяет перевозить груз, сопоставимый с его размерами. Огромное количество пассажиров, размещенных на этих судах, приводило к страшным человеческим жертвам, когда они терпели крушение. В феврале 1822 года капитан Перл с английского корабля "Индиана", проходя через Гаспарский пролив, попал под груз и команду затонувшей джонки и спас сто девяносто восемь человек (из тысячи шестисот, с которыми она покинула Амой), которых он высадил в Понтианаке; этот гуманный поступок стоил ему 55 000 долларов.[\[359\]](#)

МОСТЫ В КИТАЕ.

Среди второстепенных архитектурных произведений заслуживают внимания мосты и почетные порталы. Есть все основания полагать, что китайцы были знакомы с аркой с очень ранних времен, хотя и сравнительно мало ее использовали. Некоторые мосты имеют остроконечные арки, другие - полукруглые, а третьи приближаются к форме конского башмака, поперечного сечения эллипса или даже греческой буквы Ω , пространство которой наиболее широкое в верхней части. В некоторых арках арка высока для размещения проходящих под ней лодок; а там, где нет тяжелых вейнов или повозок, пересекающих и разрушающих полотно, ее можно смело делать легкой. Изящным образцом этого класса является сооружение, изображенное на иллюстрации на странице [754](#). Этот мост, хотя и не служит никакой практической цели, является одним из величайших украшений летнего дворца императора Юэнь-мин-Юэнь. Материал - мрамор; его вершина достигает сорока ступенями, круто поднимающимися от моста, и, разумеется, недоступными ни для кого, кроме пешеходов.

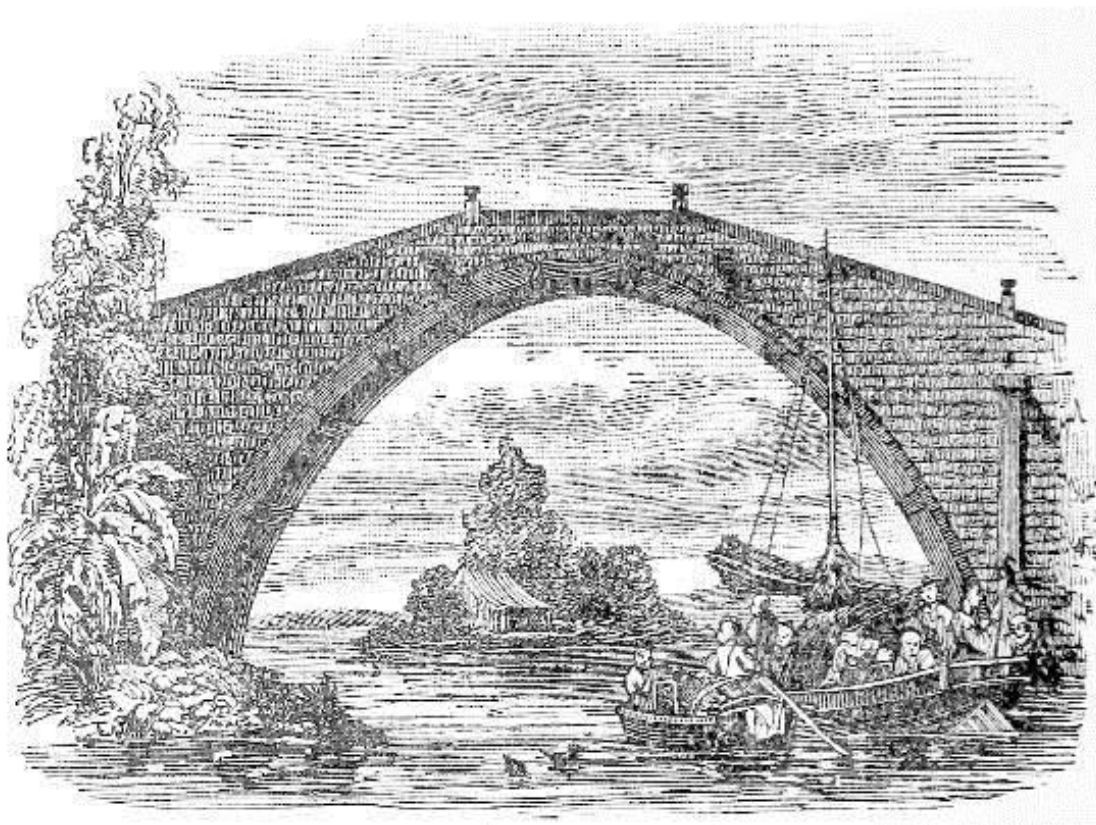
Мост в саду Вань-шао-шань, недалеко от Пекина.

Балюстрады и мощение длинных мраморных мостов в Пекине и Хангчау, некоторые из которых украшены статуями слонов, львов и других животных, производят приятное впечатление, а их прочность и устойчивость к набегающим сверху потокам воды свидетельствуют о мастерстве архитекторов. Деревянные мосты служат средством для переправы через небольшие ручьи во всех частях страны; когда река мощная или приливы и отливы велики, ее пересекают на лодках, скрепленных вместе, с приспособлениями для вытаскивания двух или трех в центре, когда проходящие суда требуют прохода. В Тяньсине, Нинпо и других городах этот способ переправы влечет за собой небольшие задержки по сравнению с его дешевизной. Некоторые из мостов в Пекине и его окрестностях - прекрасные сооружения; их возведение, однако, не представляет собой сложной проблемы, в то время как мост в Фухчау был большим инженерным подвигом. Он имеет около четырехсот ярдов в длину и пять в ширину, состоит почти из сорока массивных контрфорсов из тесаного камня, расположенных на неравных расстояниях и соединенных плитами из гранита; некоторые из этих плит имеют площадь три фута и сорок пять футов в длину. Они поддерживают гранитную мостовую. Раньше на мосту располагались магазины, которые с увеличением интенсивности движения пришлось убрать. Другой подобный мост находится в семи милях к северу от него на реке Мин, а третий такой же важности - в городе Чинчеу, к северу от Амоя. Некоторые горные ручьи и перевалы на западе и севере пересекаются веревочными мостами оригинальной конструкции, а также цепными подвесными мостами.

Мистер Лоури описывает мост в Чангчау, недалеко от Амоя, и эти сооружения более многочисленны в восточных провинциях, чем в других местах. "Он построен на двадцати пяти каменных сваях, расположенных на расстоянии около тридцати футов друг от друга, и, возможно, по двадцать футов в высоту каждая. Большие круглые балки уложены от сваи к свае, а меньшие - поперек самым простым и грубым способом; поверх них насыпана земля, а верх вымощен кирпичом и камнем. Можно предположить, что работа была поручена нескольким разным людям, и каждый выполнял свою часть так, как лучше всего соответствовало его собственному воображению: в укладке не было никакой регулярности. Кирпичи и камень перемешались самым беспорядочным образом, а перила были то деревянными, то каменными. Нас особенно поразила длина некоторых гранитных камней, использованных для мощения моста: один был восемь, другой - одиннадцать, а три других - восемнадцать шагов, или около сорока пяти футов в длину и двух в ширину. Ширина моста составляла в среднем восемь или десять футов, и примерно половину его длины с обеих сторон занимали магазины".^[360]

Девяносто арок пересекают подводный канал Гранд-Канале возле Хангшау. Камни для арки одного моста, замеченного Барроу, были обтесаны так, чтобы образовать сегмент арки, и на каждом конце были врезаны в поперечные каменные блоки, протянувшиеся через весь мост; их длина уменьшалась от десяти футов у источника арки до трех у вершины, а вершинный камень был врезан, как и остальные, в два поперечных блока, лежащих рядом с ним.

^[361]Тенон был коротким, а расположение основных частей таким, что мост, построенный таким образом, не выдержал бы большого веса и не простоял бы много веков. Способ укладки блоков виден на разрезе. В других случаях камни укладываются так же, как в Европе; многие небольшие мосты через ручьи и каналы имеют выпуклые или прямые арки. Когда одно из этих сооружений приходит в упадок или становится опасным, люди редко берутся за устранение повреждений, предпочитая дожидаться правительства; таким образом, они лишаются преимущества самостоятельности и действия.

Мост, демонстрирующий способ врезки в арку.

ПАЙ-ЛАУ, ИЛИ ПОЧЕТНЫЕ ПОРТАЛЫ.

Непонятно, как термин "*триумфальная арка*" стал применяться к китайским *пай-фанг* и *пай-лау*, почетным порталам или табличкам; ведь о триумфе в этой стране, пожалуй, никогда не слышали, и эти сооружения никогда не бывают арочными. Они состоят просто из широких ворот, обрамленных двумя меньшими, и скорее напоминают поворотные ворота с боковыми проходами для пеших пассажиров, чем триумфальный монумент. Они в большом количестве разбросаны по провинциям и воздвигаются в честь выдающихся личностей или офицерами в память о своих родителях, по особой милости императора. Некоторые ставятся в честь женщин, отличившихся целомудрием и сыновним долгом, или вдов, отказавшихся от второго брака. Разрешение на их возведение считается высокой честью, и, возможно, термин "*триумфальный*" был дан им в связи с этим обстоятельством. Экономный и мирный характер таких почестей, оказываемых выдающимся людям в Китае, очень характерен; человеку разрешается построить каменные ворота для себя или своих родителей, а император делает надпись или, возможно, посылает вместе с ней патент на благородство. Их общее устройство показано [на титульном листе](#) этой работы; два иероглифа, *shing chí*, вверху, означающие "священная воля", указывают на то, что они были возведены с разрешения Его Величества.

Некоторые из *пай-лау* искусно украшены резьбой и надписями, а в качестве защиты фриза сверху на него наброшено мощное покрытие из черепицы, которое, однако, подвергает конструкцию опасности пострадать от шторма. Их ставят на видных местах на окраинах городов, на улицах перед храмами или рядом с правительственными зданиями.

Путешественники, ищущие то, о чем они читали, иногда странным образом принимали за почетные порталы проходы в начале улиц или входы в храмы. [362] Те, что построены из камня, скреплены врезными замками и тенонами так же, как и деревянные; их высота редко превышает двадцать или двадцать пять футов. Мастерство и вкус, проявленные в симметрии

и резьбе на некоторых из них, достойны похвалы; но поскольку человек, в честь которого они воздвигнуты, является, по большому счету, "архитектором своей собственной славы", он благоразумно учитывает стоимость этого товара и делает сооружение ниже того, что было бы сделано, если бы его сограждане, "глубоко чувствующие честь", собрались вместе, чтобы назначить комитет и открыть список подписчиков для этой цели. Среди многочисленных *пай-лау* в Пекине и его окрестностях два или три заслуживают упоминания за свою красоту. Один из них находится в Конфуцианском храме перед *Пи-юн-кун* и призван подчеркнуть величие подхода к нему, представляя собой как бы обрамление перед его фасадом. Он построен из камня и облицован квадратной энкаустической плиткой разных оттенков. Расположение цветов, резьба по мрамору и прекрасные пропорции сооружения делают его одним из самых художественных объектов в Китае. Еще один подобный объект построен в Императорском парке, но его расположение не столь удачно. Фергюссон отмечает сходство между этими *пай-лау* и некоторыми индуистскими воротами и утверждает, что Индия послужила образцом для подражания. Вопрос о приоритете вряд ли поддается доказательству, но его фантазия о том, что большой *пай-лау* на одной из улиц Амоя представлял собой имитацию гроба над главным карнизом, заставляет нас подозревать, что он искал то, что никогда не было на уме у строителя.

ВОЕННАЯ АРХИТЕКТУРА-ПЛАТЬЕ.

Строительство фортов и башен не представляет собой ничего достойного внимания, поскольку нет никаких других свидетельств науки, кроме тех, что демонстрирует возведение линий массивных каменных стен. Портовые отверстия слишком велики для защиты, а парапет слишком мал, чтобы противостоять современным ракетам. Китайская идея укрепления - это стена вдоль кромки воды, с амбразурами и бойницами, и обычная стена на суше, без отверстий и парапетов, ограждающая территорию, на которой в нескольких домах размещается гарнизон и боеприпасы. Некоторые из них, возведенные в местах слияния ручьев, пробиты со всех сторон; другие спланированы настолько ненаучно, что стены можно поднять под такими углами, что ни одна пушка не сможет подставиться под удар. Башни представляют собой прямоугольные строения из кирпича на каменном фундаменте, сорок футов в квадрате и пятьдесят или шестьдесят в высоту, в которые можно попасть по лестнице через дверь, расположенную на полпути вверх.

Крепости в окрестностях Кантона, вероятно, одни из лучших в Империи, построены без фосов, бастионов, ледников или какой-либо контрзащиты. И расположение, и размещение одинаково неудачны: одни квадратные, к ним можно подойти без опаски; другие круглые с внешней стороны, но с открытыми флангами или тылом; третьи построены на склоне холма, как фунт, так что гарнизон, если его сгонят с бойниц, вынужден бежать вверх по склону на полном расстоянии от огня противника. Ворота находятся сбоку, они не защищены рвом, разводным мостом или портулисом и плохо обороняются пушками на стенах или на территории позади. В целом пункты, выбранные для фортов, свидетельствуют о непонимании истинных принципов обороны, хотя некоторые из них можно отметить как занимающие выгодные позиции.

В последнее время грязевые оборонительные сооружения и батареи из мешков с песком оказались гораздо более надежной защитой от кораблей и артиллерии, чем подобные постройки, и свидетельствуют о склонности народа к практическим действиям. Хотя китайский солдат не отличается особой решительностью на поле боя, он хорошо держится за оружие, когда находится за укреплением, в прочности которого он уверен. Форты, которые

недавно были построены под руководством европейских инженеров, быстро занимают место местных сооружений во всех частях страны.

Одежда, как и другие вещи, претерпевает в Китае свои изменения, и моды меняются там так же, как и в других странах, но они не столь стремительны и не столь разительны, как у европейских народов. Полный костюм обоих полов, в общем, удобен и изящен, сочетая в себе все цели тепла, красоты и легкости, которые только можно пожелать, за исключением бритой макушки и заплетенной косы у мужчин и искалеченных ног у женщин, в обеих модах они не столько возмущают природу, сколько уродуют себя. На этот счет существуют разные вкусы, и некоторые предпочитают облегающее платье европейцев свободным одеждам азиатов; но, привыкнув к последним, можно согласиться с критикой, что европейский мужской костюм - это "загадочное сочетание неудобного и неживописного: жаркий летом и холодный зимой, бесполезный для защиты от дождя или солнца, жесткий, но не простой, голый, но не простой, не долговечный, не статный и не дешевый". Китайское платье в целом остается неизменным на протяжении веков, а одежда из меха или шелка передается от родителей к детям без опасения привлечь внимание своими старинными формами. Самые носимые ткани - шелк, хлопок и травяная ткань для лета, с добавлением мехов и шкур зимой; шерстяные используются редко, и почти все иностранного производства.

Парикмахерское заведение, демонстрирующее также одежду простых людей.

РАЗНООБРАЗИЕ И МАТЕРИАЛ ОДЕЖДЫ.

Основными предметами одежды являются внутренние и внешние туники различной длины из хлопка или шелка, доходящие ниже поясницы или до ног; отворот с правой стороны откидывается на грудь и плотно облегает шею, которая остается непокрытой. Рукава гораздо шире и длиннее рук, не имеют манжет или обшлагов и в большинстве случаев служат карманами. Китаец, вместо того чтобы сказать "он положил книгу в карман", скажет "он положил ее в рукава". В церемониальных одеяниях конец рукава напоминает лошадиное копыто, и хорошее воспитание требует, чтобы рука сидя была в таком положении, чтобы демонстрировать манжету. В теплую погоду считается достаточным одно верхнее одеяние, зимой же можно надеть джунину без всякого неудобства, и такое количество иногда можно увидеть на людях, занимающихся сидячей работой, или на тех, кто сидит на воздухе. В последнее время нижнее белье из фланели стало распространенным среди хорошо одетых людей, которым нравится трикотажная ткань, такая плотно прилегающая и теплая. Нижние конечности защищены сравнительно слабо; пара свободных брюк, прикрытых до колен матерчатыми чулками, является обычной летней одеждой; зимой на них натягиваются плотные гамашы, которые прикрепляются к поясу петлями; поскольку брюки довольно объемные, а китель короткий, излишек показывается сзади из-под этих гамашей довольно неприятным образом. Джентльмены и офицеры всегда носят халат с распахнутой по бокам юбкой, которая скрывает этот промежуток нижней одежды. В качестве цвета верхней одежды предпочитают различные оттенки баффа, пурпура или синего.

Обувь сделана из шелка или хлопка, обычно вышита для женской одежды красным и другими цветами. Подошва из войлока, иногда из бумаги внутри войлока, а снизу защищена шкурой. Эта обувь сохраняет ноги сухими и не охлажденными на плитке или земле, так что можно сказать, что китаец действительно носит пол своего дома под ногами, а не кладет его на землю. Толстые подошвы заставляют для удобства ходьбы закруглять их концы, что сковывает пальцы ног в таком неудобном положении, что все ходят небрежно, кому это удобно. Стоимость хлопчатобумажного костюма не превышает пяти долларов, а полный шелковый, самых ярких цветов и из лучших материалов, можно легко приобрести за двадцать пять или тридцать. Стеганные хлопчатобумажные одежды очень распространены, они сделаны таким образом, что защищают от холода всего человека и избавляют от необходимости разжигать костры. На севере халаты из овечьих шкур служат не только одеждой, но и постелью, а их долговечность надолго делает их более желанными, чем тканые ткани.

Древние китайцы носили длинные волосы, завязанные на макушке, несколько в духе люйчжуанов, и, гордясь их блестящим черным цветом, называли себя *черноволосой расой*. Но в 1627 году маньчжуры, владевшие тогда только Ляотунгом, издали приказ, согласно которому все подчиненные им китайцы должны были под страхом смерти принять их прическу как знак верности; мода, начатая таким образом по принуждению, теперь соблюдается по выбору. Передняя часть головы выбрита до макушки, а волосы заплетены в одну косу сзади. Рабочие часто наматывают ее на голову или завязывают в клубок, когда едут верхом или работают. Размер косы может быть увеличен за счет дополнительной линии роста волос; внешний вид, который она придает носителю, описан г-ном Даунингом, и эта цитата не является несправедливым примером замечаний путешественников о Китае: "В гостинице один из официантов был одет своеобразно в отношении головы. Вместо того чтобы сбрить волосы спереди, он обрезал их вокруг лба на полтора дюйма. Вся остальная часть была закручена, как обычно, и заплетена сзади в косичку. Затем этот тонкий полукруглый гребень волос был придан вертикальное положение, а поскольку каждый

волосок был отдельным и жестким, как щетина, в целом выглядел как очень тонкий гребень, повернутый вверх. Я представил, что так обычно украшают голову одинокие незанятые молодые люди, и, конечно, это должно быть очень привлекательно". Таким образом, то, что владеец считал некрасивым и собирался заплести в косу, как только она станет достаточно длинной, здесь воспринимается как способ украсить себя в глазах тех, кого он никогда не видел и не хотел видеть.

Трюки с очередью.

Люди очень любят длинную густую косу, время от времени разыгрывают друг друга с ее помощью, а также используют ее как готовое средство для исправления; но ничто не раздражает их больше, чем отрезание. Мужчины и женщины чаще ходят с голой головой, чем с покрытой, защищаясь от солнца веером; зимой от холода их защищают войлочные или шелковые тубетейки, капюшоны и мех. Рабочие укрываются от дождя под шляпой-зонтиком и гротескной соломой из листьев, аккуратно пришитых к грубой сети - очень эффективное средство для этой цели. В подтверждение замечания, сделанного в начале этой главы, можно добавить, что если бы такие шляпы не носили на голове, их бы называли подносами, настолько они не похожи на английское изделие с таким названием. Официальным головным убором является коническая соломенная или фетровая шляпа, столь характерная для этой нации, обычно покрытая красной бахромой из шелка или шерсти.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ.

Различные формы, ткани, цвета и орнаменты платьев, которые носят офицеры, регулируются законами о сумбуре. Цитронно-желтый цвет отличает императорскую семью, но одежда Его Величества менее вычурна, чем у многих придворных, а во всем, что относится к его личному пользованию, прослеживается пренебрежение к орнаменту. Пятиглавый дракон изображен на одежде и на всем, что относится к императору, а также на некоторых вещах членов его семьи. Монархи Китая раньше носили корону с плоским верхом, по форме напоминающую кантабскую шапочку, с рядом драгоценных камней, свисающих с каждой стороны. Летний офицерский чепец сделан из тонко сплетенной соломы, покрытой красной бахромой; зимой

он оторочен мехом. Нитка бус, висящая на вышитом халате, круглый набалдашник на шапке, атласные сапоги на толстой подошве, два-три мешочка для веера или палочек для еды, а иногда и часы или двое, висящие на поясе, - вот основные отличия официального костюма от плебейского. Ни одна компания мужчин не может выглядеть более великолепно, чем большая партия офицеров в их зимних одеждах из тонкого блестящего дерматина, отороченных богатым мехом и украшенных яркой вышивкой. Зимой поверх мантии надевается шелковый или меховой спенсер, который является красивой и теплой одеждой. Широко используются бараньи шкуры и пуховые шубы неагнят, которые, наряду с более тонкими мехами и шкурами зайцев, диких кошек, кроликов, лисиц, волков, выдр, белок и т. д., носят все чины. Несколько лет назад по улицам Кантона расхаживал парень, который представлял собой странное зрелище в длинном спенсере из тигровой шкуры. Китайцы любят сильные контрасты в цветах своей одежды: иногда под светло-голубой халат надевают желтые гамаши, которые дополняют пурпурным спенсером.

КОСТЮМЫ КИТАЙСКИХ ЖЕНЩИН.

Женское платье так же мало подвержено колебаниям, и все сословия могут быть уверены, что мода продержится столько же, сколько и платье. Одежда обоих полов среди простого народа больше похожа друг на друга, чем в Западной Азии. Туника или короткое платье открыто спереди, застегивается на шее и под мышкой, доходит до колен, по своей форме напоминает платок-фрак. Шаровары у низшего сословия обычно носят поверх чулок, а в торжественных случаях их прикрывают подъюбником, достигающим до ног. Работающие женщины, чьи ноги остались естественного размера, в теплых широтах ходят босиком или в туфлях, но дальше к северу тщательно прикрывают ноги. В одежде обоих полов наблюдается недостаток белья - если китайцы и не бесформенная, то уж точно безрукавная раса, а те нижние одежды, которые у них есть, не слишком часто стираются.

Головной убор замужних женщин выглядит изысканно и даже элегантно. Обильные черные волосы завязываются на голове в узел овальной формы, который закрепляется широкой шпилькой, расположенной по длине, и скрепляется более короткой, вставленной поперек и под бант. Волосы убирают со лба в узел и немного приподнимают спереди, начесывая их на палец; для придания гладкости локоны проводят через смоляную стружку, смоченную в теплой воде, что также придает дополнительный блеск, однако, ценой травмирования волос. Перед узлом часто вставляют трубку, в которую можно поместить цветы. Обычай носить их почти повсеместен, причем свежие цветы предпочитают, когда их можно достать, а искусственные - в другое время. При отсутствии покрывала на голове есть больше возможностей, чем на западе, продемонстрировать красивые приспособления для укладки волос. Вдову можно узнать по белым цветам, девицу - по одной или двум косичкам вместо узла, и так далее; в своем бесконечном разнообразии форм и орнаментов головные уборы китайских женщин служат источником постоянного изучения. Мистер Стивенс рассказывает, что оживленный вид густой толпы, собравшейся на мосту и на берегу реки в Фухау, когда он проезжал мимо в 1835 году, еще больше оживляли цветы, которые носили женщины.

ПРОЦЕССИЯ ДАМ В РОДОВОЙ ХРАМ.

Матроны носят на лбу вышитую косынку шириной в дюйм или более, заостренную между бровями и закрывающую волосы спереди, но не скрывающую лысину, которая часто рано появляется из-за используемого смолистого бандолина. Эта косынка вышита или украшена жемчугом - любимое украшение китайских дам. Женщины вдоль реки Янцзы носят вокруг головы полосу меха, которая облегчает их бесцветный цвет лица. Летом распространен заменитель чепца - плоский кусок соломы, отороченный бахромой из синей ткани. Волосы детей распущены, но девочки более развитые позволяют боковым локонам достигать до талии и заплетают локон на шее; их грубые волосы не вьются, и красивая пышность локонов и колец, которую можно увидеть в Европе, здесь совершенно неизвестна. Ложные волосы используются обоими полами, мужчины особенно любят вытягивать свои косы до максимальной длины. Перчаток не носят, длинные рукава обеспечивают тепло; на севере уши защищают от замерзания с помощью ушных вкладышей, выстланных мехом, и часто снабженных снаружи крошечным смотровым стеклом.

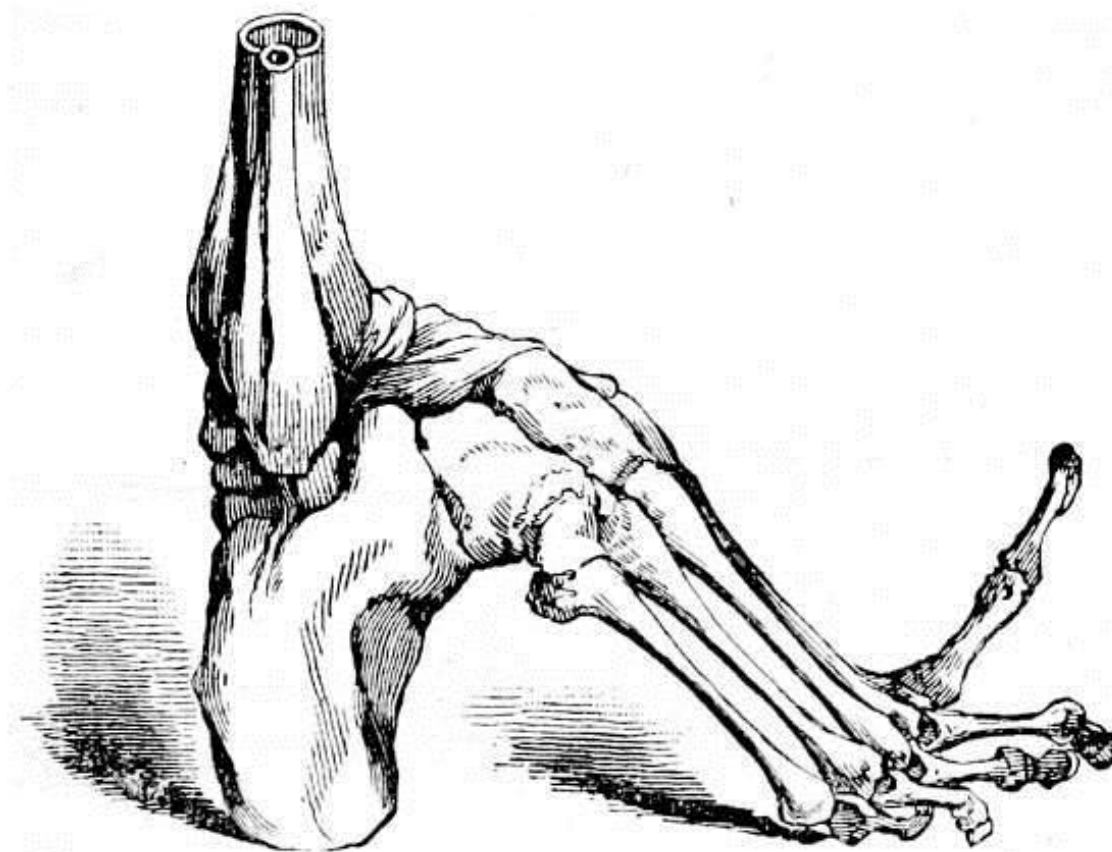
Одежда джентльменов, как и их мужей, регулируется законами о роскоши, но ничто из этого не мешает им быть настолько великолепными, насколько это возможно благодаря богатым шелкам, ярким цветам и красивой вышивке. Шею халата защищает жесткая лента, а рукава большие и длинные, в отличие от обычного фасона, который, будучи коротким, позволяет свободно использовать и демонстрировать хорошо вывернутую руку. Официальная вышивка, полагающаяся мужу, заменяется на другую, соответствующую тому же рангу, на халате жены. Не видно ни пояса, ни кушака, ни ремней, которые сжимают талию и наносят ей вред. Одной из самых красивых частей женского платья является подъюбник, который появляется примерно на фут ниже верхнего халата, закрывающего ноги. Каждая сторона юбки заплетается шесть раз, а спереди и сзади к ней прикрепляются два куса бакрама; косички и передние части скрепляются проволокой и подкладкой. Вышивка сделана на этих двух кусах и косичках таким образом, что при ходьбе ноги попеременно открывают и закрывают их с каждой стороны, обнажая часть или всю фигуру двух разных цветов, как показано [на рисунке](#). Косички устроены таким образом, что они одинаковы, если смотреть на них спереди или сзади, и эффект более элегантен, когда цвета хорошо контрастируют.

Для того чтобы добиться этого, косы закрывают ноги, в отличие от более широкой юбки западных женщин.

Китайцы носят меньше украшений, чем другие азиатские народы. Мужчины подвешивают к лацкану пиджака нитку ароматных бус вместе с кисетом для табака, иногда носят перстни с печатью, перстни на пальцах и браслеты из страз, камня или стекла. По закону им запрещено носить оружие любого вида. Женщины носят браслеты, браслеты и кольца из стекла, камня и металла; большинство из этих аксессуаров считаются скорее амулетами, отгоняющими дурное влияние, чем просто украшениями. К лицам детей прикрепляются талисманы, такие как ароматические мешочки, старые монеты и кольца, и мало кто из взрослых осмеливается прожить жизнь без какого-либо оберега такого рода; не известны, однако, ни священная нить или мазок глины, как в Индии, ни изображение святого или другая статуэтка, как в странах Римской империи. Станный обычай носить длинные ногти практикуют сравнительно немногие; и хотя мужчина или женщина с такими придатками не считались бы необычными, у воспитанных людей это не считается хорошим вкусом. Педантичные ученые носят их больше, чем представители других профессий, чтобы показать, что они выше ручного труда; но самый длинный набор, который когда-либо видел писатель, был, как ни странно, на пальцах плотника, который таким образом показывал, что он не обязан использовать свои инструменты. Изящные дамы защищают их серебряными ножнами.

СПОСОБ СЖИМАТЬ НОГИ.

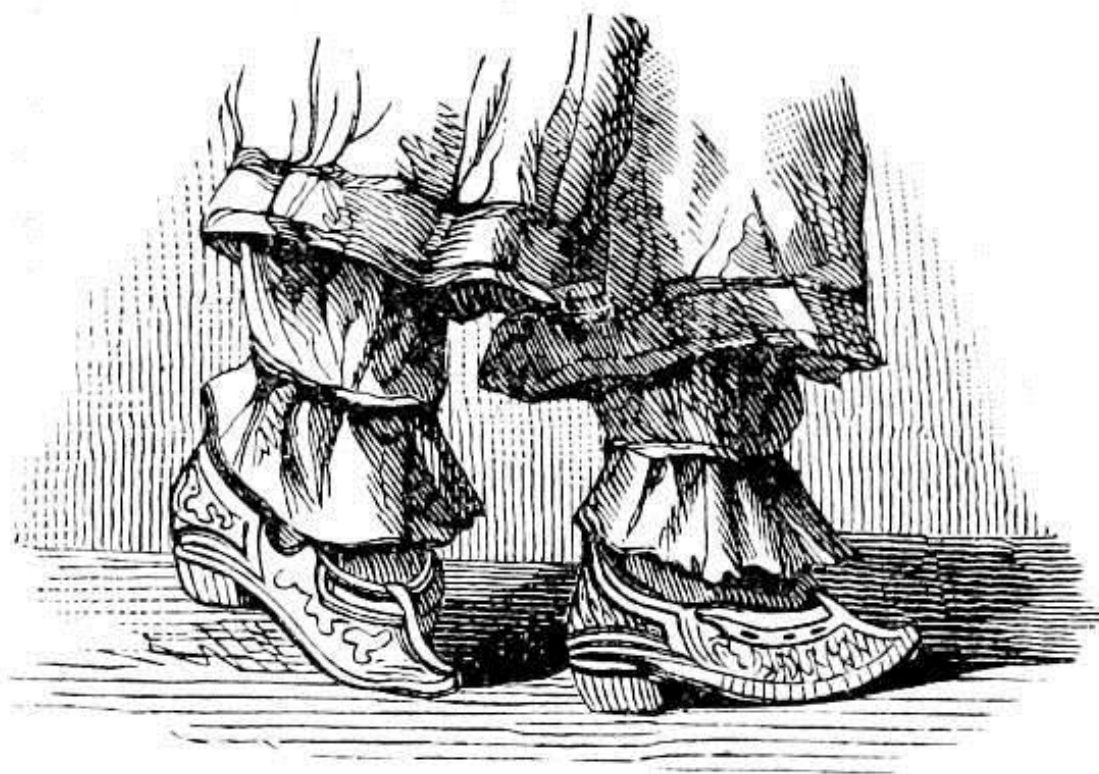
Практика сжимания ступней, насколько удалось выяснить, скорее неудобна, чем опасна, поскольку среди многих тысяч пациентов, получивших помощь в миссионерских больницах, лишь немногие оказались больны именно этим недугом. Существуют различные мнения относительно его происхождения. Одни утверждают, что она возникла из-за желания таким образом снять порицание с косолапых ног популярной императрицы, другие - что она постепенно вошла в обиход из-за большого восхищения и попыток подражать изящным ножкам, третьи - что она была навязана мужьями, чтобы удержать своих жен от блужданий.^[363] Как бы то ни было, его внедрение происходило постепенно и не без сопротивления. Его практикуют все слои общества, кроме маньчжуров и татар, как бедные, так и богатые (ведь никто не настолько беден, чтобы не желать быть модным); и так привыкают к нему после проживания в стране, что хорошо одетая дама с большими ступнями кажется денационализированной. Определенного возраста, в котором следует начинать операцию, не существует, но в семьях с легким достатком бинты накладывают до пяти лет, в остальных случаях - до обручения или до семи-восьми лет. Вся операция проводится, а форма сохраняется с помощью бинтов, которые никогда не снимаются и не закрываются чулками; железные или деревянные башмаки не используются, поскольку цель состоит скорее в том, чтобы предотвратить рост ног, чем сделать их меньше.

Внешний вид костей стопы при сжати.

Хорошее представление о последствиях такой практики дает статья, опубликованная в журнале Transactions of the Royal Society of London, написанная доктором Купером, который подробно описывает внешность, представленную при вскрытии. Нога принадлежала человеку, живущему низкой жизнью; ее длина составляла пять с четвертью дюймов, что на целых восемнадцать линий больше самого модного размера. Большой палец на ноге был загнут вверх и назад, а второй подвернут под него и поперек, так что его конечность достигала внутреннего края стопы. Третий палец несколько перекрывал второй, но лежал менее косо и доходил до первого сустава большого пальца. Шарик большого пальца, сильно уплощенный, отделял эти два пальца от четвертого и пятого. Четвертый палец простирался косо внутрь под стопой, но меньше, чем маленький палец, который проходил под и почти поперек стопы, и был связан так сильно, что сгибал предплюсневую кость. Спинная часть стопы была сильно изогнута, а глубокая трещина пересекала подошву и разделяла пятку и маленький палец, как будто два конца стопы были сведены вместе; она была заполнена на протяжении трех дюймов очень уплотненной клеточной тканью; высота предплюсны составляла три с половиной дюйма. Пяточная кость, которая, естественно, образует значительный угол с лодыжкой, находилась на одной прямой с костями ноги; сама пятка была большой и плоской, покрытой особенно плотной клетчаткой и образующей вместе с концом плюсневой кости большого пальца ноги и двумя самыми маленькими пальцами, согнутыми под подошвой, три точки осязания при ходьбе. Когда операция начинается раньше, и кости становятся более гибкими, четыре пальца сгибаются под стопой, и только большой палец ложится сверху. Развитие икроножных мышц сдерживается, нога укорачивается от колена вниз, хотя особой слабости в конечности нет. Внешний вид деформированного члена, когда он раскрыт, шокирует: он лишен пропорций и красоты, покрыт морщинистой и безжизненной кожей, как рука прачки. Удивительно, как кровообращение поддерживается в члене без боли или истощения; естественно

предположить, что если бы к нему поступали питательные вещества, то он бы рос до достижения зрелости, и, следовательно, возникали бы постоянные боли, или же он был бы разрушен или деформирован из-за недостатка питательных веществ.

Ноги китайских дам.

Походка этих жертв моды может быть имитирована человеком, идущим на каблуках. Женщины, идущие в одиночестве, размахивают руками и шагают быстро и коротко, пожилые женщины, когда это возможно, пользуются зонтиком или опираются на плечо парня или служанки - буквально делают из них трость для ходьбы. Говорят, что поначалу боль бывает сильной, и время от времени в подошве ощущается рецидив; но очевидная свобода от страданий, которую демонстрируют маленькие девочки, которых можно увидеть гуляющими или играющими на улицах, доказывает, что количество страданий и вредных последствий для жизни и здоровья, возможно, не так велико, как принято считать. Иное дело, когда девочка становится жертвой только в возрасте десяти или более лет. Тогда пальцы на ногах подгибаются, и стопа втискивается в самые узкие рамки; агония, возникающая из-за скованности мышц и изжоги плоти, ужасна, а форма члена, даже в глазах китайцев, является бурлеском на прекрасную миниатюрность, столь желанную.

Форма женской туфельки.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ МОДЫ.- ЖЕНСКАЯ ОБУВЬ.

За границей преобладает мнение, что только дочери богатых или ученых платят эту цену даме Моде. На самом деле среди зажиточных слоев населения их больше, а в южных провинциях, расположенных вблизи рек, немодные составляют, пожалуй, половину всего населения; ведь те, кто живет в лодках, и все, кто в ранней жизни, возможно, жил на воде или на фермах, а также девочки-рабыни, проданные в младенчестве в качестве прислуги, обычно остаются в счастливой, хотя и малоподвижной свободе природы. Внимательное наблюдение в северных провинциях показывает, что этот обычай широко распространен среди бедняков, чьи ступни, однако, обычно не так малы, как на юге. Иностранцы по прибытии в Кантон или Фухау, видя на лодках и на улицах столько женщин с естественными ногами, удивляются, где же те самые "маленькие ножки Небожителей", о которых они слышали; единственные образцы, которые они видят, - это несколько крошек на обочинах дорог, чинящих одежду. По мере продвижения к Мейлингу пропорция увеличивается. У всех женщин, обратившихся в больницу в Чусане в 1841 году, а их было восемьсот или тысяча, ноги были в большей или меньшей степени сведены судорогой; некоторые из них прошли несколько миль до больницы и вернулись домой в тот же день. Хотя операция может быть

менее болезненной, чем это представляется, люди настолько привыкли к ней, что большинство мужчин отказались бы жениться на женщине, чьи ноги не соответствуют естественному размеру; а мужчина, который обнаружит, что у его невесты большие ноги, хотя он ожидал маленькие, будет оправдан, если сразу же отправит ее обратно к родителям. *Кин лиен*, или "золотые лилии", желанны как знак благородства; надежда стать одним из старшего десятка и избежать грубости и тяжелой работы, присущей низшему классу, далеко, чтобы укрепить даже детей, чтобы вынести боль и потерю свободы, вытекающие из этой практики. Секрет распространенности этого жестокого обычая - любовь к легкости и похвале; и не раньше, чем принципы христианства распространятся, он прекратится. В Пекине, где маньчжуры продемонстрировали преимущества природы над модой, пример их женщин на протяжении двухсот пятидесяти лет, при поддержке искренних усилий великого императора Канхи, не оказал ни малейшего влияния на то, чтобы побудить китайских дам отказаться от этого. Туфли сделаны из красного шелка и красиво расшиты; но никто из знакомых с китайским обществом не скажет, что "если дама когда-нибудь нарушает запрет на демонстрацию своего лица, она выставляет свои ноги как самые верные дрючки, которыми можно поразить сердце влюбленного!"[364]

Косметика используется женщинами, нанося серьезный вред коже. В торжественных случаях лицо полностью покрывают белой краской, а на губы и щеки наносят румяна, придавая физиономии необычный накрахмаленный вид. Девушке, украшенной таким образом, не нужен веер, чтобы скрыть румяна, ведь их не видно сквозь краску, а глаза - единственный показатель эмоций. Брови чернят обугленными палочками, вытягивают дугой или сужают, чтобы они напоминали зарождающийся ивовый лист или впервые увиденную луну - как в балладе, переведенной мистером Стентом, где красавица изображена обладающей

Брови в форме листьев ивы

Опускаясь над "осенними ветрами".

Миндалевидная форма, жидкая яркость,

Это были глаза Ян-куэй-фэй.[365]

О красавице говорят, что у нее щеки как миндальный цветок, губы как персиковый цвет, талия как ивовый лист, глаза яркие, как танцующая рябь на солнце, а шаги как цветок лотоса. Женщины уделяют много времени и заботы своему туалету, но если у представительниц высшего класса есть хоть что-то похожее на разнообразие домашних обязанностей, которые выполняют их сестры в обычной жизни, у них остается мало свободного времени на излишнее украшательство. Если драмы дают представление о нравах и занятиях китайцев, они не дают понять, что большую часть времени благовоспитанные дамы проводят в безделье или одежде.

ТУАЛЕТНЫЕ ПРАКТИКИ.

Для туалета китаец использует тазик с теплой водой и тряпку, и, по меткому замечанию, он никогда не выглядит таким грязным, как при попытке вымыться. Бритьем занимается цирюльник, потому что ни один человек не может побрить макушку. Усы никогда не носят даже те немногие, у кого они есть, а усы не считаются уместными для мужчин моложе сорока. Табакерки и трубки носят и используют представители обоих полов, но жевать бетель-орех принято только у мужчин, которые, однако, стараются, чтобы их зубы оставались белыми. Среди декоративных предметов одежды ни один не требует столько затрат и стиля,

как флакон для нюхательного табака, который часто вырезается из камня, янтаря, агата и других редких минералов с самым изысканным вкусом. Табакерку набирают ногтем большого пальца с помощью ложечки, прикрепленной к пробке, - более чистый способ, чем европейский способ "щипать".[366]

Предметы питания, которые едят китайцы, а также порядок и церемонии, сопровождающие их пиршества, во многом способствовали тому, чтобы придать им тот странный характер, который они носят за границей, хотя неопрятные или неаппетитные яства составляют ничтожно малую часть их пищи, а торжественные пиры - не один из тысячи их трапез. Путешественники так часто рассказывают о супе из птичьих гнезд, собачьих окороках и фрикасе из грималкина, крысах, змеях, червях и других кулинарных новинках, подаваемых столь же странным образом, что у их читателей создается впечатление, что эти продукты составляют такую же большую часть пищи, как и их описание в рассказе. В целом, рацион китайцев достаточно разнообразен, полезен и хорошо приготовлен, хотя многие блюда невкусны для европейца из-за растительных масел, используемых в их приготовлении, и аллергенных растений, введенных для их ароматизации. Об ассортименте блюд Барроу справедливо заметил, что "разница между богатыми и бедными в Китае, пожалуй, больше, чем в любой другой стране. Богатство, которое, если бы оно было разрешено, было бы потрачено на удовлетворение тщеславия его обладателей, теперь используется для покупки лакомств, чтобы побаловать аппетит".

Доля животной пищи у китайцев, вероятно, меньше, чем у других народов, живущих на той же широте: одно блюдо рыбы или мяса, а иногда и то, и другое, - обычное довольствие на столах бедняков. Рис, кукуруза, итальянское просо и пшеница составляют большую часть зерновой пищи; первый из них является основным жизненным продуктом и считается незаменимым на всей земле. О его длительном использовании свидетельствует количество терминов, используемых для его описания, и разнообразие упоминаний о нем в общепринятых выражениях. *Принять пищу* - это *chih fan*, "есть рис", а приветствие, эквивалентное "как дела?", - *chih kwo fan?* "Вы ели рис?". Зерно очищают от кожицы деревянными пестиками, которые работают в ступке с помощью рычагов, либо водяного колеса, либо, что чаще, волов или людей. Его очищают, протирая в глиняной посуде, зачищенной изнутри, и варят на пару в неглубоком железном котле, частично наполненном водой, над которым на каркасе стоит корзина или сито с рисом; деревянная посуда накрывает все это и удерживает пар. Благодаря этому процессу зерна тщательно провариваются, не образуя пастообразной массы, как это часто бывает при варке риса поварами в христианских странах. Хлеб, овощи и другие продукты готовятся аналогичным образом; четыре или пять сит, каждое из которых заполнено и хорошо прилегает друг к другу, ставятся на котел и накрываются крышкой; в воде внизу, которая подает пар, одновременно варится мясо или другие вещи. Из пшеничной муки варят лепешки, клецки и другие изделия, но не пекут хлеб. Кукурузу, гречку, овес и ячмень не перемалывают, но зерно готовят по-разному, отдельно или в смеси с другими блюдами. Итальянское просо, или канареечное семя (*Setaria*), дает большое количество питательной зерновой пищи на севере; мука желтая и сладкая, ее варят или пекут для еды, часто приправляют сливами джуджуб в пирогах. Выращивать ее легко, а обильный урожай в некоторой степени компенсирует мелкие семена; в хороший сезон на одном колосе можно насчитать десять тысяч зерен.

ОВОЩИ, КОТОРЫЕ ЕДЯТ КИТАЙЦЫ.

Китайцы имеют длинный список кулинарных овощей, и большая часть их сельского хозяйства заключается в их выращивании. Бобовые и крестоцветные растения занимают большую часть огорода; выращивается более двадцати сортов гороха и фасоли, некоторые

из них идут на корм верблюдам и лошадям, но в основном - людям. Соя производится путем варки бобов и смешивания воды, соли и пшеницы, а также путем брожения с помощью дрожжей; по качеству она уступает иностранной. Другая более распространенная приправа, называемая бобовым творогом или бобовым джемом, готовится путем варки и измельчения черных бобов и смешивания муки с водой, гипсом и куркумой. Потребление капусты, брокколи, кейла, цветной капусты, кресс-салата, колеуса и других крестоцветных растений огромно; для их приготовления, сохранения и улучшения используются самые разнообразные способы. Листья и стебли многих растений, помимо этих, входят в состав зелени, и полное их перечисление составило бы любопытный список. Латук, осот (*Sonchus*), шпинат, сельдерей, одуванчик, соккори, сладкий базилик, имбирь, горчица, редис, полынь, амарант, такка, свиная трава (*Chenopodium*), бурслан, пастушья сумка, клевер, айлант и другие растения, не имеющие английских названий, - все они поставляют зеленые листья на китайский стол. Чеснок, лук-порей, лук-шалот, репчатый лук и шнитт-лук едят все сословия, их можно обнаружить на всех лицах, а запах ощущается во всех помещениях, где едят или готовят. Морковь, тыква, кабачки, огурцы, арбузы, помидоры, репа, редис, бринджал, тыква, огурцы и т. д. входят в список огородных овощей; разнообразие бахчевых растений достигает почти двадцати видов. Большинство из этих овощей уступают тем же товарам на рынках западных городов, где наука улучшила их размер или вкус. Список пополняют несколько водных растений, среди которых нелумбия, покрывающая обширные болота в восточных и северных провинциях, в остальном неприглядные и бесплодные. Корень длиной два-три фута, пронизанный продольно несколькими отверстиями; в вареном виде он желтоватого цвета и сладковатого вкуса, не похож на репу. Таро используется меньше, чем нелумбия, а также водяные калтропы (*Trapa*) и водяные каштаны. Вкус водяных тропиков в вареном виде напоминает вкус нового сыра; водяные каштаны - это круглые корни осоки, которые напоминают этот плод больше по цвету, чем по вкусу, который мучнистый и хрустящий. Сладкий картофель - самый распространенный клубень; хотя ирландский картофель культивируется уже десятки лет, он не стал обычным овощем среди людей, за исключением границ Монголии.

РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СТОЛОВЫЕ ФРУКТЫ.

Каталог фруктов включает в себя большинство из тех, что встречаются в тропическом и умеренном поясах, а Китай, вероятно, является самой ранней родиной персика, сливы и груши. Груши крупные и сочные, иногда достигают веса в восемь или десять фунтов; белая и земляничная груша не уступают ни одному западному сорту. Яблоки довольно сухие и невкусные. Персики, сливы, айва и абрикосы лучше, и у них много хороших сортов. Вишня почти неизвестна. Апельсин - распространенный фрукт на юге, и корзины, прилавки и груды этих золотистых плодов, смешанных с другими сортами и овощами, которые зимой выстраиваются вдоль улиц Кантона и Амоя, представляют собой прекрасное зрелище. Широко культивируются многие виды цитрусовых, такие как лимон, кумкут, пумело, цитрон и апельсин. Самый вкусный - *чу-ша ких*, или "мандариновый апельсин"; кожура, когда созреет, имеет киноварно-красный цвет и прикреплена к мякоти несколькими рыхлыми волокнами. Цитрон больше ценится за аромат, чем за вкус, и толстую кожуру время от времени делают более обильной, разрезая ее на полоски, когда она растет, каждая из которых становится округлым концом, похожим на палец, откуда и название *Фух шао*, или "рука Будды", данное ему. Он остается неповрежденным в течение двух-трех месяцев, распространяя приятный аромат.

Глава VI. содержит краткие сведения о других фруктах. Банан и хурма широко распространены, и для каждого из них перечислено несколько сортов; подорожник едят

сырым и вареным, и он составляет большую часть пропитания бедняков. Гранат, карамбола или древовидный крыжовник, манго, заварное яблоко, сосновое яблоко, розовое яблоко, хлебный фрукт, инжир, гуава и олива, некоторые из которых так же хороши, а другие уступают тем, что можно найти в других странах, увеличивают список. *Виампе*, *личи*, *лунган*, или "глаза дракона", и *локват* - это местные названия четырех местных фруктов в Кантоне. *Кукуа* (*Cookiea*) по размеру напоминает виноград, а по вкусу - крыжовник; локват или *лебо* (*Eriobotrya*) - разновидность мушмулы. Личи по размеру и форме напоминает клубнику; жесткая, грубая красная кожица заключает в себе сладкую водянистую мякоть беловатого цвета, окружающую твердое семя. Винограда много и он дешев; в северных городах его сохраняют в течение зимы и даже до мая, постоянно следя за температурой.

Каштаны, грецкие орехи, земляные орехи, филберты (*Torreya*), миндаль, а также семена салисбурии и нелумбии - самые распространенные орехи. Китайский финик (*Rhamnus*) имеет сладковатую, кисловатую мякоть; оливу солят или маринуют; названия обоих этих фруктов даны им из-за сходства с западными сортами, так как ни финик, ни олива не растут в Китае. Из семян арбута (*Myrica*) готовят приятное сладкое мясо, похожее на клюкву, а из разновидности ястреба - еще более кислое; оба плода идут на экспорт.

Консервированные фрукты - обычное дело, а список сладостей и деликатесов пополнился множеством кореньев, часть из которых сохраняется в сиропе, а часть - в виде конфитов. Имбирь, корни нелумбии, побеги бамбука, обычный картофель и другие овощи готовятся как для экспорта, так и для внутреннего потребления. Туземцы потребляют огромное количество солений низкого качества, особенно капусты и лука, но иностранцы считают их отвратительными. Китайцы употребляют мало специй; черный перец используется в медицинских целях в виде чая, а кайенский перец - когда стручок зеленый.

Для приготовления пищи повсеместно используются масла и жиры: сырое сало или свиной жир, касторовое масло, кунжутное масло, масло, получаемое из двух видов камелии и земляного ореха, - все они применяются в бытовых и кулинарных целях. Китайцы почти не употребляют молока, масла и сыра; сравнительно небольшое количество выращиваемого скота и, как следствие, дороговизна этих продуктов, возможно, стали причиной того, что они перестали использоваться, поскольку все они распространены среди маньчжуров и монголов. Китайский стол кажется иностранцу плохо сервированным, если он не видит на нем ни хлеба, ни масла, ни молока, а если он выражает свое отвращение к жирным блюдам или тушеному мясу, китайцы считают, что они дают достаточный отпор его вкусу, отвечая: "Вы едите сыр, и иногда, когда он почти может ходить". Молока употребляют немного, и никто из тех, кто жил в Кантоне, не может забыть затяжной заунывный крик "*нгао най!*" мужчин, торгующих им на улицах поздно вечером. Женское молоко продается для питания младенцев и пожилых людей, причем распространено мнение, что оно особенно питательно для стариков.^[367]

Сахар выращивают только на Формозе и в трех южных провинциях, которые снабжают им остальные; из него не делают ни патоки, ни рома. Из стеблей сорго сахар не вырабатывается, и китайцы не знают, что оно содержит сироп. Табак мягче, чем американский; его курят, а не жуют или делают из него сигары, хотя они ввозятся из Манилы в постоянно растущих количествах и пользуются популярностью у многих состоятельных китайцев; широко распространен нюхательный табак. Орех бетель - распространенное жевательное средство, состоящее из кусочка ореха и свежего листа бетель-перца с небольшим количеством лайма, натертого на нем. Распространенными напитками являются чай и аррак, которые пьют теплыми; холодную воду пьют нечасто, поскольку холодные жидкости любого рода считаются вредными. Постоянная практика кипячения воды перед употреблением, при

приготовлении чая, несомненно, делает его менее вредным, если люди не особенно следят за его источником. Кофе, шоколад и какао неизвестны, также как и пиво, сидр, портер, вино и бренди.

ВИДЫ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЖИВОТНОЙ ПИЩИ.

Мясо, потребляемое китайцами, пожалуй, более разнообразно, чем в других странах; в то же время очень мало земли отведено под выращивание животных для еды. Говядина не является распространенным мясом, главным образом из-за буддистских предрассудков против убийства столь полезного животного. Баранина в южных провинциях бедна и дорога по сравнению с ее быстрой и дешевой продажей к северу от реки Янцзы, где большее число магометан вызывает большой спрос на нее. Говядина буйвола и баранина козла еще менее распространены; свинина потребляется больше, чем все остальные виды, и ни одно мясо не может быть выращено так экономно. Вряд ли найдется настолько бедная семья, чтобы не иметь свинью; животных держат даже на лодках и плотках, чтобы они потребляли и откармливали то, что оставляют другие. Свежая свинина, вероятно, составляет более половины мяса, потребляемого китайцами; окороков довольно много, а блюдо, называемое "золотыми окороками", из-за янтарного цвета суставов, занимает видное место на пирах. Время от времени можно увидеть конину, оленину, кабана и антилопу, но, проходя по рынкам, мы видим баранину, свинину, птицу и рыбу.

Несколько котят и щенков продаются живыми в клетках, мяукая и повизгивая, словно в предвкушении своей участи, или от боли, вызванной щипками и манипуляциями, которые они получают от рук недовольных покупателей. Тех, кто предназначен для стола, обычно кормят рисом, так что, если учитывать характер их пищи, их плоть гораздо чище, чем у всеядного борова; немногие предметы питания, однако, были настолько отождествлены за границей со вкусами людей, как котята, щенки и крысы у китайцев. В американских школьных учебниках географии часто встречаются изображения рыночного торговца, несущего корзины с этими несчастными жертвами извращенного вкуса (как мы думаем), или вереницы крыс и мышей, подвешенных за хвосты к палке через плечо, которые почти обязательно передают идею, что такие вещи являются обычной пищей народа. Путешественники заранее слышат, что китайцы пожирают все подряд, а когда приезжают в страну, сразу же спрашивают, едят ли этих животных, и, услышав, что да, закрепляют мысль, что они являются обычными предметами питания. Как бы часто ни выставлялись на продажу живые котята и щенки или одетые собаки, можно прожить в таком городе, как Кантон или Фухау, много лет и ни разу не увидеть крыс, предлагаемых в пищу, если только не выслеживать людей, продающих их в качестве лекарства или афродизиака; на самом деле их не так легко поймать, чтобы они были ни обычными, ни дешевыми. Особое предубеждение в пользу черных собак и кошек существует среди коренных жителей юга; эти животные неизменно стоят дороже других, и их едят в середине лета, полагая, что мясо обеспечивает здоровье и силу на весь последующий год.

Крыс и мышей, несомненно, едят время от времени, как и многие другие нежелательные вещи, те, кого нужда заставляет брать то, что они могут достать; но если поставить эти и другие странные продукты на первое место в списке, это даст искаженное представление о повседневной пище людей. В Кантоне есть, пожалуй, полдюжины ресторанов, где в меню присутствует собачье мясо; однако это отнюдь не недорогой деликатес. [368] Мясо крыс едят старухи в качестве восстанавливающего средства для волос.

Кровь уток, свиней и овец используют в пищу, готовят из нее лекарства и пасту; она входит в состав грунтовок и некоторых видов лака. Ее сворачивают в лепешки для продажи, а в

кулинарии смешивают с мясом и соусами. Кровь всех животных употребляется в пищу без отвращения, если речь идет о религиозных предрассудках, за исключением буддийских священников.

Лягушек ловят любопытным способом: привязывают к леске молодого прыгуна, недавно вышедшего из жизни головастика, и катают его вверх-вниз в траве и зернах рисового поля, где обычно укрываются старые квакши. Как только один из них видит, что молодая лягушка расползается и корчится, он набрасывается на нее и заглатывает целиком, после чего ее немедленно отправляют в корзину ловца лягушек, лишая жизни, свободы и обеда вместе, так как наживка извлекается из его пасти и используется снова, пока длится жизнь.

ВЫСИЖИВАНИЕ УТИНЫХ ЯИЦ.

Повсеместно разводят домашнюю птицу - кур, гусей и уток; из этих трех видов птицы гуси обладают наилучшими вкусовыми качествами, но все они выращиваются дешево и обеспечивают большую часть бедняков основным мясом, которое они едят. Яйца птиц и уток выводятся искусственно, и каждый посетитель Кантона помнит утиные лодки, в которых высиживают и выращивают этих птиц и перевозят вверх и вниз по реке в поисках пастбищ на ее илистых берегах. Для выведения птенцов строятся сараи, в которых множество высоких корзин, хорошо выстланных для сохранения тепла. Каждую из них ставят над камином, чтобы тепло передавалось к яйцам через плитку в ее дне и удерживалось в корзине плотной крышкой. Когда яйца приносят, на дно каждой корзины кладут слой, а в комнате поддерживают равномерный огонь около 80° F. Через четыре-пять дней их осматривают при сильном свете, чтобы отделить пристраившиеся; остальные кладут обратно в корзины и поддерживают тепло еще десять дней, после чего все они помещаются на полки в центре сарая и накрываются ватой и войлоком на четырнадцать дней. В конце двадцать восьмого дня скорлупа разбивается, чтобы освободить заключенных, которые продаются тем, кто их выращивает. В значительных масштабах разводят голубей; их яйца служат ингредиентом для супов. Диких и водоплавающих птиц ловят сетями или стреляют; дикую утку, чирка, поганку, дикого гуся, ржанку, бекаса, цаплю, цаплю, куропатку, фазана и ортолан или рисовую птицу можно купить в Кантоне, и этот список можно увеличить и в другом месте.

Если китайцы едят много того, что отвергают другие народы, то в отношении водной продукции они совершенно всеядны; здесь ничто не приходит в негодность; все воды досаждают им своим рыболовством. Их сети и другие приспособления для ловли рыбы отличаются большой изобретательностью, и большинство из них прекрасно приспособлены для этой цели. Реки, ручьи и застойные водоемы, великий океан и маленький резервуар, горные озера и садовые пруды, ванны и рисовые поля - все они вносят свою лепту в пропитание человека и в значительной степени объясняют плотность населения. Право ловить рыбу в проточных ручьях и естественных водоемах открыто для всех, в то время как искусственные водоемы, такие как пруды, бассейны, резервуары, ванны и т. д., используются повсеместно; вблизи приливов и отливов рисовые поля зимой превращаются в рыбные пруды, если они таким образом приносят больше прибыли. Обитателей воды убивают копьем, ловят крючком, вычерпывают драгой, ловят капканами и сетями; их приманивают, чтобы они прыгали в лодки, раскрашенными досками, пугают шумом, вытаскивают из воды подъемными сетями и вылавливают птицами - баклан захватывает то, до чего его хозяин не может легко дотянуться. Словом, в той или иной части страны практикуются все возможные способы ловли и разведения рыбы. На улицах стоят резервуары с проточной водой, в которых выращивают карпов и окуней, пока они не станут такими большими, что с трудом смогут повернуться в загоне; угрей и водяных змей всех цветов и размеров кормят в кадках и банках, пока их не унесут покупатели.

Разнообразие добавляют королевские крабы, каракатицы, акулы, скаты, камбалы, черепахи, крабы, креветки, раки и креветки. Лучшая рыба на кантонском рынке - это гарупа или скальная треска, помфрет, подошва, макрель, карп байнни или манговая рыба, а также полинемус, ошибочно называемый лососем. Карп и линь многих видов, сельдь, шэд, окунь, кефаль и лещ, а также другие, менее распространенные на западе, встречаются в большом количестве. Их обычно едят свежими или просто открывают и сушат на солнце, как рыбу для бульона. В изобилии встречаются как соленые, так и пресноводные моллюски. Устрицы не такие ароматные, как на атлантическом побережье Америки; крабы и креветки превосходны, но моллюски, мидии и другие пресноводные виды менее вкусны. Из насекомых в пищу идут только саранча и кузнечики, личинки и шелкопряды; последние при варке поджариваются до хрустящей корочки. Эти и водяные змеи, безусловно, самые отвратительные из тех, что едят китайцы.

Многие продукты питания ищутся этим чувственным народом из-за их предполагаемых свойств афродизиака, и большинство необычных продуктов, привозимых из-за границы для еды, имеют именно такую природу. Знаменитый суп из птичьих гнезд готовится из гнезда ласточки (*Collocalia esculenta*), найденного в пещерах и сырых местах на некоторых островах Индийского архипелага; птица мацерирует материал для гнезда из морских водорослей (в основном *Gelidium*) в культуре, и строит его, вытягивая пищу в волокна, которые прикрепляются к сырому камню с помощью била. Гнездо имеет такую же форму, как и те, которые строят ласточки-трубачи, и удерживает птенцов на скалах; они редко превышают три или четыре дюйма в самом длинном диаметре. Операция по очистке гнезда происходит путем выгребания из него каждой крупинки грязи или перьев и требует значительного труда. После того как они выходят на поверхность совершенно свободными от загрязнений, их тушат с голубиными яйцами, специями и другими ингредиентами, превращая в суп; в готовом виде они напоминают изинглас, и вкус блюда зависит в основном от соусов и приправ. Биче-де-мер, трипанг, или морской слизень, - это морское вещество, добываемое на Полинезийских островах; его ищут, полагая, что оно обладает бодрящими свойствами, и, будучи дешевле птичьего гнезда, оно является более распространенным блюдом; в вареном виде оно напоминает свиную кожуру по виду и вкусу. Акулий плавник и рыба морда импортируются и варятся в желатиновые супы, которые сытны и вкусны; сухожилия, языки, нёбо, вымя и другие части различных животных считаются деликатесами. Большая часть многочисленных блюд, которые можно увидеть на больших праздниках, состоит из таких странных предметов, большинство из которых, как предполагается, обладают каким-то особым укрепляющим свойством.

КУЛИНАРИЯ СРЕДИ КИТАЙЦЕВ.

Искусство приготовления пищи не достигло высокой степени совершенства. Как и у французов, она очень экономна и состоит из тушеных и жареных блюд в большей степени, чем из печеных или жареных. Соль пропорционально дорога, поскольку ее приготовление является государственной монополией, и это привело к широкому использованию лука для приправ. Предметы кухонной мебели немногочисленны и просты; железный котел, имеющий форму сегмента сферы, для тушения или жарки, переносная глиняная печь и две-три глиняные кастрюли разной формы для кипячения воды или овощей составляют весь набор тысячи семей. В большей или меньшей степени используется и другая утварь: щипцы, половники, вилки, сита, мельницы и т. д., хотя разнообразие вполне соответствует простой кулинарии. И мясо, и овощи, предварительно измельченные, тушатся или жарятся в масле или жире; их не готовят большими кусками или стейками для домашнего стола. Для жертвоприношений и на продажу в кулинарных магазинах свиней запекают целиком, но

перед употреблением в пищу их снова протирают и жарят. Разрезание пищи на мелкие кусочки обеспечивает ее тщательное приготовление с меньшими затратами топлива, чем потребовалось бы в противном случае, и, кроме того, незаменимо для еды палочками. Два или три овоща варят вместе, но мясные супы встречаются редко; а огромное разнообразие пудингов, кондитерских изделий, тортов, пирогов, заварных кремов, рагу, кремов и т. д., которые готовят в западных странах, в Китае почти неизвестно.^[369]

ГЛАВА XIV. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КИТАЙЦЕВ.

ФАКТОРЫ В КИТАЙСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

Предыдущая глава в некоторой степени демонстрирует достижения китайцев в области комфорта и элегантности жизни. Однако эти термины, как критерии цивилизации, настолько сравнительны, что определить их довольно сложно; ведь понятия, которые англичанин, египтянин и китаец по отдельности могут иметь о комфорте и элегантности в мебели и обустройстве своих домов, почти так же не похожи, как и их языки. Если взять за основу "Взгляды Фишера на Китай", то можно легко поверить, что китайцы мало нуждаются в помощи из-за границы, чтобы улучшить свое состояние в этих вопросах; если же послушать описания некоторых людей, живших среди них, то можно сделать вывод, что они не обладают ни комфортом в своих домах, ни вежливостью в манерах, ни чистоплотностью в лицах. Переходя к описанию их общественной жизни, не следует упускать из виду это разнообразие вкусов; и если некоторые моменты кажутся неприемлемыми сами по себе, дальнейшее изучение, возможно, покажет, что они являются частью системы, которая требует полной реконструкции, прежде чем ее можно будет счастливо и безопасно изменить.

Наблюдения иностранца за китайским обществом, скорее всего, будут обусловлены его собственными чувствами и тем, как с ним обращались местные жители; но их поведение по отношению к нему может быть совсем не таким, какое считается хорошим воспитанием среди них самих. Если китаец опасается или ожидает чего-то от иностранца, он будет вести себя с ним более вежливо, чем если бы дело обстояло наоборот; с одной стороны, лучше, с другой - хуже, чем он вел бы себя с кем-то из своих соотечественников в подобных обстоятельствах. При этом можно с сожалением отметить, что он лишь подражает поведению множества иностранцев, посещающих Китай, чьи грубые замечания, грубые поступки и общее высокомерное поведение по отношению к туземцам плохо согласуются с их более высокой цивилизацией и предполагаемыми преимуществами. Тот, кто разумно взглянул бы на этот вопрос, не ожидал бы особой вежливости среди людей, чье самомнение и невежество, эгоизм и высокомерие почти равны; и не удивился бы, обнаружив, что общение между крайними слоями общества представляет собой странную смесь грубости и сговорчивости, формальности и презрения. Разделение полов изменяет и искажает развлечения, даже самые нравственные, заставляя мужчин проводить время в азартных играх, посвящать его удовольствиям за столом или бездельничать, когда их не пробуждают требования бизнеса, учебы или труда. Политические партии, которые оказывают столь сильное влияние на поведение людей в христианских странах, заставляя их объединяться и общаться друг с другом с целью следить за действиями правительства или противостоять им, не существуют; и там, где царит всеобщее недоверие, не стоит ожидать таких институтов, как

страховые компании, сберегательные или депозитные банки, корпоративные организации для строительства железной дороги или фабрики, а также ассоциации любого рода, в которых люди объединяют свои средства и усилия для достижения цели; они не существуют ни в Китае, ни в Риме, ни в древней Европе. Никто не ожидает услышать, что литературные общества или добровольные филантропические ассоциации являются обычным явлением. В том виде, в каком они существуют сейчас на Западе, они являются продуктом исключительно христианства, и мы должны дождаться посадки дерева, прежде чем искать его плоды. Профессия юриста, в отличие от владения должностью, не является занятием, в котором ученые люди могут получить почетные средства к существованию; священство ограничено монастырями и храмами, и его члены не вступают в общество; а медицинская практика настолько эмпирична и странна, что немногих опытных практиков недостаточно, чтобы искупить это занятие. Эти три профессии, которые в других местах так много делают для возвышения общества и управления общественным мнением, отсутствуют, и у образованных людей нет стимула, который мог бы побудить их к самостоятельным действиям. Соревнование за литературные степени и чиновничьи звания, жажда торговли или скучная рутина механического и сельскохозяйственного труда - вот основные занятия китайцев. Не знакомый с интеллектуальными удовольствиями, которые можно найти в книгах и разговорах ученых людей, и не имеющий образованного вкуса, как мы понимаем этот термин (в то время как он также не может найти такую вещь, как добродетельное женское общество), китаец прибегает к игре в кости, опиумной трубке или публичному дому для своих удовольствий, хотя даже там он теряет характер среди своих сверстников.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ПОЛОВ ДЛЯ ОБЩЕСТВА.

Разделение полов имеет много плохих результатов, которые лишь частично компенсируются некоторыми консервативными. Своим нынешним возвышением на западе женщина обязана христианству, причем не только в той степени уважения, поддержки, свободы от подневольного труда и образования, которые она получает, но и в тех рефлекторных влияниях, которые она оказывает, носящих очищающий, гармонизирующий и возвышающий характер. Там, где требования Евангелия не действуют, ее правами в большей или меньшей степени пренебрегают, и если она становится такой же развращенной, как и мужчины, она не может оказывать хорошего влияния даже на свою собственную семью, а тем более на общество. Всеобщее смешанное общество не может существовать с удовольствием, если лучшие стороны человеческой природы не имеют признанного преобладания, а там, где она, придающая ему всю его изящность и чистоту, сама необразованна, нечистоплотна и нескромна, здравый смысл человечества видит его неуместность. Выступая за разделение полов, законодатели и моралисты в Китае действовали так, как могли в данных обстоятельствах, и, предотвращая зло, не поддающееся исправлению, обеспечивали наилучшие гарантии против общего развращения. В своем собственном домашнем кругу китаянка, исполняя обязанности дочери, жены или матери, находит столько занятий и, вероятно, столько удовольствий, сколько ей предназначено природой. Она не занимает подходящего ей места в обществе только потому, что ее никогда не учили его обязанностям и не пользовались его привилегиями.

В обычных случаях мужская и женская части семьи строго разделены; не только прислуга, но даже братья и сестры не могут свободно общаться после того, как мальчики начинают учиться. В этот период жизни, а то и раньше, на родителей ложится ответственная задача - найти подходящих партнеров для своих детей. Обручение полностью находится в их руках и осуществляется через посредничество класса лиц, называемых *мей-джин*, или посредниками, которые, как ожидается, должны быть хорошо знакомы с характером и

обстоятельствами сторон. Матери иногда заключают контракт со своим нерожденным потомством только на случай разницы полов, но обычный возраст для заключения таких обязательств - десять, двенадцать или более лет, поскольку опыт показывает, что связанные с этим потери делают более ранний период нежелательным.

ОБРУЧЕНИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ БРАКА.

Существует шесть церемоний, которые составляют обычный брак, хотя их детали сильно отличаются в разных частях империи: 1. Отец и старший брат молодого человека посылают посредника к отцу и брату девушки, чтобы узнать ее имя и момент рождения, чтобы изучить гороскоп обоих, дабы убедиться, будет ли предлагаемый союз счастливым. 2. Если восемь иероглифов[370] окажутся верным предзнаменованием, друзья юноши отправляют *мей-джин* обратно, чтобы сделать предложение о браке. 3. Если предложение принято, вторую сторону снова просят дать согласие в письменном виде. 4. Затем родителям девушки посылаются подарки в соответствии со средствами сторон. 5. Посредник просит их выбрать счастливый день для свадьбы. 6. В завершение предварительных действий жених отправляется или посылает друзей с музыкой, чтобы привести невесту в свой дом. Сваты стараются умножить число своих визитов и затянуть переговоры, когда стороны богаты, для достижения своих целей.

В Фукиине родители часто посылают друг другу обещания, когда их дети еще совсем младенцы, и в подтверждение договора обмениваются реестрами, содержащими их имена и сведения о происхождении. После этого расторгнуть помолвку невозможно, если только одна из сторон не стала прокаженной или инвалидом. Когда дети становятся старше, мальчик иногда сопровождает посредника и того, кто несет подарки, в дом своей будущей тещи и получает от нее несколько пустяков, таких как дынные семечки, фрукты и т. д., которые раздает окружающим. Среди подарков, присланных девушке, - фрукты, деньги, вермишель и окорок, из которого она дает по кусочку каждому из гостей, а ногу отправляет обратно. Эти предметы аккуратно разложены, а принесший их встречает салютом из хлопушек.

С момента помолвки и до замужества юная леди должна соблюдать строжайшее уединение. Всякий раз, когда друзья зовут ее к родителям, она должна удаляться во внутренние покои и во всех своих поступках и словах тщательно следить за своим поведением. При посещении родственников она должна держаться в тени, а в общении с братьями и домашней прислугой сохранять большую сдержанность. Вместо того чтобы иметь возможность завязать дружбу и знакомства с представителями своего пола, которые в нашей среде становятся источником стольких удовольствий в то время и преимуществ в последующей жизни, китайская дева ограничивается кругом своих родственников и ближайших соседей. У нее мало приятных воспоминаний и ассоциаций, которые обычно связаны со школьной жизнью, она также не имеет возможности переписываться с девочками своего возраста. Уединение в этот период жизни и обычай калечить ноги ограничивают женщин в доме почти так же сильно, как самые строгие законы, запрещающие им появляться за границей; ведь в девичестве они знают лишь нескольких человек, кроме родственников, и могут завести очень мало знакомств после замужества, поэтому круг их друзей скорее сужается, чем расширяется с течением жизни. Такое уединение побуждает девушек узнавать как можно больше о мире, и среди богатых людей их любопытство удовлетворяется с помощью служанок, свах, разносчиков, гостей и других. Любопытство также побуждает девушек узнать что-нибудь о характере и внешности своих будущих мужей, но правила общества слишком строги, чтобы молодые люди стремились к личной привязанности, хотя при желании они могут видаться, и, несомненно, существует множество контрактов, предложенных родителям их детьми.

Профессия свахи считается почетной, и для ведения брачных переговоров нанимают как мужчин, так и женщин. Их суждениям и правдивости доверяют, и поскольку их работа в определенной степени зависит от их такта и характера, у них есть все основания вести себя строго корректно в общении с семьями. Отец девушки прибегает к их услугам, чтобы собрать оговоренную в контракте сумму, которая при обычных обстоятельствах колеблется от двадцати пяти до сорока долларов, увеличиваясь до ста и более в зависимости от состояния жениха; пока она не будет выплачена, брак не состоится. Подарки, посылаемые при обручении, иногда бывают дорогими, состоят из шелка, риса, тканей, фруктов и т. д.; невеста не приносит никакого дара, но оба родителя часто идут на расходы, которые они не могут себе позволить, празднуя бракосочетание своих детей, поскольку гордость семьи побуждает каждую сторону к излишней демонстрации.

БРАЧНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ И ОБЫЧАИ.

Основные формальности бракосочетания везде одинаковы, но в некоторых регионах соблюдаются местные обычаи, которые совершенно неизвестны и кажутся необычными в других местах. В Фукиене, когда наступает счастливый день свадьбы, гости собираются в доме жениха, чтобы отпраздновать ее, где также наготове седаны, музыкальный оркестр и носильщики. Курьер, который служит проводником для носильщиков кресел, идет впереди, а чтобы предотвратить наступление злобных демонов, скрывающихся на дороге, впереди несут запеченного борова или большой кусок свинины, чтобы процессия могла спокойно пройти, пока эти голодные души пожирают мясо. Тем временем невеста наряжается в свое лучшее платье и богатейшие драгоценности. Ее девичьи локоны уже связаны, а прическа уложена матроной с должной формальностью; декоративный и сложный головной убор из богатых материалов, не похожий на шлем или корону, часто является частью ее прически. Ее лицо почти закрыто большой мантией, поверх которой надета огромная шляпа, похожая на зонтик, спускающаяся до плеч и затеняющая всю фигуру. В таком наряде она садится в красное позолоченное брачное седалище, называемое *hwa kiao*, которое несут четверо мужчин и в котором она полностью скрыта. Его запирает ее мать или кто-то другой из родственников, а ключ отдает одному из женихов, который передает его жениху или его представителю по прибытии в дом.

Теперь процессия перестраивается, добавляя столько красных коробок и подносов, чтобы вместить гардероб, кухонную утварь и пир, сколько требуют средства семьи или объем ее атрибуты. Когда процессия приближается к дому жениха, курьер спешит вперед, чтобы сообщить о ее приходе, после чего звучит музыка, и хлопушки приветствуют ее до тех пор, пока она не войдет в ворота. Когда она подходит к двери, жених скрывается, а курьер выводит вперед маленького ребенка, чтобы приветствовать ее, а сам отправляется на поиски закрывшегося жениха. Он подходит со всей серьезностью и открывает седалище, чтобы вручить невесту; она все еще сохраняет шляпу и мантию; они подходят к родовой скрижали, которую почитают тремя поклонами, а затем садятся за стол, на котором стоят две чаши с духами. Посредник прислуживает им, хотя невеста может только делать движения, чтобы пить, так как большая шляпа полностью закрывает ее лицо. Вскоре они удаляются в покои, где муж снимает с жены шляпу и мантию и видит ее, возможно, впервые в жизни. После того как он некоторое время рассматривал ее, в комнату входят гости и друзья, чтобы осмотреть ее, и тогда каждому дается возможность высказать свое мнение; критика женщин наиболее резкая, возможно, потому, что они помнят, как стояли в ее неприятном положении. По окончании этого жестокого осмотра ее знакомят с родителями мужа, а затем приветствуют своих. Таковы некоторые обычаи фукиенцев. Другие обычаи, соблюдаемые при заключении

браков и помолвок, были тщательно описаны Дулиттлом с особым упором на тот же народ, а также архидиаконом Джоном Грэем со ссылкой на другие части Империи.[371]

Жених перед свадьбой получает новое имя или "стиль", и его отец в присутствии друзей формально увенчивает его в знак вступления в мужскую жизнь. Он приглашает гостей, посылая с каждым приглашением два красных пирога, и каждый гость за несколько дней до свадьбы возвращает ему подарок или денежную сумму в десять или пятнадцать центов, номинально равную расходам, которые он будет считать понесенными. На следующий день посылается еще одно приглашение на пир, и невеста также зовет дам, которые присутствовали на ее свадьбе, от которых она получает кольцо или другой предмет небольшой стоимости. Джентльмены также делают жениху подарок - пару фонарей, которые он вешает у своих ворот. В ночь свадьбы они иногда пытаются проникнуть в дом, когда пара, как предполагается, спит, чтобы унести какой-нибудь предмет, который жених должен выкупить по их цене.

Среди бедняков расходы на свадьбу значительно сокращаются за счет покупки молодой девушки, которую родители воспитывают как дочь до тех пор, пока она не станет пригодной для замужества, и таким образом обеспечивают ее услуги в домашнем хозяйстве. Девушку, уже состоящую в браке, по этой же причине иногда отправляют к родителям парня, чтобы они могли содержать ее. В небольших деревнях люди призывают новобрачных в следующее полнолуние, когда их принимают, стоя у кровати. Мужчины входят первыми и выражают свое почтение невесте, а ее муж обращает внимание гостей на ее прелести, хвалит ее маленькие ножки, красивые руки и другие особенности, а затем сопровождает их в зал, где их угощают. После того как мужчины удаляются, входят женщины и высказывают свои замечания о даме, чей будущий характер во многом зависит от того, как она себя поведет. Если она проявляет хорошее настроение, то ее репутация уже создана. Многие благоразумные женщины в таких случаях не произносят ни слова, а молча терпят, чтобы их не обидели.[372] Это знакомство с супружеской жизнью сильно отличается от свадебного тура и сердечных приветствий друзей, которые дамы получают в западных странах во время медового месяца!

СВАДЕБНАЯ ПРОЦЕССИЯ И ПРАЗДНЕСТВА.

Свадебная процессия - особенность китайской общественной жизни. Во всех частях страны она отличается по стилю, характеру украшений и всему убранству, но всегда настолько пышна, насколько позволяют средства участников. Она состоит из носителей фонарей и официальных табличек, музыкантов, родственников жениха и невесты и их личных друзей, каркасных подставок с крышами для хранения вещей невесты, все они сосредоточены вокруг ее седана. В Пекине такая процессия иногда растягивается на полмили, а седан несут еще дюжина или носильщиков. Кули одеты в красное, а их самих и их ношу обычно предоставляют специальные лавочники, которые торгуют в таких случаях. В качестве свидетельства высокого положения семьи несут таблички с указанием ее литературных званий, деревянные головы драконов, титулярные фонари и другие официальные знаки отличия. В некоторых местах процессию возглавляет элегантно одетый старик, который несет большой зонт, чтобы держать его над невестой, когда она входит и выходит из своего седана; за ним идут носильщики с фонарями, на одном из которых надпись: "Фениксы поют гармонично". За ними следуют музыка и почетные таблички, титулярные флаги, государственный зонт и т. д., а также два крепких мужчины в качестве палачей, одетых фантастическим образом, в длинных перьях на шапочках, а также ликторы, цеппелины и другие эмблемы должностей. Партии молодых парней, красиво одетых и играющих на барабанах, гонгах и флейтах, или несущих фонари и знамена, иногда составляют приятное

разнообразие в поезде, который продолжается подносами и накрытыми столами, содержащими наряд невесты, и заканчивается седаном, содержащим ее саму.

Церемонии, сопровождающие ее прием в доме мужа, не одинаковы. В одних местах ее поднимают из седана над сковородой с углями, поставленной во дворе, и несут в спальню; в других она входит и выходит из седана на ковры, расстеленные для ее удобства, и проходит в комнату. После небольшого перерыва она возвращается в зал, неся поднос с бетелевым орехом для гостей, и затем поклоняется паре гусей, привезенных в поезде с мужем, эта птица является эмблемой супружеской привязанности. Вернувшись в свои покои, жених следует за ней и снимает красную вуаль, после чего они обязуются друг другу в вине, чаши соединяются нитью. В это время входит матрона, родившая нескольких детей одному мужу, чтобы произнести над ними благословение и застелить брачное ложе. Затем собравшиеся гости садятся за стол и изрядно угощают спиртным *sin lang*, "нового человека" или жениха; впрочем, китайцы в таких случаях не часто переступают через правила трезвости. *Sin fujin*, "новая дама" или невеста, и ее свекровь также прислуживают представителям своего пола, которые присутствуют в других квартирах, но среди бедняков время от времени можно увидеть более приятное зрелище, когда все гости сидят за одним столом.

Утром пара поклоняется табличкам предков и приветствует всех членов семьи; у бедняков эта важная церемония происходит вскоре после того, как пара обменялась кубками с вином. Обещание жениха и невесты в чаше с вином, поклонение табличкам предков, небу и земле - вот важные церемонии свадьбы после того, как процессия достигла дома. Браки празднуются в любое время суток, хотя предпочтение отдается сумеркам и вечеру; весенний сезон или последний месяц года считаются наиболее благоприятными периодами для бракосочетания. Судя по тому, как все это происходит, есть возможность обмануть, отправив в седан не обрученного, а другого человека, или же мужчина может перепутать имя девушки, на которой он хочет жениться. Мистер Смит упоминает об одном из своих знакомых, который, будучи очарован девушкой, которую увидел на улице, послал к ее родителям посредника с предложениями, которые были приняты; но он был глубоко удручен, когда, получив невесту, обнаружил, что перепутал номер своего заклинателя и получил пятую дочь вместо четвертой.

Китайцы не женятся на другой женщине с соблюдением этих правил, пока жива первая, но они могут приводить в дом наложниц без каких-либо формальностей, кроме договора с ее родителями, хотя считается несколько позорным для мужчины брать еще одну сожительницу, если его жена родила ему сыновей, если только он не может позволить каждому из них отдельное заведение. Нередко мужчина с согласия жены приобретает служанку в семью, покупая ее в качестве наложницы, особенно если его род деятельности часто заставляет его уезжать из дома, и в этом случае он берет ее в качестве спутницы в поездку, оставляя жене ведение домашнего хозяйства. Тот факт, что сыновья наложницы считаются юридически принадлежащими жене, побуждает родителей рано обручать своих дочерей и тем самым предотвращать их вхождение в семью мужчины в этом низшем качестве. Китайцы осознают вред разделенной семьи, и по законам управление ею находится в руках жены. Если у нее нет своих сыновей, она подыскивает среди своих сородичей подходящего мальчика для усыновления, зная, что в противном случае муж наверняка приведет в семью наложницу. О масштабах полигамии трудно даже догадываться, поскольку статистики нет и быть не может. Среди трудящихся редко можно встретить более одной женщины на одного мужчину, но торговцы, чиновники, землевладельцы и те, кто находится в легком положении, часто берут одну или несколько наложниц; возможно, две пятых таких семей имеют их. Шоу и мода заставляют некоторых

увеличивать число своих женщин, хотя они знают, что это может привести к раздору, так как полностью верят своей собственной пословице, что "девять женщин из десяти ревнивы". И все же, вероятно, верно, что полигамия находит наибольшую поддержку со стороны самих женщин. Жена стремится повысить свое собственное положение, привлекая в дом больше женщин, чтобы облегчить свой труд и удовлетворить свои прихоти. Китайцы иллюстрируют эту связь, сравнивая жену с луной, а наложниц - со звездами, которые в своих сферах ждут и вращаются вокруг солнца.

ЗАКОНЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ БРАКИ.

Если принять во внимание цивилизованность китайцев и их возможности для нравственного воспитания, то правовые положения кодекса, направленные на защиту женщин в их признанных правах и наказание преступлений против мира и чистоты семейных отношений, отражают репутацию их законодателей. В этих законах закреплено обязательство детей выполнять договор, заключенный их родителями, вплоть до аннулирования соглашения, заключенного самим сыном в неведении относительно договоренностей его родителей. Положение *ци*, или жены, взятой по установленным формальностям, и *цие*, или женщины, купленной в качестве наложницы, точно определено, и унижение первой или возвышение второй, чтобы заменить их места, или взятие второй *ци* - все это незаконно и недействительно. Отношения между ними больше похожи на те, что существовали между Сарой и Агарью в семье Авраама, или Зилпой и Бильхой и их любовницами в семье Иакова, чем на те, что обозначаются нашими терминами "первая" и "вторая" жена, от которых в китайских словах не осталось и следа. Степень незаконности брака всеобъемлюща, вплоть до запрета на брак лиц, *носящих* одно и то же *имя* или фамилию, а также на брак двух братьев с сестрами. Законы запрещают жениться на вдове брата, на жене отца или деда или на сестре отца под страхом смертной казни; аналогичному наказанию подвергается тот, кто захватит жену или дочь свободного человека и увезет их, чтобы жениться на них.

Эти правила не только делают брак почетным, но и делают его более распространенным среди китайцев, чем почти у любого другого народа, предотвращая тем самым целый ряд бед. Нельзя упускать из виду тенденцию необузданного желания разрушать барьеры на пути удовлетворения похоти; и поскольку никакие законы на эту тему не могут быть действенными, если их не одобряет здравый смысл народа, китайцы, разделив полы в обществе, устранили главную провокацию к греху, а также, заставив молодых людей исполнять брачные контракты своих родителей, обеспечили защиту от разврата в том возрасте, когда молодежь наиболее склонна к потворству и когда потворство наиболее сильно отталкивает их от женитьбы вообще. Кроме того, они обеспечили несомненное наследование наследства, запретив иметь более одной *жены*, и при этом предоставили мужчинам свободу, которую они могли бы получить в противном случае и которая была одобрена веками в азиатских странах. Они сделали все, что могли, в регулировании сложного вопроса, и в целом, возможно, лучше, чем в большинстве других нехристианизированных стран. Однако если кто-то предположит, что из-за существования этих законов грехи против седьмой заповеди в Китае нередки, он будет так же ошибаться, как и те, кто считает, что из-за того, что китайцы - язычники, между полами не существует ничего похожего на скромность, чистоту или привязанность.

Когда девушка "проливает чай", то есть теряет своего суженого в результате смерти, общественное мнение благоволит ей, если она отказывается от повторной помолвки; известны случаи, когда молодые леди кончали жизнь самоубийством, не желая вступать во второй брак. Иногда они покидают отчий дом и живут с родителями своего суженого, как если бы они действительно были вдовами. Считается унижительным для вдов выходить

замуж; хотя, возможно, случаи, приведенные в столь хвалебных книгах, лишь указывают на то, насколько редка эта практика в действительности. Иногда вдова продается свекром в наложницы, а горе и презрение к ее унижению усиливаются разлукой с детьми, которых она больше не может содержать. Однако такие случаи не распространены, поскольку импульсы материнской привязанности слишком сильны, чтобы ими можно было пренебречь, и вдовы обычно рассчитывают на поддержку друзей или на собственные усилия, если их дети еще маленькие; им также помогают родственники в этой похвальной деятельности и заботе. Для сына пренебрежение комфортом и поддержкой своей овдовевшей матери - неизгладимое клеймо. Вдовец не ограничен никакими законами и может жениться на одной из своих наложниц или на ком угодно по своему усмотрению; ему не полагается откладывать бракосочетание на время траура по первой жене.

Семь законных причин для развода, а именно: бесплодие, распутство, ревность, болтливость, воровство, неповиновение родителям мужа или проказа, практически сведены на нет единственным положением, согласно которому не может быть выдана женщина, родители которой не живут, чтобы принять ее обратно. Стороны могут разойтись по взаимному несогласию, но кодекс не регламентирует алименты; муж подлежит наказанию, если сохранит жену, уличенную в прелюбодеянии. Если жена просто сбежала, она может быть продана мужем, но если она выходит замуж в отсутствие мужа, ее следует задушить; если муж отсутствует три года, женщина должна изложить свое дело магистрату, прежде чем решиться на повторный брак.

ПРИВИЛЕГИИ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕН И ВДОВ.

К общему состоянию женщин в Китае применимо замечание де Гинье, что "хотя их участь менее счастлива, чем участь их сестер в Европе, их незнание лучшего состояния делает их настоящее или будущее состояние более благоприятным; счастье не всегда состоит в абсолютном наслаждении, но в представлении, которое мы сформировали о нем".^[373] Она не чувствует несправедливости в том, что ее лишили права решать, кто будет ее партнером; ее желания и знания не выходят за пределы домашнего круга, и там, где она была приучена в материнской квартире к различным обязанностям и достижениям своего пола, ее переезд в дом мужа не приносит ей больших изменений.

Однако это не всегда так, и власть, предоставленная мужу над женой и семьей, часто используется с большой тиранией. Молодая жена не находит в своем новом доме сочувствия и любви, которыми пользуются ее сестры в христианских странах. Свекровь нередко становится источником ее самых больших испытаний и требует от нее покорности ребенка и труда рабыни, на что нередко отвечает неповиновением и горькими упреками. Если муж вмешивается, у нее меньше шансов избежать его поборов; хотя в низших слоях общества его жестокость сдерживается страхом потерять ее и ее услуги, а в высших отвлекается безразличием к тому, что она делает, в погоне за другими целями. Если жена ведет себя хорошо, пока сама не станет матерью и свекровью, тогда все переворачивается; из служанки она превращается почти в богиню". Лухчау, автор книги о женской культуре, упоминает следующий косвенный способ порицания свекрови: "Лох Ян семь лет путешествовал, чтобы улучшить себя, и в это время его жена усердно прислуживала свекрови и содержала сына в школе. Однажды соседская птица забрела в ее сад, и свекровь украла и убила ее, чтобы съесть. Когда она села за стол и увидела птиц, то не стала ужинать, а разрыдалась, чему старушка очень удивилась и спросила о причине. Я очень огорчена тем, что так бедна и не могу обеспечить тебя всем, чем хотела бы, и что из-за меня ты должна есть чужую плоть". Ее родительница была поражена этим и выбросила блюдо".

НЕСЧАСТЛИВЫЕ ПОМОЛВКИ.

Зло, связанное с ранним обручением, побуждает многих родителей откладывать помолвку своих дочерей до тех пор, пока они не вырастут и не найдется муж со схожими вкусами; ведь даже если состояние семей в промежутке между обручением и браком изменится не в лучшую сторону, или парень вырастет рассеянным, никчемным или жестоким человеком, совершенно недостойным девушки, все равно договор должен быть выполнен, и худшая сторона обычно больше всего стремится к этому. Несчастливая невеста в таких случаях часто спасается от своих страданий и мрачных перспектив самоубийством. В 1833 году в Кантоне произошел случай, когда молодая жена, навестив родителей вскоре после свадьбы, так проникновенно описала сестрам и друзьям свои страдания от рук жестокого мужа, что она и трое ее слушателей соединили руки и утопились в пруду, она - чтобы избежать нынешних страданий, а они - чтобы избежать их в будущем. Другая девушка, прослышав о никчемном характере своего избранника, взяла с собой в седан мешок с деньгами, а когда они удалились после окончания церемоний, обратилась к нему с такими словами: "Не трогайте меня, я решила оставить мир и стать монахиней. Сегодня ночью я обрежу свои волосы. У меня есть двести долларов, которые я тебе даю; на половину ты можешь купить себе наложницу, а на остальное займись каким-нибудь ремеслом. Не будь ленив и бережлив. Впредь помни обо мне". Сказав это, она обрезала волосы, и ее муж и его родственники, опасаясь самоубийства, если бы они воспротивились ей, согласились, и она вернулась в дом своего отца.[374] Такие случаи достаточно распространены, чтобы показать темную сторону семейной жизни, и юные леди умоляют своих родителей спасти их таким или иным способом от печальной участи, которая их ожидает. Иногда девушки становятся искусными в женских делах, чтобы понравиться своим мужьям, и их разочарование становится еще сильнее, когда они обнаруживают, что он - жестокий, развращенный тиран. Меланхолический случай произошел в Кантоне в 1840 году и закончился самоубийством жены. Ее брат был учеником одного из американских миссионеров и с похвальной гордостью демонстрировал образцы изысканной вышивки своей сестры, а также ее успехи в письме, что свидетельствовало об их взаимной привязанности. Иногда случается и обратное, когда муж вынужден жениться на женщине, совершенно не способной оценить или разделить его увлечения, но у него есть средства, чтобы смягчить или избежать таких ошибок, которых нет у более слабого сосуда. В целом, как мы уже говорили, следует признать, что женщина занимает довольно высокое положение в Китае. Если она страдает от жестокости мужа, тирании свекрови или перегруженности работой по дому, в поле или на ткацком станке, то не менее часто сама виновата в лени, непоседливости, шалостях и плохом настроении. Примеры, которые приводит Грей[375] в своем рассказе о супружеских злодеяниях, доказывают, до какой степени мужчина может обрушить свой гнев на беспомощных; но они являются исключением из общего теста самих людей. Что касается общей чистоты общества, то можно усомниться в том, что такое отвратительное поведение, узаконенное среди мормонов в штате Юта, является каким-либо улучшением по сравнению с тяготами, выпавшими на долю женщины среди китайцев.

Продолжая этот краткий рассказ о социальной жизни китайцев, следует отметить право родителей на управление своими детьми. Оно велико, хотя и не безгранично, и, предоставляя им очень широкие полномочия, законодатели предположили, что естественная привязанность родителей, желание продолжить почетную преемственность семьи, а также влияние правильного воспитания являются такими же хорошими гарантиями против отцовской жестокости и пренебрежения, как и любые законы, которые только можно принять. Отцы нарекают своих сыновей "*цзю мином*", или "молочным именем", примерно

через месяц после рождения. В день, назначенный для этой церемонии, мать поклоняется и благодарит богиню милосердия, а мальчика, одетого и с обритой головой, приводят в круг собравшихся друзей, где отец присваивает имя и отмечает это событие пиром. Молочное имя сохраняется до тех пор, пока мальчик не поступает в школу, и тогда ему присваивается *шу минг*, или "школьное имя", как уже упоминалось. Обычно *шу минг* состоит из двух иероглифов, выбранных с учетом состояния мальчика, его перспектив, учебы или какого-то другого события, связанного с ним; иногда молочное имя сохраняется, поскольку семья к нему привыкла. Молодым ученикам в это время дают такие имена, как *Чернильница*, *Обещающая учебу*, *Открывающая оливковое*, *Входящая в добродетель*, *Восходящая* и т. д. Хотя часто даются ласковые или причудливые имена, не менее распространено очернение совсем маленьких детей, когда их называют *собакой*, *свиньей*, *щенком*, *блохой* и т. д., полагая, что такие эпитеты отпугнут дурной глаз. У девушек есть только молочные и брачные имена; первое может быть *цветком*, *сестрой*, *драгоценным камнем* и т. п.; второе - такими терминами, как *Эмуляция луны*, *Цветок орхидеи*, *Жасмин*, *Нежный парфюм* и т. п. Простое число в Кантоне, такое как *А-ят*, *А-сам*, *А-лук* (№ 1, № 3, № 6), часто обозначает мальчиков, пока они не получат свои книжные имена.^[376]

КОЛИЧЕСТВО И ИЗМЕНЕНИЯ ЛИЧНЫХ ИМЕН.

Личные имена китайцев пишутся противоположно нашим: сначала идет *синг*, или фамилия, затем *минг*, или данное имя, и затем комплиментарный титул; например, *Liang Wǎntai siensǎng*, где *Liang*, или "Просо", - фамилия, *Wǎntai*, или "Терраса букв", - данное имя, а *siensǎng*, Mr. (m.e. Master), или "Учитель". Некоторые фамилии двойные, например, *Сзяма Цыен*, где *Сзяма* - фамилия, а *Цыен* - официальный титул. Среди жителей Кантона преобладает любопытная идея, что иностранцы не имеют фамилий, что, по мнению Плиния о жителях горы Атлас, является одним из доказательств их варварства; возможно, это представление возникло в результате того, что маньчжуры пишут только свое имя, как *Kíshen*, *Kíying*, *Ílípu* и т. д. При написании китайских имен в переводах и в других местах следует обращать внимание на эти особенности; имена китайских людей и мест постоянно появляются в печати под такими же формами, как *Williamhenryharrison*, *Rich-Ard-Ox-Ford* или *Phila Delphia-city* в английском языке. Неправильное расположение имен объясняется тем, что они написаны на другом языке и их истинная природа неизвестна большинству пишущих их людей.

В Кантоне и его окрестностях имена людей сокращаются в разговоре до одного символа, и к нему добавляется буква *А*; например, *Tsinteh* называется *А-teh* или *А-tsin*. В Амоие буква *А* ставится после, как *Чин-а*; в северных провинциях такой обычай неизвестен. Некоторые семьи, возможно, в подражание императорскому прецеденту, отличают своих членов от других членов клана, принимая постоянный иероглиф за первый в *минге*, или данном имени; таким образом, семья братьев будет называться *Лин Тунг-пей*, *Лин Тунг-фунг*, *Лин Тунг-пех*, где слово *Тунг* отличает эту часть клана *Лин* от всех остальных. В языке нет символов, предназначенных исключительно для имен собственных или разных полов, как, например, *Джордж*, *Агнес* и т. д.; все они выбраны из языка с учетом их значения. Поэтому иногда имя кажется несочетаемым, как, например, *Наоми*, когда ее приветствовали по возвращении в Вифлеем, почувствовала, что оно не соответствует ее изменившемуся состоянию, и предложила изменить его на *Мара*. Каламбуры в именах и прозвищах - обычное дело, так как

постоянный контраст звуков персонажей с обстоятельствами жестикулирует сравнение или игру на их значениях; лукавые шутки также разыгрываются при написании имен иностранцев, выбирая такие символы, которые будут иметь смешной смысл, если читать их в соответствии с их смыслом, а не звучанием.

Когда мужчина женится, он принимает третье имя, называемое *tsz'*, или "стиль", под которым его обычно знают всю жизнь; оно либо совершенно новое, либо комбинируется с предыдущими именами. Когда девушка выходит замуж, ее фамилия становится ее именем, а имя мужа перестает использоваться, и фамилия мужа становится ее фамилией. Так, *Ва Салах*, вышедшая замуж за *Вэй Сан-вэя*, отказывается от имени *Салах* и называется *Вэй Ва ши*, то есть госпожа Вэй [родом из рода] Ва, хотя ее муж или ближайшие родственники иногда сохраняют его в качестве тривиального обращения. Мужчину часто называют еще одним прозвищем - "*пъех цз*", или "второй стиль", которое в обществе не принято употреблять. Когда молодой человек успешно получает ученую степень или вступает в должность, он получает титул *kwan ming*, или "официальное имя", под которым его знают в правительстве. Члены или главы лицензированных торговых компаний имеют официальное имя, которое заносится в их разрешение, откуда оно называется у иностранцев их *чопорным* именем. Каждый из глав ко-хонгов, ранее имевших лицензию на торговлю с иностранцами в Кантоне, имел такое официальное имя. Кроме этих различных имен, пятидесятилетние старики, лавочники и другие люди носят *хао*, или "обозначение"; торговцы используют его на вывесках как название своей лавки, и нередко получают его как личное прозвище. Подобным образом называются торговцы, имеющие дело с иностранцами, например, *Cutshing, Chanlung, Linchong* и т. д., которые являются не именами торговцев, а обозначением магазина. В Кантоне иностранцы обычно заходят в магазин и спрашивают: "Господин Ванглик дома?" Это почти то же самое, что в Нью-Йорке спросить, дома ли господин Альгамбра или господин Атлантик-Хаус, хотя для китайца это звучит не так нелепо. Названия, используемые владельцами магазинов, указывают на торговлю или ее перспективы, например "*Взаимная выгода*", "*Послушная прибыль*", "*Обширная гармония*", "*Растущая доброта*", "*Великая завершенность*" и т. д.; имена партнеров как таковые не используются для формирования фирмы. Помимо такого использования *хао*, также используется в качестве клейма на товарах; термины *Хоюэнь*, *Кингин*, *Юэньки*, означающие "Гармоничные источники", "Веселые перспективы", "Памятник фонтану" и т. д., наносятся на определенные партии чая, шелка или других товаров, так же как клейма ставятся на партии вина, муки или свинины. Это называется *цз'-хао*, или "клеймо-обозначение", но иностранцы называют и его, и обозначаемый им товар *отбивной*.

Когда человек умирает, он получает еще одно и последнее, хотя и не обязательно новое имя в зале предков; императорам и императрицам присваиваются новые имена, такие как *Благосклонный*, *Благочестивый*, *Неприметный* и т. д., под которыми их почитают и упоминают в истории, как обозначение, которое, скорее всего, будет постоянным.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНОЕ ПОВИНОВЕНИЕ ПРИ ДВОРЕ.

В обычном общении китайцы не более формальны, чем воспитанные европейцы; только в экстраординарных или официальных случаях они соблюдают точный этикет, которым славятся. Правильный стиль поведения по отношению ко всем классам, возможно, более тщательно прививается молодежи, чем на Западе, и привычка делает легким то, чего требует обычай. Церемониальные поклоны при дворе или на пиру, или приветствия, приличествующие празднику, не переносятся в повседневную жизнь; поскольку одна из главных целей формальностей, предписанных для таких времен, - научить должной субординации между людьми разного ранга, они в некоторой степени откладываются в

сторону вместе с одежаниями, которые их предполагали. Истинная вежливость, проявляющаяся в безоговорочном уважении к чувствам других людей, не может быть привита правилами; однако повсюду проявляется большая степень урбанистичности и любезности, будь то из-за естественного спокойного нрава людей или из-за последствий их раннего обучения формам вежливости. На многолюдных и узких улицах, на деревенской зелени, на рынке, на толкающемся пароме или в толчее процессий - везде, где люди собираются в беспорядке, можно наблюдать хорошее настроение и вежливость; а когда возникают стычки, раны или серьезные травмы случаются редко, хотя по яростному шуму можно было бы предположить, что половине толпы угрожает опасность для жизни.

Китайский церемониал требует, чтобы начальству воздавали почести соответствии с его положением и возрастом, а равные должны обесценивать себя, восхваляя тех, к кому они обращаются. Император, считая себя представителем божественной власти, требует той же прострации, что и боги; поэтому церемонии, совершаемые в его присутствии, носят религиозный характер, а не являются просто особыми формами этикета, которые могут быть изменены в зависимости от обстоятельств. Существует восемь градаций поклонения, начиная с "самой низкой формы уважения, называемой *кунг шао*, которая заключается в простом соединении рук и поднятии их перед грудью. Следующая - *тсо йи*, низкий поклон с соединенными руками. Третья - *та тсиен*, сгибание колена, как будто собираются встать на колени; четвертая - *kwei*, собственно коленопреклонение. Пятое - *ко тао (коту)*, стоя на коленях и ударяя головой о землю, что при троекратном повторении превращается в шестое, называемое *сан као*, или "троекратный стук". Седьмое - *лук као*, или стоя на коленях и трижды ударяя головой о землю, затем вставая прямо и снова стоя на коленях и стуча головой еще три раза. Кульминация завершается "*сан квей киу као*", или трижды встать на колени и девять раз постучать по голове. Одни из богов Китая имеют право на *сан као*, другие - на *лу као*, а императору и Небу поклоняются в последнюю очередь. Семья, находящаяся сейчас на троне, считает эту последнюю форму выражающей самым сильным образом покорность и почтение одного государства другому".^[377] Крайняя покорность, которой требует император, в большей или меньшей степени передается его офицерам всех рангов; поэтому соблюдение этих форм считается очень важным, а отказ от них рассматривается как почти равнозначный отказ от власти.

Коллегия обрядов разрабатывает и обнародует подробные правила, касающиеся времени и способов официального общения, и их изучение и отработка - неотъемлемая часть служебных обязанностей. В суде церемониймейстер стоит на видном месте и громким голосом приказывает придворным встать на колени, стоять или маршировать, подобно тому, как сержант руководит строевой подготовкой новобранцев. Такое же внимание к ритуалу наблюдается и в их взаимном общении, ведь как бы ни хотел нижестоящий обойтись без церемонии, вышестоящий не преминет ее потребовать. В приветствиях при входе и выходе между офицерами эти формы особенно заметны, но когда они хорошо знакомы друг с другом и в моменты общения, они в значительной степени отходят на второй план; однако сочетание искусства и природы среди них, в один момент смеющихся и шутящих, а в другой - кланяющихся и преклоняющих колени друг перед другом, как будто они никогда не встречались, иногда вызывает забавные сцены у иностранца. Полное незнание и игнорирование этих форм иностранцами, не знакомыми с кодексом, порой производит худшее впечатление на туземцев, которые приписывают такую грубость высокомерию и презрению.

ЭТИКЕТ ОФИЦИАЛЬНЫХ ВИЗИТОВ.

Не останавливаясь на утомительных формах официального этикета, достаточно будет описать то, что обычно требуется в хорошем обществе. Военные наносят визиты верхом; гражданские и прочие лица ездят в седанах или повозках; ходить пешком не принято. Визитные карточки делаются из бумаги с пурпурным оттенком и разрезаются на листки длиной около восьми дюймов и шириной три дюйма, они одинарные или складываются в четыре, шесть, восемь или более раз, в зависимости от положения посетителя. Если он находится в недавнем трауре, бумага белая, а имя написано синими чернилами, но через определенное время это обозначается дополнительным символом. Простое имя выбивается в правом верхнем углу, а если оно написано в нижнем, то с добавлением: "Ваш покорный слуга (*дословно*: "глупый младший брат")". Пи Чи-ван склоняет голову в знак приветствия". При приближении к дому сопровождающий передает карточку привратнику, и если его не могут принять, то вместо того, чтобы сказать "нет дома", хозяин посылает "задержать приближение господина", а карточку оставляет. В противном случае седока проводят через дверной проем во двор, где он выходит, чтобы принять своего гостя; при выходе последнего каждый продвигается ровно на столько-то шагов, кланяется столько-то раз и выполняет церемонии, которые они взаимно понимают и ожидают, пока оба не займут свои места во главе зала, причем гость сидит слева от хозяина, а его спутники, если они есть, - в креслах по обе стороны. Расспросы о взаимном благополучии друзей и друг друга облекаются в форму изустных похвал и похвал, которые при буквальном переводе кажутся несколько задетыми, но для них передают не больше, чем подобные любезности между нами, - правда, возможно, не так много искреннего доброжелательства. Например, на замечание: "Давно мы не встречались, сэр", хозяин отвечает (*дословно*): "Как вы позволили себе получить неприятности от ваших почтенных шагов; здоров ли человек в колеснице?" - что просто эквивалентно: "Я очень обязан вашему визиту и надеюсь, что вы наслаждаетесь хорошим здоровьем".

Чай и трубки всегда преподносятся, вместе с бетелевым орехом или сладостями по некоторым случаям, но не считается, как у турок, неуважительным отказываться от них, хотя это было бы необычно. Если гость интересуется здоровьем родственников, он должен начать со старейшего из живущих, а затем спросить, сколько сыновей у хозяина; но не считается хорошим тоном при формальном знакомстве делать какие-либо замечания в адрес хозяйки дома. Если сыновья хозяина дома, их обычно посылают за ним, и они выражают свое почтение другу отца, поднимаясь перед ним и исполняя *котау* как можно быстрее, каждый из них торопится, как будто не хочет его задерживать. Гость поднимает их с легким поклоном, и парни встают перед ним на почтительном расстоянии. Затем он замечает, возможно, если кто-то из них окажется на занятиях, что "этот мальчик увековечит литературную репутацию своей семьи" (*дословно*: "он полностью продолжит аромат книг"); на что его отец отвечает: "Репутация нашей семьи невелика (*дословно*: "счастье холмов и полей скудно"); не стоит возлагать на него больших надежд; если он сможет добыть себе пропитание, этого будет достаточно". После нескольких таких комплиментов мальчики говорят *shao pei*, "немного жду вас", то *есть* просят извинить нас, и удаляются. Девушки приходят редко, а юные леди - никогда.

ФОРМАЛЬНОСТИ ОБРАЩЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ.

Перифразы, используемые для обозначения людей и позволяющие избежать произнесения их имен в той или иной степени, указывают на оценку, которую они получают. Например, "Наслаждается ли счастьем почтенный великий человек?" означает "Здоров ли твой отец?". "Уважаемый и пожилой человек какого почтенного возраста?" - это способ спросить, сколько ему лет; ведь среди китайцев, как, кажется, и среди египтян, вежливо спрашивать имена и

возраст представителей всех сословий и полов. "Старик дома", "превосходный почтенный", "почтенный великий князь" - такими словами посетитель называет отца своего хозяина. Ребенок называет своего отца "величеством семьи", "стариком семьи", "князем семьи" или "почтенным отцом". Когда отец умер, его называют "бывший князь", а мать - "почтенный великий в покое"; есть и особые символы, позволяющие отличить умерших родителей от живых. Просьба: "Окажите мое почтение вашей матери" - поскольку ни один китайский джентльмен никогда не просит о *встрече* с дамами - буквально означает: "Превосходный долгожитель зала от моего имени желает покоя", первые два слова обозначают ту, кто там остается. Следует следить за тем, чтобы не использовать одинаковые выражения, говоря о родственниках гостя и своих собственных; так, на вопрос: "Сколько у вас достойных молодых джентльменов [сыновей]?" хозяин отвечает: "К моему несчастью, у меня был только один мальчик", буквально: "Моя судьба скудна; у меня только один маленький жучок". Это проходит через весь их честерфилдский кодекс. Один мужчина называет свою жену *tsien nui*, то есть "подлая из внутренних апартаментов" или "глупая из семьи", а другой, говоря о ней, называет ее "почтенная леди", "достойная леди", "ваша благосклонность" и т. д.

Что-то подобное встречается во всех восточных языках; познакомиться с правильным применением этих терминов в китайском, как и в других восточных языках, - непростой урок для иностранца. В своих церемониальных приветствиях они, однако, не совсем равны арабам с их поцелуями, поклонами, прикосновениями ко лбу, поглаживанием бороды и повторяющимися движениями поклонения. Китайцы редко обнимаются или прикасаются друг к другу, разве что в необычных случаях радости или в кругу друзей семьи; на самом деле у них почти нет общего слова для поцелуя. Когда посетитель поднимается, чтобы уйти, он говорит: "В другой день я приду получить ваши инструкции", на что его друг отвечает: "Вы оказываете мне слишком много чести; я скорее должен ждать вас завтра". Обычная форма приветствия среди равных - каждый сжимает руки перед грудью и слегка кланяется, говоря: "*Цун! Tsing!*", то есть "Приветствую! Слава! Это повторяется обоими в одно и то же время, как при встрече, так и при расставании.^[378] Формальности проводов соответствуют формальностям приема, но если стороны равны или почти равны, хозяин провожает своего друга до дверей и садится в свой седан.

Офицеры избегают встречаться друг с другом, особенно на людях, за исключением тех случаев, когда этого требует этикет. Офицер низкого ранга обязан остановить свое кресло или лошадь и встать на ноги, чтобы отдать честь своему начальнику, который принимает и возвращает вежливость, не двигаясь с места. Равные по званию покидают свои места и проходят через шуточную борьбу за почтение, чтобы каждый первый вернулся на свое место. Простые люди никогда не осмеливаются отдать честь офицеру на улице и даже не смотрят на него внимательно. В его присутствии они разговаривают с ним, стоя на коленях, но пожилого человека или того, кто заслуживает внимания, обычно просят подняться при разговоре, и даже к преступникам с седыми волосами относятся с уважением. Офицеры не позволяют своим подчиненным сидеть в их присутствии и всегда не желали уступать это иностранцам; люди самого низкого ранга считают себя намного выше лучших из таких посетителей, но это жеманство ранга уже проходит. Обратная ситуация, когда они не оказывают должного уважения, более распространена среди определенного класса иностранцев.

Детей рано учат формам вежливости по отношению ко всем сословиям. Обязанности младших по отношению к старшим братьям своеобразны, первенец имеет своего рода право первородства в культе предков, в разделе имущества и в управлении семьей после смерти отца. Степень формальности в домашнем кругу, привитая в древней Книге обрядов, никогда не соблюдается в полной мере и, возможно, охладила бы привязанность, которая должна

существовать между его членами, если бы привычка не делала ее легкой и правильной; а степень, до которой она действительно соблюдается, во многом зависит от воспитания семьи. При пересылке подарков принято посылать список вместе с запиской, и если человек считает нужным отказаться от некоторых из них, он отмечает в списке те, которые принимает, а остальные возвращает; от дарителя всегда ожидают дусера, и нуждающиеся люди иногда притворяются, что послали с каким-то незначительным подарком от вельможи, надеясь получить больше, чем его эквивалент в качестве кумшо от человека, которого таким образом чествуют. Де Гинь упомянул одного дарителя, который ждал, пока придет список, а затем отправился, купил отмеченные предметы и отправил их своему другу.

ОБЫЧАИ ЗА УЖИНОМ.

Путешественники так часто описывали китайские официальные обеды, что в представлении иностранцев они стали почти одной из их национальных черт; однако многие из этих банкетов давались государем или от его имени, так что вряд ли их можно считать справедливым критерием обычных частных пиров. Китайцы - народ социальный и чувственный, и застольные удовольствия составляют главный пункт в списке их развлечений; не обходится и без высших наслаждений, связанных с умственным отдыхом, хотя эта часть развлечений соответствует их вкусу, а не нашему. Частные обеды и общественные пиры среди высших классов кажутся нам скучными и долгими, потому что дамы не принимают в них участия; но, возможно, мы больше судим о том, какими были бы наши собственные столы без их веселого присутствия, в то время как в Китае каждый пол считает, что трапеза более приятна без вмешательства другого.

Приглашение на ужин написано на листке красной бумаги, похожем на визитную карточку, и отправлено за несколько дней до него. Оно гласит: "В такой-то день пустяковое развлечение будет ожидать света вашего лица. Комплименты Цау Сан-вэя". Другая открытка отправляется в сам день, в ней указывается час ужина, или же приходит слуга, чтобы позвать гостей. Хозяин, одетый в шапку и халат, ожидает их прибытия, а после того как все соберутся, просит последовать его примеру и отложить свои церемониальные наряды. Обычно гости располагаются по двое с каждой стороны небольших непокрытых столов, расставленных в ряд; такое расположение удобно для подачи многочисленных блюд, составляющих пиршество, и удаления посуды, как и римская мода располагаться вокруг полого стола; оно также позволяет хорошо видеть музыкальные или театральные представления. Однако в некоторых случаях на солнечном юге со вкусом накрывают один длинный или круглый стол, на котором пирамиды пирожных чередуются с горами фруктов и блюдами с консервами, все это покрыто цветами или меньше, а сам стол частично скрыт от глаз носовыми венками и листьями. Если вечеринка большая, то десять минут или даже больше уходит на то, чтобы хозяин и гости повторяли утомительные просьбы и отказы занять самые высокие места, ведь ни один человек не сядет, пока не увидит, что хозяин занял его кресло.

Начав, хозяин, встав, приветствует своих гостей в чашке, извиняясь за скудный стол, который им предстоит отведать, и желая выразить им свое почтение. В определенный момент развлечения они в ответ одновременно поднимаются и пьют его здоровье. Западный обычай дарить чувства неизвестен, а вежливость требует, чтобы человек, выпивая здоровье, повернул дно крошечной чашки с вином вверх, чтобы показать, что оно осушено. Стекланная посуда постепенно становится дешевой и распространенной среди среднего класса, но столовая мебель по-прежнему состоит в основном из фарфоровых чашек, мисок и блюд различных размеров и качества, фарфоровых ложек в форме детской лодочки и двух гладких палочек из бамбука, слоновой кости или дерева, размером с перо, хорошо известных как *палочки для еды*, от туземного названия *kwai tsz'*, то есть "проворные парни".

Взявшись за эти орудия с каждой стороны указательным пальцем, едок отщипывает от блюд мясо, рыбу или овощи, уже нарезанные на порции, и подносит одну ко рту. Миску с рисом или просом подносят к губам, а содержимое запихивают в рот быстрым движением, вполне соответствующим названию используемых инструментов. Менее удобные, чем вилки, палочки для еды значительно превосходят пальцы, что признает каждый, кто видел, как индусы забрасывают в рот шарики риса с карри.

Последовательность блюд неравномерна: супы, мясо, тушеное мясо, фрукты и консервы вводятся по усмотрению мажордома, но конец объявляется миской простого риса и чашкой чая. Фрукты часто приносят после перерыва, во время которого гости встают и освежаются, гуляя и болтая, ведь нередко требуется три-четыре часа, чтобы попробовать все блюда. Не считается невежливым, если гость выражает свое удовлетворение от хорошего угощения и демонстрирует признаки того, что он наелся до отвала; также не считается нарушением манер удалиться до окончания ужина. Гости разбавляют его скуку игрой в *chai mei*, или *morra* (*micare digitis* старых римлян), которая заключается в том, чтобы показывать друг другу пальцы через стол и в тот же момент называть число; например, если один раскрывает два пальца и называет число четыре, другой тут же показывает шесть пальцев и повторяет это число. Если он ошибается, называя дополнение к десяти, он платит неустойку, выпивая чашку. Эта веселая игра распространена среди всех сословий, и шумное веселье рабочих или друзей за трапезой часто можно услышать, проходя по улицам после обеда.^[379] Китайцы обычно принимают пищу два раза в день: завтракают в девять часов, а ужинают в четыре или около того.

СДЕРЖАННОСТЬ КИТАЙЦЕВ.

Китайцы - сравнительно умеренный народ. Это объясняется главным образом повсеместным употреблением чая, а также тем, что они принимают аррак очень теплым и во время еды, а не какими-либо представлениями о трезвости или нелюбви к спиртным напиткам. Небольшое количество этого напитка раскраснело их лица, влезло в голову и побудило их, когда они были взволнованы, оставаться в доме, чтобы скрыть запах, хотя они, возможно, и не были по-настоящему пьяны. В Восточной Азии этот ликер известен под названиями тодди, аррак, саки, тсиу и другими, и дистиллируется из дрожжевого раствора, в котором вареный рис бродит под давлением много дней. Для обычного ликера делается только одна перегонка, но когда требуется большая крепость, его перегоняют два или три раза, и только этот крепкий спирт по праву называется *самшу*, что означает "трижды обожженный". Китайские моралисты всегда выступали против употребления спиртных напитков, а имя И-тиха, предполагаемого изобретателя пагубного напитка, более чем за две тысячи лет до нашей эры, передавалось с порицанием, поскольку он сам был изгнан великим Юем за свое открытие.

В "Короле Шу" содержится речь герцога Чау о злоупотреблении спиртными напитками. Его речь, обращенная к брату Фунгу в 1120 г. до н. э., - самое древнее обращение к воздержанности, даже более раннее, чем слова Соломона в Притчах. "Когда ваш преподобный отец, царь Вэн, основал наше царство в западном регионе, он утром и вечером обращался к князьям различных государств, их чиновникам, помощникам и управляющим делами с объявлениями и предостережениями, говоря: "Для жертвоприношений следует употреблять духи. Когда Небо ниспосылало свои [благосклонные] повеления и закладывало основы господства нашего народа, духи использовались только при больших жертвоприношениях. [Но] когда Небо ниспослало свои ужасы, и наш народ таким образом сильно дезорганизовался и утратил [чувство] добродетели, это тоже можно объяснить ничем иным, как неограниченным использованием духов; да, более того, гибель феодальных

государств, малых и великих, может быть прослежена за этим одним грехом - свободным использованием духов". Король Вэн наставлял и поучал молодых и тех, кто занимал должности, управляя государственными делами, чтобы они не употребляли спиртные напитки. Во всех государствах он предписывал, чтобы их употребление ограничивалось временем жертвоприношений, да и то с такими ограничениями, чтобы добродетель не допускала пьянства".[380]

Общие и местные праздники китайцев многочисленны, среди них первые три дня года, один или два в середине апреля для поклонения гробницам, два солнцестояния и праздник лодок-драконов - обычные дни отдыха и веселья, только в первый из них магазины закрыты и бизнес приостановлен. Некоторые люди выражают удивление, что непрерывный труд, которым занят китайский рабочий, не привел его к еще большей деградации. Обычно говорят, что еженедельный отдых необходим для поддержания телесных и душевных сил человека в полной активности, и что дряхлость и безумие чаще всего приводили бы к этому, если бы не было такого отдыха. Аргументы в пользу этого наблюдения, по-видимому, вытекают из неоспоримых фактов в странах, где признается обязательность субботы, хотя там, где подавляющее большинство прекращает заниматься бизнесом и трудом, немногим нелегко работать постоянно, даже если они этого хотят, из-за различных способов, которыми их занятия связаны с занятиями других людей; тем не менее в Китае люди, которые непрерывно облагают себя налогом до предельного напряжения тела и ума, живут в здравии до старости. Несколько фактов такого рода склоняют к предположению, что суббота была задумана Господом как день отдыха человека от постоянного расслабления, умственного и физического труда, чтобы у него был досуг для выполнения первостепенных обязанностей религии, а не только как день расслабления и отдыха, без которого они не могли бы прожить все свои дни. Среди китайцев нет ничего похожего на седьмой день отдыха или религиозного уважения к этому промежутку времени, но они, как народ, не упражняют свой ум с такой интенсивностью или на высокие темы, как западные народы, и, возможно, это одна из причин, почему их ежегодный труд не приводит к катастрофическим последствиям. Бесчисленные блага, проистекающие из соблюдения четвертой заповеди, можно лучше оценить, наблюдая изможденное состояние общества, где она не признается, и тот, кто видит такое общество, не может не желать ее введения.

Новообращенные в христианство китайцы, которых наставляют в строгом соблюдении субботы, вскоре учатся ценить ее как высокую привилегию; а всеобщее пренебрежение ею среди местных римских католиков устранило единственное очевидное различие между ними и язычниками. Бывший премьер-министр Китая однажды заметил, что среди немногих действительно ценных вещей, которые иностранцы привезли в Китай, отдых в субботний день был одним из самых желанных; он часто тосковал по спокойному дню.[381]

НОВОГОДНИЕ ОБЫЧАИ И ЦЕРЕМОНИИ.

Возвращение года - повод для беспредельного праздника и веселья, как будто все население с криком сбрасывает с себя старый год и, переодевшись, облачается в новый. Признаки приближения этого главного праздника появляются за несколько недель до него. На главных улицах выстраиваются столы, на которых самым привлекательным образом выставлены на продажу предметы одежды, мебели и фантазии. Необходимость заставляет многих избавляться от некоторых своих сокровищ или лишних вещей в это время года, и иногда очень любопытные вещицы, долго хранившиеся в семьях, можно вылечить по дешевой цене. Начальство обычно дарит подарок своим иждивенцам и служащим, а лавочники - благодарность за оказанные услуги своим клиентам; один из самых распространенных подарков среди низших классов - пара новых туфель. Среди

расставленных на улицах столов есть множество, снабженных карандашами и красной бумагой разных размеров, на которых люди пишут фразы, соответствующие сезону, в разных стилях, чтобы приклеить их на косяки и перемычки домов и магазинов,^[382] или повесить на стены. Магазины также имеют самый блестящий вид, украшенные этими бумагами, перемежающимися с *кин-хва*, или "золотыми цветами", которые представляют собой веточки искусственных листьев и цветов, сделанные в южных городах из латунной мишуры и закрепленные на проволоке; последние предназначены для ежегодного подношения в храмах или для размещения перед домашней табличкой. Маленькие полоски красной и позолоченной бумаги, на которых написано слово "фух", "счастье", большие и маленькие свечи из вермишели, раскрашенные в яркие цвета, и другие предметы, используемые в идолопоклонстве, также продаются в огромных количествах и вместе с увеличившейся толпой придают улицам необычайно оживленный вид. Другим явным признаком приближающейся перемены является использование воды на дверях, ставнях и других деревянных конструкциях домов и магазинов, мытье стульев, посуды, одежды и т. д., как будто чистота имеет не малое отношение к радости, а хорошо вымытый человек и жилище являются обязательным условием для правильного проведения праздника. По всем южным рекам все мелкие суда, танки и лихтеры причаливают и выворачивают наизнанку, чтобы вымыть.

УЛАЖИВАТЬ ДЕЛА И УКРАШАТЬ ДОМА.

Еще более похвальный обычай этого сезона - сведение счетов и уплата долгов; владельцы магазинов заняты ожиданием своих клиентов, а кредиторы призывают своих должников уладить эти важные дела. Ни одному долгу не позволено пережить новый год без урегулирования или удовлетворительного соглашения, если этого можно избежать; а те, чьи обязательства полностью превышают их средства, обычно в это время вынуждены сворачивать свои предприятия и отдавать все имеющееся имущество в руки кредиторов. Последствиями этого всеобщего дня зарплаты являются высокий курс денег, большое обращение к ломбардам и общее падение цен на большинство видов продуктов и товаров. Эта практика дает много хороших результатов, а осознание трудности и дороговизны обращения в суд для взыскания долгов побуждает всех соблюдать и поддерживать ее, чтобы отсеять нечестных, неудачливых и диких спекулянтов среди честных торговцев.

Де Гиньес упоминает об одном способе заставить человека заплатить свои долги в это время года, который заключается в том, чтобы вынести дверь его магазина или дома, поскольку тогда его помещение и человек будут подвержены входу и гневу всех голодных и злобных демонов, бродящих по улицам, и счастье больше не вернется в его жилище; чтобы избежать этого, он стремится упорядочить свои счета. Среди набожных людей принято сводить счета с богами, и за несколько дней до Нового года храмы необычайно заполнены верующими, как мужчинами, так и женщинами, как богатыми, так и бедными. Некоторые постятся и просят жрецов ходатайствовать за них, чтобы их грехи были прощены, а сами преклоняются перед образами под грохот гонгов, барабанов и колоколов и таким образом сводят старые счета. В канун Нового года улицы полны людей, спешащих поскорее завершить множество дел, которые на них навалились. В Кантоне некоторые из них наклеивают на крыльцо дома "пять листов", означающих желание, чтобы пять благ, составляющих сумму всех человеческих благ (а именно: долголетие, богатство, здоровье, любовь к добродетели и естественная смерть), стали их благосклонным уделом. Над ними помещаются такие фразы, как "Пусть пять благословений посетят эту дверь", "Пусть небеса ниспошлют счастье", "Пусть богатые клиенты когда-нибудь войдут в эту дверь", а дверные косяки украшаются другими надписями на простой или посыпанной золотом красной бумаге, что делает вход весьма живописным. В

зале висят свитки, более или менее дорогие, с тщательно подобранными антитетическими предложениями. У литератора, например, будет дистих, подобный следующему:

Пусть я буду настолько образован, что смогу сохранить в своем сознании три мириада томов:

Пусть я буду знать дела мира в течение шести тысяч лет.

Владелец магазина украшает свою дверь тем, что связано с торговлей:

Пусть прибыль будет подобна утреннему солнцу, восходящему над облаками.

Пусть богатство растет, как утренний прилив, приносящий дождь.

Управляйте своей профессией в соответствии с правдой и верностью.

Придерживайтесь доброжелательности и честности во всех своих торговых операциях.

Влияние этих девизов и бесчисленных других, подобных им, которые постоянно можно увидеть на улицах, в магазинах и домах по всей стране, неоценимо. Как правило, они направлены на добро, а поскольку большая их часть написана в форме прошения или пожелания, они свидетельствуют о нравственных чувствах людей.

Жители лодок в провинциях Квантун и Фукиен особенно щедры на бумажные молитвы, наклеивая их на каждую доску и весло в лодке, и подвешивая их на корме в количестве нескольких штук, отчего судно весело трепещет. Фермеры наклеивают их на амбары, деревья, плетни, корзины и утварь, как будто ничто не может быть слишком незначительным, чтобы получить благословение. Дом обустраивается самым тщательным образом, очищается с помощью религиозных церемоний и люстраций, запускаются хлопушки и т. д., а поскольку необходимые приготовления занимают значительную часть ночи, улицы не затихают до рассвета. В дополнение к суете, вызванной деловыми и религиозными мероприятиями, которая знаменует собой этот промежуток времени, постоянные взрывы хлопушек и грохот гонгов делают его еще более шумным. Нити этих трещащих фейерверков сжигают у косяков дверей перед уходом и приходом года, чтобы изгнать и отогнать от дома злых духов. Потребление их настолько велико, что осколками засыпают улицы, а крестьяне на следующей неделе приезжают в город Кантон и сметают сотни бушелей навоза.

Первый день года также считается днем рождения всего населения, так как практика евреев отсчитывать возраст от начала года преобладает и в Китае; таким образом, ребенок, родившийся всего за неделю до Нового года, считается вступившим во второй год в первый день первого месяца. Однако это не полностью отменяет соблюдение настоящей годовщины, и родители часто устраивают торжественные мероприятия в день рождения своего сына. Один миссионер так описывает празднование шестого дня рождения сына в Нинпо. "Малыш был одет в свои лучшие одежды, а его отец принес позолоченную бумагу, напечатанные молитвы и большое количество чаш с мясом, рисом, овощами, духами, орехами и т. д. в качестве подношения, которое должно было быть разложено перед идолами. Церемонии проводились в апартаментах *Тао Му*, или "Матери-бушель", которая особо заботится о младенцах до и после рождения. Старый настоятель был одет в алую мантию с позолоченным изображением змеи в волосах; один из монахов носил пурпурную, другой - серую мантию. Настоятель читал множество молитв, казалось, повторяя их по кругу, время от времени немного подпевая, когда к хору присоединялись служители, и оглушительный звон колоколов, тарелок и деревянных колотушек дополнял их крик;

неоднократно совершались генуфлексии и прострации. Одной из частей церемонии было пропускание живого петуха через бочку, что помощники выполняли много раз, выкрикивая при каждом повторении какие-то странные слова; этот акт символизировал опасности, через которые ребенок должен был пройти в своей будущей жизни, и священники молились, чтобы он так же благополучно вышел из всех них, как петух прошел через бочку. В заключение некоторые молитвы сжигались, возносились возлияния, и грандиозная симфония колокола, гонга, барабана и блока завершала сцену".[383]

В разных частях страны в этот период наблюдается большое разнообразие местных обычаев. В Амои обычно практикуется обычай "окружать печь". В канун Нового года члены семьи садятся за сытный ужин, а под столом ставят сковороду с древесным углем, который якобы предохраняет от пожара. После окончания ужина деревянные светильники выносятся и расстилаются на мостовой вместе с ворохом золотой и серебряной бумаги, и поджигаются после того, как все демоны будут отпугнуты залпом хлопушек. Затем угли делят на двенадцать кучек и внимательно следят за тем, как они гаснут, чтобы предсказать, какая погода ожидается в следующем году. Многие омывают тело теплой водой, ароматизированной настоем листьев, в качестве защиты от болезней; эта церемония, а также украшение святилища предков и украшение всего дома надписями, картинами, цветами и фруктами в самом изысканном виде, какой только позволяют средства семьи, занимают большую часть ночи.

ЗВОНКИ И КОМПЛИМЕНТЫ НА НОВЫЙ ГОД.

Неподвижность улиц и яркие надписи на закрытых магазинах в новогоднее утро представляют собой удивительный контраст с обычной суетой и толпой, напоминая христианскую субботу. Красные бумажки на дверях то тут, то там перемежаются с синими, извещающими о том, что в течение последнего года среди обитателей дома наступила смерть; безмолвное, но выразительное указание проходим на то, что некоторые из тех, кто видел прошлый Новый год, ушли из жизни. В некоторых местах наряду с голубыми используются белые, желтые и гвоздичные бумаги, чтобы различать степени умерших родственников. Этикет требует, чтобы скорбящие оставались дома в этот период. К полудню улицы заполняются хорошо одетыми людьми, которые спешат в седанах или пешком, чтобы позвонить; те, кто не может позволить себе купить новый костюм, нанимают его для этой цели, так что человек едва узнает своих домашних в их нарядах и одеждах. Встреча друзей на улице, идущих с одним и тем же поручением, сопровождается особыми проявлениями уважения: каждый вежливо борется за то, чтобы быть наиболее умиленным. В этот день родители принимают поклоны от своих детей, учителя ждут приветствий от своих учеников, судьи ожидают призывов от своих подчиненных, а предки всех поколений и боги различных сил получают подношения от почитателей в семейном зале или общественном храме. Большая часть визитов осуществляется с помощью открыток, на которых оттиснута эмблема, представляющая три счастливых желания - детей, звания и долголетия; для дальних знакомых и клиентов достаточно обычной открытки. Можно было бы порассуждать, не был ли обычай посещать и обновлять знакомых в день Нового года, столь широко распространенный среди голландцев и в Америке, первоначально заимствован у китайцев; но, как и во многих других вещах, в этом западные народы усовершенствовали восточные, обращаясь к дамам. Люди, встречаясь, приветствуют друг друга *Kung-hi! Кунг-ху!* 'Я почтительно желаю вам радости!' - или *Sin-hi! Sin-hi!* 'Пусть новая радость будет вашей', и оба этих приветствия, используемые в это время года, очень похожи на английское "*Happy New Year!*".

Ближе к вечеру веселые звуки, доносящиеся из закрытых дверей, сообщают, что жертва, принесенная для представления перед святынями ушедших родителей, веселит поклонников; а огромное количество людей, прибегающих в игорные салоны, прекрасно понимают, что рутина церемонии скоро надоест и потребуется более захватывающий стимул. Масштабы, до которых дошла игра, почти неописуемы. Жонглеры, монтировщики и актеры также пытаются собрать несколько монет, развлекая толпу. В целом, однако, три дня, отведенные на этот фестиваль, проходят без суматохи, а затем дела и работа постепенно возвращаются в свое обычное русло еще на двенадцать месяцев.

ФЕСТИВАЛЬ ДРАКОНЫХ ЛОДОК И ПРАЗДНИК ФОНАРЕЙ.

Праздник лодок-драконов, отмечаемый в пятый день пятого месяца, представляет собой совершенно разные сцены везде, где есть подходящий для его проведения ручей. В Кантоне длинные узкие лодки, вмещающие шестьдесят и более гребцов, мчатся вверх и вниз по реке парами с огромным шумом, словно в поисках утонувшего. Этот праздник был учрежден в память о государственном деятеле Кюх Юэне около 450 года до н. э., который утопился в реке Мих-ло, впадающей в озеро Тунгтинг, после того как был ложно обвинен одним из мелких князей государства. Люди, любившие несчастного придворного за его верность и добродетель, отправили лодки на поиски тела, но безрезультатно. Тогда они приготовили особый сорт рисовых лепешек, называемых *цунг*, и, отправившись по реке на лодках с флагами и гонгами, каждый стремился первым оказаться на месте трагедии и принести жертву духу Кюх Юэна. С тех пор этот способ отметить событие остается ежегодным праздником. Нос лодки украшается орнаментом или вырезается в виде головы дракона, а люди, бьющие в гонги и барабаны и размахивающие флагами, вдохновляют гребцов на новые усилия. Захватывающее упражнение гонок заставляет людей продлить праздник на два-три дня, и, как правило, с похвальным хорошим настроением, но их рвение к борьбе часто ломает лодки или приводит их такой опасности, что судьи иногда запрещают гонки, чтобы спасти людей от утопления.^[384]

Первое полнолуние в году - праздник фонарей, детский и скучный по сравнению с двумя предыдущими. Его происхождение точно не известно, но он отмечался уже в 700 году нашей эры. Его празднование заключается в подвешивании фонарей разных форм и материалов перед каждой дверью и освещении тех, кто находится в зале, но их объединенный блеск сам по себе является тусклым по сравнению с светом луны. В Пекине выставка прозрачных картин и фотографий в Военном совете сегодня вечером привлекает большое количество людей обоих полов, если погода будет хорошей. Магальянс описывает виденный им фейерверк, который представлял собой беседку, увитую виноградной лозой, деревянная часть которой, казалось, горела, а ствол, листья и гроздья растения постепенно сгорали, но так, что краснота винограда, зелень листьев и естественный коричневый цвет стебля сохранялись до тех пор, пока все не сгорело. Праздник фонарей, наступающий так скоро после Нового года и являющийся несколько дорогостоящим, не так восторженно отмечается в южных городах. В столице в это свободное время, когда государственные учреждения закрыты, ювелиры, торговцы всякой всячиной и прочие устраивают ярмарку во дворе храма в Вай-Чинге, где они выставляют такие прекрасные коллекции резьбы по камню и самоцветам, бронзы, игрушек и т. д., какие только можно увидеть в Азии. Уважение, с которым относятся к толпам женщин и детей в таких случаях, свидетельствует о высокой репутации народа.

В изготовлении фонарей китайцы, безусловно, превосходят все другие народы; разнообразие форм, изящная резьба, позолота и раскраска, кропотливая изобретательность и вкус, проявленные при их создании, делают их одним из самых красивых украшений

жилища. Они изготавливаются из бумаги, шелка, ткани, стекла, рога, плетеных корзин и бамбука, демонстрируя бесконечное разнообразие форм и украшений, варьируясь в размерах от маленького ручного фонаря стоимостью два-три цента до великолепной люстры или сложного фонаря диаметром пятнадцать футов, содержащего несколько ламп внутри и стоящего три-четыре сотни долларов. Цели, для которых они применяются, не менее разнообразны, чем усилия и мастерство, затраченные на их создание, замечательны. Один из любопытных видов называется *tsao-ma-tǎng*, или "фонарь для скачек", который состоит из одного, двух или более проволочных каркасов, расположенных один в другом, и устроен по тому же принципу, что и дымовая шашка, в которой ток воздуха, вызванный пламенем, заставляет их вращаться. Проволочный каркас покрыт бумажными фигурками людей и животных, расположенных посреди соответствующих декораций и представленных в различных позах; или, как описывает их Магайланс, "вы увидите, как бегут лошади, запряженные колесницами и бороздящие землю; как плывут корабли, как короли и принцы входят и выходят с большими поездами, как огромное количество людей, пеших и конных, как марширующие армии, как комедии, танцы и тысячи других развлечений и движений".

Одно из самых красивых зрелищ с фонарями можно увидеть на празднике, который устраивают весной или осенью рыбаки на южных побережьях, чтобы умиловить богов воды. Непременной частью процессии является дракон длиной в пятьдесят футов и более, сделанный из легких бамбуковых рам размером и формой напоминающих бочку, соединенных и обтянутых полосками цветного хлопка или шелка; конечности представляют собой зияющую голову и резвящийся хвост. Это чудовище, символизирующее владыку водных глубин, проносят по улицам люди, держащие голову и каждый сустав на шестах, к которым подвешены фонари; когда они идут друг за другом, их шаги придают телу извивающиеся, размашистые движения. Огромные модели рыб, так же освещенные, предшествуют дракону, а музыка и фейерверки - неизменное предупреждение скрывающимся демонам держаться подальше от дороги - сопровождают процессию, которая представляет собой очень яркое зрелище, когда она проносится по темным улицам. Эти виды спорта и шествия придают идолопоклонству характер, и хотя в Китае, как и в других языческих странах, правительство не требует и не покровительствует им, большинство сцен и игр, которые радуют народ, рекомендуются, поскольку с ними связывают соблюдение или надежды религии и веселье праздничного стола.

В середине шестой луны фонари подвешивают на верхушку столба, установленного на самой высокой части дома. Считается, что достаточно одного небольшого фонаря, но если ночь спокойная, то некоторые домовладельцы, особенно на лодках, устраивают большую демонстрацию, выставляя разноцветные стеклянные лампы, расположенные различными способами. Освещение такого города, как Кантон, если смотреть на него с высокого места, становится еще более ярким из-за движущихся по реке лодок. На одном из таких праздников в Кантоне почти полное затмение луны создало все население, каждый нес что-то, чем можно было шуметь: чайники, кастрюли, палочки, барабаны, гонги, пушки, хлопушки и все, что угодно, чтобы отпугнуть небесного дракона от его ужасного пиршества. Надвигающаяся тень постепенно заставляла мириады фонарей светиться все отчетливее, и шум становился все сильнее, пока темнота и шум не достигли своего апогея; тишина постепенно восстановилась, когда луна вернула свою полноту.

ОРГАНИЗАЦИЯ И СТИЛЬ ШЕСТВИЙ.

Китайцы очень любят процессии, а если учесть браки и похороны, то устраивают их чаще, чем другие народы. В каждом городе открываются ливрейные заведения, где организуются процессии и снабжаются всем необходимым для свадебных и похоронных торжеств, а также

религиозных праздников. Поставляются не только седаны, музыкальные оркестры, биры, каркасные и позолоченные подставки для перевозки идолов, святынь и жертвенных пиров, красные ящики для хранения убранства невесты и т. д., но и знамена, столы, подставки, диковинки и униформа в большом разнообразии. Мужчины и мальчики, которые должны нести их и выполнять различные части церемонии, нанимаются, униформа скрывает их поношенную одежду и грязные конечности. Гильдии часто идут на большие расходы, устраивая шествие в честь своего святого покровителя, образ которого проносят по улицам члены корпорации, одетые в праздничные одежды и сапоги. Разнообразие и участники этих представлений чрезвычайно любопытны и характерны для народного вкуса. Здесь можно увидеть великолепные шелковые знамена, украшенные богатой вышивкой, чередующиеся с молодыми девушками, наряженными красками и цветами и сидящими на высоких сиденьях под искусственным деревом или, кажется, почти в воздухе, опираясь на рамы на плечах мужчин; оркестры музыки; жертвенное мясо и фрукты, украшенные цветами; Святыни, изображения и диковинные диковинки, разложенные на красных павильонах; мальчики, наряженные в официальные одежды и верхом на пони или запряженные в крытый каркас, изображающий лошадей, - все это так надумано и раскрашено, что зритель с трудом может поверить, что они не едут на лилипутских пони, размером не больше собаки. Ребенок, стоящий в машине и несущий на плече ветку, на одной ветке которой стоит другой ребенок на одной ноге, или девочка, держащая в руке тарелку с пирожными, на вершине которой стоит другая мисс на цыпочках, и все это несут кули, иногда добавляют зрелищу увлекательности и иллюстрируют механическое мастерство участников выставки. Небольшие компании, одетые в разнообразные военные мундиры, с копьями, щитами, алебардами и т. д., время от времени вызываются на праздник и придают ему более воинственный вид. Плотники в Кантоне славятся своими великолепными шествиями в честь своего героя Лу Пана, к которым присоединяются и другие ремесленники; этот полубог соответствует Тубал-Каину из китайских легенд и сегодня считается покровителем всех рабочих, хотя процветал он не ранее времен Конфуция. Помимо этих праздников и шествий, есть несколько более строго религиозных, таких как ежегодная месса буддистов, молитвенное жертвоприношение крестьян за хороший урожай и другие, более или менее важные, которые увеличивают количество дней отдыха.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ПЬЕСЫ-АКТЕРЫ.

Театральные представления представляют собой обычное развлечение и, как правило, связаны с религиозным празднованием праздника бога, перед храмом которого они выставляются. Они организуются жрецами, которые рассылают своим неوفитам подписные листы, а затем нанимают настолько большую и искусную группу артистов, насколько позволяют средства. Постоянных зданий для театров строится немного, так как оркестр феспианцев по-прежнему сохраняет свой первоначальный бродячий характер и готов собрать свои атрибуты по первому зову. Возведение навесов для игр представляет собой отдельную отрасль плотницкого ремесла; в южных городах за день можно построить один достаточно большой навес, рассчитанный на две тысячи человек, и почти единственная часть материалов, которая тратится впустую, - это ротанг, связывающий вместе столбы и маты. Один большой сарай содержит сцену, а три поменьше перед ней окружают площадь и обставлены грубыми сиденьями для платящих зрителей. Щедрость подписчиков подтверждается тем, что на стены храма прикреплены красные листы с их именами и суммами. В пурлиусах продают прохладительные напитки, ставят игорные столы или используют для других целей, и всеми этими способами жрецы обычно пытаются извлечь выгоду из своего посвящения.^[385]

Партии актеров и акробатов можно нанять по дешевке, и их выступления составляют часть празднеств богатых семей в их домах, чтобы развлечь женщин и родственников, которые не могут поехать за границу, чтобы увидеть их. Они объединяются в отдельные корпорации или гильдии, и каждая получает отличительное название, например "Счастливая и благословенная компания", "Компания славных явлений" и т. д.

Представления обычно длятся целых три дня, с небольшими перерывами на сон и еду, и в деревнях, где они проходят сравнительно редко, люди ведут себя как заколдованные, пренебрегая всем, чтобы присутствовать на них. Женские роли исполняют парни, которые не только красятся и одеваются как женщины, но даже втискивают пальцы ног в "золотые лилии" и имитируют на сцене ковыляющую, извивающуюся походку. Эти ребята с удивительной точностью воспроизводят голос, тональность и движения своего пола, пользуясь любой возможностью, чтобы разгрузить ноги, сидя на сцене или удаляясь в зеленую комнату, когда выходят на сцену. Актерская игра в основном пантомимная, и ее достоверность свидетельствует о прекрасной подготовке игроков. Этому развитию их подражательных способностей, вероятно, еще больше способствует трудность понимания зрителями сказанного; из-за различий в диалектах, открытой конструкции театра, высокого фальцета или речитатива, в котором произносятся многие роли, и грохота оркестра, вклинивающегося между несколькими фразами, ни одна четверть зрителей не слышит и не понимает ни слова.

Декорации очень просты, состоят из грубо раскрашенных циновок, разложенных на заднике и по бокам сцены, нескольких столов, стульев или кроватей, которые последовательно служат для многих целей, и вносятся и выносятся из гримерной. Оркестр располагается по бокам сцены и не только заполняет интервалы своими интерлюдиями, но и издает грохочущие звуки, чтобы подчеркнуть или добавить энергии в порывы противоборствующих воинов. Опускающийся занавес не разделяет акты или сцены, и спектакль доводится до конца без антракта. Платья сшиты из великолепного шелка и представляют собой лучшие образцы древнекитайского костюма прежних династий, которые только можно увидеть. Несовершенство декораций требует воображения зрителя, хотя сами актеры в некоторой степени восполняют этот недостаток, рассказывая, какую роль он исполняет, и что делал человек, которого он представляет, пока отсутствовал. Если курьера нужно отправить в далекий город, он бежит по доскам, или, возможно, берет кнут и задирает ногу, как будто садится на лошадь, и, дойдя до конца сцены, кричит, что прибыл, и там передает свое послание. Проезд по мосту или переправа через реку обозначаются шагами вверх, а затем вниз или движением лодки. Если нужно изобразить город, двое или трое мужчин ложатся друг на друга, когда на них яростно бросаются воины, разрушают стену, которую они образовали, и берут город штурмом. Призраки или сверхъестественные существа вводятся через широкий люк в сцене, и, если он считает нужным, пародист кричит снизу, что он готов, или просит помочь ему подняться через отверстие.

ОПИСАНИЕ ПЬЕСЫ.

Мистер Лей описывает увиденную им пьесу, в которой было представлено множество небесных и земных персонажей. "Первая сцена была призвана представить счастье и великолепие существ, населяющих верхние регионы, а вокруг них играли солнце и луна, а также диковинные олицетворения стихий. Мужчина, олицетворявший солнце, держал в руках круглое изображение солнечного диска, а женщина, исполнявшая роль луны, держала в руке полумесяц. Актеры старались двигаться так, чтобы имитировать соединение и

противостояние этих небесных тел, вращающихся в своих видимых сферах. Громовержец орудовал топором, прыгал и кувыркался, совершая различные необычные сальто. После нескольких оборотов монарх, удостоившийся такой высокой чести, как место в обители счастливых, благодаря пристрастию горной нимфы, начинает чувствовать, что никакая высота удачи не может уберечь смертного от обычных бедствий этой бременной жизни. Злой придворный переодевается в тигровую шкуру и в этом одеянии подражает самому животному. Он врывается в уединенные апартаменты фрейлин, пугает их до полусмерти, а наследника бросает в ров. Сестры спешат в королевское присутствие и, бросившись на землю, сообщают печальную весть о том, что тигр унес юного принца, который, оказывается, был сыном вышеупомянутой горной нимфы. Опечаленный монарх так близко к сердцу принимает потерю, что отрекается от мира и размышляет о выборе преемника. Под влиянием коварной женщины он выбирает молодого человека, у которого хватает ума понять, что он глупец. Едва успевает закончиться процесс передачи короны, как несчастный король умирает, и корона переходит к тупице, но вместо того, чтобы преуспеть в своем новом положении, тупица оплакивает свою участь в самых неловких причитаниях и восклицает: "О дорогая! Что мне делать?" с такой жалостью и в то же время с такой неподдельной нелепостью, что зритель не знает, смеяться ему или плакать. Придворный, отнявший наследника и разбивший сердце отца, находит в новом короле легкое орудие для осуществления своих предательских замыслов, а государство погружается в пучину гражданских раздоров внутри страны и опасных войн за рубежом.

"В дальнейшем произошла сцена, в которой примирение этого двора с каким-то иностранным принцем зависит от выдачи некоего несносного человека. Зять жертвы получает письмо с этим предложением, возвращается в свой дом и переодевается в целях конспирации. Прибыв ко двору иностранного принца, он обнаруживает, что выронил письмо, переодеваясь, и едва избегает того, чтобы его приняли за шпиона без документов. Он спешит назад, зовет свою одежду, перетряхивает ее одну за другой в муках самосожаления, но письма нет. Он садится, с силой бросается на стул, с лицом, невыразимо полным муки и отчаяния: реальность ничего не могла бы добавить к имитации. Но то время как все взгляды были прикованы к нему, он позвал служанку и спросил, знает ли она что-нибудь о письме; она ответила, что подслушала, как ее хозяйка читала письмо, содержание которого было таким-то и таким-то. Хозяйка заняла место в отдалении от него и кормила ребенка грудью; как только он убедился, что письмо находится у нее, он посмотрел на нее с такой улыбкой на щеке и светом в глазах, что все собрание издало громкий вздох восхищения; ведь китайцы не аплодируют, хлопая и притопывая, а выражают свои чувства восклицанием, которое можно сравнить со вздохом и стоном. Целью мужа было вырвать у жены письмо, а улыбка и ласковый взгляд были лишь прелюдией; он взял стул, поставил его рядом с ней, положил одну руку ей на плечо, а другой ласкал ребенка в стиле, столь изысканно естественном и столь совершенно английском, что в этой драматической картине было видно, что природа наделяет сердца людей одинаковой силой. Однако его обращения оказались безрезультатными, и жизнь ее отца не была принесена в жертву".[\[386\]](#)

Нравы китайской сцены, в том что касается чувств пьес, лучше, чем актерская игра, которая иногда потворствует развращенным вкусам, но непристойного обнажения лиц танцовщиц в Китае никогда не наблюдается. Зрители стоят на площадке перед сценой или сидят в навесах вокруг нее; присутствующие женщины обычно сидят на галереях. Полиция всегда наготове, чтобы поддерживать порядок, но толпа, хотя и находится в неудобном положении и иногда подвергается воздействию яростного солнца, ведет себя на редкость мирно. Несчастные случаи происходят редко, но когда людей тревожит грохот или сцена загорается, как правило, происходит гибель людей. В мае 1845 года в Кантоне произошло

ужасное разрушение в результате возгорания сцены во время спектакля, жертвами которого стали более двух тысяч человек; оставшиеся в живых вспомнили, что за много лет до этого в том же месте и во время спектакля пятьдесят человек были убиты в результате падения стены.^[387]

ПОПУЛЯРНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Активные, мужественные игры не популярны на юге, и вместо участия в играх с мячом или регате, посещения кегельбана или площадки для игры в пятерки, чтобы продемонстрировать свою силу и мастерство, молодые люди поднимают балки с тяжелыми камнями, как огромные гантели, чтобы доказать свою мускулатуру, или отбивают пятки в игре в шаттллок. Развлечения джентльменов на свежем воздухе заключаются в запуске воздушных змеев, ношении птиц на жердочках и подбрасывании семян высоко в воздух, чтобы они их ловили, прогулках по полям или ленивом катании на лодках по воде. Бросать медяки, сражаться со сверчками или перепелами, подбрасывать сразу несколько мячей, пинать друг о друга большие свинцовые шары, щелкать палками, бросать камни или угадывать количество семян в апельсине - это игры для парней.

МЕТОДЫ И ПОПУЛЯРНОСТЬ АЗАРТНЫХ ИГР.

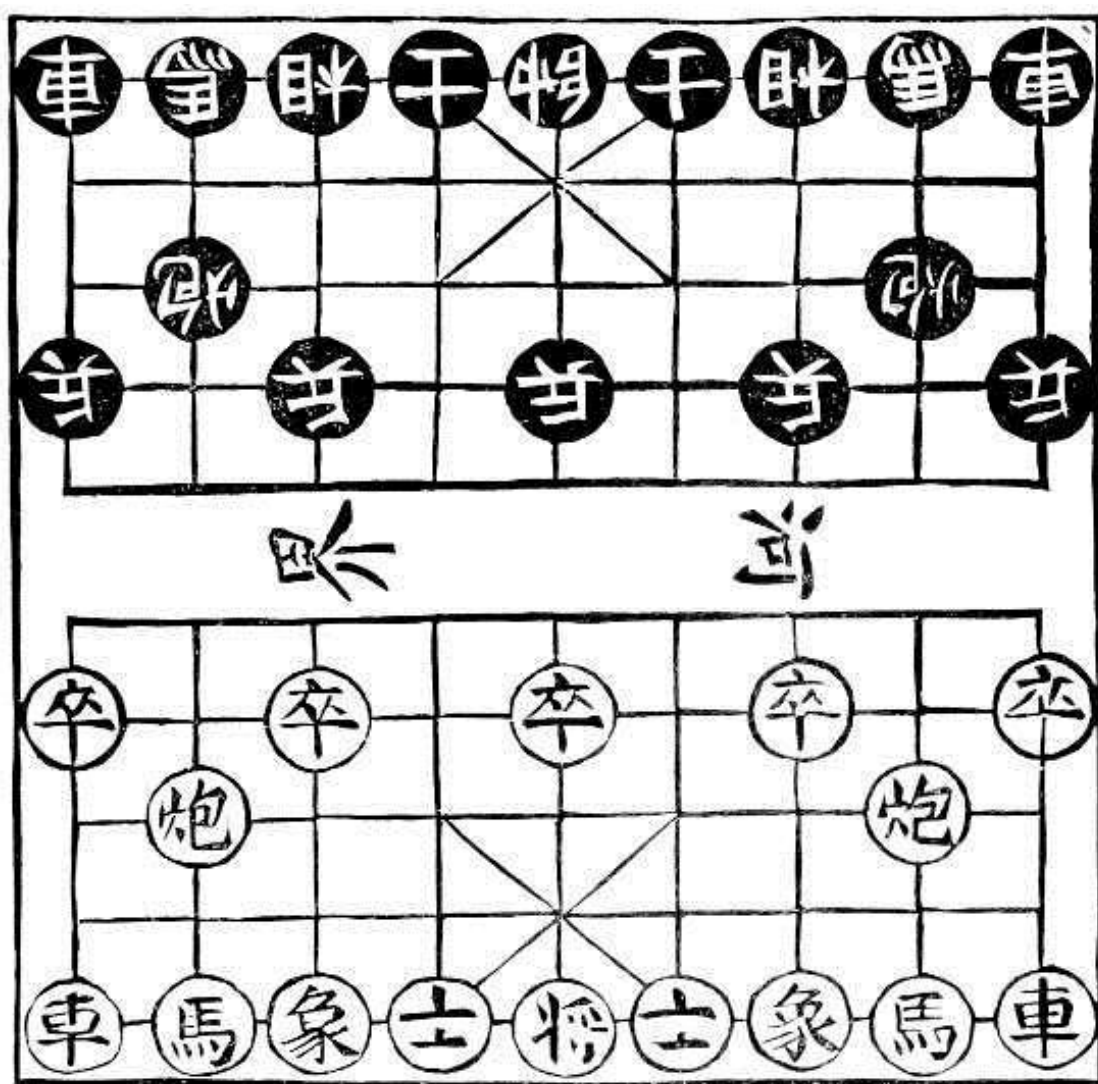
Азартные игры распространены повсеместно. У придорожных лоточников есть чашка и блюдце, а щелканье их костей слышно на каждом углу. Мальчишка с двумя деньгами предпочитает рискнуть своей потерей при броске кубика, чем просто купить пирожное, не испытав шанса получить его даром. Игорные дома открываются десятками, их содержатели дают взятки местным чиновникам, от которых вряд ли можно ожидать строгости в отношении того, в чем они воспитывались и что ежедневно практикуют; а женщины, уединившись в своих квартирах, коротают время за картами и домино. Носильщики в ожидании работы играют в сторонке, а офицерская свита, едва завидев начальство, входит в дом, достает карты или кости и садится на корточки, чтобы сыграть партию. Самая распространенная игра на удачу в Кантоне называется *фан-тан*, или "четырёхсторонняя игра на деньги". Хранителю стола предоставляется куча ярких крупных денег, из которых он берет двойную горсть и выкладывает их на стол, накрывая кучу чашей. Люди, стоящие за перилами, угадывают, сколько останется после деления кучи на четыре - один, два, три или ничего, причем угаданные суммы и ставки каждого записываются клерком; затем зритель аккуратно выбирает монеты по четыре, и все внимательно следят за его движениями. Обмануть в этой игре практически невозможно, и двадцать человек могут играть в нее так же легко, как и двое. Китайские карты меньше и многочисленнее наших, но домино то же самое.

Бои между сверчками чаще всего можно увидеть на юге, где распространен мелкий полевой вид. Двух хорошо подобранных бойцов сажают в тазик и раздражают соломинкой, пока они не бросаются друг на друга с предельной яростью, стрекоча во время наступления, и битва редко заканчивается без трагического результата в виде потери жизни или конечностей. Перепела также приучены к смертельной схватке: двух из них сажают на стол с перилами, на котором разбросана горсть проса, и как только один из них берет зерно, другой бросается на него с клювом, когтями и крыльями, и борьба продолжается до тех пор, пока один не отступает, прыгая в руку своего разочарованного хозяина. Сотни долларов иногда ставятся на эти крикетные или перепелиные бои, которые, если и не столь возвышенны и захватывающи, то уж точно менее бесчеловечны, чем драки и бои быков в христианских странах, хотя и в тех и в других проявляется одинаковая жестокая любовь к спорту ценой жизни.

Мальчики играют в азартные игры со сверчками.

Любимое развлечение - запуск воздушных змеев. Их делают из бумаги и шелка, имитируя птиц, бабочек, ящериц, очки, рыб, людей и другие предметы; но мастерство, проявленное при запуске, более примечательно, чем изобретательность, проявленная при их строительстве. Девятый день девятой луны - праздник, посвященный этому развлечению по всей стране. Дулиттл описывает их так: иногда они напоминают огромную птицу или змею длиной в тридцать футов; в другое время зритель видит группу ястребов, парящих вокруг центра, все они подвешены на одном прочном шнуре, и каждый ястреб-кит управляется и перемещается по отдельной линии. По его подсчетам, в этот день на холмах вокруг Фухау собирается до тридцати тысяч человек, чтобы при благоприятной погоде принять участие в этом развлечении. Многие из воздушных змеев пускают в плавание, полагая, что, улетаая, они уносят с собой все надвигающиеся бедствия.

Китайская шахматная доска.

КИТАЙСКИЙ ШЕСС.

Китайская игра в шахматы очень древняя, ее изобретателем считается У Ванг (1120 г. до н. э.), а правила игры настолько не похожи на индийскую игру, что позволяют предположить ее независимое происхождение, что подтверждается особенностью *киай хо*, или реки, проходящей через всю доску. В игре семьдесят два квадрата, из которых восемь соединяются вместе, образуя реку, оставляя по тридцать два с каждой стороны; но поскольку люди стоят на пересечении линий, для шестнадцати фигур, используемых каждым игроком, имеется девяносто позиций, что на двадцать шесть больше, чем в европейской игре. Фигуры располагаются для игры так, как показано на рисунке выше.

Фигуры по форме напоминают шашки, каждый из семи видов с каждой стороны имеет свое название в верхней части и отличается красным или черным цветом. Четыре квадрата у каждого края образуют штаб *цяна*, или "генерала", из которого он и два его "секретаря" (*sz'*) не могут выйти. По обе стороны от штаба находятся два слона, два коня и две колесницы, чьи силы меньше, чем у наших слона, коня и замка, хотя и похожи; колесница - самая мощная фигура. Перед лошадьми стоят две канониры, которые захватывают, как наш конь, но двигаются, как наш замок. Пять *пао*, солдат или пешек, охраняют берега реки, но не могут вернуться, переправившись через нее в погоне за врагом, и не приобретают большей ценности, когда доходят до последнего ряда. Каждая фигура ставится в том месте, где она

захватила своего человека, за исключением канониров; поскольку генерал не может быть взят, цель каждого игрока - поставить ему мат в его штабе, таким образом, не давая ему двигаться иначе, чем под шахом. Отсутствие ферзя и ограниченные ходы игроков ограничивают комбинации в китайской игре больше, чем в западных шахматах, но в ней есть свои элементы мастерства. Литературные мужчины и женщины играют в нее много, и обычно на небольшие ставки. Есть еще одна игра, в которую играют реже, но которая является одной из самых древних в Империи. Она называется *вэй-ки*, что можно перевести как "блокадные шахматы", и была распространена во времена мудрецов, возможно, даже раньше, чем шахматы. Доска содержит триста двадцать четыре клетки, по восемнадцать в каждую сторону, а количество фигур - триста, хотя и количество очков, и количество фигур может быть меньше этого размера в полной игре. Фигуры черно-белые и стоят на пересечении линий, их триста шестьдесят одна. Задача соперников - окружить бойцов друг друга и занять занятые ими переходы или нейтрализовать их власть над теми, кто находится рядом. Каждый игрок ставит фигуру в любом месте доски и продолжает поочередно захватывать позиции противника, пока все переправы не будут заняты и игра не закончится.[388]

Если этот очерк об обычаях и развлечениях китайцев в их общении и публичных развлечениях и будет кратким, то, возможно, его будет достаточно, чтобы показать их характер. Доктор Джонсон хорошо подметил, что ни один человек не лицемерит в своих развлечениях. Отсутствие некоторых из жестоких и гладиаторских видов спорта в других странах, а также решение спорных вопросов путем ордалий или дуэлей; общая неприязнь к применению силы, неспособность справиться с врагами, обладающими гораздо меньшими ресурсами и численностью, и сравнительная неоцененность военных достижений - все это указывает на мирные черты китайского характера. Дуэли неизвестны, убийства редки, ставки на скачках еще только начинаются, а беготня а-ля малайцы - неслыханное дело. Когда два человека ссорятся по какому-то вопросу, после огромного количества жестов и громких криков, они срывают свой гнев и расходятся, почти не прикасаясь друг к другу. Путешественники часто замечали некоторые отличия в их идеях и обычаях от тех, что приняты у нас, и некоторые из них мы приводим в следующем очерке:

ПРОТИВОРЕЧИЯ В КИТАЙСКОМ И ЗАПАДНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ.

На вопрос лодочника, в каком направлении находится гавань, мне ответили, что на запад-север, а ветер, по его словам, западно-южный; он еще больше запутал мои представления о курсе, достал компас и показал, что игла указывает на юг. Это была действительно игла, размером, весом и длиной около полутора дюймов, южный конец которой был выкрашен в красный цвет и все время дрожал на шарнире. Его лодка тоже во многом отличалась от наших судов: приготовление пищи происходило на корме, пассажиры размещались в носовой части, а матросы спали на палубе и складывали свои вещи в рундуки на середине корабля.

При посадке первым объектом, привлечшим мое внимание, был военный офицер в вышитом панталоне, с ниткой бус на шее и веером в руке. Его знаком отличия было павлинье перо, направленное вниз, вместо плюмажа, закрученного вверх; на верхушке его фуражки был круглый набалдашник или пуговица, вместо звезды на груди или погон на плечах; и я с некоторым ужасом увидел, что он сел на свою лошадь с правой стороны. На поясе у него висело несколько ножен, которые я, естественно, принял за сабли или кортики; но, пробравшись поближе через толпу, я был обманут, увидев, что из одних торчит пара палочек для еды и рукоять ножа, а вскоре веер был сложен и засунут в другие. Из этого я заключил, что он идет на ужин, а не на смотр. Туземцы, окружавшие меня, сбрасывали волосы с передней половины головы и оставляли их расти сзади: многие из них не брили лица, а другие

проводили досуг, старательно натягивая на рот слипшиеся волосы. У нас туалеты устроены по-другому, подумал я; но я легко разглядел счастливое устройство палочек для еды, с помощью которых эти джентльмены накладывали себе пищу рот по часовой стрелке под этой естественной бахромой. Группа голодных парней, расположившихся вокруг лавки странствующего повара, еще больше продемонстрировала полезность этих *квай-цц'*, или "проворных парней" (так, как я узнал впоследствии, называются палочки для еды), поскольку каждый подносил свою миску с рисом к губам и запихивал содержимое до тех пор, пока рот не мог больше вместить. "Мы держим миски на столе, - сказал я, - готовим в доме и ждем, пока клиенты придут туда, а не ходим за ними", но эти палочки служат ножом, вилкой и ложкой в одном лице.

По дороге в отель я увидел группу стариков и седобородых людей. Несколько человек щебетали и хихикали с жаворонками или дроздами, которых они держали на палке или в клетках; другие ловили мух или охотились за сверчками, чтобы покормить их, а остальные, казалось, с удовольствием запускали фантастических бумажных змеев. Группа мальчиков с серьезным видом наблюдала за этими невинными занятиями своих старших товарищей. Несколько самых резвых энергично гоняли шаттл-шот туда-сюда, вместо того чтобы играть в карусель битой и мячом, как это обычно делают мальчишки.

Поскольку я приехал в эту страну, чтобы пожить некоторое время, я навел справки об учителе и, к счастью, нашел того, кто понимал английский. Войдя в дом, он встал у двери и, вместо того чтобы подойти и пожать мне руку, вежливо поклонился и пожал свою, прижав ее к груди. Я счел этот способ улучшением нашего обычая, особенно когда состояние рук может быть сомнительным, и попросил его сесть. Я знал, что мне предстоит изучать язык без алфавита, но не был готов к тому, что он начнет с того, что я всегда считал концом книги. Он прочитал дату ее публикации: "Пятый год, десятый месяц и первый день". "Мы по-разному располагаем даты", - заметил я и попросил его читать сверху вниз и справа налево. "Странная у вас книга, - заметил я, взяв ее в руки, - какова ее цена?" "Доллар и восемь третей", - ответил он, после чего я отсчитал три доллара и две трети и продолжил рассматривать ее. Бумага была напечатана только с одной стороны; бегущий заголовок находился на краю листа, а не вверху страницы, постраничная печать - внизу, номера и содержание глав - в конце, маргинальные заметки - вверху, где пустое место было вдвое больше, чем внизу, а широкая черная линия через середину каждой страницы, как в некоторых французских газетах, разделяла два произведения, составляющие том, вместо того чтобы печатать одно за другим. Корешок был открыт, шитье выходило наружу, а на нижнем крае было аккуратно написано название. "Вы дали мне слишком много", - сказал он, когда протянул мне два доллара и одну треть, а затем объяснил, что восемь третей означает восемь, деленное на три, или всего лишь три восьмых. В небольшом словаре, который он носил с собой, иероглифы были расположены в соответствии с окончанием их звуков: *ming, sing, king* - все в ряд, и первое слово в нем было *видимым*. "Ах, мой друг, - сказал я, - английский не поможет мне найти ни слова в этой книге; пожалуйста, дайте мне ваш адрес". Он достал красную карточку, большую, как лист бумаги, на которой крупными буквами было написано Ying San-уен, и указал место своего проживания, написанное на другой стороне. "Я думал, вас зовут господин Ин; почему вы пишете свое имя не с той стороны?" "Это вы ошибаетесь, - ответил он, - загляните в свой ежегодный справочник, где только и пишут имена так, как они должны быть написаны, ставя почетную фамилию первой".

Я мог только сказать: "Обычаи разные"; и, вернув ему книгу, попросил рассказать о церемониях. Он начал: "Когда вы принимаете высокого гостя, не забудьте посадить его слева от себя, ибо это почетное место; и будьте осторожны, не покрывайте голову, так как это будет

неподобающим актом фамильярности". Это немного противоречило моим устоявшимся представлениям; но когда он снова открыл книгу и прочитал: "Самые ученые люди твердо придерживаются мнения, что место человеческого понимания находится в животе", я воскликнул: "Лучше сказать, что оно находится в ногах!" и тут же закрыл книгу, уволив его на другой день; ведь это шокировало все мои принципы правильной философии, даже если бы царь Соломон был против меня.

Отправляясь за границу, я встретил так много вещей, противоречащих моим ранним представлениям о приличиях, что охотно согласился с замечанием друга, что китайцы - наши антиподы во многих вещах, помимо географического положения. "Действительно, - сказал я, - они такие; скоро я увижу человека, который ходит на голове. Смотрите! Вон женщина в брюках и компания джентльменов в панталонах; она курит, а они обмахивают себя веером". Однако, проходя мимо них, я увидел, что на последних были обтягивающие леггинсы. Вскоре мы встретили управляющего домом, одетого в белое, и я спросил его, на какое веселье он приглашен; с озабоченным видом он сказал мне, что возвращается с похорон отца. Вместо крапа на голове у него были белые туфли, а его платье было неряшливым и запущенным. Мой спутник сообщил мне, что на севере Китая богатые люди на похоронах обычно надевают на мулов белую сбрую и запрягают повозки грубым хлопком, а главные скорбящие идут рядом с повозкой, издавая громкие крики и показывая свое горе, опираясь на сопровождающих. Друзья ехали позади, а музыканты предшествовали гробу - все это было непохоже на наши соболиные плюмажи и черные капоры.

Далее мы прошли через уединенную улицу, где в одном из дворов слышались рыдания и плач, и я заинтересовался, кто это - умершая или больная. Мужчина, подавив улыбку, ответил: "Это девушка, которая собирается замуж и вместе со своими родственниками и друзьями оплакивает прощание с семейными пенатами и ларами и отцовским домом. Впрочем, ей есть о чем поплакать, ведь ей предстоит отправиться в дом свекрови".

После этих неудачных очерков я решил, что больше не буду задавать вопросов, а воспользуюсь глазами. Заглянув в лавку, я увидел, как крепкий парень пришивает кружева к чепцу для иностранной дамы; и, пройдя к месту высадки, я увидел, что все паромы гребут женщины, а из проходной лодки на пристани я увидел, как все женщины выходят из носовой части, чтобы сойти на берег. "Что же нас ждет дальше?" - спросил я; и тут увидел, как плотник достал из чулка ножное правило, чтобы измерить брус, который подмастерье распиливал пилой, чье лезвие было установлено почти под прямым углом к раме. Перед дверью сидел человек, занятый отбеливанием толстых подошв пары суконных башмаков. "Это, наверное, обувщик, - сказал я, - и он отвечает обувщикам в Нью-Йорке, которые кричат "Блеск! Блеск!"". "Именно так, - сказал мой друг, - а за ним виднеется бедняга в *чоки*, с доской или кангасом на шее вместо воротника рубашки; этот предмет его туалета соответствует манжетам, которыми вместо браслетов украшают парней в гробницах. В тюрьмах этой страны вместо того, чтобы подстригать волосы преступнику, как у нас, никому не разрешается брить голову".

В переулках, называемых улицами, ширина которых не превышала десяти футов, вывески стояли на концах или свисали с карнизов; прилавки магазинов находились рядом с улицей, фасады были открыты, и я видел отверстия для вертикальных решеток, которыми лавки закрывались на ночь. Все делалось или продавалось на улицах или рынках, которые представляли собой странное разнообразие. Свиней перевозили в корзинах на плечах кули, к явному удовольствию жителей, маленьких свиней укладывали в корзины, запряженные в рогатки, а рыба резвилась и прыгала в неглубоких кадках, когда ее продавали от двери к двери.

Громкий шум заставил нас заглянуть в открытую дверь, чтобы посмотреть, что там происходит, а там дюжина мальчишек учила свои задания, и все они кричали, как аукционисты; один мальчик, читавший урок из Конфуция, повернулся спиной к мастеру, вместо того чтобы смотреть ему в лицо, а другой, учившийся писать, подкладывал листок под бумагу, чтобы имитировать ее, вместо того чтобы смотреть на нее, как делали бы наши мальчики.

Следом за нами из кресла-седана вышла модная дама. Вместо чепца ее голову украшали цветы, руки были без перчаток, а шея совсем обнажена. Ее ноги были обуты в красные шелковые туфли длиной не более четырех дюймов; плетеный, вышитый подъюбник был на фут длиннее платья, а талии не было видно. Когда она вошла во двор, опираясь на плечо своей служанки, чтобы та помогла ей идти на этих судорожно сведенных ногах, мой друг заметил: "Вот вы видите хороший пример живой трости".

Через некоторое время мы встретили одного из его знакомых, сопровождавшего красиво вырезанный гроб, и он спросил, кто умер.

"No man hab catchee die," replied the Celestial; "this one piecy coffin I just now gib my olo fader. Он слишком любит считать меня номером один; если он когда-нибудь умрет, я могу его использовать".

"Такая мода, да?" - ответил мой друг; "Сколько же плисов можно поймать для этого?"

"Я могу достать один такой же по моде за один тузан долларов, так что; это первый хансом, ло".

"Как вы называете эту тарабарщину - по-английски или по-китайски?" спросил я; ведь язык звучал не менее странно, чем обычай преподносить гроб живому отцу, отличавшийся от моих привычных представлений о сыновнем долге.

"Это чистейший голубиный английский, - ответил он, - и вы должны быть Джеком Даунингом из Кантона, чтобы увековечить его".

"Пойдемте скорее домой, потому что скоро я вряд ли смогу понять, где и кто я в этой странной стране".[\[389\]](#)

ДОСТОЙНЫЕ ВНИМАНИЯ ЧЕРТЫ КИТАЙСКОГО ИЕРОГЛИФА.

Суммируя моральные черты китайского характера - что гораздо сложнее, чем перечисление его странностей, - мы обязательно должны сравнить их с тем совершенным стандартом, который дан нам свыше. Хотя их противоположности указывают на различие во внешней цивилизации, небольшое знакомство с их моралью доказывает их сходство со своими собратьями в чертах падшей и развращенной природы. Некоторые из лучших черт их характера были чудесным образом развиты. Соблюдая мир и порядок, они достигли высокой степени безопасности для жизни и имущества; различные классы общества связаны между собой удивительно однородным образом благодаря распространению образования в самых нравственных книгах на их языке и общему уважению к законным правам собственности. Равенство в борьбе за должности устраняет главный стимул к насилию ради получения властных и достойных постов, а промышленность получает свое справедливое вознаграждение в виде пищи, одежды и крова с равномерностью, которая поощряет ее постоянное усилие. Если кто-то спросит, как они дошли до такого состояния, мы, прежде

всего, припишем это благословию Правителя народов, Который в Своих целях сохранил один народ до настоящего времени с далекой древности. Корни общества среди них никогда не разрушались эмиграцией или завоеванием превосходящей расы, но были полностью укоренены в глубоком уважении к семейному укладу и глубоком почитании родителей и начальства. Образование укрепило и распространило нравственность, которой они обладали, а Бог благословил их сыновнюю набожность, исполнив первую заповедь с обещанием и сделав их дни долгими в земле, которую Он им дал". Дэвис придает слишком большое значение географическим и климатическим причинам в объяснении их прогресса в этих областях, хотя их изоляция, несомненно, имела большое значение для их безопасности и прогресса.

Однако после того, как эти черты упомянуты, китайцам еще больше не остается оправдания для их злодеяний, поскольку, будучи незаконными, они сами себе закон; они всегда знали, что лучше, чем делали. При общей заботе о внешнем приличии, они мерзки и загрязнены в шокирующей степени; их разговор полон грязных выражений, а жизнь - нечистых поступков. В последнем их несколько сдерживают ограды, поставленные вокруг семейного круга, так что соблазнение и прелюбодеяние сравнительно редки, а первое можно даже назвать редкостью; но публичные дома и их обитательницы встречаются повсюду на суше и на воде. Одна из опасностей, подстерегающих молодых девушек, отправляющихся за границу в одиночку, заключается в том, что их могут украсть для заточения в этих вратах ада. Картинками, песнями и афродизиаками они возбуждают свою чувственность и, как говорит апостол, "получают в себе должное воздаяние за свои ошибки".

ЛЖИВОСТЬ КИТАЙЦЕВ.

Более неизлечимой, чем грехи плоти, является лживость китайцев и сопутствующий ей грех низменной неблагодарности; их пренебрежение истиной, возможно, больше опустило их характер, чем любой другой недостаток. Они не чувствуют стыда, когда их уличают во лжи (хотя они не зашли так далеко, чтобы не знать, когда лгут), и не боятся наказания от своих богов за это. С другой стороны, необходимость заставляет их в повседневном общении друг с другом уделять некоторое внимание правде, и каждый человек, исходя из собственного сознания, знает, на какую сумму можно рассчитывать. Послы и купцы были не в лучшем положении, чтобы убедиться в их истинном характере в этом отношении; с одной стороны, придворные Пекина считали себя призванными одним лишь присутствием посольства создавать некоторые фиктивные видимости, а с другой стороны, честность и справедливость сделок купцов хонгов и крупных торговцев в Кантоне опережает обычную меркантильную честность их соотечественников. Китайцу не требуется особых мотивов для фальсификации, и он постоянно оттачивает свою смекалку, чтобы обмануть своего клиента - обмануть его обещаниями и обмануть в товарах или работе. Ничто так не мучает человека, когда он живет среди них, как их пренебрежение к истине, и не делает его столь безразличным к тому, какие беды могут постигнуть столь лживую расу; на разум ложится неизгладимое впечатление подозрительности ко всем, которое охлаждает самые теплые пожелания их благополучия и срывает многие планы, направленные на их благо. Их лучшие черты уменьшаются вдаль, а терпение истощается в ежедневной близости и трениях с этим прародителем всех грехов. Мистер Эйбел упоминает случай обмана, который может послужить примером.

Вскоре после того, как мы прибыли в Куланг-су, к нам пришел человек, который признал себя близким родственником и опекуном хозяев дома, в котором мы живем, и представил маленького мальчика как совместного владельца со своей овдовевшей матерью. Судя по внешнему виду дома и показаниям других людей, мы легко поверили его рассказу о том, что семья сейчас находится в тяжелом положении, потеряв не только дом во время нападения

англичан, но и тысячу долларов от туземных грабителей; поэтому мы разрешили ему небольшую арендную плату, а доллары отдали мужчине, который вложил их в руки ребенка. В следующем месяце он появился, но наш слуга, которого мы считали особенно честным для язычника, предложил поинтересоваться, отдаются ли деньги тем, для кого они якобы получены; и вскоре вернулся с информацией, что мать ничего не слышала о деньгах, поскольку человек, получивший их, не живет в семье, но теперь прислала к нам парня, который получит их за нее и который, как заверили нас слуги, отдаст их надлежащему человеку. Через день или два после этого наш повар шепнул мне, что наш *честный* слуга, который так старался предотвратить всякое мошенничество в этом деле, заставил парня отдать ему половину денег за его бескорыстие в предотвращении попадания денег в чужие руки; и дальнейший осмотр показал нам, что этот самый повар сам получил хорошую долю за молчание.

Воровство чрезвычайно распространено, а незаконные поборы правителей, как уже было достаточно отмечено, очень обременительны. Этот порок также несколько сдерживается наказаниями, применяемыми к преступникам, хотя корень зла при этом не затрагивается. Если разнузданность китайцев можно частично объяснить их невежеством в отношении чистых интеллектуальных удовольствий и отсутствием добродетельного женского общества, то их лживость можно частично приписать страху перед офицерами, а их воровство - отсутствию достаточного количества еды или работы. Гостеприимство не является чертой их характера; напротив, количество и жалкое состояние нищих показывают, что общественная и частная благотворительность почти исчезла; однако и здесь огульное обвинение должно быть изменено, если вспомнить, какие усилия они прилагают, чтобы прокормить своих родственников и семьи в столь густонаселенной стране. Их скупость не является такой отличительной чертой, как любовь деньгам, но промышленность, которую это желание побуждает или предполагает, является источником большинства их преимуществ перед соседями. Вежливость, которую они демонстрируют, редко имеет своим мотивом добрую волю, и, следовательно, когда лак снят, видна грубость, жестокость и грубость материала; тем не менее, среди них самих этот внешний лоск не без некоторых хороших результатов в предотвращении ссор, когда обе стороны, полностью понимая друг друга, осторожны, чтобы не переступить границы этикета.

В целом китайцы представляют собой необычную смесь: если есть за что похвалить, то есть и за что упрекнуть; если у них есть несколько вопиющих пороков, то добродетелей у них больше, чем у большинства языческих народов. Показная доброта и врожденная подозрительность, церемонная вежливость и настоящая грубость, частичное изобретательство и подневольное подражание, промышленность и расточительство, подхалимство и самозависимость - все это, наряду с другими темными и светлыми качествами, странным образом смешано. Пытаясь исправить недостатки своего характера с помощью ограничений закона и распространения образования, они, несомненно, выбрали правильный путь; и их недостатки показывают, насколько неэффективными должны быть оба способа, пока Евангелие не придет на помощь правителям и подданным в возвышении нравственного чувства всей нации. Женское детоубийство в некоторых частях открыто признается и повсеместно лишено всякого позора и наказания; ужасающая распространенность всех пороков, в которых апостол Павел обвинял древний языческий мир; тревожные масштабы употребления опиума (поставляемого также под покровительством и в чистоте силой и умением Великобритании из Индии), уничтожающего продукцию и природные ресурсы народа; повсеместная практика лжи и нечестных сделок; неприкрытый разврат старых и молодых; жестокость офицеров по отношению к заключенным и тирания хозяев по отношению к рабам - все это составляет полный

бесконтрольный поток человеческой испорченности и доказывает существование такого вида и степени моральной деградации, о которой едва ли можно дать чрезмерное описание или сформировать адекватное представление.

КОНЕЦ ТОМА I.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Алфавитный список всех таблиц, разбросанных по всей работе, можно найти под этим словом в указателе.

[2] D'Herbelot, Bibliothèque Orientale, quarto edition, 1779, Tome IV., p. 8. Yule, Cathay and the Way Thither, Vol. I., pp. xxxiv., lxviii. Edkins, Chinese Buddhism, p. 93.

[3] Или 21 759 974 кв. км - Готский альманах.

[4] Клапрот (Mémoires sur l'Asie, Tome II., p. 295) отмечает, что название происходит от обилия лука, растущего на этих горах. М. Абель-Ремюзат предпочитает объяснять его "голубоватым оттенком лука".

[5] Сравните Rémusat, Histoire de la Ville de Khotan, p. 65, ff.

[6] Одно из многих туземных названий гор Квэнлун, или Кулкун, - *Тянь-чу*, 天柱 "Небесный столп", что точно соответствует *Атласу* Китая.

[7] Согласно другому толкованию, Гоби (Копи) обозначает каменистые, а Ша-мох - песчаные тропы этой пустыни, и в этом случае название правильнее читать как "Великая пустыня Гоби и Ша-мох".

[8] Полковник Прежевальский, Путешествия по Монголии и др. Vol. II., p. 22. Лондон, 1876.

[9] Фон Рихтгофен, Китай. Ergebnisse eigener Reisen, Band I. *Berlin*, 1877.

[10] Доклад д-ра У. А. П. Мартина в журнале "Journal of N. C. Branch of R. A. Society", Vol. III., pp. 33-38; 1866. Тот же журнал, том IV, с. 80-86; 1867 г.; Заметки Ней Элиас. Pumpelly's Researches, 1866, гл. v., с. 41-51.

[11] См. отчет о путешествии Пьера Лариба по этой реке в 1843 году, Annales de la Propagation de la Foi, Tome XVII., pp. 207, 286, ff. Five Months on the Yang-tsze, by Capt. Thos. W. Blakiston; London, 1862. Исследования Пампелли, глава ii, стр. 4-10. Капитан Гилл, "Река золотого песка".

[12] Staunton's Embassy, Vol. III., p. 233. Blakiston's Yang-tsze, p. 294, etc. Китайский репозиторий, т. II, с. 316.

[13] Прежевальский, От Кульджи через Тянь-шань до Лоб-нора, стр. 99.

[14] Chinese Repository, Vol. V., p. 337; Vol. X., pp. 351, 371. Путеводитель по китайской коммерции Уильямса, пятое издание, вторая часть, 1863.

- [15] Ремюзат (Nouveaux Mélanges, Tome I., p. 9) добавляет четвертый бассейн - Сагалиен. Последний, однако, едва ли заслуживает такого названия, имея так много прерывистых поперечных цепей.
- [16] Penny Cyclopædia, Vol. VII, p. 74. Географический словарь Маккалоха, том I, с. 596.
- [17] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 136.
- [18] Очерки Китая, том I., стр. 245.
- [19] Klaproth, Mémoires, Tome III., p. 312 *sqq.* De Guignes' Voyages à Peking, Tome II., p. 195. Davis's Sketches, Vol. I., *passim*.
- [20] Voyages à Peking, Vol. II., p. 214. Сравните письмо миссионера-иезуита (Annales de la Foi, Tome VII., p. 377), который описывает дома отдыха на обочинах дорог. Эти необычные дорожные чайки в лесовом районе были очень подробно изучены бароном фон Рихтхофеном, из работы которого взят [приведенный выше](#) фрагмент.
- [21] Пенни Циклопедия, том XXVII, стр. 656.
- [22] Китайский репозиторий, т. XIV, с. 105. Шанхайский журнал, № III, 1859. Журнал Индийского архипелага, 1852. Missionary Recorder, Vol. III., pp. 33, 62, 149 и др. Т. Т. Купер, Путешествия пионера торговли, *passim*.
- [23] Замечания о китайцах в сравнении с другими народами см. в "Философии истории" Шлегеля, с. 118, издание Бона.
- [24] Bridgman's Chinese Chrestomathy, p. 420. Макао, 1841 год.
- [25] Сравните статью Х. Фритше в "Китайском обозрении" за сентябрь-октябрь 1881 года: Количество дождя и снега в Пекине.
- [26] Annales de la Foi, Tome XVI., p. 293.
- [27] Chinese Repository, Vol. VIII., p. 230; Vol. IV., p. 197. См. также статью Фритше в Journal of N. C. Branch Royal Asiatic Society, No. XII., 1878, pp. 127-335; также Appendix II. в No. X., содержащий наблюдения, сделанные в Зи-ка-вэй.
- [28] Китайский репозиторий, т. IV, с. 54.
- [29] Это слово не следует писать "Пекин"; горожане и большинство жителей к северу от Великой реки произносят его как *Пей-чинг*.
- [30] "Можно подумать, что все они сделаны или, по крайней мере, покрыты чистым золотом, эмалированным лазурью и зеленью, так что зрелище одновременно величественное и очаровательное". Magaillans, Nouvelle Description de la Chine, p. 353.
- [31] См. также L'Univers Pittoresque, Chine Moderne, par MM. Pauthier et Bazin, Paris, 1853, где есть хорошая карта Пекина с тщательными описаниями. Yule's Marco Polo, *passim*. De Guignes, Voyages, Tome I. Williamson, Journeys in North China, Vol. II. Д-р Ренни, Пекин и пекинесы. Tour du Monde за 1864 год, том II.
- [32] Китайский репозиторий, том IX, стр. 259.
- [33] Доктор Мартин, Китайцы (Нью-Йорк, 1881), стр. 85.

[34] Сравните Kircher, China Illustrata, где можно увидеть гравюру с его изображением. Колокол возле Мандалая, о котором упоминает доктор Андерсон, имеет высоту 12 футов, 16 футов в поперечнике и весит 90 тонн - очевидно, более тяжелое чудовище, чем этот в Пекине. (Mandalay to Momien, p. 18.)

[35] Китайский репозиторий, т. IV, с. 181.

[36] Сравните Annales de la Foi, Tome X., p. 100, где приводятся интересные подробности о римских миссионерах в Пекине. Также "Современный Китай" Потье, стр. 8-36 (Париж, 1852), содержащий превосходную карту. Археологические и исторические исследования Бретшнайдера о Пекине и т. д., опубликованные в "Китайском вестнике", том VI (1875, passim). Mémoires concernant l'Histoire, les Sciences, les Arts, les Moeurs, les Usages, etc., des Chinois, par les Missionnaires de Pekin; 16 vols., Paris, 1797-1814. Н. Б. Деннис, Заметки для туристов на севере Китая; Гонконг, 1866.

[37] Журнал посольства лорда Амхерста в Китай, 2-е изд., стр. 22. Лондон, 1840.

[38] Путешествия русской миссии через Монголию в Китай, т. I, с. 293. Лондон, 1827.

[39] Уильямсон, Путешествия по Северному Китаю, т. II, с. 90.

[40] Журнал Поя. Geog. Soc., 1874. Yule's Marco Polo, Vol. I., pp. 263-268. Cathay and the Way Thither, Vol. I., p. 134. Gerbillon, Mémoires concernant les Chinois (Astley's ed.), Vol. IV., pp. 701-716. Journal Asiatique, Ser. II., Tome XI., p. 345. Huc, Tartary, etc., Vol. I., p. 34, 2d ed., London.

[41] Sir G. L. Staunton, Account of an Embassy from the King of Great Britain to the Emperor of China. 2 vols. Lond., 1796.

[42] Annales de la Foi, 1844, Tome XVI., p. 421.

[43] Очерки Китая, том I., стр. 257.

[44] Китайский репозиторий, т. IV, с. 308-335. W. H. Medhurst's China, chaps. xv.-xix.

[45] Рихтхофен, Китай. Band I. S. 68. Rev. Arthur Smith, Glimpses of Travel in the Middle Kingdom. Шанхай, 1875.

[46] Любопытный читатель может ознакомиться со статьей Майера в томе XII "Журнала Северо-Китайского отделения Королевского азиатского общества" за 1878 год, чтобы понять значение этих различных объектов.

[47] Five Years in China, Nashville, Tenn., 1860. Более подробные сведения об этом городе в 1842 году см. также в "Путешествиях Немезиды", с. 450-452; в "Китайском репозитории", тт. I., p. 257, и XIII., p. 261, содержат более подробную информацию о Пагоде.

[48] Путешествия по Китаю.

[49] Капитан Г. Г. Лох, События в Китае, стр. 74.

[50] Упоминается Марко Поло. Издание Юля, том II, с. 137.

[51] Странствия Фортуны по Китаю, стр. 120.

[52] Очерки Дэвиса, т. II, с. 55.

[53] См. Chinese Repository, Vol. IV, p. 488; Journal of N. C. Br. R. A. Society, Vol. VI, pp. 123-128; и Chinese Recorder, Vol. I., 1869, pp. 241-248. Эти люди являются реликтами племен Мяоцзы.

- [54] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 145.
- [55] Путешествия по Китаю, стр. 522.
- [56] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 146.
- [57] De Guignes, Voyages à Peking, Vol. II., pp. 65-77.
- [58] Сравните книгу Р. М. Мартина "Китай" (т. II, с. 304), в которой содержится много разных сведений об открытых портах до 1846 г.; также "Договорные порты Китая" Денниса, 1867, с. 326-349; "Письма Рихтгофена", № 5, 1871; "Марко Поло" Юля, т. II, с. 181; "Миссионерский вестник", 1869, с. 156, 177.
- [59] Милн, в Китайском репозитории, том XIII, стр. 22, и в его Жизни в Китае, часть вторая. Лондон, 1857.
- [60] Medhurst's China, its State and Prospects, p. 393.
- [61] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 149. Cathay and the Way Thither, p. cxciii. Reinaud, Relations des Voyages faits par les Arabes dans l'Inde et à la Chine, etc. (Paris, 1845), Tome I., p. 19.
- [62] Borget, La Chine Ouverte, p. 126.
- [63] Китайский репозиторий, том IV, стр. 92.
- [64] Yule's Marco Polo, Vol. II., pp. 183-185, etc. Турецкая география, напечатанная в Константинополе, описывает этот порт под названием *Зейтун*. Сравните Klaproth, Mémoires sur l'Asie, Tome II., p. 208. См. также "Китайский регистратор", том III, стр. 87; том IV, стр. 77; том V, стр. 327, и том VI, стр. 31, sqq.
- [65] Китайский репозиторий, том XV, стр. 185, 225.
- [66] В "Бостонском миссионерском вестнике" за 1845 год (стр. 87) есть заметка о пещере "Белый олень", расположенной по соседству.
- [67] Китайский репозиторий, т. XI, с. 506.
- [68] Китайский репозиторий, т. XII, с. 530; Чайные районы Форчуна, гл. xiv и xv.
- [69] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 186.
- [70] Торговые отношения между США и иностранными государствами. 1869.
- [71] "Историческое и географическое описание Формозы, острова, подвластного императору Японии" и т. д. Клапрот (Mémoires sur l'Asie, Tome I., p. 321) переводит рассказ об этом острове из китайских источников. Е. С. Taintor, The Aborigines of Northern Formosa-Shanghai, 1874 - прочитано в Северо-Китайском отделении Королевского Азиатского общества. Chinese Repository, Vol. II., p. 408, и Vol. V., p. 480.
- [72] Annales de la Foi, 1845, Tome XVII., pp. 287, 290. См. также Huc's Travels in the Chinese Empire, Harper's Ed., 1855, Vol. II., pp. 142-144. Pumpelly, pp. 224-226; Blakiston's Yangtsze, p. 65; Treaty Ports of China, 1867, Art. Ханькоу.
- [73] Обычно они известны как Та-па-линг; но барон фон Рихтхофен обнаружил, что туземцы этого региона "называют эти горы Киу-тияо-шань, то есть "девять горных хребтов", обозначая тем самым тот факт, что хребет состоит из нескольких параллельных хребтов. Это название следует сохранить, отдав предпочтение другому". Письмо о провинциях Чихли, Шанси,

Шенси и др. Шанхай, 1872. См. также его "Китай", группа II. S. 563-576; Alex. Wylie, Notes of a Journey from Chingtoo to Hankow, Journ. Roy. Geog. Soc. Vol. XIV., p. 168.

[74] См. Kreitner, Im fernen Osten, p. 504. Wien, 1881.

[75] Путешествия Прежевальского по Монголии, т. II, с. 256-266.

[76] Dip. Cor., 1874, p. 251.

[77] О том, что это восстание не было беспрецедентным, мы узнаем из сообщения о подобном восстании магометан здесь в 1784 году. Nouvelles Lettres Edifiantes des Missions de la Chine, Tome II., p. 23.

[78] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 23.

[79] Китайский репозиторий, т. XIX, с. 317 и 394. Annales de la Foi, том III, стр. 369-381, и том IV, стр. 409-415. Письмо барона Рихтгофена о провинциях Чихли, Шанси, Шенси, Сз'чуен и др. Шанхай, 1872. Kreitner, Im fernen Osten, pp. 780-829.

[80] Французский епископ Палафокс приводит еще один рассказ о взятии Кантона; его изложение содержит, однако, одну или две вопиющие ошибки. Vid. Histoire de la Conquête de la Chine par les Tartares, pp. 150 ff.

[81] Доктор Керр, путеводитель по Кантону.

[82] Китайский репозиторий, том II, стр. 145, 191 и др.

[83] Это слово происходит от китайского *hong* или *hang*, означающего ряд или серию, и применяется к складам, поскольку они состоят из череды комнат. Иностранные фабрики строились подобным образом, и поэтому китайцы называли каждый блок "хонгом"; старых торговцев ценными бумагами прозвали "хонг-мерчантами", потому что они жили в таких заведениях.

[84] Chinese Repository, passim. Исторический очерк португальских поселений в Китае. Сэр А. Люнгстедт. Бостон, 1836.

[85] Palafox, Conquête de la Chine, p. 172.

[86] Посольство (лорда Амхерста) в Китай, Мохон's ed., 1840, p. 98.

[87] Э. К. Тейнтор, Географический очерк острова Гайнан, с картой. Кантон, 1868. Журнал N. C. Br. R. A. S., No. VII, Arts. I., II. и III. China Review, Vols. I., p. 124, и II., p. 332. Н. Б. Деннис, Отчет о недавно открытых портах Киунгчоу (Хойхау) на Хайнане и Хайфон в Тонкине. Гонконг, 1878.

[88] Китайский репозиторий, том XIV, стр. 171 и далее.

[89] Chinese Repository, Vol. I., p. 29; Vol. XIV., pp. 105-117; G. T. Lay, Chinese as They Are, p. 316; Journal of N. C. Branch of Royal Asiatic Society, No. III., 1859, and No. VI., 1869. Chinese Recorder, Vols. II., p. 265, и III., pp. 33, 74, 96, 134 и 147. Пекинский вестник за 1872 год. China Review, Vol. V., p. 92.

[90] В палийских записях известен как *Видухарит*. Китайский летописец, том III, стр. 33, 74, sqq.; см. также стр. 62, 93, 126, для записи о посещении.

[91] Annales de la Foi, Tome VIII., p. 87.

[92] В Амерапуре проживает две тысячи китайских семей.

[93] Yule's Marco Polo, Vol. II. Андерсон, Мандалай - Момиен.

[94] Процедура. Roy. Geog. Soc., Vols. XIII., p. 392, XIV., p. 335, XV., pp. 163 и 343. Col. Yule, Trade Routes to Western China-The Geographical Magazine, April, 1875. Рихтхофен, Последние попытки найти прямой торговый путь в юго-западный Китай - Шанхайский бюджет, 26 марта 1874 г. Путешествие А. Р. Маргари из Шанхэ в Бхамо. Лондон, 1875. Полковник Х. Браун в "Голубых книгах", № 1, 2, 3 и 4 (1876-77 гг.).

[95] Клапрот ("Mémoires Relatifs à l'Asie", Tome I., Paris, 1824) перевел с маньчжурского языка рассказ о посещении в 1677 году одним из вельмож двора Канхи одной из вершин этого хребта. Chinese Repository, Vol. XX, p. 296.

[96] Путешествие вниз по Амуру, автор Перри МакД. Коллинз, 1857 год. New York, 1860, chaps. xxxii.-lx., passim. Ravenstein's Amur. Chinese Repository, Vol. XIX., p. 289. Rev. A. Williamson, Journeys in North China, Vol. II., chaps. x.-xiii.

[97] Китайцы и их восстания. Лондон, 1856.

[98] Также называется *Йенден*; Klaproth, Mémoires, Tome I., p. 446. Ремюзат сообщает нам, что это название раньше включало в себя весь Кирик или то, что было под ним.

[99] Путешествия вдоль побережья Китая. Нью-Йорк, 1833.

[100] Annales de la Foi, Tome XVIII., 1846, p. 302.

[101] Annales de la Foi, Tome XVI., p. 359.

[102] Говорят, что жители древней Гедросии, ныне Белоочистана, одевались в рыбы шкуры. Heeren, Historical Researches among Asiatic Nations, Vol. I., p. 175.

[103] Rev. Alex. Уильямсон, Путешествия по Северному Китаю. Лондон, 1870. Том II., гл. I. - XIV; Chinese Repository, Vols. IV., p. 57; XV., p. 454; Chinese Recorder, Vol. VII., 1876, "The Rise and Progress of the Manjows," by J. Ross, pp. 155, 235, and 315.

[104] Сравните "Историю Рима" Нибура, том II, раздел. "О колониях", где можно увидеть существенные различия между римскими поселениями за границей и китайскими; и еще больше различий можно найти, если сравнить их с офсетными греческими государствами.

[105] Абулгази-Баядур-чан (Histoire Généalogique des Tatars, traduite du Manuscript Tartare; Leyde: 1726), дает другое происхождение этих двух имен. "У Алянзья-чана было два сына-юмориста, один из которых назывался Татаром, а другой - Могуллом, или, лучше сказать, Мунглом, между которыми он разделил свои владения, пока жил в конце своей жизни". Это первый принц, добавляет он, от которого произошло название *Tartar* - не от реки под названием Тата, как утверждают некоторые, - а второй: "Le terme Mung'l a esté changé par une corruption generale en Mogull; *Mung* означаem *triste* или *un homme triste*, et parceque ce prince estoit naturellement d'une humeur fort triste, il porta ce nom dans la verité" - (pp. 27-29). Но Висделон (D'Herbelot, ed. 1778, Tome IV., p. 327) демонстрирует большее знакомство с их историей, приводя доказательства того, что название "*татары*" было применено в восьмом веке китайцами к некоторым племенам, живущим к северу от Ин-шана, Ала-шана и реки Ляу. Во время раздоров, последовавших за гибелью династии Тан, некоторые из них мигрировали на восток за Сонгари и там со временем объединились для покорения северных провинций под именем *Ню-чи*. Это и есть предки маньчжуров. Другая часть ушла на север, к болотистым

берегам озер Хурун и Пуюр, где получила название *мунгул тахцз'*, то есть болотные татары. Именно это племя и название впоследствии прославил воинственный Чингиз. Звук "могол", используемый в Индии, является диалектным вариантом.

[106] Абулгаси (стр. 83) приводит сведения об этих *аймаках* и их происхождении.

[107] Mémoires, Tome I., p. 2.

[108] Прежевальский, Монголия, т. I.; Пампелли, Через Америку, с. 382-385; Мичи, Через Сибирь.

[109] Cottrell's Recollections of Siberia, Chap. IX, p. 314; Timkowski's Travels, Vol. I., pp. 4-91, 1821; Pumpelly, Across America and Asia, p. 387, 1871; Klaproth, Mémoires, Tome I., p. 63; Ritter, Die Erdkunde von Asien, Bd. II., pp. 198-226.

[110] Сравните Richthofen, China, Band I., 2er Theil.; Yule, Cathay and the Way Thither, passim.

[111] Дикий осел назван Прежевальским самым замечательным животным этих степей. Сравните Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 220 (2-е издание).

[112] Об *уигурах*, которые ранее правили Тангутом, см. Klaproth, Mémoires, Tome II., p. 301, ff. См. также Rémusat, Nouveaux Mélanges Asiatiques, Tome II., p. 61, где говорится о *та-та-тунг'о*, которые использовали свои буквы для написания монгольского языка.

[113] Китайский репозиторий, т. IX, с. 113; т. I, с. 118. Пенни Циклопедия, Искусство. Баян Кара, тангутский язык. Kreitner, Im fernen Osten, p. 702. Нус, Travels, passim.

[114] Лейтенант Крейтнер, "На персидском острове".

[115] В книге Ремюза "История города Хотан" (стр. 76) есть рассказ о путешествии, совершенном в X веке между Канчаном и Хотеном.

[116] Ремюзат называет ее *Пенталопой*. Nouveaux Mélanges, Tome I., p. 5.

[117] Недавний договор между Россией и Китаем (ратифицированный в 1881 году) обозначает границы между Илли и российской территорией на следующих участках:

Искусство. VII. России уступается участок на западе Илли, где могут поселиться те, кто перейдет на сторону России и тем самым лишится своей земли в Илли. Граница китайской и российской территории будет проходить от гор Пьех-чен-тао по течению реки Хо-кво-сю до ее слияния с рекой Или, далее через реку Или на юг к востоку от деревни Кво-ли-ча-те [Калдшат] на хребте У-цун-тау и от этой точки на юг по старой пограничной линии, установленной соглашением Та-Ченга [Ташкенда] в 1864 году.

Искусство. VIII. Пограничная линия к востоку от озера Чи-санг, установленная в 1864 году по соглашению Та-Ченга [Ташкенда], оказавшись неудовлетворительной, будет специально командирована обеими странами совместно для изучения и изменения ее с тем, чтобы достичь удовлетворительного результата. Чтобы не было сомнения, какая часть Хасакской страны принадлежит Китаю, а какая России, граница будет состоять из прямой линии, проведенной от гор Квей-Тунг через реку Хэй-и-кэрх-те-ши до хребта Са-ву-кэрх, и высшие офицеры, назначенные для урегулирования границы, будут устанавливать новую границу по такой прямой линии, которая находится в пределах старой границы.

Искусство. IX. Что касается границы на западе, между подвластной России провинцией Фей-кер-кан [Фергана] и китайским Кашгаром, то от обеих стран будут направлены чиновники для

ее обследования, которые установят пограничную линию между территориями, находящимися в настоящее время под юрисдикцией обеих стран, и установят на ней пограничные камни.

[118] Сравните также Schuyler, Turkistan, Vol. II., pp. 127 ff.

[119] Только в Кульдже погибло 175 000 человек.

[120] Вопрос о существовании вулканов в Центральной Азии, особенно на границе Кульджи, всегда вызывал сомнения и дискуссии среди геологов и русских исследователей. Семиреченский губернатор, генерал Колпакофский, в 1881 году смог сообщить об открытии вечных огней в горном массиве Тянь-шань. Гора Бай-шань была обнаружена в двенадцати милях к северо-востоку от Кульджи, в котловине, окруженной массивными Айлакскими горами; огонь на ней не вулканический, а происходит от горения угля. На склонах горы есть пещеры, испускающие дым и сернистый газ. Г-н Шуйлер в своем "Туркестане" упоминает, что вечные пожары в горах, о которых говорят китайские историки, были расценены русским Северцовым, исследовавшим этот регион, как вызванные воспламенением пластов угля или карбюрированного водородного газа в пластах. Тот же автор далее упоминает, что капитану Тоснофскому, другому русскому исследователю, рассказывали о месте по соседству, из которого постоянно поднимался пар, и что рядом с этой расщелиной с древних времен существовали три ямы, в которых имели обыкновение купаться люди, страдающие ревматизмом или кожными заболеваниями.

[121] Wood, Journey to the Source of the River Oxus, p. 356. С холмов, окружающих озеро Сир-и-Коль, берут начало некоторые из главных рек Азии: Яркенд, Кашгар, Сирр, Кунер и Оксус.

[122] Заметки Рихтгофена в "Лоб-норе" Прежевальского, с. 138. Лондон, 1879.

[123] Называются также *Pourouts*. Сравните с Клапротом (*Mémoires*, Tome III., p. 332), у которого есть заметка об этих племенах.

[124] H. W. Bellew, Kashmir and Kashgar. Рассказ о путешествии посольства в Кашгар в 1873-4 годах, стр. 2.

[125] Но Ремюзат говорит, что Каракаш - это река, а не город.

[126] Вуд (Journey to the Oxus, p. 279) упоминает пограничный город под названием Экла.

[127] Циклопедия Пенни, см. Тянь Шань нань лу.

[128] Rémusat, Histoire de Khotan, p. 35.

[129] О номенклатуре этого региона см. Rémusat, Histoire de Khotan, p. 66. См. также, ib., p. 47 и далее, легенду о роде пустынных крыс, помогавших царю этой земли против армии его врагов.

[130] "Галдан, более известный под титулом Контайша" - Rémusat, Nouveaux Mélanges, Tome II., p. 29. См. также Schuyler's Turkistan, Vol. II., p. 168.

[131] Сравните Ремюза (Rémusat, Nouveaux Mélanges, Tome II., p. 102), который составил краткое жизнеописание их вождя Убуши. Эссе де Квинси "Бегство татарского племени". Ritter, Asien, Bd. V. pp. 531-583: Welthistorischer Einfluss des chinesischen Reichs auf Central- und West-Asien.

[132] Chinese Repository, Vol. V., pp. 267, 316, 351 и т.д.; Vol. IX., p. 113. Пенни Циклопедия, см. Сонгария. Boulger, Russia and England in Central Asia, 2 Vols., London, 1879. Schuyler, Turkistan, 2 vols., N. Y., 1877. Petermann's Mittheilungen, Appendices XLII. and XLIII., 1875.

[133] Эта деривация объясняется несколько иначе в Rémusat, Nouveaux Mélanges, Tome I., p. 190.

[134] К ним Риттер добавляет названия Вэй, Дзанг, Нга-ри, Кхам, Бходи, Пеу-у-Цанг, Си-Дзанг, Тхупхо, Тоббат, Тёбёт, Тюбет, Тибет и Барантола, как все относящиеся к этой стране. Asien, Bd. III., S. 174-183.

[135] См. Rémusat, Nouveaux Mélanges, I., p. 190, где говорится о племенах, в древности населявших этот район и Бохару. Сравните также Херена ("Исторические исследования", т. I, с. 180-186), который вкратце излагает рассказы Геродота и Ктесия.

[136] Вступление полковника Юла в книге Гилла "Река золотого песка".

[137] Вуд называет их *Каш-гоу* ("Путешествие на Оксус", с. 319). Другие названия - *чаури-гау*, *сарлык* и *сарлак*.

[138] Этот крест упоминается Марко Поло, изд. Юля, т. I, стр. 241.

[139] Прежевальский, Путешествия по Монголии и т.д., т. I, с. 187.

[140] B. H. Hodgson, Notice of the Mammals of Tibet, Journal As. Soc. of Bengal, Vol. XI., pp. 275 ff.; также ib. Vols. XVI., p. 763, XIX., p. 466, и XXVI., № 3, 1857. Abbé Armand David, Notes sur quelques oiseaux de Thibet, Nouv. Arch. du Museum, Bull., V. 1869, p. 33; ib. Bull., VI., pp. 19 и 33. Bull., VIII., 1872, pp. 3-128, IX., pp. 15-48, X., pp. 3-82. Recherches pour servir à l'histoire naturelle des mammifères comprenant des considérations sur la classification de ces animaux, etc., des études sur la faune de la Chine et du Tibet oriental, par MM. Milne-Edwards, etc., 2 vols. Paris, 1868-74.

[141] Klaproth, Description du Tibet, p. 246.

[142] Миссия Джорджа Богла в Тибет и путешествие Томаса Мэннинга в Лхасу. Под редакцией К. Р. Маркхэма. London, 1876, p. 265.

[143] Сравните, для дальнейшего обсуждения этого вопроса, "Миссию Тимковского в Пекине", Лондон, 1827, т. II, с. 349. Wilson's Abode of Snow, p. 329.

[144] Эссе к словарю тибетского и английского языков. Грамматика тибетского языка на английском языке. Калькутта, 1834.

[145] Очерки о языке, литературе и религии Непала и Тибета и др. London, 1874.

[146] Rémusat, Observations sur l'Histoire des Mongols orientaux de Sanang Setsen, Paris, l'an 8. Ssanang Ssetsen, Geschichte der Mongolen, Uebers., von. J. J. Schmidt, Petersb., 1829.

[147] Ремюзат рассказывает историю своего происхождения, Mélanges Posthumes, p. 400.

[148] Klaproth, Description du Tibet.

[149] Кроме уже упомянутых, о Тибете имеются следующие источники: Journal Asiatique, Tomes IV., p. 281; VIII., p. 117; IX., p. 31; XIV., pp. 177, ff. 277, 406, etc. Дю Хальде, Описание Китая, т. II, с. 384-388. Капитан Сэмюэл Тернер, Отчет о посольстве ко двору Тешу-ламы в Тибете, Лондон, 1800. Histoire de ce qui s'est passé au Royaume du Tibet, en l'année 1626; trad.

de l'Italien. Paris, 1829. P. Kircher, China Illustrata. MM. Péron et Billecocq, Recueil de Voyages du Thibet, Paris, 1796. Journal of the Asiatic Society of Bengal, passim. Китайский репозиторий, т. VI., pp. 28, 494, IX., p. 26, и XIII., p. 505. Ritter, Asien, Bd. II., 4er Abschnitt, и Bd. III., S. 137-424. Richthofen, China, Bd. I., S. 228, 247, 466, 670, 683 и др. С. Н. Desgodin, La mission du Tibet de 1855 à 1870, comprenant l'exposé des affaires religieuses, etc. D'après les lettres de M. l'abbé Desgodins, missionnaire apostolique, Verdun, 1872. Lieut. Kreitner, Im fernen Osten, pp. 829 ff., и в журнале The Popular Science Monthly, за август 1882 года. Эмиль Шлагинтвейт, Тибетский буддизм, иллюстрированный литературными документами и предметами религиозного культа, Лондон, 1863. Abbé Huc, Travels through Tartary, Tibet and China, 2 vols.

[150] Этот подробный сборник опубликован в Journal Asiatique за 1836 год (апрель и май) и заслуживает внимания.

[151] Меривейл (Vol. IV., pp. 336-343) оценивает население Римской империи в тот же период в 85 000 000 человек, но его данные менее полны, чем по Китаю; он считает европейские провинции в 45 000 000 человек, азиатские и африканские колонии - в оставшуюся часть, отдавая 27 000 000 человек Малой Азии и Сирии. Площадь Китая в это время была меньше площади Рима примерно на одну четвертую часть.

[152] Сэр Г. Стонтон, Посольство в Китай, т. II, Приложение, с. 615: "Таблица численности населения и территории собственно Китая в пределах Великой стены. Взята в круглых цифрах из "Заявлений Чоу та-цзиня".

[153] Этот интересный предмет можно оставить читателю, который найдет дальнейшие замечания в "Китае" Медхерста, "Путешествии в Пекин" де Гинье, "Миссионерах", в томах VI и VIII "Mémoires" под ред. Biot, в Journal Asiatique за 1836 год. Числовые отношения населения Китая за 4 000 лет его исторического существования; или подъем и падение китайского населения, Т. Сачарофф. Переведено на английский язык преподобным В. Лобшейдом, Гонконг, 1862. Notes and Queries on China and Japan, Vol. II., pp. 88, 103, and 117.

[154] Священный эдикт, стр. 51, 60.

[155] Китай: Его состояние и перспективы, с. 42.

[156] Ta Tsing Leu Lee; being the Fundamental Laws, etc., of the Penal Code of China, by Sir G. T. Staunton, Bart., London, 1810. Раздел CCXXV.

[157] Китайский репозиторий, т. I, с. 332.

[158] Там же, т. VII, с. 503; т. II, с. 161.

[159] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 152.

[160] Уголовный кодекс, стр. 79, перевод Стаунтона.

[161] Voyages à Peking, Tome III., pp. 55-86.

[162] Шу, говорит Медхерст, - это мера зерна, содержащая 3460 английских кубических дюймов. Китай: Its State and Prospects, p. 68. Лондон, 1838.

[163] Annales de la Foi, Tome XVI., p. 440.

[164] Китайский коммерческий справочник, 2-е издание, 1842, с. 143.

[165] Китайский репозиторий, т. I, с. 159.

- [166] Китайский репозиторий, т. II, с. 431.
- [167] Китайцы, т. II, с. 333-343.
- [168] Журнал Геологического общества. Soc., London, for 1871, p. 379.
- [169] Im fernen Osten, p. 462.
- [170] Китай: Ergebnisse eigener Reisen. Band I., S. 74. Berlin, 1877.
- [171] Сравните с Кингсмилом, в журнале "Quar. Journal of the Geol. Soc. of London, 1868, pp. 119 ff., и в North China Herald, Vol. IX, 85, 86.
- [172] Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 395.
- [173] Через Америку и Азию, стр. 291 и далее.
- [174] Пять месяцев на Ян-цзы, стр. 265. *Annales de la Foi*, Tome IX., p. 457.
- [175] N. C. Br. R. A. Soc. Journal, New Series, No. III., pp. 94-106, and No. IV., pp. 243 ff. Заметки мистера Холлингворта о посещении угольных шахт в окрестностях Лох-Пинга. Голубая книга Китая, № 2, 1870, с. 11. Notes and Queries on China and Japan, Vol. II., pp. 74-76. North China Herald, passim. Письма Рихтгофена, в "Океанских магистралях", ноябрь, 1873. Chinese Repository, Vol. XIX, pp. 385 ff.
- [176] Сравните Rémusat, Histoire de Khotan, pp. 163 ff., где приводится расширенный список китайских драгоценных камней, взятый из местных источников.
- [177] Murray's China, Edinburgh, 1843, Vol. III., p. 276; сравните также статью об этом камне М. Блонделя из Парижа, опубликованную в Смитсоновском отчете за 1876 год. Mémoires concernant les Chinois, Tome XIII., p. 389. Rémusat в Journal des Savans, Dec., 1818, pp. 748 ff. Notes and Queries on C. and J., Vol. II., pp. 173, 174, and 187; Vol. III., p. 63; Vol. IV., pp. 13 and 33. Macmillan's Magazine, октябрь, 1871. Yule, Cathay and the Way Thither, Vol. II., p. 564.
- [178] Nephrit und Jadeit, nach ihren mineralogischen Eigenschaften sowie nach ihrer urgeschichtlichen und ethnographischen Bedeutung. Генрих Фишер, Штутгарт, 1880. Исчерпывающий трактат о каждом виде и разновидности минерала.
- [179] Получено из Бадакшана. Wood, Journey to the Oxus, p. 263.
- [180] Геологические исследования в Китае, гл. X.
- [181] Humboldt, Fragmens Asiaticques, Tome I., p. 196. *Annales de la Foi*, Janvr., 1829, pp. 416 ff.
- [182] Бретон, Китай, его костюмы, искусство и т.д., том II.
- [183] Bridgman's Chinese Chrestomathy, p. 469.
- [184] Китайский репозиторий, том VII, стр. 90.
- [185] Zoöl. Soc. Proc., 1870, p. 626.
- [186] Borget, La Chine Ouverte, p. 147.
- [187] Китайский репозиторий, том XII, стр. 608.
- [188] Там же, том VI, с. 411.

[189] Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 353.

[190] Войны и спорт монголов и римлян.

[191] Восточная и Западная Сибирь, с. 416.

[192] Журнал Северокитайского отделения Королевского азиатского общества, май, 1859, стр. 289.

[193] Журнал N. C. Br. R. A. Soc., Vol. IV., 1867, Art. XI., by T. Watters.

[194] Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 237.

[195] Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 246, где есть восхитительная вырезка из дерева, сделанная Вудом.

[196] От Кульджи до Лоб-нора, с. 116.

[197] Джон Гулд, Век птиц. Лондон, 1831-32.

[198] О птицах Китая см. в общем виде Les Oiseaux de la Chine, par M. l'Abbé Armand David, avec un Atlas de 124 Planches dessinées et lith. par M. Arnoul. Paris, 1877. Р. Суинхо, в "Трудах научных собраний Лондонского зоологического общества" и в "Ибисе", журнале общей орнитологии, passim. Journ. N. C. Br. R. A. Soc., Nos. II., p. 225, и III., p. 287.

[199] Chinese Repository, Vol. VII., p. 213. Сравните примечание Юла, Марко Поло, том I, стр. 232. Huc, Travels in Tartary, etc., Vol. II., p. 246. Bell, Journey from St. Petersburg in Russia to Ispahan in Persia, Vol. I., p. 216. Также Heeren, Asiatic Nations, Vol. I., p. 98, где есть *резюме* рассказа Ктесия о единороге.

[200] Chinese Repository, Vol. VII., p. 250. Тщательный анализ этой древней реликвии см. в "Nouveau Journal Asiatique", том XII, стр. 232-243, 1833 г.; также в томе VIII, 3-я серия, стр. 337-382, 1839 г., где приводится оценка ее ценности М. Базеном.

[201] Yule's Marco Polo, Vol. II., p. 46.

[202] Том III, с. 445.

[203] Конспект коллекций, сделанных доктором Кантором, Китайский репозиторий, том X., стр. 434. Общие черты Чусана, с замечаниями о флоре и фауне этого острова, Т. Е. Кантор, Annal. Nat. Hist., Vol. IX. (1842), pp. 265, 361 и 481. Журнал As. Soc. of Bengal, Vol. XXIV., 1855.

[204] Заметки Хэнбери о китайской Materia Medica, 1862; Фармацевтический журнал, февраль, 1862.

[205] Письма барона Рихтгофена, № VII, в Шанхайскую торговую палату, май, 1872, с. 52.

[206] Дарвин в "Путешествии натуралиста", стр. 35, отмечает подобную привычку сфелекса в окрестностях Рио-Жанейро. Насекомое частично убивает паука или гусеницу жалом, когда они хранятся в гниющем состоянии вместе с ее яйцами.

[207] Сравните Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 271; A. R. Wallace, The Malay Archipelago, pp. 87-91, American Ed.

[208] См. также в Notes and Queries on C. and J., Vol. III., pp. 115, 129, 139, 147, 150, 170.

[209] По расчетам Гумбольдта, продуктивность этого растения по сравнению с пшеницей составляет 133 к 1, а по сравнению с картофелем - 44 к 1.

[210] Сравните Yule's Marco Polo, Vol. I., p. 197.

[211] Применение иностранцами этого названия к сливе джуджубе, потому что сорт, выдержанный в меду, напоминал арабские финики по цвету, размеру и вкусу, когда попадал на стол, является хорошим примером того, как ошибки возникают и сохраняются из-за простой небрежности.

[212] Сравните с д-ром Х. Ф. Хэнсом в "Журнале ботаники", т. IX, с. 38.

[213] Путешествия по Сибири, т. II, с. 151.

[214] Странствия по Китаю.

[215] Китайский репозиторий, т. VII, с. 393.

[216] Mélanges Orientales, Posthumes, p. 215.

[217] 2357 и 2255 до Рождества Христова.

[218] Уголовный кодекс, Введение, стр. xxviii.

[219] Том XVI., 1810.

[220] Китайский репозиторий, том IV, стр. 24-29.

[221] Китайский репозиторий, т. IV, с. 12; Китайская хрестоматия, с. 558.

[222] Атрибуты, приписываемые *чакравартти* в буддийской мифологии, во многом схожи с *хванти*, и в "Руководстве по буддизму" Харди (стр. 126) приводится поучительное сравнение этих двух персонажей, одного вымышленного, а другого реального.

[223] Замечание Хирена (Asiatic Nations, Vol. I., p. 57) о том, что имена, которыми называли ранних персидских монархов, Дария, Ксеркса и других, были на самом деле титулами или фамилиями, а не их личными именами, наводит на мысль о дальнейшем сравнении, не были ли эти прославленные имена похожи на *kwoh hao* китайских императоров, чей обычай был принят после исчезновения персидской монархии. Геродот (Книга VI., 98), по-видимому, был знаком с этими именами, не столько как с произвольными и бессмысленными терминами, сколько как с эпитетами, значение которых было связано с царями. Новые имена, данные двум последним сыновьям Иосии, которые стали царями Иудеи благодаря своим завоевателям (2 Царств, 23:34 и 24:17), указывают на еще более раннее принятие этого обычая.

[224] Китайский репозиторий, том X., стр. 87-98. Indo-Chinese Gleaner, February, 1821.

[225] Staunton's Embassy, 8vo edition, London, 1797, Vol. III., p. 63.

[226] Chinese Repository, Vol. XIV., p. 521; N. C. Br. R. As. Soc. Journal, No. XI.

[227] Китайский репозиторий, т. IV, с. 576.

[228] Миссионерская хроника, т. XIV, с. 324; Hardy, Manual of Buddhism, p. 69; Heeren, Asiatic Nations, Vol. I., p. 246.

[229] М. Эд. Биот хорошо описал в Journal Asiatique (3-я серия, том III.) правовое положение рабов в Китае; см. также Chinese Repository, Vol. XVIII, pp. 347-363 и passim; Archdeacon Gray's China.

[230] Китайская хрестоматия, гл. XVII, раздел 4, с. 570.

[231] Еще более распространенное обозначение офицеров всех рангов, служащих в китайском правительстве, имеет не столь хорошую родословную; это слово *mandarin*, происходящее от португальского *mandar* - командовать, и без разбора применяемое иностранцами ко всем чинам, от премьера до приливщика; оно не нужно в английском языке в качестве общего термина для офицеров, и, кроме того, должно быть отменено из-за его тенденции создавать впечатление, что они в чем-то не похожи на аналогичных чиновников в других странах. Сравните Notes and Queries on China and Japan, Vol. III., p. 12.

[232] Китайский репозиторий, т. IV, с. 138. Китайская хрестоматия, с. 573.

[233] Журнал Фрейзера, февраль, 1873. China Review, Vol. III., p. 13. Заметка о состоянии и правительстве Китайской империи в 1849 году. Т. Ф. Уэйд. Гонконг, 1850. С 1872 г. появились переводы нескольких лет "Газеты", перепечатанные из колонок "Северокитайского вестника".

[234] Essai sur l'Instruction en Chine, pp. 540-589.

[235] Chinese Repository, Vol. IV., pp. 188, 276-287; Vol. V., pp. 165-178; Vol. XX., pp. 250, 300 и 363. Mémoires concernant les Chinois, par les Missionnaires à Pekin, Tomes VII. and VIII., passim.

[236] Сравните статью Э. К. Тейнтора в журнале Notes and Queries on China and Japan. Chinese Repository, Vols. IV., pp. 148, 164 и 177, и XII., pp. 32 и 67.

[237] Доктор У. А. П. Мартин, Китайцы.

[238] Руководство Майерса по китайским названиям - лучший сборник для изучения их обязанностей и названий.

[239] Древняя история Роллина, гл. IV. Нравы ассирийцев. Heeren's Asiatic Researches, Vol. I., Chap. II.

[240] Китайский репозиторий, том VI, стр. 48.

[241] Китайский репозиторий, т. IV, с. 59.

[242] Посольство в Китай, том III, стр. 26.

[243] Китайский репозиторий, том III, стр. 241.

[244] Китайский репозиторий, том IV, с. 61-66.

[245] Сравните с д-ром Боурингом в журнале N. C. Br. R. A. Soc. Journal, часть III, ст. VII. (Dec., 1852).

[246] Chinese Repository, passim. Олифант, Миссия лорда Элгина в Китай и Японию, гл. XVII. Министр Рид, в U. S. Dip. Correspondence, 1857-58.

[247] Китайцы очень привязаны к месту своего рождения и считают, что жить в любой другой провинции - все равно что находиться в чужом поселении. Они всегда хотят вернуться туда при жизни или перевезти свои останки и похоронить их там после смерти.

[248] Район в провинции Кванси.

[249] Киух Кианг был древним государственным министром во времена династии Тан. Его императорский повелитель не прислушивался к его советам, и поэтому он ушел в отставку. Начались мятежи и бедствия. Император вспомнил о своем верном слуге и послал за ним, но тот был уже мертв.

[250] Губернатор Лоо.

[251] Разрешив Чу уйти из общественной жизни.

[252] Китайский репозиторий, т. IV, с. 71.

[253] *Annales de la Foi*, No. 6, 1823, pp. 21-24.

[254] Китайский репозиторий, том I., стр. 236.

[255] *Easy Lessons in Chinese*, pp. 223-227. Эффект от этих инструкций по борьбе с кузнечиками, похоже, не оправдал усердия составивших их офицеров; стаи саранчи, однако, в целом не являются в Китае ни многочисленными, ни разрушительными.

[256] Новая история Китая, содержащая описание наиболее значительных особенностей этой империи, написанная Габриэлем Магальянсом, миссионером-апостоликом Общества Иисуса. Переведено с французского. Лондон, 1688, с. 249.

[257] Сравните "Китайский репозиторий", том XVIII, стр. 207.

[258] Китайский репозиторий, том IV, стр. 218.

[259] Сравните Doolittle, *Social Life of the Chinese*, Vol. I., p. 330.

[260] Heeren, *Asiatic Nations*, Vol. II., p. 259. Раффлз, Ява, том II. App. Biot, *L'Instruction publique*, pp. 59, 200.

[261] Китайский репозиторий, том XI, с. 630.

[262] Сравните с д-ром Милном в *Transactions R. A. S. of Gr. Brit. and Irel.*, Vol. I., p. 240 (1825). *Journal of the R. A. S.*, Vol. I., p. 93, и Vol. VI., p. 120. *Chinese Repository*, Vol. XVIII, pp. 280-295. А. Уайли, в Шанхайском альманахе на 1854 год. *Notes and Queries on C. and J.*, Vol. III., p. 55. Т. Т. Медоуз, *Китайцы и их восстания*, Лондон, 1856. Густав Шлегель, "Тхиан Ти Хуи", "Лига Хун" или "Лига Неба и Земли". Тайное общество китайцев в Китае и Индии, Батавия, 1866.

[263] Миссионерская хроника, т. XIV, с. 140. *Smith's China*, p. 250.

[264] В связи с подобными случаями в Камбодже Ремюзат упоминает о различных испытаниях, которые любопытно напоминают те, к которым прибегали на европейском континенте в Средние века. *Nouveaux Mélanges*, Tome I., p. 126.

[265] Херен сообщает нам, что подобный знак отличия использовался в Персии в ранние времена.

[266] W. C. Milne, *Life in China*, London, 1857, p. 99.

[267] Д-р Х. М. Филд, От Египта до Японии, гл. XXIV, *passim*. Нью-Йорк, 1877. Chinese Repository, Vol. IV., pp. 214, 260.

[268] Люди, совершающие самоубийство, также одеваются во все самое лучшее, считая, что на том свете они будут носить ту же одежду, в которой умерли.

[269] Сравните Du Halde, Description de l'Empire de la Chine, Tome II., pp. 365-384; A. Wylie, Notes, p. 68; Chinese Repository, Vols. V., p. 81, и VI., pp. 185, 393, и 562; China Review, Vol. VI., pp. 120, 195, 253, 328, и т.д.; New Englander, May, 1878.

[270] Китайский репозиторий, т. IV, с. 83-87, 306-316.

[271] Китайский словарь Моррисона, том I, часть I, стр. 749-758.

[272] Этот обычай существует и в Бохаре.

[273] Сравните д-р Моррисон в *Horæ Sinicæ*, pp. 122-146; Б. Дженкинс, "Классика трех символов", латинизированная в соответствии с шанхайским диалектом, Шанхай, 1860. Классика также была переведена на латынь, французский, немецкий, русский и португальский языки. Триметрическую классику режима Тай-пин см. в "Вестнике Северного Китая", № 147, 21 мая 1853 г., в переводе доктора Меджерста; также перевод преподобного С. К. Малана из Баллиол-колледжа в Оксфорде. Лондон, 1856.

[274] Э. К. Бриджмен в "Китайском репозитории", т. IV, с. 152. *Livre de Cent familles*, Perny, Dict., App., No. XIV., pp. 156 ff.

[275] Китайский репозиторий, том IV, стр. 229.

[276] Сравните *Das Tsiän dsü wen, oder Buch von Tausend Wörtern, aus dem Schinesischen, mit Berücksichtigung der Koraischen und Japanischen Uebersetzung, ins Deutsche übertragen*, Ph. Fr. de Siebold, Nippon, Abh. IV., pp. 165-191; B. Jenkins, *The Thousand-Character Classic, romanized, etc.* Шанхай, 1860; *Thsien-Tseu-Wen, Le Livre des Mille Mots, etc.*, par Stanislas Julien (с китайским текстом), Париж, 1864; *China Review*, Vol. II., pp. 182 ff.

[277] Китайский репозиторий, том X., стр. 614.

[278] Сравните Père Cibot в *Mémoires concernant les Chinois*, Tome IV., pp. 1 ff.; Dr. Legge, *The Sacred Books of China, Part I. The Shû-king, Religious Portions of the Shih-king, the Hsiâo-king*, Oxford, 1879; *Asiatic Journal*, Vol. XXIX., pp. 302 ff., 1839.

[279] Китайский репозиторий, том VI, стр. 131.

[280] Chinese Repository, Vol. IV., p. 414. См. также том VI, стр. 229-241; том IV, стр. 1-10; том XI, стр. 545-557; и том XIII, стр. 626-641, для дальнейшего изложения способов и целей образования; Biot, *Essai sur l'Histoire de l'Instruction Publique en Chine*, и его перевод Chao-lí, том II, стр. 27, Париж, 1851. Chinese Recorder, September, 1871.

[281] Chinese Repository, Vol. II., p. 249; Vol. XVI., pp. 67-72. Дулиттл, Социальная жизнь китайцев, том I, с. 376-443. Доктор Мартин, Китайцы.

[282] Китайцы, стр. 50.

[283] Biot, *Essai sur l'Instruction en Chine*, p. 603.

[284] Китайский репозиторий, т. IX, с. 541; т. III, с. 118.

[285] См. словарь китайского языка Моррисона, том I, часть I, с. 759-779, где описаны законы и обычаи нескольких судебных процессов. Также Doolittle's Social Life, Vol. I., Chaps. XV., XVI. и XVII; Biot, Essai sur l'Histoire de l'Instruction Publique en Chine; W. A. P. Martin, The Chinese, pp. 39 ff.; Journal Asiatique, Tomes III., pp. 257 и 321, IV., p. 3, и VII. (3-я серия, 1839), с. 32-81; Journal Asiatic Soc. Bengal, Vol. XXVIII., No. 1, 1859; Journal N. C. Br. B. As. Soc., New Series, Vol. VI., pp. 129 ff.; China Review, Vol. II., p. 309.

[286] Ellis, Embassy to China, p. 87; Chinese Repository, Vol. XVI, p. 62; Vol. IV, p. 125.

[287] Дэвис, Очерки, том I., стр. 99, 101.

[288] Архидиакон Грей, Китай, том I., стр. 167.

[289] Китайский репозиторий, т. IX, с. 542.

[290] Профессор Х. А. Сейс из Оксфорда, говоря о предполагаемой возможной связи между китайцами и примитивным аккадским населением Халдеи, пишет в письме в London Times: "Я хотел бы упомянуть об одном факте, который, безусловно, можно рассматривать в пользу этого. Клинописные знаки Вавилонии и Ассирии, как известно, являются вырожденными иероглифами, как и современные китайские иероглифы. Оригинальные иероглифы были изобретены аккадцами до того, как они спустились в Вавилонию с гор Элама, и я давно убежден, что изначально они были написаны в вертикальных колонках. Ничем иным я не могу объяснить тот факт, что большинство изображений, по которым можно проследить клинописные символы, стоят на боку. Есть свидетельства того, что изобретатели иероглифов использовали для письма папирус или другое подобное растительное вещество до того, как аллювиальные равнины Вавилонии снабдили их глиной, и использование такого материала для письма легко объясняет вертикальное направление, в котором были сделаны иероглифы".

[291] У Биота есть краткая заметка о методах, используемых местными учеными для изучения произношения. Essai sur l'instruction en Chine, p. 597.

[292] Легкие уроки китайского языка, с. 3-29; Китайский репозиторий, том III, с. 1-37.

[293] Представление об этой трудности можно получить, обратившись к географическим названиям, содержащимся в русско-китайском договоре, который цитируется на стр. 215.

[294] У писателя есть издание "Классика тысячи знаков", в котором каждое двустороннее из восьми слов набрано разными знаками, что составляет сто двадцать пять стилей шрифта - слишком гротескных, чтобы им подражать, и, вероятно, никогда не использовавшихся в действительности.

[295] См. стр. 193. Чтобы маньчжурская часть этой знаменитой поэмы не казалась хуже китайской, император приказал *изобрести* тридцать две разновидности маньчжурских иероглифов и опубликовать их так же, как и остальные. Rémusat, Mélanges, Tome II., p. 59. Père Amiot, Éloge de la Ville de Moukden. Trad. en français. Paris, 1770.

[296] Китайская хрестоматия, гл. I, разделы 5 и 6, где полностью изложены правила китайского письма с многочисленными примерами; Легкие уроки китайского языка, с. 59; Китайский репозиторий, т. III, с. 37.

[297] Журнал Азиатского общества Бенгалии, том III. (Sept., 1834), p. 477. С. Жюльен в Revue de l'Orient et de l'Algerie, XX., p. 74, 1856.

[298] Китайский репозиторий, т. III, с. 246-252, 528; т. XIV, с. 124; Миссионерский регистратор, январь, 1875 г.

[299] Китайцы как они есть, гл. XXXIV.

[300] Китайский репозиторий, т. VIII, с. 347.

[301] Многие пособия по изучению общего языка и всех ведущих диалектов были подготовлены на английском, французском, немецком и португальском языках, но некоторые из ранних, например Моррисон, Гонсалвес, Медхерст и Бриджмен, уже вышли из печати. Имена всех этих авторов можно легко найти в первом томе исчерпывающего библиографического словаря М. Кордые "Dictionnaire Bibliographique des ouvrages relatifs à l'Empire chinois", pp. 725-804. Париж, 1881.

[302] Священные книги Китая. Тексты конфуцианства. Перевод Джеймса Легге. Часть II. Царь И. Оксфорд, 1882.

[303] В каталоге перечислено около четырнадцатисот пятидесяти трактатов об Ии, состоящих из мемуаров, дайджестов, изложений и т.д. Иностранная литература по ней до сих пор была скудной. Единственными другими переводами классики *in extenso*, кроме уже цитированного перевода д-ра Легге, являются "И-Кинг"; "Antiquissimus Sinarum liber quem ex latina interpretatione"; "P. Regis, *aliorumque ex Soc. Jesu P. P.*, edidit Julius Mohl, 2 vols., Stuttgart, 1834-39; и перевод конфуцианского "И-Царя, или Классика перемен", выполненный преподобным каноником Мак-Клэтчи, Шанхай, 1876 (с китайским текстом). Сравните также Notice du livre chinois nommé Y-king, avec des notes, *par* M. Claude Visdelou, contained in Père Gaubil's Chou king, Paris, 1843; Die verbogenen Alterthümer der Chineser aus dem uralten Buche Yeking untersucht, *von* M. Joh. Heinrich Schuhmacher, Wolfenbüttel, 1763; Joseph Haas, in Notes and Queries on China and Japan, Vol. III., 1869; China Review, Vols. I., p. 151; IV., p. 257; и V., p. 132.

[304] Миссионерами было сделано несколько переводов. Один из них, выполненный П. Гобилем, был отредактирован де Гинье в 1770 году; второй - преподобным У. Х. Медхерстом в 1846 году; но наиболее полный перевод, выполненный Дж. Легге, доктором философии, в 1865 году, с примечаниями и текстом, как никогда ранее, донес эту запись до сведения западных ученых.

[305] Legge, The Chinese Classics, Vol. III. Shoo King, p. 59.

[306] Chinese Repository, Vol. VIII., p. 385; Vol. IX., p. 573. Le Chou-king, un des Livres Sacrés des Chinois, qui renferme les Fondements de leur ancienne Histoire, etc. Traduit par Feu le P. Gaubil. Paris, 1770, in-4. La Morale du Chou-king ou le Livre Sacré de la Chine. (То же), Париж, 1851. Древний Китай. Король Шу, или Историческая классика: древнейшие достоверные записи летописей Китайской империи, переведенные В. Х. Медхерстом, сенатором, Шанхэ, 1846. Nouveau Journal Asiatique, Tomes V. (1830), p. 401; VI., p. 401, и XIV. (1842), p. 152. China Review, Vol. IV., p. 13. Перевод д-ра Легге недавно (1879 г.) появился без китайского текста в серии Макса Мюллера "Священные книги Востока", т. III. Richthofen, China, Bd. I., pp. 277-365, исчерпывающий трактат по ранней географии Китая, с ценными историческими картами.

[307] Dr. Legge, The She King, translated into English verse, p. 70. Лондон, 1876.

[308] *Ib.*, p. 83.

[309] *Id.*, The She King, p. 222.

[310] *Id.*, The She King, p. 347.

[311] В недавнем немецком переводе этих од с большой точностью и плавным стихосложением сочетается особая приспособленность этого языка к воспроизведению (в некоторой степени) таких чуждых языку звуков, как китайский. Ши Кинг. *Das kanonische Liederbuch der Chinesen*. Перевод Виктора фон Штрауса. Heidelberg, 1880.

[312] Китайская классика, т. IV, с. 172-180. Гонконг, 1871.

[313] Сравните Confucii Chi-king sive Liber Carminum, ex latina P. Lacharme *interpretatione edidit* J. Mohl, Stuttgart, 1830; Essai sur le Chi-king, et sur l'ancienne poésie chinoise, *par* M. Brosset jeune, Paris, 1828; Bibliothèque orientale, Vol. II., p. 247 (1872). Chi-king, ou Livre des Vers, Traduction de M. G. Pauthier; China Review, Vol. VI., pp. 1 ff. and 166 ff. Journal N. C. Br. R. As. Soc., Vol. XII., pp. 97 ff.

[314] Li-ki ou Mémorial des Rites, traduit pour la première fois du chinois, et accompagné de notes, de commentaires et du texte original, *par* J. M. Callery. Turin et Paris, 1853.

[315] Le Tcheou-Li ou Rites des Tcheou, *traduit pour la première fois du chinois, par* Feu Édouard Biot. 2 Tomes. Paris, 1851.

[316] Китайский репозиторий, том V., с. 306-312.

[317] Это несколько причудливое объяснение названия принадлежит ханьским комментаторам. Д-р Легге (Classics, Vol. V., Prolegomena, p. 7) замечает, что "даже в самом произведении мы не находим таких "порицаний" и "похвал"; и уж тем более они трубят об этом в его названии". Его толкование, согласно которому "Весна" и "Осень" обозначают все четыре сезона, то есть всю летопись года, представляется более естественным. Тот же автор заявляет, что "вся книга - это собрание загадок, на которые есть столько же ответов, сколько и отгадывающих". Интересные главы его *пролегомены* к этому переводу и его разумная критика этих ранних записей должны побудить всех синологов прочитать их до конца.

[318] Тот же автор, подводя итог достоинствам "Цо Чуен", добавляет: "По моему мнению, это самое ценное литературное сокровище, дошедшее до потомков от династии Чоу."-Classics, Vol. V., Proleg., p. 35.

[319] К этому комментатор Кун Ян добавляет: "Это он сказал в шутку".

[320] Сравните Tchun Tsieou, Le Printemps & l'Automne, ou Annales de la Principauté de Lou, depuis 722 jusqu' en 481, etc. *Traduites en français, par* Le Roux Deshauterayes. 1750. Д-р Э. Бретшнайдер, в "Китайском регистраторе", т. IV, с. 51-52, 1871.

[321] Четыре книги Колли, стр. 6-10.

[322] *Ib.*, p. 28.

[323] Работы Конфуция; содержащие оригинальный текст с переводом Дж. Маршмана. Том I. Серампор, 1807.

[324] Китайский репозиторий, т. XI, с. 421. Pauthier, La Chine, Paris, 1839, pp. 121-184.

[325] Сравните "Религии Китая" д-ра Легге; "Конфуцианство и тауизм" проф. Р. К. Дугласа, Лондон, 1879; "Восточные религии" С. Джонсона: China, Boston, 1877; A Systematical Digest of the Doctrines of Confucius, according to the Analects, Great Learning, and Doctrine of the Mean,

etc., by Ernst Faber. Перевод с немецкого Мёллендорфа, Гонконг, 1875; *Histoire de Confucius*, par J. Sénamaud, Bordeaux et Paris, 1878.

[326] Здесь можно заметить, что термины "цз" или "фу-цз" не являются частью имени, а представляют собой титулы, означающие *раввина* или *выдающегося учителя*, и добавляются к фамилиям некоторых выдающихся писателей для особого отличия; а в словах "Менций" и "Конфуций" латинизированы Mǎng и Kung, имена самих людей, в одно слово. Имена других выдающихся ученых, таких как Чу фу-цзы, Чин фу-цзы и т. д., не претерпели такого изменения в Чуфуций, Чинфуций; но обычай привел к тому, что это обозначение этих двух людей вошло во всеобщее употребление как отличительный титул, подобно тому, как термин "*почтенный*" применяется к Беде.

[327] Rémusat, *Nouveaux Mélanges*, Tome II., pp. 115-129.

[328] Китайская классика, том II. Гонконг, 1862.

[329] Сравните Rémusat, *Nouveaux Mélanges*, Tome II., pp. 130 ff., где есть прекрасные биографические очерки о Sz'ma Tsien и других местных историках.

[330] Китайский репозиторий, том IX, стр. 210, 274.

[331] Legge's Chinese Classics, Vol. III.; Prolegomena, Chap. IV. Э. Био в *Journal Asiatique*, 2e Series, Tomes XII., p. 537, и XIII., pp. 203, 381.

[332] Сравните Rémusat, *Mélanges Asiatiques*, Tome II., p. 166; Chinese Repository, Vol. IX., p. 143; Wylie's Notes, p. 55; Mayer's Chinese Reader's Manual, p. 149.

[333] Перевод преподобного У. Х. Медхерста опубликован в "Китайском репозитории", том XIII, стр. 552, 609 и последующие.

[334] The Sacred Edict, London, 1817; второе издание этого перевода вышло в Шанхае в 1870 году, а еще одно - в 1878 году. Сравните "Заметки Уайли", с. 71; "Разные заметки сэра Г. Т. Стонтонна", с. 1-56 (1812); "Le Saint Edit, Étude de Littérature chinoise, préparée par A. Théophile Piry", Шанхай, 1879.

[335] Священный эдикт, стр. 254-259.

[336] Священный эдикт, стр. 146.

[337] Второй из них, Ту Фу, - поэт довольно выдающийся, отмеченный Ремюзатом (*Nouveaux Mélanges*, Tome II., p. 174). Он жил в восьмом веке нашей эры и умер от голода в 768 году. Его труды обычно редактируются вместе с трудами Ли Тай-пе.

[338] Davis, *Poetry of the Chinese*, London, 1870; G. C. Stent, *The Jade Chaplet*, London, 1874; *Entombed Alive, and other Verses*, 1878; Le Marquis D'Hervey-Saint-Denys, *Poésies de l'Epoque des Thang*, Paris, 1862. Ряд отрывков из классической и современной литературы можно найти в книге "Конфуций и китайская классика", составленной преподобным А. В. Лумисом, Сан-Франциско, 1867. *China Review*, Vols. I., p. 248, IV., p. 46, и *passim*.

[339] Китайские ухаживания. В стихах. К ней добавлено приложение, трактующее о доходах Китая и т. д. и т. п., автор Питер Перринг Томс, Лондон, 1824. Сравните *Quarterly Review* за 1827 год, pp. 496 ff. *Le Li-Sao, Poème du IIIe Siècle avant notre ère*. Traduit du Chinois, par le Marquis d'Hervey de Saint-Denys, Paris, 1870.

[340] Нефритовая чаша Сента.

[341] В "Китайском репозитории" (т. IX, с. 508) приводится перевод предполагаемой жалобы коровы на свой печальный жребий - быть вынужденной тяжело работать и плохо жить, а затем быть разрезанной и съеденной после смерти; баллада построена в виде самого животного и ведущего его пастуха, который в своей собственной форме восхваляет счастье сельской жизни. Эта баллада - буддийский трактат, и это братство печатает множество таких трактатов на широких листах; один общий сборник молитв устроен как пагода, с изображениями Будды, сидящего в окнах каждого этажа.

[342] *Ки*, или "флаг", - так называют листочки, когда они только начинают разворачиваться; *цян*, или "шило", обозначает те листья, которые еще завернуты и имеют некоторую остроту.

[343] *Тунг* - это не совсем столб, а что-то вроде навеса или четырех столбов, поддерживающих крышу, который часто возводят жители деревень для удобства путников, чтобы они могли остановиться и отдохнуть. Иногда в нем есть скамейка или сиденье, и обычно он находится над или около источника воды.

[344] Tchao-chi-cou-eulh, ou l'Orphelin de la Maison de Tchao, tragédie chinoise, *traduite* par le R. P. de Prémare, Miss. de la Chine, 1755. Жюльен опубликовал перевод того же произведения, Париж, 1834.

[345] Со времени появления книги М. Базена "Китайский театр" (Париж, 1838) и книги Дэвиса "Горести Хана" (Лондон, 1829) в изучении китайских пьес было сделано поразительно мало. Сравните статью Ж. Ж. Ампера по этому вопросу в *Revue des Deux Mondes*, сентябрь, 1838; *The Far East*, Vol. I. (1876), pp. 57 и 90; *Chinese Repository*, Vol. VI., p. 575; *China Review*, Vol. I., p. 26; также *Lay's Chinese as They Are*, и *Dr. Gray's China*, *passim*. Лейтенант Крейтнер дает интересную картину китайского театра в провинциальном городке, а также несколько страниц о драме, зрителями которой были его товарищи. *Im fernen Osten*, pp. 595-599.

[346] Сэр Дж. Дэвис цитирует похвалу лорда Броуама этому "восхитительному наставлению", как он его назвал.

[347] *Voyage à Péking*, Vol. II., p. 173.

[348] Говорят, что когда Чингис во время своего вторжения в Китай взял какой-нибудь город, его солдаты сразу же принялись сносить четыре стены домов, оставляя нависающие крыши, поддерживаемые деревянными колоннами, и таким образом превращали их в отличные палатки для себя и своих лошадей. - *Encyclopædia Britannica*: Искусство. Китай.

[349] James Fergusson, *History of Indian and Eastern Architecture*, p. 687; сравните также *Mémoires Concernant les Chinois*, где китайская архитектура рассматривается почти в каждом томе.

[350] Зарубежная литература по этому вопросу пока скудна и не имеет большого значения. Сравните редкие и дорогие проекты китайских зданий, мебели, одежды и т.д., *сделанные с оригиналов, нарисованных в Китае* г-ном Чемберсом, Лондон, 1757, фолиант; J. M. Callery, *De l'Architecture Chinoise*, в *Revue d'Architecture*; Wm. Simpson, в *Transactions of the Royal Institute of British Architects*, 1873-74, p. 33; *Notes and Queries on China and Japan*.

[351] Странствия по Китаю, стр. 98.

[352] Сравните стр. 76 и 167.

[353] Китайский репозиторий, том X., стр. 473.

[354] Путешествия по Китаю, стр. 96.

[355] Жизнь в Китае, стр. 453.

[356] Voyages à Peking, Tome II., p. 79; Davis' Sketches, Vol. I., p. 213; Fergusson, Indian and Eastern Architecture, 1876, p. 695; Milne's Life in China, p. 429 seq.; Chinese Repository, Vol. XIX., pp. 535-540.

[357] Yule, Cathay and the Way Thither, Vol. I., p. 243.

[358] Сравните статью У. Ф. Майерса в Notes and Queries on C. and J., Vol. I., pp. 170-173 (с иллюстрациями); Mrs. Gray, Fourteen Months in Canton, passim; Dr. Edkins в Journal N. C. Br. R. A. Soc., Vol. XI., p. 123; Doolittle, Vocabulary, Part III., No. LXVIII; Engineer J. W. King в The United Service, Vol. II., p. 382 (Phila., 1880).

[359] Китайский репозиторий, т. VI, с. 149.

[360] Chinese Repository, Vol. XII., p. 528; Medhurst's Hohkeën Dictionary, Introduction pp. XXII, XXIII.

[361] Barrow's Travels, p. 338.

[362] Американская энциклопедия, Искусство. Кантон.

[363] Известно, что Хау-Чу из династии Чин в 583 году н. э. приказал леди Яо связать ноги так, чтобы они были похожи на новолуние; с тех пор эта дурная мода преобладает вопреки всем последующим запретам.

[364] Murray's China, Vol. II., p. 266. Сравните "Китайский репозиторий", т. III, с. 537; "Rec. de Mém. de Médecine milit. (Париж), 1862-63-64 passim; Chinese Recorder, Vols. I., II. и III. passim (в основном серия статей д-ра Даджена на эту тему); The Far East, February, 1877, p. 27.

[365] Нефритовая чаша, стр. 121.

[366] О китайском костюме см. Wm. Alexander, The Costume of China, illustrated, London, 1805; Mœurs et Coutumes des Chinois et leurs costumes en couleur, par J. G. Grohmann, Leipzig; Breton, China: Its Costume, Arts, etc., 4 vols., translated from the French, London, 1812; другой перевод - Auguste Borget, Sketches of China and the Chinese, London, 1842; Illustrations of China and its People. Серия из двухсот фотографий с буквенным описанием мест и людей, представленных на них, Дж. Томпсон, Лондон, 1874, 4 тома, кварто.

[367] Доктор Хобсон упоминает случай в Шанхае, когда его вызвали обследовать ребенка, едва не умершего от надуманной гидроцефалии. В ходе расследования он обнаружил, что кормилица, "молодая здоровая женщина с грудью, полной молока до краев", "имела привычку продавать свое молоко маленькими чашечками пожилым людям, полагая, что оно обладает высокими питательными свойствами, и фактически отравила ребенка, зависящего от нее". Кормилицу быстро сменили, и младенец почти сразу выздоровел.

[368] Архидиакон Грей, Китай, т. II, с. 76.

[369] Mémoires conc. les Chinois, Tome XI., pp. 78 ff. C. C. Coffin in the Atlantic Monthly, 1869, p. 747. Словарь Дулиттла, часть III, № XVIII. М. Анри Кордые в Journal des Débats, 19 ноября 1879 г. Notes and Queries on C. and J., Vol. II., pp. 11 and 26.

[370] Сравните с р. 628.

- [371] Социальная жизнь китайцев, главы II и III; Китай, гл. VII; а также "Четырнадцать месяцев в Кантоне" миссис Грей.
- [372] Китайский репозиторий, тома. IV., р. 568, и X., pp. 65-70; Annales de la Foi, No. XL., 1835.
- [373] Voyages à Peking, Tome II., р. 283.
- [374] Китайский репозиторий, том I., стр. 293.
- [375] Китай, гл. VII.
- [376] В "Справочнике Дулиттла", том III, стр. 660, приводится список названий, собранных в Фухау, которые применимы и к другим провинциям.
- [377] Мемуары доктора Моррисона, т. II, с. 142.
- [378] Китайская хрестоматия, гл. V, раздел 12, с. 182. От этой фразы произошло слово *chinchin*, которое так часто можно услышать у китайцев.
- [379] Сравните с China Review, Vol. IV, р. 400.
- [380] Chinese Repository, Vol. XV., р. 433. Книга записей, часть V., книга X., перевод Легге; также переводы Медхерста и Гобиля.
- [381] Невиус, Китай и китайцы, стр. 399-408.
- [382] Подобный обычай существовал у евреев, а теперь сохранился в современном мезузе. Втор. vi. 9. Jahn's Archæology, р. 38.
- [383] Пресвитерианская миссионерская хроника, 1846.
- [384] Сравните словарь Моррисона в разделе "Цун"; Doolittle, Social Life, Vol. II., pp. 55-60; Notes and Queries on China and Japan, Vol. II., р. 157.
- [385] В книге Грея "Китай" (т. II, с. 273) приводится изображение театра на циновке с рисунка туземцев. См. также Doolittle, Social Life, Vol. II., pp. 292-299.
- [386] Китайцы как они есть, стр. 114.
- [387] Китайский репозиторий, т. XIV, с. 335.
- [388] Темпл-Бар, том XLIX, стр. 45.
- [389] Китайский репозиторий, том X., стр. 106; Нью-Йоркский христианский еженедельник, 1878 г.
-

Примечание транскриптора

Во вступительной части повторяются номера страниц с xiii по xv.

Карта, напечатанная на с. 66, содержит две буквы "К".

Следующие очевидные ошибки были исправлены:

- стр. xiii "Географический" заменен на "Географический"
- стр. xiv "Чинчау" заменено на "Чинчеу".
- стр. xvii "6. Казнь" заменена на "6, Казнь".
- р. xxi "*Chung Kwoh Tsung-lun.*" заменено на "*Chung Kwoh Tsung-lun,*".
- р. 29 (заголовок) "WALL" заменено на "WALL".
- р. 35 "менее чем" заменено на "менее чем"
- р. 80 "interspered" заменено на "interspersed"
- р. 86 (примечание) "1840" заменено на "1840".
- р. 92 "Tsing" заменено на "Tsíning".
- р. 93 "combinatious" заменено на "combinations".
- р. 109 "Hwaichau" заменено на "Hwuichau".
- р. 114 "estward" заменено на "eastward".
- р. 159 "направление" заменено на "направление".
- р. 181 "Monhot" заменено на "Mouhot"
- р. 181 "на север" заменено на "на север".
- р. 184 "дайвинг" заменено на "вождение"
- р. 190 "Amur at at" заменено на "Amur at".
- р. 199 "owerawe" заменено на "overawe"
- р. 228 "Oigours" заменено на "Ouigours"
- р. 234 (примечание) "chinesichen" заменено на "chinesischen"
- р. 243 (примечание) "Бык" заменен на "Бык". (в двух случаях)
- р. 244 "grain the" заменено на "grain, the".
- р. 250 "nos!" заменено на "nos!".
- р. 255 "'or great" заменено на "or 'great"
- р. 279 (примечание) "Барт" заменено на "Барт".
- р. 322 "larnyx" заменено на "larynx".
- р. 282 "а также избиение.[160]" - сноска добавлена
- р. 305 "менее" заменено на "менее".
- р. 328 "окружная крыса" заменено на "деревенская крыса"
- р. 339 "insigna" заменено на "insignia"
- р. 339 "дать им" заменено на "дать им".
- р. 372 "двенадцать девять" заменено на "двадцать девять"
- р. 383 "apprehensien" заменено на "apprehension".
- р. 404 "sucseccor" заменено на "successor".
- р. 405 "tsung-shih" заменено на "Tsung-shih".
- р. 405 "Gioro" заменено на "Gioro".
- р. 412 (примечание) "р 69" заменено на "p. 69"
- р. 421 (примечание) "*Essai sur l'Instruction en Chine*" заменено на "*Essai sur l'Instruction en Chine*"
- р. 427 "throughout" заменено на "throughout".
- р. 434 "14. The Hanlin Yuen" заменено на "13. The Hanlin Yuen".
- р. 452 "обычный" заменено на "необычный"

- p. 462 "Lungchau." заменено на "Lungchau,".
- p. 509 "изгнание" заменено на "изгнание"
- p. 511 "часто" заменено на "часто"
- p. 522 "fathful" заменено на "faithful".
- p. 533 (примечание) "Berücksichtigung" заменено на "Berücksichtigung"
- p. 535 "начало" заменено на "начало"
- p. 539 "malady" заменено на "malady".
- p. 543 "центов" заменено на "центов".
- p. 543 "points" заменено на "point".
- p. 552 "средний". "А" заменено на "средний".
- p. 559 "It can" заменено на "it can".
- p. 573 "покойного" заменено на "покойного"
- p. 576 "elsewhere" заменено на "elsewhere".
- p. 577 "тенор" заменено на "тенор:".
- p. 577 "время" заменено на "время".
- p. 583 "varients" заменено на "variants".
- p. 591 "os whatever" заменено на "of whatever".
- p. 594 "понимал" заменено на "понимаю"
- p. 606 "limmers" заменено на "limners"
- p. 610 "отбойный сигнал" заменен на "отбойный сигнал"
- p. 612 "(ng) (a)" заменено на "(ng) (a)"
- p. 627 "Liang Í" заменено на "Liang Í".
- p. 683 "доминировал" заменено на "деноминирован"
- p. 687 "обеспечен" заменено на "обеспечен".
- p. 693 "коллекция" заменена на "коллекция"
- p. 694 "altogther" заменено на "altogether"
- p. 721 "enjoy's" заменено на "enjoys".
- p. 727 "иерархия" заменено на "иерархия"
- p. 751 "другой, ауди" заменено на "другой, и".
- p. 788 (примечание) "Mrs." заменено на "Mrs.".
- p. 795 "occured" заменено на "occurred"
- p. 832 "Конуфций" заменено на "Конфуций"

Архаичные или непоследовательные формулировки и пунктуация в остальном сохранены в том виде, в котором они были напечатаны. В частности, не были изменены следующие возможные ошибки:

- стр. 67 и 503 кортеж
- стр. 150 и 169 enciente
- p. 182 Ур хай или Ур море
- p. 192 crenulated
- p. 297 аллювиальная плоскость
- p. 694 бестия

В тексте непоследовательно используются следующие слова:

- Направления по компасу (например, северо-запад/северо-запад) непоследовательно переносятся через дефис
- воздушный и воздушный
- æролиты и аэролиты
- фон и задний план
- чихли и чих-ли
- кокосовые орехи и какао-орехи
- раки и раки-рыбы
- полубог и полубоги
- депо и склад
- серьги и серьги-кольца
- Édifiantes и Edifiantes
- Фасад и фасад
- первенец и перворожденный
- флагштоки и флагштоки
- Фухи и Фухи
- Зерновой завод и зернохранилище
- травяная ткань и травяная ткань и Квачау
- старосты и старосты
- штаб и штаб-квартира
- верховья и верховья
- хихиканье и хихиканье
- подкова и лошадиная подкова
- хум и хум
- Хунгцих и Хунг-цих
- приток и приток
- джих и джух
- Киханьган и Киханьган
- Килунг и Килунг
- Кисильбаш и Кисиль-баш
- Квачау и Ква-чау
- Ли-фань и Ли-фань
- Линцинг и Лин-цинг
- Лохьян и Лох-ян
- недобросовестное управление и недобросовестная администрация
- Манасарова и Манаса-рова
- сваха и сват
- Ма Цупу и Ма Цу-пу
- веселье и веселье
- Нанкау и Нан-кау
- Нинъюэнь и Нин-юэнь

- опрокинутый и опрокинутый
- Пванью и Пванью
- дождь и ливень
- вновь открыт и вновь открыт
- резюме и резюме
- гребневик и гребневая жердь
- скальные породы и скальные породы
- морское побережье и морской борт
- морское побережье и морские берега
- берег моря и морской берег
- морская капуста и водоросли
- полукруглый и полукруглый
- Шамин и Ша-мин
- Шаньхай и Шань-хай
- Шихпа и Шихпа
- Síngan и Sí-ngan
- Сининг и Си-нинг
- вывески и таблички
- шелкопряд и шелкопряды
- жесткошей и жесткошей
- Суйцин и Суй-цин
- синонимы и синонимы
- Тали и Та-ли
- Тапа и Та-па
- втрое и вчетверо
- tíjuh и tí-tuh
- Цицихар и Ци-ци-хар
- цян-киун и цян-киун
- Цупу и Цу-пу
- Тунгкван и Тунгкван
- двукратный и двукратный
- Неприхотливый и неукротимый
- Уши и Уши
- вице-губернатор и вице-губернатор
- водотоки и водоемы
- водораздел и водосбор
- благополучно и благополучно
- тачки и тележки
- широкомасштабный и повсеместный
- деревообработка и изделия из дерева
- Юэньмин и Юэньмин